

*Памяти защитников
Отечества посвящается*

Российская академия наук
Институт экономических стратегий
Центр исследования военно-стратегических
и военно-исторических проблем
Главный военно-исторический совет
Научно-экспертное бюро исторических исследований

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Под редакцией
действительного государственного советника
Российской Федерации I класса *В.А. Золотарева*

МОСКВА • ИНЭС • РУБИН • 2014

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

в двух томах

Том I

Б.Г. Путилин, В.А. Золотарев

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ДВУХ СВЕРХДЕРЖАВ

Москва
Институт экономических стратегий
2014

Главный военно-исторический совет, Главная редакционная коллегия проекта «Военная история Российского государства» и Клуб православных предпринимателей выражают искреннюю благодарность за ценную помощь в подготовке и издании книги

Артюшенко Ольге Гавриловне, Бабанину Павлу Юрьевичу, Бакуничеву Андрею Михайловичу, Барсукову Александру Михайловичу, Богуслаеву Вячеславу Александровичу, Валееву Сергею Николаевичу, Васильеву Виктору Григорьевичу, Глушкову Федору Яковлевичу, Горячеву Игорю Евгеньевичу, Захаричеву Юрию Александровичу, Зубченко Владимиру Васильевичу, Изосину Анатолию Федоровичу, Ищенко Василию Витальевичу, Кирееву Сергею Николаевичу, Ковригину Валерию Евгеньевичу, Кононенко Петру Ивановичу, Лещенко Виктору Викторовичу, Лобанову Борису Семеновичу, Махаеву Владимиру Александровичу, Надеину Владимиру Александровичу, Недовиченко Александру Андреевичу, Порпляку Александру Александровичу, Санкову Владимиру Николаевичу, Синькову Александру Николаевичу, Скрылову Дмитрию Сергеевичу, Скрылову Сергею Степановичу, Тарасову Виктору Ивановичу, Трофимову Александру Николаевичу, Уваровскому Владимиру Юрьевичу, Фоменко Алексею Николаевичу, Чкалину Валерию Александровичу, Шемякину Виктору Владимировичу,

а также руководству и сотрудникам компаний, при участии и поддержке которых было выпущено данное издание:

НП «Институт экономических стратегий», ЗАО «Амурстрой», ОАО «Мотор Сич», ЗАО «Нефтегазтеплоремонт», ООО «МНП «Электро», ООО «Трансстройинвест», ОАО «Томская механизированная колонна № 44», ООО «ИНЕКС», ООО «Транспортно-экспедиторская компания Нижегородский экспресс», ООО Компания «Тунайча», ООО «КАТОБЪНЕФТЬ», ОАО «Муромский радиозавод», ЗАО «ДСК», ООО «Спецгеологоразведка», ОАО «НПО «Стеклопластик», ООО «Предприятие «ПИК», ЗАО «ИнжЭнергоПроект», ООО «НГБ Энергодиагностика», ООО «УИ Автодор», ООО «Модер Индастри», ЗАО «НТ Бункеринг», ОАО «Дорожное эксплуатационное предприятие № 135», ООО «Альтаир», ГК «Стройпром», ФГУП «ЦНИРТИ им. академика А.И. Берга», ГАУМО «Мособлгосэкспертиза», ЗАО «Трансстроймеханизация-98», ООО «НТЦ «Нефтегаздиагностика», ЗАО «Ариада», ОАО «Дальстроймеханизация», ЗАО «Кемберлит», ООО «АМС – Мед», ООО «Диапак».

УДК 327(47)
ББК 66.4(0)
X734

Серия основана в 2009 году

**Главная редакционная коллегия проекта
«Военная история Российского государства»**

А.И. Агеев, д.э.н., профессор, академик РАЕН; **Л.А. Буланов**, член-корреспондент РАЕН; **Г.И. Загорский**, д.ю.н., профессор, академик РАЕН; **В.П. Зимонин**, д.и.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН; **В.А. Золотарев** (председатель), д.и.н., д.ю.н., профессор, академик РАЕН, вице-президент РАЕН, Президент Ассоциации историков Второй мировой войны; **А.Е. Карпов**, президент Ассоциации фондов мира; **А.В. Кирилин**, к.и.н., действительный член МАНПО; **М.Н. Кожевников**, д.ю.н., профессор, академик РАЕН; **В.Г. Кикнадзе**, к.и.н.; **Г.Э. Кучков**, член-корреспондент МАНПО; **И.И. Максимов**; **Марк**, архиепископ Егорьевский; **Н.М. Москаленко**, почетный профессор ЕАЕН, член-корреспондент МАНПО; **А.К. Никонов**, к.и.н., член-корреспондент РАЕН; **Н.А. Петухов**, д.ю.н.; **С.Н. Полтораки**, д.и.н.; профессор; **Б.Г. Путилин**, д.и.н., профессор, академик РАЕН; **О.А. Ржешевский**, д.и.н., профессор, академик РАЕН, почетный президент Ассоциации историков Второй мировой войны; **А.А. Саркисов**, академик РАН, **А.М. Соколов** (заместитель председателя), к.и.н., академик РАЕН, вице-президент Ассоциации историков Второй мировой войны; **С.Л. Тихвинский**, академик РАН, **В.Г. Тыминский**, профессор, президент ЕАЕН; **С.А. Тюшкевич**, д.ф.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН; **В.С. Христофоров**, д.ю.н., профессор, академик РАЕН; **Е.П. Чельшев**, академик РАН; **В.Е. Чуров**; **П.А. Шашкин**, к.ф.н.

Исследовательско-издательский проект «Военная история Российского государства» реализуется в рамках программы Клуба православных предпринимателей, одобренной Патриархом Московским и всея Руси Кириллом в декабре 2009 года

РПП ИНЭС Р1406/1123
ISBN 978-5-93618-203-7 (Т I)
ISBN 978-5-93618-202-0

© Б.Г. Путилин, В.А. Золотарев, 2014
© Главная редакционная коллегия, 2014
© Институт экономических стратегий, 2014
© Русский биографический институт, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	8
ГЛАВА 1. ПРЕДДВЕРИЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ	13
1.1. Союзники	14
1.2. Борьба США за мировое господство	54
1.3. Война с Японией	83
1.4. Новая военная и внешнеэкономическая политика США	86
1.5. Размежевание	101
1.6. Гонка вооружений	136
ГЛАВА 2. НАЧАЛО ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ	177
2.1. НАТО	177
2.2. Война в Корее	208
2.3. Оружие устрашения	276
2.4. Балансирование на грани войны	323
2.5. Десталинизация	372
ГЛАВА 3. БОРЬБА ЗА ТРЕТИЙ МИР	402
3.1. Крах колониализма	402
3.2. Карибский кризис	439
3.3. Война во Вьетнаме	516
3.4. В преддверии паритета	574
3.5. «Доктрина Брежнева»	620
ГЛАВА 4. СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПАРИТЕТ	671
4.1. Признание паритета	671
4.2. Разрядка напряженности	713
4.3. Война в Афганистане	746
ГЛАВА 5. ПОСЛЕДНИЙ НАТИСК	795
5.1. «Империя зла»	795
5.2. Разоружение	853
5.3. Новая архитектура безопасности	899
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	949
ЛИТЕРАТУРА	953

ВВЕДЕНИЕ

Мировая политика во второй половине XX в. определялась глобальной идеологической, геополитической и экономической конфронтацией между Советским Союзом и его союзниками, с одной стороны, и США и их союзниками — с другой. Эта конфронтация получила название холодной войны — в отличие от «горячей войны» 1939–1945 гг. Впервые этот термин употребил 16 апреля 1947 г. Бернард Барух, советник президента США Гарри Трумэна, в речи перед палатой представителей штата Южная Каролина.

Одной из главных составляющих конфронтации была идеология. Ее основная причина заключалась в глубинном противоречии установок капиталистической и социалистической моделей социального устройства общества. Две сверхдержавы — победительницы во Второй мировой войне пытались перестроить мир согласно своим идеологическим установкам. Со временем конфронтация стала элементом идеологии двух сторон и помогала консолидировать вокруг себя союзников «перед лицом внешнего врага». Она сопровождалась ведением массовой «психологической войны», целью которой была пропаганда собственной идеологии и образа жизни, а также дискредитация в глазах населения «вражеских» стран и стран третьего мира, официальной идеологии и образа жизни противоположного блока. С этой целью активно использовались нагнетание классовых, расовых и национальных противоречий.

Геополитическое противостояние проявилось в негласном разделе мира на «сферы влияния» советского и западного бло-

ков, внутри которых молчаливо допускалась возможность вмешательства с целью поддержания удобного тому или иному блоку режима. Оно требовало также сплоченности всех участников конфронтации. Вследствие этого уделялось повышенное внимание созданию политических союзов и военно-политических блоков под эгидой Соединенных Штатов и Советского Союза. Они сформировали свои сферы влияния, закрепив их созданием системы военных союзов и разветвленной сети военных баз (в первую очередь, США) на территории иностранных государств. Усилия США и СССР направлялись, прежде всего, на доминирование в военной сфере. С самого начала противостояния развернулся процесс милитаризации двух сверхдержав. Он сопровождался гонкой ядерных и обычных вооружений, то и дело угрожавшей привести к третьей мировой войне.

Внутренняя логика противостояния требовала от сторон участия в конфликтах и вмешательства в развитие событий в любой части мира. Для холодной войны было характерно частое появление «горячих» точек. Каждый локальный конфликт выносился на мировую арену благодаря тому, что противники по холодной войне поддерживали противоборствующие стороны.

В экономической сфере противоборствующие стороны делали ставку на создание экономических моделей общества, соответствующих их идеологическим воззрениям, и замкнутых экономических систем, а также сокращение экономических и гуманитарных связей между государствами с различными социально-политическими системами.

Холодная война обрушилась на человечество, когда был упущен уникальный шанс строительства прочного мира для многих поколений, появившийся после разгрома фашистских агрессоров во Второй мировой войне. Она разразилась, поскольку ее желали те силы, которым не терпелось занять место поверженных претендентов на мировое лидерство. Немало было в США и других западных странах тех, кто воспринимал взаимодействие с Советским Союзом в борьбе с фашистскими агрессорами как вынужденное, противное своим привязанностям и интересам. Некоторые из них втайне желали того, чтобы война истощила силы Германии и Советского Союза, и тогда

Поверженный рейхстаг

послевоенное устройство мира осуществилось бы по англо-американскому образцу. Нет оснований идеализировать другую сторону в оценке виновников развязывания холодной войны. В конечном счете с обеих сторон в основе политики холодной войны лежали подозрительность, имперские амбиции, силовое мышление и национальный эгоизм субъектов расточительного многолетнего противостояния.

Послевоенная история отношений двух блоков свидетельствует, что руководство СССР не реализовало полностью своего потенциала морального авторитета державы-победительницы, чтобы консолидировать все конструктивные силы во имя всеобщего мира и прогресса. Дали знать о себе имперские амбиции Сталина и его окружения. В свою очередь, США со своими партнерами, ослепленными антикоммунизмом, не захотели считаться с законными правами народов на свободный выбор своей социальной судьбы. Любые двусторонние контакты Советского Союза воспринимались американскими лидерами не иначе как происки Кремля, сеющего семена революции.

Вскоре после окончания Второй мировой войны, когда западные союзники по антигитлеровской коалиции принялись подводить ее итоги, они увидели, что, во-первых, пол-Европы оказалось в советской зоне влияния, и там ускоренно возникали просоветские режимы. Во-вторых, возникла мощная волна освободительного движения в колониях против метрополий. В-третьих, мир быстро поляризовался и превращался в двухполюсной. В-четвертых, на мировой арене начали формироваться две сверхдержавы, военно-экономическая мощь которых давала им существенное превосходство над другими. Плюс ко всему, интересы стран Запада в различных точках земного шара начинают наталкиваться на интересы СССР. Вот это новое состояние мира, образовавшееся после Второй мировой войны, быстрее других осознал Черчилль, призвав к холодной войне.

США и страны Западной Европы объединились после окончания Второй мировой войны против СССР. Советский Союз же, стремясь обезопасить себя, создал вокруг своей границы своего рода буфер, окружив себя странами, в которых по окончании военных действий сформировались просоветские правительства. Таким образом, мир был разделен на два лагеря: капиталистический и социалистический. И в том, и в другом были созданы так называемые системы коллективной безопасности — военные блоки.

Развал старых колониальных империй обострил борьбу за влияние в странах третьего мира. Это понятие вошло в политический обиход благодаря все большему влиянию неприсоединившихся стран, открыто не примкнувших ни к одной из противоборствующих сторон. Если на первых порах сам факт противостояния двух мощных систем на мировой арене привел к обвальная деколонизации (1960 г. был объявлен годом освобождения Африки), то в более поздний период сформировался круг государств, открыто и очень эффективно использующих выбор своей политической ориентации на ту или другую сверхдержаву. В известной степени сюда можно отнести страны так называемого азиатского, арабского или африканского «социалистического» пути развития. В США же была выдвинута доктрина «перехвата революции» за счет формирования национального среднего класса.

Накопленный за годы холодной войны огромный ядерный потенциал сделал бессмысленным его использование. Если на заре атомной гонки говорили «мы вас можем уничтожить, а вы нас — нет», то стали говорить «вы нас 38 раз можете уничтожить, а мы вас — 64!» Бесплодность такой политики стала очевидной, поскольку, если бы началась война и один из противников применил бы ядерное оружие, очень скоро ничего не осталось бы не только от него, но и от всей планеты. Гонка вооружений стала добровольно притормаживаться обеими сторонами. Был заключен ряд договоров, ограничивающих накопление ядерных вооружений.

Огромные затраты, которые несли сверхдержавы, не могли продолжаться бесконечно, и в итоге противостояние двух систем перешло в экономическую сферу. Именно она оказалась в конечном счете решающей. Более эффективная экономика Запада позволяла не только поддерживать военный и политический паритет, но и удовлетворять растущие потребности современного человека, которыми в силу чисто рыночных механизмов хозяйствования западные лидеры умели грамотно манипулировать. В то же время тяжеловесная, ориентированная преимущественно на производство вооружений и средств производства экономика СССР не могла, да и не собиралась конкурировать в этой области с Западом. В конце концов это отразилось на политическом уровне, СССР начал проигрывать борьбу не только за влияние в странах третьего мира, но и за влияние внутри социалистического содружества.

Перипетиям холодной войны и посвящена эта книга. Ее первый том сфокусирован на фактологической стороне холодной войны. Второй — на усилиях по историческому осмыслению ее хода, причин и последствий. Представлены уникальные документы, многие из которых публикуются впервые.

ГЛАВА 1

Преддверие ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Сущность всякой войны, в том числе холодной, состоит в применении силы или в угрозе ее применения. Современная война требует огромных моральных и материальных ресурсов. Появление дальнебойных средств поражения ликвидировало разрыв между фронтом и тылом. В Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. советский народ потерял 27 млн человек, а потери советских вооруженных сил оцениваются в 8,5 — максимум 10,5 млн человек. В огне войны погибло от 16 до 19 млн мирных жителей. Было полностью разрушено 7 тыс. городов и сел на территории СССР.

Окончание Второй мировой войны ознаменовалось появлением двух сверхдержав — Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Германия была разгромлена союзниками по антигитлеровской коалиции и потеряла политический вес. Франция продемонстрировала неспособность защитить собственный суверенитет. Экономическая мощь и политический вес Великобритании были серьезно подорваны. Советский Союз понес огромные потери. Но он был страной-победителем. Руководство СССР в силу социалистического устройства общества имело возможность использовать имеющиеся скудные ресурсы для борьбы за лидерство в мире.

Наметившееся противостояние США и СССР постепенно стало перерастать в борьбу за лидерство в международных делах. Прежде всего эта борьба вылилась в гонку вооружений. Стоило одной из сторон создать какое-либо принципиально новое оружие, как ее противница бросала все силы и ресурсы, чтобы добиться того же. Безумное соревнование затронуло все: создание новейших систем стрелкового оружия, новых танков, самолетов, кораблей и подводных лодок. Но самым драматическим было соревнование в создании ядерного оружия и ракетной техники. Гонка вооружений коснулась даже образования. После полета Ю.В. Гагарина США были вынуждены пересмотреть основы системы образования и ввести принципиально новые методы обучения.

Холодная война велась и в области культуры, спорта. Она была широко отражена в кинематографе, причем пропагандистские фильмы снимали обе стороны. Литература и средства массовой информации также превратились в поле битвы за умы и души людей. США и многие страны Западной Европы бойкотировали по политическим мотивам Олимпийские игры 1980 г. в Москве. В ответ спортсмены стран Восточной Европы не участвовали в Олимпиаде в Лос-Анджелесе в 1984 г. Все события и явления в мире рассматривались как хорошие и плохие с точки зрения одной из сторон: то, что было ей выгодно, считалось хорошим, все остальное — плохим. В этом стороны мало отличались друг от друга.

1.1. Союзники

С началом Второй мировой войны возникла коалиция, в которую вошли идеологические и политические антиподы. Для борьбы с фашистским агрессором объединились Советский Союз, Соединенные Штаты Америки и Великобритания, все страны, не желавшие подпасть под пяту немецкого фашизма и японского милитаризма.

Советский Союз в июне 1941 г. оказался вынужден отражать в одиночку агрессию фашистской Германии, опирающуюся на людской потенциал и экономическую мощь практически всей

Европы. Международное положение Советского Союза и его взаимодействие с союзниками по антигитлеровской коалиции определялись успехами, достигнутыми на фронтах Великой Отечественной войны. Ведущие союзники СССР по антигитлеровской коалиции — США и Великобритания — приняли непосредственное участие в военных действиях на главном Европейском театре военных действий лишь на пятый год Второй мировой войны.

Тесное стратегическое взаимодействие участников антигитлеровской коалиции было достигнуто только на Тегеранской конференции руководителей трех ее ведущих держав, проходившей с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. [1, с. 6, 9]. Впервые в совещании на высшем уровне участвовал И.В. Сталин. В работе конференции основными для СССР были военные вопросы, для союзников — вопросы послевоенного устройства мира. Советский Союз в первую очередь настаивал на создании второго фронта в Европе, срок открытия которого западные союзники неоднократно переносили.

Однако победы Красной Армии в 1943 г. — в Сталинградской (1942–1943) и Курской (1943) битвах и в битве за Днепр (1943) вызвали опасения у военно-политического руководства США и Великобритании, что советские вооруженные силы освободят Европу без их участия. Еще в январе 1942 г. в меморандуме, предназначенном для членов военного кабинета, тогдашний британский министр иностранных дел Иден писал: «Если предположить, что Германия потерпит поражение и германская военная мощь будет уничтожена, а Франция, по крайней мере, на протяжении длительного времени останется слабой страной, то не окажется противовеса России в Европе... Положение России на европейском континенте станет неуязвимым. Prestиж России так возрастет, что установление коммунистических правительств в большинстве европейских стран будет очень облегчено...» [2, с. 230].

Такая оценка перспективы развития военно-политической обстановки в Европе совпадала с мнением У. Черчилля. В октябре 1942 г., в то время когда Красная Армия вела кровопролитные бои под Сталинградом, он лично делился с членами кабинета своей тревогой: «Все мои помыслы обращены, пре-

жде всего, к Европе как прародительнице современных наций и цивилизации. Произошла бы страшная катастрофа, если бы русское варварство уничтожило культуру и независимость древних европейских государств» [3, с. 331] .

До Тегеранской конференции впервые вопрос об открытии второго фронта начал конкретно обсуждаться западными союзниками на конференции в верхах, проходившей 12–25 мая 1943 г. в Вашингтоне. К этому времени была успешно завершена битва под Сталинградом и находилась на завершающей стадии Северо-Африканская кампания союзников. На конференции британский премьер-министр У. Черчилль, верный своей политике сохранения позиций Великобритании в Европе, отстаивал план развертывания военных действий в направлении Сицилия — Южная Италия и на Балканах. Он выступал против высадки союзников во Франции не только в 1943 г., но и весной 1944 г. Президент США Ф. Рузвельт, напротив, подчеркивал целесообразность принятия решения о форсировании Ла-Манша и высадке в Нормандии (Франция). Тем не менее в конце концов он согласился на новую отсрочку открытия второго фронта в Западной Европе. Правительство СССР было информировано в общих чертах президентом США об этом решении. Оно выразило протест против очередной отсрочки открытия второго фронта и заявило, что «не находит возможным присоединиться к такому решению, принятому к тому же без его участия и без попытки совместно обсудить этот важнейший вопрос и могущему иметь тяжелые последствия для дальнейшего хода войны».

На Тегеранской конференции Рузвельт стоял за выполнение плана по осуществлению десанта в Нормандии. Черчилль, не возражая прямо против этого, предложил расширить операции в Италии, на Балканах и Северной Адриатике, а также способствовать вступлению в войну против Германии Турции. Это позволило бы англо-американским войскам занять Центр Европы и выйти к Черному морю. Глава советской делегации в течение всей конференции проводил мысль, что лучший результат в разгроме фашистской Германии даст удар по врагу в Северной или Северо-Западной Франции. Западные союзники согласились с советской точкой зрения, но не отказались

Тегеранская конференция. 1943 г.

от своих военно-стратегических планов в Юго-Восточной Европе. Советская делегация все же признала целесообразность предложений по действиям союзников в Средиземном море и расширению помощи югославским партизанам. В ходе дискуссии об открытии второго фронта большое значение имело заявление главы советского правительства о том, что СССР готов только после капитуляции Германии вступить в войну с Японией [1, с. 19, 21, 95, 101; 4, с. 63–66; 5, с. 74–77].

По итогам работы Тегеранской конференции были приняты три документа: Военные решения Тегеранской конференции (не подлежал опубликованию), Декларация трех держав и Декларация трех держав об Иране (были опубликованы в печати). В первом документе согласовались планы уничтожения вооруженных сил гитлеровской Германии и масштабов

и сроков операций. США и Великобритания приняли на себя обязательство провести операцию «Оверлорд» в Нормандии (Франция) в течение мая 1944 г. вместе с операцией в Южной Франции, а советская сторона — начать в это время наступление Красной Армии с целью предотвратить переброску германских сил с восточного на западный фронт. Военные штабы трех держав должны были поддерживать тесные контакты в отношении предстоящих операций в Европе. Стороны обязывались в возможно большем размере помогать борьбе югославских партизан. Участники Тегеранской конференции отметили желательность вступления Турции в войну на стороне союзников. Если же Болгария, являвшаяся союзником фашистской Германии, объявит войну Турции или нападет на нее, то Советский Союз немедленно окажется в состоянии войны с Болгарией.

Следующим шагом в согласовании планов окончательного разгрома фашистской Германии и ее союзников стала Крымская (Ялтинская) конференция, проходившая с 4 по 11 февраля 1945 г. [6, с. 6]. В ней участвовали главы правительств и государств трех союзных держав антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании. Большое значение для всех стран имело принятое на конференции соглашение по вопросам Дальнего Востока, которое предусматривало вступление СССР в войну против Японии через 2–3 месяца после окончания войны в Европе. При этом оговаривались следующие условия: сохранение существующего статус-кво Монгольской Народной Республики; возвращение Советскому Союзу Южного Сахалина и всех прилегающих к нему островов, отторгнутых у России по Портсмутскому мирному договору 1905 г., а также передача ему всей группы Курильских островов; интернационализация торгового порта Дальний (Далянь); восстановление аренды на Порт-Артур (Люйшунь) как военно-морской базы СССР; совместная эксплуатация СССР и Китая Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железной дороги [7, с. 263–276; 8, с. 76, 78, 100–106, 108, 158].

Одним из важнейших направлений взаимодействия Советского Союза с ведущими странами антигитлеровской коалиции стали поставки в СССР в рамках так называемого

ленд-лиза (от англ. lend-lease, lend — давать займы и lease — сдавать в аренду). Он выступал как компенсация неучастия США и Великобритании в военных действиях в Европе против фашистской Германии и ее союзников. Ленд-лиз представляет своеобразную программу кредитования союзников Соединенными Штатами Америки посредством поставок техники, продуктов питания, оборудования, сырья и материалов. Первый шаг к ленд-лизу был сделан США 3 сентября 1940 г., когда Соединенные Штаты передали Британии 50 старых эсминцев в обмен на британские военные базы. В начале января 1941 г. был подготовлен проект закона о ленд-лизе. 11 марта закон получил одобрение обеих палат и был подписан президентом. Спустя три часа президент подписал и две первые директивы согласно этому закону. Из всего объема поставок США странам антигитлеровской коалиции по ленд-лизу в миллиардах долларов на Великобританию пришлось до 69%, на Советский Союз — до 25%.

Суть ленд-лиза была, в общем-то, довольно проста. Согласно закону о ленд-лизе, США могли поставлять технику, боеприпасы, оборудование и прочее странам, оборона которых была жизненно важной для самих Штатов. Все поставки проходили бесплатно. Техника, оборудование и материалы, истраченные, израсходованные или уничтоженные во время войны, оплате не подлежали. Имущество, оставшееся после окончания войны и пригодное для гражданских целей, должно было быть оплачено. Что касается СССР, то обещание снабдить его необходимыми для войны материалами Рузвельт и Черчилль дали сразу же после нападения Германии на Советский Союз. 1 октября 1941 г. в Москве был подписан первый Московский протокол о снабжении СССР. Поставки были оплачены Советским Союзом золотом. Закон о ленд-лизе был распространен на СССР 28 октября 1941 г., в результате чего ему был предоставлен заем на 1 млрд долларов. В течение войны было подписано еще четыре протокола. 20 сентября 1945 г. все поставки по ленд-лизу в СССР были прекращены.

В ходе войны в СССР по ленд-лизу были поставлены сотни тысяч тонн грузов. Из США было поставлено: легких МЗА1 «Стюарт» — 1676 шт., легких М5 — 5 шт., легких М24 — 2 шт.,

средних М3 «Грант» — 1386 шт., средних М4А2 «Шерман» (с 75-мм пушкой) — 2007 шт., средних М4А2 (с 76-мм пушкой) — 2095 шт., тяжелых М26 — 1 шт. Из Англии: пехотных «Валентайн» — 2394 шт., пехотных «Матильда» MkII — 918 шт., легких «Тетрарх» — 20 шт., тяжелых «Черчилль» — 301 шт., крейсерских «Кромвель» — 6 шт. Из Канады: «Валентайн» — 1388 шт. Итого: 12 199 танков. Они составили примерно 14% всех танков, поставленных на советско-германский фронт за годы войны (86,1 тыс. танков).

Советский Союз получил 328 тыс. т алюминия. Доля ленд-лизовского алюминия от общего количества алюминия, произведенного и полученного СССР, составила около 55%. Меди в СССР было поставлено 387 тыс. т — 45% от общего производства этого металла в СССР. По ленд-лизу Союзом было получено 3606 тыс. т автопокрышек — 30% от общего количества покрышек, произведенных и поставленных в СССР. Было поставлено 610 тыс. т сахара — 29,5%, 108 млн т хлопка — 6%. Из США в СССР в годы войны было поставлено 38,1 тыс. металлорежущих станков, из Великобритании — 6,5 тыс. станков и 104 прессы. За время войны в СССР было произведено 141 тыс. металлорежущих станков и кузнечных прессов. Таким образом, доля иностранных станков составила в отечественном хозяйстве 24%. В СССР также поступило 956,7 тыс. миль полевого телефонного кабеля, 2,1 тыс. миль морского кабеля и 1,1 тыс. миль подводного кабеля. Кроме того, в СССР по ленд-лизу было поставлено 35 800 радиостанций, 5899 приемников и 348 локаторов, 15,5 млн пар армейских ботинок, 5 млн т продовольствия и проч.

Даже по основным типам поставок доля ленд-лизовской продукции в общем объеме производства и поставок в СССР не превышала 28%. В целом же доля ленд-лизовской продукции в общем объеме произведенных и поставленных в СССР материалов, оборудования, продовольствия, техники и сырья обычно оценивается в 4%. Таким образом, можно с определенной долей уверенности заявлять, что ленд-лиз не оказал решающего воздействия на возможности СССР по ведению войны. По ленд-лизу поставлялись такие типы техники и материалов, которые составили большую часть от общего производства таковых в Советском Союзе.

Стало бы критичным отсутствие поставок этих материалов? Советский Союз вполне мог перераспределить производственные усилия так, чтобы обеспечить себя всем необходимым, включая и алюминий, и медь, и локомотивы. Мог ли СССР обойтись вообще без ленд-лиза? Да, мог. Но вопрос в том, чего бы это ему стоило. Не будь ленд-лиза, СССР мог пойти двумя путями решения проблемы дефицита тех товаров, которые поставлялись по ленд-лизу. Первый путь — просто закрыть на этот дефицит глаза. В результате в армии наблюдался бы недостаток автомобилей, самолетов и еще ряда наименований техники и оборудования. Тем самым армия, безусловно, была бы ослаблена, снизился бы темп наступательных операций. Второй вариант — увеличить собственное производство поставлявшейся по ленд-лизу продукции посредством привлечения к процессу производства лишней рабочей силы. Силу эту, соответственно, можно было взять только на фронте и тем самым опять же ослабить армию. Таким образом, при выборе любого из этих путей Красная Армия оказывалась в проигрыше. Как следствие — затягивание войны и лишние жертвы с нашей стороны. Иными словами, ленд-лиз хотя и не оказал решающего влияния на исход войны на Восточном фронте, но тем не менее спас сотни тысяч жизней советских граждан.

Говоря о роли ленд-лиза в победе СССР, не стоит забывать и еще о двух моментах. Во-первых, подавляющее большинство техники, оборудования и материалов было поставлено в СССР в 1943–1945 гг. То есть уже после перелома в ходе войны. Так, например, в 1941 г. по ленд-лизу было поставлено товаров на сумму примерно 100 млн долларов, что составило менее 1% от общего объема поставок. В 1942 г. этот процент составил 27,6. Таким образом, более 70% поставок по ленд-лизу пришлось на 1943–1945 гг., а в самый страшный для СССР период войны помощь союзников была не слишком заметна. Больше половины ленд-лизировских машин (215 тыс.) были доставлены в СССР в последний год войны. Во-вторых, далеко не вся поставленная по ленд-лизу техника была использована армией и флотом. Из 202 поставленных в СССР торпедных катеров 118 так и не пришлось использовать в боевых действиях Великой

Отечественной, поскольку они были введены в строй после ее окончания. Все 26 полученных СССР фрегатов также вступили в строй лишь летом 1945 г. Аналогичная ситуация наблюдалась и с другими типами техники.

При анализе поставок ясно видно, что они незначительны для США и Великобритании, учитывая уровень их производства. И действительно, эти страны произвели 22 млн единиц стрелкового оружия, а поставили всего 150 тыс. (0,68%). Из произведенных танков союзники поставили СССР 14%. Всего в США за годы войны было произведено около 5 млн автомобилей, а в СССР поставлено около 450 тыс. — меньше 10%. И так далее. Однако нельзя не учитывать, что поставки в СССР ограничивались не производственными возможностями союзников, а тоннажем имевшихся транспортных судов. Союзники физически не располагали необходимым количеством транспортных судов для того, чтобы перевезти в СССР большее количество грузов.

Ленд-лизовские грузы попадали в СССР пятью маршрутами: посредством арктических конвоев в Мурманск, по Черному морю, через Иран, через Дальний Восток и через советскую Арктику. Наиболее известным из этих маршрутов, безусловно, является мурманский. Но через русский Север не только не проходила большая часть ленд-лизовских грузов, но этот путь даже не был главным, уступая Дальнему Востоку и Ирану (см. *табл. 1*).

Союзные поставки очень неравномерно распределялись по годам войны. В 1941–1942 гг. обусловленные обязательства постоянно не выполнялись. Положение нормализовалось начиная лишь со второй половины 1943 г. Три маршрута — тихоокеанский, трансиранский и арктические конвои — обеспечили в сумме 93,5% общих поставок. Ни один из этих маршрутов не являлся полностью безопасным.

Самым быстрым (и самым опасным) маршрутом были арктические конвои. В июле-декабре 1941 г. 40% всех поставок шло именно этим маршрутом, и около 15% отправленных грузов оказывалось на дне океана. Морская часть пути от восточного побережья США до Мурманска занимала около двух недель. Груз с северными конвоями шел также через Архан-

Таблица 1. Маршруты доставки в СССР ленд-лизских грузов в 1941–1945 гг.

Маршруты доставки	Тоннаж, тыс. т	% от общего
Тихоокеанский	8244	47,1
Трансиранский	4160	23,8
Арктические конвои	3964	22,6
Черное море	681	3,9
Советская Арктика	452	2,6
Всего	17 501	100,0

гельск и Молотовск (ныне Северодвинск), откуда по спешно достроенной ветке железной дороги грузы шли на фронт. Моста через Северную Двину еще не существовало, и для переброски техники зимой намораживали метровый слой льда из речной воды, так как естественная толщина льда (65 см зимой 1941 г.) не выдерживала нагрузки, создаваемой рельсами с вагонами. Далее груз направлялся по железной дороге на юг, в центральную тыловую часть СССР.

Тихоокеанский маршрут, обеспечивший около половины поставок по ленд-лизу, был относительно (хотя далеко не полностью) безопасным. С началом 7 декабря 1941 г. войны на Тихом океане перевозки здесь могли обеспечиваться лишь советскими моряками, а торгово-транспортные суда ходили только под советским флагом. Все незамерзающие проливы контролировались Японией, и советские суда подвергались принудительному досмотру, а иногда и топились. Морская часть пути от западного побережья США до дальневосточных портов СССР занимала 18–20 суток.

Первые поставки в СССР по Трансиранскому маршруту начались в ноябре 1941 г., когда было отправлено 2972 т грузов. Чтобы увеличить объемы поставок, требовалось провести масштабную модернизацию транспортной системы Ирана, в частности портов в Персидском заливе и трансиранской железной дороги. С этой целью СССР и Великобритания в августе 1941 г. оккупировали Иран. С мая 1942 г. поставки составляли в сред-

нем 80–90 тыс. т в месяц, а во второй половине 1943-го — до 200 тыс. т в месяц. Далее доставка грузов осуществлялась судами Каспийской военной флотилии, до конца 1942 г. подвергавшимися активным атакам немецкой авиации. Морская часть пути от восточного побережья США до берегов Ирана занимала около 75 дней. Специально для нужд ленд-лиза в Иране было построено несколько автомобильных заводов, которые находились под управлением «Дженерал Моторс» (General Motors Overseas Corporation). Самые крупные назывались ТАР I (Truck Assembly Plant I) в Андимешке и ТАР II в Хоррамшаре. Всего за годы войны с иранских предприятий в СССР было отправлено 184 112 автомобилей. Автомобили перегонялись по следующим маршрутам: Тегеран — Ашхабад, Тегеран — Астара — Баку, Джульфа — Орджоникидзе.

Следует отметить, что в годы войны существовало еще два воздушных маршрута ленд-лиза. По одному из них самолеты «своим ходом» летали в СССР из США через Южную Атлантику, Африку и Персидский залив, по другому — через Аляску, Чукотку и Сибирь. По второму маршруту, известному под названием «Алсиб» («Аляска — Сибирь»), было переброшено 7925 самолетов.

Ленд-лиз не был единственным значимым типом союзнических поставок СССР. До принятия программы ленд-лиза США и Британия поставляли СССР оборудование и материалы за наличный расчет. Однако размеры этих поставок были довольно малы. Например, с июля по октябрь 1941 г. США поставили СССР грузов всего на 29 млн долларов. Кроме того, в Британии были предусмотрены поставки в СССР грузов в счет долгосрочных кредитов. Причем поставки эти продолжались и после принятия программы ленд-лиза.

Не стоит забывать и о множестве благотворительных фондов, созданных для сбора средств в пользу СССР по всему миру. Оказывали помощь СССР и частные лица. Причем такая помощь шла даже из Африки и Ближнего Востока. Например, в Бейруте была создана «Русская патриотическая группа», в Конго — Общество медицинской помощи России. Иранский купец Рахмьян Гулам Гусейн отправил в Сталинград 3 т сушеного винограда. А купцы Юсуф Гафурики и Мамед Ждалиди передали СССР 285 голов скота.

Никакой оплаты ленд-лиза во время войны не происходило. Счет американцы предоставили странам — получательницам помощи лишь после войны. Объем долгов Великобритании перед США составил 4,33 млрд долларов, перед Канадой — 1,19 млрд долларов. Последний платеж в размере 83,25 млн долларов (в пользу США) и 22,7 млн долларов (Канаде) был сделан Великобританией 29 декабря 2006 г. Объем долгов Китая был определен в 180 млн долларов, и долг этот до сих пор не погашен. Французы расплатились с США 28 мая 1946 г., предоставив Соединенным Штатам ряд торговых преференций.

Наиболее сложным вопросом ленд-лиза для СССР является оплата. Страны, получавшие помощь по программе ленд-лиза, в соответствии с законом по ленд-лизу во время войны за эту помощь не платили. Формально они не были обязаны платить и после войны за те материалы, технику, вооружение и боеприпасы, которые были израсходованы во время войны. Платить нужно было лишь за то, что оставалось после войны в целости и могло быть использовано странами — получательницами помощи. СССР в рамках программы обратного ленд-лиза отправлял в США различные товары (в том числе 320 тыс. т хромированной руды, 32 тыс. т марганцевой руды, а также золото, платину, древесину). По некоторым данным, союзникам было предоставлено товаров и услуг в рамках обратного ленд-лиза на сумму 2,2 млн долларов. Доля обратного ленд-лиза в общем ленд-лизировском товарообороте между СССР и союзниками, по всей видимости, не превышала 3–4%.

Долг СССР был определен в 1947 г. в размере 2,6 млрд долларов, однако уже в 1948 г. эта сумма была снижена до 1,3 млрд. Тем не менее СССР платить отказался. Отказ последовал и в ответ на новые уступки США. В 1951 г. сумма долга вновь была пересмотрена и на этот раз составила 800 млн. Соглашение о порядке погашения долга по оплате ленд-лиза между СССР и США было подписано лишь 18 октября 1972 г. (сумма долга вновь была снижена, на этот раз до 722 млн долларов; срок погашения — 2001 г.), причем СССР пошел на это соглашение только при условии предоставления ему кредита. В 1973 г. СССР произвел два платежа на общую сумму 48 млн долларов, но затем прекратил выплаты в связи с введением в действие в 1974 г.

поправки Джексона-Веника к советско-американскому торговому соглашению 1972 г. В июне 1990 г. в ходе переговоров президентов США и СССР стороны вернулись к обсуждению долга. Был установлен новый срок окончательного погашения задолженности — 2030 г. и сумма — 674 млн долларов. В настоящий момент Россия за поставки по ленд-лизу должна США 100 млн долларов [9].

Важнейшим направлением взаимодействия между участниками антигитлеровской коалиции стало определение мироустройства после разгрома фашистской Германии и ее союзников. В рамках переустройства послевоенного мира американская делегация на Тегеранской конференции высказалась за создание такой международной организации после войны, которая противостояла бы опасности нарушения мира. Заинтересованность США определялась стремлением его руководства закрепить успехи, достигнутые во время военных действий, и усилить американские позиции в Азии и Латинской Америке. В ходе трехсторонних и двусторонних встреч была намечена в общих чертах международная организация по поддержанию мира после разгрома Германии. Соединенные Штаты стремились создать международную организацию, способную заменить Лигу Наций, в которой США, кстати, не участвовали.

Лига Наций была первой всемирной организацией, в цели которой входило сохранение мира и развитие международного сотрудничества. Формально Лига Наций была основана 10 января 1920 г. и прекратила существование 18 апреля 1946 г. с образованием Организации Объединенных Наций. Из 65 крупных государств, существовавших на планете в 1920 г., все, за исключением США и Саудовской Аравии (образованной в 1932 г.), в тот или иной период состояли членами Лиги. Лига Наций включала в себя государства — члены Лиги, Ассамблею, Совет, Секретариат, различные технические комиссии и вспомогательные службы. Местопребыванием главных органов Лиги была Женева (Швейцария). В Ассамблею входили представители всех государств, являвшихся членами Лиги Наций. Сессии Ассамблеи проходили ежегодно в сентябре, кроме того время от времени созывались специальные сессии. Каждый

член Ассамблеи обладал одним голосом. Ассамблея обладала широкими полномочиями и согласно Уставу была вправе рассматривать «любой вопрос, находящийся в сфере полномочий Лиги либо затрагивающий вопросы мира во всем мире». Совет был изначально предназначен для представителей 9 государств. Неучастие США сократило число членов Совета до 8. В течение последующих 20 лет эта цифра колебалась, и 1 января 1940 г. число членов Совета достигло 14. Членство в Совете могло быть постоянным, непостоянным и временным. Цель такого деления заключалась в том, чтобы предоставить право членства в Совете малым державам. Их участие в Совете осуществлялось на основе принципа ротации. В соответствии с Уставом сессии Совета проводились 4 раза в год, не считая специальных сессий. Функции Совета, определенные Уставом, были столь же широкими, как и функции Ассамблеи. Однако Совет имел исключительные права в решении проблем меньшинств, вопросов, связанных с системой мандатов, в разрешении конфликтов и применении статей Устава, посвященных вопросам коллективной безопасности. Секретариат был административным органом Лиги. Он действовал на постоянной основе и оказывал сильное воздействие на политику Лиги. Возглавлял Секретариат генеральный секретарь, являвшийся административным руководителем Лиги. Союз Советских Социалистических Республик был принят в 1934 г. и исключен в 1939 г.

Основными целями Лиги было сохранение мира и улучшение условий человеческой жизни. К числу мер, применяемых для сохранения мира, относились сокращение и ограничение вооружений; обязательства государств — членов Лиги выступать против любой агрессии; взаимные соглашения по арбитражу, юридическому урегулированию или осуществлению специальных расследований Совета; соглашения членов Лиги о взаимных действиях в применении экономических и военных санкций. В дополнение к этим основным условиям был принят целый ряд различных положений, например о регистрации договоров и защите меньшинств.

Несмотря на то что Лиге удалось урегулировать — в той или иной степени успешно — более 40 политических конфликтов,

ее усилия по разрешению основных противоречий путем использования параграфа Устава Лиги о коллективной безопасности привели к ее ослаблению и прекращению деятельности. Неспособность воздействовать на события в ходе итальянской агрессии против Эфиопии ясно продемонстрировала потенциальным агрессорам слабость механизма применения силовых решений в мирном урегулировании. Неудачи Лиги в решении политических проблем заслоняли ее достижения в социальной и гуманитарной области. Кроме того, Лига тесно сотрудничала со многими международными организациями, которые не имели с ней официальных или исторически сложившихся связей. Исключение СССР из членов Лиги в 1939 г. привело к тому, что в ее составе осталась лишь одна великая держава — Великобритания. В критические дни, предшествовавшие сентябрю 1939 г., ни одна из стран не прибегла к помощи Лиги; к январю 1940 г. Лига прекратила свою деятельность по урегулированию политических вопросов.

Предварительное решение Тегеранской конференции и решение Крымской (Ялтинской) конференции 1945 г. об учреждении всеобщей международной организации для поддержания мира и безопасности после Второй мировой войны получило развитие на переговорах членов антигитлеровской коалиции в Думбартон-Оксе близ Вашингтона. В них помимо представителей СССР, США и Великобритании официально приняли участие представители чанкайшистского Китая. Переговоры шли в два этапа. На первом, с 21 августа по 28 сентября 1944 г., участвовали делегации СССР, США и Великобритании. Вторым этапом проходил с 29 сентября по 7 октября. В нем принимали участие США, Великобритания и Китай. Советская делегация на этом этапе переговоров отсутствовала, поскольку Китай вел войну с Японией, а СССР не находился в состоянии войны с этой страной.

На конференции в Думбартон-Оксе были подготовлены предложения, которые затем легли в основу Устава ООН. Участники переговоров достигли согласия по таким вопросам, как механизм мирного разрешения споров и возможных принудительных мер, роль Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи, создание Экономического и Социального Совета, полномочия

Пока еще вместе. Ялта, 1945 г.

Генерального секретаря, предназначение Военно-штабного комитета и многим другим. Серьезную дискуссию вызвали предложения советской делегации по вопросу единогласия великих держав при решении вопросов по предупреждению или подавлению агрессии, а также по разработке понятия «агрессия». Но в целом основы Устава Организации Объединенных Наций были разработаны.

Однако ряд принципиально важных вопросов остался нерешенным, в частности о первоначальных членах организации и процедуре голосования в главном органе — Совете Безопасности. Советское предложение состояло в том, что учредителями организации должны стать государства, подписавшие 1 января 1942 г. Декларацию Объединенных Наций или впоследствии присоединившиеся к ней, а именно: СССР, США, Великобритания и государства, участвовавшие в союзе с ними в войне против фашистского блока. Однако американские представители предлагали расширить понятие «присоединившиеся нации», относя к ним и те страны, которые порвали с Германией дипломатические отношения. Идея заключалась в том, что

в этом случае учредителями становилось большинство государств Латинской Америки, и США надеялись в их лице найти достойную поддержку и опору при решении важных военно-политических вопросов. После нападения Японии в декабре 1941 г. на американский флот в Перл-Харборе (Гавайи) США и еще девять стран Центральной Америки (Гаити, Гватемала, Гондурас, Доминиканская Республика, Куба, Коста-Рика, Никарагуа, Панама, Сальвадор) объявили войну странам «оси» и подписали Декларацию Объединенных Наций от 1 января 1942 г. Три латиноамериканских государства (Венесуэла, Колумбия, Мексика) разорвали дипломатические отношения со странами «оси».

Принятие в ООН латиноамериканских государств значительно усиливало позиции США в создаваемой международной организации. Еще на совещании министров иностранных дел государств американского континента в январе 1942 г. в Рио-де-Жанейро была принята резолюция о Межамериканском совете обороны. В ее развитие в Вашингтоне был создан коалиционный орган из военных представителей США и стран Латинской Америки. На него была возложена задача изучения и предоставления рекомендаций по мерам, необходимым для обороны континента. Межамериканская конференция по проблемам войны и мира, проходившая в феврале-марте 1945 г. в столице Мексики Мехико, приняла «Чапультепекский акт». Главным итогом конференции в Мехико стало превращение слабого Панамериканского союза в военно-политическую организацию, имеющую все признаки будущего замкнутого блока [10].

В противовес американскому предложению о приеме в будущую международную организацию по поддержанию мира и безопасности включить латиноамериканских союзников СССР заявил о желательности принятия в члены организации всех союзных советских республик [11, с. 144–145]. США и Великобритания категорически не согласились с этим предложением и обратились к Сталину с просьбой не поднимать его до учреждения организации, так как в противном случае все усилия могли быть сорваны.

При создании Организации Объединенных Наций приобрело остроту обсуждение вопроса о международной опеке, то есть

о бывших колониях, управление которых осуществлялось по мандату Лиги Наций. Советский Союз однозначно выступал за предоставление независимости колониальным странам и народам. Великобритания стремилась под тем или иным предлогом сохранить свою колониальную империю. США склонялись к постепенному демонтажу колониальных владений Великобритании, Франции и Голландии. В конечном счете позиции СССР и США были согласованы и в Устав ООН были включены соответствующие положения, касающиеся колоний. Старт развалу колониальных империй был положен.

Еще одно принципиальное несогласие между СССР и западными государствами относится к процедуре голосования в Совете Безопасности. СССР считал, что по всем вопросам, связанным с предупреждением или подавлением агрессии, решения Совета Безопасности должны приниматься большинством голосов при условии согласия всех его постоянных членов (принцип единогласия). Однако представители США и Великобритании настаивали на существенной оговорке: в голосовании в Совете Безопасности не должна участвовать страна, непосредственно затронутая спором [11, с. 128, 143]. На практике это означало: если участником международного спора вдруг оказался бы СССР, то другие члены Совета Безопасности, являясь представителями и выразителями интересов совершенно другой общественно-политической и экономической формации, вероятнее всего объединились и приняли бы невыгодное для Советского Союза решение. Совершенно очевидно, что СССР был категорически против подобного предложения [11, с. 149].

Следует отметить, что после Думбартон-Окса американцы провели большую работу по выработке формулы голосования, приемлемой для всех стран Большой тройки. Еще 5 декабря 1944 г. американский президент послал Сталину и Черчиллю компромиссный вариант: как, по мнению США, необходимо решить данный вопрос. Великобритания одобрила все содержащиеся в нем положения, а Сталин попросил время на более детальное их изучение. При этом он подчеркнул: «Самое важное условие для сохранения длительного мира — это единство трех держав... Поэтому надо подумать, как лучше обеспечить единый

фронт между тремя державами, к которым следует прибавить Францию и Китай. Вот почему вопрос о будущем уставе международной организации безопасности приобретает такую важность. Надо создать возможно больше преград для расхождения между тремя главными державами в будущем. Надо выработать такой устав, который максимально затруднял бы возникновение конфликтов между ними. Это — главная задача» [6, с. 94].

Выявившиеся на конференции разногласия по процедуре решения спорных вопросов в Совете Безопасности, представительству советских союзных республик в ООН и другим вопросам были вынесены на решение ближайшей встречи в верхах. Вместе с тем было договорено, что на Совет Безопасности возлагается главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности и что все члены организации обязуются соглашаться с решениями Совета Безопасности и выполнять их в соответствии с положениями статута [11, с. 218]. Работа конференции в Думбартон-Оксе показала, что сохранилось стремление основных государств антигитлеровской коалиции к обеспечению мира и безопасности в послевоенный период. Это позволило разрешить в духе единодушия девять десятых вопросов обеспечения международной безопасности. Были созданы предпосылки для дальнейшего политического сотрудничества стран антигитлеровской коалиции [12].

Успешная работа конференции в Думбартон-Оксе определялась той политической базой, на которой создавалась антигитлеровская коалиция. Первым определяющим документом стала Атлантическая хартия, подписанная в августе 1941 г. руководителями Соединенных Штатов и Великобритании. В ней в общей форме говорилось о целях войны против фашистской Германии и ее союзников, послевоенном устройстве мира, в частности об отказе от территориальных захватов, праве народов избирать форму управления.

Отношение к Атлантической хартии было обсуждено еще на конференции в Лондоне в сентябре 1941 г. В ней приняли участие представители СССР, Австралии, Бельгии, Великобритании, Греции, Голландии, Канады, Люксембурга, Новой Зеландии, Норвегии, Польши, Чехословакии, Югославии и организации «Свободная Франция». В оглашенной на конференции декларации

ции советского правительства определялись конкретные цели и задачи антигитлеровской коалиции. В ней констатировалось, что в навязанной фашизмом войне «решаются судьбы Европы и всего человечества на многие десятилетия» и что советский народ несет «на своих плечах всю основную тяжесть борьбы против кровавого агрессора».

В декларации впервые определялись задачи всех народов и государств, сражающихся с гитлеровской Германией. Они заключались в том, чтобы «добиться скорейшего и решительного разгрома агрессоров, мобилизовать и отдать для наиболее полного решения этой задачи все свои силы, все свои средства, определить наиболее эффективные способы и методы осуществления этой цели», а также «определить пути и средства для организации международных отношений и послевоенного устройства мира». Советское правительство с особой силой подчеркивало необходимость сконцентрировать все экономические и военные ресурсы свободолюбивых народов, организовать правильное распределение всех экономических ресурсов и военного снаряжения под углом зрения быстрого и окончательного освобождения народов Европы.

В декларации указывалось на то, что СССР осуществляет и осуществляет в своей внешней политике высокие принципы уважения суверенных прав народов и что он «отстаивает право каждого народа на государственную независимость и территориальную неприкосновенность своей страны, право устанавливать такой общественный строй и избирать такую форму правления, какие он считает целесообразными и необходимыми». Советское правительство заявляло, что оно решительно отстаивало и отстаивает в качестве одного из эффективных средств борьбы за торжество названных принципов, за мир и безопасность народов «необходимость коллективных действий против агрессоров» [13, С. 163–166]. В Декларации говорилось: «Никакой будущий мир не может быть сохранен, если государства, которые угрожают или могут угрожать агрессией за пределами своих границ, будут продолжать пользоваться сухопутными, морскими и воздушными вооружениями. Впредь до установления более широкой и надежной системы всеобщей безопасности такие страны должны быть разоружены» [13, с. 177].

В развитие конференции в Думбартон-Оксе была проведена с 25 апреля по 26 июня 1945 г. Сан-Францисская конференция по выработке Устава Организации Объединенных Наций. В ней участвовало 50 государств, подписавших Декларацию Объединенных Наций от 1 января 1942 г. или присоединившихся к ней позднее и объявивших войну странам «оси» до 01.03.1945: СССР, США, Великобритания, Китай, Франция, Австралия, Аргентина, Белорусская ССР, Бельгия, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гаити, Гватемала, Гондурас, Греция, Дания, Доминиканская Республика, Египет, Индия, Ирак, Иран, Канада, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Либерия, Ливан, Люксембург, Мексика, Нидерланды, Никарагуа, Новая Зеландия, Норвегия, Панама, Парагвай, Перу, Сальвадор, Саудовская Аравия, Сирия, Турция, Украинская ССР, Уругвай, Филиппины, Чехословакия, Чили, Эквадор, Эфиопия, Югославия, Южно-Африканский Союз.

Выработка Устава Объединенных Наций осуществлялась на основе предложений, подготовленных конференцией в Думбартон-Оксе, положений о процедуре голосования в Совете Безопасности ООН, согласованных на Крымской конференции и получивших название «ялтинская формула», а также дополнений и поправок, предложенных участниками Конференции. В ходе Сан-Францисской конференции были выработаны новые положения, повышающие роль и значение Генеральной Ассамблеи ООН. Главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности Конференция возложила на Совет Безопасности ООН и предоставила ему право действовать от имени всех членов ООН «при исполнении его обязанностей, вытекающих из этой ответственности» (ст. 24). Конференция одобрила «ялтинскую формулу» голосования в Совете Безопасности и закрепила в Уставе ООН принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности. Конференция учредила Международный Суд, являющийся главным судебным органом Организации Объединенных Наций.

Документы Конференции свидетельствовали о том, что создание ООН явилось следствием воли народов к миру, результатом сотрудничества государств. Она явилась универсальным организмом по координации усилий по поддержанию и восстановлению мира. Устав закрепил адекватную систему

международной безопасности и установления господства права в международных отношениях с помощью ООН. Организация оказалась приспособленной к решению глобальных проблем: экологических, голода и нищеты [14].

Не менее важной проблемой во взаимоотношениях главных союзников по антигитлеровской коалиции был вопрос о послевоенном устройстве Европы. Советский Союз стремился легализовать границы 1939 г. и не допустить возрождения «санитарного кордона» недружественных государств у своих западных границ. Великобритания прилагала настойчивые усилия сохранить политический вес на континенте. США, в основном в ходе Второй мировой войны, выступали посредником при решении острых вопросов.

Впервые вопрос о послевоенном устройстве Европы был поднят на Тегеранской конференции. Центральное место в дискуссии заняла послевоенная судьба Германии, которая в течение предшествующих 25 лет развязала две мировые войны. Черчилль высказался за то, что Германию необходимо расчленить на несколько новых государственных образований и включить южные провинции Пруссии в дунайскую конфедерацию. Рузвельт предложил план расчленения Германии на пять государств. Сталин полагал, что невозможно уничтожить Германию как единое государство и нет никаких мер, которые могли бы исключить возможность объединения германских государств. Он предлагал не создавать новых нежизнеспособных государственных объединений и предоставить самостоятельность Венгрии и Австрии. А проблему Германии решать на путях ее демилитаризации и демократизации [15, с. 164–167].

По инициативе Черчилля был поставлен вопрос об условиях мира с союзником фашистской Германии Финляндией. Сталин заявил, что в наши условия входит восстановление действия советско-финского договора 1940 г. СССР готов отказаться от Ханко взамен на возвращение района Петсамо. Было выражено намерение потребовать возмещения натурой в половинном размере ущерба, причиненного Финляндией в этой войне, изгнания немцев из Финляндии и разрыва с Германией. Союзники согласились с необходимостью изменения советско-финской границы 1939 г. и проведения мероприятий по выводу Финлян-

Уинстон Черчилль

дии из войны. При обсуждении этого вопроса Черчилль заявил, что симпатии британцев и его лично к Финляндии в 1939 г. кардинально изменились после вступления этой страны в войну на стороне Германии. Он признал справедливым обеспечение безопасности Ленинграда и позиций Советского Союза как доминирующей морской и военно-воздушной державы в Балтийском море [1, с. 159].

Обсуждался также вопрос о месте Франции в послевоенном мире. Рузвельт высказался против поддержки де Голля и сообщил, что они вооружают 11 французских дивизий в Северной и Западной Африке под командованием Жиро, не порвавшего с коллаборационистским режимом Виши. Черчилль осторожно поддержал де Голля. Участники переговоров пришли к мнению, что французские руководящие круги должны начать воевать с немцами и не выжидать, когда им преподнесут готовую Францию на блюде.

Обсуждение послевоенного переустройства Европы не могло не затронуть вопроса о западных границах Советского Союза. Ключевым моментом при этом стало будущее Польши. Сталин высказался за восстановление и усиление Польши. Но Советский Союз отделяет Польшу от эмигрантского польского правительства в Лондоне, которое присоединилось к Гитлеру в его клевете на СССР. Западные союзники согласились в предварительном порядке, что послевоенные границы Польши должны пройти по так называемой линии Керзона на востоке и по реке Одер — на западе. Тем самым сохранялась советско-польская граница по линии, установленной в 1939 г. [16].

Рузвельт считал возможным в двусторонней встрече со Сталиным даже поставить вопрос о проведении референдума по судьбе прибалтийских государств. Он мотивировал это особенностями предстоящей предвыборной борьбы, в ходе которой вопрос о самостоятельности стран Балтии будет использован его противниками. Советский руководитель высказал удивление постановкой этого вопроса: «Литва, Эстония и Латвия не имели автономии до революции в России. Царь был тогда в союзе с Соединенными Штатами и с Англией, и никто не ставил вопроса о выводе этих стран из состава России» [1, с. 168].

Британское руководство было крайне озабочено разделом сфер влияния в Европе после разгрома гитлеровской Германии. В октябре 1944 г. в Москву с визитом прибыл Черчилль. В момент вступления Красной Армии на Балканы он предложил раздел «сфер влияния» в следующем процентном отношении: Румыния — 90% влияния России, 10% — другие; Греция — 90% влияния Британии (в сотрудничестве с США), 10% — другие; Югославия и Венгрия — 50 на 50%; Болгария — 75% влияния России, 25% — другие страны. Позднее этот список Черчилль хотел дополнить Албанией в соотношении 50 на 50% [17, с. 417, 423]. Далее эти предложения были обсуждены на уровне глав делегаций СССР и Британии и экспертов в лице министров иностранных дел. Советская сторона настаивала на признании британцами своего вклада в дело разгрома немецко-фашистских войск на Балканах и учете этого при определении «сфер влия-

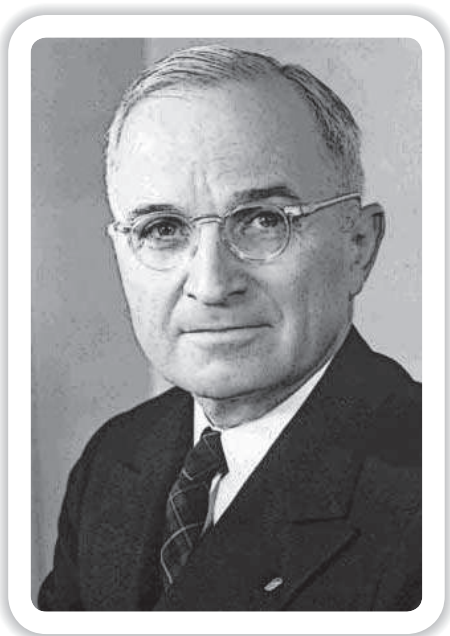
ния» [17, с. 429, 431, 433, 434]. В частности, стороны договорились о повышении процента «советского влияния» в Болгарии и Венгрии до 80%. Анализ советской позиции в развернувшейся дискуссии свидетельствует, что руководство СССР стремилось создать «пояс безопасности» из дружественных Советскому Союзу приграничных государств. При этом их внутривнутриполитическое устройство зависело, по мнению советского руководства, от расстановки политических сил в каждой стране. Силового «экспорта революции» в 1944 — начале 1945 г. советские руководители явно избегали [17, с. 436].

В конце 1944 — начале 1945 г. вопрос о Польше и ее послевоенном устройстве в межсоюзнических отношениях обострился. США и Великобритания не признавали созданное в январе 1945 г. польскими коммунистами при содействии Москвы Временное правительство этой страны (так называемое люблянское правительство). Несмотря на то что реальный контроль на территории Польши могли осуществлять теперь лишь просоветские силы, западные союзники не теряли надежду на включение лояльных деятелей в польское руководство [18, с. 16]. 24 ноября 1944 г. премьер польского правительства в эмиграции (базировалось в Лондоне) С. Миколайчик подал в отставку из-за того, что члены его кабинета настаивали на восстановлении советско-польской границы по состоянию на 1 сентября 1939 г. Переговоры же Миколайчика с Польским Национальным Комитетом, созданным при поддержке Москвы в июле 1944 г., служили прикрытием для тех элементов, которые вели террористическую деятельность против советских офицеров и вообще против советских людей на территории Польши [19, с. 324–325, 328]. Накануне конференции в Ялте, 10 января 1945 г., влиятельный член комиссии по иностранным делам американского сената А. Ванденберг в своей речи перед сенатом утверждал, что «Москва собирается отстаивать односторонние военные и мирные цели, которые расходятся с нашими целями» [19, с. 107]. Но убедить Сталина скорректировать границу между Польшей и Россией в выгодном для западных союзников направлении не удалось [18, с. 17]. Он указал, что «для русских вопрос о Польше является не только вопросом чести, но также и вопросом безопасности. Во-

просом чести потому, что у русских в прошлом было много грехов перед Польшей... Вопросом безопасности потому, что с Польшей связаны важнейшие стратегические проблемы Советского государства... На протяжении истории Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападающий на Россию» [6, с. 97–103; 17, с. 499–506].

В результате переговоров и обсуждений на Ялтинской конференции было достигнуто соглашение о реорганизации действующего Временного правительства в Варшаве на более широкой базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы. В отношении польских границ было решено, что восточная граница Польши должна идти вдоль «линии Керзона» с отступлением от нее в некоторых районах от 5 до 8 км в пользу Польши. Предусматривалось также, что Польша должна получить существенные приращения территории на Севере и Западе. На Берлинская (Потсдамской) конференции, проходившей с 17 июля по 2 августа 1945 г., западная граница Польши определялась по рекам Одер — Западное Нейсе. Польской становилась часть Восточной Пруссии, а также город Данциг (Гданьск) [20, с. 68, 471–473].

В ходе ожесточенных боев за Берлин Сталин дает свой твердый и последний ответ США и Великобритании по Польше. 25 апреля он обращается к новому американскому президенту Трумэну: «Вопрос о Польше является для безопасности Советского Союза таким же, каким для безопасности Великобритании является вопрос о Бельгии и Греции. Вы, видимо, не согласны с тем, что Советский Союз имеет право добиваться того, чтобы в Польше существовало дружественное Советскому Союзу правительство и что советское правительство не может согласиться на существование в Польше враждебного ему правительства. К этому обязывает, кроме всего прочего, та обильная кровь советских людей, которая пролита на полях Польши во имя освобождения Польши». И далее: «...надо признать необычными условия, когда два правительства — Соединенных Штатов и Великобритании — заранее сговариваются по вопросу о Польше, где СССР прежде всего и больше всего заинтересован». «Вы требуете, чтобы я отшеллся от интересов безопасности Советского Союза, но я не могу пойти против

Гарри Трумэн

своей страны». 4 мая Сталин заявил Черчиллю: «Ваша позиция исключает возможность согласованного решения по польскому вопросу». Дипломатический торг закончился, Сталин создал целый пояс безопасности из социалистических государств вдоль западных границ СССР.

В Югославии к концу 1944 г. при военной помощи СССР от фашистских оккупантов были полностью освобождены Сербия, Македония, Черногория, часть Далмации. Значительно расширились освобожденные территории в Хорватии и Словении. Освобождение Белграда, повсеместное укрепление народной власти, рост авторитета и влияния Коммунистической партии Югославии в массах привели к значительному усилению позиций Национального комитета освобождения Югославии не только внутри страны, но и на международной арене.

2 ноября 1944 г. в Белграде между Национальным комитетом освобождения и эмигрантским правительством было достигнуто соглашение об образовании единого правительства

Югославии. Постановление второй сессии Антифашистского веча народного освобождения Югославии, запрещавшее королю Петру II возвращение в Югославию, оставалось в силе. Вопрос о югославском государственном строе должно было решить после окончания войны всенародно избранное Учредительное собрание. Единое югославское правительство предполагалось сформировать из представителей Национального комитета и королевского эмигрантского правительства. Хотя соглашение носило компромиссный характер, оно означало успех демократических сил. Поэтому югославская реакция во главе с королем Петром, опираясь на поддержку Великобритании и Соединенных Штатов Америки, пыталась саботировать ноябрьское соглашение.

В феврале 1945 г. югославский вопрос обсуждался на Ялтинской (Крымской) конференции. Был принят ряд рекомендаций в отношении образования Временного объединенного правительства из представителей Национального комитета освобождения Югославии и эмигрантского королевского правительства в Лондоне, а также создания Временного парламента на основе Антифашистского веча народного освобождения Югославии и пополнения его депутатами довоенной югославской скупщины, не скомпрометировавшими себя сотрудничеством с оккупантами. Национальный комитет освобождения Югославии принял рекомендации Крымской конференции. 7 марта 1945 г. И. Броз Тито сформировал в Белграде Временное правительство Демократической Федеративной Югославии. Министром иностранных дел был назначен И. Шубашич. Кроме него в правительство вошли также двое других представителей эмигрантского правительства. Однако решающий голос в правительстве принадлежал членам Национального комитета. Правительство проводило в жизнь программу, принятую второй сессией Антифашистского веча народного освобождения Югославии. Вскоре новое югославское правительство было признано СССР, Великобританией и Соединенными Штатами Америки.

Весной 1945 г. Красная Армия осуществила успешное наступление в Венгрии и Восточной Австрии. Создались благоприятные условия для окончательного изгнания фашистских оккупантов из Югославии. К этому времени Народно-освободительная

армия была реорганизована в Народную армию Югославии и оснащена новейшим вооружением. В марте-апреле югославская Народная армия начала наступление и к 15 мая полностью освободила свою страну от фашистских захватчиков, разгромив и взяв в плен те немецко-фашистские части, которые отказались сложить оружие после капитуляции Германии и стремились пробиться на запад, чтобы сдаться англо-американским войскам.

Единственной неевропейской страной, ставшей предметом переговоров Большой тройки, стал Иран. 29 января 1942 г. в Тегеране был заключен союзный договор между СССР, Великобританией и Ираном, гарантировавший территориальную целостность последнего. А на Тегеранской конференции была принята и опубликована Декларация трех держав об Иране. Согласно ей, СССР, США и Великобритания должны были вывести войска из Ирана через полгода после окончания войны, то есть к 3 марта 1946 г.

В начале 1944 г. на фоне коренных перемен на советско-германском фронте, укрепления международного положения СССР и обострения внутренней обстановки в Иране Совет народных комиссаров СССР 6 марта обсудил вопрос «Об усилении экономической и культурной помощи населению Южного Азербайджана» и принял соответствующие решения. 3 сентября 1945 г. было официально объявлено о создании Азербайджанской демократической партии (АДП). В ее состав вошли представители всех слоев населения, а также местные организации Народной партии Ирана (партия «Туде»). Было очевидно, что в случае получения автономии иранским Азербайджаном, этнически связанным с советским Азербайджаном, политическое влияние СССР в Иране и на всем Среднем Востоке могло бы значительно усилиться. К этому времени в иранском Азербайджане (Северный Иран) и иранском Курдистане, где дислоцировались советские войска, были созданы автономные республики (в составе Ирана). Просоветски настроенные местные органы власти даже создали собственные вооруженные формирования.

В начале сентября 1945 г. АДП опубликовала обращение, в котором выдвинула требование предоставления иранскому Азербайджану автономии в области культуры и местного

управления в пределах Ирана, введения в официальное употребление азербайджанского языка, образования областных и провинциальных энджуменов и ряд других требований. 16 ноября при поддержке советских войск вооруженные формирования Демократической партии подняли восстание, выдвинув в качестве основного требования предоставление Азербайджану автономии. На следующий день иранское правительство направило в очаг восстания войска, но они были остановлены советскими частями. 20 и 21 ноября 1945 г. в Тегризе состоялись заседания Всенародного собрания, в которых участвовали 744 делегата из всех районов иранского Азербайджана. Объявив себя учредительным съездом, всенародное собрание избрало Национальный комитет в составе 39 человек, поручив ему управление внутренними делами Азербайджана и ведение переговоров с правительством о предоставлении Азербайджану национальной автономии.

Действия Азербайджанской Демократической партии, направленные фактически на раскол страны, осложнили отношения с некоторыми силами в самом Иране и с ее «покровителем» — Советским Союзом. Усилилось давление на СССР со стороны США и Великобритании. По некоторым данным, 21 марта 1946 г. был якобы направлен через советского посла в Вашингтоне ультиматум с угрозой применения атомного оружия. Советское руководство понимало, что сложившаяся ситуация могла перерасти в военное столкновение с союзниками по антигитлеровской коалиции. Тем более что к 1 января 1946 г. Иран покинули американские войска, а Лондон заявил о выводе своих частей до 2 марта. В этот же день истек срок пребывания в Иране и советских войск. Положение усугублялось также наличием английских баз в Ираке и Индии, множества американских баз, расположенных по периметру границ Советского Союза, не говоря уже о военно-морских силах Великобритании в Персидском заливе. СССР, фактически исчерпав реальные возможности поддержания сепаратистского движения в Иране к 9 мая 1946 г., вывел советские войска с иранской территории.

Принципиальное значение для послевоенного устройства в мире и Европе имело решение германского вопроса. На Те-

геранской конференции главы трех держав договорились об общей политике и планах обращения с Германией после ее безоговорочной капитуляции и оккупации ее территории союзными войсками. Предусматривалось создание союзнической администрации и «контрольного механизма в Германии», а также участие Франции в решении германской проблемы на правах четвертой союзной державы. Согласно достигнутым договоренностям Германия должна была стать после войны демилитаризованным, демократическим, миролюбивым государством. Главы союзных держав заявили, что их непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантий того, чтобы Германия никогда больше не была в состоянии нарушить мир [6, с. 64–69].

Участники Ялтинской конференции признали справедливым обязать Германию возместить ущерб в натуре в максимально возможной мере. Однако остался не урегулирован вопрос о репарациях в пользу СССР [20, с. 76–81]. Западные союзники стремились не допустить, чтобы жестоко пострадавшая в войне советская экономика (ущерб составил 2600 млрд рублей) могла бы быстро восстановиться [21, с. 228–229]. На следующей конференции в верхах в Потсдаме союзники выступили против репараций единым фронтом.

Завершающим этапом выработки основных принципов отношений держав-победительниц с побежденной Германией стала Берлинская (Потсдамская) конференция, проходившая с 17 июля по 2 августа 1945 г. В ней участвовали руководители СССР, США и Великобритании. Ее решения закрепили победу стран антигитлеровской коалиции 1941–1945 гг. над фашистской Германией. Были также обсуждены в последний раз с участием глав государств и правительств проблемы послевоенного устройства Европы¹.

К началу работы Потсдамской конференции усилились противоречия между США и Великобританией, с одной стороны, и СССР — с другой. Однако правительства западных государств были вынуждены считаться с ростом международного авторитета СССР, наличием общего противника в лице

¹ Известия, 1945, 18 июля; [20, с. 15].

милитаристской Японии. Центральное место в работе конференции заняли вопросы демилитаризации, демократизации и денацификации Германии. Ее важнейшим достижением явилось принятие политических и экономических принципов, которыми было необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период. Три державы подтвердили, что «германский милитаризм и нацизм будут искоренены» с тем, чтобы угроза агрессии никогда больше не исходила с немецкой земли. Целями оккупации объявлялись: полная демилитаризация и разоружение Германии — упразднение всех ее сухопутных, морских и воздушных вооруженных сил, силовых структур — СС, СА, СД и гестапо со всеми их организациями, штабами и учреждениями, учебными заведениями, военными и полувоенными организациями, а также уничтожение или сдача союзникам всего вооружения и снаряжения.

Предполагалась перестройка политической жизни в Германии на демократической основе, в том числе ликвидация национал-социалистской (фашистской) партии, ее филиалов, подконтрольных организаций и учреждений, чтобы полностью исключить их возрождение; отмена всех нацистских законов, служивших интересам фашистского режима; запрещение и предотвращение нацистской и милитаристской пропаганды; предание суду военных преступников и всех тех, кто участвовал в планировании и осуществлении нацистских зверств; удаление всех активных нацистов с государственных и общественных постов, а также с ответственных должностей в частных фирмах.

Должны были быть проведены: реорганизация в соответствии с принципами демократии системы образования, правосудия и местного самоуправления; разрешение и поощрение деятельности демократических политических партий; обеспечение уважения общедемократических свобод. Экономические принципы в отношении Германии, рассматривавшейся как единое экономическое целое, предусматривали: ликвидацию всей военной промышленности; запрещение производства вооружения, военного снаряжения, военных самолетов и морских судов всех типов; ограничение и строгий контроль

за производством металлов, изделий машиностроения, химических продуктов и других предметов, необходимых для военной экономики; уничтожение чрезмерной концентрации промышленности в форме картелей, синдикатов, трестов [20, с. 462–467, 484–489].

В результате переговоров делегации решили, что все четыре державы получают репарации из своих зон оккупации и за счет германских вложений за границей, СССР дополнительно к этому — 25% всего изымаемого из западных зон промышленного оборудования (из них 15% — в обмен на эквивалентные поставки угля, продовольствия и других товаров). Из своей доли репараций СССР удовлетворял репарационные претензии Польши. По предложению делегации СССР было принято решение о разделе поровну между СССР, США и Великобританией германского военно-морского и торгового флота не позднее 15 февраля 1946 г. (большая часть подводных лодок по предложению британской делегации подлежала потоплению) [20, с. 467–471; 489–491].

На конференции было принято решение о передаче Советскому Союзу Кенигсберга (с 1946 г. — Калининград) и прилегающего к нему района [20, с. 68, 471–473]. В ходе работы конференции делегации союзников СССР по антигитлеровской коалиции неоднократно выступали против усиления советского влияния в государствах Центральной и Юго-Восточной Европы и требовали немедленной «реорганизации» правительств Румынии и Болгарии как условие их признания. Делегация СССР решительно выступила против такой позиции западных держав. На конференции был учрежден Совет министров иностранных дел, на него конференция возложила подготовку мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией [20, с. 475–477; 478; 482–483].

Конференция завершилась подписанием главами государств и правительств СССР, США и Великобритании Протокола (1 августа 1945 г.) и Сообщения (2 августа 1945 г.) о Берлинской конференции трех великих держав. В первых числах августа основные соглашения были направлены Франции с предложением присоединиться к ним. Французское правительство дало свое принципиальное согласие.

*Союзники.
Потсдам, 1945 г.*

В документах Берлинской конференции были закреплены итоги Второй мировой. Произошел раздел сфер влияния. Запад признал справедливость СССР на укрепление своего влияния в Центральной и Восточной Европе в интересах обеспечения безопасности, но был решительно против прихода к власти в этих странах коммунистических режимов. Семена кризиса антигитлеровской коалиции стали предтечей холодной войны. На Потсдамской конференции четко проявилось стремление ее участников к разграничению и расширению собственных сфер влияния. Означало ли это неизбежность разделения Европы и мира на два блока? В определенной степени — да. Конфронтация, нараставшая в отношениях членов Большого союза, носила все чаще не идеологический, а геополитический характер. Однако отношения бывших союзников вовсе не обязательно должны были приобрести ожесточенный характер холодной войны. Добрая воля политического руководства стран коалиции могла обеспечить, чтобы геополитическое противостояние разрешалось цивилизованно и не ввергало мир в новую «горячую войну».

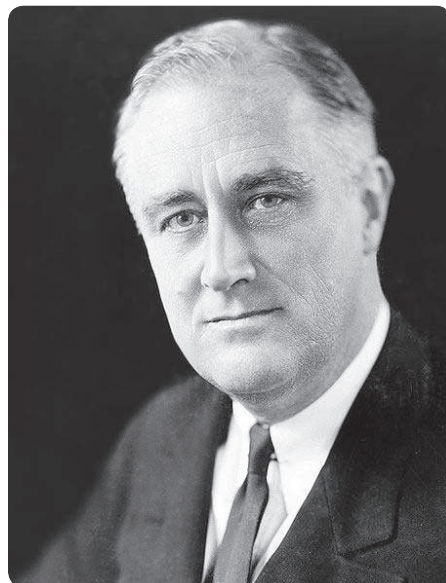
В июне 1945 г. в Берлине союзниками была принята «Декларация о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии Правительствами СССР, Соединенного Королевства и США и Временным Правительством Французской Республики» [22]. Согласно Декларации, верховная власть в Германии должна была осуществляться главнокомандующими вооруженных сил СССР, США, Соединенного Королевства и Французской Республики, каждым в своей зоне оккупации, по инструкциям своих соответствующих правительств, а также совместно по вопросам, затрагивающим Германию в целом, действующим в качестве членов Контрольного Совета [23].

В эти же месяцы 1945 г. произошли и иные события, которые оказали влияние на последующие десятилетия мировой истории, развернули ее от курса на сотрудничество трех союзных держав к конфронтации Великобритании и США с Советским Союзом.

Первое из них — кончина 12 апреля 1945 г. президента США Ф. Рузвельта, арбитра в дискуссиях Большой тройки и конфликтах между Сталиным и Черчиллем. С кончиной Рузвельта в американском руководстве усилились позиции правых прагматиков, приведшие к смене политического курса США, советско-американскому противостоянию и повышению опасности мирового конфликта.

Второе — обострение с разгромом Германии борьбы СССР, Великобритании и США за послевоенные сферы влияния в Европе и мире. В этой борьбе каждая из стран преследовала свои геополитические цели. Советский Союз стремился включить в орбиту своего влияния страны, освобожденные Красной Армией, прежде всего приграничные с СССР государства, способствуя установлению здесь власти дружественных СССР правительств. Великобритания ставила целью вновь обрести при поддержке США свои довоенные позиции в этих странах, добиться прихода в них к власти правительств прозападной ориентации, что рассматривалось советским руководством как угроза возрождения «санитарного кордона» и потенциальной военной опасности на границах СССР.

Третье — изменение соотношения военных сил между великими державами в результате монопольного овладения

Франклин Рузвельт

США атомным оружием. Расчеты на его использование в качестве средства политического давления и военных угроз привели к послевоенной гонке вооружений, череде локальных войн и военно-политических кризисов международного масштаба.

Воздействие указанных изменений на межсоюзнические отношения и международную обстановку было однозначно негативным. Этому противостояли сложившиеся в годы войны отношения многостороннего сотрудничества великих держав, их совместных усилий и жертв в борьбе с общим врагом, направленные на дальнейшее развитие экономического, политического и военного сотрудничества. Борьба этих двух тенденций во многом определила ход мировой политики в послевоенные десятилетия [17, С. 514] .

Но во время Берлинской (Потсдамской) конференции Вторая мировая война еще не закончилась и союзники по антигитлеровской коалиции не могли перейти к открытой конфронтации при решении спорных вопросов. Во исполнение

своего союзнического долга 9 августа ударные группировки советских войск атаковали японские войска с суши, воздуха и моря. В течение 10 дней части и соединения Красной Армии фактически разгромили стратегическую группировку японских войск в Манчжурии и Северной Корее. В ночь на 15 августа 1945 г. император Японии принял решение о немедленном прекращении военных действий и капитуляции. В тот же день, 15 августа, президент США Г. Трумэн направил Сталину для согласования текст проекта так называемого Общего приказа № 1. В нем устанавливалась процедура принятия капитуляции вооруженных сил Японии. В своем ответе советский руководитель просил американского президента включить в данном приказе в район сдачи японских войск советским войскам северную половину острова Хоккайдо. 18 августа от Трумэна была получена телеграмма с отказом внести коррективы в отношении капитуляции японских войск на Хоккайдо и указанием на то, что задача ее принятия возложена на американские оккупационные войска [24, с. 322].

Несмотря на объявленную японским императором 15 августа по Токийскому радио капитуляцию, вооруженные силы Японии продолжали оказывать упорное сопротивление советским войскам в Маньчжурии, Корее, на Сахалине и Курилах. Эти обстоятельства и побудили Сталина подтвердить 20 августа приказ о подготовке высадки советских войск на спорный японский остров Хоккайдо, который, поскольку война еще не была закончена, являлся с военной точки зрения составной частью продолжавшихся военных действий. Высадка советских войск на о. Хоккайдо способствовала бы ускорению разгрома японских войск. Но она могла бы иметь далеко идущие политические последствия. Согласованная в последние дни Потсдамской конференции линия разграничения зон военных действий советских и американских вооруженных сил проходила севернее о. Хоккайдо¹. 22 августа 1945 г. Верховный главнокомандующий Красной Армии приказал приостановить подготовку к высадке на о. Хоккайдо².

¹ ЦАМО. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 2. Л. 391–393, Д. 8. Л. 154–155.

² Там же. Д. 9. Л. 61.

Тем временем военные действия советских войск против Японии стали носить все чаще очаговый, хотя порой и ожесточенный характер. Войска японских гарнизонов на Южном Сахалине, а также на Курильских островах продолжали оказывать ожесточенное сопротивление. В связи с этим сложилась парадоксальная ситуация: Квантунская группировка войск капитулировала, пленение ее личного состава завершилось. Северная Корея к середине последней декады августа была освобождена, примерные сроки капитуляции Японии согласованы, а многие японские гарнизоны Южного Сахалина и Курильских островов еще не были разоружены. Если акт о капитуляции Японии оказался бы подписанным до того, как будут разгромлены или нейтрализованы гарнизоны на островах, а ближайшая задача войск на острове Хоккайдо не будет выполнена, могла сложиться весьма невыгодная для Советского Союза ситуация. Во-первых, придется прекратить боевые действия на Хоккайдо и отвести свои войска на Сахалин, во-вторых, южная часть Курильских островов могла остаться в ведении Японии или США. Это существенно затруднило бы выход в Мировой океан кораблей Тихоокеанского флота, так как Советский Союз останется без незамерзающих проливов, что, кстати, создавало для него огромные трудности на протяжении всей Великой Отечественной войны [24, с. 323]. И все же 2 сентября в 9 час. 04 мин. на борту американского линкора «Миссури», находившегося в Токийском заливе, был подписан Акт о капитуляции Японии.

После капитуляции Японии на территории Китая фактически существовали два режима, имевшие свои вооруженные силы в районах, контролировавшихся Гоминьданом, и в освобожденных районах, находившихся под руководством Коммунистической партии Китая (КПК). Соединенные Штаты встали на путь открытой односторонней помощи Гоминьдану [25]. Советский Союз ориентировался на КПК. Освобожденная советскими войсками совместно с воинами Монгольской Народной Республики Маньчжурия превратилась в прочный тыл войск, руководимых компартией [26].

Гоминьдан спровоцировал осенью 1945 г. гражданскую войну в Китае [27]. По предложению советского правительства в декабре 1945 г. на Московском совещании министров ино-

*Подписание Акта о капитуляции Японии
на борту американского линкора «Миссури»*

странных дел СССР, США и Великобритании было обсуждено положение в Китае и принято решение, в котором руководители внешнеполитических ведомств «подтвердили свою верность политике невмешательства во внутренние дела Китая» [22. Т. 1, с. 375], признали необходимость прекращения гражданской войны в Китае, объединения и демократизации всех органов Национального правительства Китая. На отдельном совещании министров иностранных дел СССР и США было достигнуто «полное согласие в отношении желательности вывода из Китая советских и американских сил в возможно кратчайшие сроки» [22. Т. 1, с. 376]. Хотя американское правительство и не вывело свои войска из Китая, оно не решилось на развязывание прямой интервенции против районов, которые контролировались Коммунистической партией Китая.

В 1946 г. активизировались греческие повстанцы, руководимые коммунистами и подпитываемые поставками оружия из Албании, Югославии и Болгарии, где уже находились у власти коммунисты. На Лондонском совещании министров иностранных дел СССР потребовал предоставления ему права на протекторат над Триполитанией (Ливией), чтобы обеспечить присутствие в Средиземноморье. Во Франции и Италии компартии стали самыми крупными политическими партиями, коммунисты вошли в состав правительств. После вывода из Европы основной части американских войск СССР превратился в доминирующую военную силу в континентальной Европе.

* * *

Успех антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне зависел от решения двух основных задач. Во-первых, только разгром фашистской Германии и милитаристской Японии обеспечивал мирное развитие после войны. Во-вторых, сохранение послевоенного мира зависело от того мироустройства, условия которого выработают члены коалиции.

Советский Союз вынес основную тяжесть войны с фашистской Германией и ее сателлитами. Его союзники непосредственно включились в их разгром менее чем за год до окончательной победы. Компенсацией неучастия США и Великобритании в военных действиях в Европе были поставки техники, продуктов питания, оборудования, сырья и материалов по программе ленд-лиза. Ленд-лиз не оказал решающего влияния на исход войны на Восточном фронте, но тем не менее способствовал повышению боеспособности Красной Армии. Соединенные Штаты сыграли решающую роль в разгроме милитаристской Японии. Вклад СССР состоял в нанесении поражения основным силам японских сухопутных войск на завершающем этапе войны.

Основы миропорядка во второй половине XX в. были определены руководителями Советского Союза, Соединенных Штатов и Великобритании в годы Второй мировой войны. Ими была основана международная организация по обеспечению мира и безопасности на планете — Организация Объединенных Наций. СССР смог добиться признания границ 1939 г. в Европе, права на возвращение захваченных Японией территорий после

войны 1905 г. Он отстоял свои позиции по польскому вопросу, а также в Югославии и Монголии. Эти внешнеполитические успехи были достигнуты лишь вследствие крайней заинтересованности союзников по антигитлеровской коалиции во вкладе Советского Союза в разгром фашистской Германии и милитаристской Японии.

Соединенные Штаты ориентировались на послевоенное доминирование в мире. Они были инициаторами создания Организации Объединенных Наций и стремились обеспечить контроль над ней за счет государств, которые могли контролировать. Целью Великобритании было сохранение Британской империи и укрепление взаимодействия с США, создавая противовес Советскому Союзу. Основные усилия она сосредоточила на сохранении своего влияния на европейском континенте, в том числе за счет привлечения Франции в число держав-победительниц, и разделении сфер влияния.

В документах Берлинской конференции 1945 г. были закреплены итоги Второй мировой. Три державы подтвердили, что «германский милитаризм и нацизм будут искоренены» с тем, чтобы угроза агрессии никогда больше не исходила с немецкой земли. Предполагалась перестройка политической жизни страны на демократической основе. Германия рассматривалась как единое экономическое целое. Произошел раздел сфер влияния. Запад признал справедливость СССР на укрепление своего влияния в Центральной и Восточной Европе в интересах обеспечения безопасности, но был решительно против прихода к власти в этих странах коммунистических режимов. Семена кризиса антигитлеровской коалиции стали предтечей холодной войны. На конференции четко проявилось стремление ее участников к разграничению и расширению собственных сфер влияния.

1.2. Борьба США за мировое господство

Первым шагом к мировому господству на международной арене в середине XX в. стало установление особых отношений США с Великобританией. Их основы были заложены в так на-

зываемой Атлантической хартии. Она была принята по результатам конференции президента США Ф. Рузвельта и премьер-министра Великобритании У. Черчилля 14 августа 1941 г. В ней были обнародованы следующие общие принципы национальной политики обеих стран.

1. США и Великобритания не стремятся к территориальным или другим приобретениям.

2. Они не согласятся ни на какие территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов.

3. Они уважают право всех народов избирать себе форму правления, при которой они хотят жить; они стремятся к восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем.

4. Соблюдая должным образом свои существующие обязательства, они будут стремиться обеспечить такое положение, при котором все страны — великие или малые, победители или побежденные — имели бы доступ на равных основаниях к торговле и к мировым сырьевым источникам, необходимым для экономического процветания этих стран.

5. Они стремятся добиться полного сотрудничества между всеми странами в экономической области с целью обеспечить для всех более высокий уровень жизни, экономическое развитие и социальное обеспечение.

6. После окончательного уничтожения нацистской тирании они надеются на установление мира, который даст возможность всем странам жить в безопасности на своей территории, а также обеспечить такое положение, при котором все люди во всех странах могли бы жить всю свою жизнь, не зная ни страха, ни нужды.

7. Такой мир должен предоставить всем возможность свободно, без всяких препятствий плавать по морям и океанам.

8. Они считают, что все государства мира должны по соображениям реалистического и духовного порядка отказаться от применения силы, поскольку никакой будущий мир не может быть сохранен, если государства, которые угрожают или могут угрожать агрессией за пределами своих границ, будут продолжать пользоваться сухопутными, морскими и воздушными вооружениями.

Черчилль и Рузвельт считают, что впредь до установления более широкой и надежной системы всеобщей безопасности такие страны должны быть разоружены. Англия и США будут также помогать и поощрять все другие осуществимые мероприятия, которые облегчают миролюбивым народам избавление от бремени вооружения [22. Т. 1, с. 147–148].

Заключение Атлантической хартии ознаменовало усиление вовлеченности Соединенных Штатов в мировую политику. Хартия стала краеугольным камнем трансатлантической солидарности западных стран после Второй мировой войны. В сентябре 1943 г. в письме фельдмаршалу Смэтсу Черчилль писал, что, по его мнению, гарантом «хороших отношений и дружественного равновесия» между Западом и Россией, которая станет после Второй мировой войны «величайшей в мире сухопутной державой», может быть «хотя бы на период восстановления» тесный союз «Британского Содружества наций и Соединенных Штатов, а также их морская и воздушная мощь» [28].

Материальной основой укрепления союза Соединенных Штатов и Великобритании в военные годы стал ленд-лиз. Это была своеобразная программа кредитования союзников Соединенными Штатами Америки посредством поставок техники, продуктов питания, оборудования, сырья и материалов. Начиная с 1940 г. «нейтральные» американцы начали проявлять все возрастающий интерес к вопросам обороноспособности своего потенциального военного союзника. С этой целью в июле в Лондон были направлены военная и морская миссии для «предварительных переговоров», а чуть позже — уже для конкретного изучения оборонительных сооружений внутри страны и на побережье. Первый шаг к ленд-лизу был сделан США 3 сентября 1940 г., когда американцы передали Великобритании 50 старых эсминцев в обмен на британские военные базы. В январе 1941 г. в Вашингтоне начались секретные переговоры представителей военного руководства обеих стран с целью выработки общей стратегии действий. А уже в марте того же года американские офицеры посетили с секретной миссией Великобританию, чтобы выбрать базы для своих эскортных кораблей и авиации, и работы по их оборудованию начались немедленно.

Принятием 11 марта 1941 г. Конгрессом закона о ленд-лизе было фактически окончательно преодолено сопротивление американских «изоляционистов», препятствовавших втягиванию Вашингтона в орбиту политики Лондона, уже ввязавшегося в войну с Германией и ее сателлитами по всему миру. Теперь, по мере того как вооружение поступало с американских военных заводов, оно должно было делиться, в общем, поровну между американскими вооруженными силами, с одной стороны, и британскими и канадскими — с другой. Тем самым были устранены столкновения интересов британских и американских военных, постоянно оспаривавших приоритеты размещенных заказов для нужд национальной обороны. Закон стал наиболее важным шагом в рамках формирующегося военного союза США с Великобританией в тот период.

Особый характер взаимодействия между США и Великобританией во Второй мировой войне проявился также в военной сфере. Уже в конце декабря 1941 г. в Вашингтон официально прибыл британский премьер Черчилль в сопровождении начальников штабов видов вооруженных сил. Цель первой союзнической конференции по военным вопросам, получившей условное название «Аркадия», состояла в организации реальной системы, которая позволила бы американским и британским начальникам штабов эффективно действовать как единый орган управления. Суть достигнутой договоренности сводилась к тому, что каждый из британских начальников штабов видов ВС должен был назначить своего представителя в Вашингтоне, дабы работать в тесном контакте со своими американскими коллегами. Во исполнение этой договоренности для координации военных действий весной 1942 г. был создан Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ) США и Великобритании. При этом в комитете был сформирован новый орган управления англосаксонскими вооруженными силами, получивший название Объединенного (многонационального) англо-американского штаба.

ОКНШ находился в Вашингтоне, но подчинялся одновременно главам союзных государств. В него вошли представители Британского комитета начальников штабов и Объединенного комитета начальников штабов США, который был создан в июле

1942 г. Британский комитет начальников штабов состоял из начальника имперского Генштаба (председатель), начальников штабов ВВС и ВМС, начальника штаба при министерстве обороны и начальника штаба совместных операций. Примерно таким же был состав Объединенного комитета начальников штабов Соединенных Штатов. Характерно, что уже в 1944 г. американское военное ведомство рассматривало как основного соперника СССР. В меморандуме объединенного комитета начальников штабов США, направленного 3 августа 1944 г. государственному секретарю К. Хэллу, констатировалось: «После поражения Японии первоклассными военными державами останутся только Соединенные Штаты и Советский Союз... Относительная мощь и географическое положение этих двух держав исключают возможность нанесения военного поражения одной из них другой, даже если на одной из сторон выступит Британская империя»¹.

ОКНШ стал работать под непосредственным руководством президента США и премьер-министра Великобритании. Этот орган управления с его сложной, разветвленной организацией штабных офицеров всех рангов стал фактически распоряжаться всеми ресурсами обеих стран. Весьма примечательно, что русских не пригласили участвовать в работе этого союзнического органа управления под предлогом «наличия у них отдельного самостоятельного фронта, и поэтому не было нужды... увязывать работу англо-американских штабов с русскими». К тому же, по мнению Черчилля, участие русских в заседаниях обоих органов свелось бы к монотонным требованиям скорейшего открытия второго фронта в ущерб другим вопросам, да и ни один из высокопоставленных советских генералов не владел английским языком, а работа с переводчиком только затруднила бы выработку и принятие оперативных решений. (Впрочем, и Сталин не особо настаивал на участии представителей советского военного командования в обоих органах союзнического управления войсками.) Объединенный КНШ за время войны провел около 200 официальных совещаний, в ходе

¹ Цит. по: *Matloff M. Strategic Planning for Coalition Warfare 1943–1944.* Wash., 1959. P. 524.

которых решались задачи, не только касавшиеся непосредственного планирования операций и управления войсками, но и многие другие, включая формирование единой позиции накануне обсуждения стратегических вопросов с русскими союзниками, а также устранение постоянно возникавших между военными обеих стран разногласий и споров по тем или иным проблемам.

Не менее важным в особом характере отношений США и Великобритании в годы Второй мировой войны стало подключение британских ученых к разработке атомного оружия. В ходе конференции в Квебеке США и Великобритания 19 августа 1943 г. заключили секретное соглашение о сотрудничестве в создании атомной бомбы. Военно-политическое руководство обеих стран понимало, что это оружие способно обеспечить победу в войне в кратчайшие сроки. Премьер-министр Великобритании Черчилль видел в атомной бомбе средство не только укрепления обороноспособности страны, но и обеспечения ее будущего как великой державы [15, с. 13, 16].

Первой в будущую гонку ядерных вооружений включилась Великобритания. Выход вермахта на берег Ла-Манша в середине 1940 г. поставил ее на грань военной катастрофы. Возникла угроза потери суверенитета Великобритании. Было решено незамедлительно приступить к осуществлению комплекса мер по созданию атомной бомбы. В июне 1941 г. устанавливаются контакты британских и американских ученых по использованию урана для производства атомной бомбы. В декабре 1941 г. в день вступления США во Вторую мировую войну в Беркли (Калифорния) был получен уран-235, необходимый для производства атомной бомбы. В марте 1942 г. американский президент принял решение передать работы над атомной бомбой под управление вооруженных сил. Они получили название «Манхэттенский инженерный проект», в котором были задействованы предприятия и научные центры в 19 штатах США и в Канаде. Работы велись в обстановке строжайшей секретности. Об этом проекте не был поставлен в известность даже конгресс Соединенных Штатов. Об СССР не шло и речи.

В ходе переустройства мира Соединенные Штаты ставили перед собой задачу добиться монопольного положения на ми-

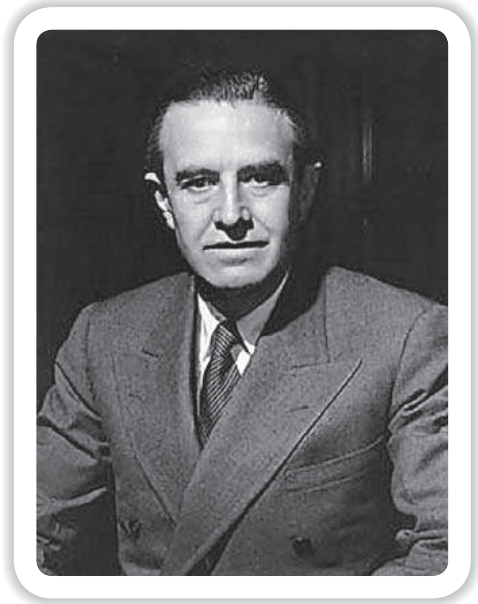
ровой арене. Для этого предполагалось снизить международный статус Германии и Японии и потеснить Великобританию и Францию, а также не допустить роста влияния СССР в Восточной Европе и прилегающих к ней государствах на юге и востоке [29]. Целью Великобритании было сохранение Британской империи, укрепление взаимодействия с США, создавая противовес Советскому Союзу, а также недопущение роста советского влияния в Польше, Чехословакии и на Балканах [30].

Так, в октябре 1942 г., в то время когда Красная Армия вела кровопролитные бои под Сталинградом, Черчилль так оценивал перед членами кабинета перспективы развития военнополитической обстановки в Европе: «Все мои помыслы обращены, прежде всего, к Европе как прародительнице современных наций и цивилизаций. Произошла бы страшная катастрофа, если бы русское варварство уничтожило культуру и независимость древних европейских государств» [3, с. 331].

По мере приближения победы над фашистской Германией в сознании некоторой части представителей военнополитического руководства союзных России держав в образе врага стала выступать не столько Германия, сколько Россия. Особо активную антисоветскую позицию занимал британский премьер. Близкий к Черчиллю лорд Моран в августе 1944 г. записал в своем дневнике: «Он (Черчилль. — *Прим. авт.*) перестал упоминать Гитлера в эти дни. Он то и дело твердит об опасности коммунизма. Ему без конца мерещится Красная Армия в виде раковой опухоли, поражающей одну страну за другой» [31, с. 228]. Отношение премьер-министра к СССР не могло не повлиять на позицию военного руководства Великобритании. В Комитете начальников штабов (КНШ) и штабе уже в конце лета 1944 г. при подготовке документов по послевоенной проблематике стали учитывать возможную конфронтацию с Россией.

Росло напряжение и в американо-советских отношениях. Президент Рузвельт, который в ходе войны придерживался мнения, что «США и Советский Союз разделяет идеологическая бездна, но объединяет мост государственных интересов», в своем послании к Конгрессу 6 января 1945 г. о положении страны был вынужден признать: «Мы неизбежно больше осознаем разногласия между победителями» [32, с. 105].

Уильям
Аверелл Гарриман

Разница в интересах породила трения между союзниками. 5 апреля 1945 г. Сталин узнал, что госсекретарь США Гарриман заявил в Конгрессе, будто в послевоенное правительство в Польше никто из люблинских представителей не войдет. Разумеется, что его возмутило заявление государственного департамента. Советский руководитель известил Рузвельта, что выступление Гарримана идет вразрез с ялтинскими договоренностями. «Нам нужны дружественные отношения с Польшей, — писал Сталин, — и мы настаиваем на этом». Тем самым подчеркивалась роль СССР в решении судеб государств, граничащих с Советским Союзом и освобождаемых советскими солдатами. В это время Красная Армия, преодолевая ожесточенное сопротивление вермахта, продвигалась по Германии. Сталин пишет в своем письме от 7 апреля 1945 г.: «Трудно согласиться с тем, что отсутствие сопротивления со стороны немцев на западном фронте объясняется только тем, что они оказались разбитыми. У немцев имеется на восточном фронте 147 дивизий. Они могли бы без ущерба для своего дела снять с восточного фронта 15–20 дивизий и перебросить их на

помощь своим войскам на западном фронте. Однако немцы этого не сделали и не делают. Они продолжают с остервенением драться с русскими за какую-то малоизвестную станицу Земляницу в Чехословакии, которая им нужна как мертвому припарки, но безо всякого сопротивления сдают такие важные города в центре Германии, как Оснабрюк, Мангейм, Кассель. Согласитесь, что такое поведение немцев является более чем странным и непонятным».

Приход к власти после смерти Рузвельта в апреле 1945 г. Трумэна еще больше обострил отношения между СССР и союзниками. Г. Трумэн, став президентом, сразу же продемонстрировал жесткий подход к Советскому Союзу. В первые дни пребывания на посту он принимал в Белом доме наркома иностранных дел В.М. Молотова, прибывшего в США для участия в конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско. Не успел советский гость переступить порог, как президент с ходу «взял быка за рога» (по собственному выражению Трумэна). Поводом для резких упреков он избрал польский вопрос, обвинив советскую сторону в отсутствии прогресса в его решении. Из уст Трумэна прозвучала плохо скрытая угроза применить к СССР экономические санкции. Присутствовавший на встрече посол США в Москве У.А. Гарриман позднее вспоминал: «Я сожалел, что Трумэн так жестко подошел к делу. Его поведение давало Молотову основание сообщить Сталину, что от политики Рузвельта отходят».

На этот недружественный выпад нового американского лидера в ходе ожесточенных боев за Берлин Сталин дает свой твердый и последний ответ США и Великобритании по Польше. 25 апреля он обращается к новому президенту США: «Вопрос о Польше является для безопасности Советского Союза таким же, каким для безопасности Великобритании является вопрос о Бельгии и Греции... Советское правительство не может согласиться на существование в Польше враждебного ему правительства. К этому обязывает, кроме всего прочего, та обильная кровь советских людей, которая пролита на полях Польши во имя освобождения Польши». И далее: «...надо признать необычными условия, когда два правительства — Соединенных Штатов и Великобритании — заранее сговариваются по вопросу о Польше, где СССР, прежде всего и больше всего, заин-

тересован». Дипломатический торг закончился, Сталин создал целый пояс безопасности из социалистических государств вдоль западных границ СССР.

Неуступчивость советского руководства вызывает острую реакцию западных союзников. После посещения премьер-министра в мае 1945 г. личный представитель президента США Дж. Дэвис докладывал, что был «поражен резким изменением его (Черчилля. — *Прим. авт.*) отношения к Советам... Слушая, с какой яростью он говорит об угрозе распространения коммунизма в Европе... я думал о том, не собирается ли он, премьер-министр, теперь заявить перед всем миром, что он и Англия допустили ошибку, не поддержав Гитлера, ибо, насколько я его понял, он теперь проповедует ту доктрину, которую Гитлер и Геббельс проповедовали и повторяли на протяжении последних четырех лет, стараясь нарушить единство между союзниками и «разделять и властвовать» [3, с. 3].

Поясняя свою позицию, Черчилль указывал в телеграмме президенту США Трумэну от 12 мая 1945 г.: «У меня вызывает глубокую тревогу неправильное истолкование русскими ялтинских решений, их позиция в отношении Польши, их подавляющее влияние на Балканах, исключая Грецию, трудности, чинимые ими в вопросе о Вене, сочетание русской мощи и территорий, находящихся под их контролем или оккупацией, с коммунистическими методами в столь многих других странах, а самое главное — их способность сохранить на фронте в течение длительного времени весьма крупные армии». Как признавал позднее сам Черчилль, в первые дни мира в его глазах «советская угроза уже заменила собой нацистского врага». Отныне, как он считал, дружба между Великобританией и Россией могла основываться «только на признании русскими англо-американской силы» [33, с. 574].

О сложностях взаимоотношений ведущих стран антигитлеровской коалиции свидетельствуют события с подписанием капитуляции фашистской Германии. Акту о военной капитуляции предшествовало подписание 7 мая 1945 г. в Реймсе предварительного протокола о капитуляции. Он был предложен назначенным Гитлером канцлером Германии К. Деницем. С немецкой стороны протокол подписал генерал Йодль; от лица

главного командования союзных экспедиционных сил в Европе — начальник штаба генерал У. Смит. В качестве свидетелей поставили свои подписи советский и французский представители при ставке Д. Эйзенхауэра — генерал-майоры И.А. Сулопаров и Ф. Севез.

Советское командование опасалось, что немцы воспользуются передышкой для перегруппировки сил. Поэтому оно настояло, что боевые действия должны были прекратиться в полночь 8 мая. После подписания протокола о капитуляции Йодля официально предупредили о личной ответственности за прибытие немецких командующих в Берлин в установленное советским главным командованием время для оформления официальной капитуляции перед советским правительством. Вторая церемония, по мнению Эйзенхауэра, должна была символизировать единство союзников по коалиции и оповестить немцев и весь мир о том, что капитуляция осуществлена перед всеми, а не только перед западными союзниками. По этой причине Йодлю было указано ничего не сообщать о первом подписании, пока не будет проведена вторая церемония. Однако какой-то американский репортер якобы по своей инициативе опубликовал свой репортаж раньше времени [34, с. 494–508].

Руководство британских союзников преследовало свои цели. Подписание протокола о капитуляции, помимо прекращения боевых действий в Европе, сохраняло, по его мнению, возможность не отводить войска западных держав в ранее согласованные зоны оккупации до тех пор, пока СССР не пойдет на уступки по ряду спорных вопросов. В своей телеграмме министру иностранных дел Великобритании Идену от 4 мая 1945 г. Черчилль указывал: «У нашей стороны есть несколько крупных козырей, которые могут нам помочь... Союзники не должны отступать со своих нынешних позиций к оккупационным линиям до тех пор, пока мы не будем удовлетворены в отношении Польши, а также в отношении временного характера русской оккупации Германии и условиями, которые будут установлены в русифицированных или контролируемых русскими странах» [35, с. 325].

Текст протокола о капитуляции, подписанный в Реймсе, не соответствовал документу, утвержденному на Крымской

конференции. Он был составлен несколькими американскими и английскими офицерами с согласия Черчилля, Эйзенхауэра, Смита и некоторых других должностных лиц. Формальным поводом для такой подмены послужило то, что подготовленный в Крыму документ предусматривал наличие в Германии правительства, правомочного подписать акт о капитуляции. Поскольку правительство Деница не признавалось союзниками, было поручено видоизменить документ «Безоговорочная капитуляция Германии» и представить его в виде декларации о поражении Германии [36].

Ознакомленное с текстом нового документа за сутки до его подписания, советское правительство, стремясь к скорейшему прекращению огня, не стало возражать против него, но высказало при этом ряд пожеланий и поправок. Причем из-за недостатка времени эти предложения так и не были учтены. Кроме того, в подписанном документе было оговорено, что «этот акт о военной капитуляции не может осуществляться в ущерб любому общему документу о капитуляции, принятому объединенными государствами или от их имени в отношении Германии и германских вооруженных сил в целом, и подлежит замене таким документом»¹. Она позволила СССР считать документ, подписанный в Реймсе, предварительным и настоять на подписании 8 мая в Берлине окончательного Акта о военной капитуляции германских вооруженных сил. В нем дополнительно предусматривалось полное разоружение немецких войск, передача всего оружия и всего военного имущества местным союзным командующим или выделенным для этого офицерам; запрещалось причинять какие-либо повреждения судам, пароходам, самолетам, их двигателям, корпусам и оборудованию, а также машинам, вооружению, аппаратам и всем другим военно-техническим средствам ведения войны.

Уже 8 мая 1945 г. американский президент распорядился прекратить поставки по ленд-лизу для СССР, утверждая, что раз СССР не находится в состоянии войны с Японией, то закон запрещает оказывать такого рода экономическую помощь. Со-

¹ Погью Ф.С. Верховное командование. М., 1959. С. 498

ветской стороной подобное решение закономерно было расценено как необоснованное, репрессивное, идущее вразрез с союзническими обязательствами. И хотя после протеста Москвы американские власти возобновили поставки, становилось ясно, что на Западе явно активизировались сторонники политики с позиции силы в отношении СССР.

Еще в двадцатых числах мая 1945 г. советскому руководству стало известно о том, что англичане не только не разоружают немецкие войска, взятые в плен, но сохраняют их в полной боевой готовности. На одном из заседаний Контрольного совета по управлению Германией, в который входили представители СССР, США, Великобритании и Франции, советская сторона сделала резкое заявление по этому поводу, подчеркнув, что история знает мало примеров подобного вероломства и измены союзническим обязательствам. Британский представитель Монтгомери поначалу попытался отвести это обвинение, но спустя некоторое время вынужден был подтвердить факт получения такого указания от премьер-министра, бывшего одновременно и верховным главнокомандующим. Это соответствовало настроениям Черчилля. Еще идут тяжелые бои на берлинском направлении, а он сетует, что «Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира» и намечает меры по ее сдерживанию. Необходимо «немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения», причем «этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на восток». По личному признанию в мемуарах, в его глазах «советская угроза уже заменила собой нацистского врага».

22 мая 1945 г. Объединенный штаб планирования военного кабинета Великобритании подготовил по поручению Черчилля (время поручения — приблизительно середина апреля 1945 г.) план экстренной операции «Немыслимое». Мотивы этого задания вытекали из следующей оценки британским премьером военно-политической обстановки:

- «...во-первых, Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира;
- во-вторых, немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения;

- в-третьих, этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на восток;
- в-четвертых, главная и подлинная цель англо-американских армий — Берлин;
- в-пятых, освобождение Чехословакии и вступление американских войск в Прагу имеет важнейшее значение;
- в-шестых, Вена, по существу — вся Австрия должна управляться западными державами, по крайней мере на равной основе с русскими Советами;
- в-седьмых, необходимо обуздать агрессивные притязания маршала Тито в отношении Италии...»¹.

В плане сформулированы оценка обстановки, цели, направления ударов войск западных союзников против Красной Армии и вероятные результаты операции.

Разработчики операции руководствовались следующими исходными установками, которые были даны при получении задания:

- операция будет проводиться в условиях ее полной поддержки общественным мнением в Британской империи и США, а, следовательно, в условиях высокого морального состояния англо-американских вооруженных сил;
- Великобритания и США получают полную поддержку вооруженных сил Польши (эмигрантского правительства в Лондоне. — *Прим. авт.*) и могут рассчитывать на использование людских резервов Германии и остатков ее промышленного потенциала;
- не следует рассчитывать на поддержку сил других союзных европейских стран, но учитывать вероятность использования их территории и тех средств, необходимость в которых может возникнуть;
- иметь в виду вероятность вступления России в союз с Японией;
- начало военных действий — 1 июля 1945 г.

Цель операции заключалась в том, чтобы «принудить Россию подчиниться воле Соединенных Штатов и Британской империи». Конкретно имелось в виду «вытеснить Красную Армию за преде-

¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. М., 1991. С. 574.

лы Польши». Единственным надежным средством достижения цели объявлялась тотальная война и для этого необходимо:

а) оккупировать те районы внутренней России, лишившись которых эта страна утратит материальные возможности ведения войны и дальнейшего сопротивления;

б) нанести такое решающее поражение русским вооруженным силам, которое лишит СССР возможности продолжать войну.

Сомнения возникли при рассмотрении вопроса о соотношении сил. «Существующее соотношение сил в Центральной Европе, где русские располагают примерно тройным преимуществом, делают крайне маловероятным достижение союзниками полной и решающей победы».

Для ликвидации «диспропорции», по мнению разработчиков, необходимы людские ресурсы союзников, на что потребуется время и, во-первых, размещение и использование в Европе крупных ресурсов США, во-вторых, перевооружение и реорганизация немецких войск.

Разработчики сделали вывод, что:

а) для надежного и прочного достижения нашей политической цели необходим разгром России в тотальной войне;

б) результат тотальной войны против России непредсказуем, но ясно одно — «чтобы ее выиграть, нам потребуется очень длительное время».

Из приложений к плану следовало, что свои расчеты планировщики преимущественно связывали с достижением успеха в быстрой войне, неким вариантом нового блицкрига, в результате которого «Россия примет наши условия». Именно этот вариант войны наиболее подробно освещается в плане. Оценивая с этих позиций стратегическую обстановку, авторы плана считали, что наиболее грозным противником для западных союзников являлись сухопутные силы Красной Армии.

В Европе, говорится в докладе, силы Красной Армии сосредоточены преимущественно в центральной ее части. В ходе контрдействий вероятна оккупация ею Хорватии, Греции, Турции, блокада Черноморских проливов, а следовательно, и действия военно-морских сил союзников в Черном море.

На Среднем Востоке возникнет крайне опасная ситуация в Персии и Ираке. Почти наверняка Россия предпримет наступление в этом регионе с учетом возможности получения ценных нефтяных ресурсов и исключительного значения для нас этих районов. Примерно 11 советским дивизиям здесь противостоят 3 бригады наших войск. Практически этот район окажется беззащитным, а утрата его нефтяных источников будет крайне серьезной потерей. Сложности тылового обеспечения и обстановка в Центральной Европе не позволят русским в начальных стадиях конфликта развернуть наступление на Египет. Вместе с тем они будут стремиться организовать беспорядки во всех странах Среднего Востока.

В Индии со стороны России также будут предприняты попытки организации беспорядков, но ее военные действия в этом регионе маловероятны.

На Дальнем Востоке любое русско-японское соглашение высвободит японские силы для укрепления обороны метрополии или возобновления наступления в Китае. Война союзников против Японии, скорее всего, зайдет в тупик.

Из этого анализа следовал вывод, что главным театром военных действий будут Центральная Европа и важный для западных союзников район Персии и Ирака. В Европе наиболее предпочтительным являлось наступление в северо-восточной ее части, что давало возможность использовать морское преимущество союзников на Балтике, обеспечить левый фланг их армий и оказывать давление на правый фланг противника. Расчеты на успех связывались также с бомбардировками центров коммуникаций на территории СССР и тактическим использованием авиации.

Конкретно указывались два основных направления наступления войск западных союзников: ось Штеттин — Шнейдемюль-Быгдош и ось Лейпциг — Коттбус — Познань — Бреслау.

Общий вывод о перспективах кампании был пессимистичным:

«а) Если мы начнем войну против России, мы должны быть готовы к вовлечению в тотальную войну, которая будет длительной и дорогостоящей.

б) Численный недостаток наших сухопутных сил делает весьма сомнительным ограниченный и быстрый успех, даже

если по расчетам его будет достаточно для достижения политической цели»¹.

План был представлен на рассмотрение Комитета начальников штабов, который 8 июня 1945 г. дал свое заключение, подписанное начальником имперского генерального штаба фельдмаршалом Бруком и начальниками штабов ВМС и ВВС. В нем были рассмотрены потенциальные возможности Великобритании по оказанию давления на Россию путем угрозы или применения силы. Заключение содержало данные по соотношению сил в предполагаемом вооруженном столкновении с советскими вооруженными силами.

Сухопутные войска русских дивизий отличались по своему составу от дивизий союзников. Поэтому русские дивизии были пересчитаны на их британский эквивалент. Оценка общего соотношения сил в Европе по состоянию на 1 июля 1945 г. была следующей. Союзники располагают: США — 64 дивизии; Великобритания и доминионы — 36 дивизий; Польша — 4 дивизии (всего — 104 дивизии). У Красной Армии имеются 264 дивизии (в том числе 36 танковых).

Военно-воздушные силы союзников насчитывают 6045 самолетов тактической авиации, 2750 самолетов; Красная Армия — 11 802 самолета, 960 самолетов тактической авиации. Превосходство в численности русской авиации будет в течение определенного времени компенсироваться значительным превосходством союзников в ее управлении и эффективности, особенно стратегической авиации. Однако после определенного периода операций воздушные силы союзников будут серьезно ослаблены из-за нехватки самолетов и экипажей.

Военно-морские силы: союзники, безусловно, могут обеспечить доминирующее превосходство своих сил на море.

Из соотношения сухопутных сил сторон, говорится в заключении, ясно, что союзники не располагают возможностями наступления с целью достижения быстрого успеха. Учитывая, однако, что русские и союзные сухопутные войска соприкасаются от Балтики до Средиземного моря, англо-американское военное командование должно быть готово к операциям на

¹ Public Records Office. Cab 1201691, 55911. P. 1–29.

сухопутном театре. Поэтому, если начнется война, достигнуть быстрого ограниченного успеха будет невозможно и союзники окажутся втянутыми в длительную войну против превосходящих сил. Более того, превосходство этих сил может непомерно возрасти, если возрастет усталость и безразличие американцев или расширится их участие в войне на Тихом океане¹.

Реакцией Черчилля на ответ начальников штабов было новое задание — подготовить план обороны Британских островов на случай, если американцы отведут свои войска или отправят свои силы обратно в Соединенные Штаты.

Приход к власти в США Трумэна и обострившийся антисоветизм Черчилля способствовали ускорению пересмотра политики Соединенных Штатов и Великобритании в отношении Советского Союза. В документе Комитета начальников штабов, подготовленном для американской делегации на Берлинской конференции, говорилось: «В случае конфликта между Англией и СССР... мы сможем успешно защитить Англию, однако мы не сможем нанести поражение России. Другими словами, мы окажемся в войне, которую не сможем выиграть». Британские союзники также исходили из вероятности ближайшего военного столкновения с СССР. Английский фельдмаршал Аланбрук отметил в своем дневнике 24 мая 1945 г.: «Сегодня вечером я внимательно просмотрел доклад о возможности открытия военных действий против России, если в ходе дальнейших переговоров с ней возникнут осложнения. Нам было поручено провести такое исследование». Выводы, сделанные фельдмаршалом после прочтения доклада, были неутешительными: «Эта идея, несомненно, фантастическая, и она не имеет никаких шансов на успех. Не подлежит сомнению, что отныне Россия стала самой могущественной державой Европы» [3, с. 359].

С такими исходными позициями участники антигитлеровской коалиции открыли Потсдамскую конференцию. Перед ними стояла задача политически закрепить результаты победы союзников над фашистской Германией, решить главные про-

¹ Ржевский О.А. Антигитлеровская коалиция: как зарождалась холодная война. М., 2005. С. 525–527; Daily Telegraph. 1998. 1 Oct.

блемы послевоенного урегулирования, выработать программу справедливого и прочного мира в Европе. К началу ее работы усилились противоречия между США и Великобританией, с одной стороны, и СССР — с другой, что осложняло взаимоотношения между союзными державами. Однако правительства западных государств были вынуждены считаться с ростом международного авторитета СССР и наличием общего противника в лице милитаристской Японии [3, С. 475–477].

На конференции была конкретизирована компетенция Контрольного совета в Германии, призванного осуществлять верховную власть четырех союзных держав (СССР, США, Великобритании и Франции) в период выполнения Германией основных требований Акта о капитуляции вооруженных сил фашистской Германии 1945 г., Декларации о поражении Германии, а также решений Берлинской (Потсдамской) конференции. Был учрежден Совет министров иностранных дел. На него конференция возложила подготовку мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией [3, с. 478, 482–483].

В ходе конференции президент Трумэн сообщил Сталину об испытании в США атомной бомбы и намерении ее применить против Японии. Тем самым недвусмысленно говорилось о монополии на боепригодное атомное оружие и готовности использовать его. Ожидаемого психологического успеха достичь не удалось, так как Сталин знал о состоянии разработки атомной бомбы союзниками. Несколько сказанных слов лишь ускорили многолетнюю гонку атомных и ядерных вооружений.

Еще задолго до Второй мировой войны к ядерным процессам было приковано внимание мировой науки. Но до конца 30-х гг. это были открытые научные дискуссии. Ученые разных стран делились своим опытом и достижениями в общедоступных научных журналах. Исследования показывали, что ядерная энергия намного превосходит химическую, что ее энергетические возможности колоссальны. Но физики в начале 1930-х гг. не обратили внимания на то, что при распаде ядра должно выделяться огромное количество энергии.

В СССР передовым центром ядерных исследований стал Ленинградский физико-технический институт (ЛФТИ), возглавля-

емый А. Ф. Иоффе. В декабре 1932 г. в ЛФТИ была создана «особая группа по ядру». С этого момента ЛФТИ превращается в центр советской ядерной физики и остается им вплоть до начала Великой Отечественной войны. Однако все эти важные сами по себе исследования и открытия в разных странах были недостаточно конкретны, во многом аморфны, формулировались абстрактно. Положение резко изменилось в 1939 г. На основании работ немецких и французских ученых возникли реальные предпосылки использования ядерной энергии через цепную реакцию деления, в ходе которой выделяется огромная энергия.

С началом Второй мировой войны, и особенно после поражения Франции, все публикации в открытой печати о возможности создания «супербомбы» были прекращены. Воюющие стороны серьезно задумались над этой проблемой. И особенно в Великобритании, оставшейся, по существу, один на один с Германией, научный потенциал которой был весьма высок. В США наличие колоссальных материальных возможностей страны и сосредоточение эмигрировавших из Европы антифашистски настроенных ученых-физиков, одержимых идеей успеть раньше Гитлера овладеть секретом сверхмощного оружия, обеспечили привлечение американского руководства к проблеме «супербомбы».

Поражение и капитуляция Франции в мае-июне 1940 г., выход вермахта к берегам Ла-Манша поставили Великобританию на грань катастрофы. Ей ничего не оставалось кроме поисков любых средств и способов обеспечить выживание своей нации как суверенного государства. В этих условиях решено было незамедлительно приступить и к разработке целого комплекса мер для начала движения к одной цели — производству атомной бомбы. Была разработана концепция проекта атомной бомбы под кодовым названием «Тьюб Эллойз» [37]. Значение нового оружия в Лондоне было осознано полностью.

В США к тому времени была пройдена очень важная фаза приобщения государственной власти к организации исследований по ядерной физике. Главная инициатива в этом принадлежала венгерскому физико-эмигранту Лео Сцилларду. Летом 1939 г., натолкнувшись на пассивность военных чиновников, он предложил Эйнштейну написать послание президенту Ф. Руз-

вельту. Этот документ стал обоснованием для развертывания американского атомного проекта.

27 июня 1940 г. Рузвельт назначает В. Буша, президента Института Карнеги, руководителем всей правительственной программы научно-исследовательских работ в целях обороны. Атомная проблема переходила в компетенцию Национального комитета по научным исследованиям в целях обороны (НКНС) во главе с Бушем. На первых порах без осложнений налаживались связи с Великобританией. Но сосредоточение основных сил и средств на решении повседневных обширных задач обороны Соединенных Штатов делало невозможной организацию крупномасштабных работ по созданию атомной бомбы. Потребовалось организовать британо-американское взаимодействие в этом вопросе.

8 июля 1940 г. британский посол в США в письме Рузвельту уведомил его о готовности своего правительства поделиться с американцами военными секретами. В Вашингтоне и Лондоне учреждают специальные представительства обеих сторон в целях обмена научно-технической информацией, имеющей оборонное значение. А в июне 1941 г. американцы получают копию секретного «Доклада подкомиссии Томсона об использовании урана для производства атомной бомбы». Знакомство с этим докладом сокращает американцам поисковую стадию работ по атомной бомбе. Гитлеровская агрессия против СССР резко ускоряет их ход. Решено действовать, не упуская ни одного дня. Темп и ритм подготовительных мероприятий возрастают многократно. В июне 1941 г. было образовано Управление по руководству научно-исследовательской деятельностью с большими правами и полномочиями. Все основные решения «атомного дела» были приняты на чрезвычайно важной встрече у американского президента 9 октября 1941 г.

7 декабря 1941 г. ударом японской авиации по военно-морской базе США в Перл-Харборе началась война на Тихом океане. Америка вступила во Вторую мировую войну. В тот же день в старой радиационной лаборатории Лоуренса в Беркли (Калифорния) был получен уран-235, необходимый для производства атомной бомбы. В марте 1942 г. Буш уже смог проинформировать президента о том, что все данные и эксперименты показали — бомбу

они создадут в 1944 г., а ее мощь превзойдет все произведенные расчеты. Период раскочки закончился. Началась, по выражению Буша, «гонка в целях реализации». Руководствуясь исключительно интересами дела, он предложил возложить практическое завершение проекта на сухопутные войска и военное министерство с их мощным корпусом инженерных войск. Осенью 1942 г. такое решение было принято президентом.

Так родилась организация, неизвестная до той поры в истории США и по размаху своей деятельности, и по финансовым возможностям. Она подчинялась только президенту. Конгресс даже не был поставлен в известность о ее существовании. В сентябре 1942 г. обязанности непосредственного руководителя этой грандиозной программы, поглощавшей огромную часть национальных интеллектуальных, технических, финансовых и прочих ресурсов, были возложены на энергичного строителя Пентагона полковника инженерных войск Л. Гровса.

Было дано кодовое название новому гигантскому предприятию, разместившему свои производственные и научные центры в 19 штатах США и в Канаде, — «Манхэттенский инженерный проект». Весной 1943 г. административная структура управления окончательно сложилась. Ее возглавил военный министр. Создание стройной организационной структуры проекта, обеспечивающей тесное взаимодействие науки и производства; щедрое финансирование и, наконец, выдвижение на первые роли талантливых, энергичных и честолюбивых руководителей — все это дало незамедлительный эффект.

«Манхэттенский проект» был задуман с размахом. Химическая корпорация «Юнион карбайд», которая издавна поставляла военному ведомству взрывчатые вещества, занялась строительством завода по обогащению урана-235. В долине реки Теннесси возник город Ок-Ридж для строительства промышленных реакторов с 80 тыс. жителей. Экспериментальной базой для завода в Ок-Ридже служила физическая лаборатория Калифорнийского университета в Беркли. Другой засекреченный город — Хэнфорд — с 60 тыс. жителей вырос в бесплодной пустыне на южном берегу реки Колумбия. В Лос-Аламосе (штат Нью-Мексико) создается секретный научный центр. Теоретические исследования и эксперименты, связанные с «Манхэттен-

ским проектом», велись в металлургической лаборатории в Чикаго, а также в университетах Гарварда, Принстона и Беркли. К работе над проектом подключаются инженерно-технические службы армии, флота, авиации. Все работы производились в обстановке строжайшей секретности. Как вспоминал впоследствии генерал Гровс, сохранение тайны сводилось «к трем основным задачам: предотвратить попадание к немцам любых сведений о нашей программе; сделать все возможное для того, чтобы применение бомбы в войне было полной неожиданностью для противника; и, насколько возможно, сохранить в тайне от русских наши открытия и детали наших проектов и заводов» [47, с. 102].

Весной 1945 г. атомная бомба, вернее ее образец, который следовало испытать, была практически готова. 10 мая 1945 г. в Пентагоне собрался комитет по выбору целей для атомной бомбардировки. Члены комитета сошлись на том, что для этой цели лучше всего подходят крупные населенные пункты, не пострадавшие от налетов. По их рекомендации командующему 20-й воздушной армией генералу К. Лимэю было приказано исключить из графика обычных массированных бомбардировок четыре японских города. В этом списке, вызывавшем недоумение американских летчиков, значились Хиросима, Кокура, Ниигата и Нагасаки. Их «берегли» для атомного удара.

31 мая 1945 г. в Пентагоне собрался Временный комитет по проблемам атомного оружия. В нем преобладали военные и политики. Представители Пентагона настаивали на необходимости пустить атомные бомбы в ход, ссылаясь на большие потери, которые американские войска вот уже второй месяц несли в кровопролитных боях на Окинаве. (Всего там погибло около 13 тыс. американцев.) После бурной дискуссии Временный комитет приходит к следующему выводу: атомное оружие следует применить против Японии без предварительного предупреждения, как можно скорее и против таких целей, которые наиболее наглядно покажут его разрушительную силу. Через три недели правительство США принимает решение сбросить на Японию атомные бомбы. 16 июля 1945 г. на испытательном полигоне в штате Нью-Мексико успешно взорвана американская атомная бомба.

Советский Союз не располагал таким техническим потенциалом, как США и Великобритания. Он вел кровопролитную и разрушительную войну с фашистской Германией и ее союзниками. Партнеры же СССР по антигитлеровской коалиции никак не хотели делиться своими достижениями в области самого передового оружия. Этот ключевой вопрос в обороне страны Советскому Союзу предстояло решать в одиночку.

У Советского Союза к началу Второй мировой войны тоже были впечатляющие достижения в области ядерной физики. В середине 1939 г. советские физики Ю.Б. Харитон и Я.Б. Зельдович производят расчет цепной реакции деления урана и приходят к заключению, что в чистом изотопе урана-235 можно получить взрывную реакцию. В 1940 г. Н. Флеров и К.А. Петржак открывают явление самопроизвольного деления урана. Академия наук СССР поставила проблему «Атомное ядро, его свойства, строение и использование ядерных реакций» еще в конце 1938 г. на первое место среди всех работ по физике. 30 июля 1940 г. Президиум АН СССР принимает постановление о создании комиссии по проблеме урана. В ноябре 1940 г. в Москве состоялось очередное ежегодное Всесоюзное совещание по физике атомного ядра. Оно было последним накануне войны и последним, где деление урана обсуждалось открыто. Выступая с докладом и говоря о принципиальной возможности осуществления цепной реакции, И.В. Курчатов произносит пророческие слова: «Цепь возможна и жизненна»¹.

Тогда, в последний предвоенный год, широко развернулась работа по сооружению циклотрона для исследования цепной реакции. Его строительство велось под руководством И.В. Курчатова и А.И. Алиханова [38]. Сообщение о монтаже циклотрона опубликовала газета «Правда» 22 июня 1941 г. В этот день началась война. Физики же вели работу на флотах по размагничиванию кораблей, чтобы снизить наши потери от фашистских магнитных мин. Многие будущие участники атомной эпопеи с оружием в руках отстаивали честь и независимость Родины.

Еще в 1940 г. комиссия Академии наук по изучению проблемы атомной энергии рекомендовала правительственным

¹ Правда. 1988. 12 янв.

и научным учреждениям отслеживать научные публикации западных специалистов по этой проблеме. Начальник научно-технической разведки Народного комиссариата внутренних дел направил соответствующую ориентировку резидентурам в Скандинавии, Германии, Англии и США. В их задачу входил сбор всей информации по разработке «сверхоружия» — урановой бомбы. Над этой проблемой работала и «кембриджская пятерка»: Маклин, Филби, Берджес, Кернкросс и Блантом. Уже с сентября 1941 г. в Москве знали об английском атомном проекте «Тьюб Эллойз». С апреля 1942 г. в Государственный комитет обороны СССР стали поступать сведения, наводившие на мысль, что фашисты тоже ведут работы по созданию нового, очень мощного — атомного — оружия. К тому времени было уже известно, что и в США ведут подобную, с такой же целью, работу и что она окружена чрезвычайной секретностью. В августе 1942 г. Флеров в письме на имя Сталина высказал беспокойство о возможном ведении работ по созданию атомного оружия за рубежом и настаивал на возобновлении работ по делению урана¹. Весной 1942 г. поступило еще и письмо от уполномоченного Государственного Комитета Оборона (ГКО) по науке С.В. Кафтанова с такой же информацией, но относящейся сугубо к Германии. Поводом для него стала тетрадь убитого немецкого офицера с расчетами, явно касавшимися создания ядерного оружия.

Имевшиеся к этому времени в Кремле разведывательные данные уже показывали, какое значение придается и союзниками, и противником ядерным исследованиям. Осенью 1942 г. в Москву, в ГКО, были вызваны из эвакуации академики А.Ф. Иоффе, В.И. Вернадский, В.Г. Хлопин и П.Л. Капица. Им предстояло ответить на вопрос, следует ли незамедлительно возобновить работы по делению урана. Непросто, нелегко было ответить на такой вопрос в самый разгар войны, когда немцы были еще сильны и для нас очевидного перелома к лучшему еще не наступило. Ученые, однако, высказались за начало работ. А 2 декабря 1942 г. в 15 часов 25 минут по чикагскому времени Энрико Ферми впервые в мире осуществил цепную реакцию

¹ Цит. по: Московские новости. 1988. № 16.

деления урана в реакторе, построенном им в США. Тем самым был открыт путь к созданию атомной бомбы.

Когда советские войска перешли в наступление под Сталинградом, ГКО принял окончательное решение о начале работ по «урановому проекту»¹. В конце 1942 г. по указанию Сталина состоялось специальное заседание ГКО. На заседании по предложению академиков А.Ф. Иоффе и П.Л. Капица руководителем проекта был назначен И.В. Курчатов. Сталин не поддержал предположение Иоффе о том, что для реализации такой задачи необходимо самое малое 10 лет. Он заявил о готовности руководства пойти на все, чтобы работа шла более высокими темпами.

В феврале 1943 г. было подписано распоряжение по Академии наук СССР о создании в академии лаборатории № 2 под руководством И.В. Курчатова [39]. 12 апреля 1943 г. был образован атомный научный центр Советского Союза — Институт атомной энергии. Естественно, что работам по атомной энергии придавалось военно-стратегическое значение, и основной задачей было создание атомного оружия. Курчатов с небольшой группой физиков составили план решения задачи. В самые короткие сроки было признано наиболее целесообразным создание уран-графитового реактора для производства на нем плутония — материала для заряда атомной бомбы. Это оказалось самым верным путем, заслугой отечественных ученых, установивших наиболее надежный метод достижения максимального результата в кратчайшее время. Если бы сегодня заложить в компьютер условия, при которых разворачивались работы над советской атомной бомбой в сравнении с условиями этих работ в Лос-Аламосе, а еще в немецких институтах, занимавшихся «урановым проектом», то компьютер дал бы ответ: «Нет, при таких условиях этих результатов добиться было нельзя». А ведь добились!

Неудовлетворенные темпом работ, в мае 1945-го в записке к Сталину Курчатов с заместителем председателя Совета Народных Комиссаров Первухиным предлагали форсировать научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы

¹ Правда. 1988. 12 янв.

*Игорь Васильевич
Курчатов*

как основу создания предприятий атомной промышленности. И не зря торопились. Американцы-то как раз форсировали свой «Манхэттенский проект»: 200 тыс. научных сотрудников и вспомогательного персонала, лучшее по тому времени оборудование и идеальные бытовые условия. И когда в 5 часов 30 минут ночи с 15 на 16 июля 1945 г. в США было проведено первое испытание атомной бомбы, у Советского Союза оставался один выход: создать ядерное оружие, и как можно быстрее. На запрос правительства Курчатова ответил, что советское атомное оружие будет создано за пять лет.

Положение кардинально изменилось после американских атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. 20 августа 1945 г. Государственный Комитет Обороны СССР постановил образовать Специальный комитет, которому предписывалось сосредоточить все усилия и ресурсы на создании атомного оружия. Наиболее трудоемким было строительство «объектов» для добычи и переработки урана, производства плутония, конструирования и серийного производства атомных бомб. Его председателем был назначен Л.П. Берия, возглавлявший тогда НКВД и одновременно занимавший пост заместителя

Председателя Совета Народных Комиссаров. Тем же постановлением Государственного Комитета Оборона для непосредственного руководства атомным проектом было учреждено Первое главное управление (ПГУ) при СНК. Начальником ПГУ был назначен Б.Л. Ванников, Курчатов стал его заместителем по научному руководству всей атомной программой в целом. К работе привлекались академические, отраслевые и военные институты, конструкторские бюро и строительные организации. В кратчайшие сроки решались сложные научные и инженерные задачи. Росли безымянные новые города — «атомграды». Личные качества Курчатова были одной из решающих причин успеха дела [38].

К Курчатову идут за критической оценкой, за помощью и советом. А работа шла гигантская, и при этом в совершенно неведомой области, шла часто методом проб и ошибок. Немцы, например, опрометчиво отвергли графит как замедлитель потока нейтронов, сделали ставку на тяжелую воду и проиграли. Американцы, используя опыт ученых всей Европы, волею судеб оказавшихся в США в военные годы, тоже испытывали огромные трудности. И это в богатой стране, сто лет вообще не знавшей войны, да еще на своей территории. И совсем другое дело СССР — Россия, еще только возрождавшаяся из пепла после небывалой в мировой истории разрушительной войны. А надо во что бы то ни стало решать задачу. В кратчайший срок дать ответ американскому вызову. Нужны средства. Деньги, много денег, электроэнергия в огромных количествах и дефицитные материалы. И все это нужно объяснить начальникам, часто не очень-то понимающим, для чего это все нужно.

Главным лозунгом стало: «Темпы, темпы и еще раз темпы!» Так, вернувшись из Берлина после Потсдамской конференции, Сталин вызвал Курчатова и спросил его, почему тот так немного требует для максимального ускорения работ. Курчатов ответил: «Столько разрушено, столько людей погибло. Страна сидит на голодном пайке, всего не хватает». Сталин раздраженно сказал: «Дитя не плачет — мать не разумеет, что ему нужно. Просите все, что угодно. Отказа не будет» [40]. А нужно было много. Еще в 1943 г. Курчатов и Первухин доложили

правительству о необходимости срочно организовать геологическую разведку и добычу урана в большом количестве. Было принято решение о поиске в стране новых его месторождений. Было подсчитано, что для работы первого небольшого экспериментального реактора потребуется 45 т чистого урана и около 500 т чистейшего графита. Такого количества материалов в готовом виде не было. Предстояло налаживать их производство. И не только получать необходимый металлический уран из руды, но и разработать технологии очистки его от примесей, контроля чистоты урана и графита на особом, невиданном до того уровне. При этом урана требовалось гораздо больше, чем добывалось его в отдельных, еще довоенных допотопных рудниках. И тут великую службу сослужили фундаментальные идеи В.И. Вернадского о геологии урана. Он и его ученики получили металлургический уран из руды. И эта технология была освоена производством.

Надо еще было иметь сверхчистый графит — в тысячу раз чище, чем тогда его имели в СССР. Не было даже методов измерения такой степени чистоты. Их разработали тогда же. Трудно разворачивались эти работы. Найденный уран залегал в труднодоступных горных районах — практически никаких подъездов и дорог. С гор по тропам спускались вереницы ишаков с огромными сумками через спины наперевес, а в них — добытая урановая руда. Пригодна ли она для дела — никто не знал. И тем не менее задача добычи урана в необходимых количествах, а затем разработки технологии получения как чистого урана, так и сверхчистого графита была решена менее чем за год.

Решающим для Курчатова и лаборатории стал 1946 г. — время осуществления цепной ядерной реакции на уран-графитовом экспериментальном реакторе, который начали возводить на территории лаборатории № 2 еще весной. Работы шли широким фронтом одновременно по многим направлениям, с огромным риском, когда, например, после эксперимента с микроскопическим количеством плутония принимается порой решение и разворачивается промышленная технология с миллиардными затратами. Темпы и напряженность всех работ — на пределе человеческих возможностей. И вот 25 декабря 1946 г. в 18 часов по московскому времени цепная ядерная

реакция в нашей стране стала явью. Первый исследовательский реактор заработал. Одновременно с сооружением первого реактора в Москве велось проектирование и строительство промышленного реактора.

1.3. Война с Японией

Война с Японией была ключевым моментом в сохранении единства антигитлеровской коалиции весной 1945 г. Поэтому еще на Крымской конференции было подписано следующее соглашение:

«Руководители трех великих держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании — согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне Союзников при условии:

Сохранения status quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики).

Восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:

возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов;

в) интернационализации торгового порта Дайрен с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур как на военноморскую базу СССР;

с) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского Общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет.

3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов.

Предполагается, что соглашение относительно Внешней Монголии и вышеупомянутых портов и железных дорог потребует согласия генералиссимуса Чан Кайши. По совету Марша-

ла И.В. Сталина Президент примет меры к тому, чтобы было получено такое согласие.

Главы Правительств трех великих держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть, безусловно, удовлетворены после победы над Японией.

Со своей стороны Советский Союз выражает готовность заключить с национальным китайским Правительством пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига.

И. Сталин
Ф. Рузвельт
Уинстон С. Черчилль
1945 г., 11 февраля»
[41, с. 22–23].

Во исполнение своих обязательств уже в ходе конференции в Потсдаме начальник советского генерального штаба А.И. Антонов назвал наиболее вероятным сроком вступления Советского Союза в войну против Японии середину августа 1945 г. В ответ 16 июля 1945 г. в США было проведено первое испытание атомной бомбы. А уже 6 августа была сброшена атомная бомба на японский город Хиросима и 9 августа — на Нагасаки. Ускорение боевого использования атомного оружия было вызвано требованием американского президента Трумэна. По мнению американского руководства, один, а лучше два атомных удара вынудят Японию капитулировать до того, как советские войска начнут запланированное на середину августа наступление в Манчжурии, Корее, на Сахалине и Курильских островах [15, с. 7].

На Берлинской конференции выявилось стремление американского руководства отстранить СССР от участия в победе над Японией. С приходом Трумэна к власти стали пользоваться все большим влиянием антисоветски настроенные политики и военные. Еще после Крымской конференции генерал Макартур писал: «Меня сейчас больше беспокоит вероятность вступления (СССР. — Прим. авт.) в войну против Японии и Маньчжурии, а значит, наше внимание должна занимать судьба северных

и приморских районов Китая» [42, с. 298]. 26 июля 1945 г. была опубликована сепаратная Потсдамская декларация с условиями капитуляции Японии перед США, Великобританией и Китаем. Советская делегация в Потсдаме получила копию декларации лишь в день подписания. Просьба советских представителей о переносе срока ее опубликования была отклонена. В качестве оправдания был выдвинут тезис о том, что СССР не находится в состоянии войны с Японией [42, с. 302–303].

После капитуляции Японии на территории Китая фактически существовали два режима, имевшие свои вооруженные силы в районах, контролировавшихся Гоминьданом во главе с Чан Кайши, и в освобожденных районах, находившихся под руководством Коммунистической партии Китая (КПК). Соединенные Штаты встали на путь открытой односторонней помощи Гоминьдану [25. Т. II, с. 406, 407]. Советский Союз ориентировался на КПК и демократические силы, выступавшие против любого иностранного вмешательства в дела Китая. Практически все оружие и боевая техника капитулировавшей Квантунской группировки войск были переданы командованию Объединенной демократической армии (ОДА) Северо-Восточного Китая. Об этом наглядно свидетельствует приказ главнокомандующего вооруженными силами освобожденных районов Китая от 10 августа 1945 г.:

«Яньань. Агентство «Синьхуа». Главный штаб в Яньани издал следующий приказ: Приказ Главного штаба в Яньани.

Япония уже объявила о безоговорочной капитуляции. Союзные державы, основываясь на Потсдамской декларации, обсудили условия капитуляции. Исходя из этого, я направляю специальный приказ вооруженным силам освобожденных районов:

Все вооруженные антияпонские части освобожденных районов, основываясь на Потсдамской декларации, должны выработать и направить вражеской армии и ее командованию, занимающим важные пункты коммуникации, ультиматум с предложением сдать в определенный срок оружие нашим частям, находящимся вблизи их расположения. После сдачи оружия наша армия гарантирует на основе конвенции о военнопленных безопасность жизни военнопленных.

Все вооруженные антияпонские части освобожденных районов должны направить находящимся вблизи от них частям марионеточной армии и властям требование переформирования их частей после подписания условий капитуляции. В случае задержки необходимо полностью разоружить эти части.

Если японские и марионеточные вооруженные части будут отказываться от сдачи оружия, то антияпонским вооруженным силам надлежит их решительно уничтожить.

4. Наша армия имеет полное право принимать от японских и марионеточных войск все важные коммуникационные пункты, занимать эти районы и осуществлять военное управление, поддерживать порядок, назначать специальных представителей, ответственных за административное управление данным районом. Если кто-либо будет оказывать сопротивление этому, расценивать таких людей как предателей»¹.

Благодаря этим и другим мерам воинские формирования КПК перешли к организации регулярной армии и значительно выросли в количественном и качественном отношении [26].

1.4. Новая военная и внешнеэкономическая политика США

С приходом к власти Трумэна в американской администрации усилились сторонники жесткой политики в отношении Советского Союза. Еще 19 мая 1945 г. за два месяца до Берлинской (Потсдамской) конференции заместитель государственного секретаря США Д. Грю писал: «Если что-либо может быть вполне определенным в этом мире, так это будущая война между СССР и США» [43, с. 103]. А 19 сентября 1945 г., всего через две недели после подписания Акта о капитуляции Японии, Комитет начальников штабов (КНШ) вооруженных сил Соединенных Штатов издал документ под названием «Основы для формулирования военной политики США».

¹ Цит. по: Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. С. 582–583.

В документе КНШ, в частности, указывалось на необходимость сохранять «подавляюще мощные вооруженные силы во время мира», которые были бы в состоянии сделать «неразумным для любой крупной агрессивной нации начать большую войну вопреки воле США». Не «напасть на США», а «вопреки воле США». Это была заявка на роль военного гегемона в мирное время, после разрушительной мировой войны, когда Европейская часть СССР и большая часть Европы находились в руинах. «Наше правительство, — говорилось далее в документе, — ...должно оказывать давление с целью быстрого разрешения спорного вопроса политическими средствами, в то же время осуществлять все приготовления для того, чтобы нанести первый удар» [44, с. 162].

В развитие «Основ для формулирования военной политики США» в ноябре 1945 г. было подготовлено исследование, названное «Стратегическая уязвимость России для ограниченного воздушного нападения». Авторы документа анализировали возможности превентивного ядерного удара по СССР, если «Советский Союз или начал агрессию (в Европе или Азии), или появились явные признаки того, что возможна агрессия против Соединенных Штатов» [45]. Причем рекомендовалось нанести ядерный удар не только в случае явной угрозы «красной агрессии», но также и в том случае, если создается впечатление, что СССР в конце концов обретет потенциал либо для нападения, либо для отражения нападения американских вооруженных сил¹. Тем самым формулировалось положение о превентивном ударе, который должен наноситься по противнику, не готовому к ведению военных действий.

О какой агрессии Советского Союза можно было говорить в 1945 г., когда страна ускоренно сокращала свои вооруженные силы (к 1948 г. они уменьшились с 11,3 млн до 2,8 млн человек) и приступила к восстановлению более 7 тыс. городов и населенных пунктов, разрушенных в ходе войны. Не было у советских вооруженных сил для проведения океанской десантной операции против континентальной части США и межконтинентальных средств поражения. Но СССР располагал сильнейшей

¹ См.: Известия. 1987. 28 июня.

сухопутной армией мира, способной в считанные дни (в случае агрессии США) овладеть странами — союзниками США в Западной Европе. Еще в сентябре 1945 г. в ходе встречи американского генерала Эйзенхауэра и британского фельдмаршала Б. Монтгомери стороны пришли к выводу, что если Красная Армия предпримет в Европе наступление, западные союзники будут не в силах ее остановить [46, с. 270–271].

Основным средством отражения этой опасности военно-политическое руководство США видело использование своей монополии на атомное оружие и средства его доставки. Исходя из опыта атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, ставку в планируемой войне делали на атомные бомбы, носителями которых должны были стать стратегические бомбардировщики, базирующиеся по периметру Советского Союза. Для этого 3 ноября 1945 г. в докладе руководству Пентагона предлагалось отобрать «приблизительно двадцать целей, пригодных для стратегической атомной бомбардировки в СССР и на контролируемой им территории»¹. При выборе целей рекомендовалось учитывать возможности нового оружия, имея в виду площадь эффективного поражения районов с высокой концентрацией людских и материальных ресурсов. Использовать атомные бомбы против полевых войск и транспортной сети, по мнению авторов доклада, было нерационально. Следовательно, наиболее выгодными целями в условиях ограниченного запаса атомных бомб становились мирное население, города в глубоком тылу противника и его промышленный потенциал. «Двадцать наиболее выгодных целей для атомных бомб, — уточнялось в докладе, — представляют собой индустриальные центры, в которых сосредоточено много научно-исследовательских учреждений, специализированных промышленных предприятий, ядро государственного аппарата. Этот подбор обеспечит максимальное использование возможностей атомного оружия» [47, с. 113–114].

Через год после окончания Второй мировой войны, в сентябре 1946 г., в США был разработан документ «Американская политика в отношении Советского Союза». В нем, в частности, говорилось: «Надо указать Советскому правительству, что мы

¹ См.: Правда. 1983. 12 дек.

располагаем достаточной мощью не только для отражения нападения, но и для быстрого сокрушения СССР в войне... Советский Союз не слишком уязвим, ибо его промышленность и естественные ресурсы широко рассредоточены, однако он уязвим для атомного, бактериологического оружия и дальних бомбардировщиков... Война против СССР будет «тотальной» в куда более страшном смысле, чем любая прежняя война, и поэтому должна вестись постоянная разработка как наступательных, так и оборонительных видов вооружения» [48, с. 295]. При таких намерениях американского политического руководства в условиях, когда СССР располагал исчерпывающей информацией о наращивании американского атомного потенциала, гонка атомных вооружений была обеспечена.

Первым шагом к экономическому обеспечению американского главенства в мире стала Бреттон-Вудская валютная система. Она получила название по городу в штате Коннектикут (США), где была принята на специальной международной конференции в 1944 г. На ней было решено, что в основу системы будут заложены требования устойчивости национальной валюты и ее конвертируемости, а также привязки любой валюты либо к золоту, либо к валюте, уже следующей золотовалютному стандарту. Конвертируемость обеспечивала беспрепятственный обмен и проведение многосторонних расчетов по текущим внешнеторговым операциям, а стабильность — привязку к золоту или другим валютам. Фактически основной мировой валютой для межгосударственных финансовых операций принимался доллар США. Бреттон-Вудское соглашение предусматривало организацию Международного валютного фонда (МВФ), в официальные функции которого входила помощь странам — участникам соглашения, попавшим в затруднительное положение. Соглашение вводило золотой стандарт, когда все валюты имели определенное содержание металла. Были ликвидированы свободная чеканка золотых монет и внутреннее их обращение. Конвертируемость в золото допускалась лишь в исключительных случаях, поэтому центральный банк государства должен хранить у себя иностранную валюту в резервах для поддержания курса своей валюты. Основные мировые запасы золота (2/3) были в США, американская экономика была самой

мощной, поэтому доллар стал главной мировой валютой. США, став основным банкиром, могли проводить эмиссию долларов, а взамен получать любые ресурсы и товары. Несмотря на то что золото сохранило мировую ценность, только США имели право разменивать через доллар любую валюту на золото.

Золотой стандарт ввели только США (1 тройская унция была приравнена к 36 долларам), поскольку к концу войны основной мировой запас золота перекочевал в США. Для наблюдения за устойчивостью валют и был создан Международный валютный фонд. Процесс возвращения к конвертируемости валют и снятия различных ограничений на экспортно-импортные расчеты завершился в европейских странах лишь к концу 1950 г.

Американское руководство в интересах дальнейшего закрепления своего влияния в экономике Европы реализовало «план Маршалла» (англ. Marshall Plan, официальное название European Recovery Program — «Программа восстановления Европы»). В его основе лежал доклад специальной группы планирования политики во главе с Дж. Кеннаном, которой была поставлена задача найти путь укрепления американского влияния в западноевропейских странах. Доклад группы «Некоторые аспекты проблем европейского восстановления с точки зрения США» был представлен тогдашнему государственному секретарю США Маршаллу 25 мая 1947 г. Доклад группы планирования политики предусматривал экономическое восстановление Западной Германии. Но чтобы помощь вчерашнему врагу не вызвала сопротивления со стороны общественности Соединенных Штатов, требовалось оказать содействие и другим западноевропейским странам, которые должны были выдвинуть программы собственного экономического восстановления и развития (предоставив США полный отчет о текущем состоянии своей экономики). Америка бралась финансировать все «предприятие».

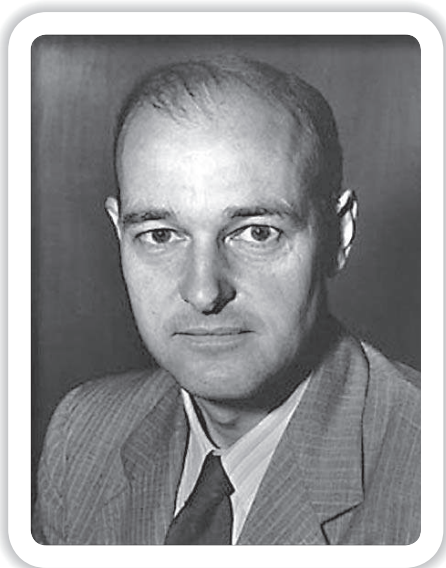
В докладе Кеннана проводилась мысль, что бороться с Россией надо укрепляя Западную Европу. Именно на эту тему госсекретарь Маршалл решил выступить в Гарварде 5 июня. В его выступлении давалось идеологическое обоснование американских притязаний на мировой контроль, которое опиралось на старую как мир политическую фигуру. Следовало найти антагониста и представить его виновником мировой напряженно-

Джордж Маршалл

сти, а собственный диктат представить как вынужденный или как благожелательное покровительство. Главный рычаг воздействия — экономический, помощь предоставлялась безвозмездно и в большом объеме. Довольно быстро к 23 мая 1947 г. был подготовлен документ, соответствующий поставленным в речи задачам. Это и явилось основой «плана Маршалла».

Официально «план Маршалла» был направлен на экономическую реабилитацию Европы. Десять лет экономического кризиса перед Второй мировой войной и пять лет войны поставили западноевропейскую экономику на грань краха. Ощущение кризиса перед возможными последствиями четко выразил британский политик Макмиллан, ставший впоследствии премьер-министром Великобритании. «Было очевидно, — писал он, — что структура капиталистического общества в его старой форме развалилась, и не только в Великобритании, но и по всей Европе... Образовалось что-то похожее на революционную ситуацию» [49, с. 25].

Вскоре после выступления Маршалла в Гарвардском университете министр иностранных дел В.М. Молотов послал в ЦК ВКП(б) записку с предложением присоединиться к американ-

Джордж Кеннан

скому плану. Советский Союз, стараясь сохранить хотя бы минимальный шанс на предотвращение раскола Европы, отправил в июне 1947 г. делегацию из 83 лучших советских специалистов в Париж на конференцию, куда американцы пригласили потенциальных получателей помощи. Судьба «плана Маршалла» оказалась под вопросом. По данным советской разведки, восточная зона оккупации в Германии, в отличие от трех западных, никогда не получит американской экономической помощи. Получатели и не получатели помощи образовывали истинный барьер размежевания в Европе. Советский Союз выступал против двух требований американцев, а именно: объединение европейских ресурсов, при котором советские фонды будут использоваться для поднятия западноевропейской промышленности; открытие счетов в США того, куда пойдут американские деньги. Советская сторона предложила изменить процедуру оказания помощи: каждая страна представила бы списки необходимых ей товаров, и США действовали бы на основе двусторонних соглашений со странами-получателями. Это предложение было отвергнуто. 2 июля 1947 г. было дано указание Молотову, уже обсуждавшему конкретику плана, покинуть французскую столицу. Довольно

неожиданно после пяти дней заседаний он взял слово и объявил, что советская делегация вынуждена покинуть совещание, поскольку это «ничто более как злостная американская схема за доллары купить Европу». Отказ СССР фактически гарантировал поддержку «плана Маршалла» в американском конгрессе.

Британский министр иностранных дел довольно быстро организовал в Париже конференцию получателей помощи по «плану Маршалла». Польша, Чехословакия и Румыния высказали свои интересы к плану. «План Маршалла» был обсужден на совещании 16 западноевропейских государств, включая Западную Германию, 12 июля 1947 г. в Париже. По настоянию советского правительства руководители восточноевропейских стран отказались от этого приглашения. При этом сам Советский Союз под действие плана не подпадал по чисто формальной причине — в связи с заявленным отсутствием у СССР бюджетного дефицита. Помимо социалистических стран Восточной Европы, от участия в «плане Маршалла» отказалась также Финляндия. Как противовес, СССР и страны Восточной Европы в 1949 г. создали Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ).

Скрытая сущность «плана Маршалла» была изложена в меморандуме о национальной безопасности США № 68 от 1950 г. В нем утверждалось, что Советский Союз не может прогрессировать без западных технологий. Поэтому можно разрешить западным фирмам передавать технологии СССР. Это выгодно, поскольку, во-первых, при смене технологии для достижения более эффективного уровня производства получатель всегда остается в стороне от «тонкостей операций». Таким образом, СССР не будет иметь стимула для создания собственных технологий, окажется в зависимости от западных технологий. Во-вторых, если Советский Союз будет ввозить технологии, ему надо будет зарабатывать или занимать валюту западных стран для их оплаты. Зарабатывать валюту СССР сможет, только экспортируя сырье, что приведет к преимущественно сырьевому развитию советской экономики. Если же СССР будет занимать деньги, то он окажется под контролем кредиторов.

Участники июльского 1947 г. Парижского совещания обсудили размеры конкретной помощи, необходимой для каждой из стран. В ответ на готовность принять ее в США был создан

Правительственный комитет по изучению состояния экономики страны и ее возможностей оказать такую помощь. «План Маршалла» начал осуществляться с 4 апреля 1948 г., когда конгресс США принял «Закон об экономическом сотрудничестве», предусматривавший четырехлетнюю программу экономической помощи Европе. Помощь получили: Австрия, Бельгия, Великобритания, Греция, Дания, Западная Германия, Исландия, Ирландия, Италия, Нидерланды, Люксембург, Норвегия, Португалия, Турция, Швеция, Швейцария, Франция.

Общая сумма ассигнований по «плану Маршалла» (с 4 апреля 1948 г. по декабрь 1951 г.) составила около 12,4 млрд долларов, причем основная доля пришлась на Великобританию (2,8 млрд), Францию (2,5 млрд), Италию (1,3 млрд), Западную Германию (1,3 млрд), Голландию (1 млрд). При этом американцы, в качестве предварительного условия предоставления помощи, потребовали выведения коммунистов из состава правительств стран, подписавших договор. К 1948 г. ни в одном правительстве Западной Европы коммунистов не было. В 1951 г. «план Маршалла» был заменен законом о взаимном обеспечении безопасности, предусматривавшим одновременное предоставление экономической и военной помощи [50].

«План Маршалла» является одной из наиболее успешных экономических программ в истории, поскольку были достигнуты практически все его политические и экономические цели.

- Американский доллар стал в Западной Европе основной международной валютой.
- Были реструктуризованы и модернизированы в короткие сроки безнадежно устаревшие в годы Второй мировой войны отрасли промышленности. В результате экономика европейских стран оправилась от последствий войны быстрее, чем этого можно было ожидать.
- Европейские страны смогли расплатиться по внешним долгам.
- США и Канада получили огромный рынок сбыта.
- Был восстановлен и укреплен европейский средний класс — гарант политической стабильности и устойчивого развития.
- Влияние коммунистов и СССР было ослаблено.

С усилением позиций в мире руководство Соединенных Штатов предприняло шаги по их обеспечению на международной арене с помощью военной силы. В 1947 г. был принят закон о национальной безопасности. Им предусматривалось формирование постоянного государственного механизма военно-политических решений, обеспечивающего использование вооруженных сил США в мирное и военное время в различных районах мира. В этих целях была перестроена военная организация и усовершенствован разведывательный аппарат.

В соответствии с принятым законом при президенте Соединенных Штатов был создан высший консультативный военно-политический орган — Совет национальной безопасности (СНБ). Военное министерство и морское министерство были заменены на единое министерство обороны (МО). Ему подчинялись министерства армии (сухопутных войск), военно-морских сил и созданное министерство военно-воздушных сил, а также Комитет начальников штабов (КНШ) и объединенный штаб при нем. СНБ придавалось новое ведомство — Центральное разведывательное управление (ЦРУ). Председатель Комитета начальников штабов и директор ЦРУ являлись советниками президента [51]. Директор ЦРУ в последующем стал директором разведывательного сообщества США, в которое вошли американские разведывательные службы других министерств и ведомств.

Согласно закону 1947 г. президент являлся верховным главнокомандующим вооруженными силами. Совет национальной безопасности был призван обеспечить координацию внешней, внутренней и военной политики в интересах национальной безопасности США. СНБ должен был разрабатывать рекомендации по вопросам внутренней и внешней политики, осуществлять взаимодействие между военными и гражданскими учреждениями, определять военную политику и решать другие проблемы разработки стратегии национальной безопасности.

Министр обороны назначался из числа гражданских лиц. На него возлагалась задача по определению основных направлений деятельности министерств видов вооруженных сил, контролю над ними, устранению ненужного дублирования и координа-

ции подготовки бюджетов¹. Комитет начальников штабов получил статус консультативного органа при президенте и министре обороны и не имел распорядительной власти. Ею наделена только высшая командная власть (National Command Authority) в лице президента и министра обороны. Статус КНШ как консультативного органа определялся нежеланием политического руководства Соединенных Штатов допустить его превращение в генеральный штаб по типу германского.

В состав Комитета начальников штабов входят начальники штабов видов вооруженных сил и комендант (командующий) морской пехоты. Председателем КНШ по закону должен быть начальник штаба при главнокомандующем. В связи с тем что после Второй мировой войны при президенте США штаб не создавался, функции председателя выполнял вначале министр обороны. Решения в КНШ принимались простым большинством голосов [52].

На Комитет начальников штабов согласно закону возлагались следующие задачи.

- Разрабатывать стратегические планы и обеспечивать стратегическое руководство вооруженными силами, включая общее руководство всеми боевыми действиями.
- Разрабатывать общие планы тылового обеспечения и распределять задачи по тыловому обеспечению между видами вооруженных сил.
- Разрабатывать совместные планы военной мобилизации и определять основные потребности вооруженных сил в личном составе по специальностям и численности и в оружии и военной технике в соответствии со стратегическими планами и планами тылового обеспечения.
- Предлагать министерствам видов вооруженных сил общие направления строительства и использования войск (сил) в качестве основы для подготовки ими собственных детальных планов.
- При соответствующих указаниях участвовать в подготовке совместных планов военных действий во взаимодействии с вооруженными силами других стран.

¹ The Army Almanac. Wash., 1950. P. 16.

- Создавать объединенные командования видов вооруженных сил в стратегических районах, где это необходимо для национальной безопасности.
- Рекомендовать в случае необходимости министру обороны обратить особое внимание на отдельные области деятельности вооруженных сил.
- Разрабатывать и представлять министру обороны для его сведения и рассмотрения указания министерствам видов вооруженных сил по подготовке проектов ежегодных бюджетов. После их согласования готовить доклад о потребностях военного ведомства. Доклад о потребностях должен включать: задачи; очередность выполнения задач; силы, необходимые для их выполнения; общие соображения по созданию военных баз и сооружений, оснащению и содержанию войск (сил), программам исследований и разработок, а также мобилизации промышленности¹.

В 1949 г. председатель КНШ стал назначаться из числа военнослужащих, что позволяло значительно расширить круг проблем по боевому использованию войск, поскольку они решались компетентными людьми. На Комитет начальников штабов было возложено дополнительно составление стратегического плана задач, в котором определялись: уровень вооруженных сил мирного времени, степень их боеготовности и потребности в случае мобилизации [53].

Согласно закону 1947 г. на министерство армии была возложена ответственность за формирование, подготовку, содержание и оснащение сухопутных войск. Министр армии назначается из числа гражданских лиц. На него возложены обязанности по правильному использованию финансовых и материальных средств, поступающих сухопутным войскам, а также по боевой подготовке личного состава, обеспечению дисциплины и морального духа армии, совершенствованию оружия и военной техники. Министр армии отвечает за охрану морского побережья и руководство гидростроительством. До конца 1970-х гг. на министерство армии возлагались оборона и управление зоной Панамского канала.

¹ The Army Almanac. Op. cit. P. 38–39.

Министр армии осуществляет руководство контингентами сухопутных войск через штаб армии, армейские военные округа на континентальной части США, командование сухопутных войск и командующих сухопутными войсками на заморских театрах военных действий. Штаб сухопутных войск возглавляет начальник штаба. Он является советником президента, министра обороны и министра армии по строительству и использованию сухопутных войск, а также главным военным советником и помощником министра армии по военным вопросам. Он отвечал за использование сухопутных войск в ходе военных действий, планирование их применения и боевую готовность.

В 1947 г. на континентальной части США было развернуто шесть армейских военных округов. Командующий округом отвечал за мобилизацию и демобилизацию личного состава, за боевую подготовку частей и соединений регулярной армии, национальной гвардии и организованного резерва, снабжение и расквартирование войск и пр. Командование сухопутных войск было лишено командных функций. Оно ведало формированием и боевой подготовкой частей, разрабатывало штаты и учебные программы, организовывало и проводило учения и маневры на континентальной части США¹.

Министерство военно-морских сил занимает важное место в военной организации Соединенных Штатов. Его значение особенно возросло с конца XIX г., когда военно-морские силы стали главным инструментом внешней экспансии. Особое положение американских военно-морских сил обусловило наличие в них трех самостоятельных родов сил: военно-морского флота, авиации ВМС и морской пехоты. Организационно же ВМС включала три составные части: аппарат министерства и штаба, оперативные силы и береговые учреждения и службы.

В военно-морских силах США традиционно управление осуществлялось посредством двух форм организации: административной и оперативной. Административная (или повседневная) организация обеспечивала повседневное управление силами, руководство боевой подготовкой, материальное и техническое снабжение и обслуживание военно-морских сил в целом. Опе-

¹ The Army Almanac. Op. cit. P. 30, 46, 48, 52.

ративная организация обеспечивала управление соединениями и объединениями разнородных сил ВМС, формируемых на период подготовки и проведения боевых операций или учений и маневров. Соответственно, согласно административной организации военно-морские силы Соединенных Штатов состояли из двух основных флотов: Атлантического и Тихоокеанского. Для проведения операций в Средиземном море, например, после Второй мировой войны был развернут оперативный 6-й флот, сохраняющийся и поныне.

В 1940-х гг. управление американскими вооруженными силами организационно было разделено по опыту ВМС на боевое управление (оперативная форма) и обеспечение (административная форма). Боевое управление стало осуществляться президентом и министром обороны через Комитет начальников штабов к выполняющим боевые (оперативные) задачи объединениям, соединениям и частям. Административное управление осуществлялось президентом и министром обороны через аппарат министерства обороны и министров видов вооруженных сил к объединениям, соединениям и частям, находящимся в стратегическом резерве. Командующие (командиры) оперативных воинских формирований становились независимыми от административного управления на период выполнения боевой задачи [54].

Оперативная организация, по мнению американского военно-политического руководства, должна иметь:

- регулярные войска (силы), численность которых совместно с союзниками должна обеспечить ведение военных действий на начальном этапе войны или вооруженного конфликта;
- резервные войска (силы), которые могут быть быстро мобилизованы;
- силы и средства перебросок, способные осуществлять быстрые переброски регулярных войск и резервов в район кризиса или военных действий [55, с. 323–324].

В соответствии с этими положениями после Второй мировой войны шло строительство сухопутных войск США. Вот как говорилось об этом в докладе первого американского министра обороны: «Соединения и части сухопутных войск на кон-

тинентальной части Соединенных Штатов составляют общий резерв, включающий стационарные силы обороны... и мобильные ударные силы, находящиеся в готовности к переброске на заморские ТВД»¹. Крупным шагом в становлении нынешней оперативной организации вооруженных сил США стало развертывание группировок американских войск (сил) на заморских театрах военных действий. Особенностью создания таких группировок являлось то, что впервые в военной истории Соединенных Штатов они стали размещаться вне американской территории уже в мирное время. Объединения, соединения и части американских войск за рубежом объединялись в командования, куда входили представители видов вооруженных сил. Отсюда они получили название Объединенных командований.

Решением президента США в декабре 1946 г. были сформированы шесть Объединенных командований: на Аляске, в зоне Атлантического океана, в Европейской зоне, в зоне Тихого океана, в зоне Центральной и Южной Америки (Карибское), на Дальнем Востоке. На командующего Объединенного командования возлагалось планирование и ведение боевых действий в зоне его ответственности. Все части и соединения, направляемые в район ответственности Объединенного командования, передавались в оперативное подчинение его командующему. Сухопутные войска и военно-воздушные силы имели свои соединения и части в Объединенных командованиях на постоянной основе. Атлантический и Тихоокеанский флоты создавали оперативные объединения и соединения под поставленные задачи. Их состав определялся для каждой задачи еще в мирное время.

* * *

Руководство Соединенных Штатов активно использовало участие во Второй мировой войне для укрепления своих позиций на международной арене. Первым шагом в этом направлении стало заключение Атлантической хартии с крупнейшей колониальной державой мира Великобританией. Американское руководство отошло от политики «изоляциизма» и предприняло шаги по обеспечению выгодного для себя мирового поряд-

¹ First Report of the Secretary of Defense. Wash., 1948. P. 60.

ка в послевоенный период. Принцип атлантизма, сформулированный на основе Атлантической хартии, позволил Соединенным Штатам активно участвовать во всех европейских делах.

В ходе переустройства мира Соединенные Штаты ставили перед собой задачу добиться монопольного положения на мировой арене. Для этого были предприняты усилия по использованию Организации Объединенных Наций в своих целях, обеспечению господствующего положения доллара в мировой финансовой системе и занятию лидирующих позиций в возрождающейся экономике Западной Европы.

С приходом к власти Трумэна в американской администрации усилились сторонники жесткой политики в отношении Советского Союза. Уже в сентябре 1945 г. военное командование США начало разработку американской военной политики после Второй мировой войны. В ней делалась ставка на использование США монополии на атомное оружие и средства его доставки, а также предусматривалось сохранение подавляюще мощных вооруженных сил в мирное время. Они должны были быть в состоянии сделать неразумным для любой крупной «агрессивной нации» (читай — СССР) начать большую войну вопреки воле США.

1.5. Размежевание

Конфликт интересов союзников по антигитлеровской коалиции после окончания Второй мировой войны усиливался. Их политические руководители, вышедшие из горнила этой войны, зачастую видели в использовании силы наиболее приемлемый способ преодоления возникающих разногласий. Но к «горячей» войне ни они, ни их народы были не готовы. Тогда была избрана холодная война, предполагавшая политику угрозы применения вооруженного насилия. Такая политика требовала поддержания постоянной готовности к «горячей войне».

Формальным началом холодной войны часто считается 5 марта 1946 г., когда Черчилль произнес свою знаменитую речь в Фултоне (США, штат Миссури). Речи было придано большое политическое звучание. Она была произнесена подобно

проповеди в церкви. Черчилль уже не занимал пост премьер-министра Великобритании, но на собрании присутствовал действующий президент США Трумэн.

В своей речи Черчилль выразил то, что он исповедовал во время всей своей политической карьеры. В годы Второй мировой войны он был вынужден по тактическим соображениям умерить свой антикоммунизм и антисоветизм. Дело дошло до официального признания своей позиции по Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. С ликвидацией угрозы фашизма в 1944–1945 гг. Черчилль вернулся к политическому неприятию Советского Союза и его политики. Выводы из международной обстановки времен окончания Второй мировой войны он впоследствии так отразил в своих мемуарах:

- Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира;
- необходимо немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения;
- этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на восток;
- главная и подлинная цель англо-американских армий — Берлин;
- освобождение Чехословакии и вступление американских войск в Прагу имеет важнейшее значение;
- Вена, по существу — вся Австрия должна управляться западными державами, по крайней мере на равной основе с русскими Советами;
- необходимо обуздать агрессивные притязания югославского маршала Тито в отношении Италии.

Речь Черчилля в Фултоне очертила новую реальность, которую после заверений в глубоком уважении и восхищении «доблестным русским народом и моим товарищем военного времени маршалом Сталиным» он определил так:

«От Штеттина на Балтике до Триеста в Адриатике железный занавес протянулся поперек континента. По ту сторону воображаемой линии — все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы. <...> Коммунистические партии, которые были очень небольшими во всех восточных государствах Европы, дорвались до власти повсюду и полу-

чили неограниченный тоталитарный контроль. Полицейские правительства преобладают почти повсеместно, и пока нигде, кроме Чехословакии, нет никакой подлинной демократии. Турция и Персия также глубоко встревожены и обеспокоены требованиями, которые предъявляет к ним московское правительство. Русские сделали попытку в Берлине создать квазикоммунистическую партию в их зоне оккупации Германии. <...> Если теперь советское правительство попытается отдельно создать прокоммунистическую Германию в своей зоне, это создаст новые серьезные трудности в британской и американской зонах и разделит побежденных немцев между Советами и западными демократическими государствами. <...> Факты таковы: это, конечно, не та освобожденная Европа, за которую мы боролись. Это не то, что необходимо для постоянного мира».

Черчилль призвал не повторять ошибок 1930-х гг. и последовательно отстаивать ценности свободы, демократии «христианской цивилизации» против тоталитаризма, для чего необходимо обеспечить тесное единение и сплочение англосаксонских наций [56]. Его речь ознаменовала грустный финал победоносной антигитлеровской коалиции. Советский Союз теперь представлялся в облике нацистской Германии 1930-х гг., и против него необходимо было мобилизовать все виды вооружений, вплоть до ядерной бомбы. Таким образом, голосом Черчилля капиталистический мир объявил СССР холодную войну.

Реакция Сталина была немедленной. Через неделю в интервью газете «Правда» он сказал: «Черчилль не одинок. Он вместе с единомышленниками предъявил народам, а значит, и СССР, определенный ультиматум: признайте наше руководство и превосходство и тогда все пойдет хорошо, в противном случае война неизбежна. Но в течение жестоких пяти лет борьбы народы проливали кровь за свободу и независимость своих стран не для того, чтобы сдаться» [57, с. 48]. Тем самым были заложены идеологические основы будущего противостояния.

Инициатива СССР на Лондонской (сентябрь 1945 г.) и Московской (декабрь 1945 г.) конференциях Совета министров иностранных дел государств антигитлеровской коалиции как-то договориться о «сферах интересов» на политическом уровне

не нашла понимания у рвущихся в единоличные мировые лидеры Соединенных Штатов. Равно как и попытки Запада блокировать появление просоветских правительств в Болгарии и Румынии потерпели неудачу. Фултоновская речь Черчилля перечеркивала даже малейшую надежду на компромисс, на прогресс в международном сотрудничестве.

А тем временем обе стороны стремились максимально использовать политические выгоды, полученные в результате разгрома фашистской Германии и ее сателлитов. Советский Союз инициировал консолидацию просоветских сил Восточной Европы, в которой проживали 90 млн человек. Восточноевропейские страны отказались присоединиться к «плану Маршалла». Существенно повысилось влияние коммунистических партий и левых общественных организаций в жизни европейских стран. В Италии пала монархия. Во Франции в реальную политическую силу превратилась Французская коммунистическая партия, за которую голосовало до 5 млн избирателей. Кроме того, в 1945 г. СССР предъявил территориальные претензии Турции и потребовал изменения статуса черноморских проливов, включая признание права Советского Союза на создание военно-морской базы в Дарданеллах, а также предоставления ему права на протекторат над Триполитанией (Ливией), чтобы обеспечить присутствие в Средиземноморье. Помимо Европы симпатизирующие СССР политические движения активно действовали в Северном Иране, Северной Корее, Индокитае, Малайе, на острове Борнео и Филиппинах¹.

Великобритания и США были особенно недовольны установлением по завершении Второй мировой войны советского контроля над странами Восточной Европы. Создание же просоветского правительства в Польше в противовес польскому эмигрантскому правительству в Лондоне воспринималось ими как угроза со стороны Советского Союза их позициям в Европе. В Соединенных Штатах все это воспринималось как «социализация Европы». По мнению правящих кругов США, с разгромом Германии весь европейский континент превратился в некий «вакуум силы», находящийся вне американского контроля. Сое-

¹ Hill-Norton P. No Soft Options. Montreal, 1978. P. 17.

диненные Штаты опасались остаться единственным бастионом традиционного капитализма [49, с. 15].

В 1947 г. США находились в зените своего материального превосходства над партнерами в капиталистическом мире. Они были еще далеки от достижения даже предвоенного уровня и просто «мерзли той зимой от холода». Советский Союз был занят восстановлением разоренного народного хозяйства. Еще не все из восточноевропейских стран стали «народными демократиями». В 1947 г. Соединенные Штаты экспортировали в Европу в семь раз больше, чем импортировали из нее. У европейских стран уже не было средств оплачивать закупки в США.

Потребовалось политическое обоснование экспансии Соединенных Штатов в Европу в отличие от того, как это было в 1918 г. Оно было сформулировано в так называемой длинной телеграмме тогдашнего политического советника американского посольства в Москве Дж. Кеннана в 1947 г. Ее положения легли в основу политической стратегии США о «сдерживании коммунизма».

Согласно пропагандистской практике в США тех лет, новая политическая стратегия была обнародована в июле 1947 г. во влиятельном журнале «Форин афферс» в статье за подписью некоего «мистера X». Он призвал Соединенные Штаты «вооружиться политикой твердого сдерживания, предназначенного противостоять русским несокрушимой контрсилой в каждой точке, где они выразят намерение посягнуть на интересы мирного и стабильного мира». Статья приобрела необычайную популярность. Ее бесконечно обсуждали и цитировали. Американские журналы «Лайф» и «Ридерс дайджест», имевшие в то время большие тиражи, напечатали выдержки из нее. Статью рассылали в посольства, особенно в Восточную Европу. В своих комментариях к идеям, изложенным в статье «мистера X», популярнейший американский обозреватель У. Липпман показал, каким путем будет осуществляться подобное «сдерживание»: «Эта политика может быть приведена в действие только рекрутированием, субсидированием и поддержкой однородного ряда сателлитов, клиентов, зависимых государств и марионеток».

Инициатором обнародования «длинной телеграммы» в «Форин афферс» стал первый министр обороны США Дж. Форре-

стол, который уже много месяцев задавал всем один и тот же вопрос: Соединенным Штатам противостоит обычное государство или они сражаются с воинственной религией? Сам Форрестол не сомневался, что имеет место второй случай. Оптимальное (с точки зрения Форрестола) объяснение дал Кеннан, который вместо испрашиваемых комментариев представил в январе 1947 г. целый опус под названием «Психологические основания советской внешней политики». В изображении Кеннана, уже возглавлявшего в то время отдел планирования госдепартамента, Советский Союз «движется неотвратимо по предначертанному пути, как заведенная игрушка, которая останавливается только тогда, когда встречает непреодолимое препятствие». Таким препятствием должна быть целенаправленная политика США по «сдерживанию» СССР. «Умелое и зоркое применение контрсилы в постоянно изменяющих свое положение географических точках, политических кризисах» — вот чего требовал Кеннан от американской политики. Он выдвинул тезис о том, что «провидение, которое потребовало от американского народа ответа на вызов, сделало всю американскую безопасность зависимой от общего национального единства, от принятия на себя ответственности за моральное и политическое лидерство, врученное стране историей».

Стратегия «сдерживания коммунизма» с помощью контрсилы потребовала ужесточения контроля над политическими взглядами внутри страны. В ноябре 1946 г. президент Трумэн создает Временную комиссию по проверке лояльности государственных чиновников. Согласно исполнительному приказу № 9835, сформировалась «федеральная система проверки лояльности». Весной 1947 г. в результате мощных и целенаправленных пропагандистских усилий враждебность американского населения к Советскому Союзу — еще два года назад бывшему важнейшему союзнику — стала фактором национальной жизни в США. Между 1945 и 1947 г. численность тех, кто начал воспринимать Россию как «агрессора», увеличилась с 38 до 66%. В стране росла антикоммунистическая истерия. В 1947 г. министр юстиции США создает список «подрывных организаций». Внутренняя безопасность стала в США важнейшим политическим вопросом.

Сталин, в свою очередь, выдвинул в 1947 г. свою стратегию, изложенную в документах Совещания коммунистических партий. В них ставилась задача освободить от империалистического влияния и превратить в естественных союзников европейские страны народной демократии (ближний круг) и зависимые и колониальные государства (дальний круг). Политическое обеспечение этих задач было возложено на Информбюро компартий. Оно стало структурой, координирующей деятельность правящих партий. Тем самым достигалось согласование политик представленных в Информбюро стран. Жесткий контроль со стороны СССР достигался проведением ряда политических процессов над руководством некоторых стран (Румыния, Чехословакия) и усилением просталинского ядра в коммунистических и рабочих партиях восточноевропейских государств.

В Венгрии, где, по оценке госдепартамента США, правила «умеренная коалиция», начался нажим на руководящую Партию мелких хозяев. В мае 1947 г. премьер Ференц Надь был обвинен в шпионаже и выслан из страны. Теперь просоветские политические силы получили главенствующее положение в стране. Исследовательский центр государственного департамента США пришел к выводу, что «свержение венгерского правительства произошло не ввиду его демократического характера. Гнев Советского Союза вызвала внешняя политика, стремление сблизиться с западными державами, особенно с Соединенными Штатами». «Демократический блок» в Польше все жестче выступал против прозападных сил. В 1947 г. была ликвидирована монархия в Румынии. Король Михай, награжденный советским орденом «Победа», отрекается от трона, и провозглашается Народная Республика. В 1948–1949 гг. Румыния получает новую просоветскую конституцию, вступает в СЭВ, проводится национализация в промышленности и коллективизация в сельском хозяйстве. Кризис в Чехословакии начался зимой 1947/1948 г. Последний остаток великой антигитлеровской коалиции — политический союз коммунистов с некоммунистами — подошел к печальному концу. Отказ Чехословакии от участия в «плане Маршалла» был первым серьезным знаком, говорящим о том, что компромисс двух систем уже едва ли возможен. Левым в исключительной мере помогло то обстоятельство, что Соединен-

ные Штаты отказались предоставить экономическую помощь этой стране. Это в высшей степени неблагоприятно подействовало на престиж США в Праге. Урожай 1947 г. в Чехословакии был крайне плох. Прага обратилась к Вашингтону. США твердо стояли на том, что за плохую политику они не платят. Без радикальной смены внешнеполитического курса Прага не получит американской помощи. На помощь устремился Советский Союз — страдавший сам от продовольственных проблем, он сумел предоставить Чехословакии 40% необходимого ей продовольствия. Прозападные политики в Праге понесли трудно восполнимый ущерб. Но еще большее значение для чехов имело желание США восстановить западногерманскую экономику. 20 февраля 1948 г. 12 некоммунистических членов чехословацкого правительства сложили свои полномочия. Последовали пять дней политического кризиса. 25 февраля было сформировано коммунистическое правительство.

Внутри СССР была развернута кампания борьбы с «низкопоклонством перед Западом», генетика и кибернетика были объявлены буржуазными лженауками. Остракизму подверглись выдающиеся ученые. Был ликвидирован в 1948 г. Еврейский антифашистский комитет. Он сыграл немалую роль в организации частных пожертвований из США в годы Второй мировой войны. Записка, подписанная Сталиным и Молотовым, была впоследствии оформлена как решение Политбюро и бюро Совета министров СССР. В ней комитет объявлялся центром антисоветской пропаганды, регулярно поставляющим антисоветскую информацию органам иностранной разведки.

Внешнеполитическая деятельность Советского Союза привела к тому, что к 1948 г. начала складываться система межгосударственных договоров о дружбе и взаимопомощи между СССР и странами Восточной Европы, имевшими «антизападную» ориентацию. Эти двусторонние соглашения (в сумме 35 договоров) складывались в единую, взаимосвязанную систему. В 1949 г. был создан Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ).

Проходила консолидация и западноевропейских стран. В 1948 г. был создан Западноевропейский союз. Пять западноевропейских государств — Бельгия, Великобритания, Люксембург, Нидерланды и Франция — заключили так называемый Брюссель-

ский пакт. Первые три статьи Договора были посвящены экономическому, социальному и культурному сотрудничеству, но именно создание «коллективной самообороны» против возможного агрессора (в первую очередь СССР) стало сущностью этого документа. Согласно Пакту страны-участницы обязались, что в случае, если одна или несколько из них становится объектом вооруженного нападения или агрессии, «предоставят военную поддержку атакованной Стороне и другую помощь». Основными причинами подписания Брюссельского пакта были: страх перед «советской военной угрозой» — опасения агрессии со стороны СССР и его союзников из числа стран Центральной и Юго-Восточной Европы; недопущение возрождения германского милитаризма и новых попыток развязывания войны со стороны Германии. Брюссельский пакт, по сути, предвосхитил создание НАТО.

Консолидация западных стран проходила на фоне усиления лидирующей роли Соединенных Штатов. Перед лицом снижения военно-политических возможностей Великобритании сохранить контроль в Средиземном море американское руководство приняло решение взять ответственность за этот регион на себя. С этой целью 12 марта 1947 г. президент США выступил на заседании конгресса с «Доктриной Трумэна». В своей речи американский лидер заявил, то внешняя политика и национальная безопасность Соединенных Штатов находятся под угрозой. США получили от греческого правительства просьбу о финансовой и экономической помощи. Предварительные сообщения от американской экономической миссии в Греции и сообщения от американского посла в этой стране подтверждают утверждение греческого правительства, что помощь крайне необходима, чтобы Греция могла остаться свободной страной. Греция — не богатая страна. С 1940 г. она перенесла вражеское вторжение, четыре года жестокой оккупации и междоусобную борьбу. Когда войска союзников освободили Грецию, они увидели, что отступающие немцы разрушили фактически все железные и шоссейные дороги, портовые сооружения, коммуникации и торговый флот. Более тысячи деревень были сожжены. Инфляция уничтожила практически все сбережения.

«В результате этих трагических событий, — продолжал американский президент, — воинственное меньшинство, эксплуа-

тируя человеческое сознание, было в состоянии создать политический хаос, который мешает восстановлению экономики. В Греции сегодня нет капиталов, чтобы финансировать импорт тех товаров, которые являются жизненно важными. Страна отчаянно нуждается в финансовой и экономической помощи, чтобы возобновить закупки пищи, одежды, топлива и семян, которые крайне необходимы для пропитания и жизненных нужд ее людей и доступны только из-за границы. Греция нуждается в помощи, чтобы импортировать товары, необходимые для восстановления внутреннего рынка и безопасности. Греческое правительство также попросило помощи опытных американских администраторов, экономистов и техников, чтобы финансовая и другая помощь, оказываемая Греции, использовалась бы эффективно в создании устойчивой и самоподдерживающейся экономики и в улучшении ее государственной службы.

В заключении Трумэн заявил: «Самому существованию греческого государства сегодня угрожают террористические действия нескольких тысяч вооруженных партизан, возглавляемых коммунистами, особенно на северной границе. Тем временем греческое правительство неспособно справиться с ситуацией. Греческая армия мала и плохо экипирована. Она нуждается в снабжении и в вооружении для того, чтобы восстановить власть правительства над всей территорией Греции. Соединенные Штаты обязаны предоставить Греции эту помощь. Никакая другая нация не желает и не способна обеспечить необходимую поддержку демократическому греческому правительству. Правительство Греции не идеально. Однако оно представляет восемьдесят пять процентов членов греческого Парламента, которые были выбраны на выборах в прошлом году».

«Турция, сосед Греции, — отмечал президент Трумэн, — также заслуживает нашего внимания. Будущее Турции как независимой и экономически значимой страны не менее важно для демократического мира, чем будущее Греции. Ситуация, в которой Турция оказалась сегодня, значительно отличается от ситуации в Греции. Турцию обошли стороной те бедствия, которые были в соседней стране. И в течение войны Соединенные Штаты и Великобритания оказывали Турции мате-

риальную помощь. Однако сейчас Турция нуждается в нашей поддержке, чтобы осуществить необходимую модернизацию для сохранения ее территориальной целостности. Британское правительство сообщило нам, что вследствие его собственных трудностей оно больше не может оказывать финансовую и экономическую помощь Турции. Как и в случае с Грецией, мы являемся единственной страной, способной оказать эту помощь. Мы должны поддерживать свободные нации, их демократические учреждения и их национальную целостность против агрессивных поползновений со стороны тоталитарных режимов, подрывающих мир во всем мире путем прямой или косвенной агрессии, и, следовательно, безопасность Соединенных Штатов».

«Правительство Соединенных Штатов, — отметил президент США, — часто заявляло протесты против политики принуждения и запугивания в нарушение Ялтинского соглашения в Польше, Румынии и Болгарии. В настоящий момент почти каждая нация в мире должна выбрать между альтернативными образами жизни. Соединенные Штаты должны поддерживать свободные народы, которые сопротивляются агрессии вооруженного меньшинства или внешнему давлению. Мир не стоит на месте, и статус-кво не нерушим. Но США не могут позволить изменения в равновесии сил методами принуждения или агрессии. Если бы Греция подпала под контроль вооруженного меньшинства, этот эффект мог бы распространиться на ее соседа, Турцию. Беспорядок и анархия могли бы распространиться по всему Ближнему Востоку. Если Соединенные Штаты окажутся не в состоянии помочь Греции и Турции, то это будет иметь далеко идущие последствия как для Запада, так и для Востока».

Трумэн обратился к конгрессу с предложением о предоставлении для помощи Греции и Турции 400 млн долларов в течение периода, заканчивающегося 30 июня 1948 г. В дополнение к деньгам он запросил Конгресс дать разрешение на отправку американского гражданского и военного персонала в Грецию и Турцию по просьбе этих стран, чтобы помочь в решении задач государственной модернизации и ради наблюдения за использованием финансовой и материальной помощи.

Противостояние СССР и США развертывалось и в Организации Объединенных Наций. Советский Союз с самого начала попытался использовать ООН для осуществления разоружения. Это соответствовало принципам внешней политики СССР, выработанным перед Второй мировой войной, когда разоружение было реальной мерой предотвращения войны. Разоружение отвечало также необходимости сокращать после войны собственные вооруженные силы.

Советская программа исходила из того, что регулирование и сокращение вооружений являются одними из основных и важнейших элементов создания системы безопасности. В ней предлагалось осуществить полное разоружение с целью устранения опасности новой войны. В связи с предложением Советского Союза в 1946 г. была создана специальная комиссия. В ее работе приняли участие СССР, США, Великобритания, Франция, Канада. Заседала она в Лондоне. Сразу же выяснилось, что из участников комиссии только Советский Союз настаивает на необходимости разоружения. Другие участники дружно блокировали любое предложение, которое способствовало бы не только разоружению, но и сдерживанию гонки вооружений. Дух Фултона уже в то время витал в комиссии. Причина такой тактики на переговорах была изложена представителем США в комиссии Стивенсоном в частной беседе. Он прямо заявил, что для США неприемлемо само направление дискуссии о разоружении. Американский крупный бизнес не мыслит своего существования без производства оружия. Никто всерьез в Вашингтоне идеи разоружения не принимает. Соединенные Штаты выступают за контролируемое вооружение [21, С. 343].

В условиях американско-британской монополии на атомное оружие Советский Союз также попытался использовать ООН в борьбе за запрещение ядерного оружия, за то, чтобы поставить его вне закона. Советское государство заявило, что использование атомной энергии в военных целях несовместимо с совестью человечества. Оно выступило с предложением заключить международную конвенцию о запрещении навечно военного использования атомной энергии, переключив ее только на мирные цели. От имени Советского Союза в созданной

в 1946 г. комиссии по атомной энергии Организации Объединенных Наций было заявлено:

«Обстоятельства сложились так, что одно из величайших открытий человечества вначале нашло свое материальное претворение в определенном виде оружия — в атомной бомбе. Однако хотя до настоящего времени такое использование атомной энергии является единственным практически известным путем ее применения, человечество стоит на пороге широкого применения атомной энергии в мирных целях на благо народов... Существуют два возможных пути для использования этого открытия: один — использование в целях производства средств массового истребления, второй — использование его во благо человечества. Парадоксальность положения состоит в том, что первый путь более изучен и освоен. Второй — практически неизвестен.

Открытие методов использования атомной энергии не может оставаться в течение более или менее продолжительного времени достоянием только одной страны... Оно неизбежно станет достоянием ряда стран... В развитие этих общих положений были внесены на рассмотрение комиссии конкретные предложения:

- а) не применять ни при каких обстоятельствах ядерного оружия;
- б) запретить производство и хранение оружия, основанного на использовании атомной энергии;
- в) уничтожить в трехмесячный срок весь запас готовой и незаконченной продукции атомного оружия... [21, С. 347]».

Советское предложение рассматривалось на комиссии по атомной энергии, в которую входили представители государств — членов Совета Безопасности. Естественно, что ядро в комиссии составляли представители пяти держав — постоянных членов Совета. Председателем комиссии был назначен американец Бернард Барух. Но к видимым результатам обсуждение советского предложения не привело. При обсуждении вопроса усилия одних стран направлялись на сохранение ядерного оружия, утверждение монополии США, а других — на то, чтобы запретить это оружие на вечные времена.

В качестве противодействия инициативе СССР был выдвинут «план Баруха». Суть предложения сводилась к тому, чтобы

сохранить за США монополию на ядерное оружие. Фактически Советскому Союзу, да и всему миру предлагалось надеяться на Вашингтон и в значительной мере отдать в его руки судьбу своей безопасности. Для этого в плане предусматривалось создание международного органа для контроля за использованием атомной энергии. Соединенные Штаты, по существу, и не скрывали, что намерены занять в указанном органе как единственный обладатель атомной технологии главенствующее положение, удерживать за собой бразды руководства всем делом производства расщепляющихся материалов и их хранения, вмешиваться под предлогом необходимости международной инспекции во внутренние дела суверенных стран. В качестве санкции за нарушение правил контроля предусматривалось нанесение превентивного атомного удара. По свидетельству американского историка М. Шерри, Комитет начальников штабов США в развитие «плана Баруха» выступал «за атомную атаку не только в случае готовящегося советского нападения, но и в том случае, если успехи противника в промышленности или науке дадут основание предположить о приобретении им способности к нападению в конечном итоге на Соединенные Штаты или же к обороне против нашего нападения» [58]. Разумеется, такого рода контроль и инспекция применительно к ядерному оружию оказались нереальными. Советский Союз не мог принять план, который означал грубое нарушение суверенитета и интересов безопасности страны.

Вторым направлением борьбы за разоружение стал вопрос о создании вооруженных сил ООН, способных обеспечивать мир и безопасность от имени организации. В Уставе Организации Объединенных Наций предусмотрена Глава VII «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии». Ключевую роль в реализации мер, предусмотренных в этой главе, играет Совет Безопасности ООН.

Согласно статье 39, на него возлагается определение существования любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и выработка рекомендации или решения о том, какие меры следует предпринять для поддержания или восстановления международного мира и безопасности.

Статьей 41 Совет Безопасности уполномочивается решать, какие меры, не связанные с использованием вооруженных сил,

должны применяться для осуществления его решений, и он может потребовать от членов организации применения этих мер. Эти меры могут включать полный или частичный перерыв в экономических отношениях, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средствах сообщения, а также разрыв дипломатических отношений.

Статья 42 гласит: «Если Совет Безопасности сочтет, что меры, предусмотренные в статье 41, могут оказаться недостаточными или уже оказались недостаточными, он уполномочивается предпринимать такие действия воздушными, морскими или сухопутными силами, какие окажутся необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Такие действия могут включать демонстрации, блокаду и другие операции воздушных, морских или сухопутных сил членов организации».

Согласно статье 45, в целях обеспечения для Организации Объединенных Наций возможности предпринимать срочные военные мероприятия, члены организации должны держать в состоянии немедленной готовности контингенты национальных военно-воздушных сил для совместных международных принудительных действий. Численность и степень готовности этих контингентов, планы их совместных действий определяются Советом Безопасности с помощью Военно-Штабного комитета в пределах, указанных в особом соглашении или соглашениях.

Статья 47 предусматривала:

Создается Военно-Штабной комитет для того, чтобы давать советы и оказывать помощь Совету Безопасности по всем вопросам, относящимся к военным потребностям Совета Безопасности в деле поддержания международного мира и безопасности, к использованию войск, предоставленных в его распоряжение, и к командованию ими, а также к регулированию вооружений и к возможному разоружению.

Военно-Штабной комитет состоит из Начальников Штабов постоянных членов Совета Безопасности или их представителей. Любой член организации, не представленный постоянно в Комитете, приглашается Комитетом сотрудничать с ним,

если эффективное осуществление обязанностей Комитета требует участия этого члена организации в работе Комитета.

Военно-Штабной комитет, находясь в подчинении Совета Безопасности, несет ответственность за стратегическое руководство любыми вооруженными силами, предоставленными в распоряжение Совета Безопасности. Вопросы, относящиеся к командованию такими силами, должны быть разработаны позднее.

Военно-Штабной комитет может, с разрешения Совета Безопасности и после консультации с надлежащими региональными органами, учредить свои региональные подкомитеты.

Вопрос формирования вооруженных сил ООН был предметом дискуссий в первые годы существования организации. США настойчиво пробивали предложение о превращении Военно-Штабного комитета (ВШК) в Объединенный комитет начальников штабов по типу американо-британского Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ) периода Второй мировой войны. Ему должен был подчиняться постоянный военный контингент, сформированный из представителей вооруженных сил стран — членов ООН. Но это предложение не было реализовано, и ВШК стал функционировать как чисто консультативный орган.

Советскому руководству не удалось решить вопрос в ООН и об американских базах в Европе после окончания Второй мировой войны. Советский Союз всегда исходил из того, что войска США и американские базы на территории западноевропейских государств представляют собой фактор, противоречащий интересам мира. Их сохранение шло в разрез с настроениями в Соединенных Штатах по этому вопросу в годы Второй мировой войны. Во время Ялтинской конференции президент Рузвельт высказал мысль, что Соединенные Штаты примут все разумные меры, чтобы сохранить мир, но не ценой содержания большой армии в Европе на расстоянии 3 тыс. миль от США. Поэтому американская оккупация ограничится сравнительно коротким сроком. В реальности же решение о размещении американских войск за рубежом на постоянной основе было принято еще при жизни президента Рузвельта.

Сразу после войны лидеры стран Запада при постановке этого вопроса отмалчивались, а на всех переговорах отказывались обсуждать вопрос о военных базах на чужих территориях. Так обстояло дело и на сессиях Генеральной Ассамблеи, в Совете Безопасности ООН, разных комитетах и подкомитетах по разоружению. К тому же в 1948 г. Соединенные Штаты принимают «резолюцию Ванденберга» как официальный отказ США от практики неприсоединения к военно-политическим блокам за границами Западного полушария в мирное время.

Центром противостояния ведущих стран антигитлеровской коалиции после Второй мировой войны стала поверженная Германия. Управление ею осуществлялось Контрольным советом из представителей держав-победительниц. В соответствии с Декларацией о поражении Германии, подписанной в Берлине 5 июня 1945 г., верховную власть в стране временно взяли на себя правительства СССР, США, Великобритании и Франции. Германия была разделена на четыре оккупационные зоны. В каждой из них верховная власть принадлежала главнокомандующему соответствующими оккупационными войсками. Вопросы, затрагивавшие Германию в целом, был призван разрешать Контрольный Совет (КС) в составе четырех главнокомандующих.

Для осуществления контроля за выполнением Германией условий безоговорочной капитуляции и управления советской зоной оккупации в Германии, то есть для упорядочения и централизации деятельности советского военного командования в Германии по переводу страны на мирные рельсы, 6 июня 1945 г. постановлением Совета Народных Комиссаров СССР была образована Советская военная администрация (СВАГ). Главной начальствующим СВАГ в Германии был назначен главнокомандующий Советскими оккупационными войсками в Германии Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. Его первым заместителем стал генерал армии В.Д. Соколовский, заместителем по делам гражданской администрации — комиссар госбезопасности 2-го ранга И.А. Серов, начальником штаба — генерал-полковник В.В. Курасов. При Главной начальствующем СВАГ в качестве политического советника действовал политический советник при Главном командующем Советскими оккупационными войсками.

Таким образом, в Германии в тот период устанавливались как бы две параллельные военные и военно-административные структуры: Советские оккупационные войска и Советская военная администрация. Руководство обеими структурами осуществлял один Главнокомандующий. У него в тот период сосредоточивалась фактически абсолютная власть в советской зоне оккупации в Германии. Для решения конкретных вопросов при Главноначальствующем СВАГ устанавливались должности помощников: по военно-воздушным делам, военно-морским делам и по экономическим вопросам. Для осуществления функций Советской военной администрации в бывших федеральных землях Германии, входящих в советскую зону оккупации, были учреждены должности уполномоченных по СВАГ, на которые назначались старшие офицеры приказом главнокомандующего Советскими оккупационными войсками в Германии.

9 июня 1945 г. маршал Г. Жуков издал приказ СВАГ № 1 об организации Советской военной администрации. Следующим приказом № 2 от 10 июня разрешалась деятельность демократических партий и свободных профсоюзов в Германии. Сразу же после приказа Г. Жукова № 2 по СВАГ было выпущено «Обращение ЦК Коммунистической партии Германии» к немецкому народу, где выдвигалась программа преобразований в стране. С самого начала немецкие коммунисты были опорой советской военной администрации и составляли костяк местных органов власти. С другой стороны, значительная часть местного населения оккупированных районов Германии старалась держаться подальше от всяких политических партий и общественных организаций.

Одной из важнейших задач, которая встала перед Советской военной администрацией в Германии, стала работа по демонтажу ряда немецких промышленных предприятий, которая велась в рамках взыскания с Германии репараций. Эта большая политическая задача, неоднократно обсуждавшаяся и решенная великими державами еще до окончания войны, вызывала естественное недовольство местного немецкого населения. Проблемы большой политики были для простых жителей немецких городов и сел абстракцией, а вот демонтаж предприятия, где они работали многие годы, был для них большой трагедией.

В политических донесениях советских войск встречаются негативные высказывания немцев в отношении демонтажа оборудования и его вывоза в СССР.

Вскоре трения между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции стали нарастать. Если в 1945–1946 гг. Контрольный Совет еще смог принять ряд решений, направленных на осуществление решений Потсдамской конференции о демилитаризации Германии, то в последующем его деятельность оказалась практически парализованной. Западные страны все более ориентировались на конфронтацию с Советским Союзом. Наиболее последовательным выразителем этого курса стал в последние месяцы войны Черчилль. Аналогичные взгляды в целом разделяло и американское руководство. Так, заместитель государственного секретаря США Дж. Грю в меморандуме, составленном им весной 1945 г., заявил, что война с Советским Союзом «неизбежна», что она может разразиться в ближайшие годы. Он призывал американское правительство к укреплению своих позиций по отношению к СССР, чтобы держать его под угрозой. В США появился тезис о необходимости «сдерживания» коммунизма. С приходом к власти Г. Трумэна антисоветский курс стал во внешней политике США официальным.

В ноябре 1945 г. советская сторона представила Контрольному Совету меморандум, в котором указывалось, что в одной только английской зоне оккупации содержалась целая немецкая армейская группа под командованием Мюллера численностью свыше 200 тыс. человек и были заново организованы два военных округа с соответствующими управлениями, штабами, службами, комендатурами, а в Шлезвиг-Гольштейнии расквартировано около 1 млн немецких солдат и офицеров. В декабре 1945 г. Контрольный Совет принял решение о роспуске такого рода военных формирований, но фактически они были сохранены в урезанном виде как «рабочие батальоны», «вспомогательные части» и пр. Эти формирования в дальнейшем составили основу бундесвера. Крайне острой в отношениях между бывшими союзниками стала проблема Рурской области. Советский Союз добивался того, чтобы значительная часть выплавленной в этой области стали была предоставлена ему в качестве репараций. Западные страны активно препятствовали этому, понимая, на

какие нужды немецкая сталь пойдет в Советском Союзе. Взаимное недовольство в средствах массовой информации между западными союзниками и СССР приобрело в конце концов черты пропагандистской войны. Одной из основных ее тем стал якобы принудительный и не оговоренный предыдущими договоренностями демонтаж немецких предприятий и оборудования, производимый советскими властями. Такие факты действительно имели место, но демонтаж производился также и англичанами, и американцами.

В 1946 г. в английской оккупационной зоне сложилось едва ли не катастрофическое положение с продовольственным обеспечением немецкого населения, что побудило британское руководство публично заявить о своей неспособности самостоятельно решить эту задачу. Но ни одна из сторон не собиралась уступать ни при каких обстоятельствах. В сложившейся обстановке политико-дипломатическое пространство для взаимных компромиссов в отношениях между СССР и Западом сокращалось с каждым днем. Первыми в наступление перешли западные союзники.

В июле 1946 г. США выдвинул требование о сохранении экономической целостности Германии. 6 сентября 1946 г. в Штутгарте государственный секретарь США Бирнс подтвердил объявленное накануне решение об экономическом объединении американской и английской зон оккупации и наметил основные направления этого курса. Его ближайшей целью являлась ликвидация четырехстороннего управления оккупированной территорией и создание сепаратного западногерманского государства. Подобное решение было продиктовано одним. Возрождение экономически сильной Западной Германии и в Соединенных Штатах, и в Великобритании стало рассматриваться в качестве решающего фактора в западноевропейской системе безопасности в целом. Для Москвы это было абсолютно неприемлемо. В ответ на отказ СССР Соединенные Штаты и Великобритания приступили к объединению их оккупационных зон. 2 декабря 1946 г. они подписали в Нью-Йорке соответствующее соглашение, положив начало Бизонии. Она была создана в нарушение четырехсторонних соглашений (СССР, США, Великобритании и Франции) о Германии.

В конце марта — начале апреля 1947 г. в Москве состоялась конференция четырех министров иностранных дел (США, СССР, Великобритания, Франция), призванная наконец решить будущую судьбу Германии. На самом деле конференция лишь продемонстрировала всю глубину и непреодолимость возникших противоречий по этому вопросу. Бывшие союзники расстались почти враждебно. Советская разведка установила факт тайной договоренности между Соединенными Штатами и Великобританией о том, что в ходе реализации программы послевоенного восстановления Европы и прежде всего Германии будут прекращены репарационные платежи Советскому Союзу из текущей продукции западногерманских предприятий. Уже в ноябре 1947 г. США начали вводить в действие целую систему ограничительных и запретительных мер в сферах финансов и международной торговли, что фактически ознаменовало начало полномасштабной экономической войны Запада против Москвы.

На Лондонском сепаратном совещании представителей США, Великобритании и Франции по германскому вопросу (1948) было принято решение о присоединении к Бизонии французской зоны оккупации Германии. 8 апреля 1949 г. Франция присоединила к ней свою зону. Американо-английская Бизония превратилась в Тризонию, из которой в том же году образовалась Федеративная Республика Германия. В соответствии с этим решением в сентябре 1949 г. были сформированы органы государственной власти ФРГ.

После создания Бизонии стало очевидно, что политический диалог союзников о путях развития Германии зашел в тупик. Еще в ходе Московской сессии Совещания министров иностранных дел (СМИД), проходившей в марте-апреле 1947 г., советская делегация возобновила требования по организации поставок текущей продукции в счет репараций. Ее оппоненты настаивали на прекращении репарационных изъятий и предоставлении немцам возможности восстановить экономическую систему. Дискуссия не привела к какому-либо конкретному результату. Сорвалась и попытка проведения совещания представителей всех германских земель, посвященного выработке единой стратегии восстановительных мероприятий. Следующая Лон-

донская сессия СМВД, состоявшаяся в ноябре-декабре 1947 г., завершилась также безрезультатно, даже без согласования места и времени следующей встречи. В феврале-июне 1948 г. состоялись два раунда Лондонской конференции по германскому вопросу, на которой впервые не было советской делегации, но зато участвовали представители Бельгии, Голландии и Люксембурга. Конференция приняла решение о созыве Учредительного собрания для выработки конституции нового германского государства.

Помимо жесткой позиции СССР в выплате репараций, обострение германского вопроса было связано с изменением внешнеполитического курса США. С принятием «доктрины Трумэна» Соединенные Штаты начали рассматривать Европу в контексте блоковой стратегии, проявившейся в сохранении своих баз за рубежом. Важным шагом стал «план Маршалла». Первоначально ни Германия в целом, ни ее западные зоны не рассматривались в качестве участника программы экономической помощи. Ситуация изменилась в январе 1948 г. На совещании министров Бизонии было принято решение о проведении комплекса мер по подготовке экономической реформы в этих землях. Создавались верховный суд и центральный банк, расширялись функции Экономического совета и центральных управлений, объединенных в директорат. Был достигнут компромисс с французским правительством. После передачи под французское управление Саарской области в залог репарационных выплат Франция согласилась на присоединение своей оккупационной зоны к британо-американской. Саар же находился под контролем Франции до возвращения в состав ФРГ в 1957 г.

В период проведения Лондонской конференции по германскому вопросу американская администрация приняла решение о распространении «плана Маршалла» на западные оккупационные зоны Германии. В соглашении по этому поводу оговаривалось, что возрождение экономики Западной Германии является частью плана европейского развития на принципах индивидуальной свободы, свободных учреждений, построении «здоровых экономических условий, прочных международных связей, обеспечения финансовой стабильности». Обеспечива-

лись также условия контроля американских специальных органов над ходом экономической реформы, снятие таможенных ограничений немецкого рынка, продолжение политики демонаполизации. За первый год реализации «плана Маршалла» Западная Германия получила от США 2,422 млрд долларов (почти столько же, сколько Великобритания и Франция вместе взятые, и почти в три с половиной раза больше, чем Италия). Но поскольку часть германской продукции сразу начала поступать в США в счет погашения долга, то в итоге на долю Германии пришлось не самая крупная часть американской помощи — в общей сложности около 10% (6,7 млрд марок).

Ключевой проблемой для развертывания экономической реформы в Германии являлось создание «твердых денег», ликвидация губительных последствий гиперинфляции. Денежная реформа в западных зонах началась 20 июня 1948 г. Официальное соотношение обмена было установлено в пропорции 10 рейхсмарок за одну новую немецкую марку (кроме того, каждый человек мог обменять 40 марок по курсу 1:1). Получить на руки можно было вначале лишь 5% обмениваемой суммы. После проверки законности доходов налоговыми властями выдавалось еще 20%, затем — 10%. Остальные 65% ликвидировались. Окончательная квота обмена составила 100 рейхсмарок за 6,5 немецких марок. Пенсии, заработная плата, пособия пересчитывались в соотношении 1:1. Все старые государственные обязательства аннулировались. Таким образом, огромная денежная масса ликвидировалась. Появление «твердых денег» уничтожило «черный рынок» и подорвало систему бартерных сделок.

Успешная экономическая реформа 1948 г. сопровождалась обострением политической ситуации в Германии. Несмотря на наличие сведений о подготовке обмена денежных купюр в западных зонах (западные губернаторы официально уведомили советскую сторону о предстоящей реформе только за два дня до ее проведения, но оперативные данные позволяли проследить весь ход подготовки), СВАГ не предприняла каких-либо мер, предупреждающих появление в Восточной Германии массы обесцененных старых марок, способной подорвать потребительский рынок. С этого момента не только в Германии в целом, но и внутри самого Берлина в обращении стали циркулировать

две различные денежные единицы, что создало серьезные сложности в работе советской администрации.

В конце февраля 1948 г. просоветские силы пришли к власти в Чехословакии. Тогда западные лидеры удвоили свои усилия по созданию Западной Германии и включению нового государства в европейскую систему экономического восстановления по американским лекалам. В ответ советские власти выступили с требованием о предоставлении им права осматривать составы военного назначения, идущие из западных зон Германии в Берлин. Среди берлинского населения стал быстро распространяться военный психоз. Немалую роль в подспудно назревавшем кризисе сыграл и личностный фактор, прежде всего непримиримая антисоветская позиция американского генерала Клея, назначенного военным комендантом Западного Берлина.

Очевидным недостатком Клея было отсутствие сколько-нибудь значимого боевого опыта. В годы Второй мировой войны он пробыл на театре военных действий лишь несколько месяцев. Об опыте боевого сотрудничества советских и американских войск он имел самое смутное, приблизительное представление. Направляясь в Германию, к месту своего нового назначения, Клей отнюдь не был настроен на какое-либо тесное взаимодействие с советскими властями. В результате с первых же шагов он сознательно пошел на обострение и без того сложных отношений между союзниками. Несмотря на возражения своих западных коллег в Союзной администрации, генерал Клей настоял на быстром восстановлении механизма самоуправления в Германии. Кроме того, он потребовал передать процесс денацификации страны под контроль самих немцев. Это привело к определенным осложнениям во взаимоотношениях Клея даже с британским главнокомандующим в Германии маршалом Королевского воздушного флота Ш. Дугласом, считавшим эти действия преждевременными.

В марте 1948 г. напряженность в отношениях между бывшими союзниками достигла своего пика после инцидента, происшедшего на заседании Союзной контрольной комиссии. В ходе ее работы глава советской делегации маршал В.Д. Соколовский покинул зал заседания, заявив, что действия западных держав в их зонах оккупации фактически парализовали деятельность

комиссии. Уход советской делегации был вызван атмосферой недоверия и подозрительности, сложившейся в Контрольном Совете. В частности, западные союзники обвиняли советское правительство в том, что оно предпринимает «слишком энергичные меры» для создания коммунистического правительства в восточной зоне. Запад заявлял также о наличии некоего «всеобъемлющего советского плана» в отношении Германии, разработанного «специальной комиссией». В ее состав якобы входили шесть высших немецких штабных офицеров и два влиятельных бывших члена организации «Стальной шлем».

Не оставалась в долгу и советская сторона, также подозревавшая западные державы в «нечистоплотной игре». Маршал Соколовский неоднократно настаивал на неприемлемом для западной стороны условии: предоставить советским властям право выдавать торговые лицензии на всей территории Берлина. Даже незначительного повода в установившейся обстановке нетерпимости между бывшими союзниками было достаточно для разрыва отношений. Однако инициативный выход советской стороны из Контрольного Совета был явно поспешен. Его негативно восприняло и немецкое население советской зоны оккупации, и даже политические союзники. Бюро информации СВАГ периодически фиксировало это в своих документах и обзорах. Так, член Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) Х. Шлегель, комментируя уход маршала Соколовского с заседания Контрольного Совета, заявил: «Соколовский показал, чего стоят заявления Советского Союза о своей воле к единству Германии и миру. Русские постоянно утверждают, что они правы, но на деле выходит, что их понятие права совершенно другое, чем у остального мира».

Еще более резко выказывали недовольство представители других политических партий, деятельность которых была разрешена СВАГ в соответствии с договоренностями в Ялте и Потсдаме. Помимо Коммунистической партии Германии, в советской зоне официально возобновили свою деятельность Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), Христианско-демократический союз (ХДС), Либерально-демократическая партия (ЛДП) и Объединение свободных немецких профсоюзов. В апреле 1946 г. коммунисты и социал-демократы объединились

в Социалистическую единую партию Германии (СЕПГ). Нежелание сторон искать и даже обсуждать какие бы то ни было компромиссы в своих взаимоотношениях загоняло ситуацию в тупик.

В этих условиях Москва приступила к подготовке своего «ответа» бывшим союзникам в наиболее уязвимом для них месте. Таким местом являлись коммуникационные линии, ведущие из западных зон оккупации Германии в Западный Берлин. Четко согласованных норм, регламентировавших систему коммуникаций между западными оккупационными зонами и соответствующими секторами Берлина, не было. По завершении войны для этой цели просто было выделено несколько шоссе и железных дорог, а также три «воздушных коридора».

После сепаратной Лондонской конференции по германскому вопросу в феврале-июне 1948 г. был разработан план «контрольно-ограничительных мероприятий на коммуникациях Берлина и советской зоны с западными зонами оккупации Германии». Он представлял собой программу давления на западных союзников путем введения транспортной («кроме ограничений по воздушному сообщению») блокады западных оккупационных секторов Берлина. Осуществление плана возлагалось на Главнокомандующего Группой Советских оккупационных войск (ГСОВГ) и руководителя Советской военной администрации в Германии (СВАГ) Маршала Советского Союза В. Соколовского.

25 марта 1948 г. В. Соколовский подписал приказ «Об усилении охраны и контроля на демаркационной линии советской зоны оккупации в Германии», в котором начальнику транспортного управления СВАГ предписывалось обеспечить сокращение до минимума движения пассажирских поездов и транспортов американских, английских и французских войск. Через два дня, в соответствии с его же приказом «Об усилении охраны и контроля на внешних границах Большого Берлина», были введены существенные ограничения на передвижение людей и транспортные перевозки через берлинские границы. 15 апреля американской стороне было предложено эвакуировать подразделения войск связи, расположенные в советской зоне оккупации в Веймаре. 31 марта советское правительство заявило, что деятельность «подрывных и террористических элементов»

обусловливает необходимость принятия более жестких мер для регулирования движения между Берлином и западными зонами, и ввело целый ряд ограничений, резко сокративших объем движения транспортных средств в город. При этом движение военных эшелонов из западных зон оккупации вообще было прекращено.

Раздраженный действиями советского командования, американский военный комендант в Германии генерал Клей направил в Берлин несколько эшелонов с вооруженной охраной и приказом не допускать никаких проверок и инспекций со стороны русских. Однако эшелоны уперлись в советские блокпосты, перекрывшие доступ в Берлин. Не дожидаясь санкции Вашингтона, Клей приказал доставлять необходимые грузы самолетами. Одновременно он перекрыл все виды поставок из западных зон в советскую. В последующем советские действия получили в западной литературе наименование «детской блокады». Однако и после отмены «детской блокады» Советский Союз продолжал оказывать давление на западные державы с целью заставить их отказаться от односторонних действий в западных зонах оккупации.

В итоге в Вашингтоне возобладала точка зрения, согласно которой Советский Союз не готов к чрезмерно решительным действиям. По мнению директора ЦРУ США Р. Хилленкветтера, жесткая и твердая позиция западных держав по берлинскому вопросу в целом сама по себе является сдерживающим фактором при любых действиях Москвы. Эта точка зрения нашла понимание у Трумэна, который однозначно считал, что любые советские уступки или колебания являются прямым следствием твердости США. В то же время он сознавал, что американское общественное мнение не настроено на крупный вооруженный конфликт с Советским Союзом по поводу Берлина. Это подтверждали его гражданские и военные советники. Так, начальник штаба армии генерал О. Брэдли в разговоре с Клеем выразил мнение, что американский народ не разделяет стремления нести ответственность за Берлин в случае угрозы возникновения там войны. Такую же точку зрения во многом разделяли и союзники США. В середине апреля американское посольство в Лондоне сообщило, что британские лидеры счи-

тают: уход западных держав из Берлина — это лишь вопрос времени. Одновременно они предложили в качестве будущей столицы Западной Германии выбрать город Франкфурт. В свою очередь, и французы считали, что утрата Берлина не станет особой трагедией, и предостерегали своих союзников от слишком рискованных действий по берлинской проблеме.

Наличие многочисленных противоречивых мнений по берлинской проблеме привело к тому, что США так и не успели разработать четкий план действий на случай чрезвычайной обстановки в Берлине. Поэтому временное приостановление всех грузовых и пассажирских перевозок, введенное советскими властями 24 июня 1948 г. и означавшее не что иное, как начало полномасштабной блокады, вновь застало США врасплох. Это произошло несмотря на то, что уже 12 июня советская военная администрация под предлогом ремонта закрыла автомобильный мост через Эльбу. Эта акция носила в большей степени политический характер. Советские представители говорили, что блокада будет продолжаться, пока Запад не откажется от намерения создать западногерманское правительство.

24 июня в советской зоне была осуществлена собственная реформа, в ходе которой на старые марки были наклеены особые купоны. Экономическая опасность притока денежной массы с Запада была, таким образом, в значительной степени снята. Блокада же Западного Берлина являлась средством давления на западные державы с целью вынудить их к уступкам на переговорах. Итог акции оказался обратным.

С началом блокады соединения и части ВВС Группы Советских оккупационных войск в Германии были приведены в состояние повышенной степени боевой готовности. Это, естественно, не означало приказ открывать огонь по транспортам недавних союзников, но в ведущих столицах мира этого не знали. Там царили напряженность и страх перед неизвестным будущим. Работала логика эскалации конфликта — уступки, компромиссы, отступление в этих условиях напрочь исключались обеими сторонами. Для американцев это означало бы полную компрометацию их новой европейской политики, являвшуюся для них важнейшим послевоенным приоритетом. Генерал Клей и его политический советник Мэрфи настаивали на жестком

Воздушный мост в Западный Берлин. 1948 г.

противостоянии Москве, вплоть до применения военной силы. Фактически их позиция заключалась в решимости идти до конца, не останавливаясь даже перед угрозой развязывания третьей мировой войны между СССР и западными державами.

В американской столице развернулась острая дискуссия в отношении путей выхода из кризиса. Ряд политических и военных деятелей исходил в своих рекомендациях из военно-стратегической целесообразности пребывания в Берлине. Другие руководствовались преимущественно политическими соображениями. Первые опасались, что жесткое выполнение взятых на себя обязательств вынудит США развернуть значительный военный потенциал в Европе, что одновременно резко повысит риск развязывания войны на относительно малом

и крайне уязвимом для обороняющихся участке территории. Эта позиция в обобщенном виде поддерживалась главой президентского аппарата, многими высокопоставленными военными деятелями, включая министра армии и некоторых советников генерала Клея. Сторонники другой точки зрения исходили из того, что США не могут оставить Берлин без непоправимой «потери лица» на международной арене. Наиболее яркими адвокатами этой точки зрения были Клей и Мэрфи.

Однако по мере развития берлинского кризиса в Вашингтоне сложилось единое мнение, что уход из Берлина станет непоправимым ударом по престижу США. Оптимальное решение из создавшейся тупиковой обстановки в отношениях между странами Запада и СССР по вопросу Берлина было неожиданно подсказано самой жизнью. В первые дни кризиса генерал Клей в качестве временной меры для доставки продовольствия в западные сектора Берлина прибегнул к использованию транспортных самолетов. И это неожиданно оказалось эффективным. В конечном счете был выбран именно этот вариант, хотя в тот момент никто в США не был уверен, что для преодоления кризиса этого окажется достаточно. Мало кто верил, что воздушный мост сможет длительное время бесперебойно обеспечивать жителей западных секторов Берлина всем необходимым. К примеру, представители американских ВВС на заседании совета национальной безопасности 15 июля отозвались о воздушном мосте как о полумере. Но уже 22 июля на заседании того же совета национальной безопасности генерал Клей безапелляционно гарантировал эффективность воздушного моста. В ходе обсуждения проблемы было принято решение об увеличении воздушных поставок. Так, только за один день, 18 сентября 1948 г., американские и английские военно-транспортные самолеты доставили 7 тыс. т продовольствия, горючего, снаряжения и др. И все же, несмотря на большой объем перевозимых грузов, жители Западного Берлина по-прежнему испытывали значительные трудности, особенно в связи с нехваткой топлива в зимний период.

«Воздушный мост» функционировал в течение 300 дней. Вокруг этого предприятия на Западе была организована громкая пропагандистская кампания. Берлин изображался «аванпостом

свободного Запада», который необходимо отстоять любой ценой. Грамотно спланированная и проведенная кампания принесла ощутимые плоды. СССР оказался в затруднительном положении, а в американцах немцы начали видеть своих подлинных защитников.

В качестве средства «сдерживания Москвы» Трумэн приказал 15 июля направить на территорию Великобритании две группы стратегических бомбардировщиков В-29, способных нести ядерное оружие. Ни ядерного оружия на борту, ни приспособлений для его транспортировки на самолетах не было. Но в Москве этого не знали. Игра велась опасная. Неясность в отношении намерений Запада могла подтолкнуть Советский Союз на крайние меры, вплоть до инициирования военных действий. Но и в Соединенных Штатах на протяжении всего кризиса не прекращалась отработка различных сценариев возможных ответных действий. Так, проведенная в самый разгар Берлинского кризиса осенью 1948 г. штабная игра «Пэдрон» показала американскому военно-политическому руководству, что выиграть войну против Советского Союза США не сумеют даже с помощью ядерного удара силами своей авиации.

В свою очередь, СССР не мог прервать воздушное сообщение, налаженное западной стороной, не идя на риск войны. Неожиданный успех в организации воздушного моста западными союзниками нельзя отнести к безусловным просчетам московских аналитиков — даже в западных столицах первоначально не было особой уверенности в его эффективности, пока жизнь не подтвердила обратного. Безусловным просчетом советского руководства стала явная недооценка экономических трудностей, с которыми столкнется находящаяся под его контролем восточная зона Германии в случае полной изоляции от Запада.

28 июня, спустя четыре дня после введения блокады, советские и восточногерманские власти провели тщательное обсуждение экономических последствий свертывания транспортных и торговых связей с Западом. Аналитический доклад содержал вывод о весьма сложных последствиях блокады для восточногерманской промышленности. До этого весь расчет делался на то, что экономика восточной зоны сможет выжить даже

в условиях блокады. Тем не менее скорее из пропагандистских соображений советская администрация объявила о повышении норм выдачи продовольствия в своей зоне оккупации. Это привело, однако, к обратному результату — к росту отрицательных настроений.

Ситуацию усугубили серьезные события, произошедшие в советской зоне оккупации. 9 сентября 1948 г. состоялась демонстрация восточных немцев у Бранденбургских ворот. Сначала митингующие выдвигали экономические требования, затем из толпы все чаще стали раздаваться политические лозунги антисоветской направленности. Кто-то из митингующих сорвал советский флаг. Со стороны советских солдат раздались одиночные выстрелы по толпе. События 9 сентября не оказались досадной случайностью. Они стали вспышкой недовольства политикой советских властей, накопившегося у части немецкого населения в восточной части Берлина. Вооруженное подавление демонстрации привело лишь к нарастанию антисоветских настроений в Восточном Берлине. Этому способствовали и проведенные восточногерманскими властями многочисленные аресты среди нарушителей общественного порядка.

К концу февраля 1949 г. в результате встречной контрблокады Западом восточной зоны Берлина практически прекратились поставки из Западной Германии продовольствия, химикатов, стали и других видов жизненно важной продукции, что не замедлило сказаться на экономическом состоянии Восточной Германии. Создававшаяся обстановка и осознание неудачи с проектом блокады Берлина многое объясняет в последующей уступчивости СССР. Кризис сопровождался неожиданными поворотами. Уже в самом начале советское руководство, столкнувшись с умелой организацией воздушного моста западными союзниками, стало намекать, что готово на такой оригинальный способ разрешения конфликта, как обмен территорий. Речь шла, в частности, о ряде территорий в Тюрингии или Саксонии, входивших в советскую зону оккупации, на западные секторы в Берлине.

3 августа 1948 г. в переговорах между Сталиным и представителями трех западных правительств советский лидер заявил, что готов снять блокаду, если западные державы согласятся на

совместное коммюнике, в которое будет включено положение о «непоколебимой позиции советского правительства», несогласного с лондонскими решениями, фактически декларировавшими намерение создать ФРГ. США, однако, отказались даже рассматривать это пожелание. В предложенном американской стороной тексте коммюнике, отправленном в Москву 6 августа, слова Сталина не нашли никакого отражения. Это вынудило министра иностранных дел Молотова заявить, что содержание коммюнике полностью отличается от того текста, который был согласован тремя днями ранее. После долгих месяцев дипломатического тупика Сталин в конце января 1949 г. в интервью американскому журналисту намекнул на готовность Советского Союза рассмотреть возможность снятия ограничений на поставки в Берлин, если одновременно будет снята и контрблокада.

4 мая 1949 г. состоялись секретные переговоры между представителями СССР и США в ООН, в результате которых две стороны согласились отказаться от любых видов блокадных действий. Тем самым первый Берлинский кризис подошел к концу. Советская блокада Западного Берлина, длившаяся 343 дня, закончилась. Несмотря на относительно мирное протекание кризиса, в ходе его несколько раз возникали ситуации, грозившие большой войной между двумя сверхдержавами. Берлинский кризис стал своеобразной пробой на взаимное истощение. Советский Союз на этот раз был вынужден отступить. Основными, глубинными причинами провала блокады являлись в первую очередь тяжелое экономическое и политическое положение в самой советской зоне оккупации и очевидные успехи западных союзников в организации воздушного моста. США и Великобритания действительно проделали большую работу. К осуществлению воздушного моста было привлечено 575 самолетов (405 американских и 170 английских), из которых по разным причинам было потеряно 19 машин. Было совершено 277 264 полета в Берлин и доставлено 2,35 млн т грузов. Всего на работах по обеспечению воздушного моста было занято 57 тыс. человек.

Берлинский кризис показал, что и Запад, и СССР не хотели крупномасштабного военного конфликта. Одновременно он

привел к окончательному расколу Германии на два государства. В сентябре 1949 г. была провозглашена Федеративная Республика Германии, в которую вошли три западные оккупационные зоны, в октябре того же года — Германская Демократическая Республика, созданная на территории советской оккупационной зоны.

В разгар берлинского кризиса с 15 по 22 июля 1948 г. в Рюдесхайме состоялось совещание министров — президентов западных земель, в ходе которого берлинский обер-бургомистр Эрнст Рейтер призвал к скорейшему созданию западногерманского государства-«ядра» с включением в него Западного Берлина. Участники совещания подтвердили решение о созыве Учредительного собрания к 1 сентября 1948 г. Но затем термины «Учредительное собрание» и «конституция» были сняты во избежание дискуссий о сепаратизме. Из представителей земельных ландтагов был сформирован Парламентский совет, получивший полномочия по разработке Основного закона западногерманского государства как временной конституции, призванной действовать до окончательного решения вопроса о воссоединении Германии.

В апреле 1949 г. Парламентскому совету был передан разработанный тремя державами «Оккупационный статут», закрепляющий контроль США, Великобритании и Франции над внешней политикой Западной Германии, ее внешней торговлей и зарубежными активами, системой безопасности, а также конституционный контроль. 8 мая 1949 г. Парламентский совет принял Основной закон Федеративной Республики Германии, одобренный военными губернаторами 12 мая (по совпадению в тот же день вступило в силу межсоюзническое соглашение о прекращении «блокады» Берлина и западной «контрблокады»). Торжественный акт обнародования Основного закона 23 мая стал днем образования ФРГ. Преобразование института военных губернаторов в институт Верховных комиссаров западных держав в Германии 20 июня 1948 г. закрепило предоставление Западной Германии ограниченного суверенитета.

Одновременно происходило и становление восточногерманского государства. Еще в 1947 г. в советской зоне начал функционировать Немецкий народный конгресс (ННК). В ходе его

первого заседания в декабре 1947 г. была поставлена задача по развертыванию широкого народного движения за единую Германию. Второй ННК в марте 1948 г. выдвинул инициативу проведения референдума во всех немецких землях по поводу принятия закона о единстве Германии. Но одновременно был образован Немецкий народный совет, получивший полномочия по подготовке проекта конституции восточногерманского государства. Такой проект был подготовлен представителями Социалистической единой партии Германии и принят на заседании Немецкого народного совета 19 марта 1949 г. Третий ННК, состоявшийся 29–30 мая 1949 г., утвердил конституцию Германской Демократической Республики и провозгласил ведущей политической силой межпартийный Национальный фронт демократической Германии. 7 октября 1949 г., когда была образована временная Народная палата, стал официальным днем образования ГДР. Раскол Германии завершился. Он сохранялся в течение последующих 40 лет.

Последняя Парижская сессия СМВД, работавшая в мае-июне 1949 г., не предотвратила этот процесс. Германский вопрос превратился в одну из наиболее сложных международных проблем послевоенной истории.

* * *

Черчилль своей речью в Фултоне объявил о холодной войне против Советского Союза. Но он не мог ее начать, поскольку перестал быть премьер-министром Великобритании. К тому же его страна, ослабленная войной и проблемами своей колониальной империи, не могла возглавить этот поход против СССР.

Для реализации идеи Черчилля понадобились объединение сил развитых капиталистических стран и более мощный лидер. Эту роль взяли на себя Соединенные Штаты. Они развернули активную деятельность в идеологической, политической, экономической и военной областях в качестве гаранта капиталистической системы. Советское руководство также активно укрепляло свои позиции в Европе и Азии.

Консолидация социалистического и капиталистического лагерей сопровождалась ограниченными конфликтами в политической и экономической сфере. Берлинский кризис 1948 г.

наглядно показал, что противоборствующие стороны не готовы идти на прямое военное столкновение. В то же время именно в первые послевоенные годы обрели реальность проблемы, оказавшие существенное влияние на ход холодной войны. К ним можно отнести сохранение американского военного присутствия в различных странах мира в мирное время, появление двух германских государств в центре Европы, отказ от разоружения и подмена его контролем за вооружениями.

1.6. Гонка вооружений

Противостояние в идеологии, политике и экономике не могло не проявиться в военной сфере. В результате вместо разоружения после кровопролитной и разрушительной войны мир оказался втянутым в достижение военного превосходства над предполагаемым противником, в гонку вооружений.

США в качестве лидера и «гаранта» капиталистического мира делали ставку при достижении своих целей на применение силы или угрозы ее применения в любом районе земного шара. «Национальная безопасность сегодня, — указывалось в первом докладе американского министра обороны, — не может ограничиваться лишь Соединенными Штатами. Она должна охватывать весь мир» [59]. Для обеспечения национальной безопасности, согласно официальным источникам, необходимо иметь: военное превосходство над любым иностранным государством или группой государств; прочные внешнеполитические позиции; военную организацию, способную успешно противостоять военным и подрывным действиям извне или изнутри в открытой или скрытой форме [60].

Для выполнения задачи по защите американских интересов в различных районах мира непрерывно, в мирное и военное время на вооруженные силы США возлагалось две функции: «устрашения» и «обороны». Под устрашением понимается спланированное и постепенное принуждение противника угрозой применения силы к действиям на американских условиях. Оборона означает непосредственное использование вооруженных сил (с объявлением и без объявления войны).

Хиросима после атомной бомбардировки

Основным направлением формирования двух послевоенных международных центров силы оказалось атомное оружие как конечный аргумент в военном противостоянии двух систем. 16 июля 1945 г. в Аламогордо (штат Нью-Мексико) впервые была испытана атомная бомба. После намека Сталину на Потсдамской конференции на наличие у США атомной бомбы американский президент США Трумэн потребовал сбросить атомную бомбу на Японию не позднее 10 августа. Такая спешка обуславливалась тем, что в середине августа в войну с Японией должен был вступить Советский Союз. В этой обстановке американское руководство полагало, что атомный удар, а лучше — два заставит японцев капитулировать до того, как советские армии хлынут в оккупированные Японией Китай, Корею, а может быть, и на японские острова. И приказ был отдан.

Было уже светло, когда американский бомбардировщик подлетал к Хиросиме. Город был легко узнаваем в лучах яркого утреннего солнца. Цель была видна издали во всех подробностях, и второй заход не понадобился. Бомба была нацелена точно в центр города. Было 8 часов 15 минут. Взрыв ее произошел на высоте около 700 м. Хиросима исчезала в пелене дыма и гари.

Исполнители приговора Хиросиме и Нагасаки Т. Фриби и К. Бехан

Через 20 минут после взрыва бомбы генералу Фаррелу, заместителю начальника «Манхэттенского проекта», было доложено: «Результаты во всех отношениях абсолютно очевидные и успешные. Рекомендуются немедленные действия для осуществления других планов. Визуальный эффект большой, чем в Аламогордо. Цель — Хиросима... на борту самолета все нормально».

Вслед за успешным боевым применением атомного оружия в Соединенных Штатах была начата разработка принципов его использования в будущей войне. 19 сентября 1945 г. Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ) США опубликовал документ «Основы для формулирования военной политики США». «Наше правительство... — говорилось в документе, — должно оказывать давление с целью быстрого разрешения спорного вопроса политическими средствами, в то же время осуществляя все приготовления для того, чтобы нанести первый удар» [44, с. 162]. В развитие сентябрьского документа в ноябре 1945 г. было подготовлено исследование ОКНШ «Стратегическая уязвимость России для ограниченного

воздушного нападения». Авторы этого документа анализировали возможности превентивного ядерного удара по Советскому Союзу в случае, если «Советский Союз или начал агрессию (в Европе или Азии), или появились явные признаки того, что возможна агрессия против Соединенных Штатов» [61]. Тем самым в американскую военную доктрину включалось положение о превентивном первом ударе, наносимом по усмотрению США. Превентивный удар, согласно американской военной науке, проводится по стране или группе стран, возможности которых (экономические, геополитические, демографические, военно-политические и др.) могут представить военную угрозу в обозримом будущем. Упреждающий (преэмптив) удар наносится, когда вооруженные силы противника изготавились к нападению. Цель такого удара — сорвать нападение.

Для нанесения атомных ударов предполагалось использовать стратегические бомбардировщики. В марте 1946 г. они были сведены в стратегическое авиационное командование (САК). В его состав вошли 279 самолетов, в том числе 148 Б-29. А в 1947 г. военно-воздушные силы получили административную независимость и стали самостоятельным видом вооруженных сил США¹. Согласно докладу Комитета военного планирования при ОКНШ от ноября 1945 г., было необходимо отобрать приблизительно 20 целей, пригодных для стратегической атомной бомбардировки в СССР и на контролируемой им территории. При выборе целей рекомендовалось учитывать возможности нового оружия, то есть иметь в виду площадь эффективного поражения районов с высокой концентрацией материальной части и живой силы. Использовать атомные бомбы против полевых войск и транспортной сети, по мнению авторов доклада, было нерационально. К наиболее выгодным целям для атомных бомб были отнесены индустриальные центры, в которых сосредоточено много научно-исследовательских учреждений, специализированных промышленных предприятий, ядро государственного аппарата [62].

Вопросы подготовки к ведению войны с применением атомного оружия определялись стратегией «превентивной войны» (1945–1948). Ею предусматривалось обеспечение решения двух

¹ См.: Советская военная энциклопедия. Т. 7. М., 1979. С. 554.

задач: «уменьшить мощь и влияние Москвы» и «осуществить коренные изменения в теории и практике международных отношений, осуществляемых правительством, находящимся у власти в России» [63]. Основным средством ведения войны против Советского Союза считалось атомное оружие. В 1946 г. у США было всего 9 атомных бомб, в июле 1947-го — 13, в 1948-м — 50 [64]. Затем производство атомного оружия ускорилося, и в 1949 г. Соединенные Штаты располагали уже 250 атомными бомбами [65].

Стратегические бомбардировщики, предназначенные для нанесения атомных ударов, при базировании на американском континенте не могли достичь намеченных на территории СССР объектов. Дальность действия В-29 составляла 6000 км, тогда как расстояние от Нью-Йорка до Москвы — 7505 км, от Сан-Франциско до Хабаровска — 7762 км. Поэтому в директиве № 432/Д Комитета военного планирования от 14 декабря 1945 г. предлагалось использовать для В-29 авиабазы на Британских островах, в Италии (Фоджа), Индии (Агра), Китае (Чэнду) и на Японских островах (Окинава). Однако некоторые объекты в СССР и при этом варианте находились вне досягаемости для тогдашних стратегических бомбардировщиков. В связи с этим планировалось, что часть бомбардировщиков на обратном маршруте будет садиться или имитировать «вынужденную посадку» на территории дружественных или нейтральных стран.

Первый план войны против СССР был разработан американским Комитетом начальников штабов (КНШ) в июне 1946 г. (кодовое название — «Пинчер»). План, составленный, как указывалось, на случай непредвиденных обстоятельств, исходил из того, что советско-американская война произойдет в 1946 или 1947 г. с предварительным угрожаемым периодом не менее трех месяцев. В приложении к плану «Пинчер» содержались плановые наброски по атомной бомбардировке и разрушению 20 советских городов с наиболее развитой промышленностью [66]. В список были включены Москва, Ленинград, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Тбилиси, Новокузнецк, Грозный, Иркутск, Ярославль.

План считался «экспериментальным», что отражало неуверенность Комитета начальников штабов относительно количества атомных бомб, которое нужно было использовать для поражения целей в СССР. Сомнения усугублялись тем, что планирование «воздушно-атомной» стратегии проводилось без учета реально имеющихся и производимых в стране атомных боеприпасов и боевых возможностей авиации. К весне 1947 г., по данным американской комиссии по атомной энергии, США имели «не более дюжины атомных бомб, ни одна из которых не была готова к немедленному применению, производилось же их по две штуки в месяц»¹. Кроме того, в ходе работы над «Пинчером» планировщики из КНШ вдруг обнаружили, что многие советские города — объекты ударов — находились за пределами досягаемости бомбардировщиков В-29 даже при старте из стран Европы. В плане отмечалось, что для «воздушно-атомного» наступления и поражения нефтедобывающих районов Баку необходимо использовать территорию Турции, а недосягаемость глубинных районов СССР для американской стратегической авиации того времени требует создания новых типов бомбардировщиков и более близких к СССР авиабаз.

Поэтому Комитет начальников штабов продолжал интенсивно разрабатывать более реальные планы атомного нападения на СССР. На свет каждый год стали появляться новые, усовершенствованные планы воздушно-атомного нападения на социалистический блок: «Бройлер» (1947), «Габбер» (1948), «Флитвуд» (1948) и другие. В этих планах уточнялись (и множились) главные объекты ударов; просчитывалась протяженность маршрутов стратегических бомбардировщиков; определялось количество атомных бомб для достижения нужного эффекта бомбардировок; учитывался минимально необходимый «неприемлемый» урон, который понесет противник в результате атомного нападения; предусматривались способы преодоления противовоздушной обороны противника. В ходе планирования небывалой войны выяснилось, что воздушно-атомное нападение могло стать эффективным только при действиях авиации

¹ Herken G. The Winning Weapon. The Atomic bomb in the Cold War. N.Y., 1980. P. 197.

из районов передового базирования — островов Рюкю (Япония), а также с баз в Англии, Египте и Индии, которые еще предстояло создать.

А тем временем шли споры, какие объекты удара считать первостепенными. И в 1948 г. пришли к заключению, что целесообразно наносить в первую очередь удары по «политическим, правительственным, административным, техническим и научным компонентам Советского государства» и в особенности — «ключевым правительственным и административным органам в городах». Было выбрано 24 города в СССР, по которым планировалось нанести 34 атомных удара, а общая для поражения Советского Союза потребность исчислялась в 400 атомных бомб¹. Однако план этот был иллюзорным, поскольку ежемесячный темп производства атомных боеприпасов в США составлял в 1947–1948 гг. всего четыре бомбы. В начале 1948 г. командование ВВС, уже имевшее к тому времени 31 бомбардировщик-носитель атомного оружия, запланировало довести к ноябрю 1949 г. число самолетов-носителей до 120 единиц [67].

Поскольку нанесение атомных ударов по СССР предусматривалось в первые дни войны, в плане ставился вопрос о том, что ВВС должны заранее иметь в своем распоряжении атомные бомбы². Но для поражения объектов далеко в глубине территории СССР было нужно иметь достаточно передовых баз, выдвинутых поближе к границам Советского Союза. Для них требовались хорошо оборудованные аэродромы, имеющие достаточно длинные взлетно-посадочные полосы с твердым покрытием, современные навигационные системы, склады горючего и боеприпасов, в том числе атомных, ремонтные мастерские и т. д. В странах Азии и Африки еще остались со времен войны крупные авиабазы, но их нужно было срочно модернизировать. Кроме того, надо было иметь на это официальное разрешение. Американское министерство обороны, однако, спешило. Поэтому для передового базирования решили использовать в первую очередь уже имевшиеся вполне современные авиабазы на территориях европейских союзников.

¹ Herken G. Op. cit. P. 227–229.

² Herken G. Op. cit. P. 248.

В связи с этим встал вопрос о переброске части стратегических бомбардировщиков и атомных боеприпасов на Британские острова. Великобритания была готова пойти навстречу. Еще в марте 1946 г. Черчилль призывал к продолжению «тесных связей между нашими военными, которые должны вести к совместному изучению потенциальных опасностей... и обеспечению взаимной безопасности путем совместного пользования всеми военно-морскими и военно-воздушными базами» [68]. Уже через две недели после окончания военных действий в Европе начальник имперского генерального штаба фельдмаршал А. Брук приступил к подготовке меморандума о военных мероприятиях, «направленных против России».

В первом полугодии 1946 г. Комитет начальников штабов Великобритании разработал планы войны против Советского Союза с применением атомного и бактериологического оружия. По тогдашним расчетам британских военных специалистов, бомбардировочная авиация, действуя с Британских островов, могла нанести удары по 58 советским городам с населением 100 тыс. человек в каждом, расположенных на расстоянии 1500 миль (1700 км) от Великобритании. При увеличении дальности полета до 1850 миль (около 3700 км) авиация могла поразить еще 21 город на территории СССР. Предлогом для официального размещения американских стратегических бомбардировщиков с атомными бомбами на британской территории стал Берлинский кризис летом 1948 г. К осени обстановка вокруг Берлина практически нормализовалась, однако девять В-29 с атомными бомбами стали постоянно базироваться в Великобритании. Американская пропаганда не скрывала целей этой акции. Журнал «Ньюсуик» писал: «Американская стратегия исходит из создания баз вокруг сферы влияния русских с последующим нанесением ударов с воздуха. США не намерены сражаться по принципу «солдат за солдата». Наполеон и Гитлер допустили подобную ошибку и были проглочены Россией, имевшей колоссальные людские резервы. Американские стратеги предпочитают окружать Россию кольцом военно-воздушных сил»¹.

¹ Newsweek, 1948.

По мере роста запасов атомных бомб количество целей на территории СССР увеличивалось. В 1948 г. предусматривалось уничтожение уже 60 советских городов с помощью одновременного массированного удара 133 атомными бомбами. При этом на одну Москву отводилось 8 бомб, а на Ленинград — 7 [67, с. 68–71, 69]. Если бы война затянулась, то против Советского Союза предполагалось использовать примерно 200 бомб, что привело бы к уничтожению 40% промышленности и гибели 7 млн людей. Атомная война должна была вестись на истребление населения и разрушение жилищной и промышленной инфраструктуры и, по американской терминологии, должна была носить «тотальный» характер. Вот как такая война оценивалась в сентябре 1946 г. в докладе «Американская политика в отношении Советского Союза»: «Надо указать Советскому правительству, что мы располагаем достаточной мощностью не только для отражения нападения, но и для быстрого сокрушения СССР в войне... Советский Союз не слишком уязвим, ибо его промышленность и естественные ресурсы широко расщеплены, однако он уязвим для атомного, бактериологического оружия и дальних бомбардировщиков... Война против СССР будет «тотальной» в куда более страшном смысле, чем любая прежняя война, и поэтому должна вестись постоянная разработка как наступательных, так и оборонительных видов вооружения» [70].

Тотальная война требовала и «тотального» охвата союзников. Военно-политическое руководство США особенно беспокоило то, что из-за небольшого числа атомных бомб и их носителей атомные удары с воздуха хотя и значительно ослабят Советский Союз, но сами по себе не приведут к его поражению. После атомных ударов достижение окончательной победы возлагалось на сухопутные войска США и их союзников, а также силы флота, которые должны были обеспечить снабжение американской действующей армии и охранять морские коммуникации. В документе Комитета начальников штабов США от 9 апреля 1947 г. подчеркивалось: «Районы, на которые распространяются оборонительные обязательства США, охватывают наземное и водное пространство примерно от Аляски до Филиппин и Австралии в Тихом океане и от Гренландии

до Бразилии и Патагонии в Атлантическом океане. В это пространство входит 40 процентов суши, но всего лишь 25 процентов населения Земли. Старый Свет (Европа, Азия и Африка) охватывает 60 процентов суши. Однако там проживает 75 процентов населения...» [47, с. 115].

Для выполнения этих задач после Второй мировой войны потребовалось уточнить потребные силы и средства. После того как Военно-воздушные силы стали самостоятельным видом вооруженных сил, между ВВС и ВМС возникли разногласия по получению доступа к атомному оружию. Военно-морские силы настаивали на создании для них специального морского носителя атомного оружия. Активная позиция морского ведомства в вопросах использования атомного оружия получила название «адмиральского бунта». Результатом бурных дискуссий между представителями видов вооруженных сил США стал исполнительный приказ американского президента в конце марта 1948 г., в котором были уточнены состав и функции видов американских вооруженных сил [71].

Сухопутные войска (по американской терминологии — армия) состояли из регулярных войск, национальной гвардии и резервов. Регулярная армия включала боевые объединения, соединения и части, находящиеся в полной боевой готовности на территории США и за границей. Национальная гвардия была представлена милиционными соединениями и частями на территории Соединенных Штатов. Они подчинялись федеральным властям и губернаторам штатов. Личный состав национальной гвардии в мирное время состоит на гражданской службе. Он призывается в случае войны или чрезвычайного положения. По закону 1952 г. резервы делились на три категории. Наиболее важный резерв первой очереди включал части и подразделения (организованный резерв) и резервистов индивидуального боевого резерва. Резерв первой очереди являлся основной мобилизационной базой регулярной армии. Резервы второй и третьей очереди состояли из отставников и уволенных из вооруженных сил.

Получило развитие деление сухопутных войск на рода войск и службы. К родам войск были отнесены части и подразделения, непосредственно участвующие в боевых действиях (пехота,

бронетанковые войска, артиллерия, армейская авиация, инженерные войска) или выполняющие задачи боевого обеспечения (войска связи, военная полиция, химические войска, войсковая разведка). Инженерные, химические войска и войска связи относились и к службам, поскольку они обеспечивали боевые соединения и части соответствующим имуществом. Службы включали части и подразделения, решающие задачи административного, тылового и специального обеспечения. Такое деление определялось тем, что в американских вооруженных силах военнослужащие занимают должности, связанные только с выполнением боевых задач. Обеспечение может осуществляться гражданскими служащими.

Военно-воздушные силы США состояли из стратегической авиации, тактической авиации и военно-транспортной службы. После Второй мировой войны только в стратегической авиации имелись носители атомного оружия. С принятием на вооружение межконтинентальных баллистических ракет они были включены в состав стратегической авиации. Резерв ВВС состоял из авиационных и обслуживающих частей и подразделений военно-воздушных сил национальной гвардии и резерва ВВС, а также отдельных резервистов. В 1951 г. был создан так называемый резерв гражданской авиации. В него ежегодно резервируется определенное количество самолетов частных компаний для использования в военных целях через 48 часов с начала военных действий. Выделяемые гражданские самолеты приспособляются к межконтинентальным перевозкам личного состава и военных грузов¹.

Военно-морские силы США включали надводные силы флота, представленные боевыми надводными кораблями основных классов. В подводные силы флота входили подводные лодки, в том числе планируемые носители атомного оружия. Воздушные силы состояли из палубной и базовой авиации флота и авиации морской. Вспомогательный флот располагал судами подвижного тылового обеспечения и тылового обслуживания. Самостоятельным видом вооруженных сил исторически является морская пехота. Она организационно входит в ВМС США.

¹ Военный зарубежник. 1961. № 10. С. 75, 77.

Картины «тотальной» войны против СССР не скрывались от мировой общественности. Американский журнал «Кольерс» в номере от 27 октября 1951 г. писал: «Советское правительство должно изменить свои взгляды и политику. Если этого не произойдет, то, несомненно, придет день, когда это правительство исчезнет с лица Земли». По сценарию «Кольерса», война начиналась 14 мая 1952 г. Поднявшись с аэродромов Англии, Франции, Италии, Японии и Аляски, эскадрильи тяжелых бомбардировщиков В-36 сбрасывали атомные бомбы на наиболее важные военные и промышленные объекты Советского Союза. Ежедневно над советской территорией разбрасывались с воздуха миллионы листовок. Тысячи агентов спускались на парашютах для ведения саботажа и разрушения систем связи. 22 июля атомную бомбу взорвали над Москвой. В журнале публиковался «наиболее вероятный» репортаж с борта бомбардировщика, приводился рисунок атомного взрыва недалеко от Кремля.

Пропаганда не сильно отличалась от реальных планов атомной войны. В 1949 г. специальный комитет во главе с генерал-лейтенантом Х. Хармоном разработал для президента (доложен 23 января 1950 г.) доклад о возможностях США нанести поражение Советскому Союзу. В докладе указывалось, что если с помощью новых тяжелых бомбардировщиков В-36 удастся сбросить на объекты в СССР 200 атомных бомб, то в результате этого удара погибнет 2,71 млн человек, получат ранения 4 млн и «в огромной степени была бы осложнена жизнь 28 млн человек» [47, С. 125]. Однако и при этом условии США все еще не хватало сил, чтобы уничтожить Советский Союз или помешать Красной Армии и его союзникам захватить Европу и Азию. На основе доклада Хармона КНШ информировал руководство США, что «решающий удар», вероятно, невозможен до середины 50-х гг. Комитет начальников штабов считал необходимым, чтобы военная промышленность США к 1953 г. выпустила 400 атомных бомб, каждая из которых по мощности равнялась бы плутониевой бомбе, сброшенной на Нагасаки.

Эти идеи нашли отражение и в новом американском плане ядерной войны против СССР (кодовое наименование — «Дропшот»), который был утвержден президентом Трумэном в 1949 г. В плане подчеркивалось, что «наиболее серьезную

угрозу национальной безопасности США представляет... сама природа социалистического строя». В соответствии с этим главная политическая цель войны заключалась уже не в ограничении «мощи и влияния Москвы», как в предыдущих планах, а в ликвидации советского социалистического государства, уничтожении «корней большевизма», реставрации капитализма и колониализма и установления с помощью Североатлантического союза американского мирового господства. Главная стратегическая цель состояла в том, чтобы «во взаимодействии с союзниками... уничтожить советскую волю и способность к сопротивлению путем стратегического наступления в Западной Евразии и стратегической обороны на Дальнем Востоке» [72].

План предусматривал начать войну против СССР массированными ударами стратегической авиации по административно-политическим и промышленным центрам нашей страны, а также районам сосредоточения войск. Планировалось на первом этапе в течение 30 суток сбросить на Советский Союз 300 атомных и 200 тыс. т обычных бомб. Авторы плана рассчитывали таким путем сломить волю и способность советского народа к сопротивлению и принудить Советский Союз к капитуляции. В случае если массированные атомные бомбардировки не приведут к быстрой капитуляции СССР, предполагалось продолжить бомбардировки атомными и обычными бомбами.

Последующие этапы включали вторжение сухопутных войск США и их союзников в СССР, захват его территории и территорий стран народной демократии с применением не только атомного, но и других видов оружия массового поражения: химического, биологического и радиологического. На этот счет в плане «Дропшот» говорилось: «В данной кампании упор делается на физическое истребление противника». В дальнейшем планировалось установление оккупационного режима на территории СССР, расчленение страны на оккупационные зоны с дислокацией американских войск в ключевых городах СССР, а также в ряде городов государств Восточной Европы. После разгрома СССР и его союзников в Европе планировалось захватить КНДР, МНР, Китай и всю Юго-Восточную Азию [47, С. 241]. Предусматривались также

операции психологической войны, направленные на подрыв морального духа населения СССР.

Для того чтобы убедиться в правильности расчетов КНШ, было проведено командно-штабное учение по выведению из строя девяти стратегических районов: Москва — Ленинград, Урал, объекты Черноморского побережья, Кавказ, Архангельск, Ташкент, Алма-Ата, Байкал, Владивосток. Результаты оказались неутешительными. Вероятность достижения целей составила 70%, потери участвовавших в воздушном наступлении бомбардировщиков превышали 55%¹. Учение выявило ряд просчетов в планировании и обеспечении первого удара, из-за которых воздушное наступление против СССР не могло быть проведено молниеносно. Атомные бомбардировки Москвы и Ленинграда могли быть осуществлены только на 9-й день войны. В то же время расчеты показывали, что, например, базы на Британских островах будут полностью выведены из строя действиями ВВС СССР с применением атомного оружия максимум через два месяца. Стало ясно, что стратегическая авиация США, нанеся значительный урон городам СССР в первом ударе, не может продолжать боевые действия из-за недостаточного количества самолетов, баз, систем обеспечения и обслуживания. А советские войска к этому времени, по расчетам участников учения, уже выйдут на берега Атлантического и Индийского океанов. Получалось, что план войны против СССР, разработанный министерством обороны США, приводил к утрате в первые месяцы войны Европы, Ближнего и Дальнего Востока. Начальник оперативного управления штаба ВВС доложил 11 апреля 1950 г. министру авиации, что военно-воздушные силы США не могут выполнить все задачи воздушного наступления, предусмотренного планом, и обеспечить имеющимися силами противовоздушную оборону территории США и Аляски². Кроме того, успех планируемого воздушного нападения зависел от живучести передовых баз, а они легко могли быть выведены противником из строя.

Трезвый анализ «атомных возможностей» США показал иллюзорность планов нападения на Советский Союз [63, Р. 303].

¹ См.: Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М., 1985. С. 53.

² Там же. С. 54.

К тому же в 1949 г. СССР ликвидировал атомную монополию США. Это вынудило американское военно-политическое руководство выработать новую стратегию, получившую название стратегии «сдерживания». В соответствии с ней при определении характера атомной войны руководствовались концепцией «центральной войны».

Согласно концепции «центральной войны», применение атомного оружия являлось обязательным условием ведения военных действий для воюющих сторон. Не исключалось их распространение на территорию Советского Союза и Соединенных Штатов. Вывод об уязвимости американской территории в случае атомной войны оказал существенное влияние на военное строительство США. Основная ставка уже делалась на повышение боеспособности всех видов вооруженных сил при одновременном сохранении превосходства в атомном оружии и средствах его доставки. В меморандуме совета национальной безопасности США СНБ-68 указывалось в связи с этим: «Без совокупной превосходящей военной силы, находящейся в состоянии боевой готовности и быстро мобилизуемой, политика устрашения, являющаяся практически политикой спланированного и постепенного принуждения, будет не более чем блефом» [73]. Это положение легло в основу концепции «сбалансированного развития» всех трех видов вооруженных сил США. Кроме того, Соединенными Штатами был определен «периметр обороны» вокруг Советского Союза. В Европе он проходил по линии границ со странами народной демократии, в Азии — вдоль Алеутских островов к Японии и далее к островам Рюкю и Филиппинам [74].

Соединенные Штаты, в отличие от Великобритании и Франции, уделили особое внимание добыче информации и технологий военно-промышленного комплекса фашистской Германии. Полученные сведения и материальная часть были активно включены в развернувшуюся после Второй мировой войны гонку вооружений. Захваченные американскими войсками в поверженной Германии ракеты «Фау-1» и «Фау-2» легли в основу разработки американского ракетного оружия, а вывезенные в США немецкие специалисты под руководством американцев занимались их совершенствованием.

Работы по созданию ракетного оружия были развернуты еще в 1945 г. Первоначально центром работ был арсенал Редстоун (штат Алабама), находившийся в ведении армии США. К 1950-м гг. в Редстоуне уже работало до 400 немецких и американских специалистов. Они образовали ядро ракетного центра, в котором на базе «Фау-2» создавалась под руководством немецкого ученого В. Брауна американская баллистическая ракета «Редстоун» с дальностью действия до 300 км. Велись также работы над ракетой «Капрал» с дальностью стрельбы 160 км. Однако эти ракеты могли применяться только для поддержки сухопутных войск и были совершенно непригодны для ударов по объектам в глубине стран-противников и тем более — СССР.

Военно-воздушные силы самостоятельно занялись разработкой стратегических ракет (дальность — свыше 5000 км) и ракет средней дальности (1000–1500 км). Для руководства работами в области создания ракетного оружия ВВС США создали Главное управление научных исследований и разработок в этой области военной техники. В 1952–1957 гг. ВВС израсходовали свыше 1850 млн долларов на ракетное оружие (армия — более 1260 млн долларов).

Параллельно с работами над баллистическими ракетами широким фронтом велись разработки моделей крылатых ракет, которые в то время еще продолжали называть самолетами-снарядами. Однако у крылатых ракет того времени были и существенные недостатки: низкая точность поражения целей.

Советский Союз в 1945 г. имел самую мощную и боеспособную сухопутную армию. Она сокрушила военную машину фашистской Германии и ее союзников. Квантунская армия Японии в Манчжурии была разгромлена менее чем за месяц. А ведь японские войска опирались на многолетние оборонительные сооружения, перед которыми, образно говоря, был пристрелян каждый кустик. Не было и внезапности. Наступление Красной Армии началось после денонсирования Договора о нейтралитете. Но разоренная войной страна была не в состоянии продолжать военные действия, как бы ни распространялся в западной пропаганде миф об агрессивности СССР. На повестке дня в Советском Союзе стоял только вопрос о демобилизации.

По окончании войны 12-миллионные вооруженные силы военного времени были сокращены до 2,8 млн человек. Но основные ударные силы, оставшиеся в строю, были сосредоточены в оккупационных зонах Германии, Австрии и Венгрии. По мере восстановления советского народного хозяйства большое внимание уделялось и совершенствованию вооруженных сил. В течение 7–8 послевоенных лет вооруженные силы были переоснащены более совершенными образцами автоматического оружия, артиллерии, инженерной, радиолокационной техникой и другими современными видами вооружения и техники. Особое внимание обращалось на модернизацию танков и авиации. Была осуществлена полная моторизация и механизация Советской Армии.

Получили дальнейшее развитие и взгляды на использование подвижных войск и авиации. Главным видом военных действий считалось стратегическое наступление, проводимое методом последовательного достижения промежуточных стратегических целей силами всех видов вооруженных сил. Это положение советской военной доктрины того времени, хотя она и не публиковалась, было хорошо известно на Западе. Известно было и то, что основными способами ведения стратегической наступательной операции в этой доктрине считались окружение и уничтожение группировки противника.

В отличие от американских взглядов, где приоритет отдавался уничтожению экономического потенциала (что, однако, сопровождалось большей, чем военные потери, гибелью гражданского населения), в советских взглядах на войну преобладала идея уничтожения в первую очередь вооруженных сил противника. Это различие беспокоило военно-политическое руководство западных стран. В наземных боевых действиях потери личного состава более значительны, чем в морской или воздушной войне. Об этом наглядно свидетельствовал опыт Второй мировой войны. Безвозвратные потери Соединенных Штатов и Великобритании в ее ходе составили 375–400 тыс. человек. СССР потерял до 11 млн военнослужащих, фашистская Германия — 7 млн.

Советский Союз, занятый восстановлением народного хозяйства, не имел никаких планов нападения на бывших союзников по антигитлеровской коалиции. 23 июня 1945 г. был принят

закон «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии». Его выполнение началось немедленно и проводилось в несколько этапов. К 1948 г. в народное хозяйство перешло 8,5 млн человек. Вооруженные силы насчитывали 2874 тыс. военнослужащих [75].

Наступательные действия сводились к контрнаступлению лишь как к ответной мере. В 1946–1947 гг. в СССР был разработан и утвержден «План активной обороны территории Советского Союза». В нем основные задачи вооруженных сил определялись следующим образом: армия отпора, опираясь на укрепленные районы, должна разбить противника в полосе приграничной зоны обороны и подготовить условия для перехода в контрнаступление основных группировок войск, сосредоточенных на западных границах социалистического лагеря. ВВС и ПВО, входящие в армию отпора, имеют задачей надежно прикрыть с воздуха главные силы и быть в готовности к отражению внезапного нападения авиации противника. Войска резерва Главного командования предназначаются для сокрушительного, при использовании сил армии, отпора и удара по главным силам противника, нанесения им поражения и контрнаступления. Масштабы и глубина контрнаступления в плане не указывались [76].

В советском плане не указывалось, но западные военные аналитики, зная о группировке, сосредоточенной на западных границах социалистического лагеря, ее высокой боеспособности и больших возможностях советской военной техники, а также о скромном военном потенциале стран Западной Европы, не без оснований полагали, что после развязывания американцами воздушно-атомной войны советские танковые соединения через две недели будут у берегов Ла-Манша. Таким образом, Западная Европа становилась заложником в случае войны между США и СССР.

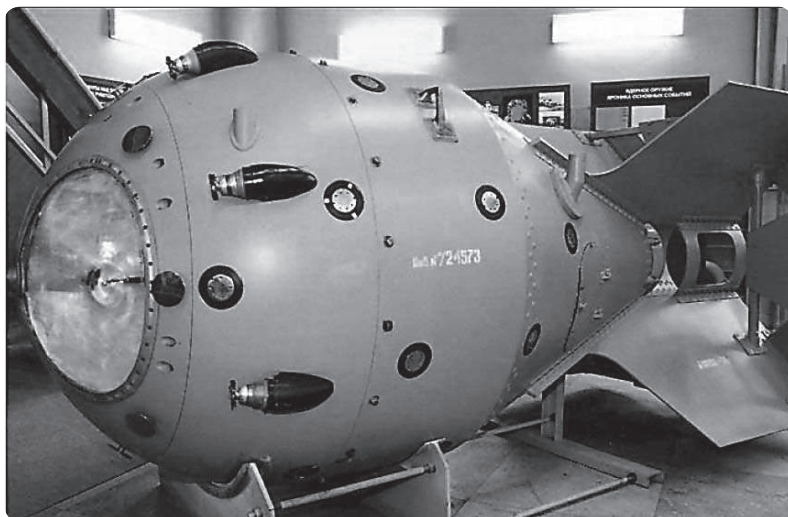
Средства массовой информации США и стран Западной Европы в связи с этим усиленно запугивали обывателей западных держав следующим сценарием военных действий. В Генеральный штаб советских вооруженных сил поступают уточненные разведанные об усилении западноевропейской группировки войск и признаках повышения ее боеготовности. Об этом

докладывают западные источники информации (самолеты-разведчики, агентурная сеть в Западной Европе, перебежчики и т. д.). Армии государств социалистического лагеря приводятся в полную боевую готовность. С аэродромов взлетают сотни военно-транспортных самолетов с крылатой пехотой на борту. Задача воздушно-десантных дивизий и бригад — захват стратегических объектов (штабов, узлов связи, аэродромов) и диверсии в тылу противника. Советские танковые армии, круша все на своем пути, совершают марш напрямик до Ла-Манша. Суточный темп продвижения — до 250 км. Приказ — только вперед. Инженерные войска наводят понтонные мосты через реки. В небе полное господство советской истребительной авиации. Бомбардировщики и штурмовики совместно с артиллерией наносят удар по местам дислокации живой силы и техники противника. Сухопутные войска «зачищают» захваченные территории. Советские военные политработники разъясняют выжившему местному населению освободительную миссию Советской Армии.

В то же время советское руководство понимало, что в военной области появилось принципиально новое оружие. Намек Трумэна об атомной бомбе был понят правильно благодаря советской разведке. Первоначально, летом 1946 г., в СССР планировалось изготовить бомбы двух типов: плутониевую и урановую. Однако проведенные теоретические расчеты и эксперименты показали, что урановая бомба имела низкую эффективность, точнее малый коэффициент «вредного действия», и требовала большего количества урана-238, а это чрезвычайно усложнило бы производство. Поэтому решено было сконцентрировать усилия на плутониевой бомбе.

К весне 1949 г. основной объем работ по плутониевой бомбе был проделан — началась окончательная отработка конструкции, способа сброса и системы подрыва первой отечественной атомной бомбы «РДС-1»¹. Затем — испытания. Они должны были подтвердить правильность избранного метода для создания атомного оружия. Для них было выбрано место — полигон № 71 ВВС недалеко от Керчи, рядом с поселком Багерovo. В со-

¹ Эта аббревиатура имела такое значение: «Россия Делает Сама».

Первая атомная бомба СССР — «РДС-1»

ответствии с программой испытаний самолет-носитель должен был сбросить пять образцов бомб не с ядерным, а с обычным зарядом, но имеющих систему идентичных взрывателей. Летные испытания имитаторов бомбы были успешно завершены. Однако из-за низких темпов накопления плутония к лету 1949 г. изготовили только один заряд. Поэтому от «самолетного варианта» пришлось отказаться. Для взрыва РДС-1 выбрали полигон № 2.

Полигон № 2 создавался на стыке трех областей — Карагандинской, Павлодарской и Семипалатинской, на территории Восточного Казахстана. Выбор определялся тем, что там была пустынная местность, почти не заселенная на десятки километров. Кроме того, эта равнина — дно древнего высохшего моря — окружена была в радиусе 10 км довольно высокими сопками. И наконец, эта область Восточного Казахстана лежит в центре Советского Союза, удалена от границ, от посторонних глаз, что идеально обеспечивало скрытность развертываемого предприятия.

В Генеральном штабе был создан специальный отдел, руководивший строительством полигона. Возглавил его генерал-майор инженерно-технической службы В.А. Болятко. Специалисты Министерства обороны содействовали научно-исследовательским институтам в изучении всех поражающих факторов атомного взрыва, а также занимались чисто военными задачами: воздействием взрыва на местность, постройки, технику и т. д. Они несли ответственность и за эксплуатацию полигона. Но для того, чтобы вести всю эту работу, требовались кадры, специалисты различных военных профессий, и их необходимо было обучить, подготовить к исполнению новых, во многом неведомых им обязанностей. Нужно было изучить десятки инструкций, учебных пособий, графиков, чертежей, овладеть основами ядерной физики. И все это было «совершенно секретно», причем настолько «совершенно», что большинство привлеченных к новой работе — а было собрано около ста человек — знало только то, что им предстоит выполнить «важное правительственное задание». Весной и летом 1948 г. большая часть личного состава полигона № 2 разъехалась по различным исследовательским учреждениям в зависимости от специальности, которой надо было окончательно овладеть каждому для решения предстоящей общей задачи.

Между тем для тех, кто был непосредственно привлечен к строительству полигона, картина постепенно прояснялась. Полигон оказался весьма обширным и сложным объектом. Он раскинулся на десятки километров и состоял из трех зон, удаленных одна от другой на значительные расстояния. Все это в чертежах выглядело как гигантский треугольник с основанием в 70 км и катетами по 160 км. Население с этой территории переселили в другие районы. На берегу Иртыша в 160 км от Семипалатинска разместились так называемая жилая зона. В ней был жилой городок (площадка «М»), постройки лабораторной группы (площадки «О» и «Д»), казармы, складские помещения и базы. Другая зона — опытное поле, где и должно было производиться испытание атомной бомбы (площадка «П»), по соображениям безопасности было удалено от Семипалатинска на 180 км и на 70 км от жилой зоны. Вблизи опытного поля планировалось оборудовать вспомогательные площадки «Ш»

и «Н». Базовый аэродром и перевалочная база находились в Семипалатинске.

18 апреля 1948 г. на аэродроме Семипалатинска совершил посадку самолет Ли-2. Он доставил сюда командование полигона № 2 — начальника полигона генерала П.М. Рожановича, его заместителя — начальника тыла полковника П.Ф. Ладыгина и других ответственных руководителей военного проекта. Зимой 1947/48 г. 9 тыс. военных строителей построили здесь земляночные городки, проложили и поддерживали в рабочем состоянии грунтовые дороги между Семипалатинском и зонами учебного полигона № 2, провели разведку местных источников строительного сырья — камня, песка, глины — и начали их добычу. К весне 1948 г. была закончена постройка временных подсобных предприятий: арматурного, опалубного, деревообрабатывающего цехов в Семипалатинске, а также складских помещений. Были оборудованы на берегу Иртыша временные причалы на период навигации, размещены электростанции и насосные установки.

В августе 1948 г. на полигоне появилась комплексная бригада проектировщиков Государственного специализированного проектного института № 2 (ГСПИ-2), руководство которой вскоре после ее прибытия возглавил П.В. Васильев. Строители стали получать чертежи, где уже были учтены имеющиеся на месте материалы и оборудование, оперативно решались вопросы по сметам. В сентябре начались по ночам удивительные для этих мест ранние заморозки. К ноябрю строители закончили первые два шлакоблочных и два деревянных общежития. Но их на всех не хватало. Люди зимовали в котельных, в насосной, в землянках — везде, где можно было хоть как-то согреться ночью.

Суровая зима Восточного Казахстана диктовала свои условия. Чтобы как-то ускорить строительство жилых и производственных помещений, к приемке их были привлечены специалисты, в эксплуатацию которых эти помещения должны были перейти. Этим достигалось улучшение качества работ, сокращалось число недоделок. Но главным объектом, во имя которого развернулось в дикой степи все это гигантское строительство, была зона, именуемая опытным полем, — тот участок территории, на котором должны были идти испытания секретного

военного изделия. Готовясь к этим испытаниям, предстояло, прежде всего, укомплектовать войсковую часть необходимыми кадрами. А подготовку самого поля к испытаниям должны были вести специально обученные люди, профессионалы высокого класса, специалисты различных областей военного дела. Поэтому срочно требовалось укомплектовать команду опытного поля толковыми, знающими дело людьми.

К концу 1948 г. в штат опытного поля входили три сектора: физических измерений, биологический и вооружения, — а каждый из них состоял из лабораторий (в различных документах они именовались то отделениями, то отделами). Сектора и лаборатории были укомплектованы хорошо подготовленными профессионалами и возглавлялись видными в соответствующих областях специалистами. Так строилась работа по укомплектованию поля квалифицированными кадрами. Некоторые начальники лабораторий имели ученые степени. Однако дело было настолько новым, что все нуждались в повышении своих знаний. Поэтому вторая важнейшая задача подготовки к предстоящим испытаниям атомной бомбы состояла в том, чтобы вооружить личный состав всех подразделений знаниями об аппаратуре, привлекаемой на испытания, и методиках измерения новых, соответствующих бомбе параметров.

Основной базой обучения личного состава сектора физических измерений стал Институт химической физики (ИХФ) Академии наук СССР, возглавлявшийся академиком Н. Н. Семеновым. Научным руководителем подготовки офицеров самого опытного поля являлся заместитель директора этого института. Обучение личного состава проводили специалисты Института химической физики. Они же стали научными руководителями соответствующих лабораторий сектора. Привлекались к обучению офицеров также специалисты Государственного оптического института. Головным центром подготовки сотрудников биологического сектора стал Главный военный госпиталь им. Бурденко.

Сотрудники сектора вооружений готовились к испытаниям самостоятельно, непосредственно на полигоне. Подготовка специалистов сектора физических измерений облегчалась тем, что в Москве к этому времени уже работал ядерный реак-

тор в лаборатории измерительных приборов Академии наук СССР (будущий Институт атомной энергии им. И.В. Курчатова). На этом реакторе получали гамма-источники искусственной радиоактивности, кобальтовые и цезиевые. Эти источники привозили в Институт химической физики. Радиоактивные источники помещались в свинцовые контейнеры. Из хранилища их переносили в лаборатории, вынимали из контейнеров и устанавливали в требуемом месте. И так несколько раз в день. Помещений у сотрудников было мало, работать приходилось иногда в той же комнате, где происходила градуировка приборов. Естественно, что при такой «технике безопасности» избежать излучения было невозможно. И хотя радиоактивные источники были довольно слабые, но за день набиралась доза от 0,05 до 0,1 рентгена. Однако как бы там ни было, к началу 1949 г. учебная подготовка сотрудников поля в основном была закончена и все специалисты, а также необходимая для работы аппаратура сосредоточены на полигоне.

В период подготовки и проведения первого атомного взрыва на полигоне был установлен чрезвычайный, жесткий режим сохранения секретности работ. Не было ни одного случая осознанного нарушения режима секретности или каких-либо враждебных действий. Можно с полным правом сказать, что огромный коллектив сотрудников полигона, понимая всю свою ответственность за успешное решение задачи государственной важности, трудился во имя ее исполнения, не щадя сил и здоровья. Были недостатки в работе, но они проистекали главным образом из-за новизны дела. Вот такое было поколение людей.

При подготовке первого атомного взрыва было немало проблем с дозиметрической аппаратурой, необходимой для обеспечения радиационной безопасности при проведении испытания. Начинать пришлось с нуля. Никакой дозиметрической аппаратуры для работы в полевых условиях попросту не существовало. В сжатые сроки необходимо было создать такую аппаратуру для проведения радиационной разведки на земле, в районе взрыва, для авиационной разведки и дозиметрического контроля облучения участников испытаний по возвращении их из зараженных районов. Вся эта работа была развернута на базе Института биофизики Академии медицинских наук СССР. Соз-

дать новую аппаратуру в сжатые сроки подготовки полигона к испытанию было невысказано. Оставалось одно: приспособить к работе в полевых условиях уже имевшиеся лабораторные образцы и макеты. Для радиационной разведки района взрыва были оборудованы два танка со снятыми орудийными башнями. Днище и борта танков были обиты свинцовыми листами, а впереди них на штанге были выставлены измерительные датчики. Аналогично дооборудовали и несколько автомашин. Для авиационной разведки дозиметры и рентгенометры размещались на обычном транспортном самолете. А проверка дозы облучения, полученной участниками испытаний, производилась с помощью индивидуальных фотокассет.

Колорит того времени проявлялся в каждой на нынешний взгляд мелочи. Программный автомат пуска подрыва (АП, как его называли на полигоне) должен был обладать абсолютной надежностью, так как по его командам включались в работу все измерительные приборы. Ответственность осуществлявшего пуск многократно увеличивалась еще и потому, что производился подрыв единственного в стране атомного заряда. Второго такого еще не было. Повторить эксперимент было невозможно.

С началом 1949 г. темп работ на испытательном полигоне нарастал с каждым днем. Главным объектом было опытное поле. Оно представляло собой ровную необозримую площадку примерно в 400 кв. км. В центре ее была построена металлическая башня высотой в 30 м, на которой устанавливалось «изделие»¹. Все поле было обнесено проволочным ограждением радиусом 10 км, постоянно охранялось по периметру. Оно было разделено на сектора, в которых размещались боевая техника, вооружение и различные инженерные сооружения.

По северо-восточному и юго-восточному радиусам были построены приборные сооружения («башни»), в которых устанавливались измерительные приборы и автоматическая скоростная оптическая аппаратура. Часть датчиков и индикаторов устанавливалась открыто, а часть — в боевой технике и воору-

¹ Выбор «башенного варианта» был предопределен тем, что если бы бомба в первый раз по каким-либо причинам не взорвалась, то после устранения неполадок были бы возможны новые попытки. При сбросе с самолета такой возможности не могло быть, так как при ударе о землю бомба разрушалась.

жении. По северо-восточному радиусу открыто на местности размещалась основная группа животных — лошадей, овец, поросят, собак, морских свинок, белых мышей. Большая группа животных находилась в боевой технике и инженерных сооружениях: в танках, траншеях, на артиллерийских позициях, в дотах, а также в двух трехэтажных домах и промышленном цехе, построенных на дистанции 800, 1200 и 1500 м по северо-восточному радиусу.

В секторах, отведенных под тот или иной вид техники, на дистанции от 250 м до 3 км устанавливались самолеты различных типов, а также поднятые в воздух на тросах аэростаты с гирляндами измерительных приборов, танки Т-34, артиллерийские орудия, в том числе зенитные, и минометы, надстройки боевых кораблей, образцы химического вооружения, образцы техники, связи, многие виды продовольственного и вещевого снабжения, окопы, блиндажи, траншеи и т. д., и т. п. В центре поля, непосредственно под башней, на горизонтах 10, 20 и 30 м под землей были проложены подземные галереи длиной примерно по 30–40 м.

Все это при испытании первого «изделия» не только позволило определить мощность атомного взрыва, его основные физические параметры, но и проверить устойчивость к воздействию взрыва основных видов оружия и боевой техники, а также защитные свойства различных сооружений и танков при воздействии поражающих факторов взрыва на личный состав, находящийся в этих объектах.

Накануне первого испытания советской атомной бомбы высшее руководство решило провести генеральную репетицию. Она была назначена на 27 августа. Все службы и подразделения должны были работать так же, как в день проведения взрыва. Утром 27 августа приступили к подготовке приборных сооружений. Подзаряжались аккумуляторные батареи, настраивались установленные в сооружениях приборы. После обеда специально образованные комиссии приступили к окончательной проверке и опечатыванию сооружений. Эта процедура длилась весь день и закончилась поздно ночью. Кроме того, потребовалось привлечь очень много людей и транспортных средств для перевозки и размещения на поле огромного количества воору-

жения, имущества, животных. Нужно было развернуть службу радиационной безопасности, а также комендантскую службу учета въезжающих на опытное поле и выезжающих с него: ведь на поле не должно было быть оставлено ни одного человека.

На командном пункте остался ограниченный круг лиц. По условиям безопасности с командного пункта разрешалось сквозь затемненные очки наблюдать вспышку атомного взрыва, а затем немедленно, не более чем за 30 секунд, нужно было успеть укрыться внутри сооружения и не выходить из него до прохода ударной волны. Лица, ответственные за своевременное закрытие дверей, тренировались проделывать эту операцию с предельной быстротой. Остальные участники испытаний сосредоточивались в выжидательном районе за пределами опытного поля. Генеральная репетиция прошла успешно. Решено было назначить испытания на утро 29 августа.

29 августа 1949 г. наступил решающий день испытания первой атомной бомбы в Советском Союзе. Все участвующие были напряжены до предела. На рассвете стало известно, что из-за вероятного ухудшения погоды и возможной грозы время начала эксперимента — взрыв — перенесено на один час раньше (до этого планировалось произвести подрыв заряда в 8:00, то есть в 5:00 по московскому времени). За полчаса до взрыва оператор нажал пусковую кнопку. Механизм подготовки «изделия» к взрыву пришел в действие. За минуту до подрыва заряда по команде Курчатова была нажата главная кнопка.

Как вспоминают свидетели взрыва, над опытным полем стояла стена пыли высотой в несколько километров и столь же протяженная. Ничего нельзя было рассмотреть, кроме нескольких ближайших сооружений. Увиденное поражало не красотой, а громадными масштабами явления. Когда прошла ударная волна, наступило время проверки результатов эксперимента. Первым на поле выехал на специально оборудованном свинцовой защитой танке заместитель министра здравоохранения. Он имел схему сооружений, расположенных по северо-восточному радиусу поля. Проезжая мимо сооружений, он должен был в зависимости от отсутствия или наличия радиоактивности выпустить зеленую или красную ракету. Однако танк проходил рубежи 10 000, 5000, 3000 м, а взлетали только зеленые ракеты.

Наконец на 1800 м выстреливается красная ракета, свидетельствующая о том, что появилась радиоактивность. Это означало и то, что разрешается выезд на поле. Вслед за первым на поле выехали еще два танка, обшитые свинцовыми щитами. Танки пересекли эпицентр взрыва и замерили радиоактивность на поле. Тут же группа разведчиков службы безопасности оградила флажками границы опасной зоны. Затем группы специалистов исследовали результаты воздействия взрыва на технику, вооружение, инженерные сооружения, постройки, животных.

Часа через полтора после взрыва, когда пыль на поле рассеялась, стало видно, что ни башни в центре поля, ни жилых домов, в которых личный состав прожил несколько месяцев, ни промышленного цеха уже нет. Вздымались лишь столбы черного дыма от горевших складов нефтепродуктов. Были видны догорающие искореженные самолеты, сброшенный с опор железнодорожный мост, разрушенные постройки. Песок в радиусе нескольких сотен метров оказался сильно оплавленным. Кругом валялись изуродованные танки, орудия, другая боевая техника. Некоторые машины были отброшены на десятки метров от места, где они были поставлены. Проведенный эксперимент показал (хотя и не по всем параметрам), что атомный взрыв соответствует теоретическим представлениям, а значит, открывает путь к созданию более мощных образцов атомного оружия. Советский Союз стал ядерной державой.

3 сентября 1949 г. американский бомбардировщик В-29, совершивший очередной разведывательный полет в северной части Тихого океана близ границ СССР, при заборе пробы воздуха (такая задача ставилась всем самолетам, совершавшим разведывательные полеты в районах, граничащих с СССР) обнаружил повышенную радиоактивность. Проверка взятой пробы привела американских специалистов к выводу, что в СССР испытана атомная бомба. Известие об этом вызвало в Вашингтоне настоящий шок. Анализ радиоактивных образцов, произведенный американцами, показывал, что было испытано оружие на плутониевой основе и современной конструкции. Впоследствии председатель комиссии по атомной энергии Д. Лилиенталь так излагал свою первую реакцию на известие о советской атомной бомбе: «Вот оно то, чего мы боялись начиная с января 1946 г.,

с момента первого заседания нашей консультативной группы...» [47, с. 135–136].

Президент Трумэн и министр обороны Л. Джонсон, потрясенные провалом предсказаний и расчетов правительственных служб, с трудом верили фактам. Ведь Комитет начальников штабов в 1946 г. заверял президента, что «любая великая держава, начинающая с нуля и располагающая той информацией, которая ныне доступна, сможет осуществить эту цель в течение 5–7 лет, если она получит помощь в поставке и использовании специализированного оборудования и станков от наций, наиболее способных к производству атомных зарядов, и в период от 15 до 20 лет — без такой посторонней помощи». И вот вместо 20 лет через каких-то 3 года в Советском Союзе появилось атомное оружие. Несмотря на то что президент получил информацию об атомных испытаниях в СССР 12 сентября, он не решался сразу же объявить об этом. Только 23 сентября, почти через месяц после атомного взрыва на Семипалатинском полигоне, Трумэн сообщил миру: «Мы имеем свидетельства того, что несколько недель назад в СССР был произведен атомный взрыв». Это был тяжелый удар по американскому истеблишменту. По оценке Лилиенталя, советское испытание «коренным образом изменило обстановку».

Вслед за опубликованием этих заявлений в американской, английской и канадской печати, а также в печати других стран появились многочисленные высказывания, сеющие тревогу в широких общественных кругах. В связи с этим было опубликовано заявление Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС):

«В Советском Союзе, как известно, ведутся строительные работы больших масштабов — строительство гидростанций, шахт, каналов, дорог, которые вызывают необходимость больших взрывных работ с применением новейших технических средств. Поскольку эти взрывные работы происходили и происходят довольно часто в разных районах страны, то возможно, что это могло привлечь к себе внимание за пределами Советского Союза.

Что же касается производства атомной энергии, ТАСС считает необходимым напомнить о том, что еще в ноябре 1947 г.

министр иностранных дел СССР В.М. Молотов сделал заявление относительно секрета атомной бомбы, сказав, что «этого секрета давно уже не существует». Советский Союз уже открыл секрет атомного оружия, и он имеет в своем распоряжении это оружие. Научные круги Соединенных Штатов Америки приняли это заявление В.М. Молотова за блеф, считая, что русские смогут овладеть атомным оружием не ранее 1952 г. Однако они ошиблись, так как Советский Союз овладел секретом атомного оружия еще в 1947 г.

Что касается тревоги, распространяемой по этому поводу некоторыми иностранными кругами, то для тревоги нет никаких оснований. Следует сказать, что советское правительство, несмотря на наличие у него атомного оружия, стоит и намерено стоять в будущем на своей старой позиции безусловного запрещения применения атомного оружия.

Относительно контроля над атомным оружием нужно сказать, что контроль будет необходим для того, чтобы проверить исполнение решения о запрещении производства атомного оружия».

Как бы то ни было, заявление ТАСС было воспринято мировой общественностью с разноречивыми чувствами. Многие считали это шагом, который ставил преграду угрозе атомной войны. Неслучайно известный американский политический деятель Г. Киссинджер писал: «Советский Союз обладал еще одним преимуществом в первые послевоенные годы: растущим убеждением общественности несоветской части мира... в том, что ядерная война представляла собой неимоверную катастрофу» [77]. В Вашингтоне сообщение ТАСС вызвало бурю. Воинствующая часть общественности требовала немедленно развязывания превентивной атомной войны против СССР. Однако войны не произошло. Выяснилось, что США не смогут выиграть такую войну, даже нанести первый ощутимый для СССР удар. В конце 1949 г. США имели 840 действующих стратегических бомбардировщиков, способных нести атомные бомбы, и около 250 самих бомб. Конечно, и такое количество атомных боеприпасов было впечатляющим, но тактико-технические характеристики самолетов-носителей позволяли достичь Москвы, Ленинграда и других городов в Европейской

части СССР при действии с авиабаз Англии и других стран Западной и Южной Европы. Однако в то время таких баз было явно недостаточно, а главное, теперь это ставило под угрозу советского атомного удара западноевропейских союзников Соединенных Штатов, и это в значительной степени меняло мировую ситуацию.

Международная обстановка, сложившаяся к середине 1949 г., заставляла советское руководство торопиться. В дополнение к 840 американским стратегическим бомбардировщикам, способным нести атомные бомбы, и около 250 самих бомб весной того же года был создан военный Североатлантический союз (НАТО), направленный против СССР. В то же время Советский Союз не имел ни атомной бомбы, ни средств доставки ее на американский континент. Приближавшаяся победа коммунистических сил в Китае еще более обостряла обстановку в мире. Советскому Союзу нужно было срочно найти адекватный ответ на вероятную угрозу атомного нападения, а такие планы в США уже разрабатывались, уточнялись и совершенствовались.

Советское правительство и в первую очередь И.В. Сталин и Л.П. Берия (руководитель всех работ по атомной проблеме в СССР) настаивали на скорейшем создании Советским Союзом своего атомного оружия. В 1950 г. была поставлена задача создать авиационную атомную бомбу весом в 3 т и с эквивалентной мощностью в 25 кт тротила. Вес и габариты новой бомбы задавались в соответствии с тактико-техническими характеристиками проектировавшегося в конструкторском бюро Туполева перспективного бомбардировщика Ту-16. При одинаковой с имеющимся Ту-4 грузоподъемностью и дальностью полета этот реактивный самолет должен был летать вдвое быстрее, что существенно повышало его возможности на успешное преодоление ПВО противника.

А тем временем сотрудники коллектива Ю.Б. Харитона и Я.Б. Зельдовича разрабатывали два своих варианта оригинальных и технически более совершенных, нежели американская, бомб. Эти бомбы оказались в несколько раз легче американской и к тому же в несколько раз мощнее и имели оригинальный, совершенно отличный от американского, взрыватель. Но развернувшаяся холодная война требовала ответа на американ-

ский вызов. Поэтому научный коллектив Харитона вынужден был затормозить работы над собственными проектами, чтобы без промедления воссоздать американские бомбы, уже опробованные в Аламогордо, Хиросиме и Нагасаки.

В те же годы была разработана серийная бомба, имевшая при весе 3 т мощность в 40 кт тротила (в «РДС-1» было соответственно 5 т и 20 кт). Столь замечательные особенности бомбы были достигнуты благодаря принципиально новой конструкции системы, сосредоточивающей действие обычного взрыва на центральный атомный заряд. Бомба проектировалась в двух вариантах: «РДС-2» с чисто плутониевым и «РДС-3» с составным ураново-плутониевым зарядом.

Большие трудности возникали с получением высокообогащенного урана-235, используемого в ядерных зарядах. Задача оказалась гораздо более сложной технологической проблемой, чем накопление плутония. И все же проблема была решена. Одновременное освоение двух технологий разделения — газодиффузионной и электромагнитной — позволило использовать в ядерных зарядах уран-235, благодаря чему достигалась большая экономия крайне дорогого плутония.

Пока ученые создавали более совершенные атомные бомбы, на Семипалатинском полигоне полным ходом шла работа по подготовке к их испытанию. В 1951 г. состоялись испытательные взрывы созданных коллективом Ю.Б. Харитона двух атомных бомб. В отличие от 1949 г., когда наличия плутония едва хватало на один заряд, в 1951 г. оказалось возможным испытать сразу оба варианта бомб, каждый из которых был изготовлен в трех экземплярах. Было решено сначала взорвать бомбу «РДС-2» на башне, а «РДС-3» сбросить потом с самолета.

Бомба «РДС-2» испытывалась 24 сентября 1951 г. в условиях, близких к испытаниям «РДС-1». Для этого башня и все сооружения опытного поля на Семипалатинском полигоне были полностью восстановлены. Испытание «РДС-2» включало существенно новый элемент: проверку действия атомного взрыва на самолет Ту-4. Он пролетел над башней с таким расчетом, чтобы ударная волна от взрыва догнала его на удалении около 20 км от эпицентра. Самолет испытал сильный толчок от ударной волны, но никаких затруднений в пилотировании не возникло.

Через две недели в интервью газете «Правда» Сталин сказал: «Действительно, недавно было произведено у нас испытание одного из видов атомной бомбы. Испытания атомных бомб различных калибров будут проводиться и впредь по плану обороны нашей страны от нападения англо-американского агрессивного блока»¹. Далее, развивая эту тему, Сталин заявил, что советские атомные испытания не должны давать какие-либо основания для тревоги в США, где полагают, что они могут служить угрозой безопасности США. Он напомнил, что СССР не раз предлагал запретить атомное оружие и прекратить его производство, но «каждый раз получал отказ от держав Атлантического блока». Возможно, сказал в заключение советский лидер, что «сторонники атомной бомбы могут пойти на запрещение атомного оружия только в том случае, если они увидят, что они уже не являются монополистами».

Главное испытание состоялось 18 октября. На «выпускной экзамен» выходила первая авиационная атомная бомба «РДС-3». Цель для бомбометания представляла собой хорошо видимый белый круг. Сброшенная с высоты 10 км бомба через минуту свободного полета взорвалась на высоте 400 м на удалении около 300 м от цели. Экипаж самолета увидел очень яркую вспышку зеленоватого цвета. Через полторы минуты после взрыва все ощутили два быстро следовавших друг за другом толчка, сопровождавшихся сильным звуком. Это самолет догнала сначала падающая, а затем отраженная от земли ударная волна. Никаких повреждений самолета или травм экипажа не было, и он уверенно шел по курсу.

Создание атомной промышленности и героический труд участвующих в этом людей были скрыты за завесой секретности. Население страны оказалось в неведении об опасностях использования атомного оружия в военных действиях. В отличие от западной пропаганды советское руководство и средства массовой информации делали упор на борьбу за мир и предотвращение атомной войны. В декларации совещания коммунистических партий 1947 г. говорилось о реальных возможностях предотвращения войны [78]. В 1948 г. Сталин, отвечая на письмо канди-

¹ Правда. 1951. 9 окт.

дата на пост президента США Г. Уоллеса, писал: «Правительство СССР считает, что, несмотря на различие экономических систем и идеологий, сосуществование этих систем и мирное урегулирование разногласий между СССР и США не только возможны, но и, безусловно, необходимы в интересах всеобщего мира»¹.

Советский Союз также стремился модернизировать и обычное вооружение. Он не отказывался, как и США, от использования трофейных технологий в развернувшейся гонке вооружений. Советская авиация к началу 1950-х гг. имела в основном тактические бомбардировщики, предназначенные для поддержки сухопутных войск на театрах военных действий. В создавшейся военно-политической обстановке, когда противник взял курс на мировую атомную войну, советское руководство торопилось создать бомбардировщик дальнего действия. Было принято решение скопировать американский В-29 — четыре самолета были интернированы на нашем Дальнем Востоке после их вынужденных посадок из-за повреждений, полученных при бомбардировках Японии.

Еще в начале июня 1945 г. Туполев и его первый заместитель Александр Архангельский были приняты Сталиным, который сообщил о принятом решении скопировать бомбардировщик В-29. 6 июня вышло постановление Государственного комитета обороны, согласно которому конструкторскому бюро Туполева поручалось организовать производство «близнеца» В-29 — Б-4 («бомбардировщик четырехмоторный»). Заканчивалось это решение двумя пунктами: Туполеву — через год завершить выпуск всей необходимой технической документации, а директору Казанского авиазавода — еще через год построить первую серию из 20 машин. Вскоре стало ясно, что без коренного изменения технологии наших авиационных и металлургических заводов и других предприятий воспроизвести этот самолет не удастся. Подавляющее большинство технических решений, материалов и приборов, примененных фирмой «Боинг» при разработке В-29, были совершенно новыми для отечественной промышленности. В соответствии с личным указанием Сталина не допускалось ни малейшего отклонения ни в одной детали от американского

¹ Правда. 1948. 18 мая.

образца. «Оргвыводы» по нерадивым или строптивым главным конструкторам и директорам заводов были жесткими. Те из них, кто не желал копировать или только пытался доказать, что его собственная серийная разработка лучше американской, были уволены.

3 августа 1947 г. на традиционном воздушном параде в Тушино тройка самолетов Б-4 была впервые показана публике. Ценой невероятных усилий Советский Союз сумел за два года освоить сложнейшие технологии и дать своей военной авиации первоклассную машину. При постановке самолета на вооружение он был обозначен как Ту-4. Всего с 1948 по 1952 г. было выпущено около 850 машин. В историческом контексте видно, что создание и серийное производство самолета Ту-4 подготовило благодатную почву для подлинной революции в авиации — появления первого поколения советских реактивных самолетов, сначала военных, а затем и пассажирских. Для того чтобы сделать точную копию В-29, пришлось почти заново создать новую авиационную промышленность, изучить американскую технологию. И все это было сделано, причем в кратчайшие сроки.

Бомбардировщик Ту-4 мог действовать на расстоянии до 6000 км, а это означало, что самолеты Ту-4, взлетая с баз на территории нашей страны и стран Восточной Европы, могли достигать целей в Западной Европе, на Ближнем Востоке и в Японии. Для того чтобы увеличить дальность их полета, уже в начале серийного производства Ту-4 было решено оборудовать самолеты системой дозаправки в воздухе. В июле 1949 г. была впервые осуществлена автоматическая дозаправка¹. В 1952 г., после прохождения государственных испытаний, система дозаправки «с крыла на крыло» была принята вначале на Ту-4, а затем на новых реактивных бомбардировщиках Ту-16. Однако даже с дозаправкой эти самолеты не смогли бы действовать по целям на территории США: топлива хватало только туда. Поэтому уже в 1948 г. КБ Туполева получило задание на постройку сверхтяжелого четырехмоторного бомбардировщика с дальностью полета, достаточной для возвращения на свои аэродромы.

¹ Международная жизнь. 1993. № 12.

Кроме того, Ту-4 имел крупный недостаток. Это был поршневого (не реактивный) самолет, со сравнительно малой скоростью. А значит, он был легко уязвимой целью для уже имевшихся на вооружении ряда стран реактивных истребителей, обладавших большей скоростью и высотой полета. Уязвимость поршневого авиации, в частности В-29, наглядно показала война в Корее, в годы которой советские реактивные истребители МиГ-15 успешно сбивали В-29.

Требовалось создать реактивный бомбардировщик, могущий донести атомный боеприпас до объектов в глубине территории потенциального противника. Первым таким самолетом стал Ил-28 с дальностью действия 650 км и скоростью 900 км/ч. С аэродромов Восточной Германии он мог наносить удары практически на всю глубину территории континентальных стран Европы, а также Аляски. Имея высокую скорость и большую высоту полета, такой самолет становился трудной целью для систем ПВО Запада.

К весне 1952 г. по приказу Сталина должны были развернуть 100 бомбардировочных авиадивизий, укомплектованных реактивными бомбардировщиками. И хотя руководители ВВС пытались доказать главе государства, что потребность в таких самолетах, с учетом уже имевшихся, не превышала 60 дивизий, приказ начал выполняться. В штабе ВВС понимали, что для обеспечения деятельности этих 100 дивизий нужно было сформировать не менее 30 истребительных дивизий прикрытия и до 10 полков разведывательной авиации, подготовить не менее 10 тыс. летчиков, специалистов других профилей, выпустить 10 тыс. бомбардировщиков сверх плана, построить аэродромы, ангары, склады и т. п. В связи с этим в штабе ВВС было создано уже специальное управление для решения этой проблемы.

Советский Союз наряду с созданием атомного оружия и авиационными его носителями принимал меры и в области освоения ракетного оружия. После Второй мировой войны немецкие баллистические ракеты «Фау-2» и крылатые ракеты (самолеты-снаряды) «Фау-1» попали в качестве трофеев и американцам, и русским. Но, в отличие от США, в СССР немецкие ракетчики не сыграли существенной роли в развитии советского ракетного оружия. Однако немецкие ракеты «Фау-1» и «Фау-2» были

тщательно изучены и опробованы в испытательных пусках. В первые послевоенные годы конструкторская мысль в СССР продвинулась далеко вперед, и немецкий опыт был, конечно, использован.

Сразу после войны, на основе постановления Совета министров СССР от 13 мая 1946 г., в октябре того же года был принят «План важнейших опытных работ по реактивному вооружению на 1946–1948 годы». Им предусматривалось создание отечественных баллистических ракет с дальностью полета 270 км — к декабрю 1948 г., 600 км — к октябрю 1949 г. [79].

Основой советского ракетостроения стал НИИ-88, обосновавшийся в Подлипках. Там был собран цвет конструкторской мысли Советского Союза. Работа над ракетами строилась на основе кооперации, с привлечением ведущих ученых каждой отрасли. По отдельным направлениям были назначены главные конструкторы в соответствующих министерствах. В.П. Глушко в Министерстве авиационной промышленности стал главным конструктором ракетных двигателей. В Министерстве промышленности средств связи создается НИИ-885 для разработки всего радиокомплекса и автономного управления, необходимого для ракет. Главным конструктором назначен М.С. Рязанский, а его замом по системам автономного бортового управления — Н.А. Пилюгин. В.Н. Кузнецов назначается главным конструктором стартовых комплексов и заправочного оборудования. У каждой из головных организаций существовала своя очень разветвленная кооперация. В самом НИИ-88 опытно-конструкторские работы возглавляли главный инженер Ю.А. Победоносцев, его заместитель Б.Е. Черток и главный конструктор баллистических ракет дальнего действия, руководитель отдела № 3 специального конструкторского бюро института С.П. Королев.

Первый пуск ракеты «Фау-2» состоялся 18 октября 1947 г. в 10 ч 47 м на полигоне Капустин Яр в низовьях Волги. Ракета пролетела 207 километров и, отклонясь на 30 км от курса, разрушилась в плотных слоях атмосферы. Запуск второй ракеты 20 октября закончился неудачно. Уже на активном участке полета было зафиксировано сильное отклонение ракеты влево в сторону Саратова. Но все закончилось благополучно: ракета

пролетела 231 км и отклонилась на 180 км. 270 км до Саратова она все равно не долетела бы [40, с. 366]. Стало ясно: «Фау-2» устарели — нужно было создавать новую, более совершенную ракету.

В следующем, 1948 г. была создана Р-1 — первая советская ракета. Она была копией немецкой. Советская промышленность не имела опыта в создании такого оружия. Требовалось ввести новые технологии, использовать ранее неизвестные материалы, которые промышленность только-только осваивала. К этой работе было привлечено 35 НИИ и КБ, а также 18 заводов. 10 октября 1948 г. на полигоне Капустин Яр был осуществлен успешный пуск первой отечественной баллистической ракеты Р-1. На испытания доставили 12 ракет Р-1. Со старта ушло 9, и 7 из них дошли до цели. Точность попадания была выше, чем у немецких ракет. Это уже был успех. Он был связан с тем, что за время работы над немецкой ракетой был выявлен основной недостаток «Фау-2» — слабость хвостового оперения. Она летела по баллистической траектории, и на нисходящей линии при входе на большой скорости в плотные слои атмосферы хвостовое оперение обыкновенно не выдерживало нагрузок и уже не могло в полной мере работать — в результате ракета разрушалась. Были выявлены и другие слабые места.

Тщательное изучение достоинств и недостатков «Фау-2» позволило раскрыть главный изъян немецких баллистических ракет. Немцы рассматривали ракету как единое целое от начала до конца полета. Но советские ракетчики (а среди них были и авиационные, и артиллерийские специалисты) пришли к выводу, что к баллистической ракете нужен другой подход. У ракеты два совершенно разных этапа полета: активный, когда работают двигатели — тут нужны крупногабаритные баки с горючим — и пассивный, когда она летит уже по инерции — как камень из пращи. Чем выше скорость — а она повышается с увеличением планируемой дальности полета — тем больше нагрузки при входе в атмосферу на нисходящей ветви траектории. Практически по принципу «Фау-2» ракету на дальность уже выше 1000 км создать было невозможно. Ведь та часть, которая сделала свое дело, на активном участке уже бесполезна — ее надо отделить. И делать прочной надо

только головную часть, а не всю ракету. Это был очень важный вывод для конструкции и одноступенчатых и тем более многоступенчатых ракет.

Благодаря сделанному техническому открытию советские специалисты первыми в мире сумели создать межконтинентальную ракету, что, конечно же, имело особое, великое значение. Но все равно новое советское оружие нельзя было еще назвать надежным. Полную силу ракета Р-1 обрела после успешного пуска 10 октября 1948 г. Дальнейшие испытания подтвердили правильность решения нашими конструкторами основных проблем, связанных с созданием баллистической ракеты.

Летные испытания второй, более совершенной серии этих же ракет проводились в сентябре-октябре 1949 г. Результаты испытаний показали, что характеристики ракет, их качество, надежность работы аппаратуры управления, двигательных установок и агрегатов наземного оборудования значительно выше, чем у ракет первой серии. Вскоре прошла проверку на полигоне и третья серия Р-1. Постановлением правительства СССР от 28 ноября 1950 г. ракета Р-1 была принята на вооружение. Ракета весом 13,4 т имела дальность полета 270 км и несла заряд обычного взрывчатого вещества массой 785 кг. Она имела точность попадания в прямоугольник 20 км по дальности и 8 км — в боковом направлении [80].

Перевооружение шло не без трудностей. Так, когда в 1947 г. советскому правительству были предложены два новых истребителя — поршневой Ла-11 конструкции С. Лавочкина и реактивный МиГ-9 А. Микояна, Сталин отдал предпочтение Ла-11¹. Но вскоре он осознал значение реактивной авиации. И уже 1 мая 1947 г. на воздушном параде в Москве МиГ-9 был продемонстрирован общественности. После этого развитие реактивной авиации в СССР шло форсированным темпом. В конце 1947 г. конструкторское бюро А.И. Микояна выпустило МиГ-15, которому суждено было сыграть особую роль в воздушных боях в войне в Корее. Вскоре появился и усовершенствованный вариант истребителя МиГ-15. Он стал называться МиГ-17 и надолго вошел в историю ПВО.

¹ Aircraft, Strategy and Operations of the Soviet Air Force. L., 1986. P. 65.

Много внимания уделяла советская конструкторская мысль созданию зенитных управляемых ракет. В НИИ-88, который разрабатывал главным образом ракеты класса «земля — земля», отдел № 4 занимался проектированием зенитных управляемых ракет (ЗУР) с головкой самонаведения. В своей работе отдел опирался на трофейную немецкую зенитную ракету «Вассерфаль». В Германии она не вышла за стадию испытаний, и теперь в СССР ее намеревались использовать при создании советских ЗУР. Зенитными ракетами немецкого происхождения занимался ряд отделов, стремившихся усовершенствовать немецкие управляемые зенитные снаряды «Шметерлинк», «Рейнтохтер», неуправляемые ракеты «Тайфун», а также двигатели к ним.

Так началась гонка вооружений, оказавшая существенное влияние на развитие международных отношений после Второй мировой войны.

* * *

Соединенные Штаты, опираясь на свою политическую и экономическую мощь, сразу же после окончания Второй мировой войны приступили к разработке теории и практики ведения военных действий с применением атомного оружия.

Советский Союз был вынужден втянуться в гонку атомных вооружений, несмотря на крайнюю ограниченность материальных и технических ресурсов для развертывания производства атомного оружия. Преодолеть эти трудности была не в состоянии никакая разведывательная информация.

Различия в информации населения об атомной войне определялись разницей во взаимодействиях власти и общества. На Западе и прежде всего в США обывателя надо было напугать, чтобы он согласился на дорогостоящую гонку атомного вооружения. В СССР она объяснялась слоганом «лишь бы не было войны».

* * * *

Истоки холодной войны лежат в идеологической и политической неоднородности антигитлеровской коалиции. Перед фашистской опасностью ее возглавили государства с различными идеологическими установками. В СССР у власти были коммунисты. Государственную политику США определяли крупные

транснациональные корпорации. Великобритания управляла колониальной империей. Каждое государство преследовало свои цели. Разнонаправленные и даже конфликтные интересы вызывали постоянные трения и затруднения в осуществлении коллективных действий. Так, второй фронт против фашистской Германии был открыт западными союзниками лишь в середине 1944 г., на пятый год с начала Второй мировой войны.

К 1945 г. в центре Европы оказалась мощная сухопутная группировка Советской Армии с огромным наступательным потенциалом. Под влиянием разгрома фашизма сильно возросло влияние коммунистов во Франции, Италии, Греции. Руководство США и Великобритании рассматривало такое положение как чрезвычайно опасное. Были предприняты решительные политические и экономические шаги для нейтрализации этой опасности. В рамках развернувшейся пропагандистской кампании отставной политик Черчилль объявил Советскому Союзу холодную войну.

Но началась холодная война лишь через несколько лет. Соединенные Штаты укрепили свое политическое и экономическое лидерство в капиталистическом мире. Они отказались от принципа не участвовать в военных блоках в мирное время. Американские войска были развернуты вокруг СССР на постоянной основе. Советский Союз, в свою очередь, укрепил свои позиции в Восточной Европе и на Дальнем Востоке. «Санитарный кордон», существовавший до Второй мировой войны, был заменен дружественными государствами.

ГЛАВА 2

Начало холодной войны

В конце 1940-х гг. сформировались два лагеря, которые в военной сфере опирались на два военных блока: Организация Североатлантического договора — НАТО и Организация Варшавского Договора — ОВД. Превратится ли холодная война в «горячую» — это во многом зависело от мудрости и политической воли лидеров Советского Союза и Соединенных Штатов.

2.1. НАТО

Идея создания тесного союза западных держав возникла в руководящих кругах США и Великобритании уже в начале Второй мировой войны. Первым шагом к этому стала публикация в августе 1941 г. президентом США Рузвельтом и премьер-министром Великобритании Черчиллем Декларации принципов, объединяющих народы двух стран в войне с фашистской Германией и милитаристской Японией. Заложенные в Декларации принципы были направлены и на послевоенное переустройство мира. Эта декларация получила название Атлантической хартии. В ней провозглашались надежды на международное сотрудничество и определялись основы кодекса поведения государств.

Развитием Атлантической хартии стали шаги американского руководства по созданию военной региональной организации под руководством США в Латинской Америке. Первым из

них стало создание Межамериканского совета обороны (МСО) в 1945 г. под предлогом организации вооруженного отпора нацистской агрессии после поражения фашистской Германии. Правовой основой создания подобного военного союза стала включенная по настоянию Соединенных Штатов в Устав ООН статья 51 о праве наций на создание региональных оборонительных организаций. В 1947 г. МСО был интегрирован в созданную Организацию американских государств. Ее краеугольным камнем стал «Межамериканский договор о совместной обороне» западного полушария.

На европейском континенте идея образования союза западноевропейских государств воплотилась в подписание в августе 1948 г. Брюссельского договора о создании Западного союза — военно-политической организации в составе Великобритании, Бельгии, Люксембурга, Нидерландов и Франции. Брюссельский договор стал первым шагом на пути создания европейской составляющей будущего трансатлантического военного блока. Впоследствии он был преобразован в Западноевропейский союз (ЗЕС).

Атлантическая хартия и Брюссельский договор стали правовой базой для разработки основ будущей Организации Североатлантического договора. Процесс создания этого блока был начат в канадской Палате общин. В ней было выдвинуто и обсуждено предложение о формировании единой системы взаимной обороны, включающей державы Брюссельского договора и страны Северной Америки. Эта идея была с энтузиазмом подхвачена в Палате общин Великобритании. В свою очередь, в Сенате США была развернута подготовка конституционного процесса, который позволил бы Соединенным Штатам Америки уже в мирное время войти в этот нарождающийся военный союз с европейскими партнерами.

Принципы формирования военного альянса развитых государств во время мира были изложены в опубликованном 14 января 1949 г. заявлении государственного департамента США «Строим мир. Коллективная безопасность в североатлантическом районе». В нем Атлантический пакт представляется как оборонительный союз, служащий «интересам безопасности» Соединенных Штатов Америки и всего «Западного мира» [1, с. 6].

Тем самым Советский Союз и его восточноевропейские союзники отсекались от планировавшегося военного блока. Такая постановка вопроса ставила под сомнение политику обеспечения международного мира и безопасности. В годы Второй мировой войны эта политика была сформулирована в ряде документов державами — участницами антигитлеровской коалиции и закреплена организационно в создании Организации Объединенных Наций.

Идеологической основой нового военного блока развитых капиталистических государств стал атлантизм. Он был призван обеспечить выполнение следующих задач:

- обеспечить военный союз стран региона под эгидой США;
- установить и укрепить институты буржуазной демократии в Западной Европе;
- предотвратить обострение франко-германских противоречий;
- осуществить стабилизацию экономической системы в Западной Европе;
- содействовать сближению и интеграции стран североатлантической зоны;
- выработать общую позицию перед лицом социалистического мира;
- осуществить единую тактику в отношениях с третьим миром [2, с. 184].

Создание Североатлантического военного блока проходило на фоне обострения политического противостояния недавних союзников по антигитлеровской коалиции. В Америке все это воспринималось как «социализация Европы». Соединенные Штаты опасались остаться единственным бастионом традиционного капитализма [3, с. 15].

Переговоры о создании НАТО были начаты госдепартаментом США с послами Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга и Канады в Вашингтоне 6 июля 1948 г. После переговоров, закончившихся 9 сентября 1948 г., правительствам указанных стран был разослан доклад. В нем излагались условия создания Североатлантического союза и его задачи. Опубликование этого доклада сопровождалось усиленной анти-

советской пропагандой, организованной реакционными кругами США, с одновременным экономическим и дипломатическим нажимом на правительства стран, вовлекаемых в союз.

В ходе изучения доклада Великобритания и Франция внесли предложение о включении в союз других стран Европы, а именно: Дании, Исландии, Италии, Норвегии и Португалии. Выдвигая это предложение, Великобритания и Франция рассчитывали с помощью большего числа участников укрепить свои позиции во вновь создаваемом военном блоке. В декабре 1948 г. в Вашингтоне начались переговоры уже между представителями США, Брюссельского договора и Канады по вопросу создания Организации Североатлантического договора. В марте 1949 г. инициативная тройка пригласила к участию в организации Данию, Исландию, Италию, Норвегию и Португалию. В числе приглашенных стран оказались те государства, на территории которых остались после Второй мировой войны американские войска и базы, а также получатели военной помощи Соединенных Штатов.

Советское правительство в заявлении Министерства иностранных дел СССР выступило против создания Североатлантического союза как военного альянса, направленного на подрыв послевоенной системы безопасности в Европе. Оно предупредило в своем меморандуме государства, собравшиеся подписать этот пакт, о полном его противоречии с уставом Организации Объединенных Наций. «Поскольку само создание НАТО, — говорилось в Заявлении советского правительства от 29 марта 1949 г., — имело целью проведение политики «с позиции силы» и гонки вооружений, вся его практическая деятельность была направлена на то, чтобы не допустить смягчения международной обстановки и улучшения отношений между государствами, чтобы взвинчивать людям нервы, чтобы держать мир в состоянии постоянной военной лихорадки». Предупреждение Советского Союза западные державы не приняли в расчет. Оно было просто проигнорировано. Безрезультатно закончилась и попытка советского правительства летом 1951 г. вынести на обсуждение сессии Совета министров иностранных дел антигитлеровской коалиции вопрос о характере Атлантического пакта.

4 апреля 1949 г. в Вашингтоне был подписан договор о создании блока Североатлантического союза, или, сокращенно, НАТО (*англ.* NATO — North Atlantic Treaty Organisation) в составе Бельгии, Великобритании, Дании, Исландии, Италии, Канады, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии, Португалии, Соединенных Штатов и Франции. Ратификация его правительствами стран — участниц союза продолжалась около пяти месяцев, и 24 августа 1949 г., после депонирования в Вашингтоне ратификационных грамот, пакт вступил в силу. Кроме США, Канады и стран — участниц Западноевропейского союза в НАТО были втянуты Норвегия, Дания, Исландия, Италия и Португалия, в 1952 г. к Вашингтонскому договору присоединились Греция и Турция, а в 1955 г. — Федеративная Республика Германия.

Создавая вопреки предыдущей внешнеполитической практике военную организацию в Северной Атлантике в мирное время, правительство Соединенных Штатов преследовало две основные цели. Во-первых, оно стремилось не допустить наличия в Европе самостоятельной группировки капиталистических государств, которая в какой-то мере могла бы противопоставить себя США. Во-вторых, оно намеревалось одновременно укрепить свое влияние на западноевропейские государства с тем, чтобы через этот военный союз использовать их людские и материальные ресурсы в своих агрессивных целях. Не преминули воспользоваться вхождением в блок европейские подписанты договора. Уже 8 апреля страны, входящие в Брюссельский договор, Дания, Италия и Норвегия обратились к США за военной и финансовой помощью.

В основу строительства и использования военного потенциала Североатлантического союза была положена стратегия «щита и меча», одобренная советом НАТО в декабре 1952 г. В соответствии с ней роль «меча» отводилась атомному оружию США, а «щита» — вооруженным силам американских союзников по блоку. Суть ее достаточно четко излагалась в выступлении тогдашнего председателя Комитета начальников штабов США Брэдли в американском конгрессе: «Во-первых, на Соединенные Штаты будут возложены задачи по осуществлению стратегических бомбардировок. Мы в США всегда считали, что приори-

тетной в объединенной обороне является наша способность доставить атомную бомбу к цели. Во-вторых, американские военно-морские силы и военно-морские державы Запада будут выполнять важнейшие морские операции, включая обеспечение морских коммуникаций. <...> В-третьих, мы признаем, что основу мощи сухопутных войск будут обеспечивать страны Европы с помощью других государств по мере осуществления ими мобилизации. <...> В-четвертых, Англия, Франция и соседние страны выделяют основные силы бомбардировочной авиации ближнего действия и ПВО» [4, с. 81].

В рамках коалиционной стратегии «щита и меча» военное командование США в 1953–1954 гг. исходило из возможности применения не только стратегического, но и тактического и оперативно-тактического ядерного оружия в Европе. Причем европейский «щит» должен был обеспечить в ходе военных действий необходимое для преодоления «щита» сосредоточение вооруженных сил социалистических стран. И тем самым превратить их в выгодную цель для нанесения ядерного удара. По этому поводу президент США заявил 8 января 1954 г.: «Если мы сможем одновременно совершить атомное нападение на все передовые базы ВВС коммунистов, противник будет обескровлен с самого начала боевых действий. Это и есть наш план для Европы» [5]. На вооруженные силы западноевропейских государств возлагались также задачи по захвату территорий стран Центральной и Юго-Восточной Европы; подготовке и организации контрреволюционных выступлений в социалистических странах [6].

Американское руководство опасалось противодействия со стороны западноевропейских стран планам ведения ядерной войны в Европе. «Чтобы нейтрализовать возможность отрицательного отношения союзников к американским планам атомных ударов, — говорил государственный секретарь США Дж. Даллес на секретном совещании в январе 1954 г., — следует обменяться с западноевропейцами некоторой информацией по данному вопросу и позволить кое-кому из них приобрести несколько атомных бомб»¹. В связи с этим американский конгресс

¹ Popular Science. 1961. January. P. 68–69.

пересмотрел в 1954 г. закон Макмагона от 1946 г., по которому запрещалось распространение информации о ядерном оружии. По новому положению в распоряжение союзников США по блоку могли выделяться средства доставки ядерных устройств.

Предполагалось, что война в Европе начнется атомной бомбардировкой американской авиацией Советского Союза и его союзников одновременно с действиями сухопутных войск и военно-морских сил США и их союзников. После того как воля СССР к сопротивлению будет сломлена, войска американских союзников в Европе должны были завершить дело оккупацией по крайней мере европейской части Советского Союза. Отправным документом для подготовки к таким военным действиям стал меморандум Совета национальной безопасности (СНБ) Соединенных Штатов СНБ-68. Он базировался на докладе американской разведки «Стратегическая уязвимость России для ограниченного воздушного нападения», подготовленном еще в ноябре 1945 г.

Во исполнение стратегии «щита и меча» четвертая сессия Совета НАТО в Лондоне (15–18 мая 1950 г.) приняла решение о том, что первоочередной задачей стран — участниц блока следует считать создание «сбалансированных объединенных вооруженных сил». Это означало, что Соединенные Штаты должны были сосредоточить основные усилия в военном строительстве на развитии дальней бомбардировочной авиации и военно-морского флота, а государства Западной Европы — на быстром развертывании крупных сухопутных войск и военно-воздушных сил, оснащенных обычным оружием [7].

Для обеспечения американского «периметра обороны» были разработаны концепции «передовой обороны» («обороны на передовых рубежах») и «передового базирования стратегической авиации», в соответствии с которыми было признано целесообразным развернуть в непосредственной близости от границ социалистических стран боеготовую группировку войск, способную вести военные действия в начальный период ядерной войны без дополнительной мобилизации [8].

Юридической основой НАТО стала все та же статья 51 Устава ООН. основополагающим принципом деятельности Североатлантического союза была объявлена неделимость безопасности

его членов. Это обеспечивает такое положение, при котором ни одному из государств-членов не приходится рассчитывать лишь на свои собственные силы при решении основных проблем военной безопасности. Во время подписания договора непосредственной целью создания НАТО была оборона ее членов от потенциальной угрозы, исходящей от политики и растущего военного потенциала Советского Союза [9].

Официальный текст Североатлантического пакта состоит из небольшой преамбулы и 14 статей. Преамбула и первые две статьи содержат завуалированное изложение политических целей создания военного союза. С 3-й по 7-ю статью излагаются общие военные обязательства стран-участниц. 8-я статья запрещает странам — участницам союза вступать в какие-либо международные соглашения, противоречащие этому пакту. 9-я статья определяет порядок создания Совета НАТО, Военного комитета и других руководящих органов союза. 10-я статья предусматривает дальнейшее расширение Североатлантического союза за счет вступления в союз других стран. 11-я статья касается хранения ратификационных грамот в США. 12-я статья определяет возможности пересмотра пакта после десятилетнего срока его действия. В 13-й статье указывается, что каждая из договаривающихся сторон может отказаться от участия в союзе только после двадцатилетнего срока действия договора. 14-я статья фиксирует аутентичность английского и французского текстов договора.

Договор и последующие соглашения о Североатлантическом союзе, в отличие от существовавших в прошлом договоров о военных союзах типа Малой и Большой Антанты, предусматривали определенный отказ его участниц от суверенитета своей страны. Они охватывали не только вопросы создания объединенных вооруженных сил, но и вопросы политического и экономического сотрудничества. США путем осуществления так называемой взаимной военной помощи поставили прочие страны Североатлантического союза в прямую зависимость от поставок американского вооружения. Они использовали этот союз для расширения сферы своего политического, экономического и военного влияния на другие европейские государства [10].

Еще до подписания Североатлантического пакта правительство США предприняло меры относительно создания таких органов управления НАТО, которые обеспечили бы господствующую роль США в Североатлантическом союзе. С этой целью за два дня до подписания пакта специальная рабочая группа под руководством американцев подготовила рекомендации в отношении рабочих органов блока, определила их задачи и разработала основы военных планов Североатлантического союза. В соответствии с этими рекомендациями на первой сессии Совета НАТО в 1949 г. были учреждены руководящие органы (Совет НАТО, Комитет обороны, Военный комитет и Постоянная группа Военного комитета) и образовано пять региональных стратегических групп: Северо-Европейская (США, Великобритания, Норвегия, Дания), Западноевропейская (США, Великобритания, Канада, Франция, Бельгия, Нидерланды, Люксембург), Южно-Европейская (США, Великобритания, Франция, Италия), Северной Атлантики (США, Канада, Великобритания, Франция, Бельгия, Нидерланды, Норвегия, Дания, Исландия, Португалия) и Американско-Канадская (США, Канада).

На региональные группы возлагалась задача организации совместного военного планирования, более полного и эффективного использования людских и материальных ресурсов стран-участниц, а также разработка и представление на рассмотрение Военного комитета (через Постоянную группу) военных планов соответствующих регионов. Тем самым были заложены базовые элементы военной организации блока и подтверждена военная направленность его деятельности.

Основой коалиционной стратегии НАТО стала концепция выдвинутых вперед рубежей, принятая на сессии совета НАТО в сентябре 1950 г. В ней предполагалось: сохранение постоянного военного присутствия США в Западной Европе; восстановление военного потенциала западноевропейских государств под контролем Североатлантического союза; размещение войск блока непосредственно на границе с социалистическим лагерем; отказ от признания послевоенных реальностей на европейском континенте и границы по Одеру — Нейсе; опора на атомное (ядерное) оружие в качестве основного средства «решения проблемы» с Советским Союзом.

Для юридического обоснования присутствия американских вооруженных сил в Западной Европе в июне 1951 г. комитет заместителей министров иностранных дел стран Атлантического блока принял положение о расквартировании американских войск на территориях стран — участниц НАТО. На сессии Совета Атлантического союза в Оттаве в сентябре 1951 г. было принято решение о дальнейшем расширении сети американских баз в Западной Европе. В сентябре того же года президент США Трумэн подписал закон о выделении 5 млрд 864 млн долларов на строительство военных баз на американской территории и за границей. Примечательно, что около 3,5 млрд долларов предназначалось на развитие военно-воздушных баз, где размещались в то время основные американские носители ядерного оружия [1, с. 18] .

Первая крупная реорганизация руководящих органов Североатлантического блока была осуществлена в 1952 г. Сессия Совета НАТО на уровне министров иностранных дел стран-участниц стала высшим органом альянса. В работе сессии Совета НАТО могли принимать участие министры обороны, финансов и других ведомств, привлекаемые к обсуждению вопросов, выносимых на сессию. В случае необходимости сессии могли проводиться на уровне глав правительств стран — участниц блока. Сессии обычно созывались не менее двух раз в год, как правило в мае и декабре. Председатель Совета НАТО ежегодно назначался из числа министров иностранных дел в алфавитном порядке стран. Он председательствовал только на официальной церемонии открытия и на заключительном заседании сессии. Согласно решению, принятому в декабре 1956 г., остальные заседания сессии проходили под председательством генерального секретаря Североатлантического союза, который являлся постоянным заместителем председателя. Установленный порядок способствовал обеспечению американского контроля над работой сессии, так как США имели больше рычагов для работы с постоянным генеральным секретарем блока.

Между сессиями военно-политическое руководство блоком было возложено на Постоянный совет НАТО. Он включал постоянных представителей в ранге послов стран — участниц блока, наделенных соответствующими полномочиями. Коми-

теты Совета НАТО являлись его рабочими органами, разрабатывающими проекты планов и рекомендации для работы Совета. На Постоянный совет НАТО возлагалась задача политического руководства военной организацией Североатлантического союза, а также организация обеспечения объединенных вооруженных сил всеми видами снабжения. Он также выполнял административно-финансовые функции. Непосредственная ответственность за осуществление мероприятий, разработанных руководящими органами блока, была возложена на правительства стран-участниц. Однако Постоянный совет должен был координировать все их действия, разрабатывать рекомендации по гражданской обороне, следить за своевременным составлением военных планов на военное время и за созданием необходимых запасов материальных средств как в отдельных странах-участницах, так и в блоке в целом.

Генеральный секретарь в системе руководящих органов НАТО занял особое место. Он не входил в состав какой-либо национальной делегации, а назначался Советом НАТО и ему подчинялся. Генеральный секретарь возглавил международный штаб-секретариат (основной рабочий орган генерального секретаря) и главный комитет по разработке чрезвычайных планов в гражданской области.

Одновременно США заставили своих партнеров по блоку заключить ряд сепаратных соглашений, которые обеспечивали присутствие американских войск на чужих территориях. Пребывание американских, а также английских, французских, бельгийских, канадских, голландских и датских войск на территории Западной Германии определялось решениями Крымской конференции 1945 г., соглашением четырех держав о зонах оккупации Германии и другими документами, подписанными четырьмя великими державами, а также двусторонними соглашениями между Великобританией, с одной стороны, Бельгией, Канадой и Данией — с другой.

Пребывание американских и канадских войск на территории Франции было определено рядом американо-французских соглашений, а именно: от 13 октября 1950 г. — о передаче американцам французских портов Бордо и Ла-Рошель; от ноября 1950 г. — о предоставлении США права строительства на

территории Франции, в районах Верден, Metz и Нанси, военных аэродромов и складов, а также права перевозить через территорию Франции военные грузы, предназначенные для американских войск, находящихся в ФРГ; от 28 марта 1951 г. — о строительстве американцами авиабазы в Шатору; от 11 июня 1951 г. — о строительстве и оборудовании нескольких американских авиабаз в Марокко и военно-морских баз на побережье Франции; от 4 октября 1952 г. — о размещении во Франции частей американских ВВС. Франко-канадским соглашением от 9 декабря 1953 г. предусматривалось расположение на территории Франции одной канадской авиационной дивизии.

На территории Великобритании американские войска находились в соответствии с двусторонним соглашением от 1948 г. 9 сентября 1953 г. оно было пересмотрено, и США получили право содержать в Великобритании 19 авиационных баз в течение неопределенного времени.

27 апреля 1951 г. между США и Данией было заключено соглашение о совместной обороне Гренландии, узаконившее расположение на авиабазах острова американских войск, оставшихся там после окончания Второй мировой войны. 7 мая 1951 г. было заключено аналогичное соглашение между США и исландским правительством о совместной обороне территории Исландии. Этим соглашением также закреплялось нахождение американских войск на авиабазах в Исландии, оставшихся там после Второй мировой войны.

6 сентября 1951 г. между США и Португалией было заключено соглашение о строительстве аэродромов на Азорских островах.

В 1950 г. руководящие круги США начали проводить подготовку к включению в состав блока Греции и Турции. Она нашла свое выражение, прежде всего, в подрыве и устранении влияния Великобритании и в поддержке проамериканских групп в правящих кругах этих стран. Этому процессу в немалой степени способствовала реализация мероприятий, предусмотренных в «доктрине Трумэна».

После того как британские советники были вытеснены из Греции и Турции и место их заняли американские миссии, был поставлен вопрос о присоединении этих стран к НАТО.

18 февраля 1952 г. вступление Греции и Турции в Североатлантический союз было оформлено протоколом. В связи с этим была изменена статья 6-я Североатлантического пакта, в которой была дана новая формулировка сферы деятельности Североатлантического союза. Согласно ей зона ответственности НАТО распространялась на территорию любой из стран НАТО в Европе и Северной Америке, а также на алжирские департаменты Франции, территорию Турции и на острова, находящиеся под юрисдикцией любой договаривающейся стороны в северной части Атлантического океана — к северу от тропика Рака.

В сентябре 1950 г. на пятой сессии Совета НАТО в Нью-Йорке, посвященной решению вопроса о создании объединенных вооруженных сил, Государственный секретарь США заявил о готовности американцев принять участие в немедленном создании объединенных вооруженных сил в Европе. Он обусловил это тем, что они должны включать западногерманские формирования, а производственные возможности ФРГ должны быть использованы для их оснащения.

Заявление американского представителя о включении западногерманских войск в состав объединенных вооруженных сил вызвало серьезные разногласия среди стран-участниц. Для западноевропейских союзников США было ясно, что в силу своей многочисленности и боевого опыта сухопутные войска Западной Германии могли стать основной ударной силой блока, а память о роли фашистского вермахта в судьбах Европы была еще свежа у народов континента. С 15 по 18 сентября 1950 г. сессия не могла прийти ни к какому решению, поэтому прервала свою работу на несколько дней. 26 сентября заседания сессии возобновились. К этому времени американская делегация успела провести несколько сепаратных совещаний с министрами иностранных дел стран — участниц союза, но не смогла заручиться их полной поддержкой.

Американской делегации удалось лишь провести решение о создании объединенных вооруженных сил. В связи с этим были ликвидированы региональные группы стратегического планирования, за исключением группы США — Канада. По вопросу включения западногерманских войск в состав объединен-

ных вооруженных сил пятая сессия Совета НАТО не приняла никаких решений. Однако американцы все же добились, чтобы рабочие органы НАТО занялись изучением вопроса о возможности использования западногерманских войск в интересах НАТО. Дальнейшие попытки США включить ФРГ в Североатлантический союз не имели успеха до 1954 г.

Сущность решений пятой сессии сводилась к следующему:

- объединенные вооруженные силы создаются в рамках Североатлантического союза и подчиняются высшим политическим и стратегическим органам союза;
- эти вооруженные силы будут находиться под непосредственным руководством верховного главнокомандующего (по традиции — американского генерала), наделенного достаточными полномочиями для того, чтобы переданные под его командование войска стран-участниц были хорошо организованы и обучены в мирное время для ведения боевых действий;
- при верховном главнокомандующем создается международный штаб в составе представителей всех государств, выделивших свои войска в распоряжение верховного главнокомандующего;
- Постоянная группа Военного комитета НАТО несет ответственность за общее стратегическое руководство и разработку планов использования объединенных вооруженных сил.

Высшим военным органом должен был стать Военный комитет, в состав которого вошли начальники генеральных штабов стран союза. Исландия, не имевшая вооруженных сил, была представлена в этом комитете гражданским лицом. В период между сессиями Военного комитета общее руководство военными мероприятиями осуществляет Постоянная группа Военного комитета как его основной исполнительный орган. Функции председателя группы выполнялись поочередно каждым из представителей комитетов начальников штабов США и Великобритании и генерального штаба Франции.

При Постоянной группе имелся комитет постоянных представителей стран — участниц блока. Формально он являлся консультативным органом. Но без согласования с ним Посто-

янная группа не могла принимать никаких решений. Постоянная группа Военного комитета осуществляла стратегическое руководство строительством и использованием объединенных вооруженных сил. Практическое осуществление планов строительства объединенных вооруженных сил Постоянная группа Военного комитета проводила через верховных главнокомандующих объединенными вооруженными силами.

Стратегическое командование НАТО в Европе с верховным главнокомандующим объединенными вооруженными силами по соглашению между странами-участницами стал занимать американский генерал. В мирное время он должен был осуществлять оперативное руководство всеми выделенными в его подчинение силами, отвечая за их подготовку, организацию и оснащение, и поддерживать оперативную связь с правительствами стран — участниц союза. В военное время на него возлагались широкие полномочия по организации и проведению стратегических операций, используя при этом людские и материальные ресурсы государств, входящих в блок. В непосредственном подчинении верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами в Европе находились главнокомандующие объединенными вооруженными силами на театрах военных действий.

На последующих сессиях Совета НАТО был принят ряд решений, определивших организационную структуру и состав объединенных вооруженных сил и внесших существенные изменения в организацию и состав рабочих органов Североатлантического союза.

На шестой сессии Совета НАТО, состоявшейся 18–19 декабря 1950 г., Постоянной группе было предоставлено право определять от имени Военного комитета необходимый контингент войск, выделяемых в состав объединенных вооруженных сил от каждой страны. Для связи с Постоянной группой был учрежден комитет военных представителей генеральных штабов стран — участниц союза. Сессия назначила верховным главнокомандующим объединенными вооруженными силами НАТО в Европе американского генерала Д. Эйзенхауэра, который возглавлял американско-англо-французские войска в Европе в 1944–1945 гг.

25 февраля 1952 г. на девятой сессии Совета НАТО были приняты решения о реорганизации политических и военных органов Североатлантического союза. Помимо регулярно созываемых сессий министров иностранных дел стран — участниц НАТО, был учрежден постоянно функционирующий Совет, состоящий из постоянных представителей этих стран. Сессия назначила генерального секретаря НАТО и создала один объединенный международный штаб-секретариат вместо существовавших до того нескольких международных штабов и различных гражданских органов, а также пересмотрела всю структуру военных органов НАТО.

Система управления Североатлантическим союзом приобрела, с точки зрения ее структуры, вполне законченный вид. Она стала представлять механизм, с помощью которого союзники могли выполнять свои коллективные военные обязательства по защите каждого члена блока от нападения. В то же время в систему управления были включены консультативные политические органы, состоящие из дипломатических представителей. На них было возложено не только отслеживание и координация повседневной деятельности союза, но и обеспечение высокой боеспособности и боеготовности. Выполнение этой задачи было увязано с приведением в боевую готовность войск НАТО, мобилизацией национальных резервов и в случае необходимости — направление войск на передовые позиции¹.

В рамках совершенствования военных органов управления в Европе были созданы объединенные командования на театрах военных действий (Северо-Европейском, Центрально-Европейском, Южно-Европейском и Средиземноморском). Кроме того, было решено развернуть два новых самостоятельных командования НАТО: стратегическое командование на Атлантике и главное командование в зоне пролива Ла-Манш. Для обеспечения их развертывания было принято решение о создании к 1954 г. группировки наземных войск силой 96 дивизий, из которых 35–40 дивизий должны были быть в состоянии немедленной боевой готовности [11].

¹ *Stares P.B. Command Performance. Wash., 1991. P. 7.*

По решению девятой сессии Совета НАТО все органы Совета НАТО, руководящие гражданской деятельностью, были размещены в Париже. На этой же сессии были рассмотрены: доклад о Парижской конференции, рассматривавшей вопрос о создании Европейского оборонительного сообщества, и доклад оккупационных западных держав о включении ФРГ через это сообщество в НАТО. Несмотря на то что сессия одобрила доклад о Европейском оборонительном сообществе, подтвердила важность обороны Западной Европы и создания в ближайшее время эффективных сил для ее обороны, включая немецкие контингенты, идея американцев протащить ФРГ в НАТО через Европейское оборонительное сообщество потерпела провал. Национальное собрание Франции большинством голосов отклонило проект договора о создании Европейского оборонительного сообщества.

Только на четырнадцатой сессии Совета НАТО, состоявшейся в Париже 21–23 октября 1954 г., после сильного нажима со стороны США на своих партнеров по Североатлантическому союзу были рассмотрены и одобрены решения Лондонского и Парижского совещаний западных держав по вопросу ремилитаризации ФРГ и принятия ее в НАТО, а также четырехстороннее соглашение (США, Великобритании, Франции и Федеративной Республики Германии) об отмене оккупационного режима для ФРГ и предоставлении ей ограниченного суверенитета.

В конце 1954 г. была принята стратегия «массированного возмездия», утвержденная Военным комитетом НАТО (документ МС 14/2). Ее основные положения отражали постулаты американской стратегии «массированного возмездия». Отличие состояло в том, что использование ядерного оружия в Европе определялось концепцией «выдвинутых вперед рубежей» (в американской терминологии — «передового базирования»).

Шестнадцатая сессия Совета НАТО, проведенная в мае 1955 г. в Париже, утвердила решение о включении ФРГ в Североатлантический союз, но при известных гарантиях со стороны Федеративной Республики Германии. В них она обязалась не производить на своей территории атомного, бактериологического и химического оружия. Однако эти гарантии необходимы были США лишь для того, чтобы заставить своих

«союзников» принять решение о включении ФРГ в НАТО. При планировании строительства западногерманских вооруженных сил командование НАТО не приняло в расчет эти гарантии Федеративной Республики Германии и с первых же дней создания западногерманских войск взяло курс на их подготовку к ведению войны в условиях применения оружия массового поражения. С включением ФРГ Североатлантический союз стал объединять в своем составе 15 стран, занимающих территорию общей площадью 20 681 405 кв. км с населением в 453 млн человек. После вхождения Федеративной Республики Германии в НАТО основной упор в строительстве объединенных вооруженных сил был сделан на создание, оснащение и подготовку западногерманской армии как главной ударной силы сухопутных войск в Европе.

В этот же период были предприняты попытки включить в состав Североатлантического союза Испанию. В апреле 1957 г. этот вопрос был поднят на совещании стран-участниц в Париже. Оно рекомендовало Совету НАТО принять Испанию в союз, однако в связи с отрицательным отношением ряда стран блока к приему Испании, окончательное решение вопроса было отложено до более благоприятного времени.

Задолго до выработки рекомендаций командованием НАТО о приеме Испании в блок, США на основе заключенных с ней соглашений от 26 сентября 1953 г. развернули строительство на испанской территории аэродромов и военно-воздушных баз. Был построен трубопровод длиной до 800 км. Предполагалось продолжить его строительство через Пиренеи с целью подключения к общей сети снабжения горючим и смазочными материалами объединенных вооруженных сил альянса в Европе. Таким образом, территория Испании фактически оборудовалась как тыл Европейского театра войны в соответствии с планами руководства блока.

На пятнадцатой сессии в декабре 1954 г. было принято решение о пересмотре планов строительства объединенных вооруженных сил на основе безусловного применения в войне атомного оружия. С этого времени командование НАТО особенно активизировало деятельность по повышению боевой готовности объединенных вооруженных сил и обучению их

ведению операций в условиях применения средств массового поражения. Были пересмотрены взгляды на использование объединенных вооруженных сил и ранее разработанные оперативные планы. В развитие действовавших принципов «периферийной стратегии» в основу планирования были положены новые принципы «стратегии выдвинутой обороны», или так называемой передовой стратегии.

Сущность «периферийной стратегии» заключалась в том, чтобы путем ведения сдерживающих действий («эластичной» обороны) на территории Федеративной Республики Германии и одновременного нанесения массированных ударов авиацией по войскам, политическим и экономическим центрам противника нанести ему возможно большие потери, измотать и остановить продвижение его войск на рубеже р. Рейн на Центрально-Европейском театре, р. По (Италия) и р. Струма (Греция) на Южно-Европейском театре, а затем перейти в общее контрнаступление.

При разработке «периферийной стратегии» командование НАТО исходило из того, что группировки объединенных вооруженных сил на указанных театрах были слишком малочисленны и слабы и могли использоваться лишь как войска прикрытия для ведения сдерживающих действий, обеспечения мобилизации, формирования соединений и частей, перебросок и сосредоточения основных сил НАТО.

С принятием решения о применении оружия массового поражения и включением западногерманских войск в состав объединенных вооруженных сил создались возможности для перехода от «периферийной стратегии» к «стратегии выдвинутой обороны». Ею предусматривалось нанесение упреждающих ударов на Центрально-Европейском театре непосредственно с восточных границ ФРГ. Территория Федеративной Республики Германии в этом отношении рассматривалась как важнейший стратегический плацдарм.

В 1955 г. в связи с рядом мероприятий Советского Союза по разрядке международной напряженности некоторые страны — участницы НАТО потребовали от политического и военного руководства союза пересмотра программ строительства национальных вооруженных сил и состава выделяемых

объединенных войск в сторону их сокращения. Руководство блока рассматривало эти требования как результат ослабления международной напряженности. Была создана специальная комиссия для тщательного рассмотрения программ строительства национальных вооруженных сил стран НАТО и внесения в них изменений. Однако комиссия в связи с возникшими серьезными противоречиями между странами-участницами не выполнила возложенную на нее задачу, и военные органы союза были вынуждены выразить свое сомнение в реальности «передовой стратегии».

Для политического обеспечения деятельности военной организации блока в 1955 г. была создана Североатлантическая ассамблея. Она представляла собой межпарламентскую организацию, формально не входящую в союз. Ассамблея выступала в качестве форума законодателей государств — членов НАТО из Северной Америки и Западной Европы. Они проводили совместные заседания для рассмотрения вопросов, представляющих взаимный интерес или вызывающих взаимную озабоченность [12, с. 29–30].

Чтобы не допустить ослабления военной деятельности блока, военно-политическое руководство Соединенных Штатов Америки при поддержке союзников по альянсу предприняло ряд провокационных мероприятий, направленных на обострение международной напряженности. В 1956 г. была сделана попытка спровоцировать путч в Польше, а в октябре того же года организован контрреволюционный мятеж в Венгрии. В октябре 1956 г. была начата англо-франко-израильская агрессия против Египта.

Эти провокационные действия западных держав были использованы для пропаганды против внешней политики Советского Союза. Западные средства массовой информации, извращая подлинные факты венгерских событий и действия египетского правительства по национализации Суэцкого канала, клеветали на внешнюю политику Советского Союза, стремясь доказать, что она якобы представляет «угрозу безопасности зоны НАТО». В ходе этой военной истерии США выступили с заявлением о своем намерении предоставить странам — участникам блока американские средства атомного нападения.

Под давлением американских представителей на двадцать второй сессии Совета НАТО в декабре 1956 г. были приняты рекомендации странам — участницам союза всемерно совершенствовать качество и увеличивать запасы атомного оружия. Сессия Совета НАТО обратила особое внимание на то, что военные планы Североатлантического союза не всегда полностью одобрялись гражданскими органами, и рекомендовала пересмотреть систему взаимных консультаций между объединенными штабами, гражданскими органами союза и соответствующими национальными властями стран — участниц НАТО.

Большое значение на сессии было придано вопросам идеологической обработки общественного мнения. Американские представители были вынуждены признать, что в странах-участницах недостаточна вера в военные планы НАТО, которые якобы полностью учитывают новое оружие и способы ведения современных военных действий. Кроме того, они выразили особое недовольство в отношении некоторых кругов в странах союза, опасаясь, что планы альянса заходят слишком далеко и что «атомный удар не является эффективной мерой для срыва наступления противника, применяющего оружие массового поражения». Под нажимом американцев на двадцать второй сессии было принято решение развернуть широкую антисоветскую пропаганду с тем, чтобы убедить общественное мнение стран — участниц союза в правильности определения существующей советской угрозы и в целесообразности и экономичности контрмер НАТО.

На сессии рассматривался также вопрос о сотрудничестве в невоенных областях. Обсуждение этого вопроса было вызвано разногласиями среди стран — участниц союза в связи с односторонними действиями Великобритании и Франции в период агрессии против Египта. Участники сессии после длительных дебатов пришли к соглашению, что ни одно правительство не должно принимать окончательного решения по важнейшим внешнеполитическим вопросам и делать политические заявления, имеющие большое значение для союза или для кого-либо из его участников, без предварительной консультации и коллективного обсуждения в рамках Североатлантического союза. Американский представитель занял особую позицию по этому вопросу и заявил, что США резервируют за собой свободу воен-

ных и политических действий в любой части мира для защиты своих интересов и интересов своих союзников без предварительной консультации об этих действиях в НАТО.

Потеря Соединенными Штатами во второй половине 1950-х гг. превосходства в ядерном оружии и средствах их доставки привела к возникновению «ядерного тупика» между СССР и США. Вследствие этого американский ядерный «меч» в глазах их союзников потерял монопольную силу, а союзнический «щит» также не мог выполнять своих задач, поскольку развернуть запланированные вооруженные силы западноевропейские страны оказались не в состоянии. Встал вопрос о значительном усилении объединенных вооруженных сил блока. Одним из основных способов укрепления европейского «щита» было признано оснащение ядерным оружием войск НАТО. В связи с этим в 1957 г. под давлением Великобритании в качестве коалиционной стратегии Североатлантического союза была принята американская стратегия «массированного возмездия» [13].

Стратегия «массированного возмездия» была принята в США еще в 1953 г. Ею предусматривалось ведение против Советского Союза и других социалистических стран всеобщей ядерной войны. К важнейшим принципам ее ведения были отнесены: массированное применение ядерного оружия, внезапность нападения, упреждение противника в нанесении удара [14, с. 75–76]. Причем ее развязывание предполагалось не только при возникновении войны в Европе, но и в зоне национально-освободительного движения, что нашло отражение в политической доктрине «балансирования на грани войны». Активное участие в принятии этой стратегии Великобритании объяснялось начавшимся распадом ее колониальной империи.

На декабрьской 1957 г. сессии Совета НАТО, которая впервые по настоянию США проводилась на уровне глав государств и правительств, была принята «Декларация принципов», получившая название «Декларации взаимозависимости». В ней ставилась задача налаживания более тесного взаимодействия вооруженных сил стран — участниц блока и объединения ресурсов во имя упрочения Североатлантического союза. В связи

с этим предусматривались: стандартизация вооружений, совместные исследования в области новых систем оружия и военной техники, обмен научно-технической информацией, касающейся военной промышленности, и т.д. [15, с. 73].

На декабрьской сессии государственный секретарь США Дж. Даллес предложил разместить ракеты средней дальности в европейских странах НАТО. Он убеждал партнеров по блоку, что ракеты будут использоваться только с согласия страны, на территории которой они размещены. В ответ сессия приняла решение «предоставить в распоряжение верховного главнокомандующего вооруженными силами союзников в Европе баллистические снаряды среднего радиуса действия» и создать в Европе «запасы ядерных боевых зарядов».

Это решение обеспечивало реализацию новой коалиционной стратегии «массированного возмездия». И все страны-участницы в принципе дали согласие на осуществление предложения США. Однако при обсуждении районов размещения этих баз и площадок выявилось различие позиций стран-участниц. Сессия оказалась не в состоянии принять какой-либо конкретный план и поручила рабочим органам блока изучить возможности выполнения этого решения на основе двусторонних переговоров США с отдельными странами НАТО. Только три страны НАТО пошли на то, чтобы разместить американские ядерные ракеты на своей территории: Великобритания, Турция и позднее Италия. В результате в 1959–1960 гг. в Великобритании было размещено четыре эскадрильи (60 пусковых установок) ракет «Тор», в Италии — две эскадрильи (30 пусковых установок) ракет «Юпитер» и в Турции — одна эскадрилья (15 пусковых установок) «Юпитер». Эскадрильи ракет «Тор» вошли в состав английских королевских ВВС, а эскадрильи ракет «Юпитер» имели двойное подчинение: соответственно, итальянскому и турецкому командованию и командованию НАТО в Европе. Ядерные же боевые части для всех этих ракет остались в ведении американского командования. Характеризуя назначение новых ракетных баз в Европе, американский журнал «Форчун» писал, что «для США это критически важная дата во всемирной системе баз, которая позволяет нашей стране расположить

всю свою ядерную ударную мощь в пределах досягаемости территории советской державы» [цит. по: 16, с. 10].

В развитие коалиционной стратегии «массированного возмездия» была сформулирована концепция «натянутого шнура». Согласно ей вооруженные силы блока с обычным вооружением не должны быть многочисленными, а их задача сводилась к зазыванию военных действий и сдерживанию наступающих советских войск, чтобы дать возможность нанести ядерный удар по войскам и территории стран-противников.

В декабре 1958 г. на сессии Совета НАТО рассматривались преимущественно вопросы строительства вооруженных сил на период 1958–1963 гг. Основное внимание было обращено на Центральную Европу как основной театр войны. Именно там увеличивалось количество соединений сухопутных войск США и их союзников, развертывались части, оснащенные тактическим атомным оружием. Вблизи границ социалистических государств создавались аэродромы, шло строительство стартовых площадок для запуска управляемых реактивных снарядов средней дальности, с которых можно было бы нанести удар по любому объекту СССР и других стран социалистического содружества. По плану MC-70 началась передача ракет оперативно-тактического назначения всем армиям стран НАТО (кроме Португалии, Исландии и Люксембурга).

После получения согласия западноевропейцев на размещение в Европе американского тактического и «евростратегического» ядерного оружия США предприняли новые шаги по интеграции ядерных сил НАТО под своей эгидой. Осенью 1959 г. американский главнокомандующий силами альянса в Европе выдвинул проект превращения НАТО в «четвертую атомную силу». Это предложение было обсуждено на декабрьской сессии совета Североатлантического союза в 1959 г. Оно вскоре превратилось в план создания так называемых многосторонних ядерных сил НАТО (МЯС). Первоначально МЯС должны были представлять собой высококомобильное многонациональное объединение, оснащенное для ведения военных действий без применения и с применением ядерного оружия. В него должны были войти соединения Великобритании, Соединенных Штатов и Франции.

В ходе дальнейшего обсуждения плана создания МЯС в начале 1960-х гг. проект предусматривал создание надводной флотилии из 25 кораблей — носителей ядерных ракет со смешанными многонациональными командами. Чтобы удовлетворить амбиции ФРГ, в состав команд намечалось включать представителей западногерманского флота. Однако американской идее «слияния суверенитетов» не суждено было сбыться, поскольку сами руководители США осознали, что «многосторонние ядерные силы» могут оказаться неподконтрольными Соединенным Штатам.

Все сессии Совета НАТО проходили, как правило, в обстановке серьезных разногласий между странами — участницами союза. Решения принимались в большинстве случаев под давлением США и Великобритании, использовавших свое экономическое влияние в европейских странах НАТО. Однако решения сессий Совета Североатлантического союза не могли устранить противоречия между странами-участницами. К числу важнейших можно отнести следующие:

- борьба за влияние в Североатлантическом союзе между США, Великобританией, Францией и затем ФРГ. Наиболее острые формы она принимала, когда возникала необходимость назначений руководящего состава на посты в системе НАТО. В конце 1950-х гг. эта борьба развернулась с особой силой, когда Франция выступила с требованием предоставления ей более широких прав в руководстве блоком и важных постов в системе объединенного военного командования в Европе, а также включения Африки в зону НАТО и создания особого африканского «театра военных действий» с союзными войсками под французским командованием. Требования Франции вызвали сопротивление не только со стороны ведущих держав блока — США и Великобритании, но и со стороны других стран-участниц, не заинтересованных в усилении влияния Франции;
- борьба США за сохранение монополии на контроль над атомным оружием в системе НАТО. Предоставляя свое атомное оружие другим странам, США опасались потерять контроль над его применением и упустить, таким образом, из-под своего влияния другие страны;

- стремление малых государств к более активному воздействию на принимаемые в НАТО решения. Это стремление было связано с их нежеланием быть втянутыми в какие-либо военные авантюры США [17]. Оно особенно сказалось в сентябре 1957 г., когда американские представители в Совете НАТО потребовали «активного воздействия со стороны Североатлантического союза на положение в Сирии». Большинство стран — участниц высказалось против военного вмешательства и предложило оказать давление преимущественно экономическими средствами;
- недовольство большинства стран-участниц политикой США, направленной на торможение развития военной промышленности в этих странах и оснащение их вооруженных сил американским оружием, особенно самолетами, танками и артиллерией;
- недовольство малых стран-участниц чрезмерно возросшими военными расходами, связанными с участием в НАТО.

Наличие противоречий между странами — участницами НАТО явилось основным тормозом осуществления планов строительства объединенных вооруженных сил. Однако Соединенным Штатам удавалось несколько сгладить эти противоречия и использовать Североатлантический союз в качестве основного инструмента своей политики. В начале 1960-х гг. в США была принята стратегия «гибкого реагирования», согласно которой было признано возможным использовать американские вооруженные силы не только в ядерной войне, но и в обычных ограниченных войнах и противоповстанческих действиях. НАТО же формально по-прежнему руководствовалось политической директивой 1956 г. и стратегией «массированного возмездия». Однако на практике большинство стран блока, кроме Франции, и командование объединенными вооруженными силами блока, где ведущую роль занимали американские генералы, стали придерживаться положений новой военно-политической стратегии США. В соответствии с ними проводилось дальнейшее ускоренное развитие в составе ВВС и ВМС Соединенных Штатов и Великобритании ракетных частей стратегического

назначения и создание в странах блока хорошо оснащенных высоко мобильных обычных вооруженных сил, прежде всего сухопутных войск.

С принятием в США стратегии «гибкого реагирования» произошли изменения в коалиционной стратегии НАТО. Уже не исключалась возможность возникновения всеобщей ядерной войны в результате эскалации военных действий с участием Североатлантического союза. Руководство блока выделяло три этапа эскалации: первый — ведение боевых действий обычными средствами; второй — ведение боевых действий с применением оперативно-тактического ядерного оружия; третий — нанесение ударов стратегическим ядерным оружием по объектам за границами театра военных действий. Применительно к театру военных действий в соответствии с концепцией «натянутого шнура» решение на применение ядерного оружия могло быть принято в следующих случаях: для упреждения противника в применении ядерного оружия; при потере темпов наступления, когда единственным средством выполнения задач операции может стать ядерное оружие; при отходе под давлением противника на определенный рубеж и невозможности вернуть утраченную территорию обычными средствами; при превращении главных сил противника в выгодную «ядерную цель», когда их уничтожение позволит достичь в короткие сроки целей операции [18, с. 4–6]. По опыту учений того времени продолжительность безъядерного периода в ходе военных действий в Европе могла составить 15 суток [19, с. 74].

Было выдвинуто также положение о «расширенном устрашении», которое означало обязательное применение Соединенными Штатами ядерного оружия для защиты своих западноевропейских союзников. В связи с этим американским ядерным силам в рамках натовской стратегии стала отводиться уже роль «щита» и они превращались в средство «сдерживания». Было признано также создать за счет развития тактического ядерного оружия связующее звено между обычными силами стран блока и стратегическими ядерными силами США, объединив все три компонента в «триаду» НАТО.

В 1960 г. были созданы мобильные силы НАТО. Идея организации многонациональных сил, способных к быстрой переброс-

ске и действиям в районах возможных конфликтов, возникла в конце 1950-х гг., когда руководство Североатлантического союза пришло к выводу об относительной слабости северного и южного флангов блока. Мобильные силы представляли собой формирование находящихся в непосредственном подчинении верховного главнокомандующего ОВС Североатлантического союза в Европе подразделений сухопутных войск и ВВС восьми стран — участниц блока [20, с. 14].

Командование Североатлантического союза уделяло большое внимание поддержанию мобильных сил в высокой степени боевой готовности и их немедленному применению при возникновении кризисных ситуаций. Сухопутные подразделения стали аэромобильны, то есть приспособлены к переброскам по воздуху при стратегических перевозках и маневре на поле боя. Формирования мобильных сил должны были находиться в мирное время в местах постоянной дислокации соединений и частей, в которые входят по штату. Их специальная подготовка осуществляется два раза в год поочередно на северном и южном флангах НАТО.

Взрыв первой французской атомной бомбы в 1960 г. поставил вопрос о превращении НАТО в «четвертую атомную державу». Первым шагом на этом пути должно было стать создание многосторонних ядерных сил НАТО (МЯС). Вопрос о них обсуждался между правительствами Великобритании, США и Франции с конца 1959 г. Наиболее активным «лоббистом» МЯС стало ФРГ. Перед отъездом в ноябре 1961 г. с визитом в Соединенные Штаты канцлер Западной Германии официально выдвинул требование о передаче Североатлантическому союзу ядерного оружия. На сессии совета НАТО в Париже в декабре 1961 г. США были вынуждены согласиться с предложением министра обороны ФРГ о возобновлении обсуждения вопроса о многосторонних ядерных силах. Однако американское руководство встало на путь затягивания решения этого вопроса. На декабрьской сессии совета НАТО (13–15 декабря 1962 г.) министр обороны США высказал сомнение в возможности с помощью ядерного оружия компенсировать слабости альянса в области обычного вооружения и высказался за их наращивание. Одновременно американский министр по-новому

изложил концепцию «щита» и «меча». Он отнес ядерные силы к «щиту» НАТО, а обычные силы — к «мечу» [21, с. 11, 31, 33–35].

После переговоров президента США и премьер-министра Великобритании в Нассау (декабрь 1962 г.) об оснащении британских ВМС стратегическими ракетами морского базирования, на майской (1963 г.) сессии Совета НАТО было решено создать так называемые межсоюзнические ядерные силы из соединений и частей ВМС и ВВС Соединенных Штатов и Великобритании как замена МЯС. Однако это решение не было проведено в жизнь, поскольку американские и британские средства оставались в полном подчинении своих национальных командований. Такое положение не удовлетворяло представителей стран — участниц Североатлантического союза в органах военного командования альянса, так как не обеспечивало допуск других стран блока к участию в разработке плана использования и в руководстве этими ядерными силами.

В ходе Карибского (1962 г.) кризиса американское военно-политическое руководство принимало стратегические решения без серьезных консультаций со своими союзниками по НАТО. В связи с этим у американских партнеров по альянсу вновь появилось желание создать объединенные ядерные силы и коллективный орган по использованию ядерного оружия. В связи с этим Соединенные Штаты выдвинули план создания многосторонних ядерных сил блока. Согласно ему страны, которые примут участие в формировании этих сил, получат право на их политический контроль и военное руководство. В отличие от межсоюзнических сил многосторонние ядерные силы предполагалось передать в подчинение Североатлантического союза при условии, что США сохранят за собой право «вето» при принятии окончательных решений об их использовании. Однако американский план не нашел поддержки у большинства стран — участниц блока, а Франция, взявшая курс на создание собственных ядерных сил, заняла резко отрицательную позицию. Результатом этого противостояния стало принятие решения на декабрьской (1966 г.) сессии совета НАТО о создании постоянных органов ядерного планирования блока.

Кроме того, окончилась провалом попытка включить в проект перспективного плана строительства объединенных вооруженных сил их резкое увеличение к концу 1970 г. Большинство стран — участниц блока рекомендовало ориентироваться на имеющийся уровень вооруженных сил и учитывать реальные экономические возможности государств, входящих в союз. На совещании министров обороны в июле 1966 г. были определены методы и процедура определения уровня вооруженных сил при ежегодном их уточнении. Совещание указало на необходимость:

- строгого поддержания намеченного соотношения между обычными и ядерными силами в структуре вооруженных сил;
- создания и поддержания в повышенной боевой готовности передовых группировок войск, развернутых в соответствии с концепцией «передовой обороны»;
- равномерного распределения финансовой ответственности для развития и поддержания боеготовности объединенных вооруженных сил блока между всеми — участниками НАТО.

Особая позиция военно-политического руководства Франции в вопросах суверенитета при принятии решений на ведение войны привела к серьезному кризису в Североатлантическом союзе. В связи с этим в марте 1966 г. французское правительство объявило о выходе из военной организации блока. В дипломатических нотах Франции странам — членам НАТО по этому поводу было заявлено:

- Франция выходит из военной организации НАТО, но остается участницей Североатлантического союза и после 1969 г., когда заканчивается срок договора о НАТО;
- рассмотрение какой-либо реформы НАТО представляется невозможным ввиду коренных противоречий между позициями Франции и ее союзников, поддерживающих принципы военной интеграции.

Франция приняла решение отозвать своих офицеров и свои вооруженные силы, которые находятся в распоряжении объединенного командования НАТО в центральной зоне Европы и штаба верховного главнокомандующего НАТО в Роканкуре.

Союзники Франции, имеющие военные базы на французской территории, ставятся в известность о том, что сохранение этих баз противоречит суверенитету Франции [15, с. 96–97].

С 1 июля 1966 г. Франция официально вышла из военной организации НАТО и осталась лишь членом политической организации блока. В связи с этим были проведены следующие практические мероприятия:

- французские сухопутные войска и ВВС были выведены из подчинения командования объединенных вооруженных сил;
- были отозваны французские военнослужащие, проходившие службу в военной организации блока;
- было принято решение о передислокации в Брюссель (Бельгия) Постоянного совета и международного штаб-секретариата НАТО, а также Постоянного военного комитета из Вашингтона.

В связи с выходом Франции из военной организации были проведены некоторые важные изменения в высших органах Североатлантического союза:

- функции Совета НАТО были ограничены только решением политических проблем;
- для решения военных проблем был создан новый высший политический орган — комитет военного планирования, который, как и Совет НАТО, стал функционировать на уровне министров иностранных дел и постоянных представителей 14 стран в Совете НАТО;
- были созданы постоянные органы НАТО по ядерным проблемам — комитет ядерной обороны и группа ядерного планирования, являющаяся рабочим органом этого комитета.

* * *

Создание НАТО в Европе позволило Соединенным Штатам развернуть боеготовую и боеготовую группировку войск на европейском континенте в мирное время. Ее оснащение и боевая подготовка позволяли вести военные действия с использованием атомного и обычного оружия. Организация Североатлантического договора строилась как военный блок под американским командованием.

Западноевропейские союзники США в первые годы существования альянса достаточно послушно поддерживали американские инициативы. По мере изменения военно-политической обстановки на континенте и в мире они стали проявлять большую самостоятельность в решении проблем блока. В середине 1960-х гг. Франция даже вышла из военной организации альянса.

2.2. Война в Корее

Война в Корее явилась первым военным столкновением двух блоков после Второй мировой войны. К ее особенностям, прежде всего, следует отнести то, что она проходила на фоне недавнего использования в этом регионе такого абсолютного оружия, как атомное. Она развернулась на второстепенном для противоборствующих блоков театре войны и носила локальный характер, то есть была ограниченной войной по территории и применяемому оружию.

Истоки войны лежали в насильственном разделении единого корейского государства по 38-й параллели на советскую и американскую зоны оккупации. Это считалось временной мерой. А в декабре 1945 г. на Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании было принято решение, предусматривавшее воссоединение Кореи как единого, независимого государства и формирование общекорейского правительства.

Вопреки решению Московского совещания судьба Кореи на Севере и Юге страны виделась их лидерами по-разному. В мае 1948 г. на территории Южной Кореи под контролем комиссии ООН, созданной по инициативе США, прошли сепаратные выборы. На пост главы государства был избран бывший профессор Вашингтонского университета Ли Сын Ман. Правительство Южной Кореи объявило себя правительством всей страны. Летом 1948 г. стоявшие у власти на севере страны коммунисты организовали выборы в Верховное народное собрание Кореи, которое 9 сентября провозгласило Корейскую Народно-Демократическую Республику (КНДР). Так произошло политическое и юридическое оформление раскола Кореи на два

государства, причем правительство каждого из них объявило себя по своей конституции единственно законным и намеревалось распространить свою власть на всю Корею.

В 1948 г. по просьбе Верховного народного собрания КНДР с Севера были выведены все советские войска. Американцы вывели свои войска из Южной Кореи лишь летом 1949 г. Однако США оставили там около 500 советников. Военные советники СССР остались и в Корейской Народно-Демократической Республике. На фоне сползания мира к состоянию холодной войны напряжение на 38-й параллели, разделявшей две зоны оккупации, не снижалось. На ней участились вооруженные столкновения. Глава КНДР Ким Ир Сен хотел заручиться одобрением своей идеи военного похода на юг со стороны КНР и СССР.

Для этого северокорейское руководство провело длительные переговоры. В начале марта 1949 г. делегация Северной Кореи во главе с ее лидером прибыла в Москву. 5 марта на встрече со Сталиным северокорейское руководство просило оказать экономическую и финансовую помощь КНДР, помощь в подготовке кадров и присылке советских специалистов. Северокорейский лидер Ким Ир Сен поднял вопрос об объединении с Южной Кореей и заявил, что они настроены провести объединение вооруженным путем. Сталин по вопросу путей и методов объединения Кореи с самого начала проявлял осторожность [22, с. 306]. Он не поддержал активную позицию северокорейского руководства по этой проблеме, призвав их работать, накапливать силы, спланировать народные массы. Такая позиция советского руководителя объяснялась активными действиями США и западноевропейских стран по созданию военного блока НАТО, представлявшего реальную угрозу наиболее развитой в экономическом отношении Европейской части Советского Союза.

Параллельно с проработкой этого вопроса с Москвой Ким Ир Сен начал зондировать позицию китайских коммунистов в вопросах объединения двух Корей. В мае 1949 г. на фоне побед вооруженных сил Китайской компартии против войск Чан Кай-ши Пекин посетил личный представитель Ким Ир Сена. Среди обсуждавшихся тем особое место занимал вопрос об оказании

помощи Северной Корее офицерскими кадрами и оружием. Несмотря на еще неочевидные результаты войны с Чан Кайши, Мао Цзэдун достаточно уверенно обещал северокорейскому посланнику военную помощь вплоть до переброски в любое время из Маньчжурии двух корейских дивизий, одна из которых имеет боевой опыт. В то же время китайский вождь подчеркивал необходимость согласования своих действий с Москвой¹.

Как видно, в мае 1949 г. Мао Цзэдун не сомневался в неизбежности насильственного присоединения Южной Кореи и был настроен содействовать военной акции на Корейском полуострове. В то же время он рекомендовал Ким Ир Сену не торопиться, а дожидаться победы революции в Китае. Военный сценарий в присоединении Южной Кореи не исключался и в СССР. В сентябре 1949 г. Сталин потребовал от советнического аппарата в Корею внимательно изучить возможные военные, политические и международные аспекты военной акции против Южной Кореи. В докладной записке Сталину от 15 сентября 1949 г. посол СССР в КНДР Т. Штыков писал, что Ким Ир Сен горит желанием развернуть наступление на юг Кореи, рассчитывая при этом на помощь Советского Союза и Китая. В то же время советский посол сделал вывод, что начало наступления Народной армии будет использовано против Советского Союза, и не исключал возможности американского вмешательства². Ситуация в Корею, сообщенная в записке советского посла в КНДР, рассматривалась во второй половине сентября 1949 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). 24 сентября Штыкову была отправлена соответствующая директива³. Выдержанные в резком тоне инструкции наглядно свидетельствовали о категорически негативной позиции советского руководства по поводу военного объединения Северной и Южной Кореи [23, с. 12–15].

Однако северокорейское руководство продолжало настаивать на необходимости реализации своего плана. И только в мае 1950 г., после почти месячной серии встреч и консуль-

¹ Архив Президента (далее — АП) РФ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 331. Л. 59–61.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 776. Л. 1–21.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 776. Л. 30–32.

Война в Корее. Высадка американского десанта

таций в Москве между советским руководством и делегацией КНДР во главе с Ким Ир Сенем, Сталин дал свое согласие на проведение военной акции, о чем было извещено китайское руководство¹.

С конца 1949 г. отношения между двумя корейскими государствами все более обострялись. Оба правительства претендовали на объединение Кореи, каждое под своей эгидой. В октябре 1949 г. президент Южной Кореи Ли Сын Ман в беседе с американскими моряками в Инчхоне заявил, что «если нам придется решать эту проблему на поле боя, мы сделаем все, что от нас потребуется»². 30 декабря на пресс-конференции он ужесточил свою позицию, заявив, что «нам следует своими

¹ АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 334. Л. 55.

² Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 07. Оп. 18. Д. 6. П. 1.

усилиями объединить Южную и Северную Корею»¹. 1 марта 1950 г., выступая на митинге в Сеуле, Ли Сын Ман провозгласил, что «час объединения Кореи приближается». Его министр обороны тоже не стеснялся в выражениях. 9 февраля того же года он заявил: «Мы находимся в полной готовности к борьбе за восстановление потерянной территории и только ждем приказа»². США также немало сделали для того, чтобы, как говорил американский посол в Сеуле Дж. Муччо, «приблизить время всеобщего наступления на территорию севернее 38-й параллели». Главный военный советник США в Южной Корее генерал В. Роберте в январе 1950 г., за пять месяцев до начала войны, на встрече с южнокорейскими министрами заявил, что «нападение начнем мы», но «надо создать предлог для нападения, чтобы оно имело обоснованную причину»³.

Сталин, дав согласие, продолжал сомневаться в целесообразности начала войны. За пять дней до ее начала, 20 июня 1950 г., Штыков прислал телеграмму: «Ким Ир Сен просил передать: для наступления и десанта нужны корабли. Два корабля прибыли, но экипажи не успели подготовить. Просит десять советских советников использовать на кораблях. Считаю, просьбу удовлетворить надо». Ответ, подписанный А.А. Громыко 22 июня, пришел быстро: «Ваше предложение отклоняется. Это дает повод для вмешательства». Как бы в развитие смысла этой телеграммы советские военные советники при батальонах и полках КНА были отозваны в СССР. Советские военнослужащие не должны были попасть в плен.

Но несмотря на отказ, Ким Ир Сен отдал приказ о вторжении. С рассветом 25 июня 1950 г. войска Корейской Народной Армии (КНА) начали наступление в глубь Республики Корея. Оно сначала развивалось успешно. Уже к 2 июля войска КНДР продвинулись на 75–80 км, заняли значительную часть территории Южной Кореи со столицей городом Сеулом. Однако северокорейское руководство не учло реакцию США на вторжение. Уже с первых дней войны произошла интернационализация

¹ Архивно-справочная библиотека. Ф. 102. Оп. 10. Д. 15. П. 12.

² Там же. Ф. 102, оп. 10, д. 15, п. 1.

³ Красная звезда. 1992. 14 авг.

конфликта. Американская авиация и флот действовали с первого дня войны, но использовались лишь для эвакуации американских и южнокорейских граждан из прифронтовых районов. После падения Сеула на Корейском полуострове высадились сухопутные войска США. Американские ВВС и ВМС также развернули активные боевые действия против войск КНДР.

Американское руководство позаботилось о том, чтобы придать действиям своих войск законный характер с точки зрения международного права. 7 июля 1950 г. состоялось заседание Совета Безопасности ООН, на котором обсуждался корейский вопрос. СССР бойкотировал тогда его работу в знак протеста против незаконного присутствия гоминьдановца в качестве представителя Китая. Этим не замедлили воспользоваться США, которые поставили на голосование вопрос о превращении американских войск в Корею в «войска ООН». Эту акцию можно было бы предотвратить, воспользовавшись правом вето, однако советский представитель при ООН Я.А. Малик по указанию Москвы покинул заседание СБ ООН. Помимо США «в поход против коммунизма» было вовлечено еще 15 государств, хотя американские войска, конечно же, составляли основу интервенционистского корпуса [23].

Войну в Корею можно разделить на четыре этапа. Первый: 25 июня — 15 сентября 1950 г. — наступление и общее наступление КНА от рубежа 38-й параллели до реки Нактонган. Второй: 16 сентября — 24 октября 1950 г. — контрнаступление американских и южнокорейских войск и вынужденный отход КНА с рубежа реки Нактонган в северные районы. Третий: 25 октября 1950 г. — 9 июля 1951 г. — контрнаступление и общее наступление КНА и китайских народных добровольцев (КНД), освобождение территории КНДР и части Южной Кореи. Четвертый: 10 июля 1951 г. — 27 июля 1953 г. — противостояние сторон на рубеже 38-й параллели.

На первом этапе войскам США удалось несколько затормозить продвижение Корейской Народной Армии, однако она, хотя и медленно, продолжала движение вперед. Лисынмановское правительство было вынуждено бежать в Пусан, город на юго-восточном побережье, где к сентябрю 1950 г. в его руках остался лишь небольшой клочок территории. К этому времени

американское командование подготовило мощный контрудар. На Пусанско-Тагуском плацдарме против 70-тысячной северокорейской армии были сосредоточены вдвое большие силы американских и южнокорейских войск, имевших к тому же многократное превосходство в технике. 15 сентября, после высадки с моря в районе Инчхона 50-тысячного 10-го бронетанкового корпуса в тылу северокорейской армии, началось контрнаступление американо-южнокорейских войск на юге. В результате значительные силы КНА оказались в окружении и с тяжелыми боями вынуждены были прорываться на север, неся большие потери. Сеул пришлось оставить. На 5-й сессии Генеральной ассамблеи ООН американцы добились согласия на переход 38-й параллели. Американские и южнокорейские войска быстро продвигались на север к границам КНДР.

В первые дни наступления командование Корейской Народной армии (КНА) и советские военные специалисты не успевали оперативно реагировать на изменения обстановки. В Москве не знали не только деталей обстановки в Корее, но и планов командования КНДР. В связи с этим Сталин в телеграмме Штыкову 1 июля 1950 г. высказал опасение, что в условиях расширения американского военного вмешательства операция может закончиться поражением. А тем временем в результате широко развернувшейся американской пропаганды, направленной против КНДР, частых налетов американской авиации на населенные пункты, производственные и военные объекты Северной Кореи, политические настроения населения ухудшились. Некоторая часть руководящих деятелей Северной Кореи стала высказываться о трудностях ведения войны против американцев силами Кореи и в осторожной форме пыталась выяснить у Ким Ир Сена позицию Советского Союза в этом вопросе. Правые и центристские деятели, входящие в правительство КНДР, поддерживали все мероприятия правительства, но активности в мобилизации своих партий на юге страны не проявляли. Руководство же КНДР и Народной армии верило в полную победу и направляло все усилия к дальнейшему широкому наступлению на юг Кореи¹.

¹ АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 346. Л. 105–107.

В связи со вступлением американских войск в войну первоначальный оптимизм Пхеньяна стал улетучиваться. Вскрылись слабые стороны северокорейской армии. Опыт боевых действий войск Народной армии за 12 дней показывал, что солдаты и младшие офицеры дерутся храбро. С вступлением в войну американцев им пришлось встретиться на поле боя с более подготовленным и лучше оснащенным технически противником. Вследствие недостаточной теоретической подготовки и боевого опыта командного состава (полк-дивизия) имелся целый ряд крупных недостатков в организации боя и управления им. Штабы дивизий и даже штаб армии вследствие отсутствия постоянной связи по одному-два дня не знали, что делается в полках и дивизиях и очень часто не влияли на ход боя.

На корейский руководящий состав и на население страны производили тяжелое впечатление массированные бомбардировки американской авиацией инфраструктуры страны, а также обстрел военными кораблями морского побережья. В создавшихся условиях только небольшая группа руководящих работников проявляла уверенность и спокойствие. В то же время представители правых и центристов стали высказывать — правда, в осторожной форме — опасение за исход войны в связи с интервенцией американцев, и начали более настойчиво выяснять, какие действия намерено предпринять советское правительство. Даже ставился вопрос о необходимости официально просить советское правительство прикрыть Северную Корею советской авиацией, а китайское правительство — о вводе в Корею китайской армии [24].

Несмотря на сложности с профессиональным ведением боевых действий, возникшие в северокорейских командных структурах, Генштаб Советской Армии запретил советским военным советникам пересекать 38-ю параллель [25]. Этот запрет просуществовал до конца военных действий. Отказ посылать советских военных советников на фронт в Южной Корее вызвал у северокорейского лидера крайнее разочарование. Его попытка решить вопрос в личном письме к Сталину окончилась неудачей [26]. Сталин был непреклонен в вопросе о советских военных советниках. В то же время Сталин предпринял шаги по большому вовлечению КНР в корейские дела. Он направил

телеграмму послу СССР в Пекине, в которой просил сообщить Мао Цзэдуну о жалобе корейцев на то, что в Корее нет представителя Китая. И передать ему, что «следовало бы поскорее послать представителя, чтобы можно было иметь связь и быстрее решать вопросы, если, конечно, Мао Цзэдун считает необходимым иметь связь с Кореей» [27].

Позиция китайского руководства по отношению к начавшейся в Корее войне была действительно своеобразной. Пекин не проявлял особых восторгов по поводу первоначальных успехов войск корейской Народной армии. Не возникло у китайского руководства особой озабоченности по поводу появившихся у северокорейских войск провалов и трудностей. Причины этого, по всей видимости, лежали в стремлении обеспечить прием народного Китая в состав ООН и занятие его представителем места постоянного члена в Совете Безопасности этой организации. И все же Сталин счел возможным направить совпослу в Пекине телеграмму, где говорилось: «Считаем правильным, чтобы немедленно сосредоточить 9 китайских дивизий на китайско-корейской границе для волонтерских дивизий в Северной Корее в случае перехода противником 38-й параллели. Мы постараемся обеспечить авиационное прикрытие этих частей» [28].

Однако китайская сторона хранила молчание по вопросу о своих войсках на границе с КНДР. 13 июля Сталин вновь вынужден был направить телеграмму в Пекин, в которой сообщал китайскому руководству, что, по мнению Москвы, корейский вопрос слишком усложнился после вооруженной иностранной интервенции и что такой сложный вопрос может разрешить лишь Совет Безопасности с участием СССР и Китая и с вызовом представителей Кореи для того, чтобы выслушать их мнение. Далее в телеграмме говорилось: «Нам неизвестно, решили ли Вы расположить девять китайских дивизий на границе с Кореей. Если Вы приняли такое решение, то мы готовы послать Вам дивизию реактивных авиаистребителей — 124 штуки для прикрытия этих войск» [29].

После столь решительных шагов Москвы отношения между Пекином и Пхеньяном в середине июля 1950 г. значительно активизировались. Китайцы через поверенного в делах в Пхеньяне проинформировали корейское руководство о готовности

помочь всем необходимым в их войне. Ими были также запрошены корейские топографические карты по 500 экземпляров масштабом 1:100 000; 1:200 000; 1:500 000. Для получения оперативной информации в министерстве национальной обороны КНДР об обстановке на фронтах в китайском посольстве было выделено два полковника. Поверенный поставил также вопрос об ускорении передачи образцов обмундирования Корейской Народной армии.

В беседе 13 июля 1950 г. с послом СССР Ким Ир Сен при оценке положения на фронте сделал упор на действия американской авиации, которая причиняет много разрушений городам и промышленным объектам, а также непрерывно бомбит войска, тем самым сдерживая продвижение Народной армии. Далее он заявил, что корейское руководство считает возможным помощь КНДР от стран Народной демократии, поскольку американцы и другие страны участвуют в войне на стороне Ли Сын Мана [30].

Между тем ситуация на фронте становилась все более и более напряженной. Действия американской авиации, господствующей в воздухе, становились решающим фактором войны. Северокорейские вооруженные силы несли огромные потери. В этих условиях Ким Ир Сен все настойчивее добивался от Москвы военной помощи и авиационного прикрытия. 19 августа по поручению Ким Ир Сена его личный секретарь сообщил послу СССР о том, что противник перешел к непрерывной массированной бомбардировке войск тяжелыми самолетами. В результате такой бомбежки войска несут большие потери как в живой силе, так и в технике. Советский представитель указал, что нас, советские войска, немцы в 1941 г. не меньше бомбили, но все же наши солдаты дрались хорошо. Что войска Народной армии хорошие, ими только надо умело руководить, и они будут хорошо драться, авиация остановить их продвижение вперед не сможет [31]. В ответе из Москвы на призыв о помощи содержался только совет сосредоточить северокорейскую авиацию на фронте [32].

В середине сентября обстановка в Корее изменилась коренным образом. Американские войска высадились в глубоком стратегическом тылу войск Народной армии. Северокорейские

войска начали отступление, переходящее в бегство, по всей линии фронта. В этих условиях Ким Ир Сен был вынужден 21 сентября 1950 г. поставить вопрос через совпосла о помощи СССР и Китая [33]. 29 сентября корейский лидер вновь попытался поставить вопрос о советской военной помощи во время встречи со Штыковым [34].

Поражения северокорейских войск, вынужденных начать отступление под ударами войск противника, подействовали деморализующе на население КНДР. Первые же неудачи, с которыми столкнулись северокорейские войска уже в сентябре, вызвали бурю негодования у Сталина. В телеграмме своим представителям в Корее, основанной на документе, утвержденном решением Политбюро ЦК ВКП(б), указывалось:

«Серьезная обстановка, сложившаяся за последние дни на фронте Корейской Народной армии, как в районе Сеула, так и на юго-востоке, в значительной степени является следствием допущенных крупных ошибок со стороны командования фронтом, командования армейских групп и войсковых соединений как в вопросах управления войсками, так и особенно в вопросах тактики их боевого использования.

В этих ошибках еще более повинны наши военные советники...

Обращает на себя серьезное внимание неправильная и совершенно недопустимая тактика использования в бою танков... Нашим военным советникам, имеющим за своими плечами опыт Великой Отечественной войны, должно быть известно, что неграмотное использование танков приводит лишь к потерям.

Обращает внимание стратегическая малограмотность наших советников, а также их слепота в деле разведки. Они не поняли стратегического значения высадки противника в Чемульпо, отрицали серьезное значение высадки, а Штыков даже предлагал привлечь к суду автора заметки в «Правде» об американском десанте...

При организации работы наших военных советников в дальнейшем, в соответствии с этой директивой, Вам надлежит принять все меры к тому, чтобы ни один военный советник, как указывалось это ранее, не попал в плен...» [35].

Бой в окрестностях Сеула

С уничтожением в первые же дни войны практически всей авиации КНДР противник обеспечил себе полное господство в воздухе. Несмотря на успешное развитие наземных операций, северокорейские войска были абсолютно беззащитны от ударов с воздуха. В этих условиях единственная надежда руководством КНДР возлагалась на помощь со стороны СССР, которую Ким Ир Сен сформулировал в письме в Москву [36]. В 2:50 ночи 1 октября текст северокорейского письма лежал перед Сталиным. Прочитав письмо, И.В. Сталин, достаточно хорошо знавший обстановку в Корее, понял, что ситуация достигла своего критического момента. Через 10 минут в Пекин советскому послу за подписью Сталина ушла срочная телеграмма с призывом к Мао Цзэдуну немедленно двинуть к 38-й параллели хотя бы пять-шесть дивизий [37]. Параллельно с письмом в адрес Сталина Ким Ир Сен пытался склонить китайское руководство к активному участию в войне. 1 октября руководитель КНДР направил

Мао Цзэдуна просьбу об оказании непосредственной помощи в боевых действиях.

Несмотря на то что 1 октября торжественно отмечалась первая годовщина образования Китайской Народной Республики, Мао Цзэдуна и его окружению пришлось срочно определиться с позицией по корейскому вопросу. Вступлением в войну китайцы могли поставить под удар свою страну. Гарантий того, что американцы не развернут агрессию против молодой и еще слабой КНР, было мало. Решение китайской стороны выработывалось мучительно тяжело. И только в полдень 3 октября 1950 г. в Москве получили телеграмму от посла СССР в КНР, в которой последний передавал текст ответа Мао Цзэдуна на телеграмму Сталина от 1 октября. В комментарии советского посла указывалось, что ответ Мао Цзэдуна свидетельствует об изменении первоначальной позиции китайского руководства в корейском процессе. Он противоположен прежней оценке, неоднократно высказывавшейся в беседах Мао Цзэдуна и Лю Шаоци с советскими представителями. Причины изменений позиций китайцев советскому посольству пока не были ясны [38].

Колебания Китая по корейскому вопросу были спровоцированы серьезной политической борьбой внутри руководства Китайской компартии. Часть членов ЦК, вслед за Мао Цзэдуном, выступала за немедленную помощь КНДР. Другая часть политических и военных деятелей выступала против, мотивируя свою позицию неподготовленностью Китая к войне. Наиболее авторитетными представителями второй группы стали Линь Бяо и Гао Ган, которые отметили отсталость вооружения НОАК, ослабленность Китая в результате долгих лет войны. С позицией Гао Гана резко не согласился премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай.

В первые октябрьские дни 1950 г. в Пекине находилась делегация Северной Кореи во главе с министром внутренних дел Пак Ир У. По возвращении в Пхеньян он сделал доклад на заседании политбюро ЦК Трудовой партии Кореи. В нем он изложил отрицательный ответ Мао Цзэдуна на северокорейский призыв о помощи. Китайские коммунисты призывали своих товарищей в Корею уходить в горы, переходить к партизанской

войне, а в Китае готовить ударную армию для последующего наступления. Война, по мнению китайского руководства, переходила в стадию затяжной.

В то же время 2 октября Мао известил советского лидера о том, что руководство КНР готово оказать помощь КНДР соединениями «добровольцев», которые готовы вступить в Северную Корею 15 октября. Мао сообщил, что первоначально 5–6 дивизий «китайских народных добровольцев» (КНД) вступят в Корею, показав тем самым США, что ситуация изменилась. После того как они, получив достаточно советского вооружения, подготовятся, они смогут перейти в наступление. Китайский вождь просил также Сталина помочь советской авиацией и флотом прикрыть китайские войска в Корее и промышленные районы Северного Китая [39]. Сталин, видимо, с большим облегчением воспринял это сообщение. В его ответе от 5 октября, в частности, говорилось: «США из-за престижа могут втянуться в большую войну, будет, следовательно, втянут в войну Китай, а вместе с тем втянется в войну и СССР, который связан с Китаем пактом о взаимопомощи. Следует ли этого бояться? По-моему, не следует, так как вместе будем сильнее, чем США и Англия, и другие капиталистические европейские государства без Германии, которая не может сейчас оказать США какой-либо помощи, не представляют серьезной военной силы. Если война неизбежна, то пусть она будет теперь, а не через несколько лет, когда японский милитаризм будет восстановлен как союзник США...» [40].

8 октября Мао Цзэдун дал «добро» на прямую военную помощь Корее [41]. Однако и после принципиального решения вступить в войну китайское руководство колебалось. 7 октября 1950 г. Чжоу Эньлай и Линь Бяо вылетели в Москву для консультаций. Беседа Сталина с посланцами Мао состоялась в ночь на 9 октября. Руководитель Советского государства заявил, что СССР готов поставить оружие в общей сложности для 20 дивизий «китайских добровольцев», но не имеет столько сил, чтобы прикрыть авиацией китайские и корейские войска. Он обещал обеспечить противовоздушную оборону промышленности Северного Китая и приграничные с КНДР районы, но все это требует времени [42].

В Пекине, получив такой ответ, задумались. Некоторые члены политбюро выражали опасения, что КНР может быть втянута в длительный конфликт с США, что резко затормозит начавшуюся индустриализацию Китая. Началась вереница совещаний политбюро ЦК КПК по этой проблеме. Время, однако, торопило. «Войска ООН» уверенно продвигались на север. Наконец 14 октября члены политбюро пришли к единому мнению: занять войсками горный район между Пхеньяном и Вонсаном. Если войска США не пересекут эту линию в течение полугода, то «китайские добровольцы» выиграют время для того, чтобы быть готовыми к решению тех задач, которые будут поставлены им руководством КНР. Командующим войсками «китайских добровольцев» был назначен Пэн Дэхуэй.

Но события развивались стремительно: американцы приближались к китайской границе и Пхеньяну. Мао позвонил в Москву Чжоу Эньлаю и сообщил, что «китайские добровольцы» войдут в КНДР, если СССР поставит немедленно вооружение не на 6, как предполагалось ранее, а на 15 дивизий китайских войск. Однако Пэн Дэхуэй настойчиво просил отложить вторжение до зимы, поскольку у китайских войск не было авиации и зенитной артиллерии, а американские ВВС господствовали в воздухе [43]. Но времени уже не было. Мао приказал ввести «китайских добровольцев» в Корею — сначала 17-го, потом 18-го и наконец 19 октября. В тот день первые части КНД пересекли реку Ялу. Советский лидер согласился ускорить поставки Китаю вооружения для 20 новых пехотных дивизий и в перспективе пообещал советское авиационное прикрытие китайских и северокорейских военных акций. Итогом московских консультаций стало решение Пекина об активном участии в войне в Корею [44].

Уже вечером 13 октября передовые отряды дивизий первого эшелона войск китайских народных добровольцев под командованием Пэн Дэхуая переправились через пограничную реку Ялуцзян. Китайские войска насчитывали в первом эшелоне 12 дивизий численностью 260 тыс. человек. Во втором эшелоне находилось две армии численностью 80 тыс. человек. После ввода в Корею второго и третьего эшелонов общая численность китайских войск достигнет 600 тыс. человек.

Тем временем южнокорейские и американские войска 23 октября взяли Пхеньян. Но 25 октября китайские и северо-корейские войска начали контрнаступление, перешедшее в наступление. Война вступила в новую фазу. Наступление было долгим, трудным, мучительным. Господству противника в воздухе «добровольцы» и КНА противопоставили граншейную и галерейную борьбу, когда целые роты, батальоны и полки так зарывались в землю, что ни бомбы, ни напалм их не достигали. В ходе боев зимой и весной 1951 г. был освобожден Пхеньян, еще раз взяты Сеул, Инчхон, Вончжу и другие города. Маятник войны двинулся в другую сторону. Однако затем последовали удары южан и «войск ООН». К июню 1951 г. линия фронта почти застыла, едва колеблясь у 38-й параллели.

Решение Мао вмешаться в корейскую войну диктовалось несколькими соображениями. Он надеялся, что победоносное наступление китайских войск поднимет международный авторитет революционного Китая, покажет миру, что КНР — это сила, способная остановить американцев. Были и другие цели: успехами на фронте подавить оппозицию в политбюро, а также не допустить США к сухопутным границам Китая, что создало бы угрозу национальной безопасности КНР. Мао считал, что эта война есть столкновение воли. Зная чувствительность американцев к людским потерям, он полагал, что, потеряв 40–50 тыс. человек, США под давлением общественного мнения в стране прекратят войну. Видя, что его ожидания не оправдываются, он в марте 1951-го поднял планку для американских потерь до 100 тыс. человек [45].

С ноября 1950 г. промышленные объекты Северного Китая, мосты через Ялу и прилегающую к границе территорию КНДР начал прикрывать с воздуха срочно сформированный советский 64-й истребительный авиакорпус, который в отведенной ему зоне действовал успешно. Неудачи в ведении военных действий заставляли корейское руководство настойчиво обращаться с просьбами о помощи [46]. Советская сторона согласилась помочь Корее в подготовке летных кадров и 20 ноября 1950 г. проинформировала об этом Пхеньян [47].

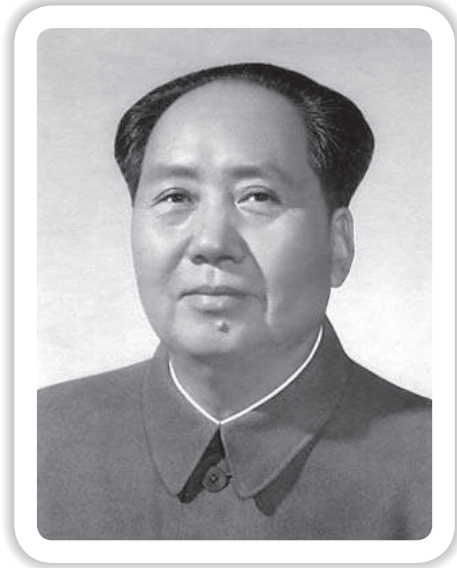
В конце ноября 1950 г. совпосол в КНДР был освобожден от своих обязанностей за просчеты в работе, проявившиеся в пе-

риод контрнаступления американских и южнокорейских войск в северных районах Кореи. 21 ноября 1950 г. Главным военным советником был назначен генерал-лейтенант В.Н. Разуваев, на которого были возложены обязанности посла. И после его назначения Москва продолжала активно вмешиваться в ход военных действий. 30 января 1951 г. в Пхеньян была направлена телеграмма от имени Сталина, где были высказаны соображения о путях подъема боеспособности КНА [48]:

«1. Можно считать неоспоримым, что нынешние корейские дивизии менее боеспособны, чем старые дивизии летом прошлого года. Объясняется это тем, что тогда у корейцев было 10 дивизий, хорошо укомплектованных офицерским составом и обученных более или менее удовлетворительно. А теперь у корейцев имеется 28 дивизий, из коих 19 дивизий на фронте, а 9 дивизий в Маньчжурии. Понятно, что такое большое количество дивизий корейцы не в состоянии обеспечить офицерским составом. По нашим нормам каждая дивизия, имеющая, скажем, 8 тыс. человек, должна иметь, по крайней мере, 800 офицеров, не считая сержантов. Я имею в виду настоящих офицеров, способных сцементировать дивизию, а не наспех произведенных в звание офицеров. Ясно, что такого количества офицеров нет еще у корейцев. Поэтому нынешние корейские дивизии являются разжиженными, неустойчивыми и мало боеспособными. Корейцы увлеклись количеством дивизий и забыли о качестве, а качество играет здесь решающую роль.

2. Было бы целесообразно при данных обстоятельствах иметь в корейской армии не более 23 дивизий с тем, чтобы офицерский состав сокращаемых 5 дивизий обратить на укомплектование офицерами остающихся слабых дивизий, а рядовой состав — использовать в качестве пополнения. Это укрепит дивизии, сократит расходы и даст выигрыш в вооружении. То же самое надо сказать насчет четырех корейских пехотных бригад, которые мало боеспособны и которые тоже можно бы использовать на пополнение дивизий офицерским и рядовым составом.

3. На данном этапе организация корпусных управлений нецелесообразна, так как командиров, способных руководить корпусами, пока что нет или почти нет, а армейские аппараты уже имеются. Лучше было бы организовать 5 армейских управ-

Мао Цзэдун

лений по 4 дивизии на каждую армию с тем, чтобы армейский аппарат сам непосредственно руководил своими дивизиями. В этом случае корейские вооруженные силы имели бы в своем составе 5 армий (всего 20 дивизий), а 3 дивизии можно было бы иметь в резерве главного командования для оказания помощи наиболее нуждающимся по ходу операции армиям. Со временем, когда командиры вырастут, их будет достаточное количество, они научатся управлять соединениями дивизий, можно будет перейти на корпусную систему.

Конечно, эту реформу придется проводить не сейчас, а во время отдыха после проведения операции...

Подпись».

Неудача весенне-летнего наступления КНА и КНД убедила Мао, что выиграть войну невозможно и надо идти на переговоры. Впервые он высказал эту мысль 26 мая 1951 г., а 31-го уже советовал коллегам по политбюро по-новому оценить обстановку. Сталин, осознав, что выиграть войну не удастся, поддержал идею переговоров, намереваясь в ходе дипломатических контактов добиться лучших условий мира, чем на поле

боя. 3 июня 1951 г. состоялись переговоры по этому вопросу между Ким Ир Сенем, Мао Цзэдуном и Чжоу Энлаем, а в середине июня — китайско-корейско-советские переговоры. В то же время китайское и северокорейское руководство не собирались проявлять инициативу в этом направлении, ожидая «капитуляции» американцев.

Кровопролитная война 1950–1953 гг. в Корее была непопулярной в США. Широкомасштабное военное участие американских вооруженных сил в военных действиях сопровождалось большими потерями, огромные военные расходы били по интересам населения. Затяжной характер военного конфликта не отвечал американскому «национальному духу». Уже в апреле 1951 г. американская сторона начала активно зондировать почву в отношении возможности прекращения военных действий в Корее. Однако американцы хотели бы, чтобы с инициативой о мире выступили северокорейская и китайская стороны. В этом случае моральная победа была бы на стороне США.

В этих условиях инициативу взял на себя СССР. 23 июня 1951 г. советский представитель при ООН Малик официально предложил начать переговоры. Этому предшествовали неофициальные встречи Малика с Дж. Кеннаном 31 мая и 5 июня. Малик сообщил ему, что СССР желает закончить конфликт, но по поводу переговоров посоветовал обратиться к правительствам КНР и КНДР. Предварительная договоренность позволила советскому представителю в ООН в его заявлении по радио от 23 июня сказать, «что советские народы верят в то, что в качестве первого шага следовало бы начать переговоры между воюющими сторонами о прекращении огня, о перемирии с взаимным отводом войск от 38-й параллели»¹, а затем начинать за столом прямой диалог непосредственно между воюющими сторонами. Это заявление было поддержано и Китаем.

25 июня президент США Г. Трумэн в своем радиовыступлении одобрил советское предложение. 30 июня командующий войсками ООН в Корее генерал Риджуэй отправил радиограмму Ким Ир Сену с предложением начать переговоры о перемирии. Об

¹ Известия. 1951. 24 июня; The New York Times. 1951. June 24.

этом предложении американцев Мао Цзэдун в тот же день известил Сталина [49]. В телеграмме китайский лидер высказал свое мнение по этому вопросу. Он выступил за положительный ответ американскому генералу, в котором следовало бы дать согласие на ведение представителями обеих сторон переговоров о прекращении военных действий, предложить время, место и количество участников совещания. Местом переговоров был предложен город Кайдзио. Американское предложение вести их в порте Гензан было оценено неприемлемым, поскольку он является укрепленной морской базой Северной Кореи и противник может под этим предлогом высадить там десант. В целях обеспечения представителям Китая и Кореи времени для полной подготовки к совещанию предлагалось назначить день открытия совещания на 15 июля. В заключение Мао Цзэдун просил Сталина ввиду сжатого времени и большой важности намечаемого совещания непосредственно держать связь с тов. Ким Ир Сенем, лично руководить этим совещанием и одновременно информировать его.

В ответе на телеграмму из Пекина Сталин советовал принять предложение США в целом. Он поддержал китайское предложение о том, чтобы встреча состоялась на 38-й параллели в районе Кайдзио. При этом было подчеркнуто, что в настоящее время северокорейцы и китайцы являются хозяевами дела перемирия, и американцы вынуждены будут пойти на уступку по вопросу о месте встречи. Что касается просьбы Мао Цзэдуна к Сталину «лично руководить совещанием», то советский руководитель счел необходимым уйти в сторону: это предложение было оценено как немыслимое и ненужное. Руководство же переговорами придется осуществлять Мао Цзэдуну. Самое большее, на что соглашался Сталин, это давать советы по отдельным вопросам. И, следовательно, был дан отказ на поддержку непосредственной связи с Ким Ир Сенем. Тем самым Сталин стремился завуалировать активное участие СССР в событиях в Корее. Он счел, что такая позиция Советского Союза была наиболее выгодной и позволяла как бы «стоять над конфликтом» [50].

1 июля Ким Ир Сен и Пэн Дэхуай направили Риджуэю радиogramму, в которой согласились на проведение переговоров о перемирии в районе Кэсона у 38-й параллели. 5 и 8 июля в Кэсоне состоялись две встречи офицеров связи двух сторон,

на которых решались технические вопросы порядка и процедур проведения переговоров.

Главой корейско-китайской делегации был назначен начальник генерального штаба Корейской народной армии Нам Ир. Хотя формально он был генералом, однако никакого опыта военной службы и деятельности он за своими плечами не имел. До войны Нам Ир занимал пост заместителя министра просвещения КНДР. В справке советского посольства в КНДР, написанной в конце лета 1953 г., назначение Нам Ира обуславливалось тем, что он был одним из наиболее культурных генералов. Американские корреспонденты в первые же дни переговоров дали лестную оценку главы китайско-корейской делегации. Нам Ир не всегда вел переговоры на должном уровне: допускал много неточных формулировок, порой неубедительно и расплывчато аргументировал свою позицию. Но в целом Нам Ир справлялся со своей задачей, на наш взгляд, лучше, чем это мог бы сделать какой-либо другой корейский военный работник [51].

В состав корейско-китайской делегации вошли также: генерал Дэн Хуа — представитель КНД; генерал Ли Сан Чо — начальник разведуправления КНА; генерал Су Фан — представитель КНД; генерал Чан Пен Сак — начальник штаба 1-й армии КНА. В делегацию войск ООН входили: командующий Тихоокеанским флотом США вице-адмирал Джой — глава делегации; генерал-майор авиации Крейчи; генерал-майор Хоудс; контр-адмирал Берк и единственный представитель Южной Кореи генерал Пэк Сун Еп — командир 1-го армейского корпуса.

10 июля в Кэсоне (КНДР) начались переговоры между Республикой Корея и США, с одной стороны, и КНР и КНДР — с другой. Но дальше обсуждения демаркационной линии дело не пошло. Стороны не могли выработать комплекс единых подходов к решению проблемы и постоянно настаивали на своих проектах. Только к 26 июля в ходе бурных дискуссий была окончательно выработана повестка дня переговоров. Главным ее пунктом стало «установление демаркационной линии для создания демилитаризованной зоны в качестве основного условия для прекращения военных действий в Корее».

Корейско-китайская делегация предлагала установить демаркационную линию по 38-й параллели с отводом от нее войск

Высадка американских войск в Инчхоне. Сентябрь 1950 г.

на 10 км. Американско-южнокорейская делегация настаивала на демаркационной линии по реально сложившейся линии фронта и демилитаризованной зоне глубиной в 20 миль. Вплоть до второй половины августа 1951 г. противоборствующие стороны пытались состыковать свои позиции на переговорах, но все было напрасно. 27 августа Мао Цзэдун направил телеграмму И.В. Сталину [52]. В ней отмечалось, что из-за создавшегося в ходе переговоров тупика по вопросу о разграничительной линии противник предпринял целый ряд провокационных действий. После подробного описания конкретных провокационных действий американско-южнокорейской стороны Мао Цзэдун сообщил о приостановлении переговоров и попросил совета, что предпринять в случае их возобновления или срыва.

Ответ Сталина на телеграмму из Пекина поступил через два дня — 29 августа. Советский руководитель подчеркнул, что

«американцы больше нуждаются в продолжении переговоров», и отверг предложение Мао Цзэдуна пригласить на переговоры в качестве свидетелей-наблюдателей представителей нейтральных сторон [53]. Мао Цзэдун согласился с мнением Москвы, о чем известил Сталина в телеграмме от 30 августа [54].

Уже в августе американские самолеты и самолеты КНР нарушили статус нейтралитета зоны переговоров, и они были прерваны. Затем не раз возобновлялись и не раз прерывались. В результате процесс урегулирования конфликта затянулся на два года. Все это время происходили мелкие стычки сухопутных частей, но зато шла ожесточенная воздушная война, главную роль в которой играла американская авиация и советский 64-й истребительный авиакорпус.

Переговоры в Кэсоне, прерванные в конце августа 1953 г., были возобновлены только через месяц. В октябре состоялось несколько встреч офицеров связи, которые пришли к соглашению о нейтральной зоне и о запрещении полетов над ней. 23 ноября стороны пришли к соглашению по главному пункту повестки дня: демаркационную линию было решено провести по линии фронта на момент подписания перемирия. С 27 ноября на переговорах началось обсуждение вопросов, связанных с выработкой практических мероприятий для осуществления прекращения огня и перемирия. Одновременно с этим пунктом повестки дня по инициативе американской стороны началось обсуждение проблемы обмена военнопленными. Для этого был создан специальный подкомитет в составе северокорейского генерала Ли Сан Чо, китайского полковника Цай Чанвэнь и американского контр-адмирала Либи.

На первом же заседании подкомитета корейско-китайская сторона выдвинула принцип обмена всех на всех, тогда как американская — одного на одного. Такой подход вызвал резкие разногласия сторон и прежде всего потому, что количество военнопленных-китайцев и северокорейских военнослужащих превышало в 15 раз пленных войск ООН. Корейско-китайская сторона подготовила списки на корейском и английском языках на 11 559 военнопленных, в том числе 7142 южнокорейца, 3198 американцев, 910 англичан, 234 турка, 40 филиппинцев, 10 французов, 6 австралийцев, 4 южноафриканца, 3 японца,

1 канадца, 1 грека и 1 голландца. Американская сторона представила списки на 132 474 военнопленных корейцев и китайцев, но только на английском языке, что делало невозможным установление истинной личности военнопленного [55].

Обсуждение вопросов повестки дня переговоров регулярно заходило в тупик. Несмотря на начавшиеся переговоры, стороны продолжали вести военные действия. Каждая тупиковая ситуация на переговорах вызывала активизацию боевых действий на фронте. Весной и летом 1952 г. американская сторона, используя перерывы и тупики на переговорах, резко активизировала действия своей бомбардировочной авиации на всю глубину Северной Кореи. В этой ситуации корейско-китайская сторона занимала, по выражению Ким Ир Сена, «пассивную оборону», и он обратился к СССР с просьбой о помощи [56]. Вслед за письмом Ким Ир Сена Сталину в Москве получили длинное послание от Мао Цзэдуна [57]. В нем он дал анализ обстановки. Главная мысль, на которой Мао Цзэдун сделал акцент, состояла в том, чтобы занимать активную, наступательную позицию и не идти на поводу у противника, другими словами — не бояться срыва переговоров.

Сталину понравился анализ обстановки на переговорах, сделанный Мао Цзэдуном. Его ответ гласил:

«Тов. Мао Цзэдун.

Мы считаем Вашу позицию в переговорах о перемирии совершенно правильной.

Сегодня мы получили сообщение из Пхеньяна, что тов. Ким Ир Сен также согласен с Вашей позицией.

Подпись.

16 июля 1952 года»¹.

В начале октября 1952 г. переговоры окончательно зашли в тупик и были фактически прерваны. Война продолжалась. Ситуация на переговорах изменилась уже только после смерти Сталина в марте 1953 г. Новое политическое руководство взяло однозначный курс на содействие скорейшему окончанию кровопролитного военного конфликта.

¹ АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 343. Л. 69.

19 марта 1953 г. Совет министров СССР принял решение по Корейской войне и направил соответствующие директивы советской делегации на Генеральной Ассамблее ООН. В них указывалось, что советское правительство пришло к выводу о нецелесообразности продолжать переговоры, как они проводились до последнего времени, не внося в них тех изменений, которые соответствуют политическому моменту и вытекают из глубочайших интересов наших народов, народов СССР, Китая, Кореи, заинтересованных в упрочении мира во всем мире и всегда искавших приемлемых путей к возможно более скорому окончанию войны в Корее.

В решении отмечалось, что в глазах честных людей всего мира действия агрессивного англо-американского блока в Корее все больше разоблачают этот блок, особенно агрессивные силы США, как такой международный фактор, который проводит политику подготовки новой войны и готов перейти к политике расширения войны, чтобы только диктовать народам свою агрессивную волю, которая выражает стремления к мировому господству, к подчинению народов этим целям.

В соответствии с этой оценкой международной обстановки и учетом конкретных фактов последнего времени, относящихся к войне в Корее, советское правительство сочло необходимым безотлагательно провести ряд мероприятий, а именно:

- Ким Ир Сен и Пэн Дэхуай дали бы положительный ответ на обращение Кларка по вопросу об обмене больными и ранеными военнопленными;
- сразу же после опубликования ответа Ким Ир Сена и Пэн Дэхуая следовало бы в Пекине выступить авторитетному представителю КНР (лучше всего, тов. Чжоу Эньлаю) с заявлением, в котором подчеркивалось бы положительное отношение к решению всего вопроса о военнопленных и, следовательно, обеспечению прекращения войны в Корее и заключению перемирия;
- одновременно с упомянутым выше выступлением в Пекине следовало бы выступить в Пхеньяне главе правительства КНДР Ким Ир Сену с политическим заявлением о полной поддержке и справедливости указанного выше выступления представителя КНР;

- после предусмотренных выше выступлений в Пекине и в Пхеньяне имело бы место выступление министра иностранных дел СССР в Москве с соответствующей полной поддержкой пекинского и пхеньянского выступлений;
- советская делегация на Генеральной Ассамблее ООН в Нью-Йорке должна сделать все необходимое для соответствующей поддержки и продвижения вперед той новой политической установки, которая изложена выше.

В заключение советская сторона отмечала, что в настоящий момент невозможно предвидеть всех тех шагов и мероприятий, которые предстоит сделать правительствам СССР, КНР, КНДР. Однако если между нашими правительствами будет достигнута полная согласованность в проведении общей линии по данному вопросу, на что мы полностью надеемся, то об остальном можно будет договориться по ходу дела.

Решение Совета министров содержало также «Директивы для советской делегации на Генеральной Ассамблее ООН». В них поручалось выступить с твердой поддержкой последних предложений и заявлений КНР и КНДР [58]. Утром 29 марта 1953 г. советские спецпредставители В.В. Кузнецов и Н.Т. Федоренко довели до сведения Ким Ир Сена новую линию Москвы, который «пришел в сильное возбуждение» и полностью поддержал советскую инициативу о скорейшем окончании конфликта.

Несмотря на шаги к снижению противостояния, к середине 1953 г. на переговорах сложилась сложная ситуация. Корейско-китайская сторона и американская делегация были в целом и в общем согласны с необходимостью скорейшего разрешения патовой ситуации, однако южнокорейская сторона выступала категорически против, о чем была извещена Москва [59]. СССР одобрил позицию китайской стороны на переговорах о перемирии. 4 июля соответствующий ответ от имени министра иностранных дел СССР был направлен в Пекин. В нем говорилось, что при сложившихся обстоятельствах для правящих кругов США создались серьезные политические трудности в поддержании атмосферы военной истерии, высоких военных заказов и т.п. Поэтому американские правящие круги используют Ли Сын Мана и шумиху вокруг него, чтобы поддержать в США (и не только в США) беспокойную полувойенную политическую

обстановку и так или иначе отсрочить переход к заключению перемирия. В связи с вызывающим поведением лисынмановской клики советская сторона советовала Ким Ир Сену не ехать в Паньмыньчжон, а поручить подписать соглашение от КНДР другому ответственному корейскому товарищу [60].

К концу июля 1953 г. военные действия окончательно зашли в тупик: обе противоборствующие стороны были не в состоянии одержать военную победу. Несмотря на всю непримиримость позиций сторон, они вынуждены были сесть за стол переговоров в Паньмыньчжоне.

Процедуре подписания Соглашения предшествовала острая интрига: участвовать ли Ким Ир Сену лично в исторической церемонии? Уровень представительства от корейско-китайской стороны был принципиально важен. Участие Ким Ир Сена в подписании Соглашения о перемирии было бы прекрасным политико-пропагандистским ходом. За это выступало китайское руководство: отказ Ким Ир Сена приехать в Паньмыньчжон мог быть использован как повод для срыва перемирия. Вопрос участия Ким Ир Сена в церемонии подписания Соглашения был рассмотрен на заседании Президиума ЦК КПСС 24 июля 1953 г. В результате в тот же день из Москвы ушли две телеграммы. Одна — советскому послу в Пхеньяне, другая — совпосу в Пекине. В телеграмме в Пхеньян советское руководство вновь подчеркнуло нежелательность поездки Ким Ир Сена [61]. В телеграмме в Пекин говорилось, что советское правительство согласно с мнением правительства КНР о том, чтобы при обмене текстами соглашения о перемирии в Паньмыньчжоне Ким Ир Сен и Пэн Дэхуай не присутствовали. Высказывалось мнение, что на этом следовало бы настаивать [62].

27 июля 1953 г. в 10:00 утра в «доме мира» в Паньмыньчжоне было подписано Соглашение о перемирии в Корее. Свои подписи под ним поставили генерал Нам Ир и американский генерал Харрисон. Под Соглашением стоят также подписи Ким Ир Сена, Пэн Дэхуая и генерала Кларка, в церемонии не участвовавших. Через 12 часов после окончания церемонии подписания Соглашения военные действия в Корее были прекращены.

В военных действиях в Корее авиация сыграла особую роль. Пожалуй, впервые в мировой истории «воздушная война» была

не столько дополнением к войне на земле, сколько самостоятельной составляющей военных усилий противоборствующих сторон.

На протяжении всей войны США имели полное превосходство в воздухе практически над всей территорией Кореи. В начале войны группировка американских ВВС включала 44 эскадрильи общей численностью 657 боевых самолетов. В ходе войны эти силы неуклонно наращивались. К концу 1951 г. над Кореей уже действовало 1440 боевых самолетов США, а к концу войны общая численность американских боевых самолетов достигла 2400 единиц [63].

Американское командование сосредоточило в Южной Корее и прилегающих районах большую часть своих ВВС Дальневосточной зоны, в составе которых к началу войны насчитывалось 1172 самолета. Основные силы тактической авиации были объединены в 5-ю воздушную армию, дислоцированную в Японии, в состав которой входили крылья тактических бомбардировщиков, истребителей, тактических истребителей и разведчиков. Стратегическая авиация была включена в состав специально созданного Временного бомбардировочного командования, насчитывавшего несколько крыльев. Кроме того, на Дальнем Востоке имелись объединения, соединения и части транспортной авиадесантной, авианосной авиации и авиации ПВО, также привлекавшиеся для выполнения боевых задач в войне в Корее. ВВС Южной Кореи существовали в виде небольшого количества учебно-тренировочных самолетов Т-6.

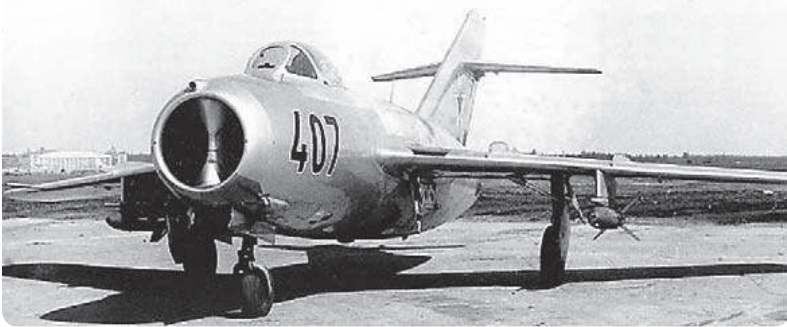
Бомбардировочная авиация США имела на вооружении стратегические бомбардировщики В-29 и тактические бомбардировщики В-26, истребительная авиация была представлена тактическими истребителями, как поршневыми (Р-47, Р-51), так и реактивными (F-80, F-84, F-82), а впоследствии усилена реактивными истребителями-перехватчиками, главным образом F-86, а также ночными перехватчиками F-94. Поршневые самолеты по своим ТТД могли развивать скорости в пределах 570–740 км/ч, имели практический потолок 7300–13400 м. Дальность действия стратегических бомбардировщиков составляла 5200–7300 км при бомбовой нагрузке 9070 кг; тактических бомбардировщиков — 2100–2700 км при бомбовой

нагрузке 2700 кг; истребителей — 2000–3800 км (бомбовая нагрузка — до 900 кг). Реактивные истребители имели следующие тактико-технические данные: максимальная скорость — 900–1080 км/ч; практический потолок — 13500–14000 м; максимальная дальность полета — 2100–2400 км. Все они имели стрелково-пушечное (6×12,7) и ракетное (8×127; 10×127; 16×127) вооружение.

ВВС КНДР к началу войны насчитывали немногим более 150 самолетов [64]. Военно-воздушные силы Корейской народной армии (КНА) и китайских народных добровольцев (КНД) имели на вооружении самолеты советского производства: штурмовики Ил-10, поршневые истребители Як-3, Як-9, Як-11, Ла-9, Ла-11, а с ноября 1950 г. — реактивные МиГ-15 (в дальнейшем и МиГ-15бис).

Боевые действия авиации воюющих сторон начались с первых дней войны и по мере развития военных событий неуклонно ширились. Уже 25 июня 1950 г. северокорейские Як-9 совершили налет на аэродром Кимпо, повредили командно-диспетчерскую вышку и взорвали топлиохранилище. Был также поврежден находившийся на аэродроме транспортный самолет американских ВВС С-54. Четыре других «яка» совершили нападение на аэродром Сеула. Они повредили семь тренировочных самолетов Т-6. В середине дня 27 июня над Сеулом в бою с американскими реактивными истребителями F-82 три «яка» были сбиты. В тот же день северокорейские ВВС предприняли попытку штурмовать аэродром Сеула силами восьми Ил-10. После короткого воздушного боя четыре из этих восьми самолетов были сбиты реактивными истребителями F-80. Против поршневых самолетов Северной Кореи действовали реактивные истребители США, чьи летчики к тому же имели, как правило, опыт Второй мировой войны.

ВВС КНДР имели две основные задачи: борьбу с авиацией противника и поддержку своих сухопутных войск. Однако выполнение этих задач с самого начала было затруднено быстрым развертыванием американской военной авиации в Южной Корее. После нескольких массированных налетов американской авиации на базовые аэродромы, расположенные вокруг Пхеньяна, северокорейская авиация перешла на тактику со-

Истребитель МиГ-15

ветских ВВС периода Второй мировой войны: самолеты расконцентрировались на небольших, хорошо замаскированных взлетно-посадочных полосах, расположенных рядом с линией фронта, откуда они совершали неожиданные вылазки, действуя преимущественно на малых высотах, — и тут же уходили обратно. Истребители КНДР поднимались в воздух только тогда, когда все находящиеся поблизости американские истребители заканчивали боевое патрулирование и топлива у них оставалось ровно столько, чтобы вернуться на базу. В двух случаях, благодаря подобной тактике, реактивные F-80, захваченные врасплох северокорейскими поршневыми самолетами, были вынуждены спасаться бегством, так как у них было слишком мало топлива, чтобы принять бой. Однако мало-помалу наступательный характер операций северокорейской авиации сходил на нет. К 20 июля в результате ряда ударов американской авиации и флота по основным северокорейским аэродромам, включая захваченные в период наступления, было уничтожено 49 самолетов противника на земле, 9 — в воздухе и еще более 30 самолетов было серьезно повреждено.

В свою очередь, 29 июня американские бомбардировщики В-26 нанесли удары по аэродромам Северной Кореи, расположенным вокруг Пхеньяна, и уничтожили 25 самолетов. После нескольких массированных налетов американской авиации на

базовые аэродромы, расположенные вокруг Пхеньяна, северокорейская авиация была практически уничтожена.

В июне 1950 г. американская авиация широко развернула боевые действия. Основными объектами ударов для стратегических бомбардировщиков являлись административно-политические и промышленные центры, железнодорожные узлы и крупные мосты, аэродромы, электростанции, населенные пункты. Тактическая авиация действовала по войскам КНА в районе сосредоточения, коммуникациям и переправам, выполняла задачи по завоеванию господства в воздухе, изоляции района боевых действий и воспрепятствованию подходу резервов. В начальный период американские бомбардировщики действовали, как правило, с одного направления крупными группами по 40–50 самолетов или вели эшелонированные действия в плотных порядках. Бомбардирование производилось с высот 1,5–4,2 км с горизонтального полета. Тактическая авиация наносила удары по объектам с пикирования, произведя несколько заходов на цель с высот 1–2,5 км. ВВС КНА из-за своей малочисленности осуществляли главным образом ПВО объектов тыла, выделяя для прикрытия войск лишь незначительное число истребителей¹. Имея с самого начала войны господство в воздухе, американская авиация могла действовать на значительную глубину, нанося удары одновременно по большому количеству объектов.

Авиация и средства ПВО КНА не обеспечивали прикрытия даже самых важных объектов как на фронте, так и в тылу. Американские бомбардировщики действовали без противодействия, на всю глубину ТВД в условиях, не отличающихся от полигонных. Вступление в войну войск китайских народных добровольцев, сыгравшее решающую роль в развитии наземных операций в ходе войны, никоим образом не изменило обстановку в воздухе. Американская авиация господствовала в воздухе. Наземная группировка северокорейских и китайских войск фактически была беззащитна от ударов с воздуха. Объединенное командование не могло ничего противопоставить угрозе с воздуха.

Авиационная поддержка и прикрытия с воздуха с самых первых дней войны в Корее были самыми сложными задачами

¹ The Air Force Blue Book. N. Y., 1959. P. 25.

для Корейской народной армии. Противопоставить авиационной мощи США было практически нечего. Северная Корея, лишившись своей и без того малочисленной авиации в первые же дни войны, решить эти задачи самостоятельно не могла. У Китая авиационных сил было крайне мало. Господство американской авиации в воздухе создавало опасность уничтожения стратегических мостов и затрудняло передвижение и маневр китайских и северокорейских войск в прифронтовой зоне. Единственной надеждой для Корейской народной армии и впоследствии и для войск китайских народных добровольцев была советская авиация.

После серии непосредственных обращений к Сталину советское руководство приняло решение оказать поддержку союзникам силами своей реактивной авиации. Группировка советской авиации начала создаваться в Северо-Восточном Китае с июля-августа 1950 г., когда в Мукден была передислоцирована 151-я истребительная авиационная дивизия. Ей была поставлена задача прикрывать важные объекты на территории Маньчжурии от возможных ударов американской авиации и одновременно готовить китайских летчиков к полетам на реактивном самолете МиГ-15. В августе 1950 г. после налетов американской авиации на населенные пункты в Манчжурии у советского руководства возникли опасения по поводу перенесения военных действий на территорию Китая. В связи с этим 31 августа военный министр СССР представил доклад на имя заместителя Председателя Совета министров, в котором поднял вопрос о целесообразности привлечения советской авиационной дивизии к прикрытию войск китайских добровольцев от возможных ударов авиации США. В докладе речь шла только о Манчжурии, и указывалось, что советские самолеты при выполнении задачи прикрытия не должны перелетать государственную границу Корейской Народно-Демократической Республики [65].

По мере обострения обстановки на Корейском полуострове и возрастания военной угрозы Китаю в Манчжурии советское руководство решилось оказать Китаю крупномасштабную военно-техническую помощь [66]. В середине октября 1950 г. военный министр СССР направил представителю Генерально-

го штаба Советской Армии в Китае общие указания о порядке передачи Народно-освободительной армии Китая (НОАК) советской техники. В них указывалось, что авиационные дивизии, направляемые в Китай, а также авиадивизия, находящаяся в Китае, должны быть переданы в собственность Китаю (имеется в виду материальная часть) на условиях кредита с тем, чтобы они считались китайскими авиадивизиями с китайской нумерацией. По мере обучения китайских товарищей летному делу советские летчики могли бы вернуться в СССР. Передачу и прием материальной части производить по актам двухсторонних комиссий из представителей сторон — советской и китайской. С момента подписания акта материальная часть переходила в собственность Китайской Народной Республики, и все расходы, связанные с последующей эксплуатацией материальной части, в том числе и за поставляемое горючее, производятся за счет китайского правительства. Помимо передачи авиационной техники предлагалось поставить вопрос перед китайским правительством о передаче в собственность Китаю танковых полков.

19 октября 1950 г. в докладе на имя Сталина военный министр СССР изложил порядок передачи советских самолетов и танков китайской стороне. Начало отправки авиационных дивизий было определено 24 октября 1950 г. Находившаяся на территории Китая советская истребительная авиационная дивизия на самолетах МиГ-15 к 3 ноября разворачивалась в две авиадивизии. Одну из вновь разворачиваемых авиадивизий на самолетах МиГ-15 в возможно короткий срок предполагалось укомплектовать китайским летным и техническим составом — как за счет летчиков, подготавливаемых в районе Мукдена, так и за счет китайских летчиков, перебрасываемых с этой целью из района Шанхая.

18 октября на базе 139-го истребительно-авиационного полка и за счет личного состава двух других полков 151-й авиадивизии была сформирована новая 28-я авиационная истребительная дивизия. К 1 ноября дивизия сосредоточилась на аэродроме Ляоян в Северо-Восточном Китае. 20 ноября 1950 г. из Шанхая на аэродромы Аньшань и Аньдун была перебазирована 50-я авиационная истребительная дивизия. 27 ноября 1950 г. все три

советские авиационные истребительные дивизии и некоторые другие части были сведены в отдельный 64-й истребительный авиационный корпус. В составе всех трех дивизий насчитывалось 844 офицера, 1153 сержанта и 1274 солдата [67].

С появлением советской реактивной авиации воздушная война приняла совсем иной характер. 6 ноября Объединенный комитет начальников штабов США вынес решение приступить к разрушению мостов через Ялу, по которым части китайских добровольцев переправлялись на территорию Северной Кореи. Речь шла о двух мостах стратегического значения, соединявших города Аньдун (КНР) и Синьйчжу (КНДР). В Синьйчжу в то время находилась резиденция правительства КНДР. Налету стратегической авиации предшествовали штурмовые удары по объектам северокорейской ПВО в районе Синьйчжу реактивных истребителей F-80 («Шутинг стар») и поршневого P-51 («Мустанг») [68]. В бой с ними вступили советские МиГ-15 с аэродрома Аньдун. Это был первый в истории воздушный бой между реактивными истребителями. Советские летчики имели превосходство в боевой технике, американские (почти все участники Второй мировой войны и предыдущих действий в Корее) — в опыте. В этот день обе стороны понесли и первые потери: 64-й авиакорпус потерял один МиГ-15, но советские истребители сбили один В-29, стратегический самолет-разведчик. Так начались советско-американские воздушные сражения в корейском небе.

В ходе боевых действий с целью приближения частей корпуса к району боевых действий было произведено перебазирование авиаполков дивизий. 25 декабря на аэродромы Аньдун и Мукден-северный [69]. Общее руководство действиями группировки советских ВВС в Китае и Корее осуществляла оперативная группа во главе с генерал-полковником авиации С.А. Красовским. Основной задачей 64-го авиакорпуса являлось прикрытие от налетов авиации противника стратегических мостов через р. Ялуцзян, ГЭС Супун на этой же реке, системы ирригационных плотин, коммуникаций и аэродромов на территории КНДР в радиусе 75 км от китайско-корейской границы. С вводом в Корею войск китайских народных добровольцев в декабре 1950 г. в качестве второй основной задачи 64-го истребитель-

ного авиакорпуса стало прикрытие с воздуха тылов КНД и путей коммуникаций до рубежа Анею, Сатаханги.

Параллельно с выполнением боевых задач летчики 64-го авиакорпуса выполняли задачу по переподготовке и переобучению китайских и северокорейских летчиков на современную реактивную технику, а также проводили подготовку технического состава, штаба и личного состава отрядов аэродромного обслуживания. Для этого в каждом полку 28-й и 151-й авиадивизий было выделено по одной авиаэскадрилье, укомплектованной опытными инструкторскими кадрами. 12 декабря было закончено переучивание личного состава одной авиадивизии ВВС Китая, 10 января 1951 г. — второй. С начала января 1951 г. началась переподготовка летного состава ВВС Кореи. С 3 декабря 1950 г. авиакорпусу была поставлена задача прикрыть тылы основной группировки китайских добровольцев в Северной Корее. С 26 декабря была получена дополнительная задача — ввести в строй прошедший переподготовку летный состав авиадивизии ВВС Китая [70].

12 апреля 1951 г. в докладе военного министра Председателю Совета министров СССР был поставлен вопрос об обеспечении базирования истребительного авиакорпуса в связи с выдвижением двух авиадивизий на территорию Кореи в район Пхеньяна и одной авиадивизии на территории Китая в район Аньдун. Для этого предлагалось направить две зенитные артиллерийские дивизии, из них одну зенитную дивизию — для прикрытия аэродромов в районе Пхеньяна, и одну зенитную дивизию — для прикрытия аэродрома и железнодорожного моста через реку Янцзы в районе Аньдуна. Для создания световых прожекторных полей в районе базирования нашей истребительной авиации в Корее предполагалось направить на территорию Кореи один прожекторный полк [71].

Для более надежной организации службы радиолокационного обнаружения противника планировалось усилить авиакорпус двумя радиотехническими станциями. В связи с тем что зенитная артиллерия предназначалась в основном для прикрытия советской истребительной авиации, было признано целесообразным все управление зенитными дивизиями сосредоточить в руках командира авиакорпуса и для непосредствен-

ной организации зенитно-артиллерийского прикрытия ввести должность заместителя по зенитной артиллерии с небольшим оперативным аппаратом. Части ПВО весной 1951 г. были направлены в район боевых действий.

В течение начального периода действий зенитной артиллерии в июне-августе 1951 г. главными ее задачами было прикрытие с воздуха железнодорожного моста через реку Ялуцзян и трех аэродромов: Аньдун, Мяогоу и Сингисю, а также трех временных переправ через реку Ялуцзян. За неполных три месяца только над аэроузлом Аньдун зенитчики отразили 45 налетов авиации противника, из которых 33 осуществлялись ночью, а через зону зенитного огня прошло 125 самолетов врага. Всего огнем зенитной артиллерии за июнь-август 1951 г. было сбито 9 самолетов противника. Во втором периоде действий советской зенитной артиллерии в сентябре-декабре 1951 г. было проведено почти в два раза меньше стрельб — всего 147. Через зону огня прошло лишь 43 цели. При этом зенитчикам не удалось сбить ни одного самолета [72].

К весне 1952 г. задачи, выполняемые зенитной артиллерией, по сравнению с первоначальными расширились примерно в два раза при том же составе зенитных артиллерийских дивизий. В районах, обороняемых зенитной артиллерией, действовали в основном бомбардировщики В-29 и В-26, истребители F-86, F-84, F-80 и F-51, при этом все истребители, кроме F-86, использовались как штурмовики. За период боевой работы зенитной артиллерии с июля 1951 по апрель 1952 г. в зоне ПВО зенитной артиллерии противником совершено 24 662 самолето-пролета, из которых 22 714 — днем. В среднем велось по 5 стрельб в день, в некоторые месяцы — ноябрь 1951 г., апрель 1952 г. — число стрельб достигало 10–12 в день. До 20% всех целей, входивших в зону ПВО зенитной артиллерии, проходило безнаказанно из-за большой высоты полета. Это касалось, прежде всего, истребителей F-86, которые летали на высоте 7000 м и выше, где огонь зенитной артиллерии даже среднего калибра (85 мм) был неэффективным. К тому же летный состав американской авиации имел указание в случае тяжелых повреждений уходить в залив, где мог покинуть самолет (катапультироваться), что затрудняло определение количества сбитых самолетов. В ре-

Истребитель F-86

зультате боевых стрельб частями зенитной артиллерии было сбито 120 самолетов противника, в том числе бомбардировщиков (В-29 и В-26) — 17, штурмовиков (F-84; F-80; F-51) — 82, истребителей (F-86) — 21.

В течение 1952 г. задачи советских частей зенитной артиллерии по прикрытию объектов на территории Северной Кореи и Маньчжурии постоянно уточнялись и изменялись [73]. Всего по итогам боевых стрельб зенитной артиллерией авиакорпуса с января по октябрь 1952 г. была обстреляна 971 цель, однако сбито всего 66 и подбито 7 самолетов противника. В среднем за 10 месяцев боевых действий зенитной артиллерии приходилось по 3 сбитых самолета на каждую батарею, или по 24 самолета на полк, что в сравнении с результатами боевых действий батарей и полков в Великую Отечественную войну можно было признать вполне удовлетворительным. Однако по отношению к общему количеству проведенных стрельб и по расходу боеприпасов на один сбитый самолет этот результат нельзя признать

таковым; на каждый сбитый самолет приходилось в среднем 12–13 стрельб с расходом боеприпасов по СЗА (среднекалиберной зенитной артиллерии) — свыше 1500 выстрелов и по МЗА (малокалиберной зенитной артиллерии) — свыше 2000 выстрелов [74]. Причем, как показал опыт, эффективность боевого применения МЗА оказалась почти в два раза выше применения СЗА. Средствами МЗА было сбито 45 и подбито 3 самолета противника [75].

В ходе напряженных боев за период с июля 1951 по апрель 1952 г. зенитная артиллерия понесла серьезные потери в живой силе: погибло 30 зенитчиков, в том числе 13 сержантов и 17 солдат; ранено — 51 человек, в том числе 4 офицера, 15 сержантов, 32 солдата. За этот же период огнем авиации противника выведено из строя всего 2 85-мм орудия и 2 станции СОН-Зк, а также 14 грузовых машин.

После переоснащения и переобучения корейского и китайского личного состава осенью 1950 г. была сформирована Объединенная воздушная армия (ОВА), в которую были сведены отдельные авиационные части и подразделения Северной Кореи и Китая. К концу лета 1951 г. на прифронтовых аэродромах Аньдун и Мяогоу появились первые авиасоединения Объединенной воздушной армии.

Ввиду немногочисленности, слабости и неподготовленности летного состава основная тяжесть боев в воздухе в тот период выпала на долю 64-го авиакорпуса советских ВВС. Подготовка летчиков для ОВА представляла собой большую и сложную задачу. Главной проблемой были, пожалуй, кадры. Военная авиация КНДР и КНР начала создаваться лишь после победы народных революций в этих странах, поэтому к моменту эскалации войны в Корее у их летчиков был недостаточно высокий уровень общей и технической культуры, и они не имели необходимого опыта. Руководящий состав и авиационные штабы комплектовались из начальствующего состава сухопутных войск. Без помощи советских военных советников и специалистов они выполнять свои обязанности просто не могли.

Определенные упущения и недостатки были присущи и самому процессу летной учебы. Из-за неумения должным образом учесть в своей работе специфику страны пребывания

и выработать конструктивные рекомендации для корейской и китайской сторон советские инструкторы и советники часто механически применяли в своей работе формы и методы работы, использовавшиеся в СССР. Не без участия советских военных советников происходило «забегание вперед» при подготовке корейских и китайских летчиков. При недостатке образовательного уровня (в среднем китайские летчики имели 4–6 классов образования) и особенно опыта восполнить имеющиеся пробелы в необходимых навыках было очень трудно. По этой причине нередко случались трагедии. Причем наши советники в экстремальной ситуации стремились сохранить жизнь летчика, а китайские командиры берегли технику, требуя от подчиненных до конца бороться за спасение боевой машины. Поэтому вместо рекомендаций по выходу из сложной ситуации с пунктов управления подавались противоположные команды на разных языках, а летчики выполняли указания своих командиров и гибли [76].

Ввод в бой частей ОВА производился последовательно — первоначально против мелких групп самолетов противника, в дальнейшем при отражении массированных налетов авиации противника — и в основном состоял из трех этапов. Первый этап — совместные вылеты истребителей корпуса и ОВА. При этом части корпуса принимали основной удар на себя, связывали боем истребительный «заслон» противника на дальних подступах; части ОВА вводились в бой для наращивания сил; выход из боя частей ОВА обеспечивали группы авиакорпуса. Второй этап — части ОВА действовали в первом эшелоне, а истребители корпуса наращивали силы и прикрывали выход их из боя. Третий этап — самостоятельные действия, в основном против истребителей противника. Причем части китайских ВВС действовали на западном побережье, корейских ВВС — на восточном побережье. Части корпуса находились в готовности и в зависимости от складывающейся воздушной обстановки оказывали помощь группам ОВА.

Практически сразу с началом ввода в бой китайских и северокорейских летчиков стало ясно, что эффективного взаимодействия советской авиации с ОВА установить невозможно, прежде всего по причине языкового барьера. Летчикам трудно

было общаться в воздухе друг с другом, трудно было руководить действиями самолетов в воздухе и с земли: необходимо было команды дублировать на двух языках. В результате было принято решение о раздельном использовании советской авиации и ОВА в своих зонах ответственности. Взаимодействие осуществлялось на уровне согласования планов боевого использования авиации. Наиболее сложные задачи решались опытными советскими асами, в то время как китайцы и корейцы обеспечивали прикрытие.

Отражение налетов крупных групп бомбардировщиков и истребителей-бомбардировщиков, следовавших под сильным прикрытием американских истребителей F-86, советские авиаторы брали на себя, а летчики ОВА привлекались только при необходимости наращивания усилий. В основном они вели борьбу с мелкими группами, действуя до линии фронта. Для отсечения F-86 при преследовании ими корейских и китайских пилотов поднимались советские истребители. При массированных налетах противника, что было главным способом его действий в прикрываемом 64-м авиакорпусом районе, истребители ОВА вообще не поднимались в воздух [77].

Более сложные задачи советские летчики продолжали выполнять даже тогда, когда самолетный парк Объединенной воздушной армии на передовых аэродромах Аньдун, Мяогоу, Дапу и Дагушань превысил количество МиГов в 64-м истребительном авиакорпусе [78]. В районе Мукден, Аньдун из 10 истребительных дивизий против американской авиации фактически действовали только 2 наши дивизии, вследствие чего американцы в боях имели, как правило, численный перевес, и наши летчики были вынуждены действовать в очень невыгодных для себя условиях.

К исходу 1952 г. ОВА уже располагала достаточным количеством боеготовых частей и во взаимодействии с истребителями корпуса принимала участие в отражении не только эшелонированных действий, но и массированных налетов авиации противника. Это позволило усилить противодействие авиационной группировке противника, активизировать действия наших истребителей на дальних подступах и наносить противнику более ощутимые потери.

Военные действия на сухопутном театре военных действий в Корее в 1953 г. характеризовались состоянием равновесия по всей линии 38-й параллели. Обе стороны не имели сил и средств для решительного продолжения военных операций и перешли к поиску политических путей решения конфликта.

Обстановка в воздухе в 1953 г. продолжала оставаться напряженной. Авиация противника по-прежнему сохраняла за собой полное господство в небе и продолжала наносить бомбово-штурмовые удары по войскам КНА и КНД практически на всю глубину Северной Кореи. Советская авиационная группировка вела неравные бои с превосходящими силами авиации противника. Китайская и корейская авиация из состава Объединенной воздушной армии по-прежнему действовала нерешительно, на вспомогательных направлениях.

С началом 1953 г. американское командование решило активизировать действия своей бомбардировочной авиации ночью по объектам и коммуникациям севернее рубежа Анею, Канко и таким образом как бы возместить действия днем штурмовой авиации в этих районах. Истребителями корпуса в первой половине января 1953 г. ночными действиями были нанесены тяжелые потери бомбардировщикам противника. В воздушных боях было уничтожено семь В-29, вследствие чего противник со второй половины января и до заключения перемирия перешел на ночные действия бомбардировщиков в Северной Корее. Американское командование в качестве штурмовика стало применять самолеты F-86, F-30, которые с марта 1953 г. активно действовали в прикрываемом 64-м корпусом районе мелкими группами в сложных метеоусловиях.

В 1953 г. истребители противника, встречая активные действия наших истребителей, вступали в бой только при наличии выгодных тактических условий или при явном превосходстве в силах. Американское командование, несмотря на численное превосходство, не сумело разрешить в открытых воздушных боях вопроса обеспечения действий своих штурмовиков и активизировало с этой целью действия «охотников» в районе аэродромов аньдунского аэроузла с навязыванием нашим истребителям воздушных боев в явно невыгодных тактических условиях.

Боевые действия авиакорпуса в 1953 г., в отличие от 1951–1952 гг., велись в более сложных условиях воздушной и метеорологической обстановки. Основная тяжесть выполнения боевой задачи легла на корпус, так как из-за неподготовленности к действиям в сложных метеоусловиях части ОВА использовать для ведения боевых действий не представлялось возможным. В связи с этим напряжение боевых действий корпуса начиная с января и до заключения перемирия было очень высоким [79]. Об этом свидетельствуют следующие данные: если в 1952 г. днем было произведено за 12 месяцев 23 539 самолето-вылетов, а за месяц в среднем — 1916, то в 1953 г. за 7 месяцев боевых действий произведено днем 18 152 самолето-вылета, а за месяц в среднем — 2600. Среднемесячное количество боевых самолето-вылетов в 1953 г. возросло на 650, или на 33%.

В 1953 г. авиакорпусом днем было проведено 508 групповых воздушных боев, в которых участвовало 3713 экипажей. Воздушные бои велись на всех высотах, начиная от малых и кончая практическим потолком самолета МиГ-15. В проведенных воздушных боях сбито 126 самолетов противника, из них: штурмовиков типа F-80, F-84 — 12, истребителей — 114. Результаты воздушных боев показывают, что истребители корпуса в основном вели бои с истребителями противника и в очень редких случаях — со штурмовиками, действия которых в прикрываемом корпусом районе носили эпизодический характер. Ночью произведено 1373 боевых самолето-вылета, проведено 59 одиночных воздушных боев, сбито 13 самолетов противника, из них: один RB-29, шесть B-29, один B-26, два F-84, два F-94 и один F3D. Всего днем и ночью за 7 месяцев 1953 г. в воздушных боях уничтожено 139 самолетов противника. Свои потери составили: летчиков — 25, самолетов МиГ-15бис — 76. Общее соотношение потерь за 1953 г. 1,9:1 в нашу пользу.

Несмотря на окончание военных действий в Корее, военно-политическая обстановка в регионе продолжала оставаться достаточно напряженной. Имели место, в частности, групповые и одиночные полеты американских самолетов над Северной Кореей с заходом в воздушное пространство КНР. В этих условиях перед советским 64-м авиакорпусом встала серьезная задача: как реагировать на подобные провокации?

Задача была тем более трудной, что военные действия официально закончились, вовлеченные в конфликт стороны согласовывали и разрешали все спорные моменты и взаимные претензии в ходе встреч и переговоров, без участия советской стороны. После окончания военных действий режим секретности ужесточился, что осложняло использование советских летных частей и соединений. Генеральный штаб Советской Армии в конечном счете нацелил советских летчиков на ограниченное участие в воздушных боях.

По указанию Москвы, борьбу с самолетами — нарушителями государственных границ КНР должны были вести истребители Объединенной воздушной армии Китая. Истребителям 64-го авиакорпуса было предписано вступать в бой только при прямой угрозе нашей авиации со стороны самолетов-нарушителей, то есть на подступах к аэродромам авиакорпуса или при падении на наши самолеты в воздухе, при этом во всех случаях не пересекать рубежа реки Ялуцзян и береговой черты [80].

Таким образом, советская помощь в подготовке авиационных кадров для КНА и НОАК в период войны в Корее сыграла огромную роль. Советскими военными советниками и специалистами были подготовлены полностью боеспособные китайские и северокорейские авиационные истребительные дивизии. И хотя по уровню боевого мастерства китайские и корейские летчики не могли сравниться с советскими асами, с окончанием военного конфликта они были в состоянии взять на себя ответственность за поддержание баланса военных сил в регионе. Эти авиационные дивизии были вооружены самыми современными по тем временам реактивными истребителями, в том числе и знаменитыми МиГ-15, которые не уступали, а по некоторым характеристикам даже и превосходили аналогичные самолеты противника.

Во время военных действий в Корее состав сил и средств 64-го авиакорпуса был непостоянным и менялся неоднократно: смена частей и соединений корпуса происходила в среднем после 8–14 месяцев пребывания на театре военных действий. Несмотря на свой непостоянный состав, корпус постоянно включал две-три авиационные дивизии, один ночной истребительный авиационный полк, две зенитные артиллерийские дивизии, один прожекторный полк и одну авиационно-техническую ди-

визию. Всего за период войны в Корее в корпусе сменилось из состава Военно-воздушных сил и истребительной авиации ПВО страны: 12 истребительных авиационных дивизий, 2 отдельных ночных истребительных авиационных полка; из состава ВВС ВМФ: 2 истребительных авиационных полка; из состава зенитной артиллерии ПВО страны: 4 зенитные артиллерийские дивизии, а также 2 авиационно-технические дивизии и ряд других частей обеспечения [81].

Территориально практически весь 64-й истребительный авиационный корпус дислоцировался на китайских аэродромах в Маньчжурии, и лишь некоторые части и подразделения корпуса в разное время находились на территории непосредственно Северной Кореи.

Средствами советской зенитной артиллерии было уничтожено 14% от общего числа всех самолетов противника, сбитых силами 64-го авиакорпуса. Однако главной задачей зенитной артиллерии было прикрытие стратегически важных наземных объектов КНДР, КНА и наземных объектов 64-го корпуса. Именно поэтому успех деятельности зенитной артиллерии определялся не количеством сбитых самолетов, а эффективностью обеспечения противовоздушной обороны объектов. Прикрытие защищаемых объектов с воздуха, осуществлявшееся советской зенитной артиллерией в любое время суток и при любых погодных условиях, гарантировало, что авиация противника будет стараться не вторгаться в зону огня зенитных артиллерийских батарей. С этой точки зрения советская зенитная артиллерия успешно выполнила поставленные перед ней задачи в ходе военных действий в Корее в 1950–1953 гг. [82].

Опыт военных действий в Корее стал серьезным шагом в развитии военного искусства в воздушной сфере. Активные и напряженные боевые действия истребителей корпуса с начала военных действий в Корее и до заключения перемирия, несмотря на явное превосходство в силах ВВС США, не дали им разрушить основные прикрываемые объекты и нанесли противнику значительные потери во всех родах авиации [83].

Действия советской авиации в небе Кореи и Маньчжурии в течение всей войны в Корее 1950–1953 гг. отличались высокой интенсивностью и напряжением. Она постоянно вела бои огра-

ниченными силами и средствами против авиации противника, однако это не мешало ей одерживать убедительные победы в воздушных боях. Перед истребительной авиацией ставились оборонительные цели. В ее задачу входила защита важнейших объектов. Преследование американских истребителей осуществлялось только в ограниченном воздушном пространстве над территорией Северной Кореи. Даже выход в воздушное пространство Корейского залива был для советских МиГов запрещен специальными директивами из Москвы.

С весны 1951 г. тактика действий американской авиации под влиянием советской авиации изменилась. Резко снизилась активность бомбардировочной и разведывательной авиации США, особенно в дневное время. Ввод в бой новых авиационных полков авиакорпуса поставил под вопрос господство авиации противника в воздухе. С этого момента война в небе Кореи приобрела характер столкновений крупных групп советских истребителей МиГ-15 и американских F-86 «Сейбр».

Противоборство в воздухе двух самых совершенных по тем временам реактивных истребителей МиГ-15 и F-86 имело не только чисто военное значение. По сути дела, имело место столкновение двух конструкторских школ, соревнование между СССР и США в научно-технической сфере. В реальных боях истребители проявляли свои сильные и слабые стороны. Суровая проверка боем помогала определять дальнейшие направления совершенствования и модернизации истребительной техники.

По оценкам советских летчиков — участников войны в Корее, МиГи и «Сейбры» были во многом очень сходными машинами. Это были истребители так называемого первого поколения, мало отличавшиеся по своим боевым возможностям. Наиболее серьезным отличием между МиГаами и «Сейбрами» было вооружение. МиГ-15 имел одну 37-мм и две 23-мм пушки, «Сейбр» — шесть 12,7-мм пулеметов. В конце войны американцы учли опыт боев с МиГаами и начали вооружать «Сейбры» четырьмя 20-мм пушками. Электронное, пилотажное и навигационное оборудование на самолете F-86 было более совершенным, чем на самолете МиГ-15бис [84].

Однако в целом истребитель МиГ-15 для своего времени был отличной боевой машиной, показал высокие боевые качества,

безотказность в работе и простоту в эксплуатации. В воздушных боях с американскими самолетами, вооруженными крупнокалиберными пулеметами, самолет МиГ-15 был устойчив против разрушения и возникновения пожара в полете. Двигатель продолжал работать безотказно при серьезных повреждениях его агрегатов. Отдельные самолеты в боях получили до 30–50 пулевых пробоин и благополучно возвращались на свой аэродром. Катапульта на самолете работала безотказно. Катапультирование было возможно на любой высоте и при различных положениях самолета [85].

По своим боевым характеристикам МиГ-15 бис и F-86 были примерно равны. Поэтому успех в воздушном бою зависел, прежде всего, от мастерства и отваги летчиков, их тактической грамотности и умелого взаимодействия в бою. Одной из сильных сторон МиГ-15 был более высокий поражающий потенциал, что позволяло ему иметь выигрыш на основном этапе боя — атаке. Однако победа в нем во многом определялась тем, кто первым получал сведения о противнике.

Порядок вступления в бой определялся расстановкой сил противника и расстоянием до него. «Сейбры» не следовали стандартам, меняли структуру построения в воздухе. После вклинения МиГов в боевой порядок «Сейбров» бой распадался на звеньевые, а затем и парные схватки. Происходила децентрализация управления: командиры звеньев получали право принимать решения «по обстановке». Командный пункт только оповещал о подходе резервов противника, следил за временем (остатком топлива) и обеспечивал вывод истребителей из боя, высылая для прикрытия отхода дополнительные силы [84, с. 156–159].

Состав поднимаемой группы истребителей определял командир авиационной дивизии или командир авиационного корпуса. Боевые задачи ставились, если позволяло время и обстановка, предварительно по телефону. В большинстве случаев, для сокращения времени вылета, боевая задача командиру группы ставилась уже после взлета по радио.

В соответствии с требованиями Боевого устава истребительной авиации, летчики находились на аэродроме в одной из трех степеней готовности.

Готовность № 1 — самолет на старте, готов к вылету, заправлен всем необходимым. Летчик в кабине самолета. Двигатель прогрет. Техник — возле самолета.

Готовность № 2 — самолет на старте, исправен, заправлен всем необходимым. Летчик в обмундировании, находится недалеко от самолета, готов к вылету. Техник — возле самолета.

Готовность № 3 — самолет на стоянке, исправен, заправлен всем необходимым. Летчик и техник отдыхают в гарнизоне или выполняют работы на аэродроме.

Боевые самолеты ставили в непосредственной близости от ВПП в один или два ряда и далее рядом с рулежной дорожкой — вдоль рулежной дорожки. Выруливание на полосу для взлета совершалось парами и по одному с некоторым интервалом, чтобы не набросать камней и песка в сопла сзади выруливающих машин. Взлет группы производился парами через 12–15 секунд. Общее время взлета полка составляло 2,5–3 минуты. К моменту окончания взлета первого полка начинались выруливание и взлет второго полка в том же порядке. Опыт боевых действий в Корее показал, что время, необходимое на принятие команды, запуск двигателей, выруливание и взлет с цементной полосы группы в составе 24 самолетов МиГ-15 из готовности № 1 и № 2 (при расстановке самолетов около ВПП) составляли в среднем 4–5 минут.

Способы сбора истребителей зависели от состава взлетевшей группы, характера боевой задачи, тактики действий авиации противника, метеорологической и воздушной обстановки к моменту взлета. Эскадрилья в составе восьми самолетов в простых метеорологических условиях осуществляла сбор, как правило, по кругу над аэродромом или на маршруте, маневрируя скоростью. Полковые группы в простых метеорологических условиях осуществляли сбор разворотом на 180 или на 90–120 градусов сходящимся веером. Сбор полка на маршруте производился в тех случаях, когда истребители противника находились не ближе 150–200 км от аэродрома. Сбор авиаполков дивизии, взлетевших с одного аэродрома, производился редко и осуществлялся на петле или выходом полков в заданное время на пункт сбора. Сбор групп за облаками производился, как правило, разворотом на 180 градусов или по кругу над дальней приводной радиостанцией.

При сборе группы и при поиске противника разговоры и переговоры, как правило, не допускались. До встречи с противником никто, кроме ведущего группы, не должен был занимать эфир, за исключением передачи информации о противнике и особых случаев, возникающих в полете. Весь полет до встречи с противником полк или эскадрилья выполняли по заранее разработанным заготовкам, и команды в воздухе имел право подавать только командир группы.

После вылета группы набирали высоту, как правило, над территорией Китая. При сближении истребителей с противником авиационный полк обычно выстраивался в колонну звеньев по эскадрильям, после чего МиГи сбрасывали подвесные баки и увеличивали скорость полета до 900–950 км/ч. Главной формой построения боевых порядков звена истребителей МиГ-15 был «фронт» самолетов. Пары в звене эшелонировались по высоте. Ведомая пара имела принижение по отношению к ведущей на 100–200 м при действиях на малых высотах и превышение на 100–200 м при действиях на средних и больших высотах. Боевой порядок эскадрильи состоял из ударной группы и группы прикрытия (по одному звену), дистанция между которыми достигала 800–1000 м. Группа прикрытия следовала с принижением до 200 м при действиях на малых высотах и с превышением до 200–400 м при действиях на средних и больших высотах. Боевой порядок авиационного полка состоял также из ударной группы и группы прикрытия. Первые две эскадрильи составляли ударную группу и следовали в колонне звеньев на дистанции 800–1000 м. Группа прикрытия в составе одной эскадрильи находилась сзади ударной группы с превышением от 600 до 1000 м. Она имела боевой порядок «фронт» звеньев с интервалами между звеньями 1500–2000 м и с превышением ведомого звена над ведущим до 500 м.

Авиационный полк при поиске воздушного противника в большинстве случаев действовал в боевом порядке «змейка» эскадрилий. При этом две авиаэскадрильи составляли ударную группу, а третья — группу прикрытия. Интервалы между звеньями и парами в ударной группе были сокращенными, в то время как боевой порядок прикрывающей группы был более

расчлененным. При этом звенья в эскадрильях ударной группы с целью обеспечения свободы маневра эшелонировались по высоте на 100–300 м. Полет авиаполка в таком боевом порядке обеспечивал быстрое перестроение его для боя, взаимное прикрытие от внезапных атак, зрительную связь в группе, управление и свободу маневра.

Боевые порядки авиаполка «пеленг» и «колонна» эскадрилий применялись в тех случаях, когда полк входил полностью в состав ударной группы и действовал против истребителей-бомбардировщиков или бомбардировщиков противника. При визуальном обнаружении противника и в случаях, когда командиру авиаполка точно была известна воздушная обстановка, боевой порядок полка также строился в «колонну», «пеленг» или оставался в «змейке» эскадрилий.

Весь начальный период войны в Корее, вплоть до весны 1952 г., советская истребительная авиация действовала в основном крупными группами, в масштабах авиаэскадрилий и полков. Это было оправданно, поскольку противник применял свою авиацию массированно, и только действиями крупных групп истребителей можно было нейтрализовать или отразить воздушные удары противника. В отсутствие поддержки со стороны китайской и корейской авиации была острая необходимость сосредоточения усилий только против основных, главных группировок противника.

Основными способами боевых действий корпуса являлись:

- вылеты крупных групп на перехват самолетов противника из положения дежурства на аэродроме;
- вылеты мелких групп (звено, эскадрилья) на свободную «охоту»;
- в отдельных случаях прикрытие объектов методом патрулирования [85].

Основными причинами неполного выполнения корпусом боевой задачи по прикрытие объектов являлись:

- недостаток сил корпуса;
- удаленность аэродромов базирования от прикрываемых объектов;
- ограниченные возможности обнаружения самолетов противника;

- трудности определения истинных целей (намерений) групп авиации противника.

Наряду с положительными результатами в работе частей и соединений корпуса имелся ряд крупных недостатков, к числу которых прежде всего относились:

- отсутствие в ряде случаев у некоторых командиров и их штабов практики ежедневного анализа тактики действий авиации противника;
- излишнее увлечение боем с истребителями противника, прикрывающими действия своих бомбардировщиков и штурмовиков;
- отсутствие достаточного опыта в управлении с земли и в воздухе большими группами и в наведении нескольких групп одновременно;
- недостаточная четкость в работе службы оповещения;
- неправильная оценка сил и состава групп авиации противника командирами эскадрилий и полков (ведущими групп) в воздухе, а также и командирами, наводящими истребителей на противника со своих КП;
- допускаемое отдельными летчиками открытие огня по самолетам противника с больших дальностей, что приводило к бесцельному расходованию боеприпасов и малой эффективности атак;
- атаки по противнику в ряде случаев не доводились до его решительного поражения;
- недостаточная отработка управления боем в воздухе;
- слабая осмотрительность при поиске, сближении и в бою;
- выход из боя не всегда производился одновременно;
- несоблюдение радиодисциплины при работе в сети наведения [85].

Летом 1951 г. американцам удалось завладеть образцом МиГ-15, когда подбитый самолет упал в мелководье Корейского залива и был поднят американскими и английскими морскими специалистами. В связи с этим военный министр СССР 30 августа 1951 г. направил руководителям советских военных авиаспециалистов в Корею и Китае, командующим войсками военных округов, воздушных армий и ВВС округов указания по повышению режима секретности [86].

Одной из главных задач советской истребительной авиации на протяжении всех лет войны в Корее было прикрытие с воздуха важнейших военно-стратегических объектов КНДР, группировок войск КНА и КНД. Выполнение этой задачи предполагало, прежде всего, борьбу с бомбардировщиками противника. Наиболее серьезные и разрушительные бомбовые удары американской авиации пришлись на первый период войны — осень 1950 — весну 1951 г. В этот период советская авиационная группировка только формировалась, и бомбардировщики противника действовали практически безнаказанно. Однако с появлением в небе Кореи советских истребителей МиГ-15 и особенно по мере возрастания их количества обстановка изменилась. Массированные налеты больших групп бомбардировщиков днем стали фактически исключением.

За годы войны тактика борьбы с бомбардировочной авиацией противника постоянно менялась, что было вызвано и изменениями в тактике действий американских бомбардировщиков. Не всегда советская истребительная авиация и зенитная артиллерия достигали успеха в противоборстве с бомбардировщиками противника. Нередко имели место и неудачи. Так, в ночь с 10 на 11 мая 1953 г. авиация противника нанесла бомбовый удар по аэродрому Аньдун. Советская истребительная авиация не смогла отразить этот удар¹. Налет по объектам в районе Аньдуна противником был осуществлен самолетами В-29 в сплошной облачности на высотах 7500–8000 м с применением активных и пассивных радиолокационных помех. Все близлежащие сопки были закрыты облачностью, что исключало возможность поднимать ночные истребители с Аньдунского аэроузла. Радиолокационные помехи, а также отражения от сплошной массы облачности затрудняли определение координат своих истребителей и их наведение на самолеты противника. Эффективность огня зенитной артиллерии из-за применения противником радиолокационных помех и ведения стрельбы на предельную дальность была низка. В целом же борьба истребителей МиГ-15 с бомбардировщиками противника проходила успешно. Дей-

¹ ЦАМО РФ. Коллекция документов. Д. 157. Л. 2–3. На документе имеется личная резолюция А.Н. Булганина: «Разослать тт. Василевскому А.М., Жукову Г.К., Соколовскому В.Д., Штеменко С.М. Булганин. 19 мая 1953 г.».

ствия советских истребителей, как непосредственно против бомбардировщиков, так и против истребителей прикрытия противника, заставили авиацию США отказаться от действий днем, в условиях хорошей видимости, и перейти к ночным действиям.

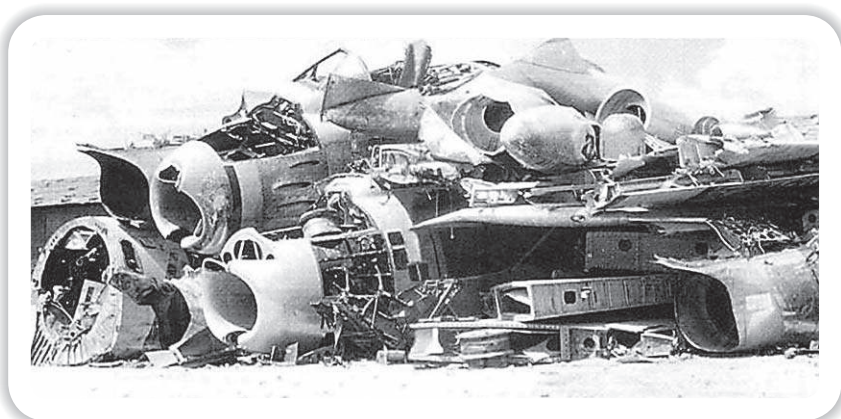
С весны 1952 г., когда авиация противника стала действовать мелкими группами на широком фронте, боевые порядки истребителей МиГ-15 стали рассредоточиваться по фронту и эшелонироваться по высоте.

В конце 1952 г. для борьбы с истребителями и истребителями-бомбардировщиками противника стали применяться звенья в составе шести самолетов. Боевой порядок «клин пар» при поисках противника позволял истребителям просматривать большое пространство передней полусферы и обеспечивал своевременное обнаружение самолетов противника. В боевом порядке «змейка пар» ведущая пара осуществляла поиск противника только в передней полусфере и освобождалась от просмотра задней полусферы. Такие боевые порядки обеспечивали в бою хорошую маневренность и огневое взаимодействие.

С началом воздушного боя истребителей авиационный полк распадался на эскадрильи, затем — на звенья и пары. В результате воздушный бой выливался в ожесточенные и скоротечные поединки между отдельными группами звеньев и пар самолетов.

В ходе воздушного боя каждая пара МиГ-15 и F-86 стремилась зайти в хвост друг другу, дать прицельную очередь и одновременно увернуться от атаки противника. Если атаке подвергался один МиГ, его напарник пытался зайти в хвост «обидчику». Выход из боя с истребителями мог быть свободным или вынужденным. Свободным считался выход по окончании боя, когда по команде все истребители парами и звеньями одновременно покидали поле боя в заданном направлении, на заранее определенном курсе и высоте.

После воздушного боя авиационный полк или группа подходили к аэродрому в разомкнутых по фронту боевых порядках на высотах 8–9 тыс. м. Получив разрешение на посадку, группа перестраивалась в колонну по одному, с дистанцией между машинами 1000–1500 м, тем самым обеспечивая прикрытия

*Свалка F-86, списанных после боевых повреждений,
на одном из аэродромов Кореи*

каждого впереди идущего самолета от возможных внезапных атак противника.

Самой серьезной проблемой, с которой столкнулись советские летчики-истребители в реальных боях с самыми современными по тем временам американскими истребителями F-86, была психологическая адаптация к опасности [84, с. 108–109]. Отсутствие боевого опыта, несогласованность действий, моральная и психологическая неподготовленность к войне приводили к неоправданным потерям людей и техники. Более того, неудача первого боя долго сказывалась на моральном духе летчика, отравляя его неуверенностью в своих силах, знаниях и опыте.

Тактика применения частей и подразделений зенитной артиллерии в ходе военных действий постоянно развивалась. Силами советской зенитной артиллерии осуществлялось прикрытие с воздуха стационарных объектов тыла (аэродромов, электростанций, мостов) и определенных районов (как правило, линий железнодорожных коммуникаций). В первом случае зенитные артиллерийские батареи и дивизионы располагались вокруг объектов на основных огневых позициях, готовя также запасные и ложные позиции. Во втором случае батареи зенитных орудий (в основном, МЗА) действовали в качестве так назы-

ваемых кочующих групп и постоянно меняли огневые позиции в зависимости от условий боевой обстановки и выполняемых задач.

Основным требованием к группировке зенитной артиллерии было обеспечение наибольшей плотности огня до подхода самолетов противника к вероятному рубежу бомбометания. Батареи выдвигались вперед в направлении возможных подходов бомбардировщиков противника к обороняемому объекту. Командные пункты начальников пунктов ПВО и командиров полков оборудовались на сопках, обеспечивавших круговое наблюдение и возможность видеть боевые порядки и сам обороняемый объект. До 50% средств зенитной артиллерии постоянно находилось в готовности № 1. Смена огневых позиций, если того требовала обстановка, производилась батареями среднего калибра один раз в месяц, а батареями малого калибра — один раз в две недели. Перегруппировка сил и средств зенитной артиллерии проводилась, как правило, в темное время суток.

При обороне действующих аэродромов часть батарей зенитной артиллерии малого калибра выдвигалась на 4–5 км от аэродромов в направлении взлета и посадки самолетов, чем обеспечивалось ведение огня по истребителям противника, пытавшимся атаковать советские самолеты на взлете и при заходе их на посадку. Истребители противника, как правило, при открытии по ним зенитного огня отказывались от атаки [87].

В боевых действиях в Корее нашло широкое применение использование маневренных или кочующих групп МЗА. В 1951 г. и начале 1952 г. в состав таких групп выделялись отдельные взводы или батарея МЗА. Но этих средств оказалось недостаточно для надежной ПВО обороняемого объекта и самой группы. С конца марта 1952 г. в кочующие группы стало выделяться две батареи МЗА в составе шести орудий каждая. Для руководства боевыми действиями кочующих групп были назначены заместители командиров полков.

Только в апреле 1952 г. кочующие группы сбили 20 самолетов противника, без существенных потерь со своей стороны. Наиболее эффективным было использование 37-мм зенитных орудий кочующих групп для внезапного поражения самолетов противника на выходе их из пикирования. Опыт показал, что

эффективность действий МЗА кочующих групп значительно выше эффективности боевых действий батарей МЗА, стоявших на обороне объектов. Кочующие группы МЗА дали хороший результат и при действиях ночью.

Для борьбы со штурмовой авиацией противника, действующей по железнодорожным станциям, перегонам, тоннелям, мостам и базам снабжения войск Корейской народной армии, выделялись кочующие группы батарей малого калибра. Перед высылкой каждая батарея, входящая в состав кочующей группы, была полностью укомплектована личным составом по штату, обеспечена автотранспортом и вооружением. Исходя из тактики действий штурмовой авиации по железнодорожным коммуникациям, прикрываемый участок дороги разбивался на позиционные районы. В каждом позиционном районе заблаговременно была произведена рекогносцировка огневых позиций.

Выбору огневых позиций предшествовало тщательное изучение уязвимых мест на этих участках коммуникаций, вывод которых из строя затормозил бы автомобильные и железнодорожные перевозки. Занятие той или другой намеченной огневой позиции производилось с учетом действий авиации противника по объектам данного района, при этом особое внимание обращалось на изучение тактики действий противника, маршрутов подхода самолетов к объекту, отмечались рубежи построения штурмовиков в кильватерную колонну, входа и выхода из пикирования и направления разворота после бомбардировки. Смена огневых позиций производилась вечером в сумерки или утром на рассвете после одного-двух проведенных боев с данной ОП, так как после каждого боя противник нес значительные потери и отказывался от штурмовых действий, перенося их в другие районы.

Кочующая группа имела радиостанцию на связи с КП полка, радиоприемники в сети оповещения ГП ВНОС корпуса и радиостанции в сети наведения ИА, при помощи которых следила за воздушной обстановкой и информировала КП корпуса о действиях авиации противника в своих районах. Между батареями в группе организовывалась телефонная связь, при помощи которой командир группы, находясь на одной из батарей, руководил боем и информировал о воздушной обстановке.

Управление огнем было централизовано у командира кочующей группы. Огонь вели одной батареей и по одной цели. Ведение огня взводами применялось в исключительных случаях. Для борьбы с ночными самолетами противника В-26 кочующей группе придавался один прожекторный взвод. Опыт показал, что применением кочующих групп в составе двух батарей МЗА для борьбы с низколетящими самолетами, действующими по автогузовым и железнодорожным коммуникациям, себя оправдал. При этом только четко организованный маневр боевыми порядками, тщательное изучение тактики действий авиации противника вводили его в заблуждение, чем обеспечивалась внезапность нанесения удара [88].

Опыт боевого применения кочующих (маневренных) групп зенитной артиллерии для борьбы с авиацией противника и прикрытия отдельных районов и объектов Кореи был обобщен в докладе Генерального штаба, в котором был сделан вывод: «Маневренные действия зенитной артиллерии в значительной степени способствовали срыву планов американского командования и восполнили в известной степени недостаток в зенитно-артиллерийских средствах. Маневренные (кочующие) батареи и дивизионы, по показаниям пленных летчиков, явились большой помехой в их действиях; создавалось впечатление о наличии большого количества зенитных средств. Отдельные части зенитной артиллерии, маневрируя, наносили большие потери американской авиации» [87, с. 554].

Зенитная артиллерия действовала в тесном взаимодействии с подразделениями прожекторного полка. Перед ним стояли следующие боевые задачи: обеспечение ночных боевых действий истребительной авиации, обеспечение боевых действий зенитной артиллерии ночью по прикрытию от воздушной разведки и ударов авиации противника коммуникаций и аэродромов, организация светового обеспечения ИА и ЗА и группировка прожекторных средств, обеспечение боевых действий кочующих батарей.

В соответствии с особенностями ведения боевых действий в Маньчжурии прожектористам пришлось перейти сначала к попарному расположению — по одной станции РАП-150 и одной станции З-15-4 на каждой позиции, а затем и к постанционному

расположению прожекторов. Это позволило увеличить световые возможности прожекторного полка почти вдвое (при одном и том же количестве прожекторов), улучшить маневрирование прожекторными лучами и обеспечить непрерывное сопровождение лучами прожекторов низко летящих целей.

Для обеспечения ночных боевых действий маневренных батарей МЗА им придавались прожекторные взводы, которые первоначально имели в своем составе по одной станции РАП-150 и по три станции 3-15-4. Однако практика боевой работы вскоре показала нецелесообразность использования станций РАП-150 при стрельбе по низколетящим целям. Отказ от применения радиолокатора при поимке целей на малых высотах себя оправдал. Обеспечение прожекторами ночной стрельбы МЗА дало положительные результаты в борьбе с самолетами противника на малых высотах. Поиск и освещение самолетов на малых высотах производились, как правило, способом наводки прожектора по звуку — шуму мотора самолета. Поиск высотных целей станция РАП-150 осуществляла радиолокатором. При отражении сосредоточенных налетов авиации противника поиск целей выполнялся также прожекторами 3-15-4 по лучу станции РАП-150.

Для обнаружения и сопровождения самолетов противника использовались также специальные оптические приборы ТПЗ (труба прожекторно-зенитная) и обычные бинокли. Прибор ТПЗ устанавливался на штанге прожектора РАП-150 и имел круговое вращение, позволяя сопровождать самолеты противника на дальности до 18–20 км. Освещение и сопровождение самолетов противника в зоне действия батарей производились, как правило, тремя лучами прожекторов, а одна прожекторная станция, имея включенное напряжение на прожекторе, следила за воздушной обстановкой и была готова к немедленному освещению новой цели. Данные о воздушном противнике, прежде чем попасть на станцию РАП-150 для ее нацеливания, проходили три-четыре инстанции.

Управление прожекторными подразделениями во время отражения налета авиации противника осуществлялось с КП зенитного прожекторного полка. Управление лучами прожекторных станций осуществлялось командирами рот лично. Начальникам прожекторных станций РАП-150 было предоставле-

но право самостоятельно производить поиск, освещение и сопровождение низколетящих целей противника. Самостоятельность действий прожекторных станций объяснялась не только и не столько боевой целесообразностью, сколько отсутствием в достаточном количестве необходимых средств связи.

Сталкиваясь с противодействием советских прожекторных частей, американская авиация применяла активные и пассивные помехи, которые затрудняли работу радиолокаторов метрового диапазона. Применение противником радиолокационных помех затрудняло работу зенитных прожекторов, но не исключало успешную работу зенитных прожекторов по освещению самолетов. При налете больших групп авиации противника на прикрываемые советскими прожекторами и средствами ПВО объекты выделялись специальные самолеты подавления прожекторных средств. Действуя на малых высотах (150–200 м), они обстреливали и бомбили прожекторные позиции.

В сложных метеоусловиях — при облачности 5–10 баллов с высотой нижней кромки 3 тыс. м и более, при дымке или тумане — обеспечение ночных действий истребителей ПВО и зенитной артиллерии производилось путем подсвечивания облаков, создания на верхней кромке облачности световых подвижных и неподвижных пятен («световых экранов») или кратковременного освещения самолетов противника в разрывах облачности. В связи с тем что прожекторных средств слишком мало, была создана единая световая зона для обеспечения боя ИА и ЗА, которая себя оправдала. Однако для полного обеспечения боя истребительной авиации имевшейся световой зоны было недостаточно, так как глубина ее чрезвычайно мала (10–30 км от объектов обороны). Для светового обеспечения истребителей-охотников и кочующих батарей МЗА создавалась световая зона глубиной до 30 км и по фронту 15–18 км, непосредственно примыкавшая к основной световой зоне.

Попытки организовать кочующее световое поле не дали результата, так как корректировать РАП по своему освещенному самолету вблизи аэродромов противника было невозможно. А работать по самолету на больших высотах без корректировки станций — бесцельно. Это положение подтверждено работой

прожекторных расчетов с кочующими батареями МЗА, в результате чего от станций РАП пришлось отказаться и ловить цели на низких высотах «сопроводителями».

Управление боевой деятельностью полка было чрезвычайно затруднено. Средств связи в полку оказалось недостаточно. Во всех звеньях полка была наведена однопроводная связь, слышимость была плохая, вдобавок эта связь часто по разным причинам выходила из строя. Радиосвязь имелась только до роты, в звене рота — радиопрожекторная станция отсутствовала. Лишь на трех станциях РАП имелась радиосвязь. Не было также и приемников на командных пунктах батальонов для связи со своими истребителями, находящимися в воздухе.

Имевшаяся в полку единственная станция кругового обзора типа LW, предназначенная для разведки противника, целеуказания радиопрожекторным станциям и слежения за своей истребительной авиацией в световой зоне, распоряжением командира корпуса была изъята и передана другим частям. Полк не мог уточнять местоположение целей и своевременно нацеливать радиопрожекторные станции на них, что чрезвычайно увеличивало рабочее время на поиск и освещение целей.

Данные о противнике, получаемые с ГП ВНОС и КП артиллерийской дивизии, давались с запозданием и, как правило, были противоречивы. Имелись случаи, когда свой самолет принимали за противника и наоборот. Имевшиеся радиолокаторы, как правило, цели на низких частотах не фиксировали, поэтому перед световым полем они появлялись внезапно, что усугубляло работу подразделений и управление ими.

Расчеты командных пунктов были подготовлены для управления подразделениями по освещению больших групп поршневых самолетов с плотностью налета до 1 самолета в минуту. По освещению реактивных целей и групп поршневых самолетов с большой плотностью налета, а также в условиях радиолокационных помех и освещению целей за облаками полк до этого не работал, и вопросы управления отработаны полностью не были.

При налетах на объекты противник применял боевой порядок — кильватерную колонну. Колонна состояла из отдельных самолетов, идущих на удалении друг от друга в 1,5 мин., иногда

и в 1 мин. Таким образом, плотность налетов не превышала 1 самолета в минуту. При налете больших групп на объект наибольшую опасность представляли самолеты подавления (В-26) прожекторных средств, которые ходили на высоте 150–200 м, обстреливали и бомбили прожекторные позиции. При освещении низколетящих целей, последние почти всегда открывали огонь по прожекторам. Имелись случаи и дневных штурмовок позиций. Всего подверглось обстрелу и бомбардировке 60% прожекторных позиций.

Кроме решения своей основной задачи полк в той или иной мере привлекался для оказания помощи прожекторами частям Китайской Народной Республики (обучение личного состава, организация управления, ремонт техники). Опыт боевых действий полка показал, что противник боялся входить в световую зону, и если попадал в нее, то или немедленно уходил, не выполнив своей задачи, или быстрее сбрасывал бомбы и уходил, в связи с чем точность бомбометания нарушалась [89].

Появление новых средств вооруженной борьбы серьезно осложнило вопросы управления. Управление истребителями, зенитной артиллерией и прожекторами осуществлялось централизованно с командного пункта командира корпуса. Оно отличалось строгой централизацией. Это диктовалось необходимостью быстрого сосредоточения максимально возможных сил наших истребителей для отражения массированных налетов авиации противника, имевшего значительное численное превосходство, боевую и оперативную инициативу, достаточно много времени для подготовки и организации воздушных налетов. Помимо этого КП, на территории КНДР были созданы два вспомогательных пункта управления (ВПУ): № 1 — район Фуциори, № 2 — район Хакусен.

Управление огнем зенитной артиллерии и зенитными прожекторами производилось с командных пунктов командиров зенитных артиллерийских дивизий и прожекторного полка. Система обнаружения в целом позволяла засекать противника на средних высотах на удалении 250–270 км. Для наведения своих самолетов на самолеты противника кроме радиотехнических средств использовались радиостанции визуального наведения.

Днем с командного пункта авиакорпуса боевыми действиями руководил обычно его командир, ночью один из его заместителей. В связи с отсутствием предварительной информации о времени взлета и предполагаемых действиях противника, значительная часть советской авиации в течение всего светлого времени находилась в состоянии повышенной боевой готовности. Приказ на вылет передавался по радио непосредственно командирам дежурных групп, а остальные силы занимали повышенную готовность или немедленно взлетали вслед за дежурными подразделениями. В экстренных случаях прибегали к сигнальным ракетам.

Как правило, боевые задачи летчикам ставились, когда истребители уже находились в воздухе. Они уточнялись, а иногда даже радикально изменялись по мере прояснения общей воздушной обстановки и получения более конкретных данных о намерениях противника. В такой обстановке огромную роль в принятии правильных решений играли опыт, а также хорошая оперативная и тактическая подготовка соответствующих командиров. Промедление же с принятием решения в лучшем случае приводило к тому, что времени на его реализацию уже не оставалось.

В условиях интенсивных радиолокационных и радиопомех управлять боевыми действиями истребителей было очень сложно. Наблюдение за положением групп своих самолетов даже при интенсивных радиопомехах противника решалось значительно легче. После включения имевшихся на борту МиГ-15 систем «СЧ» (свой-чужой) и «Беда» (бедствие) их сигналы отчетливо просматривались на фоне помех на экранах наземных радиозапросчиков. При управлении полетами с командных пунктов каждый полк имел свой позывной, а каждый летчик дополнительно — свой индекс. Имея информацию о некоторых радиотехнических системах и устройствах противника, в авиакорпусе не могли ее полностью использовать для повышения эффективности боевых действий.

Ведение эффективной разведки было одной из самых серьезных проблем, с которыми сталкивалось командование и штаб авиакорпуса в ходе боевых действий в Корее. Не имея практически никакой предварительной информации о действиях авиа-

ции противника, ее намерениях, целях и объектах поражения бомбоштурмовыми ударами, командование советской авиационной группировкой в начале военных действий вынуждено было принимать лишь пассивные меры.

Для воздушной войны в Корее в целом было характерно массовое применение радиоэлектронных средств и борьба с ними, однако пальма первенства в этой борьбе неизменно оставалась на стороне США. Советская авиация активной борьбы с радиоэлектронными устройствами противника не вела, поскольку необходимых средств не имела. Все ее действия сводились к радиоэлектронной разведке противника и проведению необходимых мероприятий по сохранению устойчивости системы управления своими истребителями в условиях помех.

Американская авиация буквально с первых месяцев войны в Корее начала широко создавать помехи советским и китайско-северокорейским РЛС с июня 1951 г., сопровождая ими, как правило, все бомбардировочные налеты, а иногда и налеты штурмовой и истребительной авиации. Отмечены случаи, когда помехи создавались и во время отсутствия авиации противника в зоне действия радиотехнических станций обнаружения корпуса. Помехи радиолокационным станциям обнаружения создавались как в ночное, так и в дневное время суток: в 1951 г. наибольшее количество случаев применения помех отмечено днем, в 1952 г. — ночью. Основной вид помех — активные, создаваемые специальными передатчиками помех, установленными на самолетах В-29.

По характеру модуляции помехи можно разделить на следующие основные виды: шумовые, импульсные, частотно-модулированные, немодулированные. В январе-марте 1952 г. в 60% случаев помехи были шумовыми. По длительности воздействия помех на станции обнаружения и наведения за период январь-март 1952 г. отмечалось: кратковременные, продолжительностью 2–20 минут — 30%; средней длительности, продолжительностью 20–50 минут — 60%; длительные, продолжительностью от 50 минут до 2 часов — 10% [90].

На самолетах, применявшихся в качестве постановщиков помех, устанавливались передатчики, создававшие заградительные

и направленные помехи, а также автоматы пассивных помех. Бомбардировщики противника имели бортовые панорамные радиолокационные прицелы, а истребители — радиодальномеры, автоматически вводившие данные в стрелковые прицелы. Группировка советской авиации располагала собственной радиолокационной сетью обнаружения и наведения на цели [87, с. 417]. Всего в авиакорпусе по состоянию на начало июня 1952 г. имелось 17 радиотехнических станций разных типов и назначения.

Группировка ВВС США включала также одну эскадрилью всепогодных самолетов Ф-94 с радиолокационными прицелами для борьбы с нашими ночными истребителями. Все самолеты оборудовались восьмиканальными УКВ-радиостанциями, а бомбардировщики — и радиостанциями с большой дальностью действия, работавшими в других диапазонах частот.

Система источников получения разведывательной информации о противнике была достаточно разветвленной. Она включала в себя силы и средства советского авиакорпуса, а также силы и средства китайских и северокорейских вооруженных сил. Основными источниками сведений о воздушном противнике являлись вспомогательные пункты управления и радиотехнические станции узлов корпуса и дивизий.

Кроме основных источников сведений о воздушном противнике ГП ВНОС корпуса использовал для оповещения частей донесения, получаемые: от наблюдательных пунктов командных пунктов, артподразделений (находились на удалении 20–40 км от КП корпуса), радиотехнических станций зенитной дивизии и прожекторного полка.

Несмотря на большое количество радиотехнических станций советских, корейских и китайских войск на территории Северной Кореи и Северо-Востока Китая, расположение их не обеспечивало обнаружение самолетов противника на отдельных направлениях. Полного согласования между командованием наших, китайских и корейских войск в вопросах лучшей расстановки и использования РТС не было, и отдельные районы Северной Кореи не имели радиолокационного наблюдения [90].

В то время в Вооруженных Силах СССР эксплуатировалась специальная система «Пирамида», предназначенная для радиоэлектронной разведки противника и создания активных помех.

Однако эта система в Корее в полном комплекте не использовалась. Применялась только ее приемная часть, позволявшая лишь вести разведку. Передатчиков для создания помех в распоряжении авиакорпуса не было.

Горный рельеф местности КНДР ограничивал зону радиолокационной видимости и создавал значительные трудности при выборе позиций для радиолокационных станций. Поэтому для обеспечения нормальной зоны видимости в этих условиях станции метрового диапазона размещались попарно. Для обеспечения дальнего обнаружения и обнаружения самолетов на малых высотах радиолокационные станции устанавливались на вершинах сопков, господствующих над окружающей местностью, или на склонах на высотах 50–120 м. Станции метрового диапазона, развернутые на сопках с равномерными склонами высотой 50–60 м над уровнем окружающей местности, обеспечивали обнаружение групповых целей при высоте полета 8–10 тыс. м на дальности 200–240 км. Станции, развернутые на сопках или их склонах на высоте 80–100 м, хорошо обнаруживали низколетящие цели на дальностях до 150 км. Недостатком в работе станций, расположенных на возвышенностях, являлось то, что они не позволяли точно измерять высоту полета целей и имели значительные провалы в зоне видимости. В этом случае определение высоты полета цели производилось станциями, расположенными в долинах.

Для наблюдения за целями на близких расстояниях и обеспечения наведения истребительной авиации на самолеты противника радиолокационные станции устанавливались у подножия сопков. При таком расположении станций в условиях горного рельефа местности имелись большие углы закрытия, которые не давали возможности обнаруживать цели на малых и средних высотах, а также на больших дальностях. Выход из создавшейся ситуации был найден в форме комбинированной расстановки радиолокационных станций различных типов и в различной местности [87, с. 418].

При размещении радиолокационных станций учитывалась возможность их маскировки, эффективной охраны и обороны, а также наличие подъездных путей. Помимо основных позиций, для каждой станции подбирались запасные позиции. Поскольку

основным способом боевого применения истребителей были вылеты на перехват самолетов противника из положения дежурства на аэродроме, то для атаки противника па рубеже примерно 40 км от аэродрома базирования составом эскадрильи на высоте 8–9 тыс. м нужно было обнаружить цель на расстоянии не менее 200 км. Но в условиях горной местности и недостаточного количества радиолокаторов обширные районы и направления радиотехническими частями корпуса не просматривались, а сильные радиопомехи противника снижали и без того ограниченные возможности в своевременном обнаружении самолетов, определении направлений их полета и вероятных объектов, по которым будет нанесен удар [91].

Для ведения разведки и обнаружения воздушного противника в авиакорпусе была создана служба радиоперехвата радиопереговоров ВВС США. Радиоразведка не только позволяла засекать взлет самолетов противника, но, определять их количество, тип, характер задания. Наряду с этим служба перехвата следила за возвращением самолетов из района боевых действий, за результатами боя и спасательными работами, предпринимаемыми противником, а также осуществляла перехват донесений, передаваемых разведывательными самолетами противника, и вскрывала систему организации управления авиацией. Служба радиоперехвата состояла из отдельных подразделений радиоперехвата. Между пунктами радиоперехвата имелись проводная и радиосвязь. Данные, получаемые при радиоперехвате, представляли наибольшую ценность для командования советской авиации и объединенного командования КНА и КНД тогда, когда они сочетались с данными радиотехнической разведки [87, с. 423–425].

Таким образом, война в Корее 1950–1953 гг. явилась первым серьезным конфликтом, в котором в широком масштабе применялись самые современные средства управления, разведки, радиоэлектронной борьбы и противодействия. Итоги боевого использования радиотехнических средств в Корее и общее соотношение потерь (своих и противника) свидетельствуют о том, что советские летчики и зенитчики смогли воспользоваться всеми преимуществами штатных радиотехнических средств для повышения эффективности и результативности боевых действий.

Обломки В-29, сбитого МиГ-15

По американским сведениям, ВВС и ВМФ США, а также авиация союзных США стран уничтожили 976 самолетов противника. Свои потери составили 1986 самолетов, из них от действий противника — 1041 самолет и 945 — по причинам, не зависящим от противника. Потери в людях составили 1729 человек, в том числе убитыми — 1144, ранеными — 306, пропавшими без вести — 30 и пленными — 249 человек [92]. В воздушных схватках между МиГ-15 и истребителями ВВС США, по американским данным, уничтожено 792 самолета противника. Такое расхождение в отчетах сторон о потерях объясняется, очевидно, тем, что высокая живучесть советских реактивных истребителей позволяла сохранять эти самолеты во многих случаях, когда противник считал их сбитыми. Кроме того, в это число включены МиГ-15, пилотируемые менее опытными корейскими и китайскими летчиками, особенно до 1953 г.

Особенностью войны в Корее явилось то, что на первом этапе развертывание американских сухопутных войск на Корейском полуострове осуществлялось за счет соединений, дислоцировавшихся в Японии, то есть из района, наиболее приближенного к военным действиям.

В ходе войны в Корее встал вопрос о применении США атомного оружия. После вступления в войну в октябре 1950 г. китайских войск она вступила в новую фазу. Под ударами частей КНДР и КНР американские войска в условиях зимы и отсутствия сети дорог начали отступать. Снабжение нарушилось, потери росли. 6 декабря войска Ким Ир Сена овладели Пхеньяном, а в конце года вышли на 38-ю параллель. Главнокомандующий «войсками ООН» американский генерал Макартур требовал от Вашингтона разрешения развернуть войну против КНР, подвергнуть бомбардировкам с воздуха объекты на территории Китая, а по крупным городам нанести атомные удары.

На первых порах президент Трумэн, казалось, разделял взгляды Макарута. На пресс-конференции 30 ноября 1950 г. он заявил о готовности США предпринять «все необходимые меры, которые потребует военная обстановка». Его спросили: «Включают ли эти меры использование атомной бомбы?» Он ответил: «Это включает все виды оружия, которые мы имеем». На повторный вопрос: «Означает ли это, что обсуждается возможность применения бомбы?», президент ответил, что «ее использование всегда активно обсуждается» [93]. Это заявление Трумэна не на шутку встревожило западных партнеров, особенно Лондон. Слова президента США истолковали как намек на возможность третьей мировой войны. В английской палате общин разгорелись бурные дебаты. 10 парламентариев-лейбористов выступали с протестом против применения атомной бомбы. Премьер-министр К. Эттли срочно вылетел в Вашингтон для встречи с президентом США. В совместном коммюнике, опубликованном после переговоров Трумэна и Эттли (8 декабря), говорилось: «Президент надеется, что международная обстановка никогда не потребует применения атомной бомбы» [94].

Реакция ближайшего союзника, несомненно, сыграла свою роль. Но главным, конечно, было опасение, что применение атомной бомбы может вызвать ответную реакцию Советского Союза. Впоследствии Г. Трумэн писал в своих мемуарах: «Если бы мы решили распространить войну на Китай, то должны были бы ожидать возмездия. Пекин и Москва как идеологически, так и в соответствии с договорами, являлись союзни-

ками. Если бы мы начали атаковать коммунистический Китай, мы должны были бы ожидать русского вмешательства» [95]. Такого же мнения придерживался и государственный секретарь Дж. Маршалл. Когда в конгрессе ему был задан вопрос, санкционировал бы он атомную бомбардировку Маньчжурии, если бы был уверен в невмешательстве СССР в конфликт, он ответил: «Если бы не было никакой опасности вмешательства СССР, то упомянутые вами бомбардировки начались бы без всякого промедления» [96]. Но вопрос об атомной бомбе был снят еще и потому, что в ходе сражений зимой и весной 1951 г. северокорейцы вновь захватили Сеул и Инчхон, а затем под ударами американско-южнокорейских войск были снова оттеснены к 38-й параллели. Клету того года линия фронта почти застыла, колеблясь в районе 38-й параллели. Создались возможности для переговоров о перемирии.

Вообще же в те годы на заседаниях Совета национальной безопасности многократно поднимался вопрос о применении атомного оружия. Так, 31 марта 1953 г. президент Эйзенхауэр высказал мысль, что нельзя исключать необходимости «расширить войну за пределы Кореи и пустить в ход атомную бомбу». 3 декабря 1953 г. представитель госдепартамента Боуи отметил, что «поскольку в рекомендациях Комитета начальников штабов под противником подразумеваются все коммунисты, потребуются подвергнуть атомному удару советские и китайские вооруженные силы и военные объекты на Дальнем Востоке. Это означает атомные бомбардировки по существу всех городов Китая».

И без применения атомного оружия война в Корее принесла огромные людские и материальные потери. Безвозвратные потери сторон составили: 400 тыс. военнослужащих Южной Кореи, 54 тыс. американцев, 17 тыс. других «войск ООН»; потери КНР и КНДР — от 2 до 4 млн военнослужащих и гражданского населения; потери СССР — 299 человек¹.

* * *

Война в Корее наглядно показала склонность американского руководства после Второй мировой войны к решению своих

¹ Гриф секретности снят. М., 1993. С. 395.

внешнеполитических задач с помощью силы. Вместе с тем использование вооруженных сил США не должно было спровоцировать прямое и широкомасштабное военное столкновение с Советским Союзом. Советское руководство также стремилось избежать вооруженного столкновения с США.

После войны в Корее возрос престиж Советского государства в третьем мире, многие развивающиеся государства увидели в Советском Союзе своего покровителя и потенциального «донора». Многие государства Азии, Африки и Латинской Америки начали ориентироваться на Советский Союз.

В то же время война в Корее оставила определенный «осадок» в отношениях между СССР и КНР. Мао Цзэдун имел претензии к Москве по поводу форм и масштабов советского военного участия в Корее. Китайские народные добровольцы вместе с северокорейскими воинами вели кровопролитные бои, а СССР «всего-навсего» поставлял оружие. Со смертью И. Сталина претензии китайской стороны стали более артикулированными. Отношения между СССР и КНДР со временем тоже стали характеризоваться отчужденностью. Процесс десталинизации в Советском Союзе вызвал неприятие в КНДР, да и в КНР.

2.3. Оружие устрашения

В начале 1950-х гг. гонка вооружений приобрела качественно новый характер. США потеряли статус единственной атомной державы. СССР в 1949 г. испытал атомную бомбу, а в 1953 г. — водородную. Однако в количестве атомных боеприпасов Соединенные Штаты значительно превосходили Советский Союз. Велико было их преимущество в средствах доставки.

После окончания войны в Корее в 1953 г. в США была отменена стратегия «устрашения». Еще в августе 1952 г. на одном из заседаний Совета национальной безопасности США указывалось: «Нарастающий атомный потенциал СССР и возможное появление термоядерного оружия... существенно изменяет положение США в области обеспечения безопасности и требует тщательного пересмотра существующей политики и программ, ибо де-

дает Соединенные Штаты весьма уязвимыми»¹. В связи с этим директивой Совета национальной безопасности № 162/2 была принята и подписана президентом Д. Эйзенхауэром в октябре 1953 г. стратегия «массированного возмездия». Она исходила из понимания атомного оружия как средства устрашения. Согласно директиве, война против Советского Союза могла быть начата в ответ на любую «агрессию», в которой прямо или косвенно участвует «коммунистическое движение».

«Массированное возмездие» как стратегия США была официально объявлена в речи государственного секретаря США Д.Ф. Даллеса перед Советом по международным отношениям в Нью-Йорке 12 января 1954 г. Он заявил, что впредь США будут полагаться в проведении своей внешней и военной политики, прежде всего, на «устрашающую силу массированного возмездия», на свою «огромную способность к возмездию мгновенно, средствами и в районах по собственному выбору» [97]. «Наша стратегическая доктрина, — писал впоследствии Г. Киссинджер, — почти не признавала никаких промежуточных состояний между тотальной войной и тотальным миром. Она рассматривала всеобщую войну как единственное решение проблемы» [97].

Признание при разработке новой стратегии возможности перенесения военных действий на континентальную часть США послужило толчком к переосмыслению содержания тотальной войны. Было выдвинуто положение о всеобщей ядерной войне. Под этим термином понималась мировая война между Соединенными Штатами и Советским Союзом и возглавляемыми ими коалициями, в которой используются все имеющиеся средства вооруженной борьбы, задействованы все ресурсы воюющих сторон и ставится под угрозу их существование как независимых государств. К важнейшим принципам ее ведения были отнесены: массированное применение ядерного оружия; внезапность нападения; упреждение противника в нанесении ударов [98].

Ядерная война против Советского Союза в рамках этой стратегии должна была охватить огромные пространства, в том числе территорию СССР и, возможно, Соединенных Штатов.

¹ Цит. по: Правда. 1985. 2 янв.

На этот случай было создано в 1957 г. совместное с Канадой командование противовоздушной обороны североамериканского континента (НОРАД). Важнейшим объектом поражения в войне становился экономический потенциал воюющих сторон. Всеобщая ядерная война мыслилась как односторонний и безнаказанный акт со стороны США, и в отличие от стратегических концепций первых послевоенных лет ведение войны против Советского Союза без применения ядерного оружия исключалось. Предполагалось путем массированных ударов с широким применением ядерного оружия, осуществляемых силами стратегической авиации, уничтожить военно-промышленные объекты и административно-политические центры противника, в решающей степени подорвать экономику, нарушить управление страной, сломить волю противника к сопротивлению и достигнуть таким путем стратегических целей войны. Окончательный разгром возлагался на все имеющиеся силы и средства, и, прежде всего, на войска европейских стран НАТО. Основным способом развязывания войны считалось внезапное нападение.

В основу строительства американских вооруженных сил были положены концепции «подавляющего ядерного превосходства» и «достаточных вооруженных сил». В связи с этим приоритет отдавался оснащению американских войск ядерным оружием и ускоренному развитию средств его доставки. Роль союзников в осуществлении второй концепции так была сформулирована тогдашним президентом США: «...мы не можем поставлять сухопутные войска, военно-морские и военно-воздушные силы для всего свободного мира. Поэтому логично, что роль наших союзников, расположенных по периферии железного занавеса, должна заключаться в том, чтобы... поставлять сухопутные войска, в то время как Соединенные Штаты, расположенные в центре и обладающие сильными производственными мощностями, обеспечивали бы мобильные резервные силы всех видов с упором на военно-морские и военно-воздушные контингенты» [99]. Для достижения победы над колониальной державой, какой являлся, по мнению американских специалистов, СССР «основное внимание должно быть сосредоточено на том, чтобы океанские пути из США

в Европу, к Средиземному морю и к островам Атлантического океана не были перерезаны, так как если он сделает это, то он одержит победу в войне...» [100].

Основным театром военных действий во всеобщей ядерной войне должна была стать Европа. Группировка войск для ее ведения опиралась на сеть военных баз по всему периметру социалистического лагеря и аэродромов, с которых американская авиация и авиация их союзников могли бы нанести удар по любому объекту в СССР. Для ведения военных действий в Европе в середине 1950 гг. было признано необходимым иметь в повышенной боевой готовности более 60 дивизий и в 15–30-дневной — более 110 дивизий. Для их авиационной поддержки предназначалось 170 авиационных эскадрилий, не считая стратегических бомбардировщиков США, базировавшихся в Великобритании и Северной Африке [101].

Одновременно с началом атомных бомбардировок предполагалось вести наступление всеми видами вооруженных сил на нескольких театрах военных действий. Для обеспечения стремительности наступательных действий с 1954 г. началось массовое оснащение войск ядерным оружием, а войсковые инстанции, вплоть до командира дивизии, получили в свое распоряжение средства доставки ядерного оружия. В конце 1950 гг. на основании опыта войны в Корее была разработана и принята концепция «мобильной обороны», направленная на максимальную активизацию обороны на оперативно-тактическом уровне. Она, по мнению американского командования, в большей степени соответствовала условиям ведения боевых действий с применением ядерного оружия, так как позволяла максимально использовать его результаты. Мобильная оборона стала видом обороны войск.

В 1949, 1953 и 1958 гг. в США был принят ряд законов о совершенствовании стратегического руководства. Они были направлены на усиление централизации и совершенствование боевого управления войсками. Была повышена роль министра обороны за счет ограничения функций министерств видов вооруженных сил. Для управления войсками на зарубежных ТВД стали создаваться объединенные командования. Им подчинялись войска различных видов вооруженных сил. Для обе-

спечения внезапности и выигрыша во времени в начальный период войны США стремились создавать вместе со своими союзниками коалиционные объединенные командования на заморских театрах военных действий с американским генералом во главе. Эти командования и их штабы должны были в мирное время осуществлять боевую подготовку, а в военное — руководить боевыми действиями коалиционных вооруженных сил.

К 1958 г. была завершена реформа оперативной организации вооруженных сил Соединенных Штатов. Во главе ее были поставлены президент как верховный главнокомандующий и министр обороны. Только они получили право отдавать приказ на ведение военных действий. Был повышен статус объединенных командований за счет передачи им части административных функций. В послании к конгрессу президент Эйзенхауэр заявил: «...ведение военных действий самостоятельно сухопутными войсками, морскими и воздушными силами ушло навсегда. Если когда-либо мы будем участвовать в войне, мы будем должны использовать все компоненты, все виды вооруженных сил в едином сконцентрированном усилии. Подготовительная и административная деятельность уже в мирное время должна исходить из этого факта. Стратегическое и тактическое планирование должно быть полностью объединено, войска сведены в объединенные командования... управляться единым командующим и готовиться к военным действиям как единое целое, независимо от вида вооруженных сил»¹.

Наряду с объединенными командованиями стали создаваться и специальные командования для выполнения задач стратегического характера. Они формировались из соединений и частей одного вида вооруженных сил. Так, в 1950 г. специальным командованием стало стратегическое авиационное командование, на вооружении которого в тот период состояли все стратегические средства доставки ядерного оружия.

К началу 1960-х гг. оперативная организация вооруженных сил США приобрела следующие черты.

¹ Defense Documents on Establishment and Organization, 1944–1956 / Gale A.C., Goldberg A., Tucker S.A., Winnaker R.A. Wash., 1978. P. 175.

- Боевые объединения, соединения и части первого стратегического эшелона вошли в объединенные и специальные командования. Они были выведены из подчинения министерств видов вооруженных сил и переподчинены высшему военному руководству через Комитет начальников штабов (КНШ).
- Управление всеми боеготовыми силами и средствами перешло в ведение командующих объединенными и специальными командованиями.
- Расширение полномочий КНШ и его председателя не привело к превращению Комитета начальников штабов в генеральный штаб, так как ему не были предоставлены командные полномочия по отношению к командующим объединенными и специальными командованиями [102].

Реформой 1958 г. были уточнены зоны ответственности объединенных командований. Зона ответственности командования в Европейской зоне охватила Западную Европу, включая Великобританию и Ирландию, Средиземное море с прибрежными государствами и Ближний Восток, включая Иран, Персидский залив и Красное море. Кроме того, командующий административным Атлантическим флотом стал командующим американского объединенного командования в зоне Атлантического океана и командующим Атлантическим командованием НАТО [103].

Войска США, размещаемые по всему миру, требовали обеспечения не только в военное, но и в мирное время. В середине 1950-х гг. 1,4 млн американских военнослужащих находились за пределами Соединенных Штатов в 350 пунктах различных государств. Только для их снабжения требовалось перевозить ежегодно 4,1 млн т различных грузов¹. Выполнение этой задачи было возложено на военно-морскую транспортную и военную авиатранспортную службы. Кроме того, в каждом виде вооруженных сил существовали свои службы наземных перевозок.

Военно-морская транспортная служба осуществляла войсковые и коммерческие морские (океанские) перевозки. Она располагала специально построенными и переоборудованными

¹ Navy Times. 1955. 12 March.

транспортными судами большой грузоподъемности. Войсковые перевозки предусматривалось осуществлять соединениями и частями в полном составе, готовыми к высадке с боем. В составе конвоя личный состав и вооружение соединений и частей могли перевозиться на различных судах.

Военная авиатранспортная служба (ВАТС) использовалась в основном для переброски личного состава с оружием. На нее возлагалась также задача по выброске воздушных десантов, эвакуации больных и раненых, проведению поисково-спасательных и специальных операций, а также доставке предметов материально-технического обеспечения. Полностью транспортабельными по воздуху были только воздушно-десантные соединения. Авиационных средств для переброски бронетанковой техники не было. Ее к месту боев должны были доставлять другими транспортными средствами [104].

К концу 1950-х гг. американское военно-политическое руководство пришло к выводу, что имевшаяся система органов военного управления не отвечает требованиям ракетно-ядерной войны. Она не обеспечивала, по его мнению, быстрого реагирования на изменения военно-политической обстановки в различных регионах и мире в целом, непрерывности и надежности управления. Было решено усилить административное и оперативное управление вооруженными силами. Аппарат министра обороны был усилен в целях ужесточения контроля за министерствами видов вооруженных сил. В руках министра обороны были сосредоточены разведка, связь и снабжение, для чего были созданы соответствующие центральные управления. Причем управления разведки и связи, формально находившиеся в подчинении министра обороны, были переданы в ведение КНШ. Повысилась роль Комитета начальников штабов в планировании ядерной войны. В 1960 г. при нем было создано управление планирования стратегических целей. На него была возложена задача планирования использования стратегических и оперативно-тактических ядерных сил в начальный период войны. Для увязки планов использования ядерных сил на театрах военных действий при управлении были созданы группы представителей от объединенных командований США, а также от

НАТО. С 1963 г. в группу Североатлантического союза стали включаться европейские представители блока¹.

Принципиально новым в развитии оперативной организации американских вооруженных сил стала разработка в конце 1950-х — начале 1960-х гг. основ функционирования системы военного управления в условиях международных кризисов, так называемого кризисного управления. В 1959 г. по представлению министерства обороны началось создание новой системы управления, получившей название национальной системы военного управления (National Military Command System). «Она была рассчитана, — по свидетельству министра обороны США, — на круглосуточную работу и предназначалась для обеспечения руководства страны устойчивыми средствами стратегического управления вооруженными силами в любых условиях обстановки»².

Национальная система военного управления (НСВУ) была призвана объединить политическое и военное управление войсками. Она представляла собой систему командных центров и пунктов политического и высшего военного руководства. Головным органом НСВУ стал центр слежения за обстановкой при президенте США. В нем осуществлялся сбор и обобщение информации, поступающей от различных государственных и военных органов, по важнейшим событиям. В состав системы национального военного управления вошли также объединенный (военный) командный центр и постоянно действующие командные пункты в вооруженных силах.

В целях повышения устойчивости управления в рамках НСВУ были развернуты запасной командный центр и запасные воздушные командные пункты. Кроме того, в нее вошел созданный в середине 1950-х гг. плавучий запасной командный пункт. Объединенный командный центр (ОКЦ) размещается в здании министерства обороны и является незащищенным. Запасный командный центр располагался в подземном сооружении в форте Ричи (штат Мэриленд). Воздушные командные пункты (ВКП) базировались в основном на базе ВВС Эндрюс

¹ Военный зарубежник. 1963. № 12. С. 21.

² Department of Defense Annual Report for FY 1963. Wash., 1964. P. 12.

(штат Мэриленд). Плавающий запасной пункт был развернут на корабле, крейсировавшем у Атлантического побережья США. В 1970 г. он был расформирован, как не обеспечивавший необходимую безопасность в условиях выхода советского флота на океанские ТВД.

Национальная система военного управления опиралась на командные пункты видов вооруженных сил: оперативный центр сухопутных войск, оперативный командный пункт ВМС, командный пункт ВВС. Кроме того, НСВУ была связана с системами управления объединенных и специальных командований, а также с центром чрезвычайных действий морской пехоты.

В рамках подготовки к всеобщей ядерной войне американское командование постоянно разрабатывало сценарии ее проведения. В 1949 г. специальный комитет разработал для президента (доложен 23 января 1950 г.) доклад о возможностях США нанести поражение Советскому Союзу. В нем указывалось, что если с помощью новых тяжелых бомбардировщиков В-36 удастся сбросить на объекты в СССР 200 атомных бомб, то «в огромной степени будет осложнена жизнь 28 млн человек». Однако и при этом условии США все еще не хватало сил, чтобы уничтожить Советский Союз или помешать Советской Армии и союзникам захватить Европу и Азию. На основе этого доклада Комитет начальников штабов вооруженных сил США информировал руководство США, что «решающий удар», вероятно, невозможен до середины 1950-х гг. Тем самым успех в войне против СССР ставился в зависимость от создания таких носителей атомного оружия, которые могли бы проникать в глубинные районы Советского Союза и наносить одновременно массированные удары по промышленным и административно-политическим центрам СССР.

Имевшиеся на вооружении у США стратегические бомбардировщики В-29, В-50 и В-36 могли действовать на дальность 8000–10000 км. Но они по состоянию на начало 1950 г. не могли выполнить все задачи планируемого воздушного наступления. Кроме того, успех планируемого воздушного нападения зависел от живучести передовых баз, а они легко могли быть выведены противником из строя. Американские военно-воздушные силы по расчетам оперативного управления штаба ВВС США были

Дальний стратегический бомбардировщик В-36

также неспособны обеспечить имеющимися силами противовоздушную оборону территории США и Аляски¹. Встал вопрос о создании более перспективных носителей атомного и ядерного оружия.

Главное средство войны американские правящие круги видели в мощной стратегической авиации, способной наносить ядерные удары по глубокому тылу Советского Союза. При этом предполагалось, что воюющие державы или их коалиции, обладающие ядерным оружием, используют все имеющиеся средства, без каких-либо ограничений, в том числе и ядерное оружие. Военного превосходства американское руководство намеревалось достичь за счет принятия на вооружение водородного оружия, более мощного по сравнению с атомным, и оснащения сил, действующих на ТВД, тактическим ядерным оружием. Как отмечал известный американский политолог Г. Киссинджер, «приход к власти правительства Эйзенхауэра в 1953 г. ознаменовался принятием новой оборонительной политики, которая

¹ Beschloss M. Mayday. The U-2 Affair. N. Y., 1986. P. 236.

делала гораздо больший упор на ядерные силы — как стратегические, так и тактические» [105].

В рамках концепции «достаточных вооруженных сил» предпочтение в достижении победы во всеобщей ядерной войне отдавалось «воздушной мощи». Для этого разворачивался огромный флот реактивных стратегических бомбардировщиков. С принятием новой стратегии им была отдана пальма первенства в программе вооружений. На развитие военно-воздушных сил ассигновалась почти половина всех средств министерства обороны США. Бюджет распределялся следующим образом: около 46% — ВВС, около 28% — ВМС и примерно 23% — армии. Что касается ассигнований на приобретение новой техники, то эта разница еще более ощутима: ВВС получали около 60% отпускаемых средств, ВМС — около 30, а сухопутным войскам — всего около 10%. Бюджетные ассигнования на развитие и строительство ВВС росли с каждым годом. Если в начале 1950 г. они не превышали 8–9 млрд долларов, то в 1954 г. составили 11,5 млрд, а в 1956-м — 15,8 млрд долларов, тогда как ассигнования на сухопутные войска остались примерно на том же уровне (около 7,8 млрд долларов). В течение 1950–1955 гг. количество стратегических бомбардировщиков всех типов в составе стратегического авиационного командования (САК) было доведено до 1500 самолетов, из которых около 1000 находилось в боевых частях.

Еще в начале 1950-х гг. основным самолетом САК был шестидвигательный турбореактивный средний стратегический бомбардировщик В-47 «Стратоджет». Его первые образцы имели максимальную скорость 960 км/ч, практический потолок 12 500 м и дальность полета 8000 км. Этот бомбардировщик считался в то время высшим достижением самолетостроения, и командование САК США возлагало на него большие надежды по преодолению советской противовоздушной обороны, рассчитывая на его максимальную скорость и высоту полета. К началу 1955 г. почти все части и подразделения САК, имевшие ранее на вооружении самолеты В-29 и В-50, были перевооружены на самолеты В-47. В середине 1950-х гг. стратегическое авиационное командование США насчитывало всего 375 В-36 и уже 1200 В-47. Однако дальность полета этого самолета не да-

вала возможности при базировании его на аэродромах континентальной части США достигать объектов СССР, находящихся в глубоком тылу. Поэтому с 1954 г. устаревшие тяжелые бомбардировщики В-36 стали заменять реактивными тяжелыми бомбардировщиками В-52 с дальностью действия 16 тыс. км (в дальнейшем — 18 тыс. км) и скоростью 960 км/ч. В 1959 г. на вооружении уже было 500 В-52. Но вопрос о недостижимости внутренних районов Советского Союза оставался. Эту проблему пытались решать, с одной стороны, освоением дозаправки бомбардировщиков в воздухе, а с другой — созданием передовых, ближе к границам СССР баз.

Для однократной и многократной дозаправки топливом в воздухе на самолет-бомбардировщик устанавливалось специальное оборудование, а в составе стратегического авиационного командования был создан флот самолетов-топливозаправщиков (к 60-м гг. — до 1000 самолетов) на базе транспортных самолетов С-97 и «Боинг-707», получивших соответственно названия КС-97 и КС-135. В Великобритании для этой цели использовались переоборудованные бомбардировщики типа «Валиант».

Поскольку флот специальных самолетов-заправщиков, имевшихся в стратегическом авиационном командовании, из-за своей малочисленности не мог обеспечить одновременно дозаправку в воздухе всех бомбардировщиков, САК решило часть В-47 содержать в постоянной боевой готовности на своих передовых авиационных базах в Англии, Испании, Марокко, на Аляске и островах Тихого океана. Эта система дежурства на передовых авиабазах как составная часть концепции «передового базирования» получила условное наименование «ответные действия» («Рефлекс экшн»). Цель «ответных действий» состояла в том, чтобы обеспечить успех первого, внезапного ядерного удара по СССР. Американское командование полагало, что такое дежурство части сил стратегической авиации на передовых авиабазах, расположенных в непосредственной близости от СССР и других стран социалистического лагеря, дает возможность более быстрого, одновременного и массированного ее применения.

Составной частью стратегии «массированного возмездия» стала так называемая ядерная авиационная доктрина, в кото-

рой были пересмотрены не только принципы боевого использования, но и тактика действий различных родов авиации и ракет в условиях применения ядерного оружия¹. Она глаasila, что из всех видов вооруженных сил военно-воздушные силы обладают наибольшей способностью к ведению решительных боевых действий. Указывалось также, что ВВС являются основным военным средством, обеспечивающим захват инициативы и достижение решительных результатов в войне. Главное место среди родов авиации отводилось стратегическим бомбардировщикам как силе, способной в короткий срок нанести противнику невосполнимый или трудно восполнимый урон.

Вооруженная атомными, водородными, а если необходимо — бактериологическими и химическими бомбами, стратегическая авиация должна была стать силой, обеспечивающей Америке национальную безопасность, а точнее — оружием устрашения и запугивания народов других стран, основным средством политики «с позиции силы». Эти надежды на стратегическую авиацию основывались на способности стратегических бомбардировщиков того времени с достаточной степенью вероятности быстро достигать любой точки на территории любой страны, независимо от ее удаления от государственной границы, действовать в любое время суток, сравнительно неожиданно наносить мощные удары, применяя новые средства поражения большой разрушительной силы.

Особую роль стратегическая авиация должна была сыграть в начальном, решающем периоде ядерной войны. Первые удары по наиболее жизненно важным центрам военного и экономического потенциала противника предполагалось производить сугубо внезапно. Основными принципами применения стратегической авиации считались как раз внезапные и массированные действия. Но в отличие от 1940-х гг., когда все надежды возлагались только на стратегическую авиацию, теперь ей предстояло действовать в сочетании и во взаимодействии

¹ В США под «авиационной доктриной» понимались теоретические взгляды на особую роль и предназначение авиации в войне. Советская военная наука исходила из того, что в государстве существует единая военная доктрина, общая для всех видов вооруженных сил.

с другими родами авиации. Задачи, решаемые стратегической авиацией в этот период, изложил в то время командующий САК генерал Лимэй, сформулировав их так:

- первостепенной задачей является выигрыш воздушного сражения путем поражения жизненно важных объектов страны: в первую очередь — аэродромов базирования самолетов — носителей ядерного оружия, а также предприятий атомной промышленности; в дальнейшем — важнейших промышленных центров и коммуникаций;
- вторая задача состоит в систематическом и полном разрушении промышленных объектов и других источников мощи противника путем проведения координированных атак против большого количества заранее намеченных целей;
- третья задача — постоянная готовность к поддержке действий сухопутных войск.

С 1953 г., когда был взят курс на использование вооруженных сил США только в условиях применения ядерного оружия, была предпринята реорганизация сухопутных войск. В дивизиях перешли с полковой организации на меньшие по численности боевые части (так называемые боевые группы), способные вести бой самостоятельно. Это, по мнению американского командования, позволяло командиру дивизии создавать различные комбинации боевых порядков, соответствующих быстро меняющейся обстановке. Повышения огневой мощи дивизии предполагалось достичь введением в штат средств доставки ядерного оружия, а увеличения маневренности — оснащением дивизии значительным количеством воздушного и наземного транспорта.

В соответствии с этими взглядами была разработана пентомическая структура организации основных типов дивизий. Коренные изменения претерпела организационно-штатная структура пехотной и воздушно-десантной дивизии. В состав пехотной дивизии вошли пять боевых групп, которые стали основными тактическими единицами и самостоятельными в административном отношении частями. Обычная полевая артиллерия была сокращена с 72 до 42 стволов. Вместо них были введены средства доставки ядерного оружия — батареи

неуправляемых ракет «Онест Джон» и батарея 203,2-мм гаубиц. Была создана рота армейской авиации. Воздушно-десантная дивизия после ее перевода на пентомическую структуру стала полностью аэротранспортабельной. В дивизию была включена батарея «Онест Джон» [106].

После проведения полевых испытаний и учений было признано, что дивизия неспособна вести длительные боевые действия без применения ядерного оружия. В 1961 г. пентомическая организация была отменена и вновь введена троичная организация дивизий сухопутных войск.

Наиболее эффективной формой боевого применения стратегической авиации была признана воздушная операция по плану верховного командования. В операции мыслилось участие не только всех или большинства сил стратегической бомбардировочной авиации, но также тактической и палубной авиации, находящейся на театрах военных действий, причем «действия всех этих воздушных сил должны быть заранее запланированы и по времени, и по объектам».

Естественно, большое внимание уделялось передовым базам в европейских странах НАТО, с которых предстояло действовать носителям ядерного оружия. Главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО в Европе генерал Гюнтер в 1954 г. заявил: «Мы определили, что наша стратегия требует применения ядерного оружия независимо от того, будет ли оно применено противником или нет»¹. Такая стратегия предполагала однозначно: в случае военных действий в Европе ядерное оружие будет применено с самого начала. Между тем наличие у СССР атомного, а затем и (с 1953 г.) водородного оружия страшило лидеров западноевропейских держав. «Европа густо населена, — подчеркивал американский профессор Спаниер, — ее города расположены слишком близко один от другого, гражданские, военные, тактические и стратегические цели взаимно переплетаются. Ядерная война на суше была бы катастрофой для Европы, вероятно, означая конец европейской цивилизации»². Действительно, на учении НАТО «Карт Бланш», проведенном

¹ Цит. по: Красная звезда. 1993. 13 февр.

² Там же.

в 1955 г., условными ядерными ударами было «убито» 1,7 млн и «ранено» 3,5 млн человек, а число «пораженных радиацией» спрогнозировать попросту не было возможности [107]. Такие потери для малых стран (например, для Норвегии — 3,8 млн человек населения в 1955 г.) означали бы катастрофу.

Но американское военное командование беспокоилось главным образом за свои военные базы в Западной Европе. Успех стратегической авиации США зависел от живучести передовых баз, а они-то легко могли быть выведены противником из строя. Кроме того, с каждым годом возрастала уязвимость американских бомбардировщиков от средств советской системы ПВО, которая непрерывно совершенствовалась и представляла для них все большую угрозу, особенно при их следовании через огромные пространства к объектам в глубине советской территории. Преодолевать систему противовоздушной обороны, насыщенную радиолокационными средствами, оснащенную сверхзвуковыми истребителями и возрастающим числом зенитных ракет, становилось теоретически все более сложно. Да и время следования к объектам удара, измерявшееся часами, позволяло стороне, подвергшейся нападению, успеть принять эффективные меры противодействия и тем сорвать планы агрессоров. Все это ставило под сомнение успех внезапного массированного авиационного нападения. Неотвратимость же сокрушительного ответного удара представлялась несомненной.

В связи с этим американским военным ведомством предусматривалось создание весьма мощных ядерных сил, в которых, помимо стратегических бомбардировщиков, должны использоваться баллистические и крылатые ракеты. Ракеты большой и средней дальности привлекали американское военное руководство многими своими преимуществами перед самолетами. Баллистические ракеты, обладая огромной (1600 м/с) по тем временам скоростью, могли в считанные минуты поражать объекты в глубоком тылу противника и нести мощный ядерный заряд. Они были независимы от погоды и времени суток. Противовоздушная оборона страны, по которой наносились удары, не имела средств противодействия. Оснащенные автономными инерциальными системами управления, все компоненты ко-

торых размещались на их борту, ракеты не были подвержены воздействию помех противника.

Крылатые ракеты, несмотря на их приближение по скорости и высоте полета к самолету, тоже являлись перспективным оружием. Их стоимость по сравнению с самолетом была гораздо ниже, они меньше зависели от метеоусловий. Крылатые ракеты имели небольшие размеры, что затрудняло их обнаружение, особенно при действиях на малых высотах; могли запускаться с различных платформ (наземных, авиационных, корабельных). В силу этих возможностей при массовом использовании они представляли собой трудные цели для ПВО противника.

Кроме того, оба типа ракет не требовали дефицитного и дорогостоящего летного состава (подготовка одного американского летчика обходилась примерно в 730 тыс. долларов), а подвижные варианты их платформ для пуска были малоуязвимы. Ну а меньшая точность поражения цели с избытком перекрывалась мощностью ядерного заряда и позволяла действовать по обширнейшему перечню объектов: городам, аэродромам, полигонам, гидроузлам и пр.

Принятие новых носителей ядерного оружия отвечало также практике американского военного ведомства подсчитывать результаты военных действий. «По мере того, — писал американский военный теоретик Г. Кан, — как мы переходим в качестве основы наших стратегических сил от самолетов к ракетам, война становится более поддающейся расчету, чем раньше... Ракета является в первую очередь продуктом инженерного успеха. Ее главные параметры включают такие данные, как вероятное круговое отклонение, взрывная сила, надежность, уязвимость цели, точность в определении местонахождения цели. Суммарный эффект этих переменных величин может быть весьма точно выражен математической формулой... Так что военные кампании, которые по своему размаху не имеют прецедента в прошлом, становятся, по существу, проблемой прикладной математики» [97, р. 45108].

Для обеспечения этой программы в 1953 г. многочисленные научные советы и технические комитеты, занимавшиеся ракетным оружием военно-воздушных сил, были объединены в Комитет Неймана (по имени немецкого специалиста по ракетам Дж. фон

МБР «Атлас» закатывают в укрытие на базе ВВС

Неймана), который установил централизованный контроль над разработкой всех ракетных программ и получил статус консультативного органа при министре ВВС и министре обороны.

В 1954 г. министерство ВВС, отдел баллистических ракет и управление исследований и разработок при главном штабе ВВС, Комитет Неймана и инженерная корпорация «Рэмофолдриджд» начали совместную разработку межконтинентальной баллистической ракеты (МБР) «Атлас», контракт на которую получила фирма «Конвэйр». Первая МБР «Атлас» была испытана в 1958 г. В 1955 г. было начато выполнение программы МБР «Титан» и баллистической ракеты средней дальности «Тор» (соответственно — компании «Мартин Мариэтта» и «Дуглас Эйркрафт»). А в 1957-м фирма «Боинг» начала разработку МБР «Минитмен», которая, в отличие от предыдущих МБР, работала не на жидком, а на твердом топливе.

Управление специальных проектов при главном штабе ВМС занималось разработкой баллистических ракет «Поларис», предназначенных для применения с атомных подводных лодок. Контракт на эту систему получила фирма «Локхид Эйркрафт».

Продолжалась разработка ракетного оружия и в сухопутных войсках США. В 1954 г. на армейских исследовательских полигонах после экспериментальных пусков «Фау-2» уже были созданы и приняты на вооружение баллистические ракеты класса «земля — земля» — тактическая «Капрал» и оперативно-тактическая «Редстоун». Ракета «Капрал» с первоначальной дальностью (1951) 160 км, а затем (1953) 240 км разрабатывалась управлением артиллерийского снабжения армии США. Ракета «Редстоун» разрабатывалась под руководством В. Брауна в фирме «Крайслер». Здесь же была создана ракета средней дальности «Юпитер», которая в дальнейшем была передана в ведение ВВС.

Параллельно с работами над баллистическими ракетами широким фронтом велись разработки моделей крылатых ракет, которые в то время еще продолжали называть самолетами-снарядами. Крылатые ракеты, созданные на рубеже 1940–1950-х гг., — «Матадор», «Регулус», «Навахо» имели дальность полета несколько сот километров. Они должны были существенно дополнить удары стратегической авиации, а крылатая ракета «Снарк» (дальность — до 10 тыс. км) могла действовать уже прямо из США по территории СССР.

Однако у крылатых ракет того времени были и существенные недостатки. Прежде всего, малая техническая надежность, а также низкая точность поражения целей. Так, даже в 1963 г. надежность ракет «Атлас» и «Титан» составляла 70% (то есть из 100 запусков лишь 70 были удачными). Крупным недостатком, особенно ракет стратегического назначения, продолжала, как и в годы Второй мировой войны, оставаться их низкая точность. Увеличение же дальности полета требовало надежных систем управления, а радионавигационные, астроинерциальные и корреляционные системы управления не нашли широкого применения из-за их малой помехозащищенности и других недостатков. Используемые автономные инерциальные системы управления, установленные на борту самолета, не были подвержены воздействию помех, но с увеличением дальности полета при их применении возрастало круговое вероятное отклонение (КВО), то есть понижалась точность попадания в цель. У крылатых ракет КВО достигало 0,5% дальности вплоть до середины

1960-х гг. Это, в частности, явилось одной из причин снятия с вооружения крылатой ракеты «Снарк».

Широкое распространение инерциальные системы управления получили на баллистических ракетах большой и средней дальности, поскольку их мощный ядерный заряд обеспечивал поражение цели даже при значительном отклонении, а также на крылатых ракетах с дальностью порядка 1000 км («Матадор» — 960 км) и с КВО около 3 км. Таким образом, это поколение ракет, также как и оружие «Фау», могло действовать лишь по достаточно крупным целям с заранее известными координатами. Однако при сравнении с баллистическими ракетами той же дальности крылатые ракеты имели ряд преимуществ.

Они стоили намного дешевле, быстрее вводились в строй и обеспечивали значительные дальности полета при меньшем весе. А то, что крылатым ракетам могли противостоять средства ПВО, в те годы не считалось крупным недостатком. Полагалось, что при массированном применении крылатых ракет, оснащенных ядерными зарядами, и умелой тактике (как это было вначале с «Фау-1») даже небольшое количество крылатых ракет, преодолевших противовоздушную оборону противника, сможет выполнить задачу. В 1954 г. на вооружение ВВС и ВМС США поступили оперативно-тактические крылатые ракеты «Матадор» и «Регулус». Уже на учениях вооруженных сил США и НАТО в 1953–1956 гг. («Карт Бланш», «Уипсоу», «Темп», «Дивиденд», «Корона» и др.) широко отрабатывались способы их боевого применения.

Но до начала 1960-х гг. стратегическая авиация продолжала расцениваться в США как главная ударная сила в войне против СССР и его союзников. Для нее готовилась ядерная бомба. В ноябре 1952 г. США испытали наземное термоядерное устройство. Его тротиловый эквивалент (кодовое название «Майк») составлял 10,4 млн т. Но его еще нельзя было назвать бомбой, поскольку оно было слишком тяжелым для любого носителя ядерного оружия. В 1957 г. бомбардировщики В-47 были оснащены крылатой ракетой «Раскал» класса «воздух — земля» с дальностью действия 160 км и скоростью 1700 км/ч. Завершались работы по созданию крылатой ракеты «Хаунд Дог», которая обладала сверхзвуковой скоростью, оснащалась термоядерной боевой

частью и имела дальность полета 800–1000 км. Она предназначалась для вооружения бомбардировщиков В-52. Новая авиационная и ракетная техника, поступавшая на вооружение ВВС и других видов вооруженных сил, превращала авиационный «ядерный меч» в «ракетный меч».

В рамках оснащения вооруженных сил тактическим атомным оружием в 1951 г. были испытаны 12 атомных бомб малой мощности, предназначенных для использования непосредственно на поле боя, а в мае 1953-го — артиллерийский снаряд с ядерной «начинкой».

Успехи СССР в ракетостроении во второй половине 1950-х гг. были использованы американским министерством обороны для получения финансирования на ракеты средней дальности. В ходе лихорадочных поисков подходящего оружия выбор пал на ракеты средней дальности «Тор» и «Юпитер». Они разрабатывались для военно-воздушных сил США. Были приняты меры к скорейшему их вводу в строй. Однако потребовалась еще весьма длительная работа до принятия их на вооружение. Достаточно сказать, что ракета «Тор» начала разрабатываться в 1956 г., а 25 января 1957 г. состоялся первый, притом неудачный ее испытательный запуск. Только пятые по счету испытания в сентябре 1957 г. дали положительный результат. Тем не менее уже в конце года ракета была передана в серийное производство и в 1958 г. принята на вооружение. Поспешность эта была вызвана стремлением военного ведомства США как можно скорее привести «Тор» и «Юпитер» в боевую готовность и поставить на боевое дежурство в Западной Европе [108].

Правда, американское командование несколько беспокоил вопрос о том, что при размещении ракет средней дальности в странах Европы часть персонала ракетных баз, комплектуемая из европейцев, получит доступ к американским ракетно-ядерным секретам, но желание поскорее окружить Советский Союз ракетными позициями пересилило эти опасения. Одновременно было решено изучить возможность применения ракеты средней дальности, в частности «Юпитера», со специально оборудованных кораблей Второй мировой войны типа «Либерти». Для этого требовалось постоянно держать на борту, а то и производить прямо на корабле боль-

Стратегический бомбардировщик В-52 в полете

шое количество жидкого кислорода, служащего окислителем в двигателе ракеты. Кроме того, чтобы не быть уязвимым для подводных лодок, нужно было сохранить свободу маневра, особенно при подготовке к пуску ракеты, что было весьма затруднительным. Требовали совершенствования и система наведения ракет, и навигационная система корабля. В конце концов работа над «Юпитером» была прекращена, но совместная работа армии и ВМС над системой наведения ракет привела к созданию новых систем наведения, которые в последующем были использованы в ракетах, запускаемых с атомных подводных лодок.

Размещением ракет «Тор» и «Юпитер» (дальность действия — 3000 км и 3500 км) на европейских базах США преследовали две цели: поражать в случае войны объекты в СССР в кратчайшее время и с меньших расстояний, а следовательно, с большей точностью; рассредоточить средства ядерного нападения, чтобы отвлечь на них побольше советских ракет при ответном ударе, подставляя под него европейские страны НАТО.

Для Советского Союза, на который они были нацелены, этот вид оружия представлял собой стратегическую угрозу. В самом

деле, будучи запущены со стартовых позиций в Европе, ракеты могли за считанные минуты (8–12 минут) поразить объекты на Европейской части СССР и в других странах Варшавского Договора. «Тор» и «Юпитер» могли быть использованы только как оружие внезапного первого удара, для чего они как раз и предназначались. Иначе они сами становились мишенью. Ракеты размещались на незащищенных стартовых площадках и требовали длительной подготовки к пуску. Так, для подготовки к старту ракеты «Тор» требовалось не менее 20 минут. Ракетная эскадрилья (15 ракет) была рассредоточена на пяти стартовых позициях, каждая из которых имела три стартовые площадки. Как отмечал американский военный теоретик Р. Осгуд, эти ракеты были «фактически бесполезны для чего-либо другого, кроме как для первого удара». А следовательно, территории, где они дислоцировались, становились первоочередной целью для ответного удара подвергавшейся ядерному нападению стороны. То, что для американцев являлось стратегически «важной дугой» безопасности, для народов Западной Европы имело весьма опасные последствия.

Таким образом, Западная Европа все более превращалась в ядерный арсенал. Наряду с американскими ракетами и самолетами в ядерный «клуб» вошли еще две европейские капиталистические державы — Великобритания, имевшая ядерное, а затем, с 1957 г., и термоядерное оружие, и Франция, создавшая это оружие в 1960 г.

Но, как показали события, это было обоюдоострым оружием: Советский Союз ведь тоже не стоял на месте. Гонка вооружений была навязана СССР. Советское руководство было осведомлено о катастрофических последствиях использования атомного и ядерного оружия в военных действиях. Да и западная пропаганда, начиная с фултоновской речи Черчилля, всячески нагнетала обстановку вокруг СССР. С учетом катастрофы 1941 г., которую пережили все тогдашние советские лидеры, такая информация не могла пройти незамеченной.

Развитие советской военной науки определялось в основном опытом Великой Отечественной войны. Так, главнокомандующий Сухопутными войсками А.А. Гречко в середине 1950-х гг., опираясь именно на этот опыт, изложил возможный, по его

представлению, вариант советского контрнаступления в Европе. В нем присутствовали прорыв обороны, развитие успеха, форсирование с ходу Рейна, овладение на 6-й день Парижем и далее движение к Атлантическому океану [109]. Такое развитие событий в случае войны с учетом высоких боевых возможностей советских войск, особенно группировок, дислоцированных в странах Восточной Европы, не могло не беспокоить западноевропейские правительства и народы. Тем более что СССР в 1949 г. стал атомной державой, и в конце 1940-х гг. он обладал уже носителями атомной бомбы, способными поражать цели на всю глубину Западной Европы.

В ответ на ужесточение американской политики и создание Североатлантического альянса СССР с конца 1940-х гг. начал вновь увеличивать свои вооруженные силы. Советский Союз, сокративший в 1945–1948 гг. свои вооруженные силы с 11 365 до 2874 тыс. человек, с 1949 г. начал вновь их увеличивать [5, с. 32]. В 1952–1953 гг. завершилась полная моторизация и механизация Советской Армии, авиация была перевооружена реактивными самолетами, совершенствовался флот. В войска поступали новые образцы танков, зенитных орудий, радиолокационной техники, автоматического оружия [5, с. 41]. Происходившие изменения были нацелены на совершенствование боевых возможностей войск (сил) по сравнению со Второй мировой войной. Вооруженные силы готовились к ведению мировой войны с применением обычных вооружений.

В состав Сухопутных войск входили стрелковые, бронетанковые и механизированные войска, артиллерия, кавалерия и специальные войска (связи, химические, автомобильные, дорожные и др.). Кавалерийские соединения не получили развития и в 1954 г. были упразднены. Основным оперативным объединением Сухопутных войск являлась общевойсковая армия. Высшим общевойсковым тактическим соединением был стрелковый корпус. Основным общевойсковым тактическим соединением осталась дивизия. Благодаря ее насыщению танками, самоходными артиллерийскими установками она стала более подвижной. Быстро развивались части и подразделения противотанковой и реактивной артиллерии. На базе танковых армий создавались механизированные, в которые включались

две танковые и две механизированные дивизии. Танковые и механизированные корпуса периода Второй мировой войны были преобразованы в дивизии. К 1957 г. на базе стрелковых и механизированных дивизий были сформированы мотострелковые и танковые части. В 1958 г. в Сухопутных войсках был создан новый род войск — войска противовоздушной обороны [110, с. 54–55, 100–101].

К концу 1940-х гг. была создана новая система стрелкового оружия. Широкое распространение получили пистолет-пулеметы, улучшенные ручные и станковые пулеметы, рассчитанные на универсальный 7,62-мм патрон. Значительно возросли боевые и маневренные возможности артиллерии. Появились безоткатные противотанковые орудия. Дальнейшее развитие получило реактивное оружие. Установки БМ-14, БМ-24 и БМД-20 значительно превосходили знаменитые «катюши» времен Второй мировой войны. На вооружение стали поступать радиолокационные станции обнаружения и засечки наземных целей. Большое внимание уделялось маневренности артиллерии. 57-мм и 85-мм пушки стали оснащаться мотоциклетными моторами для передвижения на поле боя. Новые средства тяги позволяли обеспечивать передвижение даже тяжелых артиллерийских систем со скоростью 25–30 км/ч. Танк Т-34 сменил средний танк Т-54 со 100-мм пушкой.

Советская авиация к началу 1950-х гг. имела в основном тактические бомбардировщики, предназначенные для поддержки сухопутных войск на театрах военных действий. В такой обстановке советское руководство торопилось создать бомбардировщик дальнего действия. Это был самолет Ту-4. Всего с 1948 по 1952 г. было выпущено около 850 машин. Бомбардировщики, взлетая с баз на территории СССР и стран Восточной Европы, могли достигать целей в Западной Европе, на Ближнем Востоке и в Японии. Для того чтобы увеличить дальность их полета, уже в начале серийного производства Ту-4 было решено оборудовать самолеты системой дозаправки в воздухе. В июле 1949 г. была впервые осуществлена автоматическая дозаправка¹. Однако даже с дозаправкой эти самолеты не смогли бы действовать по целям

¹ Международная жизнь. 1993. № 12.

Советский стратегический бомбардировщик Ту-95

на территории США: топлива хватало только туда. Поэтому уже в 1948 г. КБ Туполева получило задание на постройку сверхтяжелого четырехмоторного бомбардировщика с дальностью полета, достаточной для возвращения на свои аэродромы. Кроме того, Ту-4 имел крупный недостаток. Это был поршневой (не реактивный) самолет со сравнительно малой скоростью. Он был легко уязвимой целью для ПВО противника. Уязвимость поршневой авиации, в частности В-29, наглядно показала война в Корее.

К концу 1950-х гг. советская авиация стала реактивной, всепогодной, ракетоносной, многоцелевой. Ракеты класса «воздух — поверхность» составили основу вооружения истребителей-бомбардировщиков и дальних бомбардировщиков. Самолеты-ракетоносцы обрели способность эффективно поражать стратегические объекты противника, не заходя в зону его противовоздушной обороны.

В 1953 г. была завершена реорганизация войск противовоздушной обороны. Были упразднены районы противовоздушной обороны и созданы оперативные объединения и оперативно-тактические соединения. Войска ПВО страны включали все

рода войск противовоздушной обороны. На их вооружении появились ракетноносные истребители-перехватчики, зенитные ракетные комплексы. Выросли дальность, высота и скорострельность зенитной артиллерии. Основной огневой мощи противовоздушной обороны страны стали зенитные ракетные войска [111].

Развернулись работы по созданию мощного океанского ракетно-ядерного флота. В его состав стали входить надводные и подводные силы флота, морская авиация, береговые ракетно-артиллерийские войска и морская пехота, а также суда вспомогательного флота, части специального назначения. Организационно Военно-Морской Флот (ВМФ) состоял из флотов, флотилий, эскадр, соединений и военно-морских баз. По мере поступления новых вооружений главной ударной силой ВМФ становились атомные подводные лодки-ракетоносцы и морская ракетноносная авиация. Неуклонно рос удельный вес подводного флота и морской авиации [112].

В то время стратегической концепции развития зарождающихся советских ядерных сил не существовало. И. Сталин поставил перед конструкторами задачу создать реактивные бомбардировщики-носители ядерного оружия средней и межконтинентальной дальности, и этим все ограничилось. В 1952 г. с успехом прошел испытания более совершенный реактивный бомбардировщик Ту-16, способный доставить ядерную бомбу весом 5 т. Самолет уверенно держал скорость 1000 км/ч и летал на дальность 4000 км. Высокая скорость и мощное оборонительное вооружение делали его грозным оружием в умелых руках. Целями возможных бомбардировок должны были стать стратегические объекты в тылу вероятного противника на континентальных театрах военных действий. Сталин распорядился пустить его в серийное производство, не дожидаясь конца испытаний. Война в Корее была в разгаре. Возможность применения американцами атомной бомбы против Китая была реальностью. Надо было показать, что при жесткой необходимости современная советская авиация донесет атомную бомбу до Великобритании и Франции. Приказ же в отношении создания громадного воздушного флота Ил-28 потерял актуальность, а со смертью Сталина перестал выполняться.

В конце 1953 г. руководство советских Вооруженных Сил приняло решение по возможным путям развития стратегических носителей ядерного оружия. Предлагалось строить межконтинентальные бомбардировщики, баллистические ракеты средней и межконтинентальной дальности и создавать подводный ракетноносный флот. По замыслу разработчиков, эти три компонента будущих стратегических ядерных сил Советского Союза могли с успехом дополнить друг друга, компенсируя в той или иной мере свойственные им недостатки.

На первомайском воздушном параде 1954 г. впервые был продемонстрирован новый советский реактивный тяжелый бомбардировщик с четырьмя реактивными двигателями, получивший название М-4. В 1955 г. на вооружение дальней авиации принимается бомбардировщик Ту-95. И Ту-95, и М-4 были способны нести не только атомные, но и водородные бомбы. Наконец у СССР появились средства доставки атомного оружия, которые в случае развязывания мировой войны могли нанести ядерные удары по стратегическим целям на территории США. Создатели М-4 готовили его как межконтинентальный бомбардировщик. Однако хотя по дальности он мог достичь американского континента, на возвращение на свои базы его возможностей не хватало. Дозаправка в воздухе в СССР в те годы еще не была освоена. Поэтому вопрос о том, считать ли М-4 межконтинентальным бомбардировщиком, был весьма проблематичным. Конструкторы полагали, что после нанесения ядерного удара по континентальной части США их бомбардировщик мог бы совершить посадку в нейтральной стране (например, в Мексике). Но советское правительство отвергло такой способ применения М-4, резонно указав его создателям, что в случае мировой войны рядом с США вряд ли окажутся нейтральные страны.

Советское военно-политическое руководство прекрасно знавало уязвимость тяжелых самолетов от огня средств противовоздушной обороны и прежде всего реактивных истребителей, которые непременно встретили бы бомбардировщики еще на подлете к континентальной части США. Поэтому массового строительства этих самолетов развертывать не стали. И все же советское руководство в 1955 г. решило «попугать» США бомбардировщиками Ту-95. На воздушном параде в Москве были

Головная часть и ракета Р-12. Пока отдельно

показаны буквально все имевшиеся в стране самолеты (менее 10) этого типа. Цель — убедить, что в СССР много Ту-95, способных нанести удар по США.

А тем временем продолжались работы в ракетостроении. Одновременно с разработкой ракеты Р-1 велись научные и экспериментальные работы над ракетой Р-2, дальность действия которой была рассчитана на 600 км. Ее конструкция значительно отличалась от Р-1, точность попадания в цель обеспечивалась системой радиокоррекции. Летные испытания этой ракеты начались в сентябре 1949 г. Важным отличием этой ракеты от предыдущей была реализация идеи Королева об отделении головной части от остального корпуса ракеты, чего не было в «Фау-2», и перенесение приборного отсека в нижнюю часть корпуса. В ноябре 1951 г. эта ракета также была принята на вооружение. Имея вес 20 т, она могла поражать объекты на расстоянии 600 км, а масса ее боевого заряда составляла 1008 кг [113]. В войсках огневые испытания Р-2 были проведены в 1952 г. под Лугой во время сборов командного состава ракетных частей.

Хотя ракетный комплекс Р-2 и отличался от Р-1, обеспечивая большую дальность действия, но и эта ракета все-таки не соответствовала требованиям современной войны. Громоздкий состав крупногабаритных агрегатов наземного оборудования, использование в качестве окислителя быстро испаряющегося жидкого кислорода затрудняли боевое применение комплекса, делали его малоподвижным и уязвимым для поражения противником. Нужно было искать более совершенные в техническом и боевом отношении образцы ракетного оружия. Поэтому в 1951 г. под руководством С.П. Королева начала разрабатываться новая ракета — Р-11, с двигателем, работающим на высококипящих компонентах (азотная кислота и керосин), новой автономной системой управления и более высоким по качеству наземным оборудованием. Она имела дальность 270 км, вес — 5,4 т, заряд — 353 кг. Ее подвижный вариант Р-11М представлял собой самоходную установку на гусеничном ходу. Точность попадания составляла 8x8 км. В дальнейшем ее вариант Р-11ФМ устанавливался на подводных лодках. Ракета Р-11 была принята на вооружение в 1956 г. Но еще в 1955 г. прошла испытания и начала поступать в войска баллистическая ракета Р-5 с дальностью полета 1200 км. Она (вес 29 т) могла нести 1000-килограммовый заряд и обладала повышенной точностью попадания за счет комбинированной системы управления (автономное и по радио).

Но главным достижением первой половины 1950-х гг. в советском ракетостроении стала ракета Р-5М — мобильный вариант Р-5. Этот комплекс явился первой в мире ракетой, несущей ядерный заряд на дальность 1200 км. И хотя все советские ракеты того времени, кроме Р-11 и Р-11М, были одноступенчатыми и имели жидкостно-реактивные двигатели (ЖРД) конструкции В.П. Глушко, это было, несомненно, новое слово в мировой ракетной технике. Если американцы в то время делали главный упор на совершенствование авиационных средств доставки ядерных и обычных боеприпасов к цели, то в СССР приоритетным направлением было развитие ракетного оружия оперативно-тактического, а затем и стратегического назначения.

Однако ракета Р-5 разрабатывалась только с неядерной головной частью. В связи с успехами ученых-атомщиков поста-

новлением Совета министров СССР № 674–292 от 10 апреля 1954 г. было решено создать ракету, способную нести ядерный заряд. Ею стала ракета Р-5М. 2 февраля 1956 г. были проведены зачетные испытания этой ракеты, оснащенной ядерным зарядом. Испытания прошли успешно. Постановлением СМ СССР № 842–464 от 21 июня 1956 г. ракета Р-5М с дальностью полета от 500 до 1200 км была принята на вооружение. К 1 августа 1956 г. было выпущено уже 30 ракет Р-5М, на 1957 г. заказано 80, на 1958-й — 100 ракет. В 1957–1958 гг. на ракету Р-5М были перевооружены практически все дивизионы инженерных бригад РВГК, в ВВС эту ракету осваивали 15 полков¹.

Согласно плану использования ракетных частей в случае военных действий, утвержденному в ноябре 1957 г., началось их перебазирование в приграничные районы. Два ракетных дивизиона 72-й инженерной бригады РВГК были размещены в декабре 1958 г. на территории ГДР². Такая дислокация позволяла нанести ракетно-ядерный удар на всю глубину Западного и Ближневосточного театра военных действий, где располагались основные группировки войск и военные базы США и стран НАТО.

Боевое применение частей с ракетами Р-5М в те годы планировалось по аналогии с неядерными комплексами Р-1 и Р-2 и предусматривалось для обеспечения действий сухопутных войск во фронтовых наступательных и оборонительных операциях. Это, конечно, не соответствовало требованиям к боевому применению частей ракет средней дальности (РСД), но в то время обуславливалось объективными факторами, а именно:

- огромным влиянием опыта Великой Отечественной войны;
- разработкой теории боевого применения РСД одновременно с освоением этого оружия в войсках;
- включением ракетных частей в различные виды вооруженных сил;
- строгой засекреченностью всей информации, относящейся к ракетно-ядерному оружию.

¹ Известия. 1994. 5 мая.

² Красная звезда. 1993. 13 февр.

Ракета средней дальности Р-12

С принятием на вооружение ракеты Р-12 (постановление СМ СССР № 238–106 от 4 марта 1959 г.) [5, с. 45] и успешными испытаниями ракеты Р-14 [5, с. 35] боевое применение ракет средней дальности стало планироваться по заранее выбранным целям со стационарных позиций. Согласно проекту наставления по боевому применению 1959 г. ракетные части уже не передавались в случае агрессии в оперативное подчинение фронтам, а использовались только по решению Верховного главнокомандования. Разработка для РСД шахтных пусковых установок отражала принципиально новый взгляд на их применение. Успехи Советского Союза в создании атомной бомбы, реактивной авиации, способной быть ее носителем, ракетных комплексов с ядерным зарядом позволили командованию Вооруженных Сил внедрять новые виды оружия в войска, проверять их эффективность и учить личный состав управлять ими и действовать в расчетных условиях атомной войны.

Знаменательным событием тех лет стало войсковое учение, состоявшееся в сентябре 1954 г. на Тоцком полигоне близ города Бузулук. Рельеф местности и плотность населения в этом районе были похожи на среднеевропейский¹. На учении отрабатыва-

¹ Международная жизнь. 1993. № 12.

лось наступление наших войск на Европейском театре военных действий. Причем атомной бомбе отводилась роль сверхмощного фугаса, «взламывающего» оборону войск НАТО, пробивающего в ней брешь, через которую должны были наступать танки и мотопехота. До начала взрыва войска, участвовавшие в учении, располагались в укрытиях не ближе 5–7 км от планируемого эпицентра взрыва. Руководящий состав Министерства обороны СССР, министры обороны ряда союзных стран, командующие войсками округов находились в 11 км от места сброса атомной бомбы на открытой местности, имея лишь светозащитные очки. Бомбардировщик Ту-4А в 9 часов 30 минут сбросил бомбу типа «РДС-3» над полигоном. Она взорвалась на высоте около 380 м. Очевидцы говорят, что земля как будто качнулась и ушла из-под ног. Раздался адский грохот и треск (это прошла ударная воздушная волна), и над полигоном вырос ослепительно яркий атомный гриб. Через 5 минут был дан отбой атомной тревоги. Началась мощнейшая артиллерийская подготовка наступления, а бомбардировочная и истребительная авиация (самолеты Ил-28 и МиГ-15бис) нанесли бомбовый удар по укреплениям «противника».

Передовые части наступающих войск выдвинулись к району взрыва через 2,5 часа. Атакующие подразделения в средствах защиты прошли в 500–600 м от эпицентра, получив дозу облучения 0,02–0,03 рентгена, а в танках в 4–5 раз меньше. Конечно, труднее всех пришлось тем пехотинцам, которые после окончания артподготовки и нанесения бомбовых ударов шли вслед за танками через эпицентр атомного взрыва. Участник учений рассказывал: «Я оказался в эпицентре уже через полчаса после взрыва. Земля превратилась в шлак и была как бы взбита. Везде догорали пожары, взлетали и падали птицы с обожженными крыльями. Многие подопытные животные сгорели заживо, немало было раненых коров, овец, лошадей. Здесь я воочию убедился, сколь антигуманно это оружие»¹. К вечеру прозвучал сигнал отбоя.

Через несколько дней после учений в «Правде» появилось короткое сообщение ТАСС: «В соответствии с планом научно-

¹ Международная жизнь. 1993. № 12.

исследовательских работ в Советском Союзе произведено испытание одного из видов атомного оружия. Получены ценные результаты, которые помогут успешно решать задачи по защите от атомного нападения». В дальнейшем выявились более тяжкие последствия радиационного облучения и радиоактивного заражения местности, отчего пострадало местное население.

С появлением в СССР носителей атомного оружия — ракет и самолетов — советские Вооруженные Силы вступили в новый этап своего развития. Боевые возможности сухопутных войск ВВС и ВМФ резко повышались. Но необходимо было качественно перевооружить войска ПВО, потому что те средства борьбы с воздушным противником, которые использовались в годы Второй мировой войны и в первые послевоенные годы, были уже непригодны для борьбы со скоростной, оснащенной аппаратурой радиоразведки и помех американской и английской реактивной авиацией. В предвидении возможного массированного воздушного нападения с применением ядерных боеприпасов, советское правительство принимало энергичные меры к тому, чтобы усилить противовоздушную оборону, повысить ее боевые возможности, сделать ее непреодолимой для средств воздушного нападения вероятного противника.

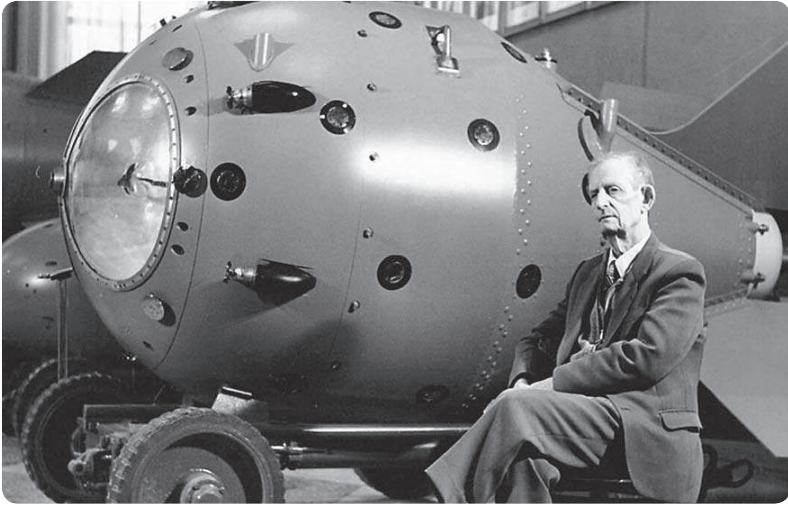
Развитие войск ПВО шло по многим направлениям. В СССР появились реактивные истребители-перехватчики, радиоуправляемые зенитные орудия, новые радиолокационные и радиотехнические средства, испытывались и принимались на вооружение зенитные ракеты, новейшие средства радиоэлектронной борьбы, шла интенсивная подготовка к автоматизации средств управления различными системами оружия противовоздушной обороны. Перевооружение шло не без трудностей [114]. Только после 1947 г. начался выпуск МиГ-15, которому суждено было сыграть особую роль в воздушных боях в войне в Корее.

Работам над зенитными ракетами советское правительство придавало большое значение. В условиях, когда холодная война набирала силу, требовалась мощная противовоздушная оборона, способная надежно противостоять воздушному нападению вероятного противника. В первую очередь необходимо было защитить от воздушных ударов хотя бы основные жизненно важные административно-политические центры и военно-

промышленные объекты страны. И тогда решено было создать систему противовоздушной обороны Москвы, основанную на управляемых зенитных ракетах. В августе 1950 г. Совет министров СССР принял постановление о создании вокруг Москвы кольца зенитно-ракетной обороны. Перед НИИ-88 была поставлена задача довести «Вассерфаль» до такого уровня, чтобы на ее базе создать эффективную управляемую зенитную ракету. Проблемами управления занимался НИИ-885.

Однако дела с «Вассерфалем» шли плохо. Это имело свои причины. Во-первых, немецкие ракетчики в разработке «Фау-2» и «Фау-1» преуспели гораздо больше, чем в работах над зенитными ракетами, поскольку проблемы управления последними были гораздо сложнее, чем ракетами класса «земля — земля». Во-вторых, советские руководители проектов зенитных ракет в 1940-х гг. не пользовались в своих коллективах таким непрекаемым авторитетом, как создатели Р-1 и Р-2 и других ракет класса «земля — земля». К концу 1940-х гг. работы не пошли дальше стадии чертежей ЗУР, очень напоминавшей «Вассерфаль». В итоге разработка трофейных ЗУР была прекращена, а созданием советских зенитных ракет занялось КБ-1. И в 1953 г. ЗУР конструкции С. Лавочкина успешно прошли испытания на полигоне в Капустином Яре.

Велись также интенсивные работы по созданию первого в СССР зенитного ракетного комплекса С-25 «Беркут». Первый пуск этой зенитной ракеты С-25 был произведен 25 июля 1951 г. В октябре того же года под Москвой начались испытания опытного образца радиолокационной станции наведения этих ракет. До лета 54-го на полигоне в Капустином Яре проводились интенсивные контрольные стрельбы по самолетам Ил-28 и Ту-4 с целью оценить эффективность и определить зоны поражения ЗУР. Потом система была представлена на государственные испытания. С 25 июня 1954 по 1 апреля 1955 г. создатели С-25 осуществили 69 пусков ракеты. 21 апреля экзамен держал штатный армейский полк. Стрельбы прошли успешно. И в мае 1955 г. первая отечественная зенитная ракетная система поступила на вооружение войск ПВО страны. Зенитные ракетные комплексы С-25 образовали два кольца вокруг Москвы. Система позволяла одновременно обстреливать до 20 целей на высоте от 3 до 25 км.

Ю.Б. Харитон и его творение — первая советская атомная бомба «РДС-1»

Москва была защищена от возможного воздушного нападения. Но воздушное пространство остальной территории СССР по-прежнему охранялось истребительной авиацией и системами зенитной артиллерии. Эти средства могли надежно защищать небо Советского Союза от массированного нападения только поршневых стратегических бомбардировщиков и реактивной авиации первых моделей (В-36), но они не могли бороться со скоростными (1000 км/ч) и высотными (16–17 тыс. м) целями. Кроме того, уязвимым местом советской ПВО были слабо оснащенные радиотехнические войска (радиолокационные станции), особенно в северных районах страны.

В январе 1957 г. начались полигонные испытания зенитного ракетного комплекса (ЗРК) С-75 «Двина». Он состоял из радиолокационной станции наведения, двухступенчатых зенитных управляемых ракет (стартовый двигатель на твердом топливе, маршевый — на жидком), шести пусковых установок, бортового оборудования и средств электропитания. Технические ха-

рактические и особенности конструкции комплекса позволяли осуществлять его свертывание за 4 часа, а развертывание и настройку за 4–5 часов. Скорость передвижения его на марше по дорогам — до 20 км/ч. Этот ЗРК перекрывал возможности имевшихся на тот период самолетов на Западе и даже перспективных средств воздушного нападения, о которых сообщалось в иностранной печати. Эффективность С-75 была очень высока. Уничтожались цели, идущие со скоростью 1500 км в час на высоте 22 тыс. м. В течение 10 минут один дивизион уничтожал до пяти целей, идущих с интервалом в 1,5–2 минуты. На сбитый самолет уходило 2–3 ракеты. Такими характеристиками не обладала в то время ни одна зенитная артиллерийская система.

В ноябре 1957 г. «Двина» поступила в войска. Вскоре появились его модификации «Десна» и «Волхов», а в 1961 г. — ЗРК «Нева», позволявший уничтожить цели на встречных курсах на высотах от 200 м до 10 км на дальности от 6 до 10 км — при скоростях полета цели до 1500 км/ч. Это серьезно понижало боевые возможности американских самолетов.

В начале 1950-х гг. продолжилась гонка по созданию оружия, которое можно было противопоставить средству устрашения. И в этом советские ученые, создав принципиально новое ядерное оружие, опередили американских. Термоядерный взрыв являлся первым, но не единственным в серии испытаний 1953 г. В том же году испытывались и новые типы атомных бомб. Проведенные серии взрывов являлись очень существенным фактором в преодолении американской монополии.

Следующий крупный шаг был сделан в октябре 1954 г. Были проведены воздушные испытания модифицированной бомбы РДС-3 «И», снабженной системой внешнего нейтронного инициирования, которые показали, что ее эквивалентная мощность возросла до 60 кт. В СССР началось серийное производство атомных бомб. К тому времени бомбардировщик-носитель Ту-16 уже выпускался крупными сериями (в 1954 г. произведено 70, в 1956-м — 300; всего к 1960 г. было выпущено 1000 машин).

В Советском Союзе велись работы по созданию тактического ядерного оружия. Вес первой отечественной тактической авиабомбы равнялся 1 т, а ее габариты выбирались в соответствии с техническими данными фронтового бомбардировщика Ил-28.

Этот первый отечественный реактивный бомбардировщик стал самым массовым. Было изготовлено около 6 тыс. машин. Значительное уменьшение размеров новой бомбы потребовало от создателей атомного оружия громадного объема экспериментов. На завершающий этап коллектив ядерного центра вышел к лету 1953 г. Сброс бомбы с Ил-28 был произведен 23 августа того же года.

Таким образом, в сжатые сроки был создан малогабаритный, но огромной мощности (эквивалент 30 кт тротила) ядерный заряд, который поступил на вооружение тактической авиации. Серийное изготовление новой бомбы началось в следующем году, она была нежно названа «Татьяной». В дальнейшем ее ядерный заряд был использован в боевой части стратегической ракеты Р-5М. На основе конструктивных принципов, утвердившихся при разработке «Татьяны», было создано и в 1954 г. успешно испытано целое семейство тактических бомб меньшей мощности¹.

После проведения в 1953 г. испытания водородной бомбы, так называемой сахаровской слойки, начались работы над новым вариантом термоядерного боеприпаса. Совет министров и ЦК КПСС в связи с этим выпустили два постановления. Одно из них обязывало Министерство среднего машиностроения в 1954–1955 гг. разработать и испытать новое изделие. Другое постановление обязывало ракетчиков разработать под этот заряд межконтинентальную баллистическую ракету. Это предопределило работу всей огромной конструкторско-производственной организации на долгие годы [115]. В ноябре 1955 г. было произведено испытание водородной бомбы нового образца, результат оказался ошеломляющим. Все прочие варианты были перечеркнуты. В создании водородной бомбы СССР шел своей, никем не проторенной дорогой и получил лучшие результаты, чем американцы.

Вот как описал картину после взрыва термоядерной бомбы один из участников испытаний: «Зрелище было величественное и вместе с тем страшное. Столб пыли диаметром в несколько километров поднимался высоко в небо. Опытное поле находилось в темноте, солнечные лучи не могли проникнуть сквозь

¹ См.: Международная жизнь. 1993. № 12. С. 53.

пыль. В вышине расплзлось серо-коричневое ядовитое по виду облако. Взрыв был такой силы, что металлические трубы приборных сооружений, находившиеся в радиусе 600–1800 м, оказались погнутыми. Разрушения подопытных сооружений и зданий были огромны. Специально поставленный в 500 м от эпицентра бетонный куб на бетонной же основе был сорван и отброшен на значительное расстояние. Над опытным полем из столба поднятой пыли вырастал огромный пышущий жаром гриб, поднимавшийся к небу. В его верхней части перемешивались раскаленные массы газа. Снизу, с земли, к нему тянулся черный столб; на верху гриба вокруг шляпки появилось белое кольцевидное облачко. Через некоторое время гриб начал терять форму и медленно опускаться» [116]. Присутствующие как зачарованные смотрели на это зрелище. Все виденное значительно отличалось от первых атомных взрывов.

С середины 1950-х гг. вооруженные силы СССР вступили в новый этап развития. Авиация была оснащена межконтинентальными бомбардировщиками, в массовом масштабе в войсках внедрялось ракетно-ядерное оружие. Советский Союз вступал в ракетно-ядерную эру. По ряду военно-стратегических показателей он опережал Соединенные Штаты. Советское политическое руководство стало ярким сторонником быстреего принятия на вооружение советских вооруженных сил стратегического ракетно-ядерного оружия. Ему пришлось преодолевать недоверие и даже сопротивление высшего командного состава Советской Армии и Флота, которое с предупреждением относилось к ракетам. Иногда полемика по этому вопросу приобретала открытый характер. В ходе визита Булганина и Хрущева в Великобританию в апреле 1956 г. Хрущев не уставал повторять, что наступила эра ракет, и называл самолеты и корабли «летающими и плавающими гробами». В результате основные средства стали направляться на развитие ракетно-ядерного оружия. Тем более что создание нового класса баллистических ракет открывало дорогу в космос. Получение преимуществ в этой сфере давало значительный пропагандистский эффект.

К середине 1950-х гг. Советский Союз располагал только ракетами средней дальности. Нужна же была межконтинентальная ракета (МКР), способная поражать объекты в Север-

ной Америке на расстоянии от 8000 и более километров. Кроме того, она должна была нести достаточно мощный ядерный заряд. Создание такой ракеты началось еще в 1953 г. Она получила название Р-7. Именно эта ракета вывела на орбиту первый искусственный спутник Земли в 1957 г. и космический корабль с Юрием Гагариным на борту в 1961 г. [117].

Для испытания Р-7 в пустыне Казахстана, близ станции Тюратам, был открыт в начале 1957 г. новый ракетный полигон, вошедший позднее в историю под названием Байконур. Выбор места определялся рядом обстоятельств. Весь маршрут полета ракеты должен был проходить над территорией Советского Союза. Чтобы он не вышел за пределы СССР, пришлось пускать ракеты на дальность не 8000, а 6314 км, чтобы ракета упала на Камчатке, а не в Тихом океане. Вдоль трассы полета были установлены четыре измерительных пункта: Сарышаган, Енисейск, Усурийск, Елизово. Было изготовлено несколько опытных ракет Р-7, каждая из которых имела свой номер.

15 мая 1957 г. ракета № 5 стартовала, но неудачно. Управляемый полет длился 98 секунд. Затем на ракете начался пожар одного из двигателей, и на 103-й секунде ее по команде с земли ликвидировали. Неудачно прошли и два последующих пуска: 6 июня и 12 июля. Только 19 августа ракетчики добились значительного успеха: ракета достигла заданного района. Но боеголовка не упала на землю. Она сгорела за 20 секунд до поражения цели. Тем не менее 27 августа ТАСС сообщило о создании в СССР межконтинентальной баллистической ракеты и ее успешном испытании. В сообщении особо подчеркивалось, что теперь Вооруженные Силы Советского Союза способны достичь любой точки Земного шара, не используя авиации, которая уязвима для средств противовоздушной обороны. В том сообщении говорилось также об успешном завершении серии испытаний ядерных и термоядерных зарядов [118].

Очередное испытание — 7 сентября 1957 г. — показало, что головная часть снова разрушилась, не долетев до земли, перелет ее осколков относительно точки прицеливания не превышал 3 км, а отклонение — 1 км. Необходимо было довести Р-7 до такой кондиции, чтобы боеголовка точно поражала цель. Но это требовало времени. И тогда было решено, чтобы заполнить

паузу и не нервировать политическое руководство, которого волновал не только военный, но и пропагандистский эффект, осуществить запуски искусственных спутников Земли (ИСЗ). Спутник не требовал приземления в точно заданном месте земной поверхности, мощность ракеты была достаточной, чтобы забросить в космос на орбиту с апогеем до 1000 км аппарат весом до 80 кг. Так Советский Союз вплотную подошел к запуску ИСЗ, опередив американцев в важнейшей области научно-технического прогресса — овладении космосом.

В развитии стратегических ядерных сил СССР 1959 г. можно смело считать этапным. В этом году в западных районах страны развертывается массовое строительство ракетных комплексов с баллистическими ракетами средней дальности Р-12 и Р-5М, способных наносить ядерные удары по объектам, удаленным до 2000 км от места старта. Заканчивается постановка на боевое дежурство первого комплекса с межконтинентальными ракетами Р-7. Военно-морской флот получает первую дизельную подводную лодку океанской зоны проекта 629 с тремя баллистическими ракетами Р-13 на борту. Годом позже в боевой состав Северного флота вошла первая атомная подводная лодка проекта 658 с таким же числом ракет.

Крупных успехов в тот период СССР достиг и в соревнованиях с США по испытаниям ядерных зарядов. В сентябре 1955 г. вступил в строй новый советский ядерный полигон на Новой Земле. 21 сентября того года там был произведен первый в Советском Союзе подводный ядерный взрыв. Полигон был приспособлен и для ядерных испытаний в атмосфере. Но и американцы вели напряженные ядерные испытания, причем с несколько большей интенсивностью, чем СССР. Так, в 1958 г. США произвели около 80 ядерных взрывов, а СССР — 72. Рекорд по мощности взорванного заряда также принадлежал Соединенным Штатам: 15 мегатонн (атолл Бикини, 1954 г.). Советский Союз предложил в январе 1960 г. прекратить испытания атомного и водородного оружия и заявил о своей готовности не возобновлять их. Но в январе 1961 г. США продолжили ядерные испытания. Тогда Советский Союз прервал мораторий и начал подготовку к новой серии ядерных взрывов. Наиболее мощные были проведены в октябре 1961 г. Термоядерная бомба большой мощ-

ности — 30 мегатонн — была взорвана в воздухе 23 октября. Эффект был впечатляющим: в зоне поражения были огромные разрушения, пострадали некоторые жилые дома и казармы в северной части Новоземельского архипелага (люди были заранее эвакуированы). В те же дни были произведены подводный и надводный взрывы, но гораздо меньшей мощности. Все испытания прошли удачно¹.

Сразу же начали готовить испытания «супербомбы». Были приняты все меры предосторожности. Рано утром 30 октября самолет-носитель Ту-95 поднялся в воздух. К его фюзеляжу снизу на специальном креплении была подвешена «супербомба» мощностью 58 мегатонн (в бомбовый отсек она не поместилась). Самолет вышел в заданный район на высоте 12 км. Взрыв был запрограммирован на высоте 5–6 км. Чтобы уменьшить воздействие светового импульса, Ту-95 был окрашен специальной краской в белый цвет. В 8:30 «супербомба», сброшенная на специальном парашюте, достигла заданной высоты, и произошел взрыв.

Вот как описывал свои впечатления участник этих испытаний: «Почти неожиданно для себя мы увидели яркую световую вспышку. И несмотря на большое расстояние от места взрыва (250 км), были буквально ослеплены. Скоро мы почувствовали жар, словно рядом кто-то открыл заслонку мощной огнедышащей печи. Тепловое воздействие было намного сильнее, чем то, которое пришлось испытать нам 23 октября.

Клокочущий огненный шар быстро поднимался вверх. Он рос на глазах. Внутри его несколько секунд продолжались вспышки. Небольшой туман, окутавший в то утро Белушье и Рогачево, тотчас испарился. Так же мгновенно прервалась связь с кораблями, зонами, материком, самолетом-носителем и даже с Ил-14, с борта которого взрыв наблюдали министр Славский и маршал Москаленко. Нарушение связи отмечалось и после других взрывов ядерных бомб, но такого внезапного и продолжительного (более часа) ранее не бывало.

Огненный шар «разбухал», поднимаясь ввысь. Но из-за гор в районе Маточкина Шара вырастал, принимая гигантские раз-

¹ См.: Военно-исторический журнал. 1993. № 3. С. 75.

меры, столб пыли. Он как бы пытался воссоединиться с раскаленным шаром, однако расстояние между ними быстро увеличивалось. Шар с ядерным облаком, по оценке специалистов, поднялся до высоты 70 км. Облако унеслось, как и пылевой столб, на север, что, соответственно, и прогнозировалось учеными. Через несколько минут до нас докатилась ударная волна, а чуть раньше — сейсмическая. Мы почувствовали, как под ногами, словно живая, задрожала земля. Несколько позднее раздались сильные громоподобные раскаты взрыва, а затем мы услышали звуки, отраженные от новоземельских гор. Вскоре по телефону стали поступать донесения о результатах взрыва. Спустя час восстановилась и радиосвязь. С самолета-носителя сообщили, что задачу выполнили, повреждений не имеют, но их «здорово тряхнуло»¹.

Взрыв «супербомбы» был виден на островах Вайгач и Колгуев и на северном побережье материка. На Диксоне (в 700 км от места взрыва) отчетливо ощущалась ударная волна, в некоторых домах были разбиты оконные стекла.

Появление современных вооружений (межконтинентальные баллистические ракеты, атомные подводные лодки-ракетоносцы, зенитные ракетные комплексы, стратегические бомбардировщики и т.д.), требующих небольшого, но высококвалифицированного персонала для их обслуживания, позволило советскому правительству пойти на сокращение очень больших и дорогостоящих сухопутных войск. В 1955 г. СССР сократил численность своих вооруженных сил на 640 тыс. человек, в 1956 г. — еще на 1 млн 200 тыс., в 1957 г. — на 300 тыс. человек. Были расформированы 63 дивизии и бригады, часть военных училищ, 375 кораблей поставлено на консервацию. Всего же в 1955–1958 гг. советские вооруженные силы уменьшились на 2140 тыс. человек, и в их составе осталось 3623 тыс. человек. 15 января 1960 г. Верховный Совет СССР по представлению Хрущева одобрил сокращение еще на 1 млн 200 тыс. человек. В 1955 г. Советский Союз отказался от единственной военно-морской базы на иностранной территории — Порккала-Удд в Финляндии. Советские воинские части

¹ См.: Военно-исторический журнал. 1993. № 3. С. 75, 76.

были выведены из Порт-Артура (КНР), а также из Австрии [110, с. 112].

Сокращение советских сухопутных сил привело к определенному дисбалансу в соотношении сил на Европейском театре военных действий. Группировка НАТО не только не сокращалась, но и оснащалась тактическим ядерным оружием. Кроме того, ускорились военно-политическое объединение стран Западной Европы. Для определенной компенсации этого дисбаланса была создана Организация Варшавского договора (ОВД). Договор был подписан 14 мая 1955 г. Албанией, Болгарией, Венгрией, ГДР, Польшей, Румынией, Советским Союзом и Чехословакией в Варшаве. Вступил в силу 5 июня 1955 г. после передачи ратификационных грамот всеми участниками Варшавского Договора (ВД) на хранение правительству Польской Народной Республики. Срок действия ВД был определен в 20 лет. Поскольку не было заявлений о его денонсации (расторжении), он был продлен на следующие 10 лет. Албания с 1962 г. в работе ОВД не участвовала и в сентябре 1968 г. в одностороннем порядке денонсировала Договор.

Договору предшествовало совещание представителей восьми европейских социалистических государств 11 мая 1955 г. в Варшаве. В качестве наблюдателя на совещании был также представитель от КНР. Делегаты констатировали, что обстановка в Европе изменилась. Западные государства ратифицировали Парижские соглашения 1954 г., предусматривавшие образование Западноевропейского союза, происходит ремилитаризация Западной Германии и включение ее в НАТО. В создавшейся обстановке была признана недостаточной организация совместной обороны, основанная на двусторонних договорах о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, которые были заключены в 1943–1949 гг. СССР и восточноевропейскими странами. Заключение Варшавского договора дополнило двусторонние договоры о политическом и военном сотрудничестве социалистических государств.

Организация Варшавского Договора, в отличие от военного блока НАТО, строилась сразу как военно-политическая структура. Варшавский договор содержал положения, которых не было в двусторонних межгосударственных договорах: о политиче-

ских консультативных органах, о создании Объединенных вооруженных сил и Объединенного командования, о системе консультаций и др. Варшавский договор состоял из преамбулы и 11 статей. В преамбуле Договаривающиеся Стороны провозгласили, что они намерены принять необходимые меры для обеспечения своей безопасности и в интересах поддержания мира в Европе подтвердили свое стремление к созданию системы коллективной безопасности в Европе, основанной на участии в ней всех европейских государств, независимо от их общественного и государственного строя. Участники Договора обязались не принимать участия в каких-либо коалициях или союзах и не заключать никаких соглашений, цели которых противоречат целям ВД. Статья 4 гласила: «В случае вооруженного нападения в Европе на одно или несколько государств — участников Договора со стороны какого-либо государства или группы государств, каждое государство — участник Договора в порядке осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону, в соответствии со статьей 51 Устава Организации Объединенных Наций, окажет государству или государствам, подвергшимся такому нападению, немедленную помощь, индивидуально и по соглашению с другими государствами — участниками Договора, всеми средствами, какие представляются ему необходимыми, включая применение вооруженной силы. Государства — участники Договора будут немедленно консультироваться относительно совместных мер, которые необходимо предпринять в целях восстановления и поддержания международного мира и безопасности».

В целях осуществления консультаций, предусмотренных Варшавским договором, и для рассмотрения вопросов, возникающих в процессе его выполнения, был создан Политический Консультативный Комитет (ПКК). Было также учреждено Объединенное командование вооруженными силами, выделенными по соглашению между сторонами в ведение этого командования (ст. 5). В ПКК, как высшем политическом органе ВД, были представлены все участники Договора. В его совещаниях участвовали генеральные и первые секретари ЦК коммунистических и рабочих партий, главы правительств стран — участниц ВД и другие официальные лица. Деятельность ПКК строилась на принципе равного пред-

ставительства и полного равноправия всех его участников. На совещаниях ПКК обсуждались важнейшие внешнеполитические вопросы, коллективно вырабатывались решения по международным вопросам, затрагивающим интересы всех участников Договора, рассматривались важнейшие проблемы, связанные с укреплением обороноспособности и выполнением обязательств по совместной обороне стран — участниц ВД. Совещания ПКК проводились по мере необходимости.

Военная организация участников Варшавского договора включала: Комитет министров обороны (КМО), Объединенные вооруженные силы (ОВС), Объединенное командование (ОК). Для руководства деятельностью ОВС наряду с ОК были созданы: Военный совет ОВС, Штаб Объединенных вооруженных сил, Технический комитет (ТК) и другие органы управления. Под Объединенными вооруженными силами понимались силы и средства, предназначенные (согласно договоренности участников ВД) для совместных действий, и совместные военные органы. Военный совет ОВС рассматривал вопросы состояния и совершенствования Объединенных вооруженных сил, их боевой и оперативной подготовки. Председателем Военного совета являлся главнокомандующий ОВС. В Штабе Объединенных вооруженных сил работали генералы, адмиралы и офицеры всех союзных армий участников Варшавского договора. Местом пребывания Штаба ОВС был город Москва. Главнокомандующий, начальник Штаба ОВС и начальник Технического комитета ОВС назначались по взаимному согласованию правительствами стран ВД. Объединенное командование действовало на основе совместно выработанных принципов.

В рамках Организации ВД осуществлялись многообразные формы и методы военного сотрудничества. Большое значение придавалось совместным учениям, проводимым по планам ОК. Наиболее крупными совместными учениями были: «Квартет» (1963), «Октябрьский штурм» (1965), «Влтава» (1966), «Родопы» (1967), «Шумава» (1968), «Север» (1968), «Неман» (1968), «Одра — Ниса» (1969), «Братство по оружию» (1970), «Щит-72» (1972) и другие.

С начала 1950-х гг. начала формироваться концепция присутствия советского военно-морского флота в Мировом океане.

С 1956 г. подводные лодки Северного и Тихоокеанского флотов стали совершать походы на полную автономность. Они выходили за пределы операционных зон флотов в целях освоения районов боевой деятельности ВМС вероятного противника. Постепенно складывался замысел оперативного применения сил флота в районах Мирового океана.

В 1958 г. была создана первая военно-морская группировка передового базирования, когда с Балтики в Средиземное море (албанский залив Влера) была переведена бригада из 12 подводных лодок. Там же был оборудован пункт временного базирования с необходимой береговой инфраструктурой. Группировка действовала в непосредственной близости от района арабо-израильского конфликта и вела постоянное наблюдение за кораблями 6-го оперативного флота США и ВМС Израиля. Но в 1962 г. из-за идеологических разногласий политического руководства Албании и Советского Союза пункт базирования во Влере был утерян.

* * *

Стратегия «массированного возмездия», базировавшаяся на внезапном ударе стратегической авиации и предполагавшая преимущества США перед СССР в средствах доставки (свыше 1500 стратегических бомбардировщиков В-47 и В-52), оказалась несостоятельной. Советский Союз не пошел по пути «зеркального» ответа Соединенным Штатам на их стратегию «массированного возмездия», а сделал ставку на ракетное оружие, стратегическая же авиация стала дополнительным средством воздушно-космических сил СССР.

Запуск баллистических ракет в СССР показал, что неуязвимость территории США отошла в безвозвратное прошлое, а стратегическая авиация как средство доставки ядерных бомб к цели потеряла свое бывшее первостепенное значение. В случае внезапного нападения на СССР силами стратегической авиации ответный ракетно-ядерный удар настигал агрессора раньше, чем его бомбардировщики подлетали к цели.

Действительно, испытания первых советских межконтинентальных ракет, запуск искусственных спутников Земли — все говорило о том, что в Союзе появились мощные, принципиаль-

но новые средства вооруженной борьбы. А это означало, что вынашиваемый США план воздушно-ядерной войны против СССР не сможет быть выполнен безнаказанно: агрессор тотчас получит сокрушающий ответный ракетно-ядерный удар.

2.4. Балансирование на грани войны

Советское руководство, понимая уязвимость страны от атомного нападения, с конца 1947 г. вело активную пропагандистскую кампанию по предотвращению войны. О реальной возможности избежать войны говорилось в Декларации совещания коммунистических партий 1947 г. [119]. В 1948 г. Сталин, отвечая на письмо кандидата на пост президента США Г. Уоллеса, писал: «Правительство СССР считает, что, несмотря на различие экономических систем и идеологий, сосуществование этих систем и мирное урегулирование разногласий между СССР и США не только возможны, но и, безусловно, необходимы в интересах всеобщего мира»¹. И призывы советской пропаганды нашли отклик в мировом сообществе. Во многих странах Запада возросло влияние сил, борющихся за мир, против атомной войны. Так, инициированное Советским Союзом Стокгольмское воззвание (1950), которое призывало запретить ядерное оружие и признать преступным любое правительство, применившее его первым, подписали 14 млн французов, 17 млн итальянцев, 1 млн англичан, 2 млн американцев, 3 млн японцев.

В Корее еще продолжалась война, но в политике льды холодной войны уже начали подтаивать. Этому способствовали три обстоятельства. Президентом США осенью 1952 г. был избран Д. Эйзенхауэр. В марте 1953 г. умер И.В. Сталин. В том же году стала очевидной бесперспективность продолжения корейской авантюры. Появились надежды на потепление международного климата. Летом 1953 г. на Корейском полуострове было заключено перемирие. В 1954 г. прекратилась французская интервенция во Вьетнаме, в 1955 г. в Вене был подписан государственный договор четырех держав — СССР, США, Великобритании и Фран-

¹ Правда. 1948. 18 мая.

ции с Австрией. Страна стала независимой, демократической, нейтральной. Из нее были выведены оккупационные войска великих держав. Еще раньше Черчилль, бывший в 1951–1954 гг. премьером Великобритании, предложил возобновить «встречи в верхах». После появления в СССР атомной бомбы он уже не призывал к войне против Советского Союза, а наоборот, ратовал за созыв руководителей четырех великих держав. К этому склонялось и новое американское руководство.

Неудачи американцев в попытке «отбросить коммунизм» на Корейском полуострове сказались и на позиции официального Вашингтона. Новое американское руководство, анализируя опыт войны в Корее, вынуждено было признать провал этой стратегии. Действительно, военная машина США столкнулась на Корейском полуострове не с «главным противником» — СССР, а с вооруженными силами КНДР и КНР и после трех лет войны оказалась на том же рубеже, с которого началась война. Американские военные теоретики расценивали этот факт как безусловный провал США.

Война в Корее оказала большое влияние и на внутреннюю обстановку в Соединенных Штатах. Принесла немалые прибыли военно-промышленному комплексу, она усугубила инфляционные процессы в стране, привела к существенному дефициту в государственном бюджете. Значительные потери (157 530 убитыми и ранеными) вызвали всеобщее недовольство внешней политикой администрации Трумэна. Обещание Эйзенхауэра положить конец войне в Корее оказалось решающим фактором, обеспечившим его победу на президентских выборах в 1952 г.

Итогом этих изменений в международной обстановке стало совещание в верхах, которое состоялось в июле 1955 г. в Женеве. Советскую делегацию возглавляли премьер-министр СССР Н.А. Булганин и председатель Президиума ЦК КПСС Н.С. Хрущев. США представлял президент Д. Эйзенхауэр, Великобританию — сменивший Черчилля премьер-министр А. Идеи, Францию — премьер Э.Фор. Впервые после 1945 г. главы правительств великих держав собрались вместе для обсуждения важнейших вопросов войны и мира. Советское правительство предложило осуществить программу разоружения, предусматривающую сокращение как обычных, так и ядерных воору-

Дуайт Дэвид Эйзенхауэр

жений. Предполагалось ограничить численность вооруженных сил для СССР, США и Китая до 1–1,5 млн человек, а для Великобритании и Франции — до 650 тыс. человек.

В те годы отсутствовал механизм контроля за разоружением, а в условиях взаимного недоверия эта проблема представляла огромную сложность. Национальные средства контроля сторон были еще далеки от совершенства, чтобы обеспечить надежное наблюдение за ходом разоружения партнера по соглашению. Для того чтобы как-то преодолеть это препятствие, делегация Советского Союза предложила создать международный орган, обладающий правом требовать от правительства документацию об уровне военных расходов, иметь на согласованной основе в портах, на железнодорожных узлах и авиабазах посты, укомплектованные личным составом от заинтересованных государств. Однако представители Запада сочли этот проект недостаточно эффективным.

Президент Эйзенхауэр выдвинул план «открытого неба». План предусматривал наблюдение за военной техникой других стран с воздуха путем фото- и радиоэлектронного контроля. Принятие такого плана значительно повышало возможности контроля США за вооружениями. Они уже освоили тактику воз-

Самолет-разведчик U-2

душной радиотехнической и фоторазведки и летом 1955 г. имели почти готовый к вводу в строй военный самолет-разведчик U-2, недостижимый для средств ПВО. Для СССР «открытое небо» означало раскрыть для американских и иных западных специалистов главные секреты программ создания своих стратегических вооружений. И это предлагалось сделать в обстановке продолжающейся холодной войны, в то время когда в международной политике господствовал блоковый конфронтационный менталитет, а переговоры о нормализации отношений и разоружении носили второстепенный, часто лишь пропагандистский характер. Поэтому Хрущев, прекрасно зная, что в Советском Союзе все работы по созданию стратегического оружия велись в глубине страны, в районах, доступ в которые был закрыт для всех, кто не участвовал в данных программах, отверг план «открытого неба». Договориться о контроле над вооружениями в Женеве не удалось. Но несмотря на разногласия, все же была создана обстановка диалога между СССР и западными держа-

вами, и уже это во многом способствовало потеплению международной атмосферы.

В 1955 — начале 1956 г., казалось, наступило некоторое улучшение международной обстановки. 24 июня 1956 г. в Москве состоялся очередной парад в честь Дня воздушного флота СССР. На него были приглашены 28 иностранных военно-авиационных делегаций, в том числе и американская, возглавляемая начальником штаба ВВС США генералом Н. Туайнингом. Иностранным делегациям, находившимся на правительственной трибуне вместе с членами Президиума ЦК КПСС, и многочисленным зрителям были продемонстрированы новейшие реактивные истребители, созданные в конструкторском бюро известных советских конструкторов: А.С. Яковлева, А.И. Микояна, П.О. Сухого. Было показано семь новых образцов, имевшихся в тот период лишь в количестве нескольких экземпляров.

После парада во второй половине того же дня в Центральном Доме Советской Армии министром обороны Г.К. Жуковым был устроен большой прием. После приема все присутствовавшие на нем члены Президиума ЦК КПСС во главе с Н.С. Хрущевым, главы американской, английской и французской делегаций и послы этих стран, а также ведущие авиаконструкторы приняли участие в ужине. Хрущев произнес один из своих затяжных тостов «в защиту мира» и обратился к генералу Туайнингу. «Сегодня мы показали вам свою авиацию. Хотите посмотреть наши ракеты?» «Да», — следует быстрый ответ. «Так мы вам их не покажем, — продолжал Хрущев под хохот присутствующих. — Сначала покажите свои самолеты и прекратите засылать в наше воздушное пространство нарушителей. Непрошенных гостей мы будем сбивать». Инцидент постарались загладить в последующие дни русским гостеприимством при поездке по стране. 1 июля, в день отлета делегаций, Н. Туайнинга подчеркнуто торжественно провожали высшие военачальники Советского Союза [97].

Но у раздражения Хрущева были весьма веские основания так выступить. Сразу же по окончании Второй мировой войны начались нарушения советских границ американскими самолетами-разведчиками. Они использовались для контроля передвижения советских войск и разведки хода разработки новой военной техники.

Так, в апреле 1946 г., когда Советский Союз выводил свои войска из иранского Азербайджана, США стремились держать ход вывода под «своим контролем». 5 апреля того года два американских самолета нарушили советско-иранскую границу в районе Астара и вторглись в воздушное пространство СССР на 6 км. Советское правительство по дипломатическим каналам направило ноту протеста посольству США в Москве. В прессе обеих стран о случившемся не сообщалось, чтобы не возбуждать общественное мнение по поводу недружественного акта в период, когда союзнические отношения еще не прерывались.

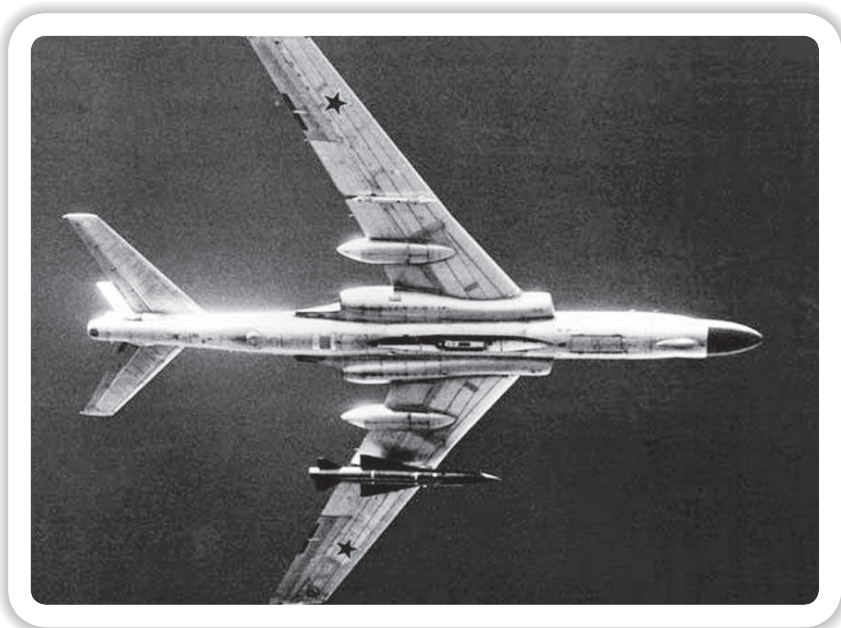
Но нарушения советских границ продолжались и в последующие годы. 25 февраля 1947 г. было отмечено нарушение советской границы близ острова Ратманова (Берингов пролив), 23 декабря того же года — в районе Чукотского полуострова. Советские протесты по этим случаям возымели действие. Американским разведывательным самолетам было рекомендовано в зависимости от начертания границ СССР и стран Восточной Европы не приближаться к ним, соответственно, на 3, 12, 20 и даже 50 миль от берегов или границ социалистического лагеря¹.

В 1950-х гг. в СССР шла активная разработка новой военной техники. С 1953 г. успешно испытывались зенитные ракеты по самолетам, летающим на высоте 7 км. В 1955 г. на вооружение ПВО Советской Армии поступил зенитный комплекс С-25, способный поражать цели на высоте 18 км. В 1954 г. на воздушном параде в Москве демонстрировался межконтинентальный бомбардировщик М-4. В июле 1955 г. впервые был продемонстрирован на параде в Тушине новый межконтинентальный бомбардировщик Ту-95. В странах НАТО считали, что в СССР развернуто массовое производство двух стратегических бомбардировщиков Ту-16 («Бэджер») и Ту-95 («Биар») — аналоги В-47 и В-52. Появились новые советские истребители-перехватчики, радиолокационные станции обнаружения воздушных целей и наведения истребителей на цель, на Запад просачивались сведения об интенсивных работах СССР над программами создания ракет стратегического назначения.

¹ *Lashmar P. Spycraft of the Cold War. Gloucestershire, 1998. P. 46.*

В середине 1950-х гг. у американского руководства, естественно, стали возникать вопросы по состоянию и перспективам разработок в Советском Союзе различных видов новейшего вооружения; что является приоритетным: ракеты или бомбардировщики, насколько развита и надежна советская система ПВО. Знание возможностей противовоздушной обороны СССР было крайне необходимо для успешных действий американской стратегической авиации в случае глобальной ядерной войны. Поэтому разведка советских ПВО и ВВС, ВМФ, а также атомных заводов и ракетных полигонов становилась приоритетной задачей разведывательных органов США и ряда других стран НАТО. Кроме традиционных средств (агентура, аэрофоторазведка, промышленный шпионаж и др.), новые условия высокой насыщенности флотов и армий радиоэлектронной аппаратурой требовали организации и систематического ведения радиотехнической разведки для контроля за работой радиолокационной сети обнаружения воздушных целей, испытательных полигонов различного назначения (атомных, ракетных, морских, авиационных) и других важных объектов. Тогда-то и начались интенсивные разведывательные полеты у границ СССР с целью сбора необходимых данных. Журнал «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт» пишет: «Как показывают документы и интервью участников событий, с 1950 г. до конца 1960-х гг. Соединенные Штаты произвели более чем 10 тыс. и, может быть, до 20 тыс. шпионских полетов вдоль границ Советского Союза и Китая в целях выявления сил и средств системы ПВО... Их задачей было установить дислокацию и расположение радиолокационных станций в советских приграничных районах. Из-за режима секретности, до сих пор соблюдаемого ВВС, ВМФ, ЦРУ и Агентством национальной безопасности — организаций, которые играли ключевую роль в воздушном шпионаже, — точное количество разведывательных полетов, возможно, никогда не будет выяснено» [5, р. 33–34].

Соответственно, ужесточалась и советская реакция. Уже в течение 1949 г. и в начале 1950 г. разведывательные самолеты США сопровождалась советскими истребителями-перехватчиками. Они не сбивали американских разведчиков, но демонстрировали готовность к этому. Так, 22 октября 1949 г. два истребителя Ла-7 совершили четыре захода на RB-29 над

Стратегический бомбардировщик Ту-16

территориальными водами СССР и дали предупредительные пулеметные очереди, показывая нарушителю необходимость покинуть опасный для него район. Американская пресса не преминула возмутиться враждебными действиями советских истребителей против «безоружных самолетов» [105; 6, April 12]. Надо сказать, что аналогичной деятельностью занимались и разведывательные организации Советского Союза, но с меньшей агрессивностью. Военные корабли и рыболовные траулеры, самолеты и океанские лайнеры, оборудованные специальной аппаратурой, вели радиоэлектронную разведку системы ПВО американского континента, исследовательских центров и полигонов, где испытывалась авиационная и ракетная техника, станций обнаружения и разведки.

Интенсивная разведывательная деятельность американской авиации в приграничном воздушном пространстве СССР началась в 1949 г., одновременно с принятием плана «Дропшот»,

и определялась специальной директивой КНШ. В препроводительной записке к этой директиве, направленной в штаб стратегического авиационного командования ВВС США за подписью начальника разведки ВВС, говорится:

«1. Комитет начальников штабов отдал распоряжение видам вооруженных сил приступить к осуществлению «агрессивной» программы ведения разведки с целью получения максимума сведений об электронном вооружении иностранных государств.

2. Опыт показывает, что наиболее эффективным методом сбора разведывательных данных является воздушная разведка.

3. В результате проведенных двух конференций — одна между представителями стратегического авиационного командования и штаба ВВС США, другая между начальниками заинтересованных подразделений штаба ВВС — была разработана программа по сосредоточению усилий электронной разведки.

4. Прилагаемая директива информирует Командующего стратегическим командованием о силах и средствах, которые должны быть выведены для осуществления этой программы, и содержит указания и требования, необходимые для наиболее успешного выполнения поставленной задачи.

Рекомендация:

5. Заместителю начальника штаба — начальнику оперативного управления изучить, подписать и разослать соответствующим инстанциям прилагаемую директиву.

*С.П. Кейбелл, генерал-майор ВВС США, начальник разведки
3 июня 1949 г.» [105].*

Выполнение этой директивы привело в последующие годы к интенсивным полетам разведывательных самолетов вдоль границ Советского Союза, нередко с вторжением в его воздушное пространство.

Особое место в разведывательной деятельности США занимала радиолокационная и радиоэлектронная разведка в связи с насыщением автоматикой систем управления оружием. Так называемая радиоэлектронная война продолжается и по настоящее время¹. Американские самолеты-разведчики часто

¹ Popular Science. 1961. January. P. 68–69.

умышленно нарушали воздушное пространство СССР, чтобы заставить работать как можно больше советских радиолокационных станций и выявить возможности радиолокационной сети приграничных районов СССР. Для этого была разработана специальная тактика действий воздушных разведчиков в зависимости от типа разведывательного самолета. С самолета RB-47, который шел с крейсерской скоростью 850–900 км на высоте 12 300 м, горизонт отстоял более чем на 320 км. Таким образом, этот самолет мог безнаказанно летать вдоль границ Советского Союза и изучать работу радиолокаторов, расположенных на территории России на удалении 320 км. В ходе выполнения задания могли делаться ложные маневры в сторону советской границы, чтобы заставить включить дополнительные советские радиолокаторы [5, р. 46]. Обычно самолеты-разведчики летели ниже горизонта видимости РЛС, затем у границ СССР резко набирали высоту.

Естественно, в Советском Союзе военно-политическое руководство, активно участвовавшее в Великой Отечественной войне, а также организации, связанные с обороной страны, с первых дней появления воздушных разведчиков у границ страны остро реагировали на полеты американских самолетов. Неоднократно направлялись ноты протеста, не имевшие, как правило, положительного результата. С 1950 г. начался перехват самолетов-разведчиков с целью принуждения их к посадке на советской территории или уничтожения. За время с 1950 по 1970 г., по американским данным, по меньшей мере 252 американских летчика были сбиты в ходе шпионских воздушных операций, из них 24 погибли, 90 остались в живых, а судьба 138 авиаторов не выяснена до сих пор [5, р. 33–34].

Первой жертвой тайной воздушной войны стал самолет RB-29, сбитый советскими истребителями над Балтийским морем в районе города Лиепая. Вот как описывается этот эпизод в советских документах:

«Из журнала нарушений государственной границы от 8 апреля 1950 года.

8.04 в 17:30 нарушение границы южнее Лиепая. Американский самолет В-29 углубился на территорию СССР на 21 км. Требованию наших истребителей следовать за ними не подчинился

и открыл огонь. После ответного огня ведущего истребителя самолет повернул в сторону моря и скрылся»¹.

А вот рапорт об этом бое ведущего группы истребителей-перехватчиков (были подняты две пары истребителей Ла-11), командира звена командиру части: «Будучи в дежурном звене в первой готовности, в 17:22 получил команду на взлет. После взлета принял команду набрать высоту 4000 м и взять курс 360 градусов... В 17:30 встретил четырехмоторный самолет с американскими опознавательными знаками южнее Лиепая на 8 км, который шел курсом 135 градусов. Увидев самолет, я парой подошел к нему справа сзади и передал второй паре — старшего лейтенанта Герасимова — принудить нарушителя к посадке. Герасимов вышел вперед и, делая глубокое покачивание, развернулся влево. Нарушитель взял курс 270 градусов — и в море, за парой старшего лейтенанта Герасимова, не пошел. Тогда я дал предупредительную очередь — 12 снарядов. Нарушитель стал вести огонь по мне. Ведомый лейтенант Тезяев, видя это, дал по нарушителю очередь, который пошел с большим снижением и вошел в облака на Н — 500 м. Предположительно самолет упал в 5–10 км от берега»².

И в Советском Союзе, и в США этому инциденту было уделено немало внимания. В середине апреля военно-морской министр СССР И. С. Юмашев докладывал заместителю Председателя Совета министров СССР Булганину о мерах, принимаемых командованием ВМФ по поиску сбитого самолета, следующее: «После гибели 8 апреля американского самолета В-29 американцы предприняли активные меры по его поиску, обследовав Балтийское море между островами Готланд и Борнхольм. Поиск указанного самолета в течение нескольких дней большим количеством самолетов дает основание полагать, что погибший самолет имел для американцев особую ценность. Не исключена возможность нахождения на самолете важных секретных документов и ценного секретного оборудования. Учитывая указанные обстоятельства, полагаю целесообразным провести поиск затонувшего американского самолета и подъем его с целью

¹ Цит. по: Красная звезда. 1993. 13 февр.

² Там же.

изъятия документов и секретного оборудования, если таковые будут обнаружены... Для поиска затонувшего самолета будет произведено обследование водолазами одновременно с двух водолазных станций предполагаемого места падения самолета... При неудовлетворительном результате водолазного обследования будет проведено траление придонным тралом и поиск металлоискателями в районе предполагаемого падения самолета... В случае обнаружения затонувшего самолета будет произведено обследование его на грунте с целью изъятия и подъема на поверхность в первую очередь документов и ценного оборудования, а затем и самого самолета...» [120]. Остается добавить, что поиски положительных результатов не принесли ни в 1950 г., ни в более поздние периоды, включая конец 1990-х гг.

Однако тогда, в 1950 г., американское командование поняло, что с ПВО СССР шутить опасно, надо быть осторожнее. 5 мая 1950 г. Комитет начальников штабов (КНШ) сформулировал цели и порядок проведения воздушных разведывательных операций. Главный упор делался на радиотехническую разведку, которая должна была выявить количество и возможности по обнаружению воздушных целей советскими РЛС. Генерал О. Брэдли, в то время председатель КНШ, предложил назвать эти операции «проектом воздушной электронной разведки» (ПВЭР) и поставил разведке ВВС задачу: «добывать максимум сведений об электронных средствах противника». Был определен и порядок проведения этих операций: не приближаться ближе, чем на 20 миль к территории СССР или контролируемым им странам; самолеты-разведчики, как правило, не должны иметь какое-либо вооружение [97, р. 45]. Так начались полеты самолетов радиотехнической разведки ВВС США, продолжавшиеся много лет.

В ходе выполнения разведывательных воздушных операций было немало драматических инцидентов, схваток в воздухе, сбитых самолетов-разведчиков. Однако не всегда воздушные схватки заканчивались победой советской стороны. 4 сентября 1950 г. в нейтральных водах Японского моря, у берегов Северной Кореи, истребителями ВМС США был сбит советский бомбардировщик. Два члена экипажа погибли сразу, третий, лейтенант Геннадий Мишин, был подобран американцами, но скончался от ран. Его останки были переданы в СССР в 1956 г.

18 ноября 1952 г. в районе мыса Гамова на Дальнем Востоке произошел настоящий бой между американскими палубными истребителями с авианосца ВМС США, находившимися в 100 км от советского побережья, и советскими истребителями МиГ-15 5-го военно-морского флота ВМС СССР. В донесении говорилось: «В 14 часов 17 минут была обнаружена группа неизвестных самолетов южнее мыса Гамова. В 14 часов 38 минут эта группа самолетов начала движение курсом на север, в сторону нашей территории. В 14 часов 48 минут командир авиазвена капитан Беляков доложил с воздуха, что два самолета заходят в хвост и что вступаем с ними в бой. После этого связь с истребителями прекратилась. Как установлено, воздушный бой произошел на высоте 8 тыс. м над морем в 30–35 км от побережья мыса Гамова и в 10–15 км от нашей морской границы. Из четырех истребителей на аэродром возвратился один, который во время боя оторвался от своих самолетов. Другой истребитель вследствие отказа двигателя упал в море в районе мыса Льва и в воздушном бою не участвовал. Летчик погиб. Остальные два самолета предположительно сбиты американцами»¹. Это подтвердили впоследствии и американцы. Правда, и американский самолет, предположительно Р-2 («Нептун»), по американским данным, не вернулся на свою базу.

В 1952 г. американцы потеряли два RB-29 вместе с экипажами [5, р. 32]. Наиболее известным случаем в 1952 г. была катастрофа самолета RB-29, вылетевшего с авиабазы Иокота в Японии 13 июня в 10.07 по японскому времени; с ним была потеряна связь, когда по докладу экипажа самолет находился над Японским морем близ советских берегов. После этого RB-29 исчез. Посольство США в Москве направило запрос советскому правительству о возможности наличия в СССР каких-либо сведений о пропавшем самолете, но не получило ответа. Развивать эту щекотливую тему правительство США не стало. В Токио было передано, что госдепартамент не проводил специального расследования, а родственникам сообщили, что самолет пропал без вести. Позднее стало известно, что 25 июня в донесении с Дальнего Востока в Москву указывалось, что 13 июня

¹ Цит. по: Известия. 1994. 5 янв.

в 180 км от Владивостока был обнаружен американский самолет RB-29, который был сбит советским истребителем МиГ-15 над советскими территориальными водами Японского моря южнее Владивостока¹.

Как видно из анализа инцидентов, главной задачей американских самолетов у границ СССР была разведка радиолокационной сети советских войск ПВО. Выполняя разведывательные задания, самолеты-разведчики на Дальнем Востоке действовали с аэродромов Аляски (Айэльсон, Эльмендорф) и из Японии. Их интересовали районы Владивостока, Хабаровска, Сахалина, Советской Гавани. Дальневосточные районы Советского Союза интересовали американское командование, прежде всего, потому, что здесь границы СССР и США (Аляска) вплотную подходили друг к другу. В связи с этим оно стремилось получить данные не только о радиолокационных станциях, но и советских аэродромах на Чукотке и Камчатке, откуда могли взлетать советские бомбардировщики — как поршневым Ту-4, так и реактивный Ил-28. С июля 1953 г. разведывательные полеты над Сибирью начали выполняться новыми реактивными самолетами RB-47 на высоте порядка 14 тыс. м. Они фотографировали аэродромы. Советские истребители ПВО, вылетавшие им на перехват, не могли долго держаться на такой высоте и, как правило, их не доставали. RB-29 и RB-50, обладая большой дальностью действия, но меньшей скоростью и высотой, вели разведку вдоль советских границ на севере.

Если на Дальнем Востоке при проведении разведывательных полетов американским самолетам постоянно приходилось иметь дело с противодействием советских истребителей ПВО, то на северных границах СССР дело обстояло по-другому. Разведчики ВВС США, действовавшие в начале 1950-х гг. в районе советского Заполярья, обнаруживали немногочисленные радиолокационные посты на северных рубежах СССР, расположенные на большом удалении друг от друга. Это наводило командование ВВС США на мысль, что именно северный маршрут является кратчайшим путем, выводящим в жизненно важные районы Советского Союза, и будет наиболее благоприятным

¹ US News and World Report, 1993. March 15. P. 43.

для действия стратегических бомбардировщиков в случае возникновения третьей мировой войны.

Генерал Гудпейстер, военный советник президента Эйзенхауэра, считал, что отсутствие советских РЛС на огромных просторах северной Сибири, вплоть до полюса, является наиболее важной оперативной информацией в случае вступления США в конфликт с СССР. «Это было одним из важнейших секретов холодной войны, — отмечал один из руководителей электронной разведки США. — Мы могли предпринять воздушное нападение стратегическими бомбардировщиками через Северный полюс, и русские не имели возможности узнать об этом» [5, р. 43]. Только во второй половине 1950-х гг. началось строительство сети советских РЛС дальнего обнаружения в северных районах Сибири. Однако, как считали в США, ее эффективность на пространстве между Мурманском и Чукоткой была невелика.

Интенсивность американской воздушной радиолокационной разведки с каждым годом нарастала. К середине 1950-х гг. более 100 самолетов-разведчиков привлекалось к решению этих задач. Расширялась и география полетов. На севере и северо-востоке разведку вело 55-е крыло стратегической разведки в составе 30–40 самолетов, базировавшееся на авиабазе Топекс в Канаде. Совершенствовалась авиационная техника, радиоэлектронное и фотографическое оборудование самолетов-разведчиков. Если в конце 1940 — начале 1950-х гг. основными самолетами были RB-29 и RB-50, то уже в середине 1950-х гг. широко использовались реактивные разведчики RB-47 и RC-135. Разведка ВМС применяла для этих же целей самолеты типа Р-4М «Меркатор», Р-2 «Нептун» и др. Самолеты имели на борту 100-дюймовые длиннофокусные аппараты для фотографирования портов, заводов, верфей, авиабаз, ракетных позиций; электронная аппаратура позволяла засекают частоты советских и китайских радиолокаторов во всем диапазоне применяемых ими частот, определять их дислокацию. Ежегодное количество разведывательных полетов возросло с 1000 в начале и до 3000 в конце 1950-х гг.¹.

¹ Ibid. P. 41.

Время от времени самолеты-разведчики совершали полеты над территориальными водами СССР или вторгались в его воздушное пространство. Советские истребители взлетали на перехват, стремились принудить нарушителей к посадке или, если те не выполняли команд, сбить их. Завязывались воздушные бои, сбивались самолеты, гибли люди. Так, 27 июля 1953 г. советский военно-транспортный самолет Ил-12 во время перелета из Порт-Артура во Владивосток был атакован четырьмя американскими истребителями. Нужно сказать, что в этот день было подписано перемирие между сторонами, воевавшими в Корее, и положен конец этой войне. Советский самолет следовал по установленной трассе, которая проходила над территорией КНР на значительном удалении, до 300 км, от китайско-корейской границы. Приблизившись к Ил-12, американские летчики убедились, что это военно-транспортный самолет, «летающий на восток». Об этом свидетельствуют доклады летчиков, чьи истребители атаковали Ил-12. Тем не менее американские истребители сбили безоружный самолет в 130 км юго-западнее города Дуньхуа. Экипаж и пассажиры — всего 21 человек — погибли¹.

Через два дня, 29 июля, RB-50, вылетевший из Йокоты (Япония), прошел вдоль Корейского полуострова и пошел вдоль советской границы на север от Владивостока. На борту самолета-разведчика было 17 человек: экипаж и специалисты. Советские РЛС обнаружили самолет на траверсе Владивостока и вели его. В донесении главнокомандующего ВМФ СССР адмирала Н.Г. Кузнецова министру обороны СССР по этому происшествию говорилось: «Радиолокационные станции флота, продолжая следить за движением неизвестного самолета, в 7:01 обнаружили его в наших территориальных водах — самолет-нарушитель шел в направлении на остров Аскольд на высоте 10 тыс. м. Для выяснения принадлежности самолета-нарушителя и цели его появления в наших водах в 7:06 наши два самолета-истребителя были направлены на встречу с ним. В 7:11 ведущий в паре истребитель (летчик капитан Рыбаков) обнаружил на расстоянии 10 км к югу от острова Аскольд самолет-нарушитель, оказавшийся американским самолетом RB-50 с красными полосами на

¹ См.: Известия. 1994. 5 мая.

киле и 4 опознавательными знаками ВВС США. При сближении для опознания наши истребители были обстреляны самолетом-нарушителем, на ведущем самолете-истребителе были повреждены левая лопасть и передняя часть фюзеляжа»¹. Американская версия разительно отличалась от советской. По свидетельству второго пилота, их самолет внезапно был обстрелян советским истребителем МиГ-15, который огнем поразил два двигателя RB-50, после чего тот упал в море. Второй пилот был подобран спасательным судном спустя 18 часов после катастрофы. Он оказался единственным, кто остался в живых из экипажа².

Две интерпретации одного и того же боя свидетельствует о нервозности обстановки на Дальнем Востоке тех дней. Только что (27 июля 1953 г.) завершилась перемирием Корейская война. В этих условиях события могли принять любой оборот. В данном случае и советские, и американские свидетельства показывают меру враждебности обеих сторон и их стремление обвинить в инциденте противника. Родственникам погибших членов экипажей американских разведывательных самолетов сообщили, что самолеты потерпели катастрофу. Даже много лет спустя власти США скрывали от родных правду. Наиболее распространенной причиной гибели была катастрофа во время разведки погоды³.

Но радиолокационная разведка была лишь одним из направлений разведывательной деятельности американской авиации. В 1950 г. Трумэн утвердил план проведения разведывательных полетов с проникновением в глубинные районы СССР. Американские самолеты (и не только разведчики) стали все чаще совершать глубокие вторжения в воздушное пространство СССР. Были случаи, когда их маршруты проходили над несколькими регионами. Привлекали к этим полетам и союзников. В середине 1950-х гг. самолеты-разведчики RB-47 (или более ранняя модель — RB-45) действовали с аэродромов Великобритании с опознавательными знаками британских ВВС. Так, 17–18 апреля 1952 г. три пилотируемых ан-

¹ Цит. по: Красная звезда. 1993. 13 февр.

² U. S-News and World Report. 1993. March. P. 45.

³ U. S-News and World Report. 1993. March. P. 35.

глийскими и американскими летчиками RB-45, стартовав из Великобритании, вторглись в воздушное пространство СССР и прошли по трем маршрутам: через Прибалтику, Белоруссию и Украину. Полеты проходили на высоте 12 тыс. м, до рубежа Псков — Смоленск — Харьков [97, р. 70–71]. Советские РЛС вели эти самолеты, но истребители и зенитная артиллерия не могли их сбить. По мере совершенствования системы ПВО СССР риск подобных полетов все более возрастал, потери росли. Если в 1950 г. был сбит лишь один нарушитель, то в 1951 и 1952 гг. — по два, а в 1953 г. — три.

Данные воздушной разведки дополнялись сведениями наземных РЛС. Зимой 1954/55 г. в Турции, в горном районе близ города Диарбекир, с согласия турецкого правительства была построена специальная радиолокационная станция с большой дальностью действия. В начале лета 1955 г. эта станция вошла в строй. Ее данные позволяли получать информацию о том, что происходило на полигоне в Капустином Яре. К концу 1955 г. американская разведка с помощью РЛС в Диарбекире уже знала, что на этом полигоне интенсивно и достаточно успешно испытываются ракеты. Американские специалисты считали, что русские вырвались далеко вперед в деле создания стратегического ракетного оружия. Об этом не преминули информировать американское население.

Общественное мнение США получило подтверждение, что Соединенные Штаты отстают от СССР на важнейших направлениях научно-технического прогресса. Соответственно, в Белом доме и министерстве обороны был сделан вывод о необходимости немедленно приступить к сбору данных о советских программах разработок стратегических средств воздушного нападения. Было решено организовать систематические полеты над территорией СССР в целях сбора сведений о советских вооружениях и вооруженных силах путем аэрофотосъемки и радиотехнической разведки.

В эти годы англичане приняли на вооружение весьма совершенный по тому времени бомбардировщик «Канберра». Поскольку по мере совершенствования советской системы ПВО потери устаревших самолетов-разведчиков росли, было решено использовать для разведки «Канберру». Британский

премьер-министр дал на это разрешение, но при условии, что вылет будет не из Великобритании. В августе 1953 г. «Канберра» стартовала с аэродрома Гибельштадт (ФРГ) по маршруту: ФРГ — Чехословакия — Киев — Харьков — Капустин Яр (район Волгограда) — Иран. На пути следования самолет был неоднократно атакован советскими истребителями и обстрелян зенитной артиллерией. От зенитного огня в зоне Капустина Яра «Канберра» испытала такую вибрацию, что фотоснимки получились крайне низкого качества. Получив множество пробоин и вмятин, самолет все же дотянул до Ирана, где и приземлился. Но командир экипажа самолета-разведчика наотрез отказался от повторения полета. С этим согласился и британский премьер [121, р. 34]. Он опасался контрмер со стороны СССР. И не зря. Риск был немалый.

Командование войск ПВО СССР считало в то время самолет «Канберра» весьма трудной целью для советских истребителей-перехватчиков. Летчикам, вылетающим на перехват, ставилась задача сбить «Канберру» любой ценой, вплоть до тарана. Но несмотря на использование РЛС при наведении истребителей на цель, в ночное время МиГи не перехватывали воздушного противника. К тому же «Канберра» летала на высотах на 1,5–2 км выше, чем истребители ПВО¹. Тайная воздушная война в воздушном пространстве СССР и на его границах продолжалась.

28–29 апреля 1954 г. три американских разведчика (на этот раз это были RB-47) с опознавательными знаками Великобритании, вылетев из Англии (аэробаза Скалторп), повторили маршрут 1953 г., но на этот раз через Прибалтику, Белоруссию и Украину, имея целью разведку аэродромов советских межконтинентальных бомбардировщиков М-4. Однако к тому времени советская ПВО уже получила на вооружение более совершенные средства борьбы с воздушным противником. Самолет, приближавшийся к Киеву, был встречен сильным огнем зенитной артиллерии и, опасаясь быть сбитым, повернул назад. Два других разведчика были атакованы истребителями и вынуждены были повернуть назад, чтобы не подвергать себя дальнейшему риску [121, р. 29–30, 34].

¹ Lashmar P. Op. cit. P. 74, 82.

8 мая 1954 г. другие три RB-47, также из Англии, вылетели на фотографирование советских военных объектов в районе Мурманска, Архангельска, Онежского озера. Им предписывалось, соблюдая радиомолчание, выйти в район Мурманска. Два экипажа после фотосъемок объектов вокруг Мурманска должны были вернуться на базу. Третий экипаж имел задачу сфотографировать девять аэродромов на Кольском полуострове, затем выйти в район Архангельска и далее Онежского озера и совершить посадку в Норвегии. В районе Мурманска американский разведчик был встречен тремя советскими МиГ-17. Это был серьезный противник. МиГ-17 мог действовать на тех же высотах и скоростях, что и В-47. Маневрируя, экипаж третьего самолета был вынужден отклоняться от заданного маршрута, что затрудняло выполнение задачи. Близ Архангельска на перехват воздушного разведчика были подняты уже шесть истребителей. RB-47 предпочел покинуть воздушное пространство СССР и направиться в небо Финляндии. Советские истребители открыли огонь, американцы дали ответную очередь, но поспешили пересечь финляндскую границу. Единственное, что они могли тогда доложить своему командованию, — это то, что тяжелых советских бомбардировщиков на северных аэродромах не обнаружено [121, р. 35].

Американская авиация продолжала глубокую разведку для возможного ядерного удара по основным городам нашей страны. Бомбардировщики В-47, стартовав с аэродромов Европы, не раз выходили на рубеж Новгород — Смоленск — Киев. И нельзя было исключить, что на борту В-47 имеется ядерное оружие. Это само по себе уже было опасно, поскольку известны случаи, когда происходил случайный сброс ядерных бомб. Такие случаи тщательно скрывали. Так, 20 февраля 1950 г. бомбардировщик В-36 вынужден был сбросить атомную бомбу над Тихим океаном, у берегов Канады. Она была подорвана в 100 м над поверхностью океана. Подобный случай повторился в ноябре 1950 г.¹

Советские РЛС обнаруживали и наблюдали многие полеты, но боевые средства ПВО были еще не в состоянии успешно

¹ См.: Известия. 1997. 4 февр.

Фронтальной истребитель МиГ-17

противодействовать реактивным бомбардировщикам, следовавшим на больших высотах и скоростях. Это еще более укрепляло стремление военно-политического руководства СССР к совершенствованию и усилению советских вооружений. В широком масштабе внедрялись в войска ПВО страны новые РЛС, разрабатывались подвижные зенитные ракетные комплексы, способные поражать цели на больших высотах; строились новые бомбардировщики, подводные лодки, сверхзвуковые истребители-перехватчики. А это, в свою очередь, подталкивало американское военно-политическое руководство к еще более интенсивному ведению разведки новых видов оружия в СССР.

Здесь уместно сказать, что руководство США полностью отдавало себе отчет в том, что нелегальное вторжение в воздушное пространство СССР представляет собой нарушение международного права. В этом отношении показателен инцидент 7 ноября 1954 г. В этот день советские истребители сбивали американский разведчик RB-29, совершивший разведывательный полет вдоль береговой черты советского Дальнего Востока в Японском море. 10 летчиков из экипажа выпрыгнули на парашютах и были спасены американскими аварийно-

спасательными службами, один человек погиб. В США началась в прессе кампания, обвинявшая советских летчиков в расстреле ни в чем неповинного самолета.

Лидер республиканцев в сенате У. Ноулэнд явился к президенту с требованием «разорвать дипломатические отношения с Советским Союзом», ссылаясь на требование общечеловеческой ответственности. Эйзенхауэр осторожно дал понять сенатору, что самолет выполнял задачу отнюдь не «невинного» характера. Он признался, что США ведет себя агрессивно, а американская разведка действует активно и часто рискованно. Президент сказал, что ему известны аргументы тех, кто хочет разорвать дипломатические отношения с СССР, но ведь это будет «шаг к войне». А в заключение задал вопрос сенатору, что, если народ узнает, что мы ее как-то спровоцировали [122]. Тем не менее несмотря на полное понимание опасности нарушения советских границ, американская разведка не только не прекращала разведывательные полеты, но и продумывала все новые ходы в этом направлении, рассчитанные на увеличение объема разведывательной информации и в то же время снижение риска провала и гибели людей.

В 1956 г. на вооружение разведывательной авиации США поступила более совершенная фото- и радиоэлектронная аппаратура. Ею были оснащены самолеты В-47Е и В-47Н. В марте-мае 1956 г. такие самолеты действовали с авиабазы в Туле (Гренландия), совершая полеты над Северным полюсом и Кольским полуостровом, Новой Землей, Беринговом проливом. Каждый день в светлое время вылетали 4–5 экипажей. Их маршруты предусматривали вторжение в советское воздушное пространство. Эти разведывательные полеты подтвердили первоначальные данные, что северные районы СССР имеют слаборазвитую радиолокационную сеть и мало активных средств ПВО [121, р. 38–39].

В том же 1956 г. была проведена операция «Генетрикс»: массированный запуск аэростатов из ФРГ и Турции, маршруты которых проходили через СССР и заканчивались в Тихом океане, где контейнеры с фотоаппаратурой сбрасывались в назначенном районе. Однако эта операция не принесла успеха. Из 516 запущенных аэростатов только 44 дошли до Японского моря. Осталь-

ные были сбиты советскими истребителями или не долетели до назначенного района по техническим причинам¹.

Поскольку запуск аэростатов в воздушное пространство СССР не дал сколько-нибудь ощутимых результатов, ВВС США продолжали глубокую авиационную разведку приграничных регионов Советского Союза. В марте 1955 г. три RB-45 произвели разведывательный полет в ночное время с задачей установить дислокацию и возможности РЛС социалистического блока на территории Чехословакии, Польши и прибалтийских республик СССР. Ночь была выбрана специально, чтобы затруднить перехват разведчиков советскими истребителями, которые противодействовали самолетам-шпионам. Все три RB-45 благополучно вернулись на свои базы.

В апреле и начале мая 1955 г. САК ВВС США осуществляло «проект Сишор» (морское побережье) по специальному заданию КНШ. Четыре RB-47E, оборудованные 100-дюймовыми длиннофокусными фотоаппаратами, выполняли разведывательные полеты над районами Северной и Восточной Сибири. Они действовали с авиабазы Айельсон (Аляска). Главная задача этих полетов состояла в том, чтобы разведать систему ПВО и ВВС на северном, главном для стратегической авиации США маршруте, выводящем в глубинные военно-промышленные регионы Советского Союза кратчайшими маршрутами.

В марте-мае 1956 г. командование САК провело еще одну разведывательную операцию — «проект Хоумран». В течение семь недель новые самолеты-разведчики RB-47E и RB-47H, действуя через Северный полюс, вылетали на задания практически ежедневно и вели разведку прилегающей к СССР акватории Северного Ледовитого океана и северосибирских районов СССР на пространстве от Кольского полуострова до Берингова пролива. Эту операцию осуществляло специальное подразделение САК в составе 16 RB-47E 10-й эскадрильи стратегической разведки, а также пять самолетов RB-47H 343-й эскадрильи стратегической разведки. Их обслуживали две эскадрильи самолетов-заправщиков (28 KC-97). Полеты производились с авиабазы Туле (Гренландия) и велись почти в полном радиомолчании.

¹ The Quarterly Journal of Military History. Spring 1997. № 3 P. 36.

Руководство разведкой ВВС разделило советское арктическое пространство на три базовых сектора: от Кольского полуострова до острова Диксон (Карское море); от Диксона до бухты Тикси (море Лаптевых); от Тикси до Берингова пролива. Как правило, В-47 вылетали парами на фото- (Е) или электронную (Н) разведку, в зависимости от предназначения самолета. В ходе ежедневных полетов, проводившихся в дневное время американским разведчиком, удалось получить фотографии советского новоземельского ядерного полигона; установить, что радиолокационные станции на севере СССР немногочисленны и удалены друг от друга на значительные расстояния. Аэродромная сеть в этих районах явно не обеспечивала базирования необходимого количества перехватчиков. За все время операции только в трех или четырех случаях ВВ-47 приходилось уходить от преследования советских истребителей.

Отсутствие эффективной ПВО на севере СССР позволило американцам перейти к более активным действиям. 6 и 7 мая 1956 г. по шесть ВВ-47, взлетев с аэродрома Туле, пересекли Северный полюс и вторглись в светлое время суток в воздушное пространство Советского Союза в районе города Амбарчик. Им удалось беспрепятственно сфотографировать территорию от Анадыря до Берингова пролива, после чего приземлиться на авиабазе Айельсон (Аляска). Всего из Туле за этот период было совершено 156 разведывательных полетов у советских северных границ. Советские радиолокаторы наблюдали и отслеживали эти полеты, но малое количество истребителей, причем, как правило, устаревших типов, не позволяло вести борьбу с нарушителями хоть сколько-нибудь эффективно.

Нота протеста от 14 мая по деятельности американской авиации у северных рубежей СССР возымела действие. 28 мая на совещании у американского президента с высшим руководством вооруженных сил США и Центрального разведывательного управления (ЦРУ) было решено прекратить полеты воздушных разведчиков на севере СССР. На следующий день госдепартамент вручил советскому послу в Вашингтоне ноту, в которой выражалось сожаление по поводу того, что навигационные трудности в Арктике могли стать причиной нарушения

американскими самолетами воздушного пространства СССР, если таковые и были¹.

В первой половине 1950-х гг. авиация США и стран НАТО вела главным образом разведку приграничных районов СССР, пытаясь получить сведения о противовоздушной обороне и близлежащих аэродромах. По мере накопления информации о работе в СССР по созданию ядерного и ракетного оружия встал вопрос о сборе данных о программах советского стратегического оружия. Однако основные объекты этих программ (испытательные полигоны, позиции для развертывания новых видов оружия и т. д.) находились в глубине советской территории, куда становилось все сложнее проникать воздушным разведчикам Запада. Для выполнения новых задач потребовались новые средства разведки.

Таким средством стал специально сконструированный для ведения фото- и радиоэлектронной разведки с больших высот, недостижимый для истребителей и зенитной артиллерии того времени самолет фирмы «Локхид» U-2 (от английского слова *utility* — практичный). Поиск варианта высотного разведчика начался еще в 1951 г., когда американская фирма «Мартин» пробовала приспособить для этой цели усовершенствованный вариант «Канберры». Однако специалисты разведки в ВВС США пришли к выводу, что двухдвигательный самолет никогда не сможет набрать требуемую высоту. Тогда к делу приступила фирма «Локхид». Она осенью 1954 г. смогла получить согласие Эйзенхауэра на то, чтобы самолет этот использовался под эгидой ЦРУ, а не ВВС. Командующий же стратегическим авиационным командованием генерал Лимэй недооценил возможности U-2, так как намеревался использовать для глубокой разведки самолеты ВВС².

Самолет U-2 представлял собой одноместный самолет-разведчик с турбореактивным двигателем J-57 фирмы «Пратт — Уитни». Он был способен совершать полет на высотах до 20 км, производить аэрофотосъемку с этих высот и вести радиотехническую разведку. Такая высота обеспечивала недостижимость

¹ The Quarterly Journal... P. 37–38.

² Lashmar P. Op. cit. P. 143.

самолета для советских средств ПВО того времени. Самолет мог пролетать расстояние 4750 миль (8800 км) без дозаправки и находиться в воздухе около 11 часов. Первый испытательный полет U-2 состоялся в августе 1955 г., а в мае следующего года был сформирован первый отряд этих самолетов (подразделение «10–10»), который стал дислоцироваться в Англии. Однако вскоре британское правительство, опасаясь осложнения отношений с Советским Союзом, потребовало убрать разведывательный отряд из Англии. Он был переброшен в Западную Германию, на авиабазу Висбаден (близ Франкфурта-на-Майне), где готовился к предстоящим разведывательным полетам.

Командование ВВС США, отвергшее проект U-2, настаивало перед президентом на том, чтобы для САК был принят на вооружение самолет-разведчик RB-57D. Это был разведывательный вариант английской «Канберры», который по лицензии купили США. Этот одноместный самолет имел два двигателя J-57 фирмы «Пратт — Уитни», поэтому развивал большую, чем U-2, скорость (до 900 км/ч), но по главному параметру — высоте — уступал последнему. Тем не менее Эйзенхауэр разрешил ВВС использовать этот самолет для разведки районов советского Дальнего Востока. Три RB-57D были дислоцированы в конце 1956 г. в Японии, на авиабазе Йокота. 11 декабря они произвели вылеты в район Владивостока. Однако вопреки надеждам американских разведчиков на то, что советские РЛС не смогут увидеть RB-57 на значительной высоте (более 17 км), их обнаружили. Были подняты советские истребители. Американские летчики предпочли держаться подальше от них, за пределами территориальных вод СССР. Нота протеста советского правительства от 14 декабря подтвердила обнаружение попытки нарушить советское воздушное пространство¹. Правительство США принесло извинения. Эйзенхауэр запретил самолетам ВВС при разведывательных полетах вторгаться в пределы СССР, но для ЦРУ и его U-2 сделал исключение. Однако каждый их полет проводился только с его санкции.

Американский президент одобрил программу использования U-2 еще в конце 1954 г., рассчитывая на то, что большая

¹ The Quarterly Journal... P. 39.

высота полета не даст обнаружить их советским РЛС и не будет осложнений с Советским Союзом. Но через год, когда уже шла подготовка к практическому выполнению программы, он высказал ее руководителям свои опасения о последствиях провала ее реализации¹. Он оказался провидцем: через пять лет U-2 был сбит под Свердловском (Екатеринбургом). Разразился международный скандал. А тем временем в США в 1954–1956 гг. шло освоение нового разведывательного самолета. Задача была не из легких. В ходе испытательных полетов только в эти годы погибло 5 пилотов, до 1960 г. — 15, а всего (до 1974 г.) — 25 [123].

В 1956 г. Эйзенхауэр санкционировал операции по полетам U-2 в воздушном пространстве СССР и других стран социалистического содружества. 20 июня был совершен успешный полет над Польшей и Восточной Германией. В конце июня погода в СССР улучшилась, но полеты U-2 были отложены в связи с пребыванием в СССР Туайнинга на воздушном параде в Тушино и в поездке по стране. Наконец 2 июля 1956 г. американский президент утвердил пять глубоких вторжений в воздушное пространство СССР в течение июля в зависимости от метеорологических условий². Первый полет состоялся в День независимости США — 4 июля. Поскольку это было через несколько дней после отлета Туайнинга из Москвы и речи Хрущева на банкете 24 июня, то в СССР сочли этот полет как акт мести начальника штаба ВВС США. Но это было просто совпадение: решение было принято раньше.

В течение 10 дней отряд U-2 из Западной Германии произвел эти пять глубоких вторжений в воздушное пространство СССР на высоте 20 км. Один из самолетов прошел над Москвой, в окрестностях которой обнаружил аэродромы базирования бомбардировщиков М-4. Другой сфотографировал в районе Ленинграда верфь, где строились подводные лодки. Фотографии, сделанные фотокамерами с фокусным расстоянием 36 дюймов (90 см), были исключительно высокого качества. Успешными были и другие полеты.

¹ Lashmar P. Op. cit. P. 145.

² Ibid. P. 26–27.

Для советской военной разведки эти полеты с самого начала не являлись секретом. Уже первые полеты высотных разведчиков наблюдались советскими радиолокаторными станциями. Так, 4 июля было установлено, что U-2, обнаруженный над Франкфуртом-на-Майне, проследовал через Дрезден и Белосток и в 8 часов 18 минут пересек советскую границу на высоте около 17 км. Он прошел на этой высоте со скоростью 800–1000 км/ч (с учетом попутного ветра) по маршруту Бобруйск — Вильнюс — Калининград и ушел в сторону Балтийского моря. Полет над территорией СССР продолжался более 2,5 часа. На следующий день такой же полет был обнаружен по маршруту Франкфурт-на-Майне — Пинск — Вильнюс — Калининград — Росток — Гамбург. Над территорией СССР самолет находился почти 3,5 часа, углубился на 1000 км в наше воздушное пространство, совершая полет на высоте 18 км при скорости 800 км/ч.

9 июля выявлены сразу три глубоких вторжения в воздушное пространство Советского Союза. Самолеты на высоте 16–20 км появлялись со стороны Западной Германии (Франкфурт-на-Майне, Нюрнберг). Один из них пролетел по маршруту: Прага — Сегед — Львов — Житомир — Киев — Гомель — Бобруйск — Барановичи — Брест — Мюнхен; второй: Щецин — Калининград — Лиепая — Рига — Каунас — Минск — Демблин — Эрфурт; третий: Минден — Щецин — Калининград — Лиепая — Рига — Каунас — Белосток — Лодзь — Берлин — Ганновер. Над территорией СССР они находились 3–4,5 часа, углубились на 700–1400 км при скорости 800 км/ч. На другой день был обнаружен еще один высотный разведчик, который на высоте 20 км при скорости 900–1100 км/ч следовал из Франкфурта-на-Майне через Дрезден — Черновцы — Одессу — Николаев — Керчь — Севастополь — Измаил — Варну — Мишкольц и ушел в ФРГ. На этом первая серия полетов высотных американских разведчиков завершилась [124].

Радары Советского Союза и стран Варшавского Договора следили за каждым из них (с некоторыми перерывами) на всем протяжении маршрута, истребители ПВО уходили на цель, но их потолок был ниже высот U-2 на несколько километров, что не позволяло действовать эффективно. Принимались меры и по дипломатическим каналам. 10 июня 1956 г. советское

правительство направило ноту протеста правительству США, в которой говорилось, что нарушения воздушных границ СССР американскими самолетами представляют собой «преднамеренное действие определенных кругов США, рассчитанное на обострение отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки». В советской ноте говорилось, что нарушение производят «двухдвигательные самолеты ВВС». Подобное заявление позволило американским специалистам сделать вывод, что руководители вооруженных сил и КГБ СССР не имеют точных данных о самолетах-нарушителях, поскольку на U-2 один двигатель. Самолет не имел опознавательных знаков ВВС США, поэтому государственный департамент, отрицая причастность США к фактам вторжения, не опасался быть пойманным с поличным.

Но после июльской серии разведывательных полетов в 1956 г. наступила пауза. Это было связано с тем, что президент Эйзенхауэр запретил операции U-2 над СССР до особого распоряжения, чему способствовали события осени этого года, связанные с вторжением англо-франко-израильских войск в Египет, и восстанием в Венгрии, подавленным советскими войсками. Правительство США опасалось каких-либо инцидентов в отношениях с Советским Союзом и не хотело давать поводов к этому.

Тем временем зоны действий высотных разведывательных полетов расширялись. Осенью 1956 г. одно из подразделений U-2 было переброшено в Турцию, на авиабазу Адана. Оттуда в сентябре-октябре 1956 г. велась в дни Суэцкого кризиса разведка Египта, Израиля, Иордании, Саудовской Аравии и Кипра. Руководитель этих операций из ЦРУ добивался от правительства США разрешения на возобновление полетов над СССР. Но президент не соглашался на полеты, ссылаясь на напряженность ситуации в мире. Он разрешил лишь неглубокие вторжения в страны Восточной Европы и только в январе 1957 г. дал разрешение на полеты над СССР.

Началась новая серия разведывательных полетов. Но теперь они охватывали все более глубинные районы СССР. Самолеты-разведчики проникали в Казахстан и Сибирь, где испытывались новые виды советских стратегических вооружений. С марта по октябрь 1957 г. советские РЛС противовоздушной обороны

отметили пять пролетов U-2: один — в марте, два — в августе, по одному — в сентябре и октябре. В отличие от полетов предыдущего года, самолеты U-2 вели теперь разведку районов Закавказья (март, август), Казахстана, Средней Азии, Сибири (август-сентябрь), советского Севера (октябрь). Они заходили в воздушное пространство СССР на 1500–1650 км на высотах 19–21 км при скорости 700–900 км/ч. И по-прежнему для активных средств войск ПВО СССР (истребительная авиация, зенитная артиллерия) они были недостижимы.

Полеты U-2, обеспечивая получение документальных данных, были одним из важнейших источников сведений о советских программах вооружения¹. Поэтому в 1958–1959 гг. U-2 сосредоточили свои усилия на разведке районов советской Средней Азии, Урала, Сибири и Дальнего Востока. Подразделения U-2 стали базироваться в Японии (аэродром Ацуги) и на Аляске. Поскольку произведенные и в этот период четыре полета (по советским данным) прошли безнаказанно, американцы все более укреплялись в мысли, что Советский Союз не располагает достаточно эффективными средствами ПВО, а следовательно, и в случае войны массированные удары американской стратегической авиации не встретят серьезного противодействия, особенно на северном направлении.

Вторжения самолетов США происходили на фоне участвовавших случаев обострения международной обстановки. Советский Союз неоднократно требовал прекратить «империалистическое вмешательство», заявляя при этом, что в противном случае СССР вынужден будет применить силу. Однако США не реагировали на эти протесты. С начала выполнения программы полетов U-2 до 1 мая 1960 г. было произведено около 20 вылетов самолетов-разведчиков.

Для создания наиболее выгодных условий для разведки объектов в глубинных районах СССР было решено часть разведывательных полетов проводить, используя авиабазы Турции и Пакистана (в частности, Пешавар). Это объяснялось тем, что, по американским данным, радиолокационное прикрытие советского воздушного пространства на границе с Афганистаном, на

¹ New York Gerald Tribune. 1960. May 11.

участке, ближайшем к Западному Пакистану, было весьма слабым. Кроме того, стартуя из Пакистана, самолеты-разведчики могли быстро выходить к самым важным для американской разведки советским объектам — полигонам для испытаний ракетного и ядерного оружия. Для проведения разведывательных полетов из Пакистана использовали самолеты U-2, в свое время переброшенные из ФРГ в Турцию на авиабазу Адана.

Получение данных о ракетной программе СССР требовало больших усилий и времени. Только через несколько лет после начала полетов U-2 американское руководство располагало обширной информацией о советских ракетах стратегического назначения. Удалось установить, что на полигоне Капустин Яр испытываются ракеты средней дальности (900–4600 км), предназначенные главным образом для действий на Европейском театре войны. Испытательный полигон для межконтинентальных ракет был обнаружен летом 1957 г., вскоре после того как U-2 стали производить полеты из Пакистана. Он находился близ населенного пункта Тюратам (Байконур). Отсюда ракеты запускались в восточном направлении по учебным целям на Камчатке, а позднее в Тихом океане. По своему оборудованию и размаху работ Тюратам был сопоставим с американским полигоном на мысе Канаверал, где испытывались межконтинентальные ракеты США.

Вскоре достоверность разведывательных сведений стала подтверждаться на практике. В августе 1957 г. с полигона Тюратам была успешно запущена межконтинентальная ракета, а в октябре и ноябре того же года — первые советские искусственные спутники земли (ИСЗ). Сомнений в том, что Советский Союз обладает межконтинентальными ракетами, больше не было. Более того, разведка США пришла к выводу, что советские ракеты этого класса по размерам и мощности двигателей превосходят американские МБР.

По расчетам министерства обороны США, к середине 1960-х гг. СССР мог поставить на боевое дежурство до 500 МБР. Этого, как полагали, было бы достаточно, чтобы внезапным ударом уничтожить основные силы авиации и ракет американского стратегического авиационного командования, которые могли быть на вооружении к тому времени, и разрушить основные го-

рода США. Накапливались и сведения о развертывании в СССР работ по созданию зенитного ракетного оружия. U-2 обнаружили полигон ПВО в Сары-Шагане, недалеко от озера Балхаш. Однако к началу 1960 г. американская разведка установила два знаменательных, с ее точки зрения, факта. Во-первых, развертывание ракетных позиций в СССР шло весьма медленным темпом. Во-вторых, почти все боевые позиции размещались вдоль Транссибирской магистрали.

Безусловно, разведывательные полеты американских военных самолетов U-2, продолжавшиеся в течение нескольких лет, стали сложной проблемой для советских ПВО и ВВС. Дело в том, что эти полеты проводились как раз в то время, когда советская ПВО была относительно слабой, находилась в стадии перевооружения на современные средства противовоздушной обороны. В войска поступали новые РЛС, высотные самолеты-перехватчики, зенитные ракетные комплексы (ЗРК), средства разведки. Надо сказать, что первые полеты U-2 на такой высоте вызывали сомнения, потому что велись радиолокационными станциями со значительными перерывами — провалами, поскольку многие РЛС того времени — П-8, П-10 и другие — не имели высотомеров, а определяли только азимут и дальность до цели. Более совершенные РЛС — П-12, П-30, П-35 — могли обнаружить цели на высоте 20 и более километров, но их было еще недостаточно, и поэтому уверенно, без провалов сопровождать высотную цель не всегда удавалось. Всего за четыре года советская ПВО отметила и провела 18 U-2, хотя, по американским данным, их было более 20.

Что касается тактико-технических характеристик U-2, то в первые годы специалисты и крупные военачальники полагали, что самолет (даже высотный) не может в течение 7–8 часов идти на высоте 20 тыс. м. Другие считали, что U-2 может на такой высоте идти только часть маршрута, а остальное время следует на меньших высотах, а следовательно, находится в пределах досягаемости для наших истребителей. Поэтому везде, где имелись такие истребители, особенно МиГ-19 (потолок — 18 км), их поднимали на перехват U-2, когда они пролетали в районах базирования. К концу 1957 г. на вооружение ПВО стали поступать подвижные зенитные ракетные комплексы (ЗРК) С-75. Их

Первый советский массовый ЗРК С-75

тактико-технические данные позволяли поражать воздушные цели на высоте 25 км при скорости 1500 км/ч на дальности 30–40 км. К 1960 г. С-75 имелись уже в ряде соединений ПВО.

Советское руководство крайне нервно воспринимало полеты U-2, которые добывали сведения, дававшие достаточно верную картину развертывания стратегических вооружений в СССР. В то же время полеты U-2 вскрыли количественное состояние советских стратегических вооружений, однако преувеличили количество боеготовых стартов и не давали качественной картины советских военных усилий и их перспектив. Не были раскрыты и работы по созданию советских стратегических крылатых ракет, работы в области противоракетной обороны и ряда элементов космической программы Советского Союза. Полученные U-2 данные подрывали шумную пропагандистскую кампанию Хрущева о количестве и точности советских ракет. К тому же ноты советского правительства (а их было три — 10 июля 1956 г., 8 марта 1958 г., 21 апреля 1958 г.) игнорировались США.

Руководство ЦРУ отдавало себе отчет в том, что в условиях постоянного совершенствования советской ПВО риск глубоких вторжений в воздушное пространство СССР возрастает. Поэтому принимались меры по повышению безопасности полетов U-2. В 1958 г. высотные разведчики были оборудованы аппаратурой постановки пассивных помех, чтобы затруднить советским ВВС и ПВО наведение истребителей и зенитных ракет на высотную цель. На следующий год на U-2 был установлен двигатель повышенной мощности J-75 фирмы «Пратт — Уитни», позволивший поднять практический потолок самолета до 22 км. Маршруты самолетов-разведчиков выбирались в стороне от позиций зенитных ракет, которые были уже известны американцам.

Особенный переполох в США вызвал инцидент с самолетом C-118 летом 1958 г. Этот военно-транспортный самолет (один из двух, которыми пользовался директор ЦРУ) 27 июня совершал перелет из Висбадена (ФРГ) в Пакистан, на аэродром Пешавар, где базировались U-2. На борту самолета, имевшего опознавательные знаки ВВС США, находилось девять офицеров и солдат, трое из которых были сотрудниками ЦРУ. При них были секретные документы, связанные с программой разведывательных полетов над СССР. На участке маршрута полета из Аданы (Турция) в Тегеран самолет C-118 нарушил границу СССР над территорией Армении. Поднятая на перехват пара истребителей легко вышла на цель. В тот период согласно приказу министра обороны как раз предусматривалось лишь принуждение самолетов-нарушителей к посадке. Однако при попытке уйти в Турцию самолет по приказу с земли был сбит и загорелся. Пять членов экипажа выбросились с парашютами. Но в это время американский пилот удачным маневром сбил пламя и, сопровождаемый истребителями, посадил самолет на военный полевой аэродром Гиндарх на территории Армении.

В самолете-нарушителе находились еще четыре человека. Они были арестованы, самолет взят под охрану. В ходе расследования стало ясно, что не все американцы, находившиеся на борту C-118, являются «офицерами ВВС», а факты свидетельствовали, что в самолете уничтожались какие-то бумаги. Однако прямых доказательств не было. Только много лет спустя выяснилось, что это был самолет ЦРУ, на котором летели в Пе-

шавар три его сотрудника. Политическое руководство СССР в тот период не было, видимо, заинтересовано в раздувании этого инцидента. После выяснения обстоятельств нарушения воздушной границы СССР экипаж самолета С-118 был передан на советско-иранской границе представителям США. Секретные документы ЦРУ по программе полетов U-2 только волею случая не попали в руки советской контрразведки. После этого эпизода, когда выяснилось, что имевшиеся инструкции о действиях по самолетам-нарушителям недостаточно четки, был издан приказ МО СССР № 0049 от 4 июля 1958 г., предписывавший сбивать нарушителя в случае необходимости.

Казалось бы, все завершилось наилучшим образом. Но через два месяца, 2 сентября, в том же районе произошел новый инцидент. Вновь американский самолет-разведчик С-130 оказался в воздушном пространстве СССР. Четыре истребителя МиГ-17 были подняты на перехват американского разведчика. Он же уходил от них к границе на скорости 300 км/ч. Ведущий истребитель второй пары после предупредительной очереди, на которую нарушитель не отреагировал, открыл огонь на поражение. Самолет, охваченный пламенем, упал на землю. Были приняты все меры к тушению пожара. Все 17 человек, находившиеся на борту С-130, погибли. Через несколько дней американцам были переданы останки семи тел. Из них смогли опознать только четырех.

После этих двух инцидентов американские самолеты радиотехнической разведки стали действовать более осторожно при полетах вдоль советских границ, но операции U-2 продолжались. Пилоты высотных самолетов-разведчиков все чаще доставляли военному командованию США аэрофотоснимки, раскрывавшие насыщение советских частей ВВС и ПВО новой боевой техникой и электронным оборудованием. Действительно, в конце 1950-х гг. на вооружение войск ПВО начали поступать радиолокационные станции П-30, обнаруживающие воздушные цели на высотах свыше 20 км; с 1959 г. авиаполки получили на вооружение высотные перехватчики Т-3 со сверхзвуковой скоростью и потолком свыше 20 км; в зенитных ракетных войсках появился весьма эффективный ракетный комплекс С-75 с дальностью действия 30 км и высотой поражения целей — 25 км при скорости целей до 1500 км/ч.

Решающим этапом необъявленной «воздушной войны» стала весна 1960 г. К этому времени произошел ряд знаменательных событий. В сентябре 1959 г. Хрущев посетил с визитом США. Он встречался с президентом Эйзенхауэром, высшими политическими и государственными деятелями, видными экономистами, высокопоставленными военными, а также с представителями всех слоев американского общества. Визит прошел в атмосфере согласия и дружбы. В совместном советско-американском коммюнике, в частности, говорилось: «Председатель Совета министров СССР и Президент Соединенных Штатов согласились, что все неурегулированные международные вопросы должны быть решены не путем применения силы, а мирными средствами, путем переговоров» [125].

В ходе визита Хрущев и Эйзенхауэр имели несколько конфиденциальных бесед с глазу на глаз по различным вопросам. Но Хрущев не затронул ни разу вопрос о высотных полетах американских самолетов над территорией СССР. Президент США был приглашен посетить Советский Союз в 1960 г. Улучшение советско-американских отношений сказалось и на общем международном климате: на 16 мая 1960 г. было запланировано совещание глав правительств США, СССР, Англии и Франции. Оно должно было разрешить многие разногласия между Западом и Востоком. Но события, произошедшие в апреле-мае, опрокинули надежды мировой общественности. И в центре этих событий оказались разведывательные полеты самолетов U-2.

В начале 1960 г. советское правительство объявило, что в СССР создан новый вид вооруженных сил — Ракетные войска стратегического назначения. Это сообщение привело к возобновлению высотных разведывательных операций США. 9 апреля 1960 г. в 4 часа 47 минут советские радиолокационные станции Туркестанского военного округа обнаружили воздушную цель. По первым докладам, цель находилась в воздушном пространстве СССР в 430 км южнее города Андижана, на расстоянии 250 км от советско-афганской границы. Следуя на высоте 19–21 км, U-2 на скорости 780 км/ч двигался в сторону Семипалатинска. Достигнув Семипалатинского ядерного полигона, самолет-разведчик сделал несколько галсов над ним (наши РЛС устойчиво вели цель); затем пролетел в район озера Балхаш, где

*Никита
Сергеевич Хрущев*

находился полигон зенитных ракетных войск — Сары-Шаган, а оттуда проследовал к полигону стратегических ракет — Тюратам и через город Мары ушел в Иран. Весь полет продолжался более 6 часов.

Нарушитель, находившийся столь длительное время в советском небе, не был уничтожен, хотя для этого в войсках ПВО и в ВВС имелись силы и средства, способные сбить U-2. Но вмешался «режим секретности» и низкая боеготовность. Когда самолет-нарушитель приближался к Семипалатинску, на аэродроме истребительного авиаполка ПВО, ближайшего к Семипалатинскому полигону, находились два самолета Т-3, оснащенные ракетами «воздух — воздух», и летчики, имевшие некоторый опыт в управлении этими истребителями. Но для того чтобы осуществить перехват, им необходимо было совершить посадку на другом аэродроме, так как на возвращение на свой аэродром не хватило бы топлива. И такой аэродром был при Семипалатинском полигоне. Но режим секретности не позволял садиться на него летчикам, не имевшим специальных допусков, а пилоты Т-3 таких допусков не имели. Самолет-нарушитель летал над сверхсекретным полигоном, а советские асы ждали результатов переговоров командования войск ПВО

страны с правительством СССР о получении пресловутых допусков. Только в 7 часов по московскому времени было получено разрешение на взлет, но было уже поздно. Когда истребители Т-3 прибыли в район Семипалатинска, U-2 был уже в недосягаемости: он летел к другому секретному объекту — Сары-Шаган.

У командования войск ПВО появилась надежда: ведь там, в Сары-Шагане, был развернут новейший зенитный ракетный комплекс С-75, тактико-технические данные которого позволяли поражать цели на такой высоте. Но U-2 вновь избежал угрозы уничтожения. В тот день не планировались стрельбы, и ракет на позиции не было. А техническая площадка, где они хранились, находилась в 100 км от позиции ЗРК. Но и там не оказалось подготовленных к боевому применению ракет. Были приняты экстренные меры, и вскоре оснащенные ракеты уже перебрасывались к боевой позиции, но U-2, закончив фотографирование полигона Сары-Шаган, направился к полигону Тюратам.

К этому времени в высшую степень боевой готовности были приведены значительные силы ПВО и ВВС. Но американский разведчик был уже над Тюратамом, и, выполнив задачу, уходил через Мары в сторону иранской границы. В ближайшем авиаполку ВВС были истребители Т-3, но летчики не имели опыта полетов на этом самолете, и к тому же не было ракет «воздух — воздух», так как они еще не поступили на склад. И все-таки Т-3 взлетел с ракетами от МиГ-19. Но поскольку U-2 уже находился на значительном расстоянии, управление перехватчиком было передано на командный пункт другой дивизии, где не имели опыта управления высотными самолетами: наведение на цель не состоялось. Другой летчик на Т-3 поднялся на высоту 17 500 м и увидел вражеского разведчика, но выше себя на 3 км. Подняться выше летчик, по существу, только-только осваивавший новый самолет, не смог. Так закончился этот полный нелепых и драматических событий день.

Для разбирательства причин неудачных действий войск ПВО по самолету — нарушителю воздушного пространства СССР была назначена комиссия. Были вскрыты серьезные недостатки в боевой подготовке и управлении силами и средствами ПВО и ВВС. В ходе разбора событий того дня обнаружилось немало упущения в работе радио- и радиотехнических средств.

В частности, радиоразведка в Закавказье вскрыла перелет U-2 и C-130 из Адана (Турция) в Пешавар (Пакистан) за несколько дней до разведывательного полета, однако эти данные из-за ряда случайностей не были доложены командованию. Многие генералы и офицеры получили строгие взыскания. Хрущев был возмущен. Реальность опрокинула его неоднократные заявления о высокой степени боевой готовности Советской Армии. Урок 9 апреля был тяжелым. Но он не прошел даром. Выводы, сделанные из неудачи, вскоре привели к успеху.

1 мая 1960 г. опытный американский летчик вылетел на самолете U-2 из Пешавара (Пакистан). Он летал на U-2 с 1956 г. Этот полет был назначен на 28 апреля. Однако в связи с плохой погодой в районах предполагаемого маршрута глава ЦРУ просил президента отложить полет на несколько дней. Тот согласился, но с условием, что задание будет выполняться не позднее 1 мая. Эйзенхауэр не хотел получать каких-либо новых протестов от Советского Союза накануне намеченной на 16 мая «встречи в верхах» в Париже. О том, что самолет U-2 может быть сбит, и не помышляли. И президент, и его окружение были уверены, что, в крайнем случае, самолет взорвется, а летчик погибнет.

Наконец в первый день мая 1960 г. метеоусловия позволили произвести планируемую разведывательную операцию. До начала Первомайского парада оставались считанные часы, когда юго-восточнее Кировабада Таджикской ССР была обнаружена высотная цель. Это был U-2, пилотируемый Фрэнсисом Гэри Пауэрсом. Он имел задание пролететь над территорией СССР на предельной высоте по маршруту: Пешавар (Пакистан) — Аральское море — Свердловск — Киров — Плесецк и совершить посадку на аэродроме Буде (Норвегия). Пролетая над пунктами, указанными на специальной карте, летчик должен был включать аппаратуру для аэрофотосъемки и фиксации работы советских РЛС.

Первые засечки высотной цели, приближавшейся к границе Советского Союза южнее города Душанбе (она летела прямо на север на высоте более 19 км при скорости 750 км/ч), были получены в 5 часов 36 минут (время московское). Дежурный генерал КП немедленно доложил о нарушении Главкомандующему войсками ПВО страны и высшему командному составу

противовоздушной обороны СССР. Обстановка на командном пункте противовоздушной обороны складывалась достаточно нервная. Не следует забывать, что это было утро Первого мая. В 10:00 на Красной площади должен был начаться парад, а затем демонстрация. Руководство партии, правительства и советских Вооруженных Сил должно было находиться на трибуне Мавзолея.

К 8:00 утра на КП войск ПВО страны был сделан вывод, что маршрут полета пройдет через район Свердловска (ныне Екатеринбург), далее — к Белому морю, а аэродром посадки, вероятно, будет в Норвегии. С земли напряженно следят за неизвестным самолетом. О полете уже доложено министру обороны, членам Политбюро, Хрущеву. Телефонные звонки от министра обороны и лично от Хрущева следуют один за другим. Тональность их примерно была следующей: «Позор! Страна обеспечила ПВО всем необходимым, а вы дозвуковой самолет сбить не можете...». Между тем американский самолет-разведчик уверенно идет на север: вот он минует Тюратам, летит вдоль Аральского моря, проходит Магнитогорск, Челябинск. Нарушитель мог быть сбит только высотными перехватчиками или зенитными ракетами, но для этого было необходимо, чтобы U-2 пролетел через районы, где такие средства имелись. Пауэрс приближался к Свердловску.

С аэродрома в Кольцове (Свердловск) на перехват пошел высотный истребитель Т-3, случайно оказавшийся там в ходе перегона самолета с завода в часть. Его пилот не имел компенсирующего высотного костюма, кислородной маски, самолет не был вооружен. Летчик получает задачу сблизиться с нарушителем и таранить его. Риск был огромным, шансы на успех ничтожны. Ведь надо было точно навести скоростной сверхзвуковой истребитель на цель, шедшую на дозвуковой скорости, и совершить это в считанные секунды, так как дольше действовать на предельной высоте Т-3 не мог. Самолет набрал нужную высоту, но цели не увидел: наведение не состоялось.

Идет уже девятый час утра, на Красной площади вскоре начнется военный парад, а неизвестный самолет летит через центр страны. Каков будет эффект демонстраций советского военного могущества, когда над страной социализма безнаказанно ле-

тит разведчик, а советская ПВО не в состоянии его сбить? Это понимали все — от Хрущева до операторов РЛС, следивших за полетом.

Тем временем U-2 входит в зону действия зенитного ракетного дивизиона близ Свердловска. Командующий боевым расчетом отдает приказ: «Цель уничтожить». Первая ракета взмывает вверх навстречу нарушителю. За ней должны последовать вторая и третья. Но они не сходят с направляющих. Произошел крайне редкий случай: кабина наведения оказалась между ними и целью. Причину задержки быстро устраняют. А тем временем первая ракета взрывается позади U-2, и ее осколки пробивают хвостовое оперение и крылья, не затронув кабины. Это случилось в 8 часов 53 минуты. Но падающие обломки U-2, фиксируемые на экране РЛС, воспринимаются как цель. Для находившихся 1 мая 1960 г. на КП в Москве запомнились доклады о пуске ракеты и сообщение, что цель «замигала», то ли применяя помехи, то ли разваливаясь. Нервозность не снижалась.

Между тем там, в небе близ Свердловска, Пауэрс, поняв по вспышке сзади и потере управления, что следует покинуть падающий самолет, на высоте менее 10 км с трудом вылез из кабины. Другим способом воспользоваться он не мог, так как взрывом его кресло сдвинулось вперед, и ноги оказались под приборной доской. При катапультировании ему могло оторвать ноги. Его U-2, потеряв крылья, вертикально падал хвостом вниз. Преодолевая огромные перегрузки, летчик пытался покинуть падающий самолет, но был привязан к кабине кислородными шлангами. Наконец он разорвал их и выбросился на парашюте. К этому моменту высота была уже сравнительно небольшой. Едва он оторвался от самолета — еще одна ракета прямым попаданием поразила U-2 [См. 124, с. 23].

При падении фюзеляж, двигатель, крылья и кабина самолета оказались разбросанными по земле на удалении в несколько километров друг от друга. Но об этом в Свердловске и Москве еще никто не знал. Напротив, в районе исчезновения нарушителя вновь появилась отметка от цели. Дело было в том, что после неудачного наведения Т-3 на перехват U-2 была поднята еще пара истребителей МиГ-19. Самолет Пауэрса, понятно, не обнаружили, ведь его уже уничтожили ракетчики. Но ракетчики

и операторы РЛС все еще принимали обломки U-2 за пассивные помехи, примененные летчиком-шпионом. Поэтому для пары МиГов задача была все та же: при обнаружении атаковать противника.

На очередном вираже ведущий увидел в чистом небе необычное облачко и резко спикировал. Это спасло ему жизнь. В дивизионе восприняли появившуюся отметку от истребителей за вражескую цель, которая снизилась до 11 тыс. м. Через считанные секунды она была сбита (по приказу с КП армии ПВО). Увы! Это был истребитель ведомого, поднятый на перехват U-2. Экраны мониторов расчистились. Наступила пауза — стало ясно, что нарушитель сбит. На самом деле прошло уже полчаса после того, как сбили Пауэрса, но боевой расчет принял обломки U-2, которые забили экран, за пассивные помехи, примененные самолетом-шпионом. Командующий промедлил с докладом до выяснения обстановки.

Вылет специального самолета с комиссией по расследованию инцидента в Свердловске состоялся около 12 часов. Через два часа она была на месте. Пауэрса отправили в Москву. Оставалось найти и собрать разбросанные по полям и перелескам части самолета, позаботиться об их охране, особенно аппаратуры и рулонов отснятой пленки. Потом удалось почти без потерь проявить ее и убедиться в том, сколь важные объекты и с каким высоким качеством были сфотографированы. Двигатель нашли в болоте и с трудом подняли его краном. Обеспечив сбор, сохранность и отправку в Москву всех остатков U-2, группа ПВО комиссии вернулась в столицу. Она составила первый доклад о тактико-технических данных и оборудовании самолета, целях и задачах, которые решались им в ходе разведывательных полетов. Началось следствие по делу Пауэрса.

Было установлено, что U-2 имел на борту широкозахватный длиннофокусный аэрофотоаппарат «73-B». Он осуществлял семимаршрутное фотографирование последовательно через семь остекленных люков. Это обеспечивало захват местности шириной 160–200 км, протяженность фотографируемой полосы — 3500 км. Объектив с фокусным расстоянием 915–944,7 мм позволял с больших высот получать снимки масштаба 220–230 м в 1 см. С помощью радиоэлектронной

разведывательной аппаратуры, установленной на самолете, можно было получать сведения о системах радиотехнического обеспечения ПВО СССР.

В Вашингтоне руководители ЦРУ и другие причастные к программе U-2 лица ломали голову по поводу исчезновения Пауэрса. Удивляло молчание Москвы: никакой информации. Через два дня, 3 мая, было обнародовано сообщение НАСА, сфабрикованное в ЦРУ и тайно одобренное президентом. В сообщении говорилось, что с 1956 г. по программе изучения метеоусловий верхних слоев атмосферы НАСА использует самолеты фирмы «Локхид» U-2; один из таких самолетов, выполнявший задание 1 мая 1960 г. в воздушном пространстве Турции, пропал без вести около 9 часов утра — возможно, потерпел катастрофу в районе озера Ван. Пилот, вылетевший с аэродрома Адана, находясь в районе Восточной Турции, докладывал, дескать, о неисправности кислородного оборудования. Сообщение это 4 мая появилось в газетах, но особого внимания не привлекло. Руководство ЦРУ напряженно ждало реакции СССР на сообщение, но Москва безмолвствовала. На пресс-конференции в Вашингтоне представители НАСА не дали сколько-нибудь вразумительных ответов на вопросы журналистов.

5 мая в Москве открылась очередная сессия Верховного Совета СССР. Хрущев в своем докладе на ней обнародовал подробности инцидента с самолетом-разведчиком, умолчав, однако, о том, что летчик жив, а части самолета и оборудование позволяют сделать выводы о характере задач, которые он выполнял. В тот же день представитель госдепартамента США выступил перед журналистами с заявлением, в котором повторялась версия НАСА, дополненная, правда, тем, что самолет, выполнявший исследовательский полет по программе НАСА, по всей вероятности, случайно пересек советско-турецкую границу и оказался в пределах СССР. Через час с небольшим после заявления госдепартамента снова выступил руководитель отдела информации НАСА с уточняющим заявлением, что U-2 имел фотокамеры для фотографирования облачности, что это невооруженный гражданский самолет. Он сказал также, что если об этом самолете что-либо известно в СССР, то просит русских сообщить, чтобы не продлевать поиски.

Но в то время, когда в Вашингтоне пытались завуалировать миссию Пауэрса, из американского посольства в Москве поступил сигнал, отбросивший все ложные версии. Он произвел эффект разорвавшейся бомбы. Дело в том, что вечером 5 мая на приеме в посольстве Эфиопии в Москве посол США Л. Томпсон случайно услышал разговор между заместителем министра иностранных дел СССР Я. Маликом и шведским послом. Швед спрашивал, как правительство СССР будет квалифицировать инцидент с U-2. «Не знаю, — сказал Малик, — еще продолжают допросы пилота». «Допросы пилота...» — эти слова, как молния, поразили Томпсона. Он бросился в свое посольство и дал телефонограмму с грифом «Вне всякой очереди» в Вашингтон. Она опоздала на 4 минуты: второе заявление НАСА уже передавалось в прессе¹.

Заявления, сделанные в Вашингтоне, только усложнили положение. 7 мая Хрущев вновь выступил перед депутатами и сообщил, что летчик жив и находится в СССР, американские официальные круги признали факт преднамеренного вторжения в воздушное пространство Советского Союза. Президент Эйзенхауэр подтвердил на пресс-конференции 11 мая, что полеты американских самолетов-разведчиков над территорией СССР являются одним из элементов системы сбора информации о Советском Союзе и проводились планомерно в течение ряда лет. Он заявил, что «отдавал приказы о сборе любыми возможными способами информации, необходимой для защиты Соединенных Штатов и свободного мира от внезапного нападения и для того, чтобы дать им возможность провести эффективные приготовления к обороне». Он заявил также, что эти мероприятия необходимы, так как в «Советском Союзе секретность и тайны стали фетишем». На следующий день он отдал распоряжение прекратить полеты U-2 над Советским Союзом².

Инцидент с U-2 имел весьма серьезные последствия. Намеченное на 16 мая в Париже совещание в верхах не состоялось, хотя главы правительств США, СССР и Великобритании были в Париж; визит Эйзенхауэра в СССР, запланированный

¹ Beschloss M. Mayday. The U-2 Affair. N.Y., 1986. P. 52, 54

² Prologue. Quarterly of the National Archives Spring 1995. Vol. 27.№1. P. 66.

на 10 июня, был отменен, отношения СССР с США ухудшились. Что касается разведывательных полетов американской авиации над СССР, то они были прекращены.

Но самолеты-разведчики продолжали выполнять задания по разведке советских Вооруженных Сил без нарушения границ СССР, хотя и это случалось. Так, 1 июля 1960 г., ровно через два месяца после провала миссии Пауэрса, в Баренцевом море, у побережья Кольского полуострова был сбит самолет-разведчик ВВС США RB-47. На борту его было шесть человек. Вылетев из Великобритании, самолет вышел на секретный маршрут «Бостон Кэспер», выводящий к советской границе в районе мыса Святой Нос. В 17.28 RB-47 вошел в воздушное пространство СССР. Через несколько минут к нему приблизился советский истребитель МиГ-17. Летчик дал сигнал «следуй за мной», но RB-47 продолжал движение по своему маршруту. На предупредительные выстрелы второй пилот RB-47 ответил огнем 20-миллиметровой пушки. В следующую минуту два спаренных левых двигателя самолета-разведчика были поражены очередью советского истребителя. Самолет потерял управляемость и начал падать в море. Штурман и второй пилот катапультировались. Через 6 часов их спас советский траулер. Был также подобран труп командира экипажа. Остальные члены экипажа погибли. На следствии задержанные американские летчики утверждали, что их самолет не нарушал границу СССР. Однако, по данным советских РЛС, последняя часть его маршрута проходила над территориальными водами СССР. Американских разведчиков ждал суд.

По этому инциденту правительство США вначале объявило, что самолет имел научно-исследовательскую задачу, но дальнейшее расследование установило, что RB-47 вел радиотехническую разведку и находился над территориальными водами СССР. В связи с этим глава советского правительства подчеркнул, что обещания администрации США прекратить разведывательные полеты в небе СССР «гроша ломаного не стоят». Он предупредил правительство Великобритании, откуда вылетел самолет, что подобные агрессивные акции могут стать опасными для английского народа. По американским данным, RB-47 был сбит над нейтральными водами. Но президент Эйзенхауэр откло-

Самолет-разведчик RB-47

нил предложение спровоцировать захват советского самолета или корабля независимо от места его истинного нахождения, объявить его «нарушителем границ» и развернуть антисоветскую пропагандистскую кампанию [123, р. 50]. В январе 1961 г., сразу же по вступлении Джона Кеннеди в должность президента США, двое летчиков сбитого самолета RB-47 были переданы американским властям в знак доброй воли Советского Союза.

Подобные случаи происходили и в дальнейшем. Но целенаправленной программы систематической воздушной разведки СССР, какой была программа полетов U-2 или предшествовавшие ей полеты самолетов-разведчиков RB-45, RB-47, «Канберры», после инцидента с Пауэрсом уже не было. Да и необходимость в этом с появлением разведывательных искусственных спутников Земли (американские «Мидас», «Самос», «Феррет» и др.) отпала. Более совершенные средства разведки потеснили авиацию, хотя и сегодня она играет немалую роль.

Руководство СССР предпочитало противопоставить политике балансирования на грани войны широковещательные декларации. В начале 1950-х гг. Советский Союз играл существенную роль в Движении за мир. Оно было достаточно массовым и пользовалось поддержкой левой интеллигенции в Западной Европе и Северной Америке. Успешное испытание советской водородной бомбы 12 августа 1953 г. было полностью использовано в пропагандистских целях как акция борьбы за мир и против атомной войны. За четыре дня до испытания ядерной бомбы в СССР было опубликовано следующее правительственное заявление: «Известно, что за границей сторонники войны длительное время тешили себя иллюзией насчет монополии Соединенных Штатов Америки в деле производства атомной бомбы. Жизнь, однако, показала, что здесь имело место глубокое заблуждение. Соединенные Штаты Америки давно уже не являются монополистами в деле производства атомных бомб. За последнее время заокеанские противники мира нашли себе новое утешение. Соединенные Штаты Америки, видите ли, владеют более мощным, чем атомная бомба, оружием, являются монополистами водородной бомбы. Это, видимо, было бы каким-то утешением для них, если бы соответствовало действительности. Но это не так. Правительство считает необходимым доложить Верховному Совету, что Соединенные Штаты не являются монополистами и в производстве водородной бомбы»¹.

А 20 августа в советской печати было опубликовано соответствующее сообщение советского правительства:

«На днях в Советском Союзе в испытательных целях был произведен взрыв одного из видов водородной бомбы. Вследствие осуществления в водородной бомбе мощной термоядерной реакции взрыв был большой силы. Испытание показало, что мощность водородной бомбы во много раз превосходит мощность атомных бомб. Известно, что Советский Союз уже несколько лет владеет атомным оружием и произвел соответствующие испытания этого оружия. Как следует из выступления Председателя Совета министров СССР Г. М. Маленкова 8 августа с. г. на

¹ Правда. 1953. 9 авг.

5-й сессии Верховного Совета, Советский Союз овладел также секретом производства водородной бомбы.

Это сообщение советского правительства вызвало многочисленные отклики за рубежом. Некоторые иностранные круги, делавшие ставку в своей политике на монополию США в области атомной, а затем водородной бомбы, стремятся запугать народы тем фактом, что Советский Союз владеет секретом производства водородного оружия, и в связи с этим вызвать тревогу, используя ее в целях гонки вооружений.

Советское правительство считает необходимым заявить, что, как и прежде, для такой тревоги нет никаких оснований. В соответствии с неизменной политикой Советского Союза, направленной на укрепление мира и безопасности народов, Советское правительство неоднократно предлагало правительствам других стран провести значительное сокращение вооружений и запретить применение атомного и других видов оружия массового уничтожения, установить в рамках Организации Объединенных Наций строгий международный контроль над этим запрещением. Советское правительство твердо стоит на этой позиции и в настоящее время»¹.

Это сообщение было как бы пробным камнем политики нового руководства СССР, утвердившегося у власти после смерти Сталина. Оно пыталось, с одной стороны, показать, что ядерная мощь СССР возрастает и он готов на равных (хотя это было не так) противостоять США и НАТО; с другой стороны, оно демонстрировало готовность политическим путем как-то смягчить напряженность между Востоком и Западом, усилившуюся после победы коммунистов в Китае и в ходе Корейской войны. Ядерная проблема была одним из важных аспектов взаимоотношений СССР с США и западными странами. Вопрос стоял, как использовать ядерную энергию. Пока военное направление преобладало.

Термоядерный взрыв являлся первым, но не единственным в серии испытаний 1953 г. В том же году испытывались новые типы атомных бомб. Проведенные три взрыва являлись очень существенным фактором в преодолении американской моно-

¹ Правда. 1953. 20 авг.

полии. Это позволяло протянуть пальмовую ветвь мира ядерному оппоненту и показать мировому сообществу, что хотя СССР и обладает мощным разрушительным оружием, но его помыслы направлены на мирное использование ядерной энергии.

Поэтому через месяц после взрыва водородной бомбы на Семипалатинском полигоне, 18 сентября, было опубликовано сообщение ТАСС о дальнейших намерениях Советского Союза в этой области. В нем говорилось: «За последние недели, в соответствии с планом научно-исследовательских работ в области атомной энергии, в Советском Союзе были проведены испытания нескольких типов атомных бомб. Испытания прошли успешно. Они полностью подтвердили расчеты и предположения ученых и инженеров-конструкторов. Вполне понятно, что до тех пор, пока ответственные круги США отвергают настоячивые предложения СССР о запрещении атомного оружия, Советский Союз, исходя из требований безопасности, вынужден будет уделять внимание производству атомного оружия. Вместе с тем Советский Союз будет и впредь следовать политике укрепления мира между народами, добиваясь соглашения с другими странами о безусловном запрещении атомного, водородного и других видов оружия массового уничтожения, значительного сокращения вооружений, установления строгого международного контроля за осуществлением этих решений. Наряду с этим в Советском Союзе ведутся работы по использованию атомной энергии для промышленных целей; Советский Союз считает своей важнейшей задачей добиться того, чтобы атомная энергия была поставлена на службу делу мирного прогресса (ТАСС)»¹.

Но эта пропаганда не могла остановить холодную войну и перерастание политики балансирования на грани войны в «горячую войну». Приходилось силе противопоставлять силу.

* * *

Американский президент Д. Эйзенхауэр как бывший генерал не мог не знать, что разведка предшествует началу военных действий. И тем не менее в течение почти десятилетия активно ис-

¹ Правда. 1953. 18 сент.

пользовал воздушную разведку против Советского Союза. Ее идеологическим обоснованием стала концепция «открытого неба».

Руководство СССР, в большинстве принимавшее прямое участие в Великой Отечественной войне, воздушную разведку воспринимало именно как подготовку к военным действиям. Появление в США тактических ядерных бомб и беспрепятственные полеты американских самолетов над территорией Советского Союза и стран социалистического лагеря представляли непосредственную угрозу внезапного ядерного удара.

Американские стратеги не без основания рассчитывали, что в дорогостоящем соревновании в области вооружений Советский Союз всегда будет в роли догоняющего, а бремя расходов на создание стратегического оружия вынудит СССР все время увеличивать военный бюджет и тем самым сокращать расходы на гражданские отрасли экономики страны, снижать жизненный уровень населения СССР.

Попытки советского руководства привлечь мировую общественность к реальному разоружению и отказу от политики балансирования на грани войны не давали результата. Вследствие сложности поднимаемых проблем они были малопонятны простому человеку. К тому же США и их союзники довольно умело проводили шумные кампании об «агрессивности» СССР и коммунистов и отставании США в гонке вооружений.

2.5. Десталинизация

С начала 1950-х гг. в социалистических странах Восточной Европы в обществе усилились настроения против сталинского варианта социализма. Проводимая форсированная коллективизация, меры против мелких собственников и частной торговли, массовая национализация предприятий вызывали недовольство населения. Усиленное развитие по советскому же образцу тяжелой промышленности приводило к серьезному дефициту продовольствия и потребительских товаров. В такой ситуации происходило массовое бегство жителей в Западную Европу. Смерть Сталина в марте 1953 г. приостановила давление власти и привела к ослаблению со-

ветского контроля. В коммунистических и рабочих партиях, правивших в странах народной демократии, усилилась внутрипартийная демократия. Произошла эрозия власти просталинских элементов в партиях и государстве. На этом фоне накапливавшееся недовольство стало перерастать в массовые выступления против власти.

Первым выступлением против сталинизма стал так называемый мармеладный бунт в Германской Демократической Республике. Ему предшествовало повышение в апреле 1953 г., за два месяца до выступлений, цен на общественный транспорт, одежду, обувь, хлебопродукты, мясо и содержащие сахар продукты. Одновременно нехватка сахара привела к дефициту искусственного меда и мармелада, служившего одним из основных компонентов стандартного завтрака большинства немцев. Возмущение по поводу подорожания мармелада встретило у советского руководства, не имевшего представления о роли мармелада в питании немецких рабочих, недоумение и непонимание и было воспринято как «мармеладный бунт».

В то же время не было отменено ранее принятое решение ЦК Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) «о повышении норм выработки для рабочих в целях борьбы с экономическими трудностями». Оно было опубликовано 28 мая 1953 г. Это вызывало очередное сильное недовольство у рабочих. В поддержку повышения норм высказалось и руководство прокоммунистических профсоюзов. Появившаяся 16 июня 1953 г. в профсоюзной газете «Трибуна» статья в защиту курса на повышение норм выработки стала последней каплей, переполнившей чашу народного недовольства. После того как рабочие получили зарплату и обнаружили в ней вычеты за недоработку — началось брожение. В пятницу 12 июня среди рабочих крупной берлинской стройки (больницы в районе Фридрихсхайн) возникла идея объявить забастовку. Забастовку назначили на понедельник 15 июня. Утром 15 июня строители Фридрихсхайна отказались выйти на работу и на общем собрании потребовали отмены повышенных норм.

Утром 16 июня среди рабочих распространился слух, что полиция занимает больницу во Фридрихсхайне. После этого около 100 строителей со строек элитного партийного жилья

на Сталин-аллее двинулись к больнице, чтобы «освободить» своих коллег. Оттуда демонстранты, к которым присоединилась часть строителей больницы, уже в количестве около 1500 человек двинулись к другим стройкам. Затем демонстрация, численность которой дошла до 10 000 человек, направилась к зданию профсоюзов, но, найдя его пустым, к полудню подошла к Дому министерств на Лейпцигерштрассе. Демонстранты, кроме снижения норм выработки, требовали снижения цен и роспуска Народной Армии. Перед Домом министерств начался митинг. Выступивший перед забастовщиками министр промышленности Фриц Зельбманн пытался успокоить толпу и обещал возвращение прежних норм выработки (соответствующее решение тут же было принято на экстренном заседании правительства). Но это не возымело успеха. Ораторы на митинге стали выдвигать политические требования: объединения Германии, свободных выборов, освобождения политических заключенных и т.д. Толпа вызывала руководителей ГДР, но они не появились. После этого демонстранты двинулись к стройплощадкам Сталин-аллеи, призывая к всеобщей забастовке и к тому, чтобы на следующее утро собраться на митинг протеста на площади Штраусбергер. Для успокоения толпы были направлены автомобили с громкоговорителями, но демонстрантам удалось овладеть одним из них и с его помощью распространять собственные призывы.

О происходящем регулярно сообщала западноберлинская радиостанция РИАС («Радио в американском секторе»). Редактор радиостанции Эгон Бар (впоследствии — видный социал-демократический политик) даже помогал бастующим выбрать лозунги и четко сформулировать требования для передачи по радио. Они сводились к четырем пунктам: 1) восстановление старых норм; 2) немедленное снижение цен на основные продукты; 3) свободные и тайные выборы; 4) амнистия забастовщикам и ораторам. Вечером лидер западноберлинского отделения Германской Федерации Профсоюзов Эрнст Шарновский в выступлении по радио призвал западных берлинцев поддерживать протестующих. Передачи РИАС сыграли важную роль катализатора. Благодаря этим передачам известие о событиях в Берлине и планах на 17 июня распространилось по всей Вос-

Берлинский кризис 1953 г. Советские танки на улицах города

точной Германии, в свою очередь подстрекая тамошних рабочих к выступлениям. Вечером 16 июня к всеобщей забастовке в ГДР призвала также западноберлинская газета «Дер Абенд».

Утром 17 июня в Берлине забастовка была уже всеобщей. Рабочие, собиравшиеся на предприятиях, там же строились в колонны и направлялись в центр города. Уже в 7 часов на площади Штраусбергер собралась 10-тысячная толпа. К полудню численность манифестантов в городе достигла 150 тыс. человек. Лозунгами манифестантов были: «Долой правительство! Долой Народную Полицию!» «Мы не хотим быть рабами, мы хотим быть свободными!». Также выдвигались лозунги, направленные против оккупационных войск: «Русские, убирайтесь вон!». Впрочем, антисоветские лозунги, с энтузиазмом выдвигавшиеся присоединившимися к демонстрантам жителями Западного Берлина, не нашли особой поддержки у жителей Восточного. Были разрушены пограничные знаки и сооружения на границах

советского и западного секторов города. Толпа громила полицейские участки, здания партийных и государственных органов и газетные киоски, продававшие коммунистическую прессу. Участники волнений уничтожали символы коммунистической власти — флаги, плакаты, портреты и пр. Были осаждены полицейские казармы. Демонстранты также попытались освободить заключенных из тюрьмы. Дом министерств был разгромлен; оттуда толпа двинулась к театру Фридрихштадтпаласт, где шло заседание актива СЕПГ, и партийное руководство спешно эвакуировалось под защиту советских войск в Карлсхорст. Город фактически оказался в руках участников волнений.

Волнения перекинулись на всю Восточную Германию. В индустриальных центрах стихийно возникали забастовочные комитеты и советы рабочих, бравшие в свои руки власть на фабриках и заводах. В Дрездене участники массовых волнений захватили радиостанцию и начали передавать сообщения, разоблачающие государственную пропаганду. В Галле были захвачены редакции газет, в Биттерфельде забастовочный комитет послал в Берлин телеграмму с требованием «формирования временного правительства, составленного из революционных рабочих». Согласно последним исследованиям, волнения были не менее чем в 701 населенном пункте Германии (и это, видимо, еще неполное число). Официальные власти Германской Демократической Республики оценили число участников движения в 300 тыс. Оппозиционно настроенные источники число бастующих рабочих оценили примерно в 500 тыс., а общее число участников демонстраций — в 3–4 млн из 18 млн населения и 5,5 млн рабочих (следует иметь в виду, что крестьяне не принимали участия в движении).

Всего подверглось осаде и штурму 250 (по другим данным — 160) правительственных и партийных зданий. Повстанцами было занято 11 зданий районных советов, 14 канцелярий бургомистра, 7 районных и 1 окружной комитет Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). Ими были захвачены 9 тюрем, 2 здания министерства государственной безопасности и 12 полицейских учреждений (округов и участков), в результате чего было освобождено около 1400 уголовников. По официальным данным, было убито 17 и ранено 166 функционеров СЕПГ.

Правительство ГДР обратилось к СССР за вооруженной поддержкой. В ГДР в тот момент стояло 16 советских полков общей численностью 20 тыс. человек. Кроме того, правительство могло рассчитывать на «народную полицию» численностью в 8 тыс. человек. Принципиальное решение о вооруженном вмешательстве было принято в Москве уже вечером 16 июня. Ночью в резиденции советской оккупационной администрации в Карлсхорсте германская делегация в составе В. Ульбрихта, премьер-министра О. Гротеволья и министра госбезопасности Цайссера встретилась с советским Верховным комиссаром В.С. Семеновым и командующим оккупационными войсками А. Гречко и обговорила с ними подробности действий против восставших. В Берлин срочно вылетел министр внутренних дел СССР Берия.

Советская военная администрация 17 и 18 июня ввела чрезвычайное положение в 167 из 217 административных городских и сельских районов страны. Около полудня 17 июня против протестующих были двинуты полиция и советские танки. Демонстранты кидали в танки камнями и пытались повреждать у них радиоантенны. Толпа не расходилась, и советские войска открыли огонь. В 13:00 было объявлено чрезвычайное положение. В 14:00 по радио Гротеволь зачитал правительственное сообщение. Правительство призывало население поддержать мероприятия по немедленному восстановлению порядка в городе и создать условия для нормальной и спокойной работы на предприятиях. Столкновения между советскими войсками и участниками волнений и стрельба продолжались до 19:00. На следующее утро вновь были попытки демонстраций, но они жестко пресекались. Забастовки, однако, спорадически вспыхивали вновь.

В результате беспорядков со стороны властей было 5 убитых и ранено 46 полицейских, из них 14 тяжело. Общий материальный ущерб составил 500 тыс. марок. Со стороны восставших было минимум 125 погибших. 100 человек было осуждено советскими судами на сроки от 3 до 25 лет. Всего же было арестовано около 20 тыс. человек, из них осуждено немецкими судами — не менее 1526. Жертв могло бы оказаться намного больше, если учесть, что в подавлении участвовали несколько советских дивизий и несколько сот танков.

Американцы были застигнуты событиями врасплох и решили сначала, что это — инспирированные ГДР выступления с целью овладеть всем Берлином, как уже было ранее при первом берлинском кризисе. Поэтому вначале они вели себя очень сдержанно. Американские военные власти в Вене отказались предоставить специальный самолет бургомистру Западного Берлина, который в этот момент оказался в столице Австрии на «Дне Европы». Позже, когда антиправительственный характер волнений стал очевиден, американские власти решили, что инспирированная властями демонстрация вышла из-под контроля. Ввиду развития событий директор ЦРУ А. Даллес вылетел в Западный Берлин для выяснения обстановки. Затем над советскими военными объектами в ГДР стали появляться американские самолеты, разбрасывавшие листовки, «содержащие враждебные выпады в отношении советских вооруженных сил и социалистического строительства в Восточной Германии». Американские солдаты в Западном Берлине открыто выражали сочувствие демонстрантам: у Бранденбургских ворот они, например, предоставили бензин для сожжения советского флага.

Франция проявляла сдержанность сама и призывала к ней других; британский премьер Черчилль гарантировал СССР возможность подавить волнения войсками. Он вообще был крайне недоволен волнениями, так как они ставили под угрозу вынашивавшийся им план новой четверной (советско-британско-французско-американской) конференции.

В самом Западном Берлине в момент восстания просто не оказалось лидеров: бургомистр был в Вене, его заместитель — в отпуске, глава Социал-Демократической партии Германии — на лечении в Италии, а глава Христианского Демократического Союза — в Бонне. Канцлер ФРГ Аденауэр прибыл в Западный Берлин только 19 июня, чтобы почтить память погибших. По мнению некоторых источников, демократический Запад предал восстание: например, упоминавшаяся выше западноберлинская радиостанция РИАС сообщила о провале мятежа еще до того, как глава советского сектора Берлина ввел чрезвычайное положение, после чего и началось подавление восстания. Непосредственным последствием кризиса было также прекращение

Владислав Гомулка

в 1954 г. режима советской оккупации и обретение ГДР суверенитета.

Признаки приближающегося кризиса в Польской Народной Республике начали проявляться еще до 1956 г. В марте 1954 г. на XI съезде Польской Объединенной Рабочей партии (ПОРП) в докладе секретаря ЦК Болеслава Берута уже говорилось о необходимости демократизации партийной и политической жизни в стране. Из партийного аппарата были удалены наиболее скомпрометировавшие себя фигуры и освобожден из тюрем ряд политических заключенных, в том числе известный политический деятель Владислав Гомулка. На III пленуме ЦК ПОРП в январе 1955 г. раздались критические голоса в адрес высших партийных руководителей, которых обвиняли в нарушениях законности и просчетах в экономической политике. В польском обществе усилилось «брожение умов», особенно среди интеллигенции [126]. Складывались различные общественные организации, дискуссионные клубы, где остро ставились вопросы политической и общественной жизни.

Ослабление цензуры позволило выносить на обсуждение широкой публики волновавшие общество проблемы идеологии, экономики и истории — рассматривались они в журналах «Нова

культура», «Пшегленд Культуральный», «Попросту» и др. Все это будоражило общественное мнение. Немалую роль играли антисоветские передачи зарубежных радиостанций, таких как «Голос Америки», «Свободная Европа» и др. Развитию свободомыслия в Польше способствовало и изменение обстановки в СССР: прекращение «дела врачей-вредителей», пересмотр «ленинградского дела», разоблачение Берии и его подручных, начало реабилитации политических заключенных и пр. Все это не могло не сказаться на внутривнутриполитической обстановке и в Польше, порождая те политические сдвиги, которые в 1956 г. привели к кризису советско-польских отношений.

Мощный толчок к политическим переменам дал XX съезд КПСС и доклад Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» в феврале 1956 г. В Польше узнали об этом из отчета делегации ПОРП о работе XX съезда КПСС, сообщенного на собрании партийного актива Варшавы 3–4 марта. Несмотря на секретность доклада Хрущева, он вскоре стал достоянием широкой общественности. Так, 10 марта центральный орган ПОРП «Трибуна люду» опубликовал редакционную статью с изложением хрущевского доклада. Это стало сенсацией и вело к брожению в партии и обществе.

Демонстрации рабочих, требующих улучшения условий работы, начались 28 июня 1956 г. в Познани на заводе имени Сталина (теперь имени Х. Цегельского) и были подавлены. Многолюдная толпа собралась в центре города, рядом со зданием тайной полиции Министерства общественной безопасности. Сначала мероприятие проходило организовано, затем события вышли из-под контроля. В центре города начались массовые беспорядки, вызванные, по некоторым данным, стычками между сотрудниками силовых ведомств и демонстрантами. Рабочие разгромили здание городского комитета ПОРП и штурмом взяли тюрьму, освободив политических заключенных. Демонстранты выдвинули лозунги: «Свободы!», «Хлеба!», «Долой коммунизм!». Произошли даже перестрелки демонстрантов с силами внутренней безопасности. Стихийный бунт был жестоко подавлен с помощью войск. В конфликте погибло, по разным данным, от 57 до 78 человек, среди них тринадцатилетний мальчик, ранено около 500 (включая военных). Виновных

в беспорядках и сочтенных таковыми судили осенью. Вначале было арестовано 323 человека, под суд пошло 154, в зале суда появилось 37, в основном по обвинениям в уголовно наказуемых делах. В итоге двое были освобождены, четверо получили условные сроки, 23 человека — от 65 месяцев до 6 лет, но всех вскоре выпустили, кроме виновных в убийстве полицейского. События в городе Познань в значительной степени вдохновили молодых венгров, которые выступили в Будапеште 23 октября 1956 г. [127].

Советские руководители, обеспокоенные тем, что произошло в Польше, искали способ «нормализовать» положение. Нужен был харизматический лидер для удержания польского народа в социалистическом содружестве и в организации Варшавского Договора, созданной всего за год до беспорядков. Такого лидера ЦК КПСС, и прежде всего Хрущев, увидели во Владиславе Гомулке. Он как жертва сталинских репрессий и как человек, имевший свой взгляд на «польский путь к социализму», пользовался в стране и партии непререкаемым авторитетом, противостоял репрессивной политике последних лет. Симпатии в ПОРП к Гомулке и поддержка его Хрущевым привели к тому, что в августе он, а также ранее репрессированные члены партии М. Спыхальский и З. Клишко были реабилитированы и восстановлены в партии. 17 октября Гомулку включили в комиссию по подготовке нового состава политбюро. В тот же день состоялось заседание политбюро. Было решено рекомендовать Гомулку на пост первого секретаря на пленуме ЦК ПОРП, который должен был открыться 19 октября.

С этого момента события начали развиваться с необычайной быстротой. По информации посольства СССР, в Варшаве чуть ли не готовят переворот, в результате которого к власти придут деятели, настроенные антисоветски. В Кремле решили, что настал час решительных действий. 18 октября министр обороны СССР Г.К. Жуков отдает приказ о приведении в боевую готовность Северной группы войск в Польше и Балтийского флота. 19 октября в Варшаву прибыли члены советской делегации Н.С. Хрущев, В.М. Молотов, А.И. Микоян и Л.М. Каганович. Переговоры проходили бурно. Советская делегация выдвинула свои претензии и требовала объяснения действий, которые были направлены

против СССР [128]. Делегация КПСС была не согласна и с тем, что польская сторона не хотела включить в новый состав политбюро советского маршала К. Рокоссовского, бывшего в то время министром обороны Польши. В центре внимания оказалась проблема польско-советских отношений. При ее обсуждении Гомулка, охарактеризовав обстановку в стране, заявил о своей уверенности в том, что ПОРП сумеет успешно справиться с ситуацией и сохранить Польшу в социалистическом содружестве и Варшавском Договоре. Он потребовал уточнить статус советских войск в Польше, прекратить вмешательство официальных советских представителей во внутренние дела Польши [129].

Тем временем за стенами Бельведерского дворца, где шли переговоры, события продолжали развиваться. Приведенные 18 октября в повышенную готовность советские части Северной группы войск не бездействовали. По приказу главнокомандующего Объединенными войсками Варшавского Договора маршала И.С. Конева танковая дивизия с места дислокации двигалась к Варшаве. Обстановка была чрезвычайно тревожная. По мнению Рокоссовского, не все польские войска выполняют его приказ, хотя есть части, которые выполняют его [128, с. 75]. Пока шли бурные дебаты в Бельведере, советская танковая дивизия приближалась к Варшаве. Узнав об этом, польское руководство срочно создало два штаба — военный и гражданский. На военный штаб возлагалась задача следить за передвижением советских войск и информировать политбюро. Гражданский штаб должен был обеспечить помощь военному штабу в случае необходимости. Его актив составляли студенты и рабочие автозавода, которые сформировали рабочую милицию. 800 человек были вооружены стрелковым оружием. На других заводах и фабриках создавались отряды самообороны¹.

О приближении танковой дивизии к Варшаве было объявлено участникам совещания. Гомулка в разгар горячего спора обратился к Хрущеву с просьбой остановить движение советских войск. При этом он сказал, что Польша больше нуждается в дружбе с русскими, чем русские в дружбе с поляками, а без СССР Польша не сможет просуществовать как независимое го-

¹ *Toranska T. Oni Wazszawa, 1989. S. 386.*

сударство [128, с. 76]. Советская делегация, посоветовавшись с Рокоссовским, приняла решение остановить марш танковой дивизии. Обстановка разрядилась, когда польское руководство через свои каналы убедилось, что советские войска отведены от Варшавы. 20 октября советская делегация вернулась в Москву, предварительно договорившись о том, что переговоры продолжатся в ближайшее время в Москве [130].

В те октябрьские дни на улицах польских городов, особенно Варшавы, начались митинги, достигшие наибольшего накала 19–21 октября. Только после массового (300 тыс. человек) митинга в столице у Дворца культуры 24 октября, на котором с балкона выступил Гомулка, призвавший прекратить «митинговщину», жизнь страны стала входить в нормальное русло. Решения, принятые на пленуме ЦК ПОРП, стали быстро осуществляться. Был освобожден от поста министра национальной обороны К. Рокоссовский (вскоре он вернулся в Москву), ликвидирован институт советских военных советников, заменены начальники политорганов в вооруженных силах, сменились партийные руководители в воеводствах, в высшие органы законодательной и исполнительной власти вошли представители Объединенной Крестьянской и Демократической партий, повысилась роль сейма как законодательного органа, большую роль в общественной жизни начал играть костел¹.

24 октября в Москве состоялось расширенное заседание Президиума ЦК КПСС с участием лидеров коммунистических и рабочих партий социалистических стран: В. Ульбрихта и О. Гротевоя (ГДР), Т. Живкова (Народная Республика Болгария), А. Новотного (Чехословацкая Социалистическая Республика) и представителя КНР — Лю Шао-ци. На нем обсуждалось положение в Польше и Венгрии, где также нарастали народные волнения. Хрущев доложил о поездке в Варшаву советской делегации и новом составе политбюро ЦК ПОРП. Он рассказал об обстановке резких споров, в которой проходила дискуссия, о выступлении Гомулки, игравшем ключевую роль с польской стороны в переговорах². Принципы суверенности, равноправия

¹ Bulletin Issue 5. Washington (D.C.). Spring 1995. P. 53.

² Bulletin. P. 53.

в отношениях между социалистическими странами, невмешательства во внутренние дела друг друга нашли отражение в Декларации правительства СССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами. Она была принята 30 октября 1956 г. и на следующий день опубликована в советской и польской печати.

В Декларации говорилось, что «страны великого содружества социалистических наций могут строить свои взаимоотношения только на принципах полного равноправия, уважения территориальной целостности, государственной независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга»; провозглашалась «необходимость полного учета исторического прошлого и особенностей каждой страны, вставшей на путь строительства новой жизни», а также готовность принять «меры, обеспечивающие дальнейшее развитие и укрепление экономических связей между социалистическими странами с тем, чтобы устранить какие бы то ни было возможности нарушения принципа суверенитета, взаимной выгоды и равноправия в экономических отношениях»; выражалось согласие рассмотреть вопросы о статусе советских войск в Польше, находившихся там «на основании Потсдамского соглашения четырех держав и Варшавского Договора» и отзыве в СССР советских советников. Много места в Декларации отводилось событиям в Венгрии¹.

Второй раунд советско-польских переговоров состоялся в Москве 15–18 ноября 1956 г. Принятая на нем совместная декларация утверждала принцип полного равноправия, уважения территориальной целостности, независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела². Декларация определяла статус советских войск в Польше, экономические отношения между двумя странами и порядок дальнейшей репатриации поляков, оказавшихся в СССР после Второй мировой войны.

Итоги переговоров были встречены в Польше положительно. Новое руководство страны набирало авторитет во всех слоях общества. Кризис советско-польских отношений был преодолен.

¹ См.: Известия. 1956. 31 окт.

² См.: Правда. 1956. 19 нояб.

После совещаний в Варшаве и Москве советскому руководству казалось, что «польский вопрос» решен. В Польше действительно до конца 1970-х гг. сопротивление советской «модели социализма» (всегда подспудно существовавшее) не достигало такой степени накала, как, например, в Чехословакии в 1968 г., однако демонстрация советской стороной полного взаимопонимания между СССР и Польшей, хотя и способствовала в значительной мере укреплению польско-советских отношений, но не положила конец разногласиям. «Польский вопрос» незримо присутствовал во всех перипетиях противостояния СССР — США и НАТО — ОВД. «Польский октябрь» показал возможность гуманного решения спорных вопросов между СССР и другими странами социалистического содружества. И хотя приемы силового давления не исчезли из арсенала политических средств СССР, в его внешней политике все большее место стало отводиться поискам иных политических методов, учитывающих интересы другой стороны.

Более глубоким в 1956 г. оказался кризис партии и власти в Венгерской Народной Республике. Во Второй мировой войне Венгрия принимала участие на стороне фашистского блока, ее войска участвовали в оккупации территории СССР, из венгров были сформированы три дивизии СС. В 1944–1945 гг. венгерские войска были разгромлены, ее территория занята советскими войсками. После войны в стране были проведены выборы, предусмотренные Ялтинскими соглашениями, на которых большинство получила Партия мелких сельских хозяев. Однако коалиционное правительство, навязанное контрольной комиссией союзников, отдало победившему большинству половину мест в кабинете, а ключевые посты оставались за Венгерской коммунистической партией. Коммунисты, пользуясь поддержкой советских войск, арестовали большинство лидеров оппозиционных партий, а в 1947 г. провели новые выборы. К 1949 г. власть в стране была главным образом представлена коммунистами. В Венгрии была проведена коллективизация, начались массовые репрессии против оппозиции, церкви, офицеров и политиков бывшего режима и многих прочих противников новой власти. Венгрия (как бывшая союзница нацистской Германии) должна была выплачивать значительные контрибуции в пользу

СССР, Чехословакии и Югославии, составлявшие до четверти валового внутреннего продукта.

Важную роль в военно-политической обстановке в Венгрии сыграло и то, что в мае 1955 г. соседняя Австрия стала единым нейтральным самостоятельным государством, из которого после подписания мирного договора были выведены союзнические оккупационные войска. Определенную роль сыграла подрывная деятельность западных спецслужб, в частности британской МИ-6, которая готовила многочисленные кадры «народных повстанцев» на своих секретных базах в Австрии и затем перебрасывала их в Венгрию.

Восстанию предшествовала внутрипартийная борьба в Венгерской партии труда между сталинистами и сторонниками реформ. Как и в других странах Восточной Европы, большой резонанс в Венгрии получили решения XX съезда КПСС. Однако венгерское партийно-политическое руководство во главе с первым секретарем ЦК Венгерской партии трудящихся (ВПТ) М. Ракоши продолжало прежний политический курс, взятый еще в сталинские времена, что вызывало все большее недовольство в стране. Летом 1956 г. оно стало всеобщим и достигло критической точки. В СССР это вызвало тревогу. В Будапешт была направлена высокопоставленная партийная делегация для выработки необходимых мер по стабилизации положения. Побывавший в Венгрии член Политбюро М.А. Суслов, однако, не увидел тогда особых причин для беспокойства. Сторонники Ракоши после этого визита предложили «разработать и осуществить мероприятия, обеспечивающие усиление партийной работы в МВД и его местных органах, а также принятие других необходимых мер для борьбы с подрывной деятельностью оппозиции и вражеской агентуры».

Однако начатая правительством кампания «по наведению порядка» взбудоражила и без того неспокойное венгерское общество. Возникла опасность взрыва народного гнева. Пленум ЦК ВПТ, начавший свою работу 18 июля 1956 г. с участием А.И. Микояна, прибывшего в Будапешт для выяснения обстановки, снял Ракоши с поста первого секретаря ЦК партии. Первым секретарем партии стал Эрне Гере (министр государственной безопасности). Он, по существу, продолжал прежний

Матьяш Ракоши

курс, который поддерживало абсолютное большинство политбюро, и только Янош Кадар, известный политический деятель, недавно выпущенный из тюрьмы, выступал за политические перемены [131]. Однако венгерское общество продолжало бурлить. Советское руководство осознавало сложность ситуации. После июньского совещания руководителей компартий в Москве Н.С. Хрущев писал И. Тито, что если венгерская ситуация будет ухудшаться, то не исключается использование любых средств для преодоления кризиса [132].

Группировка советских войск в Венгрии включала соединения и части Особого корпуса в составе двух механизированных дивизий и двух авиационных дивизий. В августе 1956 г. по распоряжению Министерства обороны СССР был разработан план (под условным названием «Компас») действий войск корпуса по восстановлению общественного порядка в Будапеште и других венгерских городах [133]. Механизированная дивизия должна была взять под охрану важные объекты столицы. Второй механизированной дивизии предписывалось основными силами прикрыть границу с Австрией. Другие соединения и части предназначались для поддержания порядка в пунктах постоянной дислокации. В специально разработанной инструкции

Убийство венгерского коммуниста. Будапешт, 1956 г.

оговаривался порядок действий частей с применением оружия в особых условиях.

К осени 1956 г. сложилась взрывоопасная ситуация, которую партийно-государственное руководство во главе с Гере и премьером А. Хегедюшем не сумело предвидеть и разрядить. Отстранение Ракоши, а также вызвавшее большой резонанс Познанское восстание 1956 г. в Польше привели к росту критических настроений в среде студенчества и пишущей интеллигенции. С середины года начал активно действовать «Кружок Петефи», в котором обсуждались самые острые проблемы, встающие перед Венгрией. 16 октября 1956 г. студенты университета в Сегеде организованно вышли из прокоммунистического «Демократического Союза Молодежи» и возродили «Союз Студентов Венгерских Университетов и Академий», существовавший после войны и разогнанный правительством. В течение нескольких дней отделения союза появились в Пече, Мишкольце и других городах.

22 октября к этому движению присоединились студенты Будапештского Технологического Университета (в то время — Бу-

дапештского Университета Строительной Промышленности). Ими был сформулирован перечень из 16 требований к органам власти: немедленный созыв внеочередного партийного съезда, удаление сталинистов из руководства, расширение социалистической демократии, возвращение на пост бывшего премьера И. Надя (снятого с этого поста еще в 1955 г. за попытки проведения демократических реформ), отказ от чрезмерных для крестьянства государственных поставок сельскохозяйственной продукции и др. К обычным добавились требования, отражавшие национально-демократические устремления: предоставление гражданских прав, разрешение многопартийности, проведение свободных выборов, возвращение старой национальной символики. Студенты добивались нормализации советско-венгерских отношений на основе равноправия и принципа невмешательства во внутренние дела друг друга, а также вывода советских войск из Венгрии.

На 23 октября 1956 г. намечался митинг солидарности студентов с польскими трудящимися в борьбе против политики правительства, а также марш протеста от памятника Бему (польский генерал, герой Венгерской революции 1848 г.) до памятника Петефи. Обстановка в стране вызывала беспокойство и у советского руководства. Были приведены в повышенную готовность воинские части, расквартированные в Венгрии, а также стрелковый корпус Прикарпатского военного округа, механизированная дивизия, дислоцированная в Румынии (у румыно-венгерской границы). 23 октября глава КГБ СССР И.А. Серов и первый заместитель начальника Генштаба Советской Армии М.С. Малинин находились уже в Венгрии.

23 октября в 3 часа дня студенты и присоединившиеся к ним жители Будапешта вышли на демонстрацию. Сначала она носила мирный характер. Демонстранты несли красные флаги, транспаранты, на которых были написаны лозунги о советско-венгерской дружбе, о включении Надя в состав правительства и т. д. Но на площадях Ясаи Мари, Пятнадцатого марта, на улицах Кошута и Ракоци к демонстрантам присоединились радикально настроенные группы, выкрикивающие лозунги другого толка. Они требовали восстановления старой венгерской национальной эмблемы, старого венгерского национального праздника

вместо Дня освобождения от фашизма, отмены военного обучения и уроков русского языка, удаления «символа сталинской тирании и политического подавления» — памятника Сталину, возвращения на родину Ракоши, нашедшего убежище в СССР, с тем, чтобы тот предстал перед судом за свои антинародные действия и преступления. Кроме этого были выдвинуты требования проведения свободных выборов и вывода советских войск из Венгрии.

Вечером 23 октября, после завершения трудового дня, у здания парламента собрались сотни тысяч представителей разных социальных групп, включая рабочих крупнейших промышленных предприятий Будапешта. Они требовали, чтобы перед ними выступил опальный Надь, настаивали на возвращении его на пост премьер-министра страны и продолжении его реформ. Демонстранты начали демонтировать памятник Сталину. В 20 часов по радио первый секретарь ЦК ВПТ Гере произнес речь, резко осуждающую демонстрантов. В ответ часть митингующих во главе со студентами отправилась к зданию радио, чтобы добиться передачи по радио своих требований. Руководство венгерского радио не пожелало разговаривать со студентами. Попытка проникнуть силой в здание привела к столкновению с оборонявшими Дом радио подразделениями венгерской госбезопасности, в ходе которого после 21 часов появились первые убитые и раненые. Кровавое пролитие, жертвы среди мирных граждан привели к тому, что ряд милиционеров и военнослужащих встали на сторону масс. Началось восстание.

Оружие повстанцы получили или отняли у подкрепления, посланного на помощь охране радио, а также на складах гражданской обороны и в захваченных полицейских участках. Группа повстанцев проникла на территорию казармы Килиана, где располагались три строительных батальона, и захватила их оружие. Многие стройбатовцы присоединились к повстанцам. Ожесточенный бой в Доме радио и вокруг него продолжался всю ночь. Начальник Главного управления полиции Будапешта распорядился в повстанцев не стрелять, в их действия не вмешиваться. Он безоговорочно выполнил требования собравшейся перед управлением толпы об освобождении заключенных и снятии красных звезд с фасада здания.

Ночью 23 октября 1956 г. партийные власти Венгрии принимали срочные меры по пополнению высшего руководства страны людьми из демократического крыла партии в расчете на то, что с их помощью удастся успокоить восставших. Надь был срочно восстановлен в высшем руководстве и назначен президиумом Венгерской партии труда (ВПТ) на пост председателя совета министров. Он уже занимал этот пост в 1953–1955 гг., но был репрессирован за реформаторские взгляды. Незадолго до восстания Надь был реабилитирован. Но и это, и то, что было введено чрезвычайное положение, уже не смогло переломить ход событий.

В тот же день, 23 октября, министр обороны СССР Жуков доложил Хрущеву о срочной просьбе Гере оказать помощь в разгоне «демонстрации» небывалого масштаба [134]. Однако в Москве колебались. Только после нового обращения из Будапешта, где говорилось «об исключительно опасной ситуации и необходимости советского вмешательства», советское руководство решилось на военное вмешательство. В 23 часа на основании решения Президиума ЦК КПСС начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР приказал командиру Особого корпуса начать выдвижение в Будапешт для оказания помощи венгерским войскам «в восстановлении порядка и создания условий для мирного созидательного труда».

24 октября главные силы особого корпуса в Венгрии, вступив в Будапешт, с 2 до 4 часов по местному времени взяли под свой контроль важнейшие объекты города и очистили район радиостанции от повстанцев. Советские войска сопротивления не встретили. Демонстрация силы была призвана устрашить «мятежных венгров», но танки на улицах, разгон демонстрантов лишь усугубили положение в стране. Эти действия повели к выдвижению новых требований, в частности вывода из страны советских войск, оказавших поддержку потерпевшему крах венгерскому партийному руководству. А оно все еще не осознавало масштаба опасности.

В ночь на 24 октября в Будапешт было введено около 6000 военнослужащих Советской армии, 290 танков, 120 бронетранспортеров, 156 орудий. Вечером к ним присоединились части 3-го стрелкового корпуса Венгерской Народной Армии (ВНА).

*Советские танки
на улицах Будапешта.
1956 г.*

В Будапешт прибыли члены Президиума ЦК КПСС Микоян и Сулов, председатель КГБ, заместитель начальника Генштаба. Утром к городу подошла 33-я гвардейская механизированная дивизия, вечером — 128-я гвардейская стрелковая дивизия. Они были включены в состав Особого корпуса.

25 октября, вместо того чтобы попытаться мирно урегулировать обострившийся конфликт (в тех условиях это было вполне возможно), Гере стал угрожать. Это существенно осложнило положение в стране. В это время у здания парламента произошел инцидент. С верхних этажей был открыт огонь, в результате чего погиб советский офицер и был сожжен танк. В ответ на это советские войска открыли огонь по манифестантам, в результате с обеих сторон был убит 61 человек и 284 ранено. После провокационного обстрела безоружных демонстрантов 25 октября на площади возле здания парламента начавшееся братание студентов и молодежи с советскими солдатами прекратилось. В тот же день, 25 октября, пост Гере занял Я. Кадар. Смена ли-

дера ВПТ позволила правительству Надя сделать конкретные шаги по ликвидации кризиса демократическим путем.

Однако присутствие советских войск, их участие в подавлении восстания способствовали тому, что наряду с требованием демократизации внутренней жизни страны повстанцами были выдвинуты вопросы национального суверенитета и вывода советских войск из Венгрии. Надя лишь под давлением масс в целях смягчения напряженности, в интересах прекращения вооруженных стычек в одном из своих выступлений по радио 25 октября был вынужден от имени правительства, с одобрения ЦК ВПТ заявить, что советские войска будут выведены «незамедлительно после восстановления мира и порядка» [135]. Заявление Надя было расценено в ЦК КПСС как самовольное, заранее не согласованное с Москвой «обещание начать переговоры с Советским Союзом о выводе советских войск из Венгрии». После этого правительство Надя, уже не упоминая о выводе советских войск, начало урегулирование конфликта с повстанцами мирными средствами. Оно призвало к прекращению огня и объявило амнистию тем, кто сложит оружие.

Участники выступлений тем не менее продолжали оказывать давление на правительство с тем, чтобы оно выполнило три основных его требования: вывести советские войска; сформировать правительство на коалиционной основе; ликвидировать органы госбезопасности, повинные в массовом расстреле 25 октября у парламента. Союз писателей Венгрии выступил с требованием немедленно прекратить огонь и предложил объявить амнистию участникам боев и отвести советские войска в казармы. Но были и более радикальные требования: вывести советские войска из страны до начала 1957 г., а также вывод Венгрии из Организации Варшавского Договора¹.

События последующих дней еще более накалили обстановку: произошли расстрелы мирных демонстрантов в Мишкольце, Дьере, Эстергоме, Кечкемете и других городах. Они показали, что силовые меры не достигают цели и национальное примирение возможно лишь в результате уступок и переговоров, удовлетворения хотя бы части требований восставших. Были начаты

¹ Irodalimi Ujsag. 1956. Okt. 26.

переговоры с повстанцами в Будапеште. Вечером 28 октября Надь выступил по радио и пообещал удовлетворить часть требований повстанцев. Он заявил, что «правительство осуждает взгляды, в соответствии с которыми нынешнее грандиозное народное движение рассматривается как контрреволюция». Правительство объявило о прекращении огня и о начале переговоров с СССР о выводе советских войск из Венгрии. Надь изложил программу обновленного правительства, в которое вошли и представители бывшей некогда влиятельной партии мелких сельских хозяев. Было обнародовано распоряжение правительства о немедленном прекращении огня. Прекратили боевые действия соответственно и советские подразделения. По согласованию с представителями СССР правительством Надя органы госбезопасности были распущены. Получили признание стихийно возникшие органы народного самоуправления — революционные и рабочие Советы. Были восстановлены национальный герб и национальный праздник 15 марта — День памяти революции 1848 г. Правительственное заявление вызвало облегчение, было встречено с одобрением со стороны населения. Оно означало перелом в противостоянии между правительством и восставшими, начали складываться предпосылки для мирного диалога и преодоления противостояния, открывалась возможность мирного выхода из сложившейся ситуации.

Утром 30 октября все советские войска были уведены в места дислокации. Советским военнослужащим приказом от 30 октября было запрещено открывать ответный огонь, «поддаваться на провокации» и выходить за расположение части. Но процесс обоюдного движения к мирному выходу из ситуации был омрачен новым серьезным инцидентом. 30 октября у Будапештского горкома партии группа повстанцев заметила солдат распущенных органов госбезопасности. Повстанцы полагали, что в подвале здания держат арестованных. Желая их освободить, собравшиеся на площади пытались проникнуть в здание. Направленная туда делегация была уничтожена, после чего началась перестрелка, которая завершилась штурмом здания и расстрелом его защитников [136].

Улицы венгерских городов остались практически без власти. Некоторые тюрьмы были захвачены восставшими. Охрана

*Расстрелянные мятежниками сотрудники
госбезопасности Венгрии*

сопротивления практически не оказывала и частично разбежалась. Из тюрем были выпущены находившиеся там политзаключенные и уголовники. На местах профсоюзами начали создаваться рабочие и местные советы, не подчиняющиеся властям и не контролируемые коммунистической партией.

Восстание, добившись определенных временных успехов, быстро радикализировалось. Имели место убийства коммунистов, сотрудников госбезопасности и министерства внутренних дел Венгрии, обстрелы советских военных городков. Фашистские гвардейцы Белы Кирая и отряды Дудаша казнили коммунистов, сотрудников госбезопасности и венгерских военных, отказывающихся им подчиниться. Повстанцами был захвачен Будапештский городской комитет ВПТ, и более 20 коммунистов было повешено толпой. Фотографии повешенных коммунистов

со следами пыток, слицами, обезображенными кислотой, обошли весь мир. Эта расправа была, однако, осуждена представителями политических сил Венгрии.

Надъ уже мало что мог сделать. Восстание перекинулось на другие города. В стране быстро наступил хаос. Прервалось железнодорожное сообщение, прекратили работу аэропорты, закрылись лавки, магазины и банки. Повстанцы рыскали по улицам, отлавливая сотрудников госбезопасности. Их узнавали по знаменитым желтым ботинкам, разрывали на части или вешали за ноги, порой кастрировали. Пойманных партийных руководителей огромными гвоздями прибивали к полам, вложив в их руки портреты Ленина.

Возобновление восстания в Будапеште оказалось неожиданным и для венгерского, и для советского руководства, и для мирового сообщества. Примерно 28 октября московскому руководству стало известно о позиции администрации США по венгерскому вопросу. Опасения усугубить обстановку (в Вашингтоне знали о готовящемся вторжении в Египет англо-франко-израильских сил) и нежелание возможного конфликта с СССР привели к тому, что вашингтонская администрация провозгласила политику невмешательства, о чем посол США в Москве Ч. Болен 29 октября уведомил советское руководство [137]. В тот же день Израиль, начав войну против Египта, вторгся в зону Суэцкого канала. В военный конфликт вмешались вооруженные силы Англии и Франции. Все эти события в итоге оказали решающее влияние на политику СССР, руководители которого изменили тактику поведения в отношении Венгрии [138].

Однако позиция Запада в отношении венгерских событий носила двойственный, противоречивый и в значительной мере подстрекательский характер. Венгерское население чрезвычайно будоражили передачи на Венгрию радиостанций «Голос Америки» и «Свободная Европа». Нередко в этих передачах содержалась, по существу, программа действий для людей, не согласных с порядками в Венгрии. К тому же материалы этих радиостанций были составлены таким образом, что создавали у многих венгров иллюзию, что если развитие событий примет «чрезвычайный характер», то «Запад не оставит Венгрию в беде». Однако когда события действительно приобрели чрез-

вычайный характер, то все обернулось совсем по-другому. Западные державы и не собирались идти на помощь венгерским повстанцам [139].

В руководящих кругах США и НАТО считалось, что события в Венгрии являются внутренним делом советского блока. В этой связи красноречивы свидетельства бывшего в то время министром обороны ФРГ Ф.-Й. Штрауса: «Сначала американцы внушают венграм надежду, а когда дело становится серьезным, они бросают венгерский народ на произвол судьбы. Не могло идти речи о военном вмешательстве со стороны НАТО. Подавление венгерского народного восстания Красной Армией не рассматривалось как акция, затрагивающая интересы НАТО...» [140].

30 октября правительство Надя приняло решение о восстановлении в Венгрии многопартийной системы и о создании коалиционного правительства из представителей ВПТ, Независимой партии мелких хозяев, Национальной крестьянской партии и воссозданной Социал-Демократической партии. Было объявлено о предстоящем проведении свободных выборов.

Стечение обстоятельств, международные факторы (позиция Вашингтона, углубляющийся Суэцкий кризис и др.) толкали большую часть советского руководства к решительным действиям. 31 октября Хрущев на заседании Президиума ЦК КПСС заявил: «Если мы уйдем из Венгрии, это подбодрит американцев, англичан и французов. Они поймут как нашу слабость и будут наступать». Было принято решение создать «революционное рабоче-крестьянское правительство» во главе с Я. Кадаром и провести военную операцию с целью свержения правительства Надя. План операции, получившей название «Вихрь», был разработан под руководством министра обороны СССР.

1 ноября Надь по радио провозгласил нейтралитет ВНР и объявил о ее готовности жить в дружбе со всеми соседними странами, включая СССР, на принципах равноправия и независимости¹. Решение о расторжении Венгрией Варшавского Договора было сообщено нотой посольству СССР. Одновременно Венгрия обратилась в ООН с просьбой о помощи в защите

¹ Nepszabadsag. 1956. Nov. 2.

Имре Надь

своего нейтралитета. Были предприняты также меры по защите Будапешта на случай «возможного внешнего нападения». Выход Венгрии из ОВД и социалистического содружества мог привести к непредсказуемым для престижа Советского Союза последствиям. И решение было принято.

Рано утром 4 ноября начался ввод в Венгрию новых советских воинских частей под общим командованием маршала Жукова. Уже 4 ноября были захвачены основные объекты в Будапеште [141]. Надь после начала наступления советских войск на Будапешт выступил по радио с обращением к народу страны и мировому сообществу об «очевидных намерениях свергнуть законное демократическое венгерское правительство» и с остальными коммунистами-реформаторами из правительства нашел убежище в здании югославского посольства. Радио Будапешта на русском и венгерском языках непрерывно передавало сообщение: «Венгерское правительство просит офицеров и солдат Советской Армии не стрелять. Избегайте кровопролития! Русские — наши друзья и останутся ими!» [142].

Рано утром 4 ноября, почти одновременно с началом военных операций, на волнах Солнокского радио прозвучало обра-

щение нового, созданного в Солноке Революционного рабоче-крестьянского правительства Яноша Кадара. В нем говорилось, что это правительство обратилось с просьбой к командованию советских войск, чтобы оно «помогло нашему народу разбить черные силы реакции и контрреволюции, восстановить народный социалистический строй, восстановить порядок и спокойствие в нашей стране» [143].

Венгерские войска не оказывали организованного противодействия советским войскам. Исключение составляли отряды венгерской национальной гвардии и ряд армейских подразделений. Советские войска наносили артиллерийские удары по очагам сопротивления и проводили последующие зачистки силами пехоты при поддержке танков. Основными очагами столкновений стали рабочие пригороды Будапешта, где местные советы сумели возглавить более или менее организованное сопротивление. Эти районы города подверглись самым массированным артобстрелам. К 10 ноября рабочие советы и студенческие группы обратились к советскому командованию с предложением о прекращении огня. Вооруженное сопротивление прекратилось, но стихийное сопротивление групп повстанцев в ряде районов венгерской столицы продолжалось вплоть до 11 ноября.

После 10 ноября еще до середины декабря рабочие советы продолжали свою работу, нередко выходя на прямые переговоры с командованием советских частей. Однако к 19 декабря 1956 г. органами государственной безопасности рабочие советы были разогнаны, а их лидеры арестованы. Венгры в массовом порядке эмигрировали. Страну покинуло почти 200 тыс. человек (5% от общей численности населения), для которых в Австрии были созданы лагеря беженцев в Трайскирхене и Граце.

В восстании приняло участие более 50 тыс. венгров. Оно было подавлено советскими войсками (31 тыс.) при поддержке венгерских рабочих дружин (25 тыс.) и венгерских органов государственной безопасности (1,5 тыс.). По венгерским данным, с 23 октября 1956 по январь 1957 г. (до тех пор, пока не прекратились отдельные вооруженные стычки повстанцев с венгерскими властями и советскими войсками) с венгерской стороны погибли 2502 и были ранены 19 226 человек [137, с. 76].

С советской стороны были убиты, умерли от ран и пропали без вести 720, а ранены 1540 человек [144].

В ходе боевых действий в Венгрии советским танковым и механизированным частям приходилось вступать в бой с ходу, без тщательной разведки, подготовки и организации взаимодействия, прежде всего с пешими бойцами. В условиях крупных городов (например, в Будапеште) такие действия не приносили успеха. Повстанцы умело использовали противотанковые средства ближнего боя и особенности городской среды. Советские войска несли ощутимые потери. Уличные бои отличались особой напряженностью. Восставшими создавались сильные очаги сопротивления. Проходы между домами минировались, улицы перекрывались баррикадами. Штурмовые группы советских войск действовали огнеметами, дымовыми гранатами и шашками. В тех случаях, когда массированное применение артиллерии не давало результатов, проводились внезапные ночные атаки [145].

Сразу же после подавления восстания начались массовые аресты. Всего спецслужбы Венгрии и их советские коллеги арестовали около 5000 венгров. Премьер-министр Надь и члены его правительства 22 ноября 1956 г. были выманены из посольства Югославии, где они укрылись, и заключены под стражу на территории Румынии. Затем они были возвращены в Венгрию, и над ними состоялся суд. Надь и бывший министр обороны П. Малетер были приговорены к смертной казни по обвинению в государственной измене. Однако к 1963 г. все участники восстания были амнистированы и освобождены правительством Кадара. После падения социалистического режима Имре Надь и Пал Малетер были торжественно перезахоронены в июле 1989 г.

* * *

События в ГДР, Польше и Венгрии стали симптомом неблагополучия в лагере стран социализма. Они подлили масла в огонь холодной войны, дали толчок творцам американской внешней политики усилить деятельность американских спецслужб и пропагандистских организаций по разложению изнутри государств Организации Варшавского Договора и всего

социалистического содружества, используя и нагнетая антисоветские настроения, поддерживая националистические элементы в этих странах.

Советское руководство, столкнувшись с обострением политической и экономической обстановки в восточноевропейских странах, встало на путь использования вооруженных сил против массовых выступлений трудящихся. Силовое разрешение кризисов не привело к устранению их причины, а лишь отсрочило реализацию выдвигаемых оппозицией политических и экономических программ. Привлечение к разрешению кризисов высших партийных и государственных чиновников, как правило, не давало желаемого результата. Меры же по предотвращению кризисов так и не были выработаны.

Польский кризис был разрешен политическими средствами, хотя советское руководство было готово применить силу и даже предприняло шаги в этом направлении. Избежать насилия удалось потому, что оно проявило благоразумие, способность пойти на компромисс, встретив конструктивную позицию польских лидеров в вопросе построения советско-польских отношений на новых принципах.

* * * *

Холодная война началась после того, как завершилось формирование капиталистического и социалистического лагерей. Инструментом капиталистического стал военный блок НАТО. Социалистический блок опирался на Организацию Варшавского Договора.

ГЛАВА 3

Борьба за третий мир

Середина 1950-х — начало 1960-х гг. ознаменовалась окончательным распадом британской и французской колониальных империй. Президент США Дж. Кеннеди дал следующую характеристику этому процессу: «Великое поле битвы, обороны и наступления свободы находится сегодня... в Азии, Африке и на Среднем Востоке, где народы поднимаются на борьбу. Их революция — самая величайшая в истории человечества» [1]. Встал вопрос о том, кто возглавит эту революцию. На роль лидера претендовали Соединенные Штаты и Советский Союз.

3.1. Крах колониализма

Организация Объединенных Наций согласно Уставу была как раз тем международным институтом, который предназначался для обеспечения мирной деколонизации. Соединенным Штатам не удалось установить свой контроль над этим процессом в ООН из-за противодействия Советского Союза. Право вето в Совете Безопасности ООН не позволяло западным державам произвольно трактовать меры, необходимые для поддержания мира и безопасности в странах третьего мира. В 1950 г. на чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи США была предпринята попытка обойти это препятствие. В резолюции

«Единство в пользу мира» говорилось: «если Совет Безопасности в результате разногласия постоянных членов оказывается не в состоянии выполнить свою главную обязанность по поддержанию международного мира и безопасности во всех случаях, когда имеются основания усматривать угрозу миру, нарушение мира или акт агрессии, Генеральная Ассамблея немедленно рассматривает этот вопрос с целью сделать членам Организации необходимые рекомендации относительно коллективных мер, включая — в случае нарушения мира или акта агрессии — применение, когда это необходимо, вооруженных сил для поддержания и восстановления международного мира и безопасности. В период между сессиями Генеральная Ассамблея может собраться на чрезвычайную специальную сессию, созываемую в течение двадцати четырех часов со времени поступления требования о таком созыве. Такая чрезвычайная специальная сессия созывается по требованию Совета Безопасности, поддержанному голосами любых семи членов Совета, или по требованию большинства членов Организации Объединенных Наций». Но в последующем эти решения носили лишь рекомендательный характер.

Вследствие такого положения Соединенные Штаты стали инициаторами создания коллективных форм военно-политического подчинения освободившихся народов. Началось формирование блоковой системы империалистических держав в третьем мире. Оно сопровождалось постепенным оттеснением Соединенными Штатами своих союзников на второстепенные роли. Межамериканский договор о взаимной помощи 1947 г. закрепил главенствующую роль США в Латинской Америке. Не остались без внимания и другие регионы планеты, имевшие важное геостратегическое значение. По инициативе и при самом активном участии Соединенных Штатов возникли в 1951 г. в южной части Тихого океана — Тихоокеанский пакт безопасности (АНЗЮС), в 1954-м в Юго-Восточной Азии — Организация договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО), в 1955 г. на Ближнем и Среднем Востоке — Организация центрального договора (СЕНТО), созданная согласно так называемому Багдадскому пакту.

Борьба народов за свое национальное и социальное освобождение после Второй мировой войны породила множество огра-

ниченных войн и вооруженных конфликтов. Они требовали скорейшего урегулирования, так как представляли опасность для региональной и международной безопасности. Часть из них была урегулирована или, по крайней мере, «законсервирована» в первые послевоенные годы с помощью Организации Объединенных Наций. Именно в 1940 г. возникла новая форма воздействия международного сообщества на урегулирование межгосударственных споров, ограниченных войн, внутригосударственных политических и вооруженных конфликтов. Такой формой стали операции ООН по поддержанию мира. Они отвечали духу и букве этой международной организации, ее главной цели и предназначению.

В статье 1 Устава ООН записано, что она призвана поддерживать международный мир и безопасность «и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы мира и подавления актов агрессии или других нарушений мира и проводить... улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира» [2, с. 239]. Для предотвращения угрозы миру и подавления актов агрессии с первых дней создания ООН начала складываться система коллективной безопасности. Ее сердцевиной стала миротворческая деятельность Организации. Прямое отношение к ней имеют главы VI–VIII Устава ООН.

Согласно Уставу, единственным органом, имеющим право квалифицировать международные ситуации и споры и от имени всех членов Организации предпринимать те или иные действия (меры) по их урегулированию, является Совет Безопасности. С этой целью, в соответствии со статьей 34, он уполномочен по собственной инициативе «расследовать любой спор или любую ситуацию, которая может привести к международным трениям или вызвать спор, для определения того, не может ли продолжение этого спора или ситуации угрожать поддержанию мира и безопасности».

В тех случаях, когда мирные средства не привели к урегулированию спора, конфликта или кризисной ситуации, Совет Безопасности может санкционировать более жесткие меры по поддержанию или восстановлению мира и безопасности. Их

контроль осуществляется с помощью операций по поддержанию мира (ОМП). Они проводятся либо миссиями военных наблюдателей, либо вооруженными контингентами по поддержанию мира или миротворческими силами. ОМП осуществляются по «особым соглашениям» между государствами — членами ООН или группами государств и Советом Безопасности. В соглашениях определяется численность и состав вооруженных контингентов, степень их готовности и дислокация, а также выделяемые средства обеспечения, предметов снабжения и снаряжения.

В случае использования вооруженных сил ООН для поддержания или восстановления международного мира политическое руководство ими осуществляет Совет Безопасности, а стратегическое — Военно-Штабной Комитет (ВШК). ВШК является постоянно действующим вспомогательным органом Совета Безопасности и предназначен для того, чтобы «давать советы и оказывать помощь Совету Безопасности по вопросам, относящимся к военным потребностям Совета Безопасности в деле поддержания международного мира и безопасности, к использованию войск, предоставленных в его распоряжение, и к командованию ими, а также к регулированию вооружений и возможному разоружению» [2, с. 250]. На Военно-Штабной Комитет возложена обязанность разрабатывать планы проведения совместных принудительных действий вооруженными силами ООН, определять численность и степень готовности национальных воинских контингентов, выполнять другие задачи, связанные с военными аспектами миротворческой деятельности ООН, по просьбе или требованию Совета Безопасности. В состав ВШК, согласно Уставу, входят начальники штабов или представители в ранге командующих вооруженными силами государств — постоянных членов Совета Безопасности.

В 1946–1947 гг. Военно-Штабной Комитет по поручению Совета Безопасности, инициированному США, занимался разработкой установочного документа. Он был призван определить общие принципы организации, численность, состав и порядок применения вооруженных сил ООН на основании положений главы VII Устава. ВШК разработал проект документа, озаглавленного

«Общие принципы, определяющие организацию вооруженных сил ООН, предоставляемых членами Организации Объединенных Наций в распоряжение Совета Безопасности» [3]. Из-за серьезных разногласий между членами ВШК по целому ряду принципиальных вопросов итоговый документ не был принят.

С августа 1948 г. работа Военно-Штабного Комитета приобрела формальный характер и свелась к символическим заседаниям два раза в месяц. К тому же отдельные положения Устава, регламентирующие функции и полномочия ВШК и руководящую роль Совета Безопасности в сфере реагирования на угрозу миру, нарушений мира и актов агрессии, нарушались. В итоге сложилась практика, когда функции ВШК по организации и проведению миротворческих операций ООН стал осуществлять Генеральный секретарь. Он ведет переговоры о выделении миротворческих воинских контингентов в распоряжение Организации и назначает командующего операции, который ему подчиняется и действует по его инструкциям.

По Уставу ООН Совет Безопасности является единственным органом в Организации, который имеет право квалифицировать международные ситуации и споры и от имени всех ее членов предпринимать те или иные действия по их урегулированию. Решения Совета Безопасности являются обязательными для всех стран — членов ООН. Вопросы международной безопасности, имеющие исключительную важность для достижения более широкого согласия среди государств-членов, могут выноситься на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Но решения, принятые Генеральной Ассамблеей, имеют рекомендательный характер. Они не обязательны для Совета Безопасности, Генерального секретаря Организации и ее собственных членов.

В годы холодной войны механизм осуществления принудительных операций с использованием вооруженных сил оказался заблокированным в силу биполярного устройства мира и острой военно-политической конфронтации ведущих государств, наличия военно-блоковых систем и непреодолимых противоречий между постоянными членами Совета Безопасности. Принцип их единогласия при принятии решения СБ давал мало возможностей добиться согласия на проведение принудительных операций с использованием вооруженных сил [4].

Поэтому наибольшее распространение получили операции по поддержанию мира.

Увеличение после Второй мировой войны межгосударственных споров, кризисных ситуаций и вооруженных конфликтов диктовало необходимость найти «пути и способы управления конфликтами с тем, чтобы предотвратить их дальнейшую эскалацию и прекратить военные действия враждующих сторон» [5]. Возрастала потребность в сильных и авторитетных силовых структурах, способных урегулировать кризисные и конфликтные ситуации, поддержать мир и безопасность. Для решения этой проблемы Организация Объединенных Наций стала прибегать к импровизационной практике создания сначала групп (миссий) военных наблюдателей, а затем и вооруженных контингентов ООН [6]. Именно их деятельность получила название «операций по поддержанию мира».

На начальном этапе миротворческой деятельности был сформирован институт военных наблюдателей. Они направлялись как представители ООН в районы вооруженных конфликтов и войн, где в результате политических и дипломатических мероприятий были достигнуты соглашения о прекращении огня или боевых действий. Главной задачей военных наблюдателей было наблюдение за выполнением соглашения конфликтующими сторонами. Две первые миротворческие миссии Организации Объединенных Наций были созданы именно для этой цели. Это были Орган ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия между Израилем и Палестиной, учрежденный в 1948 г., и Группа военных наблюдателей ООН в Индии и Пакистане, созданная в 1949 г. Обе миссии не предотвратили возобновления боевых действий в зоне своей ответственности, но продолжают функционировать и в XXI веке. Впоследствии подобные миссии ООН направлялись в Ливан (1958) и Йемен (1963). Военные наблюдатели, как правило, не вооружены или имеют легкое стрелковое оружие. И следовательно, каких-либо принудительных действий предпринять не в состоянии.

Ограниченность возможностей по поддержанию мира и безопасности военными наблюдателями предопределила постепенное привлечение в подобные операции воинские контингенты стран — участниц Организации. Их создание не предусматри-

Миротворческие силы ООН

валось Уставом. При его принятии в 1945 г. разногласия между ведущими государствами по вопросам мироустройства еще не носили антагонистического характера. Советское руководство рассчитывало, что принципа единогласия постоянных членов Совета Безопасности будет достаточно для решения спорных вопросов, а обязательность решений ООН позволит остановить развитие любого конфликта. Создаваемые по разовым резолюциям Организации многонациональные воинские контингенты по поддержанию мира и безопасности имели разные названия: вооруженные силы ООН, войска ООН, силы ООН по поддержанию мира, международные вооруженные силы. Все они объединялись неофициальным названием «голубые каски».

В ходе первой операции по поддержанию мира с участием воинских формирований ООН в 1956 г. были заложены основополагающие принципы проведения подобных операций, которые в основном не изменились во время холодной войны.

К основополагающим принципам относятся следующие: согласие враждующих сторон на использование международных миротворческих сил; беспристрастность, нейтральность миротворцев; применение оружия в исключительных случаях (для самообороны и обеспечения безопасности сотрудников гуманитарных и иных миссий).

С 1948 по 1989 г. под эгидой Организации Объединенных Наций было проведено 16 операций по поддержанию мира. В семи из них участвовали международные миротворческие силы: Первые Чрезвычайные вооруженные силы на Ближнем Востоке (1956–1967); вооруженные силы в Операции ООН в Конго (1960–1964); Силы безопасности ООН в Западной Новой Гвинее (Западном Ириане) (1962–1963); Вооруженные силы по поддержанию мира на Кипре (1964 г. — по н.в.); Вторые Чрезвычайные вооруженные силы на Ближнем Востоке (1973–1979); Силы ООН по наблюдению за разъединением в районе Сирийских Голанских высот (1974 г. — по н. в.); Временные силы в Ливане (1978 г. — по н.в.). Это были типичные операции по поддержанию мира, в которых миротворцы придерживались основополагающих принципов.

Однако в ходе операции в Конго в результате резкого обострения обстановки в январе 1961 г. в провинции этой страны Катанге Совет Безопасности принял специальную резолюцию 161 (1961) от 21 февраля 1961 г. В ней было санкционировано применение силы войсками ООН для предотвращения гражданской войны, сохранения территориальной целостности и политической независимости Республики Конго. В Западной Новой Гвинее (Западном Ириане) Силам безопасности ООН пришлось взять на себя полицейские функции. Они обеспечивали законность и порядок в переходный период, во время которого осуществлялась передача этой территории Индонезии на основе соглашения между Индонезией и Нидерландами.

В ходе миротворческих операций времен холодной войны возрастала роль Генерального секретаря Организации, отстранялся Военно-Штабной Комитет от их проведения, снижалось влияние Совета Безопасности. Миротворческие операции приобретали некоторые черты операции принуждения к миру. Эти изменения в большинстве случаев были связаны с противобор-

ством постоянных членов СБ и шли в нарушение буквы Устава ООН. Но практика миротворческой деятельности требовала официального закрепления происходящих перемен.

В резолюции Генеральной Ассамблеи 2004 г. (XIX) «Всеобъемлющее рассмотрение всего вопроса об операциях по поддержанию мира во всех их аспектах» от 18 февраля 1965 г. впервые был использован термин «операции по поддержанию мира», которого не было в Уставе. После принятия этой резолюции термин стал широко применяться в официальных документах, научной литературе и средствах массовой информации. В том же 1965 г. был создан Специальный комитет по операциям по поддержанию мира. В его состав вошли представители 33 государств. На него были возложены задачи по всестороннему рассмотрению операций по поддержанию мира, формулированию этого понятия и выработке практических рекомендаций [7].

И только в 1973 г. в Комитете была достигнута договоренность по закреплению за Советом Безопасности ООН исключительных прерогатив в решении 12 основных вопросов в связи с операциями по поддержанию мира и принят Проект руководящих принципов проведения операций ООН по поддержанию мира. Однако итоговый документ в силу разногласий между государствами — членами Организации, особенно в отношении разграничений функций Генерального секретаря, Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи, так и не был принят. До конца 1980-х гг. работа Специального комитета оказалась фактически заблокированной.

Трудности формулирования и закрепления основных принципов проведения операций по поддержанию мира (ОПМ) значительно осложняли проведение их в жизнь в случае столкновения интересов стран — членов ООН. Они усугублялись ограниченностью времени для принятия конкретных мер, поскольку стоял вопрос о прекращении насилия, зачастую вооруженного. При этом, как показала практика, было необходимо соблюдать следующие условия:

- операция должна быть нацелена исключительно на поддержание мира;
- операция может быть инициирована соответствующими органами ООН только с согласия участников конфликта;

- Совет Безопасности, а в исключительных случаях и Генеральная Ассамблея должны действовать от имени и по поручению членов Организации;
- на проведение операции по поддержанию мира необходим ясный и четкий мандат. Любое изменение или продление мандата возможно лишь по решению Совета Безопасности;
- правовой основой для развертывания конкретной миссии или войск ООН по поддержанию мира на территории заинтересованного государства служит особое соглашение между принимающей страной и Генеральным секретарем ООН;
- члены ООН должны оказывать Организации всемерную поддержку в организации и проведении ОМП;
- личный состав, участвующий в операции по поддержанию мира, должен соблюдать полную беспристрастность и нейтральность по отношению к участникам конфликта;
- вынужденное использование силы должно быть минимальным;
- финансирование ОМП является коллективной ответственностью [8].

Трудности соблюдения этих условий даже при доброй воле всех заинтересованных сторон очевидны. Конфликт интересов периода холодной войны значительно осложнял их преодоление. Но потребность в устранении разногласий способствовала нахождению компромиссов. Согласие заинтересованных сторон было оговорено еще при учреждении первой миссии военных наблюдателей. Это условие было подтверждено при принятии резолюции о проведении первой операции с использованием вооруженных сил ООН (ЧВСООН-1). В связи с этим Генеральная Ассамблея приняла специальную резолюцию 1001 от 7 ноября 1956 г. Согласие сторон важно по двум причинам. Во-первых, оно позволяет размещать международные вооруженные силы на территории суверенных государств. Во-вторых, дает возможность заключить Соглашение о статусе войск ООН, официально подтверждающее их право на действия при проведении операции. На практике даже при наличии согласия персонал, участвовавший в ОМП, сталкивался с серьезными препятствиями со стороны местных властей и жителей.

Преодоление трудностей с участием войск ООН в операции по поддержанию мира в той или иной стране достигалось пропорциональным представительством стран в них на основе сбалансированного географического распределения и практики неучастия вооруженных сил постоянных членов Совета Безопасности. Необходимость географического распределения была четко зафиксирована в докладе Генерального секретаря Совету Безопасности от 27 ноября 1973 г. Она была также закреплена в резолюции Совета Безопасности 341 (1973) от 27 октября 1973 г. В результате были сняты ограничения на участие в ОПМ воинских контингентов социалистических стран.

Впервые вопрос о неучастии войск постоянных членов СБ из-за опасности нарушения беспристрастности и нейтральности был поднят при подготовке операции по поддержанию мира в 1956 г. От этой практики отказались в начале 1990-х гг. Миротворческие силы ООН в период холодной войны были представлены небольшими по численности воинскими контингентами стран — членов Организации. Наиболее часто в ОПМ участвовали военнослужащие скандинавских стран, небольших европейских государств (Австрия, Дания, Ирландия, Нидерланды), Канады, Индии, латиноамериканских стран (Бразилия, Перу, Чили) и некоторых африканских государств (Гана, Кения, Нигерия, Сенегал). Такой состав миротворческих сил в какой-то мере обеспечивал и нейтральность, и беспристрастие.

Вопрос о скорейшем выделении членами ООН своих воинских контингентов после принятия решения о проведении операции по поддержанию мира и их своевременном развертывании был всегда актуален. Опыт проведения первой ОМП на Ближнем Востоке в 1956 г. показал, что быстрота решения этого вопроса чрезвычайно важна для успешного проведения операции в целом. С учетом опыта в 1958 г. Генеральный секретарь Д. Хаммаршельд обратился к правительствам государств — членов ООН с призывом иметь в составе своих национальных вооруженных сил воинские контингенты, которые можно немедленно предоставить в распоряжение Организации. Первыми на этот призыв откликнулись Дания, Норвегия, Финляндия и Швеция. В 1961–1964 гг. эти страны приняли решение вернуть пять батальонов миротворцев (по одному от Дании,

Норвегии и Финляндии и два от Швеции). Было установлено время их прибытия в район конфликта. Для передовой группы было определено 1–3 дня, для второй — 2–4 дня, для основных сил — от 5 до 10 дней. Для ускорения развертывания миротворческих сил в зоне конфликта получило широкую практику привлечение военнослужащих из уже действующих миссий и вооруженных сил ООН. Так, военнослужащие из состава Органа по наблюдению за выполнением условий перемирия в Палестине неоднократно привлекались для формирования передовых групп в других миротворческих операциях.

Особое место в боевом обеспечении операций по поддержанию мира занимает разведка. Она, несомненно, была необходима в силу того, что кризисные и конфликтные ситуации обязательно проходят этап скрытого развития приводящих к ним противоречий. Руководство Организации Объединенных Наций в годы холодной войны весьма осторожно подходило к использованию методов и средств разведки в международной миротворческой деятельности. Оно, не без основания, опасалось обвинений в нарушении государственного суверенитета и утраты доверия между странами — членами ООН. В 1960 г. Генеральный секретарь Хаммаршельд отказался от поддержки идеи создания в Организации постоянного разведывательного органа. Другой Генеральный секретарь, У. Тан, также требовал соблюдения строгих ограничений на сбор информации. Он подчеркивал необходимость того, чтобы разведывательная деятельность ООН не выходила за рамки международного права и не компрометировала Организацию [8, с. 641].

С наибольшими трудностями миротворческая деятельность ООН сталкивалась при урегулировании тех кризисов и конфликтов, где сталкивались интересы постоянных членов Совета Безопасности. 25 июня 1950 г. войска Кореической народной армии (КНА) вторглись в Южную Корею. Уже к 2 июля они заняли значительную часть территории Южной Кореи со столицей городом Сеулом.

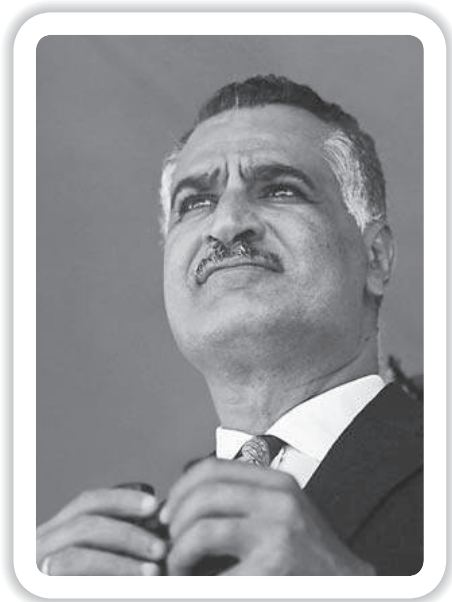
Однако северокорейское руководство не учло реакцию США на вторжение. Уже с первых дней войны произошла интернационализация конфликта. Американская авиация и флот действовали с первого дня войны, но использовались лишь для

эвакуации американских и южнокорейских граждан из прифронтовых районов. После падения Сеула на Корейском полуострове высадились сухопутные войска США. Американские ВВС и ВМС также развернули активные боевые действия против войск КНДР.

Американское руководство позаботилось о том, чтобы придать действиям своих войск законный характер с точки зрения международного права. 7 июля 1950 г. состоялось заседание Совета Безопасности (СБ) ООН, на котором обсуждался корейский вопрос. СССР бойкотировал тогда его работу в знак протеста против незаконного присутствия гоминьдановца в качестве представителя Китая. Этим не замедлили воспользоваться США, которые поставили на голосование вопрос о превращении американских войск в Корее в «войска ООН». Эту акцию можно было бы предотвратить, воспользовавшись правом вето, однако советский представитель при ООН Я.А. Малик по указанию Москвы покинул заседание СБ ООН. Помимо США «в поход против коммунизма» было вовлечено еще 15 государств, хотя американские войска, конечно же, составляли основу интервенционистского корпуса [9]. Именно поэтому участие войск ООН в войне в Корее (1950–1953) официально не рассматривается как операция Организации Объединенных Наций, хотя и проводилась под ее эгидой. Решение о проведении принудительной операции с использованием вооруженных сил было принято с нарушением процедуры принятия подобных резолюций [8, с. 608].

Англо-франко-израильская агрессия в 1957 г. задела интересы четырех постоянных членов Совета Безопасности ООН. Вмешательство США в ее прекращение было призвано узаконить американское лидерство в странах Ближнего Востока и вытеснить оттуда Великобританию и Францию¹. Великобритания надеялась укрепить свое пошатнувшееся политическое влияние на Ближнем и Среднем Востоке, а Франция — наказать Египет за его активную поддержку национально-освободительной борьбы в Алжире. После арабо-израильской войны 1948 г. Израиль стремился укрепить свои оборонительные возможности,

¹ Правда. 1959. 26 марта.

Гамаль Абдель Насер

в том числе за счет привлечения союзников из других регионов и приращения территории [10].

Агрессия 1957 г. против Египта стала последней совместной акцией колониальных империй против ставшего независимым государства. В 1950-х гг. в арабских государствах Северной Африки стало нарастать движение за национальное освобождение. Непосредственной причиной агрессии была приватизация египетским правительством компании Суэцкого канала, принадлежавшей британо-французскому капиталу. До середины 1950-х гг. Египет, бывший с 1914 по 1921 г. протекторатом Великобритании, стал в 1922 г. независимым Королевством. Но фактически оставался под контролем Великобритании. 15 октября 1951 г. Египет расторг договор 1936 г., на основании которого на его территории дислоцировались английские войска. Но англичане не только не вывели войска, но и увеличили их численность до 120 тыс. человек. Ответом стали массовые митинги протеста и партизанская борьба против английских оккупантов [11]. 23 июля 1952 г. в Египте организация «свободных офицеров» во главе с полковником Г.А. Насером свергла

монархический режим и провозгласила страну республикой. Новое правительство во главе с Насером стремилось проводить независимую политику. Это привело к ухудшению отношений с Великобританией и обострило противостояние с Израилем, который ориентировался на союз с развитыми капиталистическими государствами.

Несмотря на то что в 1950 г. Великобритания, США и Франция подписали соглашение, запрещавшее им продавать оружие как арабским странам, так и Израилю, Франция в 1954 г. заключила секретный договор с Израилем о поставках новейшего французского вооружения [10, с. 167]. В 1953 г. США предложили президенту Насеру военно-экономическую помощь Египту и замену английских войск силами НАТО, но получили отказ. Стремясь продлить свое присутствие в Египте, Великобритания подписала в 1954 г. соглашение с Египтом о выводе своих войск в течение 20 месяцев и передаче правительству Насера всех военных объектов на территории страны.

С созданием в 1955 г. Багдадского пакта (Турция, Ирак, Иран, Пакистан, Великобритания) Египту было предложено вступить в эту организацию, но египетское руководство отказалось. Израиль и страны Багдадского пакта рассматривались египетским руководством как враждебное окружение. В то же время народно-освободительная война в Алжире, обретение независимости Сирией, Суданом, Тунисом и Марокко создавали благоприятные предпосылки для расширения советского влияния в этом регионе, что весьма беспокоило руководство НАТО. С 1955 г. по просьбе Насера, после того как Запад отверг его предложение о поставках Египту оружия, СССР тайно, через Чехословакию, начал продавать Египту современные вооружения: танки, самолеты, артиллерию и т. д. [12].

В США, Великобритании и других странах Запада советско-египетская акция вызывала растущее беспокойство: там не хотели усиления советского влияния на Ближнем Востоке. Президент Эйзенхауэр обещал Насеру американскую финансовую помощь в строительстве Асуанской плотины. Но когда египетский президент признал КНР и начал закупать оружие у ЧССР, Соединенные Штаты 21 июля 1956 г. отказались от своего обещания. Это поставило Египет в трудное положение. Крах

грандиозного проекта грозил огромными неприятностями экономике страны. Тогда 26 июля Насер пошел на крайне дерзкий шаг: решил национализировать Суэцкий канал. На митинге он на следующий день объявил, что средства, вырученные от национализации канала, пойдут на строительство Асуанской плотины, и сообщил об обещании СССР оказать экономическую помощь Египту.

Заявление Насера вызвало отрицательную реакцию британского и французского руководства. 27 июля премьер-министр Великобритании А. Идеи направил телеграмму Эйзенхауэру. Он писал, что Запад не может позволить Насеру захватить Суэц. Он требовал немедленных совместных действий, считая, что в противном случае американо-британское влияние на Среднем Востоке будет «непоправимо подорвано». В телеграмме утверждалось, что интересы морских государств оказались под угрозой, поскольку египтяне не обладают технической компетенцией, необходимой для эксплуатации канала. Идеи сообщал о подготовке в Великобритании плана военных действий против Египта, считая, что Запад должен «образумить Насера». Эйзенхауэр придерживался иного мнения. Он полагал, что «власть суверенного государства — отчуждать частную собственность на своей собственной территории — вряд ли может быть подвергнута сомнению... Насер действовал в пределах своих прав» [13]. Но он был также уверен, что с учетом ситуации США в Панаме не должны допустить, чтобы эта акция сошла Насеру просто так.

Однако британское и французское руководство придерживалось другой точки зрения. На встрече представителей США, Великобритании и Франции в конце июля 1956 г. последние выступали за то, чтобы пресечь в зародыше попытку неповиновения Египта любым путем, не останавливаясь перед применением силы. США призывали их не спешить, рассчитывая своим миротворчеством получить политические дивиденды в арабском мире. Не будучи колониальной империей, Соединенные Штаты могли найти понимание арабов в их борьбе против колониализма и в конечном счете потеснить своих союзников-конкурентов в богатейшем нефтеносном регионе. Поэтому американские представители предложили интернационализировать канал,

Суэцкий канал национализирован

передав управление им под международную юрисдикцию. Дискуссия в течение недели не привела к согласию.

Тогда бывшая компания Суэцкого канала отозвала своих лоцманов, проводивших океанские корабли через узкий и сложный фарватер. Это был хорошо рассчитанный удар. Не готовое к такому обороту дела правительство Египта начало поиск новых лоцманов, но в условиях противодействия Великобритании и Франции эта задача была не из легких. Тогда на помощь пришел Советский Союз. По распоряжению Хрущева в Египет были направлены лоцманы из СССР. Они в большинстве имели высокую квалификацию и быстро могли освоить условия работы на Суэцком канале. Ехали в Египет лоцманы как «частные лица», нанятые администрацией канала [12, с. 219].

Нежелание США поддержать воинственные настроения Великобритании и Франции, акции СССР по оказанию помощи Египту еще более усилили напряженность на Ближнем Востоке. Британское и французское правительства начали готовить ин-

тервенцию в Египет. К разработке военных планов присоединился Израиль [10]. В США настороженно наблюдали за военными приготовлениями своих союзников. Американские разведслужбы отметили возросшую интенсивность радиообмена шифрованными посланиями между Лондоном и Парижем. Воздушная разведка докладывала, что Израиль проводит мобилизацию. На израильских авиабазах насчитывалось до 60 французских реактивных истребителей-бомбардировщиков типа «Мистэр». Узнав об этом, президент Эйзенхауэр пришел в ярость: мало того что французы, несмотря на соглашение о запрете продажи оружия странам Среднего Востока, добились от США разрешения на продажу Израилю 24 «Мистэров», так они еще за спиной США вместо 24 поставили Израилю 60 таких самолетов. По дипломатическим каналам американский президент передал израильскому премьеру Бен-Гуриону, что в долгосрочной перспективе агрессия Израиля «не может не привести к катастрофе, и те его друзья, которые у него еще останутся в мире, не смогут ничем помочь ему, как бы сильны они ни были» [13, с. 290].

Тем временем Великобритания, Франция и Израиль развернули планомерную подготовку к агрессии против Египта. В начале сентября было принято решение перебросить из Алжира на Мальту французские части, откуда им ближе было действовать против Египта. Начать нападение должен был Израиль, которому гарантировалась финансовая и военно-техническая помощь. На подготовку к новой войне Израиль в 1956 г. выделил половину собственного бюджета¹. Одновременно государства НАТО поставляли Израилю танки, самолеты, орудия и стрелковое вооружение. В январе 1956 г. из Великобритании им было получено 100 танков, в феврале Канада поставила боеприпасы на 30 тыс. долларов, а в апреле начали поступать первые из заказанных французских самолетов типа «Мистэр» [10, с. 169]. Для войны против Египта в 1956 г. Израиль мобилизовал 150 тыс. человек. Его сухопутные войска имели на вооружении 400 танков, более 400 орудий, около 500 бронетранспортеров. Военно-морские силы, пополненные тремя фрегатами, поставленными Канадой,

¹ The Ierusalem Post. 1957. September 1.

и двумя эсминцами из Англии, имели 30 боевых кораблей¹. ВВС насчитывали 360 самолетов, включая старые американские и английские, оснащенные новым вооружением. В целом Израиль обладал значительной военной мощью.

16 октября на англо-французской встрече в Париже было принято окончательное решение о нападении на Египет. 23 октября 1956 г. генеральные штабы Великобритании, Франции и Израиля завершили разработку плана совместных действий. Объединенный англо-французский штаб, руководивший вторжением, размещался на Кипре. Израильский генштаб осуществлял руководство со своей территории. В совместной воздушно-сухопутно-морской операции должны были принять участие 25 тыс. британцев и столько же французов. С учетом морских и вспомогательных сил численность британо-французского экспедиционного корпуса превышала 100 тыс. человек. Всего же для интервенции было сосредоточено 229 тыс. солдат и офицеров трех стран, 650 самолетов и свыше 130 боевых кораблей (в том числе 6 авианосцев) [11, с. 384].

Египетская армия к тому времени располагала значительными вооружениями, приобретенными как на Западе, так и в социалистических странах. Однако Египет не обладал достаточным военным потенциалом, чтобы обеспечить оборону государства при одновременном нападении на него на суше, с воздуха и моря. При значительных людских ресурсах страна не имела возможности подготовить боеспособную армию, поскольку большая доля призывного контингента оказывалась непригодной к военной службе из-за болезней, неграмотности, а также из-за нехватки оружия. Кроме того, перед началом агрессии египетские вооруженные силы находились в стадии реорганизации, а новая боевая техника, полученная из социалистических стран, еще не была полностью освоена. В рядах сухопутных сил было 75 тыс., в ВВС — 11 тыс. человек. Египетская 100-тысячная Национальная гвардия не прошла достаточной подготовки и не располагала необходимым вооружением. В общей сложности на вооружении сухопутных войск было около 600 танков и самоходно-артиллерийских

¹ Wehrkunde. 1957. С. 13–14.

орудий разного типа, 200 бронетранспортеров, 400 полевых и 200 зенитных орудий [14]. Часть этих танков и орудий до начала военных действий находилась преимущественно на базах, а не в войсках. Египетские ВВС имели в своем составе около 15 эскадрилий самолетов английского и советского производства, но до начала агрессии не все советские самолеты были приняты на вооружение. В целом из 128 современных самолетов в боеготовом состоянии находилось лишь 42 [11, с. 214]. Всей мощи современных флотов США и Великобритании Египет мог противопоставить лишь 4 эсминца, 7 фрегатов и несколько вспомогательных судов.

Тройственная агрессия против Египта планировалась в два этапа. На первом этапе Израиль осуществлял наступление на Синайском полуострове, а Великобритания и Франция — воздушные налеты на Египет. На втором Великобритания и Франция планировали высадить морские и воздушные десанты в зоне Суэцкого канала. Израильское наступление должно было развернуться одновременно по трем направлениям: вдоль Средиземноморского побережья со вспомогательным маневром по окружению и уничтожению египетских войск в районе Газы; через перевал Митла на Суэц и на Исмаилию, а в ограниченных масштабах — вдоль побережий Суэцкого залива и залива Акаба.

29 октября израильские войска вторглись в Египет. Израиль стремился нанести военное поражение Египту, которое могло бы привести к падению режима Насера, уничтожить базы палестинских боевиков на Синае и заставить Египет заключить мирный договор на выгодных для Тель-Авива условиях. Созданная для вторжения израильская группировка войск включала 10 бригад (около 100 тыс. человек), 200 танков, около 600 орудий и минометов, около 150 боевых самолетов и до 20 боевых кораблей [15]. Главной целью группировки было овладение сектором Газа на Синайском полуострове, а также выход и закрепление на побережье Акабского залива. Большое значение придавалось взаимодействию с британо-французскими войсками, согласованию с ними сроков боевых операций [10, с. 171].

Регулярная египетская армия к началу событий насчитывала 90 тыс. человек, сведенных в 16 бригад. Также в состав египетских сил входило большое количество нерегулярных военных

формирований, которые не могли оказать серьезного сопротивления агрессорам. Военно-воздушные силы Египта насчитывали 128 современных самолетов, однако лишь 30 истребителей и 12 бомбардировщиков оказались в боевой готовности. Египет выставил против Израиля две стрелковые дивизии, а также части местной самообороны, не представлявшие сколько-нибудь серьезной боевой силы. На наиболее угрожаемые направления была брошена часть резервов.

29 октября 1956 г. 10 израильских бригад вторглись в Египет, и, обходя пункты сопротивления войск противника, устремились к Суэцу. Боевые действия в первый день агрессии велись главным образом на южном, суэцком, направлении. Войска израильской ударной группировки «Центр» при поддержке танков овладели рядом египетских населенных пунктов. На других направлениях они продвигались медленнее из-за того, что техника вязла в песках. После высадки в районе перевала Митла израильского воздушного десанта французские самолеты начали доставлять ему боевую технику, боеприпасы, горючее, продовольствие и воду. Переброшенные в Израиль за день до начала вторжения 60 французских реактивных истребителей с французскими экипажами поддерживали действия израильских сухопутных войск. Одновременно к египетским берегам двигались корабли английских и французских ВМС [16].

30 октября Великобритания и Франция, разыгрывая роль «миротворцев», предъявили Египту и Израилю ультиматум с требованием к обеим сторонам отвести войска на 10 миль (16 км) от Суэцкого канала. Одновременно они потребовали согласия Насера на оккупацию (конечно, «временную») Порт-Саида, Исмаилии и Суэца. Этот ультиматум был демонстративным жестом, рассчитанным на мировую общественность. Он был направлен только против Египта, поскольку к этому времени израильские войска еще находились в 50 км от Суэца. Кроме того, ультиматум давал сторонам весьма жесткое время для обдумывания ответа: 12 часов — до 4:30 31 октября по Гринвичу [17].

Госсекретарь США, докладывая американскому президенту об ультиматуме, отметил, что «этот документ по своей грубости и жестокости превосходит все, чему он когда-либо был свидетелем» [13, с. 265]. Представитель США в Организации

Объединенных Наций заявил на Генеральной Ассамблее ООН, что США намерены предложить резолюцию, призывающую к прекращению военных действий между Израилем и Египтом, отводу израильской армии к первоначальной границе и отказу всех членов ООН от использования силы, а также к их участию в эмбарго на торговлю с Израилем до тех пор, пока войска не будут отведены. Страны третьего мира с энтузиазмом восприняли намерения США поддержать Египет, восставший против держав, теснейшими узами связанных с Вашингтоном. Рейтинг Соединенных Штатов в мировом общественном мнении резко подскочил вверх. Еще более подняло авторитет США обращение Эйзенхауэра к конфликтующим сторонам и народам мира. Президент заявил, что Великобритания и Франция с Соединенными Штатами не консультировались, принимая решение о вооруженном вмешательстве, США не примут участия в конфликте, а их целью является прекращение вспыхнувшей на Ближнем Востоке войны. Правда, он тут же оговорился, что такая позиция США не скажется на узах дружбы, связывающих Америку с Великобританией и Францией, равно как и с другими партнерами по НАТО [13, с. 265].

Советское правительство, поглощенное событиями в Венгрии, выступило 1 ноября с трафаретным заявлением МИД. Только после заявления Эйзенхауэра и откликов на него в мире Хрущев осознал, что американцы захватили инициативу, выступая миротворцами и не связывая при этом рук своим союзникам. Руководство СССР понимало, что необходимо предпринять какой-то важный шаг, достойный могучей, но миролюбивой державы, однако скованное венгерским восстанием, решило выждать несколько дней [12, с. 265].

Тем временем события вокруг Египта приобретали все более зловещий характер. 31 октября израильские войска вышли на подступы к каналу в районе Суэца. В тот же день в боевые действия включилась британо-французская авиация. Ее задачей было поддержание господства в воздухе, а также массированные налеты на египетские города и военные объекты. Бомбардировке подверглись Порт-Саид, Каир, Исмаилия, Суэц, Александрия и многие аэродромы. Разрушение половины египетских аэродромов в результате налетов и вы-

ведение из строя до 140 боевых самолетов египетских ВВС позволили агрессорам завоевать господство в воздухе и осуществить беспрепятственную высадку воздушных и морских десантов¹. Корабельная артиллерия обстреливала береговые укрепления. Египетскому командованию все же удалось сохранить часть самолетов советского производства. Советские и чехословацкие пилоты сумели перегнать все боеготовые МиГ-15, МиГ-17 и Ил-28 на безопасные аэродромы в Саудовской Аравии. Попытки египетской авиации противодействовать воздушному противнику и наземным войскам Израиля успеха не принесли: пилоты ВВС Египта не имели опыта современной воздушной войны.

Египетское командование, учитывая угрозу высадки англо-французских десантов, отвело свои войска с Синайского полуострова и разместило их в зоне Суэцкого канала. 1 ноября израильским войскам удалось прорвать оборону египтян вдоль Средиземноморского побережья. 2 ноября при поддержке авиации и французской корабельной артиллерии они овладели городом Газа и на следующий день были в 15–20 км от Суэцкого канала. 5 ноября израильтяне овладели ключевым пунктом у входа в Акабский залив — Шарм-аш-Шейхом, а также принадлежащими Саудовской Аравии островами Тиран и Санафир. Весь Синайский полуостров оказался в руках Израиля.

В боях за Синай египтяне понесли большие потери, однако расчет агрессоров на то, что поражения на фронте приведут к падению правительства Насера, не оправдался. Тогда Великобритания и Франция решили предпринять вторжение собственными силами. Оно началось с воздушных десантов, которые осуществляли англо-французские войска, находившиеся на Кипре. 5 ноября при поддержке авиации британская парашютная бригада захватила Порт-Саид, а французские бригады — Порт-Фуад. Египтяне — рабочие, студенты, феллахи — мужественно с оружием в руках вместе с солдатами египетской армии защищали Порт-Саид и Порт-Фуад.

В ночь на 6 ноября на захваченных плацдармах началась высадка морского десанта, поддержанного прибывшими с Мальты

¹ La Revue Maritime. 1959. № 1.

Суэцкий кризис. Порт-Саид после налета британской авиации

и из Тулона 122 боевыми кораблями, среди которых было несколько линейных кораблей, 4 авианосца и 2 вертолетоносца. Объединенные британо-французские силы вторжения включали 80 тыс. человек, более 430 танков, 520 орудий и минометов. Их поддерживало около 600 самолетов [10, с. 172]. Медленно продвигаясь на юг вдоль канала, британо-французские войска готовились к наступлению на Каир. Отличительной особенностью операции было широкое использование воздушно-десантных войск. Отсутствие противовоздушной обороны у египтян позволило противнику использовать самолеты с небольшими скоростями и производить десантирование с незначительной высоты. Для переброски морской пехоты после войны в Корею впервые применялись вертолеты.

Военные действия сопровождались политическими акциями. 31 октября правительство СССР специальным заявлением резко осудило агрессию и указало на необходимость Совету Безопасности ООН принять немедленные меры для ее прекра-

щения. Однако Великобритания и Франция, используя право вето, парализовали деятельность Совета Безопасности. Вопрос об агрессии несколько раз рассматривался на Чрезвычайной и 11-й сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, где были приняты резолюции (от 2, 7 и 24 ноября 1956 г. и др.), требовавшие прекращения огня и вывода англо-франко-израильских вооруженных сил из Египта. 1 ноября Египет разорвал дипломатические отношения с Великобританией и Францией. Сирия последовала его примеру и передала свои вооруженные силы под египетское командование. Сирийцы подорвали нефтепроводы, проходившие из Ирака через Сирию к морю. 3 ноября британский премьер-министр Идей отверг призыв Совета Безопасности ООН к прекращению огня.

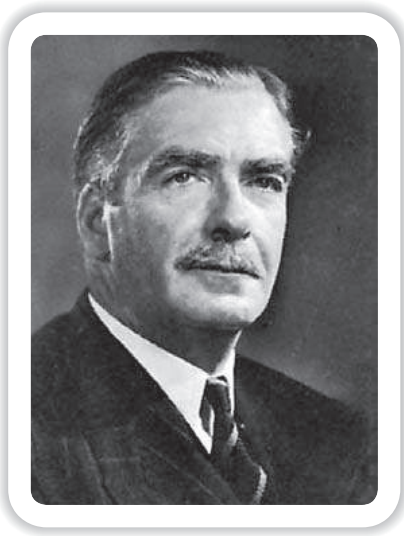
Американский президент, узнав 4 ноября о позиции Великобритании и о том, что британо-французская эскадра, вышедшая из портов Кипра, приближается к египетскому побережью, предложил Идену вернуть корабли на Кипр. Британский премьер-министр ответил: «Если мы сейчас повернем назад, то весь Средний Восток будет охвачен пламенем... Мы не можем допустить военный вакуум в то время, когда силы ООН только еще формируются» [18]. Американскому руководству стало ясно, что Великобритания и Франция полны решимости добиться своих целей.

В СССР в эти дни лихорадочно искали пути помощи Насеру. В октябре советское правительство не могло уделять достаточного внимания событиям, происходившим на Ближнем Востоке. В те дни социалистический мир потрясли антисоветские выступления в Польше и восстание в Венгрии. Эти события приковывали к себе основное внимание советских руководителей. Но в конце октября — начале ноября Советскому Союзу удалось политически уладить вопрос с польским правительством, а восстание в Венгрии было подавлено. Теперь Хрущев мог переключиться на Египет. Объявленное американцами невмешательство упрощало принятие решения советскому лидеру. Теперь, когда американцы отмежевались от британо-французской авантюры, можно было выступить с заявлением, в котором наряду с призывом прекратить агрессию звучала бы угроза применить в противном случае силу.

Но заявление СССР было необходимо подкрепить убедительной угрозой для Великобритании и Франции. Для этого был предпринят ряд политических акций. Министр иностранных дел обратился к тогдашнему председателю Совета Безопасности Джелалу Абдоху с предложением предъявить агрессорам ультиматум с требованием прекратить военные действия в течение 12 часов. Причем СССР выразил готовность предоставить в распоряжение ООН свои военно-воздушные и военно-морские силы. В Москве у посольств Великобритании, Франции и Израиля были проведены демонстрации протеста. Советский посол покинул Израиль. Но это были стандартные меры дипломатического воздействия. И Хрущев решился применить прием, которым он потом пользовался при возникновении военно-политических кризисов и вооруженных конфликтов. Он решил пригрозить ракетно-ядерными ударами по Лондону и Парижу, чтобы заставить правительства Великобритании и Франции прекратить войну в Египте.

В то время в СССР было несколько ракет Р-5 с дальностью действия 1200 км, что позволяло с территории СССР и его европейских союзников поражать цели в Великобритании и Франции. Они были испытаны на полигоне Капустина Яра. Боеготовых, а тем более развернутых на боевых позициях ракет этого класса, однако, не было [12, с. 99, 266]. Но во время визита советской правительственной делегации во главе с Булганиным и Хрущевым в Лондон весной 1956 г. последний много говорил о создании в Советском Союзе ракет, по дальности достигавших Великобританию. Тогда это, как казалось, произвело впечатление. Тем более что Хрущев прямо говорил о переходе СССР с массовых армий на ракетно-ядерное оружие. Кроме того, в СССР было известно, что западные разведки знали о пусках ракет в Капустином Яре, но, как полагало советское руководство, не знали степени готовности ракетного оружия к боевому применению. На этом и решил сыграть Хрущев.

5 ноября в Москве было опубликовано обращение советского премьера Булганина к руководителям Англии, Франции и Израиля — Идену, Ги Молле и Бен-Гуриону. Тон обращения был резкий. Советский Союз предостерегал, что локальный конфликт может перерасти в мировую войну, и предлагал США

Энтони Иден

и другим государствам — членам ООН использовать совместно свои вооруженные силы для прекращения кровопролития. Советский Союз заявлял о своей «решимости применением силы сокрушить агрессоров и восстановить мир» на Ближнем Востоке. В ноте, направленной в Великобританию, в частности, говорилось: «В каком положении оказалась бы сама Англия, если бы на нее напали более сильные государства, располагающие всеми видами современного истребительного оружия? А ведь такие страны могли бы в настоящее время и не высылать к берегам Англии военно-морского или военно-воздушного флотов, а использовать другие средства, например, ракетную технику. Если бы ракетное оружие было применено против Англии или Франции, вы, наверное, назвали бы это варварским действием»¹.

Это послание вызвало шок у адресатов. Ги Молле подняли с постели. Прочитав советский ультиматум, французский премьер бросился звонить в Лондон. Там была такая же реакция. Всю ночь по телефону шли консультации между Иденом и Ги Моле. Они прикидывали, насколько реальна угроза. После

¹ Известия. 1956. 6 нояб.

прежнего заявления США о невмешательстве Великобритании и Франция оставались один на один с СССР. Иден вспоминал, как Хрущев весной, во время визита в Лондон, хвалился советским ракетным могуществом. Утром 6 ноября оба правительства объявили о прекращении огня с 0 часов 7 ноября [12, с. 271, 272, 28]. В СССР были довольны, что блеф удался. Но советское руководство не знало, что в те же дни шли интенсивные консультации Великобритании с США. Дело в том, что Булганин направил также письмо Эйзенхауэру с предложением, чтобы Советский Союз и Соединенные Штаты объединили силы и совместно положили конец военным действиям: «Советское правительство обращается к правительству Соединенных Штатов с предложением пресечь агрессию и прекратить дальнейшее кровопролитие. США располагают в Средиземном море сильным военно-морским флотом и могучей авиацией. Советский Союз также обладает сильным военно-морским флотом и могучей авиацией. Совместное и безотлагательное использование этих средств со стороны Соединенных Штатов и Советского Союза явилось бы надежной гарантией прекращения агрессии... Если эта война не будет прекращена, то существует опасность, что она может перерасти в третью мировую войну»¹.

В этом советском предложении США явно преувеличивались возможности советского флота и авиации. Мысль о том, чтобы направить на Ближний Восток советские войска и прежде всего воздушно-десантные части у Хрущева была, но министр обороны Жуков доложил правительству, что в Генеральном штабе проработали вариант воздушного десанта и пришли к неутешительным выводам. Даже если Турция и Иран не воспрепятствуют пролету самолетов, перебросить достаточное количество войск и вооружений, наладить их снабжение за недостатком самолетов не удастся. В столкновении с экспедиционными силами союзников, которые обеспечены всем необходимым, и при господстве в Средиземном море британского и французского флотов и авиации советские воздушно-десантные части были бы обречены на поражение [12, с. 270].

¹ Известия. 1956. 6 нояб.

Но в США об этом не знали. На совещании в Белом доме 5 ноября директор ЦРУ сообщил, что, по имеющимся разведывательным данным, Советский Союз пообещал египетскому руководству «сделать что-нибудь» на Среднем Востоке. Он высказал предположение, что СССР направит в Сирию военную авиацию. Было решено отклонить предложение советского премьера. Президент поручил сделать заявление, в котором предупредить русских, что, если они попытаются ввести войска на Ближний Восток, США будут противодействовать этому с использованием силы. 6 ноября Эйзенхауэр приказал произвести разведывательные полеты авиации США над Сирией и Израилем, «избегая, однако, полетов над Россией». Их задачей было установить наличие советских войск или авиации на базах в Сирии. Если они будут обнаружены, полагал президент, «у англичан и французов будет повод их уничтожить». Он поинтересовался также, имеют ли силы флота США на Средиземном море атомное противолодочное оружие.

Американский президент, отдавая эти распоряжения, исходил из следующей оценки обстановки. «Эти ребята, — говорил Эйзенхауэр о советском руководстве, — одновременно и пребывают в ярости, и испытывают страх... Эта комбинация — наиболее опасное состояние ума... И если эти парни что-либо предпримут, мы должны стукнуть их, и если необходимо — стукнуть всем, что мы имеем в корзине». Он считал, что письмо Булганина порождено страхом русских. Они, по мнению президента США, опасались, что события в Венгрии приведут к развалу Варшавского Договора, созданного за год до этого. В связи с этим СССР стремится продемонстрировать свою силу, чтобы, показывая Западу свои высокие военные возможности, удержать его от соблазна вмешиваться в дела стран ОВД. В то же время он заявил, что если Советы нападут на французов и англичан, то «мы вступим в войну и будем вправе предпринять военные действия». Но уже в тот же день ему доложили, что, по данным разведки, советских ВВС нет ни на авиабазах Сирии, ни на пути в Египет. Это, конечно, снижало угрозу расширения конфликта, но тем не менее в Соединенных Штатах были приняты меры по повышению боевой готовности. Военнослужащие, находившиеся в отпусках, были отозваны в свои части [13, с. 400, 401].

В телефонном разговоре Эйзенхауэра с Иденом, состоявшемся 6 ноября, британский премьер сообщил, что он только что объявил о готовности Англии согласиться на прекращение огня. Американский президент одобрил это решение. Советское руководство тем временем с тревогой наблюдало за развитием событий на Ближнем Востоке. Поскольку идея воздушного десанта отпадала, оставалось уповать на грозное заявление Булганина. В СССР еще не знали о последней телефонной беседе Идена с Эйзенхауэром. Но вскоре пришло сообщение о выступлении Идена 6 ноября в Палате общин, в котором он заявил, что английские войска выполнили свои задачи и с нуля часов 7 ноября прекращают военные действия в Египте. И хотя бои в Порт-Саиде продолжались, стало ясно, что война идет к концу. 8 ноября прекратились перестрелки. Израиль дал обещание отвести свои войска с Синайского полуострова и из сектора Газа.

Вместе с тем, захватив Порт-Саид (британо-французские войска) и Синайский полуостров (израильские войска), агрессоры рассчитывали закрепиться на захваченной территории. Однако эти расчеты не сбылись. Советский Союз продолжал активную пропагандистскую кампанию. 11 ноября 1956 г. ТАСС заявил, что, как считают руководящие круги СССР, соответствующие советские органы не будут препятствовать выезду советских граждан-добровольцев, пожелавших принять участие в борьбе египетского народа за независимость, если Великобритания, Франция и Израиль не прекратят агрессию и, вопреки решениям ООН, не выведут свои войска из Египта. Большое число добровольцев Индонезии и других стран изъявило готовность поехать в Египет. 15 ноября правительство СССР направило правительствам Великобритании, Франции и Израиля новые послания, подчеркивавшие необходимость немедленного вывода войск интервентов с египетской территории, возмещения Египту ущерба, причиненного войной, и пресечения захватнических поползновений Израиля в отношении египетской территории. В конечном счете Великобритания и Франция к 22 декабря 1956 г., а Израиль к 8 марта 1957 г. вывели войска из Египта. После вывода британо-французско-израильских войск с согласия правительства Егип-

та вооруженные силы ООН были размещены на египетской территории вдоль египетско-израильской демаркационной линии перемирия, установленной соглашением между Египтом и Израилем от 24 февраля 1949 г.

Политическим результатом вооруженного конфликта стало усиление позиций СССР на Ближнем Востоке и укрепление его связей с национально-освободительным движением в арабском мире. Провал англо-французско-израильской агрессии привел к катастрофическому ослаблению внешнеполитических позиций Великобритании как великой державы. Американское руководство, в свою очередь, воспользовалось возникшей военно-политической ситуацией. В начальный период агрессии им проводилась показная политика «умиротворения». США, опасаясь подрыва своих политических и экономических позиций на Ближнем Востоке, не рискнули открыто встать на сторону агрессоров и даже внесли 2 ноября 1956 г. в ООН резолюцию, осуждавшую действия Великобритании, Франции и Израиля в Египте.

После провала агрессии против Египта и значительного ослабления позиций колониальных держав на Ближнем и Среднем Востоке была выдвинута новая внешнеполитическая программа США (доктрина Эйзенхауэра). Впервые она была изложена в послании американского президента конгрессу от 15 января 1957 г., а законодательно утверждена в марте 1957 г. Доктрина была направлена на укрепление позиций Соединенных Штатов на Ближнем и Среднем Востоке. Согласно ей, американский президент получал право предоставлять государствам региона военную и экономическую помощь и использовать по своему усмотрению американские вооруженные силы в этом районе.

Установки доктрины Эйзенхауэра означали стремление США произвольно и в одностороннем порядке решать вопросы войны и мира на Ближнем и Среднем Востоке, вмешиваться во внутренние дела стран региона и осуществлять контроль над их внешней политикой. Доктрина нарушала ряд положений Устава ООН и международного права в целом. Она противоречила также конституционной практике США, так как наделяла президента фактически бесконтрольными военными полномочиями

в обход конгресса. США неоднократно использовали доктрину Эйзенхауэра на практике (заговоры против Сирии в 1957 г., агрессия против Ливана в 1958 г.). Основные принципы и задачи доктрины Эйзенхауэра в открытой или скрытой форме проявлялись в политике США на Ближнем и Среднем Востоке и в дальнейшем.

Советский Союз не скрывал своих симпатий к национально-освободительному движению и поддерживал силы, которые занимали наиболее радикальные, антиимпериалистические позиции. В программе КПСС, принятой XXI съездом, выдвигалось положение о том, что перед освободившимися странами стоит, как лучшая из альтернатив, движение по пути некапиталистического развития как «пути народов к свободе и счастью», когда возможно «при жизни одного поколения» превратить отсталую страну в индустриальную, искоренить социальное неравенство, обеспечить высокий материальный и культурный уровень жизни рабочего класса и всех трудящихся. При этом подчеркивалось, что СССР и другие социалистические страны будут всячески помогать развивающимся странам, оказывать им поддержку, в том числе и вооружением.

В 1957–1964 гг. СССР начал мирное наступление на страны третьего мира. Советские руководители побывали в Индии, Индонезии, Бирме, Афганистане, Иране и других странах. Советский Союз посетили лидеры Индии, Индонезии, Ганы, Гвинеи, Мали, Судана, Сомали, Сенегала, Лаоса, Камбоджи и ряда других государств. Было подписано более 20 соглашений о сотрудничестве и предоставлении кредитов странам Азии, Африки и Латинской Америки, в том числе Индии, Индонезии, Бирме, Непалу, Цейлону, Афганистану, Объединенной Арабской Республике (ОАР — союз Египта и Сирии. — *Прим. авт.*), Ираку, Йемену, Эфиопии, Гане, Гвинее, Мали. Размеры предоставляемой помощи были довольно значительны. ОАР за ее счет покрывала до 50% ассигнований на экономическое развитие, Индия в ходе реализации второго пятилетнего плана — 15%.

Суэцкий кризис показал, что на судьбы стран, освободившихся от колониального гнета и добившихся независимости, стали влиять Советский Союз и Соединенные Штаты,

используя Организацию Объединенных Наций. Завершение кризиса не привело к ликвидации арабо-израильских противоречий. Ближний Восток на десятилетия превратился в очаг международной напряженности. В нем регулярно вспыхивали ограниченные войны и вооруженные конфликты. На стороне арабских стран выступал СССР. США всячески поддерживали Израиль.

Следующая после Суэцкого кризиса война 1967 г. получила название «шестидневной». Стратегическое развертывание вооруженных сил Израиля началось в середине апреля 1967 г. С 9 мая парламент страны предоставил правительству право на проведение военных операций против Сирии. 23 мая израильское правительство дало указание генеральному штабу завершить подготовку к войне против Египта и Сирии и начать всеобщую мобилизацию. В основу израильского плана войны (кодовое наименование «Голубь») была положена «стратегия сокрушения» — поочередного разгрома армий арабских государств.

К моменту ее начала силы Израиля насчитывали 250 тыс. человек, 1100 танков самоходных артиллерийских установок, 320 самолетов и 18 кораблей. Сухопутные войска организационно были сведены в 31 бригаду (23 мотопехотные, 6 бронетанковых и 2 воздушно-десантные) и 10 танковых батальонов. Они были сведены в три фронта: Южный, в составе 14 бригад (70 тыс. человек при 600 танках и 220 самолетов), развернутый против Египта; Северный в составе 10 бригад (50 тыс. человек при 300 танках и 70 самолетов) — против Сирии, и Центральный в составе 7 бригад (35 тыс. человек при 200 танках и 30 самолетов) — против Иордании.

В ответ на военные приготовления Израиля арабские страны также начали принимать меры по подготовке к военным действиям. В составе египетских сил насчитывалось около 300 тыс. человек, 1200 танков, 500 самолетов и 90 кораблей. В сухопутных войсках имелось 30 бригад, большая часть которых была сведена в 4 мотопехотные, 1 пехотную и 2 танковые дивизии. Непосредственно на Синайском полуострове были развернуты все 7 дивизий (100 тыс. человек и 1000 танков). В составе вооруженных сил Сирии и Иордании насчитывалось около 100 тыс. человек, 750

танков, 130 самолетов и 28 боевых кораблей. Накануне войны к этим силам присоединилась иракская пехотная бригада.

Вооруженные силы арабских стран «не уступали» (а по танкам даже заметно превосходили) противника. Они были оснащены в основном современным по тому времени вооружением советского производства. Однако по боевой выучке, морально-психологическому состоянию и боеспособности израильтяне были намного сильнее. Кроме того, израильская разведка вскрыла систему радиосвязи противника и сосредоточение его войск. Война началась в 8:45 5 июня 1967 г. превентивным ударом израильских ВВС по 16 аэродромам противника. Полная неготовность египтян к отражению удара привела к огромным потерям: было уничтожено около 270 самолетов. Израильтяне потеряли около 50 машин, из них 35 — от огня зенитной артиллерии. Вслед за авиаударом сухопутные войска Израиля перешли в наступление на египетском, а затем и на иорданском направлении. С 9-го июня Израиль развернул военные действия на Сирийском фронте.

Первоначально построение израильской группировки было таково: на приморском фланге израильтяне сосредоточили четыре бригады, которым противостояли 20-я пехотная (в секторе Газа) и 7-я мотопехотная (у Рафаха) египетские дивизии. В центре против четырех израильских бригад оборонялась 2-я мотопехотная дивизия (у Эль-Кусеймы). На южном фланге против трех бригад египтяне сосредоточили 6-ю мотопехотную дивизию (у Эль-Кунтиллы) и танковую бригаду. В резерве у израильтян находилось четыре бригады, а у египтян 3-я мотопехотная, 4-я и 9-я танковые дивизии, а также две пехотные бригады.

Успешнее всего развивалось наступление северной группы израильтян: их главный удар, наносившийся в 30-километровый промежуток между Северной и Центральной группами египтян, и вспомогательный, в промежуток между 20-й и 7-й дивизиями, имели полный успех. К исходу 5 июня им удалось окружить 20-ю дивизию, а 7-ю обойти с обоих флангов. Дальнейшее развитие наступления вдоль побережья также имело успех — две бригады окружили в районе Эль-Ариша египетскую пехотную бригаду. Действия центральной группы первоначально не были столь внушительны. 5 июня четыре бригады атаковали 2-ю египет-

скую дивизию «в лоб». Не сумев прорвать оборону, израильтяне ввели в бой две бронетанковые бригады, которые ночью обошли противника с юга и севера. На южном фланге израильтяне успеха не имели, даже наоборот, 6-я египетская мотопехотная дивизия перешла в контрнаступление и продвинулась на 5–10 км.

Для того чтобы остановить наступление противника, египетское командование решило нанести контрудар в стык между Северной и Центральной группами израильтян тремя резервными дивизиями. Однако израильская авиация сорвала этот контрудар, и египтяне начали отходить. Стоит отметить, что 4-я египетская дивизия получила по радио приказ на отступление, который был послан израильскими дезинформаторами. Уже к концу 7 июня израильтяне захватили перевал Митла и города Румани и Бир-Гифгафа, отрезав пути к окружению большинству египетских войск.

Действия на Иорданском направлении привели к окружению Иорданских сил 7 июня. 8-го же числа израильтяне вышли на всем фронте на реку Иордан. На Сирийском фронте активные боевые действия начались лишь 9 июня. В 12:30 семь израильских бригад перешли в наступление. Несмотря на превосходство сирийцев в пехоте, танках и артиллерии, сирийские войска не выдержали удара противника и в ночь на 10-е стали отходить.

Военные действия прекратились 10 июня 1967 г. при активном участии Советского Союза. Советское руководство предупредило 9 июня США, что если Израиль не прекратит боевых действий, то СССР не остановится перед принятием мер военного характера. Одновременно были разорваны дипломатические отношения с Израилем на весь период холодной войны. В арабо-израильский конфликт оказались втянутыми Советский Союз и Соединенные Штаты. Израиль достиг военно-политических целей войны за шесть дней. Было захвачено около 70 тыс. кв. км территории арабских государств с населением свыше 1 млн человек. Потери израильтян за эту кампанию составили 766 человека убитыми, порядка 200 танков и менее 100 самолетов. Арабские страны потеряли более 40 тыс. человек убитыми и пленными, 900 танков и 360 боевых самолетов. При этом из 700 захваченных израильтянами танков противника до 100 ока-

залось в полной исправности, а около 200 — с незначительными повреждениями. Ход кампании наглядно продемонстрировал преимущество не прямых действий: разведки и авиации. Также показательно наступление северной и центральной групп израильтян — северная, применявшая тактически не прямые действия, добилась успеха сразу же, а центральная, наносившая прямой удар, — только на следующий день, при этом использовались резервы.

Летом и осенью 1967 г. для восполнения понесенных арабами потерь самолеты советской военно-транспортной авиации доставили в Египет и Сирию около 150 самолетов МиГ-17, МиГ-21 и Су-7.

Возрастание роли авиации в боевых действиях предопределило внимание к укреплению противовоздушной обороны. Египетская система ПВО развивалась при активном участии советских военных советников и специалистов. С 1968 г. в состав дивизий ПВО входили зенитные артиллерийские бригады и полки. С середины 1970 г. начали поступать из Советского Союза современные по тому времени зенитные ракетные комплексы С-75 («Волга») и С-125 («Печора»). СССР оказывал и прямую военную помощь в противовоздушной обороне. В 1970 г. в Египет была переброшена зенитно-ракетная дивизия. В результате командование ВВС Израиля было вынуждено отказаться от нанесения ударов в глубине египетской территории в ходе боевых действий в так называемой войне на истощение в 1970 г.

Арабо-израильская война (6–25 октября 1973 г.) была предпринята Египтом и Сирией против Израиля с целью вернуть оккупированные им арабские территории. План арабов (кодовое наименование «Бадр») предусматривал внезапные военные действия в зоне Суэцкого канала (Египет) и на Голанских высотах (Сирия). Создание группировок войск началось в августе 1973 г. На стороне арабов должны были принять участие ограниченные контингенты войск Ирака, Марокко, Иордании, Саудовской Аравии и Кувейта. Помощь оказывали Алжир, Ливан, Тунис.

К 6 октября группировка войск Египта, Сирии и Иордании насчитывала 667 тыс. человек, до 4,5 тыс. танков и САУ и до 5 тыс. орудий полевой артиллерии и минометов. Израильские вооруженные силы имели 165 тыс. человек, 1,5 тыс. танков

и САУ и до 2,5 тыс. орудий полевой артиллерии и минометов. 6 октября сирийские войска перешли в наступление и продвинулись на 10–12 км, но 10 октября, понеся большие потери, отошли на исходные позиции. Египетские войска, форсировав Суэцкий канал, 8 октября захватили два плацдарма на его восточном берегу. 14 октября они возобновили наступление, но, потеряв 500 танков, успеха не добились. С 15 октября инициатива полностью перешла к израильтянам. 19 октября они форсировали Суэцкий канал. Им открывался путь на Каир.

22 октября Совет Безопасности ООН по инициативе СССР и США принял резолюцию, призывавшую обе стороны прекратить военные действия и остановить войска на занимаемых позициях. 24 октября сирийское и египетское командование требования СБ ООН выполнили. Израиль продолжал наступление, и к 25 октября его войска вышли на окраину города Суэц и овладели Селим-Фарагом. Советский Союз сумел по дипломатическим каналам вынудить Соединенные Штаты оказать давление на Израиль. Боевые действия прекратились. В январе 1974 г. Египет и Израиль подписали соглашение о перемирии. Сирия и Израиль достигли договоренности о разъединении войск четыре месяца спустя.

Потери Израйля составили 16 тыс. человек, 90 танков и 250 самолетов; арабских стран — 20 тыс. человек, 1900 танков и 270 самолетов. Относительно высокие потери израильской авиации были обусловлены тем, что в целом силы и средства ПВО сыграли существенную роль в ходе войны. В то же время эффективность зенитной ракетной обороны оставляла желать лучшего. Причиной больших (и зачастую необоснованных потерь) был не только низкий профессиональный уровень личного состава арабской стороны, но и определенная некомпетентность советских военных специалистов. В большинстве своем они не имели опыта боевых действий и руководствовались при организации обороны сугубо теоретическими знаниями. В «войне тактик», навязанной израильской стороной, советские специалисты зачастую не могли найти соответствующей альтернативы. В большинстве случаев приходилось работать методом проб и ошибок. При этом инициатива советских военных специалистов и советников была ограничена различными устными указаниями,

которые исходили как из Генерального штаба ВС СССР, так и из советских посольств в Каире и Дамаске [8, с. 199].

С началом войны 1973 г. быстро истощившиеся военные запасы вынудили руководство Израиля обратиться к президенту США с просьбой о помощи. В ответ 13 октября был установлен «воздушный мост», по которому доставлялись материальные средства с американских складов на территории Соединенных Штатов и Европы. В период с 14 октября по 14 ноября 1973 г. было совершено 567 самолето-вылетов и доставлено 22 тыс. т грузов [19].

Политическим результатом войны 1973 г. стал выход Египта и Иордании из антиизраильской коалиции и закрепление оккупации Израилем территории Палестинского государства.

* * *

Борьба за лидерство в национально-освободительном движении приводила к переносу приемов и методов холодной войны в неизбежные конфликты и кризисы при национальном освобождении в развивающихся странах. США и СССР охотно шли на вооружение противоборствующих сторон, добиваясь их политической верности. Все это способствовало консервации противоречий, приведших к конфликту или кризису. Ряд из них сохраняется более полувека.

Разрыв или охлаждение отношений с «союзниками» в третьем мире подчас приводили к насильственным действиям в отношении отступников со стороны государства-донора. Не исключалось также прямое участие на стороне одной из противоборствующих сторон в ходе внутригосударственного конфликта в развивающихся странах.

3.2. *Карибский кризис*

Карибский, или ракетный, кризис возник как результат прямого противостояния двух ядерных сверхдержав — СССР и США. Но начинался он с подавления «бунта» в Латинской Америке, на «заднем» дворе Соединенных Штатов. В январе 1962 г. Кубу исключили из Организации американских госу-

дарств (ОАГ) на пленарной конференции в Пунта-дель-Есте (Уругвай). Исключение Кубинской республики проходило под лозунгом политической несовместимости ее строя с духом и буквой блока. Исключение Кубы явилось кульминационной точкой в американо-кубинском противостоянии.

Уже через пять месяцев после прихода к власти 1 января 1959 г. Фиделя Кастро наметились первые трения с США. Реформы, проводимые кубинским правительством, серьезно задели интересы американского капитала. В ответ на экономические санкции США были национализированы предприятия и имущество американских граждан [20]. В свете столь неординарной деятельности кубинцев администрация президента США Эйзенхауэра сочла необходимым кроме экономических санкций прибегнуть к военной силе [21]. Окончательное решение о вооруженном вторжении на Кубу было принято 4 апреля 1961 г. на заседании Совета национальной безопасности США уже под председательством вновь избранного президента Дж. Кеннеди. 17 апреля 1961 г. в 1 час 30 минут началась высадка бригады эмигрантов в районе Плайя-Хирон. Они захватили небольшие плацдармы, но развить успех не смогли. К исходу апреля интервенты были разгромлены.

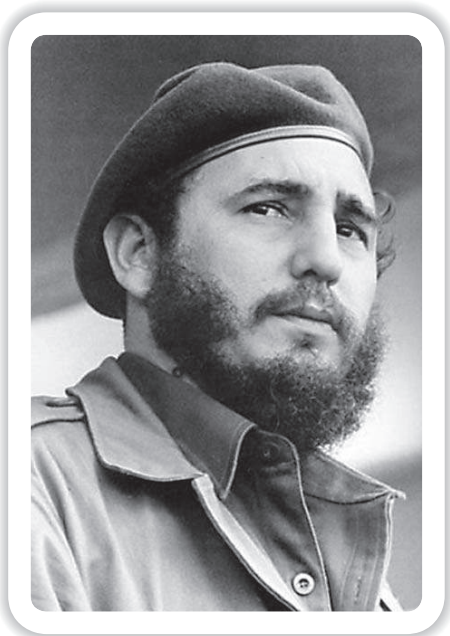
В создавшихся условиях президент Дж. Кеннеди счел целесообразным публично отказаться от намерений немедленно организовать «собственную» интервенцию против Острова Свободы. Неудача на Плайя-Хирон не остановила американского президента. Уже в ноябре 1961 г. в недрах аппарата Совета национальной безопасности США была начата разработка программы устранения правительства Ф. Кастро от власти. Она получила кодовое название «Мангуста» [22]. Первым практическим шагом выполнения программы «Мангуста» стало исключение Кубы из ОАГ. Во исполнение проекта «Мангуста» министерству обороны Соединенных Штатов была поставлена задача разработать к июню 1962 г. план вторжения на Кубу [23]. Он включал несколько вариантов (планы 312–62, 314–62 и 316–62), которые предполагали нанесение авиаударов и бомбардировку с моря с последующей высадкой воздушного и морского десантов [24]. Все варианты плана содержали мероприятия по установлению морской и воздушной блокады

Кубы, а также создание на острове американской военной администрации.

Обострение обстановки вокруг Кубы не прошло незамеченным в Советском Союзе. В марте-апреле 1962 г. Хрущев принял решение о военной помощи Кубинской республике. Оно основывалось на ряде обстоятельств. Ликвидация кубинской революции серьезно подорвала бы позиции СССР в национально-освободительном движении, которые и без того оспаривались Китаем. Переговоры по мирному договору с Германией провалились. Не помогло ни возведение Берлинской стены, ни демонстративное испытание ядерного оружия. По решению НАТО в Турции, Италии, Великобритании началось развертывание ядерных ракет. Тем самым США изменили баланс сил первого ядерного удара в свою пользу. Мощная группировка советских войск в Восточной Европе была не в состоянии компенсировать ущерб от ядерного нападения. Нужны были ответные адекватные меры.

И здесь Куба вышла на первый план. Именно отсюда можно было угрожать советскими ракетами средней дальности значительной части территории США. Но для этого требовалось не допустить ликвидацию правительства Кастро. Переброска «современного оружия» в непосредственную близость к американским берегам, как представлялось Хрущеву, могла бы дать СССР ощутимые дивиденды в глобальном противоборстве двух систем и заметно повысила бы престиж молодого кубинского государства в глазах десятков только что освободившихся стран Азии и Африки.

Во исполнение своего решения Хрущев назначил в конце апреля 1962 г. послом одного из советников посольства на Кубе и по совместительству резидента Комитета государственной безопасности Алексеева (настоящая фамилия Шитов). Выбор был не случайным. Алексеев имел обширные и достаточно прочные связи в кубинском руководстве. Уже в первых числах мая 1962 г. было созвано совещание в Кремле. На него были приглашены члены Президиума ЦК, министры обороны и иностранных дел, а также командующий ракетными войсками. Формально обсуждался вопрос о военной помощи Кубе. Подлинная цель заключалась в одобрении размещения на острове ракет. Эта

Фидель Кастро

идея была озвучена в заключительном слове Хрущева. «Надо дать американцам понять, — сказал он, — что, напав на Кубу, они будут иметь дело не только с одной непокорной страной, но и с ядерной мощью Советского Союза. Надо максимально повысить плату за военную авантюру против Кубы и уравнивать угрозу Кубе угрозой самим Соединенным Штатам». Хрущев разъяснил, что необходимо избрать такой способ противодействия американской угрозе Кубе, который бы не привел к началу термоядерной войны. Он выразил уверенность, что практические американцы не отважатся на безрассудный риск [25].

Инициатива Хрущева не вызвала энтузиазма у политического руководства. Первому секретарю надо было преодолеть сопротивление соратников [26]. При этом он опирался на руководство министерства обороны, которое сразу же поддержало его инициативу. Уже 11 мая на заседании Президиума ЦК КПСС при обсуждении вопросов обороны было уделено особое внимание развитию ракетной программы, включая определение целей для них и строительство подземных стартовых позиций [27].

Вслед за этим заседанием в первой половине мая состоялся Совет обороны, на котором присутствовали все члены Президиума ЦК КПСС. На нем Хрущев поставил вопрос о способе предотвращения военной агрессии против Кубы, если политические и дипломатические меры не дадут результата. Он предложил перебросить на остров для усиления его обороны некоторое количество советских ракет с обслуживающим их военным персоналом. После него секретарь Совета обороны начальник Главного оперативного управления Генерального штаба Иванов поставил сотруднику своего управления Грибкову конфиденциальную задачу подготовить наметки реализации этой идеи [28]. Такой документ был в кратчайшие сроки исполнен и пролежал в сейфе до 24 мая 1962 г. А тем временем Хрущев продолжал сколачивать группу поддержки и в политическом руководстве.

21 мая состоялось заседание президиума ЦК. На нем было решено договориться с Ф. Кастро заключить военный договор о совместной обороне. Расположить на острове ракетно-ядерное оружие. Совершить операцию скрытно. Оповестить об этом потом. Ракеты оставить под советским командованием. Операция была оценена как наступательная политика¹. 24 мая состоялось расширенное заседание Президиума ЦК КПСС с участием секретарей Центрального Комитета. В ходе дискуссии мнения разделились [29]. Микоян выразил сомнения, назвав акцию опасным шагом [12, Т. 2. с. 177, 181]. Некоторые секретари ЦК попытались уклониться от подписания официального протокола, ссылаясь на некомпетентность в этом вопросе. Хрущеву удалось лично добиться согласия всех участников совещания на размещение ракет на Кубе [30]. На Президиуме было решено направить в Гавану делегацию в составе: кандидата в члены Президиума ЦК КПСС, первого секретаря компартии Узбекистана Рашидова, главкома ракетными войсками стратегического назначения, начальника Главного оперативного управления Генерального штаба, советского посла на Кубе для обсуждения с кубинским руководством идей Хрущева.

¹ Архив Кремля. Президиум ЦК КПСС 1954–1964. М., 2003. С. 556.

31 мая 1962 г. делегация прибыла в Гавану. На первой встрече стороны обсудили наращивание агрессивных действий США, что могло бы привести к их вооруженному вторжению на остров. Затем была предложена советская военная помощь, вплоть до размещения на Кубе ракет среднего радиуса действия с ядерными боеголовками как средства сдерживания потенциального агрессора. Советское предложение поначалу вызвало «недоумение» и даже «растерянность» у Ф. Кастро. «Это очень смелый шаг, — сказал он, — и чтобы сделать его, мне необходимо посоветоваться с моими ближайшими соратниками. Но если принятие такого решения необходимо социалистическому лагерю, я думаю, мы дадим свое согласие на размещение советских ракет на нашем острове. Пусть мы будем первыми жертвами в схватке с американским империализмом» [29]. На следующий день состоялась новая встреча, на которой кроме Фиделя и Рауля Кастро были Че Гевара, президент страны О. Дортикос и член революционного руководства Р. Вальдес. Они дали положительный ответ, и было достигнуто соглашение о подписании соответствующего договора о размещении советских войск на Кубе.

Кубинское руководство в то время видело в Советском Союзе единственного мощного и верного союзника. Сталкиваясь в своей повседневной жизни (военная и экономическая блокада) с практикой противостояния двух сверхдержав, оно не могло отказать СССР в его борьбе со своим злейшим врагом. Но Ф. Кастро и его соратники не хотели и не могли поступиться своим суверенитетом, поэтому они и выступили за легализацию присутствия советских войск на своей территории. Последовательно защищая свою самостоятельность, кубинское руководство стремилось модернизировать свои вооруженные силы. Сделать это без помощи Советского Союза было невозможно. Опыт Плайя-Хирон наглядно показал значение добровольцев в лице народной милиции для защиты завоеваний в Латинской Америке. Ее бойцы первые вступили в бой при высадке десанта. Именно народные милиционеры накануне десанта изолировали внутренние контрреволюционные элементы, ликвидировав «пятую колонну» в тылу защитников Острова Свободы.

После возвращения советской делегации с Кубы 10 июня 1962 г. состоялось заседание Президиума ЦК КПСС и расширенный Совет обороны страны, на котором присутствовали все члены и кандидаты в члены Президиума, секретари ЦК партии и руководители министерств, маршалы Советского Союза. Рассматривался вопрос о предотвращении вооруженной акции против Кубы. После доклада членов делегации Хрущев поставил вопрос об отправке на Кубу ядерных ракет. «Они, — говорил он, — могут охладить пыл американцев и предупредить новое, второе вторжение на Кубу». Расширенный Совет обороны, а затем и Президиум ЦК утвердили это предложение [30, с. 568].

Глобальный подтекст размещения советских ядерных ракет на Кубе был очевиден для американского руководства. Дж. Кеннеди дал такую оценку этому факту в октябре 1962 г.: «Они предлагают Соединенным Штатам рассчитанный и провокационный вызов, зная, что, если американцы среагируют на применение силы, русские получат идеальную возможность двинуться на Западный Берлин. Если же, с другой стороны, я не предприму ничего, латиноамериканцы и другие союзники США будут чувствовать, что американцы не имеют подлинной решимости сопротивляться коммунистическому окружению и, соответственно, уклоняются от своих обязательств» [31].

После решения от 10 июня советский Генеральный штаб приступил уже к конкретной разработке операции по переброске ракет и войск на Кубу, получившей кодовое название «Анадырь» — по имени реки и рабочего поселка, находящихся на Чукотке, восточной окраине СССР [28, с. 284]. В разработанном плане предлагалось развернуть на Кубе Группу советских войск (ГСВК), состоящую из всех видов вооруженных сил. Он выходил далеко за рамки наметок, высказанных Хрущевым в ходе обсуждения кубинского вопроса. Перед ГСВК ставилась задача во взаимодействии с кубинскими вооруженными силами не допустить высадки противника на территорию острова с моря и воздуха и превратить Кубу в неприступную крепость. Командующим группой был назначен генерал армии Плиев (работал под псевдонимом «Иван Александрович Павлов — специалист по сельскому хозяйству»). До этого назначения он был командующим Северокавказским военным округом, на территории

которого в июне 1962 г. была расстреляна демонстрация в Новочеркасске. Ракетным войскам Группы в случае развязывания войны предлагалось быть в готовности по сигналу из Москвы нанести удар по важнейшим объектам на территории агрессора. Сухопутные войска (четыре отдельных мотострелковых полка) имели задачу прикрыть ракетные и другие технические войска и быть в готовности оказать помощь кубинским вооруженным силам в уничтожении морских и воздушных десантов. Для отражения морского десанта трем пехотным полкам были приданы тактические ядерные ракеты «Луна». Военно-воздушным силам ставилась задача по уничтожению морских и воздушных десантов противника, а также предполагалось нанесение удара по военно-морской базе США Гуантанамо. Для противовоздушной обороны предназначались две зенитно-ракетные дивизии ПВО, которые должны были не допустить вторжение в воздушное пространство Кубы иностранных самолетов-нарушителей и нанесение ими ударов по наземным военным и экономическим объектам. Эскадре надводных кораблей, эскадре подводных лодок, бригаде ракетных катеров, полку ракет береговой обороны и минно-торпедному авиационному полку ставилась задача не допустить высадки морских десантов [28, с. 288–289]. Тыловые части должны были обеспечить жизнь и боевую деятельность войск и иметь трехмесячные запасы продовольствия и горючего.

Проведение операции маскировалось осуществлением стратегического учения «Анадырь» с перебазированием войск и военной техники морем в различные районы Советского Союза. Соединения и части для Группы планировалось брать из различных военных округов. Соединения и части предстояло перебросить по морю и воздуху за 10–11 тыс. км. Перевозки нужно было осуществить, по возможности, скрытно, как это требовали решения военно-политического руководства, на большей части пути от контроля со стороны вооруженных сил США и западноевропейских стран Североатлантического союза. Поскольку прямого воздушного сообщения между СССР и Кубой не было, фактически единственным транспортным средством для перевозки войск были суда. Советский Военно-морской флот не имел войсковых транспортов. К обеспечению операции подключа-

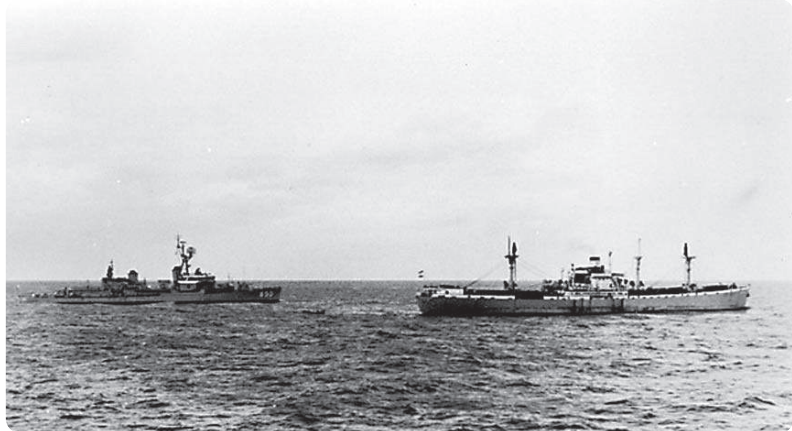
лись гражданские суда. Они должны были перевезти на Кубу до 44 тыс. человек и 230 тыс. т грузов¹.

Особое внимание уделялось транспортировке ядерных боеголовок. На одном корабле — «Индибирка» — должны были перевозиться боеголовки к Р-12, к ракетам «Луна», атомные бомбы к Ил-28. Суммарная взрывная мощность груза «Индибирки» в 20 раз превосходила мощность всех союзных бомбардировок Германии на всем протяжении Второй мировой войны. Корабль было решено отправить без сопровождения, чтобы он не выделялся и не привлек особого внимания. Боеголовки к Р-14, как и сами ракеты, предполагалось отправить позже. Командиры судов, перевозивших ракеты и боеголовки, имели приказ не допустить захвата судов противником, в случае крайней необходимости они должны были эти суда затопить.

2 июля 1962 г. в Москву прибыл с рабочим визитом Р. Кастро для проведения конкретных переговоров и выработки Соглашения о размещении на острове советских ракет. Результаты переговоров легли в основу проекта «Договора между Правительством Республики Куба и Правительством Союза Советских Социалистических Республик о размещении Советских Вооруженных Сил на территории Республики Куба», который был парафирован министром обороны СССР Малиновским и министром Революционных вооруженных сил Кубы Р. Кастро.

7 июля 1962 г. было проведено совещание руководящего состава развертываемой военной группировки на Кубе. Смысл главной задачи, поставленной Хрущевым, сводился к следующему: мы посылаем вас не на войну, ее не будет. Не для участия в вооруженном конфликте, а для того, чтобы защитить кубинскую революцию и дать американцам почувствовать, что есть сила, способная противостоять им. Не менее важным был вопрос о скрытности переброски и размещения советских войск на Кубе. Дело в том, что их развертывание приходилось на разгар предвыборной кампании в конгресс США, выборы в который должны были состояться 6 ноября 1962 г. Военные и прежде всего советский главный военный советник на Кубе Дементьев доказывали руководству, что скрытно осуществить операцию

¹ Микоян С. Анатомия Карибского кризиса. М., 2006. С. 157.

Долгая дорога к Острову Свободы

«Анадырь» не удастся. А появление советских войск на острове будет выявлено многочисленной американской агентурой из числа оппозиции. Но к их мнению не прислушались.

После совещания в Кремле 7 июля операция «Анадырь» началась. Перевозка войск осуществлялась из различных портов Европейской части СССР. О конечных целях перемещения частей не сообщалось даже офицерам, занимающим высокие должности. Для маскировки порта назначения рекомендовалось взять с собой полушубки, валенки, перчатки, шапки. Личный состав маскировался под специалистов-аграрников. Первой 12 июля на Кубу прибыла передовая группа командования Группы советских войск. В первой декаде июля погрузка войск первого эшелона была завершена. 12 июля 1962 года первые морские транспорты взяли курс к неизвестным пока берегам.

После того как корабль снимался со швартовых и отваливал от причальной стенки, он отходил от нее на 500 м и останавливался, так как куда идти дальше, никто не знал. Вскоре к борту судна подходил быстроходный катер, с которого на палубу поднимался офицер штаба базы и вручал командиру полка три пакета под номерами 1, 2, 3. На первом пакете была надпись

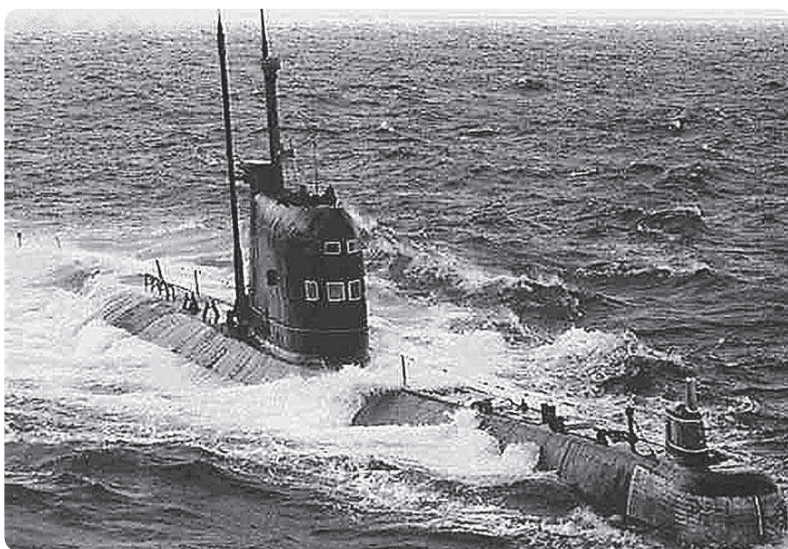
«Вскрыть после оставления территориальных вод СССР». На двух других никаких надписей не было. После прочтения надписи на первом пакете капитан отдавал команду: «Полный вперед!». А через 30 минут хода, после прохождения 12-мильной зоны внутренних вод, командир, чье судно выходило из южных портов СССР, вскрывал первый пакет и читал: «Пройдете Босфор и Дарданеллы, откройте пакет № 2». В последнем значилось: «Пройдете Гибралтар, откройте пакет № 3». И только в нем указывался пункт назначения. Корабль шел заданным курсом до указанного пункта.

Морское путешествие занимало 15–20 суток. Остро стояла проблема с размещением личного состава. В твиндеках строились многоярусные нары. Людей туда набивалось как сельдей в бочку. Им предстояло не одну неделю качаться по волнам океана в раскаленной солнцем стальной коробке. Для соблюдения режима секретности выход военнослужащих на палубу был ограничен. Люки твиндеков, где размещался личный состав, накрывали брезентом, и воздух подавался только по системе вентиляции. Когда суда шли вблизи берегов Дании и Швеции, Англии и Франции, Турции и Италии, переход казался туристической прогулкой. Но очень скоро всем пришлось пройти испытания, которые таили в себе океан, тропики и строжайшая скрытность. С выходом в Атлантический океан начало штормить. Морская болезнь свалила практически всех солдат и офицеров. Выход на свежий воздух был возможен в лучшем случае в ночное время по 20–25 человек из-за необходимости соблюсти скрытность. Возникали проблемы с пресной водой. Ее запас рассчитан на 50 человек штатного состава, а на корабле оказывалось несколько сотен человек. И идти было неизвестно куда и неизвестно сколько. В итоге решали питьевую воду расходовать только на пищу, а умываться и мыть посуду забортной водой. После собраний солдат и сержантов у питьевых бачков и кранов вывешивали листовки-молнии следующего содержания: «Товарищ солдат! Если захочешь пить, то делай не более 3–5 глотков. Чтобы благополучно дойти до места, нам крайне необходимо экономить воду для приготовления пищи. Ни одной капли лишнего расхода воды!». В итоге в последний день пути корабль входил в порт без единой капли пресной воды.

При подходе к Багамским островам начинались облеты американскими самолетами до 12–16 раз в сутки наших транспортных судов и их сопровождение военными кораблями. Американские разведчики проносились над теплоходами, чуть ли не цепляясь за палубные надстройки и мачты. Военные корабли увязывались за нашими кораблями, иногда требуя остановиться для досмотра. Но суда в эфир не выходили и следовали своим курсом. Конечно, выход людей на палубы запрещался. Условия пребывания в твиндеках в то время были, можно сказать, адскими, температура воздуха достигала $+50^{\circ}\text{C}$. Пища выдавалась два раза в сутки и то только в темное время. Не всем по силам оказались такие испытания. Начались болезни и даже смерти военнослужащих. Пришлось делать операции в срочных случаях.

Сложнее было идти нашим подводным лодкам, на пути которых было три противолодочных рубежа. Прорыв советских подводных лодок к Кубе осуществлялся в условиях многократного превосходства противника. К этому следует добавить тяжелые условия жизнедеятельности в отсеках личного состава, не приспособленных к плаванию в тропических широтах. Из-за отсутствия кондиционирования воздуха в электротехнических отсеках температура достигала 65 градусов по Цельсию. Ограниченные запасы пресной воды не позволяли выдавать более 250 г в сутки, что приводило к обезвоживанию организма. Необходимость частых всплытий для зарядки аккумуляторных батарей, на сеансы связи и для определения координат, большая прозрачность воды существенно повышали вероятность обнаружения советских подводных лодок. Тем не менее лишь в районе Бермуд противолодочными силами США были обнаружены три из четырех подводных лодок.

Конечно, не только физическая выносливость помогала воинам преодолеть, казалось, непреодолимое. Уже в океане личный состав узнал, куда и зачем совершается поход. Все были заряжены готовностью выполнить поставленную задачу. Тяготы перехода скрашивались не только поддержанием обычного распорядка дня, высокой дисциплиной, но и активной пропагандистской работой как среди тех, кто шел на Кубу, так и советских людей в целом. Ее результатом стало создание весьма при-

Советская подводная лодка на пути к Кубе

влекательного и в определенной степени даже романтического образа Острова Свободы, ее народа и руководства в массовом сознании советского народа. Не случайно сразу после опубликования 12 сентября 1962 г. Заявления ТАСС в связи с ситуацией, сложившейся вокруг Кубы, более 32 тыс. солдат, матросов, сержантов и старшин, ожидавших осенью 1962 г. увольнения в запас, подало командованию рапорты с просьбой об отсрочке их демобилизации «до тех пор, пока американский империализм не перестанет угрожать всеобщему миру». Тысячи офицеров, сержантов и рядовых, как об этом сообщалось, обратились к командованию с просьбой направить их в качестве добровольцев на защиту «молодой Кубинской республики». Значительное число военнослужащих высказали также желание вступить в ряды Коммунистической партии и комсомола [32].

На 16-е сутки морского перехода с 26 июля на остров стали прибывать транспорты с войсками и техникой. Первым в порт Гавана прибыл теплоход «Мария Ульянова», а за ним до

31 июля — еще девять судов. Техника и грузы, имевшие внешнее сходство с сельскохозяйственными, по прибытии разгружались круглосуточно, а танки, ракетная и специальная техника — только в ночное время. Формировались походные колонны, для их сопровождения кубинское командование выделяло охрану. Личный состав, сопровождавший колонны, переодевался в форму кубинских военнослужащих. Все команды в пути следования подавались только на испанском языке.

Но не так было с первым прибывшим транспортом в Гавану. В день прибытия на час ночи был запланирован выход колонны с войсками к месту дислокации. Ожидания, что Гавана к часу ночи будет спать и колонна потихоньку, не мешая жителям, выйдет за пределы города, не оправдались. За воротами порта оказался залитый ярким электрическим светом большой город. Довольно просторная площадь была заполнена прогуливающимися и отдыхающими жителями, полицейский участок разместился напротив порта с большим числом служебных машин и мотоциклов, с полицейским нарядом около них. Выход колонны в час ночи из порта затормозил всю жизнь ночной столицы. Как только она вышла за пределы города, перед ней встала полицейская машина, а вдоль нее на большой скорости начали курсировать кубинские полицейские на мощных мотоциклах. Первый привал был сделан через 10 км. Во время остановки для регулировки тормозов к колонне стали подъезжать легковые автомобили, а владельцы начали заговаривать с водителями на английском, русском, французском и немецком языках, выясняя, кто и зачем приехал на Кубу. Скрытность явно трещала по швам. Когда колонна тронулась, по 5–6 машин стали обгонять колонну и становиться справа на обочине дороги. После ее прохождения снова на большой скорости обгоняли колонну и становились на обочине. Так они сопровождали ее всю дорогу, 45 км до района сосредоточения.

Войска, прибывавшие на Кубу, развертывались во всех ее шести провинциях. В большинстве районов сосредоточения не было жилья, отсутствовала или была крайне слабо развита дорожная сеть, а в ряде случаев даже не было источников водоснабжения. И это в условиях жаркого климата. Прибывая в районы расположения, войска приступали к решению трех

основных задач: уточнение вопросов боевого применения на случай отражения нападения; оборудование позиционных районов для ведения боевых действий; строительство жилых городков. Причем все эти три задачи нужно было решать одновременно.

Личный состав работал напряженно [53, с. 299 – 314]. Обстановка осложнялась непривычными природно-климатическими условиями. Вплоть до начала октября стояла постоянная душливая жара, ни днем, ни ночью не чувствовалось прохлады. Такой климат, конечно же, не для советских военнослужащих — в большинстве своем жителей умеренных широт. До 15 часов все горит под солнцем, а в 16 как по заказу — дождь. Душно, высокая влажность. Жилой городок советских войск состоял, как правило, из палаток и машин с металлическими фургонами. Ни те, ни другие на тропический климат не были рассчитаны. К утру палатки покрывались зеленой плесенью. Еще хуже обстояло дело в металлических фургонах. Они накалялись за день так, что и ночью находиться в них было невозможно. С наступлением темноты на людей набрасывалась мошкара, от которой не было нигде спасенья. Люди в таких условиях не имели возможности хорошо отдохнуть за ночь. Стала давать себя знать физическая усталость.

Нестерпимый для жителей средней полосы жар тропического солнца вызывал жажду у людей. Все тянулись к воде. Даже кипяченая, но неохлажденная, она мало утоляла жажду и увеличивала потребность в воде. А чем больше пили, тем больше насыщались бактериями. Наиболее здоровые организмы выдерживали их, а те, кто был послабее, оказывались на лазаретной или госпитальной койке. Тогда обратились за советом к местным военным. Оказалось, очень просто. Достаточно в трехведерный питьевой бак положить три-пять килограммов пищевого льда, как через пятнадцать минут болезнетворные бактерии погибали. Охлажденную воду можно было пить безбоязненно. Она приятна, хорошо утоляла жажду и, главное, сохраняла личный состав.

Но несмотря на трудности, войска приступили к оборудованию нового места дислокации. В первую очередь строились стартовые и технические позиции для ракетных частей, частей

противовоздушной обороны, фронтовых крылатых ракет. Грунт был каменистый, инженерная техника в таких условиях была малопроизводительной, поэтому большинство работ выполнялось вручную — как всегда, выручали кирка да лопата. Из-за жары и сильной влажности воздуха было принято решение работать, сменяя личный состав каждый час. Оборудование стартовых площадок ракет занимало от 8 до 15 суток. Были проведены необходимые мероприятия по маскировке ракетных площадок и безопасности хранения ракет и боеголовок. Они содержались раздельно: ракеты — на укрытых площадках, боеголовки — в пещерах на расстоянии километра от ракетных позиций в специальных фургонах. Для присоединения головки к ракете требовалось 3 часа, а для приведения уже полностью собранной ракеты в боевую готовность — 15 минут. Однако в боевую готовность стратегические ракеты не приводились ни разу за все время их пребывания на Кубе. Кроме позиционных районов только за первые четыре месяца было построено более 350 км шоссейных и грунтовых дорог, по которым перевезено свыше 300 тыс. т различных грузов военного и бытового назначения. Силами солдат и офицеров построено 50 тыс. кв. м жилых и других помещений [53. с. 161].

В полную силу пришлось работать медицинской службе. Она располагала опытными врачами-специалистами и была хорошо технически оснащена. В первые недели пребывания войск на Кубе сложилась неблагоприятная санитарная обстановка. Эпидемия дизентерии охватила почти все части. В отдельных случаях до 40–50% личного состава прошло стационарное лечение в полевых госпиталях. В каждом из четырех таких госпиталей на 200 коек самоотверженно трудилось свыше 150 человек медицинского персонала, и в большинстве своем это были женщины.

Советское руководство, приняв решение сохранить проведение операции «Анадырь» в тайне, оказалось в весьма щекотливом положении. Элементарный здравый смысл подсказывал, что переброску такой массы личного состава, оружия и военной техники по маршрутам, находящимся под контролем НАТО, скрыть невозможно. Но отказаться от своей идеи Хрущев никак не хотел. Сразу же после выхода первых морских

транспортов с войсками начались мероприятия по их политическому и дипломатическому прикрытию. В начале июля в Москве был проведен массовый митинг, посвященный отправке на Кубу добровольцев для оказания помощи в сельском хозяйстве. По прибытии первых советских частей на остров были проведены даже митинги с участием местного населения, посвященные помощи прибывшими в повышении культуры кубинского крестьянства¹. А 9 июля было опубликовано заявление Правительства СССР о готовности предоставить Кубе всестороннюю помощь.

Кубинское же руководство стремилось легализовать пребывание советских войск на острове. 27 августа в Москву прибыла делегация во главе с Геварой. Он сообщил поправки Ф. Кастро к парафированному договору о военном сотрудничестве. Делегация была принята Хрущевым в Крыму. В итоговом проекте договора, в частности, отмечалось, что СССР направит на Кубу свои вооруженные силы «для усиления ее обороноспособности перед лицом опасности агрессии извне, способствуя таким образом поддержанию мира во всем мире». В случае агрессии против Республики или нападения на советские вооруженные силы, размещенные на ее территории, правительства Кубы и СССР, используя право на индивидуальную или коллективную оборону, предусмотренное статьей 51 Устава ООН, предпримут «все необходимые меры для отражения агрессии». Между тем формально подготовленный и согласованный новый вариант договора о советско-кубинском военном сотрудничестве так и не был подписан. Следует отметить, что Гевара имел право подписать договор от имени Кубинской Республики. Кастро предлагал немедленно опубликовать текст договора, считая, что это поднимет престиж Кубы как суверенного государства, заключившего договор с другим суверенным государством — Советским Союзом — на основе международного права. Но в СССР это посчитали наивным. Хрущев сказал, что американцы найдут тысячи способов, чтобы не допустить доставку советских ракет на Кубу. Поэтому реален только необъявленный, тайный завоз советских ракет на «Остров Свободы». Кубинцы

¹ Красная звезда. 1990. 4 февр.

согласились [60, р. 16–17]. Все дальнейшие шаги осуществлялись фактически на основе устной договоренности. Лишь в Советско-кубинском коммюнике от 3 сентября о пребывании в Советском Союзе делегации Кубы открыто было заявлено, что советское правительство пошло навстречу просьбе кубинского правительства об оказании Кубе помощи вооружением.

Хрущев понимал уязвимость принятого решения о размещении ядерных ракет на Кубе и счел целесообразным лично прозондировать реакцию США. В начале сентября он в беседе с американским министром внутренних дел, находившимся в СССР, заявил: «Ведь вы направляете в Японию ракеты и ядерные боеголовки. Зачем это делается? Это же направлено против нас. Вы угрожаете Фиделю Кастро, и мы направляем к ним наших специалистов для обучения. Но это, я подчеркиваю, для обороны. Если вы не нападете на Кубу, Куба на вас не нападет» [33]. Симптоматичен пример Японии, где американские ядерные ракеты, в отличие от НАТО, находились под полным контролем США.

Резкое увеличение судов, следующих на Кубу, большинство из которых шло под советским флагом, было отмечено американской разведкой еще в июле 1962 г. На очередном совещании по разведке 17 августа директор Центрального разведывательного управления высказал предположение, что резкое увеличение потока грузов на Кубу связано с развертыванием на острове советских ракет класса «земля — земля». 22 августа он довел свои предположения до президента. Практическим следствием доклада директора ЦРУ стало выделение с 27 августа в самостоятельную ежедневную разведывательную сводку всех добытых данных о Кубе [34]. Результаты не заставили себя ждать. 29 августа высотная аэрофотосъемка выявила строительство восьми стартовых позиций для советских зенитных ракет. К 6 сентября разведка выявила семь позиций зенитных ракет, позиции крылатых ракет береговой обороны, а также присутствие МиГ-21, тяжелых танков и артиллерии на Кубе.

В рамках начала выборной кампании в США 31 августа сенатор-республиканец, представлявший оппозицию, выступил в сенате с заявлением, что у него имеются доказательства присутствия на Кубе советских войск и снаряжения, которое может

Первые американские фото советских ракет на Кубе

предназначаться для ракетных установок. Стремясь снизить воздействие на будущих избирателей такой взрывоопасной информации, президент уполномочил своего пресс-секретаря распространить 1 сентября заявление Белого дома. В нем было сказано, что американские власти не располагают данными о нахождении на Кубе боевых войск из какой-либо страны про-советской ориентации или русских военных баз, а также о размещении наступательных ракет класса «земля — земля» или о каких-либо других наступательных средствах, находящихся в полном распоряжении кубинцев или под контролем Советского Союза [35].

Заявление Белого дома не остановило оппонентов президента. Антикубинская кампания в прессе усиливалась. На фоне развернувшейся пропагандистской кампании 7 сентября два американских законодателя выступили в прессе с инициативой принять резолюцию, разрешающую президенту использовать

вооруженные силы США по своему усмотрению. В тот же день Дж. Кеннеди обратился в конгресс с запросом о мобилизации 150 тыс. резервистов на год, мотивируя это необходимостью обеспечить безопасность Западного Берлина. Затем он направил меморандум правительствам Великобритании, Греции, Западной Германии, Италии и Норвегии с просьбой не предоставлять корабли под флагом своих стран для морских перевозок из социалистических стран на Кубу¹.

Со второй декады сентября в разведывательных целях стали использоваться корабли американских ВМС на дальних подступах к Кубе. Так, американские военные корабли 18 сентября запросили в створе остров Сардиния — полуостров Тунис (в Средиземном море) наш войсковой транспорт о характере перевозимого груза. Получив ответ, что перевозятся сельскохозяйственные машины, они пропустили наше судно без досмотра. 19 сентября советское судно «Ангарск» при проходе севернее Гаити сопровождал на параллельном курсе крейсер США. 21 сентября параллельно теплоходу «Ангарск» юго-восточнее Бермудских островов следовал американский эсминец № 941. Близ Кубы судно «Физик Вавилов» преследовали три эсминца США, там же корвет № 148 шел параллельным курсом с танкером «Житомир», севернее Азорских островов рыболовную базу «Северная Латвия» преследовал авианосец «Ф. Рузвельт» [36].

Поскольку в антикубинскую кампанию включились лидеры республиканцев, президент Кеннеди 13 сентября 1962 г. сделал новое заявление, в котором открыто ставил вопрос об условиях вооруженного вмешательства. «Если США, — указывал он, — когда-либо сочтут необходимым предпринять военные действия против коммунизма на Кубе, то все поставленное Кастро коммунистами оружие и технические советники не смогут изменить последствий или существенно оттянуть время их начала» [37]. Свою лепту в нагнетание напряженности внес американский конгресс. В нем был выдвинут законопроект о создании в Западном полушарии «межамериканских вооруженных сил» по типу НАТО. 13 сентября конгресс США предоставил президенту страны полномочия на отмобилизование 150 тыс. резервистов.

¹ Правда. 1962. 8 сент.; 10 сент.

Спустя три дня после принятия резолюции конгрессом Дж. Кеннеди выступил перед редакторами газет, радио- и тележурналистами с речью. «Я думаю, — заявил американский президент, — будет справедливо, если я скажу, что США и весь мир переживают сейчас один из самых критических периодов» [38]. Практической реализацией этого выступления стала совместная резолюция Сената и Палаты представителей конгресса США от 20/26 сентября 1962 г. Но на этот раз был указан адресат американских действий — Куба [37, с. 19].

В Советском Союзе, в свою очередь, 12 сентября 1962 г. газета «Правда» опубликовала «Заявление ТАСС», в котором на весь мир было сказано, что «по просьбе Кубинского правительства, в связи с угрозами агрессивных империалистических кругов на Кубу поставляется из Советского Союза... некоторое количество вооружения. Кубинские государственные деятели обратились также к советскому правительству с просьбой прислать на Кубу советских военных специалистов, техников, которые обучили бы кубинцев владению современным оружием, потому что современное оружие сейчас требует высокой квалификации, больших знаний... Естественно, что Куба пока еще не имеет таких специалистов. Поэтому мы с пониманием отнеслись к этой просьбе, памятуя о том, что формирование Революционных Вооруженных Сил Кубы началось только в конце июня 1961 года, то есть всего год назад. Вооружение и военная техника, поставляемые на Кубу, предназначены исключительно для оборонительных целей...»¹. Аналогичная по содержанию статья была опубликована в кубинской газете «Революсьон». В ней, однако, прямо указывалось, что ракеты поразят США, если они вторгнутся на Кубу. В той или иной мере обе публикации могли быть восприняты как косвенное признание размещения именно советских ракет на острове.

Сопровождения военными кораблями стран НАТО вызвало озабоченность у советского военного командования. Для усиления защиты судов Министерства морского флота СССР начальник Генерального Штаба 17 сентября обратился к Хрущеву с просьбой установить на каждом транспортном судне по две

¹ Правда. 1962. 12 сент.

спаренные зенитные установки. Согласие на их установку было получено. В связи с этим была разработана новая инструкция капитану судна и следующему на нем начальнику воинского эшелона по защите транспортов от пиратских действий самолетов, надводных кораблей и подводных лодок на переходе морем. В ней разрешалось применять оружие и вести ответный огонь [39]. Это решение было обнародовано Хрущевым 17 сентября в беседе с австрийским вице-канцлером. Он информировал австрийского политика о распоряжении капитанам советских судов следовать в кубинские порты, несмотря на возможные попытки американских кораблей помешать этому. Хрущев заявил, что в случае блокады Кубы военно-морскими силами США она будет рассматриваться как акт войны и в случае необходимости блокадным действиям американских кораблей могут быть противопоставлены военные средства [40]. По странному стечению обстоятельств, 19 сентября комиссия американского сената по международным делам приняла резолюцию, в которой говорилось о возможном применении вооруженных сил США против Кубы [41].

В связи с обострением обстановки на пути к Кубе и вокруг нее 25 сентября состоялось заседание Совета обороны [39, л. 122]. На нем было принято решение отменить перебазирование на Кубу эскадры надводных кораблей, предусмотренное морской частью плана операции «Анадырь». Эскадра подводных лодок также не была развернута у кубинского побережья. Лишь семь дизельных ударных подлодок обеспечивали морские перевозки войск и военных грузов в различных районах Мирового океана. Лодки имели по три ракеты Р-13 с ядерными боеголовками мощностью 5 мегатонн и торпеды с ядерными боезарядами в 8–10 килотонн.

Ситуация настолько обострилась, что было принято решение использовать неофициальные доверительные связи с американским руководством. Для этого в конце сентября из отпуска был срочно отозван оперативный офицер Главного разведывательного управления Генштаба Большаков, работавший в Вашингтоне в ранге советника советского посольства по печати, руководителя бюро ТАСС. Находясь в США (с 1959 по декабрь 1962 г.), он установил контакты с братом американского пре-

Роберт Кеннеди

зидента Р. Кеннеди. Кроме того, среди его «друзей» были видные аналитики и обозреватели, известные журналисты Соединенных Штатов. С ведома советского руководства Большаков проводил неофициальные консультации с американскими представителями по широкому кругу острых проблем, первоочередными из которых были германский вопрос, события в Юго-Восточной Азии (Лаосе, Таиланде, Вьетнаме), ядерные испытания и, конечно же, ситуация на Кубе. Перед отъездом в США Большаков был принят Хрущевым и Микояном, которые просили довести до американской стороны, что вооружения, поставляемые на Кубу, предназначены для оборонительных целей, а размещаемые ракеты не способны поразить территорию Соединенных Штатов [42].

По мере обострения обстановки вокруг Кубы Хрущев продолжал свою политику успокоения американского руководства. 16 октября он принял посла США в СССР Ф. Колера и заверил его, что планируемый рыбный порт в Мариеле (Куба) будет полностью невоенный, а СССР окажет помощь Кубе в этом строительстве. В то же время советский лидер высказался против размещения баллистических ракет средней дальности в Турции и Италии [43]. Последней попыткой советского руководства решить дело полюбовно стали встречи министра иностранных дел СССР

*Дж. Кеннеди
и А.А. Громыко*

Громыко, находившегося на заседании сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, с президентом и государственным секретарем США 16 октября 1962 г. Беседа с Кеннеди сначала велась по вопросам двусторонних советско-американских отношений, в первую очередь германского мирного урегулирования и нормализации на этой основе положения в Западном Берлине. Затем советской стороной был поднят кубинский вопрос. Внимание президента было привлечено к тому, что уже длительное время в США ведется активная антикубинская кампания. Президенту было заявлено, что в условиях, когда в США проводятся враждебные акции против Кубы, а заодно и против государств, которые поддерживают с ней хорошие отношения, Советский Союз будет всячески содействовать Республике Куба [44]. «Что касается помощи Советского Союза Кубе, — отметил Громыко, — то, как Советское правительство заявляло и мне поручено подтвердить это вновь, наша помощь преследует исключительно цели содействия обороноспособности Кубы и развитию ее мирной экономики. Ни промышленные работы там, ни обучение советскими специалистами кубинского персонала обращению с некоторыми оборонительными видами оружия не могут представлять угрозы ни для кого. Если бы дело обстояло иначе, Советское правительство никогда не было бы при-

частно к оказанию такой помощи»¹. Решение правительства США призвать в армию дополнительно 150 тыс. резервистов было охарактеризовано министром иностранных дел СССР как чрезвычайно опасная акция, рассчитанная на обострение международной напряженности. Он заметил, что это не 1812 и не 1941 г. В случае серьезного военного столкновения таких сил не хватит².

Президент США высказал мысль о том, что с июля 1962 г. кубинский вопрос «стал действительно серьезным». Он выразил беспокойство по поводу того, что СССР быстрыми темпами осуществляет поставки оружия Кубе. Далее Кеннеди заявил, что у его правительства нет планов нападения на Кубу. Он, президент, сдерживает тех американцев, которые являются сторонниками вторжения на Кубу. Дж. Кеннеди выразил опасения по поводу непредсказуемости развития обстановки в районе Карибского моря. Он зачитал заявление от 13 сентября 1962 г., в котором, в частности, говорилось: «Если Куба... станет военной базой со значительными наступательными возможностями для Советского Союза, то наша страна сделает все необходимое для защиты своей безопасности и безопасности своих союзников»³. Однако прямой постановки вопроса о советских ракетах на Кубе в ходе переговоров не последовало. Примерно так же шли переговоры Громыко с государственным секретарем США. Но в них был сделан больший упор на кубинский вопрос. По итогам обеих бесед советский министр иностранных дел направил телеграмму в Москву, в которой высказал мнение, что у США нет планов нападения на Кубу. Но это не соответствовало реальной действительности.

Советское руководство уже в начале сентября начало понимать, что развернуть скрытно Группу советских войск на Кубе (ГСВК) и поставить США перед свершившимся фактом не удастся. Оставался лишь один путь: ускорить приведение войск на острове в боевую готовность и изготовить все войска к бою. Впервые о приведении вооруженных сил СССР в повы-

¹ Архив внешней политики РФ. Оп. 17. Д. 6а. Л. 10.

² Там же. Л. 9–10.

³ Архив внешней политики РФ. Оп. 17. Д. 6а. Л. 37–38.

шенную боевую готовность было официально опубликовано в «Заявлении ТАСС» от 11 сентября 1962 г. Кроме того, в первой декаде октября на фоне активизации военно-политической деятельности США в Европе и вокруг Кубы на территории Западного Приморья в Польше и в северной части Германской Демократической Республики были проведены учения войск Варшавского Договора под командованием польского министра обороны Спыхальского. В маневрах принял участие главнокомандующий Объединенными вооруженными силами Варшавского Договора Маршал Советского Союза Гречко. Аналогичные учения в первых числах октября прошли в Чехословакии с участием частей и подразделений Советской Армии, армий Чехословакии и ГДР. 7 октября 1962 г. в газете «Красная звезда» была опубликована статья о Ракетных войсках стратегического назначения под заголовком «Стратегические на чеку». На следующий день в прессе появилось сообщение об успешном запуске в СССР нового варианта ракеты-носителя для космических объектов¹.

В первых транспортах на Кубу прибыли мотострелковые и зенитно-ракетные части. Они должны были прикрыть выгрузку и развертывание основных сил. Мотострелковые полки заняли позиции в Ольгине, Ремедиос, Манагуа и Артемизе. Полкам в Ремедиос, Манагуа и Артемизе было придано по одному дивизиону тактических ракет «Луна», которые имели ядерные боеголовки. В дивизионе имелись четыре пусковые установки с 12 ракетами каждая. К ракетам «Луна» на Кубе имелись ядерные боеголовки по 3 килотонны [45]. Дальность их стрельбы (60 км) не позволяла поражать цели в США. Но в случае американского десанта на Кубу это грозное оружие не только могло вызвать огромные потери американских войск, но и стать детонатором мировой ядерной войны.

Сосредоточение ракетной дивизии на Кубе началось с 9 сентября 1962 г. с прибытием теплохода «Омск» в порт Касильда и завершилось 22 октября, то есть накануне объявления карантина вокруг острова Соединенными Штатами. Личный состав имел опыт боевых пусков при проведении испытаний ракет. Для

¹ Правда. 1962. 2 окт.; Красная звезда. 1962. 7 окт., 8 окт., 10 окт.

дивизии успели доставить: 42 ракеты Р-12 (из них 6 учебных); 36 головных частей с ядерными боезарядами для Р-12, а также 24 головные части с ядерными боезарядами для Р-14. Ракеты Р-12 прибыли на Кубу в конце сентября 1962 г. При перевозке ракет делалось все возможное для объезда населенных пунктов. Но в некоторых случаях пришлось проводить колонны по жилым кварталам и деревням, что требовало снятия электрических и телефонных линий. Первая партия ядерных боеприпасов прибыла в Мариель на советском грузовом корабле «Индирикка» 4 октября. На борту находилось 45 одномегатонных боеголовок для ракет Р-12, 12 двухкилотонных для тактических ракет «Луна», 6 двенадцатикилотонных для бомбардировщиков Ил-28 и 36 двенадцатикилотонных боеприпасов для Р-14, находившихся еще в пути на Кубу [42, с. 319].

На оборудовании позиций ракет советские расчеты работали по 20 часов в сутки, в том числе в ночное время. Работы прерывались лишь днем по причинам маскировки. Объем строительства был велик. Было необходимо подготовить стартовые площадки, построить специальные хранилища в позиционном районе, командные пункты, казармы для личного состава. Учитывая ограничения во времени, основные усилия были направлены на стартовые позиции, чтобы обеспечить развертывание ракет. Кроме основных предполагалось иметь запасные позиции. Ядерные головные части полагалось хранить рядом с ракетами, в пределах 300 м. Но конкретные условия Кубы внесли некоторые коррективы в это правило. Так, примерно в километре от позиционных районов одного из ракетных полков в горах нашли пещеру, в которой и разместили фургоны с боеголовками¹. Это было отличное укрытие от бомбовых ударов. Более того, создавалась прекрасная возможность нанести ответный удар. Охрану позиций ракетных дивизионов несли советские военнослужащие. Внешнее кольцо охранения занимали кубинцы. Всего было развернуто 36 пусковых установок — по 12 в каждом ракетном полку.

К 24 октября 1962 г. два ракетных полка оборудовали стартовые позиции на высотах Эсперон (в 3 км к западу от Каймито

¹ Красная звезда. 1992. 4 февр.

и в 5 км северо-востоку от Гуанахай) и близ Бартоломе в муниципалитете Ремедиос (провинция Лас Вильяс). Позиции трех ракетных полков размещались: на высотах Сан Кристобаль (в 4 км к северу от Санта-Крус-де-лос-Пиноса и в 5 км к северо-западу от Канделарии); в 10 км к северо-западу от Лос-Паласиоса; близ Корасон-де-Хесуса и Калабасар-де-Сагуа (в 36 км к северо-западу и 28 км к северу от Санта-Клара) [45, с. 99–100].

На приведение Р-12 в боевую готовность отводилось два с половиной часа. Из них два часа десять минут — на пристыковку ядерной боеголовки и поднятие ракет в вертикальное положение. После установки ракет в вертикальное положение требовалось от 16 до 30 минут на заправку их горючим и жидким кислородом, а также на проверку различных систем и введение данных о целях. Первая ракета Р-12 была готова к бою 4 октября 1962 г., к 10 октября — еще 4 ракеты, а к 20 октября — еще 20 ракет. К 25 октября 1962 г. все три ракетных полка Р-12 находились в боевой готовности. Мощность каждой из 36 боеголовок Р-12, развернутых на Кубе, равнялась 1 мегатонне. Таким образом, их общая мощность составила 36 мегатонн¹.

Дивизия сосредоточилась и была приведена в боевую готовность на Кубе через 48 суток после прибытия первого судна. 27 октября она была способна нанести ракетно-ядерный удар со всех 24 стартовых позиций. Имевшийся боезапас обеспечивал полтора залпа. Правда, из 36 ракет средней дальности только половина была подготовлена для заправки горючим, окислителем и стыковки с головными частями. Ни одной ракете не вводилось полетное задание.

Передислокация, сосредоточение и приведение ракетной дивизии в боевую готовность осуществлялись в условиях строгой секретности с принятием всех мер оперативной тактической маскировки. В результате американцы, совершив разведывательные полеты на различных высотах, выявили сооружения стартовых позиций для ракет средней дальности только 14 октября, а ракеты находились там уже с 9 сентября. Количество ракет, головных частей к ним и места их хранения оставались для вероятного противника неизвестными.

¹ Красная звезда. 1992. 21 сент.

Противовоздушная оборона Группы советских войск создавалась вокруг двух ракетных дивизий, вооруженных зенитными ракетами СА-75. Одна дивизия прикрывала восточную часть острова, другая — западную. В каждой дивизии было по 12 ракетных дивизионов. Соответственно, в двух дивизиях было 144 пусковые установки зенитных ракет. Ракеты СА-75 были способны поражать цели в любых метеорологических условиях, днем и ночью, на высотах от 1 до 20 км. Радиус действия ракет составлял 35 км. Для борьбы с воздушными целями на высотах до 1 км предполагалось использовать дивизион 100-мм зенитных пушек, средства войсковой противовоздушной обороны советских частей и подразделений, а также ПВО кубинской армии. Сочетание мощных зенитных средств и истребительной авиации ГСВК и Кубы создавало довольно мощную противовоздушную оборону страны. По крайней мере, в то время она не уступала ПВО Вьетнама, которая смогла бороться с авиацией США.

Авиационная группировка советских войск включала два полка фронтовых крылатых ракет (ФКР), полк истребителей и вертолетный полк. Полки ФКР дислоцировались в Микара, Майари-Ариба (тогдашняя провинция Орьенте) и в Кибра-Ача (провинция Пинар-дель-Рио). Они имели на вооружении 80 ракет, для которых на Кубу были направлены тактические ядерные боеголовки мощностью от 5,6 до 12 килотонн. Полк истребителей МиГ-21 базировался на авиабазе в Санта-Клара. МиГ-21 в то время был одним из наиболее современных многоцелевых самолетов. Он мог использоваться для воздушных боев, а также для штурмовок наземных и морских целей. Вертолетный полк на вертолетах Ми-4 и эскадрилья транспортных самолетов размещались в Баракоа (Гавана).

Полк бомбардировщиков Ил-28, впоследствии отнесенный американцами к «наступательному оружию», входил в состав группировки военно-морского флота ГСВК. И уже только по одной этой причине был, конечно, предназначен для борьбы с морскими целями противника, а никак не для поражения объектов на североамериканской территории. По штату в полку было 42 самолета. Все они были доставлены на Кубу в контейнерах. К началу кризиса было собрано лишь шесть самолетов.

Бомбардировщики, помимо бомб, имели на вооружении торпеды и могли вести аэрофотосъемку. В боезапасе полка имелось шесть ядерных бомб по 12 килотонн [46].

Из частей ВМФ в первом эшелоне на Кубу проследовал береговой ракетный полк с ракетами «земля — море» типа «Сопка». Он включал четыре дивизиона по две пусковые установки. Полк имел боевые позиции на острове Пинос, в Санта-Крус-дель-Норте, Сьенфуэгосе и Баньесе. Судя по дислокации, они прикрывали все десантноопасные направления. На Кубу было доставлено 34 крылатые ракеты «Сопка». Их дальность составляла порядка 80 км. Для некоторых из них были доставлены ядерные боеголовки [45, с. 103]. Ракеты «Сопка» предназначались для поражения кораблей противника самостоятельно или во взаимодействии с ракетными катерами на дистанциях, превышающих дальность стрельбы корабельной артиллерии.

Во втором эшелоне с Балтики и Черного моря перебрасывались два дивизиона ракетных катеров, предназначенных для формирования бригады с постоянным базированием на острове. На вооружении бригады состояли катера типа «Комар». Каждый катер нес по две ракеты Р-15 дальностью 40 км. В бригаду входили три дивизиона по четыре катера в каждом. Два дивизиона базировались в Мариеле и один — в Баньесе. В задачи катеров входило нанесение массированных ракетных ударов по конвоям кораблей противника на дальних подступах к кубинским берегам при осуществлении подхода к берегу и десантировании. К 20 октября 1962 г. были перебросены на Кубу личный состав и материальная часть минно-торпедного авиационного полка. К началу решающих событий к облету был готов всего один самолет. К 22 октября береговые ракетные дивизионы Военно-морского флота были рассредоточены, развернуты к бою и находились в часовой готовности к пуску ракет. К этому времени было расконсервировано и проверено 32 ракеты. В бригаде ракетных катеров круглосуточно в часовой готовности к бою находились три катера. Таким образом, соединения и части ВМФ располагали к моменту объявления карантина как минимум 55 готовыми к применению крылатыми противокорабельными ракетами.

Уже к 27 сентября войска на Кубе были обеспечены боеприпасами для ведения боевых действий: части сухопутных войск и военно-воздушных сил — на 10 суток, военно-морского флота — на 30 суток [45, с. 22–23]. Все ядерные боезаряды прибыли на Кубу на борту двух судов из Мурманска. 4 октября в порт Мариель пришел корабль «Индибирка», а 23 октября — «Александровск». Последний не был разгружен.

По состоянию на 22 октября по плану операции «Анадырь» из 53 тыс. военнослужащих было доставлено около 42 тыс. Не дошли до места назначения два ракетных полка, вооруженных ракетами Р-14, несколько надводных кораблей и другое вооружение. Советские войска на Кубе были вооружены значительным количеством оперативно-тактического и тактического ядерного оружия. К 24 октября 1962 г. на кубинской территории находилось 36 ракет Р-12, способных нести ядерное оружие. Их могла поддержать 21 ракета Р-13 на подводных лодках. Учитывая близость их позиций к Соединенным Штатам, эти оперативно-тактические ядерные средства были в состоянии поразить объекты в глубине американской территории, а их суммарная мощность была порядка 68 мегатонн. Тактические ядерные боезаряды на ракетах «Луна», ФКР «Сопка» и бомбардировщиках Ил-28 обеспечивали, в случае их использования, отражение любого американского морского десанта. Тем более что американская разведка не знала об их ядерном оснащении, и они не были первоочередными целями при огневой подготовке десанта.

22 октября главнокомандующий Объединенными вооруженными силами Варшавского Договора Гречко провел совещание с военными представителями этой организации по вопросу прямого противостояния с США и НАТО. К этому времени советская военная разведка получила информацию из достоверного источника (начальника военно-воздушной секции Командной экспедиции шведского министерства обороны) о приведении американских военно-морских сил в состояние боевой готовности и выходе соединений их атомных подводных лодок в Северную Атлантику для возможного блокирования советского флота в случае его попытки проникнуть в Атлантический океан, чтобы прорваться к Кубе.

Кубинское руководство через свои латиноамериканские источники знало о возможности объявления морской блокады Кубы. 22 октября в 15:50 Ф. Кастро отдал приказ о приведении войск в полную боевую готовность, а к 17:35 часам была объявлена всеобщая боевая тревога. В соответствии с приказом было принято решение объявить о всеобщей мобилизации 23 октября и полностью опубликовать в печати заявление Кеннеди. Комментируя отданное распоряжение, Ф. Кастро сказал, что «всеобщая мобилизация важна с политической точки зрения. Она покажет готовность народа к действиям». Кубинский руководитель высказал мнение о том, что почти наверняка начнутся переговоры, но Куба ни при каких обстоятельствах не допустит наблюдателей. В заключение Ф. Кастро сказал: «Любая локальная война нам не страшна. Мы наверняка выиграем ее»¹. Развертывание кубинских войск осуществлялось в соответствии с оперативной директивой № 1. В ней перед кубинскими вооруженными силами ставилась задача быть в готовности отразить и нанести поражение морским и воздушным десантам на кубинской территории. Определялся порядок занятия частями и подразделениями оборонительных позиций в случае внезапного нападения (сигнал «Карибе»), а при наличии времени — мероприятия по отмобилизованию (сигнал «Тайно»).

Республика Куба находится в зоне ответственности американского Объединенного командования в Атлантике. Согласно военной доктрины США, на него возложено проведение военных операций в зоне Атлантического океана самостоятельно и во взаимодействии с войсками стран НАТО. Силы и средства, выделяемые для проведения военной интервенции против Кубы, были определены оперативным планом, разработанным в рамках программы «Мангуста». Первым этапом операции должна была стать морская блокада Кубы. Ее проведение возлагалось на командующего Атлантическим и вторым оперативным флотом США. Для ее осуществления с севера было выделено оперативное соединение, насчитывавшее до 30 боевых кораблей различных классов. В район южнее Кубы направлялось опера-

¹ Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 23. Оп. 28918. Д. 58. Л. 637.

тивное соединение во главе с авианосцем «Энтерпрайз». Всего же в операции предполагалось участие 46 кораблей (из них 8 — авианесущих), 240 самолетов и 30 тыс. личного состава. Были выделены также противолодочные силы для перехвата подводных лодок. К морской блокаде Кубы с южного направления, кроме оперативного соединения США, привлекались корабли ряда стран Латинской Америки: Аргентина выделяла два эсминца, Венесуэла — два корабля. Предназначенные для блокадных действий два фрегата Доминиканской Республики впоследствии не прибыли в назначенный им район [24, с. 103–104, 110–112, 114, 116, 126–130].

Второй этап состоял в проведении воздушного и морского десанта. В силы десанта выделялось пять дивизий сухопутных войск (две воздушно-десантные, одна бронетанковая, две пехотные), одна дивизия и одна усиленная бригада морской пехоты. В первом эшелоне предполагалось иметь четыре армейские дивизии и одну дивизию морской пехоты [24, с. 21]. Для поддержки десанта с воздуха во Флориде сосредотачивалось около 750 боевых самолетов. Для ВВС было приготовлено 144 тыс. обычных бомб и ракет и 3,7 тыс. напалмовых бомб. К осуществлению воздушного десанта привлекалось 634 транспортных самолета регулярных вооруженных сил и резерва. Из 17 тыс. сухопутных войск, вводимых в бой в первый день, 14 тыс. были парашютисты [24, с. 163, 164, 166].

Организация противовоздушной обороны была возложена на 3-ю армию (военный округ). В районах Майами, Хомстед и Ки-Уэст (штат Флорида) развертывались подразделения ракет «Хок» для борьбы с низколетящими целями и подразделения ракет «Найк-Геркулес» — для уничтожения целей, летящих на средней и большой высотах.

План проведения операции предусматривал создание на острове американской военной администрации. Для усиления планируемой группировки президент США отдал исполнительный приказ о мобилизации 150 тыс. резервистов, на что имелось решение конгресса США. Во исполнение этого приказа в повышенную боевую готовность было приведено около 65 частей и подразделений ВВС Национальной гвардии и 7 частей и подразделений резерва ВВС. Кроме того, командование

военно-воздушных сил объявило об отсрочке на год увольнения из регулярных ВВС 28 тыс. офицеров и солдат.

Операцию предполагалось завершить за 10 суток. Ожидаемые потери оценивались в 18 484 человека (сухопутные войска — 9074 человека, ВМС — 8710 человек, ВВС — 700 человек). В государственный департамент для согласования направлялся подробный план установления Военной администрации США на Кубе [24, с. 54–56].

Непосредственная подготовка к проведению операции против Кубы началась в конце августа. 2 сентября 1962 г. был отдан приказ американским вооруженным силам об открытии ответного огня по кубинским кораблям и самолетам, если они будут обстреливать транспортные средства США в нейтральных водах и воздушном пространстве. Были также информированы правительства стран Организации американских государств о том, что «в ближайшее время в Карибском бассейне произойдут серьезные события, если правительство Кастро не образумится» [47].

А к 19 сентября завершилась подготовка объединенных вооруженных сил НАТО к маневрам «Фолекс-62». Районом проведения маневров были объявлены — Европа, Атлантика и Средиземное море. То есть район, прилегающий к странам, имеющим на своей территории американские ядерные ракеты. Главной целью маневров была практическая отработка планов военных действий НАТО в условиях обмена массированными ядерными ударами, то есть мировой ядерной войны. В плане учений предусматривалась высадка морского десанта в Греции, близ болгарских границ, с участием батальона морской пехоты США, парашютной бригады Великобритании, боевой группы пехотной дивизии Турции и сухопутных войск Греции [48].

В конце сентября объединенному командованию вооруженных сил США на Атлантике поступило предупреждение от Комитета начальников штабов США (КНШ) о возможном повышении боевой готовности, соответствующей начальному этапу всеобщей ядерной войны. 1 октября было дано указание к 20 октября сосредоточить силы и средства для реализации оперативного плана по проекту «Мангуста». Во исполнение директивы КНШ

3 октября по распоряжению командующего Атлантическим флотом началось усиленное воздушное патрулирование прибрежных вод США с целью выявления советских подводных лодок, а также развертывание оперативного соединения для осуществления морской блокады Кубы. 6 октября командующий объединенным командованием в зоне Атлантического океана получил указание к 15 октября быть в готовности к выполнению военной составляющей плана «Мангуста» [24, с. 2, 39, 40].

Эти мероприятия политически обеспечивались заявлениями американских министров Р. Макнамара и Р. Кеннеди о возможности применения ядерного оружия для защиты Западного Берлина¹. Создавая в стране атмосферу военного психоза, американское руководство стремилось привлечь к антикубинской кампании страны Латинской Америки. В Вашингтоне со 2 по 3 октября 1962 г. проходило неофициальное совещание министров иностранных дел и специальных представителей стран — членов Организации американских государств. На нем было признано необходимым принять против Кубы специальные индивидуальные и коллективные меры [49].

Практической реализацией специальных мер, о которых шла речь на совещании ОАГ, стал перенос на более близкие сроки планового учения американских военно-морских сил в районе Карибского моря. 16 октября было объявлено о маневрах с участием бригады морской пехоты. Это плановое учение приобрело в 1962 г. совсем иное звучание. На этот раз 600 пехотинцев были размещены на 15 десантных кораблях, а их охранение было возложено на 4 авианосца и 20 эсминцев. Задача учения состояла в захвате острова Виекес (Пуэрто-Рико) и ликвидации правительства тирана по имени Ортсак (если читать в обратном порядке, получалось имя Кастро) [50].

Во второй декаде октября на основании оценки полученных данных американская разведка пришла к заключению, что в конце ноября или начале декабря в первом ударе с Кубы может быть использовано до 40 советских ракет, способных нести боеголовки мощностью 3–4 мегатонны. Второй удар может быть нанесен несколько часов спустя. Ракеты с радиусом действия

¹ Красная звезда. 1962. 2 окт.; 13 окт.

в 2000 км были в состоянии поразить большую часть стратегического авиационного вооружения США в южных и юго-западных штатах, а ракеты с радиусом действия в 4500 км — северные базы межконтинентальных ракет. В пределах радиуса действия советских ракет находились все крупные американские города, кроме Сизтла. В разведывательной оценке делался вывод о том, что возможности СССР по поражению целей на территории Соединенных Штатов возросли более чем на 50%.

Исходя из этого, министр обороны США 16 октября направил директиву Комитету начальников штабов о подготовке к боевым действиям на Кубе. В соответствии с ней КНШ на своем заседании принял решение приступить к реализации оперативного плана по военным действиям против Кубы. 17 октября начался перевод в повышенную боевую готовность сил общего назначения регулярных вооруженных сил Соединенных Штатов. Для обеспечения управления войсками командные пункты министерства обороны США и видов вооруженных сил были переведены на режим военного времени. 18 октября было отдано распоряжение о переброске подразделений морской пехоты с Западного побережья Соединенных Штатов в Гуантанамо (Куба) силами военно-транспортной авиации и выдвигании амфибийной десантной группы из Тихого океана через Панамский канал. Было разрешено перебрасывать истребители — перехватчики ПВО страны в район Флориды¹.

20 октября была объявлена повышенная боевая готовность для вооруженных сил США во всем мире. Стратегическое авиационное командование приступило к переводу своих соединений и частей на положение «военная опасность», предусматривающее полное боевое оснащение бомбардировочной авиации и ее 15-минутную готовность к вылету. Как известно, ракетные средства на боевом дежурстве постоянно находятся на таком положении. Одновременно было начато рассредоточение стратегической бомбардировочной авиации. Министр обороны распорядился выделить четыре эскадрильи тактического авиационного командования ВВС США для нанесения удара по Кубе. Вечером же 20 октября началась переброска по воз-

¹ Chronology of JCS... Op. cit. P. 16–17.

духу батальона морской пехоты с Тихоокеанского побережья на базу Гуантанамо. Приступили к погрузке части бронетанковой дивизии в Форт-Худе (штат Техас). Из портов Атлантического побережья стали выдвигаться корабли для блокады Кубы. Был утвержден план связи при осуществлении десанта на Кубе [24, с. 17, 21, 25, 27].

22 октября командование сухопутных войск приступило к сосредоточению боевых и обеспечивающих частей в районах сбора. С утра началось круглосуточное дежурство в воздухе бомбардировщиков стратегического авиационного командования с немедленной заменой каждого приземлившегося самолета. До высшего уровня боевой готовности были доведены межконтинентальные баллистические ракеты. Атомные подводные лодки с ракетами «Поларис» были выведены на боевые позиции в океане. В повышенную боевую готовность приведены средства американо-канадского командования противовоздушной обороны североамериканского континента. Приписанные к этому командованию истребители-перехватчики стали использоваться для постоянного патрулирования в воздухе. Часть из них была в пяти- и пятнадцатиминутной готовности. Находившаяся в стадии испытаний и развертывания система противолодочной обороны континентальной части США была переведена на боевое дежурство [24, с. 120–125]. Завершилось сосредоточение бригады морской пехоты США на базе Гуантанамо.

Для вооруженных сил США во всем мире 22 октября с 23:00 вводилась боевая тревога № 3. Командир 18-го воздушно-десантного корпуса назначался командиром десанта на Кубе и заместителем командующего сухопутными войсками в зоне Атлантического океана. Началась подготовка по привлечению латиноамериканских ВМС к морской блокаде Кубы¹. Было принято решение о введении 23 октября с 15:00 по московскому времени состояния боевой тревоги № 3 для космических сил на мысе Канаверал и станциях слежения на островах Большая Багама, Ильютера, Сан-Сальвадор, Гранд Терк, Майягуана и Ист Айленд. Введение указанного состояния готовности отмеча-

¹ Chronology of JCS... Op. cit. P. 32, 35.

лось на полигоне впервые. Назначенные на 22 и 23 октября испытательные запуски с мыса Канаверал баллистических ракет «Минитмэн» и «Поларис» и запуск геодезического спутника «Анна 1Б» не проводились. Были отменены также назначенные на 24 октября стрельбы по воздушным целям над восточной частью Мексиканского залива ракетами класса «земля — воздух» с полигона Эглин (штат Флорида).

Первая американская бронетанковая дивизия начала выдвигаться 23 октября в Форт-Стюарт (штат Джорджия), где она была ближе к возможным портам погрузки. Подразделения связи следовали на юго-восток США из Форт-Гордона (штат Джорджия), Форт-Карсона (штат Колорадо) и Форт-Брэгга (штат Северная Каролина); артиллерийские батареи и маршевые роты — из Форт-Льюиса (штат Вашингтон); подразделения огнепитания — из Форт-Мида (штат Мериленд); транспортные роты — из Форт-Юстиса (штат Вирджиния); госпитальные поезда — из Огдена (штат Юта), полевые госпитали — из Форт-Вуда (штат Миссури), Форт-Хьюстона (штат Техас) и Форт-Брэгга; квартирмейстерские подразделения — из Форт-Ли (штат Вирджиния). Американская военная машина приготовилась к самому опасному вооруженному противостоянию времен холодной войны.

В наиболее острый период кризиса было перевезено около 30 тыс. личного состава и более 100 тыс. т вооружения и снаряжения. Перебрасываемые части и подразделения размещались вблизи портов, станций и пунктов высадки в готовности к движению в районы сбора. Передовой штаб сухопутных войск был размещен на базе ВВС Хомстед (штат Флорида), а штаб тыла — на базе ВВС Эглин (штат Флорида).

16 октября американскому президенту было доложено о том, что аэрофотосъемкой выявлено четыре позиции советских ракет средней дальности на Кубе. На основе полученной информации он принял решение о формировании исполнительного комитета по Кубе Совета национальной безопасности США. В соответствии с тогдашними принципами управления такие комитеты создавались для политического руководства деятельности различных ведомств США при возникновении конфликта или кризиса.

В исполнительный комитет были включены: Раск, государственный секретарь; Макнамара, министр обороны; Маккоун, директор ЦРУ; Диллон, министр финансов; Р. Кеннеди, министр юстиции; Банди, помощник по национальной безопасности; Соренсен, советник президента; Болл, заместитель государственного секретаря; Джонсон, помощник заместителя госсекретаря; Тейлор, председатель КНШ; Мартин, помощник госсекретаря по Латинской Америке; Болен, советник по русским делам (заменен после первого же дня работы); Томпсон, советник, заменивший Ч. Болена; Гилпатрик, заместитель министра обороны; Нитце, помощник министра обороны. Ведущую роль в заседаниях исполнительного комитета играл Р. Кеннеди. В то же время лишь в отдельных заседаниях принимали участие Л. Джонсон, вице-президент США; Стивенсон, представитель США в ООН; Доннелл, специальный помощник президента, и Вилсон, заместитель директора Информационного агентства США¹.

Кеннеди сразу же распорядился скрыть от Советского Союза факт информированности американского руководства о размещении советских ракет на Кубе, а следовательно, также и от американского общественного мнения. Поэтому были предприняты шаги по максимальной конспирации работы исполнительного комитета и недопущению утечки сведений о его заседаниях через аккредитованных при Белом доме, государственном департаменте и Пентагоне корреспондентов.

На первом же заседании исполнительный комитет рассмотрел цели, которые преследует Советский Союз, размещая свои ядерные ракеты на Кубе. Были рассмотрены следующие варианты: 1) продолжение политики холодной войны. Хрущев рассчитывает на то, что США отступят, столкнувшись с ракетной угрозой. Это повлечет за собой потерю престижа и влияния Соединенных Штатов. В этой ситуации возможны новые шаги СССР в Берлинском вопросе и в отношении американских баз за рубежом; 2) отвлекающий маневр. Советское руководство надеется спровоцировать нападение Соединенных Штатов на Кубу. В условиях всеобщего осуждения американской жестокости СССР успешно завершит свою игру вокруг Берлина; 3) за-

¹ *Leighton R. M. The Cuban Missile Crisis... Op. cit. P. 9–10.*

щита Кубы. Москва не может потерять своего единственного союзника в Западном полушарии; 4) военная угроза. Имея ракеты на Кубе, СССР может значительно сократить существующее превосходство США в межконтинентальном ядерном оружии и сделать это быстро и относительно дешево. Американская система предупреждения о ракетно-ядерном ударе окажется вне игры, а время тактического предупреждения сократится до минут [61, с. 10–11].

При обсуждении ответных мер были выдвинуты следующие шесть возможных вариантов действий: 1) ничего не предпринимать; 2) оказывать дипломатическое давление и ослабить позиции СССР в международном сообществе; 3) осуществить секретные контакты с Ф. Кастро, чтобы склонить его к вывозу ракет с Кубы; 4) начать непрямые военные действия путем применения различных видов блокад; 5) нанести воздушный удар либо по расположению ракетных комплексов, либо по всем военным целям; 6) осуществить вторжение на Кубу [51].

Дж. Кеннеди, ознакомившись с докладом о результатах работы исполнительного комитета, отказался от первых двух вариантов. Президент высказал меньшую озабоченность военными последствиями размещения ракет, чем воздействием этого факта на мировое политическое соотношение сил. Третий вариант, заключавшийся в секретном склонении Ф. Кастро на свою сторону, был оставлен как запасной. Вариант с вторжением на Кубу не нашел поддержки у президента, так как он был в наибольшей степени чреват возникновением мировой войны. Во время беседы с членами исполнительного комитета президент больше склонялся к оценке действий советского руководства как к проявлению практики холодной войны.

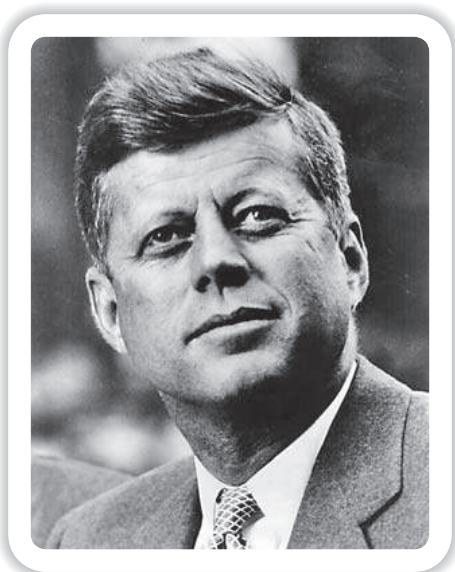
17 октября исполнительный комитет продолжил дискуссии. В ходе обсуждения предложенных вариантов действий выявилось три группы мнений. Макнамара, Болл и Гилпатрик были против оценки размещения ракет как военной угрозы и использования военной силы. Тэйлор, Нитце и Диллон высказались за военное решение вопроса. Банди и Томпсон предложили решить вопрос дипломатическим путем.

В своей работе 18 октября комитет исходил из предположения, что первые советские ракеты будут готовы к пуску через

неделю; поэтому конечной датой осуществления упреждающих действий становится 23 октября. В связи с этим обсуждение американских действий сконцентрировалось на двух вариантах: блокада или воздушный удар. Блокада, по мнению ее сторонников, позволяла избежать жесткой ответной реакции и открывала возможность для переговоров. Воздушный удар, как считали его апологеты, быстро решал проблему. Но тут возникал вопрос, удастся ли вывести из строя все советские ядерные ракеты. В случае же неудачи мог быть нанесен ответный удар по одному из американских городов. К концу заседаний исполнительного комитета 18 октября увеличилось число сторонников блокадных действий. За них высказались Макнамара, Гилпатрик, Р. Кеннеди, Томпсон, Болл. Идею нанесения воздушного удара по Кубе продолжали отстаивать Маккоун, Ачесон, Тэйлор, Нитце, Диллон.

19 октября исполнительный комитет заседал весь день, и только в ночь на 20-е было принято компромиссное решение. Сначала вводилась блокада, а затем, в случае необходимости, наносился воздушный удар. В ходе обсуждения вариантов разрешения кризиса возникла идея обмена советских ракет на Кубе на американские ракеты в Турции. Вопрос о размещении американских ракет на турецкой территории возник еще в начале 1961 г. В феврале того же года комитет конгресса США высказался за их эвакуацию. С марта 1961 г. этим вопросом стала заниматься созданная Советом национальной безопасности специальная комиссия, которая в июне выступила против вывода ракет, так как «это могло быть расценено как признак слабости». Против демонтажа ракет высказался и генерал Норстэд, тогдашний командующий американскими войсками в Европе и главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО. Однако к августу 1962 г. Дж. Кеннеди пришел к выводу о необходимости вывести американские ракеты с территории Турции.

Вплоть до 13:40 20 октября 1962 г. Дж. Кеннеди регулярно выезжал по стране, активно участвуя в предвыборной кампании. При возвращении из предвыборных поездок помимо докладов исполнительного комитета президент 18 и 19 октября встречался с членами Комитета начальников штабов и за-

Джон Кеннеди

слушивал их доклады. С 14:30 20 октября кубинский вопрос был передан в ведение Совета безопасности — конституционного органа, отвечающего за безопасность страны, а Дж. Кеннеди взял руководство разрешением Карибского кризиса в свои руки.

21 октября президент США и его ближайшие соратники Макнамара и Р. Кеннеди вели активные консультации с Комитетом начальников штабов. Утром в воскресенье 21 октября командующий тактическим авиационным командованием и сопровождавшие его офицеры доложили президенту расчет возможных результатов воздушного удара по Кубе. Они сообщили, что даже при привлечении большего количества средств, чем выделено на предполагаемую операцию, может сохраниться до 10% советских ракет [52].

К этому времени американское руководство располагало следующими данными о советских войсках на Кубе. 1) Сан-Кристобаль. Позиция № 1 в полной боевой готовности (ПБГ) с 19 октября; позиция № 22 в предбоевой готовности (ПГ) с 17 октября и ПБГ — с 22 октября; позиция № 33 в ПГ с 20 октября и ПБГ — с 25 октября; позиция № 4 в ПГ с 23 октября

и ПБГ — с 28 октября; 2) Сагуа-ла-Гранде. Позиция № 1 в ПБГ с 22 октября; позиция № 2 в ПБГ с 20 октября; 3) Гуанахай. Позиция № 1 в ПГ с 15 ноября, в ПБГ — с 1 декабря; позиция № 2 в ПГ с 1 декабря, в ПБГ — с 15 декабря; 4) Ремедиос. Позиция № 1 в ПГ с 1 декабря, в ПБГ — с 15 декабря; 5) Позиции зенитных ракет. Из 26 позиций 22 — в оперативной готовности [53].

По американским оценкам, на Кубе разворачивались, по меньшей мере, пять советских ракетных полков. Каждый полк имел 8 пусковых установок и не меньше 16 ракет. Это означало, что в первом пуске могло быть использовано 40 ракет и еще 40 ракет — в последующих. Было также выявлено два хранилища ядерных боеприпасов¹. Американской разведке не удалось выявить наличие у советских войск тактических ядерных средств. Кроме того, на основании проведенных исследований вероятная численность военного персонала СССР оценивалась в 4–6 тыс. человек. После получения информации об увеличении судов, прибывающих на Кубу, американцы срочно провели эксперимент. Подразделение морской пехоты погрузили в трюм транспортного корабля и «покатали» в океане. Больше трех суток держать их в таком состоянии не разрешила медицина — люди оказались крайне измотанными. После этого был сделан вывод о невозможности скрытной доставки большого количества войск на Кубу.

После доклада командования тактической авиации США Дж. Кеннеди информировал исполнительный комитет, что он поддерживает решение о блокаде. В связи с этим Комитету начальников штабов в 18:15 было сообщено о введении морской блокады через 24 часа после соответствующего заявления президента США 21 или 22 октября 1962 г. А КНШ, в свою очередь, 21 октября отправил предварительную директиву объединенному командованию на Атлантике о блокаде Кубы. В ней содержались указания о правилах ее реализации, блокаде надводных кораблей и воздушной блокаде, мерах по обороне Гуантанамо, контролю и защите американских кораблей, взаимодействию с союзными или дружественными силами. После

¹ Chronology of JCS... Op. cit. P. 31.

утверждения министром обороны директива была разослана 22 октября с исполнением с 23 октября¹.

Весьма примечателен объявленный в связи с этим порядок блокадных действий в отношении судов любой национальной принадлежности, идущих на Кубу. Всякому судну, следующему к острову, будет даваться команда остановиться и принять на борт контрольную группу для проверки документов и грузов. При обнаружении «оружия наступательного характера» (ракеты или бомбардировщики) капитану судна будет запрещено следовать на Кубу. При отказе остановиться, недопущении досмотра и продолжении следования судна к Кубе предусматривалось «применение силы». Блокадные корабли должны были действовать вплоть до потопления судна.

Совет национальной безопасности США счел целесообразным опубликовать данные о размещении советских ракет на кубинской территории не в воскресенье 21 октября, а в понедельник 22 октября с тем, чтобы до их обнародования можно было бы информировать союзников. Окончательный вариант выступления президента был утвержден на заседании совета во второй половине 21 октября. Одновременно начали предприниматься шаги по информированию Великобритании, Франции, Канады и ФРГ о мероприятиях американского правительства по кубинскому вопросу.

Первым было информировано британское руководство. 21 октября Кеннеди обедал с послом Великобритании и сообщил ему о принятом решении. Вечером он разговаривал по этому вопросу с английским премьер-министром Макмилланом. Для информации глав правительств Франции, ФРГ и Канады были направлены специальные эмиссары. Редакциям наиболее влиятельных и осведомленных американских газет было рекомендовано воздержаться от публикации подробностей о мероприятиях против Кубы. Но после заседания СНБ в субботу 20 октября и мер по повышению готовности войск часть сведений все же была распространена средствами массовой информации.

Днем 22 октября Дж. Кеннеди информировал бывших президентов США Гувера, Трумэна и Эйзенхауэра о планируемых

¹ Chronology of JCS... Op. cit. P. 27.

им акциях. Была также проведена срочная встреча с 20 наиболее влиятельными членами конгресса США. Их известили о приглашении к президенту лишь накануне, а часть конгрессменов была доставлена на военных самолетах чуть ли не к самому началу встречи. После сообщения президента о блокаде Кубы лидеры конгресса высказали недовольство тем, что они не получали конкретные данные на начальном этапе кризиса. На это Дж. Кеннеди ответил, что он, как президент, действовал на основании специальной резолюции конгресса и не просил конгресс о формальном объявлении войны. Все мероприятия проводились по исполнительным приказам и распоряжениям президента, что предусматривается его конституционными правами. Лидеры же конгресса были приглашены им только после получения убедительных доказательств и выработки твердой политики. Вслед за конгрессменами решение о блокаде было доведено до тех членов кабинета министров США, которые не входили в СНБ.

22 октября 1962 г. в 19:00 по вашингтонскому времени (в Москве было 3 часа 23 октября) президент США обратился к народу с заявлением о «карантине» Кубы. В нем говорилось:

«Стремительное превращение Кубы в важную стратегическую базу путем размещения на ее территории мощного, с большим радиусом действия и, несомненно, наступательного оружия массового уничтожения представляет явную угрозу миру и безопасности всех стран Северной и Южной Америки, что является преднамеренным и вопиющим нарушением пакта «Рио» 1947 г., исторических традиций США и всех стран Западного полушария, совместной резолюции 87-го конгресса, Устава ООН и игнорированием моих публичных заявлений в адрес СССР от 4 и 13 сентября.

Эти действия также противоречат неоднократным заверениям советских руководителей, сделанным официально и в частных беседах, о том, что советское военное присутствие на Кубе носит исключительно оборонительный характер и что у Советского Союза нет ни желания, ни необходимости размещать стратегические ракеты на территории любого другого государства... Но это скрытое, стремительное и необъяснимое развертывание коммунистических ракет в районе, который

В дни Карибского кризиса. Кеннеди обращается к нации

имеет особое исторически сложившееся значение для Соединенных Штатов и других государств Западного полушария, — в нарушение советских заверений и как вызов политике США и других стран этого полушария, это внезапное, тайное решение о размещении стратегического оружия впервые в истории за пределами советской территории является преднамеренным изменением статус-кво, которое абсолютно неприемлемо для нашей страны...

Сотраждане, я хочу, чтобы вы поняли всю сложность и опасность стоящей перед нами задачи. Никто не может предугадать дальнейший ход событий, предсказать размеры материальных и человеческих жертв. У нас впереди — месяцы самопожертвования и самодисциплины, месяцы, которые будут проверкой нашей воли и нашей выдержки, месяцы, таящие в себе множество неожиданных бед, незаслуженных обвинений, которые заставят нас быть начеку. Но главная опасность сейчас — ничего не делать» [37, р. 41, 42].

Перед опубликованием заявления Дж. Кеннеди еще раз заслушал представителей американского авиационного командования и отказался от бомбардировки Кубы как меры, прямо приводящей к войне. Во вторник 23 октября 1962 г. президент

США подписал распоряжение № 3504 об установлении «карантина», а не «морской блокады», Кубы с 14:00 часов 24 октября 1962 г. Ведь установив морскую блокаду Кубы, Соединенные Штаты нарушили бы, по крайней мере, три статьи Устава ООН, отказавшись от выполнения возложенной на государства — члены ООН обязанности воздерживаться от применения силы или угрозы силы; и осуществили бы принудительные действия под предлогом самообороны вопреки ст. 51, допускающей право на самооборону только при вооруженном нападении на члена ООН, а Куба не совершала такого нападения. Даже объявив карантин, США допускали нарушение Устава ООН, предприняв принудительные действия под предлогом наличия угрозы миру, но определить существование такой угрозы может только Совет Безопасности ООН, и только он вправе предпринимать принудительные действия [54].

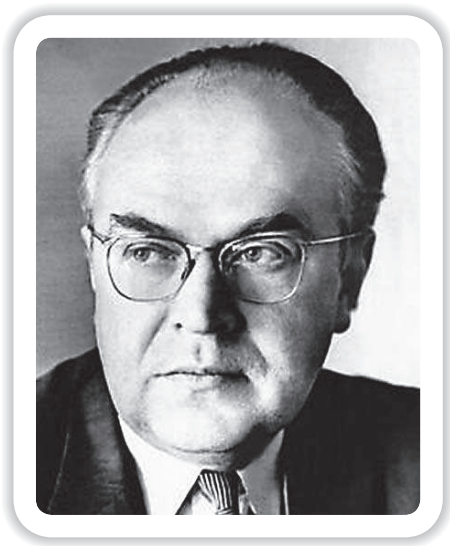
Для политического контроля за выполнением карантина Дж. Кеннеди направил на командный пункт объединенного командования США на Атлантике министра обороны Макнамару. Выяснилось, что адмирал Андерсен, командовавший силами «карантина», собирается действовать в соответствии с военно-морским уставом. Им предусматривалось произвести предупредительный выстрел впереди по курсу корабля, пересекающего линию карантина. В случае неподчинения вести огонь на поражение. Министр был вынужден в жесткой форме передать адмиралу приказ президента, что огонь можно открывать только после получения подтверждения Белого дома.

Советское правительство было проинформировано о намерениях США предпринять самые решительные меры еще 22 октября. Государственный секретарь Раск пригласил к себе советского посла Добрынина и передал ему личное послание президента Кеннеди к главе советского правительства, а также текст обращения президента к американскому народу, назначенного на 23 октября по московскому времени. Раск при этом заявил, что имеет инструкцию не отвечать на вопросы по тексту обоих документов и не комментировать их [55]. Одновременно посол США в Москве передал заявление американского президента представителю МИД СССР. По существу, речь шла об ультиматуме.

В переданном личном послании Хрущеву отмечалось, что в ходе переговоров по Берлину, другим международным вопросам его беспокоила возможность непонимания Советским Союзом воли и решимости Соединенных Штатов к активным действиям в кризисной ситуации. Американский президент исключил намеренное подталкивание в ядерный век к войне, «которую, как абсолютно ясно, ни одна сторона не может выиграть и которая может привести лишь к катастрофическим последствиям для всего мира...». Тем самым определялась максимальная цена разрешения Карибского ракетного кризиса. При этом подчеркивалось, что Соединенные Штаты полны решимости, чтобы угроза безопасности Западного полушария была устранена. Предпринимаемые США действия представлялись как необходимый минимум. Но он не должен быть взят в качестве основы для какого-либо неправильного суждения со стороны советского руководства [55, р. 30–31].

Советская сторона, следуя своей жесткой позиции, кроме официального ответа на заявление Дж. Кеннеди 22 октября, внешне не изменила своих действий. Двадцать пять кораблей, транспортировавших второй эшелон сил для проведения операции «Анадырь», продолжали движение к Кубе. Американская разведка выявила, что два ближайших к острову корабля сопровождает подводная лодка. Эта информация вызвала в исполнительном комитете СНБ довольно острую реакцию.

Объявленный президентом США «карантин» вызвал негативную реакцию в Советском Союзе. В заявлении советского правительства от 23 октября 1962 г. указывалось, что фактически установлена морская блокада, являющаяся «беспрецедентным агрессивным действием». Действия американского руководства характеризовались как нарушение Устава ООН, международных норм судоходства в открытых морях, как агрессивные действия не только против Кубы, но и против Советского Союза. В заявлении содержалось также обычное для советских дипломатических документов того времени предупреждение о нанесении мощного ответного удара, «если агрессоры развяжут войну». Вместе с тем в нем просматривались контуры возможных переговоров, заключавшиеся в предложении ликвидировать военные базы на иностранных территориях.

А.Ф. Добрынин

Американское руководство использовало факт скрытного размещения ядерных ракет на Кубе для развертывания широкой антисоветской пропагандистской компании. 23 октября морской «карантин» Кубы поддержали высшие органы двух блоков — Североатлантического союза (НАТО) и Организации американских государств. По данным советской военной разведки, Аргентина, Колумбия, Доминиканская Республика, Гватемала и Гондурас приняли решение участвовать своими вооруженными силами в осуществлении военной блокады Кубы. Коста-Рика, не располагающая достаточными силами для осуществления блокады, дала согласие на использование своей территории Соединенными Штатами Америки в качестве базы для проведения блокадных действий [56].

Помимо морской блокады США начали подготовку и воздушной блокады. Они достигли договоренности с президентами Гвинеи и Сенегала о запрете посадки советских самолетов на их территории. В циркулярной телеграмме госдепартамента США своим посольствам в Европе было дано указание добиваться от европейских стран НАТО поддержки воздушной блокады. В ней указывалось, что Канада уже присоединилась к этим действиям. В телеграмме из Вашингтона предлагалось принять меры, что-

бы воспрепятствовать пролету кубинских и чешских самолетов из Праги на Кубу на основании ст. 35 Чикагского соглашения, запрещающей провоз оружия и боеприпасов над территорией государств без их разрешения. Рекомендовалось использовать технические средства посадки для проверки самолетов и выявления случаев, подпадающих под действие ст. 35 [53, с. 97]. Тем самым к морской прибавилась и официально необъявленная воздушная блокада Кубы.

В целях мобилизации мирового общественного мнения против Советского Союза по инициативе США вопрос о блокаде Кубы был вынесен на заседание Совета Безопасности ООН. Американский представитель пытался уличить представителя СССР в сокрытии факта размещения советских ракет на Кубе. Конечно, это был эффектный, но не конструктивный шаг. Не случайно, что исполняющий обязанности генерального секретаря ООН У Тан, чтобы снять эту дипломатическую неловкость, призвал участвующие в конфликте стороны встретиться и обсудить ситуацию на двусторонней основе. Похожую позицию в ООН заняли представители Организации неприсоединившихся государств из Азии и Африки, а также Латинской Америки (Бразилия, Боливия, Венесуэла, Мексика и Чили) и Европы (Австрия, Финляндия и Швеция). Всего в обсуждении и выработке мер по ликвидации кризиса приняли участие 45 делегаций. Был создан комитет из представителей Ганы, Египта и Кипра, которому поручалось установить контакт с У Таном, чтобы убедить его взять на себя посреднические функции, а также созвать Генеральную Ассамблею ООН, если Совет Безопасности не найдет мирного решения. Совсем иную позицию заняла Организация американских государств. Временный консультативный комитет 19 голосами при одном воздержавшемся (Уругвай) принял резолюцию о поддержке блокады Кубы. За нее проголосовали даже те латиноамериканские страны, которые сначала поддержали мирные инициативы неприсоединившихся государств.

Жесткие публичные заявления США и СССР сопровождались личными и, следовательно, конфиденциальными посланиями глав государств. Они были выдержаны в более конструктивных тонах и использовались для поиска компромисса. Инициативу

в этом вопросе проявил американский президент. Для этого был выделен брат Р. Кеннеди, который установил прямой контакт с советским послом в Вашингтоне Добрыниным. Прежний доверительный обмен мнениями через Большакова стал дополнением к основным.

В ходе неофициальной беседы 23 октября Р. Кеннеди попытался вынудить советское руководство оправдываться. Он заявил, что Хрущев обманул американского президента, когда говорилось об оборонительном характере советского оружия. Считалось, что речь идет «лишь о ракетах сравнительно небольшого радиуса действия для обороны самой Кубы и подступов к ней, но не о ракетах дальнего радиуса действия, которые могли бы поражать практически всю территорию США»¹. Именно поэтому США ввели морской карантин. Кроме того, американский президент поверил переданному еще до 22 октября личному посланию Хрущева о том, что с советской стороны в ходе избирательной кампании в США не будет предпринято ничего, что «могло бы осложнить международную обстановку и ухудшить отношения между нашими странами»². Добрынин на заявление Р. Кеннеди ответил, что он не знал о размещении стратегических ракет на кубинской территории. Относительно «карантина» советский посол занял жесткую позицию, сообщив, что суда будут «прорываться на Кубу». В ответ Р. Кеннеди не менее категорично заявил, что суда будут задерживаться³.

В ответном письме Хрущева на личное послание американского президента от 22 октября сохранился достаточно жесткий тон. В нем, в частности, указывалось: «Устав Организации Объединенных Наций и международные нормы не дают права ни одному государству устанавливать в международных водах проверку судов... Мы, разумеется, не можем признать за Соединенными Штатами право установления контроля за оружием, необходимым Республике Куба для укрепления своей обороноспособности. Мы подтверждаем, что оружие, находящееся на

¹ Архив внешней политики. Оп. 17. Д. 6а. Л. 37.

² Там же. Л. 38.

³ Там же. Л. 40, 42.

Кубе, независимо от того, к какому классу оно относится, предназначено исключительно для оборонительных целей, чтобы обезопасить Кубинскую Республику от нападения агрессора»¹.

Письмо же Кеннеди Хрущеву уже не содержало воинственного запала. В нем выражалось согласие перенести обсуждение «тайной поставки на Кубу наступательного оружия» в Совет Безопасности ООН. Но также содержался призыв сохранять благоразумие и предпринимать шаги, позволяющие удерживать положение под контролем [55, р. 33].

Одновременно с посланием к американскому президенту 23 октября Хрущев обратился к Ф. Кастро. В его письме заявление Кеннеди расценивалось как невиданное вмешательство во внутренние дела Республики Куба и провокационная акция против Советского Союза. Действия американского правительства квалифицировались как пиратские, злонамеренные и агрессивные. В послании также сообщалось, что отданы указания советским военным представителям на Кубе о необходимости принять соответствующие меры и быть в полной готовности [57].

Кубинское руководство восприняло послание Хрущева как ясное выражение воли Советского Союза не допустить агрессии против Кубы и не отступить перед американскими требованиями. В своем выступлении по радио и телевидению 23 октября кубинский лидер открыто заявил, что он не обязан давать отчет о своих действиях правительству США, и отверг американские претензии на право диктовать Кубе свои условия относительно типа и количества оружия, расположенного на ее территории. Причем сразу же Ф. Кастро заявил: «Нашу страну никто не будет инспектировать... так как мы никогда и никому не дадим разрешения на это и никогда не откажемся от суверенного права на то, чтобы внутри наших границ инспекцию проводили только мы и никто другой» [58].

В развитие послания Хрущева Ф. Кастро 23 октября в советской печати была опубликована информация Министерства обороны СССР о том, что главнокомандующий объединенными вооруженными силами стран Варшавского Договора Гречко со-

¹ Международная жизнь. 1992. Специальный выпуск. С. 12.

звал представителей армий — участниц пакта и дал указание провести ряд мер по повышению боевой готовности войск, входящих в состав ОВС. Параллельно с этим в полную боевую готовность приводились ракетные войска межконтинентального и стратегического назначения на территории СССР, зенитно-ракетная оборона страны и истребительная авиация ПВО, стратегическая авиация; в повышенную боевую готовность — Сухопутные войска, часть сил и средств ВМФ СССР. Были задержаны увольнения из СА и ВМФ старших возрастов в РВСН, войсках ПВО страны и на подводном флоте; задержаны обычные отпуска личного состава.

Поскольку ни американские, ни советские военные не знали об особенностях «карантина», установленного президентом США, возникла весьма щекотливая ситуация с кораблем «Александровск», шедшим на Кубу с ядерными боеголовками как раз 23 октября. Согласно последней инструкции, ни о каком досмотре его американцами не могло быть и речи. Любая попытка досмотра привела бы к бою со всеми вытекающими последствиями. Из радиоперехвата было установлено, что американские военно-морские силы ищут судно, «специально приспособленное для транспортировки ядерных боеголовок». А тем временем советский грузовой корабль, соблюдавший радиомолчание, опаздывал на четыре часа. Напряжение на командном пункте советских войск нарастало. Над портом прибытия Мариель появились два самолета. Капитану «Александровска» было приказано идти в порт Лайсабель, куда он благополучно и дошел в 4 часа дня. Поскольку вблизи этого порта не было мест складирования ядерных боеголовок, командующий ГСВК приказал оставить их на борту до снижения накала кризиса [59].

С 23 октября американские истребители-бомбардировщики 2–3 раза в день на предельно малых высотах стали облетать позиции советских и кубинских войск, а их связисты взяли под контроль все радиопередачи и стали глушить их мощными установками. Поэтому, чтобы передать шифровку в подразделения, радистам приходилось маневрировать волнами, частотами, временем и использовать промежуточные станции, то есть выходить из Гаваны на Пинос через Баньес или Сьен-Фуэгос.

Утром 24 октября до исполнительного комитета была доведена разведывательная сводка, составленная на основании аэрофотосъемок 23 октября с низколетящих самолетов. В ней указывалось, что началась маскировка стартовых позиций ракет средней дальности. По оценкам американских специалистов, на Кубу уже было доставлено до 30 ракет средней дальности и более 20 бомбардировщиков фронтовой авиации Ил-28. Разведка особо выделила информацию о появлении боевых частей советских вооруженных сил, что явилось неожиданностью для членов исполнительного комитета.

Американское руководство предприняло ряд мер по совершенствованию блокады. Рубеж перехвата кораблей был несколько приближен к Кубе с тем, чтобы увеличить расстояние до приближающихся советских судов. Вместе с тем линия блокады устанавливалась вне пределов радиуса действия самолетов МиГ, базирующихся на острове. По указанию президента министр обороны США посетил центральный командный пункт военно-морских сил и довел до руководства ВМС особенности плана реализации блокады, вытекающие из понятия «карантин». Они отличались от требований американского устава по осуществлению морской блокады. Попытка командующего американскими войсками следовать букве устава была решительно пресечена министром обороны США.

Для перехвата советских подводных лодок была выделена авианосная противолодочная группа во главе с авианосцем «Эссекс». По информации, полученной на центральном командном пункте ВМС на 10:25 (14:25 по Гринвичу), было отмечено снижение скорости и изменение направления движения советских судов, следовавших курсом на Карибское море. По оценке специалистов ЦКП ВМС США, советские суда ожидали подхода шести подводных лодок, двигавшихся вслед за ними.

Ранним утром 24 октября дороги острова опустели, поскольку Народная милиция была отмобилизована и ее личный состав занял оборонительные позиции. Только изредка на дорогах встречались воинские колонны, совершавшие марш на тот или иной участок обороны. В населенных пунктах и в районах обороны побережья было полно плакатов: «К оружию, мужественные бойцы!», «Главкомандующий,

приказывай!», «Смерть агрессору!», «Родина или смерть, мы победим!» и другие.

В частях советской ракетной дивизии уже утром 24 октября радиолокационные станции, пусковые установки, ракеты, тягачи, транспортно-заряжающие машины были на своих боевых местах. Личный состав отрывал окопы для круговой обороны и укрытия от налета авиации. На экранах локаторов просматривался ряд подвижных и неподвижных целей в 20–30 милях от берега. Вечером 24 октября у кубинских берегов стали появляться неопознанные цели. Так, западнее острова Пинос в 40 милях от него появилась цель, которая приближалась к берегу и на условный сигнал «Я свой» не отвечала. В связи с этим был поднят весь личный состав по боевой тревоге, который изготовился встретить непрошеного гостя. Но после включения мощной радиолокационной станции обнаружения, опознания и выдачи координат цели было замечено, что противник прекратил сближение с островом, а затем исчез с радара. Аналогичное соприкосновение с противником неоднократно происходило на мысе Мулас, в Норте и Сьен-Фуэгосе, который иногда не только молча уходил, но и направлял мощные волны помех в адрес советских радиолокационных станций.

24 октября отношения между СССР и США продолжали обостряться. Посольство США в Москве передало советскому правительству ноту, в которой подтверждалось установление карантина в 14:00 по Гринвичу 24 октября 1962 г. Ответ на нее за подписью председателя Совета министров Советского Союза был довольно жестким. В нем, в частности, говорилось следующее:

«Представьте себе, господин Президент, что мы поставили бы Вам те ультимативные условия, которые Вы поставили нам своей акцией. Как бы Вы реагировали на это? Думаю, что Вы возмутились бы таким шагом с нашей стороны. И это было бы нам понятно... Поставив нам эти условия, Вы, господин Президент, бросили нам вызов. Кто Вас просил делать это? По какому праву Вы это сделали? Наши связи с Республикой Куба, как и отношения с другими государствами, касаются только двух стран, между которыми имеются эти отношения...

Вы, господин Президент, объявляете не карантин, а выдвигаете ультиматум и угрожаете, что если мы не будем подчиняться Вашим требованиям, то Вы примените силу... Что значит согласиться с этими требованиями? Это означало бы руководствоваться в своих отношениях с другими странами не разумом, а потакать произволу. Вы уже не апеллируете к разуму, а хотите запугать нас. Нет, господин Президент, я не могу с этим согласиться и думаю, что внутренне Вы признаете мою правоту. Убежден, что на моем месте Вы поступили бы так же... Не сомневаюсь, что если кто-либо попытался диктовать подобные условия Вам — США, Вы бы отвергли такую попытку. И мы тоже говорим — нет»¹.

Несмотря на столь жесткий ответ президенту США, советский представитель в ООН от имени своего правительства принял предложение У Тана воздержаться от любых действий, которые могут обострить положение и принести с собой риск войны. Такая позиция советского представителя в ООН, по всей видимости, основывалась и на неофициальной информации относительно американских намерений. Как докладывал в Москву представитель ГРУ в Нью-Йорке, хорошо информированный знакомый сообщил ему следующее: «1) Предпринимаемые американским правительством меры против Кубы, прежде всего, являются предвыборным трюком и ответом на обвинения республиканцев в неэффективности внешней политики администрации Кеннеди; 2) Правительство США серьезно не верит в то, что кубинская авантюра может вызвать или перерасти в ядерную войну. Возможное ее завершение — локальный конфликт. Вместе с тем администрация Кеннеди, занявшая «твердую позицию», ожидает, что Советский Союз отступит, как это имело место в ноябре 1961 г. в вопросе о Западном Берлине; 3) Правительство США якобы ожидает наших уступок по кубинскому вопросу, подготовив некоторые свои уступки по Западному Берлину»². Достоверность этих сведений подтверждается словами американского президента в беседе с братом Р. Кеннеди и своим ближайшим советником О'Доннели: «Я думаю, если бы

¹ Международная жизнь. 1992. Специальный выпуск. С. 16, 18.

² Центральный архив Министерства обороны. Ф. 23. Оп. 28918. Д. 14. Л. 72.

я ничего не сделал для вывода ракет с Кубы, я был бы подвергнут импичменту»¹.

Вечером 24 октября и. о. Генерального секретаря ООН У Тан в своем письме главам государств СССР и США предложил план урегулирования конфликта, в котором предусматривались одновременная отмена блокады Кубы и прекращение поставок наступательного оружия на остров. Он перекликался с предложениями франкофонских стран Африки².

В четверг, 25 октября, наметились первые проблески в снижении напряженности. В 8:00 утра линию карантина пересекли советский танкер «Бухарест» и пассажирское судно под флагом ГДР со студентами на борту. Американский патрульный корабль ограничился визуальным наблюдением и запросом о характере перевозимого груза. Сказались указания американского министра обороны.

В тот же день 12 из 25 советских судов, следовавших в направлении Кубы, повернули назад. Подлодки Б-59 и Б-36 на рубеже морской блокады острова были принуждены американцами к всплытию, а четвертая Б-4 (командир — капитан 2-го ранга Кетов), на которой находился командир бригады, смогла оторваться и остаться необнаруженной. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не поступила команда из Москвы остановиться, а через некоторое время — возвращаться. 6 декабря все четыре лодки возвратились на базу Северного флота.

Но несмотря на наметившиеся сдвиги, положение оставалось серьезным. КНШ 25 октября принял проект доклада министру обороны под названием «Временные факторы». В нем была определена следующая готовность для использования вооруженных сил: 1) низковысотная разведка — через 2 часа; 2) ответный удар по одной позиции зенитной ракеты — 2 часа; 3) воздушный удар по всем зенитным ракетам — 2 часа (при существующем уровне боеготовности); 4) полномасштабный воздушный удар — 12 часов; 5) действия по оперативному плану с высадкой десанта — первая операция через семь дней после принятия решения. Кроме того, КНШ дал заявку на предостав-

¹ Архив внешней политики РФ. Оп. 17. Д. 6г. Л. 47.

² Там же. П. 11. Л. 48.

ление через семь дней 10 судов из резервного флота национальной обороны, 5 транспортов для войск и 107 грузовых судов из коммерческого флота, а также 6 танкеров морской военно-транспортной службы. Комитет начальников штабов запросил дополнительные взрыватели для производства низковысотных ядерных взрывов [60].

Советские представители в США придерживались официальной линии в вопросах урегулирования Карибского кризиса. 25 октября на приеме советский военный атташе в США сообщил, что кораблям дан приказ продолжать движение через рубеж блокады независимо от последствий. Также действовали и официальные лица из Пентагона. В тот же день на завтрак военно-воздушного атташе посольства СССР в Вашингтоне с начальником отдела внешних сношений министерства ВВС США Далламом последний заявил: «США не допустят советского проникновения в Западное полушарие и намерены до конца проводить изложенную президентом политику, не идя ни на какие компромиссные решения... США опираются на имеющуюся у них «прерогативу силы» в этом районе и используют эту силу, если понадобится... США опасаются, что СССР недооценивает решимость американцев в достижении своих целей» [43, p. 27].

Вместе с тем началась подготовка американского общественного мнения к возможному компромиссу. Утром 25 октября вышла статья за подписью старейшего и очень влиятельного американского журналиста Липпмана, в которой ставился вопрос об обмене американских ракет в Турции на советские ракеты на Кубе. Статья вызвала негативную реакцию у профессионалов из исполнительного комитета по Кубе Совета национальной безопасности США, но не учитывать большое влияние этого журналиста на американское общественное мнение было нельзя. Несмотря на недовольство Липпманом, в ответе Хрущеву на его запальчивое письмо от 24 октября Дж. Кеннеди вновь написал, что меры США против Кубы являются вынужденным ответом на поставки наступательного оружия на Кубу [61].

Но основной психологический удар был нанесен американским представителем в ООН Э. Стивенсоном вечером 25 октября на заседании Совета Безопасности. Он попытался добиться

Обсуждение Карибского кризиса в Совете Безопасности ООН

официального признания от представителя СССР, что на Кубе размещены советские баллистические ракеты. В доказательство были предъявлены аэрофотосъемки советского вспомогательного оборудования для ракет на боевых позициях. Эта акция носила явный пропагандистский характер, так как согласие США на переговоры было передано У Тану еще до заседания Совета Безопасности. Но факт остается фактом. Советский Союз был представлен вероломным «медведем», пытающимся проникнуть в американский дом.

В пятницу 26 октября режим морской блокады не изменился. В 180 милях северо-восточнее Багамских островов двумя эсминцами США был остановлен грузовой пароход под ливанским флагом «Мариула», зафрахтованный СССР. На него была высажена невооруженная досмотровая группа, которая после досмотра пропустила его на Кубу. Этим шагом подчеркивалось, что соблюдается режим «карантина» и не пропускаются только суда, имеющие на борту наступательное оружие. В то же время президент отдал распоряжение госдепартаменту начать подго-

товку к выполнению чрезвычайной программы, предусматривающей установление гражданского правления на Кубе после вторжения на остров и его оккупации.

Усиление американского давления было воспринято с беспокойством. Расширились контакты по поиску компромисса на конфиденциальной основе. В середине дня 26 октября советник посольства СССР в США (резидент КГБ Феклисов) установил контакт с дипломатическим корреспондентом Американской радиовещательной компании Скали, имевшим хорошие связи в высших американских сферах. Фомин предложил передать американскому руководству следующие предложения: 1) Советский Союз готов вывести ракеты с Кубы и провести демонтаж ракетных баз под контролем ООН; 2) на Кубу больше не будет поставляться наступательное оружие; 3) Соединенные Штаты должны взять обязательство не вторгаться на Кубу [42, с. 396]. Ответ Фомину Скали передал после консультации с государственным секретарем вечером того же дня. В нем указывалось, что США готовы обсудить предложения, но время не ждет. По версии Фомина, после его доклада послу последний не решился направить соответствующую телеграмму в Москву по своей линии, мотивировав это тем, что такая задача перед ним не ставилась. Телеграмма ушла за подписью Фомина. Офицер ГРУ Большаков также активно участвовал в конфиденциальных переговорах, но не по собственной инициативе. Он регулярно передавал американской стороне информацию Кремля по кубинскому урегулированию. В свою очередь, администрация президента США неоднократно обращалась к советскому представителю с «вежливой просьбой» довести до сведения лично Хрущева о той или иной позиции по кубинскому вопросу и путях его решения.

В пятницу 26 октября в середине дня на брифинге в госдепартаменте пресса была проинформирована о том, что «последующие действия будут оправданы», если советские ракеты не будут вывезены с Кубы. Этот же мотив прозвучал в беседе Р. Кеннеди с советским послом. Он высказал мнение, что, видимо, через два дня США будут вынуждены предпринять решительные действия. Такое же видение проблемы было и у кубинского руководства. Ф. Кастро в письме Хрущеву

от 26 октября (попало адресату 27) писал: «Из анализа обстановки и имеющихся у нас сведений считаю, что агрессия почти неизбежно произойдет в ближайшие 24–72 часа, возможны два варианта: первый и наиболее вероятный состоит в воздушной атаке определенных объектов с ограниченной целью уничтожить их; второй, менее вероятный, хотя и возможный, — вторжение... Если произойдет второй вариант и империалисты вторгнутся на Кубу ... то подобная агрессивная политика несет в себе такую угрозу человечеству, что ... Советский Союз должен всячески препятствовать созданию условий, при которых империалисты могут первыми нанести по нему ядерный удар...» [62].

В дополнение к неофициальному зондажу советских представителей в Вашингтоне в посольство США в Москве было направлено письмо Хрущева. «Я вас заверяю, — говорилось в нем, — что на тех кораблях, которые идут на Кубу, нет вообще никакого оружия. То оружие, которое нужно было для обороны Кубы, уже находится там... Не знаю, можете ли Вы понять меня, поверить мне. Но я хотел бы, чтобы Вы поверили сами себе и согласились с тем, что страстям нельзя давать волю, надо ими владеть... Если Вы будете останавливать суда, то, как Вы сами знаете, это будет пиратство... Другого толкования таким действиям нельзя дать, потому что нельзя узаконить беззаконие. Если это допустить, тогда мира не будет, не будет и мирного сосуществования...»¹.

Далее в письме для нормализации обстановки выдвигалось предложение, чтобы американское правительство сделало бы заявление, в котором Соединенные Штаты дали бы заверения не осуществлять нападения на Кубу и не допустили бы проведения подобной акции другими странами. Вместе с тем в письме сохранилась и жесткость советской позиции. В нем выражалась готовность СССР принять вызов США. «Поэтому, если нет намерения затягивать этот узел, — говорилось в заключение, — и тем самым обрекать мир на катастрофу термоядерной войны, то давайте не только ослаблять силы, натягивающие концы веревки, давайте принимать меры для развязывания этого узла.

¹ Международная жизнь. 1992. Специальный выпуск. С. 26, 28.

Мы на это согласны»¹. Телеграмма из Москвы стала тут же предметом анализа исполнительного комитета по Кубе. По мнению американского президента и Р. Кеннеди, в обращении Хрущева и контактах со Скали появились обнадеживающие моменты.

26 октября советское правительство заявило, что если США откажутся от нападения на Кубу и будут удерживать других от таких действий, отзовут свой флот, то это полностью изменит ситуацию. В таких условиях СССР, со своей стороны, готов дать заверение не доставлять на остров какое-либо оружие и отпадет необходимость в пребывании советских военных специалистов на Кубе. В Вашингтоне подобная «тональность» была воспринята с пониманием. Между тем не успели американцы сформулировать свой ответ, как Советский Союз выдвинул новое предложение — вывод советского «наступательного оружия» с Кубы должен быть связан с ликвидацией американского «аналогичного оружия» (ракет «Юпитер») в Турции.

А тем временем на Кубе началась подготовка к боевым действиям. 26 октября на совещании у начальника генерального штаба РВС Кубы Ф. Кастро дал оценку обстановки и принял ряд соответствующих решений. В частности, он выделил следующие моменты: «1) после заявления представителя госдепартамента следует ожидать предъявления ультиматума Кубе со стороны США. Ультиматум Кубе будет отвергнут. Вслед за этим следует ожидать вторжения в течение 48 часов; 2) первый этап — морская блокада и второй — вторжение планировались американцами заранее. Это стало очевидным из беседы с премьер-министром Алжира Бен-Беллой и информации по беседе с президентом Мексики Лопесом; 3) следует полагать, что бомбовые удары будут нанесены в первую очередь по объектам Павлова; 4) 26 октября всему руководящему составу выехать на командный пункт, а остальным руководителям вооруженных сил Кубы — во второй эшелон; 5) войскам занять обусловленные планом районы и быть в состоянии полной боевой готовности; 6) закончить развертывание 50 артиллерийских батарей готовности; 7) начать и 29 октября закончить минирование главного входа и дороги в горы от ВМБ Гуантанамо; 8) сред-

¹ Международная жизнь. 1992. Специальный выпуск. С. 30.

ства ПВО обязаны с 27 октября открывать огонь по самолетам США, нарушающим воздушное пространство. Запретить до особых указаний открывать огонь батареям, находящимся вблизи объектов Павлова; 9) срочно направить в ООН министра иностранных дел Роа, так как Лечуга не оправдал надежд, был негибок. Полным отрицанием наличия объектов Куба поставлена в затруднительное положение и формально только она несет ответственность за их наличие на своей территории. Советские представители в ООН также не были достаточно гибкими в этом вопросе; 10) обеспечить тесное взаимодействие с группой Павлова, назначив для этого постоянного представителя; 11) США вновь, как и во время Плайя-Хирон, недооценивают силы Кубы и могут вновь ошибиться. Кубинская сторона с честью выполнит возложенный на нее долг» [63]. По результатам совещания было подготовлено заявление. Особое внимание в нем было уделено вопросу полетов над кубинской территорией. Как неотъемлемое законное право на оборону, любой боевой самолет, вторгшийся в кубинское воздушное пространство, подвергается риску попасть под оборонительный огонь¹.

Вечером 26 октября по инициативе кубинцев в штабе ГСВК состоялось совещание кубинского военно-политического руководства и командования советских войск. На нем было сообщено о решении открывать огонь по боевым американским самолетам, вторгшимся в воздушное пространство Кубы, а также заслушаны доклады командиров советских частей о готовности к боевым действиям. Все командиры, включая командиров ракетных частей, доложили о готовности вверенных им воинских формирований. На том же совещании советское и кубинское командование пришло к выводу о том, что, по всей видимости, Соединенные Штаты нанесут воздушный удар в период 27–29 октября [45, р. 148].

Командование ГСВК было согласно с такой оценкой обстановки. Командующий советскими войсками докладывал в Москву, что, по имеющимся данным, разведкой США установлены некоторые районы расположения объектов ракетной дивизии и, по мнению кубинцев, удар авиации США по советским объ-

¹ Noticias de Hoy. 28 de Octubre. 1962. P. 1.

ектам на Кубе следует ожидать в ночь с 26 на 27 октября 1962 г. или на рассвете 27 октября 1962 г. Ф. Кастро принял решение сбивать американские боевые самолеты зенитной артиллерией. Советское командование в случае ударов по объектам ГСВК со стороны американской авиации применит все имеющиеся средства ПВО. Судя по резолюции Малиновского на телеграмме: «Послать тов. Хрущеву Н.С. решение Павлова (псевдоним Плиева. — *Прим. авт.*), предлагаю утвердить». Министерство обороны и Генеральный штаб проявляли осторожность, и вопрос об упреждающих действиях перед политическим руководством страны не ставили. В отношении стратегических ядерных сил командующему Группой были даны следующие указания из Москвы: боевое применение ракетной дивизии осуществлять только сличного разрешения Верховного главнокомандующего. В Генеральном штабе было подготовлено распоряжение о применении тактических ракет «Луна» с ядерными боеголовками в случае высадки десантов противника на кубинскую территорию. Но оно не было утверждено ни министром обороны, ни верховным главнокомандующим [42, с. 361–362]. Однако, судя по тому, что без консультации с Москвой был сбит американский самолет-разведчик, в условиях боевых действий советскому командованию на Кубе приказа могло и не понадобиться.

Следующий день, 27 октября 1962 г., и стал тем днем, который мог бы завершиться всемирной катастрофой. Рано утром в 3:00 Ф. Кастро посетил посольство СССР на Кубе и сообщил, что вечером 26 октября он получил послание президента Бразилии Гуларта, в котором говорилось, что если ракетные установки на Кубе не будут демонтированы в течение 48 часов, то США их уничтожат.

В Москве 27 октября в американское посольство было передано письмо Хрущева. В нем поднимался вопрос об американских базах вокруг Советского Союза и ракетах в Англии, Италии и Турции, нацеленных на него. «Вы имеете право, — говорилось в письме, — требовать безопасности для своей страны и удаления того оружия, которое Вы называете наступательным, а за нами этого права не признаете». В нем предлагалось для удовлетворения и надежд народов Кубы и Турции на безопасность сделать в рамках Совета Безопасности ООН заявление

о том, что советское правительство дает торжественное обещание уважать неприкосновенность границ и суверенитет Турции, не вмешиваться в ее внутренние дела, не вторгаться в Турцию, не предоставлять свою территорию в качестве плацдарма для такого вторжения, а также будет удерживать тех, кто задумал бы осуществить агрессию против Турции как с территории Советского Союза, так и с территории других соседних с Турцией государств. Такое же заявление в рамках Совета Безопасности должно дать американское правительство в отношении Кубы. В письме подтверждался полный советский контроль над ракетным вооружением и делалось заявление, что «если не будет вторжения на Кубу или же нападения на Советский Союз или других наших союзников, то, конечно, эти средства никому не угрожают и не будут угрожать. Ведь они не преследуют цели нападения»¹.

27 октября, когда кризис достиг апогея, высотные разведчики U-2 вновь оказались в центре внимания. И в такой обстановке министр обороны США Макнамара получает донесение: в 11:20 (время вашингтонское) самолет U-2 нарушил границу СССР и находится над Чукоткой. Когда министр узнал об этом, он «стал, — по свидетельству очевидца, — совершенно белым и закричал: «Это означает войну с Советским Союзом! Президент должен немедленно связаться с Москвой». Президент отнесся к этому более спокойно. Он лишь сказал ставшую потом знаменитой фразу: «Всегда найдется сукин сын, способный испортить все дело» [12, Т. 2. с. 331]. Этот U-2 в ходе полета из-за неисправности навигационного оборудования самолета отклонился от курса и оказался над Чукоткой. Он был обнаружен советскими РЛС. Навстречу ему взлетели два истребителя. Но он уже понял ошибку и обратился за помощью на свой аэродром. Ему на помощь вылетели два перехватчика F-102. Их задача была вывести U-2 на свой аэродром. Таким образом, в воздушном пространстве СССР было уже три американских самолета, а навстречу им шли два советских истребителя. И это в пик Карибского кризиса. К тому же U-2 находился в воздухе уже 10 часов, и у него кончалось топливо. Совершить посадку

¹ Международная жизнь. 1992. Специальный выпуск. С. 32, 34, 36.

на советский аэродром он не имел права, так как самолет был буквально набит секретной аппаратурой различного назначения. Значит, в случае встречи предстоял бой и, возможно, с применением ядерного оружия. К счастью, наведение не состоялось. Советские истребители вернулись на свою базу. U-2 и F-102 ушли на Аляску. В Москве этот эпизод расценили реалистично: скорее всего, U-2 заблудился.

Но на этом испытания того дня не кончились. Буквально через 2 часа над Кубой советской зенитной ракетой был сбит U-2, который проводил фотографирование ракетных позиций. Летчик погиб. Приказ командующего ГСВК гласил, что «огонь можно открывать только в случае явного нападения». Но как это понимать? В течение 30 минут, пока U-2 летел над Кубой, руководителей советской ПВО и подчиненных им командиров терзали сомнения: считать этот полет «явным нападением» или нет? Несколько раз звонили Плиеву, но тот был где-то в войсках. Тем временем U-2, выполнив задачу, уходил из воздушного пространства острова. Командующий ПВО, получив сведения, что все позиции ракетчиков «засвечены», а самолет уходит, отдал приказ сбить. На официальном языке это решение на пресечение полета определялось «оперативно-стратегической необходимостью не допустить получения руководством США сводных разведанных о ракетной группировке». Это, конечно, было весьма рискованное решение, но в обстановке того дня оно было объяснимо. Советские генералы решились на это, потому что пункт приказа о том, что «огонь открывать только в случае явного нападения» был сформулирован достаточно расплывчато. Отсюда и колебания в принятии решения. Генерал армии Плиев воспринял доклад об уничтожении самолета-разведчика в общем спокойно. В донесении в Москву указывалось: «В целях недопущения попадания фотодокументов в США в 18:20 московского времени этот самолет был сбит двумя зенитными ракетами на высоте 21 000 м. Самолет упал в районе Антильи. Организованы поиски. В этот день было 8 нарушений самолетами США воздушного пространства Кубы»¹. Вскоре из Москвы в группу войск

¹ Цит. по: Красная звезда. 1993. 13 мая.

на Кубе пришла телеграмма: «Вы поторопились. Наметились пути урегулирования».

После того как данные о сбитом над Кубой самолете U-2 поступили в 16:00 27 октября в исполнительный комитет СНБ, события начали развиваться в стремительном темпе. Исполком стал склоняться к бомбардировке пусковых установок советских ракет. Наибольшую мудрость в создавшейся обстановке проявил американский президент. Подводя итоги дискуссии, он прозорливо заметил, что его беспокоит не первый шаг в эскалации, а то, что обе стороны пойдут на четвертый и пятый, но не дойдут до шестого, так как его будет некому сделать.

Результатом совещания стал визит Р. Кеннеди в советское посольство в Вашингтоне. Министр юстиции США сообщил советскому послу, что в результате инцидента с U-2 обстановка усугубилась. В связи с этим на президента оказывается сильный нажим с тем, чтобы он отдал приказ отвечать огнем на огонь. Согласие же на ответный огонь может привести к цепной реакции не только в Карибском регионе, но и в Европе. А это приведет к ядерной войне. Однако он высказал предложение о начале переговоров по урегулированию кризиса на базе советских предложений от 26 октября и ответном письме американской стороны. «Правительство США, — заявил Р. Кеннеди, — готово дать заверения, что никакого вторжения на Кубу не будет, и все страны Западного полушария готовы дать аналогичные заверения». На вопрос советского посла о выводе американских ракет из Турции Р. Кеннеди заметил, что президент не видит непреодолимых трудностей в разрешении этой проблемы¹. В заключение беседы Р. Кеннеди сказал: «К несчастью, события развиваются слишком быстро. Просьба ответить завтра — это именно просьба, а не какой-либо ультимативный срок. Президент надеется, что глава Советского правительства его правильно поймет»².

Особенно обострилась обстановка в ночь с 27 на 28 октября. В ту ночь все военнослужащие Группы советских войск на Кубе очень сильно почувствовали реальную возможность возникновения мировой ракетно-ядерной войны, потому что

¹ Архив внешней политики РФ. Оп. 17. Д. 6а. Л. 45, 47.

² Там же. Л. 48.

все разговоры между кораблями, самолетами и командными пунктами пошли открытым текстом. Многие командиры нетерпеливо, через каждые 30–40 минут, запрашивали оперативных дежурных: «Когда начнем боевую работу?», «Когда будем наносить удар?». А дежурные штабов постоянно отвечали: «Ждите особых распоряжений», «Ждите особую команду».

Не спали в ночь с 27 на 28 октября все члены Президиума ЦК КПСС, руководители Совета министров, министры и Генеральный штаб в Москве. На правительственной даче в Огареве обсуждалось предложение американского президента. Напряжение в Москве и Вашингтоне достигло апогея. По словам тогдашнего помощника председателя Совета министров СССР О. Трояновского, «нервы были натянуты до предела, одна искра могла вызвать взрыв». Сообщение о сбитом U-2 и послание Ф. Кастро о начале американской агрессии в ближайшие 24–72 часа не на шутку встревожили Хрущева.

Телеграмма о предложении США, переданном Р. Кеннеди, пришла в Москву из-за разницы во времени лишь 28 октября 1962 г. Она была обсуждена на заседании президиума ЦК КПСС, собравшемся, вероятно, в полном составе. В связи с нехваткой времени было принято неординарное решение: послание советского правительства передать открытым текстом по радио. В нем подтверждалась готовность выполнять советской стороной взятые на себя обязательства в связи с разрешением Карибского кризиса. Вместе с тем подтверждалась решимость СССР продолжать оказание Кубе помощи в борьбе против агрессии¹.

Карибский кризис закончился. Верх одержал разум. Политическое руководство лихорадочно искало выход из кризиса, а вооруженные силы противоборствующих сторон завершали последние приготовления к военным действиям.

После 28 октября противостояние войск стало снижаться. Наиболее острая часть кризиса заняла всего неделю. Но ее опасность для человечества определялась не временем, а возможностью применения смертоносного оружия. Поэтому первые проблески снижения напряженности были восприняты всеми

¹ Международная жизнь. 1992. Специальный выпуск. С. 42, 44, 46, 48.

как сигнал для устранения причин возникновения подобного кризиса. Позиции СССР и США были в той или иной степени высказаны в посланиях их руководителей. По-иному обстояло дело с Кубой.

Кубинское руководство узнало о советско-американском компромиссе из сообщения Московского радио утром 28 октября. Только ближе к полудню Ф. Кастро было передано короткое личное послание Хрущева, в котором ему рекомендовалось не идти на поводу своих чувств¹.

Еще до получения послания Хрущева Ф. Кастро провел совещание военно-политического руководства, где он негативно прокомментировал радиозаявление советского правительства о выводе с Кубы ракет стратегического назначения [63, л. 727–729]. Вечером 28 октября Ф. Кастро публично изложил кубинскую позицию по разрешению Карибского кризиса, получившую название «пять пунктов». В выступлении ставились вопросы о прекращении: 1) экономической блокады и всех мер торгового и экономического давления, осуществляемого Соединенными Штатами против Кубы во всех частях света; 2) всех подрывных действий, нелегального ввоза воздушным и морским путем оружия и взрывчатки; 3) организации вторжений наемников, заброски шпионов и саботажа; 4) пиратских нападений, всех нарушений воздушного и морского пространства американскими военными самолетами и кораблями; 5) об эвакуации военно-морской базы Гуантанамо².

Куба боролась за ликвидацию предпосылок для подобных кризисов. Решить эти задачи предстояло за столом переговоров под патронажем Организации Объединенных Наций. Для ведения переговоров в Нью-Йорк был направлен заместитель министра иностранных дел СССР Кузнецов. С американской стороны переговоры сначала вел постоянный представитель при ООН А. Стивенсон, а затем сотрудник госдепартамента Дж. Маккоун. В них принял участие и У Тан.

Послекризисное урегулирование было сфокусировано на решении трех проблем: оформление гарантий о ненападении

¹ Granma 1990. Especial. 24 November.

² Noticias de Hoy. 1962. 31 de Octubre. P. 10.

на Кубу со стороны США; контроль за выполнением советских обязательств о вывозе оружия, снятие «морского карантина» Кубы¹.

Советский Союз и Куба для решения существующих проблем выдвинули проект протокола. Его предполагалось сделать официальным документом Совета Безопасности ООН. В проекте в статье 1-й первого раздела говорилось об отказе Соединенных Штатов от мер, которые они ввели 24 октября в отношении судов, направляющихся в Республику Куба. В остальных статьях этого раздела излагались положения кубинских «пяти пунктов». Раздел второй был посвящен вывозу советских ракет с Кубы. Третий раздел подтверждал согласие кубинского правительства на вывоз ракет и содержал обязательство не вмешиваться во внутренние дела других государств. В четвертом разделе содержалось положение о продолжении переговоров и предоставлении результатов для утверждения Советом Безопасности ООН².

Быстрота развития событий 27 и 28 октября 1962 г. породила серьезную проблему в советско-кубинских взаимоотношениях. В связи с этим было принято решение направить для завершения переговоров по Карибскому кризису первого заместителя Председателя Совета министров СССР Микояна, который уже 1 ноября 1962 г. прибыл на Кубу³. Перед ним стояла сложная проблема, которую Микоян сформулировал так перед вылетом на Кубу: «Кубинский народ должен забыть об обиде. Наша задача — полностью восстановить доверие народа». В ходе начавшихся переговоров с руководством Кубы Микоян настойчиво проводил мысль о том, что срыв планов военного нападения на Кубу является большой победой, и в сложившихся условиях надо добиваться, чтобы и из дипломатической напряженности выйти с успехом. А для этого нужно тесное взаимодействие⁴. Кубинское руководство последовательно проводило политику, сформулированную в речи Ф. Кастро на совещании 28 октября.

¹ Архив внешней политики РФ. Оп. 17. Д. 6а. Л. 50, 55.

² Там же. Ф. 104. Оп. 17. Д. 66. П. 11а. Л. 1–5.

³ Там же. Д. 6а. Л. 57.

⁴ Там же. Д. 6г. Л. 134, 135.

Одной из ключевых проблем урегулирования кризиса, несомненно, был вывод советских ядерных ракет. Американская сторона сразу же поставила вопрос о контроле за их демонтажом и вывозом с Кубы. США согласились, учитывая позицию Ф. Кастро, предпринять поиски новых методов контроля, не приводящих к раскрытию советских технических секретов¹. Учитывая позицию кубинского правительства, СССР и США согласились на проведение визуального контроля за вывозом советских ракет со своих кораблей [64].

Успешное решение проблемы с советскими ядерными ракетами было использовано американской стороной для выдвижения тезиса о выводе с Кубы так называемого наступательного оружия. Представители США под «наступательным оружием» понимали вооружение, «пригодное для использования в наступательных целях»².

Наиболее упорно шли переговоры об Ил-28. В них был вынужден принять личное участие Хрущев. В его письме американскому президенту от 11 ноября было предложено увязать вопрос о вывозе этих самолетов с Кубы с реализацией взаимных обязательств, взятых США и СССР. Ответ на него был передан 12 ноября в устной форме Р. Кеннеди советскому послу в Вашингтоне. Американский президент согласился снять карантин сразу после достижения договоренности о вывозе Ил-28. Но вплоть до 14 ноября Кузнецов на переговорах в Нью-Йорке боролся за исключение Ил-28 из перечня «наступательного оружия». Вопрос был снят с обсуждения после того, как Микоян в ходе переговоров с кубинским руководством 13 ноября добился его согласия на эвакуацию Ил-28 с Кубы [65]. Самолеты были вывезены в Советский Союз.

Советская дипломатия стремилась максимально использовать факт эвакуации ядерных ракет для разрешения вопроса о карантине. 2 ноября Кузнецову было дано указание сообщить американскому представителю о том, что не позднее 10 ноября демонтированные ракетные комплексы будут грузиться на суда и отправляться в СССР. В связи с этим 16 ноября 1962 г. был

¹ Архив внешней политики РФ. Ф. 104. Оп. 17. Д. 6а. Л. 59.

² Там же. Д. 6г. Л. 163.

изготовлен впоследствии переданный американской стороне альбом фотоснимков, в котором отражался ход вывода ракетных войск в СССР [64. Л. 9].

После обмена письменными и устными посланиями 11 и 12 ноября Дж. Кеннеди принял решение снять «карантин» в ответ на возвращение в СССР ядерных ракет средней дальности и бомбардировщиков Ил-28 при визуальном контроле в ходе их эвакуации. В качестве жеста доброй воли президент Кеннеди за час до пресс-конференции 20 ноября передал через своего представителя советскому послу в Вашингтоне для информации Хрущева следующее устное сообщение: «В дополнение к тому, что я намерен объявить на пресс-конференции, я отдал также распоряжение о снижении состояния боевой готовности по американским вооруженным силам, которая была объявлена в начале кубинских событий. Одновременно отдано распоряжение о возвращении в резерв тех воздушных эскадрилий, которые были призваны к активной действительной службе во время кубинского кризиса» [55, с. 106].

Советский Союз сразу после пресс-конференции Кеннеди предпринял конкретные шаги по снижению военного противостояния. 21 ноября 1962 г. Министерство обороны СССР получило указание советского правительства провести следующие мероприятия:

«1. Ракетным войскам межконтинентального и стратегического назначения с полной боевой готовности перейти к нормальной боевой подготовке и деятельности.

2. Зенитно-ракетной обороне страны и истребительной авиации ПВО с полной боевой готовности перейти к нормальному образу своей деятельности и боевой подготовке.

3. Отменить состояние боевой готовности для стратегической авиации.

4. Военно-морским силам перейти на нормальную боевую подготовку, а подводному флоту возвратиться в места своей постоянной дислокации.

5. Отменить состояние повышенной боевой готовности в сухопутных войсках.

6. Отменить задержание увольнения из Советской Армии старших возрастов в ракетных войсках стратегического на-

значения, войсках противовоздушной обороны страны и на подводном флоте.

7. Отменить задержку обычных отпусков в Вооруженных Силах СССР» [64. Л. 122].

Ввиду ослабления напряженности в районе Карибского моря и связанного с этим снижения напряженности в Европе главнокомандующий Объединенными вооруженными силами стран Варшавского Договора Гречко 21 ноября 1962 г. дал указание об отмене ряда мер, установленных 23 октября, по повышению боевой готовности войск и флотов, входящих в состав Объединенных вооруженных сил¹.

Американское военное командование сохраняло группировку, предназначенную для нападения на Кубу, вплоть до 20 ноября. Только 27 ноября в директиве Комитета начальников штабов США были даны указания по снижению уровня боевой готовности. Отменялась повышенная боевая готовность стратегического авиационного командования, а резервные части транспортной авиации снимались с боевого дежурства. Разведывательная высотная авиация переводилась на режим готовности к проведению по два полета в десять дней. Для авиасредств, выделенных для нанесения ограниченных ударов, устанавливалась 2-часовая готовность после принятия решения и для самолетов, предназначенных для поражения зенитных ракет и всей ПВО Кубы, — 48-часовая готовность. На восстановление карантина Кубы отводилось 72 часа. Готовность к выполнению оперативного плана без десантирования устанавливалась в 72 часа и оперативного плана с десантированием — 18 дней. Противовоздушная оборона переходила на обычный режим деятельности. Стратегические наступательные силы возвращались к нормальному уровню боевой готовности. Все части ВВС, за исключением разведывательных подразделений, возобновляли обычную боевую подготовку. Части морской пехоты, за исключением 3-го легкого зенитного дивизиона, отводились с западного побережья в места постоянной дислокации. Все части сухопутных войск, кроме подразделений обеспечения командования сухопутных войск в зоне Атлантического океана,

¹ Правда. 1962. 22 нояб.

передислоцировались на основные базы. Военно-морской флот возобновлял обычную деятельность, за исключением одной авианосной группы, обеспечивающей оборону Гуантанамо до 20 декабря, и одной авианосной группы, предназначенной для слежения за эвакуацией Ил-28 и нанесения возможных авиаударов согласно оперативному плану [60, р. 112, 115–117].

Непосредственная угроза американского вторжения на Кубу была снята после того, как начался отвод американских сухопутных войск из юго-восточной части Соединенных Штатов. Полностью же она исчезла к 20 декабря, когда все американские экспедиционные силы вернулись на места своей постоянной дислокации и возобновили обычную боевую подготовку.

После 20 ноября на повестку дня переговоров по Карибскому кризису встал вопрос о принятии уже не протокола Совета Безопасности ООН, а согласованных заявлений СССР и США в ООН, которые закрепили бы взаимные обязательства сторон, выдвинутые в посланиях глав правительств Советского Союза и Соединенных Штатов.

Американская сторона неохотно шла на официальное подтверждение достигнутых договоренностей. В 20-х числах ноября США выдвинули свой проект Декларации по вопросу об урегулировании Карибского кризиса. В нем содержалось основное обязательство Соединенных Штатов об отказе от вторжения на Кубу. Но трудно было согласиться с американской формулировкой вопроса о вывозе с Кубы оружия, «пригодного для использования в наступательных целях», так как она не соответствовала достигнутым договоренностям об эвакуации ракет средней дальности с ядерными боезарядами и бомбардировщиков Ил-28. Положение же Декларации США о невыполнении советской стороной обязательства по проверке со стороны ООН хода демонтажа и вывоза ракет с Кубы не совсем точно отражало действительную договоренность¹.

В связи с этим советская сторона внесла новый проект Декларации с учетом американских пожеланий. Куба, не возражая против согласованных деклараций Советского Союза и Соединенных Штатов, выступила в начале декабря с предложением

¹ Архив внешней политики РФ. Ф. 104. Оп. 17. Д. 66. Л. 84–85.

внести в Совет Безопасности самостоятельное кубинское заявление по Карибскому кризису, так как не доверяла обещаниям Кеннеди¹.

Последняя попытка договориться по этому вопросу на высшем уровне была предпринята в 10-х числах декабря. В устном обращении Хрущева к президенту Кеннеди, доведенному до американской стороны 11 декабря, отмечалось, что стороны подошли к завершающей стадии ликвидации напряженности вокруг Кубы, а советско-американские отношения входят в нормальную колею, так как все те средства, которые США считали наступательными, вывезены, о чем уже было сделано заявление. Советский лидер высоко оценил понимание и гибкость, проявленные Дж. Кеннеди во время кризиса. В то же время он возложил ответственность за конфликт на США, потому что он был действительно создан американской политикой в отношении Кубы. В обращении содержался призыв к решительным шагам по окончательному завершению ликвидации напряженности².

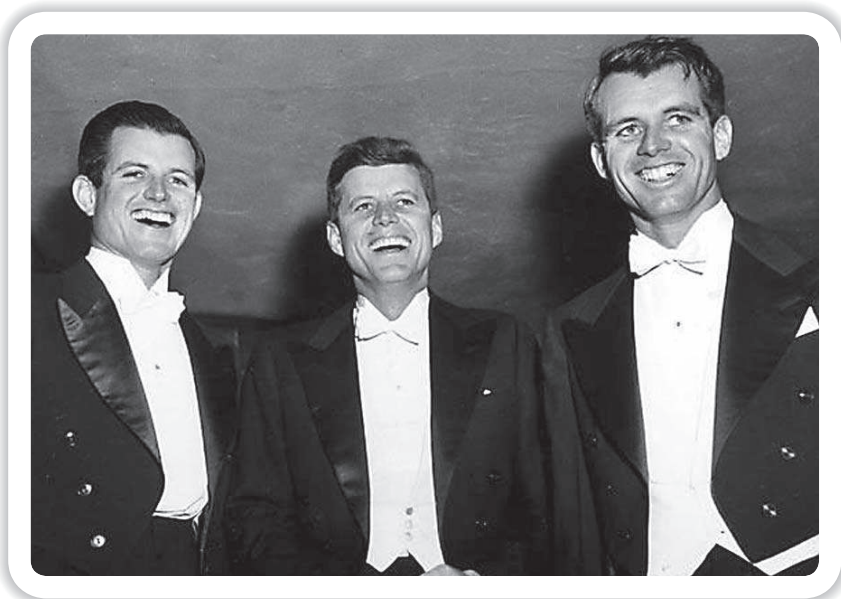
Ответ на обращение Хрущева был дан Кеннеди в письме от 14 декабря. В нем, в частности, указывалось, что США никогда не хотели быть втянутыми в результате действий других в войну на Кубе. Но, с другой стороны, Соединенным Штатам действительно нужно иметь соответствующие заверения в отношении того, что наступательное оружие не будет ввезено вновь на Кубу и что сама Куба не совершит никаких агрессивных актов против какой-либо страны Западного полушария.

Поскольку Советский Союз не был готов принять предложения США, было выдвинуто предложение продолжить обсуждение этих вопросов в Нью-Йорке. Американская сторона полностью согласилась с тем, что кризис своей большей частью сейчас уже позади, но выступила против того, чтобы позволять другим стоять на пути к быстрому завершению остающейся части без дальнейшего обострения³. Тем самым США уклонились от быстрого закрепления достигнутых соглашений и не продемонстрировали энтузиазма в их письменном оформлении.

¹ Там же. Л. 142.

² Международная жизнь. 1992. Специальный выпуск. С. 130.

³ Problems of Communism... Op. cit. P. 117–118.

Братья Кеннеди Эдвард, Джон, Роберт

В дальнейшем американская дипломатия сосредоточила свои усилия на ограничении участников урегулирования Карибского кризиса двумя сторонами — СССР и США. Американский представитель в Нью-Йорке предложил проект совместного заявления Советского Союза и Соединенных Штатов Совету Безопасности. Что касается Кубы, то, как сказал Кеннеди в беседе с Микояном в начале декабря, «кубинцы могут указать в своей декларации все, что они хотят, США это не интересует»¹. Но и текст совместной декларации не был доработан. Соединенные Штаты выступили с предложением о том, чтобы декларация не одобрялась бы Советом Безопасности, а была лишь зарегистрирована в ООН. В дальнейшем выявилось стремление американской стороны затянуть обсуждение проблемы, а затем окончательно заморозить переговоры. Об этом свидетельствовала и кампания в американской прессе, в ходе кото-

¹ Архив внешней политики РФ. Ф. 104. Оп. 17. Д. 66. Л. 151.

рой подвергался резкой критике представитель США в ООН за его «миротворческую» позицию в разрешении кризиса. Были выдвинуты обвинения и в адрес советских представителей, которые якобы «старались ввести американского президента в заблуждение».

В создавшейся ситуации был выработан компромисс. 7 января 1963 г. представитель СССР на переговорах по урегулированию Карибского кризиса Кузнецов и представитель США в ООН обратились с совместным письмом к Генеральному секретарю ООН. В нем отмечалось, что, хотя обоим правительствам «не удалось разрешить все проблемы», связанные с Карибским кризисом, они считают, что достигнутая степень согласия между ними по урегулированию кризиса делает ненужным сохранение данного вопроса в повестке дня Совета Безопасности ООН. В заключение в письме говорилось: «Правительства Соединенных Штатов Америки и Советского Союза выражают надежду на то, что предпринятые в связи с кризисом действия по предотвращению угрозы войны приведут к разрешению других разногласий между ними и к общему ослаблению напряженности» [53, с. 142].

Несколько другой была позиция кубинской стороны. В ноте в ООН правительство Кубы выразило свою уверенность в том, что ни одно соглашение не будет действенным без включения в него «пяти пунктов». В послании подтверждалась кубинская точка зрения на инспекции: «Правительство Кубы считает, что разрешить или нет инспекцию своей территории есть суверенное право нации. Абсурдом является обязательство не вторгаться на территорию другой страны. Оно равнозначно обязательству не совершать международное преступление при условии, что страна, в которую намерены вторгнуться, разрешит инспекцию своей территории» [66].

* * *

Карибский кризис ознаменовал собой апогей вооруженного противостояния СССР и США, Варшавского Договора и НАТО. Стало ясно, что надежды любой из противоборствующих сторон на победу в глобальной ядерной войне иллюзорны, что она грозит гибелью победителю вслед за побежденным. В между-

народную практику вошло понятие кризисной стабильности, означающее отказ от применения ядерного оружия в случае военно-политического кризиса.

Карибский кризис был расценен мировой общественностью как крайне опасный прецедент: возникновение даже, казалось бы, ограниченного конфликта между ядерными державами при нагнетании обстановки и угрозах применить новейшие вооружения чуть не закончилось глобальной ядерной войной. Он показал, что на международной арене складывается новое соотношение сил, что процесс этот принял необратимый характер, что стратегические ракеты стали уже не военным, а политическим оружием особого рода, средством сдерживания. После 1962 г. США и Советский Союз перестали прибегать к взаимным угрозам применить ядерное оружие, стали избегать создания конфликтных ситуаций в отношениях между собой.

3.3. Война во Вьетнаме

Опасность ядерной катастрофы 1962 г. в ходе Карибского кризиса не подействовала отрезвляюще на американское военно-политическое руководство. Верное своей политике стать лидером в третьем мире, оно ввязалось в войну во Вьетнаме.

Война во Вьетнаме 1964–1975 гг. стала одним из наиболее крупных вооруженных столкновений после Второй мировой войны. Ей предшествовала многолетняя борьба вьетнамского народа против французской колонизации, а с середины 1950-х гг., после раздела территории Вьетнама на Северную и Южную, — за единое государство.

Однако истоки борьбы относятся еще к годам Второй мировой войны, когда Вьетнам находился под управлением прогерманского французского правительства Виши. Против него воевали вьетнамские партизаны во главе с Движением Вьет Минь («Вьетмин»), возглавляемым лидером коммунистов Хо Ши Мином. Они пользовались поддержкой США, которые в составе антигитлеровской коалиции вели основную борьбу

на Тихом океане. Американские инструкторы вели боевую подготовку партизан и снабжали их оружием. Взамен этого «вьетминовцы» спасали американских летчиков, сбитых в японском тылу.

После окончания Второй мировой войны в соответствии с решением Потсдамской конференции для официального разоружения японских войск страна была разделена на две части по 16-й параллели. Франция при поддержке союзников предприняла попытку восстановить свой контроль во всех бывших французских колониях Индокитая. В сентябре 1945 г. в Индокитай севернее 16-й параллели с целью разоружения японской армии вступили гоминьдановские войска. Территорию южнее этой параллели заняли английские части. 23 сентября 1945 г. на юге была восстановлена французская колониальная администрация. В начале 1946 г. Британия вывела свои войска из Южного Вьетнама. На Севере после Августовской революции 1945 г. была образована Демократическая Республика Вьетнам (ДРВ). Президентом Республики стал Хо Ши Мин. В 1950–1951 гг. вьетнамский лидер побывал в Москве. В это время, по некоторым сведениям, он встречался и беседовал со Сталиным. Дальнейшая его жизнь связана непосредственно с освободительной борьбой вьетнамского народа против французских колонизаторов и последующей американской агрессии.

19 декабря 1946 г. французские войска развернули боевые действия на территории Демократической Республики Вьетнам. Началась Первая Индокитайская война между Францией и Вьетнамом. Она закончилась в 1954 г. после сокрушительного поражения французского экспедиционного корпуса. 21 июля 1954 г. в Женеве были подписаны соглашения о прекращении военных действий во Вьетнаме, Камбодже и Лаосе. Они устанавливали временную демаркационную линию между ДРВ и Южным Вьетнамом. Предусматривалось, что Вьетнам, а также Лаос и Камбоджа не будут входить ни в какие союзы, на их территории не будут создаваться базы иностранных государств, размещаться иностранные войска, военный персонал, а также прибывать оружие и боеприпасы. Именно с Индокитая начался развал всей колониальной империи Франции.

Своего рода переломным моментом для США в отношении Вьетнама стал 1950 г. В апреле этого года в Лондоне прошло совещание министров иностранных дел трех крупнейших государств: США, Англии и Франции, на котором была согласована программа совместных действий в Индокитае. После этого совещания Соединенные Штаты резко увеличили свою финансовую и военную помощь французской администрации в Индокитае. В 1953 г. она покрывала 43% французских затрат на войну, а в 1954 г. — до 80%. 23 декабря 1950 г. США подписали с Францией и «присоединившимися государствами» Индокитай договор о «взаимной обороне», согласно которому Франция и присоединившиеся государства обязывались принять весь прибывающий из США персонал, необходимый для претворения в жизнь этого договора. После окончания корейской войны американский интерес к Индокитаю значительно возрос. Территория ДРВ стала рассматриваться США как база для размещения военно-воздушных и военно-морских сил, позволяющая контролировать весь азиатский континент.

Соединенные Штаты расценили решения Женевской конференции 1954 г. как шаг, способствующий «распространению коммунизма» во всей Юго-Восточной Азии и наносящий удар по геостратегическим интересам США в регионе. В октябре 1955 г. в результате военного переворота к власти в Южном Вьетнаме пришел Нго Динь Дьем, занимавший проамериканские позиции. Была провозглашена Вьетнамская Республика (ВР) со столицей в Сайгоне. Южный Вьетнам фактически перешел под контроль Соединенных Штатов Америки. Они сразу же приступили к укреплению боеспособности южновьетнамской армии. Американская военная помощь с 1955 по 1960 г. составила 463 млн долларов.

Режим Нго Динь Дьема подверг массовым репрессиям не только бывших участников сопротивления, но и широкие круги населения. Реакцией на действия правительства стало восстание, начавшееся в январе 1960 г. 20 декабря 1960 г. в одном из освобожденных районов на Конгрессе патриотических сил был образован Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама (НФО ЮВ). Он сразу же встал в вооруженную оппозицию сайгонскому режиму и вскоре возглавил вос-

стание. К 15 февраля 1961 г. разрозненные отряды восставших были объединены в Армию освобождения Южного Вьетнама (АО ЮВ). По американской терминологии — Вьетконг. С 1959 г. его отряды стали поддерживаться Демократической Республикой Вьетнам. В июле 1959 г. в Южный Вьетнам проникла первая группа бойцов численностью около 4500 человек. Впоследствии они стали ядром батальонов и полков Армии освобождения Южного Вьетнама. В сентябре 1960 г. правительство Северного Вьетнама официально признало свою поддержку повстанческому движению на Юге. К этому времени на территории ДРВ уже действовали центры по подготовке бойцов из числа жителей Южных районов Вьетнама.

После образования АО ЮВ весной 1961 г. США направили в Южный Вьетнам около 500 специалистов по операциям против партизан. Вскоре «группа советников» была преобразована в Командование по оказанию военной помощи Южному Вьетнаму с дислокацией в Сайгоне. В конце 1962 г. число американских военнослужащих составляло уже 11 326 человек, а к ноябрю 1963 г. — 16 300 человек. В течение 1963 г. они совместно с южновьетнамской армией провели около 20 тыс. боевых операций. Потери США составили 78 человек. К концу 1964 г. число американских военнослужащих в Южном Вьетнаме достигло уже 23 300 человек, а к июлю 1965 г. — 81 400 военнослужащих всех категорий. С конца 1964 по июль 1965 г. Соединенные Штаты потеряли в Южном Вьетнаме 734 человека [67]. Несмотря на интенсивное обучение южновьетнамской армии американскими советниками, их прямое участие в боевых действиях и активную тыловую поддержку, Южный Вьетнам оказался неспособным защитить себя.

Образованный Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама поддержал СССР и другие социалистические страны, в том числе Китай. Советский Союз в 1961–1965 гг. передал через ДРВ Национальному фронту освобождения Южного Вьетнама в виде безвозмездной помощи 130 безоткатных орудий и минометов, 1,4 тыс. пулеметов, 54,5 тыс. единиц стрелкового оружия и боеприпасы к ним (главным образом, трофейного, немецкого производства). При этом одновременно оказывалась и значительная экономическая помощь Северному Вьетнаму.

В свою очередь, Китай за период с 1955 по 1965 г. также предоставлял ДРВ экономическую помощь.

В США рассматривали вьетнамскую войну как форму подрывной деятельности «мирового коммунизма» против стран Запада. В меморандуме Совета национальной безопасности США 273 указывалось: «Оказать помощь народу и правительству Южного Вьетнама в нанесении поражения коммунистическому заговору, поддержке и управлении им извне» [68]. Советское руководство, в свою очередь, видело во Вьетнамской войне опасность для своего влияния в коммунистическом и рабочем движении. К тому же в ход войны старалась вмешиваться Китайская Народная Республика, чье руководство оспаривало роль СССР в коммунистическом движении. Война, где США и СССР оказывали помощь противоборствующим сторонам, а войска США непосредственно участвовали в боевых действиях, во многом заблокировала возможности диалога между обеими державами. Соединенные Штаты ошибочно полагали, что, поставляя 75–80% помощи ДРВ, Советский Союз имел значительное политическое влияние на руководство ДРВ. Более того, президент США Л. Джонсон, во время правления которого проходили основные военные действия, полагал, что СССР и КНР заключили секретный договор о помощи Северному Вьетнаму [69]. Однако воздействие Китая на Северный Вьетнам, несмотря на серьезное разногласие между КНР и ДРВ, было решающим. И потому СССР, чьи поставки вооружения во Вьетнам во многом зависели от коммуникаций, проходивших через Китай, не имел особого влияния на ДРВ, хотя мог бы и рассчитывать на это.

В начале 1964 г. активность частей Армии освобождения Южного Вьетнама возросла. С 3 по 6 февраля силы АО ЮВ развернули широкомасштабное наступление против правительственных войск в провинции Тай-Нинь и в дельте Меконга. Наносились удары и по американскому военному персоналу. 2 мая группа подводников-диверсантов потопила стоявший у причала в порту Сайгона американский вертолетоносец «Кард». А 4 июля была захвачена база войск специального назначения в Нам-Донге, на севере Южного Вьетнама.

Критическая ситуация, сложившаяся в Южном Вьетнаме, а также участившиеся случаи гибели американских военно-

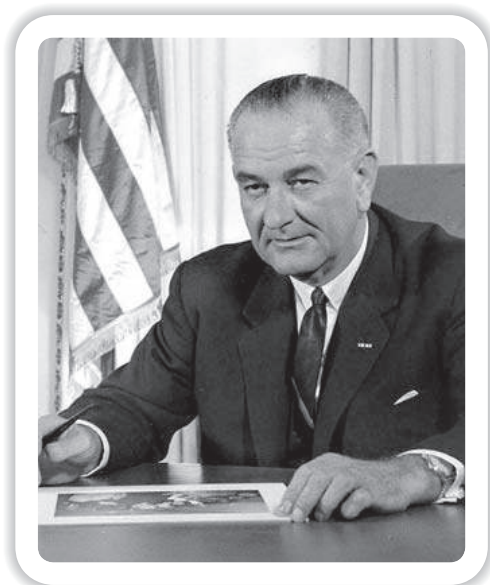
служащих подтолкнули США к более активному вмешательству. 30 июня 1964 г. на совещании южновьетнамского руководства и американских представителей было принято решение о полной изоляции НФО от ДРВ. Утвержденный на совещании план предусматривал: развертывание в Южном Вьетнаме группировки регулярных сил США, способных подавить восстание; распространение действий американских ВВС на восточные районы Лаоса и Камбоджи, через которые проходили коммуникации, связавшие ДРВ и НФО, и нанесение серии авиационных массированных ударов по объектам Северного Вьетнама (операция «Раскаты грома»). Вводилась также блокада морского побережья Индокитая. К началу августа 1964 г. численность американских войск в Южном Вьетнаме достигала 90 тыс. человек. Сайгонская армия к этому времени насчитывала 200 тыс. человек. Воинские формирования Армии освобождения Южного Вьетнама имели около 100 тыс. человек.

С этого времени фактически началась Вторая Индокитайская война, получившая во Вьетнаме название Второй войны за освобождение, а в мировой историографии — Войны во Вьетнаме. Она характеризовалась вторжением на территорию Индокитая (Вьетнам, Лаос, Камбоджа) американских экспедиционных сил и их непосредственным участием в военных действиях. Предлогом для открытого вмешательства США послужил так называемый Тонкинский инцидент. Ему предшествовал ряд «тайных операций» Соединенных Штатов против Демократической Республики Вьетнам. В начале февраля 1964 г. межминистерская группа при Совете национальной безопасности США, так называемый Комитет-303, одобрила программу проведения «тайных операций» против ДРВ. Она получила название «План 34А». Его реализация была поручена Центральному разведывательному управлению. «Планом 34А» предусматривалась заброска разведывательно-диверсионных групп в ДРВ, а также обстрел с моря объектов на ее территории. Одновременно была введена в действие программа «Де Сото», являвшаяся составной частью глобальной электронной разведки Соединенных Штатов, которая выполнялась силами разведывательных кораблей ВМС США [67, с. 133, 148, 155–156].

2 августа 1964 г. американский эсминец «Мэддокс», выполняя задание в рамках операции «Де Сото», вошел в Тонкинский пролив. Перед этим был осуществлен огневой налет по береговым объектам ДРВ по программе «План 34А». Три северовьетнамских торпедных катера береговой охраны сначала попытались «отжать» «Мэддокс» в открытое море, а затем якобы атаковали эсминец, выпустив по нему торпеды и обстреляв его. Американский эсминец ответным огнем накрыл прямым попаданием один из катеров. Спустя час, приблизительно в 17:30, четыре истребителя F-8E с американского авианосца «Тикондерога», находившегося близ берегов ДРВ, нанесли по катерам несколько ракетно-пушечных ударов. В результате один из катеров был потоплен. Правительство ДРВ уведомило об инциденте правительство США и потребовало прекратить враждебные действия против суверенного государства. 4 августа в территориальные воды ДРВ вошли уже два американских эминца — «Мэддокс» и «Тэрнер Джой». После соответствующего предупреждения они были атакованы катерами береговой охраны.

4 августа 1964 г. на заседании Совета национальной безопасности США было принято решение провести ответную карательную акцию. На следующий день самолеты с авианосцев «Тикондерога» и «Констеллейшн» нанесли бомбовые удары по пяти целям в Северном Вьетнаме. В результате было уничтожено 8 северовьетнамских катеров и 21 поврежден, взорваны топливное хранилище и другие объекты. Налетам подверглись также Лаос и Камбоджа. Американские потери составили два самолета. 7 августа 1964 г. американский конгресс счел события 4 августа достаточным основанием для предоставления президенту США Л. Джонсону право вести военные действия в Юго-Восточной Азии без формального объявления войны, на что нужно согласие конгресса, и принимать «все необходимые меры в ответ на любые вооруженные действия, направленные против вооруженных сил США». Спустя четыре года 24 июня 1970 г. сенат США был вынужден дезавуировать «Тонкинскую резолюцию» как спланированную акцию.

С 15 августа 1964 г. Комитетом начальников штабов США началась разработка плана широкомасштабных бомбардировок ДРВ и Лаоса, где проходила так называемая тропа Хо Ши Мина.

Линдон Джонсон

По этой «тропе» осуществлялось снабжение Армии освобождения Южного Вьетнама. В план были включены 94 важнейшие цели. Военное командование Соединенных Штатов планировало развертывание такой группировки вооруженных сил, которая позволила бы изолировать партизан в Южном Вьетнаме от ДРВ, Лаоса и Камбоджи и тем самым создать условия для их разгрома. Кроме того, предусматривалось нанесение массированных воздушных ударов по ДРВ, объектам НФО в Южном Вьетнаме, а также по приграничным районам Лаоса, через которые проходили пути, связывавшие ДРВ с Южным Вьетнамом. Флот США должен был не допустить переброски сил и средств из ДРВ в Южный Вьетнам морским путем.

В конце декабря 1964 г. части Армии освобождения Южного Вьетнама развернули наступление силами до дивизии и захватили населенный пункт, расположенный в 70 км к востоку от Сайгона. Одновременно в американское Командование по оказанию военной помощи Южному Вьетнаму поступили данные о сосредоточении на Центральном плоскогорье Южного Вьетнама трех полков дивизии главных сил Армии Северного Вьетнама (АСВ). Это было расценено как «настоящее втор-

жение на территорию суверенного государства». Последней каплей в решении американского руководства начать полномасштабные наземные военные действия стало нападение подразделений АО ЮВ на аэродром и вертолетную базу ВВС США под Плейку и в Кэмп-Холлоуэй. В результате этой операции погибло 9 человек, 137 американцев получили ранения, было уничтожено или выведено из строя 16 вертолетов и повреждено 6 самолетов.

Практически сразу же после атаки баз ВВС США вновь избранный президент США Л. Джонсон приказал провести акцию возмездия — удар по целям в рамках программы «Пылающая стрела». 7 февраля 1965 г. американские самолеты, базировавшиеся на авианосцах 7-го флота США, подвергли массовым бомбардировкам и ракетному обстрелу южные провинции ДРВ. 8 февраля СНБ США рекомендовал начать широкомасштабные бомбардировки и расширить участие в военных действиях в Индокитае. 13 февраля 1965 г. американский президент распорядился начать «программу проводимых совместно с Южным Вьетнамом взвешенных и ограниченных воздушных рейдов по выборочным целям на территории ДРВ». 18 февраля 1965 г. Джонсон принял окончательное решение начать массированные бомбардировки ДРВ [67, с. 176, 196]. Оно было изложено в меморандуме СНБ 328 от 6 апреля 1965 г. Его 9-й пункт гласил: «Президент одобрил следующие общие рамки дальнейших действий против Северного Вьетнама и Лаоса: нам следует в общих чертах сохранить нынешние постепенно нарастающие темпы операции «Раскаты грома», будучи готовыми наращивать удары в ответ на активизацию операций Вьетконга... В определении нынешних мишеней по-прежнему следует избегать эффективного радиуса действий МиГов. Нам надлежит продолжать варьировать типы мишеней, активизируя удары по линиям связи в ближайшем будущем с тем, чтобы через несколько недель перейти к ударам по железным дорогам к северу и северо-востоку от Ханоя». 24 апреля 1965 президент Джонсон объявил всю территорию Вьетнама и морское пространство вдоль его берегов шириной в 100 миль «районом боевых действий вооруженных сил США». К середине 1965 г. верхняя черта, ограничивавшая зону нанесения ударов, была

отодвинута с 19-й параллели до 20°33'. Был также расширен список целей. К концу года он возрос с 94 до 236. Количество боевых вылетов возросло с 200 в неделю в начале 1965 г. до 900 в конце.

Активизация боевых действий южновьетнамских партизан в конце 1964 г. против американских баз послужила основанием запроса командующим Командованием по оказанию военной помощи Южному Вьетнаму прислать два батальона морской пехоты для защиты базы в Дананг. Командующий У. Уэстморлэнд выдвинул следующий план войны. На первом этапе (до конца 1965 г.) вводились войска США (и стран свободного мира) для прекращения отрицательных тенденций в военных действиях. На втором этапе предполагался переход войск США и их союзников в наступление для овладения инициативой, нанесения поражения партизанам и регулярным войскам противника и их вытеснение из густонаселенных районов. Третий этап (12–18 месяцев после завершения второго этапа) включал разгром самых удаленных баз противника.

Решение об усилении боевых частей и подразделений было принято в начале апреля 1965 г. Оно было оформлено в меморандуме СНБ 328, в котором предписывалось использовать американские войска непосредственно в боевых действиях. В его развитие на совещании руководства и командования вооруженных сил США в Тихоокеанской зоне в Гонолулу (Гавайские острова) было принято решение об увеличении численности американских войск во Вьетнаме с 33 до 82 тыс. человек [67, с. 69]. Кроме того, Соединенные Штаты призвали своих союзников по блоку СЕАТО принять участие в войне во Вьетнаме. Австралия, Новая Зеландия, Республика Корея, Таиланд и Филиппины прислали свои войска. Канада и Великобритания отказались участвовать в военных действиях.

28 июля 1965 г. президент США объявил о своем решении расширить американское военное присутствие в Индокитае [67, с. 227]. Джонсон распорядился послать во Вьетнам немедленно 50 тыс. человек и еще 50 тыс. — к концу года и дал указание увеличить количество налетов в месяц с 2500 до 4000. Первый успешный самостоятельный бой американских подразделений состоялся 18–21 августа у базы морской пехоты.

*В ходе войны во Вьетнаме было ранено
более 300 тыс. американских военнослужащих*

14–19 ноября произошло первое крупное сражение в долине Ия — Дранг. В нем южновьетнамцы потеряли 1300 убитыми и американцы — 300. Однако место и время сражения были выбраны Армией освобождения Южного Вьетнама. Тактическая инициатива оказалась в руках АО ЮВ. С осени 1965 г. со значительным увеличением группировки США до 485 тыс. человек война во Вьетнаме стала чисто американским делом. В 1965 г. погибло 1594 человека. Боевые действия показали несоответствие тактики и подготовки военнослужащих США характеру начавшейся партизанской войны.

Уже к концу 1965 г. все провинции ДРВ (за исключением городов Ханой и Хайфон) подверглись ракетно-бомбовым ударам американцев с воздуха. В 1966 г. США усилили воздушную войну против ДРВ. Если до этого основным способом ее ведения было нанесение ударов группами в 30–60 самолетов со средних высот, то с середины 1966 г., ввиду нарастания противодействия средств ПВО ДРВ, американская авиация стала перехо-

дять к действиям мелкими группами на малых высотах — 400 м и ниже, нередко до 20 м на равнинной местности и 50–200 м — в горных условиях. Широко применялись радиолокационные помехи и средства подавления ПВО ДРВ.

В июне 1966 г. президент США разрешил военному командованию во Вьетнаме начать бомбардировки столицы ДРВ Ханоя и основного порта Хайфона. В декабре 1966 г. американская авиация приступила к бомбардировке жилых кварталов в черте столицы. При бомбардировках у международного хайфонского пирса был поврежден и советский теплоход «Белоруссия». Другой советский теплоход, «Туркестан», был обстрелян на рейде порта Камфа во время авиационного налета 2 июня 1967 г. В июле 1968 г. в порту Хайфон от разорвавшейся поблизости бомбы загорелось советское судно «Александр Грин» с грузом боеприпасов на борту. Всего с 5 августа 1964 г. по 5 августа 1966 г. количество самолето-вылетов ВВС США составило свыше 240 тыс.

Население Северного Вьетнама осталось без тыла, где можно было бы укрыться от американских бомб, ракет и снарядов. Авиации США было предписано при выборе цели следовать следующим критериям. Это должна быть значимая цель. Ее уничтожение определяется риском потерь. Наконец, уничтожение цели не должно спровоцировать эскалацию военных действий. Так, нарушение двумя американскими самолетами воздушного пространства КНР и их уничтожение в августе 1967 г. не привело к вступлению Китая в боевые действия. В соответствии с избранными критериями в январе-августе 1966 г. упор в бомбардировках был сделан на уничтожение нефтехранилищ. В октябре 1966 — мае 1967 г. основными целями стали промышленная база и электростанции. Налеты на электростанции привели к тому, что в конце 1967 г. производство электроэнергии сократилось на 85%. В 1967 г. правительство ДРВ провело массовую эвакуацию из городов населения, не занятого на производстве и не участвующего в обороне. Жизнь перешла в джунгли, в укрытия горных скал, в подземные убежища. Одновременно продолжала укрепляться противовоздушная оборона Северного Вьетнама.

По данным генерального штаба Вьетнамской народной армии (ВНА), американские бомбардировки транспортных объек-

тов составляли: в 1965 г. — 5,5 тыс. в месяц, в 1966 г. — 13 тыс., в 1967 г. — 30 тыс., в 1968 г. (до 1 ноября) их среднемесячная интенсивность возросла еще более. К концу 1966 г., помимо дорог, мостов, хранилищ ГСМ и других объектов тяжелой промышленности страны, было также уничтожено 9500 судов различного тоннажа, примерно 4100 грузовиков и 2000 единиц подвижного железнодорожного состава. Главной целью этих действий было подавление морального духа народа и армии, чтобы вынудить ДРВ прекратить оказание помощи партизанам Южного Вьетнама. Но, по данным американской разведки, бомбардировки Северного Вьетнама не сломили его волю и способность продолжать военные действия, не заставили ДРВ прекратить помощь Южному Вьетнаму.

В июне-июле 1967 г. президент США с подачи комитета конгресса санкционировал бомбардировки новых 16 объектов, 6 из которых находились на расстоянии не более 15 км от Ханоя, а одна цель, мост Думера, — рядом с центром города. 11 и 12 августа реактивные самолеты США отбомбились по мосту, а 23 августа авиация нанесла по Ханю самый массированный удар за все время, прошедшее с начала войны. После налета 11 августа северовьетнамцы отремонтировали мост Думера, через который к ним поступало оружие и другое военное имущество из Китая. 25 октября американские летчики вновь разбомбили мост. 14 и 18 декабря авиация США опять нанесла мосту сильнейшие повреждения. Эти налеты были частью программы, призванной затруднить сообщение между Вьетнамом и Китаем, изолировать Ханой от хайфонского порта и отсечь район Ханоя Хайфона от тыловых баз на юге. План Соединенным Штатам удался. К октябрю в доках Хайфона скопилось 200 тыс. т грузов, доставленных из Советского Союза. В результате очередных налетов в 1967 г. было серьезно повреждено или уничтожено 5587 грузовиков, 2511 железнодорожных вагонов и 11 763 корабля и лодки.

18 декабря 1972 г. США начали наступательную воздушную операцию под кодовым названием «Лайнбеккер-2». Общее управление операцией осуществлял оперативный центр (ОЦУ) в Таиланде, боевыми действиями руководил ОЦУ БД в Сайгоне, непосредственное управление выполнял воздушный команд-

ный пункт (ВКП). Для обеспечения «Лайнбеккер-2» привлекалась часть сил 7-го флота. В основу замысла были поставлены задачи: завоевать в кратчайшие сроки абсолютное господство в воздушном пространстве ДРВ; создать тяжелую психологическую обстановку, которая способствовала бы дезорганизации вьетнамской армии и населения. Для этого планировалась непрерывность воздействия, то есть проведение бомбардировок как днем, так и ночью.

«Лайнбеккер-2» проводилась в два этапа: 18–24 и 26–30 декабря. Основной ударной силой при этом являлась стратегическая авиация, впервые применявшаяся в таком массовом количестве (всего около 800 боевых самолетов, в том числе 83 — В-52, 36 — F-111, 54 — А-7D). Среди новшеств было построение удара американской стратегической авиации.

Первая группа (самолеты F-4) постановки пассивных помех (ПП) и блокирования аэродромов опережала ударные группы на 15 минут и шла на высоте 6–7 км. Вторая группа (F-105) предназначалась для выявления и подавления средств ПВО (4–6 самолетов, вооруженных противорадиолокационными снарядами AGM-45 «Шрайк», AGM-78 «Стандарт ARM») и действовала за одну-две минуты до подлета ударных групп на высоте 3–4 км. Третья группа (F-4) осуществляла непосредственное прикрытие ударных групп (от 2 до 6 самолетов на отряд В-52) и шла на высоте 8–9 км. Ударная группа включала несколько отрядов по три бомбардировщика В-52 в каждом. Она действовала на высоте в среднем 10,4 км. При этом боевые действия авиации активно обеспечивались средствами радиоэлектронной борьбы (РЭБ) — постановкой активных шумовых помех (АШП) со специальных самолетов РЭБ и кораблей 7-го флота, а также самолетов ударных групп и групп обеспечения ВВС; ответно-импульсных помех — с самолетов ударных групп и самолетов групп обеспечения ВМС; пассивных помех — с самолетов стратегической, тактической и авианосной авиации.

Массированные налеты, как правило, проводились по одному району, в котором выбиралось несколько объектов поражения. Это позволяло сосредоточивать усилия ударных групп на основных целях и создавать наиболее выгодные для их действий условия. В ходе операции американцы широко применяли бом-

бы с лазерными, телевизионными, инфракрасными и другими головками самонаведения, которые обеспечивали более высокую точность попадания по малоразмерным объектам. Наиболее часто применялись управляемые авиационные бомбы с полуактивной головкой самонаведения — по отраженному лазерному лучу.

Фактически «LINEBACKER II» продолжалась с 18 по 29 декабря, и за этот период самолеты ВВС и ВМФ США совершили: В-52 — 724 и штурмовики — около 640 боевых вылетов, сбросив примерно 20 тыс. тонн бомб. Кроме того, было осуществлено еще 1384 боевых вылета по поддержке действий ударной авиации (для создания помех системам локаторов, проведения дозаправки в воздухе, истребительного прикрытия, подавления ракетных установок и радаров). В результате двенадцатидневной кампании военный потенциал Северного Вьетнама, его промышленность и экономика оказались практически уничтоженными. Все аэродромы лежали в руинах, к тому же у ПВО кончились ракеты, и в последние три дня операции американские самолеты выполняли боевые задания в условиях практически полного отсутствия зенитного и истребительного противостояния. Потери авиации США от всех средств ПВО противника, вместе взятых, составили всего 26 самолетов (включая 15 В-52).

Первые американские регулярные части высадились в портах Дананг, Камрань и других пунктах 6 марта 1965 года (по другим данным, на рассвете 8 марта). К октябрю 1965 г. в Южном Вьетнаме уже находились 173-я отдельная воздушно-десантная бригада, 1-я пехотная и 101-я воздушно-десантная дивизии, 1-я аэромобильная, 25-я пехотная дивизии и ряд частей специальных войск общей численностью, по данным разведки ДРВ, 190 тыс. человек.

Разрушительные бомбардировки Демократической Республики Вьетнам, Лаоса и Камбоджи не смогли остановить действий Армии освобождения Южного Вьетнама. Начав примерно с 5000 человек в 1959 г., отряды партизан выросли до 100 тыс. человек к концу 1964 г. Армия Республики Вьетнам (АРВ) насчитывала к этому времени уже почти миллион военнослужащих. В декабре 1964 г. АРВ понесла серьезные потери

при Бинь Гиа. В этом бою отряды АО ЮВ впервые отказались от партизанской тактики и вели регулярные боевые действия.

Непрерывные поражения сайгонской армии зимой 1964 — весной 1965 г. поставили США перед необходимостью взять на себя основную роль в ведении боевых операций. 8 марта 1965 г. в Южном Вьетнаме (в районе Дананга) высадились первые части американской морской пехоты, а в апреле было создано командование сухопутными войсками США во Вьетнаме во главе с генералом У. Уэстморлендом. К этому времени Соединенные Штаты добились согласия своих союзников по военным блокам (Южной Кореи, Таиланда, Филиппин, Австралии и Новой Зеландии) направить в Южный Вьетнам воинские контингенты для борьбы против южновьетнамских патриотов. 27 июня 1965 г. американские войска провели первую крупную операцию к северо-западу от Сайгона. В ней были задействованы 173-я воздушно-десантная бригада Соединенных Штатов, 1-й батальон Королевского Австралийского полка и пять пехотных батальонов армии Республики Вьетнам. 8 июля государственный департамент США официально объявил о предоставлении американскому командованию в Южном Вьетнаме полномочий по использованию американских войск не только в оборонительных боях, но и в наступательных боевых действиях против партизан. На юге Вьетнама в первом полугодии 1965 г. крупные сражения произошли у г. Шонгбе, в районе Бажа и Куангнгай и близ г. Донгсоай (севернее Сайгона). Американские и южновьетнамские части избежали в этих сражениях полного уничтожения лишь благодаря действиям американской авиации. Летом 1965 г. отряды Армии освобождения Южного Вьетнама и северовьетнамцы вступили в непосредственное соприкосновение с южновьетнамскими и американскими войсками и вели серьезные бои. Чтобы предотвратить проникновение противника по «тропе Хо Ши Мина», представлявшей собой систему горных троп в приграничных районах Южного Вьетнама, правительство США разрешило своим войскам преследовать противника на территории Камбоджи и усилило бомбардировку восточных районов Лаоса. 14–15 ноября была одержана и первая победа, оказавшая большое психологическое воздействие на сильно

деморализованные части южных вьетнамцев. Она привела к отходу отрядов партизан и северовьетнамской армии к границе с Камбоджей. В этом первом крупном столкновении американских и северовьетнамских войск 1-я кавалерийская дивизия США потеряла 79 человек убитыми и 121 ранеными. Потери вьетнамцев составили около 1200 человек убитыми (по американским данным) и большое количество раненых. Следующая наступательная операция американско-сайгонских войск была начата в ноябре 1965 г. Однако она не принесла желаемых результатов. В итоге в апреле 1966 г. американское командование отдало своим частям приказ оставить целый ряд районов и населенных пунктов.

Численность американского экспедиционного корпуса быстро возрастала и к концу 1965 г. превысила 185 тыс. человек. В течение сухого сезона 1965/66 г. (октябрь-май) американское командование пыталось, опираясь на прибрежные базы, серией мобильных ударов захватить освобожденные районы Центрального Вьетнама (Плейку, Контум), рассеять силы южновьетнамских патриотов надвое, прижать их к границам Лаоса и Камбоджи, а затем уничтожить. Операции сухопутных сил США поддерживались массированными воздушными ударами. Американские войска превратили Вьетнам в огромный полигон для испытания и усовершенствования сотен видов вооружения и боевой техники. Они ввели в практику употребление средств массового уничтожения (напалм, фосфор, ядовитые газы и отравляющие вещества) против воинов патриотических сил и гражданского населения. Ими уничтожались посевы, растительность и леса в освобожденных районах, применялась тактика «выжженной земли». Несмотря на использование США большого количества боевых средств, их военные планы терпели неудачу за неудачей. Армия освобождения Южного Вьетнама не только отразила натиск противника, но и расширила освобожденную зону и вынудила противника в течение октября-декабря 1965 г. вести изнурительные оборонительные бои.

В начале 1966 г. американские войска пытались перейти в общее наступление. Было принято решение переключить основные силы южновьетнамской армии на проведение миро-

творческих операций с целью обеспечения безопасности густонаселенных сельских районов, таких как дельта Меконга. Тем временем армия США предприняла мощную, хотя так и не достигшую цели операцию по прочесыванию местности, целью которой было уничтожение живой силы противника. Основные военные действия в 1966 г. происходили в центральных прибрежных провинциях, центральных горных провинциях Контум и Плейку, граничащих с Лаосом и Камбоджей, а также в районе, расположенном южнее демилитаризованной зоны. В ходе операций «поиск и уничтожение» американские войска широко применяли тактику «выжженной земли». Однако наступление было сорвано активными действиями Армии освобождения.

Весной 1966 г. в прибрежных провинциях Центрального Вьетнама и в районе Контум — Плейку бои возобновились с новой силой. США и их союзники предприняли попытку окружить части Армии освобождения, но сами оказались окруженными и понесли тяжелые потери, несмотря на мощную поддержку авиации, в том числе стратегических бомбардировщиков В-52. Ряд операций на «поиск и уничтожение» в провинциях, прилегающих к Сайгону, также не имел сколько-нибудь значительного успеха. Нарастившая свою военную мощь, США вводили в Южный Вьетнам все новые контингенты войск и боевой техники. К концу 1966 г. численность американской экспедиционной армии удвоилась и составила 380 тыс. человек.

Общая же численность войск США, стран-союзниц (Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия) и южновьетнамской армии превышала 1 млн человек. Эти силы имели в своем распоряжении 4500 самолетов и вертолетов, около 3000 артиллерийских орудий, 3500 бронетранспортеров и танков. Им, в свою очередь, противостояло 280 тыс. человек, сведенных в 152 боевых батальона и около 200 отдельных рот. Примерно 50 тыс. из них приходилось на бойцов армии Северного Вьетнама.

В начале 1967 г. американское командование начало подготовку ко второму «стратегическому контрнаступлению». К этому времени США сосредоточили в Южном Вьетнаме 7-ю воздушную армию, а в Таиланде — значительную часть 13-й воздушной армии и 3-й дивизии стратегического авиационного командования (самолеты В-52). У берегов Вьетнама постоянно

находилось 3 ударных авианосца, самолеты которых действовали главным образом против ДРВ. В этом районе было сосредоточено около 4000 боевых, вспомогательных и транспортных самолетов и вертолетов США. В первые месяцы 1967 г. США предприняли массированное наступление на опорные базы повстанцев. Одной из поставленных задач было уничтожение деревень, контролируемых Фронтом национального освобождения Южного Вьетнама. Жители подозрительных деревень выселялись из своих домов, которые затем сжигались или сносились бульдозерами, а крестьян переселяли в другие районы.

Военные действия в Южном Вьетнаме в сухой сезон 1966–1967 гг. приобрели характер затяжной очаговой борьбы за отдельные пункты и районы в пяти провинциях, примыкающих с юга к демилитаризованной зоне. Крупнейшие операции («Этлборо», «Сийдер фоле», «Джанкшен сити») были проведены в провинции Тэйнинь, к северо-западу от Сайгона, где, по данным разведки, находилась главная база НФО. Сюда в поддержку американской морской пехоте, которая вела кровопролитные бои, были направлены американские пехотные войска. В самой крупной операции — «Джанкшен Сити» («Junction City») было задействовано около 45 тыс. американских солдат и офицеров, 800 танков и бронетранспортеров. Однако ни одна из операций не привела к «умиротворению» района. Партизаны успешно избегали крупных столкновений и наносили точечные удары из засад. При этом именно они определяли место, время, способ и объект нападения, преследуя единственную цель: уничтожение живой силы противника и его баз. Если же они попадали в безвыходное положение и не могли выбраться из него, то отчаянно дрались. В остальных районах страны боевые действия в основном сводились к нападениям партизан и контратакам правительственных войск. Исключение составляли лишь крупномасштабные наступательные операции, предпринятые Армией освобождения Южного Вьетнама в октябре у Локниня, в районе камбоджийской границы, и в ноябре у Дакто, на Центральном плато.

Потери американско-сайгонских войск за время второго контрнаступления составили 175 тыс. человек, 1800 сбитых и поврежденных на земле вертолетов и самолетов. За все вре-

Если бы войны оставляли только такие следы...

мя боевых действий вьетнамцы широко использовали тактику «захвата за пояс», которая выработалась еще во время войны с французами. Ее суть заключалась в ведении военных действий на минимальных расстояниях от противника, чтобы не попасть под его обстрел. Причем для вьетконговцев не имело значения, за кем оставалась территория после боя. Главным фактором в таких боях был «человеческий». Тем не менее, по оценкам американской разведки, потери вьетконга в живой силе (включая военнопленных и небоевые потери) с января по июнь 1967 г. превышали 15 тыс. человек ежемесячно.

Одной из отличительных сторон боевых действий сухопутных войск и морской пехоты США к этому времени стало широкое использование вертолетов для перебросок войск и грузов и подавления огня в зонах высадки (например, в мае-июне 1967 г. в среднем ежесуточно совершалось 8–11 тыс. вертолетовылетов, перебрасывалось свыше 10 тыс. солдат и офицеров и значительное количество грузов). Отряды Армии освобождения Южного Вьетнама и партизаны, в свою очередь, широко

использовали систему подземных тоннелей и опорных пунктов, укрепленных бункерами в наиболее важных районах. Эта разветвленная система, с большим количеством соединительных ходов и запасных выходов, была приспособлена как для боя, так и для маневрирования под землей. Кроме того, Армия освобождения и партизаны часто прибегали к военным действиям ночью, что мешало противнику эффективно применять авиацию и артиллерию. В результате США и его союзникам пришлось перейти к стратегической обороне. Стратегическая инициатива по-прежнему оставалась у патриотических сил.

К началу сухого сезона 1967–1968 гг., когда американцы запланировали крупные военные операции, в Южном Вьетнаме насчитывалось 475 тыс. американских военнослужащих, на кораблях 7-го флота у побережья Вьетнама — 40 тыс. Соединенные Штаты сосредоточили в Южном Вьетнаме 6 армейских дивизий (1-я, 4-я, 9-я и 25-я пехотные, 1-я аэромобильная и 101-я воздушно-десантная), 2 дивизии морской пехоты (1-я и 3-я) и 4 отдельные бригады (11-я, 196-я и 199-я легкие пехотные и 173-я воздушно-десантная). Кроме того, там находилось 11 дивизий сайгонских войск, 2 дивизии и 1 бригада южнокорейских военнослужащих, австралийские, новозеландские, тайландские и филиппинские войска. Общая численность этих войск составила в конце 1967 г. около 1300 тыс. военнослужащих. Если расходы США на войну во Вьетнаме достигли в 1966/67 финансовом году 24,5 млрд долларов, то в 1968/69 ф.г. было запланировано истратить на эти цели более 26 млрд долларов. В свою очередь, руководство Северного Вьетнама, надеясь переломить ход войны, в середине 1967 г. начало планировать широкомасштабное наступление на юге, целью которого было свержение южновьетнамского правительства и создание политических предпосылок для вывода американских войск. Впервые с начала войны удары должны были наноситься по крупнейшим южновьетнамским городам. Чтобы оттянуть силы США в отдаленные районы страны, осенью 1967 г. северовьетнамское командование спровоцировало серию так называемых пограничных сражений. В районе демилитаризованной зоны развернулось 70-дневное сражение у Контхьена, где морская пехота США вынуждена была перейти

к изнурительной позиционной обороне, к которой она оказалась совершенно не приспособленной.

В 1968 г. численность личного состава американского экспедиционного корпуса превысила 550 тыс. Кроме того, в военных действиях приняли участие 33 тыс. летчиков и моряков 7-го флота США, 237 тыс. входили в органы службы тыла, 48 тыс. летчиков и солдат располагались в Таиланде и на базах США в других районах Юго-Восточной Азии. Численность союзнических войск (Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия и Таиланд) составляла 69 тыс. человек. Во главе этих объединенных вооруженных сил был поставлен генерал У. Уэстморленд. В составе находившегося в его подчинении командования американских войск в Южном Вьетнаме было сформировано два полевых объединения. Вместе с ними действовало американское (десантное) объединение морской пехоты, включавшее две дивизии, два авиакрыла и части обеспечения.

В январе 1968 г. начались длительные бои в долине Кхесань (в 25 км к югу от 17-й параллели). Тогда же были нанесены удары по крупнейшим базам американцев, что явилось как бы прологом к общему широкому наступлению народных вооруженных сил. Командование США было осведомлено о готовящейся наступательной операции, однако недооценивало ее масштаб. Определенную роль сыграл и фактор неожиданности — наступление началось в разгар Тет (новый год по лунному календарю) — самого почитаемого праздника во Вьетнаме, на время которого обе воюющие стороны несколько лет подряд объявляли односторонние перемирия. В ночь с 29 на 30 января 1968 г. силы Северного Вьетнама и НФОЮВ при широкой поддержке и в ряде случаев при прямом вооруженном содействии населения начали внезапное и хорошо координированное по времени наступление по всему Южному Вьетнаму, в том числе непосредственно в столице страны Сайгоне. Были также атакованы такие важнейшие города, как Хюэ (Гуэ), Дананг, Нячанг, Куинен, Далат (всего 43 города), и сотни более мелких населенных пунктов. Нападению подверглись все крупнейшие авиабазы США, а также штаб командования США во Вьетнаме и американское посольство в Сайгоне. Бои за Сайгон шли около двух недель, а за Гуэ — почти месяц. Размах и мощь этого на-

ступления были для американского командования совершенно неожиданными. Сайгон был фактически осажден патристическими силами, вокруг него образовался «красный пояс». Американские и южновьетнамские войска при отражении наступления воспользовались всей имеющейся у них огневой мощью (древняя столица Гуэ была разрушена на 80%) и нанесли поражение нападавшим.

Тетское наступление завершилось к началу марта 1968 г. Южновьетнамское правительство осталось у власти. Гуэ был освобожден после одного из самых ожесточенных сражений войны. АО ЮВ понесла большие потери (около 45 тыс. бойцов из 84 тыс. участвовавших в нем). Следующее серьезное наступление (мини Тет) произошло в мае 1968 г. На этот раз партизаны сумели перерезать несколько критически важных линий коммуникаций, а также захватить некоторые пригородные районы Сеула. После проведения атак вьетконговцы, не закрепляясь на захваченных рубежах, отходили на свои позиции. В ответ США и их союзники перешли в мае в контрнаступление. Генерал Уэстморленд полагал, что большие потери противника дают возможность добить его, и запросил дополнительно 206 тыс. военнослужащих для расширения операций.

В военном плане наступления Армии освобождения Южного Вьетнама и северовьетнамцев завершились провалом, но в политическом и психологическом они оказались переломным моментом во Вьетнамской войне. Они, очень широко освещавшиеся средствами массовой информации, разуверили американское общество в успехах США во Вьетнаме. Сам факт того, что силы НФОЮВ сумели провести такие операции, показывал, что они не истощены и продолжают борьбу. Осада Кхесани, сражения за Сайгон и Гуэ выглядели предвестниками катастрофы. В контексте роста антивоенных настроений запрос Уэстморленда не мог быть удовлетворен. Президент Джонсон дал согласие лишь на отправку небольшого подкрепления, а 31 марта выступил с телеобращением к нации, в котором объявил о прекращении бомбардировок Северного Вьетнама (за исключением южной части страны), намерении начать мирные переговоры с противником и о своем решении не баллотироваться на очередных президентских выборах. Это было обусловлено тем, что

рейтинг Джонсона упал с 48 до 36%. Боевые действия северных вьетнамцев и Вьетконга подвигли США к новым шагам по мирному урегулированию конфликта. Консультации по этому вопросу были начаты в мае 1968 г. между представителями ДРВ и США в Париже. Они застопорились в декабре после отказа участвовать в них делегации Южного Вьетнама и приказа президента Джонсона (от 29 октября) приступить к массированным наступательным операциям в Южном Вьетнаме сухопутными силами. Но все же они завершились достижением договоренности о полном и безусловном прекращении Соединенными Штатами бомбардировок и других военных действий против Северного Вьетнама. Была достигнута договоренность о проведении в Париже четырехсторонних заседаний с участием представителей ДРВ, НФО, сайгонского режима и США для поисков путей политического урегулирования вьетнамской проблемы.

В ноябре 1968 г. на президентских выборах в США победил Ричард Никсон, выступавший под лозунгом завершения войны «почетным миром». В соответствии с провозглашенной им «доктриной Никсона» американская политика в регионе была направлена на усиление вооруженных сил Южного Вьетнама, ограничение поставок вооружений в Южный и Северный Вьетнам и создание предпосылок для скорейшего вывода своих войск.

К началу 1969 г. для ведения военных действий во Вьетнаме США использовали 37% морской пехоты, 41% боевых самолетов тактических ВВС, до 20% ударных авианосцев, 30% самолетов и вертолетов армейской авиации и более 20% стратегических бомбардировщиков. Ежемесячно на театр военных действий из США в течение 1968–1969 гг. перебрасывалось более 2 млн т различных военных грузов. С начала войны и до конца 1968 г. ВВС США совершили свыше 900 тыс. самолето-вылетов на ДРВ, на расположение сил освобождения Южного Вьетнама и Лаоса и сбросили около 2,3 млн т бомб. За то же время в Южном Вьетнаме против Армии освобождения войска США и их союзников провели более 500 поисково-карательных операций силами от батальона до нескольких бригад, из которых большинство оказалось безуспешными. Если в первые годы войны

Лицо вьетнамской войны

во Вьетнаме командование США пыталось проводить крупные наступательные операции, то под ударами Армии освобождения оно было вынуждено отказаться от них и перейти с начала 1968 г. к оборонительно-сдерживающим действиям, главным образом к «мобильной обороне», имея основные силы сосредоточенными на важнейших базах и в опорных пунктах. Потери авиации США в 1968 г. в среднем составили свыше 70 самолетов в месяц, а всего за период с 5 августа 1964 г. по 31 октября 1968 г. — 3243 самолета; за тот же период было потоплено и повреждено 143 американских военных судна. Потери США убитыми и ранеными во Вьетнаме к середине 1969 г. достигли, по официальным данным американского военного командования, 280 тыс. человек, что значительно больше потерь США в Корее в 1950–1953 гг. и приближается к размерам людских потерь США в годы Первой мировой войны.

Явная чувствительность общественности США к потерям в войне привела к изменению целей НФОЮВ и ДРА в Южном Вьетнаме. В начале 1969 г. первоочередной задачей ставилось

нанесение потерь американским войскам. В феврале и мае войска Северного Вьетнама атаковали ряд американских баз. Атаки не дали результатов. Первый конкретный план действий США во Вьетнаме весной 1969 г. сводился к следующему: 1) завершение войны с помощью дипломатии; 2) ограничение наращивания военного присутствия США во Вьетнаме; 3) постепенная передача ответственности за ведение боевых действий правительству Южного Вьетнама; 4) укрепление боеспособности Вооруженных сил Республики Вьетнам. В марте 1969 г. Никсон впервые заявил о критериях одностороннего вывода американских войск из Вьетнама. 8 июня того же года, во время встречи с президентом Республики Вьетнам на острове Мидуэй, американский президент озвучил приказ о выводе 25 тыс. американских военнослужащих.

В то же время продолжались и боевые действия. 15 марта 1969 г. Никсон отдал секретное распоряжение о бомбардировках базового района партизан, находившегося вблизи вьетнамской границы в Камбодже. В период с апреля по август бомбовые удары были нанесены еще по ряду районов, расположенных примерно в 10 км от границы Камбоджи и Вьетнама. Эти тайные рейды продолжались до мая 1970 г., когда с них сняли покров секретности. А в июле 1969 г. начался планомерный вывод войск США из Вьетнама, продлившийся более трех лет. С началом отвода войск Соединенные Штаты и их союзники по СЕАТО утратили стратегическую инициативу. Их участие в военных действиях приобрело характер арьергардных боев. Американцам не удалось провести эффективную реорганизацию и усиление боевых возможностей вооруженных сил Южного Вьетнама.

С 1969 г. американская армия во Вьетнаме начинает морально разлагаться. Причинами разложения, по-видимому, являлись видимая для солдат бессмысленность долгой войны и изматывающие партизанские действия противника. Среди военнослужащих распространялась наркомания. Так, в 1969 г. за употребление наркотиков было задержано военной полицией 8440 человек, что составляло 0,157 человека на 1000. В 1970 г. число военнослужащих, арестованных по той же причине, составило уже 11 058, то есть 0,273 человека на 1000. Всего же

в 1970 г., по данным американского командования, во Вьетнаме насчитывалось 65 тыс. военнослужащих, употреблявших наркотики. В 1971 г. прием наркотиков по сравнению с 1970 г. вырос в 15 раз. По некоторым сведениям, значительную роль в распространении наркотиков играли китайские спецслужбы. К слову сказать, позже такие же «наркооперации» широко проводились американскими спецслужбами против советских военнослужащих в Афганистане.

С начала 1970 г. американские войска стали предпринимать рейды против баз АО ЮВ на территории Камбоджи и проводить бомбардировки нейтральной зоны вдоль камбоджийско-вьетнамской границы. В марте в Камбодже произошел переворот. Новое правительство Лон Нола попыталось выдворить находившиеся на базах войска Северного Вьетнама, но потерпело неудачу. Для помощи Лон Нолу США и Южный Вьетнам были вынуждены в конце апреля ввести свои войска в Камбоджу. Через два месяца американская армия покинула Камбоджу по распоряжению Никсона (южновьетнамские войска оставались там до осени). Эти действия привели к очередной вспышке антивоенных выступлений в США. Деморализация американской армии усиливалась. В 1970 г. наркотики во Вьетнаме принимали 65 тыс. военнослужащих США.

В феврале-марте 1971 г. войска Южного Вьетнама при поддержке авиации США попытались перерезать «тропу Хо Ши Мина» на территории формально нейтрального Лаоса. В самом Южном Вьетнаме в 1971 г. американские войска уже не проводили значительных боевых операций. Южновьетнамские войска потерпели поражение и в панике отступили. Американская авиация была вынуждена уничтожать с воздуха брошенные оружие и военную технику, включая танки. В марте 1971 г. Соединенные Штаты начали вывод своих войск из Южного Вьетнама. На родину была отправлена 5-я группа специальных войск — первая боевая часть, введенная в Южный Вьетнам. К концу года группировка сократилась до 196 тыс. человек. В 1971 г. вывели свои войска Австралия и Новая Зеландия.

30 марта 1972 г. на территории Южного Вьетнама началось крупное наступление войск Армии освобождения Южного Вьетнама и частей Северного Вьетнама, сведенных в 14 ди-

визий и 26 отдельных полков. Их численность составила около 125 тыс. человек, и впервые с начала войны они были усилены несколькими сотнями танков. Наступление проводилось в трех направлениях — в разных частях Южного Вьетнама. В результате многомесячных боев сайгонская армия понесла серьезные потери. Только за 6 месяцев ведения боевых действий были убиты и взяты в плен 325 тыс. человек, сбиты и уничтожены на аэродромах 2050 самолетов и вертолетов, уничтожены и захвачены 6300 военных машин, 1500 пушек и минометов противника, а также десятки тысяч тонн военного снаряжения. Значительными были и потери противоборствующей стороны. Благодаря поддержке авиацией США вооруженные силы Южного Вьетнама выдержали натиск противника; тем не менее часть территории Южного Вьетнама оказалась в руках Фронта Национального Освобождения. Стало очевидно, что без американской авиации южновьетнамцы не смогут обороняться.

Успешные действия Армии освобождения и северовьетнамских войск, поставившие сайгонские власти перед угрозой поражения, повлекли за собой ужесточение мер со стороны Соединенных Штатов. Чтобы перекрыть поставки вооружения в Южный Вьетнам, президент США отдал приказ заминировать порты и внутренние воды ДРВ. По официальному заявлению, это делалось исключительно в целях «защиты американских войск и прекращения агрессии в союзной стране». В своем выступлении 8 мая 1972 г. по радио и телевидению, избегая выражения «морская блокада», он отметил, что военные корабли США не будут перехватывать иностранные суда, направляющиеся в северовьетнамские порты, или производить на них досмотр груза. В то же время попытки разгрузки судов на пляжах Северного Вьетнама, вне портов, будут пресекаться самолетами и судами американского и южновьетнамского флота. ДРВ и Советский Союз выступили с резким осуждением политики США, назвав ее «агрессивной». Для оказания помощи в борьбе с минной опасностью во Вьетнам была направлена группа военно-морских специалистов. В то же время советское руководство усилило давление на вьетнамскую сторону с целью склонить ее к разрешению ситуации переговорным путем.

В середине июня 1972 г. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Подгорный нанес визит в Ханой, где откровенно высказал вьетнамцам позицию Москвы. Затяжная война ставила под угрозу наметившиеся между СССР и США соглашения о разрядке, контроле над вооружением, а также американских займах и поставках пшеницы. В скорейшем окончании войны стало заинтересовано и китайское руководство. После визита в 1972 г. в КНР американского президента оно увидело возможность сравнить Советский Союз и Соединенные Штаты и при помощи последних разрешить многолетний тайваньский вопрос.

В связи с продолжающимся ростом антивоенных настроений в США успех операции в Южном Вьетнаме мог привести к завершению войны на условиях, выгодных Северному Вьетнаму. В целом же неудачный исход наступления и давление СССР и КНР вынудили руководство Северного Вьетнама летом 1972 г. активизировать переговоры с американскими представителями в Париже, чтобы дать США возможность скорейшего выхода из войны на «почетных» условиях. Однако камнем преткновения стала позиция южновьетнамского президента, заставившего американскую делегацию выдвинуть явно неприемлемые для северовьетнамской стороны предложения. В середине декабря представители Северного Вьетнама отказались от продолжения переговоров. В ответ США провели самую мощную за всю войну двухнедельную операцию воздушных бомбардировок Северного Вьетнама. В начале января 1973 г. переговоры возобновились, и 27 января было подписано Парижское мирное соглашение. Выполняя подписанное соглашение, 29 марта 1973 г. США завершили вывод своих войск из Южного Вьетнама. 1 июля 1973 г. конгресс Соединенных Штатов принял, а президент подписал закон, запрещающий после 15 августа того же года любые, прямые или косвенные, боевые действия над или около Лаоса, Камбоджи и обоих Вьетнамов.

После подписания соглашения южновьетнамские войска имели численность более миллиона человек. Вооруженные силы Северного Вьетнама, дислоцированные на территории Южного, насчитывали более 200 тыс. солдат. Соглашения о прекращении огня на территории Южного Вьетнама не выполнялись. Бои

продолжались. Северный Вьетнам перебрасывал подкрепление и технику на юг, что было облегчено прекращением американских бомбардировок. Кризис экономики Южного Вьетнама, как и уменьшение объемов американской военной помощи под давлением конгресса в 1974 г., способствовали падению боеспособности южновьетнамских войск. Они теряли контроль над все большим количеством районов Южного Вьетнама и несли потери. В конце 1974 г. Армия освобождения Южного Вьетнама и северовьетнамские части провели операцию по захвату провинции Фуоклонг, чтобы проверить реакцию США. Новый американский президент Форд не смог добиться от конгресса ассигнований на помощь Республике Вьетнам до того, как она перестанет существовать. Убедившись, что Соединенные Штаты не намерены возобновлять свое участие в войне, в начале марта 1975 г. АО ЮВ и северовьетнамские войска развернули широкомасштабное наступление. В результате двухмесячной операции они заняли большую часть Южного Вьетнама и подошли к Сайгону. 30 апреля 1975 г. война во Вьетнаме закончилась.

В войне во Вьетнаме вооруженные силы Демократической Армии Республики Вьетнам потеряли 250 тыс. убитыми и 1 млн ранеными, вооруженные силы США — 58 300 убитыми и 303 600 ранеными, Южная Корея — 5000 убитыми и 11 000 ранеными, Австралия — 500 убитыми и 2400 ранеными. Потери Филиппин, Таиланда и Новой Зеландии составили 500, 350 и 37 военнослужащих убитыми соответственно.

Вмешательство Соединенных Штатов в войну во Вьетнаме потребовало от его военно-политического руководства решения ряда сложнейших проблем внешней и внутренней политики.

Ввод войск не принес немедленной победы над заведомо более слабыми южновьетнамскими партизанскими отрядами и подразделениями Армии освобождения Южного Вьетнама. Опыт локальной войны в Корее оказался бесполезным. Потребовалось переобучение американских войск и войск союзников США «противоповстанческим действиям». Тем не менее для их ведения было задействовано 500 тыс. американских военнослужащих, 1000 тыс. солдат южновьетнамской армии, до 70 тыс. войск союзников (Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия и Таиланд). Для обеспечения военных действий потребовалось

развернуть объединенное командование вооруженных сил США и задействовать силы и средства командования американских войск в зоне Тихого океана.

В ходе войны во Вьетнаме шла доработка глобальной системы оперативного управления (ГСОУ) вооруженными силами США. Для организации управления на Вьетнамском театре военных действий был создан объединенный центр военных действий. Он осуществлял взаимодействие с центром управления боевыми действиями сухопутных войск, центром управления тактической авиации (ЦУТА) и тактическим флагманским центром управления оперативного соединения ВМС. На приморских направлениях ЦУТА взаимодействовал с центром управления авиации ВМС.

На оперативно-тактическом уровне командные пункты армейских корпусов взаимодействовали с центром непосредственной авиационной поддержки (ЦНАП) и центром управления и оповещения ВВС (ЦУО). ЦНАП координировал совместные действия самолетов и вертолетов ВВС и армейской авиации. ЦУО контролировал воздушное пространство, осуществлял наведение истребителей-перехватчиков и выполнял задачи по радиолокационному управлению всей привлекаемой авиации. В тактическом звене взаимодействие сухопутных войск и авиации осуществлялось между командными пунктами соединений и частей и центрами непосредственной авиационной поддержки (ЦНАП), командами управления тактической авиации (КУТА) и передовыми авианаводчиками (ПА) [70]. Для обеспечения управления войсками использовались: запасной центр в Перл-Харборе (Гавайские острова), районные центры в Футю (Япония) и на базе Кларк (Филиппины). Кроме того, были специально развернуты районные центры в Сайгоне (Южный Вьетнам) и Бангкоке (Таиланд).

На стратегическом уровне коротковолновую связь обеспечивали стратегические ретрансляционные узлы в Макклеллане, Дэвисе и Сан-Франциско (западное побережье США), Перл-Харборе, Гонолулу и Хикаме (Гавайские острова), Андерсене (остров Гуам), Кадене (остров Окинава), Кларке и Сан-Мигеле (Филиппины), а также в районе Сайгона и Бангкока. Для дальней связи использовались стационарные и мобильные корот-

коволновые радиостанции. Система подводных кабельных линий связи в зоне Тихого океана включала: кабельную линию от Пойнт-Арена (близ Сан-Франсиско) до Гонолулу (Гавайские острова); кабельную линию от города Сан-Луис-Обиспо (Калифорния, США) через Гонолулу, острова Мидуэй, Уэйк, Гуам и далее на Филиппины и Японию; кабельную линию от Сан-Мигель (Филиппины) до Нятранга (Южный Вьетнам).

Линии тропосферной связи проходили от Гавайских островов до Филиппин. В 1967–1968 гг. была введена в эксплуатацию временная система спутниковой связи. Она состояла из 15–22 искусственных спутников земли (ИСЗ), выведенных на экваториальные орбиты, близкие к стационарным, и сети наземных станций, расположенных на территории США, Гавайских островах, острове Окинава, Филиппинах, в Таиланде и Южном Вьетнаме (район Сайгона и Нятранга). Кроме того, для обеспечения связи с войсками министерство обороны США арендовало десять каналов коммерческой системы спутниковой связи на участке США — Гавайские острова.

Системой связи театра войны во Вьетнаме стала объединенная широкополосная система связи (ОШСС) Юго-Восточной Азии. ОШСС представляла собой комплекс стационарных многоканальных, тропосферных, радиорелейных и подводных кабельных линий связи. Она позволяла использовать телефонную и телеграфную связь, а также обмениваться цифровыми данными между электронными вычислительными машинами. Технические средства, применявшиеся в объединенной широкополосной системе связи, позволяли работать непосредственно в составе автоматизированных систем глобальной системы связи вооруженных сил США. В то же время ОШСС сопягалась с оперативно-тактическими системами связи видов вооруженных сил и имела выходы на них в более чем 75 пунктах.

Американские сухопутные войска во Вьетнаме развернули районную систему связи (РСС), обеспечивавшую более 40 военных баз, гарнизонов и лагерей, в которых размещались штабы и основные группировки войск. Основу РСС составили войсковые радиостанции тропосферной и радиорелейной связи. Кроме того, применялись коротковолновые радиостанции, составляв-

шие сети связи в звене: штаб командования сухопутных войск США — армейский корпус — соединение — часть.

Объединенная система связи (ОСС) американских военно-воздушных сил во Вьетнаме обеспечивала управление и контроль боевых действий тактической авиации, самолетов ВМС и армейской авиации. Центр непосредственной авиационной поддержки использовал сети связи «земля — воздух» и «земля — земля». Для управления авиацией ВМС создавалась отдельная сеть.

Тактические системы связи (ТСС) представляли собой совокупность штатных средств связи, обеспечивавших управление боевыми действиями в тактическом звене. Основу ТСС составили дивизионные средства связи [71]. В военно-морских силах тактическую систему связи составляли штатные средства кораблей, входивших в оперативные соединения и группы ВМС США.

Война во Вьетнаме потребовала от американского командования перебрасывать на расстояние более 15 тыс. км большое количество войск и грузов. Эти переброски осуществлялись по воздуху и морем. Уже в апреле 1965 г. был создан «воздушный мост». Основные стратегические воздушные переброски осуществлялись военно-транспортным воздушным командованием (ВТАК). В дальнейшем к стратегическим переброскам были привлечены самолеты резерва ВВС и 150 самолетов гражданских авиакомпаний. Для оперативно-тактических перебросок с передовых баз снабжения на острове Окинава (Япония) и Филиппинах и тактических перебросок применялись транспортно-десантная авиация тактического авиационного командования и транспортные самолеты ВВС национальной гвардии США. Общее руководство осуществлялось с командного пункта ВТАК, расположенного на авиабазе Скотт (штат Иллинойс, США).

Объем воздушных перевозок и количество привлекаемых самолетов постоянно росли. Если весной 1965 г. в обеспечении войны участвовало 320 самолетов, то в 1966 г. — 485, в 1967 г. — 685. В 1968 г. (за год до начала вывода американских войск) их число достигло более 900. Значительное распространение в тактических перебросках получили вертолеты. В Южном Вьетнаме в 1969 г. доля вертолетов в общем объеме воздушных перевозок достигла 62% [72].

Но все же основная доля перевозок во Вьетнам приходилась на морской транспорт. Для морских перевозок в Юго-Восточную Азию использовались войсковые и сухогрузные транспорты, танкеры и плавучие склады военно-морской транспортной службы (ВМТС) и резервного флота, а также амфибийные силы ВМС США и торговые суда гражданских компаний. Всего в 1965 г. в Южный Вьетнам было перевезено 162 тыс. американских военнослужащих. В ходе войны непрерывно росли объемы перевозок военных грузов. В 1965 г. они составляли 2,9 млн т, в 1968 г. — около 11,5 млн т [73].

Успех в противоборствительных действиях определяется поддержкой власти населением. Соединенные Штаты, расширив свое присутствие во Вьетнаме, столкнулись с кризисом в высших эшелонах власти. После военного переворота в октябре 1955 г. Южный Вьетнам фактически перешел под контроль Соединенных Штатов Америки. Переворот обозначил начало постоянной борьбы за власть проамерикански настроенных южновьетнамских генералов. Они оказались не способны провести реформы в стране и постепенно теряли поддержку населения Южного Вьетнама. Каждый военный переворот сопровождался физическим устранением очередного южновьетнамского лидера и его ближайшего окружения.

В этих условиях задача привлечения южнокорейцев была возложена на американских военных советников. В соответствии с американской концепцией «умиротворения» сельского населения началось в 1961 г. строительство «укрепленных» деревень в Южном Вьетнаме. Целью программы была изоляция населения от повстанцев, открытие школ и медицинских пунктов, укрепление влияния правительства в сельской местности. Но вскоре «укрепленные» деревни попали под контроль партизан. Этому способствовал тот факт, что южновьетнамское правительство отказалось от проведения земельной реформы, и крестьяне продолжали платить оброк небольшой кучке богатых землевладельцев. Серьезной ошибкой была также отмена деревенского самоуправления, что нарушало многовековые вьетнамские традиции. С избранием президентом США Р. Никсона, согласно постулатам его «доктрины Никсона» развернулась активная работа по повышению боеспособности

Останется ли в живых этот вьетнамский парень?

южновьетнамской армии с целью возложить на нее защиту Южного Вьетнама. Эта программа получила название «вьетнамизации».

Для привлечения местного населения американские военные широко использовали приемы и методы психологической войны. На территории Вьетнама прошла апробацию новая концепция «специальных методов войны», разработанная с учетом опыта корейской войны. Ее суть состояла в соединении приемов, форм и методов психологической войны с другими средствами, направленными на подрыв противника изнутри. В начальный период войны во Вьетнаме в психологических операциях сухопутных войск участвовали четыре роты 6-го батальона психологических операций, размещенные отдельно друг от друга в соответствующих тактических зонах. В последующем эти роты были заменены 4-й группой психологических операций (6, 7, 8 и 10-й батальоны психологических операций). Кроме того, значительное количество радиопередач и печатных

материалов, использовавшихся во Вьетнаме, готовила 7-я группа психологических операций, дислоцировавшийся на японском острове Окинава и подчиненный ей 3-й экспедиционный отряд в Бангкоке (Таиланд). Численность 7-й группы и 3-го отряда составляла 800 военнослужащих, а в целом аппарат психологических операций только сухопутных войск насчитывал около 1000 человек, причем 118 из них владели вьетнамским языком. Кроме того, к сотрудничеству привлекались сотни вьетнамцев. Руководители этих спецструктур сотрудничали с Информационным агентством США (ЮСИА) и радиостанцией «Голос Америки», имевшими свои отделы на Окинаве и в Таиланде.

Основной упор органы психологической войны США делали на попытках деморализовать и запугать партизан Южного Вьетнама, а также войска и население ДРВ. С этой целью в радиопрограммах, листовках и устных передачах использовались в основном не политические, а социально-психологические мотивы. Широко применялись методы эмоционального воздействия — вопли ужаса, отчаянный женский и детский плач, буддийская погребальная музыка, крики диких зверей и птиц, связанных в верованиях вьетнамцев с духами, демонами и т.п. Причем часто с целью психологического истощения южновьетнамских бойцов звуковещание осуществлялась в течение всей ночи. Так, например, командование 1-й бригады 101-й воздушно-десантной дивизии в ночь перед наступлением осуществило транслирование записанного на пленку пронзительного крика орла вперемешку с детскими возгласами на вьетнамском языке «папа, вернись домой!».

Широко использовалась и наглядная агитация, направленная как на личный состав войск противника, принимающих непосредственное участие в боевых действиях, так и на население прифронтовой полосы. Для разбрасывания листовок на больших территориях использовались стратегические бомбардировщики В-52, а также транспортные самолеты. Всего американцы распространили 50 млрд листовок, то есть по 1500 листовок на каждого жителя Северного и Южного Вьетнама. Задачей воздействия на гражданское население (формирование состояния страха за свою жизнь, беспокойства за судьбу близких, сексуального влечения и т. д.) было стремление под-

чинить его сознание на бытовом уровне и тем самым получить возможность управлять его поведением. Для этой цели вместе с традиционными формами ведения психологической войны впервые широкомасштабно стало использоваться телевидение. Телепрограммы разрабатывались для гражданской и военной аудиторий. Были созданы студия и четыре передающие станции, вещавшие по 6 часов в сутки. Среди вьетнамцев были распространены 3,5 тыс. телевизионных приемников, во многих школах и читальнях установлены телевизоры. И уже в 1971 г. около 80% местного населения могло смотреть телепередачи.

Еще одним специфичным «методом» специальных операций стала деятельность так называемых кадров революции. Они были завербованы американской разведкой и находились под контролем «зеленых беретов». В задачу специальных подразделений «кадров революции» входило проведение тайных диверсионных операций в освобожденных районах Южного Вьетнама под видом вьетконговцев или местных жителей. После проведения акций — захвата деревень, уничтожения мирных граждан и т.п. — боевики «исчезали», а сайгонская пропаганда выдавала их действия за «красный террор». Эффект от такой «наглядной агитации» был очевиден.

В общем, оценивая результаты психологических операций американских служб, можно констатировать, что их работа, несмотря на поражение в войне США, была довольно продуктивной. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что за период боевых действий примерно 250 тыс. вьетнамцев добровольно перешли на сторону противника.

В ходе войны во Вьетнаме стала очевидной важность ее поддержки населением Соединенных Штатов. Она определялась внутривнутриполитической обстановкой в США, осознанием справедливости целей этой заграничной военной экспедиции, длительностью противоборствующих действий и отсутствием видимых результатов при существенных потерях.

Война во Вьетнаме оказала весьма значительное влияние на мировоззрение американцев. К моменту ее начала в стране обстановка была достаточно напряженной. В 1950–1960-х гг. в США широкий размах приобрело движение за гражданские права. Это было общественное движение за расовое равенство

с США, в защиту гражданских прав негритянского населения. В нем принимали участие представители и белого, и черного населения. В начале 1960-х гг. движение носило ненасильственный характер. Проводились бойкоты и сидячие забастовки во многих общественных местах, где существовала практика сегрегации, ущемления прав темнокожего населения Соединенных Штатов. Кульминацией движения за гражданские права стал марш на Вашингтон в 1963 г. в поддержку принятия законов против сегрегации. Во второй половине 1960-х гг. годов от движения за гражданские права откололись радикальные организации, поставившие своей целью вооруженную борьбу за расширение прав негритянского населения.

Одновременно война во Вьетнаме стала выходить на первое место в числе наиболее важных проблем, волновавших американскую общественность. Опросы населения, проведенные в США осенью 1967 г., показали, что большая часть американцев выступает против войны. Она практически впервые после Второй мировой войны привлекла внимание простых американцев к международным вопросам. В дальнейшем, в связи с ростом потерь и затягиванием конфликта, поддержка военного курса правительства жителями США все больше падала. Появилось движение антивоенной молодежи, получившее название «движение хиппи». Отказ от службы в армии и бегство призывников за границу приобрели массовый характер. Информация о зверствах американских военнослужащих во Вьетнаме вызвала отторжение в стране и на международной арене. В США усилилось антивоенное движение, ряд ветеранов присоединились к движению «Ветераны против войны».

Наиболее значительный антивоенный протест того времени длился три дня — с 21 по 23 октября 1967 г. В нем приняло участие свыше 150 тыс. человек из 47 штатов США, а также многие видные общественные деятели, в том числе писатель Н. Мейлер, поэт Р. Лоуэлл и доктор Б. Спок — известный детский врач и писатель. Кульминационным пунктом протеста явилась «осада» Пентагона. 21 октября после митинга у памятника Линкольну около 35 тыс. демонстрантов двинулось по Арлингтонскому мосту через реку Потомак к комплексу Министерства обороны. Здание было оцеплено войсками. Состоялся

второй митинг, поначалу проходивший мирно. Но затем около 2 тыс. демонстрантов пересекло линию, до которой разрешалось проведение демонстрации, ринулось вверх по ступеням к входу в Пентагон и атаковало полицейских и солдат. Через час вторая группа в 3 тыс. человек пошла на штурм другого входа в здание. По данным военных властей, во время этой демонстрации 861 человек был арестован, в основном у здания Пентагона. В их числе были Н. Мейлер и доктор Спок. 13 полицейских, 10 солдат и 24 демонстранта получили ранения. В ноябре 1969 г. в США был проведен «поход против смерти» — самое крупное общенациональное выступление против войны во Вьетнаме. После вторжения в Камбоджу в 1970 г., вызвавшего массовые протесты, четыре студента Кентского университета были убиты национальными гвардейцами. Это привело к переносу сроков съезда Демократической партии, находившейся в то время у власти. Безуспешные и длительные военные действия, сопровождавшиеся большими потерями, породили в американском обществе так называемый вьетнамский синдром, то есть резкое неприятие участия американских солдат в зарубежных военных конфликтах, какими бы целями это участие ни обосновывалось.

В Соединенных Штатах имела место и поддержка войны во Вьетнаме. Так, например, 4 апреля 1970 г. в Вашингтоне произошла демонстрация-шествие «За победу во Вьетнаме». Ее инициатором был проповедник пресвитерианской церкви в Коллингвуде (Нью-Джерси) К. Мэйнтайр. Этой акцией, по заявлению организаторов демонстрации, они хотели подчеркнуть опасность поспешного вывода американских войск из Вьетнама, до того как противнику будет нанесен решительный удар, который «заставит его понять бессмысленность его попыток силой навязать извне свою волю южновьетнамскому народу». На призыв К. Мэйнтайра к «всемирному крестовому походу против коммунизма» откликнулось около 50 тыс. человек. В числе демонстрантов были и представители русских эмигрантских организаций. Русскоязычная американская газета «Новое русское слово» отмечала, в частности, активность эмигрантского движения «За свободную Россию» и «Гарнизона 297» Союза армии, флота и авиации.

Политическое руководство не могло не учитывать непопулярность вьетнамской войны и стало искать пути выхода из нее. Северный Вьетнам также был заинтересован в мире. Обе стороны регулярно предпринимали шаги к мирному урегулированию конфликта, часто при содействии третьих стран. 22 марта 1965 г. НФОЮВ опубликовал заявление из 5 пунктов, которое открывало путь к мирному урегулированию вьетнамской проблемы. В нем выдвигалось требование вывода войск США из Южного Вьетнама и предоставления вьетнамскому народу права самому определять свою судьбу. В апреле 1965 г. президент Джонсон предпринял «дипломатическое наступление», предложив в своей речи в Балтиморе переговоры «без всяких предварительных условий» и пообещав при этом 1 млрд долларов помощи населению Юго-Восточной Азии, включая Вьетнам. 8 апреля 1965 г. правительство ДРВ также выдвинуло развернутую программу политического урегулирования вьетнамской проблемы. В ней говорилось, что в соответствии с Женевскими соглашениями американское правительство должно вывести свои войска из Южного Вьетнама, ликвидировать военные базы и прекратить военные действия во Вьетнаме. Эта программа впоследствии стала известна как «4 пункта» правительства ДРВ. Советский Союз поддержал справедливую позицию правительства ДРВ и НФОЮВ по мирному урегулированию вьетнамской проблемы (Ответ Верховного Совета СССР на обращение Национального собрания ДРВ к парламентам различных стран мира, 29 апреля 1965 г.; Заявление Верховного Совета СССР, 9 декабря 1965 г.).

Американское руководство в поисках мира широко использовало тактику снижения давления на ДРВ. Первым таким шагом стало приостановление бомбежек в период с 24 декабря 1965 г. по 31 января 1966 г. Но северовьетнамским руководством затишье было расценено как «очередная уловка США», и бомбардировки возобновились. В марте 1966 г. появилась другая возможность для переговоров, но и она не имела продолжения. 27 июня 1966 г. с мирным предложением выступил Северный Вьетнам. Переговоры не состоялись из-за бомбового удара американцев по хранилищам ГСМ в окрестностях Ханоя. К концу года наметились возможности новых переговоров. Но

они были сорваны нанесением ВВС США новой серии бомбовых ударов по целям вблизи столицы Северного Вьетнама. Бомбардировки были расценены ДРВ как стремление США принудить их к переговорам силой.

В январе-феврале 1967 г. посредниками в урегулировании конфликта стали Лондон и Москва. В финале советский Председатель Совета министров Косыгин полетел в Великобританию для встречи с премьер-министром Вильсоном по этому вопросу. Но визит результатов не дал. Соединенные Штаты проявили неспособность добиться единства своего политического и военного руководства в выработке условий мирного урегулирования. Вновь вопрос об урегулировании во Вьетнаме поднимался на встрече Косыгина с президентом США Л. Джонсоном в Глассборо (США) в июне 1967 г. В июле 1967 г. при содействии французских и норвежских посредников в переговорном процессе появился очередной шанс. Вьетнамская сторона была готова приступить к переговорам об окончании войны. Однако в тот момент, когда Вашингтон приступил к рассмотрению предложений, президент США санкционировал бомбардировки новых объектов, шесть из которых находились не более чем на расстоянии 15 км от Ханоя, а 23 августа авиация нанесла по Ханюю самый массированный удар за все время, прошедшее с начала войны. И только после длительных переговоров советских представителей с государственными деятелями США и ДРВ удалось организовать предварительные американо-вьетнамские встречи, которые состоялись в мае 1968 г.

В мае 1968 г. начались мирные переговоры в Париже, первоначально только между США и ДРВ. Сразу же после начала они прервались на пять месяцев, пока Джонсон не отдал приказ о прекращении бомбардировок ДРВ. С января 1969 г. в возобновившихся переговорах между США и ДРВ приняли участие также представители сайгонского режима и Народного фронта освобождения Южного Вьетнама. Переговоры шли еще несколько лет. Они регулярно прерывались. Во время их приостановки в октябре 1972 г. обе стороны использовали временное затишье для усиления своих группировок войск. 30 декабря 1972 г. американское руководство, не достигнув ни военных, ни политических целей, было вынуждено отказаться от про-

должения операции «Лайнбеккер-2» и возобновить мирные переговоры.

9 января 1973 г. представители враждующих сторон приступили к разработке базового документа, которую завершили к 13 января. 15 января Никсон предварительно одобрил соглашение и заявил о прекращении наступательных действий во Вьетнаме, а 16 января оно было представлено президенту Южного Вьетнама Тхиеу. Последний отверг его, назвав «соглашением о капитуляции». Американский президент попытался убедить южновьетнамского руководителя принять договор. Когда и это не помогло, Никсон пригрозил Тхиеу, что Соединенные Штаты все равно подпишут соглашение, но в таком случае на их помощь Южному Вьетнаму рассчитывать не стоит. Оказавшись перед выбором, Тхиеу был вынужден сдаться. 23 января 1973 г. соглашение было формально ратифицировано. В февралемарте 1973 г. в Париже состоялась международная конференция по Индокитаю, закрепившая Парижские мирные соглашения о прекращении войны и поддержании мира во Вьетнаме, подписанные США и Республикой (Южный) Вьетнам, с одной стороны, и Демократической Республикой Вьетнам и Народным Фронтом Освобождения — с другой. Они содержали следующие основные условия: 1) прекращение огня на местах; 2) вывод войск Соединенных Штатов и обмен военнопленными в шестидесятидневный срок; 3) запрещение Соединенным Штатам и Демократической Республике Вьетнам направлять дополнительные контингенты войск в Южный Вьетнам; 4) пополнение снаряжения могло осуществляться по принципу один к одному; 5) создание двух комиссий: Объединенная военная комиссия (Южный Вьетнам — АСВ/ВК) и Международная комиссия по контролю и надзору (Венгрия, Польша, Индонезия и Канада) за соблюдением договоренностей, достигнутых в рамках заключенного соглашения; 6) учреждение Национального совета национального примирения и согласия для организации свободных выборов в Южном Вьетнаме; 7) восстановление демилитаризованной зоны в полном соответствии с Женевскими договоренностями 1954 г. Кроме этого предусматривалось участие США в послевоенном восстановлении экономики ДРВ и других стран Индокитаю. Называлась даже цифра американ-

ского вклада — 5 млрд долларов. Однако далее публичных высказываний дело не пошло. 27 января 1973 г. в Париже было подписано Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме.

Более чем 3 млн американцев служило во Вьетнаме. К концу военных действий погибло 58 193 человека и более 150 тыс. было ранено. 21 тыс. стали инвалидами. Примерно 830 тыс. ветеранов вьетнамской войны страдают от посттравматического синдрома. 50 тыс. дезертировали. Примерно 150 тыс. американцев бежало в Канаду, чтобы избежать службы в армии. Около 2 тыс. американских военнослужащих пропало без вести, а 472 американских летчика из состава экипажей самолетов, сбитых в небе Северного Вьетнама, попали в плен. Людские потери южновьетнамцев составили 200–250 тыс. военнослужащих убитыми и 500–570 тыс. ранеными. Вооруженные силы ДРВ и ФНО потеряли в войне около 1,1 млн убитыми и 600 тыс. ранеными. Потери гражданского населения в Северном и Южном Вьетнаме составили не менее 2 млн человек. Сотни тысяч людей погибли в Лаосе, Таиланде и Камбодже.

В период войны американцы потеряли 8612 единиц авиационной техники: 3720 самолетов и 4892 вертолета, при этом в небе над ДРВ — 1095 самолетов и 11 вертолетов. Материальные затраты США во Вьетнаме превысили 350 млрд долларов, что вызвало значительное превышение расходов государства и привело к инфляции и росту цен: на 6% в 1969 г., на 3,4% в 1972 г. и на среднее между этими цифрами в промежуточные годы. Все это в конце концов способствовало отмене «золотого стандарта» и девальвации доллара как ведущей валюты мира. Однако победа далась Вьетнаму дорогой ценой. На Севере страны были разрушены 23 провинциальных центра, почти 70% общин, 2000 различных медицинских учреждений. Были полностью разрушены железные и большинство шоссежных дорог, мосты и туннели, электростанции, все крупнейшие промышленные предприятия. Пострадало более 5 млн кв. м жилья, в результате чего без крова осталось свыше 7 млн человек. Не меньшим разрушениям подвергся и Юг страны.

Огромные людские и материальные потери народов Индокитая были следствием применения против мирного населения

У войны страшное лицо

самого современного и высокоэффективного вооружения. На территории Индокитая, прежде всего Вьетнама, было взорвано в общей сложности около 14 млн т взрывчатых веществ — в несколько раз больше, чем в годы Второй мировой войны. Более 60% потерь убитыми и ранеными, понесенных американцами во Вьетнаме, было связано с подрывами на минах. Потери мирных вьетнамцев от мин не учтены. От примененных американцами отравляющих веществ пострадало почти 40% посевных площадей Южного Вьетнама. Их применение не только уничтожало растения, но и вызывало болезни, дефекты у новорожденных и отравление пищевой цепочки. От химических отравлений пострадало более 4 млн человек. Одной из целей применения химикатов было принуждение мирного населения к переселению в районы, контролируемые властями Республики Вьетнам.

Руководство Соединенных Штатов рассматривало Советский Союз и Китайскую Народную Республику как основное препятствие на пути к победе во Вьетнамской войне. Оно понимало, что без их помощи ДРВ и НФО не смогут вести военные действия

против американских вооруженных сил, оснащенных новейшим оружием. Кроме того, СССР выступил защитником вьетнамского народа на международной арене. С первых дней вмешательства США во Вьетнамскую войну Советский Союз, другие социалистические страны выступили на стороне вьетнамского народа. Советское правительство — сопредседатель Женевского совещания 1954 г. — самым категоричным образом осудило агрессивные действия США против ДРВ, требуя их безусловного и полного прекращения (Заявления ТАСС от 5 августа, 22 сентября, 27 ноября 1964 г.; Заявления Советского правительства от 9 февраля и 4 марта 1965 г. и другие документы). В то же время другой сопредседатель Женевского совещания — Великобритания — по существу поддержал политику Соединенных Штатов во Вьетнаме. В феврале 1965 г. Демократическую Республику Вьетнам посетила правительственная делегация во главе с Председателем Совета министров СССР А.Н. Косыгиным. Во время поездки был заключен ряд соглашений о советско-вьетнамском сотрудничестве. Стороны условились о проведении регулярных консультаций. Во время ответного визита в СССР партийно-правительственной делегации ДРВ во главе с первым секретарем ЦК Партии Трудящихся Вьетнама Ле Зуаном (апрель 1965 г.) была достигнута договоренность о дальнейших шагах, направленных на обеспечение безопасности и защиту суверенитета ДРВ. Были намечены соответствующие меры в этих целях. Советский Союз подтвердил готовность и впредь оказывать ДРВ необходимую помощь для отражения агрессии США.

Советский Союз признал 13 июня 1969 г. Южный Вьетнам как суверенное государство после провозглашения Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам (РЮВ). Этому предшествовало создание в освобожденных районах Южного Вьетнама выборных органов власти на местах — от сельских коммун до провинций, которые пришли на смену существовавшим административным органам проамериканской Республики Вьетнам. К августу 1969 г. ОЮВ было официально признано 26 государствами.

Одновременно советское руководство развернуло пропагандистскую кампанию по международной поддержке Северного и Южного Вьетнама. 3 марта 1965 г. представители коммуни-

стических и рабочих партий, собравшиеся в Москве на консультативную встречу, выступили со специальным заявлением, в котором осудили американских агрессоров, выразили интернациональную солидарность с народом ДРВ и НФОЮВ и высказались за необходимость крепить единство действий в поддержку вьетнамского народа. В поддержку вьетнамского народа выступили также Всемирный Совет Мира, Всемирная федерация профсоюзов, Всемирная федерация демократических женщин, Комитет солидарности стран Азии и Африки, Всемирный конгресс за мир, национальную независимость и всеобщее разоружение (проходил в Хельсинки в июле 1965 г.). На совещании политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора в Бухаресте (июль 1966 г.) было подчеркнуто, что страны социализма оказывают и будут оказывать ДРВ все возрастающую помощь. Братские страны выразили готовность, в случае просьбы правительства ДРВ, «предоставить возможность своим добровольцам направиться во Вьетнам, чтобы помочь вьетнамскому народу в его борьбе против американских агрессоров». Это заявление было подтверждено на другом совещании политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора, проходившем в Софии (6–7 марта 1968 г.). В поддержку вьетнамского народа было принято обращение на конференции представителей коммунистических и рабочих партий европейских стран, состоявшейся в Карловых Варах (апрель 1967 г.), и послание солидарности вьетнамскому народу — на консультативной встрече представителей коммунистических и рабочих партий в Будапеште (февраль-март 1968 г.). В июне 1967 г. состоялась Всемирная конференция по Вьетнаму. В октябре 1967 г. по призыву Международного координационного комитета, созданного в Стокгольме, был проведен день (21 октября) единых международных действий за мир, против войны США во Вьетнаме. В ходе общей дискуссии на 22-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1967) из 110 ораторов представители лишь 7 стран безоговорочно поддержали политику Вашингтона во Вьетнаме. Представители же 44 государств призвали США прекратить бомбардировки ДРВ. Среди них было пять делегатов государств — союзников США по блоку НАТО.

В 1968–1969 гг. продолжало развиваться во всем мире движение солидарности с борющимся Вьетнамом. Состоявшееся в Москве в июне 1969 г. международное Совецание коммунистических и рабочих партий осудило действия США во Вьетнаме и выразило интернациональную солидарность с братским вьетнамским народом. В основном документе Совецания отмечалось, что окончательная победа патриотов Вьетнама имеет принципиальное значение для укрепления позиций народов в борьбе против политики диктата и произвола. Чтобы приблизить эту победу, нужны согласованные меры всех государств социалистической системы, совместные усилия всех коммунистических и рабочих партий, всех прогрессивных партий и массовых демократических организаций, а также всех свободолюбивых и миролюбивых сил. Совецание поддержало позицию правительства ДРВ и предложения НФОЮВ по политическому урегулированию во Вьетнаме и заявило, что справедливое решение вьетнамской проблемы возможно только при условии обеспечения основных национальных прав вьетнамского народа. В призыве подчеркивалось, что США должны незамедлительно прекратить агрессивные действия во Вьетнаме, признать за населением Южного Вьетнама право самостоятельно решать свои внутренние дела без иностранного вмешательства, положить конец любым действиям, направленным против суверенитета и безопасности ДРВ. Совецание призывало всех, кому дороги мир, справедливость, свобода и независимость народов, еще активнее участвовать в движении солидарности с вьетнамским народом, требовать вывода войск США и их сателлитов из Вьетнама, незамедлительного мирного решения вьетнамского вопроса. С призывом к мировой общественности поддержать борьбу вьетнамского народа и с требованием к правительству США прекратить агрессивную войну во Вьетнаме выступила и Всемирная Ассамблея мира (Берлин, июнь 1969 г.). О солидарности с борьбой вьетнамских патриотов заявили участники 7-го Всемирного конгресса профсоюзов (Будапешт, октябрь 1969 г.).

В свою очередь, США предпринимали попытки оказать давление на СССР и не отказывались от весьма рискованных шагов. В феврале 1965 г. во время официального и соответственно объявленного визита в ДРВ советской правительственной деле-

гации во главе с Председателем Совета министров СССР американская авиация провела демонстративный бомбовый удар по территории ДРВ. На заявленный протест СССР руководство США было вынуждено извиниться. Официальное объяснение звучало довольно нелепо. У Госдепартамента якобы не было связи с военным ведомством, и летчики допустили своеволие. На обратном пути делегация провела переговоры с руководством КНР по оказанию совместной помощи ДРВ. Китайские лидеры отвергли просьбу выделить воздушный коридор и предоставить аэродром в г. Куньмине для оперативной доставки советского специмущества. Но позже была достигнута договоренность о перевозе военно-стратегических грузов через территорию КНР по железной дороге.

Помощь Советского Союза была направлена прежде всего на отражение американской авиации, чей технический уровень вооруженные силы Демократической Республики Вьетнам не могли достигнуть. Первые же бомбардировки объектов Северного Вьетнама показали крайне низкую их защищенность от ударов с воздуха. В этой обстановке правительство ДРВ обратилось за помощью к Советскому Союзу. В апреле 1965 г. в Москве состоялись переговоры о военных поставках из СССР, строительстве объектов оборонного значения и направлении во Вьетнам советских военных специалистов зенитно-ракетных войск и истребительной авиации ПВО. Было принято решение о создании в ДРВ группы советских военных специалистов. Официально оно было оформлено постановлением Совета министров СССР № 525–200 от 6 июля 1965 г. В апреле 1965 г. во Вьетнам прибыла первая группа советских военных специалистов — около 100 человек.

На севере страны и в ряде населенных пунктов вьетнамской стороной были организованы базы для приема и размещения советских специалистов, оборудованы учебные центры, созданы огневые позиции для дивизионов ЗРК «Двина», подготовлены площадки для технологических потоков технических дивизионов. В конце июня 1965 г. советские военные специалисты были готовы приступить к обучению личного состава зенитно-ракетных войск Вьетнамской народной армии. Однако усилившаяся к этому времени интенсивность налетов

американской авиации потребовала доучивания первого потока вьетнамских военнослужащих непосредственно в боевой обстановке по принципу «делай, как я». К концу июля 1965 г. 1-й (Московский) учебный центр после реформирования его в 236-й зенитно-ракетный полк Вьетнамской народной армии и приема боевой техники, доставленной из СССР, заступил на боевое дежурство. На начальном этапе в состав боевых расчетов входили советские офицеры и солдаты, а вьетнамцы перенимали опыт, наблюдая за их действиями.

25 июля (по другим данным, 24 июля) произошло первое боевое крещение полка. Ракетным залпом дивизионов подполковников Б. С. Можаяева и Ф. П. Ильиных были сбиты три американских истребителя-бомбардировщика F-4C. Это были 399-й, 400-й и 401-й самолеты ВВС США, уничтоженные над территорией ДРВ начиная с 5 августа 1964 г. В последующие месяцы боевых результатов добились и дивизионы под командованием подполковников В. Чернецова и П. Проскурина. Причем в бою 11 августа 1965 г. 2-м дивизионом (вьетнамский командир — капитан Хо Ши Хыу) было сбито тремя ракетами четыре американских самолета. В итоге за семь месяцев боевых действий 236-го зенитно-ракетного полка было уничтожено 60 самолетов противника при среднем расходе ракет от одной до трех на каждую уничтоженную цель. В период с 1 по 8 мая 1965 г. во Вьетнам прибыл 2-й (Бакинский) учебный центр. 30 августа 1965 г. он приступил к боевой работе. С 15 мая 1965 г. начал свою деятельность 3-й учебный центр.

С весны 1965 г. на вооружении авиаполков вьетнамской армии появились самолеты МиГ-17Ф и МиГ-17ПФ с оружием ближнего боя — неуправляемыми ракетами (НУР) и пушками. В 1966 г. начали применяться самолеты МиГ-21 с управляемыми ракетами (УР). Сначала ими были укомплектованы две эскадрильи, затем — полк. Кроме того, был сформирован полк истребителей-бомбардировщиков на Су-17М2. К октябрю 1972 г. в ВВС Вьетнама имелось пять авиационных полков: три истребительных, имевших на вооружении 148 самолетов; один учебный, находившийся на территории Китая; один транспортный. МиГ-21 успешно конкурировал с истребителями США, в том числе с F-4 «Фантом». Истребители ДРВ провели

430 боев и уничтожили 350 американских самолетов, потеряв 134 своих.

На первом этапе подготовки вьетнамских кадров (август-ноябрь 1965 г.) боевую работу вели только советские военные специалисты. Для этой цели в каждом дивизионе из числа советских специалистов были сформированы сокращенные расчеты численностью 35–40 человек. При этом ракетчики успешно применяли тактику действия из засад, быстро меняя позицию после каждого боя и искусно маскируясь. На оставленных позициях вьетнамцы оборудовали слегка замаскированные, окрашенные известью ложные ракетные установки из бамбука. По мере накопления вьетнамскими военнослужащими боевого опыта боевые расчеты менялись местами. К пультам управления садились вьетнамцы, а советские специалисты контролировали их работу. Так, на втором этапе боевой работы (ноябрь 1965 — май 1966 г.) в полку находилось около 50 советских специалистов. На каждый огневой дивизион приходилось по 9–11 специалистов. Боевая работа стартовой батареи полностью выполнялась военнослужащими ВНА. В результате такого метода обучения менее чем за год (1965–1966) советскими военными специалистами были подготовлены 10 зенитно-ракетных полков и 3 полка радиотехнических войск.

В 1966 г. по запросу вьетнамской стороны в ДРВ для обучения национальных кадров были направлены дополнительные специалисты противовоздушной обороны. С 4 марта 1966 г. приступил к выполнению поставленных задач личный состав 4-го учебного центра. Одновременно 1342 вьетнамских военнослужащих приступили к обучению в военных учебных заведениях СССР. В 1966–1967 гг. на их базе были подготовлены и сформированы пять зенитно-ракетных полков общей численностью около 3000 человек. С мая 1966 по май 1967 г. были созданы еще шесть учебных центров. Всего с апреля 1965 по май 1967 г. в ДРВ прибыли 2266 военнослужащих зенитно-ракетных войск ПВО СССР.

Большую работу на всех этапах войны проводили и группы советских специалистов-«ремонтников», направленных во Вьетнам для оказания помощи в ремонте и модернизации в полевых условиях боевой техники. В обязанности советских

военных инженеров (разбитых по звеньям, по три человека) входило: ремонт техники на позициях (в любой обстановке), оценка технического состояния, настройка боевой техники, устранение повреждений и определение объема необходимого ремонта РЛС.

Одновременно с «ремонтниками» на территории ДРВ (на основании Советско-вьетнамского правительственного соглашения от 1964 г.) с 1965 по 1974 г. действовала группа специалистов оборонных отраслей отечественной промышленности (Минавиапрома, Миноборонпрома, Минмаша, Минрадиопрома и др.). Группа комплектовалась специалистами высшей категории по авиационной технике, вооружению, боеприпасам и т. д., являвшимися офицерами запаса. Личный состав группы менялся персонально по истечении установленных сроков пребывания в ДРВ (от шести месяцев до одного года). Всего с 1965 по 1974 г. в период боевых действий работало около 40 советских специалистов оборонных отраслей промышленности (7 групп по 5–7 человек). На группы специалистов возлагались следующие задачи: изучение американской боевой техники и оружия с целью усовершенствования и разработки соответствующих отечественных образцов; анализ способов боевого применения американцами вооружения и методов ведения боевых действий в условиях Вьетнама; выработка рекомендаций войскам ДРВ по противодействию противнику.

Увеличение числа зенитно-ракетных полков в составе группировки войск ПВО ДРВ позволило с июля 1966 г., наряду с действиями отдельных зенитно-ракетных дивизионов из «засад», сосредоточить основные усилия на прикрытии важных объектов страны. Вокруг основных административно-политических и промышленных центров стали создаваться эшелонированные боевые порядки дивизионов. Вокруг Ханоя рубежи, на которых располагались зенитно-ракетные дивизионы, находились в 5–10, 15–20, 35–40 км от границ города. Одновременно на территории Северного Вьетнама началось образование 8 районов ПВО. 6 из них по границам совпадали с имевшимися военными округами, 2 других разворачивались вокруг наиболее крупных городов (Ханой и Хайфон). Противовоздушная оборона крупных центров (города Ханой, Хайфон и другие) строилась в соот-

ветствии с принципами, прошедшими проверку в годы Второй мировой войны. Первый эшелон составляла истребительная авиация. Вторым эшелон составляла зенитная артиллерия. В результате совершенствования ПВО ДРВ американская авиация не смогла полностью выполнить поставленные перед ней задачи и понесла серьезные потери¹.

С первых дней пребывания на вьетнамской земле советские военнослужащие столкнулись с рядом специфических трудностей, в первую очередь климатического и санитарно-эпидемиологического характера. Тропическая жара, большая влажность, достигавшая в ночное время 100%, физические и психические перегрузки изнуряюще действовали на личный состав. Эти трудности усугублялись изобилием mosquitos и других насекомых, вызывающих ряд заболеваний (энцефалит, лихорадку Ку, амёбную дизентерию и др.), ядовитых змей и др. Принятые меры позволили почти всем военнослужащим вернуться в Советский Союз практически здоровыми людьми.

Переброска советских военных специалистов во Вьетнам осуществлялась в основном по воздуху силами военно-транспортной авиации. Одновременно в ДРВ поставлялась советская военная техника: зенитно-ракетные комплексы С-75 «Двина» и С-75М «Волхов» (всего с июля 1965 по 1972 г. в ДРВ было поставлено 95 ЗРК С-75 и 7658 ракет), истребители МиГ-17 и МиГ-21, истребители-бомбардировщики Су-17, бомбардировщики Ил-28, транспортные самолеты Ил-14 и Ли-2, зенитная артиллерия среднего и малого калибра (в том числе с марта 1965 г. — 37-мм и 57-мм зенитные пушки), радиолокационные станции обнаружения, техника связи и т. д. При этом для доставки этих грузов активно использовались военно-транспортные самолеты Ан-12 и Ан-22. Первый брал на борт один, а другой — два истребителя МиГ-21 в полуразобранном виде в контейнерах.

Действовали также морской и наземный (железнодорожный) пути. Для доставки грузов морским путем (конечный пункт порт Хайфон) было задействовано более 20 судов Черноморского и Дальневосточного морских пароходств. Как правило,

¹ Зарубежное военное обозрение. 1993. № 5. С. 40.

при подходе к побережью Вьетнама приходилось преодолевать зону морской блокады, установленную американскими ВМС. Не менее сложным был и наземный маршрут, проходящий по территории Китайской Народной Республики. Натянутость отношений между СССР и КНР сказывалась (несмотря на договоренности) и на эффективности функционирования этого пути. Разграбление советских военных грузов, направляемых из СССР в Северный Вьетнам через Китай, приняло систематический характер.

В конце 1960-х гг. начались советские поставки танков Т-54 — самых мощных из того, чем располагали войска северовьетнамцев. Китай, в свою очередь, стал поставлять в Демократическую Республику Вьетнам свои танки «тип-59», которые являлись копией советских Т-54. Поставленные танки были успешно использованы в наступательной операции в районе Соунгби весной 1975 г., а также при захвате города Бан Ми Тхоу, служившего «ключом» к Центральному плато — стратегически важному рубежу. Заметим, что советские танки в условиях Вьетнама полностью оправдали свое назначение. Они превосходили американские по показателям надежности и «выносливости». Кроме того, они оказались более ремонтно-пригодными после получения боевых повреждений.

ДРВ получила от СССР оружия, техники и других материальных средств в 1965 г. на сумму 210 млн долларов (что составляло 60% от общей экономической помощи). В 1968 г. помощь Советского Союза составила около 542 млн рублей (около 209 млн долларов), причем из них 361 млн рублей — на безвозмездной основе. Общая же сумма поставок СССР в течение 1965–1971 гг. составила 1 млрд 579 млн долларов, или около 2 млн долларов в день. Наибольший объем поставок во Вьетнам пришелся на 1967 г. ДРВ, в частности, получила 2056 танков, 1708 БТР, 7 тыс. орудий и минометов, свыше 5 тыс. зенитных пушек и установок, 158 зенитных ракетных комплексов, свыше 700 боевых самолетов, 120 вертолетов, более 100 боевых кораблей. Было введено в строй 117 военных объектов.

Параллельно с поставками военного имущества проводилось обучение личного состава Вьетнамской народной армии (ВНА) в советских военных учебных заведениях. В общей слож-

ности (на начало 1995 г.) в СССР/РФ прошло подготовку около 13,5 тыс. вьетнамских военнослужащих. Готовился в Советском Союзе и летный состав истребительной авиации. Обучение проходило на базе Краснодарского летного и Киевского инженерного авиационных училищ, а также под руководством советских специалистов в специальном учебном центре КНР и непосредственно на территории Северного Вьетнама.

Несмотря на языковой барьер и сравнительно слабую общеобразовательную подготовку вьетнамских военнослужащих, советским специалистам удалось в кратчайшие сроки создать основной костяк истребительной авиации ВНА. Ее подразделениями в 1968 г. было сбито 44 американских самолета (из них 86% с первой атаки), а в 1972 г. — 89, и все с первой атаки. Всего же за годы войны ИА ПВО и ВВС ВНА уничтожили 350 самолетов противника, что составило 9% от общего количества сбитых в небе ДРВ войсками ПВО и ВВС. Собственные потери составили 145 истребителей (МиГ-17—75 машин, МиГ-19—5, МиГ-21—65), при этом погибло 70 летчиков. Не удалось избежать потерь и среди советских летчиков-инструкторов. Следует сказать, что определенную помощь в воздушной войне над территорией ДРВ оказали также военные летчики из Северной Кореи, участвовавшие в боевых действиях вплоть до марта 1969 г.

Разнообразная и значительная помощь Вьетнаму оказывалась и со стороны тогдашнего «идеологического противника» СССР — Китайской Народной Республики. Пекинское руководство рассматривало Вьетнам как зону своих жизненных интересов и отводило ему весьма важную роль в национально-освободительном движении стран третьего мира. С китайской помощью в Северном Вьетнаме было построено в общей сложности более 1200 км железных и шоссейных дорог, свыше 300 мостов, много других транспортных объектов. За период с 1965 по 1971 г. китайские поставки оружия и военной техники Вьетнаму составили в общей сложности 670 млн долларов.

С середины 1968 г. ударные самолеты ВВС США начали оснащаться новыми комплексами постановки радиолокационных помех, стали активно вести радиоразведку. Широкое применение еще с 1966 г. получили противолокационные управляемые ракеты типа «Шрайк» и «Стандарт AP», с помощью кото-

рых только в 1967 г. были выведены из строя 12 вьетнамских зенитно-ракетных комплексов. Все это сказалось на снижении эффективности ПВО Вьетнама и повлекло за собой увеличение потерь, в том числе советских военнослужащих.

Временные неудачи вызвали у определенной части вьетнамского военного руководства сомнения в совершенстве советской техники. Отчасти они были обоснованными. Так, тактико-технические характеристики (ТТХ) поставляемых во Вьетнам ЗРК СА-75 «Двина» не соответствовали уровню возможностей боевых самолетов США. Тем не менее на первом этапе войны из-за фактора внезапности «Двина» была довольно эффективна. В 1965 г. на сбитый самолет расходовалось всего 1–2 ракеты. Однако по мере использования американцами новой тактики и применения более современных технических средств эффективность ЗРК СА-75 резко снизилась, а также увеличилась угроза их поражения.

Для анализа стрельб «Двины» на месте в августе 1967 г. во Вьетнам была направлена специальная научно-исследовательская группа в составе представителей конструкторских бюро, испытательного полигона и т. д. На основе исследовательской работы группы в середине 1967 г. началась доработка комплексов непосредственно во Вьетнаме. Подлежащие доработке изделия снимались с позиций и перевозились в места расположения бригад, а при наличии подменных блоков (изготовленных на заводе по новой документации) работы выполнялись непосредственно на огневых позициях.

Проведенные конструкторские работы позволили в целом расширить зону поражения (снизить нижнюю границу, приблизить ближнюю), сократить время выхода ЗРК на режим готовности к стрельбе, обеспечить функционирование в условиях интенсивных помех (активных и пассивных), освоить стрельбу в режиме «пассивного приема» (сопровождение цели по сигналу помехи от нее). Кроме того, была введена схема «ложного пуска» — включение передатчика радиоконанд управления ракетой без пуска ракеты. Это вводило в заблуждение летчика противника — заставляло выполнять его противоракетный маневр и тем самым снижало эффективность действий по объектам. Для ракеты была разработана новая боевая часть с широким

F-111 — двухместный тактический бомбардировщик дальнего радиуса действия

углом разлета поражающих элементов (осколков), что повысило вероятность поражения маневрирующих целей.

В результате «модернизации» ЗРК, с 1971 г. эффективность вьетнамских войск ПВО значительно возросла. Так, в 1972 г. было проведено 1155 стрельб с общим расходом 1059 ракет; сбиты 421 цель; средний расход — 4,9 ракеты на цель. При этом надо отметить, что 90% стрельб было проведено в сложных условиях: активных и пассивных помех, противоракетных маневров и действий самонаводящихся снарядов. Показательно и то, что в отдельные дни вьетнамцам удавалось сбивать до 10 самолетов и вертолетов противника, в том числе летавшие на малых высотах (до 2 км). Нередко при этом в плен попадали высокопоставленные генералы и офицеры противника.

Проведенное совершенствование противовоздушной обороны ДРВ способствовало отражению американской воздушной операции «Лайнбеккер-2». Подготовка американцев к операции

не осталась незамеченной советской и вьетнамской разведками. Еще до начала командованием Вьетнамской Народной Армии (ВНА) был проведен ряд мероприятий, направленных на усовершенствование инженерного оборудования собственных позиций, улучшение их маскировки и т. д. К началу операции зенитные ракетные войска ПВО и ВВС ВНА имели в своем составе 36 зенитно-ракетных дивизионов, вооруженных зенитными ракетными комплексами СА-75М «Двина», трехкабинного варианта с ракетами В-750М и станцией разведки и целеуказания (СРЦ) П-12, а также 9 технических дивизионов. Организационно они были сведены в 9 зенитных ракетных полков, объединенных в 4 дивизии ПВО. Это составляло три группировки: Ханойскую, Хайфонскую и 4-й военной зоны. Их основные усилия были сосредоточены на прикрытии столицы ДРВ г. Ханоя, расположенных в этом районе аэродромов Нойбай, Зеалам, Кеп, железнодорожных узлов Донг-Аль и Иен-Вьен, порта и промышленного района г. Хайфона, а также переправ, дорожных коммуникаций, узлов дорог и сосредоточений войск в провинциях 4-й военной зоны (Тхань-Хоа и Нге-Ань).

Успех ПВО и ВВС ВНА в отражении американских массированных авиационных налетов превзошел все предварительные расчеты. За 12 дней боев был уничтожен 81 самолет противника, в том числе 34 стратегических бомбардировщика В-52 и три F-111. Зенитные ракетные войска уничтожили 54 самолета, из них 31 В-52; зенитная артиллерия — 20 самолетов (3 F-111 и 1 В-52); истребительная авиация записала на свой счет 7 вражеских машин, в том числе 2 В-52.

Собственные боевые потери ВНА были незначительными. За период проведения операции ВВС США нанесли 10 ударов по позициям зенитно-ракетных дивизионов, из них 4 — без потери боеготовности, 1 удар (ПРС «Шрайк») — полная потеря боеготовности (были повреждены и не подлежали восстановлению приемоантенная кабина (ПА), 5 дизель-электрических станций (ДЭС-75), 9 пусковых установок, 15 ракет и 1 тягач АТС-59. Причем вывод из строя этого дивизиона противорадиолокационным снарядом «Шрайк» произошел в результате грубого нарушения работы станции наведения ракет (СНР): боевой расчет станции в течение 80 секунд проводил поиск

и обнаружение целей в активном режиме работы с поднятым высоким напряжением. Остальные дивизионы получили незначительные повреждения (в трех дивизионах оказались поврежденными кабели) и были восстановлены за 12–15 суток. Таким образом, на один выведенный из строя дивизион пришлось 9 уничтоженных самолетов США. Истребительная авиация ВНА, совершив 31 самолето-вылет (из них 10 — ночью) и проведя 10 воздушных боев, потеряла всего 3 машины.

Особую роль в ходе отражения воздушных налетов ВВС США сыграли радиотехнические войска. Благодаря их усилиям войска ПВО и население страны имели довольно полную информацию о воздушной обстановке. За это время в условиях сильных помех были обнаружены и проведены 2875 воздушных целей, то есть примерно 239 самолетов в сутки. В ходе боевых действий эти подразделения потеряли всего одну радиолокационную установку.

* * *

Война во Вьетнаме была первой неокOLONиальной войной после Второй мировой войны. Военные действия в ней вели регулярные войска, с одной стороны, и партизанские формирования — с другой. Стратегия, оперативное искусство и тактика определялись требованиями противоповстанческих действий. Регулярные войска были вынуждены в большинстве случаев отражать нападения партизан на обширных территориях, днем и ночью. Понятия «тыл» и «фронт» отсутствовали. Эти условия боевой обстановки требовали от регулярных войск постоянной боевой готовности, что действовало угнетающе на личный состав.

Одной из сложнейших задач для командования регулярных войск является изоляция партизанского движения от помощи извне. Во Вьетнаме это привело к включению в театр военных действий соседних государств — Демократической Республики Вьетнам, Лаоса, Камбоджи и Таиланда. Тем самым произошла интернационализация конфликта. Расширение ТВД и оснащение войск современным оружием предполагало создание стратегических органов военного управления и развертывание необходимой инфраструктуры, а также

обеспечение группировки войск всем необходимым в течение длительного периода.

Успех противоповстанческих действий во многом определяется поддержкой населения. В условиях отсутствия тыла и применения новейших средств поражения неподготовленные к ним мирные жители несут огромные потери. В большинстве своем они не могут поддерживать иностранные войска, к тому же прибегающие к варварским методам вооруженной борьбы (ковровые бомбардировки, применение химикатов), как это имело место во Вьетнаме. Еще большее значение для достижения победы в неокOLONиальной войне приобретает поддержка населения страны, вмешавшейся во внутренний конфликт. Война во Вьетнаме окончилась военным поражением из-за того, что ее перестали поддерживать американцы.

3.4. В преддверии паритета

Признание американским президентом объективного характера движения народов за национальное и социальное освобождение сделало политически бессмысленным сохранение стратегии «массированного возмездия», поскольку она была жестко связана с «коммунистическими происками» в развале колониальных движений. На смену прежней пришла новая военно-политическая стратегия США — «гибкого реагирования».

«Стратегическая доктрина, — писал один из ее творцов, начальник штаба армии США во второй половине 1950-х гг. генерал М. Тэйлор, — которую я мог бы предложить взамен массированного ответного удара, называется стратегией «гибкого реагирования». Это название указывает на то, что мы должны быть способны реагировать на любой возможный вызов и успешно действовать в любой ситуации» [74]. Под «любой ситуацией» понималось, что США наряду с подготовкой к мировой ракетно-ядерной войне должны использовать в своих интересах все другие виды вооруженных конфликтов — от ограниченных войн с применением или без применения тактического ядерного оружия до вооруженных конфликтов и противопартизанских, противоповстанческих действий.

В начале 1960-х гг. новая американская администрация президента Дж. Кеннеди завершила разработку стратегии «гибкого реагирования». Разъясняя ее сущность в послании американскому конгрессу 28 марта 1961 г., Кеннеди говорил, что «стратегия США должна быть одновременно гибкой и решительной, предусматривать подготовку и ведение любых войн — мировых или локальных, ядерных или обычных» [75]. Развивая мысль президента, министр обороны Соединенных Штатов Макнамара в своей речи 16 июня 1962 г. признал, что стратегическая неуязвимость США исчезла и американская территория стала досягаемой для советского ракетно-ядерного оружия.

Смысл стратегии «гибкого реагирования» состоял в применении вооруженных сил и средств США в зависимости от сложившихся обстоятельств. Эта стратегия исходила из принципа соразмерности складывающейся военно-политической и военно-стратегической обстановки и применяемого оружия. Тем самым, по мнению американских специалистов, создавались условия для контроля эскалации военных действий, и одновременно учитывался принцип ограничения ущерба. Для этого нужно иметь такие вооруженные силы, которые обеспечивали бы Соединенным Штатам выбор военных средств борьбы при любых обстоятельствах всевозможной конфронтации с Советским Союзом.

Стратегия «гибкого реагирования» предусматривала строительство вооруженных сил, способных вести не только всеобщую ядерную войну, но и так называемые ограниченные войны. В связи с этим была введена система строительства американских вооруженных сил по оперативно-стратегическому предназначению. Основные задачи по ведению всеобщей ядерной войны возлагались на стратегические наступательные силы, а ограниченных войн — на силы общего назначения. Получила также дальнейшее развитие классификация видов и вооруженных конфликтов. Войны стали делиться по масштабам (всеобщая и ограниченная) и по применяемым средствам (ядерная и обычная). Американская теория считала возможным ведение четырех видов войн: всеобщая ядерная; ядерная на театре войны (например, в Европе); обычная на театре войны; обычная на театре военных действий («локальная») или в ограниченном

районе ТВД. Кроме того, предполагалось участие американских вооруженных сил в так называемых специфических («неконвенциональных») войнах и вооруженных конфликтах, прежде всего в зоне национально-освободительных движений [76].

Перед ядерными силами США ставилась задача снизить до «приемлемого» уровня потери Соединенных Штатов в промышленном потенциале и населении и обеспечить гарантированное уничтожение противника даже во втором ударе. В середине 1970-х гг. было признано возможным выполнить эти задачи при нанесении не только массированных, но и ограниченных ядерных ударов [77]. Строительство СНС США определялось также тем, что американское военное командование рассматривало стратегические ядерные средства как основу первого стратегического эшелона сил ядерного нападения на Советский Союз и страны социалистического лагеря. Они могли в наибольшей степени обеспечить внезапность нападения, массированное применение ядерных средств и упреждение противника в нанесении удара.

Помимо стратегических наступательных сил, в США была предпринята попытка развернуть еще одно средство ведения всеобщей ядерной войны — стратегические оборонительные силы (СОС). Для решения этой задачи предполагалось использовать имеющуюся противовоздушную оборону североамериканского континента (НОРАД) и развертываемую на американской территории объектовую противоракетную оборону. В связи с возникшими техническими трудностями создание стратегических оборонительных сил во второй половине 1970-х гг. было приостановлено.

Появление в СССР ракетных подводных лодок обусловило повышение внимания военного командования США к вопросам противолодочной обороны. Вдоль Атлантического и Тихоокеанского побережья Соединенных Штатов был развернут так называемый противолодочный пояс, включавший активные и пассивные средства борьбы с подводными лодками. На случай войны планировалось развертывание противолодочных позиционных рубежей в Норвежском, Балтийском и других морях, прилегающих к Атлантике и к Средиземному морю [78].

С принятием в США стратегии «гибкого реагирования» по-новому была сформулирована старая натовская концепция

«щита и меча». Выступая на сессии совета НАТО в Париже в декабре 1962 г., министр обороны США Макнамара заявил, что теперь «мечом» НАТО должны стать армии западноевропейских членов НАТО и войска США, размещенные в Европе, а американские стратегические силы (стратегические бомбардировщики и межконтинентальные баллистические ракеты) станут ядерным «щитом» НАТО¹. Таким образом, если в 1950-х гг. «щитом» были обычные вооружения, а «мечом» — стратегическая авиация, несущая атомные бомбы, то в 1960-х гг. они поменялись ролями.

Согласно стратегии «гибкого реагирования», в условиях возросших возможностей СССР по нанесению ответного удара, а также при снижении способности стратегических бомбардировщиков по прорыву ПВО войну против СССР и других стран Варшавского Договора планировалось вести вначале обычным оружием стран НАТО, затем — с использованием тактических, а в критической обстановке — и стратегических ядерных средств. Однако уже в 1962 г. президент Дж. Кеннеди высказался о возможном решении руководителей Соединенных Штатов нанести ядерный удар первыми, если их жизненные интересы окажутся под угрозой. При этом под «угрозой национальным интересам» он понимал любое противодействие внешней политике США².

Стратегия «гибкого реагирования» не исключала увеличения масштабов и расширения применяемых средств в ходе военных действий вплоть до применения ядерного оружия. «Концепция гибкого реагирования не означает, — отмечали западные исследователи, — отмены массированного возмездия, которое является ее дополнением»³. Основной смысл «массированного возмездия» не был отменен, а только как бы отошел на второй план, ибо стратегия «гибкого реагирования» исходила из того, что при определении форм использования вооруженной силы для осуществления глобальной стратегии, учитывая сложившееся соотношение сил, нужна определенная сдержанность.

¹ *Ржешевский О.А.* Военно-блоковая политика империализма. М., 1980. С. 254.

² Цит. по: Правда. 1983. 30 мая.

³ Цит. по: Военно-блоковая политика империализма. С. 250.

В этой связи возросла роль ограниченных войн как средства достижения каких-либо частных политических целей в регионах земного шара. Сдерживание коммунизма оставалось идеологической основой стратегии «гибкого реагирования».

Новый подход к ведению войны нашел отражение в изменении взглядов на строительство американских вооруженных сил. Дж. Кеннеди, будучи сенатором, выдвинул в 1960 г. следующую программу их развития: 1) сделать неуязвимыми и никому не уступающими ядерные силы; 2) обрести способность эффективно и быстро вмешиваться в любую ограниченную войну в любой точке земного шара [79].

Изменение взглядов на строительство СНС сопровождалось выработкой новых подходов к использованию ядерных сил, что нашло отражение в «Директиве по планированию центральной войны», разработанной министерством обороны США в 1961 г. Ее основные положения составили концепции «исключения городов (контрсилы)», «гарантированного уничтожения», «ограничения ущерба» и «устрашения в ходе войны».

«Исключение городов» предполагало, по крайней мере на начальном этапе всеобщей ядерной войны, нанесение ударов преимущественно по вооруженным силам противника. В новых условиях предполагалось внезапным ударом уничтожить основную часть советских средств доставки ядерных боеприпасов и лишить СССР возможности ответного удара, а затем угрозой ракетно-ядерной бомбардировки советских городов и уничтожения населения «попытаться закончить войну на выгодных для себя условиях». Первой целью становились не военно-промышленные и административно-политические центры, а позиции советских ракет, аэродромы авиации, средства ПВО. Их уничтожение делало беззащитными города. Эта концепция под названием «контрсила» была выдвинута министром обороны США Макнамарой в первой половине 60-х гг. Так, в феврале 1962 г., выступая в Чикаго, он заявил, что США могут использовать свои стратегические силы для уничтожения «баз противника, прежде чем он успеет сделать вторые залпы». В январе 1963 г. он предлагал нанести «удар сначала по советским базам бомбардировщиков, ракетным пусковым площадкам и другим военным установкам, связанным с их ядерными

силами дальнего радиуса действия, для того чтобы уменьшить силу любой последующей атаки с их стороны, а затем, в случае необходимости, ударить в ответ по советскому городскому и промышленному комплексу» [80].

Концепция «контрсилы» почти неизбежно отдавала преимущество той стороне, которая нанесет удар первой [81]. Ее направленность против «военного потенциала» противника была явной демагогией. Ракеты того времени, с их все еще невысокой точностью попадания, не могли действовать достаточно точно и надежно по компактным целям, какими являлись военные объекты. Так, например, ракеты «Поларис», устанавливавшиеся на первых подводных лодках и запускавшиеся из подводного положения, по признанию американских специалистов, в силу их малой точности предназначались для ударов по крупноплощадным целям — городам.

«Гарантированное уничтожение» означало необходимость наличия таких ядерных сил, которые были способны уничтожить противника как жизнеспособное общество даже в ответных действиях или, по американской терминологии, иметь «гарантированный потенциал ответного удара». Одновременно министерством обороны США были проведены расчеты по «гарантированному уничтожению» СССР при нанесении ударов по крупным городам (табл. 2).

При превышении уровня 400 боеголовок в ядерных ударах, по мнению американских специалистов, дальнейшее увеличение используемых боеприпасов вряд ли приводило к суще-

Таблица 2. Расчеты министерства обороны США по «гарантированному уничтожению» СССР

Количество боеголовок по 1 мегатонне	Людские потери, млн чел/ % к всему населению	Разрушение производственного потенциала, %
100	37/15	59
200	52/21	72
400	74/30	76
800	96/39	77
1200	109/44	77
1600	116/47	77

ственному изменению наносимого ущерба, так как потребуются наносить удары по небольшим городам [82].

В США концепция «гарантированного уничтожения» вылилась в строительство в городах атомных бомбоубежищ, а в школах и университетах проводились атомные тревоги. Было хорошо известно, что ракеты того времени, особенно дальнего действия, имеют очень низкую точность попадания. Это компенсировалось мощностью боевого заряда, достигавшего 10 мегатонн и более. Поэтому целью для ударов таких ракет могли быть только крупноплощадные цели, прежде всего крупные города-мегаполисы. В связи с этим Макнамара в 1961 г. выдвинул положение о «городах-заложниках». Им предусматривалось объявление определенных городов в США и СССР, которые в случае ядерной войны подвергнутся ракетным ударам. Эта мера мыслилась как некая позиция, согласованная с Советским Союзом, и гарантия, призванная удержать СССР от ракетно-ядерного удара по США.

Суть концепции «ограничения ущерба» заключалась в создании таких ядерных сил и разработке таких способов их применения, которые обеспечили бы снижение до приемлемого уровня потери США в населении и промышленном потенциале. «Устрашение в ходе войны» предусматривало создание резерва СНС и средств управления и связи для обеспечения «контролируемой» ядерной войны.

Стратегия «гибкого реагирования» предусматривала три варианта действий ядерных сил США:

- применение всех средств, включая стратегические средства воздушно-космического нападения, первыми по стратегическим силам противостоящей стороны (контрсиловой удар);
- нанесение «неприемлемого ущерба» экономическому потенциалу противника в ходе ответного или ответно-встречного удара по территории США (контрценностный удар);
- демонстративное военное давление на противостоящую сторону в период обострения международной обстановки.
- Поскольку территория США стала досягаемой для советских ракет, которые в считанные минуты могли разрушить многие американские города, часть стратегических

средств воздушно-космического нападения требовалось перенацелить с городов СССР на ракетные и авиационные базы с тем, чтобы свести до минимума силу советского ракетного удара. Дж. Кеннеди так определил эту задачу: «Сделать неуязвимой, не уступающей никому ядерную мощь возмездия». Но для ее выполнения было необходимо вывести из строя стратегические ядерные силы (СЯС) СССР до того, как они нанесут удар по городам США (контрсиловой удар), и нанести сокрушающий удар по культурно-политическим центрам и народно-хозяйственному потенциалу СССР. Такая постановка вопроса требовала количественного наращивания стратегических ракет, размещения их части (ракет средней дальности) на передовых базах, чтобы сократить подлетное время к целям на советской территории, повышения живучести ракетных средств первого удара. Все эти задачи решала принятая правительством Кеннеди программа развертывания стратегических вооружений, основу которой составляли следующие положения:

- форсированный ввод в строй межконтинентальных ракет и ракет на подводных лодках, а также стратегических бомбардировщиков (стратегическая триада);
- качественное совершенствование ракетного оружия (повышение точности поражения целей и технической надежности);
- повышение боевой эффективности при сравнительно небольших затратах за счет оснащения ракет разделяющими головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН), которые позволяли увеличить число боеголовок, поражающих объекты;
- создание дополнительной стратегической угрозы развертыванием ракет средней дальности в Европе («Тор», «Юпитер») и подводными лодками с ракетами «Полярис», что позволяет сократить подлетное время [83].

Вариант первого удара по СССР был, видимо, наиболее предпочтительным. Во всяком случае в 1962 г. Кеннеди говорил о том, что Советский Союз «не должен быть уверен, что Соединенные Штаты не нанесут первый удар, если их жизнен-

ные интересы окажутся под угрозой». В дальнейшем он пошел еще дальше, сказав, что «при определенных условиях мы должны быть готовыми к применению ядерного оружия первыми». Такого рода высказывания были рассчитаны на психологическое устрашение советского руководства: США, используя свой огромный экономический потенциал и технологическое превосходство, не остановятся перед развязыванием ядерной войны, если сочтут это необходимым. «Мы даем нашему возможному противнику наисильнейший побудительный мотив... чтобы воздержаться от удара по нашим городам», — подчеркивал Макнамара в речи 16 июня 1962 г.¹

Наиболее эффективным способом развязывания всеобщей ядерной войны считалось внезапное нападение, которое, по мнению военно-политического руководства США, приводило к значительному ослаблению ответных ядерных ударов противника, обеспечивало захват стратегической инициативы с самого начала военных действий и резко изменяло обстановку и соотношение сил в пользу нападающего. Для внезапного нападения требовались такие силы, которые могли бы осуществить его без предварительной подготовки к военным действиям и усиления группировки войск первого эшелона, то есть наличными силами и средствами. Не исключалась возможность внезапного нападения после проведения некоторых подготовительных мероприятий по повышению боевой готовности вооруженных сил. Война могла быть также развязана после периода обострения международной обстановки, в течение которого предусматривалось привести вооруженные силы в полную боевую готовность и значительно увеличить боевой состав группировок сухопутных войск, ВВС и ВМС на театрах военных действий. Получила дальнейшее развитие теория внезапного нападения, в соответствии с которой оно могло осуществляться «внезапным (первым) ударом» и «упреждающим ударом» ракетно-ядерных средств. Внезапный удар предполагалось наносить по противнику, группировка которого находится на мирном положении, а упреждающий — по противнику, проводящему мероприятия по переводу войск на военное положение [84].

¹ New York Times. 1962. June 16.

*Баллистическая ракета
средней дальности «Тор»*

Для обеспечения внезапного нападения американское военное командование приняло дополнительные меры по повышению боеспособности и боеготовности вооруженных сил. В СНС США возрос удельный вес межконтинентальных баллистических ракет, боевая готовность которых превышает 90%, а степень надежности пусков также составляла 90%. Увеличилось количество подводных лодок с баллистическими ракетами, обладавшими более высокой неуязвимостью, так как 60% этих сил могло находиться в море, где их трудно засечь и сопровождать. Значительная часть стратегической авиации была переведена на 15-минутную готовность на аэродромах. Было увеличено количество тяжелых бомбардировщиков, патрулирующих в воздухе с ядерными бомбами на борту [85].

Создание материальных предпосылок для внезапного развязывания всеобщей ядерной войны обусловило разработку проблем предупреждения о ее начале. В Соединенных Штатах были выделены два вида предупреждения: стратегический и тактический. К стратегическому предупреждению были отнесены

данные о вероятном нападении противника за несколько часов до его совершения. Тактическое предупреждение означало получение данных о вероятном нападении противника за несколько минут до нанесения им удара или в ходе его.

С принятием в США стратегии «гибкого реагирования» произошли изменения в коалиционной стратегии Североатлантического альянса. Было выдвинуто положение о «расширенном устрашении», которое предполагало обязательное применение Соединенными Штатами ядерного оружия для защиты своих западноевропейских союзников. В связи с этим американским ядерным силам стала отводиться роль «щита», а не «меча». Было признано также целесообразным за счет развития тактического ядерного оружия создать связующее звено между обычными силами стран блока и стратегическими ядерными силами США, объединив три компонента в «триаду» НАТО. При этом союзники преследовали различные цели. Соединенные Штаты рассчитывали с созданием «триады» альянса ограничить Европой ведение военных действий с применением ядерного оружия. Американские партнеры по блоку рассматривали тактическое ядерное оружие как «спусковой крючок» американских стратегических наступательных сил.

Практическое осуществление развертывания тактического ядерного оружия в Западной Европе началось по «плану МС — 70», принятому советом НАТО в 1958 г. В соответствии с ним было начато строительство сети ракетных баз, а также передача ракет оперативно-тактического назначения всем армиям стран блока (кроме Португалии, Исландии и Люксембурга). Согласно плану, предусматривалось подготовить в составе блока к 1964 г. 30 боеготовых дивизий, оснащенных ядерным оружием. Вооруженные силы европейских стран НАТО и войска США, расположенные в Европе, насыщались ракетами тактического и оперативно-тактического назначения, самолетами тактической авиации, способными нести ядерные боеприпасы, атомной артиллерией. Уже к середине 1963 г. ракетные части НАТО в Европе включали 2 дивизиона ракет «Редстоун», 2 дивизиона «Сержант», 8 дивизионов «Капрал», 3 дивизиона тактических крылатых ракет «Лакросс», 25 дивизионов неуправляемых ракет «Онест Джон». Американские ВВС в ФРГ имели 6 эскадри-

лий крылатых ракет «Мейс». Атомная артиллерия калибра 280 и 203,2 насчитывала 26 дивизионов.

Особенно бурно шло внедрение ракетного оружия в войска западногерманского бундесвера. В 1963–1964 гг. в нем были сформированы 3 дивизиона ракет «Сержант». В дальнейшем их число удвоилось. Было сформировано 14 дивизионов ракет «Онест Джон», которые в 1966–1967 гг. были заменены американскими управляемыми ракетами «Ланс» с дальностью действия до 75 км. Все эти типы ракет могли нести ядерные боеприпасы, что предусматривалось «стратегическим принципом» бундесвера. Как заявил тогдашний военный министр ФРГ фон Хассель, руководство бундесвера предусматривает применение «атомного оружия как на поле боя, так и в оперативном и стратегическом районах». В качестве носителей ядерного оружия могла применяться и тактическая авиация ФРГ. Основной упор делался на оснащение большинства авиационных эскадр истребителями-бомбардировщиками F-104С. Уже в 1964 г. 60% всех средств доставки ядерного оружия в бундесвере приходилось на западногерманские ВВС. В 1964–1965 гг. крылатые ракеты «Матадор» в ВВС бундесвера были заменены крылатыми ракетами «Мейс», которые поступили на вооружение двух эскадр. Самолетами F-104С вооружалась и военно-морская авиация [86].

Осуществлялась также передача средств ядерного нападения непосредственно в распоряжение командования вооруженных сил блока. В 1963 г. верховному главнокомандующему вооруженными силами НАТО в Европе были переданы три американские подводные лодки с ракетами «Поларис», часть английских стратегических бомбардировщиков «Вулкан» и «Виктор», вооруженных крылатыми ракетами «Блюстил» класса «воздух — земля». Канада, ФРГ, Бельгия, Голландия, Италия передали в НАТО несколько эскадрилий тактических истребителей, способных нести ядерные бомбы. К НАТО также были приписаны самолеты — носители ядерных бомб из состава французской тактической авиации, размещенной в Западной Германии. Большая часть этих средств воздушного нападения составила в дальнейшем костяк так называемых мобильных сил НАТО.

Мобильные силы Североатлантического блока были созданы в 1960 г. как составная часть Объединенных вооруженных сил

НАТО. Они представляли собой формирование, находящееся уже в мирное время в повышенной боевой готовности и непосредственном подчинении верховного главнокомандующего ОВС Североатлантического союза в Европе. В мобильные силы вошли подразделения сухопутных войск и ВВС восьми стран — участниц блока. Подразделения мобильных сил были полностью укомплектованы личным составом, оружием и военной техникой. Эти силы, по мысли военного командования НАТО, должны были обладать высокой боеспособностью и находиться в постоянной готовности к переброске в район, где могли начаться военные действия. Предполагалось, что они явятся для НАТО «Интегрированной силой, оснащенной ядерным оружием». В 1965 г. мобильные силы включали выделенные контингенты сухопутных войск Бельгии, Канады, ФРГ, Италии, Англии, США, а также части ВВС этих стран (без Канады) и ВВС Голландии. В середине 1960-х гг. мобильные силы участвовали в крупных учениях НАТО, особенно тех, что проводились у границ стран социалистического содружества [87].

С началом размещения в Европе американского тактического и оперативно-тактического ядерного оружия США предприняли шаги по интеграции ядерных сил НАТО под своей эгидой. Осенью 1959 г. был выдвинут проект превращения Североатлантического союза в «четвертую атомную силу». Он предстал в виде плана создания так называемых многосторонних ядерных сил НАТО (МЯС). Причем ядерным силам уже отводилась роль «щита» блока, а обычным силам — «меча» [88]. В соответствии с таким распределением ролей проводилось дальнейшее ускоренное развитие в составе военно-воздушных и военно-морских сил Соединенных Штатов и Великобритании ракетных частей стратегического назначения и создание в странах блока хорошо оснащенных высококомобильных обычных вооруженных сил, прежде всего сухопутных войск.

Ядерные силы как «щит» Западной Европы превращались в средство «сдерживания». Они должны были осуществлять «расширенное устрашение». После того как США в декабре 1962 г. согласились оснастить британские ВМС стратегическими ракетами морского базирования, американским и британским руководством было решено создать так называемые

межсоюзнические ядерные силы из соединений и частей ВМС и ВВС Соединенных Штатов и Великобритании как замена МЯС. Однако это решение не было проведено в жизнь, поскольку американские и британские средства оставались в полном подчинении своих национальных командований. Тем самым не обеспечивался допуск других стран блока к участию в разработке плана использования и в руководстве этими ядерными силами. Американско-британское предложение не нашло поддержки у большинства стран — участниц блока, а Франция, взявшая курс на создание собственных ядерных сил, заняла резко отрицательную позицию [89]. К 1970-м гг. Соединенные Штаты и вовсе отказались от идеи создания «многосторонних ядерных сил», поскольку ее осуществление не исключало в перспективе физической передачи американского ядерного оружия союзникам по НАТО и могло иметь неблагоприятные последствия для позиций США в блоке. Американское руководство предпочло выдвинуть формулу ядерного сотрудничества с союзниками без физической передачи им самого оружия.

Североатлантический союз в 1967 г. принял коалиционную стратегию «гибкого реагирования» (МС 14/3). В Соединенных Штатах подобная стратегия действовала с приходом Дж. Кеннеди к власти в начале 1960-х гг. Суть ее заключалась в отходе от жесткого курса на развязывание всеобщей ядерной войны и переходе в военной политике к «дозированному применению силы» [90]. Применительно к европейскому континенту стратегия «гибкого реагирования» сводилась к обеспечению «лестницы эскалационных вариантов, которая связала бы обычное оружие со стратегическими системами посредством ядерных вооружений, развернутых в Европе, как тактических, так и средней дальности, приданных главнокомандующему стратегическими силами НАТО в Европе» [91].

Центральным элементом европейского варианта стратегии «гибкого реагирования» была идея эскалации. Именно она должна была «связать» американские и британские стратегические наступательные силы с «обороной» Западной Европы и обеспечить «единство европейской зоны безопасности». Возможность эскалации военных действий до применения стратегических наступательных сил должна была убедить «вероятного

противника» в готовности США использовать их, а у западноевропейских союзников развеять страх того, что Соединенные Штаты не решатся начать всеобщую ядерную войну и остановятся на «ограниченной ядерной войне» на континенте. В дальнейшем разрешить это противоречие американское военнополитическое руководство пыталось за счет «эскалационного доминирования», которое должно было обеспечиваться «угрозой эскалации конфликта, способной убедить противника в том, что его нападение вызовет ответные действия, по своему размеру и масштабу превосходящие те, которые представляются ему приемлемыми» [92].

В то же время западноевропейские союзники США понимали, что ликвидация автоматизма американских стратегических «гарантий» с принятием стратегии «гибкого реагирования» была равнозначна курсу на «ограниченную» войну в Европе. Превращение этой стратегии в атлантическую укрепило американские правящие круги в правильности их подхода к тактическому ядерному оружию как к средству, дающему возможность реализовать теоретически «спасительный» (для США) вариант ограниченной ядерной войны. Но это не устраивало американских союзников по блоку. Поэтому они, с одной стороны, ставили вопрос о применении тактического ядерного оружия на ранних этапах военных действий, а с другой — подчеркивали необходимость свести к минимуму разрушительные последствия его использования. Признавая эффективность ядерного оружия, западноевропейцы боялись применять его со своей территории, поскольку то, что было ограниченным для Соединенных Штатов, могло бы для них оказаться катастрофическим. Иными словами, они добивались того, чтобы США взяли обязательство о раннем использовании стратегического ядерного оружия, что означало бы советско-американскую ядерную войну, которая велась бы через их головы. Но это противоречило намерениям американского руководства.

В Западной Европе предпочитали концепцию войны, которая предполагала бы символическое применение ядерного оружия в качестве «предупреждения». Согласно этой концепции, уже следующим шагом — почти как в «массированном возмездии» — был бы немедленный удар стратегическими ядерными

силами США. Его использование в данном контексте служило бы неким стратегическим «сигналом». Вопрос о предупредительном «сигнале» всплыл только в 1981 г. во время выступления госсекретаря США перед комитетом по международным отношениям американского сената. Он заявил, что в рамках стратегии НАТО имеются чрезвычайные планы применения ядерного оружия в качестве предупреждения, чтобы показать другой стороне, что в области использования обычного оружия она превышает предел, с которым можно мириться. На следующий день это утверждение было дезавуировано министром обороны в другом сенатском комитете. Вышедший на поверхность конфликт в связи с вопросом о «предупредительном» («демонстрационном») использовании ядерного оружия вновь выявил негативное отношение правящих кругов США к тем вариантам применения ядерного оружия в интересах НАТО, которые создавали бы риск для самих Соединенных Штатов.

Стратегией «гибкого реагирования» США, наряду с ведением ядерной войны, было признано возможным ведение ограниченных войн. Согласно тогдашним военно-теоретическим взглядам, достижение политических целей в ограниченных войнах не должно вести к радикальным изменениям в сложившейся расстановке сил в мире и не должно привести к развязыванию всеобщей ядерной войны [93]. К целям ограниченных войн были отнесены: создание плацдармов вокруг стран социалистического лагеря; вывод из противостоящего военного союза одного или несколько государств; сохранение или захват важных экономических и стратегических районов; подавление национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах; поддержка дружественных режимов.

Войны относились к типу ограниченных по поставленным целям, пространственному размаху (локальные), по используемому оружию. Во-первых, противоборствующие стороны ограничиваются поражением тех военных и гражданских объектов, которые расположены в зоне боевых действий, и не наносят удары даже по жизненно важным объектам вне ее. Во-вторых, боевые действия ведутся в стране, не обладающей ядерным оружием, правительство которой не согласилось применять ядерное оружие на своей территории. В-третьих,

военные действия ведутся в отдельной стране или ограниченном регионе. В-четвертых, в вопросах применения боевых сил и средств основной упор делался на ограничение использования ядерного оружия, но не исключалось применение другого оружия массового поражения (химического, бактериологического). В то же время считалось возможным использовать в ограниченной войне ядерные боеприпасы мощностью от 1 до 100 тыс. т взрывчатки (ТНТ) на оперативно-тактических носителях [94].

По мере расширения вмешательства США во внутренние дела развивающихся стран была разработана концепция «противоповстанческих действий». Под ними понимались «военные, полувоенные, политические, экономические, психологические и гражданские мероприятия, осуществляемые правительством, чтобы нанести поражение повстанческим силам»¹. Американские войска в противоповстанческих действиях предполагалось использовать против антиправительственных сил либо для тылового обеспечения боевых действий правительственных сил союзников [95].

Ведение ограниченных войн и противоповстанческих действий возлагалось на так называемые силы общего назначения. В них входили сухопутные войска, тактическая и бомбардировочная авиация ближнего действия, военно-морские силы (без атомных подводных лодок, вооруженных баллистическими ракетами). Кроме того, получил официальное признание новый род войск — войска специального назначения.

В 1964 г. все дивизии сухопутных войск были переведены на новые штаты. Было создано четыре типа дивизий: пехотная, механизированная, бронетанковая и воздушно-десантная. Они имели единый набор дивизионных частей, так называемую дивизионную основу. Тип дивизии определялся количеством входящих в нее батальонов (танковых, мотопехотных, пехотных, парашютно-десантных) [96]. На войска специального назначения возлагалась задача по ведению боевых действий в тылу противника своими силами и с привлечением местного населения. По свидетельству американских специалистов, в во-

¹ Department of Defense Dictionary. Wash., 1972. P. 125.

енном отношении войска специального назначения являлись наследниками западных спецслужб и батальонов «рейнджеров» времен Второй мировой войны, а по задачам и используемым методам — Управления стратегических служб (американской стратегической разведки начала 1940-х гг.) [97].

Идея создания войск специального назначения возникла еще во время войны в Корее. В начале 1952 г. в Комитете начальников штабов США было рассмотрено предложение армии, ВВС и ЦРУ по этому вопросу. Было принято решение поручить сухопутным войскам сформировать войска специального назначения, а военно-воздушным силам — взять на себя обеспечение боевых действий. Привлечение Центрального разведывательного управления было признано нецелесообразным. В июне 1952 г. была создана первая часть — 10-я Группа воздушно-десантных войск специального назначения. Но самостоятельным родом войска специального назначения стали только в начале 1960-х гг.

Строительство сил общего назначения определялась концепциями «двух с половиной войн», «ограниченной войны» и «противоповстанческих действий». Концепция «двух с половиной войн» предполагала такое развитие вооруженных сил США, которое позволяло бы вести две крупные войны в Европе и Азии, в том числе с применением тактического ядерного оружия, а также осуществлять «малые интервенции» в Африке, на Ближнем Востоке или в Латинской Америке. Концепция «ограниченной войны» исходила из необходимости увеличения сил общего назначения и оснащения их самым современным обычным оружием. Для ведения «противоповстанческих действий» предусматривалось, помимо проведения специальной боевой подготовки сил общего назначения, создание сил специальных операций.

Использование сил общего назначения США определялось концепциями «передового базирования», «стратегической мобильности» и «контроля над морем». Концепция «передового базирования» предусматривала расширение глобальной системы американских опорных пунктов. На военных базах и в оперативных группировках военно-морских сил в определенных зонах морского пространства планировалось иметь стратеги-

ческую и тактическую бомбардировочную авиацию, а также атомные подводные лодки с ракетами и интервенционистские войска. Эти силы должны были принять активное участие в нанесении внезапного ядерного удара по Советскому Союзу или в ограниченной войне.

Придание «стратегической мобильности» силам общего назначения обуславливалось глобальными военными обязательствами Соединенных Штатов и необходимостью усиления американских заморских группировок. С этой целью еще в конце 1950-х гг. была выдвинута идея создать из объединенных сухопутных войск стратегический резерв первой очереди, способный реагировать на изменение военно-политической обстановки в различных районах мира. Она была воплощена в создании стратегического корпуса сухопутных войск в составе 3-го армейского и 18-го воздушно-десантного корпусов. В начале 1960-х гг. в стратегический резерв были включены средства авиационной поддержки и авиатранспортные средства. В 1961 г. для руководства стратегическим резервом первой очереди было создано Ударное командование, получившее статус объединенного и переданное в оперативное подчинение Комитету начальников штабов вооруженных сил США. В 1963 г. ударному командованию была выделена зона ответственности, в которую вошли Ближний и Средний Восток, Африка и Южная Азия [98].

Концепция «контроля над морем» определялась двумя обстоятельствами. Во-первых, с геополитической точки зрения США являются «островным» государством и их благополучие зависит от выгодного соотношения сил и свободы судоходства в Мировом океане. Во-вторых, глобальные обязательства Соединенных Штатов по «содействию безопасности» многих стран на различных континентах требуют наличия эффективных средств для создания благоприятной военно-политической обстановки в различных районах мира. Контроль на море обеспечивается морской мощью США. К ее основным элементам относились военно-морские силы, морской транспортный (торговый) флот и система их базирования. По свидетельству американского президента Дж. Форда, американский военно-морской флот и морская пехота с 1958 по 1970 г. обеспечили быстрое вмешательство

в различные острые ситуации 49 раз¹. Из них в 32 случаях речь шла об «устрашении» путем простой отправки в зону кризиса американских кораблей и морских пехотинцев. В остальных ВМС США использовались для прямой интервенции, морской блокады, воздушных и артиллерийских бомбардировок.

Одно из важнейших преимуществ в применении военно-морских сил американское руководство видело в возможности сосредотачивать ударную группировку в непосредственной близости от вероятного вооруженного конфликта, не вызывая политических и дипломатических осложнений. Однако в рамках стратегии «гибкого реагирования» ВМС отводилась вспомогательная роль. Главной задачей в войне была не борьба с кораблями и подводными лодками противника, а переброска в районы боевых действий войск, военной техники и предметов материально-технического и тылового снабжения [99].

Помимо формирования национальной системы военного управления, в начале 1960-х гг. стала складываться система органов «кризисного управления». С их помощью обеспечивалось политическое и военное руководство деятельностью американских вооруженных сил в различных районах и странах мира. Формирование этой системы шло на фоне расширения участия Соединенных Штатов в борьбе с революционным и национально-освободительным движением. Система кризисного управления была призвана обеспечить «программу использования за границей всех американских средств для предотвращения или нанесения поражения подрывной повстанческой деятельности, включая вопросы разработки противоповстанческих планов и их реализацию правительственными ведомствами и их заграничными представительствами» [100].

Первым шагом в реализации программы стало создание при СНБ межведомственного органа по противоповстанческим действиям, получившего название координационной противоповстанческой группы. Она возникла в 1961 г. после провала американского вторжения на Кубу. Сначала в нее вошли министр юстиции (брат президента США Дж. Кеннеди), директор ЦРУ, помощник президента по национальной безопасности и на-

¹ Sea Power. 1975. May. P. 24.

чальник штаба ВМС [101]. К началу 1962 г., когда началась реализация программы вторжения на Кубу «Мангуста», состав координационной группы изменился. В нее вошли государственный секретарь (председатель), представитель Федерального бюро расследования (ФБР)¹ от министерства юстиции, министр обороны, председатель Комитета начальников штабов, директор ЦРУ, директор управления международного развития, директор информационного агентства, помощник президента по национальной безопасности².

Одновременно в дипломатических представительствах США развивающихся стран были созданы «местные группы». Их возглавили главы посольств и дипломатических представительств Соединенных Штатов. И поныне в американском дипломатическом ведомстве имеются высокопоставленные чины, специализирующиеся на всякого рода «революциях роз», «тюльпанов» и т.п. Состав местных групп зависел от выполняемой задачи и привлекаемых сил. В нее могли входить начальник группы военных советников и военной помощи, представитель информационного агентства США, советники или атташе по политическим и экономическим вопросам, руководители резидентур ЦРУ, военной разведки и ФБР, представители американских министерств и ведомств в стране по усмотрению посла³. На местную группу была возложена задача разрабатывать план «внутренней обороны» страны пребывания и проводить его в жизнь, координируя всю деятельность американских учреждений и частных организаций и фирм в данном государстве. Подготовка, организация и проведение боевых действий возлагались на объединенные командования вооруженных сил США в стратегических зонах [102].

К началу 1960-х гг. первый стратегический эшелон американских вооруженных сил состоял из шести объединенных и одного специального (стратегического авиационного) командования. В 1961 г. было создано объединенное Ударное командование. В него вошли наиболее боеготовые соединения и части сухо-

¹ Еще в 1930-х гг. на ФБР была возложена задача вести внешнюю разведку в Латинской Америке.

² Military Review. 1965. April. P. 27.

³ U.S. Naval Institute Proceedings. 1965. February. P. 39.

путных войск и тактической авиации, дислоцировавшиеся на континентальной части США. Они составили боеготовое объединение стратегического резерва, предназначенное для действий вне зоны ответственности объединенных командований вооруженных сил США.

В 1962 г. в директиве министра обороны была поставлена задача превратить национальную систему военного управления в глобальную систему оперативного управления (ГСОУ) вооруженных сил США. Она должна была обеспечить применение американских войск в различных районах мира на любой стадии конфликта — от политического кризиса до всеобщей ядерной войны. ГСОУ была призвана стать материальной основой непрерывного обеспечения «национальной безопасности» Соединенных Штатов в различных районах мира и устойчивости, непрерывности и гибкости управления [103].

Одним из важных способов достижения устойчивости управления стало дублирование командных пунктов. Во второй половине 1960-х гг. возросло внимание к развитию воздушных командных пунктов (ВКП), которые рассматривались как запасные. Они, по мнению американских специалистов, должны были взять на себя управление войсками в случае вывода из строя наземных командных центров и пунктов. ВКП были развернуты в стратегических звеньях: ВКП главных командований вооруженных сил США в зонах Атлантического и Тихого океанов, Европы; ВПК стратегического и тактического авиационных командований [104].

Наиболее развитой системой управления на стратегическом уровне обладало специальное стратегическое авиационное командование (САК). Главный командный пункт САК поддерживал связь с 150 пунктами управления межконтинентальных баллистических ракет и 50 командными пунктами частей, дислоцировавшихся по всему миру. Он выполнял роль центра глобальной системы связи и имел прямую телефонную связь с национальным центром управления вооруженных сил [105].

С созданием ГСОУ получили также развитие органы управления объединенных командований вооруженных сил США на театрах военных действий. В их зонах ответственности было начато оборудование защищенных наземных командных пунктов

главных командований, командований видов вооруженных сил и объединений на заморских ТВД. С начала 1970-х гг. были развернуты работы по созданию воздушной системы радиолокационного обнаружения и управления боевыми действиями авиации — АВАКС. Она позволяла гибко использовать авиацию в различных районах мира [106].

Создание глобальной системы оперативного управления потребовало от министерства обороны США развертывания гибкой, глобальной, автоматизированной системы связи, способной обеспечить управление в любых условиях обстановки. В связи с этим было отвергнуто положение, когда каждый вид вооруженных сил создавал собственную систему связи. С начала 1960-х гг. линии дальней связи были переданы в подчинение управлению связи министерства обороны. На него была возложена задача создать объединенную систему связи вооруженных сил. Управление отвечало за развитие и обеспечение работы линий дальней связи в звене НСВУ-командование и штабы специальных и объединенных командований — компоненты объединенных командований от видов вооруженных сил. Развитие системы связи компонентов в объединенном командовании оставалось в ведении соответствующего вида вооруженных сил.

В основу разработки объединенной системы связи вооруженных сил США были положены следующие требования: надежность, точность, скрытность, емкость, гибкость и совместимость с гражданскими средствами связи. Для ее управления в 1963 г. был создан комплекс центров управления связи: национальный центр (оперативный центр управления связи МО США в Вашингтоне), зональные центры (на континентальной части США, на Аляске, в Европейской и Тихоокеанской зонах) и районные центры (на полуострове Лабрадор, на Филиппинах, в Великобритании, Испании, Турции и Японии)¹. Национальный, зональный и районные центры связывались стратегическими направлениями связи, включавшими средства коротковолновой, кабельной, тропосферной, ионосферной и спутниковой связи.

Начало 1960-х гг. ознаменовалось также отходом на театрах военных действий от систем связи, опирающихся на одну ось.

¹ Missiles and Rockets. 1963. March 25; 1963. March 26.

Новая архитектура связи состояла из примерно одинакового количества продольных и поперечных линий и схематично имела вид координатной сетки (порайонная система связи). В местах пересечения и в узловых пунктах стали устанавливаться коммутаторы, распределительные устройства и ретрансляторы. Их равномерное распределение по району позволяло штабам и боевым частям подключаться к системе связи. Поскольку порайонная система требовала большого количества обслуживающего персонала и материалов, ее использование становилось приемлемым только в том случае, когда она не только обеспечивала связью действующие войска, но и радио- и радиотехническую разведку, защиту от помех, предупреждение от атомного нападения. Организационно порайонные системы связи стали делиться на сеть связи театра войны, армейскую сеть связи, сеть связи зоны боевых действий [107].

С 1957 г. началась работа по созданию объединенной системы связи Североатлантического союза. Ее целью было наладить связь между основными командованиями НАТО. В результате принятых мер в конце 1960-х гг. были развернуты системы связи «Вайд» и «Айс Хай». Система «Вайд» обеспечивала автоматизированный обмен информацией в стратегическом звене между высшими органами управления блока и руководством стран-участниц, а также между этими странами. Система тропосферной связи «Айс Хай» связала органы управления и войска альянса от северной оконечности Норвегии через Великобританию, Центральную Европу, Италию и Грецию до Турции. В 1970-х гг. в Европейской зоне сеть связи начала переводиться на порайонную систему [108].

Глобальные военные обязательства и напряженный характер военных действий предопределили возрастание внимания американского военного командования к вопросам тыла. В начале 1960-х гг. была принята программа его совершенствования. В ней предусматривалось: 1) расширить права командующих на ТВД в вопросах тылового обеспечения подчиненных им войск; 2) сделать тыл на ТВД универсальным. Тыл должен был отвечать следующим требованиям: удовлетворять потребности войск в мирное время; быть готовым обеспечивать войска во всеобщей ядерной и ограниченной войнах; обладать неуязвимостью

и способностью к восстановлению сил и средств после обмена ядерными ударами. В основу подготовки тыла были положены следующие принципы: тыл должен быть подготовлен к войне в условиях мирного времени; в первые три месяца военных действий снабжение войск должно осуществляться за счет запасов, созданных в мирное время; запасы должны рассредотачиваться и эшелонироваться на всю глубину ТВД; подразделения и части служб тыла должны обладать высокой подвижностью, автономностью и неуязвимостью [109].

Размах ожидаемых военных действий вооруженных сил США предопределил выделение в самостоятельное направление военного строительства развитие сил и средств стратегических перебросок. В связи с этим стали создаваться самостоятельные военно-транспортные объединения. Кроме того, предусматривалось их усиление гражданскими транспортными средствами. Авиационные силы и средства предназначались для развертывания и усиления группировок войск на заморских ТВД на начальном этапе стратегического развертывания. Морские транспортные средства должны были обеспечивать стратегические переброски в ходе длительных военных действий и в мирное время.

Уже в середине 1950-х гг. выдвигались предложения о централизации всех транспортных сил и средств. Но только в 1964 г. была создана единая служба перевозок и обслуживания перевалочных пунктов министерства обороны США. В 1965 г. она была преобразована в командование воинских перевозок (КВП). Основные воинские перевозки приходились на военно-морскую транспортную службу (ВМТС). Она обеспечивала перевозки крупногабаритных и крупнотоннажных грузов. ВМТС располагала четырьмя зональными командованиями: Атлантическим с центром в Нью-Йорке, Тихоокеанским с центром в Окленде, Дальневосточным с центром в Йокогаме (Япония) и Восточно-Атлантическим с центром в Бремерхафене (ФРГ). Морские перевозки обслуживались судами, принадлежащими ВМС или государству, а также судами частного торгового флота. Ядро судов ВМС составляли суда специального назначения. Кроме того, для переброски войск могли быть использованы в боевой обстановке авианосные и амфибийные силы флота [110].

Под давлением военно-промышленного комплекса США, о чем ярко высказался президент Д. Эйзенхауэр в своей прощальной речи в январе 1961 г., гонка вооружений продолжала набирать обороты в Соединенных Штатах. Когда в 1961 г. в Белом Доме утверждалась программа твердотопливных межконтинентальных ракет «Минитмен», советники президента считали, что интересы национальной безопасности страны не требуют принятия на вооружение такого количества (950) ракет «Минитмен». США ежегодно вводили в строй новые атомные подводные лодки-ракетоносцы, твердотопливные МБР «Минитмен», поддерживали в боевой готовности тяжелые жидкостные ракеты первого поколения «Титан-2», стратегические бомбардировщики В-52. В те дни казалось, что горячее дыхание близкой ядерной войны, которой едва удалось избежать, отрезвляюще подействует на политиков, откроет дорогу к прекращению дальнейшей гонки вооружений. Но этого не произошло. Милитаристское мышление не было изжито и продолжало доминировать в политике. Об этом наглядно свидетельствует регулярное приведение американских стратегических ядерных сил в боевую готовность: при размещении советских ракет на Кубе (октябрь 1962 г.), выводе американских ракет из Турции (апрель 1963 г.), Арабо-израильской войне (октябрь 1963 г.), захвате разведывательного корабля «Пуэбло» Северной Кореей (январь 1968 г.). Во все из перечисленных эпизодов в столкновение могли быть вовлечены советские Вооруженные силы. Чаще на силовом варианте развития событий настаивала американская сторона. В упомянутых инцидентах Советский Союз лишь однажды, в период Карибского кризиса, привел свои стратегические силы в боевую готовность.

И хотя Карибский кризис показал, что ядерное оружие не может быть «оружием победы», что только компромисс, взаимные уступки, понимание интересов друг друга и глобальных интересов всего человечества являются действенным средством урегулирования конфликтов в наше время, стереотипы холодной войны вновь восторжествовали. США вновь устремились в борьбу за сохранение и наращивание своего ядерного превосходства. В результате гонка вооружений получила новый импульс. В 1963–1964 гг. в США были введены в строй четыре

*Старт ракеты
«Минитмен-2»*

ракетные базы, на каждой из которых имелось по крылу ракет «Минитмен» (150–200 ракет). Ракеты размещались в бетонированных шахтах глубиной 30 м. Время подготовки к пуску составляло 30 секунд. На вооружение поступили тяжелые МБР «Титан-2» [111]. В отличие от МБР первого поколения, которые запускались с поверхности земли, новые ракеты могли взлетать непосредственно из шахт. Полным ходом велось и строительство атомных подводных лодок с ракетами «Поларис». Ежемесячно на воду спускался один атомный ракетоносец. И если правительство Эйзенхауэра планировало построить 45 атомных ракетоносцев к 1970 г., то теперь программа предусматривала ввести в строй уже к 1964 г. 41 лодку [87, с. 145]. Даже по оценкам специалистов министерства обороны США такой ядерный арсенал в пять раз превышал те боезапасы, которые военное ведомство считало достаточными для «гарантированного уничтожения» намеченных на территории СССР объектов. Сам

Макнамара признавал, что «с теми силами, которые мы предлагаем поддерживать, мы будем иметь даже излишек ядерной мощи сверх наших потребностей» [111, с. 34].

Пересмотр концепции «первого удара» сказался и на планах применения ракет средней дальности с передовых баз прежде всего в Западной Европе. Устаревшие громоздкие ракеты «Тор» и «Юпитер», развернутые на открытых, незащищенных позициях, требовавшие длительной подготовки к пуску, были сняты с вооружения в 1963 г. и выведены из европейских стран, где они были развернуты. Их должны были заменить патрулировавшие в прибрежных акваториях Европы атомные подводные лодки с ракетами средней дальности «Поларис». В отличие от МБР, их полет до объектов поражения занимал около 30 минут. «Поларисы», запускаемые с более близких к Советскому Союзу расстояний, могли быстрее достичь его территории и поразить намеченные цели. «После 1963 года, когда Соединенные Штаты обдуманно убрали с континента свои ракеты «Тор» и «Юпитер», НАТО не стало разворачивать каких-либо ракет промежуточной дальности, — писала в 1983 г. газета «Нью-Йорк таймс». — НАТО полагалось на межконтинентальные ракеты, развернутые в Северной Америке, на подводные лодки-ракетоносцы в европейских водах, на целый ряд самолетов, способных обрушить ядерное оружие на Советский Союз из Западной Европы, а также на французские и английские ядерные силы»¹.

Упоминание о французских и английских ядерных силах отнюдь не случайно. В начале 1960-х гг. Великобритания и Франция уже имели свое собственное ядерное оружие. Англия, впервые испытав в 1957 г. на острове Рождества водородную бомбу и увидев в «ядерном факторе» основу могущества своих вооруженных сил, построила и уже к 1963 г. приняла на вооружение 180 реактивных стратегических бомбардировщиков типа «Вулкан» и «Виктор» (дальность действия соответственно 9000 и 11 000 км), вооруженных ядерными бомбами и крылатыми ракетами «Блю Стал» для поражения наземных целей (дальность 160 км). Франция, начав с 1955 г. самостоятельное создание ядерного оружия, в 1960 г. испытала в Сахаре атом-

¹ Цит. по: Правда. 1983. 26 окт.

ную бомбу и сформировала затем «французские национальные ударные силы», состоявшие из стратегических бомбардировщиков «Мираж IV», способных нести атомное оружие (к 1968 г. — 62 бомбардировщика). В дальнейшем Франция планировала оснастить свою стратегическую авиацию ракетами собственного производства и построить пять атомных подводных лодок, вооруженных ракетами «Поларис». Первая лодка — «Ла Редуталь» — была спущена на воду в 1967 г.

Для увеличения размаха военных приготовлений США и их союзники по НАТО создавали психологическую обстановку для все новых рывков в производстве и совершенствовании оружия, заявляя, будто Советский Союз лидирует в гонке вооружений. Это была фальсификация. Участник американских ядерных программ известный американский ученый Дж. Кистяковский констатировал: «Я убедился, что гонку вооружений подстегивают США, а не СССР»¹. Эту истину американское руководство и лидеры западноевропейских стран сознавали и в 1960-х гг. Однако даже имевшееся у них превосходство в силах и средствах ядерной войны не стало сдерживающим фактором в гонке вооружений.

С 1962 по 1965 г. государства НАТО увеличили свои военные бюджеты в среднем на 30% в [87, с. 272]. Лидирующую роль играли США, чей военный бюджет рос с каждым годом. Если в 1964/65 финансовом году военные расходы США составили 51,9 млрд долларов, то в 1967/68-м они возросли до 76,5, а в следующем году — до 79,8 млрд долларов. Все больше разрастался военно-промышленный комплекс. Количество только первичных фирм — подрядчиков Пентагона достигло почти 20 тыс. корпораций, а с учетом субподрядчиков — около 45–60 тыс. Целые отрасли промышленности ориентировались исключительно на обслуживание вооруженных сил США. На военные нужды шло 80% продукции авиапромышленности, 60% судостроения, 35% электротехники. Ряд крупнейших фирм теснейшим образом был связан с военными заказами. Так, например, 97% продукции фирмы «Тиокол» шло на производство ракетного топлива, 57% — «Юнайтед Эркафт» и т. д. [112].

¹ Цит. по: Правда. 1983. 2 янв.

В результате объединенных усилий американского военно-промышленного комплекса и министерства обороны был создан огромный арсенал стратегических средств нападения. США в 1967 г. завершили создание стратегической триады. В нее входили 1054 пусковые установки МБР «Минитмен-1», «Минитмен-2», «Титан-2», 656 ракет «Поларис А-2» и «Поларис А-3» на 41 атомной подводной лодке, а также 615 тяжелых бомбардировщиков В-52, вооруженных сверхзвуковой крылатой ракетой «Хаунд Дог», и средних бомбардировщиков В-58. Общее число стратегических носителей составляло 2325. А в СССР тогда всех носителей ядерного оружия было немногим более 600, в том числе только две атомные подводные лодки (32 пусковые установки) [113].

Оснащение новейшими носителями ядерного оружия предопределило формирование в течение 1960-х гг. в стратегическом авиационном командовании воздушно-космических и ракетных дивизий. Воздушно-космическая дивизия состояла из смешанных и однородных крыльев. В смешанное крыло входили одна-две бомбардировочные эскадрильи и одна эскадрилья межконтинентальных баллистических ракет; в однородное — от одной до трех эскадрилий МБР. Ракетные дивизии имели два ракетных крыла и подразделения материально-технического обеспечения.

Все это позволило новому министру обороны США Клиффорду в 1968 г. заявить: «Мы имеем сегодня значительное военное превосходство над Советским Союзом, и я сделаю все, что в моих силах, для поддержания такого превосходства в дальнейшем» [114]. Главное место в новом витке гонки вооружений занимали программы дальнейшего совершенствования ракетных комплексов. В это время, в середине 1960-х гг., внимание руководства США привлекли новые военные программы — баллистические ракеты с разделяющимися головными частями, оснащенные головками индивидуального наведения на цели, и система противоракетной обороны.

Появление в конце 1950-х гг. в СССР ракетно-ядерного оружия, лишившего США неязвимости, послужило стимулом для поисков американским военным ведомством нового супероружия, которого не имел бы Советский Союз. Эту задачу намере-

вались решить за счет технологического рывка. Разработкой многозарядных головных частей ракет, которые СССР тогда не имел, американские руководители надеялись значительно повысить возможности США по поражению объектов на территории СССР, число которых в перечне целей все время увеличивалось. Уже в августе 1968 г. были впервые испытаны межконтинентальные баллистические ракеты «Минитмен-3» и морские — «Посейдон». Разделяющиеся головные части (РГЧ), установленные на ракетах «Минитмен-3», не в полной мере, по мнению американских специалистов, отвечали требованию преодоления противоракетной обороны. Боевые головки РГЧ после разделения следовали к цели, хотя и по различным, но близким траекториям. Поэтому одна противоракета с ядерным зарядом была способна их уничтожить. Для преодоления этого недостатка была разработана боеголовка с разделяющимися головными частями индивидуального наведения МИРВ. Головные части типа МИРВ были установлены на МБР «Минитмен-3» и БРПЛ «Посейдон». Каждая ракета с такой головной частью могла поражать от 3 («Минитмен-3») до 10–14 («Посейдон») различных целей [115].

Одновременно, чтобы повысить недосыгаемость территории США для ответного ракетного удара, разрабатывался и второй компонент «чудо-оружия» — система противоракетной обороны (ПРО). С 50-х гг. научно-исследовательские организации армии США вели работы над системой ПРО «Найк — Зевс» (1959–1963). Однако в ходе разработки выявились крупные недостатки этой системы. Главный из них состоял в том, что ракета-перехватчик «Зевс» имела низкую скорость (в четыре раза меньше, чем МБР). Она должна была запускаться заблаговременно, и перехват совершался высоко над атмосферой. Поэтому американская ПРО могла быть преодолена с помощью сравнительно простых средств прорыва. Вторым ее недостатком являлось то, что радиолокаторы обнаружения, слежения и распознавания у системы имели механически вращающиеся антенны. Они не позволяли следить одновременно за многими целями и могли быть «перегружены» массивной ракетной атакой. В связи с этим в 1963–1965 гг. была создана усовершенствованная ракетная система «Найк — Икс». В отличие от «Найк — Зевс», новый ва-

риант противоракетной обороны включал в проекте иной тип радиолокаторов — с фазированной решеткой.

Для перехвата головных частей в плотных слоях атмосферы разрабатывалась меньшая по размеру противоракета с повышенным начальным ускорением — «Спринт». Взрыв ее ядерной боеголовки мощностью около 10 килотонн должен был поражать МБР на высоте 40 км ударной волной и электронно-магнитным излучением (ЭМИ). Для дальнего, надатмосферного перехвата предназначалась противоракета «Спартан» — модификация «Зевса» — с мощностью боеголовки до 10 мегатонн, которая могла вывести из строя наступательную ракету противника рентгеновским и тепловым излучением на расстоянии до 10 км от эпицентра. Однако ахиллесовой пятой создаваемой системы ПРО оставались радиолокаторы, которые могли быть выведены из строя или «ослеплены» надатмосферными ядерными взрывами [111, с. 49].

Интерес к ПРО и ракетным системам с разделяющимися головными частями (РГЧ) возрос еще и потому, что непосредственно касался многомиллиардных заказов таких крупнейших военных монополий, как «Интернейшнл телефон энд телеграф», «Уэстерн электрик», «Локхид», «Мартин Мариэтта», «Дженерал электрик» и «Боинг». Конгресс в своем большинстве поддерживал программы вооруженных сил, и в первую очередь «Найк — Икс». Многие деятели Капитолия вели активную кампанию за выделение ассигнований на закупку ПРО. Они считали систему «Найк — Икс» необходимой для поддержания «ядерного превосходства» США, а также потому, что министерство обороны уверяло в ее способности прикрыть города в случае ядерной войны и значительно снизить ущерб для Соединенных Штатов.

Вопрос снижения ущерба в середине 1960-х гг. был поставлен на практическую основу. Военному ведомству были предоставлены проекты различных вариантов систем противоракетной обороны страны. В их число входили:

- «тонкая» защита населенных центров («защита района или территории») от случайного или малочисленного ракетного удара, состоящая из 2 тыс. противоракет общей проектной стоимостью до 10 млрд долларов;

- «плотная» защита территории от массированного ракетного удара из 4 тыс. противоракет общей стоимостью 20 млрд долларов;
- «защита объекта» («точечная защита»), то есть прикрытие стартовых комплексов МБР, значительно менее сложная и дорогостоящая [111, с. 50].

В конце 1960-х гг., когда развернулись работы по созданию ракет с разделяющимися головными частями «Минитмен-3» и «Посейдон», началось и строительство системы противоракетной обороны «Сентинел» (так с ноября 1967 г. стала называться «Найк — Икс»). Новая система ПРО в составе 12 комплексов должна была иметь 600–1000 противоракет. Это были попытки начать создание противоракетной обороны территории США. Однако в начале 1969 г. развертывание системы «Сентинел» было приостановлено. Название системы было изменено на «Сейфгард», а вместо развертывания ПРО для прикрытия территории было намечено на первом этапе программы построить противоракетную оборону для защиты стартовых комплексов межконтинентальных баллистических ракет (МБР). «Сейфгард» предназначался лишь для снижения уязвимости ракет «Минитмен», то есть для повышения возможностей американского потенциала ракетно-ядерного «удара возмездия».

Комплексы ПРО предполагалось переместить с позиций вокруг американских городов к стартовым позициям межконтинентальных ракет «Минитмен». Сначала планировалось развернуть 2 комплекса ПРО (из 12, намеченных к строительству) для прикрытия баз МБР (штат Монтана) и Гранд-Форкс (штат Северная Дакота). Далее программой предусматривалось расширение противоракетной обороны на другие базы МБР, а в дальнейшем — и на города США. Таким образом, упор делался не на защиту гражданского населения, как декларировалось раньше, а на повышение неуязвимости ракетных баз — наступательного оружия. Но парадокс заключался в том, что основные технические компоненты системы «Сейфгард» остались такими же, как и у системы «Сентинел», хотя требования к ПРО защищаемых малоразмерных объектов, какими являлись шахты МБР, были совершенно иными [111, с. 119–120].

К концу 1950-х гг. в Европе уже имелось свыше 130 крупных американских военно-воздушных, военно-морских и ракетных баз, а также несколько сот других военных объектов. Сеть этих баз охватывала ФРГ, Великобританию, Италию, Турцию, Грецию, Испанию, Португалию, Бельгию, Нидерланды, Люксембург и другие страны. К системе баз примыкал и 6-й американский флот в Средиземном море. Его авианосцы непрерывно патрулировали у южных берегов Европы, чтобы «иметь возможность, — как писала американская пресса, — в случае развязывания войны послать свои самолеты с атомными бомбами в сердце России».

Карибский кризис 1962 г. вынудил ядерные державы, прежде всего США и СССР, пойти на разработку основ кризисной стабильности, заключающейся в отказе от применения ядерного оружия при международных кризисах, и некоторого ограничения гонки ядерного оружия за счет подписания соглашения о частичном отказе от проведения ядерных испытаний. На этом фоне была выдвинута концепция так называемой двойной функции НАТО — силы и разрядки. Впервые она была сформулирована в докладе тогдашнего генерального секретаря Армеля «Будущие задачи союза» и одобрена на сессии Совета Североатлантического союза в декабре 1967 г. В нем предлагалось рассматривать военную политику НАТО и разрядку международной напряженности как две стороны единого процесса. Вытекающая из этого симбиоза политическая стратегия блока получила название доктрины «двух опор — силы и разрядки», или «доктрины Армеля». Тем самым блок переставал быть чисто военной организацией, а политическая составляющая в его деятельности уравнилась в правах с военной.

СССР, поставленный перед фактом бурного наращивания военной мощи США, был вынужден укреплять свою обороноспособность. Советская военная доктрина, особенно с оснащением вооруженных сил новейшим оружием, претерпела известные уточнения. Они основывались на том, что мировая война в случае ее развязывания неизбежно приобретет характер ракетно-ядерной войны. Выступая на съезде КПСС, министр обороны говорил: «Применение атомного и термоядерного оружия с неограниченными возможностями его до-

ставки к любой цели в считанные минуты с помощью ракет позволяет в кратчайшие сроки достигать решительных военных результатов на любой дальности и на огромной территории» [116]. В то же время советская военная доктрина исходила из того, что современная война по-прежнему требует многомиллионных, массовых армий. Положения советской военной доктрины были подкреплены законом «О всеобщей воинской обязанности», который был утвержден на сессии Верховного Совета СССР 12 октября 1967 г. Закон исходил из необходимости сохранения и упрочения кадрового принципа строительства вооруженных сил. Основными его положениями устанавливалась всеобщность военной службы. Она состояла из действительной службы и службы в запасе Вооруженных сил СССР. Согласно военной доктрине советские вооруженные силы должны были быть готовы к действиям в условиях ракетно-ядерной войны. Не исключалась возможность ведения войн обычными средствами. Согласно военной доктрине тех лет, авиация, несущая мощные ядерные боеприпасы, могла применить их на всю глубину Западноевропейского ТВД, а войска общего назначения обеспечивали в короткие сроки захват обширных территорий.

Ликвидация американского стратегического преимущества была естественной ответной мерой на растущую угрозу из-за океана. Закономерность и справедливость такого ответа признавали многие авторитетные американские ученые и политические деятели. «Никто не ожидал, — писал известный политолог Стивен Коэн, — что Советский Союз навсегда смиритесь со своим отставанием в военной области, которое наблюдалось в 1960-е гг.; неизбежная ликвидация этого отставания всегда была основной предпосылкой и необходимой потребностью разрядки». Сайрус Вэнс, бывший государственный секретарь США, отмечал: «Было неизбежно, что Советский Союз создаст потенциал, примерно равный нашему потенциалу». Весьма примечательным откровением являются воспоминания Роберта Макнамары о военно-стратегической ситуации 1960-х гг.: «Если бы я был советским министром обороны, я был бы чертовски озабочен неравенством сил. И меня бы тревожило то, что Соединенные Штаты стараются создать потенциал первого

удара». При этом он ссылается на доклад командования ВВС США 1962 г. В документе говорилось: «Военно-воздушные силы поддерживают такое наращивание сил, которое обеспечит Соединенным Штатам возможность нанести первый удар». «Если военно-воздушные силы думали так, — подчеркивал Макнамара, — представьте себе, что же думали Советы? Какую же их реакцию вы ожидали бы? Они прореагировали так: существенно расширили свою программу стратегических ядерных вооружений... Итак, вы получили феномен: действие — противодействие»¹.

Это признание свидетельствует о том, что и в те годы государственные деятели Америки знали, что достижения научно-технической мысли в СССР и состояние его вооружений не представляют серьезной угрозы для США. Тем не менее министерство обороны Соединенных Штатов изыскивало «надежные» способы уничтожения Советского государства в случае ядерной войны. Нагнетанию страха перед возросшими возможностями СССР по нанесению эффективного ответного удара в немалой степени способствовала и политика советского руководства, которое всячески подчеркивало огромные боевые возможности советского ракетного оружия. В США это рассматривалось как возрастающая угроза ракетно-ядерной войны. Для американцев, в течение столетий привыкших к тому, что их территория неуязвима для любого противника, такая перспектива выглядела весьма угрожающей. Тем более что Хрущев не скупился на рекламирование советской ракетно-ядерной мощи. В ноябре 1959 г. он, например, заявил: «Мы теперь накопили так много ракет, так много атомных и водородных боеголовок, что, если на нас нападут, мы сможем стереть с лица земли всех наших вероятных противников». Такие заявления пугали американского обывателя. А средства массовых коммуникаций США всячески способствовали этому.

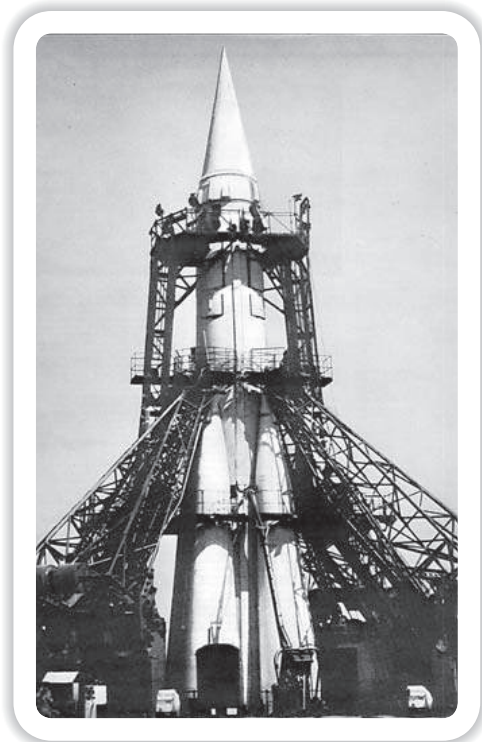
В начале 1960 г. советское правительство объявило, что в СССР создан новый вид вооруженных сил — Ракетные войска стратегического назначения (РВСН). К этому времени советские стратегические ядерные силы располагали 150 тяжелыми

¹ Цит. по: Правда. 1983. 30 мая.

бомбардировщиками, 5 подводными лодками с БРПЛ Р-13 и несколькими МБР Р-7. Одновременно создавалась группировка баллистических ракет средней дальности. К 1960-м гг. по суммарной мощности зарядов наши Вооруженные силы начали превосходить соперников. В 1961 г. в СССР проведены успешные испытания ядерного боеприпаса мощностью 60 мегатонн. С первых дней своего существования РВСН стали войсками постоянной боевой готовности. Несение боевого дежурства являлось для них выполнением боевой задачи в мирное время. Одновременно шло перевооружение советских вооруженных сил ракетно-ядерной техникой. На вооружение сухопутных войск, авиации и флота поступили ракеты оперативно-тактического и тактического назначения, которые стали высокоманевренным средством борьбы.

Хотя СССР и США приступили к развертыванию межконтинентальных ракет и баллистических ракет на подводных лодках практически одновременно, очень скоро Советский Союз отстал в этой гонке. Особенно это было заметно в области морских ядерных вооружений. По своим тактико-техническим данным советские подводные ракетноносцы проектов 629 и 658 значительно уступали американской ПЛАРБ типа «Дж. Вашингтон». А ракеты Р-13, которые они несли на борту, в отличие от американских «Поларис-А1», могли быть запущены только из надводного положения, что заставляло субмарину всплывать перед пуском на поверхность. В результате она теряла скрытность и подвергалась угрозе быть легко уничтоженной. С 1960 г. в РВСН началось формирование ракетных дивизий, состоящих из ракетных полков. В каждом полку на вооружении имелся один ракетный комплекс. Переход на единую организационно-штатную структуру значительно улучшил управление ракетными войсками, но не устранил ряда недостатков в этом процессе. Для повышения боевой эффективности РВСН требовалось создать систему централизованного боевого управления войсками и оружием.

Советское военно-политическое руководство очень быстро убедилось в том, что стратегические ядерные силы США количественно и качественно превосходят СЯС СССР. Особенно четко это высветилось в период Карибского кризиса. В этих условиях

*Межконтинентальная
баллистическая
ракета Р-7*

руководством страны была поставлена задача, на несколько десятков лет определившая магистральный путь развития национальных СЯС, — добиться ядерного паритета с Соединенными Штатами. Учитывая географические факторы, уровень развития военной техники, уязвимость носителей ядерного оружия от воздействия средств противника, приоритет был отдан РВСН. Именно межконтинентальные ракеты могли стать гарантом нанесения неотвратимого удара по Америке.

В начале 1960-х гг. разработка ракетных комплексов с межконтинентальными баллистическими ракетами первого и второго поколения велась бурными темпами. В 1961 г. принимается на вооружение ракета Р-16, ставшая базовой при создании группировки РВСН на период до 1967 г. Через два года появился ее шахтный вариант. В 1964 г. на боевое дежурство заступают первые полки с МБР Р-9А. Со второй половины 1960-х гг. в бое-

вой состав Ракетных войск стали вводиться боевые ракетные комплексы с ракетами УР-100 и Р-36. Они имели повышенную защиту от поражающих факторов ядерного взрыва. За период с 1965 по 1970 г. на боевое дежурство было поставлено свыше 1000 межконтинентальных ракет четырех типов. Произошло качественное улучшение вооружения РВСН, увеличились его боевые возможности. И хотя по некоторым показателям (например, по точности стрельбы) советские ракеты и уступали американской «Минитмен-2», в целом они были на уровне требований времени.

К 1965 г. закончилось создание группировки ядерных сил средней дальности. Их основу составили баллистические ракеты (БРСД) Р-12 и Р-14 наземного и шахтного базирования, развернутые на Западе и Востоке страны и способные эффективно нанести удары по стратегическим целям преимущественно площадного характера на всю глубину континентальных ТВД. Их дополняли бомбардировщики среднего радиуса действия Ту-16 и Ту-22 с ядерными управляемыми ракетами (они имели показатели точности стрельбы выше, чем БРСД) на борту и дизельные ракетные подводные лодки.

Сверхзвуковой бомбардировщик Ту-22 создавался специально для решения задач прорыва систем ПВО в Европе и нанесения ударов по хорошо защищенным объектам. К сожалению, возлагавшиеся на него надежды Ту-22 не оправдал. Это вызвало необходимость модернизации данного самолета практически сразу же после нескольких лет эксплуатации в строевых частях, а следовательно, и лишних затрат немалых финансовых средств. В 1962 г. для подводных лодок проектов 629 и 658 была создана ракета Р-21 с двигателями на жидком топливе и дальностью полета 1300 км. Главным ее достоинством было то, что конструкторам удалось реализовать принцип подводного старта. После модернизации и перевооружения боевые возможности этих субмарин возросли. И тем не менее советские подводные ракетоносцы уступали американским практически по всем показателям.

Карибский кризис наглядно показал важность контроля Мирового океана в условиях мировой ракетно-ядерной войны. В ходе его близ американских баз Гуантанамо (Атланти-

ческий океан) и Перл-Харбор (Тихий) скрытно находились две советские подводные лодки, развертывание которых было осуществлено заблаговременно. Этот опыт стал одним из аргументов в пользу принятия советским военно-политическим руководством решения увеличить состав военно-морских сил передового базирования. В то же время эпизодическое пребывание советских подводных лодок и надводных кораблей в районах боевого патрулирования американских атомных подлодок с баллистическими ракетами и маневрирования авианосных ударных групп (АУГ) и соединений ВМС США не могло в полной мере обеспечить решение задачи по предотвращению нападения с морских направлений. Заблаговременное развертывание боеготовых сил ВМФ в определенных акваториях морей и океанов становилось объективной необходимостью.

В связи с этим начался переход к системе постоянного присутствия части сил советского флота в отдельных районах Мирового океана. В сентябре 1964 г. в Средиземное море впервые вышел отряд боевых кораблей Черноморского флота (ЧФ) для слежения за АУГ ВМС США. В 1967 г. корабли ЧФ прибыли в Персидский залив. Таким образом, в середине 1960-х гг. сложилась новая форма применения ВМФ в мирное время — боевая служба. Ее цели заключались в поддержании «боевой готовности сил к решению поставленных задач с началом военных действий и обеспечение интересов страны в оперативно важных районах Мирового океана» [117].

Военно-стратегическое содержание боевой службы заключалось в том, чтобы действиями заблаговременно развернутых группировок сил флота предотвратить внезапное нападение или ослабить ракетно-ядерные удары ВМС США и НАТО по Советскому Союзу. Вместе с тем имелось в виду, что силы ВМФ, размещенные в оперативно важных районах Мирового океана, смогут прямо или косвенно влиять на военно-политическую обстановку в прибрежных государствах. Для формирования группировки сил боевой службы директивой командования ВМФ 1966 г. предписывалось ежегодно выделять из составов флотов определенное количество кораблей. Одновременно устанавливалась продолжительность походов. Для надводных

кораблей она не превышала 45 суток. К середине 1970-х гг. она достигала шести и более месяцев.

Для несения боевой службы формировались оперативно-тактические соединения. Первое из них было создано в мае 1965 г. В июне 1967 г. такое соединение ВМФ оказалось в самой гуще событий так называемой арабо-израильской «шестидневной» войны. Его присутствие позволило советскому правительству предупредить 9 июня руководство США, что в случае продолжения Израилем военных действий Советский Союз применит в отношении него санкции [118]. А 10 июня израильское правительство объявило о прекращении военных действий. Эти события вынудили советское руководство принять решение о создании оперативных эскадр и организовать их постоянное присутствие в важных районах Мирового океана. В июле 1967 г. была сформирована Средиземноморская 5-я эскадра, а на аэродроме Каир-Вест в Египте размещена смешанная эскадрилья морской авиации ВМФ. К январю 1968 г. были сформированы 7-я оперативная эскадра на Северном флоте и 10-я — на Тихоокеанском. Районами их постоянного присутствия были Баренцево, Норвежское и Южно-Корейское моря. В Индийском океане действовала 8-я эскадра специального назначения. Ее основной задачей было обеспечение выполнения космических программ.

Со второй половины 60-х гг. у руководства государства и Вооруженных сил началась трансформация взглядов на возможный характер мировой войны. Советская военная доктрина стала учитывать возможный начальный период ведения боевых действий только обычными вооружениями. Появились сомнения и в возможности выйти победителем в войне после обмена массированными ядерными ударами. С этого периода руководство Советского Союза стало стремиться к заключению договоров с США о запрещении или ограничении стратегических ядерных вооружений.

Но поскольку прогресса в этом вопросе на тот период достигнуто не было, требовалось ликвидировать отставание от американцев в области стратегических вооружений, а оно было более чем внушительным. Так, в 1965 г. США имели на стратегических носителях 5550 ядерных боезарядов, а СССР — только 600 (в эти подсчеты не включены боеголовки на ракетах среднего радиу-

са действия и ядерные бомбы для бомбардировщиков с дальностью полета менее 6000 км). С 1967 г. в состав Северного и Тихоокеанского флотов стали вводиться ракетные подводные крейсера стратегического назначения (РПК СН) типа «Навага». Они строились крупной серией до 1972 г. Каждый такой подводный ракетный крейсер нес 16 баллистических ракет Р-27 с моноблочной термоядерной головной частью и дальностью полета около 2400 км. Значительным событием в развитии советских ракетно-ядерных сил стала постановка на дежурство централизованной системы боевого управления войсками. Ввод в эксплуатацию ее первой модификации в 1969 г. повысил надежность доведения боевых приказов до исполнительных звеньев. В конце 1960-х гг. дальнейшее развитие получили бомбардировщики среднего радиуса действия, имевшие двойное назначение (носитель ядерного и обычного оружия). В 1967 г. началась разработка проекта бомбардировщика Ту-22М, призванного заменить устаревший Ту-16 и неудачный Ту-22. Он предназначался для повышения боевой устойчивости и гибкости применения группировки ядерных средств средней дальности, а также решения других задач. С 1971 г. новые ракетноносцы стали поступать в строевые части.

Советский Союз принял вызов и включился в гонку стратегических ракетно-ядерных вооружений, что неизменно вело к перманентной «гонке за лидером» в лице США. В 1960-х гг. шло азартное состязание с «супостатом». Оборонная промышленность СССР, как и военно-промышленный комплекс его западных соперников, столкнулась с проблемой повышения стоимости каждого нового поколения оружия. Объяснялось это, во-первых, высокой долей расходов на научно-исследовательские и конструкторские работы (НИОКР), а во-вторых, активным использованием невозобновляемых ресурсов. В то же время объемы ежегодного производства вооружений постоянно росли (табл. 3).

Структура военного производства наглядно показывает, что несмотря на определенные корректировки в военной доктрине, курс на развертывание массовой армии в случае войны сохранялся. Советский Союз в качестве компенсационной меры, страхующей национальную экономику, увеличивал экспорт

Таблица 3. Рост объема производства вооружений

Виды вооружений	1966	1970
Самолеты тактической авиации	900	850
Вертолеты	350	700
Танки	3100	4250
Броневые автомобили	2800	4000
Артиллерийские орудия	1100	1600

оружия в общем объеме экспорта. Вместе с тем вооружение «союзников» часто шло за счет СССР.

Гонка вооружений нарастала стремительными темпами. Стоило одной из сторон создать какое-либо принципиально новое оружие, как ее противница бросала все силы и ресурсы, чтобы добиться того же. Безумное соревнование затронуло все области военной промышленности. Соревновались везде: в создании новейших систем стрелкового оружия (на советский АКМ США отвечали М-16), в новых конструкциях танков, самолетов, кораблей и подводных лодок, но, пожалуй, самым драматическим было соревнование в создании ракетной техники. Весь так называемый мирный космос в те времена был даже не видимой частью айсберга, а снежной шапкой на видимой части. США обогнали СССР по количеству ядерных вооружений. СССР обогнал США в ракетостроении. СССР первым в мире запустил спутник, а в 1961 г. первым отправил в космос человека. Выносить столь наглядное превосходство американцы не могли. В итоге — их высадка на Луну. В этот момент стороны достигли стратегического паритета. Однако это не остановило гонку вооружений. Наоборот, она распространилась на все отрасли, имеющие хоть какое-то отношение к вооружениям. Сюда можно, например, отнести гонку по созданию суперкомпьютеров. Здесь Запад взял безусловный реванш за отставание в области ракетостроения, поскольку по чисто идеологическим причинам СССР прозевал в свое время рыбок в этой области, приравняв кибернетику заодно с генетикой к «продажным девкам империализма».

Под влиянием коренных сдвигов в соотношении сил в мире, происшедших в 1960-е гг., подход США к вопросам разоружения усложнился. С одной стороны, агрессивный курс Вашингтона требовал максимального наращивания военного и прежде всего ракетно-ядерного потенциала как фактора обеспечения «позиций превосходства» США на международной арене. С другой стороны, в правящих кругах США росло понимание того, что неограниченная никакими рамками и сферами гонка вооружений во много раз увеличила бы опасность возникновения всеобщего конфликта, который, как стало официально признаваться Вашингтоном с середины 1960-х гг., обернулся бы для США национальной катастрофой.

В этих условиях Соединенные Штаты начали проявлять известную заинтересованность в достижении соглашений о принятии некоторых мер, ограничивающих гонку вооружений. Соответствующие шаги США в этом направлении отличались, однако, непоследовательностью и противоречивостью. Американское руководство было верно своей политике навязать миру контроль над вооружениями и не допустить всеобщее и полное разоружение. В Организации Объединенных Наций, где шло обсуждение многих аспектов проблемы разоружения, обстановка коренным образом изменилась. Соединенные Штаты уже не могли рассчитывать на проведение через Генеральную Ассамблею предложений, направленных на срыв разрешения проблемы разоружения. Они занимали оборонительные позиции при их рассмотрении в ООН.

Естественно, что американское предложение под названием «Схема основных положений договора о всеобщем и полном разоружении в условиях мира во всем мире», выдвинутое в 1962 г., не предусматривало ни запрещения, ни ликвидации ядерного оружия в пределах обозримого будущего. Упор делался на необходимости установления уже на первых этапах всестороннего контроля над промышленностью, производящей атомное сырье, и над ядерным оружием при сохранении накопленных запасов ядерного оружия и при отсутствии запрещения его применения. В этих условиях такой контроль служил бы не целям разоружения, а целям сбора данных об атомном потенциале государств. В противоположность этому, в советском проекте

Основных положений договора о всеобщем и полном разоружении контроль был тесно увязан (по времени и по содержанию) с мерами по разоружению. Контрольные полномочия расширялись лишь по мере прогресса в действительном разоружении. Советское правительство неоднократно соглашалось принять в условиях полного разоружения любую систему контроля, разработанную западными державами.

В интересах достижения соглашения советское правительство пошло навстречу западным державам, приняв во внимание те из их предложений, которые не противоречили принципам всеобщего и полного разоружения и не наносили ущерба безопасности СССР. Однако Соединенные Штаты продолжали занимать жесткую, неуступчивую позицию. Их выступления в Комитете 18 государств (с 1969 г. — Комитет по разоружению) и на сессиях Генеральной Ассамблеи показывали, что у них нет желания искать сближения позиций по основным вопросам всеобщего и полного разоружения. В своих мемуарах бывший советник Кеннеди А. Шлезингер признает, что, проголосовав за резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН (1959) о всеобщем и полном разоружении, США принимали это предложение лишь «формально» и что на деле они не были готовы и «не желали пройти всю дистанцию», ведущую к полному и всеобщему разоружению. Шлезингер указывает также, что Комитет начальников штабов США «возражал против всеобщего и полного разоружения».

В то же время, когда стало ясно, что Карибский кризис может завершиться компромиссом сторон, всемирно известный ученый Б. Рассел писал Хрущеву 28 октября 1962 г.: «Я хочу выразить Вам свою искреннюю признательность за ту величайшую осторожность, которую Вы продемонстрировали в условиях тяжелого кризиса» [119]. Это письмо Рассела отражало общее настроение, царившее тогда в мире. Руководству обеих сверхдержав стало ясно, что обстановка в мире настоятельно требует реальных мер по снижению опасности всеобщей ядерной войны.

Первым практическим шагом после Карибского кризиса стало установление прямой связи между главами правительств СССР и США на случай создания кризисных ситуаций. Отпала

необходимость давать ответы на обращение главы государства по радио, как это случилось 28 октября 1962 г. Начался процесс заключения договоров, ограничивающих накопление вооружений. Первым из них стал Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой (5 августа 1963 г.). Следующим стал Договор о нераспространении ядерного оружия, создании безъядерных зон (1968). Появились и другие признаки взаимопонимания Востока и Запада, снижения напряженности их отношений.

* * *

Отличительной чертой гонки вооружений в 1960-х гг. было то, что при продолжающемся количественном накоплении стратегического оружия изменилась ее цель. Задача состояла не в том, чтобы выиграть этим оружием войну, а в том, чтобы запугать противника превосходством в силах, заставить его поверить в то, что он слабее, и тем лишить его соблазна нанести первым ядерный удар по противостоящей стороне. Ракетно-ядерные вооружения становились уже не «оружием победы», а средством сдерживания противника. К концу 1960-х гг. борьба за стратегический паритет оказалась в центре внутренней и внешней политики обеих сверхдержав.

Стратегическое равенство создавало определенные объективные стимулы для прекращения гонки вооружений, сокращения и ликвидации ядерного оружия. Оно открывало возможность, при наличии доброй воли с обеих сторон, постепенно понижать уровень ядерного противостояния. Наконец, стратегическое равенство являлось важной предпосылкой стабильности международной обстановки, ослабления политической конфронтации.

Дестабилизирующим фактором достижения стратегического равенства была деятельность военно-промышленных комплексов двух сверхдержав. Особую активность при этом проявлял военно-промышленный комплекс США. Он и министерство обороны открыто требовали многомиллиардных ассигнований на заказы новейших видов вооружений и особенно ядерных ракет под предлогом «ракетного отставания» Соединенных Штатов от Советского Союза [120].

3.5. «Доктрина Брежнева»

В начале 1960-х гг. Советский Союз становится подлинной сверхдержавой. И не только в военной сфере. В первые два послевоенных десятилетия СССР стал центром сосредоточения сил, борющихся за национальное и социальное освобождение. Формально в союзе с ним была Китайская Народная Республика. Это была бедная страна, в тисках сложных проблем роста, но при этом древнейшее государство с самым многочисленным населением на Земле. В конце войны за Китаем был признан статус великой державы с местом постоянного представительства в Совете Безопасности ООН. События военных и послевоенных лет вовлекли в советскую орбиту ряд других европейских и азиатских стран, где местные левые партии пришли к власти не только благодаря появлению советских солдат как освободителей, но также и по более основательным причинам, имеющим национальную специфику. Антиколониальная революция позволила советскому правительству установить весьма дружественные отношения с другими странами Азии, Ближнего Востока, Африки, даже с Кубой и странами американского континента. Коммунистические партии усилились настолько, что в начале 1960-х гг. достигли пика своей активности, причем не столько в Европе, колыбели рабочего движения, сколько на неевропейских континентах. В это время все они продолжали смотреть на Москву как на сердце всего мира. Перед советским руководством встала грандиозная задача по ответу на вызовы стране в новых условиях развернувшейся холодной войны.

Сам факт противостояния двух мощных политических систем на международной арене привел к обвальная деколонизации и появлению большого количества независимых государств. В целях привлечения новых государств на свою сторону КПСС выдвинуло положение о возможности их некапиталистического пути развития. Под этим понимался специфический революционный процесс создания материально-производственных, социально-экономических и политических условий для перехода к социалистическому развитию в условиях глубокой экономической и социальной отсталости. В прак-

тической деятельности предполагалось, что многим бывшим колониальным и полуколониальным странам этот путь позволит либо миновать, либо существенно сократить и даже прервать капиталистическую стадию развития. Для этого необходимо сформировать национальный фронт прогрессивных революционно-демократических сил, в который войдут, наряду с рабочими, крестьянами, мелкобуржуазными слоями города, также патриотические круги национальной буржуазии. Он осуществляет социально-экономические, антиимпериалистические и антифеодальные преобразования, закладывающие предпосылки для последующего развития страны по пути к социализму. Идея заключалась в возможности перехода при определенных исторических условиях отсталых стран к социализму, минуя капитализм или существенно сокращая эту стадию развития. При этом подчеркивалось, что период некапиталистического развития не является особой социально-экономической формацией и не может рассматриваться как «третий путь» развития, отличный от капиталистических и социалистических путей развития.

Некапиталистический путь развития, согласно теоретикам КПСС, должен включаться в общемировой процесс перехода человечества к социализму, но не от зрелого капитализма, а главным образом от отсталого общества с преобладанием в основном докапиталистических или раннекапиталистических отношений. Содержанием периода некапиталистического развития являются радикальные преобразования всех сторон общественной жизни с учетом социалистической перспективы под руководством национального фронта (или партии типа фронта) прогрессивных революционно-демократических сил, стоящих на платформе последовательного антиимпериализма и союза с мировым социалистическим содружеством. Некапиталистический путь развития не может осуществляться самоотек; успех его обеспечивается влиянием мировой системы социализма, активностью рабочего класса, трудовых народных масс, всех прогрессивных и демократических сил стран, вступивших на некапиталистический путь развития.

Эти теоретические положения обосновывались отечественным опытом. После Октябрьской революции идея некапита-

листического пути развития нашла свое конкретное воплощение в практике перехода к социализму ранее отсталых народов России (Средней Азии, Казахстана, Северного Кавказа, европейского и азиатского Севера СССР). Если производство промышленной продукции в целом по Советскому Союзу за 1922–1972 гг. возросло в 321 раз, то в Киргизской ССР — в 412 раз, в Казахской ССР — в 601 раз, в Таджикской ССР — в 513 раз. Быстрый прогресс ранее отсталых окраин России стал возможен при Советской власти благодаря активной помощи победившего пролетариата развитых районов страны. В результате некапиталистического пути развития ранее отсталых народов России все народы СССР получили возможность относительно одновременно прийти к победе социализма. Весьма показательным является опыт Монгольской Народной Республики. Успехи, достигнутые монгольским народом, являются итогом решения задач некапиталистического развития, результатом последующего утверждения народного демократического строя. Скачок, совершенный МНР от феодального Средневековья к социалистическому обществу, рассматривался как пример претворения в жизнь некапиталистического пути развития отставших в своем развитии стран.

Исторический опыт развития ранее отсталых окраин России, а также МНР, показывает, что слаборазвитые в экономическом отношении страны могут решить свои экономические, социальные и политические задачи, ликвидировать тяжелое наследие колониализма и стать экономически развитыми и независимыми государствами. Некапиталистический путь развития продемонстрировал не только чисто экономические преимущества, но и создавал условия для разрешения социальных и национальных вопросов, осуществления культурной революции и, наконец, индустриализации страны и кооперирования в сельском хозяйстве. «Под воздействием революционных условий нашего времени, — говорилось в документах Международного совещания коммунистических и рабочих партий, — возникли своеобразные формы прогрессивного общественного развития освободившихся стран, возросла роль революционно-демократических сил. Некоторые молодые государства вступили на некапиталистический путь — путь, который обеспе-

чивает возможность ликвидации отсталости, унаследованной от колониального прошлого, и создания условий для перехода к социалистическому развитию» [121].

Считалось, что в странах, провозгласивших в 1960-х гг. программу некапиталистического пути развития (Алжирская Народная Демократическая Республика, Арабская Республика Египет, Гвинейская Республика, Иракская Республика, Народная Демократическая Республика Йемен, Народная Республика Конго, Объединенная Республика Танзания, Сирийская Арабская Республика, Сомалийская Демократическая Республика, Бирманский Союз и др.), ликвидируется политическое и подрывается экономическое господство иностранных монополий; расширяется сотрудничество с социалистическими государствами; регулируется, ограничивается частный сектор; создаются государственный и кооперативный секторы экономики и условия для их преимущественного развития; ведется борьба против идеологии эксплуататоров; проводятся другие общедемократические преобразования, создающие экономические и социальные предпосылки для перехода к строительству социализма, для улучшения жизни народа. Решающим условием некапиталистического развития и осуществления этих преобразований стала ликвидация монополии политической власти местной буржуазии или буржуазно-феодалных элементов, переход власти в руки революционно-демократических сил, действующих в интересах, а позже и под усиливающимся контролем трудящихся масс.

Развитие стран по некапиталистическому пути происходило в острой борьбе против реакционных сил. Возможность социально-экономического регресса и даже поворота на капиталистический путь развития сохранялась в течение длительного периода в силу таких факторов, как тесная связь освободившихся стран с мировым капиталистическим рынком, преобладание в них мелкотоварного крестьянского и ремесленного хозяйства, способного порождать капитализм, влияние бюрократической и торговой буржуазии, бывших помещиков и капиталистов, связанных с империализмом и внутренней реакцией. Все это делает неустойчивой политическую структуру стран социалистической ориентации. Победит ли некапиталистический путь

развития или страны пойдут по капиталистическому пути развития в конечном счете определяло соотношение политических сил внутри и вне освободившихся стран.

В свою очередь, ряд освободившихся стран предприняли попытку объединиться в независимую международную организацию, получившую название «Движение неприсоединения». Термин «неприсоединение» был сформулирован премьер-министром Индии Неру во время его выступления в 1954 г. в Коломбо (Шри-Ланка). В этой речи Неру изложил пять принципов, на которых предполагалось основываться в китайско-индийских отношениях. Они получили название «пяти удерживающих устройств». Важной вехой в развитии Движения неприсоединения была Бандунгская конференция в 1955 г., в которой приняли участие азиатские и африканские государства. Ее председатель индонезийский президент Сукарно внес значительный вклад в содействие этому движению. В 1956 г. проблемы неприсоединения обсуждались в ходе трехсторонних консультаций с участием Иосипа Броз Тито (Югославия), Гамаль Абдель Насера (Египет) и Джавахарлала Неру.

Движение неприсоединения было официально создано 25 государствами на Белградской конференции в сентябре 1961 г. Оно объединило 118 государств мира на принципах неучастия в военных блоках, под которыми на момент основания организации подразумевались, прежде всего, НАТО и Варшавский Договор, а также Багдадский пакт, СЕАТО, АНЗЮС и т. п. Отцами — основателями движения неприсоединения были Сукарно, Неру, Иосип Броз Тито, Гамаль Абдель Насер и Кваме Нкрума (Гана). Их действия были известны как «инициатива пятерки». На встрече на Бриони (Югославия) в 1956 г. главы правительств Индии, Египта и Югославии признали, что существует непосредственная связь между борьбой за мир и усилиями по разоружению. Движение неприсоединения рассматривалось его основателями как попытка сорвать холодные войны.

Все пять лидеров — основателей Движения были видными сторонниками «среднего течения» внешней и внутренней политики развивающихся стран между Западом и Востоком, между

блоками в холодной войне. Участники Белградской конференции заявили о своем желании не принимать участие в холодной войне и приняли «Декларацию о содействии миру и сотрудничеству», в которую вошли пять принципов Неру. Основной задачей Движения стало совместное обеспечение собственной независимости, которая для каждого участника в отдельности была бы невозможна. Движение предполагало отказ от участия в блоках ради сохранения мира. Равноудаленность стран неприсоединения от сверхдержав обеспечивала движению политический вес, с которым приходилось считаться и Западу, и Советскому Союзу. Расцвет Движения неприсоединения пришелся на 1960–1980 гг.

Целью организации являлось обеспечение национальной независимости, суверенитета, территориальной целостности и безопасности неприсоединившихся стран в борьбе против империализма, колониализма, неоколониализма, расизма и всех форм иностранной агрессии, оккупации, доминирования, вмешательства или гегемонии, а также против блоковой политики. Предполагалось, что Движение неприсоединения должно быть более сплоченным, чем НАТО и Варшавский Договор. Но на практике оно было мало сплоченным, а многие его члены были тесно связаны с той или иной великой державой. Кроме того, некоторые члены были вовлечены в серьезные междоусобные конфликты (Индия и Пакистан, Иран и Ирак). В кризисной обстановке страна, входящая в Движение неприсоединения, обычно поддерживала позицию той державы, с которой у нее были более тесные связи. Философия подобной политики основывается на том, что каждое государство имеет право исходить из своих национальных интересов в политике и практике. Позднее сформировался круг государств, открыто и очень эффективно использующих выбор своей политической ориентации на ту или другую сверхдержаву. В известной степени сюда можно отнести страны так называемого арабского социализма, решавшие за счет СССР свои конкретные узконациональные задачи.

Главные же проблемы возникли у советского руководства внутри самого коммунистического движения. Взаимоотношения Советского Союза с зарубежными коммунистическими пар-

тиями и прежде развивались непросто, даже когда эти партии полностью зависели от московского центра и рассматривались как секции единой всемирной партии. Во время войны централизованная организация коммунистического движения — Коминтерн — была распущена. Сталин, правда, попытался возродить его в виде Коминформа (или Информбюро), но потерпел провал. Хрущев преследовал те же цели, созвав в Москве два международных совещания всех коммунистических партий. В тот момент их результаты представлялись вполне успешными, но на деле не были таковыми.

Оказалось, что в противоречии с КПСС находились как раз наиболее сильные коммунистические партии, которые были способны завоевать власть в своих странах собственными силами, поэтому советская поддержка для них была всего лишь вспомогательной. В 1948 г. произошло столкновение с Югославией, где у власти в то время был Тито. Это парализовало Коминформ. Хрущев пытался исправить дело, но это ему удалось лишь частично. У него возник конфликт с Коммунистической партией Китая (КПК) во главе с Мао Цзэдуном. В 1963 г. дело дошло до публичной и острой полемики между двумя правящими в них партиями и, соответственно, двумя странами. При последующих руководителях отношения между коммунистами двух стран не улучшались, а скорее наоборот, становились хуже. Очень скоро стало ясно, что распри с китайцами являются наиболее опасными по сравнению с другими разногласиями, возникавшими в истории коммунистического движения. КПСС и КПК в глазах коммунистов всего мира пользовались одинаковым авторитетом. В своих спорах партийные руководители обвиняли друг друга в забвении идеалов революции, и каждая из сторон претендовала на то, что именно она знает наиболее эффективные способы решения проблем, стоящих перед коммунистическим движением в целом. У каждой стороны находились сторонники и противники в разных партиях, а в некоторых случаях это приводило к расколу партий.

В полемике КПСС и КПК идеологические мотивы уступили место политическим соображениям более общего характера. Все крупнейшие коммунистические партии стран Азии, за исключением Индии, встали на сторону Китая; все европейские,

за исключением румынской и албанской, — на сторону СССР. В результате этого влияние и тех, и других ослабло как в Европе, так и в Азии. Коммунистическое движение в целом обнаружило первые признаки спада. В 1965 г. молодая и быстро сформировавшаяся Коммунистическая партия Индонезии была раздавлена пришедшей к власти военной диктатурой, которая с чудовищной жестокостью истребила полмиллиона коммунистов и их сторонников. Китай и Советский Союз возлагали друг на друга ответственность за это тяжелое поражение.

Конфликт с КПК уже сам по себе был причиной потери советского влияния. Руководители КПСС, пришедшие к власти после Хрущева, надеялись выйти из сложившейся ситуации, созвав новое совещание всех коммунистических партий. Оно было призвано, как уже делал Хрущев, провозгласить коллективное и торжественное осуждение китайской политики. Но его преемники не встретили необходимой поддержки. Противниками в данном случае выступили не только китайцы. Свое «нет» сказали коммунистические партии Азии, в том числе и вьетнамская, которая в результате антиамериканской борьбы снискала наибольшие симпатии среди левых сил мира. Против созыва конференции выступала и самая большая в Европе Коммунистическая партия Италии. Еще ранее глава итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти совершил поездку в Москву, чтобы разъяснить причины неприятия проекта, однако во время визита он умер. Однако аргументы, представленные Тольятти, одним из последних могикиан старого Коммунистического интернационала, не пропали бесследно.

Весь политический опыт новых советских руководителей не допускал мысли о том, что можно объединить все партии и все силы в более гибкой коалиции, готовой уважать и учитывать индивидуальные устремления своих членов. Их концепция единства традиционно оставалась «монолитной», то есть мало способной признавать законными идеи, отличные от их собственных, а также полезными возможные при столкновении интересов компромиссы. Все, что не соответствовало их предложениям и методам, встречалось с подозрением и опаской, ибо это могло породить плюрализм идей, культур, политических проектов также и в их стране. В своей последней

Пальмиро Тольятти

Памятной записке Тольятти предложил руководителям СССР альтернативную формулу, говоря о «единстве», достигаемом в условиях «разнообразия». Практически он предлагал искать такие формы связи между коммунистическими партиями, а также государственными и негосударственными политическими левыми силами, где уважались бы своеобразие и самостоятельность каждого. Но этот язык был непонятен и по сути своей неприемлем для руководителей КПСС даже в тех случаях, когда они и пытались вести диалог.

Точно так же они остались глухи к идее обновленного левого движения, именно в эти годы появившегося в Америке и Западной Европе. И не смогли возглавить его. Обновленное же левое движение было тесно связано с терроризмом. Современный терроризм возник в начале 1960-х гг. XX столетия, когда фактически завершился развал ведущих колониальных империй, а движение народов зависимых государств за достижение подлинной политической и экономической свободы приобрело всемирный характер. Предшествовавший этому процесс национального освобождения сопровождался подчас массовыми вооруженными выступлениями, в которых террористические

акции занимали подчиненное место и являлись одной из форм партизанской войны и не более того.

Однако по мере изменения геополитической и геостратегической обстановки в мире терроризм постепенно стал претерпевать коренные изменения и в политическом, и военном отношении. Движение народов колониальных и полуколониальных государств, развернувшееся после Второй мировой, успешно завершилось. Под его ударами пали крупнейшие колониальные империи Великобритании и Франции. В большинстве освободившихся от колониального гнета стран победа пришла в результате вооруженной борьбы, которая велась преимущественно партизанскими методами, а отдельные террористические акции носили вспомогательный характер. Новый этап освободительного движения, связанный с достижением подлинной политической и экономической независимости, требовал новых форм борьбы, преимущественно политического характера. Однако предыдущие успехи партизан в освобождении от колониальной и политической зависимости от сверхдержав толкали национальных лидеров использовать именно эту форму вооруженной борьбы. Причем привлекательность партизанской борьбы как способа политического освобождения завоевала симпатии даже в тех регионах мира, где она не имела больших исторических традиций.

К началу 1960-х гг. наиболее остро проблемы освобождения от неоколониального гнета проявились на латиноамериканском континенте. Формально независимые с XIX в. страны Латинской Америки после Второй мировой войны оказались в полной экономической и политической зависимости от Соединенных Штатов. В то же время борьба с фашизмом способствовала развитию массовых демократических организаций в латиноамериканских государствах. На этом фоне конец 1950-х — начало 1960-х гг. прошлого столетия ознаменовались подъемом борьбы латиноамериканских народов за политическую независимость и экономическое и социальное благосостояние.

Вследствие политических и социальных особенностей развития стран континента, где наиболее политически активные слои населения проживали в городах, в первые годы после Второй мировой освободительная борьба латиноамериканцев

проходила преимущественно в форме массовых демонстраций, забастовок, занятия предприятий. В то же время достаточно сильная репрессивная машина латиноамериканских государств вполне эффективно подавляла любые попытки национального освобождения демократическими средствами. В этих условиях наиболее логичным способом борьбы стали спорадические террористические акции. А с учетом демократического характера целей, которые провозглашались при проведении акций, они, естественно, относились к проявлениям «левого, прогрессивного» терроризма.

Толчком к новому подъему демократических, антифеодальных, антиимпериалистических движений практически во всех латиноамериканских государствах послужила победа освободительного движения на Кубе в 1959 г. Теоретической основой использования вооруженного насилия стала книга французского философа и политолога Р. Дебре «Революция в революции?». В ней не без влияния кубинского руководства в качестве основного способа достижения власти вооруженным путем провозглашалась партизанская борьба с созданием «очага» борьбы в сельской местности, на базе которого и формируется массовое движение, способное привести к свержению существующей власти. Такой вывод был сделан автором на основании анализа опыта партизанской борьбы в Китае, Вьетнаме, на Кубе и в некоторых странах Латинской Америки. По мнению Дебре, политическая структура (партия) должна с началом вооруженной борьбы перейти на военное положение, а партизанские структуры превратиться в политический авангард и стать политическим ядром всенародного восстания [122].

В подражание кубинскому опыту в ряде латиноамериканских стран были созданы из представителей городских средних слоев сельские партизанские отряды, получившие название «сельской герильи». Боевые подпольные группы в городах (так называемая городская герилья) на первых порах играли вспомогательную роль и использовались в пропагандистских целях. Так, в 1963 г. члены венесуэльских подпольных организаций «Левое революционное движение» (МИР) и «Вооруженные силы национального освобождения» провели ряд бескровных пропагандистских террористических акций.

Перед лицом реальной угрозы потерять свое влияние в Латинской Америке правящие круги США предприняли решительные шаги. Американский президент Дж. Кеннеди выдвинул концепцию «перехвата революции», сработавшую впоследствии и в других частях земного шара. В соответствии с ней на континенте был создан так называемый Союз ради прогресса, с помощью которого был дан толчок развитию местного латиноамериканского капитала, ориентированного на внутренний рынок. Это позволило несколько улучшить положение населения латиноамериканских стран и снизить его недовольство засильем в их странах иностранного капитала и тесно связанных с ним местных олигархов.

Для вооруженной борьбы с развернувшимся партизанским движением были задействованы военная структура Организации американских государств во главе с Межамериканским советом обороны и объединенное Южное командование вооруженных сил США со Штаб-квартирой в зоне Панамского канала. Латиноамериканские вооруженные силы были ориентированы на так называемую «внутреннюю оборону», предполагающую их оснащение и подготовку исключительно для борьбы с внутренним повстанческим движением. В результате принятых мер по «внутренней обороне» на латиноамериканском континенте относительно крупные партизанские отряды были разгромлены регулярными войсками своих государств при активной поддержке и помощи американского объединенного Южного командования вооруженных сил США.

В 1960-х гг. в Латинской Америке, где у оппозиции сохранялись надежды на насильственный приход к власти, левые движения, в том числе некоторые коммунистические партии, взяли курс на перенос боевых действий в города и развертывание «городской герильи» как основной ударной вооруженной силы в борьбе с правительством. Такой подход к городской герилье был следствием абсолютизации вооруженной борьбы для достижения власти. Борьба городской герильи проходила под достаточно прогрессивными социальными лозунгами, что было естественно для той ее части, которая находилась под патронажем или, по крайней мере, под влиянием одной из коммунистических партий Латинской Америки. Но и латиноамериканские

«левые» причисляли себя к марксистам. Однако выхваченные из общего контекста теории марксистские лозунги служили лишь прикрытием для националистических, популистских, троцкистских и маоистских идей [123].

Обращение к крайним насильственным средствам борьбы экстремисты пытались прикрыть величием провозглашенных социальных целей. Диктаторские и даже демократические правительства стран Латинской Америки выставлялись законным объектом насильственных атак, поскольку они буржуазны, целиком зависят от международного (читай — американского) и местного капиталов и, соответственно, проводят предательскую политику по отношению к своим народам. В условиях же существующей, по их мнению, «революционной» ситуации на континенте необходима пропаганда действием, а один террористический акт в столице, где «левые» пользовались наибольшей поддержкой, благодаря средствам массовой информации более эффективен, чем десять в сельской местности, населенной политически мало активными крестьянами преимущественно из индейцев. Это оказалось крупной политической ошибкой. «Сельская герилья» еще имела определенные перспективы перерастания в антиправительственное восстание масс, как это произошло в Никарагуа [124].

Быстрый рост в 60-е гг. прошлого века городской герильи в различных странах Латинской Америки потребовал теоретического осмысления опыта террористических действий и его распространения среди новых «бойцов». Наиболее известным теоретиком городских боевых групп стал бразилец Хуан Карлос Маригелла. Его работа «Мини-учебник городской герильи» превратилась в настольную книгу латиноамериканских, а впоследствии — и международных террористов. До того как стать теоретиком современного терроризма, Маригелла был членом Бразильской коммунистической партии и даже членом Исполнительной комиссии ее Центрального комитета. В середине 1960-х гг. после военного переворота в Бразилии он был исключен из компартии за авантюризм и сектантство [125]. В развитие своей дискуссии с бывшими политическими соратниками по Бразильской компартии Маригелла выдвинул идею о том, что боевые группы в противовес тогдашней политиче-

ской практике коммунистических партий в Латинской Америке должны быть «вооруженной рукой» не партий, а народа, в то время как легальные общественные организации не способны подготовить массы к восстанию [126]. Именно этот тезис стал водоразделом между латиноамериканскими компартиями и «левыми». В дальнейшем коммунистические партии отказались от террористических методов борьбы, а «левые» организации превратились в террористические по типу нынешних «Революционных вооруженных сил Колумбии», тесно связанных с наркотрафиком.

60-е и 70-е гг. прошлого столетия ознаменовались серьезным социально-политическим кризисом в ряде развитых стран мира, сопровождавшимся массовыми выступлениями и бунтами. Компартии в этих государствах участия в массовых акциях не принимали и не пытались придать им целеустремленный характер.

Война во Вьетнаме породила массовое недовольство среди американского населения, в том числе наиболее богатой и политически влиятельной белой общины. К нему добавилась одна из острейших внутривнутриполитических проблем США, сохраняющаяся и по настоящее время, — расовая, корнями уходящая в глубокое прошлое страны. В 1960-х гг. последняя проявилась в подъеме массового движения за гражданские права афроамериканцев, испаноязычных американцев и индейцев. Оно сопровождалось массовыми актами гражданского неповиновения с ненасильственными, а подчас и насильственными действиями. К числу заметных массовых беспорядков, несомненно, относятся события 1965 г. в Лос-Анджелесе. На улицах города развернулись настоящие боевые действия. Экстремистский характер мирной акции протеста местного населения придали представители левацких организаций, выступившие провокаторами жесткого ответа правоохранительных органов. В Калифорнию прибыли регулярные армейские подразделения и формирования морской пехоты. В ходе боев потери участников демонстрации составили около 30 чел. убитыми, около 3 тыс. ранеными, более 3 тыс. было арестовано [127].

Не менее заметными стали события мая-июня 1968 г. во Франции. Они начались как выступления студентов за свои

права в одном из провинциальных университетов. 3 мая 1968 г. студенты Сорбонского университета, расположенного в Латинском квартале Парижа, провели митинг в поддержку своих товарищей. По просьбе ректора в центральный корпус учебного заведения были введены полицейские. Они не встретили сопротивления. Но на площади перед зданием ректората стали скапливаться сочувствующие, которые с возмущением встретили задержание участников митинга. Силы правопорядка начали вытеснять протестующих из числа сочувствующих с площади, применив слезоточивый газ и дубинки. Затем началось преследование и аресты протестовавших на площади, а также прохожих, случайно оказавшихся вне дома, на прилегающих к университету улицах [128]. После событий 3 мая протесты демократической общественности не прекратились. 6 мая в демонстрации приняли участие уже 3–4 тыс. человек, 7 мая в разрешенной демонстрации участвовали 25 тыс. человек. Манифестации в Париже были поддержаны акциями протеста в провинции, началась забастовка работников почты и телеграфа Франции. Митинги поддержки французских студентов прошли также за пределами Франции — в Берлине, Франкфурте, Льеже. Апогеем массовых беспорядков в мае 1968 г. во Франции стали столкновения между демонстрантами и силами правопорядка в ночь с 10 на 11 мая. Сотни протестующих были ранены. 357 человек обратились за медицинской помощью в больницы. Французскому политическому руководству удалось перевести противостояние в мирное русло, хотя к Парижу были подтянуты танковые соединения французской армии. Но дело до использования войск не дошло. Кризис был разрешен политическими средствами на досрочных парламентских выборах.

На фоне политического кризиса в развитых странах в Европе зародилось еврокоммунистическое течение в мировом коммунистическом движении. Его поддерживали наиболее популярные компартии Западной Европы: Итальянская коммунистическая партия, Коммунистическая партия Испании, некоторое время — и Французская коммунистическая партия. Еврокоммунизм поддерживался также компартиями Нидерландов, Великобритании, Австрии. Он имел влияние и вне Европы: находил отражение в политике компартий Японии и Австралии,

Демонстрация в Париже 6 мая 1968 г.

левых партий Венесуэлы и Мексики. Еврокоммунизм проявлялся в критике руководства КПСС в мировом коммунистическом движении, концепции диктатуры пролетариата и недостатка политических свобод в странах, принявших советскую модель социализма. Вместе с тем еврокоммунизм декларировал верность марксизму (не марксизму-ленинизму) и не идентифицировал себя с социал-демократией. Это вызывало сомнения в его четкой идентичности. Критика справа упрекала еврокоммунистов в нежелании порывать с КПСС, троцкистская критика — в национализме, критика слева — в отказе от основополагающих принципов коммунизма. Советские идеологи рассматривали еврокоммунизм как разновидность ревизионизма.

После падения фашистского государства в Италии в конце Второй мировой войны лидер итальянских коммунистов П. Тольятти выдвинул идею создания «демократического режима нового типа — государства прогрессивной демократии». Оно должно было строиться на базе республиканской Конституции,

демократических институтов и широких политических и индивидуальных свобод. Такое государственное устройство исключало бы опасность возврата к фашизму. Проект итальянских коммунистов потерпел тяжелое поражение, когда они вместе с социалистами были изгнаны из правительства в 1947 г. Политическое лицо итальянских коммунистов изменилось радикально. Они превратились в горячих защитников либеральной демократии, многопартийности, парламентской системы, собственного гражданского обществу разделения властей и т.д. В общем, стали защитниками европейской модели либерального общества.

Проект «демократии нового типа» был выдвинут вновь итальянскими коммунистами в 1956 г. Был сделан еще один виток спирали идеологической трансформации итальянских коммунистов. Возникла необходимость союза с некоммунистическими политическими силами, а вместе с тем и потребность «отвязаться» от Советского Союза. Так произошло отдаление от СССР и осуждение советской модели. Была также подвергнута осуждению внешняя политика СССР, политика блоков и т.д. Чтобы подтвердить свою независимость от СССР, Тольятти выдвинул в 1956 г. концепцию «полицентризма» в коммунистическом движении. Она выражала решение европейских коммунистических партий стать независимыми от предполагаемого контроля со стороны Москвы. Движение по этому пути привело к защите концепции гражданского общества и рыночной экономики.

Лидер испанских коммунистов Каррильо и его ближайшие последователи приняли практически без обсуждения все установки итальянских коммунистов. Параллельно с критикой СССР они критиковали и тип советской компартии. Особый упор делался на отсутствии якобы в компартии Испании внутренней демократии, говорилось о необходимости идеологических дебатов о состоянии марксизма, которые должны были бы привести к новой концепции партии, превращающей ее в организацию, открытую для создания фракций и течений. Выдвигались требования пересмотра идеологической базы партии с отказом от целого ряда принципов, что означало бы превращение Коммунистической партии Испании (КПИ) в организацию социал-демократического типа. КПИ была расколота и открыта

для проникновения либеральных и буржуазных ценностей. Руководящая группа КПИ во главе с Каррильо ревизовала политику партии под влиянием тех изменений, которые происходили в западноевропейских коммунистических партиях. Согласно новой линии КПИ, для строительства социализма в Испании был необходим переходный период, который КПИ обозначила как «политико-социальная демократия». Это была испанская версия «демократии нового типа» Тольятти.

Можно сказать, что западные компартии в соответствии с духом еврокоммунизма перешли в лагерь противников СССР в холодной войне. А их отказ от марксистской идеологии и политика антисоветизма привели к потере ими политического веса в своих странах.

В создавшихся социально-политических условиях в мире противостояние двух систем переместилось в экономическую сферу. Именно она становилась решающей. Более эффективная экономика Запада позволяла не только поддерживать военный и политический паритет, но и удовлетворять растущие потребности современного человека, которыми в силу чисто рыночных механизмов хозяйствования умела грамотно манипулировать. В то же время тяжеловесная, ориентированная только на производство вооружений и средств производства экономика СССР не могла, хотя и собиралась конкурировать в этой области с Западом.

В целях исправления положения в экономике в Советском Союзе была предпринята ее реформа. Ее реформы связывали с усложнением экономических связей, что снижало эффективность директивного планирования, и со стремлением более полно использовать интенсивные факторы экономического роста. Последнее было достижимо посредством повышения производительности труда через улучшение его культуры, интенсивности и организации, а также эффективного использования имеющихся ресурсов. Было признано, что существующая система планирования недостаточно заинтересовывает предприятия в принятии высоких плановых заданий, во внедрении организационных и технических новаций.

Впервые основные идеи реформы были обнародованы в статье профессора Харьковского инженерно-экономического

института и Харьковского государственного университета Е.Г. Либермана «План, прибыль, премия» в газете «Правда» и в его докладе «О совершенствовании планирования и материального поощрения работы промышленных предприятий», направленном в ЦК КПСС. Статья положила начало общесоюзной экономической дискуссии в прессе и ряду экономических экспериментов, подтвердивших эффективность предложенных мероприятий. Как альтернатива реформе в среде интеллигенции радикального «технократического» направления, рассматривались идеи академика В.М. Глушкова, с 1962 г. развивавшего программу тотальной информатизации экономических процессов с применением системы ОГАС, которая должна была базироваться на создававшейся Единой государственной сети вычислительных центров (ЕГС ВЦ). Как обычно в Советском Союзе, решающим аргументом стало то, что Либерман издержки на проведение своей реформы оценил в стоимость бумаги, на которой будут напечатаны соответствующие указы, а первые результаты пообещал уже через считанные месяцы. Косыгин выбрал реформу Либермана [129].

Начало реформе положили решения мартовского и сентябрьского Пленумов ЦК КПСС 1965 г. Мартовский пленум сосредоточил внимание на механизмах управления сельским хозяйством, которое пытались реформировать на основе увеличения материальной заинтересованности колхозников и работников совхозов в росте производства. Снижался план обязательных закупок зерна, объявленный неизменным на 10 лет. Сверхплановые закупки должны были производиться по повышенным ценам. Снимались ограничения с личных подсобных хозяйств, введенные при Хрущеве. Реформа 1965 г. предусматривала дальнейшее развитие сельского хозяйства. Совет министров СССР в связи с этим принял 13 апреля 1967 г. постановление «О переводе совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий на полный хозяйственный расчет». Важным решением было и принятие Примерного Устава колхозов в ноябре 1969 г. Он расширял хозяйственную самостоятельность колхозов, сохранил за колхозниками право на подсобное хозяйство, приусадебный участок, личный скот и птицу. Но вскоре проявилась ограниченность намеченных

механизмов стимулирования, в частности, тенденция к снижению объемов плановых поставок сельскохозяйственной продукции.

Серьезнейшим шагом в развитии реформы стали решения сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, которые были уточнены в совместных постановлениях ЦК КПСС и Совета министров СССР от 30 сентября 1965 г. «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» и от 4 октября 1965 г. «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства». Кроме того, реформа вводилась в действие рядом постановлений ЦК КПСС и Совета министров СССР, распространявших ее положения на отдельные отрасли и сектора народного хозяйства:

- «Положение о социалистическом государственном производственном предприятии», утверждено СМ СССР 4 октября 1965 г.;
- «О переводе предприятий Министерства гражданской авиации на новую систему планирования и экономического стимулирования» (от 7 июня 1967 г.);
- «О переводе железных дорог Министерства путей сообщения на новую систему планирования и экономического стимулирования» (от 23 июня 1967 г.);
- «О переводе предприятий Министерства морского флота на новую систему планирования и экономического стимулирования» (от 7 июля 1967 г.);
- «О переводе предприятий речного транспорта союзных республик на новую систему планирования и экономического стимулирования» (7 июля 1967 г.);
- «О переводе эксплуатационных предприятий и производственно-технических управлений связи системы Министерства связи СССР на новую систему планирования и экономического стимулирования» (8 июля 1968 г.);
- «О совершенствовании планирования и капитального строительства и об усилении экономического стимулирования строительного производства» (28 мая 1969 г.) [130].

Суть реформы задумывалась как сочетание комплекса мер, призванных усилить экономические рычаги, расширить самостоятельность хозяйственного звена (предприятия или организации), усовершенствовать централизованное планирование. Исходной идеей реформы была потребность в децентрализации. Оставлялось пять директивно планируемых показателей, среди которых — объем реализации продукции, основная номенклатура, фонд заработной платы, прибыль и рентабельность, взаимоотношения с бюджетом. Но административная обязанность заданий даже при этих чисто экономических показателях должна была сохраниться. Реформа представляла собой комплекс из пяти групп мероприятий.

Ликвидировались органы территориального хозяйственного управления и планирования — советы народного хозяйства, созданные в 1957 г., предприятия становились основной хозяйственной единицей. Восстанавливалась система отраслевого управления промышленностью, общесоюзные, союзно-республиканские и республиканские министерства и ведомства.

Сокращалось количество директивных плановых показателей (с 30 до 9). Действующими оставались показатели по: общему объему продукции в действующих оптовых ценах; важнейшей продукции в натуральном измерении; общему фонду заработной платы; общей суммы прибыли и рентабельности, выраженной как отношение прибыли к сумме основных фондов и нормируемых оборотных средств; платежам в бюджет и ассигнованиям из бюджета; общему объему капитальных вложений; заданиям по внедрению новой техники; объему поставок сырья, материалов и оборудования.

Расширялась хозяйственная самостоятельность предприятий. Предприятия обязаны были самостоятельно определять детальную номенклатуру и ассортимент продукции, за счет собственных средств осуществлять инвестиции в производство, устанавливать долговременные договорные связи с поставщиками и потребителями, определять численность персонала, размеры его материального поощрения. За невыполнение договорных обязательств предприятия подвергались финансовым санкциям, усиливалось значение хозяйственного арбитража.

Ключевое значение придавалось интегральным показателям экономической эффективности производства — прибыли и рентабельности. За счет прибыли предприятия получали возможность формировать ряд фондов — фонды развития производства, материального поощрения, социально-культурного назначения, жилищного строительства и др. Использовать фонды предприятия могли по своему усмотрению (разумеется, в рамках существующего законодательства).

1. Ценовая политика: оптовая цена реализации должна была обеспечивать предприятию заданную рентабельность производства. Вводились нормативы длительного действия — не подлежащие пересмотру в течение определенного периода нормы плановой себестоимости продукции.

В сельском хозяйстве закупочные цены на продукцию повышались в 1,5–2 раза, вводилась льготная оплата сверхпланового урожая, снижались цены на запчасти и технику, уменьшились ставки подоходного налога на крестьян.

Однако реформа не меняла основ командно-административной системы управления и была направлена лишь на ограничение использования преимущественно административных методов в сочетании их с некоторыми экономическими рычагами. Основные мероприятия реформы были введены в действие на протяжении 8-й пятилетки 1965–1970 гг. К осени 1967 г. по новой системе работали 5,5 тыс. предприятий ($\frac{1}{3}$ промышленной продукции, 45% прибыли), к апрелю 1969 г. — 32 тыс. предприятий (77% продукции). Первые годы реформы дали положительные результаты. Если среднегодовые темпы прироста национального дохода и валового общественного продукта составили в 1961–1965 гг. 6,5%, то в 1966–1970 гг. — 7,8 и 7,4% соответственно. Прирост валовой продукции сельского хозяйства составил в 1961–1965 гг. 2,2%, а в 1966–1970 гг. — 3,9%. Был осуществлен ряд крупных хозяйственных проектов (создание Единой энергосистемы, внедрение автоматизированных систем управления (АСУ), развитие гражданского автомобилестроения и пр.). Высокими были темпы роста жилищного строительства и развития социальной сферы.

Крупные структурные изменения характеризовали развитие народного хозяйства. В стране сложился единый народнохо-

зыйственный комплекс, включающий единые энергосистему, транспортную сеть, систему связи. За эти годы было построено более 9 тыс. новых промышленных предприятий. В общем и целом этот период явился периодом наибольших достижений Советского государства в области экономики, социальной и научной жизни.

Но уже в 1966–1967 гг. стали проявляться негативные стороны реформы, причинами которых были, прежде всего, ее непоследовательность и половинчатость. Главным недостатком было то, что интересы общества и предприятия стали все больше и больше расходиться. Предприятию было выгодно выпускать однотипную продукцию по максимально высоким ценам. Это стало приводить к сбоям в работе всего хозяйственного механизма страны и могло привести к быстрому и глубокому экономическому кризису. Чтобы избежать его, руководство страны приняло решение вернуться к проверенной жесткой административной структуре при детальном планировании номенклатурной продукции и других показателей с ограничением прав предприятий. В начале 1970 г. от реформы практически полностью отказались, валовые показатели стали вновь играть ведущее место в экономической жизни [131].

А тем временем соревнование двух систем в экономической сфере становилось все более жестким. Запад имел в нем явное преимущество. Выгоднее были стартовые позиции, причем в США в годы Второй мировой войны экономический потенциал значительно вырос. Более совершенной была и система кооперации развитых стран, тогда как в «социалистический блок» входили помимо СССР страны, игравшие несущественную роль в мировом хозяйстве, многие из которых понесли огромный ущерб в годы войны. Затяжное формирование механизма международного разделения труда в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) мешало координации народнохозяйственных планов и осуществлению совместных проектов. Только в 1971 г. в СЭВ была принята комплексная программа углубления и совершенствования сотрудничества, рассчитанная на 15–20 лет. Советский Союз при этом выступал экономическим донором стран-участниц. Он поставил в восточноевропейские страны в 1965 г. 8,3 млн т, а в 1975 г. — уже

около 50 млн т. Цены на советскую нефть были значительно ниже мировых цен, так как СССР взял на себя обязательство поставок сырья по более низким расценкам. Частичные реформы «советской модели социализма» ни в одной из стран восточноевропейского блока не привели к качественному росту эффективности производства.

В конце концов все это отразилось на политическом влиянии СССР в международных делах. Советский Союз не получил политических выгод от социально-политического кризиса в развитых странах, начал проигрывать борьбу за влияние не только в странах третьего мира, но и внутри социалистического содружества. СССР пришлось столкнуться с отрицательной реакцией на кризис «советской модели социализма».

На фоне бурного экономического развития Федеративной Республики Германии одной из основных целей советской внешней политики в 1960-х гг. была стабилизация ситуации в Европе. Для этого нужно было решить немецкую проблему. Она была одним из самых острых вопросов в отношениях между двумя военно-политическими блоками — НАТО и ОВД. Немалую роль в этом играли и личностные качества лидеров — Эйзенхауэра, Кеннеди и особенно Хрущева и Ульбрихта, руководителя Германской Демократической Республики (ГДР). Отсутствие юридического признания ГДР имело для СССР и его союзников серьезные последствия, так как можно было постоянно оспаривать законность самого существования второго немецкого государства.

В Европе главным политическим раздражителем был статус Западного Берлина. В центре Германской Демократической Республики (ГДР) находился контролируемый державами антигитлеровской коалиции Западный Берлин — витрина процветания Запада, реклама западного образа жизни, весьма соблазнительная для немцев ГДР. Чтобы сломить сопротивление своих западных партнеров, Хрущев использовал его как единственное место давления, которое Вторая мировая война оставила Советскому Союзу в Германии. Бывшая немецкая столица была для СССР двойной проблемой. Раздел города, то есть присутствие в столице неподконтрольного ГДР западного сектора, являлся фактором постоянной нестабильности для вос-

точногерманского государства. Существовала открытая дверь, через которую происходила утечка людей и средств в Западную Германию, где благодаря производственному подъему существовала более солидная экономика и лучшие условия жизни. Особенно усилился этот процесс в июле 1961 г., когда из Восточного Берлина в Западный ежедневно бежало до тысячи человек. Кроме того, свободный проход через Западный Берлин в ГДР был лазейкой для разведок капиталистических стран, чем они и пользовались, проникая в расположение советских войск для сбора разведданных. Все это крайне нервно воспринималось как правительством ГДР, так и руководством СССР.

В конце 1958 г. Хрущев предложил сделать Западный Берлин «свободным городом» с гарантией его независимости, означающей конец оккупации победителями Второй мировой войны. Если страны НАТО, добавил Хрущев, не согласятся на заключение мирного договора с обеими Германиями, СССР заключит его только с ГДР. Она получит контроль над путями сообщения с Западным Берлином, и американцы, англичане и французы, чтобы попасть в город, будут вынуждены обращаться к восточно-немецким властям, неизбежно признавая их существование. Но признания ГДР не состоялось. В период с 1958 по 1961 г. Берлин оставался самой горячей точкой мира.

В связи с этим усиление и удержание ГДР в социалистическом содружестве приобретало первостепенное значение. Тем более что из ГДР все чаще поступали сигналы, тревожившие Кремль. Так, 24 февраля 1958 г. в Москву было направлено советским посольством в Германии политическое письмо «О положении в Западном Берлине». В нем говорилось: «В течение ряда лет Западный Берлин служит центром подрывной деятельности западных держав против Германской Демократической Республики. Именно в Берлине... происходит открытая борьба между капиталистической и социалистической системами. Западный Берлин используется врагом для организации различного рода политических провокаций и экономических диверсий против ГДР, а также в качестве своеобразной пропагандистской витрины западного мира. Перед немецкими друзьями стоит задача нейтрализовать эту деятельность... усилением собственного влияния на эту часть города» [132]. Посольство исходило из

предположения, что «берлинский вопрос можно решать независимо от урегулирования германской проблемы в целом путем постепенного экономического и политического завоевания Западного Берлина» [133]. Оно полагало, что вопреки Потсдамским соглашениям и другим переговорам берлинская проблема рассматривается Западом в отрыве от общеевропейских и общегерманских дел.

Немаловажным фактом, требовавшим принятия каких-то радикальных мер, стали участившиеся случаи бегства восточных немцев в Западный Берлин, с перемещением их в страны капиталистического мира, чаще всего в ФРГ. Секретарь ЦК КПСС Ю. Андропов 21 августа 1958 г. в докладе членам Центрального Комитета партии говорил: «За последнее время значительно усилился уход интеллигенции из ГДР в Западную Германию. Количество переходов по сравнению с прошлым годом увеличилось на пятьдесят процентов. За первые шесть месяцев этого года из республики ушло 1000 учителей, 518 врачей, 796 человек из числа технической интеллигенции, а также ряд видных ученых и специалистов. Как видно из ряда немецких сообщений, основная причина ухода интеллигенции на Запад заключается в том, что многие организации зачастую неправильно относятся к работникам умственного труда».

Выход из этой ситуации виделся в том, чтобы СССР увеличил помощь Социалистической единой партии Германии в усилении коммунистического влияния на немецкую интеллигенцию. В результате было решено «устранить оккупационный статус» Берлина. Об этом и сделал заявление Хрущев в форме ультиматума западным державам 27 ноября 1958 г. Он предлагал провести за шесть месяцев переговоры о мирном договоре с Германией, в противном случае управление советской зоной оккупации будет передано ГДР, с которой будет заключен мирный договор, а статус Западного Берлина будет ликвидирован. Военный представитель в Восточном Берлине генерал Шалин еще до выступления Хрущева по германскому вопросу доносил 19 ноября 1958 г.: «Есть мнение, что Англия и Франция в случае решительных действий правительств СССР и ГДР могли бы согласиться на вывод войск из Западного Берлина, но США окажут противодействие этому» [133. Л. 3].

Скоро здесь будет Стена. Берлин, 1961 г.

Но Шалин желаемое явно выдавал за действительное. 14 декабря 1958 г. в Париже министры иностранных дел трех западных держав и ФРГ подтвердили «решимость своих правительств обеспечить свои позиции и права относительно Берлина». Через два дня собравшийся срочно там же Совет НАТО по берлинскому вопросу заявил: «Ни одно государство не имеет права односторонне разрывать международные соглашения. Действия Советского Союза относительно Берлина и его методы разрушают доверие между нациями, которое составляет основу мира. Требования Советского Союза создали серьезное положение, которому надо решительно противодействовать»¹. Ключевую роль в дальнейшем развитии кризиса играло руководство Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) и лично В. Ульбрихт, опасавшийся «чрезмерного сближения» Москвы и ФРГ. Советский посол М. Первухин после беседы с Ульбрихтом 5 декабря 1958 г. доносил в Москву: «В. Ульбрихт сказал, что ГДР будет продолжать свою активную борьбу против

¹ РЦХСД. Ф. 89. Оп. 2. Д. 2. Л. 3.

Бонна как по политической, так и по экономической линиям... Ульбрихт подчеркнул, что основной национальной позицией, с которой можно разбить Аденауэра, является показ возрождения германского милитаризма и фашизма, разоблачение агрессивных планов германского империализма. Этому моменту будет в дальнейшем уделено решающее значение в политике ГДР»¹. В беседе с советским послом Ульбрихт сказал, что настоящий момент является поворотным пунктом в вопросе признания ГДР. «До сих пор население Западной Германии верило, что ГДР в один прекрасный день будет присоединена к ФРГ. Теперь этот взгляд меняется. Факт существования ГДР, прочность ее позиций доходит до сознания все более широких слоев населения»². Кроме того, Ульбрихт заявил советскому послу, что «располагает документами, в которых изложены агрессивные планы НАТО, где предусматривается возможность продвижения западнонемецких войск до Одера». Этот нажим Ульбрихта на Москву, нагнетание страхов как среди советского руководства, так и собственного народа, преследовали вполне очевидные цели сохранения ГДР как суверенного государства, укрепления внутреннего положения ГДР и СЕПГ.

Тем временем бегство на Запад через Берлин усиливалось. «В 1956 г. через Западный Берлин ушло свыше 90% всех беженцев, тогда как в 1957 г. — менее 44%, — сообщало посольство. — Население ГДР с 1950 по 1958 г. сократилось на 997,5 тыс. человек»³. Все более обнаруживалась неспособность властей ГДР определить истинные причины развертывавшихся событий. 15 сентября 1959 г. член политбюро и секретарь ЦК СЕПГ А. Нойман говорил советнику-посланнику В.В. Кочемасову, что «усиление враждебной деятельности в ГДР за последнее время, несомненно, объясняется страхом правящих кругов ФРГ перед разрядкой международной напряженности и стремлением путем провокаций на территории ГДР воспрепятствовать этому процессу»⁴.

¹ Российский центр хранения современной документации (РЦХСД). Ф. 5. Оп. 49. Ед. хр. 82. Л. 585.

² Там же. Л. 586.

³ Там же. Ф. 5. Оп. 49. Ед. хр. 184.

⁴ Там же.

Ни в ГДР, ни в СССР не находили достаточно политически гибких выходов из складывающейся критической ситуации. Делался сугубо идеологический вывод: «остановить империалистов» в Германии, Берлине. Практический вывод был прост: остановить беженцев. Идея стены в Берлине, которая препятствовала бы потоку беженцев, вынашивалась еще во второй половине 1950-х гг. в Восточном Берлине и в Москве. Но только на заседании Политического консультативного комитета ОВД 3–5 августа 1961 г. она получила оформление. Ульбрихт требовал радикальных решений. Хрущев колебался. Он хотел более гибких подходов, но в сочетании с давлением на Запад. Он уже предъявлял западным державам 27 ноября 1958 г. ультиматум, предлагая вывести оккупационные войска из Западного Берлина и сделать его свободным городом, фактически подчиненным ГДР.

Характерен разговор Хрущева с Дж. Кеннеди во время их первой встречи после избрания последнего в Вене в июле 1961 г. Хрущев заявил во время беседы: «Мирный договор с ГДР со всеми вытекающими отсюда последствиями будет подписан к декабрю нынешнего года». «Если это так, то наступит холодная зима», — таков был ответ президента США [134]. Главы сверхдержав расстались холодно. Хрущев недооценил твердость и волю Кеннеди, полагая, что с молодым президентом возможна политика давления. Он поставил американского президента перед выбором: или совместно подписать соглашение, признающее существование двух германских государств (ГДР и ФРГ), или СССР подпишет сепаратный договор с ГДР не позже декабря 1961 г., после чего оккупационные права западных держав в Берлине и свободный доступ к городу прекратятся, а коммуникации с Западным Берлином будут контролироваться правительством Восточной Германии.

Такой подход насторожил Дж. Кеннеди. Хрущев прибегнул к тому блефу, который сработал во время Суэцкого кризиса 1956 г., но теперь он не учел характера молодого американского президента. Хрущев, как и все политбюро, не собирался вступать с США в конфронтацию или тем более ввязываться с ними в войну из-за Германии. Но его показная напористость и решительность, которой он хотел принудить Кеннеди принять

его условия, произвели обратный эффект. По возвращении президент США стал готовиться к принятию военных контрмер.

Несмотря на негативное отношение американцев к изменению статуса Западного Берлина и заключению мирного договора с двумя германскими государствами, Хрущев не отступился от идеи отгородить Западный Берлин от Восточного надежной преградой. Он полагал, что если «закрыть все входы и выходы», ведущие на Запад, то восточные немцы станут работать лучше, экономика будет совершенствоваться и достигнет такого уровня, что при социальных гарантиях для трудящихся в ГДР она станет даже привлекательной для западных немцев.

Однако надо было как-то предупредить США и Великобританию, Францию и ФРГ о намерениях Организации Варшавского Договора в отношении Западного Берлина. 7 августа Хрущев выступил по Московскому телевидению. Касаясь вопроса о Берлине, он сказал, что нет и мысли о блокаде западной части города, но заявил, что планировавшееся сокращение вооруженных сил будет отменено и более того намечается дополнительный призыв в армию резервистов и передислокация ряда дивизий из глубины страны к западным границам. Это было предупреждением.

В ночь с 12 на 13 августа 1961 г. вокруг Западного Берлина была воздвигнута стена. Эта часть города была изолирована от остальной территории ГДР настоящим барьером из бетонных плит, возведенным за одну ночь и тщательно охраняемым. Огромная масса людей утром 14 августа попытались уехать домой к месту жительства, работы и т.д. Десятки тысяч людей скопились у Бранденбургских ворот и в других местах по обе стороны вновь созданной границы, но все их попытки перебраться через нее решительно пресекались полицией ГДР. По громкоговорителям был объявлен приказ «Немедленно разойтись», но люди продолжали стоять. И тогда мощные водометы буквально в течение получаса рассеяли огромную толпу. Таким образом, была закрыта граница между Восточным и Западным Берлином для восточных немцев, что дало возможность остановить отток людей и средств в другую Германию, восстановить контроль над своей территорией, своим населением и экономикой, укрепить свое положение и создать основы для самостоятельного развития своей республики.

Берлинская стена

Советское руководство с тревогой ожидало реакции США. Но ничего страшного не случилось. 13 августа несколько американских джипов совершили поездку по Восточному Берлину. Их пропустили беспрепятственно, хотя во время поездки сопровождали машины служб безопасности СССР и ГДР. Вскоре стала известна оценка событий американским президентом. Он сказал, что «режим Ульбрихта, по всей вероятности, обладает законным правом закрыть свои границы, и никто не может вообразить, что мы должны начать из-за этого войну»¹.

¹ Цит. по: *Хрущев С.Н.* Никита Хрущев: кризисы и ракеты. Т. 2. М., 1994. С. 134.

Надо сказать, что об этом высказывании Кеннеди знали лишь очень немногие. Что касается официальной реакции США, то она была бурной. В Западный Берлин прибыл вице-президент США Л. Джонсон. Он заявил, что защита жителей города является делом «священной чести» народа Соединенных Штатов. Гарнизон американских войск в городе был увеличен на 1500 человек. Генерал, командовавший американскими войсками в Германии, и Дин Ачесон, бывший глава госдепартамента, требовали применения силы. В США были приведены в повышенную готовность части тактической авиации, объявлен призыв в армию более 75 тыс. резервистов. Аналогичные меры были приняты в Великобритании.

Наибольшей остроты берлинский кризис достиг 28 октября. На этот день американцы запланировали акцию по уничтожению части стены у одного из пропускных пунктов. Для ее проведения привлекались несколько джипов с пехотой и журналистами, бульдозеры и несколько танков. Привлеченные силы были выстроены в боевой порядок: впереди шли джипы, за ними бульдозеры, которые должны были разрушить заграждения, а замыкали колонну десять танков. Полагали, что немецкие пограничники не рискнут стрелять по колонне армии, победительницы во Второй мировой войне.

Однако советское командование заблаговременно узнало о готовившейся операции. Было решено предпринять контрмеры. В ночь перед акцией в переулках, примыкающих к пропускному пункту, скрытно разместились танковый полк и стрелковый батальон. Рано утром к пропускному пункту у Брандербургских ворот подошли три джипа, за ними грохотали бульдозеры, прикрываемые танками с закрытыми люками и расчехленными пушками. Джипы были беспрепятственно пропущены в Восточный Берлин. А вот когда к контрольному пункту подошли бульдозеры, из прилегающих переулков вышли советские танки и начали разворачиваться навстречу бульдозерам. Грохот двигателей многократно усиливали динамики, помещенные на крышах зданий. Бульдозеры остановились, не дойдя до контрольно-пропускного пункта. Советские танки встали на своей половине улицы. За ними видны были машины с пехотой. Джипы, вошедшие в Восточный Берлин, были окру-

жены полицией ГДР. Они развернулись и двинулись в обратный путь. Им никто не препятствовал. Бульдозеры и танки обеих сторон стояли друг против друга. Советские и американские танки стояли с наведенными друг на друга орудиями. Двигатели были заглушены. Западноберлинский аэродром Тепмельгоф был полностью блокирован советскими истребителями, которые никому не позволяли взлетать и садиться. Противостояние продолжалось до вечера. С наступлением темноты советские части получили приказ отойти в те же переулки, где они сосредоточивались утром. Через 20 минут после того, как замолк рев моторов на восточной стороне КПП, американская колонна развернулась и двинулась в глубь Западного Берлина. В отличие от кризиса 1948 г., на поддержку извне американским войскам в Западном Берлине рассчитывать не приходилось.

Во всем мире возведение Берлинской стены восприняли как символическое завершение послевоенного раздела Европы. Однако окончательно западные страны признали раздел города только спустя десять лет. Его оформило соглашение четырех держав (СССР, США, Великобритания и Франции), подписанное в 1971 г.

Инцидент закончился. После него напряженность в Берлине стала спадать, но советско-американские отношения продолжали ухудшаться. Этому способствовал не только берлинский кризис. Продолжалась в весьма острых формах борьба за третий мир. Шло набиравшее силу соревнование сверхдержав в области ракетно-ядерных вооружений. В США в высоком темпе вводились в строй стратегические ракеты, как наземные, так и морские. Это болезненно воспринималось руководством Советского Союза. Выступая с докладом на XXII съезде КПСС в октябре 1961 г., Хрущев заявил, что «в обстановке обострения международного положения» советское правительство «вынуждено было приостановить сокращение вооруженных сил, запланированное на 1961 г., увеличить расходы на оборону, отсрочить увольнение в запас солдат и матросов, возобновить испытания новых, более мощных видов оружия»¹. Как раз в 1961 г. СССР после трехлетнего перерыва возобновил ядерные испытания

¹ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 27.

на Новой Земле. Были проведены пуски ракет стратегического назначения с ядерными зарядами.

В конце 1960-х гг. социалистический лагерь переживал идеологический и внутривластный кризис, вызванный расколом мирового коммунистического движения и обособлением ряда стран Восточной Европы. Из мировой социалистической системы фактически выпали режимы в Югославии и Албании. В Югославии был взят курс на построение особого народного социализма, а в Албании произошла консервация сталинской модели. По-прежнему неопределенным было положение ГДР, чей государственный статус и границы не признавались многими ведущими странами Запада. Определенные противоречия в экономической политике СЭВ имелись между Румынией и СССР.

Новый виток отказа от сталинской модели социализма неизбежно вел к поискам новых путей развития социалистической системы. Особенно ярко реформационные преобразования проявились во второй половине 1960-х гг. в Чехословакии, Польше и Венгрии. Экономические и политические реформы в этих странах инициировал новый курс советского руководства, осуществившего подобные преобразования в СССР. Между тем вскоре выяснилось, что параметры экономической реформы в Чехословакии значительно превышают ограниченные рамки, в которых она развивалась в СССР. Советское руководство также беспокоило то обстоятельство, что реформы в Чехословакии сопровождались определенными политическими изменениями. В самой же ЧССР летом-осенью 1967 г. произошел спад темпов производства. Он объяснялся косностью управленческих структур. Внешняя политика Чехословакии в вопросе о мирном урегулировании на Ближнем Востоке усиливала негативное восприятие коммунистического руководства. Правительство ЧССР поддержало Советский Союз в его проарабской позиции во время арабо-израильской войны 1967 г., между тем большая часть чешской интеллигенции скорее сочувствовала еврейской стороне. Прошли манифестации протеста среди молодежи и интеллигенции. Шестидневная война на Ближнем Востоке показала, что общественное мнение не разделяло проарабских настроений правительства.

Но главной опасностью стали расхождения по вопросу федеративного устройства, выразившиеся в обострении противоречий между чехами и словаками в руководстве страны и партии. Недовольство оппозиции сконцентрировалось на А. Новотном, более десяти лет стоявшем во главе партии и ставшем к тому же президентом республики. Именно Новотный был инициатором приезда Л.И. Брежнева в Чехословакию. По его приезду были обсуждены со всеми участниками конфликта имеющиеся разногласия и сделан вывод, что кризис может быть устранен, если Новотный откажется от одного из занимаемых постов. Брежнев уехал, уверенный в том, что решил проблему. Однако в январе 1968 г. на пленуме Генеральным секретарем ЦК Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) был избран не чех Черник, как информировали Брежнева, а словак А. Дубчек. До этого он возглавлял ЦК Компартии Словакии. В президиум ЦК КПЧ были введены четыре новых члена. Впервые Компартию Чехословакии возглавил словак. Это была своего рода сенсация, но по существу за этим стоял компромисс различных сил внутри ЦК.

Дубчек и его сторонники провозгласили курс на строительство «социализма с человеческим лицом» и намеревались сохранить власть на основе права власти, приобретенного благодаря доверию, завоеванному в обществе. Они были убеждены, что демократия необходима как для чехов, так и для словаков. Среди первых решений была отмена цензуры. В стране начался период явной политической борьбы, и стоявшим у власти коммунистам победа заранее вовсе не гарантировалась. Сама коммунистическая партия не была избавлена от внутренней борьбы между приверженцами нового направления и сторонниками старых методов. Компартия как инициатор перемен, по существу, теряла время и уступала политическое пространство другим непартийным силам. Дубчек поощрял широкую критику недостатков и поддерживал атмосферу свободы выражения мыслей, но одновременно решал свои проблемы. Ему надо было укрепить свое положение как лидера и добиться изменения соотношения сил в свою пользу, отеснить догматиков. Он не торопился и с созывом чрезвычайного съезда партии. И вообще готовил перемены без нажима и обострений. В конце марта был освобожден с поста президента А. Новотный, новым

президентом ЧССР стал генерал Л. Свобода. До этого были вынуждены уйти в отставку несколько одиозных деятелей из ЦК и правительства.

Через несколько недель после поворота событий в Чехословакии, пришедшегося на новогодние праздники 1968 г., в Москве стали проявлять первые признаки беспокойства. Сообщения, присылаемые из советского посольства в Праге, были полны тревоги. Брежнев зачастил с телефонными звонками к Дубчеку, сетуя на те или иные особенности общественной жизни Чехословакии. В московском руководстве обнаруживались явные признаки беспокойства. В СССР всегда считали Чехословакию сравнительно спокойной страной. Стоявшая у власти коммунистическая партия долгое время пользовалась у себя в стране значительной народной поддержкой. Никогда не наблюдалось каких-либо антисоветских или антирусских настроений. Однако Сталин все равно не доверял Чехословакии; его репрессивная политика пришла туда позднее, но она ударила безжалостно и жестоко. Хрущев проявил больше понимания и доверия, и потому Прага с некоторым беспокойством отреагировала на его смещение. В 1956 г. Чехословакия не была охвачена антисталинистскими и антисоветскими выступлениями, всколыхнувшими Польшу и Венгрию. Процесс обдумывания и политического пробуждения здесь развивался медленнее, но глубже; его результаты начали сказываться в середине 1960-х гг.

Развитие политических событий в ЧССР способствовало появлению в советском руководстве настроений о наведении там «порядка». «По инициативе ЦК КПСС на 20-летие празднования февральских событий в Прагу были направлены делегации братских партий европейских социалистических стран на высшем уровне. Во время пребывания делегаций состоялись беседы с руководящими деятелями КПЧ о положении в Чехословакии, выражена тревога по поводу многих проявлений антисоциалистического характера и сказано о необходимости отпора антипартийным выступлениям и обеспечения единства и сплоченности в руководстве КПЧ». Дубчек во всех случаях твердо заверял, что новое руководство ЦК КПЧ контролирует обстановку и не допустит нежелательного ее развития. В конце марта 1968 г. ЦК КПСС разослал партактиву закрытую инфор-

мацию о положении в Чехословакии. Этот документ отражал господствующие в советском руководстве настроения.

23 марта в Дрездене состоялась встреча руководителей партий и правительств шести социалистических стран — СССР, Польши, ГДР, Болгарии, Венгрии и ЧССР. В Дрездене на А. Дубчека был вылит ушат холодной воды. Напрасно он объяснял положения новой программы действий КПЧ «Путь Чехословакии к социализму», уверял, что партия не ошибается в оценке ситуации. Критику политики КПЧ начал В. Ульбрихт, добавил В. Гомулка, который заявил, что в Праге разгуливает контрреволюция. КПЧ не управляет страной. Л. Брежнев выступил мягче. По мнению Брежнева, если не будут приняты меры, то речь идет о последнем шансе для Коммунистической партии Чехословакии. Наиболее сдержанно в Дрездене выступал Я. Кадар, который не согласился с оценками о наличии угрозы контрреволюции в Чехословакии, хотя не отрицал усиления негативных тенденций в стране. Он призвал к разработке политико-идеологической платформы партии, сделав акцент на укреплении идейного и организационного единства КПЧ. Такая позиция соответствовала намерению венгерского руководства быть посредником между КПЧ и остальными. Что касается позиции Румынии, то ее «вождь» Н. Чаушеску возражал против всяческого вмешательства в дела Чехословакии и КПЧ. Его националистическим внешнеполитическим расчетам отвечало усиление независимого от Москвы курса Праги, поэтому он старался поощрять лидеров Чехословакии к еще большей самостоятельности. СССР и его ближайшие союзники стремились нейтрализовать эти усилия Н. Чаушеску. Такое массированное и явное давление порождало в Праге возмущение, лишь усложнявшее задачу ее новых руководителей, а попытки вмешательства вызывали антисоветские настроения там, где их раньше никогда не было.

После совещания в Дрездене четко обрисовались два подхода к развитию обстановки в Чехословакии. Один — это путь реформ, программа придания социализму «человеческого лица», за который выступало большинство руководителей Чехословакии в тот период, включая и представителей промосковского крыла в партии. Они не отрицали наличия правых, антисоциа-

листических тенденций в ЧССР, но считали, что социализму в их стране не угрожает опасность, так как основное политическое направление является «просоциалистическим», а КПЧ в состоянии контролировать общественные процессы. Другой подход — это позиция руководства КПСС и поддерживавших его руководителей ГДР, Польши, Болгарии, которые были встревожены ходом общественных процессов в Чехословакии, усматривали в них угрозу социализму, считали, что КПЧ все более теряет власть, а Дубчек оказался слабым руководителем. Напрашивался вывод о необходимости изменить ситуацию, оказать помощь, пока еще не поздно.

Реформаторские движения усилились и в других социалистических странах. В марте 1968 г. под влиянием чешских реформ произошли массовые выступления в Варшавском университете, а вслед за ними менее масштабные демонстрации в провинции. Их подавили силой, и репрессии впервые приняли такой антисемитский характер, что большинство евреев, оставшихся в Польше после войны, вынуждены были навсегда покинуть страну. Ответственный за случившееся польский руководитель В. Гомулка стал одним из самых непримиримых противников Дубчека и чехословаков, виновных, по его мнению, в том, что показали дурной пример. События в ЧССР вызывали беспокойство у руководства ГДР, опасавшегося, помимо всего прочего, сепаратного подписания ЧССР договора о границах с ФРГ. Оно выступало за решительные меры в Чехословакии.

4 апреля 1968 г. пленум ЦК КПЧ избрал новый состав президиума и секретариата ЦК, в котором было достаточно сторонников Дубчека. 8 апреля председателем правительства ЧССР стал О. Черник. 18 апреля Й. Смирковский был избран председателем Национального собрания ЧССР. В том же месяце была принята программа действий нового руководства, предусматривающая укрепление доверия населения и демократизацию экономической и политической жизни общества, отмену цензурных ограничений. Первоначально эти перемены были восприняты в СССР с одобрением. Однако развитие событий в Чехословацкой Социалистической Республике и соседних социалистических странах скоро изменило точку зрения Москвы. Обстановка гласности, характерная для «Пражской весны» 1968 г., вылива-

Александр Дубчек

лась во все большее количество антикоммунистических акций. Правящая партия теряла контроль над политическими процессами в Чехословакии. Этому же способствовала поддержка оппозиции со стороны западных стран.

К лету 1968 г. к силовому варианту разрешения кризисной ситуации склонилось и руководство СССР. Уже 8 апреля командующий воздушно-десантными войсками получил директиву, согласно которой приступил к планированию высадки воздушных десантов на территории ЧССР [135]. В конце апреля в Прагу прибыл маршал И. Якубовский, главнокомандующий Объединенными вооруженными силами стран — участниц Варшавского Договора. Речь шла о «подготовке маневров» на территории ЧССР. С конца мая соединения и части вооруженных сил ГДР, ПНР, ВНР и НРБ стали сосредотачиваться близ границы с Чехословакией. Полностью операция по вводу войск Организации Варшавского Договора (кодовое наименование «Дунай») была подготовлена к 17 августа 1968 г.

Сосредоточение войск на границах Чехословакии осуществлялось скрытно. Для этого был проведен ряд учений. В июне на территории Чехословакии прошло командно-штабное учение «Шумава» армий стран ОВД. После вывода участвующих в нем войск они находились в полевых лагерях на границе с ЧССР. С 23 июля по 10 августа были проведены крупнейшие тыло-

вые учения, охватившие всю западную территорию СССР, ГДР и Польшу. На период учений (кодовое название «Неман») было мобилизовано значительное число резервистов и привлечено большое количество гражданских транспортных средств для доукомплектования нескольких мотострелковых и танковых дивизий Белорусского и Прибалтийского военных округов. 11 августа начались крупные учения войск противовоздушной обороны (кодовое название «Неман») и учения войск связи в западных районах Украины и на территории Польши и ГДР.

Наряду с военными приготовлениями продолжались политические консультации. 8 мая в Москве прошла закрытая встреча лидеров СССР, ПНР, ГДР, НРБ и ВНР, во время которой состоялся откровенный обмен мнениями о мерах в связи с обстановкой в Чехословакии. Уже тогда прозвучали предложения о военном решении. Вновь проявилась особая позиция Венгрии. Ссылаясь на опыт 1956 г., Я. Кадар заявил, что чехословацкий кризис нельзя решить военными средствами, необходимо искать политическое решение. В то же время он не возражал против проведения командно-штабных учений ОВД на территории Чехословакии. В конце мая правительство ЧССР дало согласие на проведение учений, вряд ли подозревая, что готовится репетиция будущего вторжения на территорию страны. Началась предварительная разработка плана вооруженного вторжения в Чехословакию. 20–30 июня состоялись совместные военные учения «Шумаво» на чешской территории, но без участия чехословацкой армии. И даже когда они закончились, советские войска искали предлог, чтобы не уходить, и ушли, только когда начались манифестации протеста. Напряженность между Прагой, Москвой и другими союзными столицами неуклонно усиливалась.

В середине июня Л. Брежнев проинформировал лидеров союзных государств «пятерки», что в руководстве Чехословакии сформировалась ревизионистская группа — Кригель, Цисарж, Шик, Млынарж, Шимон. Он поднял вопрос о том, чтобы оторвать Дубчека и Черника от ревизионистов и убедить опираться на «здоровые силы» в партии. Тем временем в Праге обстановка, с точки зрения Москвы, осложнялась. Компартия все более погружалась в дискуссии и теряла влияние. Определенная часть коммунистов поворачивала в сторону югославского опыта.

Возмущение Москвы вызывали статьи чехословацкой печати. Демократическое движение все более поляризовывалось. В июне подало заявки на регистрацию более 70 политических организаций. В конце июня был опубликован знаменитый манифест «Две тысячи слов», составленный писателем Л. Вацуликом и подписанный многими известными общественными деятелями, в том числе и коммунистами. В этом либеральном по духу документе была подвергнута критике тоталитарная система, консервативная деятельность КПЧ и провозглашены идеи демократизации политической системы, введения политического плюрализма. Открыто говорилось о противниках демократизации, возможности советской интервенции. В столицах пяти государств ОВД «Две тысячи слов» были расценены как острый выпад против социализма. Осуждающее заявление Президиума ЦК КПЧ было вялым по тону. Между тем в партии началась подготовка к XIV (чрезвычайному) съезду КПЧ, намеченному на 7 сентября. Манифест «Две тысячи слов» своими требованиями перехватывал инициативу у компартии.

Советские руководители не возражали, чтобы руководство Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) само навело порядок в своем доме. Но на всех переговорах между КПСС и КПЧ возникала одна и та же ситуация: СССР настаивал на возвращении традиционного порядка, а Дубчек и его сподвижники уверяли, что они ни в коем случае не дадут ситуации выйти из-под контроля. Но каждый из них имел в виду свое. Советские руководители предполагали заставить замолчать критически настроенные и оппозиционные голоса, то есть практически вернуться к цензуре. Чехословацкое руководство, чувствуя силу во вновь обретенной поддержке населения, было убеждено, что ему удастся удержать в руках бразды правления демократическими методами.

Так и случилось 29 июля — 1 августа 1968 г., когда политбюро ЦК КПСС и Президиум ЦК КПЧ вместе с президентом Л. Свободой встретились на пограничной станции в Чиерненад-Тисой. Политики-центристы типа Дубчека и Черника отдавали себе отчет в том, что повторять действия венгерского премьер-министра И. Надя, идти на разрыв с СССР было бы опасно. Понимали, что не следует шутить с принадлежностью

Чехословакии к Варшавскому Договору. Но надеялись на свой авторитет, но то, что сумеют объясниться с Москвой. Полагали, что бесконфликтно пройдут путь до XIV съезда партии. Иллюзорным был расчет на поддержку со стороны Югославии и Румынии, на проведение международной конференции европейских компартий. Готовясь к переговорам с руководителями ЧССР, в ЦК КПСС исходили из того, что встреча будет проходить в условиях формирования в ЧССР национального единства на антисоветской основе, в условиях, как считалось, роста угрозы правого поворота в политике КПЧ и выхода на авансцену деятелей, настроенных более радикально, чем Дубчек. Москва опасалась, что власть в ЧССР может мирным путем перейти в руки «антисоциалистических сил». К тому времени поддерживались постоянные контакты с президентом ЧССР и с меньшинством в Президиуме, прежде всего с В. Биляком. В целом руководители СССР стремились связать Дубчека определенными договоренностями относительно рамок демократизации, сохранения руководящей роли КПЧ, смены кадров, ограничения свободы деятельности СМИ и т.д. Основные договоренности были достигнуты на встречах «четверок» — Брежнев, Подгорный, Косыгин, Сулов — Дубчек, Свобода, Черник, Смрковский. Чехословацкая делегация в основном выступала единым фронтом, но особой позиции придерживался В. Биляк. Тогда же поступило личное письмо кандидата в члены Президиума ЦК КПЧ А. Капека с просьбой об оказании его стране «братской помощи» соцстран. Встреча завершилась формальным соглашением.

Оно сразу же было одобрено на международной конференции в Братиславе 3 августа 1968 г., в работе которой помимо Брежнева и Дубчека принимали участие высшие представители Польши, ГДР, Венгрии и Болгарии. Договоренности, достигнутые в Братиславе, после дискуссии с чехословацкой делегацией, рассматривались почти как успех. В принятом в Братиславе заявлении содержалась ключевая фраза о коллективной ответственности в деле защиты социализма. В Братиславе Л. Брежневу было передано письмо пяти членов руководства КПЧ — Индры, Кольдера, Капека, Швестки и Биляка — с просьбой об оказании «действенной помощи и поддержки», чтобы вырвать ЧССР «из грозящей опасности контрреволюции». Правовая

основа для вторжения была получена, хотя дело было не в формальном предлоге. Уровень переговоров был настолько высок, что достигнутая на этот раз договоренность представлялась реальной. На деле она оказалась последней иллюзией.

После совещания в Братиславе Брежнев часто связывался по телефону с совпослом в Праге и руководителями других соцстран. 12 августа была организована закрытая встреча Брежнева, Подгорного и Косыгина с Я. Кадаром. Его попросили вновь побеседовать с Дубчеком. Встречался с Дубчеком и В. Ульбрихт. В середине августа Брежнев дважды звонил Дубчеку и задавал вопрос о том, почему не выполняются договоренности. О предпринимаемых шагах ставились в известность союзники и «здоровые силы» в Чехословакии. Им рекомендовали действовать смелее, нажимать на Дубчека. 13 августа был предпринят еще один шаг. В Прагу было направлено обращение Политбюро ЦК КПСС по вопросу о недружественных выступлениях чехословацкой печати, срывающих договоренности, достигнутые в Чиерненад-Тисой. Советское руководство информировало и президента Свободу. В беседах с Брежневым А. Дубчек уклонялся от прямого ответа. Говорил о трудностях. В ответ следовали брежневские упреки. Но было сделано и предупреждение: новая ситуация в ЧССР может заставить Москву принять самостоятельные решения. В конце концов, Дубчек взорвался и в сердцах бросил в ответ: «Раз вы в Москве считаете нас обманщиками, то к чему разговоры. Делайте, что хотите». Поведение Дубчека и пражского руководства было признано в Москве неудовлетворительным. Механизм военного решения заработал.

16 августа в Москве на заседании высшего советского руководства состоялось обсуждение положения в Чехословакии. Были одобрены предложения о вводе войск. Тогда же было принято письмо политбюро ЦК КПСС в адрес Президиума ЦК КПЧ. Оно было вручено Дубчеку и О. Чернику 19 августа. 17 августа посол С. Червоненко имел встречу с президентом Л. Свободой и сообщил в Москву, что в решающий момент президент будет вместе с КПСС и Советским Союзом. 18 августа в Москве состоялась закрытая встреча «пятерки». Союзники без особых возражений одобрили соображения ЦК КПСС о том, что со стороны КПСС и других братских партий исчерпаны все политические

средства воздействия на руководство КПЧ, чтобы побудить его к отпору «правым, антисоциалистическим силам»; наступил момент для активных мер по защите социализма в Чехословакии. Они «согласились оказать необходимую военную помощь социалистической Чехословакии» и утвердили соответствующие мероприятия, в которых, в частности, предусматривалось и выступление «здоровых сил» КПЧ с просьбой о помощи и в целях смены руководства КПЧ.

В связи с этим группе «здоровых сил» были направлены подготовленные в Москве материалы для текста Обращения к чехословацкому народу. Имелось в виду создать Революционное рабоче-крестьянское правительство. Был заготовлен и проект обращения пяти правительств стран — членов ОВД к народу ЧССР, а также к чехословацкой армии. Был одобрен проект заявления ТАСС о вводе союзных войск. Советское руководство, упреждая негативную международную реакцию, за день предупредило советских послов о возможной акции в ЧССР со ссылкой на обращение группы чехословацких политиков. Министерству обороны была поставлена задача захватить важнейшие пункты в Праге. Аресты отводились на долю органов госбезопасности. Политбюро поручило одному из своих членов, К. Мазурову, руководить всей операцией. На 21 августа было запланировано проведение Пленума ЦК КПЧ и сессии Национального собрания, где должно было смениться высшее руководство. В осуществлении планов военной акции большая роль отводилась президенту Свободе. Ему было направлено письмо от имени руководителей пяти соцстран. Специально звонил по телефону Л. Брежнев. Президент ЧССР не одобрил ввод войск, но заверил, что против союзников не пойдет и все сделает, чтобы не пролилась кровь. Свое обещание он выполнил. Армия получила указание президента и Президиума ЦК КПЧ не выступать против военного вмешательства.

В ночь с 20 на 21 августа 1968 г. в Чехословакию были введены войска СССР, Польши, ГДР, Венгрии и Болгарии численностью до 200 тыс. человек при 5 тыс. танков. Накануне ввода войск Маршал Советского Союза Гречко проинформировал министра обороны ЧССР М. Дзура о готовящейся акции и предостерег от оказания сопротивления со стороны чехословацких вооружен-

ных сил. Из Польши был введен советско-польский контингент войск по направлениям: Яблонец, Острава, Оломоуц и Жилина. Из ГДР вводился советско-немецкий контингент войск по направлениям: Прага, Хомутов, Пльзень, Карловы Вары. Из Венгрии входила советско-венгерско-болгарская группировка по направлениям: Братислава, Тренчин, Банска Бистрица и др. Наиболее крупный контингент войск был выделен от СССР. Чехословацкая армия не оказала сопротивления. Операция прошла сравнительно гладко. Союзные войска заняли все намеченные пункты без применения оружия. Чехословацкой армии был дан приказ не оказывать сопротивления. Лишь небольшие стычки имели место в Праге. При вводе войск погибли 11 военнослужащих советской армии, еще 85 умерли в результате аварий, травм, несчастных случаев и болезней. Потери гражданского населения Чехословакии в период с 21 августа по 17 декабря 1968 г. составили 94 человека, еще 345 человек было ранено.

С политической точки зрения вторжение оказалось катастрофой для СССР. Главным действующим лицом впечатляющего и всеобщего пассивного сопротивления оказался народ. Ввод войск произошел накануне съезда Коммунистической партии Чехословакии, на котором, как ожидалось, реформы должны были получить решительную поддержку. Съезд партии все-таки был проведен — он состоялся на одном из местных заводов — и его участники на самом деле выразили поддержку начатым реформам, но это уже не имело никакого значения. К тому же произошел явный сбой в политическом обеспечении военной операции. Не удалось сформировать новое правительство и провести Пленум ЦК КПЧ. Планы использования так называемой инициативной группы в чехословацком руководстве не удалось. Во-первых, не были собраны «заказанные» 50 подписей под обращением. Сбор был прекращен где-то на 18 подписях. Во-вторых, главные осложнения произошли на заседании Президиума ЦК КПЧ 20 августа ночью, когда стало известно о вводе войск пяти стран. Большинство — 7 против 4 — проголосовали за заявление Президиума, осуждающее вторжение. А расчет был на перевес «здоровых сил» — 6 против 5. Кроме того, с опозданием был установлен контроль над радио, ТВ и газетами. Их пришлось захватывать советским военнослужащим.

На улицах Праги. 1968 г.

С помощью работников чехословацких органов госбезопасности советскими десантниками были задержаны и вывезены в Москву Дубчек и четыре его соратника. Но против этого выступил новый президент Чехословацкой республики Свобода. Советское руководство было вынуждено пойти на переговоры. Они завершились подписанием Дубчеком и его товарищами за исключением одного Московского протокола. К своим относительным успехам чехословацкие руководители могли отнести согласие Москвы с январским и майским (1968 г.) Пленумами ЦК КПЧ и обещание вывести союзные войска. Очевидно, опять возобладали иллюзии, что удастся что-то сделать в будущем. Но Московский протокол и другие соглашения определяли рамки «нормализации», по мнению руководства КПСС, обстановки в Чехословакии. Дубчеку и остальным участникам переговоров было разрешено вернуться на свои места, хотя и под жестким надзором. Чехословакия в один миг стала единой во враждебном отношении к СССР, войска которого уже не могли уйти, поскольку они были теперь единственным средством, способным гарантировать Москве контроль над ситуацией.

Первого компромисса оказалось недостаточно, чтобы вернуться к порядку вещей, который советские руководители

Прага. 1968 г.

считали «нормализацией». Последующие месяцы были полны давления, конфликтов, угроз в долгой арьергардной баталии, когда чехи пытались спасти то, что можно было еще спасти из их начального реформистского опыта. То были болезненные и трудные месяцы неопределенности, когда СССР оказывался перед необходимостью нового массивного вмешательства своих военных для достижения намеченных целей. Дубчек был заменен другим участником «Пражской весны», словаком Гусак, полагавшим более разумным смириться с требованиями КПСС. В апреле 1969 г. во главе КПЧ встал Г. Гусак, позднее избранный президентом ЧССР. В ходе наведения порядка, внутрипартийных чисток идеи «Пражской весны» предавались анафеме. Большинство населения, пережив потрясения августа 1968 г. и видя капитуляцию своих прежних героев, сравнительно быстро смирилось с новым положением, но память о «Пражской весне» не умерла.

Ввод войск в ЧССР усилил раскол среди социалистических стран. Еще более отдалились от СССР Китай, Румыния, Юго-

славия и Албания (вышла в августе 1968 г. из ОВД). Подвергли критике действия Советского Союза коммунисты западноевропейских стран. Особенно острой была реакция Китая, обвинившего СССР в империалистической политике, одновременно, правда, выступив и против «чешской демократизации». Отношения СССР и Китая приобретали все более конфронтационный характер и вылились в 1969 г. в вооруженное противостояние в пограничных районах двух стран. Со 2 по 21 марта 1969 г. велись боевые действия в районе острова Даманский (300 км южнее Хабаровска), на который предъявил территориальные претензии Китай. В результате согласованных действий пограничных войск и подразделений Дальневосточного военного округа граница была восстановлена. Потери личного состава советских войск составили 58 человек погибшими, 94 ранеными. 13 августа 1969 г. советские пограничники отразили вооруженную провокацию в районе озера Жаланашколь в Казахстане, при этом погибли два советских военнослужащих. Большие потери, понесенные Китаем в этих вооруженных конфликтах, принудили его отказаться от силового решения спорных территориальных вопросов. Однако через десять лет (в 1979 г.) Китай предпримет попытку военной силой разрешить вьетнамо-китайские противоречия. СССР оказал поддержку Вьетнаму, который в ходе трехнедельных военных действий нанес поражение «пограничным» войскам Китая. Потери последнего составили 62,5 тыс. убитыми и ранеными, 550 военных машин (в том числе 280 танков). В 1970-е гг. Советский Союз был вынужден потратить 200 млрд рублей на укрепление своей границы с КНР. Пришлось пересмотреть все экономические планы. Спешно приступили к строительству железной дороги от Байкала до Амура. Если эта дорога и была важна для развития советского Дальнего Востока, то еще большей была ее стратегическая ценность. Планы развития советской экономики, и ранее весьма напряженные, теперь оказались в большой мере расстроены новыми расходами.

Учитывая чехословацкие события 1968 г., советское руководство сформулировало новую концепцию взаимоотношений между странами социалистического лагеря, получившую название «Доктрина Брежнева». Она была изложена генеральным

секретарем ЦК КПСС на пятом съезде Объединенной польской рабочей партии в ноябре 1968 г. Он заявил: «Хорошо известно, что Советский Союз немало сделал для реального укрепления суверенитета, самостоятельности социалистических стран. КПСС всегда выступала за то, чтобы каждая социалистическая страна определяла конкретные формы своего развития по пути социализма с учетом специфики своих национальных условий. Но известно, товарищи, что существуют и общие закономерности социалистического строительства, отступление от которых могло бы повести к отступлению от социализма как такового. И когда внутренние и внешние силы, враждебные социализму, пытаются повернуть развитие какой-либо социалистической страны в направлении реставрации капиталистических порядков, когда возникает угроза делу социализма в этой стране, угроза безопасности социалистического содружества в целом — это уже становится не только проблемой народа данной страны, но и общей проблемой, заботой всех социалистических стран» [136].

Восточноевропейские соцстраны вновь ставились в подчиненное положение по отношению к СССР, что закреплялось присутствием на территории Венгрии, Польши, Чехословакии и ГДР советских войск. Болгария и Румыния, где советских частей не было, были интегрированы в систему СЭВ, замкнутую на СССР. К середине 1970-х гг. при помощи этих мер было вновь достигнуто относительное единство социалистического блока. «Доктрина Брежнева» признала наличие слабых звеньев в социалистическом фронте, возможность реставрации капитализма в силу объективных трудностей и ошибок субъективного характера, вероятность войны с империалистическим окружением. Она выражала политику, нацеленную на закрепление территориально-государственного устройства в Европе после Второй мировой войны.

* * *

В 60-е гг. США, Западная Европа, страны Латинской Америки и Азии переживали обострение социально-политических отношений. Соединенные Штаты в первые годы десятилетия избрали силовой вариант решения возникших трудностей.

Но затем перешли к их преодолению с помощью социальных и экономических реформ. Правящие круги Западной Европы сразу же отдали предпочтение экономическому и социальному развитию. Коммунистические партии ряда западноевропейских и латиноамериканских государств не сумели возглавить выступления трудящихся за свои права и потеряли политические позиции в своих странах. Они встали на путь ревизии марксистской идеологии и антисоветизма.

Социалистический лагерь также пострадал от социально-экономических потрясений. В экономическом соревновании он стал проигрывать капиталистическим странам. Попытка советского руководства модернизировать экономику с помощью реформы 1965 г. окончилась неудачей. Реформаторские инициативы в странах социалистического содружества не находили должной поддержки у руководства КПСС. На фоне разброда в соцстранах советское руководство выдвинула концепцию «ограниченного суверенитета», получившую название «Доктрина Брежнева».

* * * *

В 60-е гг. гонка ядерных вооружений продолжалась. Но изменилась ее цель. Количественное накопление ядерного оружия было направлено не на то, чтобы выиграть им войну, а запугать противника превосходством в силах и заставить его отказаться от его применения. Ракетно-ядерные вооружения становились уже не «оружием победы», а средством сдерживания противника. В ходе Карибского кризиса лидерам двух сверхдержав стало ясно, что глобальная ядерная война грозит гибелью и победителю, и побежденному. В международную практику вошло понятие кризисной стабильности, означающее отказ от применения ядерного оружия в случае военно-политического кризиса. Карибский (ракетный) кризис показал, что стратегические ракеты стали уже не военным, а политическим оружием особого рода, средством сдерживания.

Отказ от применения ядерного оружия в военных действиях привел к расширению использования обычных вооружений. Оно широко использовалось в ограниченных войнах и вооруженных конфликтах в странах третьего мира. Крупнейшей

войной с применением обычных вооружений стала война во Вьетнаме. Она была первой неокOLONиальной войной после Второй мировой войны. Военные действия в ней вели регулярные войска, с одной стороны, и партизанские формирования — с другой. Американским войскам в этой войне пришлось вести противоповстанческие действия. В них регулярные войска участвуют не только в военных, но и в гражданских акциях, поскольку успех в противоповстанческих действиях зависит от поддержки населения.

Борьба за лидерство в национально-освободительном движении приводила к переносу приемов и методов холодной войны в неизбежные конфликты и кризисы в развивающихся странах. США и СССР охотно шли на вооружение противоборствующих сторон, добиваясь их политической верности. Все это способствовало консервации противоречий, приведших к конфликту или кризису. Ряд из них сохраняется более чем полвека.

Современные средства вооруженной борьбы привели к исчезновению понятия тыла. От этого серьезно страдает мирное население, не подготовленное к защите от средств поражения. В этих условиях резко возрастает значение контроля населения, особенно при ведении противоповстанческих действий. Поддержка населения обеспечила победу вьетнамскому народу в его борьбе с американской интервенцией. С усилением роли экономического фактора в противоборстве двух систем Советский Союз стал утрачивать доверие внутри страны и поддержку его идеологических союзников за рубежом. В этих условиях повышается важность соблюдения принципа «единства» блока НАТО и «ограниченного суверенитета» ОВД.

ГЛАВА 4

Стратегический паритет

К началу 1970-х гг. Советский Союз все больше утрачивал динамизм в экономике. На протяжении последующих четырех пятилеток не было увеличения абсолютного прироста национального дохода. Успешно развивался только военно-промышленный комплекс. Возможность закупок передовых технологий в странах Запада для производства продукции, отвечающей по качеству мировым стандартам, не была реализована.

Но достигнутый военно-стратегический паритет был великим завоеванием Советского Союза. Это незамедлительно сказалось и на военно-политической обстановке в мире. Именно в эти годы окрепли и получили дальнейшее развитие отношения стран социалистического содружества с крупнейшими государствами Западной Европы: Англией, Францией, ФРГ, Италией и другими капиталистическими государствами.

4.1. Признание паритета

Поражение во Вьетнаме заставило американское руководство по-новому взглянуть на складывающуюся международную обстановку. Конкретные шаги по сделанным выводам пришлось делать избранному президенту США Р. Никсону. 25 февраля 1971 г. он отметил в радиообращении, что ни Соединенные Штаты, ни Советский Союз не имеют четкого ядерного преимуще-

щества¹. В октябре того же года перед советско-американской встречей на высшем уровне американский президент заявил на пресс-конференции: «Если будет новая мировая война, если будет война между сверхмощными державами, то никто не выиграет. Я думаю, что мы можем признать также, что ни одна крупная держава не может получить решающего преимущества над другой... Именно по этой причине сейчас настал момент урегулировать наши разногласия, урегулировать их с учетом наших расхождений во мнениях, признавая, что они все еще очень глубоки, признавая, однако, что в настоящий момент никакой альтернативы переговорам не существует» [1]. Будучи в Москве в мае 1972 г., Никсон подчеркивал, что «в ядерный век... не существует такого понятия, как безопасность, обеспеченная преобладанием силы»².

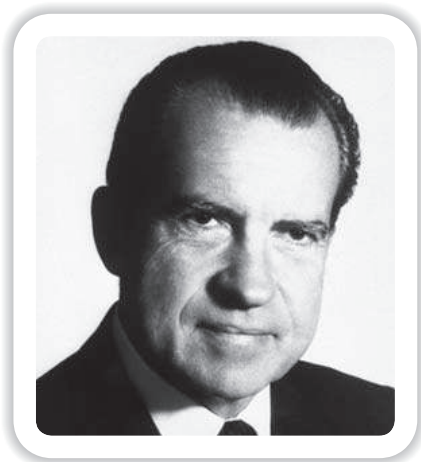
Отражением новой реальности стало принятие в начале 1970-х гг. стратегии «реалистического удерживания (сдерживания)». В ее основу были положены три принципа: партнерство, сила (в первую очередь военная) и переговоры.

В соответствии с принципом «партнерство» Соединенные Штаты подтвердили свои обязательства обеспечивать «ядерный щит» для своих союзников и стран, сохранение режимов которых являлось «жизненно важным» для США. Американские союзники, в свою очередь, должны были быть готовы к ведению обычных войн собственными силами при американской военной и экономической помощи. Для реализации этого принципа в военно-технической области была принята концепция «единых (тотальных) сил». Ею предусматривалось разделение зон ответственности между Соединенными Штатами и их союзниками и более эффективное использование военных возможностей последних. «Единые (тотальные) силы» включали три компонента: регулярные войска США, резервы американских вооруженных сил, вооруженные силы американских союзников.

Регулярные вооруженные силы Соединенных Штатов были переведены на формирование по контрактам на добровольной основе. При этом упор был сделан на повышении качественного

¹ Правда, 1983. 30 мая.

² Там же.

Ричард Никсон

уровня личного состава добровольцев и эффективности вооруженных сил. Резкое снижение численности обученного резерва повысило значение организованного резерва и резерва 1-й очереди. Они стали основным и фактически единственным источником пополнения регулярных сил при ускоренном переводе войск с мирного на военное положение. Была поставлена задача сблизить боевую подготовку регулярных войск и резерва, а также максимально повысить боеспособность и боеготовность последнего [2]. Применительно к вооруженным силам союзников концепция «единых сил» предполагала объединение их возможностей и потенциала армии США. Согласно ей союзники должны были больше опираться на собственные силы. Причем это относилось не только к азиатским союзникам, где активно проводились программы «кореизации» и «вьетнамизации», но и к союзникам по НАТО. Считалось, что наибольший результат при этом может быть достигнут уже на этапе планирования. В связи с этим были разработаны четыре категории разработки планов.

1. «Совместные планы», предполагающие интегрированное использование вооруженных сил США и их союзников (НАТО).

2. «Дополняющие планы», основанные на обязательствах США защищать союзников без размещения сухопутных войск на их территориях (Япония).

3. «Планы усиления», связанные в основном с оказанием военной помощи (Израиль).

4. «Односторонние планы», включающие вооруженные действия США в районах, где у них нет союзников (Средний Восток) [3].

Одновременно были предприняты шаги по снижению видимости американского присутствия на «передовых рубежах». В соответствии с концепцией «загоризонтного присутствия» при некотором сокращении сухопутных войск США на заморских территориях были увеличены американские военно-морские группировки в Средиземном море и особенно — в Индийском океане и Персидском заливе. Больше внимания стало уделяться созданию американских военных баз на островах, в отличие от прежней практики их размещению на материках.

В реализации принципа «силы» американское военно-политическое руководство взяло курс на качественное совершенствование стратегических ракетно-ядерных средств. «Советское количественное превосходство, — говорил тогдашний президент США Никсон, — уравнивается американским технологическим превосходством»¹. В связи с этим началось претворение в жизнь концепций «стратегической достаточности» и «выбора цели»².

Концепция «стратегической достаточности» ядерных сил должна была сохранить лидерство США в области технологии, при согласии на более или менее равные количественные уровни стратегических вооружения Соединенных Штатов и Советского Союза. Американский министр обороны так сформулировал в 1971 г. критерии «достаточности»:

- стратегические наступательные силы (СНС) США должны иметь такие возможности, которые позволяли бы нанести эффективный «ответный» удар;
- снижение уязвимости американских стратегических сил должны свести к минимуму результаты возможного ядерного удара противника, обеспечивая тем самым «кризисную стабильность»;

¹ A Report to the Congress by R. Nixon. Washington, 1973. May 3.

² Ibidem.

- возможности СНС США по «гарантированному уничтожению» должны превышать такие же возможности ядерных сил СССР;
- США должны иметь защиту от ядерных ударов небольшого масштаба и случайных ударов [4].

Развитием одной из сторон концепции «стратегической достаточности» стал провозглашенный тогдашним министром обороны США принцип «существенного (примерного) равенства». В нем выдвигалось положение о необходимости наличия равенства общего потенциала ядерных сил двух сверхдержав без установления точной симметрии в их структурах. В то же время «примерным равенством» предусматривалось развивать те компоненты СНС США, которые, по мнению американцев, уступают или могут уступать в перспективе ядерным силам СССР [5].

Реализация концепции «выбора цели» позволяла использовать американские стратегические наступательные силы в ядерной войне для нанесения как массированных, так и ограниченных ударов. Одновременно был выдвинут тезис о возможности «ограниченной» стратегической ядерной войны [6]. В такой войне, по мнению американского руководства, масштабы применения стратегических сил во всеобщей ядерной войне могли быть существенно ограничены. Одновременно в меморандуме решений в области национальной безопасности (МНРБ — 242), подписанном американским президентом в апреле 1974 г., определялось, что СНС США должны иметь возможность «держаться в качестве залога ряд жизненно важных объектов противника и контролировать время и темп нанесения ударов, позволяя тем самым противнику сравнивать их результаты» [7]. Иными словами, американские стратегические наступательные силы должны были обеспечивать «гарантированное уничтожение» и «устрашение в ходе конфликта».

В концепции «выбора цели» определялись также возможность ограниченного применения оперативно-тактических ядерных средств США. В ней предусматривалась и новая форма их использования — так называемый разоружающий удар. Суть его сводилась к нанесению тщательно спланированного внезапного ядерного удара по советским военным объектам, прежде всего

по стратегическим ядерным силам, с целью срыва или максимального ослабления ответного ядерного удара [8].

Концепция «ограниченной» стратегической ядерной войны предполагала возможность ограниченного использования в рамках триады НАТО стратегических наступательных сил США и, естественно, Великобритании, военно-морской компонент которой был вооружен американскими баллистическими ядерными ракетами.

Важное место в военной доктрине США в 1970-х гг. заняла новая «воздушно-космическая доктрина». В ней действия авиации и космических сил рассматривались как единое целое под общим оперативным руководством. К сфере их действий было отнесено пространство над поверхностью Земли, включая космос.

На рубеже 1970-х гг. в США была разработана концепция «океанской стратегии». Официально она не была принята. Но некоторые ее положения использовались при определении путей развития американских военно-морских сил. Сущность «океанской стратегии» заключалась в переносе основной мощи американских стратегических наступательных сил на просторы Мирового океана. Концентрация стратегической ядерной мощи в океане позволило бы, по мнению сторонников этой стратегии, эффективно воздействовать с океанских и морских акваторий по сухопутным массивам континентов, установить контроль над важнейшими районами океана, снизить целесообразность нанесения ядерных ударов по континентальной части США, быстро сосредотачивать усилия на различных морских и океанских ТВД и создавать угрозы ударов по целым континентам с новых направлений [9].

Если помощь США странам — союзницам по военно-политическим блокам в 1970-х гг. и в первую очередь НАТО в известной мере утратила абсолютный характер, то риск их вовлечения в мировую ракетно-ядерную войну за американские интересы сохранился в полной мере. Именно это обстоятельство привело Францию к выходу из военной организации Североатлантического союза. Он отразил обострение противоречий внутри блока и, прежде всего, между США и их западноевропейскими союзниками.

Наметился кризис блоковой политики Соединенных Штатов и в других регионах мира. В 1977 г. как следствие провала американской агрессии во Вьетнаме была распущена политическая Организация договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО), а все ее службы были ликвидированы. В 1979 г. после выхода Ирана из Организации центрального договора (СЕНТО) перестал существовать и этот блок. Не удалось США использовать для подавления сандинистской революции в Никарагуа ни Организацию американских государств с ее Межамериканским советом обороны, ни созданный в 1964 г. Центральноамериканский совет обороны.

С учетом сложившейся международной обстановки Соединенными Штатами была выдвинута концепция «зрелого партнерства» как европейский аналог принципа «партнерства». Наиболее верные союзники США получили статус «стратегических союзников». Суть «партнерства» состояла в более полном учете возросшей самостоятельности и влияния союзников по блокам и более широкого привлечения их к участию в реализации глобальных американских планов [10]. Поясняя смысл новой концепции, президент Р. Никсон в своем послании конгрессу писал: «Соединенные Штаты будут участвовать в обороне и развитии наших союзников и друзей, но Америка не может и не будет разрабатывать все планы, все программы, выполнять все решения и брать на себя во всем объеме оборону свободных стран мира» [11].

Концепция «зрелого партнерства» получила дальнейшее развитие в так называемой двойной функции НАТО — силы и разрядки. Впервые она была сформулирована в докладе тогдашнего генерального секретаря Армеля «Будущие задачи союза», одобренном на сессии Совета Североатлантического союза в декабре 1967 г. В нем предлагалось рассматривать военную политику НАТО и разрядку международной напряженности как две стороны единого процесса. Вытекающая из этого симбиоза политическая стратегия блока получила название доктрины «двух опор — силы и разрядки» или «доктрины Армеля».

В соответствии с установкой европейской концепции «зрелого партнерства» на декабрьской (1970 г.) сессии Совета НАТО, состоявшейся в Брюсселе, было принято решение увеличить

усилия европейских государств в упрочении военного потенциала союза. На ней была принята десятилетняя программа строительства вооруженных сил блока под названием «Оборона союза в 70-е годы» (AD-70). В ней ставилась задача значительного усиления огневой и ударной мощи объединенных вооруженных сил НАТО, повышение финансового вклада стран блока в развитие военного потенциала. Ее выполнение было возложено на созданную Еврогруппу Североатлантического блока, в которую первоначально вошли представители 10 стран-участниц. Она возглавила программу довооружения союза, по которой на первом этапе предполагалось выделить дополнительные средства в течение пятилетия в размере по 1 млрд долларов в год. Оплатить 40% этой суммы обязалась Федеративная Республика Германия¹. В последующем эти ассигнования ежегодно увеличивались. На брюссельской сессии НАТО был утвержден также пятилетний план поддержания численности объединенных вооруженных сил блока.

К 1970-м гг. Соединенные Штаты отказались от идеи создания «многосторонних ядерных сил», поскольку ее осуществление не исключало в перспективе физической передачи американского ядерного оружия союзникам и могло иметь неблагоприятные последствия для позиций США в блоке. Американское руководство предпочло выдвинуть формулу ядерного сотрудничества с союзниками без физической передачи им самого оружия. В связи с этими изменениями по инициативе США был создан «специальный ядерный комитет» НАТО («комитет Макнамары») из четырех министров обороны стран — участниц блока (включая министра обороны ФРГ). Специальный ядерный комитет, имевший временный характер, был впоследствии заменен постоянным органом — Комитетом ядерной обороны. В его состав вошли три рабочие группы: группа выработки обмена разведывательными и иными данными; группа развития средств связи; и группа ядерного планирования в составе четырех постоянных членов (США, Великобритания, ФРГ, Италия) и трех временных, сменяющихся каждые полтора года.

¹ Economist. 1970. Dec. 5. P. 26.

Среди наиболее важных вопросов, разрабатывавшихся Комитетом ядерной обороны, был, несомненно, вопрос о «ядерном пороге» (момент перехода к применению ядерного оружия). Речь шла о его снижении. Было принято решение о том, что НАТО первой использует ядерное оружие на ранних стадиях военного конфликта по объектам стран Варшавского Договора, но вне территории Советского Союза¹. Такое применение ядерного оружия, по сути, означало внедрение идеи о возможности ограниченной ракетно-ядерной войны в Европе, поскольку исключалось использование стратегических ядерных сил СССР и, следовательно, выводилась из-под угрозы ядерного удара континентальная часть США.

Одновременно была изменена процедура принятия решения на применение ядерного оружия. После июня 1970 г. уже не требовалось согласия всех стран — участниц блока. Для использования ядерного оружия было определено, что достаточно согласия при проведении консультаций о таком применении государств, обладающих ядерными боеприпасами (то есть США и Великобритании), стран, на территории которых размещено ядерное оружие, и тех, с территории которых оно будет применяться. С остальными странами — участницами блока предполагалось осуществлять возможно ранние консультации, но права вето они были лишены [12].

В течение первой половины 1970-х гг. Соединенные Штаты и их союзники по НАТО вырабатывали в недрах органов ядерного планирования блока условия применения Североатлантическим союзом ядерного оружия в Европе первыми. При этом состоялись три фазы переговоров.

Первая фаза проходила в 1970–1973 гг. Основное внимание было уделено различным аспектам использования тактического ядерного оружия. На сессии группы ядерного планирования НАТО в Венеции 8–9 июня 1970 г. рассматривались вопросы политических директив по возможному использованию ядерного оружия в рамках стратегии «гибкого реагирования» Североатлантического блока. Развитием обсуждения политических аспектов применения ядерного оружия на сессии группы

¹ См.: Times. 1970. Jun. 8; New York Times. 1970. Jun. 9.

ядерного планирования стало решение о разработке перечня объектов для нанесения первыми удара тактическим ядерным оружием. При формировании перечня разработчики следовали принципу отбора таких объектов, уничтожение которых повлияло бы на ход военных действий на театре военных действий и в то же время показало бы Советскому Союзу решимость Запада использовать более мощные ядерные средства в случае необходимости¹. В 1971 и 1972 гг. на сессиях группы ядерного планирования обсуждался вопрос о так называемом втором ядерном пороге. Иными словами, необходимые меры в случае неуспеха первого ядерного удара. Рассматривались также политическое и военное значение использования тактического ядерного оружия в Северной и Центральной зонах НАТО, а также в Атлантике и на южном фланге НАТО.

С 1973 г. группа ядерного планирования НАТО приступила ко второй фазе обсуждений, в ходе которых уточнялись вопросы, связанные с применением тактического ядерного оружия первыми, и совершенствовались и развивались руководящие политические принципы по этому вопросу².

Третья фаза переговоров началась с 1975 г. Она вылилась в разработку общей концепции использования ядерного оружия на континенте. В ней нашла отражение проблема снижения «ядерного порога». Кроме того, в США была принята концепция «ограниченной стратегической ядерной войны». Применительно к Европе это означало применение американского и британского стратегического ядерного оружия в ограниченной ядерной войне на континенте. В коммюнике заседания группы ядерного планирования НАТО (Осло, 20–21 мая 1976 г.) прямо указывалось в связи с этим на новый состав триады блока, которая стала состоять из стратегических ядерных сил, ядерных сил театра войны и сил общего назначения³.

Во второй половине 1970-х гг. по мере развертывания деятельности Еврогруппы постепенно стал складываться механизм фактического сотрудничества 10 (а с принятием в декабре

¹ NATO Letter, 1970, Jul. Aug., vol. 18, N 7/8. P. 20; Times. 1970. Jun. 8; New York Times. 1970. Jun. 9.

² NATO Review, 1973. № 4. P. 20.

³ NATO Review, 1976. Aug. № 4. P. 31.

1976 г. в Еврогруппу Португалии — 11) западноевропейских государств. Оно в значительной степени стало подчиняться специфическим интересам военного, военно-экономического и военно-технического взаимодействия именно западноевропейских участников Североатлантического союза. По программам Еврогруппы возникли в Западной Европе мощные транснациональные картели по производству вооружений [13]. Деятельность Еврогруппы способствовала росту удельного веса западноевропейских союзников США в военном потенциале НАТО.

В 1977 г. в США была принята стратегия «компенсирующего противодействия». Она не внесла существенных изменений в военную политику США. В президентской директиве (ПД-18), где она была сформулирована, в основном подтверждались установки никсоновского меморандума МНРБ-242. Вместе с тем в американских правящих кругах начало проявляться недовольство складывающимся реальным советско-американским стратегическим паритетом. В связи с этим началась разработка концепции «активного противодействия», ориентирующейся на новый рывок в достижении превосходства в области ядерных вооружений [14]. В вопросах использования СНС США произошел пересмотр концепции «ответного (второго) удара». Прежде считалось нецелесообразным наносить «ответный» удар сразу по получении предупреждения о приближении к континентальной части Соединенных Штатов ракет или бомбардировщиков противника, так как учитывались возможные ошибки системы оповещения. Администрация американского президента Картера сочла целесообразным, хотя и рискованным, нанесение ядерного удара по получении предупреждения. Тем самым «ответный удар» (удар, наносимый после ядерного нападения на США) фактически уравнивался с «ударом по предупреждению» (встречным ударом), что вело к существенному снижению ядерного порога.

В соответствии со стратегией «компенсирующего противодействия» американское руководство выделило в качестве трех «жизненно важных стратегических зон» Европу, Ближний и Средний Восток и Дальний Восток [15]. Именно в этих зонах, по мнению Вашингтона, Соединенные Штаты могли

столкнуться с отпором со стороны Советского Союза. Регионы за пределами «трех зон» американское руководство считало своей вотчиной. По заявлению тогдашнего министра обороны Брауна, «в определенном смысле граница США проходит по большой дуге, включающей жизненно важные для нас районы от Северной Норвегии до Японии и Алеутских островов» [15]. Исходя из этого к наиболее вероятным вариантам войн, согласно президентскому меморандуму № 10 (ПРМ — 10) 1977 г., были отнесены: война с непосредственным столкновением США и СССР; война между странами НАТО и Варшавского договора; война на Дальнем Востоке; война между странами Запада и социалистическими странами в «каком-либо другом регионе» (подразумевались, прежде всего, Ближний Восток и Африка); и война в отдаленном от Советского Союза районе (типа «вьетнамской») [16].

Кроме того, с появлением в СССР ракетных подводных лодок американское военное командование усилило внимание к противолодочной обороне. Вдоль атлантического и тихоокеанского побережья США был развернут так называемый противолодочный «пояс», включавший активные и пассивные средства борьбы с подводными лодками. На случай войны планировалось развертывание противолодочных позиционных рубежей в Норвежском, Балтийском и других морях, прилегающих в Атлантике и Средиземному морю [17].

При активной поддержке ФРГ и Великобритании Соединенные Штаты Америки в 1977 г. предложили разработать долгосрочную (до 1995 г.) военную программу НАТО, рассчитанную на достижение военно-технического преимущества над странами социалистического содружества. Главные усилия при разработке программы были сосредоточены на повышении боевых возможностей сил общего назначения, обеспечении эффективного и быстрого усиления вооруженных сил стран блока в Европе за счет переброски американских и канадских войск на Европейский континент. В мае 1978 г. программа была принята, а с 1979 г. началось ее выполнение [18].

Реализация программы позволяла сухопутным войскам Североатлантического блока сковать с началом военных действий противника и создать необходимый временной задел для начала

решительных действий в тыловых районах противника [19]. Для этого требовалась мощная тактическая авиация, предназначенная в первую очередь для нанесения ядерного удара и оказания поддержки наземным войскам обычными средствами плюс сухопутные войска, развернутые по всему фронту вероятного соприкосновения [19]. При этом руководство Североатлантического союза исходило из сокращения сроков времени предупреждения о возможном начале военных действий. Совершенствование военной структуры Варшавского Договора в 1970-х гг. вынудил альянс пересмотреть сроки предупреждения в сторону уменьшения — с 30 до 14 суток в 1978 г. Это приводило к сокращению сроков консультаций стран — членов блока до 4 суток [20].

Выполнение долгосрочной военной программы НАТО сопровождалось усилением роли Федеративной Республики Германии в союзе. В декабре 1979 г. впервые в итоговом коммюнике Комитета военного планирования было указано, что основной вклад в военные приготовления Североатлантического союза наряду с Соединенными Штатами внесла ФРГ. Расширилось сотрудничество Франции с военной организацией блока. Командованием объединенных вооруженных сил союза совместно со штабом французских вооруженных сил были разработаны и утверждены планы использования войск Франции в случае развязывания войны в Европе. Начали проводиться мероприятия по укреплению северного и южного флангов блока.

На северном фланге были предприняты попытки склонить Норвегию и Данию к пересмотру их «базовой и атомной» политики с тем, чтобы обеспечить возможность использования территорий этих стран вооруженными силами НАТО еще в мирное время.

Укрепление южного фланга блока осуществлялось за счет укрепления военного сотрудничества на многосторонней и двусторонней основе. При этом предпочтение отдавалось Турции как «передовому посту НАТО» на Ближнем и Среднем Востоке. В январе 1980 г. был парафирован новый американо-турецкий договор о совместной обороне. Согласно ему турецкая сторона согласилась на размещение в Турции радиоэлектронного оборудования, переброшенного с радиотехнических постов в Иране. В июне 1980 г. руководство Североатлантического союза реши-

ло расширить и ускорить военно-техническую помощь Турции для модернизации ее вооруженных сил.

В декабре 1979 г. на специальной сессии Совета НАТО была одобрена программа размещения в Западной Европе в 1983–1986 гг. крылатых и баллистических ракет средней дальности под флагом модернизации тактических ядерных сил дальнего действия [21]. Еще при образовании Североатлантического союза Соединенные Штаты взяли на себя обязательство использовать при необходимости для защиты союзников свои стратегические ядерные силы. Размещение же в Европе тактического (оперативно-тактического) ядерного оружия рассматривалось западноевропейцами как вспомогательный рычаг, позволяющий привести в действие «основной механизм». Об этом в свое время недвусмысленно высказался министр обороны ФРГ: «Совершенно очевидно, что отделение тактического ядерного оружия от стратегического ядерного уровня абсолютно неприемлемо для нас, европейцев» [22].

По мнению союзников США в Западной Европе, развертывание американских ракет средней дальности (РСД) являлось существенно важным элементом ядерных «гарантий» и «мостиком», соединяющим тактическое ядерное оружие и стратегические наступательные силы Соединенных Штатов. По их оценкам, использование американских РСД по целям в СССР делало неизбежным удар по территории США. Именно поэтому руководство ФРГ отклонило варианты контроля над ракетами на основе «двойного ключа». Американцы же первоначально рассматривали РСД как средство ведения военных действий с применением ядерного оружия только на европейском театре, как дополнительную «ступень эскалации».

Новое оружие предназначалось для увеличения зоны поражения объектов до 2,5 тыс. км. Подлетное время к целям на Европейской части СССР новых ядерных носителей сокращалось до 6 минут. Кроме того, размещаемое американское ядерное оружие отвечало требованиям нанесения первого, так называемого обезоруживающего удара. Он заключался в уничтожении в первом ударе ядерных средств противника.

С принятием же НАТО решения на модернизацию ядерного оружия перед американским руководством начала выри-

совываться перспектива распространения ядерной войны на территорию собственной страны чуть ли не автоматически. С появлением в Европе этого ядерного оружия первого удара обострилось ядерное противостояние на континенте, увеличился риск возникновения войны [23]. Такая оценка стала одним из весьма действенных стимулов к заключению Договора по ракетам средней и малой дальности [24].

Наряду с модернизацией средств доставки ядерного оружия средней дальности, с начала 1970-х гг. американское военное ведомство приступило к формированию концепции «глубокого удара». Одной из причин ее разработки было преодоление «чересчур пассивного» характера концепции «передового базирования». В ходе работы концепция «глубокого удара» была трансформирована в вооруженных силах США — в концепцию «воздушно-наземной операции (сражения)», а в объединенных вооруженных силах НАТО — в «борьбу со вторыми эшелонами». В основу этих концепций положена идея одновременного поражения войск противника на всю глубину их оперативно-стратегического построения с применением всего арсенала имеющихся средств.

Разработанная и зафиксированная в полевом уставе армии США FM 100–5 (издание 1982 г.) концепция «воздушно-наземной операции (сражения)», как показал опыт учений НАТО, в последующем была взята на вооружение и в других странах блока. Данная концепция в качестве основного способа разгрома противника в операциях армейского корпуса и при ведении боевых действий входящих в его состав соединений и частей рассматривает поражение противостоящей группировки войск на всю глубину ее оперативного построения (боевого порядка). При этом для бригады глубина зоны боевого воздействия установлена 15 км, для дивизии — 70 км, а для армейского корпуса — 150 км и более.

«Воздушно-наземная операция (сражение)» предполагала согласование маневренных действий соединений и частей первого эшелона объединения с глубокими огневыми ударами, наносимыми ракетными и артиллерийскими частями, армейской и тактической авиацией, а также с широким применением воздушных десантов, аэромобильных частей, подраз-

делений специального назначения и средств РЭБ. Современный общевойсковой бой (сражение, операция), как его трактовали американские уставы, должен охватывать две сферы: землю и воздух. Отсюда вытекала и необходимость создания «воздушного эшелона» — нового элемента оперативного построения (боевого порядка) войск.

Для удовлетворения этих требований с 1971 г. в сухопутных войсках США постоянно совершенствовалась организационно-штатная структура. Изменения были направлены на расширение возможностей, в первую очередь, пехотной и воздушно-десантной дивизий, вести боевые действия без применения ядерного оружия. В то же время механизированные и бронетанковые дивизии оснащались средствами для ведения боевых действий с применением ядерного оружия [25]. Была сформирована отдельная противотанковая вертолетная бригада, ставшая высокоэффективным ударным соединением сухопутных войск. С 1976 г. особое внимание было уделено повышению мобильности и ударной мощи сухопутных войск. Начали формироваться части и подразделения, имевшие на вооружении не только аэротранспортабельную технику, но и штатный авиационный транспорт. Вертолеты использовались как средство огневой поддержки. В результате этого изменилось соотношение самолетов и вертолетов в армейской авиации. Если в 1962 г. оно было 1:1, то в 1978 г. — 1:12. Для усиления огневой мощи соединений в их состав были введены реактивные пусковые установки, предназначенные для поражения площадных целей обычными и площадными боеприпасами. Рост противотанковых возможностей достигался почти четырехкратным увеличением установок противотанковых управляемых ракет [26]. После 1977 г. в штаты соединений сухопутных войск стали вводиться подразделения радиоэлектронной борьбы и разведки.

Совершенствование организационно-штатной структуры дивизий сухопутных войск США в 1970-е гг. было связано со стремлением уменьшить количество бойцов на поле боя. По мнению американских военных специалистов, высокий удельный вес пехотинцев на поле боя не обеспечивал необходимого вклада в боевой потенциал участвующих в военных действиях

наземных сил. К тому же контрактник стоил дорого. Солдату на поле боя было необходимо искать замену.

По мнению автора концепции «воздушно-наземной операции (сражения)» американского генерала Б. Роджерса, борьбу со вторыми эшелонами нужно было начинать тогда, когда они наиболее уязвимы, то есть на маршрутах их выдвижения из мест постоянной дислокации. В этом и была заключена главная суть данной концепции — нанести превентивный удар по целям на территории стран Варшавского Договора, и вслед за этим перейти в наступление созданными уже в мирное время передовыми группировками объединенных вооруженных сил НАТО [27]. В зависимости от условий развязывания войны войска блока могли перейти в наступление в составе группировки мирного времени с минимальным усилением (до 15 дивизий) или же начать операцию после полного развертывания (25 дивизий и более). Уже в мирное время соединения и части Северной (СГА) и Центральной (ЦГА) групп армий блока дислоцировались в непосредственной близости от района их вероятного использования.

В то же время военное командование США отказалось от сохранения стратегического резерва первой очереди. Ударное командование было заменено на командование войск готовности. Оно фактически отвечало за боевую подготовку американских войск, дислоцировавшихся на континентальной части Соединенных Штатов. Решение о воссоздании мобильного стратегического резерва было принято только в конце 1970 гг.

По мере превращения советского военно-морского флота в океанский роль арктического бассейна в планах НАТО существенно возросла. Гренландия, Исландия, Норвегия и Аляска стали своего рода трамплинами для военных действий против СССР. Северный Ледовитый океан обеспечивал проникновение кратчайшим путем к берегам Советского Союза подводных лодок, ледокольных судов, самолетов-разведчиков и самолетов — носителей ядерного оружия. Кроме того, считалось, что без этих полярных плацдармов трудно вести боевые действия и на Центрально-Европейском ТВД. Уязвимыми окажутся северный фланг НАТО, коммуникации между Америкой и Западной Европой.

Большое внимание уделялось острову Гренландия и Исландии, которые как бы «запирают» выход из Северного Ледовитого океана в Атлантический. На западном побережье Гренландии командование США создало две авиабазы, в том числе самую крупную в Арктике — Туле, систему пунктов базирования кораблей, а также развернуло радиолокационные станции, входящие в систему предупреждения о ракетно-ядерном ударе (СПРЯУ). Роль натовского «непотопляемого авианосца» играет и Исландия. Главной задачей американских войск в этой стране является обслуживание противолодочного рубежа Гренландия — Исландия — Норвегия, в дополнение к американскому «противолодочному» поясу [28].

В 1970-х гг. глобальная система оперативного управления вооруженных сил США продолжала совершенствоваться. Особое место в развитии связи заняли системы, призванные обеспечить начало, ведение и завершение ракетно-ядерной войны. Ведущая роль отводилась автоматизированной системе глобальной связи, связавшей органы управления национальной системы военного управления и практически все военные базы США. Важная роль в обеспечении ядерной войны отводилась системам связи стратегического авиационного командования: первичной тревоги с телефонными средствами связи; автоматизированного управления с телетайпной связью; управления после ядерного нападения с двумя авиарадиоретрансляторами; ракетной чрезвычайной. Для управления баллистическими ракетами морского базирования, помимо системы связи Атлантического и Тихоокеанского флотов, предполагалось использовать в ходе ведения ядерной войны сеть связи самолетов системы ТАКАМО, обеспечивавшей ретрансляцию информации для подводных лодок на боевом дежурстве в подводном положении, а также сеть береговой охраны США «Лоран-Си».

Важное место в развитии системы связи заняли искусственные спутники земли. В течение десятилетия были развернуты три глобальные военные спутниковые системы — DSCS-2, «Флитсатком», «Афсатком» и две коммерческие — «Марисат» и Интелсат». Стратегическая спутниковая система DSCS-2 испытывалась с 1973 г. Она предназначалась для обеспечения высшего политического руководства США и стратегического

звена управления вооруженных сил, а также для обеспечения связи с дипломатическими представительствами вне Американского континента.

Спутниковая система «Афсатком» начала поступать на вооружение с 1979 г. Она предназначалась для связи стратегических наступательных сил США. «Флитсатком» эксплуатировалась с 1978 г. Она стала основной системой дальней связи военно-морских сил. С ее помощью обеспечивалась связь на расстояниях, превышающих прямую видимость. «Марисат» использовалась ВМС США и торговым флотом. С введением в эксплуатацию «Флитсаткома» военно-морские силы передали систему торговому флоту [29].

Структура системы военного управления вооруженными силами Соединенных Сил США после Второй мировой войны формировалась как кибернетическая. В ее состав еще на этапе формирования была введена самостоятельная подсистема сбора инструментальных данных об обстановке. Материальной основой подсистемы были так называемые датчики информации, чьи данные стали обрабатываться на электронных вычислительных машинах. Первыми датчиками информации подсистемы стали радиолокационные посты НОРАД. С 1957 г. военно-морские силы США стали развертывать глобальную систему звукового слежения за советскими подводными лодками. Было создано тридцать шесть стационарных подводных постов. Данные от постов направлялись в Монтерей (Калифорния, США).

Создание Глобальной системы оперативного управления (ГСОУ) ознаменовалось бурным ростом автоматизированных датчиков информации для систем управления. Особое место при этом заняли средства раннего предупреждения о воздушно-космическом нападении. Они включают средства обнаружения самолетов, баллистических ракет и космических объектов. На подступах к континентальной части США была развернута линия радиолокационных станций дальнего обнаружения «Дью Лайн» и «Мид-Канада Лайн». Они дополнялись самолетными и корабельными радиолокационными дозорами американских ВМС у атлантического и тихоокеанского побережья Соединенных Штатов. «Дью Лайн» была вынесена на 2500–3000 км от северной границы США. «Мид-Канада Лайн» проходила при-

Станция линии «Дью Лайн» в Пойнт-Лее (Аляска)

мерно вдоль 70-й параллели на территории Канады, Исландии, Фарерских островов. Рубеж «Пайн-три-лайн» была включена в сеть ближнего обнаружения и проходила по территории США, южной части Канады и Аляски [30].

Для обнаружения нападения баллистических ракет с северного направления была создана система раннего предупреждения «Бимьюз». Она предназначалась для обнаружения полетов МБР наземного базирования в направлении Северной Америки, Европы и Великобритании. Система состояла из трех радиолокационных постов, расположенных в Клир (Аляска), Туле (Гренландия) и Файлингдейлз (Великобритания). Дальность обнаружения составляла более 5000 км. С середины 1960-х гг. начали разворачиваться средства обнаружения баллистических ракет морского базирования. Первая радиолокационная станция с радиусом действия более 4000 км была сооружена на авиабазе Эглин (штат Флорида, США). К концу 1970-х гг. было решено заменить развернутые радиолокационные посты по обнаружению БРПЛ на радары «Пейв-Пос» с дальностью свыше 5000 км, размещенные на авиабазах Отис (штат Массачусетс)

и Бил (Калифорния). К обнаружению баллистических ракет привлекались также радиолокационные станции противоракетной обороны «Паркс» с дальностью более 4000 км [31].

Вопрос о создании системы наблюдения за космическими объектами впервые был поставлен министром обороны США в 1963 г. во время слушаний в конгрессе. «Хотя, — заявил Макнамара, — угроза нападения со спутников противника маловероятна в ближайшем будущем, у нас есть возможность и мы должны уже сейчас разрабатывать необходимую технологию и аппаратуру, чтобы своевременно обеспечить защиту, если в ней появится необходимость. Первостепенной задачей является создание возможностей по обнаружению и слежению за всеми космическими объектами» [32].

Важное место в создании глобальной системы датчиков, позволяющих собирать информацию в любом районе мира, заняли искусственные спутники земли. В конце 1960-х гг. программа слежения с ИСЗ за ракетами и базами в СССР была переведена из экспериментальной в действующую. По оценкам американских специалистов, она позволяла засекал стартовавшие ракеты через 30 секунд после их пуска¹. В 1972 г. ИСЗ этой программы были выведены и для контроля Западного полушария.

К 1980-м гг. в системе предупреждения о ракетно-ядерном нападении сложились три компонента. Первый составлял три спутника обнаружения пуска баллистических ракет. Один спутник располагался над Индийским океаном для контроля территории Советского Союза, два других — над Атлантическим и Тихим океанами. Радиолокационные системы наземного базирования были призваны подтверждать данные ИСЗ. Второй компонент составили радиолокационные посты системы «Бимьюз». Третий компонент составили РЛС на побережьях США для обнаружения баллистических ракет морского базирования [33].

Датчики информации внедрялись также на оперативно-тактическом уровне. Для этого использовались технические средства разведки. Применялась радиолокационная, инфракрасная, телевизионная, фотографическая и другая разведывательная аппаратура. Принципиально новым средством стала

¹ Ford D. The Button. N. Y. 1985. P. 61.

разведывательно-сигнализационная система. Она представляла собой совокупность электронных датчиков информации (ЭДИ), ретрансляторов и аппаратуры обработки информации [34]. За период войны в Индокитае США использовали около 50 различных типов ЭДИ (сейсмических, акустических, электромагнитных, инфракрасных, механических, комбинированных).

В 1972 г. на основе опыта войны во Вьетнаме началась разработка системы дистанционно управляемых разведывательно-сигнализационных приборов (РСП) поля боя. Она получила название РЕМБАСС. В нее вошли РСП, радиосредства ретрансляции сигналов и данных, устройства управления системой, аппаратура обработки разведывательных данных. Задача РЕМБАСС состояла в обнаружении, определении местоположения и классификации движущихся транспортных средств и личного состава противника, а также передача собранных разведывательных данных в реальном масштабе времени [35].

Появление автоматизированных систем связи, автоматических датчиков информации и широкое внедрение ЭВМ в процесс обработки поступающей информации позволили военному командованию США приступить к созданию автоматизированных систем управления. Первым шагом в этом направлении стала автоматизация систем обеспечения принятия решений командирами и штабами. С середины 1960-х гг. начала формироваться в сухопутных войсках система оперативной информации. Она стала первой полностью объединенной многоцелевой системой, обеспечивающей самой последней информацией для принятия решений. К концу 1970-х гг. с ее помощью решалось до 80% задач по тыловому обеспечению войск, учету личного состава, обеспечению повседневной деятельности штабов, учреждений, баз и полигонов, проведению научно-исследовательских работ и т.п. [36]. Так, в интересах заместителя начальника штаба армии США в 1970-х гг. использовались три информационные системы: по планам боевого использования войск; сбору информации о своих войсках; по программам военной помощи, подготовки и обучению личного состава за пределами Соединенных Штатов [37].

Одновременно развернулись работы по созданию автоматизированных систем управления на ТВД. В сухопутных войсках

под названием «Филдейта» она охватила управление от подразделения до командования группы армий. Автоматизация управления начиналась с пехотной роты. В ней устанавливался датчик, представлявший приставку к средствам связи. Все данные, полученные от датчиков, накапливались и обрабатывались в центрах управления и передавались заинтересованным абонентам на экране дисплеев, в отпечатанном виде и т.д. Было также начато создание системы воздушно-наземных боевых действий. Она обеспечивала взаимодействие сухопутных войск и тактической авиации и включала воздушно-наземную систему сухопутных войск и систему управления тактической авиации. Взаимодействие предусматривалось лишь на уровне дивизии [38]. В военно-воздушных силах первые полуавтоматизированные системы управления использовались уже во Вьетнаме.

К числу крупнейших и важнейших автоматизированных систем управления (АСУ) в рамках вида вооруженных сил командованием США было отнесено АСУ НОРАД. К концу 1970-х гг. для управления силами и средствами противосамолетной обороны (ПСО) были развернуты три основные системы: на командном пункте, «Сейдж» и «Бьюик». После опробования во Вьетнаме на вооружение ВВС поступила комплексная АСУ на ТВД. Она предназначалась для непрерывного управления боевыми действиями тактической авиации. В военно-морских силах с 1962 г. началась эксплуатация АСУ разведывательной информации [39]. В 1970-х гг. информационные АСУ были созданы на командном центре ВМС, командных центрах Атлантического и Тихоокеанского флотов, флагманских центрах управления оперативных флотов. К концу 1970-х гг. в основном завершилось формирование глобальной системы оперативного управления вооруженных сил США. Она строилась как автоматизированная в соответствии с принципами кибернетики.

Продолжалось совершенствование стратегической мобильности с учетом опыта войны во Вьетнаме. В 1970 г. американский конгресс законодательно закрепил круг задач, решаемых военно-транспортным авиационным командованием (ВТАК), командованием морских перевозок (КМП), заменившим

Бомбардировщик Ту-22М

военно-морскую транспортную службу, и военно-транспортной службой министерства армии, а также командованием по управлению воинскими перевозками (КУВП). КУВП, не имевшая собственного транспорта, отвечала за стратегическое планирование и использование транспортных средств под руководством КНШ. В соответствии с решением конгресса, в 1973 г. под командованием ВТАК была объединена вся военно-транспортная авиация. Была также принята программа обновления американского торгового флота, согласно которой планировалось построить до 300 различных судов [40].

Советский Союз предпринимал энергичные шаги по поддержанию сложившегося паритета в стратегических вооружениях. Значительным событием в развитии советских ракетно-ядерных сил стала постановка на дежурство централизованной системы боевого управления войсками. Ввод в эксплуатацию ее первой модификации в 1969 г. повысил надежность доведения боевых приказов до исполнительных звеньев. В 1972 г. началось внедрение модифицированной автоматической системы боевого управления (АСБУ), позволявшей реализовать в полной мере

принцип применения ракетно-ядерного оружия только после получения санкции от Верховного главнокомандующего.

В конце 1960-х гг. дальнейшее развитие получили бомбардировщики среднего радиуса действия, имевшие двойное назначение (носитель ядерного и обычного оружия). В 1967 г. началась разработка проекта бомбардировщика Ту-22М, призванного заменить устаревший Ту-16 и неудачный Ту-22. Он предназначался для повышения боевой устойчивости и гибкости применения группировки ядерных средств средней дальности, а также решения других задач. С 1971 г. новые ракетоносцы стали поступать в строевые части.

К концу 1972 г. практически завершилась постановка на боевое дежурство боевых ракетных комплексов с межконтинентальными ракетами второго поколения. Советский военноморской флот получил три десятка подводных ракетных крейсеров типа «Навага». Стратегические бомбардировщики Ту-95 оснастили управляемыми ракетами Х-22, что позволяло им наносить удары по целям, не входя в зону действия объектовой ПВО. В 1972 г. Советский Союз располагал 1300 МБР, 505 БРПЛ и 145 тяжелыми бомбардировщиками. Практически, задача достижения паритета в ядерных вооружениях почти была выполнена, но ввод в боевой состав ядерной триады США ракет «Минитмен-3» и «Посейдон», оснащенных разделяющимися головными частями (РГЧ) с боевыми блоками индивидуального наведения, отодвинуло его достижение еще на несколько лет.

С конца 1960-х гг. в военных научно-исследовательских институтах велись проработки возможных путей повышения боевых свойств советских стратегических вооружений на 1970-е гг. с учетом перспективы поступления на вооружение американских ракет с РГЧ. От их успеха зависела возможность парирования растущей угрозы со стороны стратегических наступательных вооружений США, а также выбор пути достижения ядерного паритета. После всестороннего анализа всех факторов приоритет был отдан группировке межконтинентальных ракет, которая должна была стать главным сдерживающим элементом стратегических ядерных сил.

На ракетные подводные крейсера возлагались задачи нанесения ответного удара, так как считалось, что они потенциально

менее уязвимы при внезапном ядерном нападении противника. Однако обеспечение этой неуязвимости (боевой устойчивости) само по себе является сложной и дорогостоящей задачей и зависит от множества разнородных факторов. Тяжелые бомбардировщики предназначались для наращивания усилий после обмена ядерными ударами. С таким подходом не было согласно руководство ВМФ, главнокомом которого в то время был С. Горшков. Ссылаясь на американский опыт, он проводил линию на перенос главной роли в структуре стратегических сил Советского Союза на подводный ракетноносный флот. Несмотря на то что мнение руководителей флота не возобладало, его представители еще долгие годы не отказывались от этой идеи.

Анализ направлений развития ракетных комплексов Ракетных войск стратегического назначения (РВСН) показал, что основными из них должны быть: увеличение числа боеголовок на ракетах группировки, повышение ее живучести и обеспечение возможности преодоления боевыми блоками противоракетной обороны. Наращивать количество пусковых установок не представлялось возможным, в том числе и по причине начавшихся советско-американских переговоров по проблемам ограничения стратегических наступательных сил (СНВ). Поэтому было принято решение о переходе к производству ракет с разделяющимися головными частями.

После всесторонней оценки возможных условий боевого применения ракетных комплексов с учетом предполагаемого развития стратегических наступательных вооружений США, Франции и Великобритании были выданы задания на проектирование МБР двух классов: тяжелых и легких, существенно отличавшихся своей стартовой массой. Повышение живучести баллистических ракетных комплексов (БРК) предполагалось достичь за счет увеличения защищенности стационарных пусковых установок, так как переход к подвижным ракетным комплексам технически не был еще подготовлен. Не обошлось и без издержек. Так, были разработаны и приняты на вооружение сразу два типа легких ракет с РГЧ, что не вызывалось необходимостью и привело к дополнительным материальным затратам. Вызвано это было в первую очередь стремлением конструкторов-разработчиков вооружения и руководства соот-

ветствующих отраслевых министерств получать новые заказы, тем более выгодные, если они касались создания образцов на базе уже существующих. Такое положение было и с разработкой боевой техники для ВМФ и ВВС. Отрицательную роль сыграло также непонимание высшими руководителями КПСС и Правительства роли военной науки в определении путей развития стратегических вооружений.

С подписанием главами СССР и США Временного соглашения по СНВ на развитие советских стратегических ядерных сил (СЯС) стали оказывать влияние закрепленные в нем ограничения. Так, взамен вводимых в строй подводных ракетоносцев с баллистическими ракетами снимались с боевого дежурства МБР Р-9А и Р-16. Всего с 1972 по 1985 г. Советский Союз демонтировал 1007 ракет наземного базирования и 233 БРПЛ. Были ликвидированы 13 атомных подводных лодок типа «Навага».

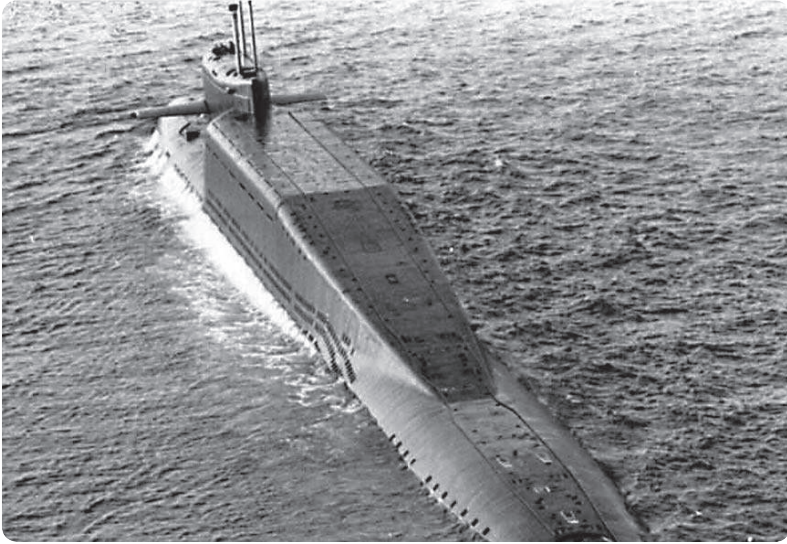
С начала 1970-х гг. главной концепцией развития советских стратегических вооружений становится концепция, которую можно охарактеризовать как «стратегическая достаточность». Она определяла количественный и качественный состав носителей, их распределение между РВСН, ВМФ и ВВС с учетом возможного применения в различных условиях обстановки. Научным путем было определено оптимальное соотношение количества носителей и ядерных боеприпасов для них. Учитывала она и начавшийся процесс ограничения стратегических вооружений Советского Союза и Соединенных Штатов Америки.

С 1972 г. Северный и Тихоокеанские флоты стали пополняться подводными ракетоносцами типа «Мурена», которые несли по 12 баллистических ракет Р-29 с моноблочной головной частью. С их развертыванием появилась возможность выбирать районы патрулирования ближе к своим берегам, так как эти ракеты имели дальность полета около 8000 км. Это было крайне важно для обеспечения боевой устойчивости ракетных подводных крейсеров потому, что советский надводный флот значительно уступал американскому и тем более — объединенному флоту НАТО и США. В 1972 г. начались летные испытания МБР третьего поколения. Со второй половины 1974 г. развернулись работы по вводу в эксплуата-

цию ракетных комплексов с этими ракетами. К концу 1977 г. задача достижения ядерного паритета с США в области СНВ была полностью решена. В составе стратегических ядерных сил Советского Союза имелось 1368 МБР шести типов, 732 БРПЛ, 100 бомбардировщиков Ту-95 различных модификаций и 35 бомбардировщиков М-4. И хотя число боевых блоков на них было меньше того, чем располагали США, можно было говорить о примерном равенстве боевых потенциалов. Достигнутое повышение устойчивости группировки советских СЯС гарантировало выполнение поставленных задач в условиях нанесения ответно-встречного удара.

С конца 1970-х гг. советское политическое руководство все чаще стало выдвигать идею об отказе применения ядерного оружия первыми. 12 июня 1982 г. Советский Союз заявил об этом официально. В этом же году министр обороны Маршал Советского Союза Д.Ф. Устинов заявил: «Лишь чрезвычайные обстоятельства — прямая ядерная агрессия против Советского государства или его союзников — может заставить нас прибегнуть к ядерному удару возмездия как последнему средству самообороны». Политическое заявление нашло отражение в положениях военной доктрины, что сказалось и на стратегических вооружениях. Потребовалось провести модернизацию ракетных комплексов, направленную на повышение стойкости к поражающим факторам ядерного взрыва и, прежде всего, к действию нейтронного излучения. Получили дальнейшее развитие морские стратегические ядерные силы. В конце 1970-х гг. на вооружение принимается ракетный подводный крейсер типа «Кальмар» с ракетами Р-29Р, оснащенными разделяющейся головной частью с боевыми блоками индивидуального наведения.

В процессе оснащения Ракетных войск стратегического назначения новейшими ядерными средствами шло их организационное совершенствование. 22 июня 1960 г. создан Военный совет РВСН. В том же году введено в действие Положение о боевом дежурстве частей и подразделений РВСН. В целях централизации боевого управления Ракетными войсками стратегическим оружием в структуру системы управления РВСН были включены органы и пункты управления в стратегическом, оперативном

Ракетный подводный крейсер проекта 667-БДР «Кальмар»

и тактическом звеньях, внедрены автоматизированные системы связи и управления войсками и боевыми средствами.

В 1960–1961 гг. на базе воздушных армий дальней авиации сформированы ракетные армии, в состав которых вошли соединения ракет средней дальности (РСД). Инженерные бригады и полки Резерва верховного главного командования (РВГК) реорганизованы в ракетные дивизии и ракетные бригады РСД, а управления учебных артиллерийских полигонов и бригад межконтинентальных баллистических ракет (МБР) — в управления ракетных корпусов и дивизий. Основной боевой единицей в соединении РСД являлся ракетный дивизион, в соединении МБР — ракетный полк. В войсках РСД были сформированы подразделения и части, вооруженные боевыми ракетными комплексами (БРК) Р-12У, Р-14У с шахтными пусковыми установками группового расположения. Первые ракетные соединения и части комплектовались главным образом офицерами-артиллеристами ВМФ, ВВС и Сухопутных войск.

Их переподготовка на ракетные специальности проводилась в учебных центрах полигонов, на предприятиях промышленности и на курсах при военно-учебных заведениях, в последующем — инструкторскими группами в частях.

С целью превращения РВСН в надежный «ракетный щит» были развернуты работы по разработке и испытанию новых ракетных комплексов с межконтинентальными баллистическими ракетами (МБР) второго поколения. При этом главными целями считались повышение показателей боеготовности, защищенности, вероятности доведения приказов до исполнительных звеньев, упрощение и удешевление эксплуатации боевых ракетных комплексов (БРК). Новые ракеты планировалось ставить на боевое дежурство только в шахтных пусковых установках.

Для скорейшего развертывания новых БРК правительство приняло решение еще до окончания совместных испытаний ракет и других систем комплекса приступить к строительству шахтных пусковых установок (ШПУ), командных пунктов и других элементов инфраструктуры, необходимых для обеспечения повседневной деятельности ракетных частей. Это позволяло в короткие сроки поставить на боевое дежурство новую ракетную технику. Так, к концу 1970 г. количество развернутых МБР достигло 1361. Иными словами, до достижения количественного паритета с США по ядерному оружию фактически не хватало каких-то несколько сотен. За десятилетие до этого соотношение было 1:13.

К этому времени значительное развитие получила система боевого управления войсками и оружием РВСН. Командные пункты были оснащены автоматизированной системой, позволившей реализовать принцип жесткой централизации применения ракетно-ядерного оружия, исключить возможные случаи несанкционированного запуска ракет. Значительно повысилась надежность доведения приказов Главного командования до исполнительных звеньев. Были внедрены автоматизированные системы контроля технического состояния ракет и систем ракетных комплексов. РВСН стали самым передовым видом Вооруженных Сил.

С 1965 г. началось развертывание группировки межконтинентальных баллистических ракет с одиночными стартами (ОС) второго поколения, оснащенных моноблочными голов-

ными частями (ГЧ). РВСН превращался в главную составную часть стратегических ядерных сил, внесшую основной вклад в достижение военно-стратегического равновесия (паритета) между СССР и США. На вооружение РВСН поступали БРК ОС РС-10, РС-12, Р-36, которые рассредоточивались на больших площадях, а также УР-100. После поступления их на вооружение существенно повысилась боевая мощь и эффективность группировки межконтинентальных ракет. РВСН прочно заняли главное место в структуре советских средств ядерного сдерживания. На них возлагались основные задачи по поражению стратегических целей вероятного противника в первом ядерном ударе. В 1970 г. доля МБР составила 74% от общего числа всех стратегических носителей. К 1973 г. МБР были размещены в 1398 ШПУ. Появление МБР с головками индивидуального наведения позволило резко повысить боевую мощь ракетного оружия без дальнейшего наращивания количества носителей.

В 1970 г. в целях улучшения руководства войсками, повышения надежности боевого управления на базе управлений ракетных корпусов были развернуты управления ракетных армий. Это были соединения и части с одиночными шахтными пусковыми установками, способные нанести гарантированный ответно-встречный удар в любых условиях начала войны. БРК второго поколения обеспечивали дистанционное проведение пуска ракет в кратчайшие сроки, высокую точность попадания в цель и живучесть войск и оружия, улучшение условий эксплуатации ракетного вооружения. В соответствии с советско-американским соглашением об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1), положившим конец количественному наращиванию числа носителей, начался вывод из боевого состава ракетных комплексов с МБР Р-9А и Р-16У.

1973 г. ознаменовался началом оснащения РВСН межконтинентальными баллистическими ракетами третьего поколения с разделяющимися ГЧ и средствами преодоления противоракетной обороны вероятного противника и мобильными ракетными комплексами большой дальности. В 1973–1985 гг. в РВСН были приняты на вооружение стационарные БРК РС-16, РС-20А, РС-20Б и РС-18 и мобильный грунтовой БРК РСД-10 («Пионер»), оснащенные разделяющимися ГЧ индивидуального наведения.

Ракеты и пункты управления стационарных БРК размещались в сооружениях особо высокой защищенности. В ракетах применялись автономные системы управления с бортовой ЭВМ, обеспечивающие дистанционное переприцеливание ракет перед пуском.

С 1977 г. происходила постепенная замена устаревших ракет в группировке ядерных сил средней дальности. На боевое дежурство ставились мобильные ракетные комплексы «Пионер» с твердотопливными ракетами РСД-10. К моменту начала их развертывания в Европейской части СССР имелось 606 ракет Р-12 и Р-14. С вводом в боевой состав двух новых ракет снималось три старых. Хотя общее число ракет и суммарный тротиловый эквивалент ядерных боезарядов уменьшились, боевая эффективность группировки в целом возросла. Развертывались новые РСД и на востоке страны. Из состава флота была выведена часть дизельных ракетных лодок с ракетами Р-21. Значительное число средних бомбардировщиков было перенацелено на решение задач с применением обычного оружия. Практически все Ту-16 и Ту-22 переоборудовались в специализированные вспомогательные самолеты.

С конца 1970-х гг. на развитие РВСН стали оказывать серьезное воздействие два фактора. Во-первых, советское правительство сделало политическое заявление о том, что Советский Союз не будет применять ракетно-ядерное оружие первым. Во-вторых, стали действовать ограничения, заложенные в советско-американский Договор ОСВ-2, на модернизацию и создание новых ракетных комплексов. Отказ от применения ядерного оружия первыми для Ракетных войск означал, что в случае внезапного ядерного нападения противника им придется действовать в крайне тяжелых условиях. Чтобы обеспечить решение задач по нанесению ответно-встречного и тем более ответного ядерных ударов по агрессору, требовалось значительно повысить живучесть ракетных комплексов в целом, стойкость ракет к поражающим факторам ядерного взрыва, надежность систем боевого управления и связи.

Помимо поддержания стратегического паритета в Советском Союзе продолжалась гонка обычных вооружений. Тем более что в военной доктрине появилось положение о ведении

войны обычными средствами. Оборонная промышленность Советского Союза работала на полную мощь. Основные характеристики ежегодного производства оружия и военной техники в 1970-х гг. показаны в *табл. 4*.

Объективности ради отметим, что в качестве компенсационной меры, страхующей национальную экономику, СССР увеличивал с 1974 по 1978 г. экспорт оружия с 12 до 15% от общего объема экспорта. Показатели производства и экспорта вооружений Советским Союзом в 1976–1980 гг. даны в *табл. 5*.

Соединенные Штаты, стремясь нарушить стратегический паритет, делали ставку на новейшие военные технологии. Советский Союз, несмотря на плачевное состояние экономики (на протяжении последних четырех пятилеток существования СССР не имел увеличения абсолютного прироста национального дохода) [41], принял вызов более сильного в экономическом отношении противника. Но милитаризация страны (72 копейки от каждого рубля шли на оборону) обескровила народное хозяйство.

Основным направлением в развитии обычных средств борьбы в 1970-х гг. было улучшение боевых возможностей войск, расширение диапазона выполняемых ими задач увеличения мобильности и живучести. Увеличение дальности, мощности и точности огня связывалось проникновением ракетной техники во все виды вооруженных сил. Основу огневой мощи составляли оперативно-тактические и тактические ракеты, в том числе и с ядерными боеголовками. Развитие ракетной техники

Таблица 4. Производство оружия и военной техники в Советском Союзе в 1970-х гг.

Виды оружия и боевой техники	1970	1975	1980
Самолеты тактической авиации	850	1250	1300
Вертолеты	700	1400	750
Танки	4250	2250	3000
Броневые машины	4000	4000	5500
Артиллерийские орудия	1600	1600	1450

сухопутных войск было направлено на уменьшение ее массы и габаритов, повышение маневренности, увеличение дальности и точности нанесения удара, а также улучшение ее эксплуатационных характеристик.

В условиях вероятного применения ядерного оружия численность личного состава мотострелковых соединений сократилась. В результате в системе стрелкового оружия сократилось по сравнению с первыми послевоенными годами количество его видов и типов. Стрелковое вооружение отличалось повышенной огневой мощностью, большой универсальностью, простотой устройства, безотказностью при боевом использовании.

Артиллерия всех видов и предназначений органически слилась с ракетными войсками. На вооружение поступали полностью моторизированные артиллерийские системы. Возросла роль и удельный вес реактивной артиллерии как мощного средства поражения групповых целей. Широкое распространение получила самоходная артиллерия. Повысилась ее защищенность и подвижность за счет установки артиллерийских систем на шасси бронированных машин высокой проходимости. На

Таблица 5. Производство и экспорт вооружения Советским Союзом в 1976–1980 гг.

Виды оружия и боевой техники	Произведено	Продано	Удельный вес продаж в общем производстве, %
Танки и самоходные орудия	17 975	7877	44
Бронетранспортеры и бронемшины	28 250	9678	34
Военные корабли (крупные)	64	34	53
Военные корабли (средние и малые)	292	134	46
Подводные лодки	64	7	11
Военные самолеты	6950	3172	46
Вертолеты	4725	1067	23
Ракеты класса «земля — воздух»	265 000	16 041	6

вооружение сухопутных войск стали поступать вертолеты огневой поддержки, оснащенные ракетами класса «воздух — земля», скорострельными пушками, противотанковыми управляемыми ракетами. В связи с ростом использования авиации на поле боя потребовалось вооружить сухопутные войска высокоподвижными ракетными зенитными комплексами, способными поражать воздушные цели на малых, средних и больших высотах.

Одно из ведущих мест в системе вооружения сухопутных войск продолжали занимать танки. Средние танки Т-62, Т-72 и другие, боевые машины пехоты (БМП), бронетранспортеры (БТР) обладали большим запасом хода, высокой маневренностью, хорошей броневой защитой. Они могли преодолевать вброд и вплавь глубокие водные преграды. Благодаря оптическим и электронным приборам управления вооружением и его стабилизации, а также повышению скорострельности огонь танков и бронетехники стал отличаться большой точностью. Развитие бронетанковой техники потребовало совершенствования противотанкового вооружения. Широкое распространение получили ручные и станковые гранатометы. Эффективным противотанковым средством являлись комплексы противотанковых управляемых ракет на высокоподвижных боевых машинах с хорошей броневой защитой.

Сухопутные войска являлись наиболее многочисленным видом вооруженных сил. Главенствующую роль в них занимали мотострелковые войска. Мотострелковая дивизия конца 1960-х гг. превосходила дивизию 1939 г. по танкам в 16 раз, по автоматическому оружию — в 13 раз, по средствам радиосвязи — в 5 раз, по бронетранспортерам — в 37 раз. Артиллерийско-минометный залп этой дивизии (без учета ядерного оружия) более чем в 30 раз превышал залп дивизии предвоенного времени [42]. В сухопутных войсках успешно развивались рода войск. Главной ударной силой по-прежнему являлись танковые войска. Войска противовоздушной обороны эффективно прикрывали боевые порядки. Благодаря существенному развитию воздушно-десантных войск они получили возможность решать самостоятельные оперативные задачи в отрыве от основной группировки наземных войск. Более совершенной стала организация войск связи, инженерных, химических и других специальных войск.

Войска ПВО страны стали самостоятельным видом Вооруженных сил еще в 1948 г. В мае 1954 г. учреждена должность главнокомандующего Войсками ПВО страны — заместителя министра обороны СССР. С середины 1950-х гг. в развитии Войск ПВО страны начался новый этап, вызванный принятием на вооружение ядерного оружия и быстрым развитием ракет различного назначения, самолетов — носителей крылатых ракет и радиоэлектронной техники. В связи с этим резко изменились роль и место ПВО в вооруженной борьбе и возросли требования, предъявляемые к Войскам ПВО страны, которые были перевооружены на принципиально новой технической базе. В 1970-е гг. возросли их возможности при борьбе с воздушным противником в сложных метеорологических условиях и ночью.

Военно-воздушные силы оснащались сверхзвуковыми ракетноносцами-бомбардировщиками большого радиуса действия. Авиационные ракеты различного назначения, в том числе в ядерном снаряжении, позволяли поражать объекты противника без захода в зону действия его противовоздушной обороны. Возрос удельный вес фронтовой авиации, способной решать широкий спектр задач по прикрытию и поддержке группировок наземных войск. Принятие на вооружение частей военно-транспортной авиации, самолетов большой грузоподъемности обеспечило возможность переброски по воздуху общевойсковых соединений и частей в полном составе.

К началу 1970-х гг. военно-морской флот СССР из фактически прибрежного стал океанским ракетно-ядерным и за счет развития подводных сил по своему боевому потенциалу равным ВМС США. В связи с этим в конце 1960-х гг. начали формироваться оперативные эскадры (группы) разнородных сил ВМФ СССР и размещаться в наиболее взрывоопасных районах Мирового океана. Тем самым был достигнут существенный рост суммарного боевого потенциала сил боевой службы флота. С начала 1970-х гг. в отдельных районах была установлена система несения боевой службы в составе бригад в различных океанских и морских акваториях.

Накопленный опыт передового присутствия ВМФ СССР позволил уточнить задачи советского флота в мирное время. Во-

Основной боевой танк Т-72

первых, присутствие кораблей под флагом ВМФ СССР должно было свидетельствовать о наличии советских интересов в регионе (акватории). Во-вторых, поддержание стабильности в зонах возможных или уже прошедших вооруженных столкновений. В-третьих, ведение постоянного наблюдения за кораблями вероятного противника. В-четвертых, защита районов собственного рыболовства и охрана коммуникаций торгового судоходства. Следствием выполнения этих задач становилось существенное противодействие деятельности ВМС США и НАТО, являясь составной частью стратегического равновесия в региональном и международном масштабе.

Так, заблаговременно развернутая в Индийском океане группировка кораблей ВМФ СССР осенью 1971 г. не позволила США вмешаться в пакистано-индийский конфликт. С его началом в Бенгальский залив была направлена авианосная ударная группа ВМС США с задачей нейтрализации индийского флота и оказания тем самым помощи Пакистану. В ответ на информацию индийского правительства о крайней озабоченности

вероятным вмешательством Соединенных Штатов советское руководство дало понять, что нейтрализация американского оперативного соединения является «заботой» советского флота. В результате по прибытии американского АУГ ее действия были скованы плотной опекой советских кораблей. В связи с этим командующий американского АУГ был вынужден доложить, что они опоздали с развертыванием и за ними ведется постоянное слежение [43]. Корабельная группировка США не предприняла никаких активных действий.

В событиях 1970-х гг. на Ближнем Востоке 5-я оперативная эскадра также сыграла определенную сдерживающую роль. В ходе войны 1973 г. ее корабли и подводные лодки были развернуты у израильского побережья. С возникновением угрозы овладения израильтянами египетского города Порт-Саид решением главнокомандующего ВМФ были образованы силы высадки морского десанта из кораблей эскадры Черноморского флота с морскими пехотинцами (правда, эти корабли находились еще в Севастополе). Основной спецификой боевой службы 5-й эскадры являлось отсутствие системы базирования, за исключения пункта материально-технического обеспечения в Тартусе (Сирия). Для пополнения же запасов и проведения текущего ремонта кораблей использовались порты в Греции, Египте, Ливии, Тунисе и Югославии.

В 1974 г. 8-я эскадра специального назначения была переформирована в 8-ю оперативную эскадру с подчинением командующему Тихоокеанского флота. 9 мая того же года корабли эскадры начали непрерывную боевую службу в Индийском океане. После подписания в 1974 г. Договора о дружбе и сотрудничестве с Сомали в сомалийском порту Бербера был оборудован пункт материально-технического обеспечения кораблей 8-й эскадры [44]. Близ порта был развернут зональный узел связи. Сомалийский аэродром Харгейса стал местом временного базирования дежурных сил советской авиации. По договоренности с правительством Южного Йемена с аэродрома Аден осуществляли противолодочное обеспечение кораблей эскадры авиаотряды из состава ВВС Балтийского, Северного и Тихоокеанского флотов. 13 ноября 1977 г. правительство Сомали денонсировало договор, и пришлось оборудовать новые пункты материально-

технического обеспечения в Дахлаке (Эфиопия) и на острове Сокотра (Южный Йемен).

С повышением удельного веса политических задач в боевой службе в состав оперативных эскадр стали включаться десантные корабли с частями морской пехоты и с боевой техникой на борту. Они направлялись практически во все регионы, где возникали кризисные ситуации. Для обеспечения ввода советских войск в Афганистан в 1979 г. использовалась группировка кораблей ВМФ СССР, включавшая в себя десантные корабли. В ответ на активизацию десантных сил США 8-й оперативной эскадрой было подготовлено совместное учение с йеменскими ВМС по высадке десанта на остров Сокотра.

Возрастание прямого или косвенного участия советских вооруженных сил в международных конфликтах и кризисах требовало увеличения их стратегической мобильности. Удаленность мест постоянной дислокации объединений, соединений и частей от районов их оперативного предназначения (для западных приграничных округов она составляла от 1500 до 2000 км) вынуждала постоянно проводить мероприятия по повышению их оперативной мобильности. Они включали совершенствование организационно-штатной структуры, создание мобильных оружия и военной техники, поставки надежных средств передвижения. Особое внимание уделялось созданию воздушно-десантных сил, отвечавших в наибольшей степени требованиям оперативной и стратегической мобильности [45]. В целях проведения возможностей по перегруппировке войск проводились учения и маневры. Наиболее крупными в 1970-х гг. были маневры «Восток-79». Они проводились на фоне обострения военно-политической обстановки у восточных границ СССР в связи с вьетнамо-китайским вооруженным конфликтом. В ходе маневров 355 военно-транспортных самолетов за 54 часа перебросили из Европейской части Советского Союза на Дальний Восток (около 6,5 тыс. км) 18 тыс. человек и 12,5 тыс т грузов [46].

После Карибского кризиса начался процесс превращения ядерного оружия из средства устрашения в средство сдерживания. Первым шагом стало заключение договора об ограничении испытаний ядерного оружия. В результате переговоров

между СССР и США об ограничении стратегических вооружений (ОСВ), начавшихся в ноябре 1969 г., в Москве в мае 1972 г. были подписаны два важных соглашения между СССР и США: Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) и Временное соглашение между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (в мировой прессе это соглашение получило сокращенное наименование ОСВ-1) [47].

По Договору об ограничении систем ПРО, который носил бессрочный характер, Советский Союз и Соединенные Штаты приняли ряд обязательств, исходя из объективной взаимосвязи между оборонительными и наступательными стратегическими вооружениями. Подписывая Договор, обе стороны отмечали, что «эффективные меры по ограничению систем противоракетной обороны явились бы существенным фактором в деле сдерживания гонки стратегических наступательных вооружений и привели бы к уменьшению опасности возникновения войны с применением ядерного оружия».

Системой ПРО, как это определялось Договором, является система для борьбы со стратегическими баллистическими ракетами или их элементами на траекториях полета, состоящая в настоящее время из противоракет, пусковых установок противоракет и радиолокационных станций ПРО (РЛС). К перечисленным компонентам системы ПРО относятся находящиеся в боевом состоянии, в стадии строительства, испытаний, капитального или текущего ремонта либо переоборудования, в консервации.

Статья I Договора между Советским Союзом и Соединенными Штатами об ограничении систем противоракетной обороны предусматривала обязательство ограничить системы ПРО и не развертывать системы противоракетной обороны территории своей страны и не создавать основу для такой обороны [48].

Каждой из сторон разрешалось (статья III) размещать системы ПРО лишь в двух районах:

а) в пределах одного района радиусом 150 км с центром, находящимся в столице данной стороны;

б) в пределах одного района радиусом 150 км, в котором расположены шахтные пусковые установки межконтинентальных баллистических ракет (МБР).

Для СССР был определен район города Москвы, для США — район размещения шахтных пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет в штате Северная Дакота.

В каждом районе предусматривалось ограниченное число компонентов систем ПРО (противоракет, пусковых установок противоракет и радиолокационных станций ПРО). В одном районе разрешалось каждой из сторон иметь не более 100 противоракет. Американский противоракетный комплекс включал одну радиолокационную станцию (РЛС) обнаружения целей, одну РЛС сопровождения целей и наведения противоракет, 30 шахтных и 70 наземных пусковых установок противоракет [49]. В 1974 г. СССР и США подписали протокол к Договору, согласно которому количество районов размещения систем ПРО каждой стороны сокращалось до одного.

Согласно статье V, стороны обязались «не создавать, не испытывать и не развертывать системы или компоненты ПРО морского, воздушного, космического или мобильно-наземного базирования». В статьях IX и X СССР и США взяли на себя обязательство не передавать другим государствам и не размещать вне своей национальной территории системы ПРО или их компоненты, ограниченные подписанным Договором, а также не принимать никаких международных обязательств, которые противоречили бы ему [50]. Выполнение договорных обязательств должно было контролироваться национальными техническими средствами, с соблюдением общепризнанных норм международного права.

Важно отметить и то, что в статье XI содержалось положение о стремлении СССР и США «продолжить активные переговоры об ограничении стратегических вооружений, а статья XIII предусматривала, что стороны должны «рассматривать по мере необходимости возможные предложения по дальнейшему повышению жизнеспособности настоящего Договора». Бессрочный советско-американский Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО), подписанный 26 мая 1972 г., вступил в силу 3 октября того же года.

Вторым направлением в предотвращении мировой ракетно-ядерной войны стал переговорный процесс между СССР и США сначала об ограничении, а в дальнейшем и о сокращении стра-

тегических (ядерных) наступательных вооружений. Он шел достаточно трудно. Соглашение об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1) было заключено сроком на пять лет. Оно накладывало определенные количественные и качественные ограничения на стационарные пусковые установки межконтинентальных баллистических ракет (МБР), пусковые установки баллистических ракет на подводных лодках (БРПЛ) и сами подводные лодки с баллистическими ракетами.

Однако Соглашение ОСВ-1 действовало не пять, а семь лет. На смену ему был заключен Договор между СССР и США об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-2), который был подписан только в апреле 1979 г. Однако, как и Соглашение, Договор не был ратифицирован американским конгрессом [51]. Достигнутые договоренности по ограничению стратегических вооружений не получили официального признания. На практике же они достаточно строго соблюдались.

* * *

Когда военно-стратегический паритет стал фактом, он был расценен в Вашингтоне, безусловно, как примерное равенство по количественным параметрам. Обе стороны могли нанести друг другу «неприемлемый ущерб» в случае ядерной войны. Наступило «равенство страха» на основе взаимного гарантированного уничтожения. Но такое равенство еще не означало равенства возможностей. Советский Союз стал полноценной сверхдержавой, а ракетно-ядерное оружие из «оружия победы» в войне ядерных держав превратилось в политическое оружие особого рода — оружие сдерживания глобальной ядерной катастрофы.

Это была всемирно-историческая победа советского оружия, советской военно-технической мысли, советской политики в XX в. Советский Союз, достигнув военно-стратегического паритета с США, внес решающий вклад в создание обстановки равной безопасности сторон в сложившемся биполярном мире. Начался процесс диалога между сверхдержавами и их союзниками по контролю над вооружениями, их ограничению, а в дальнейшем — и сокращению.

4.2. Разрядка напряженности

Начало 1970-х гг. ознаменовалось официальным признанием США паритета ракетно-ядерных вооружений двух ядерных сверхдержав. Возникла новая международно-политическая обстановка, характеризовавшаяся началом перестройки международных отношений на основе принципов мирного сосуществования. В официальных документах КПСС мирное сосуществование рассматривалось как форма классовой борьбы, тип отношений между государствами с различным общественным строем. К ее принципам были отнесены: отказ от войны как средства решения спорных вопросов между государствами; невмешательство во внутренние дела, признание за каждым народом права свободно избирать свой социально-экономический и политический строй; строгое уважение суверенитета и территориальной целостности всех стран. В 1960–1980-х гг. эта идеологическая концепция лежала в основе внешнеполитической идеологии и пропаганды КПСС и Советского Союза. Была принята в качестве официальной внешнеполитической доктрины после Карибского кризиса 1962 г. и реальной угрозы начала третьей мировой войны. Вследствие ядерного паритета с США она использовалась как скрытая альтернатива лозунгу «победы коммунизма во всем мире».

По свидетельству американского политолога С. Сульцбергера, Запад был вынужден признать «формулу мирного сосуществования, от которой не так-то легко отмахнуться»¹. Во многом благосклонность к мирному сосуществованию определялась экономическими причинами. СССР начал испытывать все более острую зависимость от закупок потребительских товаров и продовольствия (для которых требовались валютные кредиты), Запад же в годы нефтяного кризиса, вызванного арабско-израильским противостоянием, был крайне заинтересован в советской нефти. В военном отношении базой «разрядки» стал сложившийся к тому времени ракетно-ядерный паритет блоков. В то же время появились новые центры силы в лице Западной Европы и Японии. Произошло ослабление американских эконо-

¹ New York Times. 1970. Apr. 3.

номических и политических позиций в мире. Процесс снижения противостояния двух лагерей получил название «разрядки международной напряженности».

После Второй мировой войны советское руководство было крайне заинтересовано в установлении мира на планете. Но в условиях наличия у идеологического противника атомного оружия СССР никак не мог чувствовать себя в безопасности. Началась гонка вооружений, для уравнивания позиций в которой требовалось время. Страшные потери в только что закончившейся войне и приобретенный в ней международный авторитет Советского Союза позволили советскому руководству предпринять ряд мер по предупреждению войны. В их основу был положен Закон о защите мира, принятый 12 марта 1951 г. Верховным Советом СССР. В нем было записано, что «пропаганда войны, в какой бы форме она ни велась, подрывает дело мира, создает угрозу новой войны и является ввиду этого тягчайшим преступлением против человечества... Лиц, виновных в пропаганде войны, предавать суду и судить как тяжких уголовных преступников». Меры по предупреждению войны воплотились в попытках закрепить их официально и привлечь максимальное число людей к борьбе за мир.

В 1947 г. по инициативе Советского Союза Генеральная Ассамблея одобрила резолюцию о запрещении пропаганды войны. Это был важный документ во всей истории деятельности ООН. В 1950-х гг. Советский Союз и другие социалистические страны активно использовали ООН для распространения своих взглядов на защиту мира и безопасности. Они осудили использование самой Организации в качестве орудия агрессии США против Корейской Народно-Демократической Республики (1950–1953), требовали немедленного прекращения тройственной агрессии против Египта (1956) и американо-английской интервенции в Ливане и Иордании (1958), выступили за принятие Советом Безопасности мер по пресечению агрессии против Гватемалы (1954). Среди решений, одобренных ООН в 1950-х гг. и оказавших положительное воздействие на международную атмосферу, выделяется резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 1 октября 1957 г. о мирном сосуществовании государств. В этом документе, принятом по инициативе Советского Союза,

отмечалась необходимость развития мирных и добрососедских отношений «между государствами, независимо от их различий и относительного уровня и характера их политического, экономического и социального развития». В 1958 г. по предложению Чехословакии XIII сессия Генеральной Ассамблеи одобрила резолюцию о необходимости практического применения всеми государствами принципов мирного сосуществования, соблюдения Устава ООН и принятия эффективных мер для обеспечения мирных добрососедских отношений.

В мае 1955 г. в стремлении вывести из тупика проблему разоружения Советский Союз внес в ООН предложения по вопросам сокращения вооружений, запрещения атомного оружия и устранения угрозы новой войны. Учитывая позицию западных держав в отношении сроков осуществления запрещения ядерного оружия, советское правительство согласилось перенести полное запрещение ядерного оружия на второй период программы разоружения и приурочить его к тому моменту, когда вооруженные силы и обычные вооружения будут сокращены на 75% установленных норм. Советский Союз шел навстречу западным державам не только в вопросах порядка запрещения ядерного оружия, но также принимал предложения западных держав об уровнях сокращения вооруженных сил (для США, СССР и Китая до 1–1,5 млн человек, а для Англии и Франции — до 650 тыс. человек). Полностью опровергались, таким образом, утверждения западных держав о том, что при любом варианте разоружения Советский Союз оставлял-де за собой преимущества в обычных вооруженных силах.

Однако эта советская инициатива не была претворена в жизнь вследствие того, что западные державы... отказались от собственных предложений. В 1956 г., констатирует известный политический деятель Ноэль-Бейкер, Советский Союз «приложил дальнейшие усилия, чтобы пойти навстречу Западу», но его ожидал «отпор по каждому пункту». В 1957 г. государственный секретарь США утверждал, что попытки установить и поддерживать определенные уровни военного могущества государств были бы «бесплодным занятием», поскольку «военные потенциалы не поддаются учету».

Попытки доказать бесперспективность военного использования ядерной энергии показом достижений Советского Союза в этой области не давали положительного результата. В июле 1955 г. на авиационном параде в Москве, на котором присутствовали американские специалисты, были показаны первые советские стратегические бомбардировщики. Этот факт тут же был использован для кампании в американской прессе об «отставании по бомбардировщикам». На самом деле никакого отставания США, которые к тому времени уже имели более 1500 стратегических бомбардировщиков, не было. Это прекрасно знали организаторы крикливой кампании об «отставании» США. Как отмечал руководитель ЦРУ, «бомбардировочное отставание так и не стало реальностью» [52]. Действительно, эта выдумка была нужна для того, чтобы напугать американского обывателя-налогоплательщика, заставить его безропотно отдавать деньги на наращивание, на гонку вооружений.

Советское руководство, несмотря на антисоветские кампании, и в последующем неоднократно заявляло, что в СССР придают улучшению отношений между двумя державами большое значение. В начале 1959 г. внеочередной XXI съезд КПСС констатировал: «В деле разрядки международной напряженности особо важное значение имело улучшение отношений между США и Советским Союзом». В августе 1959 г. была достигнута договоренность об обмене визитами глав правительств СССР и США. Во исполнение ее в сентябре 1959 г. состоялся официальный визит в США Председателя Совета министров СССР Н. С. Хрущева. Эта поездка вызвала большой интерес у американской общественности. В коммюнике об итогах переговоров отмечалось, что стороны обменялись мнениями по широкому кругу международных вопросов, требующих безотлагательного решения, в том числе о всеобщем разоружении и о ликвидации последствий Второй мировой войны.

В сентябре 1959 г. на XIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН была внесена декларация советского правительства о всеобщем и полном разоружении. Генеральная Ассамблея приняла 20 ноября 1959 г. резолюцию, в которой выражалась надежда, что «мероприятия, ведущие к цели всеобщего и полного разоружения под эффективным международным контролем, будут

детально разработаны и согласованы в возможно кратчайший срок». В ходе обсуждения советских предложений о всеобщем и полном разоружении на XIV Генеральной Ассамблее ООН представители администраций Эйзенхауэра, а затем Кеннеди продолжали придерживаться «традиционной» американской позиции, в соответствии с которой речь должна идти не о разоружении и контроле за всеобщим и полным разоружением, а о контроле над вооружениями.

И все же в декабре 1959 г. по дипломатическим каналам было достигнуто соглашение о созыве в Париже в середине мая 1960 г. совещания глав правительств СССР, США, Великобритании и Франции. Это была попытка возродить практику «совещаний в верхах» периода Второй мировой войны. Однако наметившаяся тенденция оказалась непрочной и недолговечной. 1 мая 1960 г. американский самолет-разведчик U-2 нарушил воздушное пространство СССР и был сбит под Свердловском. Правительство США не только не принесло своих извинений, но и заявило, что такие полеты будут продолжаться. В итоге совещание в верхах в Париже было сорвано. Не была реализована и договоренность об ответном визите Эйзенхауэра в СССР. Опять наступило так называемое похолодание во внешнеполитических делах между СССР и США.

В январе 1960 г. Верховный Совет СССР принял решение в одностороннем порядке прекратить испытания атомного и водородного оружия и заявил о своей готовности не возобновлять их, если западные державы последуют примеру Советского Союза. В ответ же в США начала набирать обороты пропагандистская кампания теперь уже о «ракетном отставании» Америки. В ходе расследования в конгрессе его причин, начатого еще в 1959 г., представители американской разведки утверждали, что СССР якобы производит по 15 ракет в месяц. Согласно их прогнозам, Советский Союз уже в 1960 г. мог иметь до 500 пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет (МБР). Директор ЦРУ на слушаниях в конгрессе заявил, что СССР достиг «ядерного превосходства» для того, чтобы, «угрожая США своими межконтинентальными баллистическими ракетами с ядерными боезарядами, заняться спокойно консолидацией своих позиций в ряде нестабильных регионов некоммунистического

мира». Миф о «ракетном отставании» использовал и борющийся за кресло в Белом доме Джон Кеннеди. Но придя к власти, его правительство обнаружило, что «отставание» — фикция. Об этом говорил журналистам министр обороны Р. Макнамара еще в феврале 1961 г.: «Ракетное отставание 1960 г. было изобретено теми силами в министерстве обороны, которые... старались протолкнуть свою особую программу, в данном случае — расширение производства ракет в США, преувеличив советскую силу»¹.

Страны НАТО не откликнулись на призыв СССР, сделанный в январе 1960 г., и продолжили ядерные испытания. Тогда Советский Союз прервал мораторий и начал подготовку к новой серии ядерных взрывов. Наиболее мощные были проведены на Новозомельском полигоне в октябре 1961 г. Термоядерная бомба большой мощности — 30 мегатонн — была взорвана в воздухе 23 октября. В те же дни были произведены подводный и надводный взрывы, но гораздо меньшей мощности [53].

И все же в 1970-х гг. был предпринят ряд шагов по нормализации отношений с Соединенными Штатами. В 1967 г. было начато осуществление советско-американского космического эксперимента «Союз — Аполлон». С ноября 1969 г. стороны приступили к переговорам об ограничении стратегических наступательных вооружений. А 30 сентября 1971 г. подписаны два соглашения между СССР и США — о мерах по усовершенствованию линии прямой связи СССР — США и о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между СССР и США. 22–30 мая 1972 г. впервые за всю историю советско-американских отношений в Москве находился с официальным визитом действующий президент США Р. Никсон. Состоявшиеся советско-американские переговоры на высшем уровне в Москве имели положительное значение для подготовки к созыву общеевропейского совещания по безопасности, поскольку в коммюнике об этих переговорах за основу разрядки и мирного сотрудничества в Европе принимались принципы «территориальной целостности, нерушимости границ, невмешательства во внутренние дела, суверенного равенства, независимости и от-

¹ Цит. по: Правда. 1983. 30 мая.

*Министр обороны
США Р. Макнамара*

каза от применения силы или угрозы ее применения», то есть те принципы, которые выдвигались не раз Советским Союзом и другими социалистическими странами как основа мирного сотрудничества в послевоенное время.

В ходе пребывания американского президента были подписаны: Договор между СССР и США об ограничении систем противоракетной обороны; Временное соглашение между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений; документ «Основы взаимоотношений между СССР и США»; Соглашение между СССР и США о сотрудничестве в области охраны окружающей среды; Соглашение между правительством СССР и правительством США о сотрудничестве в области медицинской науки и здравоохранения; Соглашение между правительством СССР и правительством США о сотрудничестве в области науки и техники (продлено в 1977 г.); Соглашение между СССР и США о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях (продлено в 1977 г.); Соглашение между правительством СССР и правительством США о предотвращении инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним.

18 октября 1972 г. в Вашингтоне были подписаны: Соглашение между правительством СССР и правительством США о торговле; Соглашение между правительством СССР и правительством США об урегулировании ленд-лиза, взаимной помощи и претензий; Соглашение между правительством СССР и правительством США о порядке финансирования.

В начале 1960-х гг. в ООН произошли серьезные сдвиги в соотношении сил на мировой арене в пользу СССР. Ушло в прошлое «ядерное превосходство» США. Открытие Советским Союзом космической эры привело к росту авторитета СССР и социалистического содружества в целом. В результате крушения колониальной системы на международной арене появились десятки молодых независимых государств, которые подчас солидаризировались с политикой Советского Союза в вопросах мира и укрепления международной безопасности. Под воздействием всех этих факторов понесла потери американская «машина голосования» в Генеральной Ассамблее. В Совете Безопасности после увеличения в 1966 г. числа его непостоянных членов с 6 до 10 за счет представительства государств Азии и Африки также обозначились тенденции к изоляции западных держав. Генеральный секретарь ООН в новых условиях стал действовать в конкретных вопросах с учетом мнения нового большинства в Генеральной Ассамблее.

60-е гг. ознаменовались принятием ООН по инициативе Советского Союза и развивающихся стран ряда важных решений по общим проблемам мира и разоружения. Среди них резолюции Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1959 г. о всеобщем и полном разоружении и Декларация об укреплении международной безопасности (1970). Необходимо также отметить Декларацию о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета (1965), Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества государств в соответствии с Уставом ООН (1970).

Возможности ООН были широко использованы Советским Союзом для заключения Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах (1963), Договора о принципах деятельности государств в космосе (1967), Договора о нерас-

пространении ядерного оружия (1968), Договора о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах оружия массового уничтожения (1971), Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (1972).

На протяжении 1960-х гг. Советский Союз и его союзники в целях мирного разрешения военных конфликтов выступали с осуждением насильственных действий в Республике Конго (1960–1964), политики США в отношении Кубы (1960–1962), попыток лишить независимости Республику Кипр (1964), американской интервенции в Доминиканской Республике (1965). Важную роль сыграли в осуждении агрессии Соединенных Штатов во Вьетнаме принятые Генеральной Ассамблеей ООН Декларации о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств и об укреплении международной безопасности. В целях справедливого мирного урегулирования на Ближнем Востоке Совет Безопасности при активном участии СССР одобрил 22 ноября 1967 г. резолюцию № 242, которая оказывала определенное сдерживающее влияние на Израиль и его западных покровителей.

Советский Союз стремился использовать Организацию Объединенных Наций для разрешения конкретных конфликтов и кризисов. В период Карибского кризиса (1962) ООН выступила в роли посредника, к услугам которого прибегали США, СССР, Куба. Направление войск ООН на Кипр (1964) с согласия правительства Республики ослабило напряженность в районе Восточного Средиземноморья, помогло срыву планов НАТО, направленных против независимости Республики Кипр и ее территориальной целостности. ООН способствовала также прекращению военных действий между Индией и Пакистаном в 1965 и 1971 гг.

В ряде же случаев США и их союзникам удавалось использовать ООН для достижения своих целей. Так, осуществление так называемой операции ООН в Конго привело к отстранению от власти в этой стране прогрессивного правительства во главе с П. Лумумбой. Республика Кипр оказалась разделенной на турецкую и кипрскую части. В Доминиканской Республике

в 1965 г. к власти пришел проамериканский режим. Между Индией и Пакистаном до сих пор сохраняется напряженность, которая может перерасти в войну двух стран, обладающих ракетно-ядерным оружием. Не прекращается израильская оккупация Западного берега реки Иордан и сектора Газа, которые входят в состав территории Палестинского государства.

На двадцать второй сессии Совета НАТО в декабре 1956 г. было уделено большое внимание вопросам идеологической обработки общественного мнения. Американские представители были вынуждены признать, что в странах-участницах недостаточна вера в военные планы НАТО, которые якобы полностью учитывают новое оружие и способы ведения современных военных действий. Кроме того, они выразили особое недовольство в отношении некоторых кругов в странах союза, опасаящихся, что планы альянса заходят слишком далеко и что «ответный атомный удар не является эффективным против наступления противника, применяющего оружие массового поражения». Под нажимом США на двадцать второй сессии было принято решение развернуть широкую антисоветскую пропаганду с тем, чтобы убедить общественное мнение стран — участниц союза в правильности определения существующей советской угрозы и в целесообразности и экономичности контрмер НАТО. Обсуждение этого вопроса было вызвано разногласиями среди стран — участниц союза в связи с односторонними действиями Великобритании и Франции в период агрессии против Египта. Участники сессии после длительных дебатов пришли к соглашению, что ни одно правительство не должно принимать окончательного решения по важнейшим внешнеполитическим вопросам и делать политические заявления, имеющие большое значение для союза или для кого-либо из его участников, без предварительной консультации и коллективного обсуждения в рамках Североатлантического союза. Американский представитель занял особую позицию по этому вопросу и заявил, что США резервируют за собой свободу военных и политических действий в любой части мира для защиты своих интересов и интересов своих союзников без предварительной консультации об этих действиях в НАТО.

С середины 1960-х гг. СССР подключил Организацию Варшавского Договора к выработке мер по обеспечению безопасности на европейском континенте. Политический Консультативный Комитет стран — участниц Варшавского Договора в январе 1965 г. обратился ко всем европейским странам с предложением созвать общеевропейское совещание для обсуждения мер коллективной безопасности в Европе. В июле 1966 г. совещание ПКК, собравшееся в Бухаресте, выступило с декларацией, в которой заявило, что совместными усилиями европейских государств проблема безопасности континента может быть решена. Бухарестское совещание выдвинуло идею созыва общеевропейского совещания, которое могло бы способствовать созданию системы безопасности в Европе. В марте 1969 г. на совещании Политического Консультативного Комитета государств — участников Варшавского Договора в Будапеште было выработано обращение ко всем европейским странам, в котором излагалось прямое предложение созвать Совещание по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе и выдвигались некоторые принципиальные положения такого сотрудничества. Правительство Финляндии заявило в своей памятной записке от 5 мая того же года, разосланной всем европейским странам, о своей готовности помочь в организации консультаций европейских стран, США и Канады с целью подготовки созыва общеевропейского совещания. Дело подготовки совещания стало переходить на практические рельсы. Это потребовало созыва нового совещания министров иностранных дел государств — участников Варшавского Договора, которое и было проведено в июне 1970 г. в Будапеште. Министры разработали новые предложения, которые были изложены в меморандуме, разосланном всем европейским странам, США и Канаде.

На протяжении всего XX в. Европа была ареной столкновений крупнейших мировых держав. В ней возникли две мировые войны. После Второй мировой войны она стала центром противостояния двух социально-политических систем, обладавших смертоносным оружием, которое было способно уничтожить жизнь на Земле. От степени напряженности их взаимоотношений в этом регионе зависела судьба человечества. Великобритания, Франция и Германия, значительно утратившие свои

позиции как мировые державы в годы войны и послевоенный период, сохранили достаточный потенциал для влияния на международные отношения. От их внутренней и внешней политики во многом зависела разрядка международной напряженности в Европе, ставшей центром столкновения интересов капиталистического и социалистического лагерей.

Великобритания с подписанием Атлантической хартии в 1941 г. стала «особым партнером» Соединенных Штатов. Во внешней политике Великобритании после Второй мировой войны возобладала тенденция к сохранению и укреплению военно-политического союза с США. Британское правительство активно содействовало принятию «плана Маршалла» странами Западной Европы. Оно явилось инициатором создания Западного союза, который был оформлен подписанием Брюссельского пакта 17 марта 1948 г. Англия рассчитывала использовать этот военно-политический блок для обеспечения своей руководящей роли в европейских делах. В 1949 г. Западный союз фактически был поглощен Североатлантическим блоком, членом которого стала Великобритания.

После Второй мировой войны она, как правило, поддерживала военные интервенции США в различных регионах мира, приняла участие в войне в Корее (1950–1953). В 1954 г. Великобритания не возражала против вступления своих доминионов — Австралии и Новой Зеландии — в Организацию Юго-Восточной Азии (СЕАТО) в качестве самостоятельных членов, а в 1955 г. — подконтрольного ей Ирака в организацию Багдадского пакта (впоследствии СЕНТО). Как младший партнер, Великобритания не оказала существенного сопротивления выдвигавшему ее Соединенными Штатами из Греции и Турции («доктрина Трумэна») и с Ближнего Востока (после Суэцкого кризиса). Хотя во время Карибского кризиса Дж. Кеннеди советовался с британским премьер-министром больше, чем с другими европейскими лидерами.

В то же время именно Черчилль, став премьер-министром, был инициатором возобновления сотрудничества держав-победительниц. Возможность для продуктивного взаимодействия представилась в 1954 г., когда по инициативе СССР и при поддержке Великобритании в Женеве состоялось междуна-

родное совещание глав правительств по вопросу о положении в Индокитае. В результате военные действия в регионе прекратились. В 1955 г. по инициативе британского руководства во главе с Э. Иденом прошла встреча на высшем уровне с участием СССР, Британии, США и Франции, а в следующем году Хрущев посетил Лондон. В 1959 г. премьер-министр Г. Макмиллан совершил визит в Москву и потратил немало усилий для организации встречи Хрущева с Д. Эйзенхауэром, которая годом позже сорвалась из-за скандала вокруг американского самолета-шпиона U-2. Макмиллан стал первым британским премьером, взявшим курс на «наведение мостов» между Москвой и Вашингтоном в качестве посредника. Великобритания внесла немалую лепту в заключение в 1963 г. Соглашения о запрещении испытания ядерного оружия в трех сферах. Однако по мере того, как сверхдержавы вырабатывали механизм прямого общения, они все реже нуждались в посреднических услугах, а среди европейских столиц Москва все чаще отдавала предпочтение Парижу и Берлину. Великобритания активно содействовала ремилитаризации Западной Германии и ее включению в НАТО [55].

Тесное сотрудничество Великобритании и США в области создания атомного оружия началось еще в годы Второй мировой войны. Но за несколько месяцев до ее окончания британским руководством было принято решение начать разработку и производство собственного атомного оружия, так как оно опасалось установления Соединенными Штатами монополии на его производство. После некоторого охлаждения во взаимодействии в этой области в январе 1948 г. было подписано американо-британское соглашение. В нем предусматривались отказ Великобритании от права вето на применение атомного оружия и разрешение США приобретать две трети урана, производимого в бельгийском Конго и Южной Африке. В свою очередь, Соединенные Штаты обязались передать дополнительную информацию по реакторам, производству плутония и методам обнаружения атомных взрывов. В том же году британское правительство дало согласие на размещение в Великобритании американской авиации, несущей на борту атомные бомбы. Тем самым правящие круги Великобритании признали ограничен-

ность своих возможностей по проведению независимой политики в военной области.

Однако в 1952 г. была предпринята попытка ускорить развитие национальных ядерных сил как самый дешевый способ обеспечения безопасности Великобритании. С середины 1950-х гг. в рамках американской концепции «гарантированного уничтожения» перед британскими ВВС была поставлена задача готовиться к нанесению ударов по городам. А в апреле 1955 г. вошла в строй первая эскадрилья средних бомбардировщиков — носителей ядерного оружия «Вэлиент». В середине 1957 г. на боевое дежурство заступила первая эскадрилья тяжелых бомбардировщиков-носителей — «Вулкан». В феврале 1958 г. было подписано соглашение между США и Англией о размещении на английской территории американского ракетного оружия. Хотя в соглашении оговаривалось, что решение о боевом применении ракет должно приниматься совместно двумя правительствами, интересы Великобритании не были гарантированы, так как хозяином ядерных складов оставались США. В конце 1950-х гг. зона действий британской авиации распространилась на весь Европейский театр войны.

В 1960 г. британское правительство предоставило американским атомным подводным лодкам базу в заливе Холи-Лох, близ Глазго. Британским морским командованием был поставлен вопрос о создании собственного морского компонента стратегических ядерных сил. В связи с этим было достигнуто в 1962 г. соглашение в Нассау между Г. Макмилланом и Дж. Кеннеди о поставке британским ВМС ядерных баллистических ракет морского базирования «Посейдон-3». Британия фактически отказалась от статуса независимой ядерной державы. Своими силами англичане строят подводные лодки (в том числе атомные) и ядерные боеголовки, но баллистические и крылатые ракеты для них, системы наведения и разведывательную информацию о возможности их применения получают от американцев. Нацеливание британских ракет осуществляется в соответствии с Перечнем целей США. Более того, ни одно решение о запуске ракет не может быть принято без согласия Вашингтона. В конце 1960-х гг. бомбардировщики — носители британских ВВС стали предназначаться для использования при выполнении

Дальний бомбардировщик «Вэлиент»

оперативно-тактических задач. С 1967 г. в строй британских ВМС стали поступать подводные ракетоносцы «Резолюшн», а с 1971 г. начали боевое патрулирование в Норвежском море атомные подводные лодки с ядерными ракетами.

Экономика Великобритании в результате Второй мировой войны оказалась ослабленной. Только в 1948 г. британская промышленность достигла и превзошла довоенный уровень выпуска продукции, а в 1951 г. производство превысило почти на одну треть показатели 1937 г. В 1951–1952 гг. сельскохозяйственное производство увеличилось на 50% по сравнению с довоенным уровнем, но больше половины потребностей в продовольствии Великобритания по-прежнему покрывала за счет импорта. К концу 1964 г. Великобритания столкнулась с возрастающей японской и западногерманской конкуренцией на мировых рынках. По объему промышленной продукции и по экспорту ФРГ вырвалась вперед и к началу 1960-х гг. и заняла второе место в капиталистическом мире, оттеснив Великобританию на третье место. Расширились масштабы проникновения американского капитала в английскую экономику. Однако по размерам заграничных капиталовложений Великобритания занимала второе место среди капиталистических стран.

Серьезным конкурентом Великобритании на мировом капиталистическом рынке выступило Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), созданное в 1957 г. В противовес ему Великобритания образовала в 1960 г. под своей эгидой Европейскую ассоциацию свободной торговли (ЕАСТ). Членами этого международного союза также стали Швеция, Норвегия, Дания, Швейцария, Португалия, Австрия. Руководство британских монополий полагало, что с созданием ЕАСТ оно укрепит свои экономические позиции и добьется усиления конкурентоспособности своих товаров. Однако ЕАСТ оказалась неспособной эффективно бороться против общего рынка. В 1967 г. британское правительство официально обратилось с просьбой о приеме Великобритании в общий рынок при условии внесения ряда поправок в Римский договор о создании ЕЭС, а также учета членами Шестерки ее особых интересов. Вопрос о приеме Великобритании в общий рынок вызвал разногласия в ЕЭС, которое потребовало от британского правительства безоговорочного принятия на себя всех обязательств, вытекающих из Римского договора. Никаких конкретных решений в 1960-х гг. так и не было принято. Дважды вынесенное вето генерала де Голя, называвшего Британию «троянским конем» США в Европе, оставило наглухо закрытыми двери ЕЭС для Великобритании. Тем не менее Великобритания активизировала свою политику в Европе и деятельность в НАТО, рассчитывая утвердить в будущем свои ведущие позиции в западной части континента при сохранении «особых» отношений с США. Только третья попытка Великобритании поступить в ЕЭС в 1971 г. увенчалась успехом. В январе 1972 г. был подписан договор об условиях присоединения к ЕЭС, а с 1 января 1973 г. вместе с Данией и Ирландией Великобритания вошла в состав общего рынка. Если раньше Великобритания не раз брала на себя роль «связующего звена» в контексте отношений СССР — США, то теперь она переориентировалась на роль брокера между США и Западной Европой¹.

Франция присоединилась к державам-победительницам только в конце Второй мировой войны благодаря поддержке Ве-

¹ Gamble A. 2003. *Between Europe and America. The Future of British Politics.* Basingstoke; N. Y., 2003.

ликобритании. После ее освобождения от фашистской оккупации началась глубокая перестройка политической системы, сопровождавшаяся важными социально-экономическими реформами и перегруппировкой основных партийно-политических сил. Получив на выборах в Учредительное собрание в октябре 1945 г. наибольшее количество депутатских мандатов, коммунисты и социалисты добились принятия Конституции новой Четвертой республики. Реорганизация политического строя Франции в той форме, которая была предусмотрена Конституцией 1946 г., во многом не оправдала возложенных на нее задач. За 12 лет сменилось 45 правительств, было несколько длительных министерских кризисов. Этому способствовали сложные проблемы модернизации экономики и перестройки экономической структуры, обострение социальных противоречий, распад колониальной системы и колониальные войны. В 1947 г. возникла голлистская партия «Объединение французского народа» (РПФ). Она выступила с требованием создания сильной исполнительной власти, способной возвыситься над «партийной чехардой». Обострение политической обстановки и отход от основных принципов Конституции 1946 г. привели в конечном итоге к падению Четвертой республики и ее замене в 1958 г. Пятой республикой.

В мае 1958 г. в обстановке военного мятежа в Алжире парламент призвал к власти генерала де Голля и наделил его правительство чрезвычайными полномочиями не только в исполнительной, но и в законодательной сфере. Помимо этого он получил право принимать чрезвычайные меры по своему усмотрению. К 1958 г. на французской территории размещались американские военные базы, а также руководящие органы НАТО. Часть французских войск была выделена в состав сил НАТО под американским командованием. Из-за боязни быть втянутой в чуждый ее интересам конфликт, Франция вышла из НАТО. Де Голль считал, что любое государство должно само обеспечивать свою национальную оборону. Он полагал, что в дальнейшем все страны Западной Европы должны были восстановить суверенитет, ограниченный влиянием США. Выходя из военной организации НАТО, де Голль учитывал, что между Францией и странами ОВД есть ФРГ, где расположены

американские войска, то есть страна была защищена в случае обычной войны. В Европе и мире был стратегический баланс, а в ФРГ — стабильность.

В 1960-х гг. политика Франции в отношениях с СССР стала резко отличаться от политики США. В ней преобладала идея разрядки напряженности. У Франции не было никаких прямых споров с СССР. Де Голль считал, что «режимы уходят, а народы остаются». Военного соперничества между Францией и СССР также не было. К идее разрядки де Голля подвиг ряд соображений: восстановление французского величия, ослабление блокового противостояния, так как оно было инструментом влияния СССР и США в Европе; расширение французского влияния в Европе; снижение опасности войны, перемещение центра потенциального конфликта из Европы. Разрядка помогла бы преодолеть послевоенный раскол в Европе, а ослабление противостояния блоков было бы стабилизирующим фактором на случай конфликта с Германией. К тому же был широко известен антиамериканизм де Голля. И Париж, и Москва были не согласны с предоставлением ФРГ ядерного оружия. Среди причин, препятствовавших сближению Франции и СССР, были: осуждение Парижем тоталитарной системы; принадлежность Франции к НАТО; политическое непризнание ГДР; поддержка блокового противостояния как такового (по мнению де Голля, Североатлантический блок следует заменить западноевропейским); стремление к снижению влияния СССР в Европе; оппозиция курсу СССР в развивающихся странах. Вообще же в своей внешней политике де Голль опирался на СССР в борьбе с влиянием США и на США — в борьбе с влиянием СССР.

В 1965 г. де Голль объявил о новом политическом курсе в отношениях с социалистическими странами и выдвинул тезис «о Европе от Атлантики до Урала». В 1966 г. он посетил Москву, где высказал пожелание строить новые отношения со странами Восточной Европы и не противопоставлять связи с Восточной Европой связям с СССР. В том же 1966 г. состоялся ответный визит Косыгина во Францию, развивавший идеи разрядки. Сотрудничая с СССР и выходя из военной организации НАТО, Франция все же подчеркивала важность Североатлантического договора. В 1963 г. Париж не подписал договора о частичном

запрете ядерных испытаний. Франция стремилась иметь свои войска в ФРГ, не спешила с уходом США из Западной Европы. В 1968 г. после ввода СССР и странами ОВД войск в Чехословакию, Франция, осудив его, не отказалась от разрядки (Париж понял, что конфронтация окончательно разделит Европу на сферы влияния США и СССР). В 1968 г. были подписаны новые советско-французские соглашения о сотрудничестве.

Франция видела в разрядке международной напряженности путь быстрых демократических преобразований в Восточной Европе и в СССР. Он полагала, что сближение Востока и Запада последует вследствие роста взаимосвязей в мире и повсеместной демократизации. Французский подход к разрядке был весьма рациональным. Она заключила ряд договоров о научно-техническом сотрудничестве с Советским Союзом. Отсутствовало франко-советское соперничество в сфере военно-промышленного комплекса. 22 июня 1977 г. Франция и СССР подписали «Совместное заявление о разрядке международной напряженности». Основная мысль этого документа — отказ от политики недоверия и блоковой политики. Французское руководство придерживалось курса на укрепление европейских стран, не поддерживало политику США по «сдерживанию» СССР на глобальном уровне и в развивающихся странах. В то же время оно опасалось снижения решимости США отстаивать общие интересы Запада.

Быстрое восстановление и развитие экономики в Западной Германии и частично в Австрии после Второй мировой войны получило название «Немецкого экономического чуда». Германия во Второй мировой войне была разрушена не только тотальными бомбардировками, но и в результате реализации «плана Моргентау», который предусматривал уничтожение возможности немцев вести войны. Он означал полное разоружение немецкой армии, включая полную ликвидацию и уничтожение любых материалов, используемых в военных целях. Следующим этапом должно было стать уничтожение всей немецкой военной промышленности и ликвидация других отраслей, так или иначе связанных с военно-промышленным комплексом. Согласно плану, который был подписан в 1946 г., было предусмотрено, что немецкая тяжелая промышленность должна была быть

переведена в режим выпуска продукции, достигающей 50% объемов выпуска 1938 г. По мнению авторов плана, это должно было гарантировать, что немецкая экономика не сможет восстановиться до предвоенного уровня ранее, чем через 100 лет. В марте 1947 г. действие «плана Morgenthaу» было прекращено. Вместо него был подготовлен «план Маршалла».

«План Маршалла» предусматривал средства на приобретение станков и оборудования в США. Экономическое чудо запустил министр (позже канцлер) Л. Эрхард введением новых и никогда ранее не применявшихся экономических ограничений. Их сущностью было: 100%-ное обложение налогами прибыли и дивидендов в том случае, если они не направлялись на новые инвестиции; 95%-ное обложение налогами всех доходов, превышающих 6000 немецких марок в год (позже эта сумма была увеличена до 25 тыс.). Это обеспечивало полную занятость, которая сохранялась до 1970-х гг. На одного безработного приходилось четыре свободных рабочих места. В конце концов Германия расплатилась со всеми долгами, включая репарации, в июне 1971 г. Начиная с 1953 г. Западная Германия являлась одной из самых сильных держав в мире. И эту позицию сохраняет до сегодняшнего дня.

Разделение Германии на оккупационные зоны по решению Ялтинской конференции навсегда должно было отбить у нее охоту к мировому господству после неудавшихся попыток в 1914 и 1939 гг. На Потсдамской конференции (с 17 июля по 2 августа 1945 г.) был достигнут консенсус лишь по сохранению четырех оккупационных зон в виде экономических и политических единиц. Им была задана привязка четырех зон к различным политическим и экономическим системам, что привело к тому, что холодная война проявлялась в Германии острее, чем где бы то ни было в мире. Дуэль господствующих систем на Востоке и Западе, а также весьма различное проведение репарационной политики в отдельных зонах привели к блокаде общегерманской финансовой, налоговой, сырьевой и производственной политики, следствием которой явилось совершенно различное развитие регионов.

В 1947 г. в Западной Германии развернулась работа по созданию «социального рыночного хозяйства». Эта экономическая

цель была дополнена в боннском Основном законе принципом правового и социального государства, а также федеративной структуры республики. Причем конституция сознательно именовалась Основным законом, чтобы подчеркнуть ее временный характер. Окончательная конституция должна была быть принята только после восстановления единства Германии. Основной закон в сочетании с «экономическим чудом» использовался для получения германских прав на участие в мировой политике и политическое влияние. В июле 1951 г. Великобритания, Франция и США объявили об окончании состояния войны с Германией. СССР последовал этому 25 января 1955 г.

Основой внешней политики Западной Германии стали западная интеграция и европейское взаимопонимание. Высшей политической целью было воссоединение Германии при сохранении мира и свободы. Обязательным условием этого было включение Западной Германии в Атлантическое сообщество. Поэтому с приобретением Федеративной Республикой Германии суверенности 5 мая 1955 г. было осуществлено и ее вступление в НАТО. Параллельно шло формирование Европейских сообществ (Римские соглашения, 1957 г.). Первый западногерманский канцлер Аденауэр считал необходимым присутствие американских войск на немецкой земле в целях защиты. Трезвый государственный расчет побудил его установить с СССР, крупнейшей державой в Европе, дипломатические отношения в сентябре 1955 г.

После Карибского кризиса 1962 г. западногерманскому правительству пришлось интенсивнее заниматься поисками своего пути во внешней политике, а временное похолодание отношений с Вашингтоном было компенсировано «летом французской дружбы». Заключив Елисейский договор в январе 1963 г., Аденауэр и де Голль придали германо-французской дружбе особую значимость. Чтобы подчеркнуть новое качество двухсторонних отношений, французский президент во время своего визита в Бонн (1962) выступил с речью, где высказался о «великом немецком народе». Как сказал генерал, Вторую мировую войну следует рассматривать скорее в аспекте трагедии, нежели вины.

Политика взаимопонимания с Западом переключалась с прояснением обстановки в отношениях с Восточной Европой. Чтобы

как-то сдвинуться с устоявшихся позиций, Федеративная Республика Германия стремилась улучшить отношения, по крайней мере с государствами, находящимися на подступах к СССР. Не отказываясь официально от дипломатического признания ГДР, преемники Аденауэра Людвиг Эрхард и Курт Георг Кизингер строили свою политику исходя из жестких реальностей в Центральной Европе. Учреждение германских торговых миссий в Бухаресте и Будапеште считалось обнадеживающим началом. Установление дипломатических отношений с Израилем вопреки панарабскому протесту было важным шагом в германской политике взаимопонимания. В начале 1967 г. Бонн установил дипломатические отношения с Румынией. В июне 1967 г. были учреждены торговые миссии в Бонне и Праге. В 1967 г. Бонн и Белград восстановили дипломатические отношения, прерванные из-за признания Белградом ГДР. Начавшийся процесс разрядки не претерпел каких-либо значительных изменений, несмотря на «доктрину Брежнева» о неделимости социалистических территорий и то, что Варшавский пакт пресек «Пражскую весну». В апреле 1969 г. Бонн заявил о своей готовности к соглашениям с ГДР, не переходя к ее признанию на основе международного права. Появились очертания так называемой новой восточной политики правительства ФРГ. Бонн и Восточный Берлин также искали пути к лучшему взаимопониманию. 19 марта 1970 г. в Эрфурте впервые состоялась встреча глав правительств обоих немецких государств В. Брандта и В. Штофа. Встреча была продолжена 21 мая 1970 г. в Касселе. В августе 1970 г. в Москве был подписан Договор о взаимном неприменении силы и признании статус-кво в Европе. Обе стороны заверили, что территориальных притязаний у них нет «ни к кому». Германия отмечала, что Договор не противоречит цели содействовать состоянию мира в Европе, «в котором немецкий народ вновь обретет единство по праву свободы самоопределения». 7 декабря этого же года было подписано Варшавское соглашение, в котором подтверждалась неприкосновенность существующей границы (по линии Одер — Нейсе). Варшава и Бонн заверили, что у них друг к другу нет никаких территориальных притязаний, и объявили о намерении улучшить сотрудничество между обеими странами. В 1973 г. был подписан Пражский договор

На улицах Праги. 1967 г.

между Чехословакией и Федеративной Республикой Германией. В нем записано, что «согласно настоящему договору», Мюнхенское соглашение 1938 г. признается недействительным.

Восточные договоры были наконец дополнены и завершены немецко-немецким Договором об основах отношений, по которому проводились встречи и переговоры с июня 1972 г. После повторного избрания Брандта федеральным канцлером 14 декабря 1972 г. был открыт путь к подписанию договора в декабре того же года. Стороны зафиксировали в Договоре отказ обеих сторон от угрозы силой и ее применения, а также неприкосновенность немецко-немецкой границы и уважение независимости и самостоятельности обоих государств. В связи с особым качеством их отношений они договорились об учреждении «представительств» вместо обычных посольств. При заключении договора от правительства Федеративной Республики Германии было передано письмо, в котором подчеркивалась воля к единству. То, что договор не находился в противоречии с этой

целью, было подтверждено Федеральным конституционным судом по запросу правительства Баварской республики. Вместе с тем суд констатировал, что по международному праву Германская империя продолжает существовать и частично идентична с Федеративной Республикой Германией, а ГДР не считается за границей, но частью страны. Чтобы обеспечить ратификацию соглашения, Франция, Великобритания, США и СССР подписали Берлинское соглашение, по которому Берлин не являлся конституционной частью Федеративной Республики Германии, но одновременно признавались за Бонном представительские полномочия по Западному Берлину [47, с. 133–135].

С начавшейся в середине 1970-х гг. разрядкой международной напряженности создались благоприятные условия для проведения союзниками США более независимых политических курсов. Произошел кризис традиционного атлантизма. Ослабление уровня конфронтации способствовало развитию центробежных тенденций в Североатлантическом союзе. Эволюция американско-западноевропейских отношений выразилась в переходе от «американской опеки» Западной Европы со стороны США к «зрелому партнерству» более равноправного характера [56]. Американское руководство видело сложность в том, что осознание угрозы их западноевропейских союзников ослабло, и возникло много новых проблем, что просто общая оборона сама по себе оказалась недостаточной, чтобы цементировать единство членов союза [57]. В концепции «зрелого партнерства» отразились реалии разрядки. Выход Франции из военной организации Североатлантического союза свидетельствовал об обострении противоречий внутри блока и прежде всего между США и их западноевропейскими союзниками. Хронические валютные кризисы, подорвавшие положение доллара, социальные потрясения в американском обществе на фоне непрерывного роста экономического потенциала стран Западной Европы, в частности членов общего рынка, несколько ослабили позиции Соединенных Штатов в Организации Североатлантического договора. В 1972 г. впервые в XX в. торговый баланс Соединенных Штатов с западноевропейскими странами был сведен с дефицитом. Страны Западной Европы были больше, чем США, заинтересованы

в налаживании добрососедских отношений с Советским Союзом и странами Восточной Европы.

Концепция «зрелого партнерства» получила дальнейшее развитие в так называемой двойной функции НАТО — силы и разрядки. Впервые она была сформулирована в докладе тогдашнего генерального секретаря Армеля «Будущие задачи союза», одобренном на сессии Совета Североатлантического союза в декабре 1967 г. В нем предлагалось рассматривать военную политику НАТО и разрядку международной напряженности как две стороны единого процесса. Вытекающая из этого симбиоза политическая стратегия блока получила название «доктрины двух опор — силы и разрядки», или «доктрины Армеля».

С учетом мирных настроений в Европе в мае 1972 г. сессия Совета НАТО приняла решение включиться в многосторонние предварительные переговоры в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). Американское военно-политическое руководство, обеспокоенное состоянием американско-западноевропейских отношений во внешнеполитической деятельности, сосредоточило основные усилия на европейских проблемах, объявив 1973 г. «годом Европы». В целях укрепления своих позиций в Североатлантическом союзе США решили воспользоваться 25-летним юбилеем НАТО. Намечалось в торжественной обстановке провести в апреле 1974 г. заседание высших руководящих органов и подписать «Атлантическую хартию», заново излагавшую цели и задачи блока. Предложения по новой «Атлантической хартии» были выдвинуты Соединенными Штатами в апреле 1973 г. В американском проекте устанавливалась взаимосвязь между американскими военными обязательствами и политикой общего рынка. Связывая политические, экономические и военные проблемы, американцы надеялись добиться уступок со стороны общего рынка по торгово-экономическим вопросам. Однако отрицательная позиция основных западноевропейских стран и прежде всего Франции по многим аспектам американского проекта вынудила США отказаться от попыток форсировать подписание новой «Атлантической хартии».

Только в середине 1974 г. был согласован текст документа, регулирующего отношения между США и западноевропейскими странами НАТО. На июньской (1974 г.) сессии Совета НАТО

была парафирована Декларация об атлантических отношениях. Ее подписали главы государств и правительств стран — участниц Альянса 26 июня 1974 г. В декларации подтверждалась необходимость дальнейшего присутствия в Европе американских войск и ядерных средств, а также увеличения вклада западноевропейских государств в военные приготовления НАТО. Наиболее спорный пункт декларации о консультациях по применению военной силы был сформулирован в нейтральных выражениях. В нем говорилось о готовности участников блока проводить консультации по всем вопросам. Франция считала, что они должны охватывать лишь политические и стратегические проблемы. Для укрепления политического единства стран — участниц союза с учетом подписанной декларации руководство блока предприняло ряд шагов по расширению сферы деятельности НАТО. Соединенные Штаты в связи с этим выдвинули предложение придать Североатлантическому союзу «третье измерение» и включить в сферу деятельности блока, наряду с политическими и военными проблемами, социальные вопросы. Но эта американская инициатива поддержки не нашла.

Руководство США и НАТО предприняло попытки активизировать в любой форме деятельность блока в целом за пределами зоны его ответственности, то есть вне границ стран — участниц союза. Это было вызвано серьезными трениями среди участников блока в связи с советско-американскими консультациями по урегулированию ближневосточного конфликта в 1973 г., а также тем, что Соединенные Штаты в одностороннем порядке привели свои войска в Европе в состояние повышенной боевой готовности без консультаций со своими союзниками по НАТО. Последнее подтвердило опасения Франции о возможности втягивания в американскую войну без ведома французского правительства. Кроме того, недовольство военно-политического руководства западноевропейских стран данная американская акция вызвала тем, что поставила под угрозу безопасность их государств, тогда как очаг конфликта находился за пределами зоны ответственности Североатлантического союза. В целях повышения заинтересованности стран блока в расширении зоны ответственности НАТО было признано целесообразным, в частности, усилить политическое и экономическое проник-

новение государств Североатлантического союза, в дополнение к Великобритании, Франции и США, в арабские страны Ближнего Востока. Изучалась возможность расширения всех форм сотрудничества НАТО с Мальтой, был поставлен вопрос о принятии в блок при благоприятных условиях Испании.

С 22 октября начались консультации по подготовке Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). Сложность и необычность задач консультаций, сложность состава их участников, отсутствие опыта подобных многосторонних и многоплановых переговоров в прошлом создавали естественные трудности, особенно в самом начале консультаций. Это требовало от всех участников, включая Правительство Финляндии, которое взяло на себя организаторские функции, терпеливой и тонкой дипломатической работы, чтобы удовлетворить запросы всех представителей — как малых стран, нередко впервые участвующих в подобном международном форуме, так и большинства средних и больших государств, имеющих свои традиции и опыт международных переговоров. Это было необходимо для успешного выполнения поставленных перед консультациями задач, которые проводились к тому же под пристальным наблюдением правительств, европейской и мировой общественности.

Первый процедурный вопрос, возникший уже в первые же дни проведения консультаций, касался порядка принятия решений как на самих консультациях, так и на предстоящем совещании. После всестороннего обсуждения этого вопроса между делегациями стран и на пленарном совещании было единодушно утверждено решение о принятии решений на основе консенсуса. Консенсус определялся как отсутствие какого бы то ни было возражения, высказанного каким-либо представителем и выдвигаемого им как препятствие для принятия решения по рассматриваемому вопросу. Значение этого положения выходило далеко за пределы правил процедуры. Оно означало признание абсолютного равенства всех участников совещания — представителей любой малой или крупной страны в принятии решений по любому вопросу. Это означало необходимость полного согласования любой формулы, любой фразы, любого слова и знака препинания в принимаемом решении с каждым из участников совещания. Это полностью исключало любую попытку навязывания того или иного решения

кому бы то ни было и создавало атмосферу подлинного равноправного сотрудничества в выработке каждого решения, которое будет являться законом в отношениях между государствами европейского континента. Разумеется, такой порядок принятия решений несколько замедлял согласование и принятие решений по каждому вопросу уже на самих консультациях, но зато обеспечивал принятому на совещании решению необходимый международный авторитет и вес.

В правилах процедуры, принятых на консультациях в Хельсинки, было зафиксировано еще одно важное принципиальное положение о том, что все страны, принимающие участие в Совещании, участвуют в нем как суверенные и независимые государства и в условиях полного равенства. Совещание проводится вне военных союзов. Этим положением были подчеркнуты, с одной стороны, самостоятельная роль и независимый статус любого участника совещания, а с другой — общеевропейский характер совещания, независимо от военных союзов, имеющих в Европе. Важным с точки зрения характера работы совещания и его рабочих органов было принятие на консультациях правил процедуры, согласно которым заседания, посвященные открытию и закрытию первого и третьего этапов совещания, а также другие заседания, если министры примут такое решение, будут открытыми, а заседания Координационного комитета, комиссий и подкомиссий, то есть рабочих органов совещания, как правило, будут закрытыми. Такой порядок работы совещания обеспечивал необходимую гласность в изложении принципиальных позиций государств по основным вопросам и в то же время облегчал свободное и откровенное обсуждение всех деталей при выработке решений и документов совещания. Как показал опыт, этот порядок работы вполне оправдал себя.

Выработка повестки дня совещания и расшифровка основного содержания каждого пункта потребовали огромной и кропотливой работы всех участников консультаций. В ходе дискуссий как на пленарных заседаниях, так и в рабочих комиссиях выявились прежде всего неодинаковые подходы различных групп государств, отдельных государств к одним и тем же вопросам, продиктованные традициями холодной войны или узко политическими расчетами определенных группировок государств,

препятствовавших общеевропейскому сотрудничеству и пытавшихся сохранить и увековечить блоковые позиции. Были и попытки навязать определенные политические концепции в принципах отношений между государствами и в организации внутренней жизни государств под прикрытием своего понимания положений о свободе личности, правах человека и т. п. Не обошлось и без попыток своеобразного политического шантажа путем предъявления явно неприемлемых требований и последующей торговли в духе того, что мы вам уступим, мол, кое в чем в пункте о принципах отношений между государствами, если вы откроете ваши границы и предоставите полную свободу информации и контактов между людьми через границу.

В течение почти семи месяцев консультаций, с 22 ноября 1972 г. по 8 июня 1973 г., шла непрерывная дипломатическая борьба в трех рабочих комиссиях и на пленарных заседаниях. В результате трудоемкой работы повестка дня была согласована в следующем виде: вопросы, относящиеся к безопасности в Европе; сотрудничество в области экономики, науки и техники, защиты окружающей среды; сотрудничество в гуманитарных и других областях; дальнейшие шаги после совещания. По каждому из вопросов повестки дня были согласованы задания для рабочих комиссий и подкомиссий. По первому пункту были сформулированы 10 принципов отношений между государствами, среди которых — принципы суверенного равенства, неприменения силы, нерушимости границ, территориальной целостности государств, невмешательства во внутренние дела и др. Совещание было решено провести в три этапа: первый — в Хельсинки на уровне министров иностранных дел; второй — в Женеве на уровне, который будет определен каждым правительством, и третий — в Хельсинки, уровень которого будет определен позднее.

С 3 по 7 июля 1973 г. в Хельсинки был проведен первый этап общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству с участием 35 министров иностранных дел европейских государств, США и Канады. Совещание одобрило разработанные на консультациях в Хельсинки рекомендации, и министры всех стран — участниц совещания выступили с изложением позиций их правительств по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе. Итоги первого этапа совещания вместе с хельсинк-

скими заключительными рекомендациями заложили солидную основу для работы на втором и третьем этапах совещания и для подготовки решений, которые были призваны оздоровить всю обстановку в Европе и укрепить ее безопасность и всестороннее сотрудничество государств — участников совещания.

С 29 августа по 3 сентября 1973 г. в Женеве начал работать Координационный комитет для организации работы второго этапа совещания, а с 18 сентября приступили к работе все рабочие органы совещания. В течение почти двух лет (со второй половины 1973 до середины июля 1975 г.) в Женеве продолжалась работа второго этапа совещания, когда более 500 экспертов-дипломатов из 35 стран Европы, США и Канады были заняты выработкой решений по всем вопросам утвержденной повестки дня совещания. Они действовали на основе хельсинкских рекомендаций, в которые, однако, делались попытки внести нередко существенные изменения в духе возврата к холодной войне. В соответствии с принятой повесткой дня были созданы три комиссии: по вопросам безопасности в Европе, по вопросам сотрудничества в области экономики, науки и техники и окружающей среды, по вопросам сотрудничества в гуманитарных и других областях. В каждой из комиссий работали подкомиссии (в первой — три подкомиссии, во второй — пять подкомиссий, в третьей — четыре подкомиссии). Иногда создавались отдельные рабочие группы для рассмотрения конкретных вопросов.

В течение всего второго этапа совещания периодически собирался Координационный комитет, который координировал деятельность комиссий и обобщал результаты их работы для заключительного этапа совещания. Он рассматривал также вопрос о дальнейших шагах после совещания и все вопросы, связанные с третьим этапом совещания. В общей сложности работа второго этапа продолжалась 22 месяца и 17 дней. Чтобы представить себе характер и трудности обсуждения всех вопросов, достаточно указать, что для согласования только одного раздела Заключительного акта совещания — Декларации о принципах — было проведено около 250 заседаний соответствующей подкомиссии.

В результате этой длительной дипломатической работы, не имевшей прецедента в прошлом, удалось согласовать, несмо-

тря на различные первоначальные подходы к решению целого ряда важных конкретных вопросов, общий документ — Заключительный акт совещания, который и был подготовлен для подписания высшими руководителями 35 государств Европы, США и Канады.

В Заключительном акте было согласовано, что все принципы имеют первостепенную важность и, следовательно, они будут одинаково и неукоснительно применяться при интерпретации каждого из них с учетом других. Первостепенная важность каждого из принципов видна из ознакомления, например, с таким принципом, как нерушимость границ, которые сложились в результате Второй мировой войны. Поскольку все войны в Европе были связаны в той или иной мере с претензиями на те или иные территории, то есть с посягательствами на границы, принятие этого принципа всеми европейскими государствами, США и Канадой является важнейшим шагом к надежному обеспечению мира в Европе. При формулировании принципа о суверенных правах государств было согласовано, что их границы могут изменяться в соответствии с международным правом, мирным путем и по договоренности. Такая трехчленная формула полностью гарантирует соблюдение принципа нерушимости границ. В других разделах Заключительного акта совещания были определены основные направления сотрудничества в различных областях экономики, науки, техники, защиты окружающей среды, образования, информации, контактов между отдельными людьми, учреждениями и организациями, а также сформулированы возможные формы, масштабы и пути этого сотрудничества. Можно сказать, что в этих разделах дана широкая программа равноправного и взаимовыгодного сотрудничества государств в интересах укрепления мира и подъема благосостояния и культуры народов Европы.

В середине июля 1975 г. основная работа была завершена, и была окончательно определена дата начала третьего этапа совещания, который было признано целесообразным провести на высшем уровне.

Заключительный акт был принят в Хельсинки 1 августа 1975 г. Под ним поставили подписи представители Австрии, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Германской Демократической

*Совещание по безопасности и сотрудничеству
в Европе. Хельсинки, 1 августа 1975 г.*

Республики, Федеративной Республики Германии, Греции, Дании, Ирландии, Исландии, Испании, Италии, Канады, Кипра, Лихтенштейна, Люксембурга, Мальты, Монако, Нидерландов, Норвегии, Польши, Португалии, Румынии, Сан-Марино, Святейшего Престола, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Турции, Финляндии, Франции, Чехословакии, Швейцарии, Швеции и Югославии.

Во время начального и заключительного этапов совещания перед его участниками в качестве почетного гостя выступил Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций. В ходе второго этапа совещания внесли свои вклады Генеральный директор ЮНЕСКО и Исполнительный секретарь Европейской экономической комиссии ООН. Во время заседаний второго этапа совещания были сделаны также предложения по различным пунктам повестки дня представителями средиземноморских государств, не участвующих в СБСЕ: Алжирской Народной Демократической Республики, Арабской Республики Египет, Израиля, Королевства Марокко, Сирийской Арабской

Республики, Тунисской Республики. Их выступления были направлены на содействие миру, безопасности, справедливости и сотрудничеству в Европе, на сближение с европейскими странами, а также с другими государствами мира, чтобы тем самым расширять, углублять и сделать поступательным и прочным процесс разрядки.

Заключительный акт включал семь разделов. В 1-м разделе «Суверенное равенство, уважение прав, присущих суверенитету» говорилось об уважении государствами — участниками суверенного равенства и своеобразия друг друга, а также права свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы, равно как и устанавливать свои законы и административные правила. Во втором разделе «Неприменение силы или угрозы силой» указывалось на необходимость воздерживаться в отношениях между странами-участницами, как и вообще в международных отношениях, от применения силы или угрозы силой против территориальной целостности или политической независимости любого государства. Третий раздел «Нерушимость границ» рассматривал все границы всех государств в Европе как нерушимые, поэтому страны-участницы будут воздерживаться сейчас и в будущем от любых посягательств на эти границы. В четвертом разделе «Территориальная целостность государств» формулировалось обязательство уважать территориальную целостность каждого из государств-участников. В соответствии с этим они будут воздерживаться от любых действий против территориальной целостности, политической независимости или единства любого государства-участника и в частности от любых таких действий, представляющих собой применение силы или угрозу силой. Пятый раздел «Мирное урегулирование споров» предусматривал разрешение споров между государствами-членами мирными средствами, таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность. В шестом разделе «Невмешательство во внутренние дела» государства-участники брали обязательство отказываться от любого вмешательства, прямого или косвенного, индивидуального или коллективного, во внутренние или внешние дела, входящие во внутреннюю компетенцию другого государства-участника. Седьмой раздел «Уважение прав

человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений» предусматривал поощрение и развитие эффективного осуществления гражданских, политических, экономических, социальных, культурных и других прав и свобод, которые вытекают из достоинства, присущего человеческой личности, и являются существенными для ее свободного и полного развития.

* * *

Разрядка международной напряженности стала возможной благодаря нескольким факторам. Американское руководство столкнулось с серьезными проблемами во внутренней и внешней политике. Поражение в войне во Вьетнаме и большие, по американским меркам, людские потери привели к серьезным социально-политическим потрясениям внутри страны. Огромные расходы на Вьетнамскую войну способствовали появлению бюджетного дефицита и повлекли отказ от золотого стандарта американского доллара, что не могло не сказаться на его позициях как международного платежного средства.

Усилилась экономическая и политическая консолидация стран Западной Европы. Они стали проводить более независимую внешнюю политику, учитывающую опасности для западноевропейских стран в случае втягивания их в военные столкновения по инициативе США. Возросла зависимость Западной Европы от поставок советских энергоносителей.

Советский Союз сумел достичь паритета с Соединенными Штатами в стратегических ядерных вооружениях. Реформа 1965 г. позволила развернуть ряд крупных строек. Стабилизировались отношения стран Организации Варшавского Договора с западноевропейскими государствами — членами НАТО.

4.3. Война в Афганистане

Афганистан — многонациональное государство. В стране проживало более 20 народностей трех основных этнических групп: пуштунской (афганской), иранской и тюркской. Пуштуны (афганцы) — доминирующая нация. До сих пор сохраняют

родоплеменную организацию. Часть пуштунов (около 3 млн человек) компактно расселена в так называемой зоне пуштунских племен вдоль юго-восточной границы с Пакистаном. Каждое племя в этой зоне имело свое вооруженное формирование. За свободу во все времена афганцы сражались с оружием в руках с чужестранцами, в межплеменных и других войнах. Любовь к отечеству сформулирована в пословице: «Родная земля дороже всего мира».

Афганистан с установлением советской власти в Средней Азии был объектом постоянного внимания СССР. Советская Россия была первой державой, признавшей государство Афганистан (27 марта 1919 г.) и установившей с ним дипломатические отношения. В то же время афганская территория использовалась басмаческими бандами для нападения на советские приграничные районы. Все протесты по дипломатической линии оставались без ответа.

Наибольшую активность в Афганистане в XIX–XX вв. проявляла Великобритания. Она развязала три англо-афганские войны (1838–1842 гг., 1878–1880 гг., 1919 г.). Все они заканчивались разгромом афганских регулярных войск и приходом к власти пробританского правителя. Но некоторое время спустя его свергли в результате партизанской войны или переворота. Последняя англо-афганская война завершилась дипломатическим признанием Великобританией Афганистана. После получения независимости Индией и Пакистаном в 1947 г. роль Великобритании уменьшилась. Ее постепенно начали вытеснять США, для чего был разработан план операции под кодовым названием «Гиндукуш». В 1955 г. Соединенные Штаты предприняли попытку включить Афганистан в Багдадский пакт. В ответ на отказ была прекращена американская военная и экономическая помощь.

Центральная власть в стране крайне слаба. Она не контролирует полностью всю территорию страны. Фактически Афганистан находится в условиях постоянного межэтнического конфликта. Верхние эшелоны власти раздирают межклановые противоречия, которые приводят к постоянным заговорам и переворотам. В качестве источников развития страны используются в основном иностранные займы и экономическая, в том

числе военно-техническая, помощь. Отсюда постоянное лавирование между СССР, США и западными странами, Китаем.

27 апреля 1978 г. к власти в Афганистане пришла Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА). Она представляла левое крыло афганской властной верхушки. НДПА была образована при активном участии КПСС 1 января 1965 г. Конечной целью программы партии определялось «построение социалистического общества на основе творческого применения общих революционных закономерностей марксизма-ленинизма».

Вскоре после образования Народно-демократической партии Афганистана началась борьба за лидерство между Н.М. Тараки и Б. Кармалем, приведшая к расколу в руководстве и партии в целом. Тараки возглавлял внутрипартийную фракцию «Хальк» («Народ»), а Кармаль — «Парчам» («Знамя»). Фракция «Хальк» стояла на леворадикальных позициях и склонялась к так называемому революционному бескомпромиссному социализму. Фракция «Парчам» выступала за союз с другими силами, участвовавшими в борьбе до захвата власти. Они стремились довести до населения страны понимание, что общество нуждается в радикальных переменах.

В политической жизни Афганистана НДПА противостояли многочисленные исламистские и племенные организации. Так, в 1971 г. с согласия правящей афганской династии сформировалось «Общество улемов Мухаммеда», получившее поддержку влиятельных религиозных авторитетов. Партию «Исламское общество», сочувствующую идеям радикальной международной организации «Братья-мусульмане», возглавил в 1973 г. один из самых авторитетных мусульманских богословов Б. Раббани. Пакистанское правительство уже в 1975 г. секретно обучало членов этой партии партизанским методам войны.

Вскоре после переворота в апреле 1978 г. в Афганистан по просьбе нового афганского руководства прибыли советские советники и консультанты для работы в партийных и государственных органах. Они включились в разработку программных партийных и государственных документов, планирование социально-экономического развития страны, проведение аграрной политики, становление силовых структур. В мае 1978 г. было подписано межправительственное соглашение о военных

советниках, которые заменили работавших с 1972 г. в афганских вооруженных силах консультантов. Советники пытались идти знакомым им путем, подталкивали афганцев копировать советский опыт. Но встретившись с чужими нравами, другим общественным строем и обычаями, советские советники терялись в простейших ситуациях и допускали просчеты, а иногда и ошибки.

Уже в июне 1978 г. начались вооруженные выступления против демократических и антифеодальных мероприятий центральной власти в ряде провинций. Их возглавили помещики, компрадорская буржуазия и консолидировавшееся с ними высшее исламское духовенство. Для достижения своих целей они использовали практически сплошную неграмотность населения, сложные межнациональные и племенные противоречия, религиозный фанатизм и национализм. Руководство НДПА не придало большого значения такому повороту событий. Оно считало, что легко сможет подавить очаги сопротивления.

Использование вооруженных сил для борьбы с выступлениями повлекло жертвы среди мирного населения, разрушение кишлаков, уничтожение урожая. Мятёжное движение постепенно стало расширяться. Стихийное сопротивление сельского населения приобрело организованный характер, приняло исламскую окраску. Карательные мероприятия вызвали поток беженцев в соседние страны. Пакистан стал основной базой внешней оппозиции. К апрелю 1978 г. на пакистанской территории действовали центры двух основных фундаменталистских оппозиционных организаций — «Исламской партии Афганистана» (ИПА) под руководством Г. Хекматиара и «Исламского общества Афганистана» (ИОА), возглавляемого Б. Раббани.

На пакистанской территории, вблизи пограничных с Демократической Республикой Афганистан населенных пунктов обосновались представительства оппозиционных организаций. В лагерях беженцев в Пакистане началась вербовка молодежи для военной подготовки. По мере завершения подготовки боевиков началась массовая засылка в Афганистан вооруженных отрядов и диверсионных групп. В них вербовались также бойцы из имевшихся отрядов самообороны племен. Эмиссары оппозиционеров направлялись во все районы страны, не встречая

противодействия местных органов власти. По мере развития мятежного движения вовлеченные в него деревенские афганцы воевали в основном под руководством местных мулл. В Иране базировалась шиитская оппозиция, но она была немногочисленной и поддержки не получала. В стране назревала собственная революция, и иранские власти были сосредоточены на борьбе с ней.

Активизировалась деятельность США по поддержке афганской оппозиции. В сентябре 1978 г. американский сенат внес поправку в законопроект «Об иностранной финансовой помощи», запрещающую финансирование мероприятий в Афганистане и Никарагуа, не служащих содействию демократическим преобразованиям. Был сформирован при Совете национальной безопасности США координационный комитет по Афганистану. Летом 1979 г. президент Соединенных Штатов дал согласие ЦРУ на проведение «скрытых» пропагандистских операций в Афганистане без военной поддержки оппозиции.

На фоне консолидации внутренней и внешней оппозиции произошел раскол в правящей Народно-демократической партии Афганистана. В мае 1978 г. было принято специальное решение политбюро Центрального Комитета НДПА о единстве в партии. Оно ликвидировало название фракций «Хальк» и «Парчам» и категорически запрещало фракционную деятельность. Лидер «Парчам» и второе лицо в новой государственной иерархии Б. Кармаль так или иначе не разделял проводившиеся в стране радикальные преобразования. В июне он провел съезд парчамистов в Пагмане, где был взят курс на взятие власти в стране. Планы Б. Кармаля по отстранению от власти лидеров «Хальк» Тараки и Х. Амина были раскрыты. По решению Революционного совета Афганистана была проведена чистка парчамистов в вооруженных силах. А в конце июня 1978 г. Кармаль и его сторонники лишились своих постов в правительстве и партии и были направлены послами в Вашингтон (Н.А. Нур — с поста министра внутренних дел), Лондон (А. Вакиль), Белград (А. Ратезд), Карачи (М. Барьялай) и Тегеран (М. Наджибулла — с поста первого секретаря Кабульского горкома партии). Постепенно теряя влияние в государстве, партии и армии, парчамисты стали переходить к нелегальной работе. Тараки и Амин

взяли верх. А в августе 1979 г. вспыхнуло противоборство уже между ними. 16 сентября Тараки сместили с поста, исключили из партии и взяли под стражу. Вскоре он скончался.

А тем временем напряженность в Афганистане нарастала. В феврале 1979 г. был похищен и погиб при освобождении американский посол в ДРА. После этого афгано-американские отношения фактически были сведены на нет. 15 марта вспыхнул антиправительственный мятеж в Герате, в котором по инициативе командиров приняли участие военнослужащие дислоцированной там дивизии. Вооруженные выступления оппозиции развернулись в районах, непосредственно примыкавших к границам СССР. Афганское руководство обратилось с просьбой о помощи войсками. События в Герате и приграничных районах обсуждались 17–19 марта на политбюро ЦК КПСС. На нем осторожно был поставлен вопрос о возможности удовлетворения просьбы афганской стороны [58]. Но члены политбюро пришли к выводу о необходимости воздержаться. Не изменилась позиция советского руководства и в ходе визита Тараки в Москву 20 марта 1979 г. Ему было разъяснено, что ввод советских войск вызовет осложнения в международных отношениях и им придется бороться с какой-то частью афганского народа. Но просьбы официальных лиц из Афганистана о присылке советских войск продолжались. 21 апреля политбюро вновь обсуждало этот вопрос, было дано указание главному военному советнику довести до афганского руководства, что это нецелесообразно. Однако директивой Генерального штаба ВС СССР № 314/2/0061 от 26 апреля предписывалось сформировать к 1 июня на базе Туркестанского военного округа отдельный отряд специального назначения и до 1 августа провести его подготовку для выполнения задач по охране объектов за пределами Советского Союза [59].

После прихода к власти в ДРА Амина обстановка в стране резко обострилась. Оппозиция сумела довести численность своих полурегулярных формирований до 40 тыс. человек и развернуть боевые действия в 16 из 27 провинциях. В ряде провинций ими удерживалось до 90% территории и контролировались все коммуникации. Правительство контролировало только три провинции — Кабул, Кундуз и Баглан. В остальных оно име-

*Дмитрий
Федорович Устинов*

ло гарнизоны в провинциальных административных центрах. В ответ на чистки в афганских вооруженных силах генералов и офицеров, находившихся в оппозиции к Амину, началось брожение в войсках. Так, 14 октября в частях 7-й пехотной дивизии, дислоцировавшейся в пригороде Кабула, произошли вооруженные волнения в поддержку Тараки.

Ухудшение обстановки в Афганистане и опасения перехода Амина на антисоветские позиции привели к пересмотру отношения советского руководства к нему. В октябре 1979 г. в Москву из восточноевропейских социалистических стран были вывезены афганские эмигранты, которые впоследствии стали членами правительства. После ознакомления с докладом об итогах работы заместителя министра обороны СССР генерала армии И.Г. Павловского в Демократической Республике Афганистан с 17 августа по 22 октября 1979 г. в Москве пришли к выводу оказать помощь здоровым силам в Афганистане [59, с. 265]. Советским представительствам в стране была поставлена задача приступить к проработке и проведению конкретных мероприятий. Советский посол был отозван на родину. 6 декабря 1979 г. на заседании политбюро ЦК КПСС было принято

решение о направлении в Кабул отряда Главного разведывательного управления (ГРУ) Генерального штаба (ГШ) общей численностью 500 человек для охраны резиденции главы государства и аэродрома Баграм.

Вечером 10 декабря Д.Ф. Устинов собрал коллегия Министрства обороны СССР и сообщил, что в ближайшее время будет принято решение об использовании советских войск в ДРА. По указанию министра в войска была направлена директива № 312/12/00133 о подготовке к созданию (в основном на территории Туркестанского и Среднеазиатского военных округов) группировки войск численностью до 75 тыс. человек. Возражения начальника Генерального штаба Н.В. Огаркова и попытки доказать, что такого количества войск недостаточно, не были приняты во внимание [60]. Вопрос об оказании помощи путем направления войск в Афганистан прорабатывался и раньше. В 1978 и 1979 гг. офицеры воздушно-десантных войск направлялись в Афганистан в краткосрочные командировки, во время которых проводили рекогносцировку маршрутов движения к важным военным и государственным объектам в Кабуле. После 10 декабря Устинов давал указания начальнику Генерального штаба по формированию новой общевойсковой армии Туркестанского военного округа в устной форме.

12 декабря политбюро ЦК КПСС под председательством Л.И. Брежнева приняло решение одобрить соображения и мероприятия, изложенные Ю.В. Андроповым, Д.Ф. Устиновым и А.А. Громыко. На них же была возложена их реализация [59, с. 283]. Под этой эзоповской формулировкой скрывалось окончательное решение о вводе советских войск в Афганистан. Под протоколом о принятом постановлении стояли подписи всех присутствовавших членов политбюро. Подписи председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина не было. Он был против этой акции и в этом заседании политбюро не участвовал. Вскоре он был отправлен на пенсию. Указа Президиума Верховного Совета СССР или другого аналогичного документа по использованию советских войск за рубежом не принималось. Официальным обоснованием правомочности решения о вводе войск была статья 4 «Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве», заключенного между СССР и ДРА 5 декабря

1978 г., и неоднократные просьбы (до двадцати) правительства Афганистана об оказании военной помощи [61]. Решение о вводе войск получило публичное одобрение только на партийном (а не на государственном) уровне — на пленуме ЦК КПСС 23 июня 1980 г. [62].

Причины, побудившие советское руководство на ввод советских войск в Афганистан, были изложены Председателем КГБ СССР В.А. Крючковым на закрытом заседании Второго съезда народных депутатов СССР в конце 1989 г. Они включали, по мнению руководителя одной из спецслужб Советского Союза, следующие соображения.

Международная обстановка была крайне напряженной. Происходил отход от разрядки. Мир втягивался в новый виток гонки вооружений. Запад развернул массивную подрывную деятельность против СССР. Американское руководство, столкнувшись с серьезным кризисом доверия внутри страны, решило искать выход на путях закрепления лидерства США в мировых делах. Под американской эгидой, под лозунгом противодействия «советской угрозе» цементировались три центра силы (США, Западная Европа, Япония). Под давлением США шло наращивание ядерного потенциала блока НАТО. Конфронтационный подход к отношениям между двумя лагерями распространялся на все области взаимодействий. Соединенными Штатами был взят курс на смену режима в Кабуле. Появились идеи размещения в Афганистане, в случае прихода к власти прозападных сил, американских средств радиоэлектронной разведки и некоторых видов ракет. Было несомненно, что Запад надеялся через Афганистан сбить волну национально-демократических революций. Советское руководство не могло не учитывать развитие ситуации внутри ДРА. Режим довольно быстро утратил поддержку населения. Большую тревогу вызывали перспективы эволюции режима с установлением личной власти Амина. К концу 1979 г. для советского руководства стало очевидным, что Афганистан оказался на грани общенационального кризиса [59, с. 294–296].

Создание группировки для ввода войск в Афганистан началось 13 декабря 1979 г. Для оказания помощи командованию Туркестанского военного округа в проведении мобилизацион-

ных мероприятий по развертываемой 40-й армии была сформирована оперативная группа во главе с первым заместителем начальника Генерального штаба С.Ф. Ахромеевым. Она прибыла в Термез 14 декабря 1979 г. За неполные две недели было развернуто около 100 соединений частей и учреждений. Для их доукомплектования было призвано свыше 50 тыс. военно-обязанных и поставлено из народного хозяйства около 8 тыс. единиц автомобильной и другой техники. Директивой министра обороны СССР от 24 декабря 1979 г. устанавливалось, что советские войска на территории Афганистана расположатся гарнизонами и возьмут под охрану важные объекты. Их участие в военных действиях не предусматривалось.

Ввод советских войск планировался по двум дорожным направлениям. Термезское: из района города Термез с переправой через реку Амур — горный перевал Саланг — Кабул. Кушское: из района Кушка, Шинданд, Кандагар. По воздуху перебрасывались воздушно-десантные войска с высадкой посадочным способом в районах Кабул и Баграм. К середине января 1980 г. ввод главных сил 40-й армии в основном завершился. К лету 1980 г. ее численность достигла 81,8 тыс. человек. В последующие годы она возростала до 100 и более тысяч [63].

В момент ввода советских войск в Афганистан в 1979 г. их авиационная группировка была представлена вновь сформированным авиационным корпусом. В него входили истребительный, бомбардировочный и разведывательный авиаполки, три полка истребителей-бомбардировщиков и два вертолетных полка. В мае 1980 г. в авиационной группировке насчитывалось 62 самолета и 223 вертолета, а авиационный корпус был переформирован в военно-воздушные силы 40-й армии и стал подчиняться его командующему. В конце 1988 г. исходная авиационная группировка увеличилась в три раза и насчитывала 164 самолета и 311 вертолетов, в том числе 229 боевых [64].

17 декабря состоялось заседание координационного комитета по Афганистану при Совете безопасности США. На нем директор ЦРУ доложил о том, что, судя по наращиванию сил в Афганистане, советское руководство, по всей видимости, готово применить военную силу для сохранения у власти нынешнего режима. Оно готово заменить Амина, но не знает кем.

В решении координационного комитета предусматривалось проведение дипломатических демаршей, улучшение совместно с Пакистаном и Великобританией финансирования и вооружения оппозиции, усиление пропагандистского давления на Советский Союз во всем мире [59, с. 299–300].

22 и 23 декабря 1979 г. глава афганского государства Амин был проинформирован о готовности СССР удовлетворить просьбу правительства Афганистана и начать 25 декабря ввод войск. Амин отдал распоряжение генеральному штабу содействовать реализации намеченных мероприятий. Советское руководство понимало, что принятое им решение вызовет отрицательную реакцию западных стран на ввод советских войск в Афганистан. До его принятия именно этим оно мотивировало свой отказ о направлении войск.

В 12:00 25 декабря 1979 г. в войска поступила директива, подписанная министром обороны СССР. В ней приказывалось начать в 15:00 25 декабря (время московское) переход и перелет государственной границы Демократической Республики Афганистан войсками 40-й армии и авиацией ВВС. В тот же день состоялось совещание руководителей коллективов военных советников. Они получили указание не допустить выступления афганских частей против советских войск в Кабуле. Согласно приказу, советские войска в назначенное время начали выдвижение. К полудню 27 декабря в столицу Афганистана вошли передовые мотострелковые части.

В день вступления советских войск в Кабул была проведена частная операция «Байкал-79» по устранению Амина от власти. Ей предшествовала тщательная подготовка. К ее проведению привлекались специальные подразделения Комитета государственной безопасности (КГБ) СССР «Гром» (группа «Альфа») и «Зенит», рота пограничников, а также силы Министерства обороны: 103-я воздушно-десантная дивизия, 154-й отряд специального назначения ГРУ ГШ (так называемый мусульманский батальон), подразделения 345-го отдельного парашютно-десантного полка (опдп). Общая численность привлекаемых сил составляла более 10 тыс. человек. План операции предусматривал захват важнейших объектов в афганской столице: резиденции Амина, зданий ЦК НДПА, министерства обороны,

Дворец Тадж-Бек, резиденция Амина

министерства внутренних дел, министерства иностранных дел и министерства связи, генерального штаба, штаба ВВС и штаба центрального армейского корпуса, военной контрразведки, тюрьмы для политзаключенных, радио- и телецентра, почты и телеграфа, штаба ПВО. Всего предстояло захватить 17 объектов. Одновременно планировалось блокировать располагавшиеся в афганской столице воинские соединения и части вооруженных сил ДРА силами советских десантников и прибывающих в Кабул мотострелковых частей.

Наиболее сложным и важным объектом был дворец Тадж-Бек, где располагалась резиденция Амина и находился он сам. В операции «Шторм-333» по захвату дворца участвовали группы «Гром» и «Зенит», «мусульманский батальон», 9-я парашютно-десантная рота 345-го опдп, противотанковый взвод. Операция началась раньше намеченного срока в 19:15. Прорыв к дворцу шел под ураганным огнем. На штурм пошли группы КГБ, их прикрывали десантники. Первая атака под ураганным огнем из Тадж-Бека захлебнулась. Многие наступавшие были ранены. Затем была предпринята новая атака. Бой в здании сразу приобрел ожесточенный и бескомпромиссный характер, так как внутри

дворца удалось прорваться лишь небольшой группе, не более 25 человек. Офицеры и солдаты охраны Амина (около 100–150 человек) сопротивлялись стойко. Но они несли потери, так как у них не было бронжилетов, а бронжилеты наступавших их оружие не пробивало. Во время боя в здании на втором этаже начался пожар, что оказало сильное воздействие на обороняющихся. Когда же они поняли, что ведут бой не с мятежным афганским подразделением, то начали сдаваться. Постепенно стрельба прекратилась. На втором этаже здания спецназовцы нашли труп Амина. Бой продолжался всего 43 минуты. После штурма дворца радиостанция Кабула передала сообщение, что по решению революционного трибунала предатель Хафизулла Амин приговорен к смертной казни и приговор приведен в исполнение. Затем в два часа ночи 28 декабря передали записанное на пленку обращение Б. Кармаля к народам Афганистана.

27 декабря на заседании политбюро ЦК КПСС были рассмотрены мероприятия пропагандистского обеспечения ввода наших войск в Афганистан и прихода к власти советского ставленника Кармаля. На нем были утверждены проекты указаний послам СССР в социалистических странах о действиях советских войск в Афганистане и указаний совпослам в других странах в связи с развитием обстановки вокруг ДРА, а также тексты писем ЦК партийным организациям КПСС и коммунистическим партиям несоциалистических стран. В решении предусматривалось направление приветственной телеграммы Председателю Революционного Совета, премьер-министру Демократической Республики Афганистан т. Кармалю Бабраку и пропагандистское обеспечение акции в Афганистане [65].

При освещении в печати, по телевидению и по радио предписывалось исходить из положений, содержащихся в обращении афганского руководства к Советскому Союзу с просьбой о военной помощи, и из сообщения Телеграфного Агентства Советского Союза (ТАСС) на этот счет. В качестве главного тезиса указывалось, что направление по просьбе афганского руководства в Афганистан ограниченных советских военных контингентов служит одной цели — оказанию народу и правительству Афганистана помощи и содействия в борьбе против внешней агрессии. Никаких других целей эта советская акция

не преследует. Просьба правительства Афганистана и удовлетворение этой просьбы Советским Союзом — это исключительно дело двух суверенных государств, Советского Союза и Демократической Республики Афганистан, которые сами регулируют свои взаимоотношения. Требовалось давать твердый и аргументированный отпор любым возможным инсинуациям насчет имеющегося якобы советского вмешательства во внутренние афганские дела, а также подчеркивать, что СССР не имел и не имеет никакого отношения к изменениям в руководстве Афганистана.

Ввод советских войск в Афганистан и последовавшая за этим военная поддержка новому афганскому режиму вызвала резкую реакцию со стороны США, ряда стран НАТО, исламских государств и Китая. В меморандуме советника по национальной безопасности З. Бжезинского президенту Д. Картеру в ходе подготовки к заседанию Совета безопасности США по афганскому и иранскому вопросу отмечались негативные последствия ввода советских войск в Афганистан как внутри страны, так и на международной арене. Им были указаны отрицательные причины внутриамериканского характера. Советская акция может стать поводом в США для призывов осуществить аналогичную акцию в Иране. Нежелание администрации Картера осуществить ее все больше и больше будет преподноситься как мудрое, но недостаточно решительное решение. Ратификация Договора по ограничению стратегических вооружений (ОСВ), по всей видимости, будет поставлена под угрозу или даже похоронена. Все решения администрации по афганскому вопросу будут находиться в центре внимания общественности, подвергаться нападкам слева и справа. Среди причин международного характера Бжезинский указал, что если не будут достигнуты хорошие отношения с Пакистаном, то при продолжающейся нестабильности в Иране не будет прочной преграды против советского прорыва к Индийскому океану.

В меморандуме были рассмотрены факторы, компенсирующие причины отрицательного характера. К ним были отнесены: возмущение в мировых средствах массовой информации (его организация предусматривалась в решении координационного комитета СНБ США от 17 декабря 1979 г.); озабоченность

мусульманских стран, которая должна быть использована; бедственное положение афганских беженцев в Пакистане; осознание американскими союзниками необходимости повышения обороноспособности.

Бжезинский предложил следующий план действий. Необходимо содействовать продолжению сопротивления в Афганистане. Для этого потребуются больше средств и больше оружия, поставляемого повстанцам, а также предоставление им помощи советников. Дать гарантии Пакистану и убедить его в необходимости оказывать помощь повстанцам. Следует также подтолкнуть Китай к помощи повстанцам. Нужно договориться с исламскими странами о пропагандистских мероприятиях и кампании тайных операций по оказанию помощи афганской оппозиции. Довести до сведения СССР, что его действия ставят под угрозу договор ОСВ. Поднять вопрос в ООН о советских действиях как угрозе миру [66].

По результатам заседания Совета безопасности США и консультаций с лидерами западных стран, Пакистана и Саудовской Аравии американский президент направил 29 декабря послание советскому руководству, в котором заявил: «Ввод советских войск в Афганистан — очевидная угроза миру и может ознаменовать фундаментальные и длительные перемены в наших отношениях» [59, с. 400]. Ответ Брежнева был дан незамедлительно. В нем указывалось, что правительство Афганистана на протяжении почти двух лет неоднократно обращалось к советскому руководству с просьбой о помощи войсками. В частности, такая просьба была направлена в Москву 26 декабря. Направление ограниченных советских контингентов в Афганистан служит одной цели — оказанию помощи и содействия в отражении актов внешней агрессии. Брежнев отверг утверждение американского президента, будто Советский Союз что-то предпринял для свержения правительства Афганистана. Он подчеркнул, что изменения в афганском руководстве были осуществлены самими афганцами, и только ими. Советский лидер заявил, что советские воинские контингенты не предпринимали никаких военных действий против афганской стороны и что СССР не намерен их предпринимать. Был также отвергнут упрек в том, что советское правительство не консультировалось с амери-

канским руководством по афганским делам. Было заявлено об отсутствии консультаций с Советским Союзом при массивной концентрации военно-морских сил США в водах, прилегающих к Ирану, и в районе Персидского залива, а также в других случаях, когда следовало бы как минимум поставить СССР в известность. В послании в ответ на содержание и дух обращения американского президента было подчеркнуто, что просьба правительства Афганистана и удовлетворение этой просьбы Советским Союзом — исключительно дело СССР и Афганистана, которые сами по своему согласию регулируют свои взаимоотношения и, разумеется, не могут допустить вмешательства извне в эти взаимоотношения. Далее делалась ссылка на статью 51 Устава ООН, предусматривающую право на индивидуальную и коллективную самооборону. Причем было подчеркнуто, что СССР и США как раз и сформулировали эту статью. В послании также содержался призыв к Соединенным Штатам внести вклад в прекращение вооруженных вторжений извне на территорию Афганистана.

Соединенные Штаты наиболее резко среди стран мира отреагировали на ввод советских войск в Афганистан. В соответствии с рекомендациями координационного комитета от 17 декабря была развернута в средствах массовой информации по всему миру антисоветская пропагандистская кампания. Под их влиянием 14 января 1980 г. Генеральная Ассамблея ООН потребовала вывода «иностранных войск» из Афганистана. За это решение голосовало 104 государства. Но предложения США в НАТО по разработке комплекса конкретных санкций против СССР и оказанию в рамках блока официальной помощи афганским мятежникам в полной объеме поддержали только Великобритания, Турция и Канада. Руководители ФРГ, Франции и других европейских союзников по блоку отказались идти на дальнейшее обострение отношений с Советским Союзом по афганскому вопросу.

В связи с этим американским руководством была сделана ставка на использование Пакистана как базы борьбы с советским присутствием в Афганистане. Пакистан, переживавший перед этим острый экономический и политический кризис, получил крупномасштабную военную и экономическую помощь

от США и Саудовской Аравии. При этом была сразу же прекращена кампания против военного правительства Зия-уль-Хака из-за убийства президента З.А. Бхуто и нарушений пакистанским режимом «прав человека». Соединенные Штаты даже закрыли глаза на разработку Пакистаном ядерного оружия, пойдя на нарушение собственного законодательства по ограничению режима распространения ядерного оружия.

В январе 1980 г. в США началась активная разработка мер по противодействию вводу советских войск в Афганистан. В концентрированном виде эти меры сводились к следующему:

- требовать осуждения СССР за агрессию против независимой страны в Совете Безопасности;
- отказаться от обсуждения в конгрессе Договора по ОСВ;
- заморозить все американо-советские переговоры, визиты на высшем уровне, передачу передовых технологий и, возможно, наложить запрет на продажу СССР зерна;
- ограничить кредиты для СССР со стороны США и их европейских союзников;
- отказаться от дипломатического признания нового правительства Афганистана;
- заключить соглашения с правительствами Сомали и Египта об использовании баз на их территории в случае военной угрозы Среднему Востоку и зоне Персидского залива;
- оказать срочную помощь Пакистану для укрепления его обороноспособности;
- принять программу поставок мусульманским повстанцам («моджахедам» — борцам за веру) в Афганистане противотанковых и противосамолетных ракет советского производства;
- поощрять Китай к оказанию помощи повстанцам.

На первом этапе обеспечение афганских повстанцев вооружениями было возложено на Центральное разведывательное управление (ЦРУ). По подсчетам аналитиков, ЦРУ подсчитало, что каждый доллар, вложенный США в афганских моджахедов, обходился Советскому Союзу минимум в десять долларов. В поставках американцам оказывала помощь пакистанская разведка. Во главе ее стоял генерал, который симпатизировал пуштунам.

Львиная доля всей помощи поступала пушту Хекматиару. Оружие советского производства продавал Китай. Оно также закупалось в Египте и даже Польше. Сделки совершались как на межправительственном уровне, так и на частном рынке оружия.

Соединенным Штатам удалось привлечь к помощи афганской вооруженной оппозиции Китай, Великобританию, Иран, Египет, Саудовскую Аравию, Кувейт и ряд европейских государств. Пакистан был основной базой афганской оппозиции. Поступавшая помощь использовалась пакистанскими властями фактически бесконтрольно. В январе 1980 г. власти Саудовской Аравии направили в регион молодого фундаменталиста Усаму бен Ладена. С ним прибыл двухтысячный отряд арабов-наемников. Саудовская Аравия в это время тратила на вооружение и содержание моджахедов в два раза больше, чем США. Египет продавал десятки тысяч тонн оружия советского производства, полученного ранее за бесценок.

После ввода советских войск в Афганистан Соединенные Штаты, их союзники, Китай и ряд мусульманских стран открыто заявили о своей поддержке афганской оппозиции, легализовав тем самым свою помощь, в том числе военную. Афганистан оказался в международной изоляции, а позиции СССР в третьем мире были существенно подорваны. В дополнение к противостоянию в Европе и конфронтации с Китаем и Японией в Восточной Азии возник третий очаг военно-политической напряженности на южном фланге Советского Союза. С учетом исторического опыта вмешательства во внутренние дела Афганистана США получили редкостную возможность навязать СССР длительную изнурительную войну с афганской вооруженной оппозицией.

Высшее советское руководство игнорировало предупреждения советского научного сообщества и некоторых руководителей военного ведомства об опасностях военного вмешательства во внутренние дела Афганистана. В январе 1980 г. был подготовлен доклад за подписью Громыко, Андропова, Устинова, Пономарева «Дальнейшие мероприятия по обеспечению государственных интересов СССР в связи с событиями в Афганистане» [67]. В нем указывалось, что своевременное оказание Советским Союзом всесторонней, в том числе военной, помощи Афганистану и при-

ход к власти Кармаля создали необходимые условия для стабилизации положения в ДРА и положили конец некоторым опасным для СССР тенденциям в развитии обстановки на Среднем Востоке. Необходимость обеспечения широких внешнеполитических интересов и безопасности требует от Советского Союза и в дальнейшем сохранения наступательного характера мероприятий, проводимых в связи с афганскими событиями.

В докладе намечался ряд внешнеполитических мероприятий. Предполагалось усилить воздействие на позиции отдельных союзников США по НАТО, прежде всего Франции и ФРГ, максимально используя выявившиеся между ними и Соединенными Штатами различия в подходе к выбору ответных мер на действия СССР в Афганистане. Предполагалось спланировать долгосрочные мероприятия по осложнению связей между США и КНР. Основные усилия по противодействию враждебной активности Соединенных Штатов и их союзников планировалось сосредоточить на исламских странах Ближнего и Среднего Востока, прежде всего Пакистане и Иране, а также влиятельных государствах Азии, таких как Индия. Предлагалось активно препятствовать линии США на сколачивание единого фронта Запада и некоторых мусульманских стран на переориентацию исламского фанатизма в антисоветское русло.

С учетом тяжелого внутривнутриполитического и экономического положения в ДРА высказывалось мнение, что укрепление народной власти в предстоящие годы и стабилизация положения в Афганистане зависят от того, насколько удастся обеспечить действительное единство Народно-демократической партии Афганистана и объединение всех прогрессивных и национально-патриотических сил в рамках единого фронта. Предлагалось установление контактов и проведение переговоров с вождями и старейшинами наиболее крупных воинственных племен в ДРА в поисках путей скорейшего компромисса об условиях прекращения ими антиправительственной деятельности.

В завершении доклада говорилось: «Учитывая, что весной 1980 года в Афганистане может произойти дальнейшая активизация повстанческого движения, а также принимая во внимание исторические и национальные особенности афганцев,

провести консультации с министерством обороны и правительством ДРА и заключить соответствующие соглашения, определяющие статус и правовое положение советских военных контингентов на весь период их пребывания в Афганистане». На заседании политбюро ЦК КПСС 28 января 1980 г. эти предложения были рассмотрены, было рекомендовано руководствоваться ими при разработке и осуществлении мероприятий по Афганистану.

В течение января 1980 г. части советских войск под командованием генерал-лейтенанта Ю.В. Тухаринова заняли ключевые районы страны и совместно с афганской армией взяли под охрану административные центры, жизненно важные объекты, аэродромы, основные автомагистрали. Была также установлена надежная охрана объектов советско-афганского сотрудничества, на которых жили и работали советские гражданские советники и специалисты. Всего советские войска обеспечивали охрану 21 провинциального центра, многих уездных и волостных центров, 9 аэродромов. Основа группировки советских войск сосредотачивалась в восточных и северо-восточных провинциях. Одна мотострелковая дивизия дислоцировалась на западе, две бригады — на юге страны.

Стройная система охраны народно-хозяйственных и военных объектов, основных автомобильных дорог и проводки по ним транспортных колон сложилась только к 1981 г. В том году решением руководства Афганистана вокруг важных административных центров, аэродромов, электростанций, тоннелей была создана 21 пятикилометровая режимная зона с особым порядком жизни и деятельности населения. Согласно замыслу, обеспечение порядка в этих зонах возлагалось на афганских командиров и работников местных партийных и государственных органов. Но на практике главная роль в охране объектов и важнейших коммуникаций отводилась советским войскам. Для этого использовались постоянные сторожевые заставы и батальоны охраны. На маршрутах и в режимных зонах были созданы 862 сторожевые заставы, на которых несло службу до 20 тыс. человек. О важности охраны коммуникаций свидетельствует тот факт, что для выполнения этой задачи постоянно привлекалось до 15% личного состава.

Вначале перед ограниченным контингентом советских войск (ОКСВ) в Афганистане была поставлена задача обеспечить лишь охрану важнейших населенных пунктов и объектов. Но уже 10–11 января 1980 г. несколько подразделений ОКСВ были привлечены к боевым действиям. В начале января восстал артиллерийский полк афганской пехотной дивизии в населенном пункте Нахрин (на севере страны). Поступили сведения, что захвачены, а возможно, убиты советские военные советники, находившиеся в части. По просьбе афганского руководства и для спасения советников по приказу Маршала Советского Союза С.Л. Соколова была проведена боевая операция по разрушению мятежного полка. В ее ходе мятежники потеряли до 100 человек, советские части — 2. Тем временем в НДПА власть перешла к парчамистам. В высших партийных органах осталось лишь несколько членов «Хальк». Из вооруженных сил начался отток офицеров-халькистов, которые составляли до 80% офицерского состава. На важные должности в правительстве были приглашены беспартийные, ставшие министрами и советниками. Они оставались на постах до июня 1981 г. — момента образования Национального Отечественного Фронта (НОФ). Земельная реформа была приостановлена. Ряду крупных землевладельцев были возвращены имения и оказана поддержка. Крестьянам предоставили семена и удобрения. Выделили кредиты на приобретение сельхозтехники. Были освобождены 15 тыс. человек, возвращено незаконно конфискованное имущество. Племенам были возвращены традиционные привилегии. Повысилось внимание к исламской религии.

Военно-политическая обстановка, вопреки ожиданиям и надеждам, не улучшалась. Наоборот, она все больше ухудшалась. Численности советских войск оказалось явно недостаточно для установления контроля над территорией страны. Этот недостаток усугублялся оперативно-стратегическими особенностями ведения военных действий. Отряды повстанцев действовали на всей территории страны. Советским войскам приходилось вести боевые действия, в отличие от боевого опыта предыдущих лет, на многих разобщенных направлениях, что приводило к распылению сил. Отсутствовали линия фронта и тыловые районы. Это диктовало необходимость постоянной, ежеминутной

боевой готовности. Без решительных боевых действий во всех районах, где находились войска, было невозможно удерживать инициативу.

Первоначальный шок после ввода ОКСВ у оппозиции достаточно быстро прошел. Она начала действовать все более активно и масштабно. Институт советских советников (партийных, экономических, военных, при органах госбезопасности) оказался малоэффективным. Уже в феврале 1980 г. обнаружилось, что часть населения относится к советским войскам агрессивно. В Кабуле произошли беспорядки. Вечером 21 февраля в столице прошли массовые демонстрации под антикармалистскими и антисоветскими лозунгами. Утром 22 февраля они продолжились. Многие демонстранты прибыли из провинций. Советское посольство было обстреляно, в результате чего погибли советские граждане. Начались грабежи и поджоги зданий. Выступление было подавлено силами афганцев. Советские войска в боевых столкновениях не участвовали. Они лишь блокировали Кабул, прекратив поток участников беспорядков из провинций. Вооруженные действия демонстрантов поддержала часть духовенства, которое сумело привлечь часть населения — обманутого и сбитого с толку. К тому же в сознании афганцев прочно утвердилось представление, что иностранные войска, вошедшие в страну даже с благой целью, — это иноземные оккупанты, с которыми нужно сражаться. Допустить оккупацию своей земли иноземцами — полное бесчестие.

Положение в Афганистане стало предметом обсуждения высшим политическим руководством СССР. 7 февраля на политбюро был обсужден доклад Андропова о его поездке в ДРА. Встал вопрос о пребывании советских войск в этой стране. Устинов высказал мнение, что для стабилизации положения в Афганистане потребуется год или полтора, а до этого времени нечего и думать о выводе войск. В конце февраля вновь обсуждался вопрос о пребывании советских войск в ДРА. Но решение об их выводе принято не было.

События в феврале в Кабуле проходили на фоне обстрелов и нападений на советские автоколонны на магистралях Термез — Кабул и Кушка — Кандагар. Предпринимались попытки нападения на малые гарнизоны. Советское командование

было вынуждено принимать меры по обеспечению безопасности личного состава в условиях начавшихся боевых действий. Одновременно командование 40-й армии получило указание «начать совместно с армией ДРА активные действия по разгрому отрядов оппозиции».

Получение указания на начало активных действий обозначило завершение первого этапа пребывания ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Он охватывал ввод войск, размещение их по гарнизонам, организацию охраны пунктов дислокации и различных объектов. Наносились также ответные удары на открытые действия мятежников. Начался переход к широкомасштабным боевым действиям. Он предполагал проведение рейдов и нанесение ударов по нескольким группировкам моджахедов.

В марте 1980 г. начался второй этап пребывания советских войск. В ходе его ОКСВ вел активные боевые действия, в том числе широкомасштабные плановые операции, совместно с афганскими соединениями и частями. Они проводились в провинциях Кунар, Нангархар, Парван и Урузган. Осуществлялось прикрытие коммуникаций и создание баз для прикрытия государственной границы Афганистана. Шла работа по реорганизации и укреплению вооруженных сил ДРА.

В марте 1980 г. была проведена первая крупная операция в приграничной с Пакистаном провинции Кунар (восточнее города Джелалабад). Цель «Кунарского наступления» заключалась в снятии вражеской блокады дороги вдоль пакистано-афганской границы. Афганский горно-пехотный полк, дислоцированный в провинции Кандагар, перешел на сторону оппозиции, чьи отряды в провинции получили «свободу рук». Части 9-й афганской горно-пехотной дивизии боевых активных действий не предпринимали. Фактически они были заблокированы в провинциальном административном центре Асадабаде. Операция началась наступлением двух советских батальонов при поддержке штатной и приданной авиации. Кроме авиации, базировавшейся на аэродромах ДРА, в интересах 40-й армии с территории СССР боевые действия вели несколько частей фронтовых и дальних бомбардировщиков и разведчиков, а также самолеты военно-транспортной авиации. Были отдельные

Конвой в горах Афганистана

случаи применения самолетов стратегической авиации для нанесения ударов по важным защищенным объектам на афганской территории. С целью увеличения глубины действия фронтовые и дальние бомбардировщики к началу боевого использования перебазировались на аэродромы, расположенные ближе к Афганистану.

При участии афганских частей в ходе «Кунарского наступления» советские части деблокировали Асадабад и вынудили достаточно крупные силы оппозиции уйти в Пакистан. В ходе операции погибло 33 человека, было ранено 40 человек, один военнослужащий пропал без вести. Но полностью операция не была завершена. Как бывает при подобных боевых действиях, пришлось проводить новую операцию в ущелье Панджшер. В ходе ее было нанесено поражение противнику, действующему в изолированной горной долине. Были также осуществлены операции по уничтожению противника в широкой долине (провинция Лагман) и в городе Герат. Результатом широкомасштабных операций стал переход вооруженной оппозиции к действиям мелкими отрядами.

Изменения в обстановке в Афганистане были рассмотрены на политбюро ЦК КПСС 10 апреля 1980 г., где обсуждался доклад комиссии политбюро по Афганистану в составе Громыко, Андропова, Устинова и Загладина [68]. В докладе подтверждалась правильность решения на ввод советских войск в Афганистан и делался вывод, что новое руководство ДРА правильно наметило задачи по стабилизации обстановки. В нем также отмечалось, что не налажены отношения с мусульманским духовенством и вождями племен, не закончено проведение аграрной реформы, особенно в восточных и южных районах страны, недостаточна боеспособность афганских вооруженных сил и народной милиции. В результате операций советских войск совместно с афганскими частями в значительной степени ослаблена угроза существованию новому режиму. Было высказано предположение, что советские войска останутся на достаточно продолжительный период, в течение которого контрреволюционные силы даже при поддержке извне вряд ли будут в состоянии предпринимать крупные вооруженные выступления. Отмечалось, что контрреволюция меняет тактику и переходит к партизанским действиям мелких вооруженных групп и к экономическим диверсиям. В заключении делался вывод: «наши войска в Афганистане должны будут продолжать выполнять задачи по защите революционного строя в ДРА, по ограждению страны от угрозы извне, включая закрытие совместно с афганскими вооруженными силами границ страны, по обеспечению безопасности основных центров и коммуникаций, а также по строительству и укреплению боеспособности афганских вооруженных сил. Только по мере стабилизации внутреннего положения в Афганистане, а также улучшения обстановки вокруг него и по просьбе руководства ДРА можно будет рассмотреть вопрос о постепенном выводе наших войск из ДРА».

После принятия постановления Совета министров СССР от 19 февраля 1980 г. № 152–45 началась замена всех военнообязанных, призванных из запаса, кадровыми офицерами и военнослужащими срочной службы. Полная замена личного состава запаса на кадровых была завершена: офицеров — к ноябрю 1980 г., сержантов и солдат — к марту. Кроме того, была выведена в Советский Союз большая часть штатных танковых,

ракетных и зенитно-ракетных средств направленных в Афганистан дивизий, так как они вели боевые действия против партизанских отрядов и в горах, где эти средства были малоэффективны [58, с. 101–102].

Активная деятельность иностранных спецслужб в Афганистане и особенности борьбы с небольшими отрядами моджахедов потребовали срочного создания в ОКСВ системы разведки и контрразведки. В местах дислокации ограниченного контингента советских войск в Афганистане в помощь войсковой разведке были развернуты отделы агентурной разведки. Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 18 июля 1980 г. было решено создать в рамках КГБ оперативно-разведывательное боевое соединение «Каскад», которое действовало в Афганистане с июля 1980 по апрель 1982 г. Оно было укомплектовано сотрудниками госбезопасности, имевшими опыт агентурно-оперативной работы. В борьбе с моджахедами они использовали партизанские и контрпартизанские методы борьбы. В апреле 1983 г. «Каскад» был заменен подразделением «Омега». В структуре МВД в период афганской войны было сформировано подразделение специального назначения «Кобальт». Для большинства «кобальтовцев» работа по бандам была привычной. Кроме того, они развернули агентурно-оперативную работу по сбору информации о населении.

Внутрипартийная борьба в афганской армии серьезно ее ослабляла. Амин во время нахождения во власти стремился установить контроль над возможно большей частью территории страны и рассредоточил значительное количество войск по мелким гарнизонам, которые охраняли представителей власти в провинциальных и уездных центрах. Мелкие гарнизоны плохо снабжались боеприпасами и положенными видами довольствия. В руках центрального правительства не оставалось достаточно сил для ведения боевых действий против оппозиции. Оторванные от командования и друг от друга гарнизоны афганской армии были объектами нападения моджахедов, подвергались массированной исламской пропаганде, теряли боеспособность и зачастую переходили на сторону оппозиции. В результате личный состав афганской армии имел низкие морально-боевые качества.

По рекомендациям советских военных советников правительством ДРА были приняты меры по повышению укомплектованности вооруженных сил, их организационному укреплению, борьбе с дезертирством, которое в 1980 г. приобрело массовый характер. В ходе совместных боевых действий осуществлялось практическое обучение афганских военнослужащих. Но боеспособность вооруженных сил ДРА оставалась низкой. К тому же советские военные советники (в большинстве — строевые офицеры без специальной подготовки) из-за малого опыта советнической деятельности, слабого знания национального характера и обычаев афганцев начинали работать вместо подсоветных на конкретных участках. Вследствие этого основная тяжесть борьбы с моджахедами с начала 1980-х гг. постепенно стала ложиться на советские войска. Тем более что с апреля 1980 г. оппозиция попыталась действовать крупными силами. Но после поражений в ту весну оппозиция снизила активность по ведению открытых боевых действий.

Моджахеда стали уходить от прямого столкновения с войсками и перешли к партизанской тактике. Они, как правило, избегали прямых столкновений с правительственными и советскими войсками и применяли обычно обстрелы гарнизонов и населенных пунктов, сторожевых застав и постов охранения, нападения на мелкие гарнизоны правительственных войск, засады на дорогах, минирование, диверсионно-террористические акции. Мятежники прибегали также к длительной блокаде административно-политических центров (Джелалабад, Кандагар, Хоста и др.). Действия моджахедов были направлены на постоянное изнурение советских и афганских войск. Война распалась на отдельные фрагменты. Она не давала ни минуты передышки. Постоянное чувство опасности подрывало моральный дух советских военнослужащих, приводило к пьянству и наркомании.

В августе 1980 г. политбюро ЦК КПСС по предложению Генерального штаба приняло решение создать оперативную группу под руководством главного военного советника в ДРА. На эту должность был назначен первый заместитель командующего сухопутными войсками генерал армии А.М. Майоров (участвовал в действиях советских войск в Чехословакии в 1968 г.). Ему

вменялось в обязанность совместно со штабом Туркменистанского военного округа осуществлять планирование, организацию и руководство боевыми действиями советских войск, а также обеспечение взаимодействия с афганской армией. Оно достигалось своеобразной системой применения советских и афганских войск в Афганистане с учетом местных условий и дислокации войск. Борьба с вооруженной оппозицией строилась на основе ежемесячно разрабатываемых планов боевых действий. Планирование осуществлялось совместно штабами 40-й армии, Туркменистанского военного округа и аппаратом главного военного советника в Афганистане. Каждый план составлялся на основе оценки обстановки по стране в целом и в отдельных ее районах.

Сохранение боеспособности моджахедов после первых поражений от советских и афганских войск стало возможным благодаря помощи извне. Ведущую роль в этом играли Соединенные Штаты. Они стремились придать организованность их борьбе. В апреле 1980 г. на совещании с лидерами афганской оппозиции американский посол в Пакистане призвал их объединиться против правительства Кармаля и советских войск. Одновременно расширилась финансовая и военная помощь моджахедам, конгресс ассигновал 15 млн долларов на «прямую и открытую помощь» мятежникам. Началась подготовка военных кадров афганской оппозиции. На военных базах Техаса и Калифорнии проходила подготовку группа (48 человек) афганцев из состава оппозиционных организаций. В районе Мусан (15 км южнее Кабула) советники и специалисты США обучали моджахедов партизанской тактике ведения боевых действий. В лагере «Ламбар-2» (район Пешавара) работали инструкторами два американских военных специалиста. Обучение было подкреплено поставками вооружения на сумму 4,5 млн долларов с марта по июнь 1980 г.

Вместе с Соединенными Штатами помощь афганской оппозиции оказывала большая группа стран [69]. В 1980 г. в Пакистане с помощью американских, китайских, пакистанских и египетских инструкторов было подготовлено свыше 60 тыс. диверсантов, из которых более 50 тыс. было заброшено на территорию ДРА. Открыто поддерживало афганскую оппозицию

иранское руководство. На территории Ирана было выявлено 13 лагерей подготовки моджахедов. В них обучено 5 тыс. человек, около 3 тыс. из них было направлено в Афганистан. Поставки оружия США осуществлялись через третьи страны (Египет, Саудовская Аравия). В Пакистане велась активная подрывная работа с пуштунскими и белужскими племенами. Районы их признанного расселения находятся по обе стороны афгано-пакистанской границы, которую они не признают и привычно постоянно нарушают. Американское общественное мнение активно обрабатывалось так называемыми неправительственными организациями — «Ассоциация американской помощи афганским беженцам», «Национальный освободительный фронт Афганистана», «Совет единства», «Комитет солидарности организации освобождения Афганистана».

Силы вооруженной афганской оппозиции представляли интересы семи пропакистанских и восьми проиранских партий. Наиболее организованными и влиятельными у населения были четыре партии из «альянса семи» со штабом в Пешаваре: «Исламская партия Афганистана» (ИПА), «Исламское общество Афганистана» (ИОА), «Исламский союз освобождения Афганистана» (ИСОА) и «Движение исламской революции Афганистана» (ДИРА). Боевые действия формирования оппозиции вели обычно небольшими группами — от 20 до 50 человек. Для решения более сложных задач группы объединялись в отряды по 150–200 и более человек. Иногда формировались и так называемые исламские полки численностью 500–900 и более человек [70]. Основным вооружением формирований оппозиции являлось стрелковое оружие китайского, египетского, американского, западногерманского, израильского, английского и шведского производства, безоткатные орудия, зенитные горные установки, минометы, 76-мм горные пушки. В большом количестве использовались противотанковые и противопехотные мины итальянского, китайского, американского и английского производства, самодельные фугасы и ручные гранаты. С начала 1984 г. началось усиленное оснащение оппозиционных формирований современными для того времени зенитными и противотанковыми средствами (ПЗРК типа «Стрела» китайского и египетского производства, «Стин-

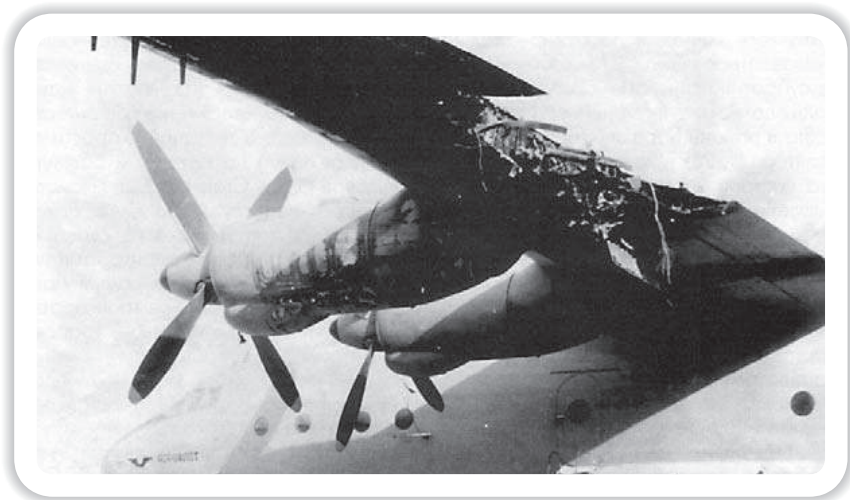
гер» и «Блоупайп» американского и английского производства) [60, с. 84].

Осенью 1980 г. после «Кунарского наступления» и операции в ущелье Пандшир моджахеды приступили к оборудованию в труднодоступных горных районах складов с оружием, боеприпасами и продовольствием. Шла подготовка пещер к зиме. С наступлением холодов значительное число боевиков под видом местных жителей стало скрываться в населенных пунктах. Ими проводились террористические акты, велась антиправительственная пропаганда среди местного населения по срыву призыва в армию. Иногда проводился насильственный набор молодых людей в формирование оппозиции.

По мере усиления притока боевиков из соседних Пакистана и Ирана в Афганистан встал вопрос о противодействии этому процессу. Возникла также опасность проникновения исламских эмиссаров в советские республики Средней Азии. Поэтому для прикрытия советско-афганской границы на территорию северного Афганистана в 1980 г. было введено несколько подразделений пограничных войск. На севере Афганистана была создана 100-километровая зона безопасности вдоль советско-афганской границы.

В конце 1980 — начале 1981 г. советскими войсками были проведены операции в центральных провинциях, а также в Балхе, Кандагаре, Герате. Затем советское командование планировало покончить с вооруженной оппозицией к концу 1981 г., проведя крупномасштабные (плановые) операции. Они предпринимались в целях разгрома особо опасных группировок и объединенных отрядов оппозиции, ликвидации ее базовых районов дислокации, а также крупных баз с запасами оружия и боеприпасов. Так, в сентябре 1981 г. велись бои в горном массиве Луркох в провинции Фарах, а в декабре был разгромлен базовый пункт оппозиции в районе Дарзаб (провинция Джаузджан).

Кроме того, проводились неплановые (частные) боевые действия. Они предпринимались по решению командующего 40-й армией, командиров частей и соединений. Привлечение афганских войск согласовывалось с советскими военными советниками при афганских соединениях и частях. За время пребывания в Афганистане было проведено более 220 подоб-

Результаты поражения Ан-12 «Стингером»

ных операций, по 2–3 ежемесячно. Частные операции иногда проводились в ответ на действия моджахедов. Так, 3 августа 1981 г. произошел бой у кишлака Шаеста. В районе Кишима (близ г. Файзабад) в засаду попал разведывательный батальон 201-й МСД. Это был один из наиболее кровопролитных боевых эпизодов в истории Афганской войны. Погибло 48 военнослужащих, 49 было ранено.

К частным операциям относились и рейдовые действия усиленных батальонов. Наиболее часто они осуществлялись до 1981 г. Рейды заключались в выдвижении подразделений по маршруту, поиске и уничтожении отрядов и групп оппозиции. Мятажники приспособились к рейдовым действиям советских войск, и от этого способа пришлось отказаться. Впоследствии рейдовые действия применялись эпизодически, обычно для снабжения (доставки материальных средств) отдельных гарнизонов.

Боевые действия дежурных подразделений в зонах ответственности соединений начали применяться с июля 1980 г. Они проводились как реагирование на полученные разведывательные данные решением соответствующих командиров. Основным способом боевых действий было блокирование и протесывание

кишлаков, небольших по площади зеленых зон и других районов, где, по данным разведки, находились вооруженные группы оппозиции, склады их оружия и боеприпасов. В среднем в месяц проводилось 20–25 операций (240–300 выходов в год). Для уничтожения стационарных и малоподвижных объектов противника практиковались налеты. Все это требовало большого напряжения сил личного состава и постоянной боевой готовности.

Задача по разгрому афганской вооруженной оппозиции в 1981 г. так и не была выполнена. Военные действия продолжались. В январе-феврале 1982 г. проводилась операция по разгрому вооруженной оппозиции в зеленой зоне Чарикар — Джабаль — Уссарадж — Махмудраки. Группировка моджахедов насчитывала около 4,5 тыс. человек. Мятежники постоянно обстреливали аэродром Баграм (близ Кабула), грабили автомобильные колонны, совершали нападения на советские сторожевые заставы и посты. Зеленая зона (около 400 кв. км) предполагаемого нахождения банды была внезапно окружена. Затем в течение 10 суток, стягивая кольцо окружения, проводилась последовательная чистка населенных пунктов силами афганских войск и проверка всего мужского населения на специально созданных МВД и МГБ Демократической Республики Афганистан (ДРА) фильтрационных пунктах. В ходе операции было выявлено и взято в плен 16 тыс. человек. Положение в зеленой зоне стабилизировалось. 5 апреля 1982 г. в ходе военной операции на западе Афганистана советские войска по ошибке вторглись на территорию Ирана. В ответ иранской боевой авиацией были уничтожены два советских вертолета. Крупномасштабная (плановая) операция была проведена в мае 1982 г. в ущелье Ниджраб (провинция Каписа). В мае-июне прошла пятая Панджшерская операция, в ходе которой впервые была осуществлена массовая высадка десанта в Афганистане. Только в течение первых трех дней было десантировано свыше 4000 человек личного состава воздушно-десантных войск. Всего же в этой операции принимало участие около 12 000 военнослужащих различных родов войск. Операция проходила одновременно на всю глубину ущелья (120 км). В результате Панджшер был взят.

Укрепление надежности прикрытия афгано-пакистанской границы потребовало ввести на территорию Афганистана во-

семь отдельных батальонов специального назначения (СПН), объединенных в две бригады со штабами в Джелалабаде и Лашкаргахе. А 22 декабря 1981 г. было принято постановление о дополнительном вводе в страну группировки спецподразделений погранвойск (вошли в начале 1982 г.). На них была возложена задача контроля обстановки в полосе шириной до 100 км вдоль границы.

Снабжение войск было весьма трудным и опасным действием. В ходе военных действий в Афганистане транспортировка грузов по советской территории осуществлялась в основном железнодорожным и водным транспортом. На территории Афганистана на автомобильный транспорт приходилось 70–80% грузов, трубопроводный — 10–15%, водный и воздушный — по 5%. Стратегические и оперативно-тактические воздушные перевозки осуществлялись военно-транспортными самолетами, тактические перевозки — вертолетами [71]. Автомобильные перевозки организовывались и осуществлялись достаточно тщательно. Они выполнялись только в дневное время суток и сводными колоннами. Колонна охранялась наземной группой боевого сопровождения и парой (звеном) вертолетов. В состав колонны входили 40–50 линейных машин и 10–12 машин сопровождения. Несмотря на меры предосторожности, 3 ноября 1982 г. произошла трагедия на перевале Саланг. В результате взрыва бензовоза погибло более 176 человек.

В августе 1982 г. на встрече директора ЦРУ США Кейси и начальника пакистанской разведки генерала Ахтара была достигнута договоренность о поставках для афганской оппозиции тяжелого вооружения и противовоздушных зенитных ракетных комплексов. Американский представитель обещал предоставлять данные спутниковой разведки по афганским объектам и затронул вопрос о переносе подрывной деятельности моджахедов на территорию советской Средней Азии. К концу 1982 г. из Пакистана и Ирана было заброшено до 40 тыс. моджахедов [61, с. 99].

К концу 1982 г. советское руководство осознало, что добиться перелома в Афганистане военным путем невозможно. По инициативе Брежнева осенью 1982 г. Громыко подготовил записку по положению в ДРА для обсуждения на политбюро. Но

заседание не состоялось — Брежнев умер. Во время его похорон 15 ноября 1982 г. имела место частная беседа тогдашнего генерального секретаря ЦК КПСС Андропова и лидера Пакистана Зия-уль-Хака, в ходе которой советский лидер проинформировал его о «новой гибкой политике советской стороны и понимании необходимости быстрейшего разрешения кризиса». На встрече также обсуждался вопрос о целесообразности пребывания советских войск в Афганистане и перспективность участия Советского Союза в войне. В обмен на вывод войск от Пакистана требовалось отказаться от помощи мятежникам.

С 1983 г. советские войска в Афганистане проводили в основном частные операции. Крупномасштабная операция была лишь в апреле в ущелье Ниджраб (провинция Каписа). В ходе разгрома отрядов оппозиции советские подразделения потеряли 14 человек убитыми и 63 ранеными. Формирования ОКСВ были вынуждены также отражать активные наступательные действия моджахедов. В июле было отражено наступление моджахедов на Хост. Приходилось освобождать заложников. 2 января 1983 г. в Мазари-Шарифе была похищена группа советских гражданских специалистов численностью 16 человек. 2 февраля похищенные, находившиеся в кишлаке Вахшак на севере Афганистана, были освобождены, но при этом шестеро из них погибли.

В 1983 г. к урегулированию положения в Афганистане подключилась Организация Объединенных Наций. 28 марта состоялась встреча ее генерального секретаря Переса де Куэльяра и официального представителя организации по Афганистану Д. Кордовеса с Андроповым, на которой был поднят вопрос о выводе советских войск из Афганистана. В ходе ее советский лидер поблагодарил делегацию ООН за «понимание проблемы» и уверил ее в том, что СССР готов предпринять «определенные шаги», но сомневается, что Пакистан и США поддержат предложение ООН об их невмешательстве в конфликт. 19 мая советский посол в Пакистане официально подтвердил стремление СССР и Афганистана «назначить сроки вывода контингента советских войск». К августу была завершена напряженная работа миссии Кордовеса по подготовке соглашений по мирному урегулированию афганской проблемы. Ее итогом стал проект

8-месячной программы вывода войск из Афганистана. Однако после болезни Андропова вопрос о разрешении конфликта был снят с повестки дня заседаний Политбюро. Теперь речь шла лишь о «диалоге с ООН».

В 1984 г. частные операции стали основным видом боевых действий ОКСВ. Только в апреле 1984 г. проводилась крупная операция в Панджшерском ущелье. В ходе ее 30 апреля попал в засаду и понес тяжелейшие потери батальон 682-го мотострелкового полка. В 1984 г. дала себя знать американская помощь моджахедам. У них появились новейшие средства противовоздушной обороны. В боях в Афганистане в силу гористого характера местности использование авиации во всех видах операций имело подчас решающее значение. 16 января моджахеда сбили из переносного зенитного ракетного комплекса (ПЗРК) «Стрела-2М» самолет Су-25. Это был первый случай успешного применения ПЗРК в Афганистане. А 27 октября над Кабулом из ПЗРК «Стрела» был сбит транспортный самолет Ил-76. Зимой 1984 г. боевые действия активизировались в районе Сароби и Джелалабадской долины (чаще всего в провинции Лагман). Вооруженные отряды оппозиции впервые остались на территории Афганистана на весь зимний период. Началось создание укрепрайонов и баз сопротивления непосредственно в стране.

В результате обострения обстановки и расширения боевых действий в 1984 г. число советских войск в Афганистане достигло 150 тыс. человек. Семь советских мотострелковых дивизий располагались вдоль важной кольцевой афганской дороги и на дороге к перевалу Кибер. 105-я гвардейская воздушно-десантная дивизия находилась в районе Баграма-Кабула. Одна из пяти воздушно-десантных бригад, входящих в эту дивизию, была размещена в Джелалабаде. Командование 40-й советской армии было переведено из окрестностей Кабула к советской границе.

Наибольшая напряженность боевых действий в Афганистане против отрядов оппозиции относится к рубежу 1984–1985 гг. К ранее применявшимся видам боевых действий прибавилось уничтожение противника в кирязях (система колодцев и подземных арыков), а также боевые действия в подземелье и перехват выходящих на поверхность отрядов моджахедов. В 1984 г. потери советских военнослужащих составили 2343 человека.

Многие руководители, в том числе и военачальники, стали понимать, что ситуация заходит в тупик. Без кардинальных мер ни о какой стабилизации военно-политической обстановки в Афганистане нельзя было и помышлять. В марте 1985 г. была проведена крупная по своим масштабам Кунарская операция. В ее ходе боевые действия велись на всем протяжении Кунарского ущелья — от Джелалабада до Барикота, общей протяженностью 170 км. Уже тогда проявились моменты, которые позволяли сделать вывод, что надо искать общий язык с народом. Со старейшинами заключались соглашения о нейтралитете. В сложнейшей операции, в которой только в десанте участвовали 11,5 тыс. человек, ни один самолет не был сбит, потери оказались минимальными [72].

Настроения в пользу примирения стали распространяться и в афганском обществе. С середины 1985 г. начался новый качественный этап на пути восстановления мира в Афганистане. На расширенном заседании Революционного совета страны были разработаны 10 принципов национального примирения, которые были утверждены XVI Пленумом ЦК НДПА. Партия официально объявила об отказе от монополии на власть и предложила создать правительство на широкой коалиционной основе [73].

Третий этап пребывания ограниченного контингента советских войск в Афганистане охватывал период с мая 1985 по декабрь 1986 г. Он ознаменовался переходом от активных боевых действий советских войск преимущественно к поддержке афганских войск авиацией, артиллерией и саперными подразделениями ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Подразделения специального назначения вели борьбу по пресечению доставки оружия и боеприпасов из-за рубежа. Состоялся вывод шести советских полков на Родину.

Досмотр караванов и засадные действия были специфическим видом боевых действий. Он использовался для воспрепятствования пополнения отрядов моджахедов за счет переброски боевиков из Пакистана и Ирана, а также перехвата путей снабжения повстанцев из-за рубежа. Уже весной 1984 г. досмотровые и засадные действия были упорядочены. Специальным приказом командующего 40-й армии была введена в действие система

Уничтоженный караван

«Завеса». Всем соединениям и частям были определены полосы засадных действий. С учетом отдыха и подготовки личного состава, а также возможностей ВВС армии по прикрытию с воздуха ежедневно устраивалось не более 30–40 засад [59, с. 101–102]. В зоне системы «Завеса» ширина боевых действий достигала 100–300, а глубина — до 1000 км.

А тем временем бои продолжались. В мае-июне 1985 г. была проведена операция по деблокированию горно-пехотного полка афганской армии в городке Барикот, расположенном в 2 км от границы с Пакистаном. Обстановка сложилась такая, что даже вертолет с боеприпасами и продовольствием не мог пролететь. Дорога в Барикот пробита в скалах над рекой Кунар на высоте 70–100 м. Она была разрушена моджахедами и заминирована. Другой дороги не было. Чтобы спасти гарнизон, ее надо было пройти. Под ударами советских и афганских войск моджахеда, блокировавшие дорогу, отошли и пропустили большую колонну машин. Другой крупной операцией в этом году была Хостинская. Сражение под Хостом началось 13 июля и продолжалось 48 дней. В ходе боевых действий было уничтожено около 2400

моджахедов. В 1985 г. были проведены восьмая и девятая Панджшерские операции. В ходе девятой удалось оттеснить отряды Ахмад Шах Масуда из центральной части ущелья. Однако военные успехи снова и снова не закреплялись установлением органов власти на местах. Моджахеды получали подкрепление из своих центров на территории Пакистана, граница с которым так и не была перекрыта. Такая задача была не под силу ни 40-й Армии, ни афганским вооруженным силам. Только в одной провинции Нангархар имелось 67 горных троп и переходов, проложенных столетия назад в Пакистан. Кроме того, не в интересах пуштунских племен было перекрывать госграницу.

На 40-ю армию была возложена также задача по прикрытию южных границ СССР, для чего привлекались новые подразделения, в том числе пограничники. Началось создание опорных базовых районов в труднодоступных местах страны. 16–17 октября произошла Шутульская трагедия. 22 декабря 1985 г. при выполнении задачи в засаду попала застава мотоманевренной группы Панфиловского пограничного отряда Восточного пограничного округа КГБ СССР. В бою у кишлака Афридж в Зардевском ущелье провинции Бадахшан погибли 19 пограничников. Это были самые большие потери пограничников в одном бою в Афганской войне.

За 1985 г. советские войска потеряли в ДРА 1868 человек. Благодаря комплексу принятых мер, пошло постепенное снижение боевых потерь личного состава. Были налажены контакты с моджахедами. По сути, это были переговоры, что позволяло командирам и военачальникам познавать психологию, традиции, нравы, симпатии и антипатии афганцев в данный момент, в данном вооруженном формировании.

В течение 1986 г. боевые действия против моджахедов проводились в провинциях Пактия, Нангархар, Баглан, Каписа, Парван, Герат, Гельменд. 21 апреля в Мараварском ущелье (провинция Кунар) попала в окружение моджахедов и пакистанских наемников («Черных аистов») и была уничтожена рота советского спецназа. Невосполнимые потери составили 31 человек. С 4 по 20 апреля была проведена крупная операция по разгрому базы Джавара, нанесено серьезное поражение моджахедам. Эта база строилась в течение нескольких лет по всем правилам со-

временной фортификационной науки. Она была расположена в горном массиве вблизи границы с Пакистаном и считалась неприступной. Фактически Джавара являлась олицетворением могущества всех сил оппозиции на юго-востоке Афганистана. Успешно была проведена операция западнее Герата. В ходе ее закончились неудачей попытки отрядов Исмаил-хана прорвать «зону безопасности» вокруг Герата, была уничтожена база Кокари-Шаршари, расположенная у границы с Ираном. После разгрома оппозиции в этом районе отмечался процесс перехода некоторых мятежных отрядов на сторону государственной власти. В августе отряд моджахедов под командованием Масуда разбил базу правительственных войск в Фархаре (провинция Тахар). 18–26 августа был осуществлен в рамках операции «Западня» штурм укрепрайона Кокари-Шаршари (провинция Герат). Осенью была захвачена первая партия переносных зенитно-ракетных комплексов «Стингер» в районе Кандагара. В 1986 г. потери наших войск в Афганистане составили 1333 человека.

На протяжении третьего периода пребывания советских войск в Афганистане кризис власти, которую возглавлял Кармаль, углублялся с каждым днем. Из 288 уездных и волостных центров моджахеды полностью контролировали 76 и частично — 143. Их численность достигала 120 тыс. человек. Боевики легко набирались из 5 млн беженцев, укрывавшихся от войны в Пакистане и Иране [61, с. 105]. К сожалению, правительство ДРА не только не закрепляло результаты боевой деятельности 40-й армии и афганской армии, но и не стремилось этого сделать. По образному выражению генерал-полковника Б. Громова, «именно в это время многие стали задумываться о том, что мы напрасно таскаем раскаленные каштаны из огня». В Афганистане продолжалось жестокое противостояние между НДПА, находившейся у власти, и оппозиционными партиями, а стало быть, между вооруженными силами ДРА и отрядами моджахедов. Для выхода из кризиса 4 мая 1986 г. на XVIII пленуме ЦК НДПА на пост генерального секретаря вместо Кармалья был избран М. Наджибулла, возглавлявший ранее афганскую контрразведку. Кармаль не смог организовать работу партийных организаций по укреплению органов власти

на местах. Но и сам факт смены одного только лидера партии не вселял особых надежд. Встал вопрос о формировании нового курса — политики национального примирения. Однако формирование этого курса шло медленно. Только 31 декабря состоялся Чрезвычайный расширенный пленум ЦК НДПА, на нем-то и был определен курс партии на национальное примирение и скорейшее прекращение братоубийственной войны. Таким образом, политика национального примирения выработывалась почти в течение года. Большинство населения не могло мириться с искаженными установками в экономической политике (проведение земельной и водной реформ), с извращениями в социальной области, в первую очередь в отношении к религии, и др. А этим умело пользовались лидеры оппозиционных партий.

Летом 1985 г. проявился новый курс политбюро ЦК КПСС на политическое решение «афганской проблемы». Он получил официальное подтверждение на XXVII съезде КПСС в феврале 1986 г., когда М. Горбачев сделал заявление о начале выработки плана поэтапного вывода войск. 28 июля Горбачев заявил о скором выводе из Афганистана шести полков 40-й армии (один танковый, два мотострелковых и три зенитных). Позднее срок вывода будет перенесен. В Москве же шли споры о том, выводить ли войска полностью. И 15–31 октября объявленный вывод войск был осуществлен. Восемь тысяч человек, составлявших группировку, прошли сотни километров войны без единой жертвы, даже не потеряли ни одной единицы техники. За весь период только раз они были обстреляны моджахедами. 13 ноября на заседании политбюро ЦК КПСС Горбачев отметил: «В Афганистане мы воюем уже шесть лет. Если не менять подходов, то будем воевать еще 20–30 лет». Начальник Генерального штаба маршал Ахромеев заявил: «Нет ни одной военной задачи, которая ставилась бы, но не решалась, а результата нет... Мы контролируем Кабул и провинциальные центры, но на захваченной территории не можем установить власть. Мы проиграли борьбу за афганский народ. Правительство поддерживает меньшинство народа. Наша армия воевала пять лет. Она и сейчас в состоянии удержать обстановку на том уровне, который существует. Но в этих условиях война будет продолжаться долго».

На этом же заседании была поставлена задача — вывести все войска из Афганистана в течение двух лет.

На четвертом этапе (январь 1987 — февраль 1989 г.) советские войска продолжали поддержку боевой деятельности афганских войск, участвовали в проведении афганским руководством политики национального примирения и готовились к возвращению на Родину.

В ходе боевых действий афганские соединения и части не проявляли прежней активности и настойчивости, стараясь избегать столкновений с отрядами моджахедов. Наши войска были вынуждены поддерживать функционирование органов власти в провинциальных центрах, а также в ряде уездов и волостей. Само присутствие 40-й армии не позволяло моджахедам решать поставленные цели свержения правительства Республики Афганистан. Оппозиционные партии расценили политику национального примирения прежде всего как слабость государственной власти и лишь усилили борьбу по ее свержению. Повысилась боевая активность отрядов моджахедов в условиях одностороннего прекращения огня советскими и правительственными войсками. С активизацией моджахедов военная обстановка продолжала осложняться. Уже во второй половине января 1987 г. оппозиция предприняла решительные наступательные действия против советских и афганских гарнизонов. Подверглись нападению и мирные кишлаки.

В провинциях Баглан и Кундуз особенно активизировались отряды Гаюра. Они действовали изошренно, держали дехкан в своем повиновении под страхом смерти, не брезговали подкупом должностных лиц, распространяли дезинформацию. Впервые за семь лет пребывания советских войск моджахеды воевали и зимой. Количество обстрелов мест расположения советских частей неуклонно росло. Деятельность этих отрядов создавала угрозу коммуникациям, по которым обеспечивалась 40-я армия всем необходимым из района Термеза. Советские подразделения были вынуждены начать боевые действия по разгрому гаюровских отрядов. Однако боевая активность подразделений 40-й армии и количество операций в интересах правительственных войск постепенно сводились к минимуму. Ответные или, в зависимости от ситуации, упреждающие бое-

вые действия командиры обязаны были проводить только для того, чтобы не допустить массовой гибели подчиненных и даже исключить такую опасность.

В 1987 г. боевые действия проходили во многих провинциях. Немало усилий было приложено для стабилизации обстановки в зоне «Юг». Именно там, в районе Кандагара, с мая по сентябрь с этой цепью проводился ряд операций. В ноябре-декабре была проведена одна из крупнейших операций «Магистраль» по разблокированию Хоста. Воспользовавшись отсутствием советских частей в округе Хост, моджахеды к осени 1987 г. восстановили одну из самых крупных перевалочных баз Джавара, которую наши войска разгромили еще весной 1986 г. Существовала опасность создания в Хосте временного правительства оппозиционных сил. Было принято решение спланировать и провести крупную совместную войсковую операцию афганских и советских войск и обеспечить население Хоста в первую очередь продовольствием, а также другими видами материальных средств, сорвать замыслы оппозиции по формированию альтернативного правительства Афганистана.

В операции «Магистраль» из состава 40-й армии участвовали силы 108-й и 201-й мотострелковых дивизий, 103-й воздушно-десантной дивизии, 56-й отдельной десантно-штурмовой бригады, 345-го отдельного парашютно-десантного полка и др. Со стороны афганской армии были привлечены силы и средства пяти пехотных дивизий, одной танковой бригады и нескольких подразделений спецназначения. Кроме того, в операции участвовало более десяти батальонов царандоя и госбезопасности. Обстановка на магистрали Гардез — Хост была сложной. Сначала предстояло овладеть перевалом Сети-Кандав — он расположен на высоте 3 тыс. м. Группировка оппозиции в этом районе состояла в основном из военизированной части племени джадран. Это племя вообще не подчинялось никакому правительству и действовало, как считали нужным его руководители. В 1980-х гг. руководство формированиями моджахедов осуществлял Джелалуддин, выходец из этого племени. Поскольку переговоры с ним оказались безрезультатными, 23 ноября были начаты боевые действия. К исходу 28 ноября передовые части овладели перевалом Сети-Кандав. Затем опять начались

переговоры с лидерами воюющего племени джадран. Но 16 декабря войска были вынуждены продолжить боевые действия. 30 декабря по магистрали на Хост двинулись первые машины с продовольствием. Главным итогом проведенной операции стал прорыв многомесячной военной и экономической блокады Хоста. Вместе с тем были сорваны планы лидеров «альянса семи» по отторжению округа Хост от Афганистана и созданию на его территории автономного исламского государства.

С весны 1987 г. советские войска перешли к системе «Барьер». Она заключалась в том, что отдельные участки местности на востоке и юго-востоке страны перекрывали сплошной цепью засад и опорных пунктов на узлах дорог и высотах. Основная задача системы состояла не в уничтожении караванов, а в воспрепятствии их продвижения в центр страны.

Руководители Республики Афганистан осознавали, что скоро настанет время, когда придется остаться один на один со своими проблемами и, самое главное, с вооруженной оппозицией. Афганская армия была неспособна решать стоящие перед ней задачи. Об этом знали и советские, и афганские военачальники, но не говорили открыто. По сути, предстоящий вывод 40-й армии мог стать началом поражения правительственных войск. Тем более что в ответ на призыв к прекращению огня афганская оппозиция активизировала действия своих вооруженных отрядов на территории Афганистана. Отряды лидера ИПА Г. Хекматяра даже обстреляли 8 марта ракетными снарядами советский районный центр Пяндж, а в ночь на 9 апреля отряд ИПА перешел реку Пяндж, то есть нарушил государственную границу СССР и совершил нападение на советский пограничный отряд. Эти акции носили уже чисто политический характер. Потери личного состава СССР в 1987 г. составили 1215 человек.

Прошли шесть лет военных действий. Военные усилия 40-й армии и афганских вооруженных сил не закреплялись установлением местных органов власти. Силой оружия можно удерживать власть в провинциальных центрах, но решать назревшие проблемы следовало путем переговоров. Медленно созревали принципы национального примирения. Да и время было упущено. Только в июле 1987 г. был опубликован закон о политических партиях, утвержденный Президиумом Ревсовета ДРА. Лишь в октябре на

общепартийной конференции Народно-демократической партии Афганистана была утверждена и подписана всеми делегатами резолюция «О неотложных задачах укрепления единства НДПА в условиях борьбы за национальное примирение». Была предпринята еще одна попытка преодолеть раскол партии. Внутрипартийная борьба «Хальк» и «Парчам» принесла НДПА вреда не меньше, чем ее открытые враги. 29 ноября 1987 г. состоялся Высший Совет государства Лойя Джирга. На другой день, 30 ноября, Лойя Джирга утвердил Конституцию Республики Афганистан, президентом страны был избран Наджибулла, который объявил делегатам афганского парламента о продолжении линии на прекращение огня до 15 июля 1988 г. Вывод советских войск из Республики Афганистан по согласованию обеих сторон предполагалось осуществить за 12 месяцев.

Положение в ДРА и в 1988 г. не улучшалось. «Альянс семи», несмотря на военные успехи 40-й армии, укреплял свои позиции в уездах и волостях. Летом 1988 г. (с 15 мая по 15 августа) советские войска были выведены из таких гарнизонов, как Джелалабад, Газни, Гардез, Кандагар, Лашкаргах, Файзабад и Кундуз. Вместе с тем боевые действия против отрядов оппозиции не прекращались. Оппозиция с выводом советских войск начала действовать с еще большей напористостью, причем на всей территории страны. Но основные удары наносились в южных и юго-восточных районах. Дело в том, что с уходом советских частей афганские подразделения кое-где оттянулись к северу, чтобы создать свободные зоны для возвращения на родину беженцев. Оппозиция же заполнила немедленно освободившиеся районы. Ее вооруженные силы накапливались прежде всего вокруг Кандагара и Джелалабада.

С середины мая стали регулярными обстрелы Кабула ракетами. Расчет был на психологическое воздействие. Грохотали взрывами и Кандагар, и Газни, и Джелалабад, и Калат. Оживали ранее перерезанные тропы, по которым поставлялось моджахедам военное снаряжение. В срочном порядке возрождались и заново создавались в приграничных с Пакистаном и Ираном зонах укрепрайоны, базы, склады. Резко увеличивались поставки оружия, в том числе ракеты «земля — земля» с дальностью действия до 30 км, «Стингеры» и др. Результат, конечно, сказался неза-

медлительно. Значительно сократилась деятельность афганской авиации. С 15 мая по 14 октября вооруженные отряды оппозиции сбили 14 самолетов и 36 вертолетов афганских ВВС.

Летом 1988 г. оппозиция предприняла попытку овладеть некоторыми провинциальными центрами. 24 июня им удалось на некоторое время захватить центр провинции Вардак — город Майданшахр. Со стороны оппозиции в боях за город участвовало более 2 тыс. человек. В июле подвергся длительной осаде и штурму центр провинции Заболь город Калат. Осаждавших разгромили подтянутые из других районов войска, но Калат — небольшой населенный пункт примерно с 7 тыс. жителей — был сильно разрушен. В августе, как только советские войска покинули Кундуз, оппозиция повела на город решительное наступление. 10 августа отряды Ахмад Шах Масуда овладели им. Значительная часть четырехтысячного гарнизона перешла на сторону моджахедов. В течение недели исламская оппозиция, поделив его на секторы, уничтожала местных активистов, сторонников прежней власти, а затем — торговцев и просто жителей. Грабеж, мародерство, разбой. Пришлось правительству стягивать к Кундузу части из соседних провинций. При поддержке авиации и артиллерии, общими усилиями и ценой немалых потерь город освободили.

В приграничных с Пакистаном районах, где сосредоточилась группировка Исламской партии Афганистана под командованием Ю. Халеса, была блокирована стратегическая дорога Джелалабад — Кабул и Джелалабад — Асадабад (центр провинции Кунар). Вокруг столицы стягивалась петля. Советскому командованию пришлось спланировать контрудары по базам и складам оппозиции. По крайней мере, к середине ноября было произведено более 30 пусков ракет по объектам, расположенным в труднодоступных массивах близ пакистанско-афганской границы и в ущельях гор.

Афганскому руководству так и не удалось организовать отпор оппозиции. Оно стало открыто говорить о своих просчетах. Среди главных ошибок — поспешное осуществление земельно-водной реформы, которая проводилась без учета специфики афганского общества, неправильное отношение к религии, а также забвение традиций афганского общества. Участились

случаи предательства. В ноябре 1988 г. после ухода бригады ОКСВ оппозиционеры в сговоре с отдельными должностными лицами второго армейского корпуса афганской армии попытались захватить власть в Кандагаре. переворот удалось предотвратить, но обстановка от этого не разрядилась, она продолжала накаляться и здесь, и в других провинциях — по мере того, как все меньше оставалось в ДРА советских воинских частей. И все же президент Наджибулла и его сподвижники сохраняли надежду на то, что смогут удержать власть в своих руках. По его утверждению, после возвращения советских частей на родину в стране не усилится военное противостояние.

14 апреля 1988 г. при посредничестве ООН в Швейцарии министрами иностранных дел Афганистана и Пакистана при участии представителей СССР и США были подписаны «Соглашение о взаимосвязи для урегулирования положения, относящегося к Афганистану» и другие документы. Женевские соглашения вступали в силу с 15 мая. Согласно им половина советских войск должна быть выведена к 15 августа 1988 г., а вывод всей 40-й армии завершится в течение девяти месяцев. США и Пакистан, со своей стороны, должны были прекратить поддерживать моджахедов.

Выводом войск 40-й армии руководил последний командующий ограниченным контингентом генерал-лейтенант Борис Громов. Для отвода советских войск были определены направления: на западе Кандагар — Шинданд — Кушка, на востоке — объединявшиеся в Кабуле маршруты из Газни, Гардеза и Джелалабада, далее через перевал Саланг в Пули — Хумри и Термез. В то же время просьбы афганского правительства о приостановке вывода войск следовали одна за другой. При этом одним из основных предлогов явилось невыполнение Пакистаном своих обязательств согласно Женевским соглашениям. Несмотря на сложную ситуацию, советское руководство продолжало выполнять эти соглашения.

Точно 15 августа 1988 г. первый этап вывода войск был завершен. Женевские соглашения советской стороной соблюдены. Афганистану передано около 2300 объектов различного назначения — городки, мастерские, госпитали, склады. В результате боевой деятельности 40-й армии в течение 1988 г.

Вывод советских войск из Афганистана

отряды оппозиции были значительно ослаблены. Совместно с подразделениями вооруженных сил Афганистана советские войска провели большую работу по расчистке районов вдоль магистралей. После несостоявшихся переговоров с оппозицией во время проведения войсковых операций моджахедам был нанесен внушительный ущерб. Советскими войсками было захвачено более 1000 зенитных горных установок и более 30 тыс. реактивных снарядов к ним, более 700 минометов и примерно 25 тыс. мин, а также значительное количество стрелкового оружия и более 12 млн патронов. Во второй половине 1988 г. силами 40-й армии было захвачено 417 караванов оппозиции, следовавших из Пакистана и Ирана. Потери личного состава СССР в 1988 г. составили 759 человек.

15 февраля 1989 г. из Афганистана были полностью выведены советские войска. Для Советского Союза в этот день афганская война закончилась. В ходе военных действий погибло

более миллиона афганцев. Советские войска, по официальным данным, потеряли убитыми 14 453 человека.

В марте 1989 г. моджахеды предприняли наступление под Джелалабадом. Им противостояли только афганские войска. После двух месяцев боев моджахеды потерпели поражение. Были также сорваны попытки оппозиции овладеть Хостом и Кабулом [74]. В апреле-мае 1990 г. шли успешные бои в районе Пагман и кишлачной зоне. Но политика национального примирения не давала результатов. В мае 1990 г. поднял мятеж министр обороны халькист Шах Наваз Танай, который был подавлен. В целом же афганские вооруженные силы успешно противостояли вооруженным формированиям оппозиции. Они удерживали занимаемые рубежи, все провинциальные и уездные центры, которые контролировались центральной властью и в прежние годы. Были взяты под контроль несколько новых уездных центров.

Однако с учетом большой усталости от войны личного состава и населения рассчитывать на дальнейшее развитие успеха было трудно. К тому же экономическая и военно-техническая помощь из Советского Союза прекратилась [74, с. 151–152]. В 1991 г. моджахеды овладели Хостом, откололись от центральной власти северные провинции Афганистана. После этого режим Наджибуллы в апреле 1992 г. пал. События развивались не по сценарию из Москвы.

* * *

Решение на ввод советских войск в Афганистан было принято небольшой группой членов политбюро ЦК КПСС. Научное сообщество не было привлечено к его подготовке. Задействованные эксперты волей-неволей отражали ведомственные пристрастия и устремления.

Советские войска, направленные в Афганистан, не были готовы к ведению противоповстанческих действий. Опыт войсково-чекистских операций против националистических формирований в Прибалтике и Западной Украине в послевоенный период не осваивался в войсках Советской Армии.

Внутриполитическая борьба ослабляла центральную афганскую власть. Ставка на реформаторское крыло правящей партии

не дала нужных результатов. Оно не смогло консолидировать афганское общество и создать боеспособную армию. Неудача операции в Афганистане была предопределена.

* * * *

Признание руководством США стратегического паритета вытекало из понимания, что серьезно возросла опасность мировой ракетно-ядерной войны. В ее огне неизбежно было бы нанесено гарантированное уничтожение обеим ядерным сверхдержавам и их ближайшим союзникам. В 1970-х гг. основные усилия американских лидеров были направлены на создание условий, при которых континентальная часть Соединенных Штатов могла бы избежать ракетно-ядерного нападения.

Успех разрядки напряженности обусловлен осознанием руководством западноевропейских стран, что любое непосредственное столкновение между вооруженными силами, имеющими ядерное оружие, может перерасти в ракетно-ядерную войну. Вследствие этого предпринимаемые военные действия не должны перерастать в войну. Современные военные действия, даже не достигшие уровня войны, предполагают большие потери среди мирного населения. Отсюда без его поддержки военного успеха достичь невозможно.

Признание народом справедливого характера вооруженного насилия жизненно необходимо для нападающей стороны, независимо от преследуемых ею целей. Отказ людей поддерживать военные акции неизбежно ведет к военному поражению.

ГЛАВА 5

Последний натиск

В 1970-х гг. международные позиции Соединенных Штатов начали деградировать. Помимо активного участия западноевропейских стран в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе ускорилась экономическая интеграция Западной Европы. В 1974 г. был создан новый институт сообщества — Европейский совет на уровне глав государств и правительств, а в 1979 г. — проведены первые прямые выборы в Европейский парламент. В том же году был подписан договор о передаче Панамского канала из-под юрисдикции США до 31 декабря 1999 г. В 1979 г. произошла исламская революция в Иране, в результате которой был свергнут один из самых верных союзников США на Среднем Востоке — иранский шах. Победила революционно-демократическая революция в Афганистане.

В этих условиях правящие круги Соединенных Штатов приняли решение начать контрнаступление на лагерь социализма.

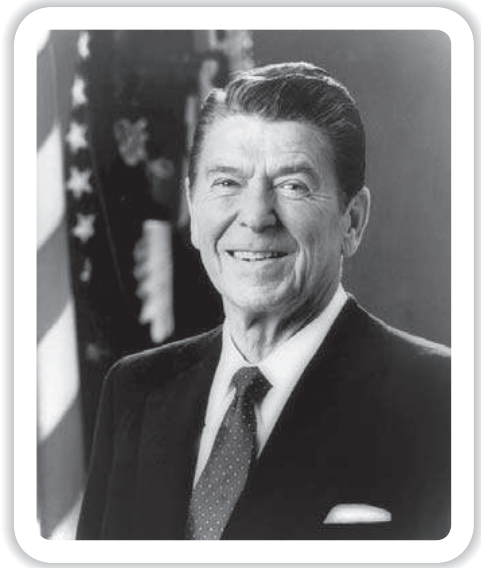
5.1. «Империя зла»

В начале 1980-х гг. с избранием президентом Р. Рейгана в США была принята стратегия «прямого противоборства». Она заключалась в глобальном противоборстве не только с социалистическими странами, но и всеми прогрессивными силами, включая международное коммунистическое, рабочее

и национально-освободительное движение. Согласно этой стратегии, официальной целью военной политики Соединенных Штатов стало «уничтожение социализма как общественно-политической системы». В связи с этим был взят курс на невиданное наращивание военного потенциала США для достижения военного превосходства над Советским Союзом, увеличение масштабов применения военного насилия в целях подавления революционных движений, подрыва и ликвидации прогрессивных режимов [1].

Стратегией «прямого противоборства» предусматривалось решительное использование военной силы в качестве главного инструмента американской внешней политики. Перед вооруженными силами была выдвинута задача быть в готовности к немедленному развязыванию всеобщей или ограниченной войны с применением ядерного и обычного оружия. Они должны были быть способны к ведению длительных военных действий, а также к достижению военно-технического превосходства над Советским Союзом и сохранению его в течение длительного времени. В стратегии «прямого превосходства» в откровенной форме проявился авантюризм американской военно-технической политики, проводившейся все годы после Второй мировой войны. Она характеризовалась абсолютизацией вооружений, ориентацией на наступательные средства вооруженной борьбы и неизменной ставкой на военно-техническое превосходство [2].

Стратегия «прямого противоборства» исходила из возможности достижения победы во всеобщей ядерной войне, а также вероятности ведения мировой (всеобщей) войны с применением обычных вооружений. В ней получила дальнейшее развитие классификация войн. В официальных американских военных документах они стали различаться по степени напряженности военных действий: высокой, средней и низкой интенсивности. К конфликтам высокой интенсивности стали относить войны между двумя странами или коалициями государств, в которых воюющие стороны используют все имеющиеся силы и средства. Конфликты средней интенсивности представляли собой войны между двумя странами или коалициями государств, которые используют все имеющиеся силы и средства, кроме оружия

Рональд Рейган

массового поражения. Конфликты низкой интенсивности, согласно американским взглядам, — это особая форма военно-политической борьбы в каком-либо одном или нескольких географических районах с ограниченным применением военной силы или посредством оказания различных видов помощи без использования вооруженных сил [3]. К военным действиям высокой интенсивности американские специалисты отнесли войны с применением ядерного оружия, средней — обычные войны на театре войны или театре военных действий, а к низкой — обычная война в ограниченном районе ТВД или гражданские войны в других странах [4].

Развитием стратегии «прямого противоборства» применительно к странам третьего мира стала американская «доктрина неоглобализма». Она предусматривала финансирование и оснащение внутренней контрреволюции в прогрессивных государствах, а в отдельных случаях — и прямую вооруженную интервенцию США. В связи с этим важное место в американской теории и практике заняла разработка вопросов конфликтов низкой интенсивности, особенно так называемых внутренних конфликтов низкой интенсивности. К ним стали относить, по-

мимо массовых выступлений, партизанских и повстанческих действий, терроризм и вооруженную борьбу бандформирований и наемников против прогрессивных государств.

«Терроризм» стал определяться как преднамеренное использование насилия или угрозы его применения для достижения политических, религиозных или идеологических целей. Было выделено три типа терроризма: международный, осуществляемый лицами или группой лиц, которые находятся под контролем суверенного государства; транснациональный, проводимый независимыми негосударственными организациями одной страны в других государствах; внутренний, осуществляемый отдельными лицами и группами в собственной стране. Эта классификация терроризма была дополнена характеристикой его связей с государственной властью. Были введены понятия терроризма, контролируемого государством, поддерживаемого государством и независимого, негосударственного [5].

При разработке вопросов конфликтов низкой интенсивности особое внимание было уделено «международному терроризму». Для борьбы с ним предусматривалась возможность применить вооруженные силы против государства, где, по сведениям США, были подготовлены террористы, в случае совершения террористического акта против граждан и имущества Америки. Были также уточнены варианты использования вооруженных сил в конфликтах низкой интенсивности. По варианту А предусматривалось прямое вооруженное вмешательство с целью «установления, восстановления и поддержания контроля над определенном районом». По варианту Б предполагалась подготовка местных властей или отрядов оппозиции, а также их боевое и тыловое обеспечение [3].

В соответствии со стратегией «прямого противоборства» администрацией президента США Рейгана была разработана «оборонная» стратегия. В ней определялись основные направления строительства и использования американских вооруженных сил в 1980-х гг. «Оборонная» стратегия была сформулирована в докладе министра обороны Соединенных Штатов в феврале 1985 г. Она стала именоваться «устрашение посредством гибкого реагирования». Суть ее состояла в создании такого военного потенциала США, который «обеспечивал бы ведение войны на

любом уровне, который изберет противник» [6]. На практике эта «оборонная стратегия» означала подготовку к ведению всех видов войн, в том числе к всеобщей обычной войне, признанной стратегией «прямого противоборства» в качестве самостоятельного вида войны, а также участие в так называемых конфликтах низкой интенсивности.

На основании положений «оборонной» стратегии американским военным командованием был разработан ряд стратегических и оперативно-тактических концепций. К числу важнейших относилась стратегическая концепция «активного противодействия». Ее основы были изложены еще в президентской директиве от 25 июля 1980 г. Директивой предусматривалось дальнейшее совершенствование стратегических наступательных сил, создание «евростратегического» ядерного потенциала и повышение гибкости и устойчивости систем управления, разведки и связи [7]. С приходом к власти администрации Рейгана концепция «активного противодействия» была развита в директиве министра обороны «Политика в области применения ядерного оружия», подписанной в июле 1982 г.

В концепции «активного противодействия» особое внимание было уделено вопросам ведения длительной ядерной войны. Ее возможность обуславливалась наличием резерва, способного и после обмена несколькими ядерными ударами поражать военные объекты и центры государственного и военного управления. Тем самым было сформулировано требование о необходимости неустойчивого «контрсилового» ядерного потенциала, а не только потенциала «гарантированного уничтожения», как это предусматривалось ранее. Как заявил министр обороны США, надо, «чтобы был создан достаточно большой и гибкий потенциал, который позволил бы наносить избирательные удары по ряду военных и иных объектов и после этого оставался бы значительный резерв ядерной мощи на продолжительное время» [8]. Стратегические наступательные силы должны иметь возможности, чтобы поразить 40 тыс. объектов в СССР и странах социалистического лагеря [9].

Одновременно несколько изменились задачи стратегических наступательных сил. Предусматривалась разработка большего количества вариантов их использования. Было повышено

значение поражения военных целей противника. В рамках «гарантированного уничтожения» упор делался на уничтожение военно-экономических объектов. Концепцией «активного противодействия» предусматривалась также новая форма применения ядерного оружия — «обезглавливающий удар». Суть его заключалась в заранее спланированном нанесении внезапного ядерного удара по советским органам высшего государственного и военного руководства [10].

В концепции «активного противодействия» подчеркивалась необходимость, наряду с заблаговременным планированием, иметь возможность выявлять новые цели и уничтожать их в ходе обмена ядерными ударами. Увеличилось до четырех вариантов использование ядерного оружия (массированное, выборочное, ограниченное и региональное). Массированное применение предполагало поражение максимального количества целей в каждом из видов ядерных войн. Выборочное использование ядерного оружия означало поражение стационарных и подвижных военных целей в тылу противника с тем, чтобы сорвать сроки начала его наступления на определенном стратегическом направлении. Ограниченное применение предназначалось для выборочного уничтожения стационарных военных и промышленных объектов. Региональное использование ядерных сил предусматривало уничтожение передовых группировок противника на определенном ТВД или в ограниченном районе ТВД. Были выделены также цели для нанесения упреждающих и ответно-встречных ударов по Советскому Союзу [11].

Переоснащение стратегических наступательных сил (СНС) США в соответствии с концепцией «активного противодействия» было обусловлено, по оценке американских специалистов, двумя причинами: «Во-первых, возросло количество возможных целей в СССР, включенных в американские планы поражения объектов. Во-вторых, новые варианты использования потребовали от СНС быть готовыми наносить в течение продолжительного времени многочисленные удары по малоразмерным высокозащищенным целям» [12]. В связи с этим получили дальнейшее развитие положения концепции «существенного равенства», по которым предусматривался значительный

рост мощи стратегических наступательных сил для достижения неоспоримого превосходства над Советским Союзом, а также повышение живучести СНС, систем предупреждения о ракетно-ядерном ударе, управления и связи.

Новые требования к стратегическим наступательным силам США были сформулированы в разработанных американским министерством обороны основных направлениях военного строительства в 1984–1988 гг. В этом документе указывалось, что необходимо:

- иметь силы, способные при различных условиях развязывания войны нанести удар по широкому спектру целей даже в ответ на массированный удар противника, нанесенный без стратегического предупреждения;
- иметь планы использования, обеспечивающие способность стратегических ядерных сил США дезорганизовать всю военную и политическую структуру СССР и их союзников путем нанесения ударов по органам политического и военного управления и системам их обеспечения, ядерным и обычным силам, а также по промышленности, обеспечивающей военный потенциал;
- иметь силы, способные сохранять на всем протяжении длительного вооруженного конфликта и после него возможности нанести чрезвычайно большой ущерб промышленно-экономической базе Советского Союза и его союзников с тем, чтобы у них был побудительный мотив к завершению конфликта. Эти наступательные возможности должны обеспечить положение, при котором Соединенные Штаты могут остаться без ядерного оружия после завершения ядерной войны, в то время как противник будет иметь резерв ядерного оружия;
- располагать стратегическими силами и системами управления и связи, способными обеспечить контролируемые ответные ядерные удары в течение длительного периода времени, сохраняя при этом резерв ядерных сил, достаточный для обороны и устрашения в ходе и после нанесения ударов. Системы связи должны обеспечить выполнение вновь разработанных планов даже после нескольких ударов, а также способствовать восстановлению и примене-

нию сил стратегического резерва, особенно стратегических подводных лодок [13].

Внимание к стратегическим подводным лодкам обусловила их высокая живучесть и наименьшая среди компонентов стратегических наступательных сил США уязвимость в условиях противодействия противника. Это в сочетании с большой ударной мощностью, возрастающей точностью и дальностью стрельбы баллистических ракет морского базирования позволяло американскому командованию применять морской компонент триады как эффективное средство не только в первом, но и в последующих ударах. С 1981 по 1986 г. при сохранении на уровне 38–40 подводных лодок количество БРПЛ (баллистических ракет подводных лодок) увеличилось с 648 до 672, а зарядов — с 5289 до 7000 [14].

В целях обеспечения возможностей по ведению длительной ядерной войны в Европе американское военно-политическое руководство добилось согласия в конце 1970-х гг. на создание «евростратегического ядерного потенциала». Он должен был быть развернут за счет размещения в Западной Европе в 1983–1986 гг. крылатых и баллистических ракет средней дальности [15]. Кроме того, было начато оснащение крылатыми ракетами морского и воздушного базирования американских кораблей и самолетов, которые могли быть сосредоточены в короткие сроки у границ Советского Союза. Развертывание в Европе средств средней дальности в сочетании с ядерными силами Великобритании и Франции создавало условия для возникновения самостоятельного ядерного потенциала на Европейском театре войны [16].

С 1983 г. началось размещение ракет «Першинг» и крылатых ракет наземного базирования (так называемых евростратегических ракет) в Великобритании, Италии (на острове Сицилия), ФРГ, Бельгии [17]. Новое оружие предназначалось для увеличения зоны поражения объектов до 2,5 тыс. км. Подлетное время к целям на Европейской части СССР новых ядерных носителей сокращалось до 6 минут. Кроме того, размещаемое американское ядерное оружие отвечало требованиям нанесения первого, так называемого обезоруживающего удара. Он заключался в уничтожении в первом ударе ядерных средств противника.

*Баллистическая ракета средней дальности
«Першинг II» на полигоне*

С появлением в Европе ядерного оружия первого удара обострилось ядерное противостояние на континенте, увеличился риск возникновения войны [18].

После отказа США в 1970-х гг. от идеи создания «многосторонних ядерных сил» НАТО, поскольку ее осуществление не исключало в перспективе физической передачи американского ядерного оружия союзникам и могло иметь неблагоприятные последствия для позиций США в блоке, американское руководство предпочло выдвинуть формулу ядерного сотрудничества с союзниками без физической передачи им самого оружия. Был создан «специальный ядерный комитет» НАТО, ключевые полномочия которого были переданы впоследствии Группе ядерного планирования (ГЯП).

Среди наиболее важных вопросов, разрабатывавшихся в этом Комитете, а затем Группе, был, несомненно, вопрос о «ядерном пороге» (моменте перехода к применению ядерного оружия). Его «высота» определялась длительностью промежут-

ка между началом боевых действий и первым ядерным ударом. Концепция «ядерного порога» основывалась на двух постулатах. Во-первых, европейский континент рассматривался как театр войны, где ядерное оружие может быть применено. Во-вторых, оценка высоты «ядерного порога» увязывалась с «вторжением с Востока», в результате которого оборонительные ресурсы оказались бы исчерпанными.

Среди первых было решение Комитета о том, что НАТО первой использует ядерное оружие на ранних стадиях военных действий по объектам стран Варшавского Договора, но вне территории Советского Союза¹. Такое использование ядерного оружия, по сути дела, подтверждало возможность ограниченной ракетно-ядерной войны в Европе, так как исключалось использование стратегических ядерных сил СССР и, следовательно, выводилась из-под угрозы ядерного удара континентальная часть США. Одновременно была изменена процедура принятия решения на применение ядерного оружия [19].

Курс администрации Рейгана на победу в длительной ядерной войне обусловил ускорение разработки вопросов стратегической обороны. В начале 1980-х гг. в США приступили к разработке концепции «гарантированного выживания». В ее основу была положена идея создания таких ядерных сил первого удара и стратегических оборонительных сил (СОС), которые могли бы обеспечить в XXI в. защиту континентальной части Соединенных Штатов в случае всеобщей ядерной войны. Было признано возможным создать в рамках СОС систему противовоздушной (ПВО), противоракетной (ПРО) и противокосмической (КСО) обороны. Преимущество отдавалось развитию противоракетной обороны. Противоракетная оборона строилась согласно следующим принципам:

- система дальнего обнаружения должна заблаговременно определять координаты баллистических ракет, летящих к любым объектам на территории США, и предупреждать о нападении не менее чем за 15–20 минут;
- системы разведки, антиракеты и средства наведения должны размещаться таким образом, чтобы обеспечить

¹ См.: Times. 1970. Jun. 8; New York Times. 1970. Jun. 9.

боевое применение в конкретном обороняемом районе нескольких батарей антиракет;

- уничтожение последних ступеней баллистических ракет должно осуществляться на высотах не ниже 30–32 км и дальности от обороняемого объекта не менее 80 км;
- система ПРО должна находиться в постоянной боевой готовности и быть полностью автоматизированной.

Помимо активной противоракетной обороны предусматривалась пассивная ПРО. Прежде всего обращалось внимание на повышение защищенности шахтных пусковых установок поступающих на вооружение межконтинентальных баллистических ракет (МБР). Была ускорена программа оснащения баллистических ракет на атомных подводных лодках, передислоцированы базы стратегических бомбардировщиков вглубь континентальной части США. Важное место в пассивной ПРО заняла система предупреждения о ракетно-ядерном ударе (СПРЯУ). Для обнаружения стартов ракет с наземных пусковых установок использовались космическая система, включавшая искусственные спутники Земли, и система загоризонтных радиолокационных станций.

Планы создания стратегических оборонительных сил под названием «стратегическая оборонная инициатива» (СОИ) были гвоздем шумной пропагандистской кампании в 1980-х гг. СОИ стала ключевой в военной политике США вплоть до нынешнего времени [20]. Перед разработчиками была поставлена задача добиться поражения межконтинентальных баллистических ракет наземного и морского базирования на всем протяжении полета к цели. Тем самым ставилась принципиально новая задача — создать противоракетную оборону территории страны.

Сторонники СОИ исходили из того, что противоракетная система должна обеспечивать поражение атакующих ракет, в первую очередь на активном участке работы ракетных двигателей. Для ракет 1980-х гг. он занимал до 200 секунд при высоте 200–350 км. Баллистический участок, где ракеты движутся по траектории свободного полета, длился 20–25 минут для баллистических ракет с дальностью 10 тыс. км. Конечный участок полета укладывался в 60 секунд [21].

Преимущество поражения ракет на активном участке определялось рядом причин. Во-первых, количество объектов для

поражения минимально, поскольку еще не отделились боеголовки. Во-вторых, мощный факел стартующей ракеты легко обнаруживается техническими средствами обнаружения и слежения. В-третьих, ракета представляет собой более крупный объект, чем боеголовки и ложные цели. На баллистическом участке количество целей резко возрастает в результате разделения головных частей и наличия остатков стартовавших ракет. Возникают сложные задачи по выявлению и уничтожению боеголовок на фоне большого количества ложных целей. На конечном участке траектории боеголовки входят в плотные слои атмосферы и число атакующих элементов резко сокращается. Но небольшое время нахождения боеголовок на этом участке и возможность их маневрирования требует непрерывного сопровождения каждой цели и затрудняет выбор средств поражения [22].

Условия использования тогдашней ПРО предполагали необходимость иметь три и более эшелона. В отличие от предыдущих систем противоракетной обороны, в которых уничтожение боеголовок должно было осуществляться на нисходящей ветви траектории полета, проектировавшаяся систем предполагала поражение ядерных ракет на всей траектории полета. Для решения этой задачи в соответствии с концепцией «стратегической оборонной инициативы» оружие ПРО следовало размещать не только на территории США, но и в космосе над Советским Союзом. Отсюда возникала потребность в создании средств завоевания превосходства в космосе, возрастало значение космических ударных средств. Они, имея большую дальность действия, фактически являлись глобальным оружием. Размещенное на околоземных орбитах и оснащенное системой маневрирования, это оружие могло появиться над территорией любого государства [23].

Важным шагом в развитии стратегических оборонительных сил стало создание в 1985 г. космического командования вооруженных сил США. На него возлагались задачи по разработке проблем строительства и использования боевых космических средств, объединения в единое целое поступающей космической техники, содействия контролю и управлению космическими средствами при их использовании в боевых целях, а также

боевая и оперативная подготовка подчиненных частей и соединений [24]. В этих целях планировались централизация и автоматизация управления за счет подчинения разнородных сил единому командованию, рост боевых возможностей активных воздушно-космических средств, увеличение дальности обнаружения и перехвата целей, повышение живучести всех систем воздушно-космической обороны.

Развитие сил общего назначения вооруженных сил США с начала 1980-х гг. определялось концепцией «географической, или горизонтальной, эскалации». Она была сформулирована американским министром обороны в докладе конгрессу в феврале 1982 г. В концепции предусматривалось расширение военного противоборства с миром социализма и выборочное применение военной силы в любом из районов мира против СССР и его союзников, нанося им удары по наиболее уязвимым местам [22, с. 70, 72, 79]. Для претворения в жизнь положений концепции «географической, или горизонтальной, эскалации» началось усиление боевого и численного состава сухопутных войск, тактической авиации и военно-морских сил (без атомных подводных лодок с БРПЛ), а также совершенствование их использования.

Боевое использование сухопутных войск и тактической авиации США определялось концепцией воздушно-наземных боевых действий. Ее сущность заключалась в разгроме противника путем нанесения ему максимального поражения ядерным, химическим и высокоточным обычным оружием одновременно на всю глубину оперативного построения войск.

Развитие военно-морских сил США осуществлялось в соответствии с так называемой новой морской стратегией. Ее реализация вносила, по мнению авторов, важный вклад в «действие устрашения и стабильность». Она ориентировалась на значительное повышение наступательных возможностей ВМС США в общей системе военных действий, обеспечение их превосходства на море за счет качественного и количественного роста ударных средств и в конечном счете на установление контроля на таких океанских и морских ТВД, как Северная Атлантика, Тихий и Индийский океаны, Норвежское и Средиземное море.

«Новая морская стратегия» исходила из того, что:

- Соединенные Штаты должны поддерживать военно-морское превосходство;
- действия против флотов стран социалистического содружества должны носить глобальный характер;
- ВМС должны действовать активно и наступательно¹.

В развитие «новой морской стратегии» были разработаны концепции «морских передовых рубежей» и «стратегической противолодочной войны». Концепция «морских передовых рубежей» предусматривала вступление в противоборство с флотами стран социалистического лагеря непосредственно у их баз и создание так называемого передового стратегического рубежа обороны с задачей их уничтожения и воспрепятствования выхода в океанскую зону. Концепция «стратегической противолодочной войны» предполагала ведение борьбы с подводными лодками вероятного противника на всех морских и океанских ТВД, прежде всего в Арктике.

Появление террористической опасности, принявшей глобальные масштабы, и активное использование США местной вооруженной оппозиции обусловили выделение в самостоятельный род войск так называемых сил специальных операций, зародившихся еще в годы войны во Вьетнаме. В связи с этим было создано Объединенное командование сил специальных операций. В него вошли командования специальных операций видов вооруженных сил и командование совместных специальных операций.

По мнению американских специалистов, система военного управления к началу 1980-х гг. отвечала требованиям ведения всеобщей ядерной войны. Имевшаяся система строилась на понимании ракетно-ядерной войны как обмена массированными ядерными ударами в короткий промежуток времени. Отсюда она должна была выявлять и подтверждать ядерное нападение и передавать приказы президента США. В новых условиях она должна была не только подтверждать ядерное нападение, но и определять характер ядерного удара. Требовалось также повысить гибкость управления своими силами в ходе обмена уда-

¹ Sea Power. 1981. April. P. 13.

рами [25]. Новые подходы к системе управления были закреплены в конце 1970-х гг. в директивах президента № 53 — о мерах по совершенствованию системы управления стратегическими силами и № 58 — о мерах защиты гражданского и военного руководства страны в случае ядерной войны [26].

Модернизация управления осуществлялась в соответствии с концепцией «управление, связь и разведка»¹. Ею предусматривалось согласованное развитие и оперативное использование всех систем, участвующих в процессе управления войсками. Она основывалась на целостном понимании процесса управления, включающего получение данных, передачу информации, принятие решения и контроль исполнения [27]. Концепция «управление, связь и разведка» обеспечила усовершенствование автоматизированной обработки данных в интересах стратегического руководства. Она способствовала устойчивости централизованного руководства в угрожаемый период и в ходе ядерной войны, а также надежности доведения сигналов предупреждения до высшего политического и военного руководства.

Реализация концепции потребовала принять в октябре 1986 г. закон о реформе системы военного управления [28]. Согласно закону, председатель Комитета начальников штабов (КНШ) стал главным военным советником президента и министра обороны. Тем самым его статус стал выше, чем у остальных членов Комитета начальников штабов. Была введена должность заместителя председателя КНШ, который являлся старшим для членов комитета.

Наряду с модернизацией средств средней дальности, с начала 1980-х гг. американское военное ведомство приступило к формированию концепции «глубокого удара». Одной из причин ее разработки было преодоление «чересчур пассивного» характера концепции «передового базирования». Практическим воплощением идей концепции «глубокого удара» стали соответствующие стратегические концепции Североатлантического союза.

Провозглашенный в июне 1982 г. президентом США Рейганом «крестовый поход» против коммунизма стал программой

¹ Стала методологической основой Интернета.

деятельности Североатлантического союза в 1980-х гг., в которой главная ставка была сделана на прямое противоборство с Советским Союзом, на достижение военно-стратегического превосходства на региональном и глобальном уровнях. Руководство НАТО в той или иной степени склонялось к поддержке идей наиболее агрессивных деятелей американской администрации. В военной области они начали выдвигать идеи о замене принципа «сдерживания» на «гарантированное выживание» или «гарантированную безопасность». Для обеспечения подобного перехода было признано целесообразным перейти от «дозированного» к «массированному» применению военной силы, наращивать потенциал первого обезоруживающего удара с одновременным развертыванием надежной системы противоракетной обороны [29]. Этим настроениям способствовал резкий всплеск антисоветизма в Европе после ввода ограниченного контингента войск СССР в Афганистан в 1979 г.

С приходом к власти в ряде стран НАТО правых партий активизировалась деятельность руководства блока по укреплению политического единства стран — участниц НАТО, увеличились масштабы и темпы наращивания военных приготовлений, расширились мероприятия по деятельности союза за пределами зоны ответственности блока, в частности в районах Ближнего Востока и Юго-Западной Азии.

Используя события в Афганистане и Польше (введение военного положения в 1980 г.), была развернута широкомасштабная антисоветская пропаганда с целью запугать население западноевропейских стран «советской военной угрозой» и на этой основе укрепить политическое единство Североатлантического союза, что было закреплено в принятом на сессии (1982 г.) Совета НАТО на уровне глав государств и правительств совместном заявлении. Военным подкреплением этой декларации стало начало в ноябре 1983 г. размещения США в Европе новых ядерных ракет средней дальности. На состоявшейся в октябре 1985 г. чрезвычайной сессии Совета НАТО на уровне министров иностранных дел стран — участниц блока Соединенным Штатам удалось добиться от западноевропейских государств поддержки своих планов милитаризации космоса и наращивания ядерных вооружений.

Здание ЦРУ. Лэнгли

В отношениях со странами социалистического содружества руководство США и НАТО проводило целенаправленную линию на подрыв их политического единства и экономического могущества. Более скоординированно проводились мероприятия по дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в государствах Варшавского Договора. При этом основные усилия были сосредоточены на Польше. В соответствии с рекомендациями Совета НАТО страны Запада проводили согласованные акции по расшатыванию социалистического строя в ПНР, оказывали широкую поддержку антисоциалистическим элементам, стремясь обеспечить полную свободу действий контрреволюции в стране.

Начав применение санкций в политической и экономической областях в отношении Польши и Советского Союза, американское руководство втянуло своих союзников по блоку в «экономическую войну» с государствами социалистического содружества. Путем существенного ограничения экспорта

наукоемких товаров в страны Варшавского Договора и прекращения их доступа к западной технологии преследовалась цель снизить темпы научно-технического прогресса в социалистических странах и закрепить тем самым технологическое превосходство Запада.

Под лозунгом защиты «жизненно важных» интересов Запада существенно активизировалась военная деятельность стран — участниц блока, имеющих глобальные интересы за пределами зоны ответственности НАТО. В ходе консультаций в 1981–1982 гг. в руководящих органах Североатлантического союза к жизненно важным интересам блока были отнесены южное побережье Средиземного моря, Ближний и Средний Восток, Карибский бассейн [30].

В 1982 г. (19.3–15.6) правительство Великобритании при прямой поддержке США и союзников по НАТО пошло на применение вооруженных сил в конфликте с Аргентиной из-за Фолклендских (Мальвинских) островов. Причем Соединенные Штаты участвовали в тыловом обеспечении операции вопреки обязательствам перед Аргентиной по Организации Американских Государств и Межамериканскому совету обороны. Опыт ведения боевых действий английскими войсками в Южной Атлантике тщательно изучался командованием НАТО в интересах более гибкого использования сил и средств для защиты интересов стран блока за пределами его зоны ответственности. Более того, в разгар англо-аргентинского конфликта был принят «Документ о совместной обороне НАТО», где говорилось о расширении зоны ответственности блока. В 1983 г. вооруженные силы США, Великобритании, Италии и Франции принимали непосредственное участие в военных действиях в Ливане.

В октябре 1983 г. Соединенные Штаты совершили акт прямой агрессии против Гренады. На июньской (1985 г.) сессии Совета НАТО западноевропейские страны блока подтвердили обязательства выделить в случае «необходимости» в объединенные вооруженные силы НАТО дополнительные воинские контингенты на замену американских войск, которые могут быть использованы в составе сил быстрого развертывания США в Юго-Западной Азии и на Ближнем Востоке.

С начала 1980-х гг. своим главным союзником по НАТО Соединенные Штаты рассматривали Федеративную Республику Германию. С приходом к власти в ФРГ в октябре 1982 г. христианско-либеральной коалиции правительство этой страны стало проводить более четко выраженный проамериканский курс, имеющий милитаристскую направленность. Западногерманское руководство поддерживало все американские стратегические планы, брало на себя основные обязательства по повышению боевых возможностей объединенных вооруженных сил НАТО и оказывало давление на европейские страны НАТО, побуждая их увеличивать вклад в коллективные военные приготовления. Западная Германия прочно занимала одно из ведущих мест среди западноевропейских стран по объему военных расходов. Ее вооруженные силы являлись основной ударной группировкой ОВС НАТО в Центральной Европе и составляли 50% боевого состава группировки сухопутных войск, 37% сил и средств ПВО и 32% боевых самолетов объединенных ВВС на Центрально-Европейском ТВД.

Правительство ФРГ неукоснительно выполняло мероприятия по развертыванию на территории страны американских баллистических и крылатых ракет средней дальности, фактически согласилось участвовать в так называемой стратегической оборонной инициативе США, добилось отмены ограничений на производство любых видов обычного оружия и военной техники, включая крупнотоннажные надводные корабли, подводные лодки, в том числе с атомными энергетическими установками, стратегические бомбардировщики и ракеты большой дальности.

Руководство Великобритании всемерно способствовало усилению военного противостояния в Европе. Развивая всестороннее сотрудничество с Соединенными Штатами, британские правящие круги рассчитывали на их поддержку в борьбе за лидерство в Западной Европе и сохранение своего влияния в ряде районов мира. Великобритания одна из первых среди западноевропейских союзников США официально поддержала планы создания системы противоракетной обороны с элементами космического базирования и изъявила готовность принять участие в их осуществлении. По размерам военных расходов

Великобритания уступала только США. Основная часть их направлялась на совершенствование стратегических ядерных сил, перевооружение сухопутных войск, ВВС и ВМС на новые образцы оружия и военной техники. В стране продолжалось развертывание американских крылатых ракет средней дальности. С учетом опыта боевых действий против аргентинских войск на Фолклендских (Мальвинских) островах были созданы национальные силы быстрого развертывания, предназначенные для оперативного применения как в зоне ответственности НАТО, так и за ее пределами.

Приход во Франции к власти в 1981 г. социалистов, вопреки ожиданиям советского руководства, способствовал дальнейшему углублению ее сотрудничества с военной организацией НАТО. В плане строительства вооруженных сил Франции на 1984–1988 гг. Советский Союз впервые был назван наиболее вероятным противником. Приверженность руководства страны курсу так называемого довооружения НАТО сопровождалась усилиями по наращиванию собственного ракетно-ядерного потенциала. По американскому образцу были сформированы силы быстрого развертывания. Значительно расширилось франко-западногерманское сотрудничество, особенно в военной области. По протоколу 1983 г. к Елисейскому договору (1963 г.) был учрежден франко-западногерманский совместный совет обороны на уровне глав государств и правительств. Его задачи были: разработка совместных концепций в области обороны и безопасности, сотрудничество в области ограничения вооружений в Европе, создание смешанных воинских соединений, проведение совместных маневров, развитие и углубление сотрудничества в области создания и производства вооружений. Французские и западногерманские правящие круги явились инициаторами активизации деятельности Западноевропейского союза и упрочения на его основе «западноевропейской опоры» НАТО.

Заметный рост милитаристской активности в первой половине 1980-х гг. наблюдался и в малых странах блока. В начале 1985 г. бельгийское руководство приступило к развертыванию на своей территории американских крылатых ракет средней дальности. Усилились проатлантические тенденции в политике

Португалии. В соответствии с подписанным в декабре 1983 г. договором американские ВВС получили право использовать португальскую авиабазу на Азорских островах. Лиссабонский порт стал использоваться для захода подводных лодок и кораблей ВМС США с ядерным оружием на борту. В марте 1984 г. было заключено соглашение о строительстве на юге страны американской станции слежения за космическими объектами.

В 1981 г. руководство США и НАТО активизировало деятельность по втягиванию Испании в Североатлантический союз. При этом учитывалось, что членство Испании в НАТО увеличит общий военный потенциал блока, расширит его возможности по контролю морских коммуникаций в Южной Атлантике и Средиземном море, будет способствовать закреплению влияния НАТО на страны Западной Африки. Наиболее активным сторонником вовлечения Испании в НАТО явилась Великобритания, несмотря на то что из-за противоречий по вопросу о Гибралтаре в 1981 г. произошло существенное ухудшение отношений между ними. Испания настаивала на том, чтобы ее вступление в НАТО сопровождалось прогрессом в вопросе возвращения Гибралтара под испанский суверенитет. Нежелание Великобритании пойти даже на частичные уступки является причиной противоречий, сохраняющихся в отношениях между странами до настоящего времени. Присоединение Испании к Североатлантическому союзу вызвало большую озабоченность в португальском руководстве, которое опасалось, что Португалия может потерять свое особое значение в блоке. Кроме того, совместное с Испанией участие в НАТО могло со временем привести, по оценке португальского руководства, к большей зависимости Португалии от Испании в военно-политической области.

Под давлением США и ряда западноевропейских стран, при активной поддержке правых сил в стране на декабрьской (1981 г.) сессии Совета НАТО был подписан протокол о присоединении Испании к блоку. В течение января-мая этот протокол был ратифицирован парламентами всех стран-участниц, и 30 мая 1982 г. Испания официально стала 16-м членом Североатлантического союза. По соглашению с Соединенными Штатами четыре военные базы страны используются американскими войсками. Значительно расширилось военно-техническое

сотрудничество Испании со странами НАТО на двусторонней и многосторонней основе.

На северном фланге блока активное участие в военных приготовлениях НАТО приняла Норвегия. Норвежское правительство, отвергая инициативу создания безъядерной зоны на севере Европы, в январе 1981 г. пошло на подписание с Соединенными Штатами соглашения о предоставлении своей территории для складирования оружия и военной техники для американской бригады морской пехоты, входящей в состав войск усиления ОВС НАТО на Северо-Европейском ТВД. В сентябре 1982 г. было достигнуто аналогичное соглашение с Канадой.

Правительство Дании по основным международным проблемам выступало с согласованных в НАТО позиций. В соответствии с датско-американским соглашением 1976 г. продолжалось совершенствование оперативного оборудования территории страны в целях приема войск усиления блока, складирования для них боеприпасов и средств материально-технического обеспечения.

Наиболее последовательным и активным членом Североатлантического союза на южном фланге блока являлась Италия. В вопросах внешней политики итальянское руководство полностью поддерживало курс американской администрации и решения высших руководящих органов НАТО. Соединенные Штаты, в свою очередь, отводили ей ведущую роль в обеспечении контроля Запада над бассейном Средиземного моря. По американским планам Италия должна была быть готова компенсировать возможное ослабление группировки объединенных ВМС НАТО в Средиземном море в случае переброски кораблей США в другие районы. На о. Сицилия продолжалось развертывание американских крылатых ракет средней дальности; в стране расположено 16 пунктов складирования американских ядерных боеприпасов. Военные расходы Италии за последние пять лет возросли в 2,3 раза. В 1987 г. итальянское командование планировало завершить создание сил быстрого развертывания.

Внешнеполитический курс греческого правительства сохранял в основном атлантическую направленность. На греческой территории находилось 18 американских объектов. В качестве компенсации за их использование Греция получала ежегодно

от Соединенных Штатов значительную военно-экономическую помощь (500 млн долларов в 1985 г.). В сентябре 1983 г. между США и Грецией было подписано соглашение о статусе американских баз на греческой территории.

Особое место в планах укрепления южного фланга блока руководство США и НАТО отводило Турции. Это определяется прежде всего выгодным географическим положением Турции, граничащей непосредственно с Советским Союзом и контролирующей Черноморские проливы, наличием значительных людских резервов. Соединенные Штаты рассматривали Турцию в качестве проводника своей политики в этом регионе, а ее территорию как плацдарм для совершения агрессии против СССР с юга, размещения и переброски сил быстрого развертывания на Ближний и Средний Восток. В соответствии с соглашением «О сотрудничестве в области обороны и экономики» 1980 г. и «Меморандумом доверия» 1982 г. США используют 30 военных баз и объектов на территории Турции, включая авиабазу Инджирлик, где постоянно находятся американские самолеты — носители ядерного оружия. В качестве компенсации за использование элементов инфраструктуры Соединенные Штаты предоставляли ежегодно Турции значительную военно-экономическую помощь (875 млн долларов в 1985 г.).

Реализация планов американского военно-политического руководства на Европейском театре войны во многом зависела от единства Североатлантического союза, отношений между отдельными странами НАТО и развития внутривосточной обстановки в них. Резкое обострение обстановки на Среднем Востоке и в зоне Персидского залива в 1980 г. заставило руководство блока усилить нажим на враждующих из-за Кипра Турцию и Грецию с целью укрепления южного фланга НАТО. В качестве основы урегулирования разногласий был выдвинут разработанный верховным главнокомандующим ОВС НАТО в Европе план, названный по его имени «планом Роджерса». Турецкое военное руководство, пришедшее к власти в результате переворота, совершенного с одобрения США в сентябре 1980 г., сняло возражения против возвращения Греции в военную организацию НАТО. В этих условиях греческое правительство в октябре 1980 г. заявило о принятии «плана Роджерса».

В результате предпринятых мер в декабре 1980 г. Греция возвратилась в военную организацию НАТО, однако причины глубоких греко-турецких противоречий не были устранены. Остаются нерешенными кипрский вопрос, проблема контроля за воздушным пространством и островами Эгейского моря и вопрос подчиненности греческих сухопутных войск, ВВС и ВМС командованиям ОВС НАТО на Южно-Европейском ТВД, что периодически приводит к обострению отношений между Грецией и Турцией. В связи с протурецкой позицией руководства США и НАТО по данным вопросам греческое правительство по ряду международных проблем не всегда поддерживает решения руководящих органов альянса.

В целях достижения превосходства над странами Варшавского Договора в ядерных вооружениях средней дальности руководство США и НАТО к середине октября 1985 г. развернуло в Европе 90 баллистических ракет «Першинг-2» и 128 крылатых ракет. На заседании Комитета военного планирования НАТО в декабре 1984 г. в интересах подготовки территорий стран блока к ведению военных действий была утверждена программа совершенствования оперативного оборудования Европейского театра войны на 1985–1991 гг. с выделением на ее реализацию до 8 млрд долларов. Программой были предусмотрены модернизация существующих и строительство новых ракетных, военно-воздушных и военно-морских баз, совершенствование системы управления и связи, строительство объектов ПВО и тыла.

На весенних заседаниях высших военных органов НАТО в 1985 г. руководством блока был одобрен ход выполнения долгосрочной военной программы, принятой в 1978 г., и утверждены основные направления военного строительства НАТО до 2000 г. Было подчеркнуто, что к середине 1980-х гг. в результате выполнения странами блока мероприятий долгосрочной военной программы заложена основа для коренной модернизации объединенных вооруженных сил блока. Завершилась реорганизация соединений ФРГ, Великобритании, Нидерландов и Бельгии.

В армейских корпусах США, Великобритании, ФРГ и Франции сформированы части армейской авиации. Эти и другие мероприятия привели к значительному повышению боевых возмож-

ностей группировок сухопутных войск блока. Одновременно возросли боевые возможности ВВС стран НАТО, в основном за счет качественного обновления самолетного парка. Поступившие на вооружение самолеты системы «Авакс — НАТО» во взаимодействии с пунктами управления и радиолокационными постами объединенной системы ПВО НАТО в Европе обеспечили создание сплошного радиолокационного поля по обнаружению воздушных целей к востоку от границ стран блока с государствами Варшавского Договора на глубину до 650 км. В военно-морских силах осуществлялось обновление и модернизация корабельного состава и самолетного парка морской авиации, оснащение их современными системами оружия, управления и обеспечения. Группировка военно-морских сил США, предназначенная для ведения боевых действий в Восточной Атлантике, существенно усилилась в результате ввода в строй новых надводных кораблей, подводных лодок и оснащения их крылатыми ракетами. Главным направлением развития военно-морских сил европейских стран НАТО являлось создание высокоманевренных надводных ракетных сил, а также авианесущих кораблей в Великобритании, Франции, Италии и Испании.

В соответствии с майским (1985 г.) решением Комитета военного планирования НАТО, дальнейший рост боевых возможностей объединенных вооруженных сил блока в предстоящие 15 лет планировался за счет качественного совершенствования вооруженных сил. В свете установки на коренную модернизацию вооруженных сил блока были определены перспективные базовые направления развития военной техники, которые были призваны обеспечивать технологический перевес над Советским Союзом. К ним, в частности, были отнесены: технология «стелс» («невидимок»), разработки в области сверхпроводимости и новых конструкционных материалов, создание электронно-вычислительных машин пятого поколения, средств распознавания целей и автоматизированной обработки данных [31]. В стратегических наступательных силах упор делался на развитие авиационного компонента. Основным направлением развития сил общего назначения стало создание систем высокоточного оружия [32]. Крылатые ракеты большой дальности с ядерными боеголовками являются и ныне наиболее опасной

системой вооружений. Они, по существу, составляют новый вид стратегических наступательных вооружений.

К середине 1980-х гг. американскому руководству удалось добиться признания союзниками по блоку возможности ведения ограниченной обычной войны в Европе. Одновременно под видом необходимости дальнейшего повышения так называемого ядерного порога руководство США потребовало от своих союзников дальнейшего увеличения расходов на разработку новых высокоэффективных обычных средств поражения и оснащения ими вооруженных сил в целях создания на этой основе материальной базы для ведения ограниченной обычной, а в более далекой перспективе — и всеобщей обычной войны против стран социалистического содружества.

В попытках США заставить западноевропейские страны признать возможность ведения обычной войны в Европе их руководство усматривало стремление американской администрации максимально уменьшить вероятность своего вовлечения во всеобщую ядерную войну с вытекающими из этого последствиями для территории США. Кроме того, Великобритания и Франция выражали опасения, что упор в коалиционной стратегии блока на обычное оружие будет способствовать еще большему усилению влияния Западной Германии в НАТО и закреплению ее положения лидера в регионе.

Однако в интересах подготовки к обычной войне на Европейском театре войны начали активно отрабатываться положения концепций «воздушно-наземная операция (сражение)» и «борьба со вторыми эшелонами (резервами)», основывающиеся на идеях американской концепции «глубокого удара». Они начали активно отрабатываться на учениях в середине 1980-х гг. под кодовым названием «Отэм фордж», которые условно подразделялись на два этапа.

На первом этапе основное внимание уделялось совершенствованию перевода вооруженных сил с мирного положения на военное, усилению существующих группировок объединенных вооруженных сил блока в Европе, а также отработке планов оперативного развертывания войск (сил), организации и ведению боевых действий в начальный период ограниченной войны против стран Варшавского Договора с применением обычных

средств поражения и химического оружия. На втором этапе на командно-штабных учениях отрабатывались вопросы перехода от ограниченной войны к ядерной. В них участвовали все штабы (до дивизии включительно) блока и национальных вооруженных сил стран-участниц.

Объединенные ВВС отрабатывали ведение преимущественно воздушных наступательных операций. При этом действия тактической авиации и средств противовоздушной обороны были согласованы с планами проведения учений сухопутных войск.

Командование ВМС главное внимание уделяло решению задач по использованию оперативных объединений и соединений различного целевого назначения во взаимодействии с другими видами вооруженных сил в первых операциях начального периода войны, главным образом в передовых зонах (районах) Атлантики и на приморских флангах Европейского театра войны. Достижение стратегических целей войны ставилось в прямую зависимость от завоевания и удержания господства в Норвежском море и Восточной части Средиземного, своевременной и надежной блокады флотов стран Варшавского Договора, а также их последовательного уничтожения в Балтийском и Черном морях [33].

В целом состояние отношений между государствами Североатлантического союза показывало, что, несмотря на наличие противоречий между США и их западноевропейскими союзниками, а также между отдельными западноевропейскими странами, руководству Соединенных Штатов удавалось использовать свою военную и экономическую мощь, а также солидарность правящих кругов Запада для укрепления единства блока и удержания стран — участниц НАТО в русле американской политики, направленной на достижение военного превосходства над государствами Варшавского Договора.

Концепция НАТО «борьба со вторыми эшелонами (резервами)», принятая в 1984 г., развивала положения «воздушно-наземной операции (сражения)» применительно к стратегической операции на ТВД и операциям групп армий. Она предусматривала, одновременно с проведением первых операций армейских корпусов, нанесение мощных ударов по войскам

второго оперативного эшелона противника с целью срыва их своевременного ввода в сражение. Для достижения этого намечалось привлекать все имеющиеся на ТВД средства: оперативно-тактические ракеты, баллистические ракеты средней дальности, крылатые ракеты, стратегическую, тактическую и авианосную авиацию, оперативные воздушные и морские десанты. По мнению ее автора генерала Б. Роджерса, борьбу со вторыми эшелонами нужно было начинать тогда, когда они наиболее уязвимы, то есть на маршрутах их выдвижения из мест постоянной дислокации. В этом и была заключена главная суть данной концепции — нанести превентивный удар на всю глубину ТВД, включая и территории стран Варшавского Договора, и вслед за этим перейти в наступление созданными уже в мирное время передовыми группировками ОВС НАТО. В декабре 1984 г. на страницах западногерманской газеты «Вельт» появились данные о том, что командование блока уже наметило более 1800 объектов на территории стран Варшавского Договора для нанесения по ним «глубоких ударов».

Разработка и поступление в войска современных образцов вооружения, а также принятие новых концепций ведения операции (боя) потребовали внесения корректив и в организационную структуру частей и подразделений. Наиболее характерным в этом отношении являлся поиск оптимальной организации соединений в американских сухопутных войсках по программе «Армия-90» (1981–1990). Исследуя различные организационные варианты дивизий, американское командование признало, что для условий Европейского театра войны наиболее приемлемым может быть полностью моторизованное и более приспособленное к переброскам по воздуху соединение. Программа предусматривала поэтапный перевод американских сухопутных войск на новую организационно-штатную структуру с одновременным оснащением современным оружием и военной техникой. Основным содержанием перевода явилось создание «тяжелых» и «легких» дивизий, а также совершенствование типовой организации армейского корпуса. Цель программы «Армия-90» состояла в создании сухопутных войск, сбалансированных по составу за счет оптимального сочетания «тяжелых» и «легких» дивизий. Они должны были обладать высокой огневой и удар-

ной мощностью, хорошими противотанковыми возможностями, стратегической и тактической мобильностью [34].

Выполнение программы было начато с создания «тяжелых» (механизированных, бронетанковых) дивизий. Сущность проводимых мероприятий состояла в значительном повышении огневой мощи соединений, частей и подразделений, в том числе по уничтожению танков и бронетехники, в создании меньших по составу, но более мобильных и способных к автономным действиям мотопехотных и танковых подразделений. В связи с этим в состав дивизии были введены бригада армейской авиации (146 вертолетов, в том числе 50 огневой поддержки) и батареи реактивных систем залпового огня. Унификация тактико-технических характеристик поступающей бронетанковой техники приводила к возрастанию средних маршевых скоростей — на 20%, величину суточного маршевого перехода — до 400 км. За счет создания бригад армейской авиации предполагалось значительно повысить возможности по поражению вторых эшелонов (резервов) противника в зоне боевого действия вертолетов (до 70 км) [35]. Легкая дивизия (пехотная и моторизованная) формировалась на базе пехотной. Она должна была иметь высокую стратегическую мобильность и предназначалась для боевых действий в конфликтах средней и малой интенсивности [36]. Полностью эти требования не были реализованы.

Аналогичные программе «Армия-90» изменения предусматривалось осуществить и в армиях стран НАТО. Однако, по заявлению официальных представителей стран блока, их вооруженные силы уже располагали достаточной технической базой для реализации этих концепций и фактически от нее отказались.

Программы перевооружения сухопутных войск и морской пехоты США в 1980-х гг. были направлены на повышение огневой мощи; рост возможностей по борьбе с наземными бронированными и воздушными целями; внедрение высокоточного оружия и разведывательно-ударных комплексов. Наибольшее развитие получило высокоточное обычное оружие, создаваемое согласно концепции «выстрел — поражение». Оно должно было поражать цель с первого выстрела, то есть обеспечивать в реальных условиях боевой обстановки прямое попадание

в цель с вероятностью не менее 0,5 [37]. Развитием концепции «выстрел — поражение» стала концепция «увидел — забыл». Согласно ей, предусматривалось создание системы разведки, управление которой можно было бы осуществлять на сравнительно безопасном удалении от противника, а наведение боеприпасов на цель вести в автоматическом режиме. Наибольшее развитие концепция получила при создании авиационного вооружения.

В интересах успешного проведения первых операций уже в мирное время велось совершенствование оперативного оборудования Центрально-Европейского ТВД. Широкая сеть автомобильных дорог, по мнению зарубежных военных специалистов, дает возможность большого выбора фронтальных и рокадных маршрутов на любом направлении. Специалисты НАТО выделяли в границах этого ТВД более десяти основных фронтальных маршрутов. Хорошо развиты и рокадные дороги, главным образом автомагистрали, позволяющие осуществлять скоростные маневры. Это дает возможность в короткие сроки усиливать ударные группировки вооруженных сил как накануне, так и в ходе военных действий.

В конце 1970-х гг. американским командованием было принято решение об увеличении запасов тяжелого оружия на заморских ТВД. Эти запасы получили название складов ПОМКУС. В основном склады начали создаваться в Западной Европе. Они должны были обеспечить развертывание в течение 10 суток шести бронетанковых и механизированных дивизий США за счет переброски по воздуху личного состава соединений в чрезвычайной обстановке. Особенностью формирования складов ПОМКУС было хранение оружия и военной техники в комплекте на одно подразделение (батальон, рота и т.п.) [38]. В 1988 г. было подписано соглашение между США и Японией о создании складов ПОМКУС на острове Хоккайдо¹. Для повышения возможностей по стратегическому развертыванию войск США в дополнение к наземным складам оружия и военной техники для американских соединений «двойного базирования» стали оборудоваться морские суда-склады. Одним из преимуществ

¹ Правда. 1988. 10 июня.

такого заблаговременного складирования была возможность перебрасывать суда-склады в районы вооруженных конфликтов в различных районах мира [39].

На случай военных действий с применением ядерного оружия разворачивались склады и хранилища с ядерными боеприпасами. На территории Соединенных Штатов ядерные вооружения складировались в 28 штатах. В середине 1980-х гг. в Европе и на Дальнем Востоке на 20 авиабазах в состоянии круглосуточной боевой готовности находились самолеты ВВС США с ядерными бомбами. 70% американского тактического ядерного оружия было развернуто за пределами Соединенных Штатов¹.

Всего же за пределами своей территории США имели около 1600 военных баз и объектов, из которых 373 были основными (крупными). В Европейской зоне находилось свыше 1000 (271 основная), в зоне Тихого океана и на Дальнем Востоке — около 350 (83 основные), на американском континенте — около 150 (15 основных), в Африке — около 40, в Австралии — более 15 (2 основные) и в других районах мира — около 40 (2 основные).

Органы стратегического и оперативного управления объединенных вооруженных сил Североатлантического блока находились в постоянной готовности принять на себя руководство передаваемыми в их подчинение национальными войсками (силами) стран — участниц НАТО. С этой целью развернута система стационарных и подвижных командных пунктов (ВГК ОВС НАТО на театре войны, главкомов на ТВД, командующих оперативными объединениями видов вооруженных сил). Находилась в дежурном режиме объединенная система связи, основу которой составляют спутниковые, тропосферные и радиорелейные линии.

Официально концепция «борьбы со вторыми эшелонами» была принята комитетом военного планирования НАТО в «Руководстве по дальнейшему планированию использования вооруженных сил в соответствии с концепцией «борьбы со вторыми эшелонами (резервами)». В Руководстве были определены следующие задачи при борьбе со вторыми эшелонами (резервами) [40] (табл. 7).

¹ Красная звезда. 1986. 22 июля.

Как видно из таблицы, так называемая доктрина Роджерса предусматривала нанесение упреждающих ударов на всю глубину оперативного построения войск противника и по его выдвигающимся резервам. Вследствие того что необходимой дальностью обладали носители ядерного оружия, автоматически происходило формирование единого плана поражения целей на европейском континенте обычными и ядерными боеприпасами [41].

В соответствии с концепцией, в условиях обычной войны при проведении стратегической операции наиболее важными считались массированные удары высокоточным оружием, воздушные операции, наступательные и оборонительные операции групп армий, воздушные и морские десантные операции. Считалось, что в неблагоприятных для Североатлантического

Таблица 7. Задачи при борьбе со вторыми эшелонами (резервами)

Категория задач	Предполагаемое воздействие	Эшелон, являющийся объектом для удара	Расстояние от линии соприкосновения в сторону противника, км
I	Уничтожение	Полки второго эшелона дивизий, ведущих боевые действия	5–30
II	То же	Дивизии второго эшелона из объединений первого эшелона	30–80
III	Дезорганизация (сдерживание)	Второй эшелон (резервы)	80–150
IV	То же	Второй оперативный эшелон (объединения, находящегося во втором эшелоне)	150–350
V	Сдерживание	Второй стратегический эшелон (объединения второго эшелона)	350–800

союза условиях стратегическая операция на ТВД может начаться ведением оборонительных действий тактического и оперативного масштаба, однако их перерастание в стратегическую оборону исключается. В связи с этим вопросы ведения боевых действий по удержанию стратегического рубежа на р. Рейн, как это предусматривалось ранее, вообще не рассматривались, а допускаемая глубина вклинивания противника в оборону НАТО, по опыту учений, не превышала 50–70 км.

Опыт оперативной и боевой подготовки ОВС НАТО свидетельствовал, что основной формой оперативного применения сухопутных войск на Центрально-Европейском ТВД командование блока считало операции групп армий, а на фланговых ТВД — операции командований объединенных сухопутных войск в отдельных районах (зонах). По своим целям и характеру решаемых задач они могли быть наступательными или оборонительными. Наступательную операцию группы армий предполагалось проводить с целью разгрома первого эшелона противника и овладения важными экономическими районами и административно-политическими центрами на территории одной или нескольких восточноевропейских стран социалистического лагеря. Такая операция может характеризоваться следующими показателями: глубина — 300–500 км, ширина — 250–400 км, продолжительность — 6–10 суток, средний темп наступления — до 50 км/сут.

В зависимости от условий развязывания войны группа армий могла перейти в наступление в составе группировки мирного времени с минимальным усилением (до 15 дивизий) или же начать операцию после полного развертывания (25 дивизий и более). Уже в мирное время соединения и части Северной (СГА) и Центральной групп армий (ЦГА) дислоцируются в непосредственной близости от района их оперативного предназначения, что обеспечивает быстрое создание ударных группировок войск на избранных направлениях для нанесения главных ударов. Оперативное построение групп армий в наступлении предполагалось строить обычно в два эшелона. Однако, как правило, второй эшелон должен был создаваться уже в ходе самой операции из соединений, составляющих резерв командующего группой армии и передаваемых из резерва главного командования на ТВД.

Быстрому массированию сил и средств в наступательной операции должна была способствовать высокая мобильность войск и систем оружия. Решающим условием успеха в наступлении, как того требовали американские уставы, должно быть создание шестикратного превосходства в силах и средствах на узких участках прорыва. Для того чтобы добиться такого перевеса, командование НАТО планировало прежде всего массированное применение на этих участках основных огневых средств армейских корпусов первого эшелона и большей части поддерживающей тактической авиации ОТАК. В образовавшиеся в результате огневого воздействия бреши в обороне противника предусматривалось ввести высокоманевренные части и подразделения, стремительно развивать наступление, широко применяя воздушно-штурмовые войска и воздушные десанты. Главный упор делался не на заблаговременную концентрацию сил и средств перед участками прорыва, как это было в прошлом, а на создание превосходства за счет огневого поражения противника и стремительного маневра войск вдоль линии фронта и из глубины. Командование НАТО считало, что по мере увеличения глубины одновременного огневого поражения противника и повышения аэромобильности своих войск наступательные возможности ОВС блока будут непрерывно возрастать.

Оборонительная операция групп армий могла иметь место как с началом стратегической операции на ТВД, так и в ходе ее проведения. Командование НАТО ставило перед обороной более решительные цели. От обороняющихся требовалось не только сорвать и остановить наступление противника, но и нанести ему при этом решительное поражение, создавая тем самым благоприятные условия для перехода своих войск в контрнаступление. В связи с этим в ходе учений Североатлантического союза группа армий начинала оборонительную операцию в составе группировки войск мирного времени с незначительным ее усилением. Тем не менее глубина вклинения наступающего противника не превышала на Центрально-Европейском ТВД 50–70 км, то есть ему не удавалось прорвать даже передовой рубеж. Более того, войска НАТО в течение 6–7 суток наносили поражение и окончательно останавливали наступление «про-

тивника». При организации обороны, как и в наступательной операции, большое внимание уделялось «глубоким ударам». Именно способность Североатлантического союза нанести противнику одновременное огневое поражение на большую глубину предопределяло решительность целей, которые ставило на учениях командование ОВС блока перед своими войсками.

Основными формами оперативного применения объединенных ВВС НАТО в обычной войне являлись воздушные наступательные и оборонительные операции. Как показывал опыт учений объединенных ВВС НАТО, в ходе воздушной наступательной операции тактическая авиация решала следующие основные задачи: завоевание превосходства в воздухе, дезорганизация управления войсками противника, нанесение поражения его глубоким резервам и нарушение коммуникаций. В ходе воздушной наступательной операции решалась большая часть задач, определяемых американской концепцией «воздушно-наземная операция (сражение)» и натовской — «борьба со вторыми эшелонами (резервами) противника». В первую очередь это относилось к нанесению поражения вторым эшелонам объединений противника, срыву их выдвижения и вводу в сражение.

В зависимости от условий проведения стратегической операции на ТВД и объема решаемых задач воздушная наступательная операция, по опыту учений, могла длиться от 1 до 3 суток. К участию в ней привлекалось до 80% всей боеготовой авиации объединенных ВВС НАТО на ТВД. Основным способом ведения воздушной наступательной операции являлись массированные авиационные удары, в ходе каждого из которых большая часть тактической авиации по единому замыслу и плану наносила согласованные удары по ракетно-ядерному оружию и авиации противника на аэродромах, пунктам управления войсками, узлам коммуникаций и выдвигающимся вторым эшелонам (резервам), то есть действовали в интересах всего стратегического объединения. Одновременно часть авиации использовалась для оказания непосредственной авиационной поддержки наступающим соединениям первого эшелона по планам командиров армий и корпусов. В промежутках между массированными авиационными ударами на решение этой задачи выделялась большая часть летного ресурса тактической авиации.

Воздушная оборонительная операция, по мнению командования блока, должна была проводиться с целью отражения массированных авиационных ударов противника и прикрытия главных группировок своих войск (сил), военно-экономических и административно-политических центров на ТВД. Возможность проведения таких операций определялась самой организационной структурой объединенных ВВС блока на театрах военных действий, предусматривающей реализацию управления как тактической авиацией, так и силами и средствами ПВО (подчинены одному командующему). В ходе воздушной оборонительной операции на ТВД командование объединенных ВВС стремилось решить следующие задачи: с помощью радиолокационных средств, в том числе системы дальнего радиолокационного обнаружения (ДРЛО) и управления АВАКС, своевременно вскрывать намерения воздушного противника; определять направления массированных ударов его авиации; тщательно согласованными действиями всех привлекаемых к операции сил и средств уничтожать выявленные цели на всех высотах и скоростях полета, сосредоточивая основные усилия на прикрытии главных группировок войск (сил) и важных военных, экономических и административно-политических объектов. Для этого оно предполагало привлекать все силы и средства ПВО, имеющиеся на ТВД.

В ходе крупных командно-штабных и оперативных учений НАТО отрабатывались вопросы применения объединенных ВМС. Проведение первых операций объединений ВМС должно было обеспечить господство в Норвежском, Северном и Средиземном морях, а также на Западной Балтике. Для решения этой задачи привлекалось максимальное количество боеготовых сил ВМС. Решающая роль в разгроме корабельных группировок противника, нарушении его системы управления, обеспечения и базирования отводилась авианосным ударным силам НАТО, основу которых составляли многоцелевые авианосцы США, уже в мирное время несущие боевую службу в Восточной Арктике и на Средиземном море. По мере завоевания господства на море часть разнородных сил ВМС могла перенацеливаться на защиту океанских (морских) коммуникаций, а авианосные ударные силы предназначались для непосредственной под-

держки морских десантов и сухопутных войск на приморских направлениях [42].

Арктический бассейн стал играть весьма важную роль для НАТО с момента создания блока. Это прежде всего проявилось в превращении Гренландии, Исландии, Норвегии и Аляски в своего рода трамплины для военных действий против СССР, в использовании Северного Ледовитого океана для проникновения кратчайшим путем к берегам Советского Союза подводных лодок, ледокольных судов, самолетов-разведчиков и самолетов — носителей ядерного оружия. Интерес военно-политического руководства НАТО к указанному региону объяснялся его исключительно важным военно-стратегическим положением. Отсюда оно планировало нанести удары по жизненно важным объектам СССР и других стран Варшавского Договора. Учитывало оно и то, что, например, у Норвегии (одного из членов блока) есть общая граница с Советским Союзом протяженностью 196 км, а советский о. Ратманова удален от Аляски лишь на 4 км.

Рассматривая Гренландию, Исландию, Норвегию, Аляску и акваторию Северного Ледовитого океана в качестве плацдармов для военных действий, командования США и НАТО (в первую очередь американское) хотели в то же время избежать ответных ударов по объектам на территории самих Соединенных Штатов. Кроме того, считалось, что без этих полярных плацдармов трудно вести боевые действия и на Центрально-Европейском ТВД. Уязвимыми окажутся северный фланг НАТО, коммуникации между Америкой и Западной Европой, по которым должны перебрасываться резервы из-за океана. Важное значение придавалось также морским путям из Атлантики к северным районам СССР, установлению контроля над выходом из Балтийского и Баренцева морей на океанские просторы. Здесь пролегают кратчайшие воздушные пути для американской стратегической авиации из США к глубинным регионам Советского Союза.

Большое внимание уделялось острову Гренландия и Исландии, которые как бы «запирают» выход из Северного Ледовитого океана в Атлантический. На западном побережье Гренландии командование США создало две авиабазы, в том числе самую круп-

ную в Арктике — Туле, систему пунктов базирования кораблей, а также развернуло радиолокационную станцию (РЛС), входящие в систему предупреждения о ракетно-ядерном нападении. Роль натовского «непотопляемого авианосца» играет и Исландия. В городе Кефлавик (50 км западнее г. Рейкьявик) функционирует, в частности, крупная авиабаза США. На острове сооружено значительное количество станций радиорелейной и тропосферной связи, радиолокационных постов. Главной задачей американских войск в стране является обслуживание противолодочного рубежа Гренландия — Исландия — Норвегия, а также объектов американских СПРЯУ и тропосферной линии связи Америка — Европа. С территории Норвегии может осуществляться контроль морских путей, связывающих Атлантический и Северный Ледовитый океаны, а также воздушного пространства, соединяющего по прямой североамериканский континент с северо-западными районами Советского Союза [43].

Для действий на других заморских театрах военных действий 1 марта 1980 г. были созданы силы быстрого развертывания (БР). Перед ними была поставлена задача быть в постоянной готовности вести длительные боевые действия различного масштаба. Вначале СБР находились в подчинении командования войск готовности. Их численность была определена в 200 тыс. человек регулярных войск и до 100 тыс. резервистов. Части и соединения командования сил быстрого развертывания не передавались, а должны были выделяться Комитетом начальников штабов в каждом конкретном случае в зависимости от решаемой задачи.

В октябре 1981 г. силы быстрого развертывания были выведены из подчинения войск готовности и подчинены непосредственно КНШ. Было создано командование сил быстрого развертывания, в подчинение которому на постоянной основе были выделены 82-я воздушно-десантная и 101-я воздушно-штурмовая дивизии, 11 эскадрилий тактической авиации. Новым в воссоздании мобильного стратегического резерва первой очереди стало решение об оперативном подчинении, в случае необходимости, командованию СБР до двух авианосных групп, экспедиционной дивизии морской пехоты и до двух эскадрилий тяжелых стратегических бомбардировщиков [44].

В январе 1983 г. на территории США на базе сил быстрого развертывания было создано объединенное Центральное командование (ОЦК). Зоной его ответственности был объявлен регион Юго-Западной Азии у южных границ СССР. В нее вошли Ближний и Средний Восток, Северная и Северо-Восточная Африка, а также акватории прилегающих к ним морей и Индийского океана. В боевом составе ОЦК предполагалось иметь: 18-й воздушно-десантный корпус, 9-ю механизированную тяжелую дивизию и 7-ю легкую пехотную дивизию, 6-ю отдельную противотанковую вертолетную бригаду, одну группу войск специального назначения и до двух батальонов «рейнджеров»; семь авиакрыльев тактической авиации, четыре группы и отдельная авиаэскадрилья истребительной авиации, две эскадрильи стратегических бомбардировщиков; до трех авианосных и одну корабельную ударную группу, амфибийно-десантную группу, эскадрилья базовой патрульной авиации, группу судов-складов (на одну экспедиционную бригаду морской пехоты и передовых частей сухопутных войск и ВВС) [45].

На командующего и штаб объединенного Центрального командования были возложены такие же задачи, как и на другие объединенные командования, дислоцировавшиеся на заморских театрах военных действий. Они отвечали за оперативное планирование, организацию и проведение оперативной и боевой подготовки, разработку предложений по оказанию военной помощи странам в зоне своей ответственности, контроль за совершенствованием оперативного оборудования их территорий. Особенностью ОЦК было то, что в зоне своей ответственности оно имело на постоянной основе лишь передовую группу [46].

С начала 1980-х гг. американская администрация стремилась принцип «партнерства» заменить «стратегическим партнерством» при лидирующей роли Соединенных Штатов. «Лидирующая роль» предполагала полное подчинение США их союзников. Даже самые близкие из них должны были в НАТО, как считали в Вашингтоне, подчиняться жесткой дисциплине. Важным элементом «стратегического партнерства» являлось развитие сотрудничества со «стратегическими союзниками». Причем сотрудничество не всегда оформлялось договором.

Примером такого сотрудничества были отношения между Соединенными Штатами и Израилем. В 1961 г. этими государствами был подписан Меморандум о взаимопонимании в области стратегического сотрудничества. Меморандум содержал широкую программу военных приготовлений к возможному столкновению с СССР. Вместе с тем в нем был намечен ряд мер по обеспечению американского военного присутствия в регионе. В меморандуме предусматривалось:

- проведение совместных учений вооруженных сил США и Израиля, в том числе в восточной части Средиземного моря;
- использование военной инфраструктуры для материально-технического обеспечения американских войск (сил), прежде всего ВМС;
- заблаговременное складирование оружия и военной техники для «сил быстрого развертывания США» на израильской территории;
- обмен разведывательной информацией [47].

В условиях осознания правящими кругами США бесперспективности развязывания ядерной войны администрация Рейгана в начале 1987 г. сочла необходимым выступить с новой «оборонной» стратегией, получившей название «стратегии соперничества». Как говорилось в послании американской администрации конгрессу, «стратегия соперничества нацелена на систематическое и максимальное использование технологических преимуществ, чтобы вынудить СССР соперничать с Западом с небольшими потерями и затратами в военной области. Эта стратегия направлена на превращение советской военной машины в безнадежно устаревшую» [48].

В рамках «стратегии соперничества» была выдвинута концепция «сбалансированной технологической инициативы» (СТИ), которая была призвана усилить военные возможности западных держав на новой технологической основе. Для этого предполагалось начать разработку принципиально нового поколения оружия и военной техники на основе технологического сотрудничества и разделения финансовых расходов [48].

В январе 1988 г. началась разработка новой военно-политической стратегии США, получившей впоследствии название

стратегии «прямого противоборства» [49]. В ней американским руководством была предпринята попытка выработки своей позиции, отражающей новые условия. Она была изложена в январе 1989 г. министром обороны США. Выступая перед американским конгрессом, он так сформулировал основные подходы Соединенных Штатов при ведении переговоров с Советским Союзом:

- во-первых, обеспечение безопасности США требует силы и сплоченности американских союзников, прежде всего по НАТО, чему нет альтернативы;
- во-вторых, необходима демонстрация готовности к действиям для защиты своих интересов, вплоть до применения оружия;
- в-третьих, поддержка стран и движений, дружественных Вашингтону, представляет собой уникально эффективный путь защиты интересов страны [50].

Согласно стратегии «прямого противоборства», при подготовке к ведению всеобщей ядерной войны военная стратегия США стала исходить из возможности ведения длительной (до нескольких недель) ядерной войны и достижения победы в ней. Расширился размах военных действий за счет перенесения военных действий в космос. Фактически четвертым компонентом стратегических ядерных сил США (наряду с наземными баллистическими ракетами, баллистическими ракетами морского базирования и стратегической авиацией) стали оперативные ядерные ракеты (ракеты средней дальности).

Было признано возможным создать систему противовоздушной (ПВО), противоракетной (ПРО) и противокосмической (ПКО) обороны, способной защитить континентальную часть Соединенных Штатов и снизить потери в союзных с США государствах от воздушного нападения [51]. Строительство стратегических наступательных сил США осуществлялось в направлении их качественного совершенствования и повышения боевых возможностей. У морского компонента появились способности поражать защищенные объекты. Стали разрабатываться средства поражения «критичных ко времени» защищенных целей, то есть объектов, способных выйти из-под удара (например, МБР после пуска из шахтной пусковой уста-

новки). Для этого предназначались, главным образом, авиационный компонент триады США и крылатые ракеты большой дальности.

Силы общего назначения стали оснащаться не только оружием массового поражения, но и высокоточным обычным. Они приобрели возможность вести напряженные и высокоманевренные боевые действия на глубину всего театра военных действий. Было признано наиболее вероятным, что с началом военных действий на континентальном ТВД (особенно в Европе) ВМС США будут использованы в глобальном масштабе на всю глубину океанского ТВД.

В то же время не исключалась возможность перерастания военных действий в ходе всеобщей обычной войны и ограниченных ядерной и обычной войн во всеобщую ядерную войну [52]. Продолжительность безъядерного периода в Европе, по опыту учений, могла составить до 15 суток [53].

Были уточнены способы развязывания всеобщей ядерной войны. К ним были отнесены:

- внезапное нападение боеготовыми и передовыми группировками вооруженных сил, созданными еще в мирное время;
- нападение после частичного мобилизационного развертывания и ускоренного усиления передовых группировок войск;
- нападение после завершения стратегического развертывания.

Основными направлениями развития стратегической мобильности в начале 1980-х гг. в США считались: модернизация стратегических военно-транспортных самолетов; увеличение парка широкофюзеляжных самолетов в резерве гражданского воздушного флота, строительство судов с горизонтальной погрузкой и разгрузкой. Важным считалось также привлечение к океанским перевозкам морских транспортных средств стран — членов НАТО. Целью этих преобразований было обеспечение усиления группировки войск в Европе на 6–10 сутки после начала военных действий. В 1979 г. в штате Флорида (США) было создано объединенное управление организации перевозок и развертывания вооруженных сил. Ему подчинили компьютерную

информационную систему для планирования развертывания войск в мирное время в кризисных ситуациях [54].

Агрессивность военно-политического курса США и резкое обострение политической и военной обстановки в начале 1980-х гг. на основном — Европейском — театре войны не могло не беспокоить руководство СССР. В связи с этим перед советскими разведывательными службами была поставлена задача — подготовить и начать операцию «Ракетно-ядерное нападение», заключающуюся в слежении за возможной подготовкой стран НАТО к началу ограниченной ядерной войны в Европе. Тревоги советского руководства вызвали и учения блока. В СССР опасались, что под их прикрытием альянс может готовиться к запуску «евроракет» по целям в странах Варшавского Договора.

На 1 августа 1980 г. численность вооруженных сил НАТО и ОВД в Центральной Европе характеризовалась данными, указанными в *табл. 8* [55].

Одновременно шло перевооружение советских ядерных сил. С конца 1970-х гг. на развитие РВСН стали оказывать серьезное воздействие два фактора. Во-первых, советское правительство сделало политическое заявление о том, что Советский Союз не будет применять ракетно-ядерное оружие первым. Во-вторых, стали действовать ограничения, заложенные в советско-американский Договор ОСВ-2 (хотя американские законодатели его не ратифицировали, Стороны заявили, что будут придерживаться его положений), на модернизацию и создание новых ракетных комплексов.

12 июня 1982 г. Советский Союз официально объявил об отказе применения ядерного оружия первыми. В том же году министр обороны Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов заявил: «Лишь чрезвычайные обстоятельства — прямая ядерная агрессия против Советского государства или его союзников — могут заставить нас прибегнуть к ядерному удару возмездия как последнему средству самообороны». Политическое заявление нашло отражение в положениях военной доктрины, что сказалось и на стратегических вооружениях. Потребовалось провести модернизацию ракетных комплексов, направленную на повышение стойкости к поражающим факторам ядерного взрыва и прежде всего к действию нейтронного излучения.

Отказ от применения ядерного оружия первыми для Ракетных войск означал, что в случае внезапного ядерного нападения противника им придется действовать в крайне тяжелых условиях. Чтобы обеспечить решение задач по нанесению ответно-встречного и тем более ответного ядерных ударов по агрессору, требовалось значительно повысить живучесть ракетных ком-

Таблица 8. Численность вооруженных сил НАТО и ОВД в Центральной Европе (на 1 августа 1980 г.)

Страна	Количество, тыс. человек	Сухопутные войска, тыс. человек	ВВС, тыс. человек
Страны ОВД			
СССР	445,3	404,8	40,5
ГДР	122,8	93,0	29,8
ПНР	229,1	161,8	67,3
ЧССР	181,8	137,1	44,7
Итого	979,0	796,7	182,3
Страны НАТО			
США	247,0	210,0	37,0
ФРГ	444,0	336,5	107,5
Великобритания	67,5	57,5	10,0
Бельгия	87,0	66,0	21,0
Нидерланды	84,0	66,0	18,0
Канада	5,5	4,0	1,5
Люксембург	0,5	0,5	-
Штабы	7,5	4,0	3,5
Итого	943,0	744,5	198,5
Франция	48,0	48,0	-
Всего	991,0	792,5	198,5

плексов в целом, стойкость ракет к поражающим факторам ядерного взрыва, надежность систем боевого управления и связи.

Выполнение всего комплекса работ по модернизации стоящих на вооружении БРК потребовало значительных финансовых и материальных затрат. В то же время велись работы по созданию мобильных ракетных комплексов, главным предназначением которых должно было стать участие в нанесении ответного ядерного удара. Первыми поступили на вооружение БРК с грунтовыми самоходными пусковыми установками и МБР РТ-2ПМ «Тополь», а также боевой железнодорожный ракетный комплекс (БЖРК). Боевые возможности РВСН заметно возросли, этот вид вооруженных сил СССР стал самым передовым по техническому оснащению высокоинтеллектуальными автоматизированными системами различного назначения.

В 1983 г. были сняты с боевого дежурства все Р-14 (часть из них использовалась в качестве ускорительных средств для вывода космических аппаратов на околоземные орбиты). В 1986 г. практически завершилось развертывание ракет средней дальности РСД-10 в Европейской части СССР. К концу года их насчитывалось 243 единицы. Кроме них имелось 112 ракет Р-12 и 18 — Р-21 на подводных лодках. Но спустя год был подписан советско-американский Договор по РСМД, и до лета 1991 г. все ракеты средней дальности были ликвидированы.

Получили дальнейшее развитие морские стратегические ядерные силы. В конце 1970-х гг. на вооружение принимается ракетный подводный крейсер типа «Кальмар» с ракетами Р-29Р, оснащенными разделяющейся головной частью с боевыми блоками индивидуального наведения. В 1982 г. на испытание вышла головная подводная лодка типа «Акула» с ракетной системой «Тайфун». Она несла 20 твердотопливных ракет Р-39 с 10 боеголовками с разделяющимися боевыми частями типа МИРВ на каждой и дальностью полета свыше 8000 км. «Акула» стала самой крупной подводной лодкой в мире. Всего было построено шесть таких крейсеров. Следует отметить, что по ряду параметров они уступали американским ПЛАРБ типа «Огайо».

Появление у США новейших ракетных систем МХ, «Трайидент» и «Першинг-2» с высокими ударными характеристиками, а также крылатых ракет воздушного и наземного базирования

с большой дальностью полета поставило советские стратегические ядерные силы (СЯС) в крайне тяжелое положение. Оно могло усугубиться при условии успешной реализации американской программы «стратегической оборонной инициативы», положения которой существенно затрагивали Договор по системам ПРО от 1972 г.

Перед Советским Союзом встал вопрос, каким образом обеспечить возможность нанесения ответного удара (для нанесения ответно-встречного удара просто могло не хватить времени, так как подлетное время «Першингов» к запланированным объектам поражения исчислялось 8–12 минутами). Путь дальнейшего повышения защищенности шахтных пусковых установок всей группировки РВСН военными учеными был признан бесперспективным. В конце концов с мнением военных согласились. Решено было создать мобильные комплексы с межконтинентальными ракетами на твердом топливе, живучесть которых достигалась бы за счет изменения своего местоположения, и принять на вооружение ракеты с повышенной стойкостью к поражающим факторам ядерного взрыва. Кроме того, потребовалось увеличить надежность доведения приказов до исполнительных звеньев и создать резервную систему управления на случай чрезвычайных условий начала и ведения войны.

В 1982 г. все части ВМФ и ВВС, входящие в стратегические ядерные силы, получили более совершенные средства управления. С 1987 г. началось развертывание мобильного грунтового баллистического ракетного комплекса (БРК) «Тополь» с ракетой РС-12М. Введение его в строй явилось своего рода демонстрацией сил и средств, которые могут быть использованы в качестве асимметричного ответа на размещение элементов ПРО США в Европе.

По мнению специалистов РВСН, накопленные за десятилетия знания и опыт в области ракетной техники показывают, что наиболее эффективными, экономичными и реализуемыми в короткие сроки ответными мерами на развертывание систем ПРО являются так называемые асимметричные — в частности, снижение заметности, распознаваемости и прогнозируемости траектории полета боевых блоков в комплексе с применением

РСД-10 «Пионер». Пусковая установка

в составе боевого оснащения баллистических ракет специальных средств преодоления ПРО.

В период холодной войны появление «Тополя» на вооружении СССР стало большой неожиданностью для США и других стран НАТО. Тогда мобильный комплекс «Тополь» стал своего рода ответом на повышение точности американских межконтинентальных баллистических ракет. Однако его разработка и принятие на вооружение несколько затянулись. Конструкторам понадобилось более десяти лет для создания полномасштабной действующей модели.

В основу комплекса был положен опыт создания в 1970-х гг. мобильных грунтовых комплексов с ракетами РС-14 («Темп-2С») и РСД-10 («Пионер»), испытания и развертывание которых были запрещены международными договорами. Началом разработки комплекса «Тополь» (РС-12М) можно считать 19 июля 1977 г., когда официально были начаты работы по созданию стратегического мобильного комплекса с трехступенчатой межконтинентальной баллистической ракетой, пригодной

для размещения на самоходном автомобильном шасси. Непосредственная разработка ракеты для комплекса «Тополь» началась в 1980 г. РС-12М (РТ-2ПМ) стала своего рода модернизацией межконтинентальной баллистической ракеты РС-12 (РТ-2П) в соответствии с жесткими ограничениями Договора об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-2). Соблюдение требований данного документа привело к снижению на 10–20% показателей энергомассового совершенства ракеты по сравнению с аналогичными показателями американских ракет «Минитмен-II и III» шахтного базирования. 23 декабря 1983 г. на полигоне Плесецк начались летно-конструкторские испытания. После серии испытаний военно-политическим руководством СССР в декабре 1984 г. было принято решение о начале серийного производства.

Новые комплексы должны были прийти на смену межконтинентальным баллистическим ракетам РТ-2П и УР-100, которые с 1984 г. стали сниматься с дежурства. На месте их позиционных районов началось строительство сооружений стационарного базирования и оборудование маршрутов боевого патрулирования мобильных ракетных комплексов «Тополь». Первый ракетный полк «Тополей» был развернут в городе Йошкар-Ола в 1985 г. 1 декабря 1988 г. новый ракетный комплекс был официально принят на вооружение РВСН СССР.

К середине 1991 г. было развернуто уже 288 пусковых установок. К 1999 г. их количество увеличилось до 360 единиц. Ракетные комплексы «Тополь» несли дежурство в десяти позиционных районах, в каждом из которых базировалось по четыре-пять полков с девятью автономными пусковыми установками и подвижным командным пунктом. Основная часть комплексов располагалась на территории России. Девять полков (81 пусковая установка) были развернуты в ракетных дивизиях на территории Белоруссии. Их вывод в Россию начался 13 августа 1993 г. и завершился 27 ноября 1996 г. В 2000 г. на вооружение РВСН поступили модернизированные ракетные комплексы «Тополь-М».

В конце 1993 г. Россия заявила о разработке новой отечественной ракеты, призванной стать основой перспективной группировки ракетных войск стратегического назначения. В де-

кабре 1994 г. состоялся ее первый пуск из шахтной пусковой установки. 28 апреля 2000 г. госкомиссия утвердила акт о принятии на вооружение РВСН РФ межконтинентальной баллистической ракеты «Тополь-М» (РС-12М2).

Опасность «Тополя» для ПРО противника состоит в том, что ракеты данного типа, в отличие от простых баллистических, летят не по строго определенной, легко вычисляемой траектории, а могут ее резко менять, тем самым исключая вероятность перехвата. Управление полетом осуществляется за счет поворотных газоструйных и решетчатых аэродинамических рулей. Используются усовершенствованные сопловые аппараты твердотопливных двигателей. Для обеспечения скрытности разработаны камуфляж, ложные комплексы, средства маскировки.

Создание подвижного боевого железнодорожного ракетного комплекса (БЖРК) было начато в середине 1970-х гг. Но принят на вооружение он был лишь 28 ноября 1989 г., хотя первый из 6 полков 40-й ракетной дивизии в Костроме, вооруженный этим комплексом, 20 октября 1987 г. стал на боевое дежурство. В дальнейшем этот комплекс поступил на вооружение еще в две ракетные дивизии (по четыре полка в каждой), расположенные в Бершете и Гладком Красноярского края. В состав ракетного полка БЖРК входил железнодорожный состав из трех тепловозов и 17 вагонов, включая три пусковые установки с ракетными комплексами РТ-23УГТХ (всего 12 ракет). Пусковые установки с ракетами занимали девять железнодорожных платформ. Имелся также командный пункт и вагоны, в которых были оборудованы системы обеспечения жизнедеятельности личного состава и поддержания ракет в готовности к пуску при несении боевого дежурства. Для охраны этих поездов, помимо своего взвода охраны, в случае необходимости предусматривалось выделение подразделений от воинских частей, расположенных по маршрутам движения поезда, численностью до мотострелкового батальона. Кроме того, предполагалось использование специальных подразделений РВСН.

В 1988–1989 гг. на вооружение принимаются также МБР РС-18В и РС-22 шахтного базирования, способные нести по 10 боевых блоков индивидуального наведения, а также модификацию РС-22 для боевого железнодорожного комплекса.

Эти комплексы имеют повышенную боеготовность, высокую живучесть и устойчивость к поражающим факторам ядерного взрыва, оперативное переприцеливание и увеличенный период автономности. С их вводом в группировку Ракетных войск стратегического назначения боевые возможности советских стратегических ядерных сил по нанесению ответного удара заметно возросли.

В 1980-х гг. также совершенствовалось оружие морских и воздушных компонентов ядерной триады. Были приняты на вооружение ракетные подводные крейсера типа «Дельфин» с БРПЛ Р-29РМ, имеющей высокие тактико-технические характеристики. Дальняя авиация стала пополняться бомбардировщиками Ту-95МС6 — носителями крылатых ракет большой дальности, а потом и Ту-95МС16 (нес 16 крылатых ракет), что существенно увеличивало боевые возможности стратегической авиации. С 1987 г. началась опытная эксплуатация ракетноносца Ту-160, по своим боевым характеристикам превосходящего американский В-1В. Предполагалось, что всего будет развернуто 100 таких самолетов.

Однако известные политические события существенно подорвали стратегический, прежде всего военный, потенциал СССР, уничтожили возможность реализации идеи поддержания на должном уровне СЯС России, а следовательно, и с таким трудом достигнутый паритет в вопросах стратегических наступательных вооружений между США и СССР.

Своего расцвета военно-морской флот СССР достиг к середине 1980-х гг. Он уступал только американскому. Флот Великобритании к этому времени отошел на третье место. В составе ВМФ имелся мощный подводный флот, численно не уступавший подводным силам США, значительное количество надводных кораблей различных классов. Была принята программа создания достаточно мощного авианосного флота, включая атомные авианосцы. Пока же один советский авианосец не мог противостоять 15 ударным авианосцам США. К тому же советское руководство объявило о том, что тяжелый авианесущий крейсер (советское название авианосца) предназначен только для обороны соединений в море и его собратьев, заложенных на стапелях судостроительных заводов.

Стратегический бомбардировщик Ту-160

Военно-морской флот СССР на 1 июля 1988 г. составляли¹:

- авианесущие корабли — 4;
- подводные лодки — 376;
- крейсера, эсминцы, ракетные фрегаты — 96;
- сторожевые (фрегаты) и малые противолодочные корабли — 174;
- катера и тральщики — 623;
- десантные корабли и катера — 107;
- всего боевых кораблей — 1380;
- боевые самолеты и вертолеты — 1142;
- морская пехота — 12,6 тыс. человек.

В 1980 г. на ракетных подводных лодках было 924 пусковые установки, что составляло 39,8% от общего количества таких установок в РВСН и ВМФ (2322 установки)². В это число вошли пусковые установки ракетных лодок, оснащенные разделяющи-

¹ Аргументы и факты. 1988. № 4; Наука и жизнь. 1990. № 3. С. 42.

² Правда. 1989. 16 дек.

мися головными частями индивидуального наведения, — 440 (36,6% от общего количества ракет с РГЧ).

В 1991 г. даже после некоторого сокращения наш флот имел в своем составе 59 ракетных подводных лодок стратегического назначения с 896 пусковыми установками баллистических ракет, 88 многоцелевых атомных лодок, 75 дизельных лодок; 151 боевой надводный корабль водоизмещением более 1200 т, в том числе 17 крейсеров, включая 5 авианесущих, 87 эсминцев, больших противолодочных сторожевых кораблей; 331 корабль прибрежного действия, 298 боевых катеров различного назначения; 1638 самолетов и 561 вертолет морской авиации; войска береговой обороны. Флоты и флотилии насчитывали 70 объединений и соединений. Общая численность личного состава ВМФ составляла около 442 тыс. человек, в том числе 29 тыс. человек в войсках береговой обороны¹.

В 1980-х гг. боевая служба ВМФ СССР продолжалась. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. для обеспечения безопасности нашего судоходства в Красном море и Персидском заливе на время ирано-иракского и эфиопо-эритрейского вооруженных конфликтов была создана 85-я бригада надводных кораблей. Ее корабли без потерь и повреждений в 178 конвоях провели через зону боевых действий 374 торговых судна. До начала боевой деятельности бригады в этом районе были повреждены два советских танкера. Со второй половины 1980-х гг. началось сокращение, а затем и расформирование оперативных эскадр. Первой была расформирована 8-я оперативная эскадра, затем 17-я. Силы 5-й Средиземноморской оперативной эскадры были возвращены на базы в 1991 г. Районы деятельности 7-й и 10-й оперативных эскадр Северного и Тихоокеанского флотов были ограничены акваториями прибрежных морей.

При оценке соотношения Военно-морского флота СССР и ВМС США, государств Организации Варшавского Договора (ОВД) и НАТО налицо было огромное превосходство флота США и военно-морских сил НАТО. В апреле 1989 г. ВМС НАТО превосходили ВМФ ОВД по численности личного состава в 4,5 раза, по количеству кораблей океанской зоны — в 7,6 раза, по боевым са-

¹ Морской сборник. 1991. № 11. С. 7.

молетам ВМС — в 2,4 раза¹. В 1990 г. у стран, входивших в НАТО, имелось 537 больших кораблей (авианосцы, линкоры, крейсера, эсминцы и фрегаты), у государств ОВД — 306².

Не в пользу ВМФ СССР говорило и сравнение качественных показателей двух флотов. В главных силах — подводных ракетных системах — СССР даже опередил США как по их числу, так и по общему количеству пусковых установок, но значительно уступал по боеголовкам. На американских баллистических ракетах устанавливались разделяющиеся головные части с индивидуальным наведением каждого заряда — по 10–12 на каждой ракете. Американские ракетоносцы опережали советские в количестве ракет: у них — 16, 24, а на соответствующих советских лодках — 3, 12, 16, 20. Советские ракетные, в том числе и атомные, подводные лодки, особенно первых серий, имели большую шумность основных и вспомогательных механизмов, что ставило их в неблагоприятные условия. По оценкам специалистов, последние образцы советских морских ракет превосходили американскую систему «Трайидент» по дальности и точности. Но по количеству ракет на атомном подводном ракетоносце и по количеству боеголовок индивидуального наведения советский флот отставал. Имелись определенные сдвиги и в решении проблемы шумности наших атомоходов.

ВМС США и НАТО располагали во второй половине 1980-х гг. значительно большим количеством крупных кораблей, способных действовать в океане. Наличие у США 15 ударных авианосцев обеспечивало устойчивость действий соединений надводных кораблей в океане и выполнение ими различных боевых задач, чего нельзя сказать о советском военно-морском флоте, корабли которого в открытом океане были подвержены воздействию авиации противника. Советский ВМФ так и не решил проблему создания авианосного флота и обеспечения боевой устойчивости соединений надводных кораблей в океане. Первые авианесущие крейсера типа «Киев» могли решать эту задачу ограниченно, а единственный настоящий авианосец не мог противостоять 15 авианосцам США.

¹ Красная звезда. 1989. 18 апр.

² Там же. № 8. С. 8.

Авианесущий крейсер типа «Киев»

Американский флот, располагая корпусом морской пехоты и значительным количеством десантных судов, был способен выполнять десантные операции любого масштаба, в том числе стратегические. Советскому ВМФ такие десанты были не под силу — ни по численности морской пехоты, ни по количеству больших десантных кораблей.

При качественной оценке флотов противоборствующих сторон нельзя не учитывать такой важный показатель, как система базирования. США обеспечили свой флот возможностями базирования во всех районах Мирового океана с использованием иностранных территорий для развертывания своих баз. Кроме того, флот США располагает системой военно-морских и воздушных баз на собственной территории, включая Аляску и Гавайские острова. Советский флот практически был лишен баз в океанах, что ставило его в сложные условия. В мирное время боевая служба еще обеспечивается вспомогательными судами, хотя это и очень дорогое удовольствие. Как показал опыт, раз-

вертывание вспомогательного флота в океане в ходе войны могло стать проблематичным.

Флот СССР и ВМС ОВД имели определенные преимущества ведения боевых действий в закрытых морях, прилегающих к их территориям. Здесь была и развитая система базирования, и превосходство как в кораблях ближнего действия, так и в авиации берегового базирования. Страны Варшавского Договора, например, имели преимущество в кораблях прибрежной зоны в 1,6 раза¹.

В целом соревнование двух сверхдержав в строительстве ВМФ окончилось не в пользу Советского Союза. Соперничество было навязано СССР. Советское руководство в гонке морских вооружений допустило две крупные принципиальные ошибки. Первая состояла в том, что нашу страну втянули в непосильную для ее экономики длительную (десятилетия мирной жизни) гонку вооружений в целом и морских вооружений в частности. Силы и возможности страны не были рассчитаны. Не использовались другие пути для ограничения этой гонки. В военном соперничестве были виноваты обе противоборствующие стороны. Подозрительность друг к другу не позволила ни одной из сторон проявить разумную инициативу в его ослаблении. А односторонние мероприятия советского руководства не достигали своей цели. В то же время военно-политическая стратегия США сознательно навязывала СССР гонку вооружений, рассчитывая на то, что его экономика не выдержит такого длительного соревнования.

Вторая ошибка заключалась в том, что в строительстве вооруженных сил, в том числе и ВМФ, допустили диспропорцию в развитии боевых сил и сил обеспечения. Политическое и военное руководство увлеклось количественным ростом боевых сил, игнорируя или недооценивая развитие сил обеспечения. При этом сказывался как субъективный фактор недооценки, так и недостаток сил и средств для равноценного, пропорционального внимания всем обеспечивающим силам. Главной заботой главнокомандующих ВМФ являлся количественный рост кораблей, подводных лодок, морской авиации, береговых войск, а все остальное — система базирования, инфраструктура, тыл флота — оставалось на будущее. Таким образом, и в развитии флота действовал

¹ Красная звезда. 1989. 18 апр.

«остаточный принцип». В этом деле явно пренебрегали опытом Великой Отечественной войны, убедительно требовавшим достойного внимания такому флоту, который бы включал все три компонента — боевые силы, базирование и тыл. Результаты же начали проявляться уже во второй половине 1980-х гг. В частности, корабли не получали своевременного планового ремонта и начали преждевременно выходить из строя. Главная причина общего состояния ВМФ в том, что Советский Союз не был готов к навязанному ему соперничеству за первое место в мире по морским вооружениям.

В послевоенный период изменились роль и место отдельных флотов в общей системе обороны страны. Повлияли прежде всего общая военно-политическая обстановка и развитие ракетно-ядерного оружия. На первое место вышел Северный флот. Он приобрел огромное значение, поскольку расположен на театре, имеющем свободный выход в Атлантический океан, а последний занимает особо важное место в жизни многих стран и народов. Здесь проходят важнейшие океанские коммуникации, связывающие страны Старого и Нового Света. Здесь расположены основные страны, входящие в НАТО. Северный флот приобрел особое значение и в связи с тем, что главными силами советского ВМФ стали ракетные подводные лодки. Развитию Северного флота уделялось наибольшее внимание со стороны советского политического и военного руководства.

Большое значение придавалось и Тихоокеанскому флоту. Он также имеет свободные выходы в Тихий океан. Но в соперничестве различных стран этот морской театр занимает второе место после Атлантического. Кроме того, он расположен на далекой окраине страны с более ограниченными экономическими и промышленными возможностями. Поэтому Тихоокеанский флот не получил такого развития, как Северный.

Наши старейшие флоты — Балтийский и Черноморский — расположены на закрытых морских театрах, выход из которых в военное время будет закрыт. Эти флоты сохраняли свое значение для обороны побережья и морских коммуникаций, обороны важных экономических центров СССР. Они оставались также как своего рода резерв и тыловые базы для океанских флотов. Здесь строились основные корабли, проходили боевую подготов-

ку и отсюда направлялись на Север и Дальний Восток. В связи с развитием ракетно-ядерного оружия некоторые специалисты даже предлагали ликвидировать эти флоты под тем предлогом, что ракетно-ядерное оружие перекрывает все пространство этих морей. Однако опыт ограниченных войн убедил в необходимости их сохранения.

В целом, к концу 1980-х гг. ВМФ СССР по своему количественному составу и уровню развития вооружения прочно занимал одно из ведущих мест в мире. Однако так называемый процесс перестройки начал оказывать свое неблагоприятное влияние на кораблестроение, развитие вооружения, содержание флотов и их боевую подготовку.

В 1989 г. Советская Армия и Военно-морской флот в одностороннем порядке были сокращены на 265 тыс. военнослужащих. При этом выведено из групп войск и Монголии 50 320 человек, 3118 танков, 768 орудий и минометов, 350 боевых самолетов. Чтобы снять обеспокоенность Запада по поводу превосходства ОВД в тактических ядерных средствах, Советский Союз в одностороннем порядке вывел с территории своих союзников 500 тактических ядерных зарядов (авиационных — 166, ракетных — 284, артиллерийских — 50). Всего за два года (1989–1990) численность Вооруженных Сил СССР была сокращена на 500 тыс. человек, а количество вооружений уменьшено на 10 тыс. танков, 8500 орудий и минометов, 820 боевых самолетов.

В 1980-х гг. экономика Советского Союза находилась в тяжелом положении. Экономическая реформа 1965 г. захлебнулась. Объективно в ходе реформы в СССР была сделана попытка перехода к интенсивному (в противоположность экстенсивному) качеству экономического роста, само понятие экономической эффективности создавало условия для создания постиндустриальной экономики. В то же время неблагоприятным фактором развития реформы в известной степени был рост поступлений от экспорта энергоносителей, дающий возможность консервативному советскому руководству конца 1970-х гг. поддерживать экономический рост и удовлетворять внутренний потребительский спрос за счет быстрого увеличения импорта. Если в 1967 г. на закупку зерна за границей было затрачено 50,2 т золота, то в 1972 г. — 458,2 т.

«Замедления темпов роста» в 1970–1980-е гг. было обусловлено рядом факторов, повлиявших на темп и качество экономического развития. К ним относились:

- исчерпание экстенсивных факторов роста, прежде всего из-за исчерпания резервов мобильной рабочей силы и снижения экономической отдачи от увеличения занятости (из-за технологического застоя, вызванного отсутствием стимула к снижению себестоимости, и негибкого планового характера сферы услуг);
- необходимость прямого и косвенного дотирования неэффективных предприятий, отраслей и экономик отдельных территорий, вызванная усилением ведомственного и территориального лоббизма и стремлением союзного руководства избегать непопулярных решений;
- социальные программы 1970-х гг. (сокращение рабочего времени, рост доходов населения);
- затратные программы хозяйственного развития Сибири и Дальнего Востока, не давшие ожидавшейся валовой прибыли в краткосрочном периоде;
- крайне затратная программа развития Вооруженных сил;
- кредиты СССР странам третьего мира в рамках борьбы за влияние в мире (Африка, Ближневосточный конфликт и пр.).

Провал реформы отрицательно действовал на внутривнутриполитическую обстановку в Советском Союзе и осложнял противодействие внешнеполитическому давлению.

* * *

Руководство США, провозгласив «поход против коммунизма», в военной сфере предприняло попытку сломать сложившееся равновесие в стратегических вооружениях за счет технического совершенствования имеющихся средств и переноса военных действий в космос. Основные усилия по модернизации вооруженных сил Соединенных Штатов и их союзников были сосредоточены в Европе. Наиболее опасным для стран Организации Варшавского Договора было размещение ядерных ракет средней дальности на европейском континенте.

СССР настороженно относился к оснащению противостоящих сил Североатлантического союза новейшими вооружениями, рассматривая мероприятия НАТО как возрастание опасности войны. Но крупномасштабные программы по перевооружению советских вооруженных сил не могли проводиться.

5.2. Разоружение

На всем протяжении холодной войны ядерные силы играли центральную роль в противостоянии двух сверхдержав. Создание и совершенствование ядерного оружия составляло ядро гонки вооружений, которая требовала создания принципиально новой военной промышленности, основанной на современных технологиях. Ядерные силы были интегрированы в общую структуру сил НАТО и обеспечивали Североатлантическому союзу ряд политических и военных вариантов сдерживания крупного военного конфликта в Европе.

Превращению ядерного оружия из средства устрашения в средство сдерживания во многом способствовали события Карибского кризиса в октябре 1962 г. В ходе его американский президент Дж. Кеннеди впервые сформулировал начала «кризисной стабильности». Она заключалась прежде всего в отказе использовать ядерное оружие в ходе острого военно-политического кризиса в отношениях двух ядерных держав. Более того, им был предпринят целый ряд шагов по снижению вероятности вооруженного столкновения с использованием обычных вооружений. С завершением Карибского кризиса была установлена прямая связь, так называемая горячая линия, между кризисными центрами США и СССР. Был подписан договор о частичном запрещении испытаний ядерного оружия.

В повестке дня встал вопрос о контроле над стратегическими вооружениями. Переговоры по этому поводу шли практически непрерывно — за исключением короткой паузы в середине 1980-х гг., последовавшей за развертыванием в Западной Европе американских ракет наземного базирования средней дальности. Они создавали уникальный канал постоянного диалога между военно-политическим руководством Советского Союза

и Соединенных Штатов и позволяли поддерживать критически важный уровень сотрудничества между двумя ведущими и противостоявшими друг другу государствами. Подобное сотрудничество смягчало в какой-то мере конфронтационность двусторонних отношений, регулировало их и поддерживало известную стабильность на глобальном уровне.

В 1967 г. во время встречи Косыгина и Джонсона в Гласборо было достигнуто согласие о начале переговоров по ограничению стратегических вооружений и противоракетной обороне. Первые консультации о возможности начала переговоров об ограничении вооружений были начаты в 1967 г., а конкретная договоренность о начале переговоров была достигнута в июле 1968 г.

Советско-американский процесс ограничения стратегических вооружений мог начаться только после подписания в 1968 г. Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Этот документ жестко ограничил число признанных ядерных государств и юридически закрепил безъядерный статус подавляющего большинства стран, технически способных создать ядерное оружие (в том числе Германии и Японии). Так сложились условия для двустороннего контроля над ядерными вооружениями, а ядерная биполярность получила юридическое подкрепление. США и СССР могли теперь меньше опасаться, что в результате лавинообразного расширения ядерного клуба число целей для их стратегических сил не вышло из-под контроля.

С другой стороны, после подписания ДНЯО сверхдержавы попали под давление безъядерных государств, требовавших начать переговоры о ядерном разоружении. В обмен на согласие подавляющего большинства участников договора отказаться от приобретения ядерного оружия ядерные страны приняли на себя обязательство по доброй воле вступить в переговоры о ядерном разоружении (статья 6). Начавшиеся вскоре переговоры по ограничению стратегических вооружений были направлены на выполнение Советским Союзом и Соединенными Штатами условий Договора о нераспространении ядерного оружия.

После задержки, вызванной вводом советских войск в Чехословакию и президентскими выборами в США, переговоры по стратегическим наступательным и оборонительным воору-

жениям были начаты в ноябре 1969 г. Первоначально предполагалось, что предметом переговоров станет всеобъемлющее соглашение. Однако в процессе обсуждения вопроса о наступательных вооружениях Советский Союз последовательно настаивал на обязательном учете средств передового базирования США, расположенных в Европе. В итоге было решено, что соглашение о наступательных вооружениях не будет иметь всеобъемлющего характера, не будет включать ограничений на бомбардировщики. В то же время стороны согласились заключить полномасштабное соглашение об ограничении оборонительных средств.

В 1960-х гг. Советский Союз видел в противоракетной обороне стабилизирующий фактор, ограничивающий разрушительную мощь ядерного оружия. В этом советское руководство видело сохранение принципа неотвратимости возмездия. Соединенные Штаты придерживались мнения, что противоракетная оборона дестабилизирует ядерные отношения сверхдержав. Поэтому вплоть до начала 1980-х гг. США настаивали на жестком ограничении стратегических систем ПРО.

70-е гг. ознаменовались официальным признанием Соединенными Штатами паритета ракетно-ядерных вооружений США и СССР. Это признание способствовало поиску путей снижения ядерной опасности. Ставшие результатом переговоров документы — Договор об ограничении систем противоракетной обороны (Договор по ПРО) и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (Договор ОСВ-1) — были подписаны 26 мая 1972 г. и вступили в силу 3 октября 1972 г. Срок действия Договора ОСВ-1 составлял пять лет, Договор по ПРО обладал неограниченным сроком действия.

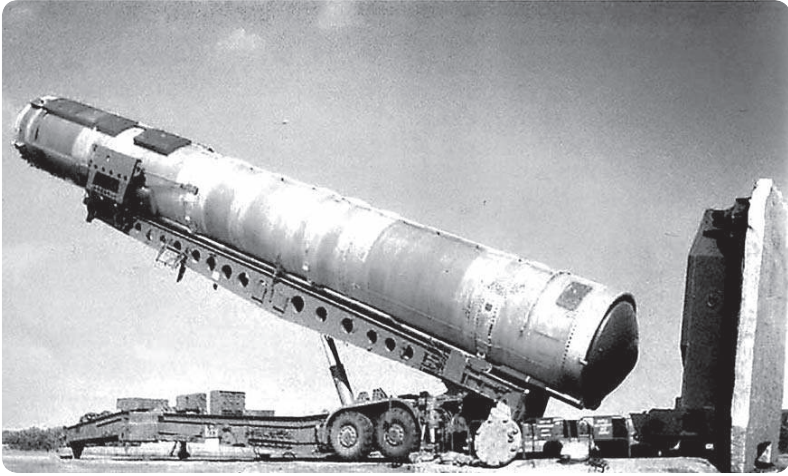
Прогресс в области ограничения оборонительных противоракетных систем стал возможен прежде всего благодаря тому, что к моменту начала переговоров в СССР и в США была продемонстрирована невозможность создания эффективной системы ПРО, способной обеспечить защиту ограниченного района или территории страны. В связи с этим на одном из этапов переговоров стороны были готовы пойти на полное запрещение противоракетных систем, однако в итоге было решено сохранить

возможность развертывания систем, находившихся в процессе разработки и строительства.

В то же время американское военное руководство развернуло активные поиски путей достижения превосходства за счет технического совершенствования ядерного оружия и многообразия его применения. В соответствии с новыми условиями безопасности начался процесс уменьшения ядерных арсеналов. Существенное уменьшение опоры на ядерные силы проявилось в радикальном сокращении самих этих сил. По договору 1972 г. ОСВ-1 резко уменьшалось количество ядерных зарядов на стратегических носителях. Только в США оно снижалось с более чем 10 000 единиц до 6000. Позиция Соединенных Штатов позволила советскому руководству дать указание советской делегации на переговорах по ОСВ-1 согласиться на общий потолок по стратегическим ядерным вооружениям, устанавливающий соотношение 10:8 в пользу Соединенных Штатов.

В основу соглашения об ограничении наступательных вооружений был положен принцип, в соответствии с которым ограничению подлежало количество пусковых установок баллистических ракет как наземного, так и морского базирования. Количество бомбардировщиков, а также количество боезарядов соглашением никак не ограничивалось. На ранних стадиях переговоров СССР и США обсуждали возможность запрета на оснащение баллистических ракет боеголовками индивидуального наведения, однако сторонам не удалось найти взаимоприемлемого решения этой проблемы.

Основным положением Договора ОСВ-1 стало обязательство СССР и США не начинать с 1 июля 1972 г. строительства новых стационарных пусковых установок баллистических ракет наземного базирования, а также не увеличивать количество подводных лодок и пусковых установок баллистических ракет морского базирования. Кроме этого соглашение запрещало создание новых шахтных пусковых установок (ШПУ) тяжелых ракет, а также переоборудование существующих ШПУ в пусковые установки тяжелых ракет. В результате установления этих ограничений была фактически заморожена структура группировок баллистических ракет наземного базирования. На момент подписания соглашения в СССР были построены или

Стратегический ракетный комплекс Р-36

находились в процессе строительства 1416 шахтных пусковых установок, 308 из которых предназначались для размещения тяжелых ракет Р-36 и Р-36М. Кроме этого к числу тяжелых ракет относились 18 орбитальных ракет Р-36, развернутых на полигоне Байконур.

Установленные ОСВ-1 ограничения на количество подводных ракетоносцев относились только к подводным лодкам, построенным после 1964 г. и, таким образом, не касались советских подводных лодок проектов 629, 658 и 701. Поскольку Договор разрешал завершение строительства подводных лодок и шахтных пусковых установок, начатого к моменту его заключения, определение строящейся подводной лодки было сформулировано таким образом, чтобы дать СССР возможность построить 62 «современных» подводных ракетоносца, на которых могло быть развернуто не более 740 ракет. В дополнение к этому СССР мог дополнительно развернуть 210 баллистических ракет морского базирования за счет уничтожения такого же количества наземных пусковых установок ракет Р-16У и Р-9А. Это положение давало СССР возможность иметь до

950 ракет морского базирования, так как пусковые установки типа «групповой старт», в которых размещались ракеты Р-16У и Р-9А, не могли быть использованы для размещения новых ракет наземного базирования и в любом случае должны были выводиться из боевого состава. В целом Договор ОСВ-1 никак не ограничивал советскую программу создания стратегических ракетноносцев.

После подписания ОСВ-1 Советский Союз и Соединенные Штаты продолжили переговоры о дальнейшем ограничении стратегических вооружений. Однако достичь договоренности по содержанию следующего этапа контроля над вооружениями оказалось гораздо более сложной задачей. Поскольку новое соглашение, в отличие от предыдущего, должно было носить всеобъемлющий характер, Советский Союз настаивал на обязательном учете американских средств передового базирования в балансе стратегических сил. Усилия США в основном были направлены на установление ограничений на количество и возможности советских ракетных комплексов наземного базирования, в частности тяжелых ракет и ракет, оснащенных головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН). Проблема тяжелых ракет обострилась после того, как в 1973 г. СССР провел первые испытания разделяющихся головных частей с боеблоками индивидуального наведения. Значительное преимущество в суммарном забрасываемом весе ракет, которым обладал Советский Союз, в сочетании с установленным в ОСВ-1 запретом на развертывание новых ракет означало, что СССР мог значительно превзойти США в количестве развернутых боезарядов.

Однако официальное признание ядерного паритета способствовало дальнейшим переговорам об ограничении стратегических вооружений. Во время встречи руководителей СССР и США во Владивостоке в ноябре 1974 г. были разработаны основные исходные положения нового договора по ограничению стратегических вооружений. Было согласовано суммарное число носителей стратегического оружия для каждой стороны — по 2400 единиц, в том числе 1320 ракет с разделяющимися головными частями (РГЧ)¹. При заключении Владивостокских

¹ Правда. 1977. 1 апр.

соглашений Советский Союз пошел на значительные уступки. Основной из них стало снятие требования о включении в будущий договор средств передового базирования США. Кроме этого СССР согласился на установление одинаковых ограничений для обеих сторон, отказавшись от требования о равенстве возможностей стратегических сил. Соединенные Штаты, в свою очередь, пошли на включение в договор тяжелых бомбардировщиков и отказались от попыток сократить количество советских тяжелых ракет или пересмотреть определение тяжелой ракеты так, чтобы оно включало создаваемую в СССР ракету УР-100Н. В то же время Владивостокские соглашения имели значение для военного строительства обоих государств. Были установлены долговременные уровни для количества носителей стратегического оружия по всем трем компонентам, а также наложены ограничения на развертывание РГЧ, что стало начальным шагом на пути ограничения качественной гонки вооружений. Установление одинаковых потолков могло послужить отправной точкой для последующих этапов переговоров по ограничению стратегических вооружений и сокращению других видов вооружений.

Несмотря на то что основные положения будущего договора об ограничении вооружения были согласованы, практически сразу после окончания Владивостокской встречи обнаружились существенные различия в понимании достигнутых договоренностей. Как и на ранних стадиях переговоров, основные усилия США были направлены на ограничение количества боезарядов на советских межконтинентальных ракетах наземного базирования. Советский Союз, в свою очередь, настаивал на установлении ограничений на развертывание крылатых ракет воздушного базирования, а также пытался добиться запрета на развертывание крылатых ракет морского и наземного базирования. Кроме этого оставались вопросы, связанные с проверкой выполнения будущего договора.

Сразу же после Владивостокских соглашений основными проблемами стали вопросы о зачете советского бомбардировщика Ту-22М как стратегического средства доставки и о способе зачета бомбардировщиков, оснащенных крылатыми ракетами большой дальности (КРВБ). Соединенные Штаты настаивали

на том, что бомбардировщики Ту-22М должны учитываться при подсчете общего количества стратегических носителей. Советский Союз, в свою очередь, настаивал на том, что крылатые ракеты на бомбардировщиках должны считаться отдельными носителями. В ходе усилий, направленных на то, чтобы найти взаимоприемлемое решение, была достигнута предварительная договоренность о том, что каждый бомбардировщик, оснащенный крылатыми ракетами, будет считаться носителем с РГЧ ИН. Кроме этого США предложили установить отдельные ограничения на количество развернутых бомбардировщиков Ту-22М. Несмотря на то что окончательного соглашения по этим вопросам в 1976 г. достичь не удалось, эти положения в несколько измененном виде впоследствии стали частью нового договора.

В феврале 1976 г. советская делегация на переговорах по ОСВ внесла предложение запретить новые системы вооружения, в частности подводные ракетноносцы «Трайидент» и бомбардировщики В-1 США и аналогичные системы в СССР. Предлагалось также вывести из Средиземного моря американские и советские корабли и подводные лодки с ядерным оружием, сократить обычные вооружения и т.д. Но американская сторона отвергла эти предложения. В том же году 33 государства, в том числе СССР и США, подписали международную конвенцию о запрещении военного или иного враждебного использования средств воздействия на природную среду. Дополнительным стимулом для продолжения переговоров стало заключение в 1977 г. между Советским Союзом и Соединенными Штатами соглашения о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях.

Поскольку новое соглашение не было подготовлено к моменту истечения срока действия ОСВ-1, в октябре 1977 г. СССР и США объявили, что будут продолжать соблюдать предусмотренные ОСВ-1 ограничения. Содержание нового договора было в основном согласовано к концу 1978 г., и 18 июня 1979 г. в ходе встречи в верхах в Вене был наконец подписан Договор между СССР и США об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-2). Срок его действия устанавливался до 31 декабря 1985 г.

Согласно Договору, стратегические наступательные вооружения сторон ограничивались первоначальным суммарным количеством носителей, равным 2400 ед. Стратегические наступательные вооружения, которые имелись у СССР и США сверх этого уровня, подлежали демонтажу или уничтожению. С 1 января 1981 г. предусматривалось установить для каждой из сторон пониженный уровень на указанные вооружения, составляющий не более 2250 носителей. В рамках этих суммарных количеств устанавливались для СССР и США подуровни, которые не должны были превышать:

- 1320 ед. пусковых установок (ПУ) МБР, БРПЛ и БРВЗ, оснащенных разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН), и тяжелых бомбардировщиков, оснащенных для крылатых ракет с дальностью свыше 600 км;
- 1200 ед. ПУ МБР, БРПЛ и БРВЗ, оснащенных РГЧ ИН;
- 820 ед. на ПУ МБР, оснащенных РГЧ ИН. В этих пределах СССР и США могли по своему усмотрению определять структуру стратегических наступательных вооружений.

Договором ОСВ-2 запрещалось строительство дополнительных стационарных ПУ МБР и передислокация таких ПУ. Вводились также качественные ограничения на стратегические вооружения: жесткие рамки для работ по созданию новых типов ракет и совершенствованию старых, ограничения по количеству боеголовок (боевых блоков) на ракетах и т.д. В статье IX Договора отмечалось, что каждая из сторон обязуется не создавать, не испытывать и не развертывать средства для вывода на околоземную орбиту ядерного оружия или любых других видов ОМП, включая частично орбитальные ракеты.

Договор ОСВ-2 являлся надежной основой для осуществления дальнейших мер по ограничению и сокращению стратегических вооружений. Он исходил из принципа равенства и одинаковой безопасности. Длительные и нелегкие переговоры, которые предшествовали его подписанию, существенно продвинули СССР и США в осознании проблем ограничения стратегических наступательных вооружений.

Договор ОСВ-2 основывался на согласованных во Владивостокских соглашениях ограничениях, к которым был добавлен

ряд дополнительных параметров. Кроме этого ОСВ-2 предусматривал некоторое сокращение количества стратегических носителей, которое должно было быть проведено в течение двух лет, а также ряд ограничений на количество боеблоков, которыми могли оснащаться носители, и ограничения на модернизацию стратегических систем. Сопровождавший Договор протокол, срок действия которого был ограничен тремя годами, устанавливал ограничения на развертывание мобильных ракет и крылатых ракет морского и наземного базирования.

Основным положением Договора ОСВ-2 стало ограничение количества стратегических носителей на уровне 2400 единиц. В целях ограничения общего количества боезарядов Договор устанавливал пределы на оснащение ракет боевыми блоками индивидуального наведения. В частности, запрещалось увеличивать количество боеблоков на баллистических ракетах наземного базирования, а также оснащать ракеты морского базирования более чем 14 боевыми блоками. Тяжелые бомбардировщики существующих типов не должны были оснащаться более чем 20 крылатыми ракетами, а с учетом новых бомбардировщиков среднее количество крылатых ракет, приходящихся на один бомбардировщик, не должно было превышать 28. Таким образом, в отличие от ОСВ-1, в новом Договоре устанавливались определенные ограничения на количество боезарядов, которые могли быть развернуты на стратегических носителях.

В части, касающейся баллистических ракет наземного базирования, был подтвержден запрет на сооружение новых шахтных пусковых установок и на переоборудование шахт легких ракет в шахты тяжелых. Был также установлен запрет на создание ракет более тяжелых (по стартовому и забрасываемому весу), чем существующие. Дополнительным ограничением, касавшимся ракет наземного базирования, стал запрет на орбитальные ракеты. В частности, Советский Союз должен был уничтожить или переоборудовать 18 пусковых установок орбитальных ракет Р-36, расположенных на полигоне Байконур.

В Договоре ОСВ-2 были предусмотрены меры, направленные на сдерживание процесса модернизации стратегических вооружений. Так, каждая из сторон могла развернуть не более одной новой МБР, которая могла быть оснащена 10 боезарядами. Это

Моноблочный ракетный комплекс «Тополь»

положение было включено в Договор по настоянию США, так как давало им возможность развернуть ракету МХ. При этом США предполагали, что с советской стороны новой ракетой станет моноблочная ракета «Тополь», работы над которой были начаты в 1977 г. Однако впоследствии СССР объявил «Тополь» модернизацией ракеты РТ-2П, а в качестве новой ракеты была создана ракета РТ-23. При этом следует отметить, что, объявив «Тополь» модернизированным вариантом РТ-2П, Советский Союз пошел на нарушение условий Договора, так как забрасываемый вес новой ракеты был увеличен до 1000 кг по сравнению с 600 кг для РТ-2П. В соответствии с положениями Договора параметры модернизированной ракеты, в частности забрасываемый вес, могли отличаться от исходных не более чем на 5%.

Еще одно ограничение, касавшееся баллистических ракет наземного базирования, было включено в Протокол к Договору. Это ограничение заключалось в запрете на развертывание ракет на мобильных пусковых установках и их испытаний с мобильных установок. Кроме этого Советский Союз обязался ликвидировать мобильные ракетные комплексы «Темп-2С»,

которые к тому времени были развернуты в ограниченном количестве.

Ограничения, накладывавшиеся Договором на морской компонент стратегических сил, были незначительными по сравнению с теми, которые были предусмотрены для наземных ракет или стратегической авиации. В Договоре были несколько изменены правила подсчета пусковых установок баллистических ракет морского базирования, а также был наложен запрет на развертывание БРПЛ, оснащенных более чем 14 боезарядами.

В Протоколе к Договору, наряду с запретом на развертывание мобильных пусковых установок, содержался запрет на развертывание крылатых ракет морского и наземного базирования, а также на испытания и развертывание таких крылатых ракет, оснащенных несколькими боевыми блоками. Кроме этого стороны согласились в течение срока действия Протокола не испытывать и не развертывать баллистические ракеты воздушного базирования.

В целом Договор ОСВ-2, хотя и ставил определенные рамки для количественного наращивания стратегических сил, не мог в полной мере решить проблему качественного совершенствования вооружений. К моменту подписания Договора и США, и СССР в основном закончили процесс перехода к системам, оснащенным РГЧ ИН. Кроме этого в процессе переговоров обе стороны сделали все возможное для того, чтобы сохранить существовавшие у них на тот момент программы модернизации стратегических сил. В то же время Договор позволил сделать дальнейшее развитие наступательных вооружений более стабильным и предсказуемым процессом, что с учетом заметно осложнившихся в конце 1970-х гг. советско-американских отношений стало очень большим достижением.

В военном отношении принятый процесс контроля играл роль уникального инструмента, позволявшего сторонам посредством взаимного сотрудничества влиять на деятельность друг друга в стратегической ядерной области. С учетом того что и Советский Союз, и Соединенные Штаты стремились приспособить будущие соглашения к собственным планам модернизации стратегических ядерных сил, переговоры в известной степени служили и корректировке национальных военных программ.

Так, по условиям подписанного в 1979 г., но так и не вступившего в силу Договора ОСВ-2 СССР вынужден был отказаться от плана придать средним бомбардировщикам Ту-22 способность дозаправляться в воздухе. Это означало, что они не смогут поражать цели на основной территории США [56, с. 88].

Ратификация же Договора ОСВ-2 могла бы оказать существенное влияние на развитие вооруженных сил двух сверхдержав, их структуру и организацию. Договор обеспечивал бы стратегическую стабильность на принципе равенства и одинаковой безопасности сторон. Количественная оценка ракетно-ядерного паритета позволяла ограничивать наиболее опасные направления гонки ядерных вооружений. Договор существенно уменьшил бы неопределенность в оценке будущего состояния ракетно-ядерного баланса и позволил бы вести перспективное планирование развития вооруженных сил.

Однако Договор ОСВ-2 не был ратифицирован Соединенными Штатами [56, с. 87]. Существенное ухудшение советско-американских отношений не позволило довести процесс ОСВ-2 до вступления Договора в силу. Находившаяся в то время у руководства США демократическая администрация Д. Картера согласилась с противниками Договора, утверждавшими, что он не выгоден США, ущемляет интересы их безопасности. В течение полутора лет под предлогом «улучшения» Договора продолжались попытки отсрочить ратификацию. После ввода советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. администрация США отозвала Договор из сената, который рассматривал вопрос о его ратификации. С приходом в январе 1981 г. к власти президента Р. Рейгана Соединенные Штаты отказались ввести заключенный Договор в действие. Тем не менее поскольку стороны не заявили о намерении отказаться от ратификации Договора, США и СССР продолжали в целом соблюдать его положения в течение ряда лет. Исключениями стали отказ Советского Союза от сокращения общего количества носителей до 2400, разрешенных Договором, а также объявление ракеты «Тополь» модернизацией ракеты РТ-2П. Соединенные Штаты также нарушали положения Договора ОСВ-2.

Трудности урегулирования отношений в области ядерного оружия не могли полностью и окончательно остановить перегово-

*Михаил
Сергеевич Горбачев*

воры по вопросам ограничения и сокращения ядерного оружия в силу его огромной разрушительной силы. Проведенные не-секретные исследования последствий использования ядерных средств привели в начале 1980-х гг. советских и американских ученых к выводу о том, что в результате массовых пожаров после применения ядерного оружия Земля будет окутана слоем дыма, который значительно снизит доступ солнечных лучей. В результате этого снизится температура в приземном слое, что не позволит выращивать урожай. «Ядерная зима» наступит уже после взрыва 3000 ядерных боеприпасов. Человечество не сможет себя прокормить, и человеческая цивилизация перестанет существовать. Исследователи «ядерной зимы» не рассматривали другие поражающие факторы ядерного оружия. Они в своих расчетах не учитывали такой серьезный и длительный поражающий фактор ядерного оружия, как радиация. Выводы ученых в той или иной степени повлияли на то, что существенно снизилась вероятность возникновения мировой ядерной войны. Ведь у двух сверхдержав было значительно больше ядерных боеприпасов, чем 3000.

Понимание нависшей над человечеством опасности зафиксировано в 1985 г. в совместном советско-американском заявлении по итогам встречи в Женеве М.С. Горбачева и Р. Рейгана. В нем констатировалось, что ядерная война никогда не должна

быть развязана, в ней не может быть победителей. Признав, что любой конфликт между Советским Союзом и Соединенными Штатами мог бы иметь катастрофические последствия, стороны также подчеркнули важность предотвращения любой войны между ними — ядерной или обычной — и заявили, что не будут стремиться к достижению военного превосходства. После декларации потребовалось еще пять лет, чтобы Советский Союз и Соединенные Штаты предприняли реальные шаги по уменьшению опасности возникновения мировой ракетно-ядерной войны.

В 1985 г. после избрания на второй срок президентом США Рейгана и генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачева состоялась первая встреча двух лидеров. На ней прошел неофициальный обмен мнениями по международным вопросам. В ходе переговоров Рейгану было обстоятельно разъяснено, что решительное неприятие Советским Союзом «Стратегической оборонной инициативы» — не пропаганда и не следствие какого-то недопонимания или боязни «технологического отставания». Это результат тщательного анализа, который говорит о том, что так называемый оборонительный «космический щит» может понадобиться только той стороне, которая замышляла бы нанести первый, обезоруживающий удар по другой стороне. У стороны, которая не стремится обладать способностью для нанесения такого удара, не должно возникать желания обзавестись космической системой противоракетной обороны. В случае же создания такой системы одной из сторон, что было бы прямым и грубым нарушением Договора по ПРО, подписанного в 1972 г., другая сторона неизбежно должна будет наращивать свои стратегические наступательные вооружения, а также принимать другие ответные меры. Следовательно, будет сохраняться порочный круг гонки вооружений с выводом ее на все более опасные витки. В связи с утверждениями Рейгана об отсутствии у США намерений стремиться к приобретению способности нанести первый удар было подчеркнуто, что в делах, затрагивающих сердцевину национальной безопасности, ни одна сторона не может и не станет полагаться только на заверения в добрых намерениях. О намерениях стороны и возможностях любой системы оружия судят по реальной политике и по боевым возможностям этого оружия, а не по заявлениям.

Поднятые на встрече вопросы предварительно прорабатывались в советском Генеральном штабе. После того как в 1983 г. по инициативе СССР были прерваны переговоры с США и по стратегическим вооружениям, и по вооружениям средней дальности в Европе, в Генеральном штабе сразу же была начата выработка позиции на будущее. Для руководства Генштаба было ясно, что перерыв в переговорах временный, к тому же и не очень удачный тактический шаг. При разработке вопроса зародилась и обдумывалась не какая-то частная новая идея или запасная позиция на переговорах, а действительно радикальная идея ликвидации ядерного оружия. В конце концов разработчики утвердились в том, что эта идея реалистична и что ее претворение в жизнь было бы не только допустимо и желательно с точки зрения интересов обороноспособности Советского Союза, но и позволило бы радикальным образом укрепить международную безопасность, исключив возможность возникновения ядерной войны. К середине 1985 г. был подготовлен детально проработанный проект программы полной ликвидации ядерного оружия во всем мире в течение 15 лет. Но только после встречи в Женеве в 1985 г., когда руководством было принято решение выступить еще до XXVII съезда КПСС, намеченного на конец февраля — начало марта 1986 г., с крупными предложениями в области разоружения, Генштаб доложил свои предложения вначале министру обороны С.Л. Соколову.

Генштаб стал инициатором разработки плана полной ликвидации ядерных потенциалов, рассчитанного на 15 лет с учетом следующих обстоятельств.

Во-первых, именно Генштаб наиболее отчетливо понимал всю опасность накопления огромного ядерного потенциала в условиях многолетнего противостояния военных блоков. На боевом дежурстве в этих военных союзах с готовностью применения, измеряемой несколькими минутами, находятся тысячи стратегических носителей и десятки тысяч боезарядов. Эта невообразимая ядерная мощь, если будет применена, в течение десятков минут может испепелить все живое на Земле.

Во-вторых, Генштабу было ясно, что эту опасность понимали не только у нас, но и на Западе. Разработчики рассчитывали,

что к призыву советского руководства не останется безучастной как администрация США, так и другие страны блока НАТО.

В-третьих, разработчики надеялись, что если и не удастся за предлагаемый срок полностью ликвидировать ядерное оружие на Земле, то можно будет значительно сократить его количество и уменьшить опасность ядерного противостояния, что тоже имеет значение.

В самом начале января 1986 г. появилась тщательно разработанная программа поэтапной ликвидации ядерного оружия до конца XX столетия. В отличие от прежних предложений общего порядка, это была действительно рабочая программа, составленная с учетом различия ядерных потенциалов пяти ядерных государств. Осуществлять ликвидацию ядерного оружия — по видам вооружений и по странам — предлагалось таким образом, чтобы ни в какой момент не ослаблялась ничья безопасность и в то же время укреплялась бы всеобщая безопасность. Документ нуждался лишь в определенной дипломатической «доводке».

Министр обороны с учетом этих соображений одобрил его и дал согласие на представление проекта программы полной ликвидации ядерного оружия совместно с Министерством иностранных дел высшему руководству страны. В Министерстве иностранных дел так же существовала идея поднять вопрос об избавлении от ядерного оружия во всем мире, поскольку человек разумный не может и не должен смириться с постоянно висящей над ним угрозой ядерной катастрофы. Она нашла отражение в январе 1985 г. в совместном советско-американском заявлении по итогам встречи А.А. Громыко и Дж. Шульца. В нем впервые было зафиксировано, что конечной целью усилий в области ограничения и сокращения вооружений должна быть ликвидация ядерного оружия полностью и повсюду.

Так появился документ, который вскоре мир узнал как Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева от 15 января 1986 г. с программой ядерного разоружения в качестве его основы. В его основе лежало предложение о взаимном уничтожении носителей ядерного оружия и зарядов к ним. К носителям, предлагавшимся к уничтожению, были отнесены средства стратегической и средней дальности. Тактические но-

сители с дальностью менее 1000 км предлагалось переоборудовать под обычные боеприпасы. Определялись также методы международного контроля над разоружением. Они включали согласование объемов уничтожаемого оружия, а также места уничтожения¹.

В ответ США в ходе реализации программы развертывания оснащенных крылатыми ракетами бомбардировщиков в 1986 г. превысили установленный в Договоре предел на количество носителей с РГЧ ИН и заявили, что дальше не считают себя связанными ограничениями по Договору ОСВ-2. В ответном Заявлении советского правительства указывалось, что это исключительно опасно для сохранения договорной системы, сдерживающей гонку ядерных вооружений. В случае такого шага, говорилось в Заявлении, Советский Союз «примет необходимые практические меры по недопущению подрыва военно-стратегического паритета. Эти меры исключат возможность получения Соединенными Штатами преимуществ по основным видам новых стратегических вооружений, которые они в настоящее время разрабатывают и намереваются ввести в боевой состав»². В декабре того же года СССР объявил, что будет продолжать «в течение некоторого времени» соблюдать установленные Договором ограничения. Всего к марту 1987 г. Советский Союз демонтировал по Временному соглашению ОСВ-1 и Договору ОСВ-2 616 стратегических носителей, в том числе 287 БРПЛ, 293 МБР и 36 тяжелых бомбардировщиков. Соединенные Штаты за это же время демонтировали 290 единиц.

Несмотря на сложности реализации Договора ОСВ-2, советско-американские переговоры по стратегическим вооружениям продолжались. Они завершились подготовкой нового договора. 31 июля 1991 г. был подписан президентами СССР и США Договор между СССР и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-1). Им было предусмотрено в течение семи лет сократить общее количество носителей стратегической триады каждой стороны до 1600 единиц, а количество боезарядов на них — до

¹ См.: Правда. 1986. 19 янв.

² Правда. 1986. 1 июня.

6000 единиц. Количество развернутых тяжелых МБР не должно превышать 154 единицы. Одновременно Договор устанавливал подуровни по числу боезарядов на различных стратегических носителях, правила зачета боезарядов на носителях, инспекционные процедуры и меры контроля. К концу семилетнего срока количество боезарядов на МБР и БРПЛ не должно превышать 4900 единиц, на мобильных ПУ МБР — 1100 единиц, на тяжелых МБР — 1540 единиц.

Договор предусматривал проведение сокращений в три этапа. Этап первый — к концу трехлетнего периода количество носителей в стратегической «триаде» каждой стороны не должно превышать 2100 единиц, количество боезарядов на них — 9150 единиц, количество боезарядов на МБР и БРПЛ — 8050 единиц. Этап второй — к концу пятилетнего периода количество носителей на каждой «триаде» — не более 1900 единиц, количество боезарядов на них — 7950 единиц, а на МБР и БРПЛ — в сумме не более 6750 единиц. Этап третий — конец семилетнего периода и достижение вышеуказанных количественных значений. Каждая из сторон обязалась ограничить суммарный забрасываемый вес МБР и БРПЛ к концу семилетнего срока до значения 3600 т. Каждая из сторон получила право уменьшать количество боезарядов МБР и БРПЛ существующих трех типов с суммарным количеством не более 1250 единиц. Договором установлены правила определения количества ядерных боезарядов на тяжелых бомбардировщиках (ТБ) сторон: для 180 ТБ СССР — по 8 боезарядов, для 150 ТБ США — по 10 боезарядов, а для остальных ТБ сторон сверх указанных количеств — реальное оснащение каждого ТБ, для которого он предназначен. Установлены также количественные ограничения для неразвернутых СНВ.

Кроме того, Договором запрещались:

- новые типы тяжелых МБР и их ПУ;
- переоборудование ПУ МБР, не являющихся тяжелыми, в ПУ для тяжелых МБР;
- любые другие типы ПУ МБР, кроме шахтных и мобильных (грунтовых или железнодорожных);
- ПУ БР и КР (стационарные и подвижные) для размещения на дне океанов, морей, внутренних водоемов; средства скоростного перезаряжения ПУ МБР;

- БР класса «воздух — земля» (БРВЗ);
- крылатые ракеты воздушного базирования (КРВБ) большой дальности, оснащенные РГЧ;
- ТБ, не являющиеся самолетами;
- летные испытания ядерных КРВБ с летательных аппаратов, не являющихся ТБ;
- установка БР на плавучих средствах, не являющихся ПЛ;
- переоборудование ТБ, оснащенных для ядерного вооружения, не являющегося ядерными КРВБ, в ТБ, оснащенные для ядерных КР воздушного базирования большой дальности;
- переоборудование ТБ, оснащенных для неядерных вооружений, в ТБ-носители ядерных вооружений, в том числе и КР воздушного базирования большой дальности;
- проведение летных испытаний и развертывание тяжелых БРПЛ, а также испытания и развертывание их ПУ;
- производство, испытания и развертывание средств, включая ракеты, для вывода ядерного оружия или других видов ОМП на околоземную или частично околоземную орбиту.

Вне рамок Договора по СНВ-1 стороны сделали обязывающие заявления, декларирующие максимальное количество КР морского базирования, которое они планируют развернуть (их число не должно превышать 880 единиц).

Неотъемлемой частью Договора являлись Приложения, Протоколы и Меморандум о договоренности. Договор подлежал ратификации и вступал в силу в день обмена ратификационными грамотами.

В связи с упразднением СССР 30 декабря 1991 г. было заключено Минское соглашение между государствами — участниками СНГ по стратегическим силам и подписаны 23 мая 1991 г. в Лиссабоне Протоколы к Договору по СНВ Россией, Украиной, Казахстаном и Республикой Беларусь в качестве государств — правопреемников СССР по этому Договору. Украина, Казахстан и Республика Беларусь обязались в кратчайший срок присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия от 1 июня 1968 г. в качестве безъядерных государств, то есть ядерные вооружения на их территориях должны быть ликвидированы.

Выполнение условий договора, уничтожение и модернизация СНВ контролировались Совместной комиссией по соблюдению и инспекциям. Инспекции проводились группами до десяти человек непосредственно на объектах ядерных сил или местах учений. Каждая из сторон использовала «имеющиеся в ее распоряжении национальные технические средства контроля», а также раскрываемую партнером информацию. При реализации положений Договора о СНВ-1 были уничтожены: 42% ядерных боезарядов сторон, ликвидированы 36% стратегических носителей СССР (900 единиц из 2500 МБР, БРПЛ и ТБ, имевшихся на дату подписания Договора) и 20% стратегических носителей США (622 носителя из имевшихся 2246 единиц). 5 декабря 2001 г. Россия и США заявили о полном выполнении условий договора. На тот момент у РФ было 1136 носителей и 5518 боезарядов, у США — соответственно 1237 и 5948.

Договор СНВ-1 был призван продолжить снижение уровня ядерных потенциалов СССР и США, укрепить стратегическую стабильность и тем самым уменьшить вероятность ядерного конфликта. СНВ-1 сокращал и ограничивал не только и не столько ядерные боезаряды, сколько их носителей. Договором предусматривалось в течение семи лет сократить суммарное количество развернутых межконтинентальных баллистических ракет (МБР), баллистических ракет на подводных лодках (БРПЛ) и тяжелых бомбардировщиках (ТБ) до уровня не более 1600 единиц и не более 6000 единиц числящихся за ними боезарядов. В соответствии с СНВ-1, предполагалось дальнейшее количественное сокращение ядерных вооружений, которыми могут располагать США или Россия, до 3000–3500 единиц. По нему практически ликвидировались межконтинентальные баллистические ракеты с разделяющейся боевой частью, а запасы стратегического ядерного оружия уменьшались на две трети. Сокращение стратегических ядерных сил, согласно Договору СНВ-1, лишь существенно снизило вероятность возникновения мировой ядерной войны. Ассиметричное построение стратегических ядерных сил осложняло выработку формулы их паритета.

Советский Союз пошел на 50-процентное сокращение тяжелых ракет. К главному минусу Договора СНВ-1 для России можно отнести то, что нельзя размещать на старых ракетах но-

вые боеголовки. Основной плюс состоит в системе взаимного учета и контроля сил стратегического ядерного сдерживания. Соединенные Штаты в рамках переговоров сочли нецелесообразным создавать наземно-мобильные ракеты и предпочли для обеспечения живучести своих ядерных сил полагаться на морскую составляющую. Именно поэтому равные для обеих сторон положения документа в отношении мобильных МБР обернулись односторонними ограничениями для России, поскольку она (совершенно оправданно) продолжала производить все новые типы таких ракет и развертывать их в боевом составе РВСН. Разрешалось иметь 250 таких ракет, в том числе 125 для боевых железнодорожных комплексов (БЖРК), и 110 пусковых установок (18 для БЖРК). В то же время количество неразвернутых БРПЛ не было ограничено. Переоборудование же США значительной части бомбардировщиков дало России право контролировать все технические и операционные условия таких шагов (переоборудование пусковых установок и бомбовых отсеков, раздельное базирование, запрет на размещение складов ядерного оружия ближе 100 км от авиабаз и прочее).

По Договору СНВ-1 Соединенные Штаты почти в два раза были вынуждены сократить основную составляющую своих стратегических ядерных сил — морскую. В рамках Договора США оставили для своей морской компоненты всего около 400 таких боеголовок, нацеленных на защищенные пусковые шахты, пункты управления МБР и на районы развертывания мобильных ракет. С учетом целераспределения боевых блоков БРПЛ и их доли на постоянном дежурстве в море это резко снизило потенциал американского разоружающего удара и повысило российский потенциал сдерживания.

В Договоре СНВ-1 не нашла отражение связь между стратегическими вооружениями и космическими средствами противодействия. Переговоры шли на фоне активной международной пропаганды программы США «Стратегическая оборонная инициатива». Безрезультатны и многолетние переговоры по противодействию выводу оружия в космос. В Женеве на Конференции по разоружению идут переговоры о запрещении размещения оружия в космическом пространстве, неприменении силы и угрозы силой в отношении космических объектов.

СНВ-1 можно считать уникальным, поскольку в нем предусматривался механизм контроля и удаления. Чтобы цифры сокращений Договора не стали яблоком раздора, была нужна система транспарентности. Значение СНВ-1 как раз и состоит в формировании мощной системы транспарентности, а также в выработке единых понятий для огромного количества технических деталей, относящихся к созданию, испытанию, размещению, ограничению, уничтожению стратегического оружия. В контрольном механизме предусматривалось 16 типов инспекций и 150 типов уведомлений. А 30 лет напряженных переговоров после ОСВ-1 в 1972 г. и 500 страниц текста СНВ-1 и сопутствующих документов буквально сделали участников переговоров союзниками. Национальные технические средства контроля, уже применявшиеся по Договору ОСВ-1, были дополнены различными видами инспекций на местах (12 видов инспекций), непрерывным наблюдением на объектах по производству мобильных МБР, периодическим обменом данными по стратегическим наступательным вооружениям, системой уведомлений об их состоянии. Были решены и отработаны вопросы автоматизированного контроля за реализацией Договора. По СНВ-1 впервые был разработан сложный пакет ограничений и мер контроля применительно к наземно-мобильным ракетам обеих сторон. Такие меры объяснялись тем, что повышенная живучесть мобильных ракет зависит от скрытности их местоположения, что как раз и затрудняет контроль их количества и типов. СНВ-1 предусматривал за год до его окончания проведение встречи представителей заинтересованных сторон, где будет достаточно простого их решения о продлении. Тогда он будет продлен на пять лет без сложной процедуры подписания на высшем уровне.

В соответствии с Договором, инспекционная деятельность по проверке исходных данных проходила с 1 марта по 28 июля 1995 г. (когда завершились взаимные инспекции по проверке исходных данных). За этот период 49 американскими инспекционными группами проинспектировано 54 объекта на территории России, 2 объекта, временно размещенных на территории Белоруссии, и 3 — на территории Казахстана. В то же время 16 российскими инспекционными группами проинспектиро-

ваны 34 объекта СНВ США. Еще один объект США (авиабаза Барксдейл) был проинспектирован украинской инспекционной группой, в состав которой были включены три российских представителя. Согласие на реализацию столь всестороннего контроля было серьезнейшей уступкой со стороны Советского Союза, так как его стратегический ядерный потенциал был сильно уязвим даже для неядерных ракет средней дальности НАТО.

Договор СНВ-1 способствовал поддержанию примерного паритета между Российской Федерацией и Соединенными Штатами. Президент Д. Медведев так его оценил: «Он сыграл историческую роль в обеспечении стратегической стабильности и безопасности, сокращении арсеналов стратегических наступательных вооружений. В результате его реализации мир стал более безопасным».

В начале 1980-х гг. обострилась военно-политическая обстановка на европейском континенте — основном театре противостояния в холодной войне. Соединенные Штаты не смогли втянуть своих союзников по НАТО, включая «особого партнера» — Великобританию, в войну в Афганистане. Но им удалось использовать эту войну, а также обострение внутривосточного положения в Польше, для антисоветской консолидации западноевропейских стран.

Не случайно, что в то время Соединенные Штаты своим главным союзником по НАТО рассматривали Федеративную Республику Германию. С приходом к власти в ФРГ в октябре 1982 г. христианско-либеральной коалиции правительство этой страны стало проводить более четко выраженный проамериканский курс, имеющий милитаристскую направленность. В своей «восточной политике» западногерманское руководство выступало за развитие экономических связей с Советским Союзом только на основе строгого соблюдения введенных американцами ограничений в области передачи новейших технологий. В отношениях со странами социалистического содружества ФРГ проявляло дифференцированный подход, сосредоточивая основные усилия на отношениях с ГДР. Ставка делалась на поглощение Германской Демократической Республики и в конечном итоге — на «возрождение» Германии в границах 1937 г. В этих же

целях выдвигались требования о пересмотре Ялтинских и Потсдамских соглашений.

Однако размещение с 1983 г. ракет «Першинг» и крылатых ракет наземного базирования (так называемых евростратегических ракет) в Великобритании, Италии (на острове Сицилия), ФРГ, Бельгии наглядно показало опасность слепой поддержки американской политики [57]. В зону военных действий в случае ограниченной ядерной войны на европейском континенте включалась наиболее развитая в экономическом отношении часть территории Советского Союза и значительная часть его военного потенциала. С появлением же в Европе этого ядерного оружия первого удара обострилось ядерное противостояние на континенте и увеличился риск возникновения войны [58]. Предложения государств Варшавского Договора отказаться от решения о размещении новых средств доставки ядерного оружия в Европе было отвергнуто, и переговоры по ядерным вооружениям были прерваны по инициативе Советского Союза.

Одновременно в 1980 гг. в отношениях США со странами Западной Европы значительно усилились разногласия в области производства и поставок оружия и военной техники для объединенных вооруженных сил блока. Соединенные Штаты стремились навязать союзникам производство легкого вооружения, оставляя за собой право на разработку технологически сложных и соответственно более дорогих систем оружия. США обеспечивали до 60% поставок на европейский рынок вооружений, общее же соотношение торговли оружием в НАТО в 1984 г. составило 8:1 в пользу Соединенных Штатов. Учитывая возможное обострение противоречий, США в отдельных случаях шли на закупку оружия в странах Западной Европы, но при условии, если оно по своим тактико-техническим характеристикам значительно превосходит американские образцы и не менее чем в два раза дешевле.

Наиболее острые противоречия между США и их западноевропейскими союзниками в начале 1980-х гг. возникли в вопросе об использовании торгово-экономических связей в качестве инструмента политического давления на страны социалистического содружества. Под лозунгом солидарности «свободного

мира» американское руководство стремилось заставить союзников ограничить торгово-экономические отношения с СССР и другими государствами Варшавского Договора. Используя методы «экономической войны», включающие экономические санкции и контроль над экспортом технологий, США пытались придать им многосторонний характер и превращали эту деятельность в своеобразное «испытание на прочность» союзнических отношений.

Несмотря на то что западноевропейские страны под нажимом США вынуждены были идти на принятие ряда ограничительных и дискриминационных мер, американскому руководству не удалось добиться резкого свертывания торгово-экономических связей между Востоком и Западом. Это объяснялось нежеланием партнеров США полностью попасть под американский контроль в этой области, их стремлением сохранить торговлю в качестве материальной базы для поддержания нормальных политических отношений с социалистическими государствами.

На состояние американско-западноевропейских отношений значительное воздействие оказывала острейшая конкурентная борьба между США и Европейским экономическим сообществом (ЕЭС). Соединенные Штаты поддержали образование «Общего рынка», который, по расчетам американского руководства, должен был усилить Североатлантический союз, создать западноевропейскую экономическую базу НАТО. Однако с ростом экономического потенциала и упрочением позиций ЕЭС в капиталистическом мире, вовлечением в сферу его влияния многих развивающихся стран курс США в отношении «Общего рынка» начал приобретать все более жесткий характер.

Агрессивная торгово-экономическая политика администрации Рейгана наносила существенный ущерб странам ЕЭС. С помощью завышенных процентных ставок американских банков и искусственно установленного в свою пользу соотношения курсов на международном валютном рынке США способствовали оттоку капиталов из Западной Европы. Тем самым обострялась проблема инвестиций в «Общем рынке», вызывалось удорожание импорта сообщества, подвергалась угрозе распада европейская валютная система.

Согласно американской концепции «выбора цели» 1970-х гг. [59], уже не исключалась возможность «ограниченной» стратегической ядерной войны [60], то есть ядерной войны с частичным использованием стратегических наступательных сил. В конце 1970-х гг. американское руководство стало рассматривать ограниченную ядерную войну как реально возможную. Это вызвало серьезные опасения у наиболее верных союзников США в Европе — Федеративной Республики Германии и Великобритании. Они настояли на необходимости проведения переговоров о сокращении средств средней дальности.

Одновременно с принятием 12 декабря 1979 г. советом НАТО решения о размещении в 1983 г. в Европе 572 ракет «Першинг-2» страны Североатлантического альянса договорились начать переговоры с СССР, чтобы к 1983 г. решить проблему советских ракет средней и малой дальности. В октябре 1980 г. начались переговоры об ограничении ядерных вооружений в Европе. Однако в 1981 г. новая администрация Рейгана предложила «нулевой вариант» — США не размещают в Европе ракеты средней и меньшей дальности и крылатые ракеты, а СССР ликвидирует свои ракеты РСД-10 «Пионер». Однако СССР от такого подхода отказался. Во-первых, американских ракет в Европе не было, и советское руководство считало ликвидацию «Пионеров» в обмен на «пустоту» неравноценным обменом. Во-вторых, американский подход не учитывал РСМД Британии и Франции, которые тоже представляли угрозу СССР. В противовес предложениям Рейгана Брежнев в 1981 г. выдвинул программу «абсолютного нуля», подразумевавшую, что в ответ на вывод ракет средней дальности (РСД) «Пионер» США должны не только отказаться от размещения РСД «Першинг-2», но также вывести из Европы тактическое ядерное оружие, ликвидировать систему передового базирования и добиться ликвидации британских и французских РСД. США отказались от этого проекта, ссылаясь на превосходство СССР (всего Варшавского Договора) в обычных вооруженных силах.

В 1982 г. советская позиция была модифицирована. Советский Союз объявил временный мораторий на развертывание РСД-10 «Пионер» до подписания всеобъемлющего соглашения. Кроме того, в 1982 г. СССР предложил сократить количество РСД-10 до аналогичного числа французских и британских ракет

средней и меньшей дальности. Но это предложение не вызвало понимания у стран НАТО. Франция и Британия объявили свои ядерные арсеналы «независимыми» и заявили, что проблема размещения американских ракет средней и малой дальности (РСМД) в Западной Европе — это прежде всего вопрос советско-американских отношений.

Ситуация изменилась в 1983 г. После смерти Брежнева 10 ноября 1982 г. к власти в СССР пришел Ю.В. Андропов — сторонник жесткого ответа на действия США. Одновременно в марте 1983 г. администрация Р. Рейгана заявила о начале реализации программы «Стратегическая оборонная инициатива» (СОИ). В этой связи советский Генеральный штаб подготовил серию аналитических записок, согласно которым связка «СОИ-евроракеты» представляет угрозу безопасности СССР: сначала противник нанесет обезглавливающий удар евроракетами, затем — контрсиловой с помощью МБР с РГЧ ИН и перехватит с помощью СОИ ослабленный удар советских стратегических ядерных сил. Поэтому в августе 1983 г. Андропов заявил, что СССР будет вести переговоры по РСМД только в пакете с переговорами по космическим вооружениям (то есть СОИ). Одновременно СССР взял на себя односторонние обязательства не испытывать противоспутниковое оружие. Эти события получили название «блокировки пакета».

Но США не соглашались вести «пакетные переговоры». В сентябре 1983 г. США начали разворачивать свои ракеты на территории Великобритании, Италии, Бельгии и Нидерландов. 22 ноября 1983 г. бундестаг ФРГ проголосовал за размещение ракет «Першинг-2» на территории страны. Эти события вызвали резко негативное отношение в СССР. 24 ноября 1983 г. Андропов выступил со специальным заявлением, в котором говорилось о нарастающей опасности ядерной войны в Европе, выходе СССР из Женевских переговоров по евроракетам и принятии ответных мер — размещении ОТР-23 «Ока» на территории ГДР и Чехословакии. Имея радиус действия до 450 км, они теоретически могли простреливать всю территорию ФРГ, то есть нанести превентивный разоружающий удар по местам дислокации «Першингов». Одновременно СССР выдвинул свои атомные подводные лодки ближе к побережью США.

*Оперативно-
тактический
ракетный
комплекс «Ока»*

Попытки возобновить контакты между сторонами начались сразу после смерти Андропова 9 февраля 1984 г. На его похоронах 14 февраля 1984 г. побывали премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер и вице-президент США Джордж Буш-старший. Они предлагали возобновить переговоры по евроракетам при условии, что СССР «разблокирует пакет». В советском руководстве не было единства. Новый генеральный секретарь ЦК КПСС К.У. Черненко выступал за переговоры со странами НАТО. Но министр обороны Д.Ф. Устинов категорически отказывался разблокировать пакет. СССР соглашался возобновить переговоры только на условиях их «пакетного» характера. 29 июня 1984 г. СССР в специальной ноте предложил возобновить переговоры по «евроракетам» на пакетных условиях. Однако США (как и предполагалось) не согласились с этим предложением. Поскольку СССР продолжал начатое при Ю.В. Андропове развертывание ОТР СС-23 в Чехословакии и ГДР, США заявили летом 1984 г., что развернут оперативно-тактические ракеты «Лансе» с нейтронными боеголовками.

В декабре 1984 г. Британию посетила советская делегация во главе с М.С. Горбачевым. Но несмотря на теплый прием, М. Тэт-

чер категорически отказалась вести «пакетные переговоры». Ситуация изменилась после смерти Д.Ф. Устинова 20 декабря 1984 г. После этого в советском руководстве возобладала более компромиссная линия по переговорам. 7 февраля 1985 г. на встрече в Женеве министра иностранных дел СССР Громыко и госсекретаря США Джорджа Шульца Советский Союз согласился вести переговоры по евrorакетам отдельно от переговоров по космическим вооружениям. Переговоры возобновились после избрания М.С. Горбачева генеральным секретарем ЦК КПСС 10 марта 1985 г. СССР и США начали переговоры об условиях, на которых СССР согласился бы разблокировать переговорный пакет.

К этому времени позиция СССР на переговорах стала мягче. Летом 1985 г. М.С. Горбачев ввел мораторий на развертывание ОТР СС-23 в Чехословакии и ГДР. Попытку достичь соглашения Горбачев и Рейган предприняли на переговорах в Женеве в ноябре 1985 г. Она завершилась неудачей: США отказывались вывести ракеты средней дальности из Европы, а СССР был близок к повторной блокировке пакета. К началу 1986 г. Советский Союз уже согласился, чтобы на переговорах между СССР и США ядерные средства средней дальности Великобритании и Франции были выведены за их рамки, то есть чтобы они не засчитывались на стороне США. Однако Министерство обороны считало минимально необходимым, чтобы Великобритания и Франция взяли на себя обязательство не увеличивать их в количественном отношении, о чем и было сказано в Заявлении от 15 января 1986 г. Дело в том, что советскому военному командованию стало известно, что программами модернизации ядерных средств этих стран предусматривалось увеличение числа боезарядов на них в течение 10–12 лет в два раза. Разумеется, с таким увеличением числа боезарядов при резком сокращении и тем более при ликвидации боезарядов средств средней дальности Советского Союза, что предполагалось согласно будущему договору, Министерство обороны СССР согласиться не могло. Обсуждение приняло острый характер. Советское военное руководство не соглашалось снять свои предложения по ограничению наращивания Великобританией и Францией ядерных средств средней дальности в слу-

чае подписания договора по ним между СССР и США, так как это нарушало ядерный паритет в Европе. Политбюро ЦК КПСС не согласилось с американскими предложениями.

После того как Горбачев провозгласил в январе 1986 г. программу поэтапной ликвидации ядерного оружия во всем мире, СССР пошел на ряд серьезных уступок. На встрече Горбачева и Рейгана в Рейкьявике СССР согласился «разблокировать пакет» — вести переговоры по РСД отдельно от СОИ. Осенью 1986 г. СССР предложил вариант вывоза ракет средней дальности: СССР отводит РСД-10 «Пионер» за Урал, а США вывозят «Першинг-2» и крылатые ракеты наземного базирования в Северную Америку. Президент Рейган согласился принять этот вариант. Однако 24 декабря 1986 г. против него в категорической форме выступила Япония. В Токио опасались, что СССР перенацелит РСД-10 «Пионер» на Японию. 1 января 1987 г. против этого проекта выступила и КНР, где также опасались перенацеливания РСД-10 «Пионер» на китайские объекты. В итоге, когда в феврале 1987 г. СССР предложил проект «двойного нуля», США, учитывая интересы Японии, отказались от него.

Достичь компромисса удалось на переговорах Э.А. Шеварднадзе в Вашингтоне в сентябре 1987 г. СССР согласился разработать единую классификацию по РСМД и включить в будущий договор ОТР СС-23, хотя они не попадали под определение РСМД. США, в свою очередь, обещали уничтожить крылатые ракеты наземного базирования «Томагавк» и отказаться от развертывания в Центральной Европе ОТР «Ланс-2» с нейтронными боезарядами. 7 декабря 1987 г. был подписан Вашингтонский договор, по условиям которого стороны согласились уничтожить РСМД как класс ракет под контролем инспекторов¹.

7 декабря 1987 г. в Вашингтоне состоялась советско-американская встреча на высшем уровне, в ходе которой Горбачев и Рейган подписали бессрочный Договор о ликвидации ракет средней и малой дальности (РСМД), вступивший в силу 1 июня 1988 г. Участники договора обязались не производить, не испытывать и не развертывать баллистические и крылатые ракеты наземного базирования средней (от 1000 до 5500 км)

¹ Правда. 1987. 9 дек.

*Рейган и Горбачев
в Рейкьявике.
1986 г.*

и малой (от 500 до 1000 км) дальности. Следует, однако, отметить, что окончательно эта классификация была введена только договором 1987 г. До его подписания в США баллистические ракеты делились на межконтинентальные (свыше 5000 км), средней (от 500 до 5000 км) и меньшей (от 150 до 500 км) дальности. В СССР до середины 1980-х гг. выделялись и оперативно-тактические ракеты (от 1 до 500 км). В США тактические (оперативно-тактические) ракеты имели дальность полета от 1 до 150 км. В 1987 г. была окончательно установлена новая классификация.

В соответствии с Договором стороны в течение трех лет должны были уничтожить все ракеты средней и меньшей дальности, а также их пусковые установки, вспомогательные сооружения и вспомогательное оборудование как на европейской, так и на азиатской территории СССР. К ракетам средней дальности были отнесены баллистические и крылатые ракеты наземного базирования с дальностью 1000–5500 км и меньшей дальности с радиусом действия — 500–1000 км. Баллистические ракеты наземного базирования, предназначенные для поражения целей вне Земли, уничтожению не подлежали. Договор также не распространялся на баллистические и крылатые ракеты воздушного и морского базирования.

Согласно статье 3 Договора, уничтожению подлежали:

- ракеты средней дальности: СССР — РСД-10 «Пионер», Р-12, Р-14 и крылатые ракеты наземного базирования РК-55; США — «Першинг-2» и крылатая ракета «Томагавк» наземного базирования;
- ракеты малой дальности: СССР — ОТР-22 «Темп-С» и ОТР-23 «Ока»; США — «Першинг-1А».

Согласно Договору, Советский Союз должен был ликвидировать 1846 ракет средней и меньшей дальности и 587 пусковых установок для них, а Соединенные Штаты Америки — 846 ракет средней и меньшей дальности и 288 пусковых установок. Это был первый в истории случай договоренности о реальном сокращении имевшихся вооружений. Договор также предусматривал процедуры проверки инспекторов, которым надлежало следить за уничтожением ракет противоположной стороны.

Договором о РСМД предусматривался сложный по глубине и охвату механизм контроля выполнения сторонами своих обязательств, которого до этого не было в практике международных отношений. Наряду с использованием национальных технических средств, в нем предусматривалось проведение инспекций на местах как на разовой, так и на постоянной основе, обмен исходными и обновленными данными и предоставление уведомлений о средствах и объектах, подпадающих под действие Договора [61]. За три года действия Договора по РСМД на объектах, подпадающих под его действие, было проведено 225 советских и 534 американские инспекции. В соответствии с Договором о РСМД каждая сторона имеет право в течение 13 лет после вступления в силу Договора инспектировать путем осуществления контроля на постоянной основе проходные пункты завода по производству ракет.

Поскольку значительное число американских ракет средней и меньшей дальности дислоцировалось в Европе, 11 декабря 1987 г. госсекретарь США и министры иностранных дел Бельгии, ФРГ, Италии, Голландии и Великобритании подписали двустороннее соглашение о выполнении Договора по РСМД и процедурах инспекций и проверок на местах. Впервые был совершен практический шаг от ограничения вооружений к их реальной полной ликвидации, что являлось стержнем всей

внешней советской политики в области разоружения после Второй мировой войны.

Война в Ираке не остановила процесс снижения ядерного противостояния на европейском континенте. К 26 марта 1991 г. были выведены из Европы ядерные ракеты промежуточной дальности («Першинг») и крылатые ракеты наземного базирования. В свою очередь, 12 мая СССР объявил о ликвидации оставшихся ракет СС-20. К июню 1991 г. договор был выполнен полностью: СССР уничтожил 1846 ракетных комплексов (из них около половины — произведенные ракеты, не находившиеся на боевом дежурстве); США — 846 комплексов.

Вследствие выполнения условий Договора по РСМД, к 15 мая 1991 г. в СССР и США перестали существовать два класса носителей ядерного оружия — ракеты средней и меньшей дальности. Тем самым значительно сократились возможности ведения ограниченной ядерной войны в Европе. Вероятность возникновения ограниченной ядерной войны также существенно уменьшилась, так как были значительно сокращены группировки войск, способные вести такие военные действия.

Процесс снижения ядерного противостояния продолжался. В сентябре 1991 г. США уничтожили все ядерные тактические ракеты наземного базирования и сняли ядерные крылатые ракеты морского базирования с подводных лодок и военных кораблей. В свою очередь, 6 октября 1991 г. СССР заявил о ликвидации ядерного оружия малой дальности и снятии всего тактического ядерного оружия с кораблей, подводных лодок и самолетов базовой морской авиации. В октябре 1991 г. на совещании министров обороны НАТО в Таормина было объявлено о сокращении запасов достратегических ядерных вооружений в Европе примерно на 80%.

После 1991 г. не приостанавливалось сокращение в Европе так называемого субстратегического ядерного оружия, включая ядерную артиллерию, ракеты «поверхность — поверхность» и «поверхность — воздух», а также субстратегическое оружие надводных военно-морских сил. В разных странах термины «стратегический» и «субстратегический» имеют различные значения. Термин «субстратегическое ядерное оружие» определяет оружие, которое не является межконтинентальным, с дальностью

свыше 5500 км и соответственно относится к стратегическому. Он используется в документах НАТО с 1989 г. по отношению к ядерному оружию средней и малой дальности и применяется в основном по отношению к оружию авиационной доставки самолетов блока двойного назначения. Субстратегическое ядерное оружие было выведено из Европы к июлю 1992 г., что представляло собой сокращение ядерных вооружений более чем на 80%. Хотя некоторые системы доставки были сохранены для неядерных целей, все ядерные боеголовки, приписанные к этим силам, были полностью сняты с вооружения НАТО.

Единственным ядерным оружием НАТО, остающимся в Европе у субстратегических сил наземного базирования, являются авиабомбы для самолетов двойного назначения. Это оружие также подверглось значительному количественному сокращению. Оно хранится на небольшом числе баз в условиях повышенной безопасности. Ядерная боеготовность этих самолетов постепенно снижается по мере расширения их задач по неядерному использованию. В результате общие запасы субстратегического ядерного оружия в Европе сократились примерно до одной пятой от уровня 1990 г.

По оценкам союзников по НАТО, остающийся значительно уменьшенный ядерный потенциал сдерживания удовлетворит потребности Североатлантического союза в обозримом будущем. В 1996 г. они заявили, что у них нет намерений, плана или причин развертывать ядерное оружие на территории новых государств-членов, а также отсутствует необходимость менять какой-либо из аспектов ядерного построения или ядерной политики НАТО, и они не предвидят какой-либо потребности в этом в будущем. Несмотря на это, было заявлено, что новые члены будут во всех отношениях полноправными членами Североатлантического союза и будут пользоваться преимуществами коллективной безопасности в рамках «расширенного устрашения», предоставляемой всем государствам-членам ядерными силами НАТО. Участие неядерных стран в ядерном построении союза должно было продемонстрировать солидарность стран союза. При этом политический контроль над ядерной группировкой НАТО также осуществляется совместно государствами-членами.

Главным предназначением ядерных сил НАТО после полного проведения сокращений являлось, по оценке руководства альянса, сохранение стабильности и безопасности на европейском континенте. Основная же цель, достигаемая с помощью ядерных сил, — политическая: сохранение мира, предотвращение принуждения и любой войны. Ядерные силы должны продолжать выполнять свою главную роль, создавая неуверенность у любого агрессора относительно характера реагирования Североатлантического союза на военную агрессию.

Присутствие ядерных сил США в Европе, по мнению их западноевропейских союзников, означало сохранение «расширенного устрашения» и служило гарантией североатлантической солидарности. Сохранение ядерного потенциала НАТО было призвано подчеркнуть абсурдность мировой и ограниченной ядерной войны в Евроатлантическом регионе и сделать последствия агрессии против НАТО неядерными силами непредсказуемыми и неприемлемыми. Сочетание боевого и численного состава ядерных и обычных сил и средств должно было создавать неопределенность в выборе Североатлантическим союзом способов военных действий у любой страны, рассматривающей возможность получения военного или политического преимущества путем угроз или использования оружия массового поражения. Они будут поддерживаться на минимальном уровне, достаточном для сохранения мира и стабильности на континенте.

Наряду с развитием договоренностей по уменьшению ядерных потенциалов СССР и США были предприняты шаги по снижению обычных вооружений в Европе. Переговоры о сокращении обычных вооруженных сил в центральной части европейского континента (на линии соприкосновения войск ОВД и НАТО) шли с конца 1970-х гг. в Вене по мандату Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. На протяжении более десяти лет не было достигнуто сколько-нибудь существенного результата. В начале 1980-х гг. в советском Генеральном штабе был проработан вопрос об активизации переговорного процесса. После изучения проблемы сложилось твердое мнение, что переговоры вряд ли могут быть успешными в силу искусственного ограничения их предмета определенным географическим

и стратегическим районом (только Центральной Европой). Расчеты соотношения сил, проведенные в течение двух лет, свидетельствовали, что переговоры нужно вести о сокращении вооруженных сил в Европе в целом — от Атлантики до Урала. Предложение с новым подходом к сокращению вооруженных сил и обычных вооружений на всей территории Европы — от Атлантики до Урала — было представлено в начале 1986 г. Министерством обороны на утверждение правительству. В апреле 1986 г. эта новая позиция в общих чертах была изложена в выступлении М. С. Горбачева в Берлине, а в июне в Будапеште она была обсуждена и принята Политическим Консультативным Комитетом глав государств Варшавского Договора. Соответствующее предложение было направлено Североатлантическому союзу.

В свою очередь, совещание министров иностранных дел стран НАТО в мае 1986 г. приняло заявление, в котором призвало Советский Союз сделать «новые смелые шаги» для укрепления мира, безопасности и продуктивного диалога между Востоком и Западом. В декабре того же года была принята Брюссельская декларация по контролю обычных вооружений. Она содержала призыв начать переговоры по стабильности в области обычных вооружений, направленные на устранение существовавшего неравенства в них от Атлантики до Урала, установление стабильности обычных вооружений на более низком уровне и определении дальнейших мер доверия и обеспечения безопасности.

СССР поддержал инициативу НАТО, и 17 февраля 1987 г. в Вене начались переговоры между представителями НАТО и Варшавского Договора о формате переговоров по сокращению обычных вооружений в Европе от Атлантики до Урала. Одним из главных вопросов был предмет переговоров. Он вызвал наибольшие споры. Позиции сторон здесь были не столько разными, сколько прямо противоположными. Страны Варшавского Договора (по предложению СССР) добивались, чтобы предметом переговоров, а следовательно, и сокращений были сухопутные войска, военно-воздушные силы (ВВС) и военноморской флот (ВМФ) сторон. Позиция Варшавского Договора была логичной и справедливой, но она явно не устраивала

НАТО, у которого ВВС и ВМФ были сильнее, и блок не хотел их сокращать. Альянс выступал за то, чтобы рамки переговоров и последующих сокращений были ограничены только сухопутными войсками, что по существу означало бы одностороннее сокращение советских Вооруженных Сил. В результате на консультациях в Вене сошлись на компромиссе — предметом переговоров и будущих сокращений стали сухопутные войска и ВВС. Военно-морские силы СССР согласились временно снять с повестки дня переговоров. По мнению тогдашнего начальника Генерального штаба С.Ф. Ахромеева, Советский Союз в этом принципиальном вопросе уступил необоснованно, не исчерпав всех своих возможностей. Сокращением по договору только сухопутных войск и ВВС допускалось господство США и НАТО на морях и океанах, в том числе и вокруг Европы.

По результатам переговоров обеими сторонами был взят курс на уменьшение всех компонентов обеспечения военного противостояния в Европе. В марте 1988 г. Сессия Совета НАТО приняла заявление по контролю над обычными вооружениями, в котором ставился вопрос об устранении имеющегося в них неравенства в Европе. СССР и их европейские союзники также объявили о сокращении военных расходов и военного потенциала.

В результате 19 ноября 1990 г. в Париже был подписан Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) между Варшавским Договором и Североатлантическим союзом и опубликована совместная декларация о ненападении. Вслед за подписанием ДОВСЕ началась встреча глав государств и правительств СБСЕ. В ее ходе была подписана Парижская хартия для новой Европы. В этом документе было официально заявлено об окончании эпохи конфронтации (холодной войны). Вместо традиционного «мирового соглашения» об окончании холодной войны Парижская хартия предложила взгляд на европейское общество будущего.

Переговоры представителей 16 государств — участников НАТО и 7, а после объединения Германии — 6 стран — участниц Организации Варшавского Договора и их успешное завершение стали возможными лишь при наличии доброй воли обеих договаривающихся сторон. Основными целями Договора

об обычных вооруженных силах в Европе было установление в Европе безопасного и стабильного баланса обычных вооруженных сил на более низких уровнях, ликвидация исторически сложившихся неравенств, наносящих ущерб стабильности и безопасности, прежде всего потенциала для осуществления внезапного нападения и ведения крупномасштабных наступательных действий. В целом Договор предусматривал, как никогда после Второй мировой войны, радикальное, примерно на одну треть, коллективное сокращение вооружений всеми государствами-участниками и создание качественно новой военно-политической ситуации в Европе.

Если, например, советско-американский договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности касался уничтожения менее 4 тыс. ракет и пусковых установок двух стран, то договор по обычным вооружениям предусматривал сокращение около 120 тыс. единиц разных вооружений на 5 млн км² европейской территории СССР и 3 млн км² территории стран НАТО. Главным в соглашении было реальное сокращение вооружений и техники двух военно-политических союзов до равных предельных уровней в зоне от Атлантики до Урала. Блоковые потолки, или коллективные уровни для основных категорий вооружений, составляли: по танкам — 20 тыс. единиц, боевым бронированным машинам (ББМ) — 30 тыс., артиллерии — 20 тыс., ударным вертолетам — 2 тыс., боевым самолетам — 6800.

Согласно Договору, для СССР были установлены самые высокие по сравнению с другими странами национальные потолки, или уровни достаточности, которые исчислялись в процентах от совокупного количества вооружений, остающихся после сокращений у Варшавского Договора и НАТО. Советский Союз получил право иметь 13 300 танков (33,3%), 20 000 ББМ (33,3%), 13 700 артиллерийских систем (34,3%), 1600 ударных вертолетов (37,5%), 5150 боевых самолетов (37,8%).

Остальные страны Варшавского Договора получили право иметь в составе своих вооруженных сил 838–1730 танков, 1700–2150 ББМ, 840–1750 артиллерийских систем, 67–130 ударных вертолетов, 180–460 боевых самолетов. Нижний предел указанных категорий относился к вооруженным силам Венгерской Республики, верхний — в основном к Республике Польша

(за исключением артиллерийских систем, количество которых было ограничено пределом в 1610 единиц). Между этими уровнями распределялись вооружения для Республики Болгария, Чешской и Словацкой Федеративной Республики и Румынии. В выделении квот вооружений между восточноевропейскими странами — участницами Варшавского Договора доминировал принцип обеспечения для каждой из них достаточного уровня основных систем оружия для обороны.

Однако в Договор по сокращению обычных вооружений в Европе не вошел вопрос о палубной и морской авиации наземного базирования, поскольку мандат переговоров не охватывал военно-морские силы. В ходе переговоров представители Североатлантического союза пытались принизить роль военно-морских сил в операциях на сухопутных ТВД, игнорировали боевые возможности палубной авиации и крылатых ракет морского базирования. Это приводило к резкому увеличению доли ВМС в общем балансе военных сил сторон.

Что касается палубной авиации США и НАТО, то она была упомянута в этом документе, впрочем, как и палубная авиация СССР. По палубной же авиации Запад в районе Европы имел численное превосходство. Но в Европе морская авиация, постоянно базирующаяся на суше, была в основном только у СССР. Она не входила в уровни по авиации ВВС и, таким образом, являлась своего рода бонусом для СССР, позволяющим в определенной степени компенсировать превосходство НАТО в палубной авиации. Кроме того, у Советского Союза за Уралом имелась обширная территория, на которой количество самолетов вообще не ограничивалось. Таким образом, различие в роли морской авиации в разоруженческом процессе не ослабляло обороноспособности Советского Союза. Правда, оно не снимало озабоченности той ненормальной ситуацией, когда быстро развивающиеся военно-морские силы США продолжали оставаться за рамками разоруженческого процесса. Тем самым подводилась мина замедленного действия под возможность дальнейшего серьезного понижения уровня военного противостояния в Европе.

Соотношение военно-морских сил к 1991 г., которые могли быть использованы в военных действиях на сухопутных ТВД, показано в *табл. 9* [62, с. 7].

Из таблицы видно, что, например, по морской авиации НАТО превосходил СССР в прилегающих к Европе акваториях примерно на 1000 самолетов. По сравнению с блоковым предельным уровнем боевых самолетов (6800, статья IV, п. I), это означало увеличение реальной мощи только по морской авиации на 14–15%. Определенное преимущество получал НАТО за счет крылатых ракет морского базирования.

Согласно Договору, баланс сил устанавливался не только в масштабе всего континента Европы, но и в отдельных его регионах — центральном и фланговых. Формула согласия по региональному делению зоны сокращений состояла в следующем. В регионе Центральной Европы, куда от НАТО входили ФРГ, Бельгия, Нидерланды и Люксембург, а от ОВД — Польша, Венгрия и ЧСФР, были установлены равные коллективные уровни для каждой из двух групп этих государств. По танкам, например, они составляли 7500 единиц.

Проблема, однако, состояла в том, что после вывода из этого региона советских войск у трех стран Варшавского Договора не оставалось достаточного количества средств, чтобы заполнить этот уровень, и не только по танкам, но и по другим категориям вооружений. Чтобы фактически складывающийся здесь дисбаланс не оказывал дестабилизирующего воздействия на обстановку в Европе, было условлено, что строгое равенство сил будет обеспечиваться в рамках несколько более широкого региона, чем названный. Он был определен как регион «расширенной» Центральной Европы, куда от НАТО входили Бельгия, Великобри-

Таблица 9. Соотношение военно-морских сил СССР и НАТО, которые могли быть использованы в военных действиях на сухопутных ТВД, к 1991 г.

Виды вооружений	СССР	Соотношение	НАТО
Авианесущие корабли и авианосцы	2	1:7,5	15
Десантные корабли (водоизмещением более 1200 т)	24	1:3,5	84
Корабли с крылатыми ракетами	23	1:11,9	274
Боевые самолеты ВМС (ВМФ)	692	1:2,4	1630

тания, ФРГ, Дания, Италия, Люксембург, Нидерланды, Франция, а от ОВД — Польша, Венгрия, ЧСФР и часть территории СССР. По этому региону были согласованы следующие подуровни для каждого союза: танки — 10 300, ББМ — 19 260 и артиллерия — 9100. Таким образом, не выбранная Венгрией, Польшей и ЧСФР часть квоты ОВД по вооружениям не пропадала. Они могли быть размещены в западных военных округах СССР.

На флангах устанавливались равные предельные коллективные уровни для расположенных там государств, относящихся к разным военно-политическим союзам. Этим снималась асимметричность в расстановке сил. Кроме того, государства-участники договорились о том, что каждый из союзов ограничивал переброски своих сил на фланги уровнем не более 3% от общего количества вооружений, которые у него имеются на остальной части европейского континента. При этом в одну отдельно взятую страну не могло быть доставлено более одной трети общего объема перебросок. Если брать, к примеру, танки, то это составляло приблизительно 150 единиц. Таким образом, снималась угроза опасной концентрации вооружений на севере и юге Европы.

Вместе с тем сразу же после заключения Договора возник ряд проблем, сохраняющий и даже усугубляющий геостратегическое положение Советского Союза и его преемника — Российскую Федерацию.

Прежде всего, Договор не полностью отражал сложившуюся уже на тот момент ситуацию в Европе: НАТО продолжал существовать как военный союз, а ОВД как военно-политическая организация прекратила существование. Между тем выработка большинства положений Договора проходила в условиях существования двух противостоящих союзов, когда безопасность СССР обеспечивалась коллективными усилиями всех государств Варшавского Договора. Вследствие этого Российская Федерация в вопросах обороны должна была полагаться только на себя. Лишь в конце переговоров удалось скорректировать некоторые положения Договора, включить в него небольшие исключения специально для СССР (статья V, п. I и статья XII). Сложности усугубились тем, что наши бывшие союзники в условиях распада ОВД стали настаивать на больших национальных квотах

вооружений, тем самым сокращая традиционно отводимую для СССР долю общего уровня. В результате в зоне сокращений от Атлантики до Урала соотношение сил к 1 января 1995 г. должно было выглядеть следующим образом [62, с. 6] (табл. 10).

Реальность оказалась таковой, что последующие меры в области повышения европейской безопасности на блоковой основе стали невозможны. НАТО, как несамораспустившийся блок, мог рассматриваться как противостоящая сторона не для несуществующего ОВД, а для СССР. Некоторой компенсацией для безопасности еще существовавшего Советского Союза могли стать переговоры, которые предусматривались Парижской хартией после общеевропейской встречи в Хельсинки в 1992 г. Их должны были вести все 34 государства — участницы процесса ОБСЕ.

К тому же сколь бы совершенными ни были ограничения обычных вооруженных сил и вооружений, в условиях наличия у сторон ядерного оружия подлинной безопасности в Европе добиться невозможно. Любая уравновешенность обычных сил может быть опрокинута внезапным ядерным нападением. Договор не затрагивал качественной стороны вооружений. Это угрожало продолжением еще более опасной гонки вооружений.

ДОВСЕ позволил разработать новые меры повышения безопасности и сотрудничества в Европе. В частности, принять решение о создании регулярно собирающегося (не реже одного раза в год) Совета министров иностранных дел для политических консультаций в рамках ОБСЕ, создать в Вене Центр по

Таблица 10. Соотношение сил в зоне сокращений к 1 января 1995 г.

Категории вооружений	СССР	Соотношение	НАТО
Боевые самолеты	5150	1:1,3	6662
Ударные вертолеты	1500	1:1,3	2000
Боевые танки	13 150	1:1,5	20 000
Бронемашины	20 000	1:1,5	30 000
Артиллерия	13 175	1:1,5	20 000

предотвращению конфликтов. В целом на том этапе Договор не наносил ущерба нашей безопасности и в то же время ставил под контроль вооруженные силы НАТО, где регламентировались допустимые количества вооружений в регулярных войсках, на складах, в отдельных регионах, на флангах, что позволяло ограничить возможности концентрации вооружений для ведения боевых действий или угрозы силой. В интересах контроля над сокращениями были определены предельные уровни ограничиваемых Договором вооружений и техники.

Договор позволил главам государств и правительств Европы, а также США и Канады заявить о том, что отныне отношения их государств будут основываться на взаимном уважении, сотрудничестве и на равной безопасности, что в Европе уже нет противников и нет противостояния двух групп государств.

Непосредственным результатом изменений, влияющих на силы НАТО, явилось преобразование их в значительно меньшую по численности, но более мобильную структуру. В результате процессов планирования объединенной обороны и строительства вооруженных сил сухопутные силы, выделяемые Североатлантическому союзу государствами-членами, были сокращены на 35%. С начала 90-х гг. было проведено сокращение более чем на 30% крупных кораблей военно-морского флота, а также примерно на 40% боевых эскадрилий военно-воздушных сил. Было проведено значительное сокращение личного состава войск, находящихся в высокой степени боевой готовности. В общем можно сказать, что реорганизация сил НАТО была произведена таким образом, чтобы облегчить их гибкое восстановление и наращивание при возникновении такой необходимости для целей коллективной обороны или урегулирования кризисной ситуации, включая и операции по поддержанию мира.

В целях защиты мира, предотвращения войны или любой формы принуждения на континенте Североатлантический союз выразил намерение поддерживать надлежащее сочетание ядерных и обычных сил, размещенных в Европе и находящихся, где необходимо, на уровне современных требований, но на минимальном уровне достаточности. Однако достичь реального сдерживания с помощью одних только обычных вооруженных сил блока признано невозможным. Поэтому ядерное оружие

продолжает оставаться необходимым инструментом сохранения мира, поскольку обладает уникальным свойством предотвращать агрессию.

На практике это означало:

а) общая численность сил союзников будет поддерживаться на наиболее низких уровнях в различной степени готовности;

б) географическое распределение сил в мирное время будет обеспечивать достаточное военное присутствие на всей территории Североатлантического союза, включая размещение и развертывание сил за пределами своей территории и территориальных вод и передовое базирование сил по мере необходимости;

в) структура командования НАТО будет способна осуществлять управление выполнением всего комплекса военных задач;

г) при реализации имеющегося потенциала во время проведения многонациональных операций большое значение будет иметь оперативная совместимость (в том числе человеческий фактор, использование передовых технологий в управлении и вооружениях и военной технике);

д) наличие частей сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил быстрого реагирования;

е) способность к мобилизационному развертыванию в зависимости от возможных угроз, как внутри Европы и Северной Америки, так и вне их;

ж) способность надлежащим образом реагировать на факторы риска, связанные с распространением ХБР оружия и средств его доставки;

з) защищенность вооруженных сил Североатлантического союза и инфраструктуры от нападений террористов.

Период сокращений до согласованных уровней должен был составлять не более 40 месяцев с момента вступления Договора в силу. За этот срок все вооружения и техника, подлежащие сокращению, должны были быть частично уничтожены, частично переоборудованы в народнохозяйственную технику (до 750 танков, 3000 ББМ). Переоборудование техники допускалось осуществить в течение пяти лет, причем в первые три года эту технику следовало привести в небоеспособное состояние.

Сокращение вооружений и техники достигалось путем уничтожения, переклассификации (вертолетов и самолетов), переоборудования для невоенных целей, использования в качестве наземных целей в учебном процессе, а также путем передачи для стационарной экспозиции в музеи и использования для памятников. Техника, прошедшая эти процедуры, исключалась из количественных уровней, определенных для государства-участника. В интересах контроля над сокращениями были определены предельные уровни ограничиваемых Договором вооружений и техники (табл. 11).

Договор об обычных вооруженных силах в Европе в целом стал крупным шагом в направлении свертывания гонки вооружений, прекращения холодной войны, нормализации обстановки в Европе и в мире в целом. Он был нацелен на устранение материальной основы конфронтации, ликвидацию излишних вооружений в странах-участницах, на нормирование уровней вооружений в количествах, достаточных для надежной обороны как отдельного государства, так и группы стран. Первые сокращения опасных наступательных вооружений обрело юридическую форму взаимных обязательств по поддержанию военных потенциалов сторон на строго фиксированных по ко-

Таблица 11. Предельные уровни ограничиваемых Договором вооружений и техники

Категории вооружений	Район Центральной Европы	Расширенный район Центральной Европы	В районе применения без флангов	На флангах района применения	На складах в районе применения	Всего в районе применения
	В регулярных частях					
Танки	7500	10 300	11 800	4700	3500	20 000
ББМ	11 250	19 260	21 400	5900	2700	30 000
Артиллерия	5000	9100	11 000	6000	3000	20 000

личеству, местам размещения, видам хранения вооружений под жестким международным контролем.

* * *

В 80-е гг. военная обстановка на европейском континенте радикально изменилась. Согласно Договору о ракетах средней и малой дальности и Договору об обычных вооруженных силах в Европе были значительно сокращены вооруженные силы и вооружения европейских государств. В результате значительно снизилась вероятность ведения ограниченной ядерной войны, а ограниченная обычная война стала невозможной.

Благодаря реализации Договора о стратегических наступательных вооружениях опасность мировой ракетно-ядерной войны снизилась, но не исчезла. Неустойчивость международной военно-политической обстановки обуславливалась угрозой расширения военных действий за счет космоса и приобретения ядерного оружия все большим количеством государств.

5.3. Новая архитектура безопасности

В годы после Второй мировой войны на европейском континенте сформировался довольно устойчивый климат недоверия. Военно-политические союзы — НАТО и Варшавский Договор — обеспечивали свою безопасность, но одновременно наращивали недоверие между государствами континента. И все-таки даже в этих условиях удалось открыть перспективу идее сотрудничества. Важным шагом на этом пути стал подписанный в Хельсинки в 1975 г. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Он открывал возможности для взаимного сближения при определении баланса интересов и выработке новых подходов к обеспечению военной безопасности в Европе.

Отправной точкой в выработке нового поколения мер по снижению военно-политического противостояния на европейском континенте, несомненно, стала Стокгольмская конференция (1986 г.) по мерам укрепления доверия, безопасности и разоружению в Европе (МБД). Эти меры должны были способство-

вать уменьшению риска внезапного нападения, возможности конфронтации, вызванной просчетом или неправильным истолкованием военной деятельности другой стороны (особенно в условиях кризисной ситуации). Ключевыми элементами достижения безопасности на конференции были признаны увеличение открытости и предсказуемости всех видов военной деятельности на суше, в прилегающих к Европе морских акваториях и в воздушном пространстве. В этом плане Стокгольмское соглашение о МДБ означало первый существенный в военном отношении успех в послевоенных переговорах по вопросам безопасности и разоружения. Немаловажное значение приобрели материалы, связанные с обсуждением проблем контроля над вооружениями. Положительную роль в этом вопросе сыграла позиция стран Варшавского Договора, согласившихся отойти от жесткого неприятия контроля над вооружениями, настойчиво продвигавшегося США на международных форумах с 60-х гг. XX в.

Исходя из Стокгольмских договоренностей, были выдвинуты следующие направления разработки МДБ. Во-первых, меры ограничительного характера (поставить барьеры на пути бесконтрольного расширения военной деятельности, сократить масштабы, количество и продолжительность крупных военных учений). Во-вторых, сокращение деятельности ВВС и ВМС (ранее речь шла в основном о сухопутных войсках). В-третьих, сужение деятельности сухопутных войск и расширение возможностей работы наблюдателей. В-четвертых, создание зон доверия и безопасности в Европе. В-пятых, увеличение открытости и предсказуемости в военной сфере.

Такой концептуальный подход, прежде всего, означал учет позиций стран — участниц переговоров по безопасности в Европе. Кроме того, предлагавшаяся система уведомления позволяла не только углубить, но и развить меры доверия в части повышения открытости и предсказуемости военной деятельности на земле, на воде и в воздухе. Наконец, комплексная формула уведомления предоставляла возможность практически исключить обход разрабатываемых мер.

Теоретической основой разработки мер доверия стал предложенной советской стороной подход к решению вопросов

определения состава вооруженных сил, их структуры, военного строительства в целом, основанный на принципе разумной достаточности для обороны. В отношении стратегических наступательных вооружений данный принцип означал примерное равновесие в подобных вооружениях между СССР и США. Их структура могла быть различна, но потенциальные боевые возможности на любом уровне сокращений должны были быть сопоставимы.

Для обычных вооруженных сил оборонная достаточность подразумевала такой их боевой состав, при котором стороны были способны отразить вероятную агрессию, но вместе с тем не были в состоянии осуществлять нападение и вести крупномасштабные наступательные операции. Она предусматривала следующее: придание вооруженным силам ненаступательной структуры; ограничение состава ударных систем вооружений; изменение группировок вооруженных сил и их дислокации с учетом решения оборонительных задач; снижение масштабов военного производства, военных расходов и военной деятельности в целом.

В ходе переговоров по безопасности в Европе наглядно проявилась органическая взаимосвязь мер доверия и разоружения. Американская концепция контроля над вооружениями не могла реализоваться без наличия мер доверия. Последние, расширяясь и совершенствуясь, все глубже вплетались в ткань разоруженческих процессов, становились их неотъемлемым элементом в качестве средств обмена информацией, проверки и контроля, а в порядке обратной связи стимулировали продвижение процесса разоружения в целом.

Отражением такой взаимосвязи стало принятие Североатлантическим союзом в конце 1980-х гг. двух основополагающих документов по этим вопросам: «Декларация глав государств и правительств стран — участниц НАТО» и «Всеобъемлющая концепция контроля над вооружениями и разоружениями». В качестве долгосрочных задач Декларация провозглашала обеспечение предотвращения войны и утверждение новой модели отношений между Востоком и Западом, основанное на законности и стремлении всех стран к уменьшению международной напряженности и урегулированию конфликтов мирными

средствами. Во Всеобъемлющей концепции увязывалась идея переговоров по тактическому ядерному оружию с завершением переговоров по обычным вооруженным силам и началом реализации достигнутых соглашений [63].

Укреплению военно-политической стабильности на континенте и в мире способствовали: выполнение Договора об ограничении обычных вооруженных сил в Европе (ДОВСЕ), значительные сокращения ядерных вооружений в соответствии с Договором о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ) и Договором о ракетах средней и малой дальности (РСМД), а также подписание Договоров о всеобщем и полном запрещении испытаний ядерного оружия и о нераспространении ядерного оружия; принятие Беларусью, Казахстаном и Украиной неядерного статуса; вступление в силу Конвенции о запрещении химического оружия и Конвенции о запрете применения противопехотных мин.

В этих условиях НАТО видело свою роль в последовательном обеспечении и содействии более широкому, всеобъемлющему и подлежащему проверке процессу международного контроля над вооружениями и разоружением. Главной задачей при этом считалось предотвращение распространения, а в случае, если оно произошло, — добиться его отмены дипломатическими средствами. Советский Союз стремился обеспечивать выполнение взятых договорных обязательств, в той или иной степени препятствуя попыткам ущемить его интересы.

Во второй половине 1980-х гг. внутренняя и внешняя политика Советского Союза стала определяться так называемым новым мышлением. Оно было сформулировано в книге генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира». Согласно автору, все идеологические и экономические разногласия между мировыми системами социализма и капитализма должны отступить перед необходимостью защиты общечеловеческих ценностей. В этом процессе страны-лидеры должны жертвовать своими интересами в пользу малых стран, общих целей мира и разрядки в силу того, что для выживания в ядерный век нужна взаимная добрая воля. Одностороннее разоружение не является таковым, так как способствует разрядке напряженности

и снижению уровня вооружений у противостоящей стороны, не решавшейся ранее на первый шаг.

В соответствии с имевшимися политическими установками тогдашний начальник Генерального штаба СССР подготовил доклад, содержащий ответ на пять заключенных в военной доктрине кардинальных вопросов в духе новой внешней политики Советского Союза.

1. О вероятном противнике. Да, мы считаем Соединенные Штаты и НАТО своими вероятными противниками, поскольку и они нас считают таковыми. Но мы готовы к демонтажу механизма военного противостояния с США и с НАТО в Европе. Готовы действовать совместно в этом направлении.

2. О характере войны. Пока что мы вынуждены готовить вооруженные силы к ведению боевых действий с применением ядерного и обычного оружия, поскольку такую подготовку ведут США и их союзники. Но мы стоим за полную ликвидацию ядерного оружия в мире. Готовы принять совместно с руководством США и НАТО практические меры по снижению напряженности и военной опасности в мире.

3. Какие нам нужны вооруженные силы? Мы готовы по мере снижения военной опасности к двусторонним и многосторонним сокращениям, а в определенных условиях — и к односторонним сокращениям армии и флота. Готовы также к замене определенных военных мер политическими в ходе создания безопасного мира.

4. И наконец (это было нечто совершенно новое и неожиданное), мы в случае агрессии против нас отказываемся от перехода в короткий срок после ее начала к наступательным операциям. Будем отражать нападение только оборонительными операциями и одновременно стремиться с помощью политических мер ликвидировать конфликт. Преднамеренно отдавая стратегическую инициативу в войне агрессору, будем вести оборону в течение нескольких недель. Если эти меры не приведут к успеху и параллельными политическими акциями агрессию прекратить не удастся, только тогда развернем широкомасштабные действия по нанесению поражения агрессору.

5. Теперь советская военная доктрина приобрела новое качество. В нее как составная часть включена деятельность по-

литического и военного руководства по предотвращению войны. Предотвращение войны стало как теоретической частью военной доктрины, так и частью практической деятельности военного руководства Советского Союза.

Эти положения доклада начали реализовываться на практике уже к концу 1986 г. Теперь военная доктрина СССР представляла собой систему официально принятых в Советском государстве основополагающих взглядов на предотвращение войны, военное строительство, подготовку страны и вооруженных сил к отражению агрессии, а также на способы ведения вооруженной борьбы по защите социалистического Отечества. Таким образом, в большинство основных ее положений, по форме похожих на прежние, было вложено новое содержание. В самом конце 1986 г. содержание и сущность новой советской военной доктрины были рассмотрены и одобрены Советом обороны СССР. После этого началось ознакомление с новой военной доктриной высшего командного состава. Вскоре на совещании по итогам 1986 г. перед руководством Министерства обороны, командованием военных округов, флотов и армий с докладом по новой доктрине выступил министр обороны СССР. Потребовались время и большие усилия, чтобы новая военная доктрина была усвоена и принята командным составом армии и флота.

В свою очередь, в 1987 г. страны Варшавского Договора выработали новую сугубо оборонительную военную доктрину, предусматривающую сокращение в одностороннем порядке вооружений до пределов «разумной достаточности».

В октябре 1986 г. состоялась встреча советского и американского лидеров в Рейкьявике по инициативе СССР. На ней обозначилось начало нового внешнеполитического курса Советского Союза. Встрече предшествовал ряд крупных шагов на пути снижения опасности ядерной войны, о чем шла речь на встрече лидеров двух сверхдержав в Женеве в 1985 г. СССР продлил мораторий на испытания ядерного оружия. 15 января он выступил с крупным Заявлением, в котором была обоснована программа ликвидации ядерного оружия к концу нынешнего века. В июне была предложена крупная комплексная программа о масштабном сокращении обычных вооружений и вооруженных сил в Европе. После трагедии в Чернобыле на

специальной сессии Генеральной конференции МАГАТЭ был выработан международный механизм, позволяющий решать многие важнейшие вопросы безопасности ядерной энергетики. Но советско-американские переговоры на уровне экспертов шли на холостом ходу и практически зашли в тупик. Гонка вооружений не остановилась, и все очевиднее дело подходило к такой черте, за которой неизбежен новый виток этой гонки с непредсказуемыми последствиями — политическими и военными.

В этих условиях Горбачев внес предложение на личной встрече в Рейкьявике дать обязывающие поручения министрам иностранных дел и другим соответствующим ведомствам своих стран подготовить три проекта соглашений. Первое, по стратегическому оружию — сократить его на 50% и не меньше. Причем с таким расчетом, чтобы уже к концу века полностью ликвидировать это самое смертоносное оружие. В ходе переговоров СССР пошел на серьезные уступки. Он отказался от предложения о 50-процентных сокращениях, включая и средние ракеты в число стратегического оружия, поскольку они достигали территории страны. Был снят вопрос о средствах передового базирования. Благодаря этим крупным уступкам состоялась договоренность в Рейкьявике по сокращению стратегического оружия. Второе предложение относилось к ракетам средней дальности. Было дано согласие на предложение США — полностью уничтожить американские и советские средние ракеты в Европе. При этом оставался вне подсчета ядерный потенциал Франции и Великобритании. Хотя понималось, что эти две страны — союзники США, могли продолжать наращивать и совершенствовать свои ядерные средства, а вся их военная деятельность координировалась в рамках НАТО. В-третьих, был предложен компромисс по Азии — решить вопрос о ракетах с дальностью менее 1000 км за столом переговоров.

В связи с готовностью пойти на глубокие сокращения ядерных вооружений СССР поставил вопрос об ужесточении контроля. Советский Союз выступил за тройной контроль, который бы обеспечил полную уверенность каждой стороны, чтобы она не оказалась в западне, ловушке. Но этот вопрос был снят. При этом встал вопрос о том, чтобы в обстановке реального,

глубокого сокращения в течение десяти лет Советский Союз и Соединенные Штаты должны сдерживать гонку вооружений, прежде всего в области противоракетной обороны. Для укрепления бессрочного Договора по ПРО обе стороны берут обязательство в течение этих десяти лет не пользоваться правом выхода из договора. И тут-то началась настоящая схватка двух подходов в мировой политике к таким вопросам, как прекращение гонки вооружений, запрещение ядерного оружия. Президент США настаивал до конца на том, что США имеют право исследовать и испытывать все, что относится к СОИ, не только в лабораториях, но и за пределами, в том числе в космосе. Американская администрация, уверовав в свое технологическое преимущество, стремилась вырваться через СОИ к военному превосходству и пошла на то, чтобы похоронить почти все достигнутые договоренности. Встреча в верхах закончилась безрезультатно.

Уступки, на которые шел Горбачев в Рейкьявике, были обусловлены внутривластным положением. США, Саудовская Аравия и еще несколько стран решили удавить СССР с помощью цены на нефть. Она упала до 10 долларов за баррель, и Советский Союз потерял 2/3 своих внешнеэкономических доходов. Советский лидер признался Рейгану в ходе переговоров, что СССР передумал из-за отсутствия денег закупать 6 млн т зерна. Прекращение же импорта зерна грозило немедленными политическими потрясениями, подобными Новочеркаску. В то же время требовались средства для ведения антиалкогольной кампании, на устранение аварии на Чернобыльской АЭС и войну в Афганистане. Так, только прямой ущерб от антиалкогольной кампании составлял до 9 млрд рублей в год, а ликвидация последствий Чернобыля потребовала 20 млрд рублей. Борьба с пьянством и алкоголизмом, начатая в 1985 г., уже через год привела к внутренней дестабилизации финансовой системы СССР. Чернобыльская катастрофа поставила крест на всей горбачевской идее «ускорения» научно-технического прогресса. И повлекла за собой новые, срочные и совершенно не предусмотренные бюджетом государственные расходы — не только на ликвидацию самой аварии, но и на обустройство 200 тыс. вынужденных переселенцев. И это параллельно с войной в Афганистане.

В 1986 г. Советскому Союзу позволили жить в долг, и он в лице своего руководства во главе с М.С. Горбачевым на это согласился. До 1983 г. внешний долг СССР не превышал 5 млрд долларов (1–1,5% ВВП страны). В 1984 г. произошел резкий скачок задолженности. На внешнем рынке заняли более 15 млрд долларов. Внешний долг составил уже 5% ВВП. В 1986 г. сумма внешних займов превысила 30 млрд долларов, а в 1989 г. внешний долг достиг 50 млрд долларов (8% ВВП). Еще 30 млрд долларов задолженности было накоплено Союзом в 1988–1991 гг., когда Запад предоставил СССР ряд многомиллиардных кредитов. Как писал советский публицист Р.А. Медведев: «На оплату поставок по уже заказанным в 1985–1986 годах товарам и технологиям Советский Союз начал расходовать свой золотовалютный запас, который в 1986–1988 годах очень быстро уменьшался. Чтобы погасить недовольство населения и увеличить доходы бюджета, Советский Союз значительно расширил покупки за границей потребительских товаров, которые продавались в СССР по относительно высоким ценам. На все это также шла накопленная в стране валюта. Когда ее стало не хватать, то СССР начал просить и получать кредиты от западных стран. Это были в основном товарные кредиты, которые шли на закупки товаров из тех же стран, которые давали нам кредиты» [64].

Реализация постулатов нового политического мышления напрямую зависела от взаимодействия политического и военного руководства страны. В 1985 г. к власти пришли М.С. Горбачев, Н.И. Рыжков, Е.К. Лигачев, А.Н. Яковлев, Э.А. Шеварднадзе, В.А. Медведев. Именно они в силу своего решающего влияния на формирование внутренней и внешней политики, определение путей развития экономики определяли основные направления строительства вооруженных сил. А.А. Громыко, Л.Н. Зайков, В.М. Чебриков, также входившие в руководство в силу различных причин, не оказывали столь решающего влияния на выработку новой политики в течение большей части рассматриваемого периода.

У большинства руководителей во главе с М.С. Горбачевым детство и юность пришлись на годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы. В силу возраста они не могли участвовать в войне. Им не пришлось воевать в первые тя-

желые годы войны. Они, кроме Горбачева, своими глазами не видели, как горят и рушатся под беспощадными сокрушающими ударами гитлеровцев наши города и села, гибнут мирные жители, уничтожается наше народное добро. Но будучи в те годы детьми и юношами, они познали на себе нужду, видели страдания народа в годы войны в тылу или на оккупированной немцами территории: голод, холод, неустроенность, неизвестность и страх за близких, находящихся на фронте, труд иногда до полного изнурения и истощения. После войны некоторые из них на своих плечах вместе с фронтовиками испытали трудности послевоенного восстановления народного хозяйства. Неудивительно, что они столь настойчивы в борьбе за мир.

На политику Хрущева и Брежнева сильно влияла обстановка военных лет. С грузом их военного опыта было бы практически невозможно пойти на тот крутой перелом внешней политики, который осуществил М.С. Горбачев в 1987–1990 гг. Для этого требовалось новое поколение советских политических руководителей, с другим опытом и другим мышлением. Советские люди тоже выступали и выступают против войны. Но одни надеялись предотвратить ее преимущественно с помощью оборонной мощи (не случайно к ним относится большинство фронтовиков — ветеранов войны), другие отдавали предпочтение политическим мерам ее предотвращения. Острые дискуссии по этому вопросу в обществе шли в течение многих лет.

Совершенно ясно, что М.С. Горбачев, Н.И. Рыжков, Е.К. Лигачев, Э.А. Шеварднадзе, В.А. Медведев задолго до 1985 г. во многом по-другому (один меньше, другой больше), чем прежнее руководство, смотрели на нашу советскую действительность, на отношения между социалистическими и капиталистическими странами, на социалистический интернационализм, на обеспечение безопасности и поддержание обороноспособности страны. Отрицательное отношение А.Н. Яковлева в целом к системе социализма, по всей видимости, сформировалось гораздо раньше. И свои взгляды новые руководители с 1985 г. начали энергично и быстро воплощать в конкретную политику внутри страны и в новую внешнюю политику.

Совсем по-иному обстояло дело с военными руководителями. Они были профессиональными военными и старше по

возрасту (министр обороны С.Л. Соколов, первые заместители министра С.Ф. Ахромеев, В.И. Петров, В.Г. Куликов, главнокомандующие видами вооруженных сил Ю.П. Максимов, Е.Ф. Ивановский, А.И. Колдунов, А.А. Ефимов, С.Г. Горшков, заместитель министра по вооружению В.М. Шабанов). Все были участниками Великой Отечественной войны. Вышли из горнила войны молодыми, имея большую жизненную и военную закалку. После войны получили полноценное военное образование и опыт военного руководства в крупных масштабах. К 1985 г. они зарекомендовали себя опытными военачальниками. В основе их взглядов на внешнюю и военную политику страны лежала твердая установка на защиту того, что было достигнуто Советским Союзом в деле послевоенного устройства Европы и мира. Решения Потсдамской конференции, границы в Европе, установленные ею и подтвержденные в Хельсинки в 1975 г., по их мнению, пересмотру не подлежали. Создание ядерного оружия, стратегических ядерных сил, рождение и укрепление социалистического немецкого государства — ГДР, несколько позже — Организации Варшавского Договора, установившееся военное равновесие между Варшавским Договором и НАТО только укрепили установившиеся взгляды военных руководителей. В обострении обстановки после 1945 г. и в холодной войне, по их мнению, были виноваты главным образом США и другие государства НАТО. Основу безопасности Советского Союза они видели в поддержании советских Вооруженных Сил и армий других государств Варшавского Договора примерно на том же уровне, на котором находились вооруженные силы НАТО. Наши стратегические ядерные силы, полагали они, должны быть примерно равными американским. Считалось необходимым для нашей безопасности наличие в Центральной Европе крупной группировки вооруженных сил Варшавского Договора, ядром которых были бы советские войска. По убеждению военных, эта группировка не должна была уступать соответствующей группировке НАТО. Доводы о том, что наши войска находятся на территории других государств и это не может продолжаться вечно, ими не воспринимались должным образом. Кроме того, такого же мнения при оценке состояния своих войск придерживались и в НАТО. И такая позиция двух блоков была

одной из немаловажных причин тупика на многих переговорах и в конечном итоге одной из причин продолжающейся гонки вооружений.

При таких различиях в подходах и взглядах политического и военного руководства на обстановку в мире и в частности в Европе Горбачев и его соратники с начала 1986 г. вели совместную работу с военным руководством. Работа шла по трем направлениям. Первое — обеспечение обороноспособности страны и поддержание вооруженных сил в необходимой боевой готовности. Второе — оказание помощи народу и правительству со стороны вооруженных сил в чрезвычайных ситуациях, при авариях, стихийных бедствиях, а также помощь в уборке урожая, при строительстве в народном хозяйстве. Третье — совместное решение внешнеполитических проблем, связанных с военными вопросами.

Главное в совместной работе политического руководства и военных заключалось в обеспечении безопасности страны и строительстве вооруженных сил. Горбачев сразу же начал изучение оборонных проблем и установление контактов с высшим командным составом армии и флота. В течение апреля-июня 1985 г. он несколько раз заслушивал доклады министра обороны и начальника Генштаба о состоянии армии и флота, их предназначении и планировании применения, живо интересовался материальным обеспечением офицеров, сержантов и солдат, научно-исследовательскими работами в области вооружений (параллельно по этим вопросам он нередко встречался с учеными). За эти месяцы у него замечалось определенное скептическое отношение к генералам и адмиралам. Он не раз задавал вопросы, не много ли их в вооруженных силах, все ли они заняты делом. Высказывал мнение (правда, осторожно), соответствует ли полностью современным требованиям существующая структура Вооруженных Сил.

Наиболее показательными с точки зрения взаимоотношений политических и военных руководителей являлись их подходы и работа по обеспечению безопасности Советского Союза в Европе. Узел противоречий между социализмом и капитализмом, завязанный в Европе в 1945 г., 40 лет спустя продолжал оставаться основным. Эти противоречия стали главным пре-

пятствием для новой внешней политики СССР. Горбачев с приходом к власти довольно быстро понял, что без радикального изменения ситуации в Европе не удастся прекратить холодную войну и гонку вооружений в мире, а следовательно, будет невозможно и наладить нормальные политические и экономические отношения с Западом, что, по всей видимости, он считал одной из основных задач своей внешней политики. Советское руководство действовало не единолично, а согласовывало основы своей политики с руководителями союзных стран, равно как и свою линию на невмешательство со стороны СССР в их дела. Под этим подразумевалось, в том числе, предотвращение военного давления и вооруженного вмешательства во внутренние процессы, которые могут происходить в их странах. Тогда же совместно с союзниками была разработана новая военная доктрина государств Варшавского Договора. Не было только уверенности, были ли ясны руководителям государств Варшавского Договора все возможные последствия такой политики. Ведь невмешательство СССР в их внутренние дела при определенных условиях могло привести к крутым поворотам в общественном устройстве этих стран, которые в корне преобразуют Европу.

В течение 1987 г. параллельно с выработкой Договора по РСМД шли напряженные переговоры по вопросам сокращения стратегических наступательных вооружений в увязке с вопросом о Договоре по ПРО. При этом по вопросам, касающимся непосредственно стратегических наступательных вооружений, процесс нахождения взаимоприемлемых решений, хотя и с небольшими трудностями, но все же продвигался вперед. К середине ноября 1987 г. проект Договора по РСМД был в основном готов, за исключением некоторых вопросов контроля, которые нужно было срочно решить. Поспешность, спровоцированная желанием советского лидера быстрее подписать Договор, привела к появлению уязвимых мест в подготовленном тексте. Не был предусмотрен запрет на передачу ядерных средств средней и малой дальности другим странам, в том числе союзникам по НАТО. Этим не преминули воспользоваться Соединенные Штаты, начав вскоре после подписания Договора по РСМД проталкивать через НАТО решение о размещении в Европе создаваемых ими ракет «Лэнс-2».

Советский Союз в этом случае не смог бы ответить США «взаимностью» — создать и развернуть новые ракеты такой же дальности, как «Лэнс-2», поскольку при советской технологии они получились бы по своим габаритам больше, чем уничтоженные ракеты СС-23, что противоречило Договору по РСМД. Недооценка профессиональной стороны переговоров и стремление договориться как можно быстрее привели к тому, что в Договоре по РСМД нет четкого, однозначного положения, предотвращающего обход его сторонами через третьи государства или каким-либо иным образом.

О позиции советского руководства на переговорах наглядно свидетельствует история с советской ракетой «Ока».

Однако при всем этом Договор по РСМД в целом отвечал интересам Советского Союза.

К вашингтонской встрече в верхах, намеченной на декабрь 1987 г., основные параметры возможной договоренности по СНВ уже просматривались. Но в отличие от советской позиции, согласно которой возможная договоренность о существенном сокращении СНВ обуславливалась строгим соблюдением Договора по ПРО в том виде, в каком он был подписан в 1972 г., и обязательством сторон не использовать, по крайней мере в течение 10 лет, своего права на выход из этого бессрочного договора, американская сторона постоянно пыталась поставить крест на Договоре по ПРО. На этом направлении развернулась длительная и напряженная борьба.

Наряду с прямыми попытками уговорить советскую сторону пойти на демонтаж Договора по ПРО, с американской стороны предпринимались и обходные маневры, рассчитанные на то, что над советскими переговорщиками довлело желание руководства договориться как можно скорее. Иногда эти расчеты отчасти оправдывались. Так, например, в интересах укрепления Договора по ПРО советской стороной было предложено согласовать перечень конкретных устройств, вывод которых в космос противоречил бы этому Договору, если их технические параметры превышают определенные величины. Предложенные величины были определены таким образом, чтобы подобные устройства, но с параметрами ниже этих величин, не могли быть использованы в целях ПРО. В ходе состоявшейся

ся в сентябре 1987 г. встречи министров в Вашингтоне США не согласились даже обсуждать это предложение под предлогом, что оно сформулировано так, будто устройства с параметрами ниже установленных порогов можно было бы выводить в космос «в любых целях, независимо от того, связаны они с ПРО или нет».

В то же время согласование основных положений договора по СНВ продвигалось очень медленно. В ходе длительной полемики были окончательно достигнуты договоренности о предельных уровнях для СНВ, не превышающих 1600 стратегических носителей и 6000 боезарядов; в принципе были согласованы правила засчета тяжелых бомбардировщиков и их ядерных вооружений, вопрос о суммарном забрасываемом весе МБР и БРПЛ, правила засчета боезарядов для существующих МБР и БРПЛ. Огромных усилий с советской стороны потребовала выработка взаимоприемлемой формулировки вопроса об ограничении развертывания крылатых ракет морского базирования (КРМБ) большой дальности, оснащенных ядерными боеприпасами, на надводных кораблях и подводных лодках. Она гласила, что «стороны обязались установить предельные количества таких ракет и вести поиск взаимоприемлемых и эффективных методов контроля за осуществлением таких ограничений, что могло бы включать использование национальных технических средств, мер на основе сотрудничества и инспекцию на местах». За год до этого в Рейкьявике американцы отказались вообще от переговоров с СССР по КРМБ.

Поспешность с принятием условий разоружения, подчас в ущерб собственным интересам, не могла не проявиться во внешней и внутренней политике Советского Союза. В 1987 г. процесс вывода советских войск из Афганистана стал необратимым. В ответ на просьбу о продолжении помощи тогдашнему афганскому руководителю было предложено договориться с вооруженной оппозицией и обещано обсудить этот вопрос с президентом США Бушем во время визита в США [65]. Такое развитие событий не могло не беспокоить военное руководство. В течение 1986–1987 гг. министр обороны С.Л. Соколов и начальник Генерального штаба Ахромеев неоднократно обсуждали положение, в котором могли оказаться советские

вооруженные силы, если рухнет созданная после войны система безопасности в Европе. Проблема озабоченности военного руководства была разрешена назначением на пост министра обороны Д. Т. Язова после того, как западногерманский гражданин Руст беспрепятственно посадил самолет на Красной площади. Попытка нового министра обороны летом 1987 г. рассмотреть с Горбачевым обостряющуюся обстановку и возникавшие проблемы окончилась безрезультатно. В этом проявился стиль Горбачева: решать крупнейшие военно-политические проблемы с военными поэтапно, не обостряя отношений с ними, где это возможно, постановкой в лоб крупного и неприятного в целом для них вопроса.

В июне 1988 г. состоялась XIX партконференция КПСС, созванная для закрепления политического курса Горбачева. Впервые за последние 60 лет на официальном форуме развернулась острая дискуссия по политическим вопросам. Главным итогом конференции было начало политической реформы Советов и подготовка выборов народных депутатов на альтернативной основе, а также резолюция «О гласности», способствовавшая продвижению по пути к свободе слова. На конференции было принято решение о совмещении постов председателей Советов с соответствующими партийными постами. Фактически, оно лежало в русле нового курса на плавное перемещение власти от партийных к государственным структурам. В октябре 1988 г. Горбачев осуществил серьезные перестановки в партийном и государственном руководстве. Секретариат ЦК в качестве коллегиального органа фактически прекратил существование. Егор Лигачев был отстранен от руководства идеологией и внешней политикой в политбюро. Секретарем ЦК по международным делам стал Александр Яковлев. Сам Горбачев был избран вместо Громыко Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

В 1988 г. появились первые массовые политические организации с антисоветскими и антисоюзными платформами — «Народные фронты» в республиках Прибалтики. Они возникли при поддержке руководства ЦК КПСС и вначале декларировали цель защиты гласности, постепенно, но быстро переходя к лозунгам сначала экономического («республиканский хозрасчет»), а потом и политического сепаратизма.

Антисоветская оппозиция на I съезде народных депутатов организационно оформилась как Межрегиональная депутатская группа (МДГ), программа которой была изложена в «Тезисах к платформе МДГ» в сентябре 1989 г. МДГ сразу стала использовать «антиимперскую» риторику и вступила в союз с лидерами сепаратистов. Консервативная оппозиция ни в органах власти, ни в КПСС организовать не смогла. Те народные депутаты, которые были не согласны с изменениями («агрессивно-послушное большинство»), образовали рыхлую «парламентскую» группу «Союз». Она, однако, не выработала ни платформы, ни программы действий, выражалась туманными намеками. Воспитанные в советской системе люди не могли перейти психологический барьер, открыто выступить против руководства КПСС.

Два главных требования МДГ сыграли большую роль в дальнейшем процессе — отмена 6-й статьи Конституции СССР (о «руководящей роли КПСС») и легализация забастовок. Был также выдвинут лозунг «Вся власть Советам!» как средство подрыва гегемонии КПСС (впоследствии Советы были объявлены прибежищем партократов и стали ликвидироваться). Вопрос об отмене 6-й статьи не был включен в повестку дня II Съезда народных депутатов СССР Верховным Советом СССР (не хватило нескольких голосов). Перед открытием Съезда 12 декабря 1989 г. МДГ обратилась с призывом к всеобщей политической забастовке в поддержку требований об отмене 6-й статьи. Но большинство на Съезде также отказалось включить вопрос в повестку дня.

Парадоксальное положение сложилось с принятием Закона о конституционном надзоре и выборами в Комитет конституционного надзора. Против этого важного шага в сторону правового государства выступили демократы — прежде всего потому, что статья 74 Конституции СССР провозглашала приоритет союзного закона над республиканским. Обращение к праву затруднило бы сепаратистскую деятельность демократов. Таким образом, уже в 1989 г. речь шла не о реформировании, а о сломе Советского государства.

На III Съезде народных депутатов сама КПСС, согласно решению состоявшегося накануне Пленума ЦК КПСС, внесла «в по-

рядке законодательной инициативы» проект «Закона СССР об изменениях и дополнениях Конституции СССР по вопросам политической системы (статьи 6 и 7 Конституции СССР)». Отмена 6-й статьи была «упакована» в один пакет с необычным изменением (введением поста Президента). «Послушное большинство» приняло Закон, где правовая основа, на которую опиралась руководящая роль КПСС, была устранена, что вынуло стержень из всей политической системы государства.

Президент СССР (бывший одновременно Генеральным секретарем КПСС) вышел из-под контроля партии. Ее политбюро и ЦК были сразу практически отстранены от участия в выработке решений. Упразднение в 1989 г. номенклатуры вместе с лишением КПСС правовых оснований для влияния на кадровую политику освободило от контроля партии республиканские и местные элиты. Государственный аппарат превратился в сложный конгломерат сотрудничающих или противоборствующих групп и кланов.

Началась реорганизация силовых структур. Она проходила в обстановке жесткой идеологической кампании против КГБ, МВД и армии. Считая их наиболее консервативной частью Советского государства, идеологи перестройки стремились их психологически разоружить. Потребовалось немало сил, чтобы доказать авантюристичность и опасность такого курса и предотвратить дезорганизацию армии и флота.

Программа «демократов», которая была немедленно подхвачена средствами массовой информации, включала следующие направления.

Во-первых, руководство Министерства обороны консервативно, бездеятельно и должно быть заменено. Высший командный состав — генералы и адмиралы — безграмотны, выступают против перестройки и являются консервативной силой. От них необходимо освободиться в возможно более короткий срок.

Во-вторых, структура вооруженных сил устарела, некоторые виды Вооруженных Сил следует объединить, систему управления ими переделать.

В-третьих, пропагандировались взгляды, что всеобщая воинская обязанность устарела. Армию и флот нужно иметь наемными.

В-четвертых, широко развернулась агитация за «департизацию», то есть за ликвидацию партийных организаций КПСС в армии и на флоте.

Никаких серьезных доказательств необходимости выполнения этих требований не приводилось. Расчет был не на доказательность, а на масштабность и безапелляционность этой пропаганды. Ставилась задача оглушить и запутать народ. Велась эта работа беззастенчиво и нахраписто. Резко обострилась ситуация для армии в некоторых союзных республиках. Там наносились удары по армии с других направлений. В Литве, Латвии и Эстонии, в Грузии и Молдове воины Советской Армии объявлялись «оккупантами». В этих республиках издавались законы о верховенстве Конституций республик над Конституцией СССР, других законов республик над законами Союза. На территории этих республик объявлялся недействительным Закон СССР о всеобщей воинской обязанности. От юношей требовали отказаться от призыва на военную службу. Верховные Советы этих республик преднамеренно создавали обстановку крайней напряженности и конфронтации между властями республики и войсками, силами флота, дислоцированными на их территории. Создавалась угроза вооруженных столкновений.

Главными же событиями 1989 г. стали социально-политические перемены в Восточной Европе. Правительства большинства коммунистических восточноевропейских стран были вынуждены уйти в отставку или были свергнуты. Долго сдерживаемый СССР социальный взрыв, в условиях нового мышления и отсутствия контроля со стороны Советского Союза, реализовался в ряд «демократических» революций. В конце октября 1989 г. советское руководство заявило об отказе от использования силы и дезавуировало «Доктрину Брежнева». Реформы Горбачева были скептически встречены такими коммунистическими лидерами, как Э. Хонеккер (Германская Демократическая Республика), Т. Живков (Народная Республика Болгария), Г. Гусак (Чехословацкая Социалистическая Республика). Но около 120 млн человек устремилось к рыночной экономике, демократии и в Европейский союз. С этим они ничего не могли поделать.

Войцех Ярузельский

В авангарде борьбы за демократические преобразования шло крупнейшее восточноевропейское государство — Польша Народная Республика.

Демократическая революция в Польше не была непосредственным следствием развития в 1989 г. массового общественного протеста. В ПНР он начался за десять лет до этого во время событий 1980–1981 гг. 13 декабря 1981 г. в Польше было введено военное положение как реакция на возникновение в стране массовой политической оппозиции «реальному социализму» и военно-политическому союзу Польши с СССР. В начале 1980-х гг. оппозиция охватывала 20–25% взрослого населения польского общества. Это была антикоммунистическая, антисоветская, сориентированная на Запад и поддерживаемая им оппозиция. Ее наиболее организованным отрядом был профсоюз «Солидарность».

После введения военного положения активная часть оппозиции стала действовать в подполье и эмиграции. В подполье шла дискуссия относительно стратегии борьбы с правящим режимом. В итоге в «Солидарности» победило умеренное течение, выступавшее за «долгий марш». Упор был сделан на издательскую, просветительско-образовательную и культурную

деятельность. В 1982–1985 гг. в подполье издавались 1,7 тыс. газет и журналов, часть из них — только несколько недель или месяцев; было опубликовано 1,8 тыс. книг и брошюр, тиражи некоторых из них составляли 5–6 тыс. экземпляров [66]. Наиболее массовой формой протеста являлся бойкот официальных институтов, особенно телевидения. Оппозиционная интеллигенция отказывалась от сотрудничества с властями. 22 апреля 1982 г. в подполье была создана временная координационная комиссия «Солидарности». В июле 1982 г. в Брюсселе возникает Координационное бюро «Солидарности». Существовали в подполье и десятки других организаций. Но попытка оппозиции бойкотировать в 1985 г. выборы в Сейм не нашла массовой поддержки (явка составила 78,6%).

В ситуации невключения оппозиции в существующую политическую систему резко возросла общественно-политическая роль католической церкви, которая вынуждена была выполнять функцию посредника между властью и обществом. Ее симпатии были на стороне оппозиции. Часть епископов и ксендзов в своих проповедях открыто поддерживали «Солидарность» и призывали к ее восстановлению. В 1983 и 1987 гг. визиты папы Иоанна Павла II в Польшу способствовали ее моральной поддержке.

Внутри правящей Польской Объединенной Рабочей Партии (ПОРП), ее руководящих структур шла борьба между реформаторами, возглавляемыми В. Ярузельским, и консерваторами, которых в первой половине 1980-х гг. активно поддерживала КПСС. Первые пытались осуществить экономические и политические реформы в рамках обновления, совершенствования «реального социализма». Вторые всячески противодействовали этому.

С 1 января 1982 г. началось осуществление экономической реформы с целью создания нового хозяйственного механизма. Однако практическое применение всех положений новой системы в условиях глубокого экономического неравновесия в стране не представлялось возможным. Вместе с тем в 1983–1985 гг. экономическая реформа оказала положительное воздействие на развитие народного хозяйства, хотя выявила также различные противоположные интересы в обществе. Они привели к тому, что к концу 1985 г. нововведения притормозили, среди партийно-государственного аппарата стали открыто высказы-

ваться взгляды, что реформа была результатом давления улицы во время событий 1980–1981 гг. и противоречит принципам социализма.

Одновременно развернулись реформы в области политики. Они были направлены на либерализацию коммунистического режима в рамках «развития социалистической демократии». Получили, в частности, право на жизнь различные институты так называемой прямой демократии (консультации с общественностью при принятии важнейших решений и законопроектов, референдум, систематическое зондирование общественного мнения). Именно в Польше после отмены военного положения 22 июля 1983 г. впервые в Восточной Европе стали культивироваться элементы гласности. Для упрочения законности и укрепления гарантий прав и свобод граждан в Польше были созданы неизвестные до этого в социалистических странах Европы институты — Главный административный суд, Государственный и Конституционный суды, институт общественного представителя по гражданским правам. Расширилась роль так называемых союзнических партий — Объединенной крестьянской партии (ОКП) и Демократической партии (ДП) в определении политики, управлении государством. Эти изменения получили название «коалиционного способа» осуществления власти. Широкой платформой объединения сторонников правившего режима стало Патриотическое движение национального возрождения.

Однако те изменения, на которые были способны партийные реформаторы, уже не соответствовали возросшим запросам и устремлениям большинства польского общества, находили в нем слабый отклик. В 1986 г. социально-экономическая ситуация в стране стала ухудшаться. Осень-зима 1987 г. и первая половина 1988 г. прошли в стране под знаком обострения проблемы цен. В связи с тем что их повышение неоднократно в прошлом вело к резкому усилению социальной напряженности, было принято решение о выборе варианта политики в этой области на основе результатов всепольского референдума. Позитивно на его вопросы ответили 44–46%. Стало очевидным, что без расширения политической базы власти, то есть соглашения с оппозицией, дальнейшие экономические реформы невозможны.

Советская перестройка, учитывая расстановку политических сил в Польше, объективно способствовала либерализации общественно-политической атмосферы и ситуации в стране. Она вносила определенную дезориентацию как среди партийных верхов, так и среди оппозиции. Наиболее дальновидные политики с обеих сторон осознавали, что перемены в СССР повлекут за собой и изменения в Польше. 17 сентября 1986 г. ПНР стала единственной страной Варшавского Договора без политических заключенных. 29 сентября Л. Валенса создал Временный совет «Солидарности», который функционировал открыто, хотя и был незаконной структурой. 6 декабря 1986 г. при председателе Государственного совета Ярузельском был создан Консультативный совет. Однако лидеры оппозиции отказались войти в его состав. В рамках Консультативного совета происходил свободный обмен мнениями по актуальным проблемам страны. Стенограммы обсуждений публиковались без вмешательства цензуры. В октябре 1987 г. были распущены все прежние руководящие органы «Солидарности» и создана единая, функционирующая открыто Всепольская исполнительная комиссия. Этап подпольной деятельности фактически завершился.

В апреле-мае и в августе 1988 г. после ввода новых цен на некоторых предприятиях вспыхнули забастовки. Реформирование экономики наталкивалось на препятствия, а чрезвычайные полномочия, предоставленные в мае 1988 г. правительству, дали совсем немного. Оно вынуждено было уйти в отставку. Стало очевидным, что возможности реформирования экономической и политической системы в рамках «реального социализма» были исчерпаны. В 1987–1988 гг. Комиссия по вопросам реформы государства, созданная руководством партии, подготовила проект коренных политических реформ. Он предусматривал введение политического плюрализма, включение оппозиции во властные механизмы, установление парламентской демократии. «Круглый стол» начал свою работу 6 февраля 1989 г.

В документе «круглого стола» под названием «Позиция по вопросу политических реформ» общей целью правящей коалиции и протестного движения объявлялась «независимая, суверенная, безопасная равноправными союзами, демокра-

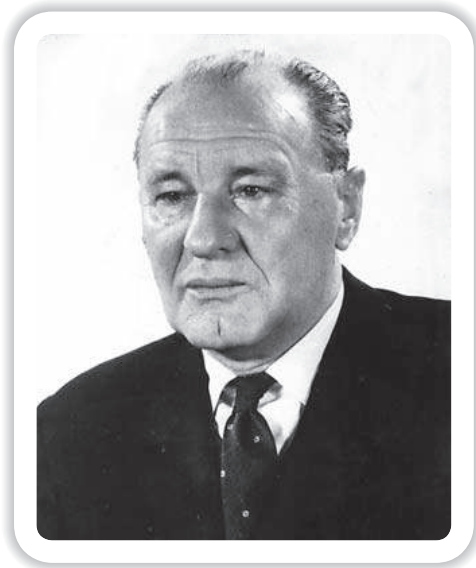
тическая и сильная в экономическом отношении Польша»¹. Основой демократизации структур на всех уровнях государства объявлялось разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную. Предусматривалось введение новой палаты парламента — сената и учреждение поста президента с большими полномочиями. В соответствии с решениями «круглого стола» ПОРП должна была получить в сейме 38% мест (и вместе со своими союзниками — Объединенной крестьянской партией, Демократической партией и светскими католическими организациями — 65%). На 35% мест были объявлены свободные выборы, то есть их могла занять оппозиция [67]. Однако последующее развитие событий показало, что все эти арифметические построения были лишь иллюзиями, поскольку не учитывали возросшей остроты противоречий и дальнейшего падения авторитета ПОРП и органов власти в обществе.

Во исполнение решений «круглого стола» 4 июня 1989 г. прошел первый тур парламентских выборов. Он принес успех оппозиции. Из 161 места в сейме она выиграла 160. В сенате «команда Валенсы» получила 92 места из 100. Результаты парламентских выборов сыграли роль неформального плебисцита «за или против коммунизма». ПОРП потерпела поражение. Создались условия прихода к власти оппозиции.

19 июля Национальное собрание (общее заседание сейма и сената) большинством в один голос избрало Ярузельского президентом. Но Валенсе удалось расколоть прежнюю коалицию ПОРП с Объединенной крестьянской и Демократической партиями и заручиться поддержкой этих партий. 21 августа премьер-министром стал советник лидера «Солидарности» Т. Мазовецкий. Управление страной перешло в руки антикоммунистических сил. Реальный социализм окончательно потерпел в Польше поражение и стал историей.

В Венгрии смена власти прошла относительно безболезненно. В 1956 г. к власти в стране пришел Я. Кадар — политик реформистского типа. Он предложил третий путь развития. Прежде всего, совершенствовалась экономическая система.

¹ Porozumienia Okraglego Stolu. Olsztyn. 1989. S. 6.

Янош Кадар

Особое внимание было уделено аграрной реформе. Суть ее состояла в создании крупных хозяйств, которые действовали бы в рыночных условиях. В результате было создано одно из самых рентабельных сельскохозяйственных производств в Европе. В промышленности было отменено отраслевое планирование и вводились рыночные регуляторы. В результате вырос венгерский экспорт. С 1968 по 1984 г. внешнеторговый оборот вырос в 7 раз. С начала 1970-х гг. стал приходить иностранный капитал (Западная Германия) и займы от МВФ. Постепенно легализовались общественные организации. В 1961 г. выбрано 17% беспартийных в венгерский парламент. Издавалась диссидентская литература. Не было преследований по идеологическим мотивам. Однопартийная система сохранилась, но изменилось отношение международного сообщества к Венгрии.

Инициатором смены власти в Венгрии стало руководство КПСС. Советское руководство поставило на молодого (57 лет) К. Гроса, секретаря Будапештского горкома Венгерской Социалистической Рабочей партии (ВСРП). В июне 1987 г. Грос становится премьер-министром Венгрии. Но КПСС кадровая неспешность тяготила, и в начале 1988 г. она возвращается к теме ухода

Капара. В апреле 1988 г. Крючков высказал Капару мысль, что сохранение им лидерства в партии не сулит ничего хорошего стране и лично ему. Упереться он не стал. Нашли приемлемый вариант. Для Капара создается почетный пост председателя партии, а Грос становится генеральным секретарем, какое-то время совмещая этот пост с постом премьера. Через несколько недель Всевенгерская партийная конференция утвердила новую конфигурацию власти. Вместе с Капаром политбюро Венгерской Социалистической Рабочей партии покинули почти все его престарелые соратники.

Однако Грос не смог сохранить контроль над ситуацией. Общество уже требовало не половинчатых, а глубоких реформ, не номенклатурной демократизации, а демократии с многопартийностью и свободными выборами. Грос не был готов к этому: уже через год, 24 июня 1989 г., он уступает пост фактического руководителя партии лидеру реформаторского крыла ВСРП Р. Ньершу, который в 1956-м входил в состав правительства И. Надя. В 1989 г. на съезде ВСРП были приняты решения о разделе партии на Венгерскую Социалистическую партию (ВСП) и ВСРП и ее имущества по количеству членов. В стране были созданы ВДФ — Демократический форум и ССД/СМД — Союз свободных демократов / Союз молодых демократов. ВДФ победил на выборах и стал крупнейшим в парламенте. Он в союзе с националистической партией ПМСХ провел земельную реформу и восстановил частную собственность на землю. Была начата приватизация, рассчитанная на 20 лет. Венгрия начала путь в Европейский союз и НАТО.

Чехословацкий путь к демократическому перевороту существенно отличался от падения социализма, предопределенного переговорным процессом в Польше и Венгрии, когда мирный характер революции вытекал из соглашений между руководством коммунистической партии и оппозицией. Специфика Чехословакии заключалась в конфронтации между прокоммунистической элитой и очагами гражданского общества, из которых постепенно выкристаллизовывалась демократическая оппозиция. Отказ от предложений этой оппозиции начать диалог по вопросам демократизации системы продолжал определять политику руководства Коммунистической партии Чехо-

словакии (КПЧ) уже в период после падения Берлинской стены, после того, когда в Польше правительство возглавил представитель «Солидарности», а в Венгрии было признано правящей ВСРП право на свободное формирование политических партий и подписано соглашение о проведении свободных выборов.

Центр тяжести движения в Чехословакии концентрировался в зарождавшемся гражданском обществе. В деле самоосвобождения следует отметить, прежде всего, два обстоятельства: это, во-первых, вышедшие на улицы и площади сотни тысяч людей, которые открыто дистанцировались от псевдонародного режима, а, во-вторых, способность спонтанно формировавшихся представителей общественности (Гражданского форума и бра-тиславской Общественности против насилия) использовать благоприятную ситуацию с тем, чтобы превратиться в решающую политическую силу в стране.

Экономика Чехословакии в середине 1980-х гг. развивалась вполне нормально. Уровень благосостояния и социальной защиты населения был по центральноевропейским меркам весьма высок, социальное расслоение по доходам — минимальное в регионе. Движение протеста против политического режима в Чехословакии разворачивалось под лозунгами демократии, независимости и сближения с Европой. С лета 1988 г. и в течение всего 1989 г. жизнь давала все больше подтверждений того, что чехословацкое общество пробудилось и начинало терять терпение. Еще весной 1987 г. налицо были лишь две постоянно действующие гражданские инициативы — Хартия 77 и Комитет по защите несправедливо преследуемых. К концу 1988 г. уже существовала целая система независимых инициатив, обладавших собственной информационной базой и внедрявших свои идеи в общество с помощью печатных, то есть самиздатовских, органов, а также через зарубежные радиостанции.

Свидетельством политической активизации общества стали уличные демонстрации с провоцированием власти на применение насилия, проходившие в августе и октябре 1988 г., и Неделя Яна Палаха в январе 1989 г. И все это — вопреки превентивным акциям властей, таким, как полицейские преследования активистов независимых инициатив, жестокость при разгоне массовых митингов и демонстраций, штрафные санкции и аре-

«Бархатная революция» в Чехословакии

сты. Но 28 октября 1989 г. произошло массовое выступление молодежи на Вацлавской площади в Праге. События повторились 17 ноября. Обстановка в государстве грозила выйти из-под контроля, и власть сделала шаг навстречу оппозиции. 19 ноября возникли массовые организации — в Праге «Гражданский форум», а в Братиславе — «Общественность против насилия». Они объявили своей целью «мирный переход от коммунистического режима к демократии».

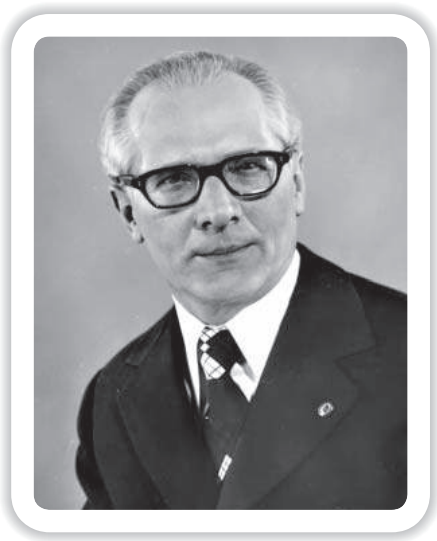
Протестное движение проявилось также в росте влияния в жизни чехов и словаков католической церкви. В 1988 г. петиции с требованиями религиозной свободы, а в конечном счете и отделения церкви от государства, подписали 600 тыс. граждан. Католическая церковь выступила с программой десятилетней акции по духовному обновлению, нацеленной на поворот церкви к обществу и его потребностям. Одновременно с этим рос авторитет кардинала Ф. Томашека, который в 1989 г. дважды поднимал свой голос в защиту общественности, ее прав и требований к коммунистической власти. Первый раз он это

сделал в январе, выступив с адресованным главе правительства протестом против жестокости полиции во время Недели Палаха, а второй раз — в открытом письме от 4 августа, направленном представителям власти и гражданам ЧССР, в котором назвал петицию «Несколько фраз» способом выражения гражданской ответственности в начинавшемся открытом диалоге общества с властью.

Детонатором антиправительственных выступлений стали распространившиеся днем позже слухи об убийстве одного из студентов (как оказалось впоследствии, это была дезинформация). «Жертвой» стал студент М. Шмид, который якобы погиб в результате применения силы полицией при разгоне демонстрации. Это ключевое событие «бархатной революции» оказалось спектаклем, устроенным спецслужбами самого правящего режима ЧССР. 20 ноября студенты столицы объявили о забастовке, которую сразу же, в течение первого дня, поддержали практически все высшие учебные заведения страны. Одновременно в центре Праги и в других городах начались массовые демонстрации (в столице ежедневное количество их участников достигало четверти миллиона человек).

24 ноября на внеочередном Пленуме ЦК Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) подали в отставку первый секретарь и другие руководители КПЧ. На последующем съезде, который провозгласил приверженность идеям и лозунгам «социализма с человеческим лицом», их исключили из партии как «проповедников брежневизма». На пятый день демонстраций протеста ушло в отставку политбюро ЦК КПЧ, пало правительство. Поскольку новое правительство отказалось безоговорочно передать власть оппозиции, она перешла к следующему акту «революции». 26 ноября в центре Праги состоялся грандиозный митинг, через день началась всеобщая забастовка. На следующей неделе все же было сформировано федеральное правительство, в котором коммунисты и оппозиция получили одинаковое количество мест.

29 ноября парламент отменил статью конституции о руководящей роли Коммунистической партии, 29 декабря 1989 г. реорганизованный парламент избрал своим председателем А. Дубчека, а президентом ЧССР — главу Гражданского форума

Эрих Хонеккер

В. Гавела. Он был представителем новых лиц в государственной элите. Одним из основных источников ее формирования была «революционная улица», а точнее те лица из оппозиции, объединяющим принципом которых являлось отрицание прежнего режима. Ядро этой новой политической элиты составили диссиденты, существовавшие в Чехословакии в 1970–1980 гг. 1 июля 1991 г. главы государств Варшавского Договора подписали в Праге протокол о роспуске ОВД, а 1 января 1993 г. Чехословакия перестала существовать, и на ее месте возникли два новых государства.

Потеря власти просоветскими партиями в странах Восточной Европы подрывала основы обеспечения безопасности СССР на континенте и, с учетом его политического и экономического значения, в мире. Ключевым звеном в советской системе безопасности являлась Германская Демократическая Республика.

До конца 1980-х гг. никаких массовых выступлений в Германской Демократической Республике не было. Но восточногерманское население полностью так и не адаптировалось к режиму Социалистической Единой Партии Германии (СЕПГ). В 1985 г. около 400 тыс. граждан ГДР подали заявление о выдаче постоянной выездной визы. Многие представители интелли-

генции и церковные деятели открыто критиковали режим за отсутствие политических и культурных свобод. Правительство ответило усилением цензуры и изгнанием из страны некоторых видных диссидентов. К 1980-м гг. тайная полиция «штази» превратилась в своего рода государство в государстве. Приход к власти в СССР М.С. Горбачева и его политика перестройки и гласности подорвали основу существования правящего режима СЕПГ. Восточногерманские лидеры рано осознали потенциальную опасность и отказались от перестройки в Восточной Германии. Но СЕПГ не могла утаить от граждан ГДР информацию об изменениях в других странах советского блока и передачи западногерманского радио и телевидения.

Недовольство большинства восточногерманских граждан своим правительством достигло кульминации в 1989 г. В августе Венгрия открыла свою границу с Австрией, что дало возможность тысячам восточногерманских отпускников эмигрировать на запад. В конце 1989 г. народное недовольство вылилось в колоссальные демонстрации протеста в самой ГДР. «Демонстрации по понедельникам» быстро стали традиционными. Сотни тысяч людей выходили на улицы крупных восточногерманских городов.

В начале октября 1989 г. Горбачев во время празднования 40-летия ГДР в Берлине дал понять, что Советский Союз уже не станет вмешиваться в дела ГДР для спасения правящего режима Хонеккера. В середине октября Хонеккер и его главные союзники, выступавшие за силовое подавление выступлений, были вынуждены уйти в отставку. Новым генеральным секретарем СЕПГ стал Э. Кренц. Правительство возглавил Х. Модров, слышавший сторонником экономических и политических реформ. Новое руководство попыталось стабилизировать ситуацию.

9 ноября 1989 г. в 19 часов 34 минуты, выступая на пресс-конференции, которая транслировалась по телевидению, представитель правительства ГДР огласил новые правила выезда и въезда из страны. Согласно принятым решениям, со следующего дня граждане ГДР могли получить визы для немедленного посещения Западного Берлина и ФРГ. Сотни тысяч восточных немцев, не дожидаясь назначенного срока, устремились вечером 9 ноября к границе. Пограничники, не получившие приказа,

пытались сначала оттеснить толпу, но затем, уступая массовому напору, вынуждены были открыть границу. Встречать гостей с Востока вышли тысячи жителей Западного Берлина. Происходящее напоминало народный праздник. Ощущение счастья и братства смыло все государственные барьеры и преграды. Западноберлинцы, в свою очередь, стали переходить границу, прорываясь в восточную часть города.

В ночь с 9 на 10 ноября 1989 г. и в течение последующих трех дней Запад посетило более 3 млн человек¹. 22 декабря 1989 г. открылись для прохода Бранденбургские ворота, через которые была проведена граница между Восточным и Западным Берлином. Берлинская стена еще стояла, но всего лишь как символ недавнего прошлого. Она была разбита, расписана многочисленными граффити, рисунками и надписями, берлинцы и посетители города старались унести на память кусочки, отбитые от некогда могущественного сооружения. Начался процесс объединения Германии.

В декабре 1989 г. на Мальте состоялась встреча нового президента США Дж. Буша-старшего и Горбачева. На ней было объявлено об окончании холодной войны. Вопрос об объединении Германии начал прорабатываться советским руководством во время визита канцлера ФРГ Г. Коля в Москву в январе 1990 г. Существование советской позиции по вопросу об объединении Германии при всех этих встречах фактически сводилось к самой общей формуле относительно того, что при этом должны учитываться интересы безопасности других государств. Каким образом они должны были учитываться, не расшифровывалось. Не уточнялось и то, что вхождение объединенной Германии в НАТО было бы несовместимо с интересами безопасности Советского Союза. Естественно, что, уезжая из Москвы, Г. Коль заявил о «зеленом свете» объединению Германии². И никто не опроверг такого утверждения. А после июльского визита Г. Коля в СССР американский президент заявил: «Пять месяцев назад, в феврале, канцлер Коль и я пришли к единому мнению в отношении того, что объединенной Германии следует сохра-

¹ Volkszeitung. 1989. 17 november. № 47.

² См.: Правда. 1990. 3 янв.

Встреча на Мальте. Конец холодной войне

нить полное членство в Организации Североатлантического договора, включая ее военную структуру».

Естественно, что после февральского американско-западногерманского сговора Заявление МИД СССР от 14 марта 1990 г. о неприемлемости включения будущей Германии в НАТО запоздало. К тому же после состоявшихся 18 марта выборов, в результате которых к власти в ГДР пришло новое правительство во главе с де Мезьером, переговоры по германским делам, ведшиеся по формуле «2+4», очень скоро стали вестись фактически по формуле «5-1», то есть СССР остался на них в полном одиночестве. Положение усугублялось тем, что дни ОВД были сочтены. И во время июльского визита Г. Коля в СССР советской стороной были официально сняты возражения против вхождения объединенной Германии в НАТО. Факт нашего согласия на то, что еще вчера считалось «немыслимым» и «нарушением баланса в стратегическом звене мировой политики», пытались объяснить в основном следующими тремя обстоятельствами. Во-первых, тем, что состоявшаяся в июне в Лондоне сессия Совета НАТО приняла декларацию о предстоящей трансформации

НАТО в военно-политическую организацию и о пересмотре ее военной доктрины. Во-вторых, тем, что ФРГ в лице Коля взяла обязательство не размещать на территории бывшей ГДР иностранные войска и, соответственно, не допускать туда ядерное оружие. В-третьих, тем, что Коля пообещал, что общая численность бундесвера не будет превышать 370 тыс. человек, что почти в два раза меньше общей численности вооруженных сил ФРГ и ГДР до их объединения.

31 августа 1990 г. в Берлине министр внутренних дел ФРГ В. Шойбле и парламентский статс-секретарь при премьер-министре ГДР Г. Краузе подписали Договор об установлении германского единства между Федеративной Республикой Германией и Германской Демократической Республикой (Договор об объединении), предусматривавший воссоединение на основе механизма присоединения ГДР к ФРГ по статье 23 Конституции ФРГ. 12 сентября 1990 г. в Москве министры иностранных дел Великобритании, СССР, США, Франции, ФРГ и ГДР подписали Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии, в котором Великобритания, СССР, США и Франция, с одной стороны, и представители обоих германских государств, с другой стороны, подтвердили создание объединенной Германии, включающей в себя территории ФРГ, ГДР и Западного Берлина. 3 октября 1990 г. произошло официальное объединение ФРГ и ГДР. С 00 часов ГДР прекратила свое существование как государство, Западный Берлин — как самостоятельная политическая единица с особым международным статусом. В состав ФРГ вошли пять вновь воссозданных земель бывшей ГДР: Бранденбург, Мекленбург — Передняя Померания, Саксония, Саксония-Анхальт, Тюрингия и территория Берлина. В соответствии с московским Договором от 12 сентября 1990 г. Федеративная Республика Германия — объединенная Германия получила полный суверенитет в своей внутренней и внешней политике.

События в странах Центральной Европы неблагоприятно отражались на советских военнослужащих. На территории ГДР, Польши, Чехословакии и Венгрии дислоцировались войска численностью около 550 тыс. человек. В их числе находилось около 100 тыс. офицеров и прапорщиков. У большинства из

них там же находились семьи. Поскольку ситуация сложилась так, что войска должны были быть возвращены на территорию своей страны после 1991 г., встал вопрос об их размещении и устройстве. Главной трудностью при этом было обеспечение жильем семей офицеров. К концу 1989 г. кроме офицеров групп войск еще 170 тыс. семей офицеров на территории страны не были обеспечены квартирами. Другие вопросы передислокации и размещения войск тоже не были простыми.

В стране реформировались политическая и экономическая системы, преобразовывались национальные отношения, развертывались в условиях противоборства политических сил бурные процессы, меняющие лицо нашего общества. Армия и флот, часто помимо их воли, вовлекались в эти процессы. Так или иначе, неизбежно они должны были реагировать на них. Все новые проблемы возникали перед армией и флотом. Впервые после 1945 г. отношение в обществе к военному человеку стало другим. Новая внешняя политика привела к уменьшению опасности войны и снижению военной напряженности. Это позволило снять с Вооруженных Сил такую задачу, как поддержание (кроме стратегических наступательных вооружений) примерного военного равновесия с США и НАТО. Ликвидация военной Организации Варшавского Договора позволила снять еще некоторые задачи с армии и флота. Ухудшение экономического положения снизило возможности государства. Поляризация и противоборство политических сил в обществе осложнили положение армии и флота. Сепаратизм, развязывание вооруженных конфликтов на национальной почве возродили для армии внутреннюю конституционную функцию: обеспечение целостности своего Отечества, безопасности населения некоторых районов.

В связи с этими изменениями к середине 1989 г. объективно назрела необходимость реформы советских Вооруженных Сил. Основное ее содержание сводилось к решению шести крупных вопросов, по которым развернулась острая борьба.

1. Существует ли военная опасность для Советского Союза?
2. Структура Вооруженных Сил СССР и системы управления ими.
3. Система комплектования Вооруженных Сил в новых условиях.

4. Необходимый минимум оснащения армии современным оружием и военной техникой.

5. Система воспитания личного состава при отсутствии политических органов, контролируемых КПСС.

6. Система социальной защиты военнослужащих.

Наиболее радикально настроенные представители демократических сил фактически отрицали существование военной опасности для СССР и требовали самого радикального сокращения вооруженных сил. Для этого, по их мнению, было достаточно в короткие сроки перейти к комплектованию армии на контрактной основе. В связи с этим была развернута пропагандистская кампания против существующих армии и флота. Демократические оппоненты требовали немедленной ломки как структуры, так и системы управления Вооруженными Силами, в том числе и главных командований войск направления. Приняв к сведению изменения роли и места политорганов, демократы сосредоточили усилия на немедленной ликвидации в них партийных организаций КПСС. Горбачев если и выступал с осуждением антиармейской кампании, то обязательно с оговоркой, что в армии и на флоте немало недостатков, за которые их критикуют справедливо. В то же время он понимал, что всякие утверждения «новых демократов» о возможности военного переворота были не чем иным, как политической спекуляцией, направленной на подрыв доверия народа к армии.

Анализ международного положения Советского Союза свидетельствовал о том, что военно-политическая обстановка улучшилась и военная опасность после подписания договоров о ядерных и обычных вооружениях уменьшилась. Однако политика США противоречива. В ней сочетается стремление к договоренности, взаимопониманию, в некоторых вопросах даже к сотрудничеству с Советским Союзом, с давлением, политикой «с позиции силы». Сохранилась военная организация НАТО, в то время как военная Организация Варшавского Договора была ликвидирована. Сохранились вокруг Советского Союза военные базы США с развернутыми на них войсками и силами флота. Все это требовало наличия у Советского Союза сильных и современных вооруженных сил. Имеющиеся на 1 января 1990 г. в их составе примерно 4 млн человек к концу 1990-х гг. при

определенных условиях (по оценке Генерального штаба) можно было бы сократить до 3 млн человек. Весной 1989 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ о сокращении армии на 500 тыс. человек, а также расходов на оборону — на 14,2%.

К началу 1990 г. армия и флот имели современную структуру и состояли из пяти видов (Ракетных войск стратегического назначения, Сухопутных войск, Войск ПВО, Военно-воздушных сил и Военно-морского флота) и отдельных родов войск — воздушно-десантных и некоторых других. Считалось, что в течение 5–6 лет их целесообразно сохранить. Главные командования войсками направлений следует оставить. Геополитическое положение и размеры территории Советского Союза делали их необходимыми. Приходилось вновь доказывать, что нужно учитывать опыт войны.

К началу 1990-х гг. СССР имел массовые кадровые армию и флот. Офицеры и прапорщики (мичманы) служили в армии по контракту, как правило, 20–25 лет и более. Солдат (матрос), сержант (старшина) призывались на военную службу сроком на два года. Примерно так построены вооруженные силы большинства государств, за исключением США, Великобритании и Японии. Но эти государства отделены от других крупных стран — потенциальных противников — океанами и морями. Об их безопасности позаботилась сама природа. Они могли иметь наемную армию. Полностью перейти на контрактный принцип комплектования армии не позволяла ни военно-политическая обстановка, ни экономические возможности страны.

Оснащенность армии и флота современным оружием — основной показатель их боеспособности и боевой мощи в целом. Но большие армии невозможно обеспечить только современным оружием. Нормально, когда 40–50% оружия является современным, а остальное не новым, но исправным, модернизированным и готовым к применению. Обеспечивать современным вооружением даже меньшую по численности армию — задача чрезвычайно сложная. Для проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ требуется немало финансовых и материальных ресурсов.

Военно-политические органы вооруженных сил стали органами государственными. Они были подчинены, как и другие

органы управления, соответствующим командующим и командирам. Эти органы несут ответственность за воспитание, воинскую дисциплину, морально-политическое состояние личного состава. Основными правовыми документами, которыми они должны были руководствоваться, являлись Конституция СССР и другие законы Союза. Их главная задача — воспитывать военнослужащих в духе верности конституционному долгу, интернационализму, готовности к защите своей Родины. Теперь в воспитательной работе больше, чем ранее, необходимо учитывать разнообразие политических взглядов личного состава, национальные особенности, отношение к религии, уровень образования и культуры.

Возникла необходимость законодательно определить правовое положение военнослужащих, их права и обязанности. Требовалось повысить престиж воинской службы. Этому могло бы способствовать создание системы льгот для военнослужащих. Для решения жилищной проблемы целесообразно было разработать конкретную программу строительства жилья для офицеров и прапорщиков.

Эти положения были включены в проект военной реформы, который обсуждался на совещании в ЦК КПСС 28 октября 1989 г., и еще раз позже, в 1990 г. Но официально военная реформа принята не была. В 1991 г. СССР прекратил свое существование.

После окончания холодной войны геополитическое и геостратегическое положение Российской Федерации, ставшей правопреемницей Советского Союза, определялось следующими факторами.

В последние годы холодной войны между Российской Федерацией и Североатлантическим союзом начался достаточно интенсивный политический диалог. Развитие конструктивных отношений и сотрудничества с Россией рассматривалось руководством НАТО, в отличие времен военного противостояния, в качестве ключевого элемента безопасности и стабильности на европейском континенте, который должен будет служить интересам всего международного сообщества.

В июне 1990 г. Североатлантическим союзом было принято «Послание», в котором выражалось стремление использовать открывшиеся возможности и протянуть руку дружбы и со-

трудничества Советскому Союзу и всем европейским странам. Спустя месяц совещание глав государств и правительств стран НАТО опубликовало «Лондонскую декларацию» с предложениями о развитии сотрудничества со странами Центральной и Восточной Европы по широкому кругу политических и военных вопросов, включая установление регулярных дипломатических связей этих стран с НАТО [68]. Делегация Западной Германии на сессии возглавила группу сторонников осуществления в НАТО глубоких реформ и достижения компромиссов с Востоком¹. Выступая на сессии, канцлер Коль, в частности, высказался за подписание странами НАТО и Организацией Варшавского Договора совместной декларации, содержащей обязательства по отказу от взаимного применения силы; создание новой «общевропейской архитектуры безопасности» с включением в нее в качестве составной части процесса Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе; интенсификацию переговорного разоруженческого процесса как по обычным, так и по ядерным вооружениям [69].

В конце 1990 г. руководство Североатлантического союза в развитие «Лондонской декларации» предприняло шаги по политическому вовлечению стран бывшего Варшавского Договора в партнерские отношения. Вначале политические консультации велись по формуле «16+1» (16 членов НАТО и СССР). В ноябре Североатлантическая ассамблея парламентариев стран НАТО (САА) приняла в качестве ассоциированных делегатов членов парламентов Советского Союза, Болгарии, Чехословакии, Венгрии и Польши². Условия реализации этой политики для НАТО были благоприятны. 25 февраля 1991 г. представители шести государств Варшавского Договора пришли к соглашению о роспуске военной структуры организации и расформировании Комитета министров обороны и объединенного командования. 31 марта 1991 г. состоялся формальный роспуск военной организации, а 1 июля 1991 г. — официальный роспуск Варшавско-

¹ Rheinischer Merkur. 1990. № 31. S. 2.

² САА была создана в 1955 г. в качестве форума законодателей государств — членов НАТО. Формально ассамблея независима от блока, но является звеном между национальными парламентами и Североатлантическим союзом.

го Договора. Тем самым ликвидировался военный противовес альянсу в Европе.

Наметившиеся изменения в военно-политической обстановке в Европе и пути ее развития в 1980-х гг. нашли отражение в новых основополагающих документах Североатлантического блока: стратегической концепции союза и декларации о мире и сотрудничестве, принятых на сессии совета НАТО в Риме в 1991 г. По оценке участников сессии Совета НАТО, в 1990-х гг. уровень безопасности в Евроатлантическом регионе значительно повысился по сравнению с предыдущими 40 годами XX столетия. Угроза политической враждебности и военного противостояния, с которой в результате идеологического конфликта более четырех десятилетий сталкивалась Европа, была устранена. В концепции признавалось, что безопасность основана не только на военных, но и на политических, экономических, социальных и экологических факторах.

В Римской декларации 1991 г. признавалось, что задачи, стоящие перед новой Европой, не могли быть всесторонне решены силами лишь НАТО. Политика Североатлантического союза в вопросах обеспечения безопасности должна была строиться на основе сотрудничества с другими структурами и учреждениями (ООН, ОБСЕ и т.п.). Для этого требовалась система усиливающих друг друга институтов, сводящая вместе усилия стран Европы и Северной Америки в систему взаимосвязанных и поддерживающих друг друга структур. Поэтому перед Североатлантическим союзом ставилась задача работать над созданием новой архитектуры европейской безопасности, предполагающей достижение этой цели посредством увязывания задач НАТО, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Европейского союза (ЕС), Западноевропейского союза (ЗЕС) и Совета Европы (СЕ). Важная роль также отводилась другим региональным структурам сотрудничества: в Балтийском море, Черном море и Средиземноморье. Использование международных организаций открывало, по мнению руководства НАТО, серьезные перспективы для предотвращения конфликтов, которые могли возникнуть в связи с экономическим неравенством и воинственным национализмом отдельных этнических групп и религиозных конфессий.

Налаживание тесных контактов структур НАТО с Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе наметилось еще в 1980-х гг. Это сотрудничество способствовало принятию договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) и разработке мер доверия по предотвращению военных конфликтов на континенте. ОБСЕ было использовано для придания легитимности выхода НАТО за зону прежней ответственности в 1992 г., когда альянс поддержал миротворческую деятельность Организации. В июле 1992 г. эта инициатива блока была одобрена в Окончательном документе совещания ОБСЕ на высшем уровне.

В развитие римской Декларации о мире и сотрудничестве были предприняты шаги по расширению связей со странами, не входящими в блок. В декабре 1991 г. был учрежден Совет Североатлантического сотрудничества (ССАС). Он объединил на первых порах представителей стран Североатлантического альянса и девяти стран Центральной и Восточной Европы. В марте 1992 г. в ССАС вошли все члены Содружества Независимых Государств, а к июню того же года к ним присоединились Грузия и Албания [70].

Совет Североатлантического сотрудничества, по замыслу руководства альянса, был призван заложить основы будущей безопасности Европы. В рамках планируемых мероприятий предполагалась практическая помощь по решению достаточно трудных проблем переходного периода, участие в соответствующих структурах блока, а также передача опыта и знаний Североатлантического союза в области политических, военных, экономических и научных консультаций и сотрудничества. Особое же внимание уделялось проблемам, относящимся к безопасности, миротворчеству, контролю над вооружениями и разоружением, военному планированию и вооруженным силам, демократическим концепциям военно-гражданских отношений, конверсии военного производства, расходам на оборону и военным бюджетам, научному сотрудничеству и экологическим вопросам, связанным с обороной, распространению информации о НАТО в государствах-партнерах.

В марте 1992 г. на чрезвычайной сессии ССАС был принят рабочий план диалога, партнерства и сотрудничества с бывши-

ми странами Организации Варшавского Договора. А в апреле того же года состоялось первое совместное заседание военного комитета НАТО и министров обороны и начальников генеральных штабов стран Центральной и Восточной Европы. На нем были рассмотрены пути углубления диалога в рамках их полномочий. В дальнейшем сотрудничество в этой сфере стало осуществляться в ходе регулярных встреч на уровне министров обороны и Военного комитета НАТО. Параллельно с этими многосторонними встречами развивались двусторонние связи между министерствами обороны участников ССАС.

Следующим шагом в деятельности НАТО была инициатива по присоединению стран ССАС к новой программе сотрудничества с блоком, известной под названием «Партнерство ради мира» (ПРМ). Программа была призвана стать фундаментом безопасности в Евroatлантическом регионе и занять центральное место в продвижении блока к границам Российской Федерации. Активно включившиеся в работу программы «Партнерство ради мира» восточноевропейские страны помогли сторонникам экспансии НАТО трансформировать ПРМ из альтернативы расширению альянса в «предбанник» для будущих членов [71].

По своему составу ССАС практически полностью совпадал с Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Однако в нем преобладали страны — члены НАТО, и не было принципа консенсуса при принятии решений. Более того, руководство блока воспользовалось возможностями, чтобы через Совет Североатлантического сотрудничества наладить отношения со всеми партнерами России, особенно с учетом присутствия в его составе союзников Российской Федерации по СНГ и Ташкентскому Договору о коллективной безопасности. Это способствовало превращению Совета в своего рода «Совет Безопасности Европы» по типу Совета Безопасности ООН, который, согласно Уставу последней, уполномочен использовать военную силу для обеспечения мира и безопасности.

Решение о принятии в НАТО объединенной Германии стало первым и принципиально важным шагом на пути территориального расширения НАТО. Оно открывало путь к увеличению числа членов Североатлантического союза, в первую очередь, за счет стран Центральной и Восточной Европы, что впоследствии

Заседание в Штаб-квартире НАТО

получило название «продвижение НАТО на Восток». Его политическая составляющая была сформулирована в июне 1991 г. на совещании министров иностранных дел НАТО в Копенгагене. На ней было принято заявление о партнерстве со странами Центральной и Восточной Европы.

Инициативы руководства Североатлантического союза по расширению блока на восток нашли понимание у бывших союзников СССР. В октябре 1991 г. министры иностранных дел Польши, Венгрии и Чехословакии на встрече в Кракове заявили о желании своих стран включиться в деятельность НАТО. По странному стечению обстоятельств, в этих государствах наиболее сильно проявились антисоветские настроения: в 1956 г. произошли события в Венгрии, в 1968 г. — в Чехословакии, в 1980 г. — в Польше. Эта инициатива трех бывших союзников СССР нашла поддержку в декабре 1991 г. на сессии Совета Североатлантического сотрудничества с участием 16 стран НАТО и 9 государств Центральной и Восточной Европы.

Основным инструментом продвижения была избрана программа «Партнерство ради мира» (ПРМ), разработанная в США

осенью 1993 г. Появлению этой программы предшествовала массовая публичная кампания при активном участии З. Бжезинского и Г. Киссинджера за скорейшее расширение альянса [72].

В январе 1994 г. на сессии Североатлантического совета в Брюсселе была официально принята программа «Партнерство ради мира» (ПРМ). Целью этой инициативы стало «упрочение стабильности и безопасности во всей Европе» [73]. Программа предусматривала установление партнерских отношений с Североатлантическим союзом на сугубо индивидуальной основе. Прямым результатом реализации программы «Партнерство ради мира» стало вступление Венгрии, Польши и Чехословакии в Североатлантический союз.

Реализация программы «Партнерство ради мира» означала переход к двусторонним военным контактам с НАТО. Главное внимание в программе уделялось сотрудничеству, связанному с обороной. Программа была призвана стать важным и неотъемлемым элементом новой структуры европейской безопасности. В ее рамках Североатлантический союз брал на себя обязательство «проводить консультации» с любым активным партнером, если он будет усматривать прямую угрозу своей территориальной целостности, политической независимости или безопасности. В том же году была создана группа координации при штабе Верховного главного командования ОВС НАТО в Европе [74].

В рамках программы «Партнерство ради мира» между НАТО и Министерством Российской Федерации по гражданской обороне, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС) был подписан меморандум о сотрудничестве. Последующая работа принесла плоды, в частности был создан Евroatлантический координационный центр реагирования на стихийные бедствия и катастрофы и Евroatлантическое подразделение реагирования на стихийные бедствия и катастрофы.

Втягивание Российской Федерации в политический диалог не означало отказ от сохранения и совершенствования военной организации НАТО. В ходе зимних (1990 г.) заседаний высших органов Североатлантического союза была вновь подчеркнута приверженность НАТО ядерному «сдерживанию». Однако пла-

нировалось прибегнуть к нему в крайнем случае. В то время верховный главнокомандующий объединенных вооруженных сил НАТО считал, что вверенные ему войска могли обороняться без использования ядерного оружия только две недели¹. В коммюнике декабрьской (1990 г.) сессии Североатлантического совета указывалось, что «союз должен сохранить в обозримом будущем надлежащее сочетание ядерных и обычных вооружений в пределах минимума, совместимого с потребностями нашей безопасности» [75].

В Стратегической концепции НАТО 1991 г. подчеркивалась необходимость учета союзом глобального контекста безопасности. В ней отмечались широкомасштабные потенциальные угрозы, в том числе распространение оружия массового поражения и средств его доставки, нарушение притока жизненно важных ресурсов, террористические акты и саботаж, которые могли затронуть интересы Североатлантического союза в области безопасности. Присутствие ядерных сил США в Европе и их роль в обеспечении безопасности НАТО, по мнению руководства альянса, обеспечивали важные политические и военные связи между европейскими и североамериканскими членами союза. А ядерные силы в целом продолжают содействовать укреплению мира и стабильности в Европе. Их присутствие подчеркивает абсурдность большой войны в Евroatлантическом регионе и делает ее последствия непредсказуемыми и неприемлемыми. Успеха же в большой (мировой) войне невозможно добиться, используя лишь неядерные силы.

В концепции был поставлен вопрос о расширении «миссии» НАТО, что сопровождалось подменой понятия «обороны»². Речь уже шла не только о европейском континенте. Был выдвинут тезис о защите не территории, а интересов союзников. На практике это означало, что «альянс может взяться за проведение миротворческих операций на Кавказе или освобождать заложников в Северной Африке, но при этом не позволит втянуть себя в войну где-нибудь в Индокитае или Южной Америке» [76].

¹ Armed Forces Journal. 1988. March.

² Понятие «оборона» и прежде в американской официальной литературе трактовалось как «использование вооруженных сил в мирное и военное время по всему миру».

С военно-стратегической точки зрения расширение зоны ответственности НАТО диктовалось несколькими причинами.

Во-первых, с окончанием холодной войны и распадом СССР на огромном Евразийском пространстве создавался, с точки зрения руководства блока, «вакуум военной силы». В США и других государствах — членах НАТО не исключали возможности возрождения на обломках ОВД новой военно-политической организации, которая могла иметь пророссийскую и антинаговскую направленность [77].

Во-вторых, необходимо было исключить поиск Германией новых механизмов обеспечения ее восточных интересов.

В-третьих, альянс остался единственной в Европе военно-политической организацией коалиции государств. Соединенные Штаты же стремились не допустить возникновения на континенте независимых от НАТО международных военных структур.

В-четвертых, территориальное расширение по чисто психологическим мотивам после развала ОВД было единственным шансом для Североатлантического союза сохраниться. В Штаб-квартире НАТО в Брюсселе и в Белом доме в Вашингтоне понимали, что застой в развитии блока чреват его развалом при исчезновении основного противника в лице Советского Союза.

Среди первых шагов к отказу от чисто военного противостояния в Европе стало подписание 1 августа 1975 г. 35 главами государств и правительств Хельсинкского акта о сотрудничестве и безопасности в Европе. Перестройка в СССР привела к ликвидации одной из двух сторон военного противостояния — Организации Варшавского Договора, являвшейся военно-политическим союзом европейских стран социалистического лагеря. Наличие Хельсинкского акта, выполнение которого было возложено на Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), и роспуск одного из двух имевшихся военных блоков в Европе делали ненужным сохранение Североатлантического блока. На континенте не осталось военной силы, которая угрожала бы существованию Западной Европы.

Расширение миссии альянса в новых условиях увязывалось, прежде всего, с изменением характера вызовов и угроз

в XXI в. Снизилась вероятность мировых ракетно-ядерной и обычной войн. Но сохранились политическая и экономическая неустойчивость в большинстве регионов мира, в результате чего резко увеличилось количество региональных и внутренних конфликтов, приводящих к ограниченным войнам и внутренним и внешним вооруженным конфликтам. В свете этого была выдвинута идея предотвращения новых вызовов возможностью участия сил НАТО в миротворческих операциях. Препятствием на ее осуществлении было отсутствие консенсуса западноевропейских партнеров по вопросу о допустимости выхода за рамки Вашингтонского договора 1949 г. Еще в решении Римского саммита Североатлантического союза (ноябрь 1991 г.) прямо указывалось, что «ни одно из вооружений альянса никогда не будет применено с иной целью, нежели самооборона».

Преодолению возражений по расширению миссии НАТО способствовали решения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1992) и Совета Безопасности ООН (1994) по Югославии, принятые, в том числе, и при поддержке России. В них фактически санкционировалось применение сил альянса, хотя речь шла о конфликте на континенте, за пределами его зоны ответственности, и осуществление не свойственных прежде блоку задач. Эти события укрепили позиции сторонников экспансии в руководстве ведущих натовских держав, что, в свою очередь, в перспективе дало им возможность действовать за пределами официальной прежней миссии обороны континента явочным порядком, не ожидая решений иных международных организаций.

Практика выполнения решения Совета Безопасности ООН по Югославии вошла в практику миротворческих операций по принуждению к миру. Так, в 1991 г. после захвата иракскими войсками Кувейта именно по предложению Соединенных Штатов Совет Безопасности принял резолюцию 678 об использовании против Ирака военной силы. Гуманитарная операция в Сомали в 1993 г. превратилась также в коллективные действия ооновского воинского контингента по принуждению к миру многочисленных банд, участвовавших во внутреннем вооруженном конфликте. В докладе об уроках войны в Сомали прямо указывалось: «ООН

не готова обеспечить принуждение к миру, она обнаружила отсутствие опыта операций по его поддержанию».

Первым шагом на пути придания легитимности выходу НАТО за зону прежней ответственности стала сессия 26–27 мая 1992 г. Комитета военного планирования группы ядерного планирования на уровне министров обороны. На ней были рассмотрены вопросы поддержки миротворческих операций Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. 10 июля 1992 г. в Окончательном документе совещания Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе на высшем уровне были одобрены инициативы НАТО по поддержке миротворческих операций этой организации.

К началу 1990-х гг. началась реализация договоров о стратегических наступательных вооружениях (СНВ-1) и ракетах средней и малой дальности (РСДМ). 19 декабря 1990 г. был подписан Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). В результате были существенно ограничены возможности ведения мировой и ограниченной ядерной войны и развязывания мировой войны с применением обычных вооружений.

С ликвидацией Организации Варшавского Договора соотношение сил по обычным вооружениям в Европе резко изменилось в пользу Североатлантического альянса. Вооруженные силы бывших стран ОВД стали противниками армии и флота Российской Федерации. Большие сложности для России представили фланговые ограничения по развертыванию группировок войск, особенно в Северокавказском и Закавказском военных округах. В связи с этим на стамбульском саммите ОБСЕ 19 ноября 1999 г. было подписано Соглашение об адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе. Для вступления в силу адаптированного Договора была необходима его ратификация всеми государствами-участниками, что вызвало большие трудности. Параллельно с подписанием указанного Соглашения и в связи с ним на встрече ОБСЕ на высшем уровне в г. Стамбуле был принят Заключительный акт Конференции государств — участников Договора. К нему были приложены заявления четырех центральноевропейских государств — Венгрии, Польши, Чехии и Словакии о будущем понижении их территориальных предельных уровней (ТПУ), а также Белоруссии,

Германии и Украины — об отказе от использования механизмов, позволяющих увеличивать свои ТПУ, России — относительно сдержанности и использования договорных гибкостей в Калининградской и Псковской областях, Молдовы — об отказе принимать на своей территории иностранные обычные вооружения на условиях временного развертывания. К Заключительному акту прилагалось также российско-грузинское заявление, фиксирующее, в том числе, обязательства России относительно сокращения излишков российских вооружений и техники, ограничиваемых Договором (ОДВТ), и вывода (утилизации) ОДВТ, находящихся на российских военных базах в городах Вазиани, Гудауте и на ремонтных предприятиях в г. Тбилиси. Все названные политические обязательства являются частью пакета, формирующего единый режим обновленного Договора. Кроме того, вне рамок Договора государства — члены НАТО приняли обязательство политического характера: не размещать на постоянной основе свои существенные боевые силы на территориях новых членов альянса.

* * *

В 1980-е гг. на европейском континенте значительно снизилась напряженность. Опасность войны серьезно уменьшилась. Этому способствовало исключение из противостояния идеологической составляющей и принятие практических мер по ликвидации ядерных и обычных вооружений.

Вместе с тем отказ Соединенных Штатов признавать взаимозависимость стратегических наступательных вооружений и средств противоракетной обороны создает существенную неопределенность в определении параметров безопасности в мировой ракетно-ядерной войне. Складывающийся дисбаланс в обычных вооружениях на европейском континенте объективно повышает вероятность использования ядерного оружия в войне с обычными средствами поражения.

* * * *

Американская администрация в начале 1980-х гг. предприняла фронтальную атаку против СССР и его союзников в Восточной Европе и странах третьего мира. Но вскоре ведущие страны

Западной Европы отказались от участия в силовом давлении на социалистический лагерь. Для того чтобы ограничить опасность перерастания на континенте холодной войны в горячую, США под их давлением пошли на заключение Договоров РСМД и ДОВСЕ.

Советский Союз для противодействия силовому давлению использовал огромные средства. Это привело к истощению моральных и материальных ресурсов. На этом фоне к власти в КПСС пришли реформаторы. Они отказались от идеологической составляющей противостояния с капиталистическим миром и взяли курс на политическое маневрирование. В результате был потерян контроль над восточноевропейскими социалистическими странами, были выведены войска из Афганистана, распался СССР. Встал вопрос о создании на европейском континенте новой архитектуры безопасности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Какие же выводы можно сделать на основании такого краткого анализа истории холодной войны? Как показывает печальный опыт нашего недалекого прошлого, у политиков послевоенной формации в оценке международных отношений одержали верх геополитические интересы, амбиции, идеологические предубеждения, расчет на силу как важнейший фактор регулирования международных отношений. За пороки такой взрывоопасной политики человечеству пришлось заплатить слишком большую цену, чтобы не извлечь уроков на будущее. Главный из них — поиск взаимоприемлемых решений должен стать перманентным процессом, постоянно действующим фактором международных отношений. К сожалению, с окончанием холодной войны привычки, традиции, психология тех лет не сгнули бесследно. Рудименты холодной войны и сегодня, при радикально изменившемся мышлении, все еще дают о себе знать.

Важнейший результат холодной войны состоит и в том, что суровые реалии ядерного века требуют противопоставить военно-техническому иррационализму идею безопасности, равной для всех. При отсутствии конфронтации между государствами ядерного клуба избыточные арсеналы современных вооружений нуждаются в сокращении до разумного уровня, адекватного существующей угрозе (несанкционированное применение ядерных ракет, появление новых ядерных государств с экстремистскими режимами и т.п.). Возникает проблема соз-

дания глобальной системы предотвращения войны на основе всеобщей, взаимной и равной безопасности.

К характерным проявлениям холодной войны относятся:

- острое политическое и идеологическое противостояние между коммунистической и капиталистической системами, охватившее практически весь мир;
- создание системы военных союзов (НАТО, Организация Варшавского Договора, СЕАТО, СЕНТО, АНЗЮС, АНЗЮК) и разветвленной сети военных баз (в первую очередь, США) на территории иностранных государств;
- форсирование гонки вооружений и военных приготовлений и резкий рост военных расходов;
- периодически возникающие международные конфликты и кризисы (Берлинский кризис, Корейская война, Карибский кризис, Вьетнамская война, война в Афганистане);
- негласный раздел мира на «сферы влияния» советского и западного блоков, внутри которых молчаливо допускалась возможность интервенции с целью поддержания удобного тому или иному блоку режима (Венгрия, Чехословакия, Гренада и т. д.);
- ведение массовой «психологической войны», целью которой была пропаганда собственной идеологии и образа жизни, а также дискредитация в глазах населения «вражеских» стран и третьего мира, официальной идеологии и образа жизни противоположного блока. С этой целью активно использовалось нагнетание классовых, расовых, национальных противоречий.

К урокам холодной войны можно было бы отнести следующие:

- вооруженное насилие как средство урегулирования глобальных или региональных конфликтов не является неизбежным;
- сдерживающую роль сыграло наличие у противоборствующих сторон ядерного оружия и понимание того, каким может стать мир после ядерного конфликта;
- ход развития конфликтов тесно связан с личными качествами конкретных лидеров (Сталин и Гарри Трумэн, Михаил Горбачев и Рональд Рейган);

- военная мощь имеет существенное, но не решающее значение; в эпоху национализма и информационной революции управлять враждебно настроенным населением оккупированной страны невозможно;
- в этих условиях гораздо большую роль приобретает экономическая мощь государства и способность экономической системы приспосабливаться к требованиям современности, способность к постоянным инновациям;
- возрастание роли союзников и использования пропаганды и агитации для их привлечения.

Основным содержанием холодной войны была гонка ядерного вооружения как средства вначале — достижения военного превосходства, а затем сдерживания мировой ядерной войны. Если Советский Союз первые годы отставал от Соединенных Штатов (преимущественно в количественных показателях), то к 1960-м гг. положение выровнялось, а по суммарной мощности зарядов советские вооруженные силы начали превосходить соперников.

СССР принял вызов и включился в гонку ракетно-ядерных вооружений, играя, по существу, на чужом поле, что неизменно вело к перманентной «гонке за лидером» — США — и в конечном счете подорвало советскую экономику. Соединенные Штаты, стремясь нарушить стратегический паритет, делали ставку на новейшие военные технологии. Но создание такого ракетно-ядерного потенциала оказалось непосильным бременем для советской экономики.

В то же время совершенствование и автоматизация вооружений увеличивали опасность несанкционированного, случайного возникновения ядерной войны. В условиях обостренной политической ситуации начала 80-х гг. это было крайне опасно. И только тогда, стоя на краю ядерной пропасти, политики Востока и Запада прислушались к мнению ученых и специалистов, голосу общественности, начался конструктивный диалог между СССР (а затем Россией) и США. Он привел к соглашению 1987 г. о ликвидации ядерных ракет средней и меньшей дальности, подписанию договоров СНВ-1 и СНВ-2. Но и до настоящего времени сохраняется опасность перенести гонку вооружений в космос и сделать бессмысленными договоренности о сокра-

щении стратегических ядерных вооружений развертыванием глобальных систем противоракетной обороны.

Предотвращение мировых ракетно-ядерной и обычной войн не избавило человечество от ограниченных, повстанческих и партизанских войн и вооруженных конфликтов. В них гибнут тысячи военнослужащих и миллионы мирных жителей. В них терпели поражение самые оснащенные армии в мире, а победа в них немыслима без поддержки населения.

ЛИТЕРАТУРА

Литература к главе 1 «Преддверие холодной войны»

1. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1978. Т. II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.).

2. Трухановский В.Г. Антони Иден. М., 1983.

3. Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. М., 1989.

4. Зимонин В.П. Тегеранская конференция: восточный аспект // Военная мысль. 2004. № 1.

5. Орлов А.С. Военная стратегия и военная политика (К 60-летию Тегеранской конференции 1943 года) // Военная мысль. 2003. № 11.

6. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1984. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.).

7. Зимонин В.П. Регион в огне. Узловые проблемы войны на Тихом океане. М., 1993.

8. Славинский Б.Н. Ялтинская конференция и проблема «северных территорий». М., 1996.

9. *Иванян Э.А.* История США. М., 2006; Краткая история США / Под. ред. *И.А. Алябьева, Е.В. Высоцкой, Т.Р. Джум, С.М. Зайцева, Н.П. Зотникова, В.Н. Цветкова.* Минск, 2003; *Широкоград А.Б.* Дальневосточный финал. М., 2005; *Шофилд Б.* Арктические конвои. Северные морские сражения во Второй мировой войне. М., 2003; *Темиров Ю.Т., Донец А.С.* Война. М., 2005; Стеттиниус Э. Ленд-лиз — оружие победы. URL: <http://militera.lib.ru/memo/usa/stettinius/index.html>; *Морозов А.* Антигитлеровская коалиция в годы Второй мировой войны. Роль ленд-лиза в победе над общим врагом. URL: <http://militera.lib.ru/pub/morozov/index.html>

10. История международных отношений и внешней политики СССР. М., 1986. С. 351, 352, 355; История дипломатии. Т. IV. М., 1975. С. 611.

11. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1978. Т. 3. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа — 28 сентября 1944 г.).

12. *Бережков В.М.* Конференция в Думбартон-Оксе и борьба СССР за единство великих держав // США: экономика, политика, идеология. 1984. №8. С. 71–78; *Израэлян В.Л.* Дипломатия в годы войны (1941–1945 гг.). М., 1985. 480 с. С. 298–308; *Лебедев И.В.* Конференция в Думбартон-Оксе и проблемы создания ООН/Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М.: Наука, 1995. С. 177–183.

13. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. М., 1984. Т. 1; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. С. 163–166.

14. Мировые войны XX века. Книга 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. См.: С. 616–618; Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1984. Т. 5: Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.): Сб. документов; История внешней политики СССР, 1917–1985. 5-е изд., перераб. и доп. М., 1986. Т. 1. См.: С. 503–508; Организация Объединенных Наций: история и вызовы современности / сост. *В.К. Алексеенко, О.В. Андреева.*

М., 2005. См.: С. 13, 17, 57; *Сиполс В.Я.* Великая Победа и дипломатия, 1941–1945. М., 2000. 382 с. См.: С. 296–300; 60 лет Организации Объединенных Наций / отв. ред. А.В. Торкунов. М., 2006. См.: С. 27, 28, 45.

15. *Орлов А.С.* Тайная битва сверхдержав. М., 2005.

16. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. II. С. 163–165; Тегеран-43: Взгляд 60 лет спустя. М., 2004. С. 10–14; Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1955. Т. 5. См.: С. 341–397.

17. *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. М., 2004.

18. *Мягков М.Ю.* Ялтинская конференция и территориально-политическое будущее послевоенной Европы / Ялта, Потсдам, Вторая мировая / гл. ред. В.И. Жуков. М., 2006.

19. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М.: Политиздат, 1986.

20. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Политиздат, 1978–1984. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. 17 июля — 2 августа 1945 г.

21. *Громько А.* Памятное. Кн. 1. М., 1990.

22. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. М.: Госполитиздат, 1947. Т. 3. С. 273–281.

23. *Висков С.И., Кульбакин В.Д.* Союзники и «германский вопрос» (1945–1949 гг.). М.: Наука, 1990. С. 46–51; *Mai G.* Der Alliierte Kontrollrat in Deutschland 1945–1948. Munchen, 1995. 540 S. АВП РФ. Ф. 0455. Оп. 1. П. 13. Д. 46. Л. 44–46.

24. *Зимонин В.П.* Последний очаг Второй мировой войны. М., 2002.

25. История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974. Т. II. С. 406, 407.

26. История Второй мировой войны 1939–1945. М., 1980. С. 262–263.

27. *Зимонин В. П.* Эволюция военной доктрины Страны восходящего солнца. М., 1993. С. 85–86.

28. См.: *Черчилль У.* Вторая мировая война. Кн. 3 / Сокр. пер. с англ. М., 1991. С. 74; *Тутков А. Э.* Союзники-соперники (К истории антигерманского союза СССР с США и Великобританией в 1941–1945 гг.) // Советская внешняя политика, 1917–1945 гг. Поиски новых подходов. М., 1992. С. 308–310.

29. *The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt.* Ed. By S. I. Roseman. 1944–1945. New York, 1950. P. 405–406; *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. P. 428–429.

30. Очерки истории российской внешней разведки. М., 1999. Т. 4. С. 592–593; *Laloy J.* Yalta: hier, aujourd'hui, demain. Paris, 1988. P. 25–26.

31. *Сванадзе Л. Н.* Великобритания: консерваторы и проблемы послевоенного развития, 1945–1955. М., 1984.

32. *Лан В. И.* США в военные и послевоенные годы. М., 1978.

33. *Черчилль У.* Вторая мировая война. Кн. 3 / Сокр. пер. с англ. М.: Воениздат, 1991.

34. *Эйзенхауэр Д.* Во главе союзных войск // Вторая мировая война в воспоминаниях. М., 1992.

35. *Тутков А. Э.* Союзники-соперники (К истории антигерманского союза СССР с США и Великобританией в 1941–1945 гг.) // Советская внешняя политика, 1917–1945 гг. Поиски новых подходов. М., 1992.

36. *Кынин Г., Морозова И.* Капитуляция германских вооруженных сил // Международная жизнь. 1995. N 4–5. С. 37–46; *Лебедева Н. С.* Безоговорочная капитуляция агрессоров. С. 274–276, 279; *Погью Ф. С.* Верховное командование. М., 1959. С. 496–498.

37. *Мальков В. Л.* «Манхэттенский проект». М., 1995. С. 13.

38. *Александров А. П.* Как делали бомбу // Известия. 1988. 22 июля.

39. *Чиков В.* Операция «Энормоз» // Новая газета. 1999. № 31. С. 10–11.

40. *Орлов А. С.* «Чудо-оружие»: обманутые надежды фюрера. Смоленск, 1999. С. 280.

41. *Зимонин В. П.* Победная точка во Второй мировой войне. М., 2005.

42. Кошкин А. Японский фронт маршала Сталина. М., 2004.
43. Овчинников В. Горячий пепел. М., 1984.
44. Трофименко Г. США: политика, война, идеология. М., 1976.
45. The War Reports of General of the Army George C. Marshal. N. Y., 1997. P. 299.
46. Война 1941–1945: Факты и документы/Е. Кульков, М. Мягков, О. Ржешевский. М., 2001.
47. Орлов А. С. В поисках «абсолютного» оружия. М., 1989.
48. Правда и ложь о Второй мировой войне. М., 1983.
49. Караганов С. А., Трофименко Г. А., Шейн В. С. США — диктатор НАТО. М., 1985.
50. Пихоя Р. Г. Под знаком Сталина. М.: Русь-Олимп, 2009. С. 170–171; Irwin M. W. The United States and the making of post-war France, 1945–1954.
51. The National Security Adviser: Role and Accountability. Senate Committee on Foreign Relations. Wash., 1980, April 17. P. 54–55, 65; Conainment... Op. cit. P. 4–8; Central Organizations of Defense/М. Edmonds. Boulder (Colo.), 1985. P. 205.
52. Korb L. J. The Joint Chiefs of Staff. Bloomington (Indiana). 1976. P. 129.
53. Defense Documents on Establishment and Organization, 1944–1978/A. C. Cale, A. Goldberg, S. A. Tucker, R. A. Winnaker. Wash., 1978. P. 87–97, 114, 155–157.
54. Department of Defense Annual Report for FY 1963. Wash., 1964. P. 32; Planning U. S. Security/Ph. S. Kronenberg. Wash, 1981. P. 113–119.
55. Доклад министра обороны США К. Уайнбергера конгрессу о военном бюджете на 1987 фин. г., предложения по бюджету на 1988 фин. г. и о программах военного строительства на 1987–1991 фин. гг. М., 1986.
56. The Dynamics of World Power. A Documentary History of United States Foreign Policy 1945–1973. Vol. 2. N. Y., 1973. P. 210–217.
57. Внешняя политика Советского Союза, 1946 г.: Документы и материалы. М., 1952.

58. *Sherry M.S.* Preparing for the Next War: American Plans for Postwar Defense. — New Haven, 1977. P. 213.
59. First Report of the Secretary of Defense. Washington, 1948. P. 13.
60. Department of Defense Dictionary of Military and Associated Terms. Wash., 1974. P. 222.
61. The War Reports of General of the Army George C Marshall. N. Y., 1997. P. 299, 171.
62. *Орлов А.С.* Секретное оружие третьего рейха. М., 1975. С. 10–11.
63. Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950/Eds.Th. E. Etzold, J.Z. Gaddis. N. Y., 1978. P. 176.
64. *Herken G.* The Winning Weapon. N. Y., 1980. P. 343.
65. *Rosenberg D.A.* U. S. Nuclear Stockpile 1945–1950 (Bulletin of the Atomic Scientists, 1982. May. P. 26.
66. Journal of American History. 1979. May. P. 62–66.
67. *Rosenberg D.* American Atomic Strategy and Hydrogen bomb Decision // Journal of American History. 1979. May. P. 65–68.
68. *Черчилль У.* Фултонская речь // Бертран Рассел и Уинстон Черчилль. М., 1998. С. 470.
69. *Прозектор Д.М.* Мировые войны: судьбы человечества. М., 1986. С. 141.
70. Правда и ложь о Второй мировой войне. М., 1983. С. 295.
71. First Report of the Secretary of Defense. Wash., 1948. P. 9–11, 33; Defense Documents on Establishment and Organization, 1944–1978/A.C. Cale, S.A. Tucker, R.A. Winnacker. Wash., 1978. P. 280–283.
72. Drop Shot. The United States plan for War with the Soviet Union in 1957. Ed. by A Brown. N. Y., 1978. P. 47.
73. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. (далее — Frus). 1950/Vol. 1. National Security Affairs: Foreign Economic Policy. Wash., 1977. P. 253.
74. The Department of States Bulletin. Wash., 1950, Jan. 23. P. 116.
75. *Бабаков А.А.* Вооруженные силы СССР после войны (1945–1986 гг.). М., 1987. С. 29, 35.

76. *Коккошин А.А.* Армия и политика. М., 1995. С. 207.
77. *Kissinger H.* Nuclear Weapons and Foreign Policy. N. Y., 1957. P. 372.
78. Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. М., 1949. С. 9.
79. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 15. Оп. 169156. Д. 8. Л. 12, 13–14.
80. *Черток Б.Е.* Ракеты и люди. М., 1995. С. 301.

Литература к главе 2 «Начало холодной войны»

1. *Леонтьев А.* Атлантический пакт — орудие поджигателей войны. М., 1952.
2. *Воронцов Г.А., Уткин А.И.* Атлантические союзники: новые тенденции в соперничестве. М., 1983.
3. *Караганов С.А., Трофименко Г.А., Шейн В.С.* США — диктатор НАТО. М., 1985.
4. США и НАТО: источники военной угрозы. М., 1979.
5. U.S. News and World Report. 1993. March 15. P. 46.
6. *Lippman W.* The Baltic Affair // Washington Post. 1950. April 24.
7. Сухопутные войска капиталистических государств. М., 1980. С. 15.
8. Монтгомери о характере будущей войны// «Военная мысль». 1955, № 3. С. 78–80.
9. НАТО. Справочник. Брюссель 1988. С. 23.
10. *Kaplan L.S.* A Community of Interests: NATO and the Military Assistance Program, 1948–1951. Washington, 1980. P. 35–49.
11. *Riekhoff von H.* NATO: Issues and Prospects. Toronto (Ontario), 1967. P. 19.
12. *Владимиров С., Теплов Л.* Варшавский договор и НАТО: два курса, две политики. М., 1979.
13. *Strachan A.* European Armies and Conduct of War. London, 1983. P. 194.
14. *Хлопов В.* О некоторых современных военных теориях США // Военная мысль. 1954. № 1.

15. *Ефремов А. Е.* Европейская безопасность и кризис НАТО. М., 1975.
16. *Кузнецов В.* Европа безъядерная или сверхъядерная. М., 1984.
17. *Riekoff Н.* NATO: issues and Prospects. Ottawa, 1967. P. 8.
18. *Симолян Р.* «Ядерный порог» в стратегии НАТО // Военный зарубежник. 1970. № 6.
19. *Ивлев С. Н.* Оперативная и боевая подготовка объединенных вооруженных сил НАТО в 1981 году // Военная мысль. 1986. № 21.
20. *Валерин В.* Мобильные силы НАТО // Зарубежное военное обозрение. 1991. № 8.
21. *Митяев В. Г.* Ядерная политика США в НАТО. М., 1973.
22. *Орлов А. С., Гаврилов В. А.* Тайны корейской войны. М., 2003.
23. *Cummings В.* The Origins of the Korean War. У. 11. Princeton, 1990. P. 643–644.
24. Центральный архив министерства обороны (далее — ЦАМО) РФ. Коллекция документов. Д. 122. Л. 168–171.
25. ЦАМО РФ. Коллекция документов. Д. 122. Л. 193–194.
26. АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 346. Л. 143–144.
27. АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 334. Л. 82.
28. АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 334. Л. 79.
29. АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 334. Л. 85.
30. ЦАМО РФ. Коллекция документов. Д. 122. Л. 303–305.
31. ЦАМО РФ. Коллекция документов. Д. 122. Л. 621–623.
32. ЦАМО РФ. Коллекция документов. Д. 17. Л. 126.
33. ЦАМО РФ. Коллекция документов. Д. 125. Л. 86–88.
34. АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 347. Л. 46–49.
35. АП РФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 827. Л. 91–93.
36. АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 347. Л. 72–73.
37. АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 334. Л. 97–98.
38. АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 334. Л. 105–106.
39. АП РФ. Ф. 45, оп. 1. Д. 347. Л. 41–45.
40. АП РФ. Ф. 45, оп. 1. Д. 334. Л. 110–111, 126.
41. ЦАМО РФ. Коллекция документов. Д. 121. Л. 712–713.
42. АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 334. Л. 110–111, 126.

43. *Hunt M.H.* Beijing and the Korean Crisis. June 1951 // *Political Science Quarterly*. V. 107. 1992. N 3. P. 463.
44. АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 335. Л. 1–2.
45. *Hunt N.* Op. cit. P. 465–467.
46. АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 347. Л. 72–73.
47. АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 347. Л. 90–91.
48. АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 348. Л. 12–13.
49. АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 339. Л. 93–94.
50. АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 339. Л. 95–96.
51. АВП РФ. 0102. Оп. 7. П. 32. Д. 65. Л. 27–28.
52. АП РФ Ф-45. Оп. 1. Д. 341. Л. 86–88.
53. АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 341. Л. 89.
54. АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 341. Л. 91.
55. *Волохова А.А.* Исторические уроки Паньмыньчжона // *Проблемы Дальнего Востока*. 2000. №2. С. 96–110.
56. АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 348. Л. 65–68.
57. АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 343. Л. 72–75.
58. АП РФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 830. Л. 60–71.
59. АП РФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 830. Л. 137–138, 146–147.
60. АП РФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 630. Л. 150.
61. АП РФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 830. Л. 170–171.
62. АП РФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 803. Л. 168.
63. *United States Air Force in Korea. 1950–1953.* New York, 1961. P. 644.
64. *Стюарт Дж.* Воздушная мощь — решающая роль в Корее. М., 1959. С. 8.
65. ЦАМО РФ. Коллекция документов. Д. 16. Л. 4–5.
66. ЦАМО РФ. Коллекция документов. Д. 16. Л. 137–139.
67. ЦАМО РФ. Коллекция документов. Д. 16. Л. 131.
68. *Futrell Robert.* The United States Air Force in Korea 1950–1953. Revised Edition Office of Air Force History United States Air Force. Wash., 1983. P. 223.
69. ЦАМО РФ. Коллекция документов. Д. 95. Л. 138.
70. ЦАМО РФ. Коллекция документов. Д. 95. Л. 138–139.
71. АП РФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 828. Л. 140–142.
72. ЦАМО РФ. Коллекция документов. Д. 123. Л. 28–31.
73. ЦАМО РФ. Коллекция документов. Д. 85. Л. 182–183.
74. ЦАМО РФ. Коллекция документов. Д. 134. Л. 84–144.

75. ЦАМО РФ. Коллекция документов. Д. 85. Л. 182–192.
76. Стародымов Н. Откуда у парня китайская грусть? // Авиация и космонавтика. 1993. № 1. С. 31.
77. ЦАМО РФ. Коллекция документов. Д. 106. Л. 44.
78. ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 3139. Д. 125. Л. 13.
79. ЦАМО РФ. Ф. 64 иак. Оп. 174045. Д. 186. Л. 21–32.
80. ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 3139. Д. 157. Л. 296–298.
81. ЦАМО РФ. Коллекция документов. Д. 186. Л. 21–32.
82. ЦАМО РФ. Коллекция документов. Д. 157. Л. 280–283.
83. ЦАМО РФ. Коллекция документов. Д. 186. Л. 21–32.
84. Пепеляев Е.Г. «МиГи» против «Сейбров». Воспоминания летчика. М., 2000. С. 91.
85. ЦАМО РФ. Коллекция документов. Д. 73. Л. 22–69.
86. АП РФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 829. Л. 8–12.
87. Война в Корее. 1950–1953. СПб., 2000. С. 563.
88. ЦАМО РФ. Коллекция документов. Д. 168. Л. 145–149.
89. ЦАМО РФ. Коллекция документов. Д. 134. Л. 67–83.
90. ЦАМО РФ. Коллекция документов. Д. 134. Л. 84–144.
91. Новая и новейшая история. 1998. № 4. С. 137.
92. Гриф секретности снят. М., 1993. С. 395, 695; Futrell R. The United States Air Force in Korea 1950–1953. Revised Edition Office of Air Force History United States Air Force. Wash., 1983. P. 692.
93. Newhouse J. The Nuclear Age. From Hiroshima to Star wars. L., 1989. P. 84.
94. Futrell R.E. The United States Air Force in Korea 1950–1953. Wash., 1983. P. 241.
95. Truman H. Memoirs. Vol. 2. N. Y., 1956. P. 382.
96. Вооруженная борьба народов Азии за свободу и независимость. М., 1984. С. 139.
97. Lashmar P. Spy flights of the Cold War. Gloucestershire, 1998. P. 41.
98. Военная мысль. 1954. № 1. С. 75–76; Военный Зарубежник. 1961. № 11. С. 67.
99. Eisenhower D.D. The White House Years. Mandate for Change, 1953–1956. London, 1963. P. 446–447.
100. U.S. Naval Institute Proceedings. 1955, March. P. 252–253.
101. Военная мысль. 1955. № 10. С. 56–60.

102. *MacCloskey M.* The United States Air Force. New York. 1967. P. 79–80.
103. National Military Command Structure. Wash., 1978. P. 9, 13–16.
104. First Report of the Secretary of Defense. Wash., 1948. — P. 6; *Ulanoff S.M.* MATS: the Story of the Military Air Transport Service/New York. 1964. P. 12.
105. *Мухайлов Г.А., Орлов А.С.* Тайны «закрытого» неба // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 100.
106. *Mataxis Th. C., Goldberg S.L.* Nuclear Tactics. Harrisburg (Pennsylvania). 1958. P. 32–41, 104–123.
107. Центральный военно-морской архив. Ф. 14. Оп. 52. Д. 254. Л. 27–28.
108. Ракетное оружие капиталистических стран. М., 1967. С. 38.
109. *Хрущев С.Н.* Никита Хрущев: кризис и ракеты. Кн. 1. М., 1994. С. 160.
110. *Бабаков А.А.* Вооруженные силы СССР после войны (1945–1986 гг.). М., 1987.
111. *Батицкий П.Ф.* Войска противовоздушной обороны страны. М., 1977. С. 45–46.
112. *Горшков С.Г.* Морская мощь государства. М., 1976. С. 277–278.
113. *Черток Б.Е.* Ракеты и люди. М., 1995. С. 301.
114. Aircraft, Strategy and Operations of the Soviet Air Force. L., 1986. P. 65.
115. *Сахаров А.Д.* Воспоминания // НГ-Наука. 1997. № 1.
116. Россия делает сама. М., 1994. С. 139.
117. *Сахаров А.* Воспоминания. 1953 год // Знамя. 1990. N 12.
118. Правда, 1957. 28 августа; Черток Б.Е. Ракеты и люди: Фили, Подлипки, Тюратам. М., 1996. С. 143, 156.
119. Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. М., 1949. С. 9.
120. Центральный военно-морской архив. Ф. 14. Оп. 52. Д. 254. Л. 27–28.
121. The Quarterly Journal of Military History. Spring 1997. №3. P. 34.

122. *Beschloss M.* Mayday. The U-2 Affair. N. Y., 1986. P. 83–84.
123. *Росock Chris.* Dragon Lady. The History of the U-2 Spy-plane. Shrewsbury. 1989. P. 204–205.
124. *Орлов А. С.* «Горячий» фронт «холодной войны» // Геополитика и безопасность. 1994. № 2. С. 18.
125. Лицом к лицу с Америкой. М., 1960. С. 440.
126. *Rykowski Z, Wtadyka W.* Polska Proba: Pazdziernik 56. Krakow, 1989. S. 85–89.
127. *Poznanski Czerwiec 1956.* Wyd. 2. Poznan, 1990. S. 122–123.
128. Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1999. № 4. С. 75.
129. Архив Президента РФ. Особая папка. Запись беседы Хрущева в Варшаве. С. 233.
130. АВП РФ. Ф. 1022. Оп. 40 (1956 г.). П. 336. Д. 10. Л. 108.
131. *Венко P.* Adalekok a politikai rendszer restauraciojához Magyarorszagon 1956 es 1958 kozott // Multunk. 1990. 1 sz. 113 old.
132. *Litvan Gy.* A Nagy Imre — per politikai hattere. Vilagossag. 1992. 10SZ — 745 old.
133. Военно-исторический журнал. 1993. № 10. С. 24–25.
134. *Hajdu T.* Az 1956. Oktober 24-i moszkvai ertekezlet // 1956-os Intezet Evkonyve, I. 1992. Budapest, 1992. 152–153 old.
135. A forradalom hangia. Magyarorszagi radioadasok 1956. Oktober 23 — November Budapest, 1989. 72 old.
136. Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса. М., 1993. С. 11–12, 94.
137. Политические кризисы и конфликты 50–60-х годов в Восточной Европе. М., 1993. С. 85, 89.
138. *Hajdu T.* 1956 nemzetkozi hattere // Tarsadalmi Szemle. 1989. 8–9 sz. 41–43 old.
139. Jalta es Szuez kozott. Budapest, 1989; 1956-os Intezet Evkonyve, I. 1993. Budapest, 1993. 40–41 old.
140. *Штпраус Ф.-Й.* Воспоминания. М., 1991. С. 302–303.
142. А «Jelkin-dosszie». Szoiet documentumek 1956-rol. Budapest. 1993. 73 old.
143. А Magyar Forradalmi Munkas-Paraszt Kormany kozerdeku rendelete. Budapest, 1956. 1–3 old.

144. *L.A. Ch. Fry taviratai a brit kulugyminiszteriummak // Tarsadalmi Szemle. 1991. I. sz. 71–72 old.*

145. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 397.

146. *Кыров А.М. Десантники в операции «Дунай». М., 1995. С. 112–113.*

Литература к главе 3 «Борьба за третий мир»

1. *Kennedy J.F. To Turn the Tide. N. Y., 1962. P. 67.*

2. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. М., 2000.

3. Док. OOH S/336/Rev. 1 // Совет Безопасности. Официальные отчеты. Второй год. Особое дополнение № 1. ООН. Нью-Йорк, 1947.

4. *Шепова Н.Я. Миротворчество как способ предотвращения и урегулирования современных вооруженных конфликтов // Отечественные записки. 2005. № 5. С. 173.*

5. *The Blue Helmets: A Review of United Nations Peace-keeping. 2-nd ed. UN. N. Y., 1990. P. 4.*

6. *United Nations Peace-keeping. UN. New York. 1993. P. 6.*

7. ООН и поддержание международного мира/Под ред. Р.М. Тимербаева. М., 1974. С. 24–30.

8. Военное искусство в локальных войнах и вооруженных конфликтах. М., 2008. С. 634–635.

9. *Cummings B. The Origins of the Korean War. Y. 11. Princeton, 1990. P. 643–644.*

10. Государства НАТО и военные конфликты. С. 170.

11. Вооруженная борьба народов Африки за свободу и независимость. М., 1974. С. 206.

12. *Хрущев С.Н. Никита Хрущев: кризисы и ракеты. М., 1994. Т. 1. С. 142.*

13. Амброз Стивен. Эйзенхауэр: солдат и президент. М., 1993. С. 384–385.

14. *Love K. Suez. The Twice-Fought War. N. Y., 1969. P. 492.*

15. *Marshall S. Sinai Victory. N. Y., 1968. P. 25–28.*

16. *Intervia*; 1967. № 4; Медведко Л.И. К Востоку и Западу от Суэца. М., 1980. С. 30.
17. *Ovendale R.* The origin of the Arab-Israeli Wars. London, 1983. P. 160.
18. *Eisenhower D.* Waging Peace 1956–1961. N. Y., 1965. P. 86–88.
19. *Тимоненков Р.П.* Деятельность командования воздушных перевозок ВВС США в локальных войнах 70–90-х годов XX века. М., 2005. С. 26.
20. Основные законодательные акты Кубинской республики. М., 1962. С. 184–186.
21. *Листов В., Жуков Вл.* Тайная война против революционной Кубы. М., 1966. С. 201.
22. Program Review by Brigade General E. G. Landsdale. January 18, 1962. The Cuban Project. P. 4; Garthoff R.L. Reflections on the Cuban Missile Crisis. Wash., 1989. P. 7–8; *Detzer D.* The Brink: Cuban Missile Crisis, 1962. Lnd., 1980. P. 33–34.
23. Program Review by Brigade General E. G. Landsdale. January 18, 1962. The Cuban Project. P. 7.
24. CINCLANT Historical Account of Cuban Crisis. The Atlantic Command, Headquarters. Norfolk, 1963. P. 17–23.
25. Стратегическая операция «Анадырь». Как это было/Под общ. ред. В.И. Есина. М., 2000. С. 72.
26. *Громыко А.А.* О гласности теперь и скрытности тогда // Известия. 1989. 15 апр.
27. Архивы Кремля. Президиум ЦК КПСС. М., 2004. С. 555.
28. *Грибков А.И.* Операция «Анадырь». М., 1999. С. 287.
29. *Добрынин А.* Сугубо доверительно. М., 1997. С. 60.
30. Архив Кремля. Президиум ЦК КПСС 1954–1964. М., 2003. С. 556; *Грибков А.И.* Операция «Анадырь». М., 1999. С. 287.
31. The Kennedy Tapes. Ed. by Ernest R. May and Philip D. Zelikov., Cambridge, Mass, 1997. P. 207.
32. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 30. Д. 401. Л. 92; Немеркнущая слава: от воинов-интернационалистов до миротворцев. М., 2004. С. 259.
33. Архив внешней политики РФ. Оп. 17. Д. 6г. Л. 35.
34. *Sorensen Th.C.* Kennedy, el Hombre, el Presidente. Barcelona. 1966. Tomo 2. P. 991.

35. Department of State Bulletin. 1962. September 24. P. 450; The Cuban Crisis of 1962: the Selected Documents and Chronology. Ed. by Larson D.L. Boston, 1963. P. 3.

36. Архив Историко-архивного и военно-мемориального центра Генерального штаба ВС РФ. Ф. 16. Оп. 3753. Д. 1. К. 3573. Л. 44, 47.

37. The Cuban Crisis of 1962: the Selected Documents and Chronology. Ed. by Larson D.L. Boston. 1963. P. 16–17.

38. *Detzer D.* The Brink: Cuban Missile Crisis, 1962. London, 1980. P. 114.

39. Архив Историко-архивного и военно-мемориального центра Генерального штаба ВС РФ. Ф. 16. Оп. 3753. Д. 1. К. 3573. Л. 168–169.

40. Цит. по: *Garthoff R.L.* Reflections on the Cuban Missile Crisis. Wash., 1989. P. 27.

41. Архив внешней политики РФ. Оп. 17. Д. 6г. Л. 51–59.

42. *Фурсенко А., Нафтали Т.* Адская игра. М., 1999. С. 260–261, 269, 281, 290–291, 371.

43. *Garthoff R.L.* Reflections on the Cuban Missile Crisis. Wash., 1989. P. 28.

44. *Громыко А.* Внешняя политика США: уроки и действительность 60–70-е годы. М., 1978. С. 77–78.

45. *Peligros y Principios. La Crisis de Octubre desde Cuba.* La Habana, 1992. P. 101.

46. Архив внешней политики РФ. Оп. 17. Д. 6г. Л. 147; *Peligros y Principios. La Crisis de Octubre desde Cuba.* La Habana, 1992. P. 103.

47. Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 23. Оп. 28918. Д. 58. Л. 395.

48. Архив Историко-архивного и военно-мемориального центра Генерального штаба ВС РФ. Д. 1759 (приложение). Порт. 2.

49. Chronology of JCS... Op. cit. P. 5; Memorandum for the Special Group (Augmented). October 11. 1962. P. 1.

50. *Detzer D.* The Brink... Op. cit. P. 94; *Leighton R.M.* The Cuban Missile Crisis... Op. cit. P. 25.

51. *Daniel J., Hubbell J.G.* Strike in the West the Complete Story of Cuban Crisis. New York. 1963. P. 62–64.

52. Язов Д. Карибский кризис. М., 2006. С. 67.
53. Путилин Б.Г., Шепова Н.Я. На краю пропасти (Карибский кризис 1962 года). М., 1994. С. 90.
54. Гриневич Э.А., Гвоздарев Б.И. Вашингтон против Гаваны. М., 1982. С. 70.
55. Problems of Communism. 1992. Spring. Vol. XLI. P. 30.
56. Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 23. Оп. 28918. Д. 58. Л. 666.
57. Mensaje del Premier Sovietico Nikita S. Jrushev al Premier Cubano Fidel Castro Ruz, tl 23 de Octubre de 1962. Oficina de Asuntos Historicos del Consejo de Estado.
58. Castro Ruz Fidel. Comparecencia por la television y la radio nacionales. Martes 23 de Octubre de 1962/Noticias de Hoy. 1962. 24 de Octubre. P. 5.
59. Фурсенко А., Нафтали Т. Адская игра. С. 379; Архив президента РФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 905. С. 102–103; Язов Д. Карибский кризис. С. 169.
60. Chronology of JCS Decisions Concerning the Cuban Crisis. JCS. 21 December 1962. P. 42, 45, 46.
61. Leighton R.M. The Cuban Missile Crisis of 1962: F Case in National Security Crisis Management. Washington, 1978. P. 2.
62. Con la Razon Historica y la Moral de Baragua. 1962 Crisis de Octubre. Madan N., Gort A.R. La Habana. 1990. P. 14.
63. Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 23. Оп. 28918. Д. 58. Л. 706–707.
64. Архив Историко-архивного и военно-мемориального центра Генерального штаба ВС РФ. Ф. 16. Оп. 3753. Д. 1. К. 3573. Л. 16, 17, 19.
65. Архив внешней политики РФ. Ф. 104. Оп. 17. Д. 66. Л. 22; Д. 6г. Л. 144, 148; Источник. 2002. №5. С. 82.
66. Revista Politica Internacional. Primer trimestre de 1963. №1. P. 243.
67. Макнамара Р. Трагедия и уроки Вьетнама (пер. с англ.). М., 2004. С. 339.
68. Цит. по: Clodfelter M. The Limits of Air Power. New York, 1989. P. 40.
69. Johnson L.B. The Vantage Point. N. Y., 1973. P. 153.

70. *Stanton Sh.L.* Vietnam: Order of Battle. Wash., 1981. P. 4, 59–0, 259; *Westmorland W.C.* A Soldier Report. Garden City (N. Y.), 1976. P. 45, 68–71.

71. Военная мысль. 1969. №2. С. 75–76.

72. Авиация и космонавтика. 1970. №11. С. 46–47.

73. Тыл Вооруженных сил. 1990. №11–12. С. 118–119.

74. Цит. по: Военно-исторический журнал. 1971. №1. С. 45.

75. Цит. по: Военно-блоковая политика империализма. С 250.

76. *Laird M.R.* Statement of the Secretary of Defense on the F. Y. 1972–1976 Defense Program and the 1972 Defense Budget. Wash., 1971. P. 17–21.

77. Nuclear Strategy and National Security/R.J. Pranger, R.P. Labrie. Wash., 1977. P. 140.

78. Военный зарубежник. 1961. №9. С. 69; №12. С. 72–75.

79. *President John F. Kennedy.* The Strategy of Peace. London, 1960. Preface.

80. *Kaufmann I.K.* The MacNamara Strategy. N. Y., 1964. P. 92.

81. *Уоскоу А.* Пределы обороны. М., 1964. С. 48–49.

82. *Lapp R.E.* Arms Beyond Doubt. N. Y., 1970. P. 26.

83. *Fryklund R.* 100 millions Lives. Maximum Survival in a Nuclear War. N. Y., 1962. P. 16.

84. Военная мысль. 1962. №7. С. 54–55.

85. Senate Armed Services Committee/Department of Defense Authorization for Appropriations for FY 1981. Part 2. Wash., 1980. P. 549.

86. Бундесвер — армия реванша. М., 1969. С. 250.

87. *Трофименко Г.А.* Стратегия глобальной войны. М., 1968. С. 265.

88. *Митяев В.Г.* Ядерная политика США в НАТО. М., 1973. С. 11, 31, 33–35.

89. *Валерин В.* Мобильные силы НАТО // Зарубежное военное обозрение. 1991. №8. С. 14.

90. *President John F. Kennedy:* To Turn the Tide. London, 1962. P. 5.

91. The Modernization of NATO's Long-Range Theatre Nuclear Forces. Report Prepared for the Subcommittee on Europe and the Middle East. Committee on Foreign Affairs/U.S. House of Representatives. Dec. 31, 1980. Washington, 1981. P. 11.

92. Report of the Secretary of Defense C. Weinberger to the Congress on the F. Y. 1986 Budget. Washington, 1985, Febr. 4. P. 25.
93. *Осзуд Р.* Ограниченная война. Пер. с англ. М., 1960. С. 313–314, 321.
94. Военная мысль. 1964. №9. С. 75–76; 1965. №11 С. 58.
95. FM 100–20. Low Intensity Conflict. Wash., 1981. P. 14.
96. FM 61–100. The Division. Wash., 1965. P. 164–168; DA PAM 355–200–13. The New Army Structure. 1965. P. 2–5, 9; DA PAM 300–216. The Airmobile Division. 1965. P. 3–5.
97. *Rottman G.L.* U. S. Army Special Forces, 1952–1984. London, 1985. P. 3.
98. Department of Defense Annual Report for FY 1963. Wash., 1964. P. 11, 252; *Weigly R.F.* History of the United States Army/Bloomington (Indiana). 1984. P. 529.
99. Что ожидает ВМС США? Пер. с англ. // ВМС в будущей войне: Сб. статей. М., 1964. С. 35.
100. FM 31–22. U.S. Army Counterinsurgency Forces. 1963. P. 3.
101. Военная мысль. 1968. №5. С. 63.
102. FM 31–15. Operations against Irregular Forces. 1961. P. 12; FM 31–22. U.S. Army Counterinsurgency Forces. 1963. P. 15–17; FM 31–73. Adviser Handbook for Counterinsurgency. 1965. P. 7.
103. Statement of Secretary of Defense Robert S. McNamara before Senate Armed Services Committee on the FY 1969–1973 Defense Program and 1969 Defense Budget. Wash., 1968. P. 166–167.
104. Военная мысль. 1967. №6. С. 77–80.
105. Зарубежное военное обозрение. 1974. №12. С. 56–57.
106. США — экономика, политика, идеология. 1972. №12. С. 120.
107. Военный зарубежник. 1961. №10. С. 44, 57–58.
108. Зарубежное военное обозрение. 1979. №3. С. 32–33; 1984. №2. С. 13–16.
109. Военная мысль. 1965. №11. С. 78.
110. Морской сборник. 1969. №12. С. 84; *Whitehurst Cl.* The Defense Transportation System. Wash., 1976. P. 19–21; Defense Transportation Journal. 1972. №1. P. 42.
111. *Арбатов А.Г.* Безопасность в ядерный век и политика Вашингтона. М., 1980. С. 36.

112. *Мильштейн В.* ВПК и внешняя политика США. М., 1975. С. 11, 54.
113. Откуда исходит угроза миру. М., 1982. С. 8, 34.
114. *Newhouse J.* The Cold Dawn, N. Y., 1973. P. 134.
115. Defense Yearbook 1981. London, 1980. P. 143–144.
116. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стенографический отчет. М., 1962. Т. 2. С. 112.
117. *Касатонов И.Ф.* Флот вышел в океан. М., 1996. С. 128.
118. Развивающиеся страны в мировой политике. М., 1970. С. 143.
119. *Rassel B.* Unarmed Victory. Hardmondsworth, 1963. P. 47.
120. *Gaddis J.* We now know. N. Y., 1997. P. 244.
121. Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969. С. 312–313.
122. *Debray R.* Revolution dans la revolution? Paris, 1967. P. 23, 25, 45, 59, 68, 77, 113–115.
123. *Витюк В.В., Эфиров С.А.* «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М., 1987. С. 107.
124. См.: *Пащук В.В.* Латинская Америка: сражающийся континент. Киев, 1987. С. 157–167, 180–195; Латинская Америка: народы против империализма. Прага, 1986. С. 80–86, 145–158.
125. *Жаринов К.В.* Терроризм и террористы. Исторический справочник. Минск, 1999. С. 69–70.
126. *Kaufman J.* L' Internationale terroriste. Paris, 1977. P. 69.
127. *Lee J.* The National Guard and National Security // Military Review. 1972. N 1. P. 9–16.
128. Notes et Etudes Documentaires. № 3722–3723. Chronologie des Evenements de Mai-Juin 1968. Paris, 1970, 28 septembre. P. 3–4; *Joffrin L.* Mai 68. Histoire des Evenements. Paris, 1988. P. 17, 18, 22–26, 74; *Le Monde.* 1968. 4 mai.
129. *Либерман Е.Г.* Экономические методы повышения эффективности общественного производства. М., 1970. С. 22–27.
130. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т.5. С. 376–388, 466–469, 640–645; М., 1970. Т. 7. С. 20–24, 431–447.
131. *Павлов В.* Поражение. Почему захлебнулась косыгинская реформа // Родина. 1995. № 11. С. 68–70.

132. Inquiry Magazine. 1981. April 13. P. 15. Ф. 89. Оп. 2. Д. 2. Л. 3.
133. Российский центр хранения современной документации (РЦХСД). Ф. 89. Оп. 2. Д. 2. Л. 2.
134. Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1995). М., 1995. С. 422.
135. Военная история Отечества с древних времен до наших дней. М., 1995. С. 47.
136. *Брежнев Л.И.* Ленинским курсом. Т. II. М., 1970. С. 329.

Литература к главе 4 «Стратегический паритет»

1. *Арбатов А.Г.* Безопасность в ядерный век и политика Вашингтона. М., 1980. С. 50.
2. *Latham W.* The Modern Volunteer Army Program: the Benning Experiment, 1970–1972. Wash., 1974. P. 4–18, 25–27, 100–106.
3. *Петров Н., Соколов Н., Владимиров И., Катин П.* США и НАТО: источники военной угрозы. М., 1979. С. 59.
4. *Laird M.* Statement of Secretary of Defense on the FY 1972–1976 Defense Program and the FY 1972 Budget. Wash., 1971. P. 62.
5. *Brown J.* Adresses and Statesments. Wsash., 1978. P. 129–130.
6. Report of the Secretary of Defense J.R. Schlesinger to the Congress on the FY 1975 Defense Budget and FY 1975–1979 Defense Programs. Washington, 1974. P. 38–41, 44.
7. *Ball D.* Targeting for Strategic Deterrence. Adelphi Papers 185. London, 1983. P. 19.
8. Зарубежное военное обозрение, 1980. № 11. С. 8.
9. США: военно-стратегические концепции. М., 1980. С. 171.
10. *Халоша Б.М.* Военно-политические союзы империализма. М., 1982. С. 21.
11. U.S. Foreign Policy for the 1970's. A new Strategy For Peace. A Report to the Congress by Richard Nixon President of the United States. Febr. 18, 1970. Wash., 1970. P. 6.
12. Военная сила и международные отношения. Военные аспекты внешнеполитических концепций США. М., 1972. С. 178.

13. Мировая экономика и международные отношения. 1976. № 10. С. 10; 1978. № 1. С. 97; Times. 1979. May 5.
14. *Нечаев И.В.* По ступеням ядерного безумия. М., 1987. С. 122–123.
15. Report of the Secretary of the Defense H. Brown to the Congress, FY 1979. Wash., 1978. P. 18.
16. *Collins J.* American and Soviet Friends. Wash., 1978. P. 2.
17. *Жарков В.* Подготовка ВМС США к новой мировой войне // Военный зарубежник. 1961. № 9. С. 69; *Скиглин В.* Мероприятия американских и английских ВМС по обеспечению океанских и морских коммуникаций // Военный зарубежник. 1961. № 12. С. 72–75.
18. *Владимиров И.* НАТО: 40 лет курсом конфронтации и милитаризма // Зарубежное военное обозрение. 1989. № 3. С. 5.
19. Military Review. 1979. No. 4. P. 50.
20. *Stares P.B.* Command Performance. Wash., 1991. P. 9.
21. Материалы XXVI съезда КПСС. С. 25; NATO Review. 1980. Febr. № 1. P. 25.
22. *Шеин В.С.* США и НАТО: эволюция: эволюция империалистического партнерства. М., 1985. С. 90–91; Armed Forces and Society. 1982. Summer. P. 328.
23. *Владимиров И.* Западная Европа: опасным курсом конфронтации // Зарубежное военное обозрение. 1985. № 1. С. 7.
24. *Владимиров И., Печоров С.* «Ядерный порог» в военной стратегии НАТО // Зарубежное военное обозрение. 1991. № 5. С. 9.
25. Зарубежное военное обозрение. 1973. № 5. С. 20–21.
26. Зарубежное военное обозрение. 1978. № 3. С. 25–26.
27. *Лихоталь А.А.* Атлантический альянс: дефицит ответственности в условиях ядерного противостояния. М., 1987. С. 119; *Строгинов В.* Военная стратегия НАТО — орудие агрессивной политики империализма // Зарубежное военное обозрение. 1987. № 6. С. 9.
28. *Цветков А.* Арктика в планах США и НАТО // Зарубежное военное обозрение. 1985. № 10. С. 7–8.
29. Зарубежное военное обозрение. 1981. № 9. С. 64–65; 1984. № 2. С. 13–16.

30. Annual Report of the Secretary of Defense. July 1, 1958 to June 30, 1959. Wash., 1960. P. 60.
31. Blair B. Command and Control. Wash., 1985. P. 8–10; Annual Report of the Secretary of Defense. July 1, 1959 to June 30, 1960. Wash., 1961. P. 14, 362.
32. Senate Committee on Armed Services. Military Procurement Authorization for FY 1964. Hearings. Wash., 1963. P. 74–75.
33. Secretary of Defense H. Brown. Department of Defense Annual Report for FY 1981. Wash., 1980. P. 142.
34. FM 30–5. Combat Intelligence. 1971. P. 4–14, 4–16.
35. Зарубежное военное обозрение. 1981. № 2. С. 38–39.
36. Pam 18–12. Management Information Systems BASOPS. Wash., 1980. P. 1–1, 2–1.
37. Зарубежное военное обозрение. 1973. № 12. С. 16–18.
38. FM 100–26. The Air Ground Operations System. Wash., 1970. P. 1–1, 3–2, 3–8, 3–9, 3–13.
39. Зарубежное военное обозрение. 1978. № 12. С. 52–53; Department of Defense Annual Report for FY 1965. Wash., 1967. P. 16, 319.
40. Зарубежное военное обозрение. 1976. № 7. С. 50, 74.
41. Постановление Пленума ЦК КПСС. М., 1988. С. 26.
42. Советские Вооруженные Силы. История строительства. М., 1978. С. 466–467.
43. Касатонов И. В. Флот в океане. М., 1996. С. 371.
44. Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение. М., 1995. С. 444.
45. Военный энциклопедический словарь. М., 1986. С. 148.
45. Марковский В. Ил-76 на службе в ВВС. М., 2006. С. 25.
46. Внешняя политика Советского Союза. 1972: Сб. документов. М., 1973. С. 78–79, 83, 85.
47. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении противоракетной обороны // США: экономика, политика, идеология. 1972. № 8 (август). С. 115.
48. Игнатьев И. Объединенное командование ПВО Североамериканского континента // Зарубежное военное обозрение. 1976. № 2 (февраль). С. 56.

49. США: экономика, политика, идеология. 1972. № 8 (август). С. 116.
50. Откуда исходит угроза миру. М., 1982. С. 87.
51. Dulles A. The Craft of Intelligence. London, 1963. P. 161.
52. Военно-исторический журнал. 1993. № 3. С. 75.
53. Владимиров С., Теплов Л. Варшавский договор и НАТО: два курса, две политики. М., 1979. С. 29–30.
54. Cook R. 1997. British Foreign Policy. Mission Statement for the British Foreign and Commonwealth Office, 12.05.
55. Воронцов Г.А. Атлантические отношения и современность. М., 1977. С. 23.
56. The Department of State Bulletin. 1975. February 10. P. 106–107.
57. ЦХСД. Ф. 89. Пер. 25. Д. 1. С. 12–25.
58. Ляховский А. Трагедия и доблесть Афгана. М., 2009. С. 190.
59. Богданов В.А. Афганская война. М., 2005. С. 46.
60. Никитенко Е.Г. Афганистан: От войны 80-х до прогноза новых войн. М., 2004. С. 49.
61. Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 120. Д. 44.
62. Россия (СССР) в локальных войнах и вооруженных конфликтах второй половины XX века. М., 2000. С. 241.
63. Военное искусство в локальных войнах и вооруженных конфликтах. М., 2008. С. 185.
64. Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 82. Д. 179.
65. Declassified/Released on 3–11–93 under provisions of EO 12356 by S. Tilley, National Security Council.
66. Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 120. Д. 44, Л. 42–44.
67. Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 82. Д. 176. Л. 9–17.
68. Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 82. Д. 177. Л. 84–86.
69. Барынькин В.М. Подготовка и ведение боевых действий в условиях горного ТВД. М., 1999. С. 60–61.
70. Авиация и время. 1996. № 4. С. 14.
71. Советская литература. 1990. № 10.
72. Совершенно секретно. 1990. № 7.
73. Гареев М.А. Афганская страда. М., 2000. С. 116–118.

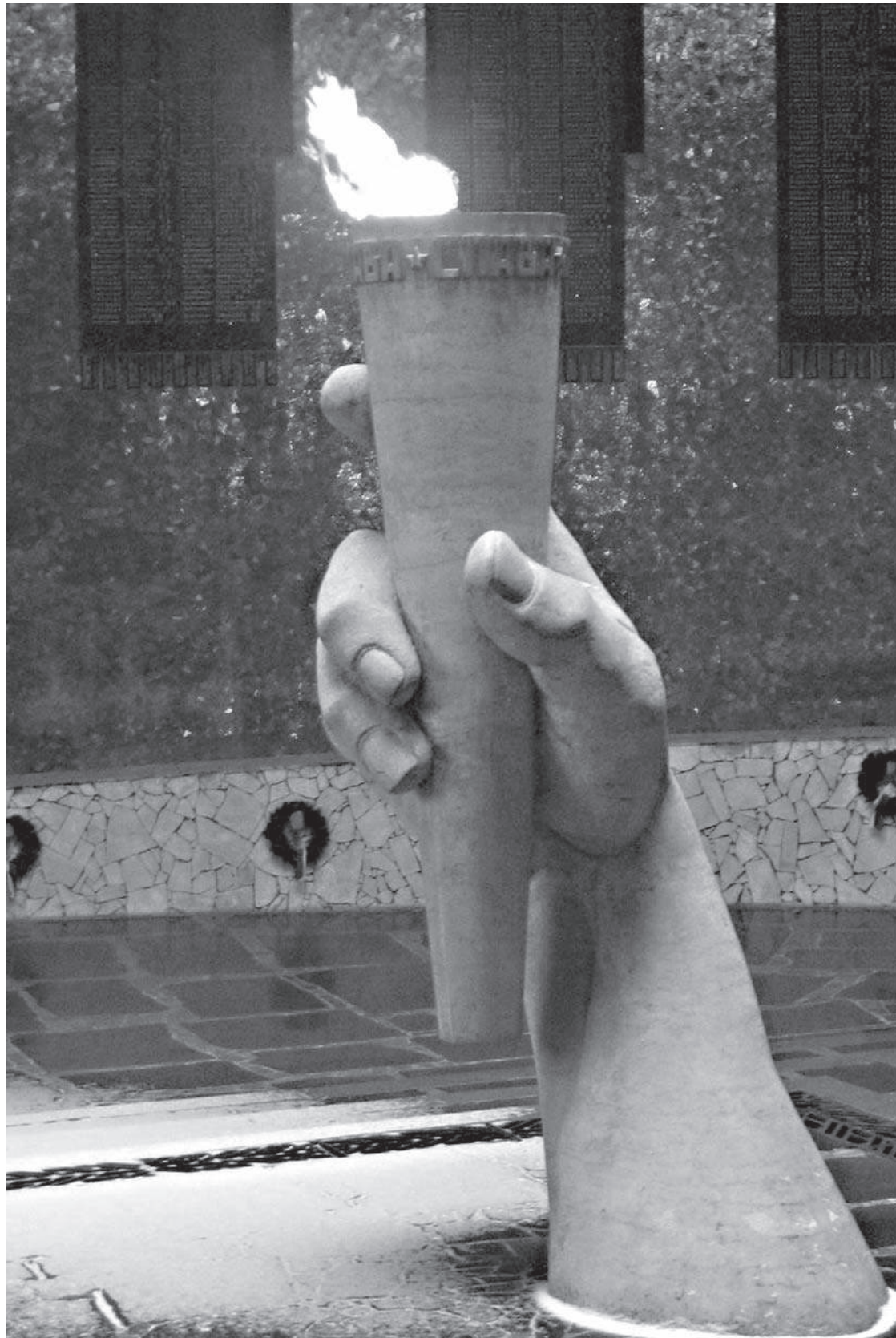
Литература к главе 5 «Последний натиск»

1. Коммунист. 1983. № 17. С. 4–5.
2. Зарубежное военное обозрение. 1982. № 9. С. 8–9.
3. FM 100–20. Low Intensity Conflict. 1981. P. 14.
4. Зарубежное военное обозрение. 1986. № 7. С. 9.
5. Military Review. 1986. July. P. 74–75.
6. Report of the Secretary of Defense C. Weinberger to the Congress, FY 1986. Wash., 1985. P. 69.
7. Senate Armed Services Committee. DoD Authorization for Appropriations for FY 1982/Part 7. Wash., 1981. P. 4210.
8. The SALT II Treaty. Hearings before the Committee on Foreign Relations. U.S. Senate/Part 1. Wash., 1979. P. 303.
9. Strategic Review. 1980, Winter. № 1. P. 13.
10. Report of the Secretary of Defense H. Brown to the Congress on the FY 1981 Authorization Request and FY 1980–1984 Defense Programs. Wash., 1980. P. 6; Report of the Secretary of Defense H. Brown to the Congress on the FY 1982 Budget, FY 1983 Authorization Request and FY 1982–1986 Defense Programs. Wash., 1981. P. 38–41.
11. *Cordsman A.H.* Deterrence in the 1980's. Part 1. Adelphi Papers, № 175. London, 1981. P. 15.
12. *Caviola L.J., Dobby J., Bonita J.* An Analysis of Administration Arms Reduction and Modernization Proposals. Wash., 1984. P. 15.
13. *Blair B.G.* Strategic Command and Control. Wash., 1985. P. 27–28.
14. Военная мысль. 1987. № 5. С. 28.
15. Материалы XXVI съезда КПСС. С. 25; NATO Review, 1980, Febr., № 1. P. 25.
16. Военная мысль. 1980. № 10. С. 28, 31.
17. Государства НАТО и военные конфликты/Под ред. П.А. Жилина. М., 1987. С. 27.
18. Зарубежное военное обозрение. 1985. № 1. С. 7.
19. Военная сила и международные отношения. Военные аспекты внешнеполитических концепций США. М., 1972. С. 178.
20. Nuclear Strategy, Arms Control and the Future/P.E. Haley, D.M. Keithy, J. Merritt. Boulder (Colo.), 1985. P. 311–312.

21. Scientific American. 1984 (251). No. 4. October. P. 30.
22. Военная мысль. 1987. № 4. С. 70–72.
23. Военная мысль. 1987. № 54. С. 33–34.
24. США — экономика, политика, идеология. 1986. № 11. С. 122; Defense 87, November-December. P. 43–44.
25. Strategic Command, Control and Communications: Alternative Approaches for Modernization. Wash., 1981. P. IX–XI, 45.
26. Нечаев И.В. По ступеням ядерного безумия. М., 1987. С. 123.
27. Военная мысль. 1986. № 7. С. 64.
28. Зарубежное военное обозрение. 1988. № 9. С. 13–14; Toward a More Effective Defense/Ph.A. Odeen, A.J. Goodpaster, M.R. Laird. Wash., 1985. P. 7–8.
29. Зарубежное военное обозрение. 1985. № 6. С. 8.
30. *Carlucci C.* Americas Engagement fur Europas Sicherheit // *Europaische Wehrkunde*. 1988. №3. Marz. S. 154–155.
31. Aviation Week and Space Technology. 1988. October 3.
32. Рузаев Н. Американская военно-политическая стратегия «соперничества» // Зарубежное военное обозрение. 1989. № 8. С. 5–6.
33. Зарубежное военное обозрение. 1986. № 5. С. 9, 12.
34. Зарубежное военное обозрение. 1988. № 1. С. 25; FM 7–30. Infantry, Airborne and Air Assault Brigade Operations. Wash., 1981. P. 182.
35. Зарубежное военное обозрение. 1987. № 6. С. 21–23.
36. Military Review. 1985, June. P. 2–14; 1986, January. P. 20, 22–23.
37. Jones R.V. 88: Future of Conflict, New Tecynology. Beverly Hills (California). 1981. P. 61–63.
38. Зарубежное военное обозрение. 1983. № 2. С. 9–10.
39. *Record J.* The Rapid Deployment Force. Wash., 1981. P. 47–48.
40. Перов И. Агрессивная сущность новых концепций США и НАТО // Зарубежное военное обозрение. 1988. № 2. С. 10.
41. Лихоталь А.А. Атлантический альянс: дефицит ответственности в условиях ядерного противостояния. М., 1987. С. 119; Зарубежное военное обозрение. 1987. № 6. С. 9.
42. Зарубежное военное обозрение. 1986. № 1. С. 9–11.

43. Зарубежное военное обозрение. 1985. № 10. С. 7–8.
44. Зарубежное военное обозрение. 1987. № 11. С. 3–4.
45. Доклад министра обороны США К. Уфинбергера конгрессу о военном бюджете на 1988–1989 фин. гг. М., 1987. С. 352–353.
46. Зарубежное военное обозрение. 1987. № 11. С. 4–6.
47. *Симонян Р.Г.* Реальная опасность: военные блоки империализма. М., 1985. С. 162.
48. National Security Strategy of the United States. Washington, 1987. P. 3.
49. Зарубежное военное обозрение. 1988. № 5. С. 3.
50. *Бобров И.* Военно-политический курс США и направленность строительства вооруженных сил // Зарубежное военное обозрение. 1989. № 12. С. 9.
51. Strategic Review. 1980, Winter, № 1. P. 13.
52. Военная мысль. 1987. № 1. С. 69.
53. Зарубежное военное обозрение. 1987. № 6. С. 5.
54. Зарубежное военное обозрение. 1983. № 2. С. 8.
55. *Бабаков А.А.* Вооруженные силы СССР после войны (1945–1986 гг.). М., 1987. С. 237.
56. Откуда исходит угроза миру. М., 1982.
57. Государства НАТО и военные конфликты / Под ред. П.А. Жилина. М., 1987. С. 27.
58. *Владимиров И.* Западная Европа: опасным курсом конфронтации // Зарубежное военное обозрение. 1985. № 1. С. 7.
59. A Report to the Congress by R. Nixon. Washington, 1973. May 3.
60. Report of the Secretary of Defense J.R. Schlesinger to the Congress on the FY 1975 Defense Budget and FY 1975–1979 Defense Programs. Washington, 1974. P. 38–41, 44.
61. Главное управление международного сотрудничества Министерства обороны Российской Федерации (1951–2001 гг.). М., 2001. С. 220.
62. Договор об обычных вооруженных силах в Европе (Справка-анализ). М., 1991. С. 7.
63. *Владимиров И.* Противоречивые итоги // Зарубежное военное обозрение. 1989. № 10. С. 12–13.

64. *Медведев Р.А.* Как начиналась перестройка. М., 2006. С. 122.
65. *Гареев М.А.* Афганская страда. М., 2000. С. 152.
66. *Majcherski J.* Pierwsza dekada III Rzeczpospolitej. 1989–1999. W-wa, 1999. S. 8.
67. Nowe Zycie Gospodarcze, 1999. №21. S. 4.
68. *Червяков А.* Концепция национальной безопасности и некоторые аспекты военной политики Франции // Военная политика западноевропейских стран и НАТО: Сб. статей. М., 1992. С. 47.
69. *Кокеев А.* ФРГ и НАТО // Военная политика западноевропейских стран и НАТО: Сб. статей. М., 1992. С. 71.
70. *Р. Уивер.* Укрепляя безопасность посредством партнерства // Вестник НАТО. Осень 2001. С. 7.
71. *Wallander C.* Institutional Assets and Adaptability: NATO after the Cold War. Manuscript, 1999. P. 31.
72. *Глинский-Васильев Дм.* Расширение НАТО на восток как проблема российской и европейской безопасности // Россия и основные институты безопасности в Европе. М., 2000. С. 101–131.
73. Справочник НАТО. Office of Information and Press. Brussels (Belgium), 2001. С. 79.
74. Безопасность посредством партнерства. NATO Public Diplomacy Division. Brussels (Belgium), 2005. С. 8.
75. *Владимиров И., Печоров С.* «Ядерный порог» в военной стратегии НАТО // Зарубежное военное обозрение. 1991. №5. С. 7.
76. *Charles Barry.* Forging a New Trans-Atlanticism // Reforging the Trans-Atlantic relationship. NDU Press, 1996. P. 195.
77. NATO's Midlife Crisis. The Economist. 1998, December 12. P. 17.

ГЛАВНЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ СОВЕТ

ПОЧЕТНЫЙ ПРЕЗИДИУМ СОВЕТА

А.И. Агеев, д.э.н., профессор, академик РАЕН; **Ю.Ф. Зарудин**, генерал-полковник в/о, Герой Советского Союза; **А.Е. Карпов**, президент Ассоциации фондов мира; **А.А. Кокошин**, д.и.н., академик РАН; **В.Н. Лобов**, генерал армии, д.в.н., профессор, академик РАЕН; **В.И. Марченков**, генерал-полковник, д.п.н., профессор; **В.М. Михалкин**, маршал артиллерии, академик РАН; **В.В. Панов**, д.т.н., профессор, академик РАН; **С.Л. Тихвинский**, академик РАН, почетный президент Национального комитета российских историков; **С.С. Турунов**, адмирал; **В.В. Шикерин**, академик ЕАЕН; **Д.Т.Язов**, Маршал Советского Союза.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА

В.А. Золотарев, действительный государственный советник РФ I класса, д.и.н., д.ю.н., профессор, вице-президент РАЕН, член-корреспондент РАН, президент Ассоциации историков Второй мировой войны.

ЧЛЕНЫ СОВЕТА

Н.В. Абросимов, д.э.н., профессор; **В.П. Баранов**, д.и.н., профессор; **И.И. Белоусов**, д.и.н., **Л.А. Буланов**, член-корреспондент РАЕН, действительный член МАНПО, член-корреспондент МААНОИ; **Журавлев М.М.**, магистр (военная история), **Г.И. Загорский**, д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ; **В.П. Зимонин**, д.и.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН; **Н.В. Илиевский**, академик ЕАЕН, доктор философии Европейского университета; **А.В. Кирилин**, к.и.н., действительный член МАНПО; **А.А. Крылов**, почетный профессор РАЕН; **М.Н. Кожевников**, д.ю.н., академик РАЕН; **Г.А. Куманев**, д.и.н., академик РАН, РАЕН, заслуженный деятель науки РФ; **А.А. Логинов**; **И.И. Максимов**; **А.И. Миренков**, к.и.н., профессор РАЕН, действительный член МААНОИ; **Н.М. Москаленко**, почетный профессор ЕАЕН, член-корреспондент МАНПО; **Н.А. Петухов**, д.ю.н., профессор, доктор права Европейского университета; **Е.Г. Никитенко**, к.и.н., профессор; **Б.Г. Путилин**, д.и.н., профессор, академик РАЕН; **О.А. Ржешевский**, д.и.н., профессор, академик РАЕН, почетный президент Ассоциации историков Второй мировой войны; **А.М. Соколов**, к.и.н., академик РАЕН, вице-президент Ассоциации историков Второй мировой войны; **П.В. Стегний**, д.и.н., профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол; **В.Г. Стрекозов**, д.ю.н., профессор; **А.А. Трубецкой**, почетный профессор и лауреат РАЕН; **Н.В. Усенко**, Герой Советского Союза, к.и.н., профессор РАЕН; **Б.П. Фролов**, к.и.н., член-корреспондент МАНПО; **Е.П. Чельшев**, академик РАН; **А.А. Чурилин**, д.и.н., профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол; **П.А. Шашкин**, к.ф.н.; **А.Б. Шевчук**, д.т.н., профессор; **И.А. Шеремет**, д.т.н., профессор, академик РАЕН, ЕАЕН и МААНОИ.

* Названы последние занимаемые должности в Минобороны РФ, МВД РФ.

Российская Академия наук
Институт экономических стратегий
Центр исследования военно-стратегических
и военно-исторических проблем
Главный Военно-исторический Совет
Научно-экспертное бюро исторических исследований

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА В ДВУХ ТОМАХ

Том 1

Путилин Борис Гаврилович
Золотарев Владимир Антонович

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ДВУХ СВЕРХДЕРЖАВ

Общественно-патриотические проекты
Клуба православных предпринимателей (КПП)
Руководитель, советник президента КПП *М.Р. Прокопюк*
Члены КПП *А.А. Маркин, Ю.В. Смыслов, Р.К. Шарифов*

Ответственный за выпуск
член-корреспондент МАНПО *О.П. Ермилина*
Редактор *Т.Ф. Зарецкая*
Дизайн, верстка *Б.Д. Шульгин*
Корректор *Ю.В. Стрельникова*

Институт экономических стратегий
Телефон издательского центра: (495) 234-4693
E-mail: ines@inesnet.ru
www.inesnet.ru

e-mail: info@profiok.com, www.profiok.com

Русский биографический институт
E-mail: whoiswho@whoiswho.ru
www.whoiswho.ru

РПП ИНЭС Р1406/1123

Тираж 3000 экз.

Холодная война: В 2 т. — (Военная история Российского государства / под ред. В.А. Золотарева) — М.: ИНЭС, РУБИН, 2014.
ISBN 978-5-93618-202-0

Т. 1: Противостояние двух сверхдержав / Путилин Б.Г., Золотарев В.А. — 984 с.
ISBN 978-5-93618-203-7

Что такое холодная война? Была ли она неизбежна? Когда и почему началась? Чем закончилась? Кто несет за нее ответственность? Каковы ее основные события? Вероятны ли рецидивы?

На эти и многие другие вопросы ищут ответы авторы двухтомного издания, предлагаемого вниманию уважаемого читателя. Их подходы и оценки не во всем совпадают, однако они едины в главном: холодная война, определявшая основные политические векторы второй половины XX в., стоила человечеству огромных сил и средств. Это была эпоха системной конфронтации и упущенных возможностей развития, породившая многочисленные локальные войны и глобальные кризисы, чреватые всеобщим апокалипсисом.

Холодная война дает ценнейший фактический материал для анализа прошлого, понимания настоящего и прогнозов на будущее, позволяя сформулировать уроки, которые дает нам история, — уроки, имеющие огромное значение для современного развития России и всего мира.

Книга представляет интерес как для специалистов — историков и политологов, так и для широкого читателя.

УДК 327(47)
ББК 66.4(0)